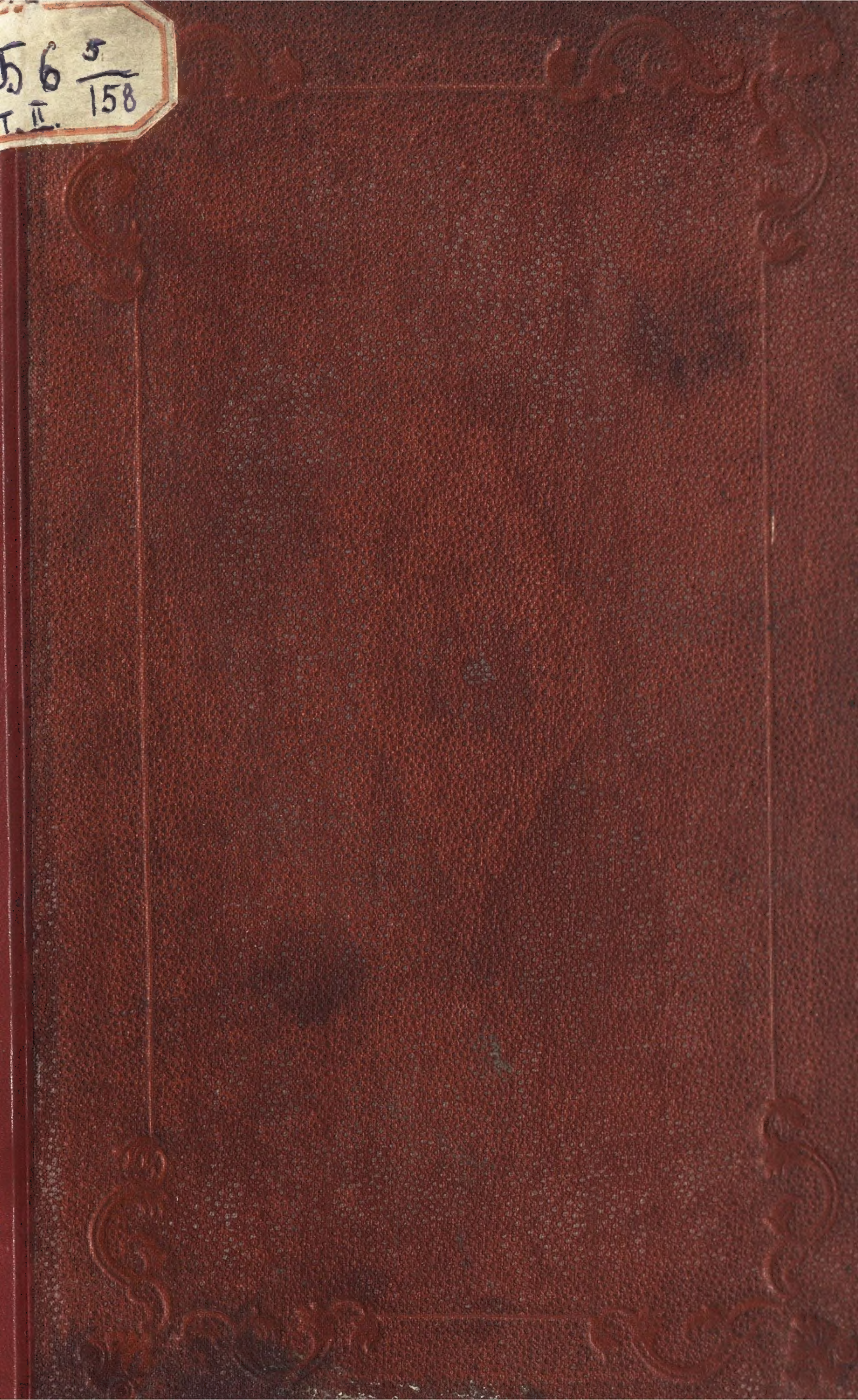
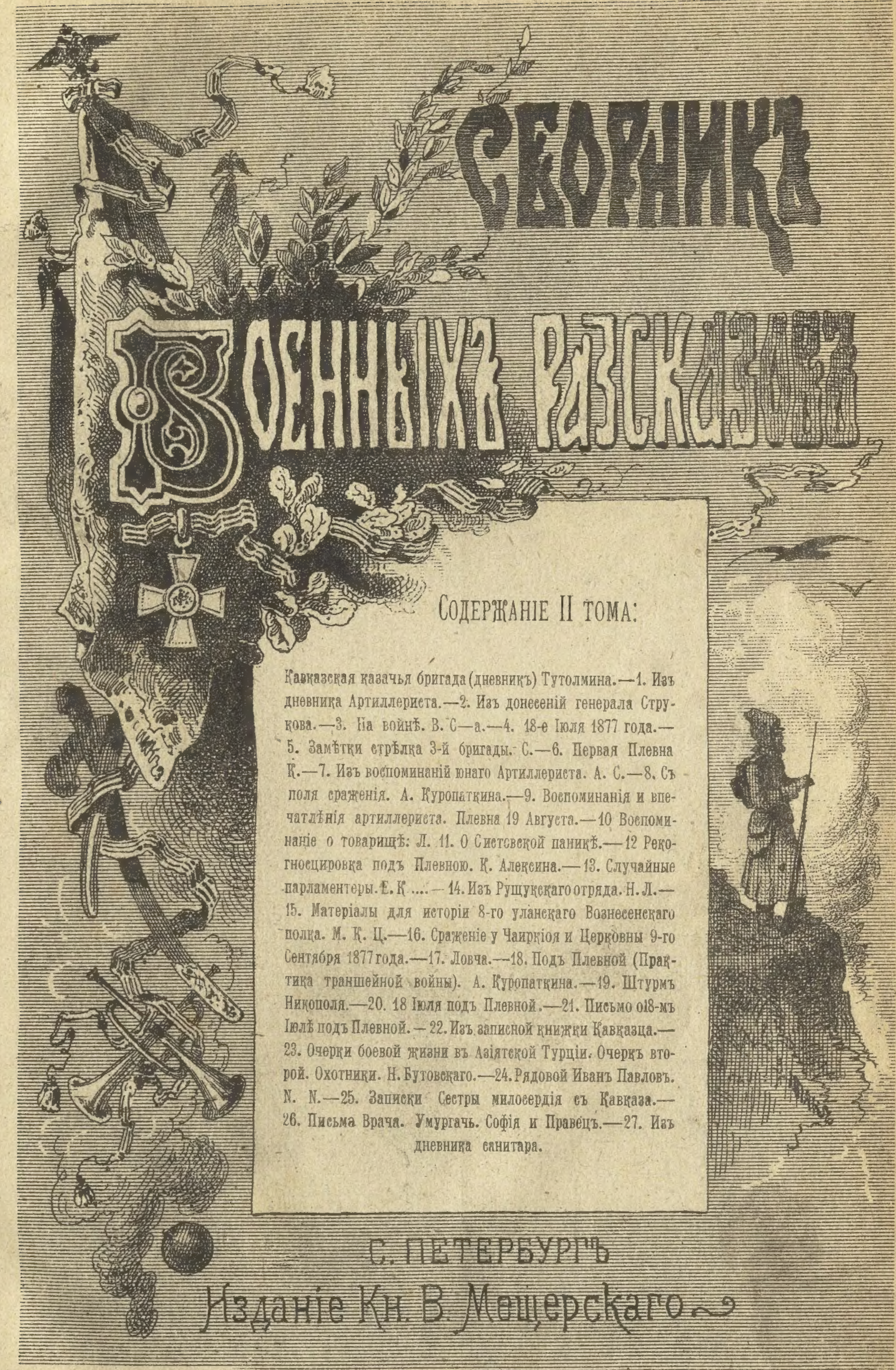
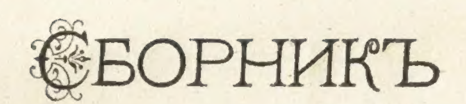

Б 6 5/158
T. II.



Хромолитографія и Типографія А. Траншеля, Стремян. ул. д. № 12.



СБОРНИКЪ

ВОЕННЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ

1877 — 1878

ТИПОГРАФІЯ и ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ

12—Стремянная—12

Гос. Истор. ... б-ка

№ 293283

« ... 193 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Начинаю съ покаянія.—Каюсь въ двухъ винахъ. Во-первыхъ, въ недосмотрѣ, вслѣдствіе спѣшности, при брошюровкѣ I-го тома; во-вторыхъ, въ томъ, что немного запоздалъ выпускомъ втораго тома. Въ ослабленіе первой вины сошлюсь на быстрое удовлетвореніе справедливыхъ жалобъ всѣхъ, заявившихъ мнѣ о недостававшемъ или излишне вложенномъ въ книгѣ листѣ. Въ оправданіе втораго грѣха достаточно сказать, что если читатели получатъ двумя недѣлями *позже второй томъ*, *они за то* выигрываютъ относительно тщательности и исправности изданія.

Появленіе перваго тома доставило намъ много новыхъ сотрудниковъ. Поступили замѣчательные труды отъ крупныхъ дѣятелей войны. Во второмъ томѣ мы помѣстили первую часть записокъ генерала Тутолмина, бывшаго начальника знаменитой Кавказской бригады въ Болгаріи. Обращаемъ вниманіе читателей на этотъ дневникъ, къ коему приложены двѣ карты, и приносимъ глубокую благодарность почтенному автору за честь, сдѣланную изданію; въ этихъ запискахъ читатель найдетъ отраженіе всего перваго

періода Дунайской кампаніи, до первой Плевны включительно, и самую исторію Плевны.

Для дальнѣйшихъ томовъ нами получены: статья о походѣ генерала Дандевиля, статья о походѣ генерала Карцова, и имѣется въ виду получить уже готовую исторію всего похода генерала Скобелева 2-го, отъ Плевны до Адріанополя. Обѣщана намъ исторія всей кампаніи славной 4-й стрѣлковой бригады.

Какъ читатель усмотритъ, во II-мъ томѣ сгруппированы событія на театрѣ войны до конца перваго періода Плевны, то есть, до прибытія и начала дѣйствій гвардіи и отдѣльныхъ Балканскихъ отрядовъ. Поневолѣ пришлось помѣщать статьи въ безпорядкѣ, такъ какъ онѣ получались въ разное время, а книга начала набираться съ конца ноября.

Для Кавказа мы имѣемъ въ виду особый томъ.

Готовъ также матеріалъ для исторіи многихъ отдѣльныхъ полковъ гвардіи и арміи. Эти отдѣльные очерки по полкамъ, доставившимъ таковые, составятъ особый томъ, четвертый, имѣющій быть выпущеннымъ одновременно съ третьимъ, въ началѣ апрѣля.

Вообще, могу увѣрить читателей, что много интереснаго ждетъ ихъ еще впереди, какъ относительно статей, такъ и рисунковъ. Сочувствіе, которымъ почтили и осчастливили нашъ смиренный трудъ—даетъ возможность дѣлать такія смѣлыя обѣщанія читателямъ.

Третій томъ начнется съ Телиша и съ Горняго Дубняка, и посвященъ будетъ періоду до перехода Балканъ, то есть, событіямъ отъ Горнаго Дубняка до взятія Софіи.

Обѣщанная читателямъ большая картина: Государя на позиціи, и другая большая картина: Начальника Рущукскаго отряда, объѣзжающаго Свои позиціи, какъ требующія особеннаго, со стороны издателя, вниманія, помѣщены будутъ при третьемъ томѣ.

При третьемъ-же томѣ будутъ помѣщены списки полковъ, подписавшихся на изданіе и почтившихъ насъ доказательствами своего сочувствія.

Кн. В. Мещерскій.

Февраль, 1879 г.
С.-Петербургъ.

Имѣю честь покорнѣйше просить *каждаго подписчика немедленно* по полученіи сей книги (II томъ) прислать мнѣ увѣдомленіе: желаетъ-ли *онъ* подписаться на *второй выпускъ трехъ томовъ Сборника военныхъ разсказовъ*, то есть *на томъ IV, V и VI*, дабы я могъ знать о количествѣ экземпляровъ, потребныхъ для второй серіи — заблаговременно.

При всемъ желаніи и при всѣхъ усиліяхъ остаться на цифрѣ 8 р., проэктированной въ началѣ итогъ расходовъ такъ великъ, что я никакъ не могу признать ее достаточною. (Одинъ расходъ на даровую премію трехъ акварелей оказывается около 8 — 9 тысячъ рублей).

Условія подписки на вторую серію, то-есть на IV, V и VI т. Сборника слѣдующія:

1) Цѣна по подпискѣ на три тома, въ тѣхъ же приблизительно размѣрахъ, какъ первые

*

три, съ 120 гравюрами и преміею трехъ акварелей П. Соколова — *10 рублей.*

2) Вносы могутъ быть сдѣланы: первый 4 р. въ концѣ марта, второй 3 р. въ концѣ апрѣля, третій 3 р. въ теченіи лѣта до конца августа.

3) Четвертый томъ выйдетъ вмѣстѣ съ третьимъ въ апрѣлѣ, пятый томъ въ маѣ, а шестой, послѣдній, въ сентябрѣ, съ акварелями, которыя раньше сдѣланы быть не могутъ.

4) Желающіе могутъ единовременно вносить 10 рублей.

5) Иногородные прилагаютъ *за каждый томъ* пересылочныхъ за 5 фунтовъ, за 3 тома за 15 фунтовъ.

Полки, подписавшіеся съ разсрочкою на годъ, или на 6 мѣсяцевъ—для пріобрѣтенія второй серіи «Сборника», то есть, томовъ IV, V и VI — пользуются тѣмъ-же правомъ вносить по 1 р. въ мѣсяцъ за каждый экземпляръ, что составитъ съ 1-го января по 1-е марта взносъ или вычетъ съ каждаго подписчика по 1 р.; а съ 1-го марта по 1-е января 1880 года, по 2 р. въ мѣсяцъ.

Итого, значитъ, подписавшіеся на всѣ 6 томовъ получатъ за 22 рубля:

1) Шесть книгъ въ размѣрахъ 250 печатныхъ листовъ съ виньетками (въ IV томѣ будутъ виньетки полковъ).

2) Альбомъ *250 гравюръ*.

3) Альбомъ 17 сепій П. Соколова (выйдетъ при третьемъ томѣ).

4) Галлерея портретовъ 120—150 дѣятелей войны, и

5) Три прекрасныя акварели: башибузукъ, казакъ и взятіе редута, П. Соколова.

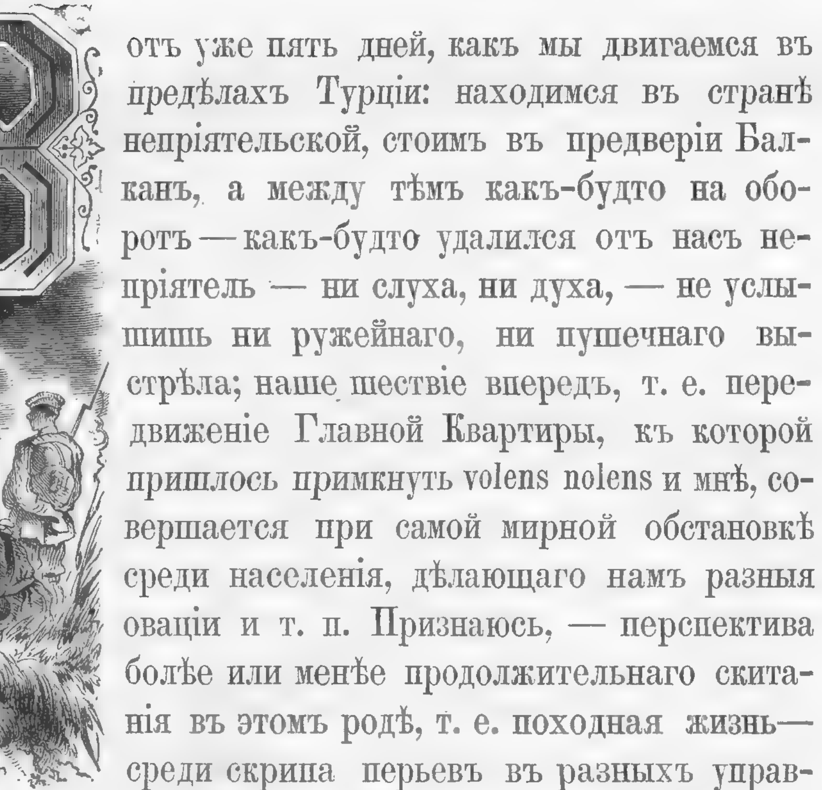
Кн. В. Мещерскій.

Отдѣлъ Первый.

Военныя дѣйствія
въ
Дунайской Арміи.

Изъ дневника Артиллериста *).

Тырновъ, 30-го Іюня.



Вотъ уже пять дней, какъ мы двигаемся въ предѣлахъ Турціи: находимся въ странѣ непріятельской, стоимъ въ предверіи Балканъ, а между тѣмъ какъ-будто на оборотъ — какъ-будто удалился отъ насъ непріятель — ни слуха, ни духа, — не услышишь ни ружейнаго, ни пушечнаго выстрѣла; наше шествіе впередъ, т. е. передвиженіе Главной Квартиры, къ которой пришлось примкнуть volens nolens и мнѣ, совершается при самой мирной обстановкѣ среди населенія, дѣлающаго намъ разныя оваціи и т. п. Признаюсь, — перспектива болѣе или менѣе продолжительнаго скитанія въ этомъ родѣ, т. е. походная жизнь— среди скрипа перьевъ въ разныхъ управленіяхъ, составлявшихъ Главную Квартиру, среди входящихъ и исходящихъ бумагъ—не представляетъ для меня ни малѣйшей привлекательности, и всѣ мои помышленія направляются къ тому, чтобы поскорѣе стать снова въ ряды боевыхъ отдѣловъ арміи.

---

*) Начало этой статьи помѣщено въ томѣ 1-мъ стран. 235.

Но возвращаюсь къ нашему путешествію.

Вмѣстѣ съ полевымъ артиллерійскимъ управленіемъ мы перешли черезъ Дунай 25-го числа. У входа на мостъ, пришлось быть свидѣтелями сцены, глубоко прочувствованной всѣми окружавшими: Государь провожалъ Цесаревича, отправлявшагося съ своимъ отрядомъ подъ Рущукъ, и здѣсь прощался съ Его Высочествомъ... Черезъ нѣсколько времени тронулись и мы, но безъ обоза, который остался на той сторонѣ, ожидая очереди вступить на мостъ. Предстоявшій переходъ былъ не великъ, всего 7 верстъ, до деревни Царевицъ, куда должна была подтянуться вся Главная Квартира, чтобы затѣмъ слѣдовать общимъ эшелономъ.

Въ Царевицѣ мы простояли и слѣдующій день, ничего не зная о дальнѣйшемъ движеніи, какъ вдругъ къ вечеру, около мѣста расположенія Главнокомандующаго, послышались перекаты громкихъ криковъ «ура», причина которыхъ для насъ была неизвѣстна; черезъ часъ разъяснилось однако, что пришло извѣстіе о занятіи нашими войсками древней столицы Болгаріи, г. Тырнова, и вмѣстѣ съ тѣмъ получилось приказаніе о выступленіи на другой день Главной Квартиры далѣе. Вечеръ прошелъ довольно скоро, среди толковъ объ этомъ событіи; передавали, что Тырновъ заняли наши почти безъ боя, такъ какъ турки очистили его при первыхъ же выстрѣлахъ нашихъ орудій.

На другой день, рано утромъ, мы выступили въ деревню Акчаиръ, лежавшую верстахъ въ двадцати-пяти отъ Царевицъ. Главная Квартира на походѣ представляла также живописныя своеобразности. Впереди въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдовалъ небольшой авангардъ изъ казаковъ и часть пѣхотнаго конвоя Главнокомандующаго, за нимъ, въ коляскѣ четверней ѣхалъ Его Высочество, здоровье котораго не позволяло продолжительнаго движенія верхомъ, окруженный наиболѣе приближенными изъ своей свиты; затѣмъ слѣдовалъ штандартъ Великаго Князя, еще нѣсколько экипажей и остальная часть

конвоя. По сторонамъ головы кортежа, въ живописномъ безпорядкѣ и широко разсыпавшись, слѣдовалъ личный составъ Главной Квартиры, въ которомъ пестрѣли весьма разнообразные костюмы: военные, полувоенные, статскіе и даже духовные. Все это съѣзжалось, разъѣзжалось, обгоняло другъ друга, разговаривая между собою, двигаясь впередъ шагомъ подъ звуки игравшей по временамъ музыки, бывшей при казачьей конвойной сотнѣ. Хвостъ кортежа составляла длинная вереница экипажей и повозокъ различныхъ управленій, замыкавшихся наконецъ небольшимъ аріергардомъ.

Въ Акчаирѣ ночлегъ, на слѣдующій день переходъ въ Иванчу, опять ночлегъ, *опять переходъ въ Поликраишти*— ничего особеннаго, ничего выдающагося. Передъ деревнею *Поликраишти* въ Сѣновцахъ, Великаго Князя встрѣтило населеніе съ вѣнками и образами; по близости находился высокій курганъ, около котораго Великій Князь остановился для отдыха и чтобы выждать спѣшившій, на перерѣзъ къ нему, крестный ходъ съ хоругвями, шедшій изъ какой-то лежавшей въ сторонѣ церкви.

Въѣздъ въ Тырново, куда мы прибыли сегодня утромъ, былъ настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ. Верстъ за пять отъ города въ деревнѣ Модель, обитатели смастерили даже нѣчто въ родѣ тріумфальной арки, сквозь которую проходилъ нашъ кортежъ, окруженный толпою мѣстныхъ жителей съ духовенствомъ, при звукахъ звонкихъ ударовъ въ висячія желѣзныя доски, замѣнявшія колокола. Передъ самымъ Тырновомъ начинается длинное, чрезвычайно живописное ущелье, въ концѣ котораго на скалахъ прилѣпились другъ противъ друга два монастыря, эфектно бѣлѣвшіеся въ роскошной зелени. Еслибы это ущелье занять какъ слѣдуетъ, то овладѣніе имъ должно бы стоить немалыхъ жертвъ, но однако турки оставили проходъ совершенно свободнымъ. Въ концѣ ущелья нашъ кортежъ перебрался въ бродъ черезъ извивавшуюся на днѣ его

рѣчку Янтру и очутился у въѣзда въ городъ. Дорога слѣва окаймлялась отвѣсною стѣной изъ небольшихъ скалъ, уступы которыхъ были усѣяны мѣстными обывателями, оглашавшими воздухъ криками «ура» и хлопаньемъ въ ладоши; чѣмъ долѣе мы подвигались, тѣмъ гуще и гуще становились толпы народа, вышедшія на встрѣчу; при въѣздѣ же въ черту города масса жителей буквально запрудила весь путь. Улицы Тырнова и безъ того узкія, а мѣстами и переулки, съ проѣздомъ шириною въ пару лошадей, были наполнены мужчинами, женщинами и дѣтьми, совавшимися подъ ноги лошадямъ, такъ что требовалось величайшее вниманіе, чтобы не задавить когонибудь. Мы двигались, едва-едва подаваясь впередъ, съ безпрестанными остановками, происходившими отъ встрѣчъ и овацій, дѣлавшихся духовенствомъ съ иконами и мѣстной интеллигенціей; на одномъ перекресткѣ, напримѣръ, простояли довольно долго, выслушивая какіе-то стихи, которые пѣлись депутаціей болгарскихъ дѣвицъ въ честь Великаго Князя. Въ окнахъ домовъ, убранныхъ флагами и зеленью, помѣщались въ праздничныхъ нарядахъ городскія обитательницы болѣе высшихъ слоевъ общества, осыпавшія насъ зеленью и цвѣтами. На улицѣ Хаджи Павли воздвигли тріумфальную арку, съ надписью: «добрѣ пришелъ», однимъ словомъ, городъ употребилъ все зависѣвшее, чтобы обставить торжествомъ наше вступленіе въ древнюю столицу Болгаріи.

За городомъ по близости найдены въ нѣсколькихъ мѣстахъ груды ящиковъ съ патронами и снарядами, которыхъ турки, вѣроятно, не успѣли увезти при поспѣшномъ отступленіи, или бросили въ виду изобилія у нихъ подобнаго рода запасовъ, которые, замѣчу мимоходомъ, всѣ весьма высокихъ качествъ, по крайней мѣрѣ, напримѣръ, тотъ порохъ, снаряды и трубки, которые мнѣ удалось лично видѣть.

О непріятелѣ ничего не слышно, знаемъ только, что впереди насъ Гурко съ своимъ кавалерійскимъ отрядомъ, и дѣла-

емъ свои предположенія: скоро-ли попадемъ и мы на ту сторону Балканъ, въ благословенную Долину Розъ!..

7-го Іюля.

Вотъ уже недѣля, какъ мы стоимъ на мѣстѣ; впереди полнѣйшая неизвѣстность, а стоянка здѣсь, въ Тырновѣ, уже наскучила. Въ теченіи этихъ дней мнѣ, впрочемъ, пришлось совершить путешествіе въ Систово и Зимницу, по исполненію командировки, данной начальникомъ артиллеріи княземъ Масальскимъ.

Одною изъ важнѣйшихъ новостей, сообщенныхъ мнѣ еще по дорогѣ въ Систово, было извѣстіе о взятіи нашими Никополя, переданное мнѣ штабомъ 11-го корпуса, съ которымъ я встрѣтился не доѣзжая Царевицъ, и который двигался въ деревню Иванчу. Городъ былъ укрѣпленъ довольно сильно, чему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ особенно благопріятствовали условія мѣстности, дѣлавшія его даже, какъ напримѣръ, со стороны обращенной къ Турну, совершенно неприступнымъ, но когда, 3-го числа, наши войска овлдаѣли нѣкоторыми внѣшними укрѣпленіями, то на другой день гарнизонъ капитулировалъ, не выждавъ предполагавшагося окончательнаго штурма. Говорятъ, что турки объясняли свою сдачу тѣмъ, что сочли отрядъ генерала Криденера, атаковавшій Никополь, за всю русскую армію переправившуюся черезъ Дунай, и считали поэтому полною невозможностью удержать за собою крѣпость. При взятіи города, особенно удачно работала 1-я батарея 31-й бригады и взводъ Донской № 2-го батареи, причинившія турецкимъ войскамъ и артиллеріи огромныя потери, благодаря своимъ мѣткимъ выстрѣламъ. Значительное участіе принимали въ бою и наши осадныя батареи, расположенныя у Турна. Одинъ изъ офицеровъ Турнскаго отряда мнѣ передавалъ потомъ, что имъ были видны съ того берега различныя перипетіи сраженія и

представлялась возможность дѣйствовать по турецкимъ батареямъ, на которыя велось нами наступленіе; онъ говорилъ, что турки очень страдали отъ нашихъ артиллерійскихъ выстрѣловъ: въ трубу можно было напримѣръ наблюдать, какъ ихъ артиллеристы на столько опасались дѣйствія осадныхъ орудій, что при появленіи дыма отъ выстрѣла бросали снаряды на землю и спасались въ выкопанные ровики. Послѣ сдачи Никополя было найдено на берегу Дуная множество артиллерійскихъ запасовъ и патроновъ, которые турки намѣревались затопить, но не успѣли. Вообще, хотя городъ и сдался добровольно, тѣмъ не менѣе въ немъ была значительная партія, требовавшая сопротивленія до конца, и населеніе выказывало явную враждебность, такъ что въ первый день послѣ сдачи, въ дома входить было опасно: старухи бросались съ кинжалами и было нѣсколько случаевъ стрѣльбы изъ оконъ. Въ Никополѣ взятъ въ плѣнъ и капитанъ одного изъ находящихся здѣсь турецкихъ броненосцевъ, который передавалъ, что его мониторъ былъ сильно поврежденъ нашими выстрѣлами у Фламунды и Карабія, а затѣмъ пострадалъ еще во время своей невольной стоянки въ послѣднее время подъ Никополемъ; «увѣрялъ» даже, что и чинить броненосца не стоитъ въ виду большихъ затратъ, необходимыхъ на его исправленіе. Комендантомъ взятой крѣпости назначенъ генералъ Столыпинъ, о которомъ я имѣлъ уже случай упоминать и ранѣе, и который въ послѣднее время состоялъ начальникомъ всей артиллеріи, какъ русской, такъ и румынской, расположенной у Турнъ-Магурелли. Никополь занятъ нашими войсками, такъ какъ румыны отказались исполнить это, ссылаясь на неимѣніе разрѣшенія отъ своихъ палатъ на переходъ черезъ Дунай, за то наши союзники неумолкаемо трубятъ о великомъ значеніи своего участія въ облегченіи дѣла совершившейся переправы, о великомъ значеніи дѣйствія своей артиллеріи въ Калафатѣ и проч. Замѣчу, впрочемъ, мимоходомъ, что въ Калафатѣ они стрѣляли

изъ нашихъ-же, данныхъ имъ, 24-хъ фунтовыхъ пушекъ и 6-ти дюймовыхъ мортиръ, подъ руководствомъ нашего-же офицера, гвардейской артиллеріи штабсъ-капитана Иванова. Впрочемъ, подъ Турномъ стрѣляли и румынскія орудія, но полевыя; причемъ способъ стрѣльбы усвоенъ тотъ, что послѣ выстрѣла вся прислуга ихъ скрывается и остается только одинъ сигнальщикъ, наблюдающій за полетомъ снаряда. Такъ мнѣ передавали по крайней мѣрѣ тѣ, кто имѣлъ случай участвовать въ канонадѣ, стоя непосредственно рядомъ съ румынами, и если нельзя оспаривать упомянутой тактики съ точки зрѣнія лучшаго сбереженія прислуги при орудіяхъ, то съ другой стороны та-же *тактика* едва-ли можетъ способствовать возвышенію *нравственнаго* духа солдата; инстинктъ самосохраненія въ такой формѣ близко граничитъ съ робостью, и легко можетъ переходить въ послѣднюю, будучи поощряемъ безъ настоятельной необходимости. Стрѣляютъ румыны, по общимъ отзывамъ, хорошо, и матеріальная часть артиллеріи содержится у нихъ въ блестящемъ видѣ.

Другимъ замѣчательнымъ эпизодомъ, слышаннымъ мною во время моей командировки, была тревога, происшедшая въ самомъ Систовѣ, своевременно съ атакой Никополя. Тревога эта надѣлала не мало шума въ городѣ, и была результатомъ телеграммы изъ Никопольскаго отряда, предупреждавшей власти на всякій случай, что такъ какъ Никополь атакуется съ западной стороны и, слѣдовательно, отступленіе непріятелю на Плевно или Рахово отрѣзывается, то возможно, что турки могутъ быть отброшены къ Систову, если выйдутъ изъ города. Слухъ о полученіи этой телеграммы разнесся по Систову, но разнесся въ искаженномъ видѣ — что турки уже идутъ на городъ, и находятся даже близко. Началась суматоха: мѣстное населеніе закидалось въ разныя стороны, всѣ начали укладываться, улицы запрудились повозками съ разнымъ скарбомъ, мостовая усѣялась разбросанными вещами, потерянными чемо-

данами; однимъ словомъ начался полный хаосъ, попавши въ который невольно можно было потерять голову. Невозможно было добиться дѣйствительнаго положенія дѣла, все кругомъ бѣгало, галдѣло, не давая себѣ отчета, и суетилось на безъ того узкой улицѣ, на которой и въ спокойное время съ трудомъ разъѣзжаются два экипажа или повозки. Станція походнаго телеграфа, подъ вліяніемъ общей паники, принуждена была также спасать свои аппараты и дѣла, оставивъ въ дѣйствіи только одинъ приборъ съ телеграфистомъ, работавшимъ «на слухъ»; возникъ вопросъ: не нужно-ли, въ виду приближенія непріятеля, начать портить телеграфную линію и т. д. На переправу ринулась масса народа, спасаясь отъ мнимаго непріятеля и запрудила собою мостъ... Слухъ о тревогѣ достигъ даже до Императорской Квартиры, откуда явился гонецъ, чтобы выяснить положеніе дѣла и, конечно, когда начали доискиваться источника всей суеты, то всѣ опасенія рушились сами собою, такъ какъ для нихъ не оказывалось достаточнаго основанія; понемногу все начало успокаиваться и приходить въ обычный порядокъ, хотя конечно многіе послѣ этого не досчитались своихъ растерянныхъ въ общей суетѣ вещей, и долго бѣгали по улицамъ, отыскивая пропавшія пожитки.

13-го Іюля.

На другой день по моемъ возвращеніи, Главную вартиру облетѣло новое радостное извѣстіе — отрядъ генерала Гурко перешелъ черезъ Балканы; Шипка и проходы заняты нами. Поэтому случаю, 8-го числа, на полянѣ передъ Тырновомъ, происходило торжественное молебствіе. Въ девять часовъ утра войска безъ оружія построены были въ каре, посреди котораго виднѣлся маленькій ручной навѣсъ для Главнокомандующаго, аналой съ походною иконой и въ нѣкоторомъ отдаленіи три казака, неподвижно стоявшіе съ тремя турецкими знаменами

(одно большое зеленое и два поменьше), взятыми при овладѣніи проходами. Предварительно генераломъ Левицкимъ былъ прочитанъ войскамъ текстъ телеграммы, отправленной Государю Императору, и краткій очеркъ дѣйствій нашихъ войскъ съ 1-го по 5-е іюля; было сообщено, что проходъ у Шипки былъ защищаемъ восемью таборами турокъ при нѣсколькихъ орудіяхъ, что движеніе генерала Мирскаго заставило бѣжать защитниковъ перевала съ петерею знаменъ и пушекъ, что наши «перешагнули Балканы»... Послѣ чтенія телеграммы начался молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, затѣмъ потрясающее пѣніе вѣчной памяти по павшимъ въ бою и многолѣтіе войскамъ, и наконецъ, громовое «ура» за Государя Императора, провозглашенное Главнокомандующимъ. Всѣ присутствующіе были наэлектризованы, и съ участіемъ провожали глазами колонны войскъ, проходившихъ церемоніальнымъ маршемъ мимо Великаго Князя, тѣмъ болѣе, что между этими войсками были уже части, обкуренныя порохомъ и обстрѣлянныя — Волынскій и Минскій полки, первыми переправившіеся черезъ Дунай въ свѣжую еще для памяти всѣхъ ночь переправы съ 14-го на 15-е іюня; на многихъ солдатахъ блестѣли новенькіе георгіевскіе кресты, невольно съ истиннымъ уваженіемъ останавливавшіе на себѣ вниманіе посторонняго; всѣ были веселы и твердо вѣрили въ новые, въ близкомъ будущемъ, успѣхи нашихъ войскъ, прокладывающихъ намъ путь въ глубь Турціи,—авось и мы скоро покинемъ Тырново.

Тѣмъ не менѣе, наша жизнь здѣсь тянется крайне однообразно. Продолжительный бивуакъ, на относительно тѣсномъ пространствѣ, начинаетъ даже обнаруживать нѣкоторыя неудобства,—когда дуетъ вѣтерокъ съ лагеря, то состояніе воздуха оказывается далеко не благорастворенным. Въ углу площадки, занятомъ бивуакомъ нашего управленія, т. е. непосредственно рядомъ съ нашими палатками, начинаетъ устраиваться кладбище. Въ три дня уже выросли три могилы, могилы

безвѣстныя, безъимянныя, даже безъ креста надъ насыпью... Принесутъ солдатики на носилкахъ гробъ, перекрестятся, прочтутъ молитву и опустятъ товарища въ чужую землю. Пройдетъ годъ, много два, дожди и вѣтеръ сметутъ съ поверхности комки набросанной надъ могилою земли и ничто болѣе не напомнитъ живущимъ о зарытомъ здѣсь русскомъ солдатѣ, развѣ только въ какомъ-нибудь безвѣстномъ уголкѣ Россіи долго будетъ еще поджидать возвращенія схороненнаго здѣсь старуха мать или осиротѣлая семья, творя вечернюю молитву о здравіи ушедшаго на дальнюю чужбину сына или отца.

Признаюсь, на меня эти глухіе солдатскіе похороны, безъ свидѣтелей, безъ священника, производили тяжелое впечатлѣніе!..

Изъ Главной Квартиры періодически высылаются небольшіе отряды къ западу отъ Тырнова, но болѣе или менѣе значительныхъ силъ непріятеля еще не обнаружено по близости. 9-го числа изъ подобной экскурсіи возвратился отрядъ полковника Жеребкова, ходившаго съ казаками и двумя орудіями Донской батареи подъ Ловчу, которую наши и заняли безъ особенныхъ усилій и противодѣйствія со стороны турокъ, оттѣснивъ послѣднихъ изъ города. При возвращеніи отряда въ Тырново казаки, не участвовавшіе въ экспедиціи, сдѣлали товарищамъ церемоніальную встрѣчу — выстроились фронтомъ при ихъ приближеніи и громкимъ «ура» съ музыкой привѣтствовали возвращающихся.

Итакъ пока все успѣхи, дай Богъ и далѣе. До сихъ поръ мы неудачъ не знали, но вотъ недавно пронеслись и тревожные слухи, надняхъ что-то случилось для насъ неблагопріятное подъ Плевной; передавали потихоньку, что 5-я дивизія дня три или четыре тому назадъ совершенно неожиданно наткнулась на превосходныя силы турокъ и наткнулась на столько негаданно, что должна была быстро отступить съ большими потерями, несмотря на то, что самый городъ

уже былъ занятъ нами. Разумѣется, чѣмъ болѣе таинственность окутывала все происшедшее, тѣмъ нелѣпѣе одно другаго передавались извѣстія за достовѣрныя факты, передавали напримѣръ, что цѣлый дивизіонный лазаретъ попалъ въ руки турокъ, что Костромской полкъ потерялъ до девятисотъ человѣкъ и т. д. Впрочемъ, я слышалъ отъ одного изъ служащихъ въ пресловутомъ товариществѣ продовольствія арміи, что обстоятельства, предшествованія столкновенію, были на столько чужды остраго характера, что онъ прибылъ въ то время въ Плевну для организаціи въ ней продовольственнаго магазина, и едва успѣлъ выбраться цѣлымъ, унеся на память дыру въ простреленномъ непріятельскою пулей на немъ платьѣ. Это можетъ отчасти обрисовывать всю неожиданность происшедшаго столкновенія, объ истинномъ положеніи котораго мы ничего до сихъ поръ не знаемъ. Во всякомъ случаѣ кажется выясняется, что на нашемъ правомъ флангѣ находятся значительныя силы непріятеля, а это должно имѣть немаловажное значеніе на наши дальнѣйшія операціи; но нѣтъ худа безъ добра, по крайней мѣрѣ знаемъ, гдѣ врагъ, до сихъ же поръ о турецкой арміи ничего не было и слышно.

22-го Іюля.

Опять восемь дней пришлось провести въ командировкѣ въ тылу арміи, что впрочемъ, пожалуй, даже интереснѣе, чѣмъ житье на мѣстѣ въ Тырновѣ. На этотъ разъ мнѣ довелось побывать въ самомъ Никополѣ, которымъ до сихъ поръ приходилось любоваться издали. Переночевавъ у начальника осадной артиллеріи, бывшаго когда-то моимъ товарищемъ, генерала Моллера, въ Зимницѣ, гдѣ расположенъ паркъ нашей осадной артиллеріи, я къ большому моему удивленію нашелъ себѣ попутчика въ Турнъ—полковника Бильдерлинга, начальника Ижевскаго оружейнаго завода, недавно также прибыв-

шаго въ дѣйствующую армію, въ экипажѣ котораго мы съ комфортомъ пустились въ путь по пыльной дорогѣ на Піатру. Въ послѣдней расположенъ одинъ изъ нашихъ госпиталей, и какъ говорятъ, здѣсь показался уже тифъ. Теперь Турнъ уже не представляетъ никакого интереса въ военномъ отношеніи, батареи сняты, и осадныя орудія стягиваются къ Зимницѣ; сообщеніе съ Никополемъ производится двумя паровыми баркасами и буксирнымъ паромомъ, отъ конца турнской дамбы, подъ руководствомъ и наблюденіемъ нашихъ моряковъ, во главѣ которыхъ стоитъ капитанъ Новосильскій. Въ Турнѣ изъ нашихъ артиллеристовъ я засталъ только Лѣсоваго и Столѣтова, изъ которыхъ первому имѣлъ удовольствіе передать привезенный мною, по порученію начальника артиллеріи, георгіевскій крестъ. Въ тотъ-же день, по пріѣздѣ, мы отправились втроемъ въ Никополь; переѣхавъ черезъ Дунай на паровомъ баркасѣ, заваленномъ печенымъ хлѣбомъ, который транспортировался въ войска девятаго корпуса, мы вышли на турецкій берегъ около нижней части города, болѣе всего пострадавшей отъ бомбардированія нашими батареями и стоящей теперь въ развалинахъ. Судя по остаткамъ нѣкоторыхъ стѣнъ, здѣсь была лучшая часть города, такъ какъ остальная — на горѣ состоитъ изъ весьма невзрачныхъ мазанокъ. На существованіе нѣкоторыхъ домовъ указываютъ теперь только фундаменты, покрытые кучами обгорѣлаго мусора; мѣстами скипѣвшіеся отъ жара пламени пакеты гвоздей, указывали на бывшія тутъ-же лавки, здѣсь-же, на самомъ берегу, еще тлѣлись и дымились кучи зерноваго хлѣба, издававшія ѣдкую вонь и представлявшія остатки турецкихъ складовъ, зажженыхъ нашими снарядами еще мѣсяцъ тому назадъ при началѣ бомбардированія Никополя. Вообще вся приречная часть города представляла однѣ груды развалинъ и, странное дѣло — въ одномъ мѣстѣ намъ невольно бросился въ глаза узкій фасадъ какого-то дома, рѣзко отличавшійся отъ прилегавшихъ къ нему безобразныхъ

обгорѣлыхъ и закопченныхъ руинъ; фасадъ стоялъ цѣлехонекъ несмотря на груды развалинъ, его окружавшія; въ немъ не видно было никакого поврежденія, даже окна остались цѣлы! Удивительная игра случая! всеобщее повальное разрушеніе кругомъ не коснулось этого дома, въ немъ смѣло можно было-бы оставаться во все время канонады, и наблюдать за роковыми фазисами происходившей борьбы; но кто могъ предвидѣть подобную случайность!.. За прирѣчною частью города дорога выступала на подъемъ къ цитадели, подъемъ весьма крутой, длинный и утомительный, особенно при палящей жарѣ полуденнаго солнца. Вотъ наконецъ и верста, за которою гауптвахта и нашъ караулъ, у воротъ мраморная доска съ турецкою надписью гласящею объ имени строителя цитадели, по близости въ сторонѣ весьма солидный редутъ, командующій надъ рѣкою. Два обширныхъ двора въ верхней и нижней части цитадели, отведены подъ склады захваченнаго у турокъ военнаго имущества, и носятъ громкія названія верхняго и нижняго арсеналовъ, изъ коихъ въ первомъ сложено все оружіе и часть артиллеріи, взятой въ Никополѣ, именно орудія новѣйшей конструкціи; а во второмъ преимущественно порохъ и вещи интендантскія. Верхній арсеналъ загроможденъ ящиками съ снарядами и патронами, массой ружей, холоднаго оружія, артиллеріей и проч., разбираемыми и сортируемыми подполковникомъ Драшковскимъ съ его браковщиками. Здѣсь мнѣ впервые удалось близко ознакомиться съ турецкою артиллеріей и признаюсь, что тѣ орудія, которыя собраны въ арсеналѣ, не заставляютъ желать ничего лучшаго, хотя неизвѣстно впрочемъ, много-ли имѣется подобныхъ въ турецкой арміи. Всѣ онѣ, такъ сказать, съ иголочки, изготовлены на заводахъ Круппа съ фирмою Bockum verein не позже 1871-го года; а нѣкоторыя въ 1874-мъ. Число ихъ доходитъ до пятнадцати, изъ коихъ три двадцатичетырехъ фунт. калибра на новѣйшихъ высокихъ лафетахъ, а двадцать—восьми-сантиметровыя; всѣ стальныя, заряжающіяся

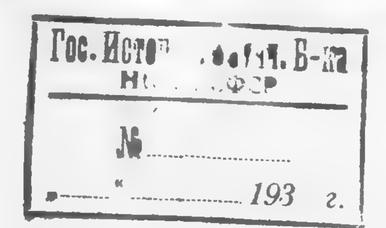
съ казенной части, хотя и не въ полномъ порядкѣ, такъ какъ у многихъ недостаетъ запирающихъ механизмовъ, которые спрятаны турками въ землю, но которые однако понемногу отыскиваются. Восьми-сантиметровыя пушки я осмотрѣлъ подробно и собралъ о нихъ слѣдующія данныя: число нарѣзовъ въ каналѣ — двѣнадцать, замки у однихъ призматическіе, у другихъ цилиндро-призматическіе. Прицѣлы трубчатые, мѣдные, съ дѣленіями на сто-восемьдесять-пять миллиметровъ и боковымъ отклоненіемъ цѣлика на двадцать миллиметровъ, причемъ наибольшая дистанція, по прицѣлу соотвѣтствуетъ тысячи-семисотъ саженямъ. Вѣсъ орудій около трехсотъ киллограммовъ. Подъемный механизмъ состоитъ изъ винта, ходъ котораго таковъ, что при одномъ полномъ поворотѣ получается возвышеніе на пять миллиметровъ по прицѣлу. Лафеты желѣзные, съ колесами безъ ступицъ, вмѣсто которыхъ просто втулки съ двумя шайбами, стягивающими спицы. Снаряды къ орудіямъ подведены почти подъ одинъ вѣсъ, такъ — картечная граната съ дистанціонною трубкой вѣситъ десять фунт. шестьдесятъ-два зол. (вѣсъ трубки—одинъ фунт. восемь зол.), а обыкновенная незаряженная, но съ ударною трубкой — десять фунтовъ семнадцать золотниковъ, слѣдовательно, прибавивъ разрывной зарядъ, получится почти тоже самое. Время горѣнія дистанціонной трубки — десять секундъ; что же касается до трубокъ ударныхъ, то онѣ довольно разнообразны: нѣкоторыя прусскаго образца (съ наперсткомъ), другія — въ родѣ нашихъ полевыхъ и, наконецъ, еще сортъ трубокъ безъ чекъ, въ которыхъ ударный капсюль держится на проволочныхъ осяхъ и воспламеняется при ударѣ о жало или наковальню, помѣщенную въ головкѣ трубки. Что касается заряда, то вѣсъ его составляетъ одинъ фунтъ двадцать золотниковъ мелкаго, высшихъ качествъ пороха.

Но рядомъ съ этою новѣйшею артиллеріей, турки дѣйствовали подъ Никополемъ и изъ мѣдныхъ гладкостѣнныхъ пушекъ,

отлитыхъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и помѣщавшихся на безобразнѣйшихъ неуклюжихъ лафетахъ, напоминавшихъ доброе старое время царя Михаила Θеодоровича. Подобныхъ орудій было найдено въ укрѣпленіяхъ Никопольской позиціи болѣе восьмидесяти; а два изъ нихъ мы лично нашли въ кустахъ въ полѣ, изъ чего слѣдуетъ что упомянутая гладкостѣнная артиллерія служила непріятелю и за полевую, а слѣдовательно, орудій новѣйшей конструкціи у него было недостаточно, по крайчей мѣрѣ въ Никополѣ.

Взобравшись въ цитадель, мы конечно навѣстили и коменданта—генерала Столыпина. Онъ помѣщается въ каменномъ одноэтажномъ домѣ, не столько удобномъ, сколько замѣчательномъ по великолѣпнѣйшему виду, открывающемуся съ балкончика дома на Дунай, Турнъ и окрестности. Съ подобной вышины, имѣя хорошія зрительныя трубы, можно бы было легко слѣдить за всѣми движеніями на противоположномъ берегу, но не знаю, на сколько турки этимъ пользовались, когда Никополь былъ въ ихъ рукахъ. Въ нижнемъ этажѣ комендантскаго дома или, вѣрнѣе сказать, въ полуподвалѣ, помѣщается канцелярія, а по близости на томъ-же дворѣ десятокъ, другой, казаковъ,— вотъ и вся обстановка высшей въ настоящую минуту власти въ Никополѣ. Въ распоряженіи генерала находятся еще два молодыхъ артиллерійскихъ офицера и адъютантъ, составляющіе постоянный кружокъ комендантскаго дома; всѣ они ежедневно обѣдаютъ у коменданта — стараго боевого артиллериста, еще энергическаго, несмотря на свои годы, служаки, и неистощимаго въ тоже время разсказчика разныхъ подъ-часъ ѣдкихъ, изъ прошедшаго и настоящаго времени, анекдотовъ.

Слѣдующій день былъ нами посвященъ объѣзду Никопольскихъ позицій. Характеръ атакованной мѣстности подъ-часъ представлялся на столько грандіознымъ по самымъ подъемамъ и спускамъ, что являлось невольное сомнѣніе въ успѣхѣ атаки, при условіи, чтобы подобная позиція была защищаема соотвѣт-


Гос. Истор. ... Б-ка
№
193 г.

ственно достаточнымъ количествомъ войскъ, но растянутость ея составляла въ противномъ случаѣ слабую сторону. Такъ и было на дѣлѣ,—съ семью тысячами турокъ, взятыхъ въ Никополѣ, такой позиціи отстоять было нельзя, несмотря на сильные редуты съ глубокими рвами, возведенные въ помощь оборонительнымъ условіямъ мѣстности. Какая масса труда положена турками на устройство своихъ земляныхъ укрѣпленій, — мы до поздняго вечера ѣздили по линіямъ послѣднихъ, и все-таки пришлось отложить окончаніе осмотра до слѣдующаго дня. Безконечныя траншеи по высотамъ, командующимъ надъ Дунаемъ, заставляли насъ дѣлать дальные объѣзды, чтобы пробраться далѣе: мѣстами на рѣку были устроены окопы съ двуяруснымь ружейнымъ огнемъ, отсюда производилась та жаркая пальба по плотамъ, сплавлявшимся изъ Осмы къ Зимницѣ, о чемъ я уже разсказывалъ раньше. Большинство редутовъ и люнетовъ обдѣланы очень чисто турами и фашинами, а во многихъ бруствера сложены изъ земляныхъ кубиковъ, на манеръ кирпичной кладки. Пороховые погребки, аппарели и проч.. устроены какъ на показъ; платформы, относительно качества лѣса, мы встрѣтили такія, что приходили въ удивленіе. Дѣйствительно, въ то время, какъ на нашихъ батареяхъ въ Журжѣ и въ Турнѣ даже блиндажи устраивались изъ далеко недостаточной толщины лѣса, да и въ томъ еще оказывался недостатокъ, а на платформы шли доски какія попало, здѣсь мы встрѣтили обиліе досокъ трехъ-дюймовыхъ также отъ платформъ, но турецкихъ; по клеймамъ на доскахъ было видно однако, что лѣсъ весь привозный, такъ какъ, дѣйствительно, въ Болгаріи его не имѣется, но во всякомъ случаѣ это не лишено своего значенія, относительно заботливости непріятеля. Мы на столько цѣнили подобную находку, что при себѣ заставляли румынскіе караулы въ редутахъ складывать доски въ кучи въ одно мѣсто, чтобы послѣ сплавить ихъ по Дунаю къ Зимницѣ, при содѣйствіи соотвѣтственныхъ властей. По всѣмъ укрѣпленіямъ стояли еще не-

убранныя старыя орудія, множество ящиковъ съ патронами, боченки съ порохомъ, и въ нѣкоторыхъ оказались и герметически запаянныя жестянки съ призматическимъ порохомъ, на которыхъ были обозначены иностранныя клейма. Запасовъ видимо вдоволь и всѣ отличныхъ качествъ.

Собственно, какъ городъ, Никополь не представляетъ ничего любопытнаго, уступая въ этомъ отношеніи даже Систову, но мѣстоположеніе его красивѣе. Непосредственно городской характеръ имѣетъ только нижняя, прирѣчная часть, а остальная складомъ своимъ смахиваетъ на большую деревню. Историческихъ памятниковъ нѣтъ, и только внизу у одного дома бросились въ глаза древній барельефъ и облики какихъ-то статуй, валявшіеся у воротъ. Барельефъ, повидимому, очень древній, состоитъ изъ большой тяжелой плиты, съ высѣченнымъ на ней изображеніемъ человѣческой фигуры въ классической римской одеждѣ, съ сложенными на крестъ руками, ноги и руки у нея обнаженныя.

Въ послѣднее наше посѣщеніе Никополя, 19-го числа, мы застали коменданта весьма озабоченнымъ, вслѣдствіе тяжелыхъ извѣстій, полученныхъ отъ командира 9-го корпуса, генерала Криденера. Оказалось, что наконецъ была произведена нашими войсками атака на Плевну, которая окончилась полною неудачей и Криденеръ прислалъ извѣстіе въ Никополь, что онъ долженъ отступить къ деревнѣ Булгарени. Въ Плевнѣ оказывались значительныя турецкія силы, прибывшія съ Османомъ-пашей изъ Виддина, и такъ какъ дорога изъ Плевны на Никополь теперь дѣлалась открыта, то являлось опасеніе за безопасность послѣдняго со стороны турокъ. Впрочемъ, энергическій комендантъ не унывалъ, и принималъ мѣры къ защитѣ, возможныя въ его положеніи и съ его слабыми средствами: нѣсколько вполнѣ исправныхъ турецкихъ орудій были вывезены изъ арсенала и поставлены на позицію въ сторонѣ, откуда можно было ожидать турокъ; по дорогамъ дѣлались развѣдки и

проч. Во всякомъ случаѣ Столыпинъ рѣшился не сдаваться, еслибы дѣла его приняли на столько критическій оборотъ и объявилъ что не остановится въ крайности взорвать даже цитадель... Въ Никополѣ оставалось много мусульманскаго населенія и масса, кромѣ того, расположилась за чертой города, изъ числа возвращающихся городскихъ обывателей, въ среду которыхъ уже проникли слухи о нашей неудачѣ подъ Плевной, и конечно въ размѣрахъ сильно преувеличенныхъ; при такихъ условіяхъ возстаніе враждебнаго населенія являлось обстоятельствомъ также весьма возможнымъ, даже въ случаѣ неосновательнаго извѣстія о приближеніи непріятеля къ городу, и все это въ совокупности наполняло атмосферу комендантскаго дома какимъ-то тяжелымъ чувствомъ томительнаго ожиданія чего-то грознаго, хотя и не выяснившагося... Въ цитадели находится маленькій садикъ, который былъ въ шутку прозванъ château des fleurs,— въ немъ Столыпинъ приказалъ играть музыкѣ, чтобы не дать замѣтить населенію города какихъ-либо тревожныхъ опасеній съ нашей стороны, но въ то же время бдительность была удвоена и вообще всѣ, что называется, были на чеку.

При такихъ обстоятельствахъ мы, 19-го вечеромъ, оставили Никополь, пожелавъ отъ души коменданту и прочимъ, всего хорошаго. У всѣхъ на умѣ и на языкѣ была Плевна, съ которою уже второй разъ связываются воспоминанія кровавыхъ неудачъ послѣ цѣлаго ряда быстрыхъ успѣховъ. Въ чемъ причины, какія подробности—никому ничего неизвѣстно.

Въ Зимницу мы вернулись поздно ночью часу во второмъ, и на первыхъ-же порахъ были удивлены извѣстіемъ, сообщеннымъ человѣкомъ Бильдерлинга, о повтореніи систовской тревоги, описанной уже мною выше и явившейся теперь вторично результатомъ упомянутой неудачи Криденера подъ Плевною. Слухъ о несчастіи уже облетѣлъ Систово и Зимницу, но никто не зналъ въ чемъ именно дѣло, почему при отсутствіи достовѣрныхъ свѣдѣній невольно развивалась воспріимчивость къ извѣстіямъ,

въ сущности мало даже имѣвшимъ вѣроятія. Такимъ образомъ, новый слухъ о приближеніи турокъ къ Систову попалъ на почву вполнѣ подготовленную, и быстро разроcся до неимовѣрныхъ размѣровъ, сбившихъ съ толку людей даже не легковѣрныхъ. Замѣчательно при этомъ, что новая тревога разразилась главнѣйшимъ образомъ на лѣвомъ берегу Дуная—въ Зимницѣ. По мосту съ той стороны проскакалъ пьяный казакъ и пробѣжали нѣсколько болгаръ, съ криками что идутъ турки!... Извѣстіе моментально было подхвачено и разлетѣлось во всѣ стороны, съ дополненіями, что турки уже на переправѣ и овладѣли мостомъ... Въ Зимницѣ начался хаосъ: множество мѣстныхъ обывателей бросились бѣжать изъ города, подводчики побросали свои повозки и выпрягши лошадей, ускакали верхами, разнося панику по окрестностямъ, такъ что изъ расположенныхъ въ послѣдней госпиталей начали, какъ говорятъ, вывозить даже раненыхъ; въ городѣ поднялась невообразимая суматоха, начали собирать наличныя военныя команды и т. д. Все конечно незамедлило оказаться вздоромъ и виновники кутерьмы, какъ говорятъ, схвачены для преданія суду.

Проѣздомъ черезъ Систово, на обратномъ пути, пришлось встрѣтиться съ печальною процессіей длиннаго ряда повозокъ, наполненныхъ блѣдными страдающими лицами... Прибылъ первый транспортъ съ ранеными изъ подъ Плевны. Глядя на эти жалкія каруцы, въ которыхъ тряслись на соломѣ несчастные страдальцы, невольно приходилъ въ голову вопросъ—гдѣ-же тѣ покойныя рессорныя повозки для перевозки раненыхъ, образцами которыхъ мы любовались въ мирное время; гдѣ всѣ тѣ приспособленія для телѣгъ съ тою-же цѣлью, о чемъ столько трубили въ газетахъ передъ войною?... Провезли въ Систово значительное количество и другихъ, но безгласныхъ свидѣтелей плевненской неудачи 18-го іюля—испорченныя орудія и ящики, доставленныя въ передовой артиллерійскій запасъ для обмѣна. Я осмотрѣлъ шесть пушекъ: въ трехъ изъ нихъ попорчены ка-

налы отъ разрыва гранатъ и одну даже раздуло въ разстояніи около аршина отъ дула; у другихъ замѣтенъ сальный прогаръ металла на срѣзахъ камерныхъ втулокъ, и у одной этотъ срѣзъ очевидно, испорченъ ударомъ чѣмъ-нибудь твердымъ. Многія поврежденія носятъ очевидные слѣды недостаточнаго ухода за орудіями, какъ во время стрѣльбы, такъ и послѣ. Привезенъ еще и зарядный ящикъ, приведенный въ негодность ударомъ непріятельскаго снаряда и притомъ довольно замѣчательнымъ образомъ—онъ прострѣленъ немного выше дна и притомъ сбоку; удивительно, что его при этомъ не взорвало, или быть можетъ въ моментъ удара турецкой гранаты, онъ уже былъ пустъ. Пораженіе ящика сбоку можетъ также имѣть свое значеніе, наводя на разныя по этому поводу соображенія...

За обѣдомъ въ одномъ изъ ресторановъ Систова, которыхъ здѣсь теперь развелось множество, можно было услышать различныя подробности о дѣлѣ 18-го іюля, передававшіяся разными пріѣзжими лицами, но эти подробности суть достоянія будущаго, когда нынѣшнія событія безпрепятственно будутъ подлежать исторической критикѣ, теперь-же можно сказать лишь то, что всѣ эти разсказы производили крайне тяжелое, подавляющее впечатлѣніе. Рядомъ съ ними. какъ яркія блестящія пятна на темномъ фонѣ, передавались подвиги высокаго самоотверженія отдѣльныхъ лицъ, какъ напримѣръ. командира Шуйскаго полка барона Каульбарса: въ то время когда онъ, стоя пѣшій передъ своимъ полкомъ начинавшимъ атаку, ободрялъ своихъ людей, непріятельская граната оторвала ему ногу и онъ упалъ; солдаты кинулись было къ нему, но онъ не позволилъ нести себя и потребовалъ, чтобы ему оставили только заряженный револьверъ. Полкъ кинулся впередъ, но атака была отбита; въ это время Каульбарса поразила еще пуля, но онъ все-таки былъ живъ и нашелъ въ себѣ еще на столько силъ, чтобы сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ изъ револьвера въ турокъ, по отступленіи своихъ солдатъ, которымъ онъ и теперь

не далъ себя взять, чувствуя свой конецъ. Наскочившій непріятель изрубилъ Каульбарса, павшаго, такимъ образомъ, смертью героя. Подобные случаи высокаго проявленія долго проливаютъ утѣшеніе въ душу, заставляютъ вѣрить, что несмотря на неудачу, на несчастье, армія, въ которой заключаются такіе элементы, не можетъ въ концѣ концовъ проиграть своего дѣла; что причины неудачи настоящей кроются въ какихъ-нибудь побочныхъ обстоятельствахъ, къ устраненію которыхъ будутъ приняты надлежащія мѣры людьми, держащими въ рукахъ высшее руководство всѣми военными операціями и т. д.

Много подобнаго пришлось передумать въ длинные часы проведенные мною на обратномъ пути въ Тырново, особенно ночью въ теченіе, которой я ѣхалъ не останавливаясь, въ виду прошедшаго въ Систовѣ слуха, что Главная Квартира перешла уже въ другой пунктъ изъ Тырнова. Въ Систовѣ ко мнѣ присоединился попутчикомъ нѣкто Кехли, ѣхавшій въ Главную Квартиру волонтеромъ для поступленія въ Кубанскіе казаки; съ нимъ вмѣстѣ мы благополучно добрались до Тырнова, гдѣ къ удовольствію нашему узнали, что Главная Квартира и не думала еще трогаться съ мѣста, а поводомъ къ слухамъ объ ея переходѣ послужилъ отъѣздъ Главнокомандующаго съ частью своего штаба подъ Плевну, положеніе дѣла подъ которою, принимаетъ все болѣе и болѣе серьезный оборотъ. Съ Великимъ Княземъ уѣхалъ туда же и начальникъ артиллеріи.

24 Іюля.

Сегодня мнѣ удалось получить довольно обстоятельныя свѣдѣнія объ атакѣ Плевны 18-го іюля, которыя и спѣшу занести въ мой дневникъ, какъ драгоцѣнное повѣствованіе очевидцевъ, участвовавшихъ въ бою въ составѣ войскъ 11-го корпуса. Согласно диспозиціи, къ деревнѣ Радишево былъ выдвинутъ авангардъ, состоявшій изъ двухъ колоннъ: правая — изъ

126-го полка 1-ой и 3-ей батареи 32-ой артиллерійской бригады, и лѣвая—изъ двухъ баталіоновъ 125-го полка, 4-ой батареи и дивизіона 6-ой батареи той-же бригады; тамъ эти колонны поступили подъ общее начальство генералъ-маіора Горшкова и выстроились, какъ будетъ упомянуто ниже; главныя-же силы, состоявшія изъ 117-го и 118-го полковъ, съ 1-ой, 3-ей и 5-ой батареями 30-ой артиллерійской бригады, расположились въ лощинѣ на юго-востокъ, не переходя дороги изъ деревни Сгалевицы въ Радишево.

Упомянутая въ составѣ авангарда 1-ая батарея 32-ой бригады была выдвинута на позицію; лѣвѣе ея сталъ 1-ый баталіонъ 126-го полка, а правѣе — двѣ роты 2-го баталіона; 3-ій баталіонъ составлялъ резервъ. Западнѣе упомянутаго 1-го баталіона расположилась 3-ья батарея 32-ой бригады. Такимъ образомъ, весь 126-й полкъ съ 1-ою и 3-ей батареями находился сѣвернѣе деревни Радишево.

Лѣвая колонна авангарда расположилась такъ, что впереди и сѣвернѣе Радишева стала 4-ая батарея съ дивизіономъ 6-ой, имѣя лѣвѣе 1-ый баталіонъ 125-го Курскаго полка, 2-ой же баталіонъ послѣдняго остался въ резервѣ.

Позиція турокъ съ этой стороны представлялась отъ Буковой-Липы до Гривицы; она была сильно укрѣплена: на командующей высотѣ Буковой-Липы виднѣлась сильной профили батарея, другая между Плевною и Гривицею сѣвернѣе шоссе, и третье укрѣпленіе было восточнѣе. Затѣмъ, юго-западнѣе Гривицы находилось четвертое и, еще западнѣе—пятое. Между этими укрѣпленіями стояли небольшими частями полевыя батареи.

Подходя къ Радишеву слышна была канонада со 2-го и 3-го укрѣпленій, какъ надо полагать, противъ войскъ 9-го корпуса.

Едва 125-й и 126-й полки заняли свои позиціи и наши батареи открыли огонь, какъ турки съ своей стороны открыли

канонаду съ 4-го и 5-го укрѣпленій и завязался артиллерійскій бой до двухъ съ половиною часовъ пополудни, при этомъ огонь 1-ой и 3-ей батарей былъ направленъ противъ укрѣпленія 4-го, а батарей 4-ой и 6-ой—противъ 5-го.

Наша пѣхота огня еще не открывала, по дальности разстоянія, но турецкіе стрѣлки скрытно подкрадывались съ лѣвой стороны, стараясь взять во флангъ наши батареи и прикрытіе изъ 1-го баталіона 125-го полка, почему объ этомъ движеніи турокъ было послано донесеніе командиру корпуса, съ просьбою поставить изъ общаго резерва одну роту лѣвѣе упомянутаго 1-го баталіона. Вмѣстѣ съ этимъ подкрѣпленіемъ была прислана и 1-ая батарея 30-ой бригады, которая стала въ резервѣ, въ лощинѣ у Радишева. Турки дѣйствовали орудіями дальняго боя и, повидимому, съ дистанцій точно опредѣленныхъ, такъ какъ каждый выѣздъ нашихъ батарей былъ встрѣчаемъ съ ихъ стороны мѣткимъ огнемъ, но надо сказать, что и наши батареи, въ свою очередь, весьма скоро пристрѣливались и, дѣйствуя сосредоточенными выстрѣлами противъ назначенныхъ имъ цѣлей, вскорѣ ослабили огонь укрѣпленія № 4-го, такъ что въ помощь послѣднему турки выставили западнѣе его еще шесть пушекъ. Орудія эти, стоя открыто, вынуждены были однако отойдти черезъ полчаса за укрѣпленія, изъ котораго огонь хотя и слабый, все-таки продолжался. Выстрѣлы турецкихъ орудій были направлены преимущественно противъ позицій, занимаемыхъ 3-ею, 4-ою и 6-ою батареями 32-ой бригады, почему послѣднія несли потери и отъ фронтальнаго и отъ флангового огня. Наиболѣе пострадала 4-ая батарея, которая вслѣдствіе этого была снята съ позиціи и замѣнена 1-ою батареей 30-ой бригады, пристроившейся правѣе 3-ей батареи 32-ой бригады.

Около двухъ съ половиною часовъ пополудни было усмотрѣно движеніе, какъ надо полагать со стороны 9-го корпуса, по направленію на укрѣпленія 2-ое и 3-ье, причемъ войска на-

ши выстраивались юго-восточнѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, къ сторонѣ Плевны и далѣе на западъ, было замѣчено усиленное движеніе турецкихъ обозовъ и получено приказаніе отъ начальника всего отряда, барона Криденера, около трехъ съ половиною часовъ начать съ нашей стороны атаку. Наступленіе открыла пѣхота по мѣстности, заросшей густымъ кустарникомъ, который покрывалъ сѣверный скатъ нашей позиціи, выйдя изъ которыхъ наши стрѣлки были встрѣчены сильнѣйшимъ огнемъ турокъ, занимавшихъ ровики и траншеи впереди 4-го и 5-го укрѣпленій. Цѣпь наша, постепенно сгущаясь и перебѣгая отъ закрытія къ закрытію, бросилась въ атаку на ровики, которые турки быстро очистили и отступя, въ траншеи, заняли сплошь послѣднія, откуда открыли по нашей цѣпи убійственный непрерывный огонь. Страшный градъ пуль не удержалъ, впрочемъ, стремительности нашей атаки; несмотря на огромныя потери, нижнія траншеи были взяты на правомъ флангѣ 126-мъ полкомъ, а на лѣвомъ—125-мъ. Вслѣдъ за тѣмъ, 126-ой полкъ, собравшись въ виноградникахъ и кукурузѣ, кинулся снова въ атаку, несмотря на усиленный огонь турецкой пѣхоты изъ слѣдующихъ траншей и укрѣпленія № 4-го; турки были выбиты и отсюда и наши ворвались въ укрѣпленіе, изъ котораго непріятель однако успѣлъ вывести уже десять полевыхъ орудій, вѣроятно, впрочемъ, подбитыхъ, такъ какъ передъ атакою онѣ уже почти не отвѣчали на наши выстрѣлы; два орудія однако остались и были взяты 126-мъ полкомъ, а за эполементомъ былъ найденъ передокъ, зарядный ящикъ, патроны и пороховой погребокъ.

Наступленіе 125-го полка происходило по мѣстности, представлявшей менѣе закрытій; кромѣ того здѣсь непріятель держалъ большіе резервы въ виду обезпеченія своего пути отступленія. Правый флангъ 125-го полка, войдя въ связь съ 126-мъ, бросился въ атаку на ложементы и траншеи передъ укрѣпленіемъ № 5-й, пространство за которыми было покрыто кукурузой и виноградниками, способствовавшими медленному

отступленію турокъ, и дававшими возможность встрѣчать атаки убійственнымъ огнемъ. Не взирая на это однакожъ, роты 125-го полка дружнымъ натискомъ заняли ложементы и, несмотря на потери въ начальникахъ и нижнихъ чинахъ, выбили турокъ изъ виноградниковъ и овладѣли укрѣпленіемъ № 5-й, изъ котораго непріятель успѣлъ вывезти все-таки свои орудія. На лѣвомъ флангѣ 125-го полка наступленіе шло слабѣе по причинѣ страшнаго, сосредоточеннаго огня турокъ изъ нѣсколькихъ ярусовъ траншей, передъ которыми еще тянулись непрерывные ровики, наполненные стрѣлками; лишь только наши начинали приближаться къ траншеямъ, тотчасъ-же сомкнутыя части турокъ встрѣчали ихъ *залпами*, а во флангъ брали башибузуки. Вслѣдствіе этого, на подкрѣпленіе посланъ былъ изъ резерва баталіонъ 118-го Шуйскаго полка, а артиллерія лѣваго фланга выдвинута нѣсколько впередъ и подкрѣплена 5-ою батареей 30-ой бригады, послѣ чего нашъ лѣвый флангъ подался впередъ и, проникая влѣво къ городу Плевнѣ, овладѣлъ высотою, чему способствовали еще, независимо отъ этого, расположеніе 3-ей батареи 30-ой бригады, которая нѣсколько ранѣе заняла позицію западнѣе укрѣпленія № 4-го и отсюда мѣткимъ огнемъ заставила турокъ подать назадъ свой лѣвый флангъ. Свѣжіе резервы непріятеля, однако, снова оттѣснили нашихъ; но когда въ подкрѣпленіе прибыли еще два баталіона 118-го и два баталіона 117-го полковъ и 3-ья батарея 32-й бригады пристроилась правѣе 30-й бригады, то нашъ лѣвый флангъ на столько опять подался впередъ, что отдѣльныя звѣнья стрѣлковъ ворвались даже въ предмѣстье Плевны. Въ это время турецкая кавалерія и нѣсколько пѣхотныхъ таборовъ, появились съ фронта и фланга заставили нашихъ остановиться; турки перешли въ наступленіе и наши, не имѣя болѣе резервовъ, снова вынуждены были податься лѣвымъ флангомъ назадъ. Одновременно съ этимъ, турецкая кавалерія атаковала и нашъ правый флангъ, но послѣдній, отбивая ея атаки, продолжалъ наступленіе, несмотря на огромныя по-

тери въ людяхъ и офицерахъ отъ сильнаго ружейнаго огня непріятеля.

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда насильно тѣснимый нашъ лѣвый флангъ былъ направленъ послѣдній баталіонъ 117-го полка. Прибытіе его не въ состояніи было, однако снова возстановить успѣхъ, а между тѣмъ уже наступала темнота, почему сначала были сняты съ позиціи 3-ьи батареи 30-й и 32-й бригадъ, затѣмъ постепенно снялась 1-я, 4-я и дивизіонъ 6-й батареи 32-й бригады, а на лѣвомъ флангѣ для прикрытія отступленія осталась 5-я 30-й бригады, которая, перемѣнивъ два раза позицію, перемѣстилась ближе къ центру и здѣсь остановилась, прикрытая пѣхотою. Сюда же начали собираться и люди съ лѣваго фланга.

Въ девять часовъ бой окончательно смолкъ; оставшіяся войска начали выстраиваться на той же занятой, во время боя позиціи, и затѣмъ отступили черезъ деревню Пелишатъ на Порадимъ. Арьергардъ-же отступилъ на другой день, утромъ.

Таковы общія черты злополучнаго дня 18-го іюля, составляющія, конечно, лишь канву всего происходившаго—канву, узоры которой заключаются въ тысячѣ роковыхъ подробностей, хранящихся пока въ воспоминаніяхъ участниковъ боя. Записываю еще разсказъ одного изъ офицеровъ 32-й артиллерійской бригады, участвовавшаго въ сраженіи и передавшаго частицу тѣхъ подробностей, совокупность которыхъ могла бы воспроизвести всѣ детали роковаго, въ общихъ чертахъ изложеннаго выше, событія.

Наша батарея, — передаетъ этотъ очевидецъ — была въ авангардѣ и выѣхала на позицію на Радишевскую гору первою, прямо подъ выстрѣлами турецкихъ пушекъ. Орудія пришлось докатывать до гребня по рытвинамъ, на рукахъ; но удачное положеніе ихъ за низкимъ густымъ кустарникомъ спасало насъ отъ потерь. Со всѣхъ турецкихъ батарей огонь былъ обращенъ на насъ: снаряды непріятеля падали и рва-

лись въ двухъ, трехъ саженяхъ передъ орудіями и между послѣдними, но осколки засѣдали въ кустарникѣ и прислугу обдавало только комьями земли. Еще при выѣздѣ былъ раненъ въ ногу командиръ Рыльскаго полка полковникъ Саранчевъ, и подъ его жолнернымъ офицеромъ убита лошадь, что заставило ихъ отойдти отъ насъ въ сторону. Турецкія гранаты падали на насъ такъ часто, что только выѣздъ на позицію 3-й, 4-й и дивизіона 6-й батареи, ставшихъ нѣсколько ниже и лѣвѣе, немного облегчилъ наше положеніе, и такъ какъ онѣ очутились ближе къ туркамъ (отъ насъ до ближайшей непріятельской батареи было 975 саж. а напр. отъ 4-й—875 саж.; послѣдняя болѣе всѣхъ и пострадала). Впрочемъ, батареи эти стали неудачно — открыто на каменистомъ грунтѣ и имѣя передки прямо за собою. У насъ осколками снарядовъ поразбивало сабли, банники, боевое колесо, но изъ людей никто задѣтъ не былъ. Еще удивительнѣе, напр. случай, что однимъ осколкомъ разбило орчакъ и убило лошадь, а ѣздовой остался невредимъ, хотя рука его лежала въ это время на сѣдлѣ. Стрѣляли мы вообще удачно, но къ сожалѣнію наши одноярусныя дистанціонныя трубки не позволяли намъ дѣйствовать шрапнелью далѣе 840 сажень, а можно было-бы иначе принести огромную пользу нашей пѣхотѣ, если бы представлялась возможность дѣйствовать шрапнелью на большія дистанціи, и поражать турецкихъ стрѣлковъ въ ихъ траншеяхъ, откуда они встрѣчали нашу пѣхоту. Во всякомъ случаѣ мы воспрепятствовали туркамъ увезти напр. свои орудія изъ взятаго нашими укрѣпленія, такъ какъ перестрѣляли у непріятеля лошадей и онъ едва могъ спасти лишь одни передки. 19-го числа, наша батарея преобразилась въ конную, — мчалась рысью десять верстъ съ посаженою прислугой, черезъ деревню Пелишатъ на вчерашнюю позицію, подъ прикрытіемъ двухъ сотенъ полка Бакланова; мы спѣшили на выручку отступавшихъ остатковъ колонны генерала Горшкова. Насъ поставили нѣ-

сколько ниже и правѣе своей вчерашней позиціи, на гребнѣ, среди пахати, въ которую валились турецкіе снаряды. Изъ взятаго нашими наканунѣ укрѣпленія, турки не стрѣляли, а поддерживали огонь изъ болѣе отдаленныхъ, на который мы отвѣчали съ дистанціи отъ тысячи пятисотъ до тысячи восьмисотъ сажень, подъ прикрытіемъ разсыпанныхъ съ обѣихъ сторонъ казаковъ. Такъ шла стрѣльба съ часъ; видя, что турки не преслѣдуютъ нашихъ и, имѣя съ собой всего по одному ящику на орудіе, мы съ разрѣшенія начальника отряда, генерала Скобелева предприняли скрытно отъ непріятеля сняться съ позиціи, для чего сдѣлали залпъ и пока дымъ не разсѣялся, взяли орудія на передки, посадили прислугу и отошли назадъ. Проѣхавъ съ версту пошли уже шагомъ, безпрестанно останавливаясь для подборки попадавшихся нашихъ раненыхъ, которыхъ мы и доставили въ Порадимъ довольно много, всего сорокъ семь человѣкъ.

Горный-Студень, 28-го Іюля.

Сегодня мы прибыли на новую стоянку Главной Квартиры, въ деревню Горный-Студень и, слѣдовательно, вопреки всѣмъ нашимъ надеждамъ на движеніе впередъ, за Балканы, отодвинулись еще верстъ за пятьдесятъ назадъ. Послѣдніе дни нашего пребыванія въ Тырновѣ прошли крайне монотонно; весь центръ интересовъ теперь въ Плевнѣ, откуда Главнокомандующій болѣе не возвращался сюда; подъ Плевну собираются отправлять осадныя орудія и вообще положеніе дѣлъ тамъ въ высшей степени серьезно. О выступленіи изъ Тырнова Главной Квартиры мы узнали всего за день, но куда именно направляемся, намъ было неизвѣстно; что въ связи съ дурными преувеличенными слухами относительно нашихъ дѣлъ подъ Плевною порождало весьма тягостное впечатлѣніе, особенно въ умахъ Тырновскихъ жителей. Всѣ толковали, что Главная

Квартира отступаетъ и выводили изъ этого крайне неблагопріятныя заключенія. Я помню напр., какъ маркитантъ Готье, гдѣ мы постоянно обѣдали, спросилъ у меня, куда же идемъ, и на мой отзывъ—что не знаю, но что во всякомъ случаѣ не по обратной дорогѣ,—покачалъ многозначительно головой и описалъ рукой дугу назадъ, давая понять, что мы предпринимаемъ окольнымъ путемъ отступленіе. Готье—это человѣкъ бывалый, сдѣлавшій въ качествѣ маркитанта всю франко-прусскую кампанію и понималъ дѣло.

Рано утромъ, 25-го числа, мы распростились съ Тырновымъ.

На дняхъ, въ Горный-Студень, прибыла 3-я стрѣлковая бригада, направляемая какъ слышно, подъ Плевну; она только пришла изъ Россіи, что вполнѣ и замѣтно по свѣжей обмундировкѣ людей и новенькимъ мундирамъ офицеровъ. Къ этой бригадѣ присоединена полубатарея, сформированная изъ взятыхъ въ Никополѣ турецкихъ дальнострѣльныхъ пушекъ, которою командуетъ капитанъ Барбовичъ. Для ознакомленія прислуги съ новою для нихъ матеріальною частью, начальникъ артиллеріи произвелъ недавно этой полубатареѣ практическую стрѣльбу боевыми зарядами и хотя стрѣльба производилась безъ мишеней; но снаряды, какъ показали наблюденія, ложились при одинаковыхъ условіяхъ весьма правильно, почти въ одно мѣсто. Возвышеніе по прицѣлу требовалось значительно меньшее, чѣмъ по нашимъ таблицамъ при одинаковыхъ дистанціяхъ, такъ что напр. величина прицѣла, соотвѣтствующая по нашимъ таблицамъ тремъ стамъ пятидесяти саженямъ, давала при произведенной стрѣльбѣ дальность въ пятьсотъ сажень. Заряды, снаряды, трубки и весь прочій комплектъ составленъ также изъ захваченныхъ турецкихъ запасовъ въ Никополѣ; въ бытность мою въ послѣднемъ, мы съ Барбовичемъ подробно осматривали нѣсколько турецкихъ погребовъ въ самомъ Никополѣ и нашли большое количество зарядовъ, приготовленныхъ изъ превосходнаго мелкаго пороху; теперь эти заряды пойдутъ

въ дѣло противъ турокъ-же и дали при упомянутой стрѣльбѣ прекрасные результаты.

Сегодня, по случаю Спаса Преображенія, всѣ наличные офицеры гвардейской артиллеріи приглашены были къ Высочайшему столу, такъ какъ 6-е августа—день обычнаго годоваго праздника всей гвардейской артиллеріи и Преображенскаго полка. Утромъ, въ походной церкви было молебствіе и затѣмъ церковный парадъ въ присутствіи Его Величества, а въ шесть часовъ всѣ собрались на дворѣ дома, занимаемаго Государемъ. Домъ этотъ стоитъ нѣсколько особнякомъ, но конструкціей не представляетъ ничего выдающагося: деревянный въ два этажа, обмазанъ выбѣленною глиной и обнесенъ отрытою галлереей на столбахъ. На верху помѣщается самъ Государь, внизу ближайшіе придворные чины, а рядомъ, тутъ же на дворѣ, лошади и все прочее. Насъ, т. е. офицеровъ гвардейской артиллеріи, собралось впрочемъ немного — человѣкъ семь, Преображенцевъ еще менѣе—двое, или трое. Всѣ были запросто въ сюртукахъ. Я отправился «во дворецъ» вмѣстѣ съ штабсъ-капитаномъ Ивановымъ, вернувшимся недавно изъ Калафата, гдѣ онъ руководилъ стрѣльбою румынъ изъ осадныхъ орудій, которыя были доставлены туда русскимъ правительствомъ. Когда мы вошли въ ворота дома занимаемаго Государемъ, то встрѣтились съ Его Величествомъ, который остановился, увидя насъ, и нѣсколько минутъ милостиво съ нами разговаривалъ, спрашивая? здоровы-ли мы, и передавъ, что онъ самъ долго крѣпился, но сегодня утромъ немного захворалъ. Дѣйствительно, утромъ за обѣдней съ Государемъ былъ легкій припадокъ нездоровья, къ счастью не имѣвшій впрочемъ никакихъ серьезныхъ послѣдствій.

На дворѣ былъ раскинутъ обѣденный шатеръ, около котораго толпились свита и приглашенныя къ обѣду лица. Тутъже стояли военный министръ и нѣсколько иностранныхъ офицеровъ, бывшихъ при Главной Квартирѣ, румынскій министръ

Братіано, Гика и другія. Столъ былъ сервированъ по походному,—съ серебряными стаканами и обѣдъ состоялъ всего изъ четырехъ блюдъ, самыхъ скромныхъ. Государь былъ одѣтъ въ артиллерійскомъ сюртукѣ; рядомъ съ нимъ сидѣлъ военный министръ и Главнокомандующій, а противъ: князь Суворовъ съ австрійскими военными агентами, Братіано и Гика. Въ срединѣ обѣда Его Величество провозгласилъ на французскомъ языкѣ тостъ «за здравіе своего друга Императора Франца-Іосифа и за согласіе обѣихъ націй» и затѣмъ тостъ за гвардейскую артиллерію и Преображенскій полкъ.

Въ концѣ обѣда Его Величество подозвалъ штабсъ-капитана Иванова и поздравилъ его съ Владиміромъ 4-й степени съ мечами, за службу въ Калафатѣ.

Сегодня-же и я получилъ пріятное для меня извѣщеніе: начальникъ артиллеріи разрѣшилъ прикомандировать меня къ осадной артиллеріи, съ цѣлью участвовать въ предполагаемой осадѣ Рущука. Слава Богу, наконецъ, опять удастся понюхать пороха, окунуться снова въ настоящую боевую жизнь, а то, пребываніе въ штабѣ сильно уже прискучило. Завтра уѣзжаю въ Зимницу.

Зимница, 23-го Августа.

Ходъ обстоятельствъ на театрѣ военныхъ дѣйствій совершенно измѣнилъ мои личныя предположенія — я ожидалъ попасть подъ Рущукъ, а вмѣсто этого на дняхъ отправляюсь подъ Плевну, такъ какъ осады Рущука болѣе не предвидится и даже паркъ обложенія, находившійся въ Мечкѣ, на той сторонѣ Дуная, прибываетъ обратно. Весь центръ тяготѣнія сосредоточился подъ Плевной, куда отправился уже отрядъ осадной артиллеріи, подъ начальствомъ полковника Экстена.

19-го числа мнѣ пришлось побывать въ Журжѣ у полковника Бильдерлинга, который теперь замѣнилъ тамъ Экстена,

по завѣдыванію всѣми расположенными противъ Рущука батареями.

У Бильдерлинга я засталъ и Моллера, уѣхавшаго нѣсколько дней тому назадъ изъ Зимницы и довольно серьезно здѣсь заболѣвшаго, но теперь уже оправившагося на столько, что могъ отправиться назадъ. Присутствіе начальника осадной артиллеріи здѣсь, доставило случай быть свидѣтелемъ маленькаго эпизода, надъ которымъ мы много посмѣялись. Дѣло въ томъ, что 12-го августа, какъ извѣстно, было лунное затмѣніе; въ связи нимъ-ли или, быть можетъ, съ праздниками мусульманскаго календаря, падающими на этотъ мѣсяцъ, но вскорѣ послѣ упомянутаго дня, въ Рущукѣ начались регулярные ежедневные салюты холостыми выстрѣлами. Полевая турецкая батарея ежедневно выстраивалась въ Рущукѣ, и притомъ фронтомъ въ нашу сторону, и выпускала одинъ за другимъ около двадцати зарядовъ. Это было въ своемъ родѣ нахальство, повторявшееся обыкновенно въ полдень и въ шесть часовъ вечера, и хотя нашимъ сильно не нравились подобныя выходки со стороны непріятеля, производившаго свои эволюціи безъ всякаго стѣсненія и стрѣлявшаго у всѣхъ на виду въ нашу сторону, но приходилось молчать вслѣдствіе упомянутаго выше распоряженія, что конечно и вселило въ турокъ убѣжденіе въ полной безнаказанности своихъ выходокъ. 19-го числа было однако разрѣшено напомнить непріятелю о нашемъ существованіи и заявить нашъ взглядъ на безцеремонность его эволюцій. самымъ дѣйствительнымъ образомъ—сдѣлать изъ двухъ батарей залпъ боевыми зарядами по турецкимъ орудіямъ, производящимъ ежедневную салютацію, если онъ возобновитъ послѣднюю и на сей разъ. Къ полудни мы всѣ высыпали, на берегъ, посмотрѣть какой эффектъ произведутъ наши бомбы, которыхъ турки конечно не ожидали, такъ какъ до сихъ поръ никто не препятствовалъ ихъ невинной забавѣ. Вотъ, наконецъ, стрѣлка на часахъ Моллера показала двѣнадцать часовъ —

въ Рущукѣ раздается первый холостой выстрѣлъ, за нимъ быстро слѣдуетъ другой, третій и т. д. Намъ ясно видны послѣдовательные клубы бѣлаго дыма изъ орудій турецкой батареи, построившейся фронтомъ къ Дунаю и предавшейся невинному сожиганію пороха, не опасаясь никакихъ дурныхъ послѣдствій. Но вотъ на девятомъ выстрѣлѣ вдругъ вся салютація неожиданно оборвалась,—подъ двумя нашими батареями взвились облака дыма и трескъ бомбъ около турецкихъ артиллеристовъ внезапно превратилъ ихъ невинную забаву въ смертельную опасность. Съ нашихъ батарей видно было въ трубу, какъ испуганные неожиданостью турки бросились прочь отъ своихъ орудій, побросавъ даже свои банники... Эффектъ внезапности вышелъ полный, со стороны противника не послѣдовало даже ни одного отвѣтнаго выстрѣла. Мы всѣ отъ души расхохотались: на столько комиченъ былъ весь этотъ эпизодъ съ прерваннымъ салютомъ и долго еще спустя взрывы смѣха возобновлялись всякій разъ, когда кто-нибудь изъ насъ внезапно напоминалъ другимъ о разыгравшейся сценѣ.

Однако, этимъ дѣло еще не кончилось. Моллеръ уѣхалъ въ Зимницу, давъ разрѣшеніе сдѣлать еще залпъ въ шесть часовъ пополудни, еслибы турки снова принялись за прежнее, и мы съ любопытствомъ ожидали, повторится-ли обычная салютація послѣ утренняго происшествія. Наши противники пустились однако, какъ оказалось, на хитрость—вечерняя стрѣльба хотя и была ими опять открыта, но неожиданно въ свою очередь для насъ—цѣлымъ часомъ ранѣе обыкновеннаго, и при этомъ орудія были поставлены уже гораздо далѣе, совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Батарея наша, которой приказано было сдѣлать залпъ, производила въ это время какія-то поправки въ платформахъ, такъ что, пока готовилась отвѣтить на преждевременный начатый непріятелемъ салютъ, турки успѣли уже окончить послѣдній. Черезъ нѣсколько минутъ, однако, грянулъ залпъ и тогда оказалось, что нашъ противникъ былъ разсерженъ не на шутку

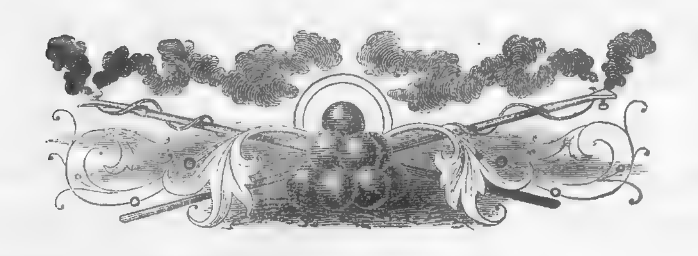
еще съ утра. Не успѣлъ еще разсѣяться дымъ залпа передъ нашей батареей, какъ съ турецкаго берега раздался боевой выстрѣлъ и бомба понеслась въ нашу сторону, причемъ это послѣдовало такъ быстро, что очевидно турки приготовились уже заранѣе къ отплатѣ и только ожидали сигнала. Сдѣлавъ еще нѣсколько, безвредныхъ впрочемъ, выстрѣловъ по нашей батареѣ, и въ томъ числѣ даже съ далекой Эюбъ-табіи, турки обратились къ своему обычному пріему—открыли канонаду по самой Журжѣ, являвшейся вѣчнымъ, такъ сказать, козломъ отпущенія въ подобныхъ случаяхъ. Трескъ разрыва турецкихъ снарядовъ, доносившійся къ намъ изъ Журжи, вызывалъ въ насъ неудержимое желаніе открыть въ свою очередь огонь по турецкимъ батареямъ, громившимъ ни въ чемъ неповинный городъ, но несмотря на это, наши орудія хранили молчаніе, а между тѣмъ стало быстро темнѣть и канонада начала ослабѣвать. Вдругъ въ Журжѣ взвился зловѣщій клубъ пламени и огненный искряной снопъ ярко запылалъ среди все болѣе и болѣе сгущавшейся тьмы... Шальная турецкая граната зажгла домъ, и надо было ожидать, что, конечно, турки станутъ продолжать пальбу, направляя свои выстрѣлы на пожаръ, чтобы воспрепятствовать тушить его. Дѣйствительно, послѣ непродолжительной тишины, послѣдовавшей за прекращеніемъ канонады, изъ мрака, окутавшаго противоположный берегъ, снова ярко блеснула огненная полоска, черезъ нѣсколько секундъ донесся грохотъ выстрѣла и затѣмъ послышался разрывъ снаряда около пожара, еще минута—снова сверкаетъ изъ темноты снопъ пламени; опять выстрѣлъ, затѣмъ еще откуда-то издалека третій и въ Журжу полетѣли турецкія бомбы. Подобный оборотъ дѣла былъ непріятенъ для насъ въ томъ отношеніи, что при наступившей темнотѣ нельзя было и намъ дѣйствовать по турецкимъ батареямъ, чтобы унять расходившихся турокъ, а между тѣмъ и смотрѣть сложа руки на горячую стрѣльбу непріятеля по Журжѣ—также не приходилось. Оставался одинъ

способъ умѣрить усердіе турецкихъ орудій — начать самимъ громить Рущукскіе кварталы; Бильдерлингъ такъ и сдѣлалъ приказавъ съ нашихъ батарей открыть огонь непосредственно по самому Рущуку, и, такимъ образомъ, завязалась ночная канонада, имѣвшая ту особенность, что оба противника били не другъ въ друга, а наносили разрушеніе двумъ городамъ, которые каждый изъ нихъ защищалъ.

22-го августа пришлось еще разъ совершить поѣздку въ Турно вмѣстѣ съ полковникомъ Анчутинымъ.

Въ Турнѣ теперь идетъ переправа румынъ на тотъ берегъ; они направляются подъ Плевну.

На 30-ое августа назначенъ, какъ слышно, новый штурмъ Плевны и непосредственное начальство надъ всѣми войсками, тамъ сосредоточенными, поручено командиру 4-го корпуса генералъ-лейтенанту Зотову, говорю—непосредственное, потому что собственно начальникомъ всего западнаго отряда состоитъ Князь Карлъ Румынскій.



Изъ донесеній генерала Струкова.

I.

Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему
Полковника Струкова
Рапортъ.

диннадцатаго апрѣля, согласно волѣ Вашего Высочества, я прибылъ въ Кубею, гдѣ все готовилось къ великому дню, 12-го апрѣля; объявленію войны, готовилось начальство, но въ массѣ еще ничего не было извѣстно. Въ полдень пріѣхалъ командиръ корпуса князь Шаховской и за симъ пришла депеша, не достаточно ясная; не понятно было: приготовившись, выступить ли и перейти ли границу?

Далѣе пришло извѣстіе, что прибудетъ полковникъ Золотаревъ, адъютантъ начальника штаба, и съ нимъ-то ждалось все рѣшеніе того, что мы всѣ ждали съ Ноября мѣсяца. Отрядъ, долженствующій выступить, еще не собрался, благодаря недоразумѣнію и непроходимымъ дорогамъ. Пѣхота, Селенгинскій полкъ, подходитъ и выступаетъ съ пѣснями. Люди бодры, выглядятъ молодцами; они здѣсь

стоятъ, командиръ ихъ полковникъ Рикъ, кажется лихой офицеръ; генералъ Гренроде Вамъ извѣстенъ—молодецъ. Казачій отрядъ не собрался, кромѣ одной сотни ничего нѣтъ: всѣ по окрестнымъ деревнямъ.

Вы изволили мнѣ сказать Вашу мысль, отправляя меня, относительно значенія и роли авангарда; рекогносцировку пути и переправы черезъ Прутъ у Вадалуй-Исаки я проглядѣлъ у генералъ-маіора Левицкаго, но изучить, времени уже не было, а ее мнѣ не дали; слѣдовательно, изучу должное по распросамъ; да врядъ ли рекогносцировка можетъ быть вѣрна, такъ какъ Прутъ ежедневно измѣняется въ разливѣ. Развѣдка пути сдѣлана на Вадалуй Исаки, гдѣ—думаютъ—перейдти возможно черезъ Прутъ; я собиралъ всѣ свѣдѣнія и узналъ, что есть мостъ и *длинная* дамба, но увѣренъ, что Прутъ такъ надувается, что зальетъ. Предстоитъ, значитъ, для быстраго занятія Барбошскаго моста идти прямо на Рени вдоль Дуная, по шоссейной дамбѣ въ Галацъ или перейти Прутъ выше и спуститься прямо правымъ берегомъ Прута къ Галацу. Въ первомъ случаѣ опасеніе, что турки огнемъ съ мониторовъ не пропустятъ въ Галацъ; во второмъ, что если разливъ великъ, то придется идти въ бродъ версты три до мосту у Вадалуй Исаки, что сопряжено съ большимъ рискомъ: быть задержаннымъ, потопить лошадей, а можетъ и подмочить артиллерійскіе ящики съ снарядами. Князь Шаховской приказалъ мнѣ избрать что я хочу, лишь бы былъ успѣхъ; думать долго нельзя, рѣшаюсь—пойду на проломъ изъ Рени въ Галацъ — если турки не догадаются сдѣлать высадки у дамбы, то надѣюсь проскочить подъ артиллерійскимъ огнемъ мониторовъ. Во избѣжаніе неудачи мы раздѣлимъ отрядъ и пойдемъ двумя путями, выше пойдетъ генеральнаго штаба капитанъ Веригинъ, онъ офицеръ лихой, а я пойду на Рени, если не удастся одному, то другому, что Богъ дастъ, а удержать Барбошскій мостъ надо. Въ мой отрядъ назначены Донскіе полки № 29-й, другой — какой подойдетъ — и донская

батарея. Къ сожалѣнію, не знакомъ съ полками, не знаю какова подготовка лошадей, какой ходъ могу потребовать, какъ-то, — главное,—пойдетъ батарея: дорога вязка.

Сейчасъ прискакалъ на перекладной полковникъ Золотаревъ: раздалось на площади: «Главнокомандующій приказалъ поздравить съ походомъ, Государь объявилъ войну Султану.» Объ удачѣ или неудачѣ донесу съ Барбошскаго моста, если не турецкіе мониторы, то поляки и венгерцы уже — говорятъ — тамъ, и ждутъ момента, чтобы взорвать мостъ. Набѣгъ долженъ быть крайне быстръ. Постараемся исполнить волю Вашего Высочества.

II.

Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему

Полковника Струкова

Рапортъ.

Четыре часа дня, 12-го апрѣля; Барбошскій мостъ занятъ, мостъ цѣлъ и если турки не догадаются бомбардировать или десантомъ съ того берега не заставятъ до завтра отступить, сдѣлавъ десантъ, то мостъ будетъ удержанъ и переходъ черезъ Прутъ арміи Вашего Высочества обезпеченъ *). Завтра, 15-го апрѣля, жду поддержки пѣхоты, которая должная придти, а до той минуты я нахожусь въ трудномъ положеніи, артиллеріи у меня нѣтъ. Летучій отрядъ, шедшій на переправу (Прута) Вадалуй-Исаки не прибылъ. Прилегающіе дома моста я очистилъ отъ злоумышленниковъ, имѣвшихъ намѣреніе взорвать

*) 12-го апрѣля происходилъ молебенъ при сборѣ войскъ въ присутствіи Государя Императора. Объявленіе войны послѣдовало и за обѣдомъ царскимъ въ пять часовъ уже была депеша о занятіи моста, т. е. двѣнадцать часовъ спустя перехода границы.

мостъ. Румынскія войска бьютъ тревогу и уходятъ. Отъ Кубей до Барбоша мы прошли пространство въ девять часовъ тридцать минутъ, на переправу черезъ Прутъ положили три часа тридцать минутъ. Воля Ваша исполнена свято.

III.

Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему

Полковника Струкова

Рапортъ.

Вашему Императорскому Высочеству не безъинтересно будетъ знать при *какихъ условіяхъ совершился* первый набѣгъ кампаніи, *повлекшій* за собою сохраненіе первокласснаго желѣзнодорожнаго моста, обезпечивающаго переходъ арміи черезъ рѣку Серетъ, разливъ которой простирается на двѣ слишкомъ версты. Кромѣ плохаго парома, переправы другой нѣтъ. Мостъ—желѣзный, на девяти каменныхъ быкахъ, обстрѣливается съ Дуная; Серетъ такъ глубокъ, что небольшіе пароходы могутъ входить подъ мостъ и легко могутъ взорвать. Набѣгъ сдѣланъ слѣдующимъ порядкомъ. Въ ту минуту, когда уже въ сумерки, 11-го апрѣля, прискакалъ полковникъ Золотаревъ и все забѣгало въ мѣстечкѣ Кубеи, я отправился къ князю Шаховскому (командиру 11-го корпуса) за приказаніями. Онъ сидѣлъ за столомъ и выдавалъ начальникамъ золото, только что полученное. Генералъ Эренродъ отдавалъ приказанія. Князь Шаховской предоставилъ мнѣ право выбора — идти на Рени или кругомъ, на Вадалуй-Исаки. Какъ я уже сказалъ, въ первомъ случаѣ надо было идти прямо на выстрѣлъ съ малыми шансами, пройдти вдоль Дуная по дамбѣ; во второмъ, имѣлась опять трудность розлива и переправы. Пришлось рѣшиться въ одну минуту, и я избралъ, рѣшительно, путь на Рени: лучше неудача отъ огня, чѣмъ отъ дурнаго моста, гдѣ

надо идти бродомъ 4 версты. Въ девять часовъ вечера князь Шаховской меня благословилъ и отпустилъ. Въ летучій отрядъ мой были назначены два донскихъ полка, №№ 29 и 31, и батареи №№ 8 и 10. Въ Кубеѣ стояла одна сотня; всѣмъ же было приказано собраться на границу, приходилось сдѣлать всѣмъ отъ пятнадцати до двадцати верстъ на сборный пунктъ. Въ десять часовъ тридцать минутъ вечера я выступилъ съ двумя сотнями № 29-го Донскаго полка, подъ начальствомъ Хорунженкова, — это пробный камень, на которомъ я опредѣлилъ тѣла лошадей и силу полка, по этому мѣрилу я сообразилъ силу и ходъ предполагаемаго набѣга, — и къ двѣнадцати часамъ прибылъ къ границѣ, таможнѣ Ново-Болгарія. Тутъ никого еще не было, а потому пришлось ждать. Пользуясь временемъ, я сталъ обдумывать планъ набѣга, ибо чувствовалъ, что неудача повлечетъ за собою трудныя обстоятельства.

Въ часъ ночи стала заходить луна, ночь становилась темною, въ скоромъ времени заслышались лихія пѣсни Селенгинцевъ, идущихъ изъ Кубей, пѣсни неслись по степи и давали надежду на доброе. Лихой храбрый полкъ въ Севастополѣ, видно поддержитъ свою славу и теперь, да и командиръ полка Рикъ лихой, одушевитъ полкъ. Вскорѣ прибылъ полковникъ Бискубскій (начальникъ штаба корпуса) адъютантъ Вашего Высочества капитанъ Бибиковъ, капитанъ Карандѣевъ, которому Вы изволили поручить присутствовать при переходѣ границы. Сотни № 29 Донскаго полка тоже подходили, топотъ раздавался издали. Если я говорю все это Вашему Высочеству, то потому, что Вы поймете какъ для меня была важна каждая минута. Вы изволите знать, какъ дороги при усиленномъ движеніи кавалеріи каждые полчаса отдыха, каждая передышка, каждый вздохъ лошади дорогъ, а отрядъ не шелъ, часы показывали половину втораго ночи. По распросамъ оказывалось до Галаца восемьдесять пять верстъ, я же разсчитывалъ по истинѣ сто, изгибы, повороты, спуски, подъемы никто не считаетъ.

Въ ожиданіи сбора я потребовалъ къ себѣ таможеннаго чиновника съ заставы румынской, объявивъ ему, что я тотчасъ перейду границу, чтобы шлахбаумъ былъ поднятъ, и войско русское было встрѣчено съ почетомъ. Въ отвѣтъ на это онъ объяснилъ, что приказанія не имѣетъ, но что если такова воля Государя Императора, то извольте идти, я исполню требованіе ваше, но отвѣчать не буду. Въ три часа окончательно собрались всѣ сотни № 29-го полка, мнѣ ясно становилось, что отрядъ весь не скоро соберется, что дороги тамъ грязны, что быстро двигаться нельзя, что артиллерія долго не будетъ и что все-же надо рѣшиться на что нибудь. Выйдя послѣ совѣщанія изъ таможеннаго дома, я въ тихомолку выслушалъ дыханіе лошадей и ощупалъ тѣла прошедшихъ на рысяхъ уже пятнадцать и двадцать верстъ, и положилъ рѣшиться на что-нибудь, ибо вмѣсто двѣнадцати часовъ было уже три, а отряда еще не было. Дѣлать было нечего, надо было идти. Испросивъ на то согласіе начальника штаба, полковника Бискубскаго, и доложивъ о положеніи дѣла я получилъ разрѣшеніе идти съ однимъ полкомъ и безъ батареи, что было по меньшей мѣрѣ рисковано, но я разсчитывалъ на одно, на выигрышъ времени передъ турками, а не на силу. Молебна мы не успѣли отслужить, а потому, приказавъ полку сѣсть на коней, просилъ полковника Пономарева приказать прочитать молитву, а за симъ поздравить полкъ согласно приказанію Вашего Высочества съ походомъ, поздравилъ Донцевъ съ тѣмъ, что они идутъ первыми, сказалъ, что ихъ Атаманъ Цесаревичъ въ Кишиневѣ, а за симъ объяснилъ всѣмъ офицерамъ предположеніе и Волю Вашего Высочества. Громкое восторженное донское ура раздалось и мы тронулись къ заставѣ. Вѣковая слава русскихъ Царей, слава оружія видно еще, не забыты и въ Румыніи, начальство и ближайшіе жители, зажгли костры у заставы и по дорогѣ, проходя подъ шлахбаумомъ всѣ сняли шапки и перекрестились. Такъ мы пошли однимъ полкомъ. При свѣтѣ костровъ я

успѣлъ немного познакомиться съ наружнымъ видомъ полка, и съ крайне симпатичнымъ командиромъ полковникомъ Пономаревымъ. По выходѣ изъ деревни Табаки стало свѣтать, перейдя же мостъ Канардяндскій, выстроенный русскими, оставивъ въ сторонѣ Болградъ, я пошелъ рысью. Дорога была грязная, и ноги лошади липли къ грунту. Прекрасное содержаніе лошадей давало мнѣ надежду на хорошій ходъ полка, но усиленная рысь не сдержанной казачьей ѣзды давала мнѣ чувствовать, что такъ идти нельзя, что не дойдешь.

Уже было сдѣлано съ мѣста пятнадцать верстъ на рысяхъ, предстояло еще не мало. Надо было регулировать ходъ, а потому я сталъ самъ впередъ, чтобы давать алюръ, и давъ большія дистанціи между сотнями, я приказалъ, чтобы каждый сотенный командиръ шелъ самостоятельно дабы избѣгнуть колыханія колонны. Поведенный короткій алюръ, который необходимъ при длинныхъ переходахъ, былъ еще болѣе необходимъ при утяжеленныхъ вьюкахъ, саквахъ и кидкахъ; при этомъ короткомъ алюрѣ лошади менѣе растягиваются и мускулатура въ большемъ равновѣсіи, дыханіе при этомъ крайне спокойно, а вся сила лошади заключается въ этомъ. Вскорѣ короткій алюръ выказалъ мнѣ неудобство, которое я зналъ, но которое оказалось еще болѣе въ этомъ случаѣ, когда полкъ былъ свѣжъ и сытъ. Лошади горячились и не малое число скакало вскидывая головами, а другія загибали шеи вправо и влѣво, какъ это дѣлаютъ многія лошади на уздечкѣ. Лошади горячились, люди утомлялись; донскою же рысью, я понималъ, трудно дойти; что можно въ одиночку, то трудно строемъ. Пригласивъ сотенныхъ командировъ, я предложилъ всѣхъ горячихъ коней вывести изъ строя и собрать впереди полка, и тогда снова пошелъ. Очутившіяся внѣ строя лошади пошли отлично, оглядываясь назадъ и не торопясь.

1-я сотня Ходженковъ, 2-я Войновъ, 3-я Дукмасовъ, 4-я Студеникинъ, 5-я Фадѣевъ, 6-я Нѣмчиновъ.

Путь лежалъ мнѣ неизвѣстный по своимъ условіямъ, такъ что я рѣшился вести полкъ «на чувствѣ», какъ я называю потому, что дѣло не въ томъ, чтобы вести часть, а ведя, ее чувствовать. Часто невозможно идти по разсчету верстъ и времени, тогда лучшее средство все это оставить и двигаться сообразно спуска или подъема, грязи или жесткости дороги, противнаго или бокового вѣтра, состоянія температуры и т. д. словомъ, массы условій, которыя всѣ имѣютъ вліяніе на успѣхъ хода кавалерійской части и сбереженія силы лошади.

Пройдя деревню Хаджи-Абдулы мы благополучно прибыли въ деревню Чашли, гдѣ я сдѣлалъ привалъ въ полчаса, лошадямъ дали сѣна и по глотку воды, благодаря распорядительности полковника Пономарева люди имѣли по куску мяса, а на вьюкахъ была водка. Это видимо освѣжило казаковъ. Офицерамъ предложено было по рюмкѣ коньяку.—Мѣрнымъ и тѣмъ же сдержаннымъ алюромъ пошли далѣе. Прекрасное утро, зеленыя поля, давали славную картину лихому полку, извивающемуся змѣйкой вдоль дороги. Вскорѣ завиднѣлись горы Балканскаго полуострова и мелькнулъ Дунай; обративъ вниманіе людей, казаки отвѣчали радостно: «славу Богу, ваше высокоблагородіе, доведется видѣть то, что диды наши бачили». Дойдя до высоты деревни Анадолки мы увидѣли мѣстечко Рени, стоящее на берегу Дуная; я выслалъ туда разъѣздъ осмотрѣть берегъ. По извѣстіямъ, собраннымъ, стало извѣстно, что вчера прошли два монитора къ Галацу, что партіи турецкихъ оскугъ переплывали съ того берега и безпокоили жителей. Обитатели мѣстечка встрѣтили насъ радушно, бывшіе солдаты турецкіе убѣжали на лодкахъ. Тутъ видны старики, помнящіе прошлый походъ. Миновавъ русскую таможню, мы спустились на шоссе, идущее вдоль берега; въ это время появился пароходъ, который заставилъ меня свернуть въ сторону и скрыть свое движеніе, пароходъ былъ австрійскій: причаливъ къ Рени онъ не пошелъ далѣе, а вернулся вверхъ по рѣкѣ, вѣроятно, извѣстить

Галацъ и далѣе. Дойдя до рѣки Прута предстояло для большой поспѣшности разсѣдлать лошадей и сложивъ все на имѣющійся паромъ перейдти вплавь, но оцѣнивъ быстроту и силу разлива, я не рискнулъ подвергать опасности полкъ и, разсчитавъ полкъ, приступилъ къ переправѣ на паромѣ. Задержка эта приводила меня въ отчаянье. Паромъ принималъ двадцать лошадей, полкъ состоялъ изъ шести сотъ девяносто трехъ коней значитъ тридцать четыре раза паромъ долженъ былъ пройдти впередъ и столько же назадъ при страшномъ теченіи. Нечего было дѣлать, мы стали кормить и переправлять; приступивъ самымъ энергичнымъ образомъ, мы употребили три часа: съ десяти часовъ тридцати минутъ до одного часа тридцати минутъ дня. Такимъ образомъ, не распорядительность турокъ не сняла парома, не уничтожила парома, тогда какъ горсть пѣхоты, доставленной на пароходѣ, помѣшала бы переправѣ на нѣсколько дней.—Надо было кончать, сѣвъ на коней мы снова пошли рысью по дамбѣ, которой я опасался. Она тянется на пятнадцать верстъ и залита съ обѣихъ сторонъ Дунаемъ и иначе какъ по три пройдти невозможно, а къ тому-же открыта къ Дунаю, ибо идетъ все время по берегу. Отступленія быть не могло, а потому нажавъ на коней, мы подлетѣли къ Галацу, который былъ уже на ногахъ. Масса турецкихъ кораблей и пароходовъ загромозжали берегъ Галаца и доказывали мнѣ, что турки еще не опомнились и не ожидаютъ, чтобы русскій авангардъ уже былъ тутъ. Здѣсь я приказанія Вашего Высочества исполнить не могъ, захватъ и амбарго судовъ были для меня не мыслимы, такъ какъ я имѣлъ одинъ полкъ вмѣсто трехъ и двухъ батарей, хотя я чувствовалъ, какъ важенъ захватъ судовъ, пароходовъ для будущей переправы и перехода черезъ Дунай; съ другой стороны, передо мною былъ Барбошъ, которому угрожало каждую минуту. Ко всему этому новое нежданное обстоятельство заставило меня пріостановиться въ городѣ Галацѣ; румынскимъ войскамъ били тревогу и они

уходили изъ города по направленію къ Барбошу и станціи желѣзной дороги. Полиціймейстеръ города выѣхалъ на встрѣчу и объявилъ, что онъ не имѣетъ права пропустить черезъ городъ. На это я отвѣчалъ, что съ нимъ я не буду входить въ объясненія, а требую префекта города. Опять произошла задержка въ три четверти часа. Префектъ выѣхалъ въ коляскѣ и заявилъ, что онъ не знаетъ намѣреній русскихъ и, что если я пойду въ городъ, то это онъ будетъ считать насиліемъ. На это я объяснилъ ему, что имѣю приказаніе моего Главнокомандующаго, что ни въ какія объясненія входить не намѣренъ и что отвѣчать не буду входимъ ли мы друзьями или врагами, а что буду дѣлать свое дѣло. Повернувъ вправо, я на рысяхъ обогнулъ городъ и направился къ мосту.

На пути мы обгоняли румынскую пѣхоту, которая въ попыхахъ шла по шоссе къ станціи желѣзной дороги, повидимому, крайне недовольная, теряя на пути свои пожитки. Подходя къ станціи Барбошъ, мы увидѣли красивый длинный мостъ, который перекинутъ черезъ рѣку Серетъ. Станція загромождена была солдатами, которыхъ быстро увозили.

Снова произошла задержка, я не могъ взойдти съ частью въ обладаніе станціей, пока румыны не ушли. Тронулся послѣдній поѣздъ и мы заняли станцію. Несмотря на все, любезный офицеръ и въ публикѣ объясняли, что надо быть осторожнымъ относительно моста, что сторожей уже второй день нѣтъ, что наѣхало много недоброжелателей. Не довѣряя слухамъ, я потребовалъ ручную машину и, посадивъ начальника станціи впередъ, я объѣхалъ мостъ и убѣдился въ цѣлости его. Мѣры предосторожности приняты всѣ. Сосѣдніе дома поселянъ очищены отъ жителей, въ нихъ оказывались пріѣхавшіе взорвать мостъ, караулы поставлены на мосту, и безъ моей записки не пропускаются даже служащіе. Устье Серета занято надежными караулами изъ хорошихъ стрѣлковъ донцевъ, дабы не пропус-

тить лодокъ или турецкихъ паровыхъ лодокъ — поставлены пикеты кругомъ и по берегу.

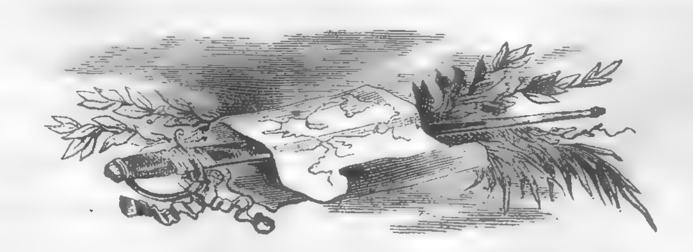
Считаю долгомъ доложить Вашему Высочеству, что благодаря распорядительности и полному порядку въ полку, которыми обязанъ полковнику Пономареву, можно было совершить съ успѣхомъ настоящій набѣгъ.

Полковникъ Пономаревъ вполнѣ образцовый командиръ, офицеры прекрасные. Полкъ пришелъ, не оставивъ на дорогѣ ни людей, ни лошадей. Сто верстъ, сдѣланныя отъ четырехъ часовъ утра, 12-го апрѣля, до четырехъ часовъ дня, выключая изъ этого числа три часа на переправу, остановки, привалъ у Галаца — пройдены почти менѣе чѣмъ въ девять часовъ.

До свѣдѣнія моего дошло поздно вечеромъ, что яхта морскаго министра Гобартъ-паши прошла съ нимъ въ Рущукъ, ему не безъизвѣстно занятіе Галаца. Равно слышалъ, что на военномъ совѣтѣ въ Рущукѣ рѣшено было взорвать мостъ.

№ 32.
Позиція Барбошъ.

13-го апрѣля всю ночь шелъ дождь и попортилъ дороги, несмотря на это пѣхота, Селенгинцы и батареи пришли уже и переправляются черезъ Прутъ. Еще нѣсколько часовъ и мое положеніе будетъ обезпечено. Ночь прошла благополучно. О послѣдующемъ буду доносить. Полагаю, что поспѣшатъ меня (по приходѣ пѣхоты) направить въ Браиловъ, дабы занять станцію и линію на Бухарестъ.



На войнѣ.

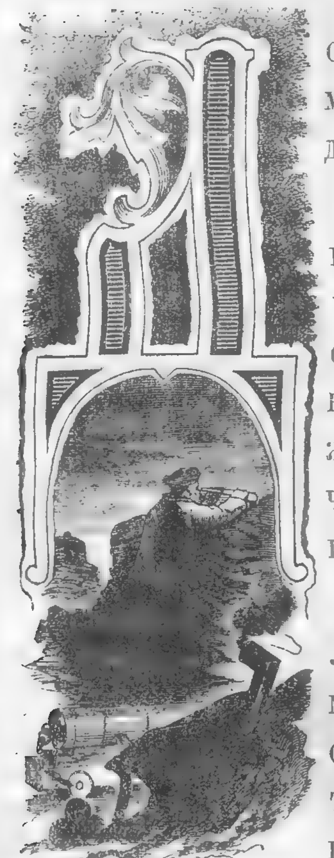
Изъ писемъ и боевыхъ замѣтокъ артиллериста.

Періодъ первый.

До Дуная.

I.

Парадъ.—Выступленіе въ походъ.—Сюрпризъ въ Пырлицѣ.



олго, скучно и однообразно тянулось время со дня мобилизаціи въ молдаванской деревнѣ.

Въ ночь на 4-е апрѣля получено было приказаніе, 6-го выступить въ Бирзулу *) на Высочайшій смотръ, послѣ котораго ожидалось выступленіе въ походъ. Всѣ встрепенулись, точно послѣ тяжелаго сна: жажда дѣятельности, трудовъ, ярко означалась на всѣхъ, дотолѣ недовольныхъ и печальныхъ лицахъ.

Раннимъ утромъ 6-го, трубачъ сигналомъ «сборъ» у самаго окна, разбудилъ меня; я въ торопяхъ одѣлся, проглотилъ стаканъ чаю, приказалъ деньщику захватить кое-какія вещи въ офицерскій фургонъ, сѣлъ на коня и въ строй. Здоровые

*) Станція Одесской желѣзной дороги на соединеніи пути изъ Харькова и Кіева.

свѣжіе солдатскіе голоса, казалось, веселѣй и дружнѣе отвѣтили на мое обычное привѣтствіе.

— Смотри, ребята, не забудь взять съ собой, что приказывали, чтобы представиться Государю молодцами.

— Постараемся, в—діе, какъ одинъ человѣкъ отчеканили они еще разъ.

Вскорѣ подъѣхалъ командиръ, поздоровался, скомандовалъ, и батарея длинной вереницей орудій, ящиковъ и обоза вытянулась по улицѣ, наскучившей намъ деревни. Всѣ сняли шапки, перекрестились, и съ Богомъ тронулись въ путь...

По счастію 10-го апрѣля,— день назначенный для смотра, давно жданное солнышко выглянуло и слегка обсушило почву.

Войска уже выстроились: слышился здѣсь и тамъ бой подъ знамена, здоровались начальники, словомъ началась обыкновенная суматоха, какая бываетъ передъ началомъ парадовъ на Марсовомъ полѣ въ С.-Петербургѣ *). Но вотъ командовавшій парадомъ произнесъ: «смирно!» и весь гулъ замираетъ, прерываемый передаваемой командой.

Поѣздъ привезъ Государя Императора. Еще минута и ура! подъ звуки народнаго гимна дали знать, что Государь подъѣхалъ къ линіи войскъ. Августѣйшій Монархъ объѣзжалъ войска на этотъ разъ шагомъ, здороваясь съ ними.

Объѣхавъ войска, и пропустивъ ихъ церемоніальнымъ маршемъ по два раза, Государь изволилъ подозвать всѣхъ офицеровъ:

— Я пріѣхалъ, сказалъ Онъ, напутствовать и благословить васъ,—вы идете въ походъ, и если придется встрѣтится съ непріятелемъ, то, надѣюсь, вы покажете себя, какъ и всегда, и какъ сегодня вы Мнѣ представились.

Слова эти вызвали всеобщій восторгъ; неумолкаемое ура!

*) Въ описываемомъ парадѣ участвовали полки 31-й пѣхотной и 9-й кавалерійской дивизіи съ ихъ артиллеріей.

оглашало окрестность; всѣ поздравляли другъ друга и радовались скорому походу. Будущее показало, и весь міръ знаетъ, какъ исполнены эти Царскія слова; многихъ изъ тѣхъ, кто слышалъ ихъ, уже нѣтъ — міръ праху вашему храбрые воины и добрые товарищи!

По возвращеніи на мѣсто стоянки, скоро подъ строжайшимъ секретомъ получили наши маршруты, изъ которыхъ узнали, что бригадѣ назначено идти въ Слатино, на р. Ольтѣ; глядя на карту, намъ казалось, что мы должны оперировать противъ Виддина,—откуда это предположеніе не знаю, только ему не суждено было сбыться...

Батарея, въ которой служилъ я, должна была выступить позднѣе другихъ,—5-го мая, потомъ отложено до 9-го съ тѣмъ, чтобы 12-го уже быть въ Слатино, но судьба, или вѣрнѣе, желѣзныя дороги рѣшили иначе.

Въ назначенный для отъѣзда день, батарея, въ полной боевой готовности, выстроилась на сельской площади; отслужили напутственное молебствіе, жители на славу угостили солдатиковъ и проводили съ крестнымъ ходомъ до выхода изъ села.

Раздалась пѣсня, появилась скрипка; со свистомъ и въ припляску дошли до станціи желѣзной дороги, гдѣ намъ предстояло сдѣлать нагрузку, что мы и исполнили, когда прибыли вагоны. Утромъ 10-го мая двинулись въ путь, который и продолжали благополучно до Корнештъ *); все шло какъ написано было въ маршрутѣ, съ точностью до одной минуты, но тутъ—стопъ! Стоимъ часъ, другой, третій, наконецъ и двѣнадцать, и сутки, и двое. Что за оказія? Комендантъ объявилъ, что всѣ пути запружены поѣздами и дальше не повезутъ; несмотря на это категорическое объясненіе, мы не теряли надежды, что насъ все-таки должны везти по желѣзной

*) Вторая станція не доѣзжая румынской границы—Унинъ.

дорогѣ, такъ какъ имѣли засвидѣтельствованныя полевымъ штабомъ, росписанія движенія поѣздовъ. За нами слѣдомъ пріѣхало еще нѣсколько военныхъ поѣздовъ, сколько могло помѣститься на запасныхъ путяхъ станціи. Вышеупомянутому коменданту пришла странная фантазія: предложить намъ убраться изъ пассажирской комнаты вокзала, при приближеніи курьерскаго поѣзда, что конечно не было исполнено, тѣмъ болѣе, что въ числѣ офицеровъ были и старшіе—наши начальники. Составили по этому случаю актъ, и вмѣстѣ съ другимъ донесеніемъ, упоминаемомъ ниже, отправили по командѣ.

Наконецъ, дождались! Звонокъ—и мы тронулись; проѣхали черепашьимъ шагомъ знаменитый перевалъ, гдѣ того и смотри, что тебя заживо погребутъ глиняныя массы, высоко поднимающіяся надъ полотномъ дороги, которыя при дождливой погодѣ, какая была въ это время, обваливаются и даже имѣютъ странную особенность передвигаться цѣлыми слоями. Кому принадлежитъ честь устройства именно на этомъ мѣстѣ желѣзнаго пути,—я, къ счастію, не знаю, а говорятъ, знакомые съ этой мѣстностью, компетентныя лица, что, сдѣлавъ лишнихъ десять—пятнадцать верстъ, можно было бы избѣжать этого головоломнаго чортова моста, гдѣ недостаточно никакихъ человѣческихъ усилій, чтобы съ успѣхомъ бороться противъ природы, и рано или поздно придется бросить этотъ путь, а съ нимъ и тѣ сотни тысячъ, а пожалуй и милліоны, которые на него убиты.

Но худшее ожидало насъ впереди, по прибытію уже къ ночи на станцію Пырлицу, которой завѣдывалъ тотъ же самый комендантъ.

— Кто здѣсь начальникъ эшелона? спрашиваетъ комендантъ подойдя къ офицерскому вагону.

Я вышелъ, думая что случилось что-нибудь необыкновенное въ пути, гдѣ постоянно почти приходилось выходить изъ вагона, чтобы сдѣлать какое-нибудь распоряженіе.

— Что, вамъ угодно? обратился я къ нему, я къ вашимъ услугамъ.

— Согласно полученныхъ мною распоряженій отъ начальника передвиженій,—вы немедленно должны выгрузить свою полу-батарею и слѣдовать походнымъ порядкомъ на Унгены, сообщаетъ комендантъ т. е. лицо, которому въ подобныхъ распоряженіяхъ должны подчиняться хотя бы и старшіе его чиномъ.

— Въ такомъ случаѣ, обратился я къ нему, я покорнѣйше прошу: во-первыхъ, изложить письменно переданное мнѣ сейчасъ распоряженіе, а во-вторыхъ, дать мнѣ проводника, такъ какъ въ темнотѣ трудно найдти дорогу даже отъ платформы.

— Проводниковъ у меня для васъ нѣтъ, а письменное распоряженіе вы получите, рѣзко отвѣтилъ комендантъ, вспоминая, вѣроятно, исторію въ Корнештахъ, благодаря которой можетъ быть и придумана была такая комбинація, основанная только на томъ, что въ данную минуту нельзя было отправить поѣзда въ Унгены.

Все это озадачило меня и заставило призадуматься; ночь, хоть глазъ выколи — темна; дождь, котораго мы сидя въ вагонѣ не замѣчали, уже третій день идетъ не переставая. Оставлять на платформѣ выгруженный эшелонъ, гдѣ хоть немного были защищены отъ дождя, не позволяютъ. Нечего было дѣлать, а пришлось скатить съ платформы артиллерію и обозъ прямо въ грязь. Идти сейчасъ-же на Унгены нельзя было и думать, а потому, посовѣтовавшись съ офицерами, я рѣшилъ, несмотря на недозволеніе оставаться на платформѣ, людей все-таки оставить тамъ, чтобы укрыть ихъ отъ дождя, затѣмъ немедленно послать въ ближайшую деревню къ старостѣ за проводникомъ, и во всякомъ случаѣ ожидать разсвѣта. Такъ и сдѣлали, и, какъ оказалось, поступили благоразумно: шедшій впереди насъ 1-й эшелонъ нашей батареи, повинуясь этому распоряженію, двинулся въ путь, не зная дороги, ночью, парал-

лельно полотну, завязъ въ болото и мы, хотя и вышли на двѣнадцать часовъ позднѣе изъ Пырлицы, въ Унгены пришли раньше и послали своихъ лошадей выручать ихъ.

Не знаю, благоденствуетъ-ли этотъ комендантъ, который такъ безцеремонно распорядился съ нами, но мы обо всемъ донесли кому слѣдуетъ.

Въ Унгенахъ расположились на берегу Прута, за низменнымъ берегомъ котораго, верстахъ въ семи, возвышались горы, уже покрытые зеленью. Синяя даль, слегка подернутая туманомъ, манила къ себѣ и еще болѣе усиливала желаніе поскорѣй достигнуть цѣли своего путешествія. Любуясь превосходной панорамой, я забылъ всѣ тревоги, коменданта и дождь, провожавшій насъ цѣлый переходъ, только что переставшій; въ воздухѣ еще чувствуется влажность, но вѣтерокъ разгоняетъ послѣднія тучки, и могучее весеннее солнце оживляетъ природу.

Въ ожиданіи отправки по желѣзной дорогѣ, простояли мы здѣсь двое сутокъ, и наконецъ, 15-го мая, въ двѣнадцать часовъ, переѣхавъ мостъ черезъ Прутъ, отдѣляющій Россію отъ Румыніи, поѣздъ, пробѣжавъ по лощинѣ крутыми поворотами верстъ двадцать, подвезъ насъ къ грязной платформѣ Ясскаго вокзала.

II.

Походъ въ Румыніи—Бивуакъ.

17-го мая, по распоряженію начальника тыла арміи генерала Каталея *), отрядъ, изъ двухъ батальоновъ и двухъ батарей, въ составъ котораго вошла и наша батарея, выступилъ изъ Яссъ по шоссе Текучу, гдѣ былъ полученъ маршрутъ для дальнѣйшаго слѣдованія черезъ Плоэшты и Букурештъ.

---

*) Въ послѣдствіи начальникъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, убитый на Арабъ-Конакскомъ перевалѣ.

Плоэшты лучшій городъ изъ тѣхъ, что мы прошли, послѣ Яссъ; въ немъ въ это время была сосредоточена вся Главная Квартира и 25-го мая пріѣхалъ Государь. Имѣя относительно Дуная центральное положеніе и хорошіе пути къ нему, городъ этотъ, естественно, былъ удобнымъ пунктомъ для полеваго управленія, откуда одновременно войска, раскинутыя по Дунаю, могли получить должныя распоряженія; удачный выборъ этого пункта въ стратегическомъ отношеніи, уже заранѣе обезпечивалъ успѣхъ такого труднаго и сложнаго предпріятія, какъ переправа черезъ одну изъ величайшихъ рѣкъ Европы въ виду непріятеля.

Проходя черезъ Плоэшты, мы были встрѣчены Государемъ около Его квартиры, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ шли походомъ. Кто-то изъ начальствующихъ ужасно распекъ насъ за то, что мы съ собой таскаемъ какіе-то мѣшки, веревки и палки. Объясненій, конечно, не полагается, и мы сожгли въ тотъ же день на кострахъ фашины, которыя возятся на подножкахъ зарядныхъ ящиковъ, на случай перехода черезъ какую-нибудь канаву или рытвину, а ужъ мѣшки съ фуражемъ на ящикахъ и канаты для коновязи на запасномъ лафетѣ пришлось поневолѣ оставить, ибо безъ нихъ въ походѣ обойтись невозможно, тѣмъ болѣе, что эта укладка даже и съ фашинами полагается по уставу, который по счастію не заботится только объ одномъ наружномъ, красивомъ видѣ.

Изъ Плоэштъ меня командировали въ Слатино, мѣсто расположеніе штаба и большей части 9-го армейскаго корпуса, за полученіемъ изъ казначейства денегъ для двухъ батарей, слѣдовавшихъ по полученному вновь маршруту черезъ Букурештъ въ Турно-Магурелли, гдѣ и предполагалось 14-го іюня сосредоточить весь 9-й корпусъ.

6-го іюня вечеромъ по желѣзной дорогѣ я прибылъ въ Слатино; городишко грязненькій, худшій изъ всѣхъ, которыхъ я видѣлъ въ Румыніи; расположенныя вокругъ него войска

скучали и мучились на припекѣ; цѣлый мѣсяцъ бездѣйствія тяжело отзывается на всѣхъ: неудивительно, что безобразнымъ кутежамъ и картамъ было отведено почетное мѣсто. Я благодарилъ судьбу, что на мою долю не выпало этого несчастія; товарищи наши завидовали намъ, идущимъ походомъ; много имъ пришлось вытерпѣть на румынскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Съ одной изъ батарей *) было крушеніе поѣзда, благодаря которому она потеряла четырехъ человѣкъ и восемь лошадей убитыми и нѣсколько человѣкъ и лошадей ранеными, то есть, столько, сколько батарея рѣдко теряла въ самомъ ужасномъ артиллерійскомъ бою; съ другой, еще хуже: отъ искры изъ локомотива началъ горѣть передокъ орудія, въ которомъ возятся порохъ и гранаты, и только благодаря находчивости и удали поручика И—скаго и фельдфебеля этой батареи, которые, узнавъ объ этомъ, бросились, на ходу поѣзда, по крышамъ товарныхъ вагоновъ съ лошадьми и платформамъ, съ одѣялами въ рукахъ, и затушили уже обгорѣвшій снаружи ящикъ, только благодаря этому, говорю я, подвигу, вся батарея спаслась отъ страшнаго взрыва. Затѣмъ эти батареи съ начала мая стояли въ Слатино, и теперь только получили приказаніе двинуться къ Турно.

На другой день, набѣгавшись вдоволь изъ интендантства въ казначейство и обратно и побывавъ на почтѣ, вечеромъ отправился въ Букурештъ. Въ вагонѣ встрѣтилъ румынскаго офицера — артиллериста, ѣдущаго изъ Калафата, откуда они бомбардировали Виддинъ, съ громадной гранатой (24-хъ фунтовой пушки стараго образца) съ выступами. На вопросъ мой, зачѣмъ онъ везетъ съ собой такую большую гранату, можно бы и по меньше.

— Эта граната, пояснилъ онъ мнѣ по-французски, упала у моихъ ногъ и я везу ее, чтобы сохранить на память.

*) Въ пѣшей артиллерійской бригадѣ 6-й батареи.

Ну, подумалъ я, стоитъ изъ за этого таскать съ собой лишнихъ два пуда по вагонамъ.

Знакомство наше продолжалось, однако на томъ, что мы обмѣнились визитными карточками, съ которыми, замѣчу кстати, румыны никогда не разстаются; завязался разговоръ о Букурештѣ, въ какомъ положеніи дѣла ихъ подъ Виддиномъ, каково вооруженіе ихъ артиллеріи, о турецкой же и не спрашивалъ, думая, что если они стрѣляютъ еще гранатами съ выступами *), то не заслуживаютъ вниманія. Оказывается, что я въ то время былъ полнѣйшимъ невѣждой по части знакомства съ вооруженіемъ нашихъ союзниковъ и противниковъ,—впрочемъ, не я одинъ виноватъ въ этомъ, но все-таки это слабое утѣшеніе. Я зналъ, что существуютъ дальнобойныя орудія восьми и девяти сантиметроваго калибра, но допустить, чтобы эти пушки, — послѣднее, такъ сказать, слово артиллерійской техники, по крайней мѣрѣ въ разсматриваемый промежутокъ времени, были у турокъ или у румынъ, я не могъ. Всѣ мы были виноваты въ маломъ знакомствѣ съ тѣми, съ кѣмъ пришлось имѣть дѣло, за что конечно и поплатились въ началѣ кампаніи; кровавые Плевненскіе и Шибкинскіе бои не имѣли бы мѣста, еслибы мы были приготовлены, посредствомъ увеличенія арміи, встрѣтить сильнаго врага, которымъ мы слишкомъ пренебрегали, да и вооруженіемъ мы поотстали отъ турокъ, чего ужъ я никакъ не допускалъ.

Десять лѣтъ назадъ русская полевая артиллерія была лучшая въ Европѣ, но съ тѣхъ поръ, она не сдѣлала ни шагу далѣе; хотя я по правдѣ сказать свою девяти фунтовую пушку, не промѣнялъ бы на дальнобойную, но за то меньшаго калибра. По дальности эта пушка мало уступаетъ дальнобойной, особенно восьми сантиметровой **), мѣткостью тоже, но за то наша

---

*) Образецъ этотъ, — временъ крымской кампаніи, былъ переходной ступенью отъ гладкихъ орудій, заряжаемыхъ съ дула къ нарѣзнымъ, заряжаемыхъ съ казны.

**) Для читателей не знакомыхъ съ артиллерійской терминологіей я долженъ

пушка имѣетъ громадный перевѣсъ, вслѣдствіе большей величины гранаты и силы разрывнаго заряда т. е. большаго количества пороха, которымъ наполняется граната. Дѣйствительно, сколько разъ случалось, что турецкая граната падала у самыхъ ногъ, ошеломитъ, обдастъ землею и пылью, а не убьетъ. Причина очень проста: граната дальнобойнаго орудія, пущенная съ гораздо большею противъ нашихъ скоростью, да еще съ дальняго разстоянія, когда она круче падаетъ на поверхность, на столько глубоко зарывается въ землю, особенно когда это пàхать или топкое мѣсто. что разрывной зарядъ уже не въ силахъ поднять цѣлый слой земли, а потому всѣ осколки тамъ и остаются. Наши же гранаты съ мéньшею скоростью и большимъ разрывнымъ зарядомъ, на столько, что всѣ осколки выбрасываются на поверхность, даютъ въ то же время больше и самыхъ осколковъ, (напримѣръ въ картечной гранатѣ девяти фунтовой пушки, которая должна разорваться въ воздухѣ не долетая земли — заключается кромѣ пороха еще 220 пуль, а въ маленькихъ гранатахъ дальнобойныхъ орудій помѣщается отъ тридцати — сорока не болѣе). Этотъ перевѣсъ на нашей сторонѣ имѣлъ громадное вліяніе на успѣхъ нашихъ артиллерійскихъ боевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ почему въ артиллеріи, если только она не была подвержена ружейному огню, такая незначительная, даже вздорная потеря сравнительно съ пѣхотой.

Утромъ 8-го іюня пріѣхалъ въ Букурештъ; закупивъ разныхъ разностей для похода, я былъ очень обрадованъ, найдя въ книжномъ магазинѣ экземпляръ карты Болгаріи

оговориться, что въ нашей русской артиллеріи полевыя и нѣкоторыя крѣпостныя орудія называются четырехъ, девяти, двадцати-четырехъ и т. д. фунтовыми потому, что если отлить сплошной чугунный шаръ, діаметръ котораго равенъ діаметру канала соотвѣтственнаго орудія, то вѣсъ его будетъ четыре, девять и т. д. фунтовъ, а для того же орудія продолговатая граната вѣситъ въ три (приблизительно) раза больше. Въ другихъ государствахъ пушка называется по величинѣ діаметра канала, какъ и у насъ нѣкоторыя крѣпостныя и береговыя орудія.

Каунпца, изданія австрійскаго генеральнаго штаба. Нужно замѣтить, что намъ для шести батарей, которымъ рѣдко даже приходилось идти походомъ или быть въ бою одновременно, выдали всего одну карту полковника Артамонова, которая по праву и была въ распоряженіи бригаднаго командира, а мы шли точно въ потемкахъ. Въ Одессѣ, передъ походомъ, нельзя было найти хорошей карты, кромѣ такихъ, какія напримѣръ прилагались разными періодическими изданіями въ тридцати верстномъ масштабѣ, на которыхъ не показано пунктовъ, какъ Орханіе, не говоря уже о мелочахъ. Съ нами былъ такого рода случай: получаемъ въ Текучѣ маршрутъ до какого то Бонеаса, смотримъ въ тридцати верстную карту и отыскиваемъ Бонеахъ около Журжева, но тутъ очевидно какая-нибудь ошибка, такъ какъ съ послѣдней, недоходя Букурешта, станціи показано въ маршрутѣ всего двадцать двѣ версты, а по картѣ выходитъ около сотни; оказывается, что въ окрестностяхъ Букурешта есть тоже Бонеасъ, который и былъ искомымъ пунктомъ. Это, впрочемъ, еще ничего, но случалось за отсутствіемъ хорошихъ картъ и худшее. Правда, что и вышеупомянутыя карты не удовлетворяли всѣмъ условіямъ, какія необходимы для тактическихъ соображеній, но они уже тѣмъ хороши, что съ помощью ихъ можно оріентироваться и составить болѣе подробные кроки уже на мѣстности. У насъ имѣется прекрасная карта Россіи въ масштабѣ трехъ верстъ въ дюймѣ, экземпляръ которой подаренъ фельдмаршалу Мольтке, при посѣщеніи имъ нашего генеральнаго штаба, сколько мнѣ извѣстно такая же карта составляется и для Болгаріи; желательно только, чтобы карты эти не служили бы только для подарковъ, а были въ большемъ количествѣ распространяемы въ войскахъ.

Въ Букурештѣ, познакомившись съ кондитерской и ресторанамъ Фраскати противъ театра, въ которомъ въ этотъ день не было представленій; вечеромъ былъ въ саду Рашка, гдѣ.

какая то странствующая нѣмецкая труппа, коверкала русскія пѣсни и романсы. Былъ, впрочемъ, и русскій куплетистъ не высокаго достоинства съ пресловутымъ:

Мнѣ не дорогъ твой подарокъ...

Злость меня взяла на всѣхъ русскихъ артистовъ. Неужели нельзя было пріѣхать хоть въ Букурештъ, чтобы показать наше искусство и вмѣстѣ съ тѣмъ намъ, русскимъ офицерамъ, доставить минуту истиннаго наслажденія. Въ матеріальномъ отношеніи, конечно, были бы вознаграждены съ избыткомъ, да и время то подходящее—лѣто; стало быть всѣ были свободны, а многіе пожалуй и нужду имѣли въ заработкѣ. Нѣтъ у васъ предпріимчивости, господа, вотъ что; а посмотрите-ка Горвицы съ цѣлымъ легіономъ своихъ единоплеменниковъ снуютъ по всѣмъ закаулкамъ Румыніи и продовольствуютъ, Богъ имъ прости, русскую армію матеріально, а Ständchen и madame Angot—питаютъ насъ духовно. За все это обильно сыплется золото; бурно льется золотая рѣка, которая беретъ начало на Руси (подлинный уѣздъ и губернія еще не отысканы) и впадаетъ на сѣверо-западномъ берегу Европы, гдѣ то около Казэ, нерѣдко теряясь на пути своемъ по карманамъ разныхъ банкировъ.

Ночь провелъ въ прекрасномъ «Hôtel de Boulevard» и имѣя при себѣ довольно большую сумму казенныхъ денегъ, да еще въ видѣ мѣшковъ съ серебромъ на нѣсколько тысячъ, поспѣшилъ догнать батарею въ одномъ переходѣ отъ Букурешта.

На берегу быстрой рѣки Аржиса, между деревьями раскинуты бивуачныя палатки, за походнымъ столикомъ собрались всѣ наши офицеры, съ которыми при случаѣ познакомится читатель. Начали меня, побывшаго на почтѣ и въ штабѣ распрашивать, что и какъ? гдѣ другія наши батареи и проч. Обмѣнялись впечатлѣніями о Букурештѣ и въ дружеской бесѣдѣ протянули за полночь. Ночь была тихая, звѣздная, свѣчи горѣли на открытомъ воздухѣ, въ сторонѣ въ кружокъ собра-

лись солдатики и далеко по зарѣ раздаются звуки родныхъ пѣсенъ, которымъ аккомпанируетъ плескъ бурлящей рѣки, собиравшейся, казалось, смыть тощій, черезъ нее перекинутый, мостикъ. Тутъ же на берегу хлопочетъ нашъ поваръ Іошка (Іонъ Ефимычъ, какъ звали его солдаты)—доброволецъ, который и по сю пору, т. е., когда я пишу эти строки, несетъ свою службу при нашей батареѣ въ Филиппополѣ.

— Смотри, Іошка, кричитъ бывало нашъ командиръ, чтобы соусъ былъ вкусенъ, да положи туда оливки, каперсы то, другое...

— Слушаю, ваше в—діе, только вотъ водочки бы горло промочить, умиленнымъ голосомъ проситъ Іошка.

Отдаются соотвѣтственныя приказанія и деньщикъ подноситъ ему за неимѣніемъ водки, коньяку или ракіи рюмку съ добрый стаканъ. Не нравятся эти напитки русскому человѣку, привыкшему къ родной сивушкѣ, пьетъ онъ ихъ скрѣпя сердце, отплевывается, морщится, а все-таки пьетъ, благо результатъ спирта одинъ и тотъ же будь онъ хлѣбный, виноградный или фруктовый.

Сослужилъ этотъ Іошка намъ службу порядочную, и благодаря ему, частенько не приходилось голодать въ полѣ, гдѣ онъ не могъ удовлетворить своей страсти къ спиртуознымъ напиткамъ, за отсутствіемъ всякой продажи питій распивочно, за то въ городахъ онъ вознаграждалъ себя за эти лишенія съ избыткомъ, но тутъ мы находили себѣ пищу въ ресторанахъ. Бывало на походѣ подумаешь: хорошо бы теперь и закусить, смотришь является Іошка.

— А вотъ, ваше в—діе, вчера я приготовилъ кусочекъ ростбифцу, курочку зажарилъ, не прикажите ли подать?

Дѣлается привалъ и откуда ни возьмись являются и ростбифъ, и курица, и цѣлая бутыль vinuri négri (красное вино, мѣстнаго приготовленія), а если позволяетъ время, то и самоваръ къ вашимъ услугамъ. Солдатики въ это время обыкно-

венно получали свою чарку водки. и закусивши бодрѣе продолжали путь.

Кстати замѣчу, что на батарею полагается два фургона, спеціально назначенные для офицеровъ: на нихъ возились наши чемоданы, постели и даже желѣзныя кровати, такъ какъ насъ въ батареѣ было всего пять человѣкъ, а въ другихъ и того менѣе; въ пѣхотныхъ полкахъ подобный фургонъ назначался для 10—15 офицеровъ, не удивительно. что они не могли пользоваться такимъ же комфортомъ, какъ артиллеристы. Сзади фургона у насъ привязывался плетеный кошель, въ которомъ неизмѣнно пребывалъ пѣтухъ, купленный съ самаго начала похода, кажется въ Марошешти на берегахъ Серета, и такъ привыкъ къ фургону. что никогда отъ него не отходилъ, и другая птица, покупаемая по мѣрѣ надобности и возможности, смотря на него, то же не пропадала.

III.

Ночь съ 14-го на 15-е іюня. Выступленіе на позицію и на аванпосты.

Пятра—румынское село,—расположено въ вершинѣ равнобедреннаго треугольника, основаніемъ котораго служитъ Дунай отъ Турно до Зимницы. Здѣсь 14-го іюня находилась Главная Квартира и скопилось много, точно изъ земли выросшихъ войскъ, которыя могли быть двинуты къ Турно или къ Зимницѣ. Утромъ 14-го іюня еще никто не зналъ гдѣ именно будетъ переправа. Слабый, едва слышный звукъ выстрѣловъ уже доносился изъ Турно, на которомъ и останавливались наши предположенія; но къ вечеру войска 8-го корпуса начали вытягиваться по дорогѣ къ Зимницѣ...

Въ это время меня отправили отыскать корпуснаго командира, чтобы получить приказаніе о томъ, куда слѣдовать прибывшимъ батареямъ. Ночь уже наступила, знаменитая, славная ночь!

Сопровождаемый двумя фейерверкерами *) и познакомившись предварительно съ картой, я двинулся въ путь придерживаясь болѣе южнаго, (т. е. ближе къ Дунаю) направленія. Тотчасъ по выѣздѣ меня долго задержали на узенькомъ мостикѣ, по которому на встрѣчу мнѣ двигались войска, сосредоточено, безмолвно. Тяжелы эти ночные походы! Природа человѣка требуетъ отдыха въ это время, поэтому каждый лишній шагъ утомляетъ до невозможности, постоянное напряженіе зрѣнія и слуха разстраиваетъ всю нервную систему и потому въ виду непріятеля подобный походъ можетъ причинить много бѣды. Герои Карса доказали, что для нихъ и день, и ночь— одинаковы: отдавая дань справедливости мужеству, неустрашимости и геройству, нужно помнить, что, идя на штурмъ Карса, *всякій* шелъ уже по знакомой мѣстности, которую изучилъ во время блокады и бомбардировки этой крѣпости, да еще на счастье ночь была лунная, но въ темную ночь на незнакомой мѣстности всякій потеряется.

Круто повернувъ на узенькую дорожку влѣво, я разошелся съ войсками: все стихло, только стукъ копытъ нашихъ коней глухо отзывался во мракѣ; мой рыжій Лиманъ **) навострилъ уши и размашистою рысью несся впередъ. Умное животное, выхоленное на хорошемъ заводѣ, сдѣлалось моимъ другомъ, и ночью, бросивъ повода, я вполнѣ на него полагался: на углѣ дорогъ онъ укорачиваетъ рысь, какъ бы прося указанія, но тутъ и сѣдокъ, никогда не бывавшій здѣсь, ничего не поможетъ, когда тропинки попадаются на каждомъ шагу. По звуку выстрѣловъ изъ Никополя я старался держать одно направленіе и, наконецъ, доѣхалъ до какой-то деревни. Деревня эта покоилась сномъ и потому не видно было ни одной живой души, ни одного огонька; стучу въ первую попавшуюся хату, являет-

---

*) Названіе унтеръ-офицера въ артиллеріи.

**) Имя моего коня.

ся румынъ. На вопросъ мой и моихъ спутниковъ фейерверкеровъ, привыкшихъ кое-какъ, съ разными ужимками, пантомимами и прибавленіемъ къ русскимъ словамъ окончаній шти и улъ, объясняться съ румынами, не знаетъ ли онъ гдѣ тутъ стоятъ войска?

— Нушти. — былъ отвѣтъ, успѣвшій намъ наскучить и за походъ.

Разговаривать, да еще такъ медленно, было некогда, оставшись доволенъ и тѣмъ, что узналъ, что я ѣду по настоящей дорогѣ на Магурелли*), поспѣшилъ тронуться дальше и черезъ часъ ѣзды на рысяхъ наткнулся на сторожевой пикетъ.

— Кто ѣдетъ? кричитъ часовой.

— Свои.

— Что пропускъ?

— Ну ужъ, братъ, не знаю; пошли-ка поскорѣй въ главный караулъ, чтобы поскорѣй пропустили.

Пока тянулась эта неизбѣжная операція, я слѣзъ съ коня, приказалъ отпустить ему подпруги и прилегъ отдохнуть послѣ безпрерывной четырехчасовой ѣзды на рысяхъ. Сладко дремлется послѣ большаго перехода, когда я еще не успѣлъ отдохнуть въ Пятрѣ, и затѣмъ послѣ этой ночной поѣздки; спать однако нельзя, если хочешь быть готовымъ черезъ четверть часа, — только больше измучишься, разломаешься, а для того, чтобы не заснуть существуетъ папироса, которой я и воспользовался на этотъ разъ съ большимъ удовольствіемъ; вообще въ походахъ табакъ доставляетъ истинное наслажденіе и тотъ, кто не куритъ, испытываетъ больше лишеній больше тяжести, чѣмъ курящій людъ, а потому общество «Краснаго Креста» дѣлаетъ великое благодѣяніе, раздавая табакъ войскамъ, который еще не завоевалъ по нашимъ табелямъ

*) Названіе деревни, прилегающей къ Турно съ восточной стороны, откуда и городъ этотъ называется Турно-Магурелли въ отличіе отъ Турно-Северина.

довольствія въ военное время такихъ правъ, какъ водка и впослѣдствіи чай.

Въ Сіагѣ (Siaga—на австрійской картѣ) я нашелъ въ сборѣ весь 9-й корпусъ, только первая бригада 31-й дивизіи *) съ нашими 1-й и 2-й батареями были расположены вблизи Турно; пѣхотные полки эти прикрывали линію батарей, стрѣлявшихъ по Никополю.

Получивъ приказаніе отъ корпуснаго командира присоединиться къ своей бригадѣ, я отправился отыскивать эту послѣднюю. Ночью съ горы, гдѣ я отыскалъ нашу 5-ю батарею, прекрасно видны были выстрѣлы нашихъ и турецкихъ батарей, звукъ которыхъ давно уже слышалъ. Кононада продолжалась съ большею энергіей; огненные языки послѣ выстрѣловъ на мгновеніе освѣщали мѣстность и моментально скрывались. Картина грандіозная, которую пришлось видѣть впервые, произвела на меня потрясающее впечатлѣніе: все мое вниманіе было обращено на тѣ скалы, съ которыхъ то вверху, то внизу показывались огненные языки; сознаніе, что быть можетъ каждый выстрѣлъ выноситъ изъ рядовъ нѣсколько жизней, непріятно коробило и приводило въ какое-то нервное, напряженное состояніе: сердце усиленно бьется, мысль работаетъ, вообще приходишь въ состояніе экзальтаціи, но такое состояніе продолжается очень не долго, и слава Богу! Въ самомъ дѣлѣ въ подобную минуту человѣкъ едва ли въ состояніи разсуждать правильно, точно у отуманеннаго винными парами, дѣйствія его будутъ порывисты, нервны и безотчетны...

Я забылъ свою усталость; все усиливающійся съ каждою минутою смертоносный огонь еще болѣе привлекалъ мое вниманіе и, наконецъ, достигъ ужасающихъ размѣровъ: всѣ скалы, прилегающія къ Никополю, освѣтились безчисленными огоньками, которые перебѣгали съ одного мѣста на другое, трескотня

*) Полки Пензенскій и Тамбовскій.

ружейныхъ выстрѣловъ слилась въ одинъ общій гулъ. Въ нѣсколько ярусовъ, освѣщенныя ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ, непріятельскія твердыни, отражаясь въ водахъ Дуная, до сихъ поръ, точно я ихъ только что видѣлъ, еще свѣжи въ моей памяти.

Причина этой адской иллюминаціи скоро обнаружилась: плоты, которые должны были служить для переправы и постройки моста черезъ Дунай партіями сплавлялась изъ устья Ольты внизъ по Дунаю; одна изъ этихъ партій была въ эту ночь замѣчена съ непріятельскаго берега и послужила мишенью ихъ стрѣлкамъ и артиллеріи.

Хорошо мнѣ было любоваться картиной съ безопаснаго мѣста, вдали даже отъ берега, а каково было тѣмъ труженикамъ, которые, безостановочно работая громаднымъ рулемъ на плотахъ, чтобы бороться съ капризнымъ теченіемъ Дуная, могли въ то-же время какой-нибудь гранатой быть опрокинутыми въ его волны, а пуля, на этомъ-же незатѣйливомъ суднѣ, дать вѣчное упокоеніе!

Когда стрѣльба начала понемногу стихать, стали слышны выстрѣлы съ другой стороны. Какъ досадно, обидно даже знать, что вездѣ другіе работаютъ, умираютъ, а ты стоишь на мѣстѣ безъ дѣла; кажется такъ-бы и бросился въ самый отчаянный огонь, чтобы заглушить въ себѣ это чувство, но это тоже временно; впослѣдствіи привыкаешь сознавать себя маленькой песчинкой въ этомъ океанѣ страстей и смерти, и покорно идешь только туда, куда тебѣ приказываютъ. Къ вечеру только было удовлетворено наше любопытство, возбужденное выстрѣлами со стороны Зимницы, — «ура»! Дунай уже въ нашихъ рукахъ, переправа совершена!...

Утромъ, 15-го іюня, я выѣхалъ на дорогу встрѣтить свою батарею, которая такимъ образомъ и присоединилась къ корпусу.

Насъ поставили вмѣстѣ съ другими на горѣ около Сіаги *),

*) Въ двѣнадцати верстахъ недоходя Турно по Дунаю.

откуда я наблюдалъ въ эту ночь за стрѣльбой изъ Никополя, верстахъ въ пяти отъ Дуная, отдѣленные отъ него ровной, низменной поляной, заливаемой весною.

Стрѣльба съ батарей, расположенныхъ по берегу Дуная, отъ устья Ольты до Фламунды, уже нѣсколько сутокъ продолжается безпрерывно. Въ 8 часовъ утра въ этотъ же день Никополь запылалъ отъ выстрѣловъ. Сначала трудно было опредѣлить: горитъ ли барка на пристани около города или самый городъ, но пожаръ все усиливался и стало ясно, что вся нижняя, прибрежная часть города объята пламенемъ. Какая именно батарея, или какой наводчикъ зажегъ городъ, при одновременной стрѣльбѣ нѣсколькихъ батарей, рѣшить трудно; а между тѣмъ, въ смыслѣ боеваго отличія артиллериста — это вопросъ важный; принимавшія участіе въ бомбардировкѣ Никополя батареи до сихъ поръ не рѣшили, кому приписать эту удачу, хотя находились лица, которыя съ полной увѣренностью относили эту честь себѣ; на это можно только пожать плечами и улыбнуться: вамъ, молъ, и книги въ руки, какъ обыкновенно и дѣлалось. Взрывъ броненосца «Лютфли-Джелиль» былъ еще свѣжъ у всѣхъ въ памяти, отчего два броненосца, крейсировавшіе около Никополя, за которыми уже чрезчуръ усердно охотились наши артиллеристы, скоро пострадали и были отведены турками въ рукавъ при устьѣ Осмы, гдѣ, израненные, избитые, и оставались до самаго взятія Никополя.

Корпусъ нашъ самымъ усерднымъ образомъ готовился къ переправѣ: дѣлались соотвѣтствующія распоряженія, расположены мы были, какъ уже извѣстно, на горѣ, такъ что и турки пожалуй могли думать, что переправа будетъ именно здѣсь, — словомъ все было скомбинировано прекрасно и цѣль демонстраціи переправы вполнѣ достигнута, что само собой облегчило и самую переправу, такъ какъ туркамъ рискованно было послать изъ Никополя въ Систово даже незначительную часть

войскъ, а когда наши уже заняли и утвердились въ Систовѣ, тогда было уже поздно.

Такъ мы простояли на этомъ мѣстѣ до 19-го іюня, т. е. трое сутокъ послѣ мѣсячнаго безпрерывнаго изо-дня въ день похода; нужно было привести батарею въ порядокъ: ковка лошадей, мелкія починки матеріальной части, какъ перетяжка нѣкоторыхъ расшатавшихся колесъ и т. п. заняли это время. Я тѣмъ временемъ ѣздилъ на ближайшія къ намъ батареи во Фламундѣ, чтобы поближе осмотрѣть Никополь, который, впрочемъ, съ нашей горы былъ видѣнъ лучше, чѣмъ съ низкаго берега у самаго Дуная, гдѣ по необходимости должны были помѣщаться батареи, чтобы быть ближе къ непріятелю. Присутствіе тутъ же въ Сіагѣ нашей корпусной почты дало возможность получить давно жданную корреспонденцію, а равно и свои письма отправить поскорѣе. Скоро ли отправлялись наши письма и какъ мы получали адресованныя намъ,—это другой вопросъ, о которомъ я еще поговорю при случаѣ, если это уже не успѣло надоѣсть по тѣмъ стонамъ и воплямъ, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ людей, какія попадали уже въ печать. Впрочемъ, кто же не былъ заинтересованъ? Вся Россія въ лицѣ отцовъ, матерей, женъ, дѣтей и, наконецъ, друзей нашихъ воиновъ неоднократно мучилась невѣдѣніемъ о своихъ близкихъ только потому, что какому-нибудь смотрителю Николаю Ивановичу не вздумалось отправить своевременно почты, а отложить эту отправку на мѣсяцъ и болѣе, особенно если предстоитъ движеніе впередъ. Регулярной отправки положимъ не было, да этого и требовать нельзя, но все-таки можно было бы приказать смотрителямъ обязательно отправлять почту хоть разъ или два въ недѣлю, а не полагаться на ихъ личное благоусмотрѣніе.

Вечеромъ 19-го не успѣли мы усѣться на открытомъ воздухѣ, какъ мы всегда дѣлали, когда спадетъ нѣсколько жара, около столика для бесѣды и закуски, какъ является адъю-

тантъ, а за нимъ и самъ нашъ начальникъ артиллеріи генералъ-маіоръ (нынѣ генералъ-лейтенантъ) Калачевъ и приказываетъ черезъ три часа батареѣ приготовиться и идти на позицію у Турно для смѣны 3-й батареи 5-й артиллерійской бригады. Живо собрались, уложились и ровно въ часъ ночи батарея, охраняемая казаками, выступила, а къ четыремъ часамъ утра уже была въ городѣ Турно, въ надеждѣ на слѣдующую ночь стать на позицію. Всѣ подобныя передвиженія батарей совершались ночью для того, чтобы съ крутаго непріятельскаго берега невидно было этого движенія, а такъ какъ дорога въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слишкомъ близко подходитъ къ берегу, то легко обратить на себя вниманіе и вызвать огонь, который могъ принесть напрасныя жертвы.

Въ теченіи дня 20-го приказанія много разъ мѣнялись, и наконецъ, велѣно было отправить на позицію только четыре орудія, т. е. полу-батарею, при которой долженъ быть и командиръ батареи, а другую—поставить бивуакомъ съ Тамбовскимъ полкомъ въ Магурелли. Капитанъ Г—нъ, какъ старше меня долженъ бы былъ идти на бивуакъ съ своей полу-батареей, но онъ ни за что не хотѣлъ; командиръ предоставилъ выборъ нашему соглашенію и мы рѣшили на узелки: ему вышло на позицію, а мнѣ на бивуакъ.

Съ закатомъ солнца распрощались, выпили за успѣхъ нашихъ предстоящихъ дѣлъ шампанскаго, добытаго въ Турно, и разошлись въ разныя стороны. Только когда окончательно скрылись изъ виду другъ друга, взгрустнулось не на шутку и не одна слеза покатилась по черствымъ загорѣлымъ лицамъ нашихъ солдатъ. Въ силу ли русской пословицы: «на міру и смерть красна» или другихъ, лучшихъ побужденій, но только намъ хотѣлось, хоть въ первомъ бою быть вмѣстѣ... *).

---

*) Капитанъ Г—нъ, командиръ полу-батареи бывшей на позиціи при бомбардировкѣ Никополя обѣщалъ описать этотъ эпизодъ и потому я съ удовольствіемъ уступаю ему, какъ очевидцу и участнику, это описаніе.

IV.

Турно-Магурелли. — На аванпостахъ. — Первые выстрѣлы.

Городъ Турно расположенъ нѣсколько ниже впаденія Ольты въ Дунай, верстахъ въ трехъ—четырехъ отъ послѣдняго, съ пристанью котораго соединенъ шоссированной дамбой; на самомъ берегу справа отъ дамбы зеленѣлись кустарникъ и виноградники, въ которыхъ расположены девяти фунтовыя батареи 31-й бригады; ближе къ городу и далѣе влѣво до Фламунды были установлены осадныя батареи съ двадцати-четырехъ фунтовыми пушками и шести дюймовыми мортирами. Самый городъ, правильно расположенный съ прекрасными зданіями, скверомъ и садомъ выходящимъ на терассу, откуда открывается чудный видъ на Никополь, занимаетъ не большое пространство, вытянувшись параллельно Дунаю. Въ описываемое время не много жителей оставалось въ городѣ изъ опасенія бомбардировки его изъ Никополя; всякій кто имѣлъ возможность выѣхалъ заблаговременно; магазины закрылись въ домахъ остались только стѣны, до такого рода вещи, которыя по своей громоздкости не могли быть вывезены. Опасенія эти оправдались: однажды утромъ турецкія батареи прислали таки нѣсколько гранатъ внушительныхъ размѣровъ, двѣ изъ которыхъ упали близъ церкви внутри двора аптекаря, домъ котораго выходитъ на площадь со скверомъ, третья угораздила въ самый домъ, пробила сквозную дыру внизу южной стѣны, въ щепки раздробила полъ и исковеркала школьныя скамейки, помѣщавшіяся въ этой комнатѣ; стекла конечно въ дребезги, а въ аптекѣ хозяина на противоположной сторонѣ дома всѣ медикаменты въ банкахъ и пузырькахъ полетѣли съ полокъ. На другой день мнѣ случилось заѣхать въ эту аптеку, чтобы купить кое-какихъ лекарствъ и хозяинъ, еще не пришедшій въ себя отъ вчерашней катастрофы, съ

ужасомъ разсказывалъ мнѣ это происшествіе, слѣды котораго были свѣжи и сегодня. На счастье горожанъ, у турокъ не было достаточно орудій, которые бы могли съ успѣхомъ стрѣлять по Турно, къ томуже у нихъ подъ носомъ были наши батареи, которыя не умолкали ни на минуту, и принебрегать ими не приходилось, гоняясь за химерической задачей разрушенія города только съ двумя дальнобойными крѣпостными орудіями, *) а полевыми ничего нельзя сдѣлать, такъ какъ разстояніе слишкомъ велико, почти шесть верстъ.

Неудобство позицій нашихъ батарей на низменномъ берегу, въ болотѣ, въ виду крутаго и высокаго, почти отвѣснаго съ нависшими каменными глыбами надъ рѣкой, непріятельскаго берега, увѣнчаннаго амбразурами, не имѣло такого неблагопріятнаго вліянія, какого слѣдовало бы ожидать, на успѣхъ стрѣльбы. Съ методическою точностью каждая батарея отстрѣливалась отъ своего противника, ближе къ ней расположеннаго, а когда онъ умолкалъ, принималась и за другихъ. По временамъ отдавалось общее распоряженіе о бомбардировкѣ цитадели города, и тогда всѣ батареи сосредоточивали огонь на одномъ какомъ-нибудь пунктѣ. Результаты стрѣльбы издали опредѣлить трудно, но все-таки можно сказать, что успѣхъ былъ очень хорошъ: обвалившіяся стѣны крѣпостнаго вала и рва, пожаръ нижней части города, гдѣ были у турокъ громадные склады зерноваго хлѣба, истребленные этимъ пожаромъ, наконецъ, въ послѣдніе дни бомбардировки, слабые боязливые отвѣты на наши выстрѣлы—все это такого рода вещи, о которыхъ только и можно мечтать артиллеристу; взрывъ броненосца, подбитіе орудія и взрывъ ящика — это случайная удача, за которой не угоняешся и потому досадно было слушать, когда какой-нибудь мало смыслящій въ стрѣльбѣ артиллеріи и назначенія этого рода оружія въ бою,

*) Какъ это выяснилось по взятіи Никополя.

человѣкъ, станетъ укорять почему, напримѣръ, вы не подобьете орудія, не выгоните какого-нибудь смѣльчака засѣвшаго съ ружьемъ въ канаву и т. п., да просто потому, что это въ сущности и не дѣло артиллеріи; орудіе непріятельское можетъ замолчать не потому, что оно подбито, а потому, что у него перебита или деморализована прислуга, если она не имѣетъ при этомъ хорошаго отъ выстрѣловъ закрытія, чего почти и не бывало у турокъ; допуская возможный фактъ, какъ исключеніе, подбитіе орудія, все-таки странно требовать отъ артиллеріи, стрѣлявшей, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, съ большихъ дистанцій (разстояніе до цѣли), чтобы снаряды падали на извѣстной квадратной сажени, гдѣ стоитъ непріятельское орудіе; нѣтъ такого орудія, нѣтъ такого пороха и, наконецъ, человѣческій органъ зрѣнія не можетъ имѣть такой математической точности, чтобы съ увѣренностью сказать, послѣ предварительной, конечно, пристрѣлки, что каждый снарядъ будетъ падать тамъ-то. Наука артиллерія, которая только и можетъ дать основательную оцѣнку стрѣльбы, считаетъ хорошимъ выстрѣломъ, если снарядъ полеваго орудія пущенный съ дистанціи напр. въ тысячу сажень будетъ не долетать или перелетать пятнадцати, двадцати саженъ; этакая погрѣшность допускается даже при точно измѣренномъ разстояніи и вообще при всѣхъ условіяхъ, благопріятныхъ для стрѣльбы; но этотъ выстрѣлъ ничего не можетъ сдѣлать непріятельскому орудію, развѣ только какой-нибудь осколокъ перебьетъ спицу въ колесѣ, если опять-таки это орудіе не будетъ за укрѣпленіемъ. Вообще, я бы не совѣтовалъ человѣку, незнакомому съ артиллерійскимъ дѣломъ, судить о вещахъ мало для него понятныхъ, и тѣмъ болѣе, если онъ при этомъ беретъ на себя роль авторитетнаго судьи, какъ это дѣлали корреспонденты, положимъ хоть при описаніи трехмѣсячной, безпрерывной пальбы по землянымъ плевненскимъ веркамъ; право, это по меньшей мѣрѣ смѣшно...

Когда я буду говорить объ осадѣ Плевны, постараюсь выяснить суть дѣла; и по возможности, мой взглядъ, вообще на стрѣльбу артиллеріи, сообщить въ доступной формѣ для читателей, не изучавшихъ военныхъ наукъ, а также и для тѣхъ, кто и изучалъ когда-то, да отсталъ такъ, что кромѣ вреда ничего принесть не можетъ.

При бомбардировкѣ Никополя потерь у насъ почти не было: только въ нашей первой полу-батареѣ одинъ убитъ, да въ другой батареѣ раненъ фельдшеръ, которому страшно показалось быть на укрѣпленіи и онъ отправился въ кусты, гдѣ и отыскалъ его шальной осколокъ. Причина такой незначительной убыли заключается въ слѣдующемъ: во-первыхъ, были заранѣе приготовлены укрѣпленія, при постройкѣ которыхъ трудились саперы и Пензенцы, за что мы посылаемъ наше искреннее спасибо, тѣмъ болѣе, что при постройкѣ послѣдніе потеряли сразу двѣнадцать человѣкъ чуть ли ни отъ одной только гранаты; а во-вторыхъ, и то обстоятельство, на которое я указывалъ выше, т. е. стоянка на топкомъ мѣстѣ, когда гранаты почти не даютъ осколковъ, тоже имѣло, громадное, благопріятное для насъ, вліяніе.

Между тѣмъ какъ 1-я полу-батарея наша, отправилась на позицію, моя, 2-я, стала бивуакомъ съ Тамбовскимъ полкомъ въ деревнѣ Магурелли, прилегающей къ Турно, съ востока; при мнѣ былъ еще офицеръ поручикъ Тер—скій, съ которымъ мы и горевали, что не пришлось намъ быть въ бою вмѣстѣ съ другими. Не успѣли мы кое-какъ устроиться на бивуакѣ, какъ получили приказаніе къ вечеру, 21-го іюня, выступить къ бухтѣ у Дуная за деревней Фламундой, гдѣ минеры и моряки ставили загражденія для полнаго обезпеченія Систовскаго моста.

Бухта эта защищена двумя островами, расположенными ближе къ нашему берегу, отъ взоровъ непріятеля и потому служила прекрасной стоянкой для нашихъ паровыхъ катеровъ и шлюпокъ, на которыхъ наши отважные моряки совершали свои

экскурсіи; тутъ же чинилась избитая «Шутка», та самая, на которой Ниловъ атаковалъ броненосца и еще теперь въ разговорѣ не могъ хладнокровно вспомнить своей роковой неудачи. Общество моряковъ, во главѣ котораго былъ капитанъ Новиковъ, уже награжденный, вполнѣ по его заслугамъ, орденомъ св. Георгія на шею, въ распоряженіи котораго былъ присланъ и я со своей полу-батареей, произвело на меня прекрасное впечатлѣніе: хладнокровіе, мужество при исполненіи ими своихъ обязанностей и, наконецъ, полная увѣренность за успѣхъ своего предпріятія — вотъ тѣ прекрасныя черты, которыя я подмѣтилъ изъ своего короткаго знакомства съ ними.

Обязанность моя, вмѣстѣ съ двумя ротами Тамбовцевъ, состояла въ охраненіи моряковъ на случай нападенія со стороны турокъ, которые замѣтивъ, что сзади нѣтъ уже войскъ, такъ какъ остальныя части 9-го корпуса уже двинулись къ Зимницѣ, оставивъ только два полка у Турно, легко могли перебраться на этотъ берегъ и перерѣзать эту маленькую кучку людей, и тѣмъ помѣшать дальнѣйшимъ работамъ по установкѣ торпедъ. На ночь я располагался съ двумя орудіями у входа въ бухту, а поручикъ Т. съ другими двумя у выхода. Эта стоянка на аванпостѣ была непріятна въ томъ отношеніи, что ночью на этомъ низкомъ берегу цѣлые миріады комаровъ не давали покоя; спать положимъ было нельзя и безъ этого, но все-таки я выходилъ изъ терпѣнія отъ этихъ докучливыхъ музыкантовъ. Несмотря на мой довольно большой ростъ, я, чтобы не лежать на влажной почвѣ, изъ боязни простудиться, такъ какъ мнѣ уже было извѣстно страшное дѣйствіе дунайскихъ лихорадокъ, ухитрялся помѣститься на лафетѣ, упершись ногами въ правила, а голову клалъ на казенную часть орудія, и въ такомъ видѣ проводилъ ночи. Чтобы имѣть понятіе о сырости въ этихъ мѣстахъ, достаточно сказать, что конверты, помѣщавшіеся въ моемъ плотномъ, кожанномъ портфелѣ, всѣ до одного сами собой посклеи-

лись; хотя портфель всегда лежалъ или на столикѣ или на постелѣ.

Съ разсвѣтомъ мы уходили на бивуакъ, оставаясь все-таки всегда готовыми ко всякимъ случайностямъ; но днемъ вѣроятность внезапнаго нападенія уменьшилась, поэтому мы и могли спокойно отдыхать у себя въ палаткахъ, разбитыхъ въ лѣску, прилегавшемъ къ берегу.

24-го іюня утромъ начали прибывать, спущенные съ устья Ольты плоты и пантоны для постройки другаго, и болѣе прочной установки стараго, Систовскихъ мостовъ. Почему-то они задержались на пути до разсвѣта, турки замѣтили ихъ и провожали выстрѣлами отъ Никополя вдоль по берегу до нашего расположенія.

Въ это время моряки устанавливали послѣднее торпедо, ближайшее къ турецкому берегу, гдѣ была сторожевая будка; отсюда сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ по морякамъ, затѣмъ, ружейные выстрѣлы стали учащаться и заставили-таки удальцевъ вернуться, чтобы захватить съ собой ружья, которыхъ они не брали въ полномъ упованіи никого опять не встрѣтить, какъ это было до сихъ поръ, хотя они работали тутъ уже съ недѣлю. Я только что вернулся со своей ночной стоянки, и, услышавъ выстрѣлы обратился къ капитану Новикову за приказаніемъ.

— Возьмите два орудія и пошлите имъ нѣсколько гранатъ, приказалъ онъ своимъ ровнымъ, спокойнымъ басомъ, точно онъ приказывалъ подать стаканъ чаю, — такъ это было просто сказано.

Для него и было дѣйствительно просто, но мнѣ, которому въ первый разъ придется имѣть передъ собою не деревянныя мишени, а живыхъ людей, да и самому служить мишенью, это было новостью. Я радовался, что, наконецъ, дошла и до меня очередь принесть какую-нибудь пользу общему дѣлу и потому бѣгомъ бросился къ своимъ людямъ и приказалъ быстро за-

речь взводъ поручика Т., съ ночной позиціи котораго мы и открыли огонь.

Первый выстрѣлъ, направленный въ будку — недолетъ, — второй — перелетъ и третій, дымомъ отъ разрыва гранаты и пылью закрылъ будку.

Новиковъ на переднемъ катерѣ полетѣлъ къ тому берегу, а за нимъ и остальные моряки, уже съ ружьями. Черезъ головы ихъ мы еще сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ и въ бинокль разсмотрѣли кучку убѣгавшихъ турокъ; стрѣльбу изъ ружей они прекратили. Мысъ, съ котораго мы стрѣляли, вдается въ Дунай, такъ что разстояніе въ этомъ мѣстѣ между берегами, т. е. ширина рѣки, не болѣе шести-сотъ саженъ, поэтому и къ намъ залетѣло нѣсколько пуль, но я съ горяча и не замѣтилъ.

Изъ моряковъ былъ чрезвычайно счастливо контуженъ одинъ, лейтенантъ Астромовъ: пуля пробила два погона, такъ какъ онъ имѣлъ на себѣ, сверхъ сюртука, пальто, и только немного оцарапала плечо, задержанная, вѣроятно на излетѣ, жестянками, которыя обыкновенно вставляются внутри погонъ; у насъ же все обошлось благополучно.

Не видя болѣе передъ собою никакой цѣли, я прекратилъ огонь и вмѣстѣ съ моряками, благополучно кончившими свое дѣло, вернулся на бивуакъ.

Въ двѣнадцать часовъ этого же дня, весь нашъ маленькій отрядъ отправился на рекогносцировку острова Бѣлины, верстахъ въ четырехъ внизъ по Дунаю. Островъ этотъ лежитъ близко къ нашему берегу и потому, засѣвшая тамъ кучка непріятельскихъ стрѣлковъ, могла надѣлать бѣды пантонамъ и плотамъ, которые предполагалось спустить въ слѣдующую ночь къ Зимницѣ. Моряки уже неоднократно разъѣзжали на своихъ катерахъ между Зимницей и нашей бухтой (всего верстъ тридцать-пять по Дунаю), въ виду сторожевыхъ будокъ, усѣянныхъ по всему турецкому берегу, и никакого непріятеля на островахъ не замѣчали, но мы все-таки отправились, чтобы увѣриться вполнѣ.

Артиллерія и пѣхота шли по берегу, а моряки на катерахъ по рѣкѣ до острова Бѣлины; часть пѣхоты была перевезена на островъ, гдѣ полуодѣтые прошли довольно большой и топкій островъ изъ конца въ конецъ, а другая часть съ взводами артиллеріи стала на берегу по сторонамъ его на всякій случай. Случая, однако, никакого не было и рекогносцировка эта хороша была тѣмъ, что мы хоть какъ-нибудь убили время, а не сидѣли сложа руки въ палаткахъ, что ужасно надоѣдаетъ. Нѣтъ ничего утомительнѣе для войскъ, какъ стоять безъ дѣла и чего то ждать. Сильно настроенное воображеніе требуетъ усиленной, до усталости работы, послѣ которой сладокъ и отдыхъ, и на душѣ дѣлается легче; поэтому и теперь, когда мы шли обратно съ этой маленькой экспедиціи, люди наши запѣли пѣсни, веселые и довольные еще утренней нашей стрѣльбой, возвращалися на отдыхъ.

Вечеромъ получилось приказаніе, по которому къ слѣдующему утру, всѣ оставшіяся части 9-го корпуса, должны были быть смѣнены румынами и соединиться на старомъ мѣстѣ, въ Сіагѣ, чтобы слѣдовать къ переправѣ у Зимницы; приказаніе было выполнено, и часа въ четыре пополудни 25-го іюня, мы встрѣтились со своими товарищами, точно послѣ долгой разлуки. Разсказамъ не было конца; въ теченіе четырехъ сутокъ каждый изъ насъ испыталъ много новыхъ, прежде незнакомыхъ чувствъ, которыми и подѣлились, какъ кто могъ. Изъ боевой практики первой полу-батареи, ознакомились съ характеромъ стрѣльбы турокъ и ихъ вооруженіемъ, о чемъ упомяну впослѣдствіи.

Большой переходъ до Зимницы въ жаркій до невозможности день 26-го іюня, да еще по песчаной, пыльной дорогѣ былъ первымъ непріятнымъ казусомъ въ моемъ странствованіи. Теперь намъ пришлось идти съ пѣхотой, шагъ которой гораздо меньше артиллеріи и потому приходилось поминутно останавливаться, что чрезвычайно тяжело, какъ для людей, такъ и

для лошадей; но наши люди, ранцы которыхъ возились на орудіяхъ и ящикахъ, были облегчены еще и тѣмъ, что сами могли, хоть по очереди, присѣсть на нихъ, а пѣшіе навьюченные непомѣрною тяжестью ранца и ружья, валились какъ мухи: къ концу перехода около каждаго телеграфнаго столба лежало по нѣсколько человѣкъ безъ чувствъ, безъ движенія, по дорогѣ начали выбрасывать изъ ранцевъ все что казалось лишнимъ: фуфайки, одѣяла, даже сапоги, брюки и т. п. валялись по всему пути. Впослѣдствіи все это, конечно, пригодилось бы, но измученный разбитый человѣкъ не можетъ разсуждать о будущемъ: настоятельная необходимость облегчить себя сейчасъ же является дѣломъ легальнымъ; предупредить все это можно было заранѣе и на совѣсти того, кто этого не сдѣлалъ, лежитъ потъ и кровь этого дня: къ концу перехода было отсталыхъ изъ двухъ полковъ болѣе тысячи человѣкъ, изъ которыхъ шесть, а можетъ быть и болѣе умерли отъ солнечнаго удара, а другіе подтянулись лишь къ утру слѣдующаго дня.

Скверный зловонный бивуакъ въ Зимницѣ, безъ воды, деревьевъ, подъ которыми можно было бы укрѣпиться отъ палящихъ лучей солнца, оставилъ по себѣ не хорошую память. Помѣститься въ грязной гостинницѣ, гдѣ биткомъ набито штабными, но все-таки можно укрыться отъ жары, строевому офицеру по крайней мѣрѣ неудобно, когда подчиненные не могутъ этого сдѣлать, а уходить отъ своей части, когда она испытываетъ такія-же неудобства для того, чтобы воспользоваться комфортомъ, просто непростительно какъ офицерамъ, такъ и начальникамъ.

Утопающіе въ зелени, систовскіе минареты уже стояли передъ нашими глазами. Высоты, окружающія Систово, на которыхъ недѣлю тому назадъ пролилась первая русская кровь, рѣзко означались на ясномъ, голубомъ небѣ; вправо надъ самымъ берегомъ возвышалась скала, откуда стрѣляла турецкая батарея, влѣво отъ насъ раскрывалась пасть ущелья ручья

Текеръ-дере, куда подъѣхалъ нашъ первый понтонъ. Теперь все стихло, эти высоты не разскажутъ вамъ какая буря пронеслась надъ ними въ ночь переправы, но въ то время, когда я былъ тамъ, они казались живыми: брошенное оружіе, изорванныя платья, фески, погоны—все это еще напоминало ужасную драму и рисовало картину страшнаго боя.

Еще нѣсколько дней, и намъ самимъ пришлось испытать всѣ перипетіи великой борьбы...

V.

Систово.—Первый переходъ въ Болгаріи.

Послѣ большой, невыносимой жары 26-го іюня, въ ночь пронеслась надъ Зимницей страшная буря съ грозой.

Отъ этой бури пострадалъ мостъ: двѣнадцать понтоновъ сорвало съ якорей и унесло внизъ по теченію; исправленіе моста заняло двое сутокъ и потому переправа наша могла начаться лишь 29-го іюня.

Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали мы своей очереди для переправы, имѣя въ виду въ этотъ же день сдѣлать переходъ до деревни Ореши, верстахъ въ семнадцати отъ Систова; только въ три часа пополудни подошли къ мосту и первое орудіе въѣхало на него. Незначительной вмѣстимости понтоны опускались подъ тяжестью пушки, и потому необходимо было идти съ интервалами: между орудіями—до сорока шаговъ, и до двадцати—между ящиками. Въ видахъ предосторожности верховые слѣзаютъ съ лошадей и ведутъ ихъ, такъ же какъ и подручныхъ *) подъ уздцы; это тѣмъ болѣе необходимо, что ширина моста достаточна только для проѣзда одной повозки и лошадь, не привыкшая видѣть пантоновъ, которые при этомъ были обтянуты въ носовой части полотномъ, чтобы не разливалась въ

*) Названіе артиллерійскихъ лошадей запряженныхъ съ правой стороны.

нихъ вода при волненіи, можетъ испугаться и шарахнуться въ сторону, причинивъ тѣмъ много бѣды; едва ли тонкія веревки, замѣнявшія перила, могли остановить испуганное животное. Переправу совершили благополучно и, наконецъ, стали на берегу Болгаріи, куда стремились наши мечты и желанія...

Въ это время Систовъ представлялъ мрачную картину; глухія улицы съ полуразваленными и ограбленными домами въ турецкихъ кварталахъ производили самое непріятное, удручающее впечатлѣніе. Кто были виновниками этого позорища я не знаю, и не берусь рѣшать, скажу только, что изъ людей подчиненныхъ мнѣ, не одинъ человѣкъ не отошелъ отъ своего орудія во время прохожденія чрезъ Систовъ и я увѣренъ, что вообще не русскій солдатъ былъ этому виновникомъ. Корреспондентъ «Times'a» отъ 9-го іюля основательно пишетъ: «въ настоящее время болгарамъ не можетъ быть предоставлено управленіе турками. Гнетъ тяготѣвшій надъ ними въ теченіе столѣтій, оставилъ свои слѣды жестокости. Въ противномъ случаѣ окажется, что жестокое управленіе господъ будетъ лишь замѣнено жестокимъ управленіемъ рабовъ. Въ тотъ самый моментъ, когда турецкіе угнетатели покидаютъ домъ или часть своей деревни, толпа болгаръ налетаетъ для грабежа. Когда негодующіе русскіе офицеры прогоняютъ ихъ, болгары говорятъ, что они берутъ только то, что составляетъ ихъ собственность. У нихъ нѣтъ никакого понятія о законѣ и правѣ». («Голосъ» № 170, 1877 г.). Откуда же въ самомъ дѣлѣ было взять болгарамъ понятіе о правѣ, когда вся основа турецкаго управленія, въ лицѣ его представителей законодательной, административной и судебной власти, покоилась на одномъ лишь правѣ—правѣ сильнаго. Удивительно ли, что болгаре, благодаря успѣхамъ русскихъ, стряхнувъ съ себя этотъ гнетъ, и, почувствовавъ себя въ данную минуту сильнѣе, начали на дѣлѣ проводить тотъ принципъ, который они всосали съ молокомъ матери. Всякій честный русскій останавливалъ «братушекъ»,

на сколько у каждаго было къ тому возможности, въ его порывахъ къ мщенію и жаждѣ крови, но все-таки едва ли кто рѣшится бросить грязью въ лицо цѣлой націи, сказавъ, что слѣдовательно, она неспособна будетъ управляться сама собой, если она руководствуется такими принципами. Нѣтъ, минуты неистоваго ожесточенія противъ турокъ еще не могутъ служить основаніемъ для догадокъ о томъ, что будетъ впредь. Болгарскій народъ слишкомъ много вытерпѣлъ, чтобы не дать вырваться наружу наболѣвшему чувству ненависти и злобы къ своимъ угнетателямъ; тѣ изъ нихъ, кто былъ призванъ въ ряды болгарскихъ дружинъ, которымъ внушены были правила долга и чести солдата, умирали *наравнѣ съ русскими* геройскою смертью за свою *родину* и свободу, и *такимъ образомъ*, нашли форму *мщенія принятую* и у цивилизованныхъ народовъ. У всякой націи есть свои подонки разсадникомъ которыхъ является пролетаріатъ, по которому нельзя судить о всей націи. У болгаръ я даже не встрѣчалъ пролетаріевъ; по крайней мѣрѣ у нихъ нѣтъ такой массы нищихъ, какую я встрѣтилъ впослѣдствіи въ Филипополѣ, Адріанополѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ цѣлыя голодныя толпы дѣтей и взрослыхъ осаждали русскихъ офицеровъ требованіемъ г а л а г а н а. Это были или турки или цыгане. Вы скажите, что вѣдь вы, молъ, видѣли несчастныхъ, которые не имѣютъ крова и проч.; но вѣдь цѣлая область долины розъ и множество городовъ были уничтожены и жители болгаре также остались безъ крова, почему же, спрошу я васъ, эти болгаре не разбрелись по городамъ съ просьбой о милостынѣ, а спокойно и безропотно ожидали лучшихъ дней, перенося лишенія, не поддающіяся никакому описанію *), Не есть ли это лучшее доказательство силы народнаго духа болгаръ?

---

*) Если и протягивалась рука закоченѣвшаго отъ холода и голоднаго болгарина и его дѣтей, напримѣръ, въ Габровѣ, то это исключенія, вызванныя страхомъ приближенія ужасной смерти.

Утомленіе и необходимость полнаго вниманія къ движенію артиллеріи въ этотъ день были очень велики: дорога плохо обработанная, идетъ по крутымъ и высокимъ холмамъ, иногда съуживаясь на столько, что едва проходитъ орудіе; слѣдовательно, тутъ съ артиллеріей возни сколько угодно, особенно съ наступленіемъ ночи, а тутъ къ тому же мы съ ранняго утра были въ движеніи, хотя, благодаря задержкѣ на переправѣ и при проходѣ черезъ Систовъ, прошли самое незначительное пространство; но отдыха все-таки не было ни людямъ, ни лошадямъ.

Въ Орешѣ были расположены штабъ и войска 9-го корпуса, перешедшіе Дунай въ то время, когда мы были еще въ Турно, на соединеніи съ которыми мы шли теперь. Темная ночь, и скверная дорога замедляли движеніе: нѣсколько опрокинутыхъ ящиковъ и повозокъ заставляли долго возиться въ темнотѣ и выбираться затѣмъ на болѣе удобную тропинку. Только послѣ полуночи пришли, наконецъ, въ деревню, гдѣ, за темнотою и во избѣжаніи новыхъ хлопотъ, выпрягали лошадей прямо на улицѣ, чтобы не свалиться куда-нибудь въ канаву.

Я уже имѣлъ случай упоминать о тяжести ночныхъ переходовъ и теперь прибавлю, что если при этомъ они дѣлаются безъ крайней необходимости, то чрезвычайно раздражаютъ людей и поселяютъ въ нихъ недовѣріе. Всякій солдатъ прекрасно понимаетъ, что если отъ него требуютъ полнаго напряженія силъ физическихъ и даже самой жизни въ силу роковой необходимости, то онъ исполняетъ безпрекословно, и даже болѣе,—съ увлеченіемъ, съ любовью, всякое приказаніе, видя въ немъ прямое назначеніе своего долга; но разъ этого нѣтъ, разъ онъ замѣтитъ, что все дѣлается такъ себѣ, на авось, не имѣя за собой никакихъ аргументовъ необходимости, у него уже зародится недовѣріе, все будетъ дѣлаться апатично вяло.

— Ваше благородіе, обращается ко мнѣ одинъ солдатикъ на привалѣ, должно завтра съ нимъ будетъ битва?

— Съ кѣмъ это съ нимъ, спрашиваю я.

— Да съ нимъ, съ туркомъ, не даромъ насъ гонятъ ночью, ишъ тѣмь-то какая, хоть глазъ выколи, того и смотри орудію перекинешь по такой дорогѣ-то, и какъ онъ, проклятый, самъ тутъ ѣздилъ.

Другіе солдаты, всегда интересующіеся узнать отъ своихъ офицеровъ о томъ, что ихъ ожидаетъ впереди, собрались около меня въ кружокъ. Но что я могъ сказать этимъ людямъ, когда я и самъ ничего не зналъ? чтобы какъ-нибудь успокоить ихъ, удовлетворить этому извинительному любопытству приходится объяснить, что это дѣлается для того, чтобы поскорѣй соединиться съ корпусомъ, что можетъ и дѣйствительно на завтра ожидается сраженіе, гдѣ присутствіе наше необходимо и т. п.

На другой день однако ничего особеннаго не было; корпусъ какъ стоялъ на мѣстѣ, такъ и остался, только насъ съ дороги поставили на высокую гору для того, чтобы вечеромъ спуститься и сдѣлать не большой переходъ до Татаръ-село куда опять-таки пришли въ сумерки, а пока ставили жолнеровъ для обозначенія линій бивуака, то уже такъ стемнѣло, что замѣтить и разсмотрѣть этихъ жолнеровъ не было никакой возможности, и стали конечно такъ, чтобы только не мѣшать другъ другу.

Вотъ такимъ-то образомъ и остается у солдата на счету вчерашній день, въ который онъ ничего, кромѣ сухаря не ѣлъ, ночь, когда онъ неизвѣстно зачѣмъ шелъ по темнотѣ голодный и усталый, рискуя, поддерживая орудіе или же ящикъ на косогорѣ, сломить себѣ ногу, если повалится на него непомѣрная тяжесть, или же переѣдетъ колесо, если самъ споткнется въ темнотѣ; и во всемъ этомъ онъ не видитъ необходимости, онъ не можетъ понять зачѣмъ это дѣлается, если на другой день цѣлое утро было свободно, въ которое и можно было бы придти даже отъ Систова, чтобы соединиться съ корпусомъ, а

тѣмъ болѣе съ полу-пути, гдѣ можно и слѣдовало-бы сдѣлать ночлегъ, пославъ къ высшему начальнику объясненіе причинъ остановки. Идти же только потому, что приказано сегодня быть тамъ-то, не всегда возможно: вѣдь и балканскія горы думали перейдти со скоростью четырехъ верстъ въ часъ, тамъ очевидно, гдѣ невстрѣтится противникъ, но извѣстная всѣмъ трудность перехода, заставила соображаться съ природой, а не съ однимъ только измѣреніемъ циркулемъ плохой карты.

Приказанія есть результатъ различнаго рода соображеній, исполненіе которыхъ зависитъ отъ извѣстныхъ обстоятельствъ и, если эти обстоятельства измѣнились, то очевидно приказаніе теряетъ подъ собою всякую почву. Сколько пролито крови только потому, что приказанія отдавались не сообразно съ извѣстными обстоятельствами.

Переходя затѣмъ къ описываемому факту, мы видимъ, что необходимости непремѣнно 29-го іюня быть въ д. Орешахъ не было, войскамъ тамъ расположеннымъ никакой опасности не угрожало, и наконецъ, быстраго, немедленнаго наступленія не предполагалось, слѣдовательно, напрасное утомленіе отряда не имѣетъ никакого оправданія. Если же была бы дѣйствительная необходимость въ этомъ отрядѣ, то, само собой разумѣется, на переправѣ не задержали бы его пока переправятся какія-то обозы, да и въ Систовѣ позаботились бы расчистить улицы для его прохода, а не задерживать отрядъ цѣлые часы встрѣтившимися повозками.

VI.

Движеніе къ Никополю.—Рекогносцировка.—Нѣсколько словъ о значеніи войны.

Послѣ ночлега вблизи Татаръ-село, двинулись мы рано утромъ на Пети-Кладеницу по дорогѣ, извивающейся по дну лощины, образуемой довольно высокими холмами. Подобныя дороги, почти повсемѣстныя въ сѣверной Болгаріи, идутъ по

лощинѣ воизбѣжаніи постоянныхъ спусковъ и подъемовъ по холмамъ, а протекающіе ручьи по этимъ лощинамъ, съ частыми родниками, у которыхъ устроены водоемы, даютъ путнику и конямъ прекрасную, свѣжую воду и тѣмъ облегчаютъ тяжесть передвиженій въ знойные лѣтніе дни. Обычай дѣлать водоемы, и не даватъ засориться родникамъ, ведется изстари, и есть по большей части дѣло частной благотворительности: всякій житель, христіанинъ ли онъ или мусульманинъ безразлично, въ ознаменованіе какого-нибудь событія въ своей жизни на извѣстномъ мѣстѣ, по возможности, старается устроить здѣсь водоемъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ и памятникомъ, какъ видно изъ дѣлаемыхъ на нихъ надписей. Богатство родниковъ облегчаетъ работу и все дѣло состоитъ только въ устройствѣ каменныхъ плитъ съ трубкой отъ источника и каменныхъ же корытъ. Неудивительно, что по всѣмъ городамъ сѣверной Болгаріи есть водопроводы, устройство ихъ чрезвычайно просто и не требуетъ затраты капитала; но за то въ такихъ городахъ, какъ въ Филиппополѣ и Адріанополѣ *) нѣтъ и по сіе время водопроводовъ, и жители пьютъ грязную мутную воду горныхъ ручьевъ и рѣкъ, что само собой разумѣется развиваетъ эпидемію, отъ которой сильно страдало и наше войско въ значительно большей мѣрѣ въ этихъ городахъ, чѣмъ въ прочихъ. Вода рѣки Марицы, ни въ какомъ случаѣ не годится для питья; мѣстный житель ни за что не станетъ пить этой воды, избѣгая ее, какъ отравы. Покупать воду, которую привозятъ издалека въ бордюкахъ на ослахъ и мулахъ, не по средствамъ большей части жителей, а потому они довольствуются преимущественно дождевой водой, для чего съ черепичныхъ крышъ трубы проводятся въ цистерны, устраиваемыя подъ плитами, которыми вымащевается небольшой, по обыкновенію, дворикъ

*) Долина рѣки Марицы не отличается богатствомъ родниковой воды, хотя болотной въ избыткѣ.

и отдуда уже черпаютъ воду. Вся бѣда въ томъ, что этой воды не всегда хватаетъ и иногда долго приходится ждать дождя.

Многоводные и чрезвычайно быстрые, хотя маленькіе ручейки между холмами Болгаріи приводятъ въ движеніе тысячи мельницъ. Сила теченія этихъ ручейковъ на столько велика, что не требуется даже такихъ большихъ колесъ, какія дѣлаются на нашихъ водяныхъ мельницахъ, а ставятъ простое сломанное колесо отъ своей «каруцы» *) безъ обода и работа идетъ съ большимъ успѣхомъ. На первыхъ же порахъ вступленія въ Болгарію былъ отданъ приказъ о сбереженіи мельницъ, встрѣчающихся по дорогѣ, который и былъ исполняемъ войсками съ большою точностью; только что войска ровно никакой пользы изъ сохраненія мельницъ не извлекли, а жидамъ-кормильцамъ конечно это было на руку.

Миновавъ Пети-Кладеницу, гдѣ мы оставили Пензенцевъ и Тамбовцевъ съ двумя девяти-фунтовыми батареями, дорога поднимается въ гору, и идетъ по ровному гребню холмовъ до самой Маршевицы,—крайняго пункта нашего слѣдованія къ Никополю. Эти полки назначались по предварительному предположенію для дѣйствія противъ Никополя со стороны дер. Эрмени, но потомъ это предположеніе, какъ увидитъ читатель, измѣнилось.

Къ наступленію сумерекъ подошли мы къ бивуаку у Маршевицы, гдѣ расположены были три полка 5-й дивизіи, изъ которыхъ Галицкій, подъ командой своего храбраго командира полковника Разгильдѣева, уже побывалъ въ огнѣ, и съ бою занялъ деревню Вублу подъ самымъ носомъ турецкаго редута. Орудійные выстрѣлы турокъ еще слышались; пока ограничились дѣйствіемъ пули и штыки, хотя взводъ артиллеріи штабсъ-капитана Б—ча стоялъ съ Галицкимъ полкомъ въ видѣ дежурной части на случай нападенія со стороны турокъ.

Расположились мы какъ дома, несмотря на близкое сосѣд-

*) Повозка, по-болгарски.

ство съ непріятелемъ, котораго мы еще не знали, никому и въ голову не приходило, что насъ самихъ могутъ атаковать и застать въ расплохъ, если стоящая впереди горсть людей дрогнетъ. Мы были оптимистами въ самомъ обширномъ значеніи этого слова; война съ турками представлялась намъ не болѣе какой-нибудь военной прогулки съ небольшими приключеніями. Первые блѣстящіе успѣхи еще болѣе укрѣпили насъ въ этомъ мнѣніи; въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ, мы думали кончить то, что и теперь еще далеко не кончено, т, е. спустя полтора года. Поэтому-то на первыхъ порахъ мы нисколько не стѣснялись близостью непріятеля, на бивуакѣ расположились зря, безъ всякой правильности, уткнувшись въ обрывистый берегъ Осмы. Повидимому, не было человѣка, обязанность котораго состояла бы въ устройствѣ этихъ, ничѣмъ между собою не связанныхъ частей, стоящихъ гдѣ кому угодно. Эти мелкіе безпорядки не могли поколебать нашу полную вѣру въ разумность и цѣлесообразность всякихъ, распоряженій. Въ такомъ положеніи провели мы ночь въ ожиданіи на слѣдующій день получить диспозицію къ бою.

Разнеслась вѣсть, что корпусный штабъ гдѣ-то неподалеку, стало быть думать не о чемъ, все будетъ сдѣлано и это еще болѣе успокоило насъ.

Не получивъ съ вечера никакого распоряженія о движеніи на слѣдующій день, я, довольный этимъ, спалъ долго, пока не окликнулъ меня изъ своей палатки мой батарейный командиръ.

— Вставайте поскорѣе, вы сейчасъ ѣдете на рекогносцировку съ генераломъ Пахитоновымъ, *) вѣдь ужъ десять часовъ, будетъ вамъ спать, сказалъ онъ.

Быстро вскочивъ съ постели, я побѣжалъ узнать въ чемъ дѣло. Оказывается, что названному генералу была поручена установка девяти-фунтовыхъ батарей — (двухъ 5-й и трехъ

Командиръ 5-й артиллерійской бригады.

31-й бригады)—и съ этою цѣлью надобно поѣхать на мѣсто будущихъ батарей, чтобы въ ночь сдѣлать какое-нибудь закрытіе и съ разсвѣтомъ начать огонь. Изъ батарей нашей бригады были здѣсь только одна наша, а другія двѣ, какъ я говорилъ, пошли къ Ермени, потому и назначили меня, чтобы я выбралъ мѣсто для всѣхъ трехъ батарей.

Черезъ четверть часа я уже верхомъ, съ ординарцемъ былъ у генерала Пахитонова, который пригласилъ меня въ палатку.

— Видите ли, началъ генералъ, деревня Вубла уже занята, на завтра нужно намъ поставить вмѣстѣ пять девяти фунтовыхъ батарей (40 орудій), чтобы обстрѣливать турецкія укрѣпленія, такимъ образомъ, чтобы лѣвымъ флангомъ упираться въ Вублу. Мы вотъ сейчасъ поѣдемъ и вы выберете удобное мѣсто для своихъ батарей, а саперный офицеръ, который поѣдетъ вмѣстѣ съ нами, укажетъ вамъ болѣе подходящій планъ укрѣпленія для батарей.

— Слушаю, ваше пр—во, отвѣчалъ я;

Пока генералъ собирался, саперный офицеръ разложилъ передо мною чертежи укрѣпленій разныхъ типиковъ, какъ онъ выражался. Я его увѣрялъ, что если мы успѣемъ за ночь сдѣлать простые ложементы для орудій и то славу Богу, но саперъ меня и слушать не хотѣлъ, непремѣнно требовалъ постройки извѣстнаго типика; поневолѣ пришлось согласиться, когда онъ оказывается еще бо́льшимъ оптимистомъ чѣмъ я.

— Позвольте, позвольте, да вѣдь вы забыли, что на батарею полагается всего шестнадцать лопатъ, неужели вы хотите за одну ночь этими шестнадцатью лопатами соорудить цѣлую крѣпость, вѣдь это не мыслимо!

— Будутъ лопаты, горячится саперъ, не безпокойтесь, ужъ мы достанемъ.

— Тогда дѣло другое, только я что-то сомнѣваюсь.

Генералъ, сѣвъ на коня, пригласилъ насъ слѣдовать за собой. Человѣкъ этотъ, съ которымъ мнѣ пришлось въ первый

разъ встрѣтиться, произвелъ на меня прекрасное впечатлѣніе: точно отецъ со своими дѣтьми, такъ онъ обращался съ офицерами своей бригады. Когда мнѣ впослѣдствіи приходилось встрѣчаться съ нимъ, то онъ всегда обнималъ и цѣловалъ меня. Это радушіе; ласка, чрезвычайно какъ хорошо дѣйствовали среди, сухихъ, оффиціальныхъ отношеній въ военное время.

По пути намъ попадались уже жертвы боя: разлагающіеся трупы лошадей заставили подумать о мрачной дѣйствительности.

— Скоро намъ будутъ саллютовать, сказалъ генералъ, мы стали подъѣзжать къ Вублѣ.

Не успѣлъ генералъ сказать это, какъ показался, влѣво и нѣсколько выше Вублы, дымокъ, а за нимъ съ шипѣніемъ и свистомъ прилетѣла граната разорвавшись на скатѣ лощины, въ которой стоялъ дежурный взводъ (два орудія) артиллеріи. Мы подвигались впередъ до высоты Вублы. Впереди раскидывалось гладкое засѣянное теперь, уже созрѣвшимъ хлѣбомъ, поле, нѣсколько поднимаясь къ непріятелю; на горизонтѣ видны большіе деревья и кустарники, а влѣво, откуда былъ сдѣланъ выстрѣлъ, ясно очерчивался большой редутъ.

Какъ только наша группа изъ пяти человѣкъ въѣхала на засѣянное, желтое поле, гдѣ силуэты наши рѣзко обрисовывались, по насъ неистово турки открыли огонь съ трехъ батарей: съ редута и съ двухъ расположенныхъ въ опушкѣ лѣса.

— Вотъ господа линія батарей, сойдите съ коней и обозначьте колышками мѣсто для каждой батареи, чтобы вечеромъ найти ихъ и приступить къ работѣ.

Гранаты летали безъ остановки, то и дѣло шипѣніе и свистъ осколковъ раздражали мое, не привыкшее къ этому концерту, ухо. Отправивъ съ ординарцемъ лошадей назадъ, я съ саперомъ отправился по указанной линіи, чтобы точнѣе опредѣлить мѣсто батарей. Тутъ въ высокихъ стебляхъ пшеницы попался намъ капитанъ 5-й бригады, уже съ утра высматри-

вающій удобное мѣсто для своей батареи; онъ сообщилъ гдѣ именно расположены турецкія батареи, которыя и теперь ясно означались дымомъ отъ выстрѣловъ. Генералъ Пахитоновъ оставался верхомъ и слѣдилъ за правильностію взятаго нами направленія съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ, точно никакихъ гранатъ и не слышитъ. Это ободряло насъ, и мы скоро сдѣлали свое дѣло. Такъ какъ могло случиться, какъ и дѣйствительно вышло, что ночью мы не нашли бы своихъ колышковъ, то общее направленіе я замѣтилъ по компасу.

Открывъ по насъ артиллерійскій огонь, турки оказали намъ большую услугу, не причинивъ никакого вреда, потому что стрѣльба изъ орудій по отдѣльнымъ людямъ есть только напрасный расходъ пороха и гранатъ, но за то, мы узнали ихъ расположеніе и сообразно этому поставили свои батареи. Къ несчастію, они не повторили этой ошибки 17-го іюля, когда мы ѣздили на рекогносцировку подъ Плевну, о чемъ упомяну впослѣдствіи, тогда можетъ быть и не было бы знаменитаго 18-го іюля.

Въ первый разъ я произнесъ обычную потомъ фразу: хорошо, что мы воюемъ съ турками!

Въ самомъ дѣлѣ, какъ объяснить, что турки близко подпустили какихъ-нибудь пять человѣкъ съ одними револьверами, не принявъ никакихъ мѣръ, кромѣ стрѣльбы изъ орудій. Достаточно было пустить десятокъ, другой наѣздниковъ, и мы должны были вернуться ни съ чѣмъ, не узнавъ ни ихъ расположенія, ни количества орудій, какое у нихъ было на батареяхъ, или же принуждены были бы попросить отрядъ для конвоированія, который могъ понести серьозныя потери, придвинувшись близко, чтобы прикрывать насъ, къ непріятельскому расположенію и тогда вышла бы, говоря языкомъ тактики: «усиленная рекогносцировка,» которая обыкновенно обходится не дешево. Во всякомъ случаѣ выгоднѣе послать на рекогносцировку не большой отрядъ пѣхоты, а еще лучше изъ кавале-

ріи со взводомъ артиллеріи, чѣмъ пускать цѣлые полки, дивизіи, корпуса, да еще съ обозами, не зная ни характера мѣстности, ни удобныхъ дорогъ, очертя голову туда, гдѣ можно встрѣтить непріятеля, силы котораго съ положительною точностью не опредѣлены.

Эта азбучная истина тактики забывалась на каждомъ шагу: дѣло 8-го іюля подъ Плевною, или такъ называемая «первое Плевно» служитъ яркимъ тому доказательствомъ. Неслыханный процентъ убыли въ трехъ полкахъ и потеря части обоза—были наказаніемъ за то, что забыли эту истину. Обязанность дѣлать рекогносцировки и, сообразно полученнымъ свѣдѣніямъ, двигать и располагать своими войсками лежитъ на офицерахъ генеральнаго штаба при дивизіяхъ и корпусахъ. Было ли мало этихъ офицеровъ, были ли они заняты другимъ дѣломъ, что очень вѣроятно, такъ какъ ихъ заваливаютъ канцелярской, писарской работой, но только на рекогносцировкѣ Никополя и первой Плевны они не принимали ни малѣйшаго участія—это фактъ, который я могу подтвердить доказательствами. Даже диспозиція боя 3-го іюля, по крайней мѣрѣ, въ нашей батареѣ не была получена ни наканунѣ, ни въ самый день боя, а послѣ него, когда мы уже взяли Никополь.

Мнѣ очень не хочется писать о вещахъ, которыя могутъ нѣкоторымъ не понравиться, но ради возстановленія истины, ради общей всѣмъ намъ, русскимъ, пользы, я не могу пройти молчаніемъ того, что такъ мучитъ, давитъ людей, любящихъ свою дорогую родину и желающихъ ей добра; если всякій очевидецъ и участникъ минувшей войны съ полною откровенностью, не останавливаясь на личностяхъ, выскажетъ всю правду, которой онъ былъ свидѣтелемъ, то многое объяснится, и на будущее время послужитъ прекраснымъ урокомъ. Поэтому я заранѣе предупреждаю, что я не хочу, высказывая свое мнѣніе, оскорблять самолюбіе и честь отдѣльныхъ личностей; личность тутъ ровно не при чемъ, а виноваты тѣ условія,

та обстановка, которыя выработываютъ эту личность; для меня важна боевая опытность извѣстныхъ лицъ, а не самая личность, какъ это увидитъ читатель ниже. . . . .

Черты характеризующія русскаго человѣка, съ большею ясностью обрисовываются, когда жизнь выходитъ изъ своихъ обычныхъ, домашнихъ рамокъ.

Наше «авось» всегда найдетъ своихъ представителей.

Исторически сложившаяся фраза, что война есть зло, но зло необходимое, *) не остается только фразой. Какъ гроза необходима для очищенія гнетущей, душной атмосферы, такъ война въ жизни народовъ обновляетъ и возбуждаетъ къ дѣятельности цѣлый народъ: Россія послѣ 56-го, и Франція послѣ погрома 70—71 годовъ, блистательнымъ образомъ подтвердили этотъ законъ исторіи въ позднѣйшее время. Теперь мы не видимъ крѣпостнической Россіи, нѣтъ уже болѣе и наполеоновской Франціи.

«Война! проклятіе тебѣ!» восклицаетъ г. Утинъ, возмущенный видомъ праздника, вакханаліи смерти. Да, быть участникомъ, видѣть весь ужасъ, который приноситъ съ собою война, очень тяжело, это правда, но за то всѣ наши слабыя стороны мы узнаемъ гораздо скорѣе, чѣмъ при обыкновенномъ мирномъ порядкѣ вещей, который все равно выхватитъ много жертвъ, исподоволь, и едва ли подобныхъ жертвъ будетъ меньше, чѣмъ ихъ уноситъ война въ сравнительно маленькій промежутокъ времени. Я не буду далѣе развивать эту мысль, которая отвлекла бы меня слишкомъ далеко, прибавлю только, что пока люди не откажутся вести войны, пока они не найдутъ другихъ способовъ улаживанія международныхъ сношеній, война всегда найдетъ себѣ почетное мѣсто въ исторіи и останется сильнѣйшимъ рычагомъ развитія человѣче-

*) Опытъ критико-историческаго изслѣдованія законовъ искусства веденія войны, г. Леера. Спб. 1871 г.

ства. Тѣ варварскіе обычаи, отъ которыхъ отказались въ частныхъ сношеніяхъ отдѣльные личности культурныхъ странъ, при столкновеніи личныхъ интересовъ, еще съ большею энергіей практикуются въ жизни народовъ. Частный человѣкъ ищетъ удовлетворенія, положимъ, хоть судебнымъ порядкомъ; но мы еще слишкомъ далеки, чтобы даже мечтать о такомъ высокомъ ареопагѣ, который былъ бы въ состояніи привесть въ гармонію всѣ эти британскіе, турецкіе, русскіе и всякіе другіе интересы. Только деньги, а съ ними соотвѣтственное количество штыковъ, пушекъ, мониторовъ—могутъ дать перевѣсъ тѣмъ или другимъ интересамъ. Дипломатическое поприще находится подъ гнетомъ этихъ ужасныхъ орудій, а потому дипломатія дѣйствовать самостоятельно не можетъ, пока голоса ее заглушаются гуломъ пушекъ и адскою трескотнею ружей.

VII.

Приготовленіе къ бою.—Сужденіе о военныхъ событіяхъ.

Меня съ нетерпѣніемъ ждали товарищи, чтобы узнать о результатѣ рекогносцировки. Я сообщилъ, что видѣлъ. Чувствъ, которыя волновали меня при свистѣ гранатъ, я не могъ имъ передать. Тѣ, которые участвовали въ бомбардировкѣ Никополя съ румынскаго берега были уже хорошо знакомы съ этими чувствами, а другіе скоро съ ними познакомились.

Сѣли мы обѣдать, потомъ пили чай, и старались избѣгать разговора о томъ, что будетъ завтра. На войнѣ привыкаешь жить тѣмъ, что нужно дѣлать только сейчасъ, сію минуту; мысль о будущемъ, какъ страшный кошмаръ не дала бы ни минуты покоя; достигнуть этого вожделѣннаго, хотя не продолжительнаго, спокойствія, не легко и не всякому удается: если будешь покоенъ только по наружности и то уже большой шагъ къ переработкѣ своихъ внутреннихъ міровоззрѣній. Про себя скажу, что эта борьба давалась мнѣ не легко, при всемъ

желаніи казаться спокойнымъ и равнодушнымъ ко всѣмъ тѣмъ ужасамъ, свидѣтелемъ которыхъ мнѣ пришлось быть.

Канунъ тяжелѣе самого сраженія, особенно на этотъ разъ, когда я готовился въ первый разъ вступать въ бой. Ажитація не позволяла ни на минуту остаться спокойнымъ и отдохнуть нравственно. Музыка какого-то полка внизу, у самой Осмы, съ утра раздражала заунывными звуками похороннаго марша, точно заранѣе готовилась къ той процессіи, которой можетъ ожидать всякій изъ насъ, идущихъ въ бой. Не нашлось никого кто бы остановилъ эту музыку и объяснилъ усердному капельмейстеру, что теперь уже не время разучивать похоронные марши.

Разговоръ между офицерами не клеился; отрывочныя фразы, которыми мы перебрасывались не могли поглотить нашего вниманія. Сокровенная мысль каждаго: что-то будетъ? всецѣло царила въ мысляхъ.

— Когда же вы поѣдете строить укрѣпленія? вѣдь ужъ пора бы, солнце садится—спросилъ меня кто-то.

— Право не знаю, нужно пойдти узнать у генерала Пахитонова.

И довольный тѣмъ, что отыскалъ себѣ какое-нибудь дѣло, я пошелъ къ палаткѣ генерала, расположенной неподалеку отъ насъ.

— Ваше пр—во, скоро ли прикажите собираться, вѣдь когда стемнѣетъ трудно будетъ отыскать мѣсто, гдѣ мы поставили свои колышки.

— Пора бы, отвѣчалъ генералъ, видимо чѣмъ-то недовольный, но людей для работы до сихъ поръ не присылаютъ, не знаю успѣемъ ли мы что-нибудь сдѣлать сегодня, да и лопатъ еще нѣтъ.

Во время этого разговора пріѣхалъ начальникъ артиллеріи 9-го корпуса. Ген. Пахитоновъ изложилъ ему обстоятельства дѣла и просилъ распоряженій. Рѣшили немедленно послать къ

корпусному командиру съ просьбой о присылкѣ людей съ лопатами, а если этого нельзя сдѣлать сейчасъ же, то отложить сраженіе на одинъ день.

Пока посланный офицеръ ѣздилъ къ корпусному командиру, я вернулся въ свою батарею.

Оказывается, что замедленіе произошло вслѣдствіе неприбытія полковъ Пензенскаго и Тамбовскаго, оставленныхъ какъ я говорилъ выше для дѣйствія со стороны Эрмени, но потомъ это предположеніе измѣнилось и полки эти, а съ ними и наши двѣ батареи пришли сюда, когда уже стемнѣло.

Отъ корпуснаго командира былъ полученъ отвѣтъ, что успѣютъ ли сдѣлать для артиллеріи какое-нибудь закрытіе или нѣтъ, сраженіе ни въ какомъ случаѣ отложено не будетъ.

Этотъ отвѣтъ нѣсколько встревожилъ насъ и заставилъ энергичнѣе приняться за дѣло. Ночь уже наступила; я нѣсколько замѣшкался у себя въ палаткѣ, приготовляясь на завтра не увидаться ни съ своей постелью, ни съ другими удобствами, которыя возможны, когда есть при насъ фургонъ, котораго въ бой брать не приходится, а потому я уложилъ гутаперчевую подушку, полотенце и кое-что закусить въ трокъ *) и кабуры. Конь мой уже былъ осѣдланъ и казалось ожидалъ приближенія тяжелой работы.

Двое изъ нашихъ офицеровъ вызвались помочь мнѣ, такъ какъ одному хитро было бы ночью справиться съ постройкой ложементовъ трехъ батарей; я поблагодарилъ ихъ, и мы поѣхали къ ген. Пахитонову, оттуда за мной прислали посланнаго.

Люди, которые назначались для постройки укрѣпленія и въ прикрытіе этихъ работъ, были уже собраны. Гораздо труднѣе было собрать лопаты, отбирая ихъ понемногу отъ каждой батареи и роты. Но, наконецъ, все было готово и мы двинулись.

*) Чемоданъ привязываемый сзади сѣдла.

На мнѣ лежала тяжелая обязанность провести ночью человѣкъ триста рабочихъ и роту прикрытія на то именно мѣсто, гдѣ я былъ утромъ, а главное, чтобы движенія этого не замѣтилъ непріятель, иначе все предположеніе лопнетъ и я могъ испортить все дѣло. Никто изъ другихъ офицеровъ, которые были съ людьми, не зналъ мѣстности, я одинъ былъ на рекогносцировкѣ изъ тѣхъ, кто шелъ со мною. Ночь хоть звѣздная, но темная,—сбиться съ настоящаго пути, особенно когда мы свернули съ дороги вправо, было легче всего; никакихъ видимыхъ знаковъ въ родѣ деревьевъ, стоговъ, или чего-нибудь подобнаго, не было. Этотъ часъ, пока мы шли до мѣста постройки, показался мнѣ вѣчностью, сомнѣнія другихъ въ точности взятаго мною направленія еще болѣе безпокоили и волновали меня. Къ счастью, сомнѣнія мои и моихъ спутниковъ скоро разсѣялись, когда мы въ темнотѣ наткнулись на рабочихъ 2-й батареи 5-й бригады, вправо отъ которой съ небольшимъ интерваломъ должна была стать наша батарея.

Цѣлый полкъ шелъ и приступалъ къ работѣ такъ тихо, что не только турки, отъ которыхъ мы были версты за двѣ, но даже и тутъ, отойдя нѣсколько впередъ или назадъ, нельзя было подумать, что здѣсь работаютъ почти три тысячи человѣкъ. Солдаты между собою не говорили, только офицеры и назначенные имъ въ помощь саперы шопотомъ передавали что кому дѣлать.

Впереди изъ ротъ, назначенныхъ въ прикрытіе, вытянулась цѣпь; готовая встрѣтить непріятеля, еслибы ему вздумалось помѣшать работамъ. Но турки спали крѣпко; аванпосты держать имъ не по характеру, — это они спасибо, считаютъ совершенно не нужнымъ дѣломъ, сидя за своими крѣпкими редутами и ложементами. Поэтому-то намъ и не помѣшали устроиться, какъ теперь такъ и въ ночь на 26-е августа.

Къ двумъ часамъ утра уже подъѣхали батареи также въ совершенной тишинѣ. Все что можно было за три — четыре

часа ночной работы сдѣлать — было сдѣлано, и батареи по одному орудію начали занимать свои ложементы. Работа не прекращалась и по занятіи ложементовъ; тутъ уже сама орудійная прислуга доканчивала дѣло. Сложенные въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ копны снопы послужили для закрытія чернаго бруствера, рѣзко выдѣлявшагося на засѣянномъ полѣ.

Съ напряженнымъ вниманіемъ и сильно бьющимся сердцемъ вглядывался я впередъ. Тишина и спокойствіе непріятельскаго лагеря ничѣмъ не нарушалось: ни одного звука, ни одного даже случайнаго, выстрѣла не слышно было въ эту ночь. Теперь мы были вполнѣ готовы къ бою; но сдѣлай турки хотя маленькую демонстрацію часомъ раньше, трудно бы было опредѣлить чтобы изъ этого вышло...

VIII.

Бой 3-го іюля.—Канонада и общее наступленіе.—Атака.

Какъ только первые отблески занимавшейся зари на востокѣ, начали пробуждать спящую природу,—выстрѣлъ сосѣдней съ нами батареи, направленный въ турецкій редутъ противъ Вублы, далъ знать, что сраженіе началось.

Этотъ выстрѣлъ, звучно раздавшись по зарѣ, отозвался и въ сердцахъ воиновъ. Обнажились головы, и крестное знаменіе осѣнило русскія груди...

Пороховой дымъ легкимъ западнымъ вѣтромъ снесло на нашу батарею; проснувшійся непріятель, не имѣя возможности, по недостаточности утренняго свѣта, опредѣлить контуръ нашихъ батарей, цѣлилъ въ этотъ дымъ и черезъ минуту, другую граната пронеслась надъ нашими головами, разорвалась шагахъ въ тридцати сзади насъ.

— Началось, подумалъ каждый изъ насъ.

— Ну-ка, ребята, наводи туда, откуда былъ выстрѣлъ, распорядился я, обращаясь къ своимъ людямъ и наводчикамъ.

Другіе офицеры, которые собрались было со мной и командиромъ батареи въ ожиданіи начала стрѣльбы, побѣжали къ своимъ взводамъ, такъ какъ офицеровъ было по числу взводовъ какъ разъ четыре человѣка.

— Ничего не видно, ваше б—діе, жалуются наводчики, такъ дымомъ все и заволакиваетъ.

Жалоба была основательна: батарея, съ которой былъ сдѣланъ первый выстрѣлъ, участила огонь и дымъ отъ выстрѣловъ вѣтромъ сносило къ намъ. Это важное неудобство всегда можно устранить, открывая огонь со стороны противоположной направленію вѣтра, т. е. въ данномъ случаѣ слѣдовало бы начать стрѣльбу не съ западнаго (лѣваго) фланга, откуда дулъ вѣтеръ, а съ восточнаго (праваго); но, такъ какъ лѣвый флангъ, упираясь въ Вублу, былъ болѣе придвинутъ къ непріятелю, чѣмъ правый, нѣсколько подавшійся назадъ, то пристрѣляться гораздо легче съ болѣе ближняго разстоянія, чѣмъ съ болѣе дальняго; поэтому и пришлось пожертвовать первымъ правиломъ въ пользу втораго, болѣе существеннаго.

Дождавшись, наконецъ, благопріятной минуты, мы навели свои орудія.

— Стрѣлять? кричитъ поручикъ Т. изъ своего взвода.

— Если навели, стрѣляйте и передавайте результатъ, отвѣчаю я.

— Восьмое!

— Пли, командуетъ наводчикъ.

Орудіе грузно откатывается назадъ, дымъ застилаетъ батарею, и граната, съ шумомъ разсѣкая воздухъ, полетѣла къ непріятелю.

Турки, не оставаясь въ долгу, энергично отвѣчаютъ, открывъ огонь и съ другой батареи, расположенной на опушкѣ, прямо передъ нами стоящихъ, большихъ деревьевъ и кустарниковъ съ кукурузой.

— Огонь, къ намъ! кричитъ наблюдавшій за непріятельскими выстрѣлами фейерверкеръ.

— Пятое, командую я.

Выстрѣлъ своего орудія и удачный разрывъ турецкой гранаты на нашей батареѣ слѣдуетъ одинъ за другимъ; гулъ выстрѣла, свистъ осколковъ сливается въ одно; дымъ закрываетъ всѣхъ, никого не видно.

— Всѣ живы? кричишь что есть силы.

— Слава Богу, кажись всѣ, отвѣчаютъ нѣсколько голосовъ, только вотъ глаза маленько землей запорошило.

Смерть носится въ воздухѣ; адскій гулъ сорока орудій вмѣстѣ съ разрывами своихъ и непріятельскихъ гранатъ, шипѣніе и свистъ осколковъ—все это вмѣстѣ взятое производитъ какой-то адъ, и среди этого дыма и адскаго шума копошатся люди, силясь накатывать и какъ можно поскорѣй зарядить орудіе, чтобы выстрѣлить, и такъ далѣе безъ конца...

Клубы пороховаго дыма, какъ облака, поднимаясь кверху не позволяли проникать слабымъ утреннимъ лучамъ восходящаго солнца, которое казалось какимъ-то огненнымъ, краснымъ шаромъ, висѣвшимъ въ воздухѣ.

Никто не смотритъ, что дѣлаетъ его сосѣдъ или ближайшія батареи; всякій занятъ своимъ собственнымъ дѣломъ. Трудная работа накатыванія тяжелой девяти-фунтовой пушки, которая, послѣ выстрѣла откатываясь, глубоко зарывается въ мягкую, пахатную землю, затѣмъ заряжаніе и наводка поглощаютъ все вниманіе, только крики часоваго: «огонь! наша!» заставитъ на минуту прислониться къ тщедушному брустверу, и опять работа закипаетъ еще съ большимъ ожесточеніемъ, съ большей энергіей...

Чтобы не дать непріятелю наблюдать за паденіемъ его снарядовъ, обыкновенно стрѣляли мы тотчасъ, какъ покажется у него дымокъ. Дымъ отъ выстрѣла закрываетъ дымъ разрыва его гранаты и такимъ образомъ вводитъ противника въ заблуж-

деніе; съ другой стороны, въ случаѣ удачнаго нашего выстрѣла снарядъ нашъ прилетитъ къ нему на батарею, почти одновременно, какъ и его къ намъ, что заставитъ большинство, если, не всѣхъ, наблюдателей спрятаться за брустверъ, а чтобы и въ этомъ случаѣ сдѣлать неожиданную непріятность, стрѣляли, конечно послѣ предварительной пристрѣлки, изъ двухъ орудій, одинъ выстрѣлъ за другимъ съ маленькимъ промежуткомъ, и когда противникъ высунетъ головы послѣ пролета первой гранаты, ему летитъ и другая, которой онъ не ожидалъ, спрятавшись за брустверомъ въ то время, когда замѣтитъ только дымъ перваго выстрѣла, потому второй выстрѣлъ будетъ для него неожиданный.

Подобный способъ стрѣльбы практиковался при бомбардировкѣ Никополя съ того берега, и иниціатива его чуть ли не принадлежитъ туркамъ; но нашъ солдатъ скоро понялъ въ чемъ тутъ штука и примѣнялъ на дѣлѣ, что было тѣмъ болѣе удобно, что перевѣсъ, почти всегда, въ количествѣ орудій, а слѣдовательно, и въ количествѣ выстрѣловъ, былъ на нашей сторонѣ

Турки и тутъ находились; и чтобы обмануть насъ, какъ количествомъ орудій, такъ и мѣстомъ гдѣ они стоятъ, которое точно опредѣляется послѣ каждаго выстрѣла, перекатывали орудіе изъ одной амбразуры въ другую.

Я думаю, что въ началѣ сраженія 3-го іюля противъ нашей сорока-орудійной батареи у турокъ было не болѣе пятнадцати орудій, изъ которыхъ двѣ нарѣзныя большаго калибра, тѣ самыя, которыми турки пользовались для бомбардированія гор. Турнъ-Магурелли. Небольшое количество. впрочемъ, хорошо укрытыхъ, орудій, не мѣшало имъ лихо отстрѣливаться, въ чемъ надо отдать имъ полную справедливость.

Больше всего доставалось нашей батареѣ и нашей сосѣдкѣ 2-й батареѣ 5-й бригады, какъ расположеннымъ въ центрѣ. Стрѣльба, особенно сначала, велась турками толково и не суетясь; каждый выстрѣлъ ихъ, казалось, такъ и вынесетъ нѣ-

сколько человѣкъ. Помню особенно двѣ гранаты въ этотъ день, которыя собирались сдѣлать намъ большую непріятность: одна упала какъ разъ сбоку ногъ поручика Т., на минуту пыль и дымъ закрыли его отъ насъ, я уже считалъ, что все кончено, ничуть не бывало, все обошлось благополучно и только маленькій осколокъ царапнулъ по пальцу ноги близъ стоявшаго канонира *); другая собиралась уничтожить меня, командира батареи и капитана Г., пришедшаго изъ своей первой полу - батареи справиться, какъ у насъ идутъ дѣла: упавъ на брустверъ и сдѣлавъ рикошетъ черезъ наши головы, граната эта скатилась къ нашимъ ногамъ и... не разорвалась.

Нужно замѣтить, что то, что я называю брустверомъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ пользоваться этимъ названіемъ; за нимъ не только не могъ укрыться человѣкъ, стоящій во весь ростъ, но и сидѣвшему онъ представлялъ, вслѣдствіи своей незначительной толщины и отсутствія всякихъ средствъ, которыя бы могли, при мягкомъ грунтѣ, увеличить внутреннюю крутость,—самое ничтожное, почти воображаемое, закрытіе. Главною цѣлью при постройкѣ этихъ ложементовъ было укрытіе, по возможности самаго орудія, а объ людяхъ мало заботились, на томъ основаніи, что убыль одного орудія гораздо чувствительнѣе потери нѣсколькихъ человѣкъ. Это, быть можетъ, безчеловѣчно, но съ точки зрѣнія полевой фортификаціи — правильно.

Ночью при постройкѣ ложементовъ у насъ было нѣсколько туровъ и фашинъ, заранѣе приготовленныхъ, которыми мы и воспользовались для постройки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ маленькихъ погребковъ для помѣщенія снарядовъ и пороху, приносимыхъ изъ ящиковъ, которые вмѣстѣ съ передками по необходимости пришлось отодвинуть подальше и спрятать въ лощину, потому что они представляютъ лучшую цѣль против-

---

*) Рядовой—въ артиллеріи.

нику, чѣмъ рѣдко стоящія орудія съ прислугой; къ тому же лошади, не видавшія до сихъ поръ у себя подъ носомъ разрывовъ гранатъ и напуганныя свистомъ осколковъ, ни за что не хотѣли стоять покойно; впослѣдствіи онѣ привыкли и въ тотъ же день при выѣздѣ впередъ, лошади уже стояли какъ вкопанныя, точно это имъ уже давно знакомая картина.

Доставка снарядовъ изъ ящиковъ, изъ которыхъ каждый съ зарядомъ вѣситъ около тридцати-пяти фунтовъ, при частой стрѣльбѣ дѣло не совсѣмъ легкое, которое страшно утомляетъ людей; поэтому заранѣе устроенный, достаточной вмѣстимости. погребокъ является большимъ благодѣяніемъ, безъ риска взрыва заряднаго ящика вмѣстѣ съ лошадьми и прислугою при немъ, если подвозить его на батарею, когда съ обѣихъ сторонъ идетъ стрѣльба; да и всѣ люди на батареѣ могутъ серьезно поплатиться отъ взрыва двухъ пудовъ пороха и тридцати-шести — девяти-фунтовыхъ гранатъ.

Случайно оставшійся туръ съ двумя упертыми на него фашинами, въ интервалѣ между батареями, нѣсколько сзади общей линіи, сдѣлался цѣлью дѣйствія турецкой артиллеріи. воображавшей, что это амбразура; гранаты такъ и летѣли въ него, гдѣ не было, конечно, ни одного человѣка; мы радовались этой случайности и намъ, наконецъ, можно было вздохнуть свободней. Турки вообще, особенно съ дальныхъ дистанцій, ведутъ пристрѣлку хорошо, но разъ пристрѣлявшись, не даютъ себѣ труда провѣрить свою пристрѣлку, вполнѣ увѣренные въ дѣйствительности своихъ выстрѣловъ, которые, и дѣйствительно, хороши, потому что гранаты падаютъ чуть ли ни въ одну точку, которую мы всегда избѣгаемъ; но сегодня они пристрѣлялись въ пустой туръ. Это было намъ на руку, а то того и смотри, что придется распроститься съ жизнію, когда они вели пристрѣлку, и гранаты то и дѣло летѣли на батарею.

Артиллерійскій бой продолжался безъ перерыва до девяти часовъ утра, т. е. около пяти часовъ; къ этому времени турки

совсѣмъ прекратили огонь и наши выстрѣлы сдѣлались рѣже; но за то на лѣвомъ флангѣ, откуда начали наступленіе нѣсколько полковъ съ легкими четырехъ фунтовыми батареями, бой началъ разгораться, послышалась уже мелкая дробь ружейныхъ выстрѣловъ, которые черезъ минуту слились въ одинъ общій сплошной, ужасный гулъ...

Я, утомленный безсонной ночью на работѣ, пяти часовымъ боемъ, въ теченіе котораго поминутно перебѣгалъ отъ одного орудія къ другому для провѣрки прицѣливанія, и затѣмъ этимъ томительнымъ, тяжелымъ ожиданіемъ въ виду громадной опасности, въ изнеможеніи бросился на солому въ ложементѣ и уснулъ какъ убитый. Заботливые солдатики изъ сноповъ сдѣлали мнѣ тѣнь, отъ палящихъ уже лучей іюльскаго солнца, для головы, и такимъ образомъ, избавили отъ неминуемаго солнечнаго удара.

Стрѣльба хоть и утихла, но все-таки поддерживалась, если замѣчалось какое-либо движеніе у непріятеля; это, однако, не мѣшало мнѣ наслаждаться сладкимъ, покойнымъ сномъ, хотя и мои орудія, подъ самымъ дуломъ которыхъ я спалъ, руководимыя моимъ взводнымъ офицеромъ, поручикомъ Т., вели огонь по очереди. Нужно быть очень измученнымъ, чтобы спать при подобныхъ условіяхъ подъ палящими лучами солнца; но человѣческая природа беретъ свое: какъ сонъ, такъ равно голодъ и, особенно, жажда не остановятся, требуя удовлетворенія, ни передъ видомъ человѣческихъ страданій, ни передъ опасностью. Никакой характеръ и сила воли не имѣютъ мѣста передъ этими двигателями человѣческой природы, потому что неповиновеніе имъ влечетъ за собою или смерть, или полное истощеніе силъ физическихъ и нравственныхъ.

Итакъ, въ то время, когда я спалъ, наши отряды начали наступленіе по обоимъ берегамъ Осмы отъ Дебова, и изъ устья Слатинскаго оврага. Проснувшись около двѣнадцати часовъ, когда меня не защищали уже снопы отъ полуденныхъ, почти

зенитальныхъ лучей солнца, я горѣлъ нетерпѣніемъ узнать, въ какомъ положеніи дѣла наши на лѣвомъ флангѣ, но любопытство мое въ этотъ моментъ удовлетворено не было...

Съ удовольствіемъ выпилъ нѣсколько стакановъ чаю, который старательные и храбрые деньщики приготовили тутъ же на батареѣ, съ усердіемъ раздувая самоваръ, когда другіе хлопотали около пушекъ...

Безконечная стрѣльба съ дальнихъ дистанцій, когда трудно опредѣлить паденіе снарядовъ и самый результатъ стрѣльбы, порядкомъ надоѣдаетъ. Хотѣлось и самимъ поскорѣй впередъ, чтобы положить конецъ сомнѣніямъ, тѣмъ болѣе, что были моменты, когда турки были принуждены молчать, осыпаемые нашими гранатами.—Умѣнье пользоваться этими моментами есть уже залогъ успѣха наступленія и самой атаки.

Часу въ первомъ получилось приказаніе по батареямъ, что редутъ на лѣвомъ флангѣ взятъ и потому огонь туда прекратить, но какой именно редутъ адъютантъ, сообщившій это приказаніе, объяснить не могъ.

— Не тотъ-ли, видите противъ Вублы и около него три дерева? спрашиваемъ адъютанта и радуемся, что редутъ этотъ насъ уже безпокоить не будетъ, тѣмъ болѣе, что оттуда стрѣляли намъ нѣсколько во флангъ.

— Должно быть этотъ, отвѣчаетъ адъютантъ и уходитъ дальше сообщать эту новость.

Молчаніе редута какъ бы подтверждало наше предположеніе и мы, оставивъ его въ покоѣ, перестрѣливались съ лѣсными батареями.

Наконецъ, приказано наступать.

Каково же было наше удивленіе, когда, приготовляясь къ наступленію, наши лошади съ передками и ящиками подъѣхали къ батареямъ: редутъ ожилъ, залпъ орудій и затѣмъ удачная стрѣльба изъ него не позволяли взяться на передки и идти впередъ; лошади не хотѣли стоять и противъ

воли ѣздовыхъ ускакали отъ батареи, взбѣшенныя видомъ разрывовъ и свистомъ осколковъ... На нѣсколько минутъ движеніе пріостановилось; частый, безостановочный огонь сорока орудій забросалъ редутъ гранатами, разрывы которыхъ образовали надъ нимъ сплошной, густой дымъ, точно пожаръ какого-нибудь зданія, такъ горѣла эта земленая твердыня со своими большими крупповскими пушками. Не прошло и десяти минутъ, какъ редутъ замолчалъ и тогда-то началось знаменатое, по своей стройности и быстротѣ, одновременное наступленіе пяти батарей. «Наши батареи, говоритъ генералъ баронъ Криденеръ въ своемъ донесеніи *), руководимыя начальникомъ артиллеріи корпуса генералъ-маіоромъ Калачевымъ, начали переходить съ замѣчательнымъ порядкомъ и спокойствіемъ съ одной позиціи на другую, преодолѣвая всѣ мѣстныя затрудненія».

По полу-батарейно, съ посаженною прислугою въ карьеръ вынеслись батареи изъ своихъ ложементовъ. Выстроившись въ одну линію, точно на ученьи или на маневрахъ, они открыли мѣткій и частый огонь шрапнелями. Противникъ былъ потрясенъ при видѣ этого грознаго и смѣлаго наступленія. Выстрѣлы его сдѣлались безцѣльными, суетливыми, неприносившими намъ никакого вреда, потому что непріятельскія гранаты ложились далеко сзади насъ, а шрапнели, которыми турки вообще стрѣлять не мастера, рвались гдѣ-то въ поднебесьи.

Командиръ Галицкаго полка, воспользовавшись этимъ благопріятнымъ моментомъ, выбилъ турецкихъ стрѣлковъ изъ устроенныхъ передъ большимъ редутомъ, заваловъ, и затѣмъ только одинъ 2-ой батальонъ этого полка взялъ это сильное по профили и вооруженію укрѣпленіе, захвативъ въ немъ одно крупповское орудіе большаго калибра, которое непріятель не успѣлъ увезти.

---

*) «Воен. Сб.» № 9, 1877 г. «Совр. Обозр.» стр. 26.

Фактъ этотъ доказываетъ на сколько могущественнымъ элементомъ является подготовка атаки артиллерійскимъ огнемъ; но надо помнить, что противъ непріятеля, хорошо защищеннаго сильными земляными верками, артиллерія производитъ не столько матеріальное разрушеніе, сколько убиваетъ противника морально. Нужно выжидать этого момента и, замѣтивъ ослабленіе огня у противника отъ дѣйствія нашей артиллеріи, вести энергично и быстро наступленіе и самую атаку, не давъ ему ни на минуту оправиться. Моральное потрясеніе есть хоть и весьма важный, но скоропроходящій симптомъ: достаточно одного примѣра личной храбрости начальника, офицера или даже простаго солдата, чтобы нѣсколькими энергическими словами и примѣромъ мужества поднять духъ дрогнувшихъ защитниковъ и тогда атакующему уже не такъ легко будетъ справиться. (Для примѣра я напомню Шибку). Если же артиллерійскій огонь не на столько дѣйствителенъ, чтобы можно было замѣтить какіе-либо признаки слабости у противника, то лучше совсѣмъ отказаться, или же повременить атакою, усиливъ до возможной степени огонь своей артиллеріи. Усиленіе это достигается увеличеніемъ числа орудій, или же приближеніемъ уже стрѣлявшихъ на столько, чтобы не подвергать артиллерію дѣйствію ружейныхъ пуль. Слѣдуетъ также по возможности развить огонь своихъ стрѣлковъ, чего, къ несчастію, въ большинствѣ случаевъ не дѣлалось.

Нужно помнить, что придвигая артиллерію къ извѣстному пункту, мы тѣмъ самымъ уменьшаемъ мѣсто, которое было занято батареями, почему съ болѣе близкаго разстоянія количество батарей, стрѣляющихъ по извѣстному пункту само собою будетъ меньше, чѣмъ ихъ можно было бы выставить съ болѣе дальняго разстоянія. Вопросъ, такимъ образомъ, сводится къ тому, какіе же предѣлы для дѣйствія артиллеріи?

Генералъ-лейтенантъ Гейманъ въ своихъ «боевыхъ замѣткахъ объ образѣ дѣйствій войскъ» общимъ правиломъ для

артиллеріи постановляетъ: становиться на позицію противъ непріятеля не далѣе тысячи, максимумъ тысячу-двѣсти, и не ближе пятисотъ саженъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ артиллерія будетъ подвергаться прицѣльному ружейному огню, а на тысячу саженъ ее можетъ поражать только случайный (ружейный) огонь, что подверждаютъ случаи большихъ сраженій» *).

Нельзя не согласиться съ этимъ выводомъ генерала, боевая опытность котораго извѣстна всякому; но я долженъ замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ въ началѣ боя, артиллерія открывала огонь съ дистанціи большей тысячи-двѣсти саженъ. Возможность такой стрѣльбы, которая ведется даже съ успѣхомъ, какъ напримѣръ, при описанной мною канонадѣ, указываетъ на увеличеніе максимума, конечно только для девятифунтовыхъ орудій и дальнобойныхъ, до тысяси-пятьсотъ саженъ.

Лучшая же дистанція съ которой успѣшно можно дѣйствовать шрапнелью 800—850 саженъ; отсюда артиллерія дѣйствуетъ на столько хорошо, что дальнѣйшее движеніе, если оно не обусловливается характеромъ мѣстности и общимъ ходомъ боя, является дѣломъ лишнимъ; это такая дистанція, съ которой даже и четырехъ фунтовое орудіе, можетъ съ увѣренностью на успѣхъ, бороться съ дальнобойными орудіями.

Что же касается минимума, т. е. пятьсотъ саженъ, который опредѣляетъ генералъ-лейтенантъ Гейманъ, то это вполнѣ вѣрно: ставить артиллерію подъ прицѣльный ружейный огонь, (предполагается, что закрытій никакихъ нѣтъ) значитъ уничтожить или, по крайней мѣрѣ, парализовать ее окончательно. Самая стрѣльба будетъ навѣрное гораздо хуже, такъ какъ почти невозможно требовать отъ людей хладнокровнаго и правильнаго разсужденія, когда масса пуль вырываетъ тутъ же,

*) «Воен. Сб.», № 2, 1878, стр. 279.

на глазахъ, десятки жертвъ. Между тѣмъ, такого рода разсужденія, какія требуются отъ артиллерійскаго солдата, напримѣръ, при установкѣ дистанціонной трубки, не мыслимы безъ извѣстнаго нравственнаго спокойствія, потому что работа эта требуетъ извѣстнаго соображенія, тщательности и вниманія; въ противномъ случаѣ разрывъ шрапнели будетъ неправильный и, мало того, разорвавшись у дула, можетъ поражать свои же, впереди стоящія, войска. Наводка также будетъ не строго-правильна. Въ результатѣ получится суетливая, безалаберная стрѣльба, которая, само собой разумѣется, никакого существеннаго вреда непріятелю не принесетъ.

Нѣсколько легкихъ батарей должны слѣдовать за атакующей пѣхотой, но ихъ все-таки нельзя ставить ближе пятисотъ саженъ. Представьте себѣ, что атака отбита, а артиллерія стоитъ на триста саженъ; само собой, отбитая пѣхота соберется сзади артиллеріи и весь руженный огонь будетъ направленъ на послѣднюю; нужно или пожертвовать артиллеріей или тотчасъ же отвести ее назадъ. Но на разбитыя, и безъ того поэтому лишенныя энергіи и отваги, части ничего такъ скверно не дѣйствуетъ, какъ видъ отступающей артиллеріи.

— Вотъ тебѣ разъ, и антилерія наша утекаетъ, скажетъ пѣхотный солдатикъ, стало дѣло плохо...

Вотъ тутъ-то еще болѣе пойдутъ развиваться у людей тѣ центробѣжныя наклонности слишкомъ большаго простора, о которыхъ говоритъ Г. Лееръ *).

Артиллеристъ не стрѣлокъ, ему нельзя прилечь гдѣ-нибудь за кустомъ, бугоркомъ или камнемъ, гдѣ стрѣлокъ все-таки кое-какъ скрывается отъ пуль, продолжая и самъ отстрѣливаться. Первому нельзя спрятаться потому, что онъ долженъ быть при своемъ орудіи и, слѣдовательно, непріятельскимъ стрѣлкамъ представляетъ большую, неподвижную цѣль—этого

*) Тамъ-же, стр. 258.

не слѣдуетъ забывать, а между тѣмъ при настоящемъ развитіи артиллерійскаго дѣла обученной прислуги скоро не приготовишь и потеря нѣсколькихъ человѣкъ всегда тяжело отзовется на батарею, такъ какъ замѣна не только наводчиковъ, но и прислуги, представляетъ затрудненія.

По взятіи редута у деревни Вублы, полки Галицкій, Тамбовскій и Козловскій на правомъ, а Вологодскій сперва на лѣвомъ, а по занятіи мостовъ на Осмѣ, тоже на правомъ берегу этой рѣки, ринулись въ атаку, занимая непріятельскіе лагеря и выбивая его изъ цѣлаго ряда траншей и укрѣпленій. Передъ дружнымъ натискомъ этихъ полковъ ничто не могло устоять. Воодушевленные первыми удачами они не видѣли препятствія ни въ чемъ: ни огонь непріятеля, ни эти страшныя, обрывистыя кручи, окружающія Никополь съ юга и запада, откуда велась атака, не могли остановить ихъ. Неудержимая лавина неостанавливалась до тѣхъ поръ, пока непріятель не заперся въ крѣпость и не ушелъ въ самый городъ, но и тутъ громогласное ура! ни на минуту не прекращавшееся, давало знать, что преслѣдованіе и новые удары продолжаются съ прежнею силой. Однихъ отобьютъ, другіе, вслѣдъ двигаясь, даютъ новый импульсъ бойцамъ и тѣ опять ринутся впередъ; нѣкоторые оставались во рвахъ, и когда подоспѣютъ другіе, бросались впередъ, запасшись новыми силами, потому что успѣли отдохнуть подъ самымъ носомъ непріятеля, который не рѣшается высунуться изъ бруствера, а только бросаетъ ручныя гранаты въ ровъ. Положеніе этихъ храбрецовъ ужасное, но надежда на поддержку, на новую атаку даетъ имъ силу, чтобы пережить эти тяжелыя минуты.

Начало смеркаться, солнце уже сѣло, но крики «ура!» не прекращаются; адская трескотня ружей то затихнетъ, то снова разразится съ страшною силой...

— Помогите Тамбовцамъ, обратился генералъ Вельяминовъ къ нашей батареѣ.

Я съ капитаномъ Г. поскакалъ на опушку кустарника на высотѣ, къ востоку отъ Никополя, чтобы познакомиться съ положеніемъ дѣла. Тутъ представилась мнѣ адская картина! Внизу, на улицахъ города, идетъ страшная ружейная трескотня; трудно опредѣлить, гдѣ наши, гдѣ турки,—все перемѣшалось вмѣстѣ; крики «ура!» и «алла!» покрываютъ гулъ выстрѣловъ, раздаваясь въ ущельяхъ недоступной крутизны. Наступившіе сумерки совсѣмъ не позволяютъ дѣйствовать артиллеріи изъ боязни стрѣлять по своимъ, потому что они слишкомъ придвинулись и даже перемѣшались съ турками.

Доложивъ обо всемъ командиру батареи и генералу Вельяминову, нашему начальнику дивизіи, мы остались на своемъ мѣстѣ. За наступившею темнотою бой самъ собой прекратился, точно по командѣ или отбою.

Передъ этимъ мы шли все время въ кустарникахъ по кукурузѣ, откуда ничего нельзя было видѣть, потому что послѣдняя выше роста человѣка. Нѣкоторые влезали на деревья, чтобы слѣдить за общимъ направленіемъ наступленія и узнать откуда свистятъ пули; нѣсколько разъ мы останавливались, сдѣлаемъ нѣсколько выстрѣловъ и опять впередъ... Такимъ же образомъ двигались, нѣсколько правѣе насъ, 1-я и 2-я батареи 31-й артиллерійской бригады, какъ вдругъ, выѣхавъ на поляну, они были встрѣчены картечью и залпами изъ редута, который внезапно появился передъ ихъ глазами. Быстро снявшись съ передковъ, батареи эти открыли огонь шрапнелями и, пока посланный привелъ къ нимъ и нашу батарею, турки уже бѣжали изъ укрѣпленія, заклепавъ свои орудія.

По пути мы прошли цѣлые ряды ложементовъ и траншей, оставленныхъ непріятелемъ вмѣстѣ съ убитыми, испорченными ружьями, лопатами, патронами и т. п. Нужно замѣтить, что въ этомъ мѣстѣ, какъ и вообще на правомъ флангѣ, атаки съ нашей стороны не было и потому весь этотъ путь былъ очищенъ исключительно огнемъ артиллеріи.

Пензенскій полкъ хоть и имѣлъ, впрочемъ, самую незначительную, перестрѣлку, но въ атаку не ходилъ, слѣдуя своему прямому назначенію. охраненію праваго фланга, оставаясь въ тоже время единственнымъ прикрытіемъ батарей.

IX.

Ночь на 4-е іюля. Капитуляція. Поле сраженія и плѣнные.

Въ такомъ положеніи дѣлъ застала насъ ночь на 4-е іюля. Стемнѣло; бой затихъ; необходимость отдыха и покоя чувствовалась, какъ у насъ, такъ и у турокъ, одинаково утомленныхъ безпрерывнымъ семнадцати-часовымъ боемъ...

Выставивъ цѣпь, мы отошли нѣсколько назадъ и тутъ расположились на ночлегъ, на чемъ Богъ послалъ. Я добылъ себѣ, къ счастію еще не обмоченныя человѣческой кровью, носилки, и довольный тѣмъ, что имѣю импровизированную постель, улегся подъ деревомъ, кругомъ котораго радіусами вытянулись офицеры. Несмотря на утомленіе, мы долго не могли уснуть подъ впечатлѣніемъ пережитаго нами тяжелаго дня; ружейная трескотня, и гулъ орудійныхъ выстрѣловъ еще звучали въ ушахъ, разстроивая воображеніе и слабые, человѣческіе нервы...

Небольшая закуска, которую подвезли на артельной повозкѣ вмѣстѣ съ солдатскимъ обѣдомъ, и чай, утолили голодъ и жажду; отъ послѣдней мы особенно страдали въ этотъ день: цѣлыми толпами, часто подвергаясь ружейному огню, наши солдатики и два деньщика, которые по своему желанію ни разу ни уходили отъ батареи, бѣгали далеко, иногда версты за три и больше, чтобы принесть воды, какъ для насъ офицеровъ, такъ и для солдатъ. Подъѣхавшая около четырехъ часовъ, артельная повозка, съ обѣдомъ и водкой, помогала подвозить воду въ боченкѣ отъ водки и въ другихъ, попавшихся подъ руку, сосудахъ. Жажда мучила всѣхъ и всѣ усилія добыть побольше воды едва ли удовлетворяли страшной потребности.

Генераловъ и начальниковъ потребовали къ корпусному командиру на военный совѣтъ; это дало поводъ нѣкоторымъ пессимистамъ (чтобы не сказать большаго) думать, что дѣло плохо.

— Плохо дѣло, господа, огорошилъ насъ одинъ капитанъ Пензенскаго полка, всѣ полки уже побывали въ дѣйствіи, — только вотъ нашъ полкъ пока уцѣлѣлъ — на него вся надежда на завтра.

— Вотъ тебѣ и разъ, удивляемся мы, какъ? да вѣдь передовыя укрѣпленія заняты, и у насъ въ рукахъ сильная позиція противъ самаго города, неужели же уходить назадъ? Развѣ дѣйствительно то, что вы говорите, вѣрно?

Это нѣсколько смутило насъ и разсѣяло наши радужныя мечты. Къ счастію это была гнустная ложь, навѣянная слишкомъ разстроеннымъ воображеніемъ этого капитана. Въ отрядѣ всегда найдутся личности, которыя изъ легкомыслія, а иногда и съ предвзятою мыслью, рисуютъ мрачными красками дѣйствительность. Эти люди способны довести цѣлый отрядъ до паники, до полнаго сознанія и увѣренности въ своемъ безсиліи.

Ничего не зная о результатахъ безчисленныхъ атакъ этого дня и слышавъ, что, дѣйствительно, нѣкоторые полки по шести разъ ходили на штурмъ и были отбиты, можно было подумать, что дѣла наши не на столько блестящи, какъ намъ казалось...

Съ затаеннымъ чувствомъ грусти я уснулъ съ тяжелою надеждой на завтра выступить снова въ бой, еще болѣе кровопролитный и во всякомъ случаѣ рѣшительный...

Получилось приказаніе, что сраженіе начнется выстрѣломъ изъ батареи расположенной въ центрѣ.

Безпокоило насъ ни на шутку отсутствіе артиллерійскихъ парковъ, чтобы пополнить недостатокъ въ снарядахъ. израсходованныхъ болѣе половины изъ тѣхъ, что имѣются при батареѣ (комплектъ); въ этотъ день наша батарея сдѣлала болѣе четырехсотъ выстрѣловъ т. е. болѣе пятидесяти на каж-

дое орудіе; въ случаѣ новаго большаго сраженія можетъ оказаться недостатокъ, а парки наши были верстъ за тридцать-пять—въ Пети-Кладеницѣ. Это единственное упущеніе, въ которомъ можно упрекнуть распоряженія, предшествующія Никопольскому бою, такъ какъ парки должны находиться не далѣе пяти-семи верстъ отъ первой линіи батарей...

Чуть только показался свѣтъ въ утро 4 іюля, мы поднялись, приготовляясь идти впередъ. 1-я и 2-я батареи, расположенныя вмѣстѣ съ нами ушли съ Пензенскимъ полкомъ нѣсколько раньше. Мы, не имѣя точныхъ инструкцій куда именно идти, блуждали по тропинкамъ, какъ вдругъ громкое ура! безъ всякаго выстрѣла привлекло наше вниманіе. По направленію криковъ и мы, на рысяхъ, двинулись вправо, и пріѣхали какъ разъ во время. Никопольскія твердыни, раскинутыя нѣсколько ниже, почти у нашихъ ногъ, безмолствовали. Бѣлые флаги свидѣтельствовали, что непріятель сдается на капитуляцію.

Радость, бѣшенная радость, которой я еще никогда не испытывалъ въ жизни, охватила меня. Чувство удовлетворенія, сознаніе, что и я, вмѣстѣ съ своими славными солдатами, внесъ маленькую частичку для достиженія этого великаго торжества, наконецъ, увѣренность, что передъ нами нѣтъ уже болѣе непріятеля, а явились люди, которые не имѣютъ значенія врага, — все это вмѣстѣ взятое производитъ какой-то хаосъ. Трудно опредѣлить, что именно чувствуетъ человѣкъ въ это время. Мы шли драться, а вмѣсто того безъ выстрѣла намъ досталось то, за что еще вчера лились цѣлыя потоки крови. Состраданіе къ погибшимъ и радость при достиженіи своей цѣли—вотъ двѣ крайности, которыя перепутываются въ головѣ.

Ключи, доставленные адъютантами Вельяминова, были поручены генералу Гильхену для передачи корпусному командиру

Генералъ предложилъ нѣкоторымъ офицерамъ слѣдовать съ нимъ черезъ Никополь, и я съ удовольствіемъ принялъ это приглашеніе.

Мы разрядили свои орудія, приготовленныя къ стрѣльбѣ противъ непріятеля, и, зарядивъ ихъ холостымъ зарядомъ, сдѣлали салютъ русскимъ знаменамъ, водруженнымъ на крѣпостныхъ веркахъ и воротахъ цитадели; салюту нашихъ батарей отвѣтили осадныя и румынскія батареи съ того берега Дуная. Громъ выстрѣловъ заглушился дружнымъ, неумолкаемымъ ура! русскихъ войскъ, тѣснымъ кольцомъ окружавшихъ крѣпость.

Наша небольшая эскорта спустилась въ безмолвныя, узкія и кривыя улицы Никополя; мертвая тишина нарушалась только глухимъ, жалобнымъ, наводящимъ тоску, воркованьемъ турецкихъ голубей. Одиночная фигура старика турки, сидѣвшаго на крыльцѣ своей хаты за рѣдкимъ плетнемъ, было единственное человѣческое существо. Существо это на наши вопросы, обращенные къ нему однимъ изъ офицеровъ на турецкомъ языкѣ, куда именно путь ѣхать, отвѣчало только киваньемъ головы. Казалось, этотъ человѣкъ рѣшился умереть у порога своего жилища, и теперь еще съ минуты на минуту ожидалъ смерти отъ ненавистныхъ гяуровъ. Оставивъ его, мы тронулись дальше внизъ по тропинкамъ, потому что нельзя назвать улицами то, гдѣ едва можно проѣхать верхомъ съ рискомъ сломать себѣ шею. Восточная часть города, откуда мы въѣхали, занята бѣднѣйшимъ турецкимъ населеніемъ, не нуждавшемся въ улицахъ.

Переѣхавъ плохой, еле живой мостикъ, мы начали подниматься съ цитадели. Здѣсь уже другая картина. Брошенныя орудія, повозки съ разными пожитками, женами, закутанными бѣлыми полотенцами и въ черныхъ мантіяхъ, и оборванными, грязными дѣтишками. Все это шумитъ, кричитъ, плачетъ, раздирающимъ душу воплемъ и, положительно, запружаетъ улицу, такъ что проѣхать можно только по узенькой, съ полъ-аршина ширины, насыпи у стѣны; нѣкоторые даже не рѣшились проѣхать верхомъ и провели лошадей въ поводу.

Въ этомъ мѣстѣ мы встрѣтились съ начальникомъ корпуснаго штаба, спѣшившимъ въ Турно для того, чтобы отправить депеши Государю и Великому Князю Главнокомандующему съ поздравленіемъ о побѣдѣ.

Миновавъ всѣ препятствія, мы наконецъ, достигли юго-западныхъ воротъ крѣпости, изъ которыхъ по мосту черезъ крѣпостной ровъ выѣхали на гласисъ, гдѣ корпусный командиръ, окруженный своимъ штабомъ и плѣнными офицерами, отдавалъ различныя приказанія. Спокойная, неподвижная фигура этого почтеннаго генерала рѣзко выдѣлялись между окружавшими его. Устремивъ свой взоръ на крѣпость, человѣкъ этотъ наслаждался своей побѣдой. Съ чувствомъ глубокаго уваженія, прусскій агентъ и два корреспондента поздравили генерала съ побѣдой. Генералъ благодарилъ ихъ и улыбка удовольствія и счастья засвѣтилась на его лицѣ. Можно ли было кому-нибудь ожидать, что не дальше какъ черезъ нѣсколько дней, этотъ же человѣкъ будетъ страдать, мучиться послѣ роковыхъ Плевненскихъ неудачъ и ему придется испить горькую чашу, вмѣстѣ съ подчиненными ему войсками, пораженія. Всѣ кричали, всѣ зашумѣли... Исторія покажетъ кто правъ, кто виноватъ... Тутъ даже нельзя винить и отдѣльное лицо, и ужъ ни въ какомъ случаѣ нельзя обвинять войска, которыя шли почти на вѣрную смерть безропотно, героями, но, потерявъ больше половины своихъ рядовъ, трудно было уже справиться съ сильнѣйшимъ болѣе чѣмъ втрое непріятелемъ.

Пробывъ тутъ около полу-часа, я отправился къ своей батареѣ кругомъ Никополя, чтобы не ѣхать опять по его загроможденнымъ улицамъ, но доѣхалъ до нее скоро. Путь, по которому я теперь ѣхалъ, вчера еще былъ мѣстомъ отчаяннаго, ожесточеннаго боя; множество неубранныхъ труповъ валялось по дорогѣ и на полянахъ. Заѣхавъ въ редутъ, расположенный къ западу отъ цитадели, я ужаснулся видомъ смерти, которая здѣсь царила. Убитые люди, лошади,

цѣлые лужи крови, разбросанные патроны и безмолвныя закопченныя пушки—вотъ общій видъ этого ужаснаго мѣста, откуда я поспѣшилъ убраться,—хотя на дорогѣ было не многимъ чѣмъ лучше. Убитый, русскій солдатъ лежитъ распростертый подъ деревомъ и какъ-будто улыбается; я даже усомнился дѣйствительно ли это убитый? окликнулъ его, но безжизненный трупъ остался безотвѣтнымъ. Неподалеку нѣсколько турокъ въ различныхъ позахъ нашли себѣ мѣсто вѣчнаго покоя. Волосъ становится дыбомъ, непріятное чувство охватываетъ все существо, поскорѣй, поскорѣй отсюда!..

Вдали чернѣлась масса живаго люда, шумъ и говоръ котораго доносился до меня. Я пришпорилъ коня, который то и дѣло храпѣлъ и пугался при видѣ незнакомой ему картины, и поскакалъ къ группѣ людей. Оказывается, что это плѣнные турки, которыхъ отвели на то мѣсто, гдѣ прежде былъ ихъ лагерь. Въѣхавъ въ середину ихъ, я былъ остановленъ какимъ-то туркомъ.

— Ваше б—діе, обратился онъ ко мнѣ на русскомъ языкѣ съ татарскимъ акцентомъ, прикажите подвезти насъ къ водѣ; страсть пить хочется.

— Постой, братецъ, ты это откуда такъ хорошо научился говорить по-русски? спросилъ я.

— Да насъ здѣсь въ Никополѣ была цѣлая слобода Днѣпровскаго уѣзда.

— И давно это вы сюда пожаловали?

— Нѣтъ не очень давно, такъ съ начала зимы прошлаго года.

— Стало быть ты татаринъ?

— Да.

— И много васъ такихъ въ Турціи?

— Довольно; въ то время многіе бѣжали изъ Россіи.

Время это какъ разъ совпадаетъ съ объявленіемъ мобилизаціи въ Россіи. Турецкіе агенты въ видѣ софтовъ, учителей и т. п. сновали по нашимъ татарскимъ селамъ и вербовали въ нихъ вѣр-

ноподданныхъ и защитниковъ султана, противъ котораго ополчалась Россія.

Мнѣ неизвѣстно, какимъ образомъ поступили съ этими бѣглыми татарами, но по прямому смыслу нашихъ законовъ, эти бѣглецы должны были преслѣдоваться какъ измѣнники государства. Хотя бы для примѣра на будущее время слѣдовало бы примѣнить къ нимъ всю строгость нашего закона, какъ взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ русскихъ войскъ. Гуманныя правила, которымъ слѣдовали по отношенію къ военноплѣннымъ, не имѣютъ мѣста для этихъ измѣнниковъ, такъ какъ они считаются подданными Россіи.

Попросивъ офицера, командовавшаго конвоемъ, чтобы онъ передалъ просьбу начальству, поскорѣй перевезти плѣнныхъ къ водѣ, я повернулъ лошадь и поѣхалъ по дорогѣ, огибающей Никополь съ юга.

Дорога эта круто спускается внизъ къ ручью; обрывистыя почти недоступныя кручи, окаймляютъ ее. Красивѣйшая мѣстность, представляя обороняющему прекрасное закрытіе, благодаря виноградникамъ, кустарникамъ и землянымъ оградамъ, которыя окружаютъ виноградники, была усѣяна трупами. Видно было какихъ нечеловѣческихъ усилій стоило занятіе этихъ страшныхъ логовищъ!

Между трупами попадались и раненые, которыхъ санитары, сносили къ ручью, обмывали раны и дѣлали необходимыя перевязки. Нѣсколько тяжело раненыхъ глухо стонали, съ минуты на минуту ожидая приближенія смерти. Впрочемъ, не тяжело раненыхъ здѣсь и не было; только тѣ мученики, которые безъ посторонней помощи, не могли двинуться съ мѣста, оставались здѣсь, ожидая своей участи; многіе изъ нихъ умерли въ теченіе ночи, а другіе, которыхъ трудно скоро отыскать по этимъ обрывамъ и въ частомъ кустарникѣ, умирали теперь безъ стона, тихо испуская духъ и крестясь, если хоть одна изъ рукъ способна была двигаться...

Тамъ ликованіе и крики радости,—здѣсь стонъ и смерть лучшихъ героевъ! Тамъ жизнь человѣческая бьетъ полнымъ ключемъ, страсти обуреваютъ,—здѣсь послѣдніе вздохи мучениковъ и молитва умирающихъ!

Морозъ подираетъ по кожѣ; сознаніе, что я не могу ничѣмъ облегчить этихъ страданій и помочь героямъ-мученикамъ тяжелымъ гнетомъ ложится на душу.

Дорога внизу поворачиваетъ въ городъ и здѣсь около фонтана на площадкѣ была собрана группа плѣнныхъ турецкихъ офицеровъ, охраняемая казаками.

Мнѣ хотѣлось познакомиться съ этими людьми и поближе взглянуть на нихъ. Я слѣзъ съ лошади и, раскланявшись съ нѣкоторыми, былъ приглашенъ сѣсть на коверъ, который они разослали въ тѣни деревъ у подножія холма. Съ удовольствіемъ я принялъ это приглашеніе, потому что хотѣлось немного отдохнуть, опомниться отъ пережитыхъ страшныхъ думъ, навѣянныхъ видомъ смерти и страданій.

Ко мнѣ подбѣжалъ какой-то господинъ въ фескѣ и въ очкахъ; который оказался докторомъ, владѣвшимъ французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ, стало быть разговоръ нашъ кое-какъ поддерживается. Главною темою разговора было то, что имъ до сихъ поръ не даютъ ни хлѣба ни мяса.

— Русскимъ достались, говоритъ докторъ воодушевляясь, всѣ наши склады, тысячи головъ скота, намъ хоть бы по куску говядины дали!

— Видите ли, докторъ развѣ можно требовать, чтобы тотчасъ были накормлены семь тысячъ человѣкъ? Вотъ еслибы вы вчера предупредили, что завтра, молъ, мы сдадимся, потрудитесь приготовить пищу, тогда другое дѣло. Повѣрьте, что я самъ до сихъ поръ еще ничего не ѣлъ.

— Да, да, капитанъ, сталъ извиняться докторъ, но только я не знаю кто же будетъ объ этомъ думать?

— Уже назначенъ комендантъ города, который позаботится о васъ, а пока я прикажу вамъ привесть цѣлаго быка, съ которымъ вы можете распорядиться какъ хотите.

Другіе офицеры окружали насъ; когда докторъ объявилъ имъ, что сейчасъ приведутъ цѣлаго быка, то они всѣ пріятно улыбнулись и благодарили меня, прикладывая руку къ груди и ко лбу. Вскорѣ подошелъ паша Ахмедъ — второй послѣ Гассана, послѣдняго тотчасъ по взятіи отправили къ Главнокомандующему. Полная, плотная фигура, въ брюкахъ и курткѣ сѣраго башлычнаго сукна, подвигалась къ намъ; турецкіе офицеры встали, предупредивъ меня, что идетъ генералъ. Я тоже всталъ и отдалъ ему воинскую честь; паша усѣлся на коврѣ и пригласилъ меня сѣсть рядомъ.

Между ними оказался одинъ раненый въ щеку: его я отправилъ въ Моршевику, гдѣ работали наши дивизіонные лазареты. Никакой другой помощи врачамъ этихъ лазаретовъ не было и они успѣли справиться съ тою, безъ малаго, тысячью человѣкъ, которые нуждались въ ихъ помощи послѣ Никопольскаго боя, а если считать еще раненыхъ плѣнныхъ турокъ, то гораздо больше.

Наконецъ, я распрощался со своими новыми знакомцами, купивъ у одного изъ нихъ изряднаго сѣраго коня, такъ какъ лошади, по распоряженію корпуснаго командира, были оставлены плѣннымъ офицерамъ; изъ состраданія къ благородному животному, которое уже и теперь стояло безъ корму, повѣсивши понуро свою красивую голову, я купилъ этого коня, предложивъ за него двойную плату, противъ той, которую предлагали хозяину бимъ-баши другіе русскіе офицеры.

Батарею нашелъ уже расположившеюся на бивуакѣ, гдѣ еще вчера были хозяевами турки, и тотчасъ же послалъ турецкимъ офицерамъ обѣщаннаго быка, что было тѣмъ легче сдѣлать, что солдаты десятками ловили скотъ, который былъ собранъ турками на случай продолжительнаго сопротивленія

крѣпости; множество всякихъ другихъ запасовъ въ видѣ хлѣба, цѣлыхъ десятковъ громадныхъ бочекъ масла и т. п. свидѣтельствуютъ, что турки хотѣли защищаться долго и упорно; но, лишившись всѣхъ передовыхъ укрѣпленій въ одинъ день, откуда уже мѣстность, особенно съ востока, командуетъ городомъ, всякую надежду на успѣшную оборону должны были оставить и потому поспѣшили сдаться на капитуляцію.

Откуда ни возьмись появились цѣлыя толпы болгаръ и отбирали скотъ, загнанный солдатами, но одинъ изъ нихъ попался, за что и получилъ должное вознагражденіе. Наши офицеры еще въ Румыніи купили двухъословъ съ осленкомъ, которые и паслись около батареи; смотрю одинъ болгаринъ погналъ этихъ ословъ, да такъ скоро, что я едва успѣлъ съ солдатами догнать его.

— Ты это зачѣмъ гонишь ословъ, а? кричу я на него.

— Това̀ мои мегаре, братушко.

— Врешь, это не твои, и приказалъ отобрать ословъ солдатамъ, которые и угостили порядкомъ этого братушку. Долго онъ будетъ помнить этотъ урокъ, къ которому поневолѣ прибѣгнешь, когда нѣтъ другого способа наказанія. Впрочемъ, я долженъ оговориться, это былъ первый и послѣдній случай, которому я былъ лично свидѣтелемъ, такого явнаго нахальства и лжи со стороны болгаръ.

Мы, офицеры, усѣлись пить чай, пока приготовится обѣдъ, подъ тѣнью деревъ, гдѣ были разбиты наши новыя, взятыя въ турецкомъ лагерѣ, палатки. Палатки эти во всѣхъ отношеніяхъ лучше форменныхъ tente abris, въ которыхъ нѣтъ защиты ни отъ солнца, ни отъ дождя, да и разбивка ихъ не легкая исторія, не говоря уже о томъ, что стоять въ такой палаткѣ во весь ростъ невозможно, а нужно или ползать, или сидѣть; словомъ, высокая, коническая, сдѣланная изъ плотнаго, хорошаго холста, турецкая палатка имѣетъ всѣ преимущества, поэтому-то она и употреблялась предпочтительно какъ самими

начальниками, такъ и офицерами, которымъ посчастливится добыть подобную палатку.

Въ это время къ намъ подъѣхалъ генералъ свиты Его Величества, попросилъ напиться и объяснилъ, что Государь два дня слышитъ канонаду у Никополя и безпокоится о судьбѣ 9-го корпуса, почему и прислалъ его поскорѣй узнать въ чемъ дѣло. Мы подѣлились своей радостью и направили генерала къ корпусному командиру.

Вечеромъ, назначена была панихида по убитымъ воинамъ. Часовъ въ восемь собрались на площадкѣ около аналоя всѣ свободные офицера и солдаты. Священникъ Пензенскаго полка своимъ задушевнымъ, трогающимъ голосомъ, отдалъ послѣдній долгъ павшимъ братьямъ и колѣнопреклонный, какъ и всѣ присутствующіе, провозгласилъ вѣчную память православнымъ воинамъ здѣсь, на брани, животъ свой положившимъ!

Передо мной ожили всѣ впечатлѣнія, которыя я пережилъ вчера и сегодня. Человѣческое чувство заговорило; слезы душили меня; я едва добрелъ до своей палатки, и какъ пластъ бросился на постель...

X.

Критическій обзоръ Никопольскаго боя.

Познакомивъ читателя съ моими личными впечатлѣніями Никопольскаго боя, я, задавшись вопросомъ, почему войска 9-го корпуса барона Криденера взяли Никополь, постараюсь отвѣтить на этотъ вопросъ теоретически, на основаніи знакомства со многими фактами этого боя.

Прежде всего нужно опредѣлить силы, которыми располагалъ противникъ и мы.

Извѣстно, что плѣнныхъ взято около семи тысячъ; въ бою турки потеряли убитыми и ранеными три тысячи, да въ ночь на 4-е іюля бѣжали изъ Никополя, по берегу Дуная и выше,

которые наткнулись на кубанцевъ, по крайней мѣрѣ до четырехъ тысячъ; итого у турокъ было четырнадцать тысячъ.

У насъ: шесть полковъ пѣхоты *), девяносто два орудія и двѣнадцать эскадроновъ. Переводя это въ цифры, получимъ: надо считать въ каждомъ батальонѣ семьсотъ штыковъ, такъ какъ въ полномъ составѣ батальонъ никогда не бываетъ вслѣдствіе убыли людей отъ болѣзней и по разнымъ другимъ причинамъ (артельщики, каптенармусы, деньщики, музыканты, санитары и т. п.). Слѣдовательно, въ восемьнадцати батальонахъ штыковъ было тринадцать тысячъ, кавалеріи до полторы тысячи всадниковъ, артиллерія же измѣряется количествомъ орудій. Итакъ, у насъ было не болѣе пятнадцати тысячъ, у турокъ около четырнадцати; орудій: у насъ девяносто два, у турокъ болѣе ста. Слѣдовательно, численное превосходство, какъ элементъ боя, не имѣетъ мѣста, тѣмъ болѣе, что у противника нашего было множество искусственныхъ закрытій. (I).

Войска, воодушевленныя примѣромъ переправы и другихъ, хотя и менѣе значительныхъ, удачъ нашихъ вслѣдъ за переходомъ въ Болгарію, не страшились никакого врага и были вполнѣ увѣрены въ свою силу. Духъ героизма, отваги и смѣлой рѣшительности одинаково присущъ былъ каждому солдату, который еще не зналъ неудачи; разъ если эта увѣренность поколеблена—сила уменьшается на половину, какъ это всегда случается послѣ пораженій, хотя бы и частныхъ, незначительныхъ. Теперь этого не было, и потому духъ войскъ, идущихъ въ бой 3-го іюля, былъ таковъ, какого только и можетъ желать самый требовательный теоретикъ (II).

Удачный выборъ пункта атаки былъ не забытъ въ этомъ сраженіи. Выставивъ противъ праваго фланга большую сорока орудійную батарею и оставивъ при ней только одинъ полкъ,

---

*) Два другіе полка нашего корпуса Воронежской и Костромской съ батареей при каждомъ охраняли: первый мостъ на Дунаѣ, а второй тылъ наступающаго корпуса въ Булгарени.

баронъ Криденеръ сосредоточилъ остальные полки на лѣвомъ флангѣ,—онъ повелъ атаку именно съ этого пункта.

Когда генералу замѣтили, что опасно на сорокъ орудій оставлять только одинъ полкъ, говорятъ, онъ отвѣтилъ:

— Повѣрьте, непріятель не посмѣетъ сдѣлать наступленіе на такую грозную батарею. И онъ былъ правъ, потому, главнымъ образомъ, что впереди лежащая мѣстность передъ батареей по крайней мѣрѣ версты на три—представляла открытое, почти ровное поле, по которому трудно было бы пройдти атакующему непріятелю подъ огнемъ сорока девяти-фунтовыхъ орудій.

Намѣтивъ ударъ съ лѣваго фланга, тѣмъ самымъ отнималась всякая надежда у турокъ отступить изъ Никополя, что они только и могли сдѣлать направляясь на Плевну или Рахово, въ противоположную же сторону (т. е. къ Систову), отступленіе не имѣло бы смысла.

Турки никакъ не ожидали атаки съ этой стороны, потому еще, что крайне пересѣченная мѣстность по обоимъ скалистымъ, перерѣзанныхъ оврагами, берегамъ Осмы сама по себѣ представляетъ надежную опору обороняющемуся.

Итакъ, удачный выборъ пункта атаки и цѣлесообразное размѣщеніе войскъ имѣло громадное вліяніе на блестящій исходъ боя (III).

Полки Архангелогородскій и Пензенскій съ частями кавалеріи стояли по крайнимъ флангамъ, обезпечивая ихъ на случай обхода или какой-нибудь демонстраціи. Остальные четыре полка вели атаку. Не останавливаясь въ занятыхъ укрѣпленіяхъ, послѣдніе преслѣдовали по пятамъ отступающаго непріятеля. Атакующимъ частямъ были приданы легкія четырехъ фунтовыя батареи, которыя помогли дѣлу. Уставшія люди отдыхали или пили воду, тогда какъ другіе тотчасъ же шли имъ на смѣну. Эта взаимная поддержка и органическая связь между частями имѣли также громадное значеніе. Слѣдо-

вательно, энергическое веденіе атаки, преслѣдованіе непріятеля по пятамъ и взаимная поддержка — вотъ тѣ боевыя заслуги, которыя были блестящимъ образомъ проведены полками (IV), которымъ собственно и принадлежитъ честь взятія Никополя. Я назову эти полки: Вологодскій, Галицкій, Тамбовскій и Козловскій. Убыль въ этихъ полкахъ тысяча двѣсти восемьдесятъ шесть человѣкъ изъ общаго числа тысяча триста десяти, которыхъ мы потеряли въ этомъ бою. Наибольшая убыль была въ Галицкомъ полку (триста девяносто восемь), затѣмъ въ Тамбовскомъ (триста сорокъ пять), Козловскомъ (двѣсти семьдесятъ пять) и Вологодскомъ (двѣсти пятьдесятъ шесть человѣкъ), а на остальныя всѣ части вмѣстѣ всего двадцать четыре человѣка убыли.

Нельзя не упомянуть въ этомъ перечисленіи о цѣлесообразномъ употребленіи артиллеріи. Сосредоточенный огонь сорока девятифунтовыхъ орудій сдѣлалъ свое дѣло и главное—отвлекъ вниманіе непріятеля, въ первые моменты по крайней мѣрѣ, отъ истиннаго пункта атаки (V).

Въ послѣдующихъ бояхъ, въ которыхъ мнѣ случилось быть, не было ни разу такого сосредоточеннаго огня, который рекомендуется новѣйшей тактикой, кромѣ конечно послѣднихъ періодовъ плевненской эпопеи, когда цѣлое кольцо батарей почти непрерывно окружали непріятельскія укрѣпленія и стрѣльба велась даже залпами.

Нельзя не замѣтить, что массированіе артиллеріи имѣетъ и свои невыгодныя стороны. Я уже указывалъ, что при перестрѣлкѣ дымъ мѣшаетъ другимъ наводить, а кромѣ того, трудно опредѣлить, когда сразу стрѣляютъ нѣсколько орудій, гдѣ именно падаетъ граната вашего орудія, когда ихъ почти одновременно падаетъ нѣсколько. Впослѣдствіи мы примѣнились и къ этому: по таблицѣ извѣстно сколько секундъ долженъ пролетѣть снарядъ при извѣстной высотѣ прицѣла—это и служило указаніемъ намъ при помощи часовъ, какая именно граната наша.

Легкія батареи по холмамъ и обрывамъ слѣдовали за полками и подготовляли имъ послѣдній ударъ.

Вотъ главнѣйшія данныя, благодаря которымъ мы овладѣли Никополемъ, резюмируя эти выводы, мы приходимъ къ слѣдующимъ результатамъ:

I. Численнаго превосходства на нашей сторонѣ не было, особенно если мы вспомнимъ, что активное участіе въ атакѣ принимали только четыре полка.

II. Духъ войскъ былъ на высшей степени военнаго развитія.

III. Удачный выборъ атаки и соотвѣтственное этому расположеніе войскъ.

IV. Энергическое и быстрое веденіе атаки.

V. Цѣлесообразное употребленіе артиллеріи при подготовкѣ атаки и размѣщеніе ее на позиціи; сюда же нужно отнести успѣшную трехнедѣльную бомбардировку Никополя съ румынскаго берега, которая и въ моментъ штурма оказала значительную помощь и, наконецъ,

VI. Превосходство нашего вооруженія.

Въ Никопольскомъ отрядѣ у турокъ было немного ружей Пибоди (не болѣе 100), да и тѣ были чистыми, т. е. изъ нихъ не стрѣляли, когда они достались въ наши руки; большинство же было вооружено ружьями Снайдера такого устройства и качества, какъ и наши ружья Крынка. Небольшее количество магазинныхъ ружей не могло дать туркамъ большаго перевѣса; я, впрочемъ, отношусь къ этимъ послѣднимъ весьма скептически: трудно предположить, чтобы человѣкъ не переводя духъ сдѣлалъ сразу двѣнадцать — пятнадцать выстрѣловъ, а если и сдѣлаетъ, то выстрѣлы будутъ шальные, которые никому сдѣлать вреда не могутъ: Кромѣ того, устройство этихъ ружей, по своимъ баллистическимъ качествамъ, уступаетъ всякому другому ружью и скорѣй приближается къ револьверамъ; въ этомъ послѣднемъ смыслѣ они, дѣйствительно, приносятъ громадную пользу.

Наша пѣхота была вооружена ружьями Крынка, къ которымъ годятся патроны Снайдера и потому недостатка въ патронахъ, которые пополнялись изъ оставленныхъ турками въ ложементахъ жестянокъ съ патронами, не было; слѣдовательно, вооруженіе пѣхоты было одинаково.

Вооруженіе же артиллеріи было лучше у насъ, чѣмъ у турокъ. Правда, что у нихъ были двѣ нарѣзныя большаго калибра пушки Круппа и до восемнадцати полевыхъ дальнобойныхъ орудій, но всѣ остальныя, стоявшія въ крѣпости пушки были стараго, никуда негоднаго, образца: гладкія, на неуклюжихъ лафетахъ. У насъ имѣлись сорокъ девяти-фунтовыхъ и пятьдесятъ-два четырехъ-фунтовыхъ нарѣзныхъ орудій; если послѣднія не вполнѣ удовлетворяютъ современнымъ требованіямъ и потому въ настоящее время замѣняются дальнобойными, то первыя до сихъ поръ еще едва ли имѣютъ соперника изъ числа многочисленныхъ образцовъ полевыхъ орудій, поэтому наши «голѣма топы» (большія пушки) пользуются у турокъ должнымъ уважсніемъ и производятъ свое моральное дѣйствіе, въ чемъ я особенно убѣдился, участвуя въ апрѣлѣ въ экспедиціи противъ инсургентовъ въ родопскихъ горахъ.

Описывая Никопольскій бой, я имѣю въ виду возстановить въ памяти русскихъ читателей это славное дѣло, скоро забытое подъ впечатлѣніемъ Плевненскихъ неудачъ, которыя, главнымъ образомъ, обрушились на головы 9-го корпуса и болѣе всего на нашего командира барона Криденера. Едва ли его можно обвинить въ томъ, чего исполнить, по малочисленности войскъ, было невозможно. Если и были какія-нибудь отступленія или упущенія извѣстныхъ правилъ, то отъ такихъ ошибокъ не свободно и Никопольское сраженіе 3-го іюля, которое все-таки представляетъ образецъ тактическаго искусства.

Но и помимо блистательнаго исполненія тактическихъ задачъ боя, взятіе Никополя имѣло громадное стратегическое значеніе. Уширеніе нашей операціонной базы на Дунаѣ и обез-

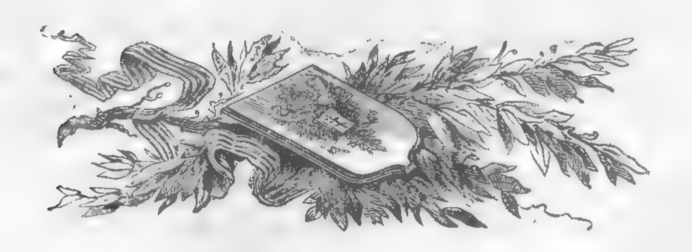
печеніе ее крѣпостью — вотъ главный результатъ, добытый этимъ боемъ. Неужели Османъ-паша остался бы въ Плевнѣ, если бы, кромѣ разныхъ другихъ причинъ, движенію его на Систовъ не угрожала крѣпость въ тылу и на флангѣ? Занять же эту крѣпость и вырвать ее изъ рукъ русскихъ не легко. Османъ видѣлъ уже примѣръ на Баязетѣ и не хотѣлъ повторить этого же, тѣмъ болѣе, что Никополь могъ сообщаться съ тыломъ черезъ Дунай, который, благодаря устроеннымъ загражденіямъ у Карабіи, вверхъ по теченію, былъ въ нашихъ рукахъ.

Шесть георгіевскихъ крестовъ *), которые украшаютъ груди: корпуснаго командира, четырехъ полковыхъ командировъ отличившихся полковъ, и генерала Пахитонова, дѣлавшаго рекогносцировку и показавшаго намъ, артиллеристамъ. примѣръ храбрости и неустрашимости въ бою; наконецъ, впослѣдствіи, награды всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, по четыре знака отличія военнаго ордена на каждую роту и батарею,—вотъ тѣ знаки выраженія милости, которой мы удостоились получить отъ Государя по представленію Великаго Князя Главнокомандующаго.

---

*) Кромѣ тѣхъ, которые потомъ даны были нѣкоторымъ офицерамъ.

В. С—а.



18-е Іюля 1877 года.

Воспоминанія офицера Серпуховскаго полка.

Памятна намъ деревня Карагачъ-Болгарскій тѣмъ, что послѣ усиленнаго марша отъ станціи Фратешти нашли тамъ отдыхъ на одинъ день, усталость исчезла, ноги отдохнули и духомъ стали бодрѣе, несмотря на близость Плевны. Къ вечеру всѣ заботы дня окончены, и люди, послѣ ужина, собранные у палатокъ, чистосердечно помолились, затѣмъ и на покой, спать. Бесѣды были кратки, и въ девять часовъ вечера тишина нарушалась дневальными и дежурными, ходившими вдоль наружныхъ линій палатокъ. Но вотъ въ часъ ночи, 18-го іюля, мы были подняты съ своего бивуака и крѣпкій сонъ нарушенъ. Людямъ приказано выходить на обѣдъ. Горячая похлебка гречневой крупы и выданная порція по одному фунту мяса съ собой — возвѣщали о предстоящемъ трудномъ днѣ.

Усердная молитва къ Богу, предъ выходомъ въ строй, болѣе подкрѣпила насъ и осилила то трепетное чувство, которое овладѣваетъ при мысли о неизвѣстности дня. Въ исходѣ третьяго часа утра стали выводить роты впереди палатокъ, которыя вмѣстѣ съ ранцами и обозами оставлялись на мѣстѣ. Не-

проглядное утро и туманная сырость не давали намъ высмотрѣть яснаго дня. Кто-то замѣтилъ, что понедѣльникъ—тяжелый день, и не слѣдовало бы начинать дѣло, а отложить до завтра.

— Э, братъ — утѣшилъ другой — все равно и понедѣльникъ-бездѣльникъ, и вторникъ-озорникъ; вотъ водицу прибереги, не израсходуй ее зря, и не будетъ тяжело.

Къ построеннымъ батальоннымъ колоннамъ стало подъѣзжать начальство, здороваясь съ людьми. Солдаты громко и отъ души здоровались. Командиръ полка, называемый папашей, былъ молчаливъ; гнѣдой его жеребецъ ржалъ, форсилъ и былъ нетерпѣливъ. Прибылъ къ фронту и начальникъ дивизіи генералъ Пузановъ, который послѣ привѣта сказалъ кратко и убѣдительно, приблизительно слѣдующее: «Ребята, всѣ мы дали присягу на вѣрность службы Государю и Отечеству; въ этой войнѣ, защищая вѣру и жизнь братьевъ нашихъ не пощадимъ себя. У меня и средства есть къ жизни и я могъ бы остаться въ Россіи, но я все-таки, пошелъ и умру съ вами за правое и святое наше дѣло. Надѣюсь, что съумѣете показать себя и съ турками будете драться хорошо». Дружное «постараемся, ваше превосходительство!» было отвѣтомъ. Начальникъ дивизіи проскакалъ къ слѣдующимъ батальонамъ и тоже «постараемся!» далеко было слышно.

Назначенные въ авангардъ уже тронулись, и батальоны по знаменнымъ рядамъ вытягивались на широкую дорогу, именуемою шоссе. Артиллерія, зарядные ящики и линейки Краснаго Креста трогались вслѣдъ за нами по дорогѣ къ Плевнѣ. Къ семи часамъ пѣхота и артиллерія была на мѣстахъ по диспозиціи и, собранные двѣнадцать полковъ должны были быть мстителями за неудачу 8-го іюля.

Наша бригада оставалась въ общемъ резервѣ, и стояла въ глубокихъ батальонныхъ колоннахъ. Рядомъ съ нами помѣстился перевязочный пунктъ 30-й дивизіи и назначенная въ

резервъ артиллерія и зарядные ящики. Мѣстность, нами занятая, была ровная; полки съ артиллеріей, ставшіе въ боевую линію, отъ нашихъ глазъ скрылись. Адъютанты и конные ординарцы мелькали съ приказаніемъ отъ начальства. Нашимъ флангомъ командовалъ генералъ Криденеръ. Офицеровъ нашей бригады собралъ генералъ Божеряновъ и прочелъ диспозицію: изъ нея узнали мы, что 1-я бригада нашей дивизіи назначена въ боевую линію, что сигнала отступленія играться не будетъ, и ежели будетъ слышенъ, то это уловка непріятеля, затѣмъ въ концѣ объявлялась воля Главнокомандующаго: непремѣнно взять Плевну; предполагаемую численность непріятеля Божеряновъ не прочелъ, говоря, что русскіе не считаютъ.

Туманъ все держался довольно сильно, но вотъ въ восемь часовъ со стороны турокъ былъ пущенъ первый артиллерійскій выстрѣлъ, съ нашей — не замедлили отвѣтить, и тогда орудійный ревъ по всей линіи сталъ уже безпрерывенъ. Нашу бригаду подвинули впередъ, и черезъ часъ времени артиллерійскій рожокъ вызывалъ зарядный ящикъ изъ резерва. Принесли раненаго артиллериста, которому оторвало ногу, первая жертва сегодняшняго дня, и каждый съ участіемъ сожалѣнія провожалъ его глазами. Стоическое страданіе несчастнаго говорило, что пѣсня его спѣта, но не избѣгнуть ее и намъ.

Къ десяти часамъ утра туманъ сталъ расходиться, насъ подвинули еще ближе, и тогда мы увидѣли, что впереди лежащая мѣстность совсѣмъ не ровная, какъ намъ представлялась, а напротивъ покрыта оврагами и возвышенностями.

Съ этого времени открылась и ружейная пальба, особенно сильная на нашемъ правомъ флангѣ въ лѣску. Къ полудню боевая линія наша подвинулась впередъ; подъ грозное «ура», удаль нашего солдата, выбила турокъ изъ ихъ ложементовъ и заняла ихъ. Резервъ снова подвинулся ближе, и приказано было лечь. День совсѣмъ выяснился, солнце стало допекать и,

повидимому, счастіе намъ улыбалось. Не туманъ, а пороховой дымъ сталъ заслонять непріятеля отъ нашихъ взоровъ.

Люди успѣли свыкнуться съ громомъ выстрѣловъ, нашлись шутники, и явились прибаутки. Голодные вспомнили объ обѣдѣ, добыто изъ сухарнаго мѣшка мясо, и сухарикъ съ водой былъ заключительнымъ блюдомъ походнаго обѣда. Деньщикъ мой, Осипъ, былъ тутъ же, а съ нимъ и запасъ закуски, добытой у маркитанта въ Карагачѣ-Болгарскомъ.

Ко мнѣ примкнуло двое офицеровъ, и приложившись къ бутылкѣ (сбереженію изъ Кіева) закусили наскоро, и опять заняли свои мѣста, легши возлѣ солдатъ.

Странно, среди грома и всей боевой обстановки явились мысли самыя мирныя. Голубое небо и ясный полдень какъ-то успокоительно дѣйствуютъ на нервы, и мысль далеко перенеслась въ Россію, подъ кровъ семьи, родныхъ и знакомыхъ. Вспомнились лучшія минуты жизни, любви, спокойствія, веселья; потомъ стали мелькать мимолетныя картины, какія-то отрывочныя мысли, потомъ сладкія мечты перенесли меня въ забвеніе и вдругъ я заснулъ крѣпкимъ сномъ...

— Вставать! раздался чей-то голосъ; я проснулся.

— Вставать, ваше благородіе! слышу снова; то былъ голосъ фланговаго унтеръ-офицера.

Вскочивъ проворно вмѣстѣ съ прочими, я сначала не уяснилъ себѣ хорошенько, гдѣ мы и куда собираемся. Но выстрѣлы напомнили гдѣ, и что мы. Взглянулъ на часы: было два часа пополудни. Отъ насъ съ резерва Коломенскій полкъ былъ взятъ и направленъ влѣво, а къ намъ подъѣхалъ какой-то флигель-адъютантъ и поздравилъ, что дѣла идутъ хорошо, что молодцы-солдатики взяли батарею и турокъ отбросили назадъ, а кто-то изъ офицеровъ пояснилъ, что теперь начинается «grand rond» значитъ дѣло къ заключенію.

Каждый изъ насъ какъ-то увѣреннѣе сталъ глядѣть.

Впереди виднѣлась куча всадниковъ, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ всматривались въ подзорныя трубки. Это былъ генералъ Криденеръ со свитой; оттуда одинъ всадникъ отдѣлился въ направленіе къ намъ, и вслѣдъ за тѣмъ нашему полку побатальонно скомандовано «ружье вольно» и «шагомъ маршъ», взявъ направленіе вправо. Мы примкнули къ какому-то полку, стоящему возлѣ лѣса, гдѣ шла учащенная перестрѣлка. Повидимому, турки отступали и оттуда были выбиты, такъ какъ выстрѣлы все отдалялись. Затѣмъ, въ четвертомъ часу, снова насъ двинули и мы вышли на открытое мѣсто.

Нашимъ взорамъ представилась небольшая деревня, расположенная въ оврагѣ: то была деревня Гривица, которая съ обѣихъ сторонъ возвышенностей обстрѣливалась артиллерійскимъ огнемъ; подвигаясь, мы спустились въ нее, и крайне были удивлены, увидѣвши тамъ жителей. Мужчины и женщины, одѣтые по-болгарски, какъ бы по праздничному, вмѣстѣ съ малыми дѣтьми высыпали у первой избы. Непостижимо, какъ не разрушились дома ихъ, и какъ уцѣлѣли жители при томъ сильномъ огнѣ, который былъ съ обѣихъ сторонъ. Наши два орудія, тутъ расположившись, стрѣляли, и также подвигались впередъ. Войдя въ деревню, мы тотчасъ свернули вправо и стали подыматься на противоположную сторону возвышенности. Солдатики отдѣлялись изъ строя и направлялись къ двумъ колодцамъ забирать воду въ жестянки, и несмотря на запрещенія и просьбу имъ не ходить—все-таки шли и, добывъ, ее оживали на нѣкоторое время. Солнце пекло сильно, почти каждый изъ насъ буквально обливался потомъ.

Поднявшись, мы снова стали спускаться, проходили посѣвъ ржи, парное поле и снова подымались въ гору, затѣмъ еще спустились и къ пяти часамъ по полудни заняли возвышенность, откуда виденъ былъ грозный редутъ, извергающій смертоносные гостинцы. Мы сосредоточенно смотрѣли впередъ, стараясь высмотрѣть непріятеля.

Мѣстность до редута была волнистая съ посѣвами кукурузы, арбузовъ, и наши боевыя линіи, какъ бы соединившись въ одну, огибали редутъ полукругомъ съ двухъ сторонъ; вдали, внизу, виднѣлись башни минаретовъ и полоса рѣки, то была Плевна.

Приказано лечь, но голова ужъ не сгибалась и, сидя, мы высматривали движеніе непріятельскихъ войскъ, отъ коихъ подымалась пыль столбомъ. Полкъ нашъ, будучи на виду, какъ на ладони, вполнѣ могъ бы наслаждаться зрѣлищемъ наблюдателя, такъ какъ занятая нами гора командовала надъ впереди лежащей мѣстностью.

Конные спѣшились и мы бы долго любовались удобствомъ занятаго мѣста, еслибы не послѣдовало разочарованіе. Турки увидѣли насъ съ редута и направили свои выстрѣлы къ намъ. Первая граната, упавшая между 1-мъ и 2-мъ батальонами въ промежутокъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста моего лежанія, по счастію не разорвалась. Впечатлѣніе, которое овладѣло каждымъ при видѣ этого сюрприза, было ново. Пригнувшись къ землѣ и искоса посматривая на гранату, съ замираніемъ сердца, мы ожидали разрыва, —и вдругъ разрыва нѣтъ, вслѣдъ за этой другая граната упала впереди нашего батальона, разорвалась и землей обсыпала переднихъ. Затѣмъ третья, но къ счастью никого не ранила. Тогда командиръ полка, полковникъ Граве, насъ поднялъ и отвелъ немного назадъ на спускъ горы, и выстрѣлы къ намъ прекратились.

Одна изъ батарей нашей артиллеріи заняла позицію довольно близко къ редуту, и продолжала неустанно стрѣлять картечными гранатами. Выстрѣлы были правильны, такъ какъ каждая граната лопалась надъ редутомъ, но на сколько это имъ вредило — неизвѣстно. Мы же полагали, что огонь нашъ, должно быть, для нихъ былъ чувствителенъ, иначе пѣхота ихъ стрѣляла бы въ насъ, не стѣсняясь дальностію разстоянія. На это турки патроновъ не щадятъ, и гдѣ только глазъ ихъ ви-

дитъ, тамъ и стараются пустить пулю и дать знать о себѣ. И такъ, мы были увѣрены, что защищающаяся тамъ пѣхота, должно быть или была выведена, или въ небольшомъ количествѣ, вслѣдствіе убыли отъ огня нашихъ орудій.

Мы даже разсчитывали, что и безъ насъ дѣло обойдется, что мы прійдемъ на готовое, уже сдѣланное нашими товарищами, и будемъ только преслѣдовать выбитаго и отступающаго непріятеля, такъ какъ нашъ полкъ и составлялъ единственно стройную единицу и болѣе ни сомкнутой части, ни резерва не было.

Но вотъ, въ шестомъ часу, къ нашему полку приближается генералъ Божеряновъ отъ начальника фланга Криденера, и обращаясь къ полковнику говоритъ: «назначьте двѣ роты для штурма редута, турки видимо отступаютъ, огонь ихъ слабъ, достаточно будетъ двухъ ротъ выбить ихъ оттуда».

Командиръ нашъ направился ко 2-му батальону и, обращаясь къ маіору Антоновичу (нынѣ подполковнику) передалъ приказаніе назначить двѣ роты для штурма.

Тогда маіоръ Антоновичъ, обращаясь ко мнѣ сказалъ: Капитанъ Б., ведите 5-ю роту, поручикъ Н. 8-ю роту, а капитанъ Г. за старшаго.

Какое чувство овладѣло мною при этомъ назначеніи — трудно описать. Сперва промелькнула мысль о славѣ и отличіи, затѣмъ, — сознательная жертва людьми и собой за идею свободы и отвѣтственность за неуспѣхъ, за симъ помня, что на людяхъ и смерть красна, я обратился къ ротѣ и сказалъ «ребята сними шапки, перекрестись!» и самъ тоже сдѣлалъ; затѣмъ я вывелъ роту въ полуротной колоннѣ со вздвоенными рядами и вмѣстѣ съ 8-ю ротой, мы направились къ редуту. Едва отошли мы триста шаговъ, какъ адъютантъ передалъ приказаніе стать въ прикрытіе выдвинувшейся батареи. Тогда, приблизившись къ батареѣ, мы залегли въ оврагъ, впереди и вправо отъ нея.

Теперь уже мы были въ сферѣ огня артиллерійскаго и ружейнаго, пули и гранаты ложились въ сосѣдствѣ нашемъ и за нами, но по счастію убыли въ людяхъ не было. Не прошло и четверти часа, какъ снова прибылъ адъютантъ и издали кричитъ: «капитанъ Г. ведите роты на штурмъ», и затѣмъ кто-то другой передалъ тоже приказаніе. Дѣлать нечего, мы съ Н. подняли наши роты и направились въ томъ же самомъ строю.

Едва перешли одну возвышенность, чрезъ которую пробѣжали и, устроившись въ оврагѣ, стали подыматься, какъ снова были остановлены крикомъ: «стой, стой!»; обернувшись увидѣли бѣжавшаго къ намъ маіора К. (командира 3-го батальона) и рукой насъ останавливающаго, мы остановились. Маіоръ К., заходя впередъ фронтъ, спотыкнувшись толкнулъ меня и сказавъ «извините», вслѣдъ затѣмъ обратился къ ротамъ: «Бригадный генералъ поручилъ мнѣ — вести васъ на штурмъ; надѣюсь, что вы молодцами себя покажете, сними шапки и перекрестись; ну, съ Богомъ, господа! ведите роты, шагомъ маршъ».

Прапорщикъ 5-й роты Р., напомнилъ мнѣ, что надо развернуть роту и я, по соглашенію съ Н., развернулъ роты и мы двинулись впередъ. Капитанъ же Г., собственно командиръ 5-й роты, какъ ранѣе назначенный за старшаго, счелъ себя съ прибытіемъ маіора К., запаснымъ и шелъ сзади роты; а я, оставаясь впереди, повелъ роту, держась направленія нѣсколько вправо.

Въ пути до редута, на одной изъ отлогостей, была бахча— поле съ арбузами, въ то время еще не доспѣлыми. Солдаты, мучимые жаждой, а можетъ быть и голодомъ, нагибаясь, срывали арбузы и, разбивая о прикладъ, ѣли ихъ.

— Не кушайте, братцы, заболѣете, говорилъ я.

— Эхъ, ваше благородіе, можетъ Богъ приведетъ и умереть, какъ не попробовать, отвѣчаютъ солдатики.

Экая удаль безшабашная, подумалъ я, у нашего солдата, пули свистятъ, а онъ лакомится.

Съумѣешь снискать довѣріе у этихъ удальцевъ, такъ съ ними можно чудеса творить, и именно эта война многими фактами блистательно это подтвердила. Счастіе взаимное для начальника и подчиненнаго, ежели въ бою сохранены инстинкты нравственныхъ началъ уваженія и любви.

Но вотъ мы спустились съ послѣдняго перевала; въ оврагѣ, подъ горой, на которой былъ редутъ, лежали наши раненые, вытянувшись длиннымъ шнуромъ; мы примкнули къ нимъ залегши, и поджидая отсталыхъ. Видимъ, передъ нами колонну лежащихъ солдатъ, и одиночныхъ людей, ползущихъ къ намъ. Смотрю: многіе изъ нашихъ переднихъ солдатъ держатъ уже ружья передъ собою на прицѣлѣ.

— Кто это впереди, не наши ли? спрашиваю я у одного раненаго 31-й дивизіи Тамбовскаго полка, зажимавшаго бокъ свой землею.

— Это, ваше-благородіе, наши Галицкіе, отвѣчаетъ раненый.

Предупредивъ объ этомъ людей, я приказалъ убрать ружья и не стрѣлять. Прапорщикъ Р... повторилъ мое приказаніе.

Когда роты подтянулись, то я и Н... снова стали впереди ротъ, и солдаты, имѣя ружья на перевѣсъ, тронулись въ гору, взявъ направленіе къ сторонѣ 8-й роты, т. е. влѣво; при той же ротѣ держался и маіоръ К..., также впереди. Тутъ уже пули и гранаты свистали безпрерывно, но больше все надъ головой пролетали. На вершинѣ горы передъ самымъ редутомъ была посѣяна кукуруза; мы огибая, и пригнувшись, шли ускореннымъ шагомъ: Маіоръ К... снова, чтобы собрать растянувшихъ людей и выйдти на открытое мѣсто стройно, приказалъ лечь. Затѣмъ тотчасъ встали и вмѣстѣ съ Н... скомандовали «на руку». Мы были убѣждены, что редутъ непремѣнно долженъ быть взятъ нами, и быстро подвигаемся подъ звуки рожка горниста, играющаго наступленіе.

Едва мы вышли на открытое мѣсто и въ томъ же направленіи влѣво, какъ были встрѣчены градомъ пуль съ редута, и я тотчасъ же былъ раненъ двумя пулями. Первая пуля попала въ нижнюю голень, заставивъ уменьшить шагъ; затѣмъ другая—въ среднее бедро и я упалъ на мѣстѣ.

Собравшимся около меня людямъ я не позволилъ подбирать себя и приказавъ имъ идти съ прочими, крикнувъ прапорщику, впереди ушедшему, «командуйте!» Оставаясь подъ выстрѣлами съ редута, я съ нетерпѣніемъ жду нашего «ура», но атака не-удалась, рожокъ прекратилъ игру, и люди нашихъ ротъ 5-й и 8-й, уцѣлѣвшіе отъ этого прохода, залегли нѣсколько впереди и въ лѣво отъ меня. Впереди меня лежали фланговый солдатъ въ ротѣ и нѣсколько человѣкъ изъ средины полуроты. Но вотъ слышу команду: «пальба ротой!» голосъ, кажется, маіора К...; затѣмъ второй залпъ и еще; потомъ пальба рядами—примѣрно черезъ одну четверть часа, слышу «ура» и вижу движеніе нашихъ ротъ. Я душой моею былъ съ ними съ пожеланіемъ успѣха, но и на этотъ разъ, встрѣченное адскимъ огнемъ, «ура» было непродолжительно. Потери, теперь понесенныя, были велики. Палъ убитый маіоръ Князевъ, Новосельскій раненъ, и путь усѣянный трупами, заставилъ роты наши тамъ же залечь. Оставшіеся въ живыхъ, прапорщикъ Разсохинъ и поручикъ Схобицкій въ 8-й ротѣ были ихъ руководителями до конца дня, они геройски и честно исполнили свой долгъ. Чтобы воспользоваться еще не истощенными силами отъ потери крови, я принялся отползать на рукахъ отъ непріятельскаго редута; въ это время отъ атакующихъ нашихъ ротъ пробѣжалъ мимо меня 8-й роты подпоручикъ, фамилія, кажется, Ясвальдъ и сзади его солдатъ, несшій револьверъ, саблю и проч.; я окликнулъ его по фамиліи, и спросилъ «что съ тобой» но онъ, пригнувшись, бѣжалъ и затѣмъ палъ на землю, держась за голову; взглянувъ на меня, солдатъ, слѣдовавшій за нимъ, палъ также; затѣмъ онъ всталъ и снова побѣжалъ, спускаясь подъ гору; а за нимъ другой солдатъ,

и такъ далѣе, пока не скрылись отъ глазъ моихъ. Странную эту картину — вижу до сихъ поръ передъ глазами. Въ то же время слышу гдѣ-то со стороны противоположной нашимъ ротамъ, которыя вели атаку, послышалось наступленіе, и «ура», но увы, и здѣсь встрѣченное тѣмъ же усиленнымъ огнемъ съ редута, и это «ура» было непродолжительно. Время было восемь часовъ. Видно, подумалъ я, тутъ что-то не ладно: ясно было, что или мы атаковали рано или, что атаковали поздно; поочередно, насъ и разбили... Я продолжалъ отползать и съ бодрымъ духомъ встрѣтилъ двѣ роты Галицкаго полка, которыя вѣроятно выжидали случая для атаки на редутъ. Командиръ роты, при коей были знамена, завидя меня ползущаго, послалъ ротнаго музыканта помочь мнѣ и предлагалъ даже дать солдата отвести на перевязочный пунктъ, но я, надѣясь доползти до оврага, откуда санитары могли подобрать меня, предложеніе его отклонилъ. Между тѣмъ, солнце близилось къ закату, выстрѣлы не прекращались, а я все отползалъ далѣе.

Едва всплылъ мѣсяцъ, какъ съ нашей стороны сыграно было отступленіе. Передаваемый сигналъ горнистами возвѣщалъ безнадежность, и на душѣ сдѣлалось грустно. Я уже былъ недалеко отъ оврага, какъ упавшая граната въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня лопнула, и осколкомъ возлѣ колѣна контузила раненую уже ногу и обсыпала землей. Разорванные сапоги, штаны, бѣлье и кровь на нихъ, сильно подѣйствовали на состояніе моей души. Въ первую минуту я полагалъ, что не владѣю ногою; пробую отползать, чувствую сильнѣе боль. Что было дѣлать? Темно; вблизи никого не видно; силъ стало менѣе; а выстрѣлы съ редута продолжаются, и снова «ура» впереди и вправо было слышно; что дѣлать? Приходилосъ отдаться на волю Всевышняго: кругомъ меня все пусто и молчитъ. Но вотъ тучи, закрывавшія мѣсяцъ, прошли, сдѣлалось яснѣе и явился лучъ надежды на спасеніе. Невдалекѣ проходитъ какой-то солдатъ съ ружьемъ.

— Помоги, братецъ, кричу я ему; онъ приблизился ко мнѣ и всматривается.

— Вы ранены, ваше благородіе, ахъ, Ты Господи! и сталъ помогать отползать, поддерживая меня подъ плечо. Видя, что помощь его одного мало дѣйствительна, я сказалъ ему: «поди, позови кого-нибудь, а то ты одинъ со мной не справишься».

— «Что вы, ваше благородіе—отвѣчаетъ онъ—да мнѣ хоть умирать прійдется, а я васъ однихъ не оставлю.

Я спросилъ, какого онъ полка и какъ его зовутъ.

— Тамбовскаго 1-й «стрѣлковой роты рядовой Михаилъ Шамринъ, былъ отвѣтъ.

Переползши оврагъ, мой спутникъ увидѣлъ другаго солдата, товарища одной съ нимъ роты, рядоваго Дорохина и подозвалъ его; онъ пришелъ и тогда они усадили меня на ружье и я, обхвативши ихъ за шею, и провожаемый выстрѣлами былъ несенъ ими. Когда они утомлялись, то клали меня на землю и сами, перемѣняясь стороною, несли далѣе. Помню пронесли меня кукурузой и стали подыматься въ гору, здѣсь мы уже были внѣ выстрѣловъ ружейныхъ пуль, я снялъ шапку и перекрестился, а спасители мои сказали: «Слава Тебѣ Господи! теперь нѣтъ опаски — свои ближе». Встрѣтился водовозъ, напоилъ меня водой, сказалъ что недалеко наши, и поѣхалъ далѣе утолять жажду ранешымъ. Между тѣмъ и я вскорѣ былъ доставленъ до санитаровъ нашего полка. Командой этой завѣдывалъ родной братъ Разсохина. Узнавъ, что меня принесли, онъ тотчасъ подошелъ, съ участіемъ спросилъ обо мнѣ, затѣмъ о братѣ, я отвѣтилъ и онъ немедля, далъ мнѣ носилки и четырехъ солдатъ, которые вмѣстѣ съ Тамбовскими солдатами донесли меня на перевязочный пунктъ 31-й дивизіи.

Перевязочный пунктъ былъ окруженъ и наполненъ жертвами сего дня. Раненые солдаты стояли, лежали на землѣ и на носилкахъ. Въ средину палатки трудно было пробраться, кру-

гомъ завалено было оперируемыми. Отрѣзанныя руки и ноги и умершіе были близкими сосѣдями. Вслѣдъ за мной внесли и Новосельскаго, я спросилъ, гдѣ раненъ: онъ показалъ на грудь и я увидѣлъ, какъ кровь показывалась изъ губъ. Словомъ, тутъ стоялъ вой отъ страданій. Стоны, охи и вздохи не умолкали. Здѣсь я узналъ, что Князевъ убитъ, генералъ Божеряновъ раненъ, что турки наступаютъ, раненые не подобраны, санитаровъ мало. Перевязочный пунктъ снимался, и доктора не брали болѣе для перевязки, имѣя ихъ столько подъ рукой. Насъ, послѣ принесенныхъ, приказали укладывать въ линейки, при чемъ сказали, что «тамъ» перевяжутъ; это было около полуночи, и меня неперевязаннаго уложили въ линейку 31-й дивизіи. Попутчиками мнѣ были Пензенскаго полка маіоръ Родіоновъ, раненый въ пахъ, того же полка полковой адъютантъ, штабсъ-капитанъ Марграфскій, раненый въ ступню и рядовой Тамбовскаго полка, раненый въ шею и въ ногу. Выносившихъ носилки для укладки, раненые солдаты провожали мольбой забрать и ихъ, говоря «возьмите, возьмите меня».

Стрѣльба, сигналы наступленія, отступленія и «ура» все еще слышались; чувствовался хаосъ страшный. Артиллерія съ зарядными ящиками отъѣзжала, солдаты молча брели. Насъ торопливо повезли. Грустно и тяжело было на душѣ у каждаго. Со мною ночью лихорадка. Движеніе обоза неровно. Куда везутъ—неизвѣстно. Доктора при обозѣ не видно. Проскакало нѣсколько казаковъ, обгоняя насъ; вотъ и экипажъ чей-то обгоняетъ, за нимъ другой. Все молчитъ, каждый чего-то ждетъ и вымолвить страшно. Толчекъ о камень болѣзненъ. Всѣ и все торопятся уйти, уѣхать, ускакать. Среди этой суеты тревожной, идутъ на встрѣчу полнымъ шагомъ стройные ряды солдатъ.

— Кто это, какой полкъ? засыпались вопросы.

— Воронежскій полкъ, было отвѣтомъ.

— Ну, Слава Богу, хоть одинъ туда, откуда всѣ бѣгутъ.

Утромъ, въ седьмомъ часу, проѣзжали деревню. Болгары выступали наружу, всматриваясь въ нашъ поѣздъ. Между собою они горячо толковали. Поѣздъ остановился. Кто-то изъ раненыхъ послалъ санитара, спросить молока, братушки спокойно выслушали и отвѣтили «нима». Отсюда, когда поѣздъ тронулся, намъ было извѣстно, что насъ везутъ въ Зимницу. Къ раненымъ Родіонову и Маргрaфскому прибыли деньщики, и они могли пользоваться ихъ услугами съ пользой для себя. День обѣщалъ быть жаркій, въ воздухѣ тишина и небо ясное. Иногда мы задерживались несчастіями въ линейкахъ, то оси у колесъ ломались, то хоронили умершихъ въ дорогѣ. Около полудня, когда мы отъѣхали пол-пути до Систова и мелкой рисцой трогались по пыльной дорогѣ, вдругъ вижу, вправо отъ дороги, обгоняющую насъ на парѣ, знакомую бричку, наполненную добромъ, и сверху сидящаго бокомъ, въ одной рубашкѣ, капитана Г... и возницей его деньщикъ Редлихъ.

— Василій Сидоровичъ! крикнулъ я; онъ узналъ меня и подбѣжалъ.

— Скажите, пожалуйста, что съ полкомъ? спрашиваю я.

— Да что? осталось двадцать восемь человѣкъ и одно знамя.

— Быть не можетъ.

— Вѣрно, вотъ они сзади идутъ, и Успенскій ихъ ведетъ.

— А полковой командиръ гдѣ?

— Убитъ, и баталіонный нашъ—убитъ и 1-го баталіона—тоже, да кто не раненъ, тотъ убитъ.

— А вы цѣлы?

— Слава Богу.

— Куда же вы теперь?

— Ѣду назадъ; хотите, я васъ заберу и скорѣе доставлю въ Зимницу.

Я поблагодарилъ за любезность, онъ попрощался и поспѣшилъ ѣхать далѣе. Вотъ, подумалъ, счастливецъ, отъ пули уцѣлѣлъ и ѣдетъ, вѣроятно, въ Кіевъ формировать полкъ съ полковымъ адъютантомъ. Пожалѣлъ отъ души, что не спросилъ его подробнѣе. Сообщеніе Василія Сидоровича меня поразило и я сталъ вслухъ удивляться, но штабсъ-капитанъ Маргграфскій и маіоръ Родіоновъ замѣтили, что это не можетъ быть, вѣроятно люди расползлись въ разныя стороны, и что послѣ навѣрно соберется болѣе. Вскорѣ послѣ пришлось увидѣть и полковаго адъютанта и онъ подтвердилъ, что дѣйствительно съ нимъ остатокъ полка сорокъ человѣкъ и знамя. Для утоленія жажды и подкрѣпленія силъ, мы прибѣгали къ водѣ, намъ только ее и давали. Къ ночи мы прибыли къ Дунаю и ночевали на берегу, близъ Систова. На утро видны были доктора, суетившіеся около нѣкоторыхъ линеекъ. Священникъ при поѣздѣ хоронилъ умершаго, солдаты вскопали небольшую ямку возлѣ дороги, положили умершаго отъ ранъ и засыпали землей. Къ десяти часамъ утра, 20-го іюля, стали подъѣзжать къ Систову, тутъ жители насъ встрѣтили съ подаяніемъ. Давали табаку, папиросъ, ракію, хлѣба и кукурузныхъ лепешекъ. Женщины подавали почти съ плачемъ; я рюмку ракіи выпилъ, и послалъ санитара за чаемъ въ трактиръ. Поѣздъ нашъ остановился. Нѣкоторыхъ помѣщали въ Систовѣ, въ Евангелическомъ госпиталѣ. Жаль, что Новосильскаго туда не положили— остался бы жить, за нимъ нуженъ былъ уходъ, котораго въ госпиталяхъ нумерованныхъ трудно найдти. Миръ праху твоему, добрый товарищъ, испытавшій рано невзгоды и бури жизни. Миръ всѣмъ павшимъ честно въ этой битвѣ.

Къ линейкѣ моей подошелъ русскій чиновникъ, который рекомендовалъ себя кажется такъ — завѣдующимъ складомъ турецкаго имущества и сталъ разсказывать ужасы вчерашняго дня, т. е. 19-го іюля и, между прочимъ, приписывалъ всю вину какому-то офицеру въ красной рубахѣ, который, пріѣхавши

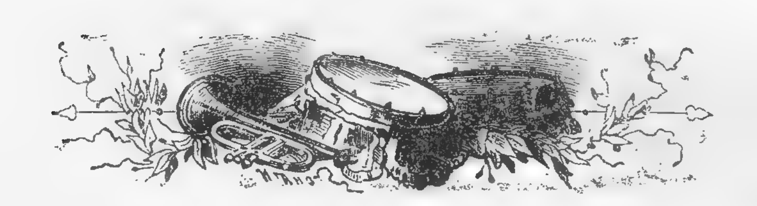
зашелъ въ трактиръ, и пропустивши нѣсколько рюмокъ сталъ разсказывать о пораженіи, и несмотря на увѣщеваніе и останавливаніе, все-таки продолжалъ свой разсказъ. Бывшіе тамъ посѣтители стали выбираться и вѣсть эта съ добавленіями мигомъ облетѣла Систово. Разскащикъ вскорѣ поѣхалъ въ Зимницу, а что дѣлалось въ Систовѣ — уму непостижимо, точно турки ужъ въ городѣ. Благодаря энергіи коменданта, казацкому маіору, удалось успокоить жителей и водворить порядокъ. Избитый и измученный, я все это слушалъ равнодушно, но когда онъ сообщилъ слухъ, что будто Николай Николаевичъ изъ Тырнова на другой день прибылъ, разбилъ Османа и взялъ Плевну, то это извѣстіе радостно и оживительно на насъ подѣйствовало, каждый утѣшилъ себя мыслію, что хоть не даромъ легло столько жертвъ.

Я успѣлъ напиться чаю, поѣздъ нашъ тронулся; въ два часа дня, мы были въ Зимницѣ; насъ снесли съ линеекъ и положили подъ открытое небо. Надъ нами сталъ разбиваться шатеръ госпиталя № 47-й, который того же дня открывался. Проголодавшіеся просили что-либо дать покушать и къ вечеру отпустили намъ кушанье но не всѣмъ, такъ какъ госпиталь открывался на четыреста человѣкъ, а пріѣхало четыре тысячи. Со слѣдующаго дня сталъ вводиться порядокъ: положили на кровать, дали бѣлье, одѣяло и проч., мои штаны и бѣлье взяли сжечь, назначено на шатеръ въ двадцать человѣкъ больныхъ, прислуги два человѣка. Прибылъ докторъ и фельдшеръ и мнѣ сдѣлали первую перевязку ранъ; въ ранѣ выше колѣна были черви.

Паника въ Систовѣ отразилась и въ Зимницѣ, все могшее бѣжать — бѣжало: доктора, раненые, сестры милосердія, румыны, а въ особенности интенданты, оставались только тѣ, которые не могли двигаться. Раненые въ руки попропадали и не возвращались. Шедшіе обозы съ провіантомъ завидя такое движеніе народа, повернули оглобли. Досталось казакамъ

гнаться за ними, уговаривать, но самые несговорчивые были интендантскіе обозы. На шестой день прибылъ ко мнѣ деньщикъ Осипъ, привезъ взломанный мой чемоданъ и оставшееся въ немъ добро. Отъ него узналъ, что Разсохинъ остался живъ здоровъ и командуетъ пятою ротой.

Б...



Замѣтки Стрѣлка 3-й бригады.

Въ концѣ іюля, мы выступили въ село Горный Студень; дорога шла по долинамъ и холмамъ, очень узкая и почти заросшая. Близъ села насъ остановили, потому что Великій Князь Главнокомандующій, хотѣлъ видѣть насъ съ похода. Спустя четверть часа Великій Князь Николай Николаевичъ показался изъ-за холма, окруженный небольшой свитой.

Шагомъ подъѣхалъ Онъ къ намъ, веселый, добрый,—сердце нервно забилось, мы полюбили его. Оглушительное задушевное «ура» прогремѣло въ рядахъ. Великій Князь, обратился сперва къ солдатамъ, и въ нѣсколькихъ словахъ выразилъ надежду, что стрѣлки съумѣютъ себя показать, потомъ вызвавъ всѣхъ офицеровъ сказалъ имъ, что Онъ въ молодцахъ стрѣлкахъ увѣренъ. Затѣмъ, мы тронулись на бивуакъ. Подходя къ бивуаку, мы встрѣтились съ Курскимъ и Рыльскимъ полками, которые возвращались изъ подъ города Плевны, послѣ неудачнаго дѣла 18-го іюля, они шли укомплектоваться, чтобы войдти въ составъ арміи Наслѣдника Цесаревича. Ряды сильно порядѣли, роты уменьшились, но загорѣлыя лица дышали энергіей, веселыя пѣсни неслись по всей долинѣ.

По случайному стеченію обстоятельствъ, мы не имѣли палатокъ, и потому расположились подъ открытымъ небомъ. До сихъ поръ погода была отличная, но теперь стала хмуриться, и къ вечеру начался небольшой дождь, въ воздухѣ похолодѣло, подулъ сѣверный вѣтеръ. Мы заворачивались плотнѣе въ шинели, но это мало помогало, вѣтеръ пронималъ до костей, дождь усиливался, огня не было возможности развести, пришлось всю ночь стоять, сѣсть или лечь нечего было и думать, и какъ-то долго тянулась эта ночь; самое большое горе было то, что нельзя было закурить папиросу, все было мокро, а дождь какъ нарочно усиливался. Наконецъ, на востокѣ явилась свѣтлая полоса, окружающіе предметы стали выясняться, стало и намъ веселѣе; но день мало принесъ радости, дождь лилъ три дня и три ночи безъ перерыва; мокро было все, что могло мокнуть. На третій день еще подъ дождемъ, мы начали устраивать шалаши изъ вѣтвей, изъ лѣса, который былъ въ полу-верстѣ отъ насъ, и соломы, которую брали на турецкихъ поляхъ; это были снопы пшеницы, ячменя и другаго хлѣба, неубраннаго турками въ попыхахъ. Шалаши поставлены были въ томъ же порядкѣ какъ лагерь; постройки были оригинальны но красивы. На четвертый день хорошая погода воротилась. На пятый день намъ приказано было выйдти на дорогу, идущую изъ города Бѣлы для встрѣчи Государя Императора. Мы построились шпалерами и, въ ожиданіи нашего Батюшки, раздались пѣсни и музыка; особенно привлекали насъ пѣсенники и музыка Лейбъ-Атаманцевъ, которые отличались особенной удалью, широкой какъ море, грозной какъ буря; мы просто заслушивались.

Наконецъ, настала торжественная минута: въ далекѣ показалась кавалькада, все замолкло и всѣ взоры обратились на дорогу. Скоро авангардъ Линейцевъ проѣхалъ мимо насъ, за нимъ протянулся и передовой отрядъ изъ нихъ же, за нимъ ѣхалъ верхомъ нашъ Государь, окруженный блестящей свитой. Подъѣхавъ къ нашему батальону, Государь остановился и об-

ратясь къ офицерамъ сказалъ: «Поздравляю Васъ съ счастливымъ прибытіемъ, желаю славныхъ успѣховъ». Сердечное ура загремѣло по рядамъ, музыка играла гимнъ. Какъ хороши эти минуты.

Черезъ нѣсколько дней смотрѣлъ насъ Государь, батальоны представились отлично и Государь пожелалъ нашему батальону заслужить знамя, такъ какъ мы его не имѣли совсѣмъ, потому что нашъ батальонъ былъ вновь сформированъ въ 1856 г. Прошло нѣсколько дней, мы занимались ученьями, гимнастикой и малыми маневрами, кромѣ того, выставляли аванпосты къ сторонѣ Плевны. Цѣпь становилась въ двухъ верстахъ отъ бивуака, въ виноградникахъ, гдѣ солдаты убили двѣ змѣи, длиною каждая въ сажень, толщиною въ руку, черныя съ желтыми кольцами.

Однажды, передъ вечеромъ, когда жара спала, и мы располагали чаировать, услыхали крикъ: «Государь ѣдетъ».

Одной минуты достаточно было одѣться и выбѣжать на линейку, гдѣ солдаты уже стояли. Государь ѣхалъ въ экипажѣ одинъ, сзади и спереди скакали конвойные.

Вотъ на правомъ флангѣ загремѣло «ура», все ближе и ближе, бурнымъ потокомъ неслось оно всюду. Государь шелъ уже пѣшкомъ, иногда останавливаясь и разговаривая съ офицерами и солдатами.

Дойдя до лѣваго фланга, Государь сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ домой. Нашъ же генералъ, обратился къ бригадѣ и крикнулъ: «господа офицеры ко мнѣ, стрѣлки сюда»— въ одну минуту его окружили. Онъ сказалъ: «Государь приказалъ передать вамъ, что на Шипкѣ уже третій день идетъ бой, наши жестоко побили турокъ и фугасами нѣсколько таборовъ взорвали на воздухъ». Восторгъ нашъ былъ сильный и понятный. Нѣсколько дней спустя, нами овладѣлъ восторгъ еще сильнѣйшій.

Тихо проходили дни за днями. Однажды передъ вечеромъ Государь пріѣхалъ къ намъ, проѣхалъ по рядамъ выбѣжав-

шихъ на линейку солдатъ, и говорилъ что-то долго съ нашимъ генераломъ. По отъѣздѣ Его Величества, генералъ собралъ насъ и объявилъ, что Государь поздравляетъ съ походомъ и что сегодня въ два часа ночи, мы выступаемъ.

Страшное «ура» вырвалось и прогремѣло, въ отвѣтъ, полетѣли вверхъ шапки и даже мундиры, солдаты повторяли: «Слава Богу, дождались-таки». Пошли сборы, укладка; время быстро шло. Вотъ раздается команда: «въ ружье» и все засуетилось, стали строиться; вотъ загремѣло: «смирно, на плечо», а затѣмъ, пронеслось по батальонамъ «здравія желаемъ ваше превосходительство». Генералъ выѣхалъ впередъ, приказалъ снять всѣмъ шапки и прочитать молитву «Отче нашъ». Чудныя минуты: какъ будто шелестъ прошелъ по рядамъ, тысячи губъ читали молитву, тысячи рукъ клали кресты; взглянешь на верхъ—тихое, теплое ночное небо кротко смотрѣло миріадами звѣздъ на эту боевую картину. Черезъ пять минутъ, мы тронулись, а когда солнце взошло, мы ужъ были далеко отъ Горняго Студеня. Дорога шла по волнистой мѣстности, по сторонамъ лежали не убранные пшеница, рожь, овесъ ячмень, отъ дождя они почернѣли и согнулись; огромныя пространства, засѣянныя ими, представляли грустную картину.

Жара была ужасная, переходъ былъ большой. Уже ночью, мы пришли на мѣсто, не помню названія этого села; здѣсь были расположены кавалерійскіе полки, возвратившіеся изъ-за Балканъ. Здѣсь, мы переночевали и отправились въ г. Тырновъ. Отъ ночлега на пятой верстѣ насъ остановили на берегу рѣки, это притокъ рѣки Янтры, названія его не помню. Разрѣшили купаться и вотъ всѣ батальоны, живо раздѣвшись, бросились въ воду. Рѣка была мелкая, не быстрая, все дно каменистое, вода прохладная.

Когда мы вышли изъ воды и принялись одѣваться, въ далекѣ по шоссе показалась лазаретная линейка и сзади ея экипажъ. Поѣздъ тихо подвигался,—кто бы это могъ быть? Нако-

нецъ, линейка остановилась около моста, мы ее окружили: оказалось, что въ ней везли генерала Драгомирова, раненаго въ ногу на Шипкѣ. Генералъ говорилъ о послѣднихъ атакахъ турокъ, о геройскихъ подвигахъ нашихъ солдатъ; когда мы стали высказывать ему сожалѣніе, онъ сказалъ: «Эхъ, господа, меня нечего жалѣть, вотъ вы поберегите генерала Радецкаго«. Скоро мы разстались, его повезли въ Горній Студень, а насъ повели дальше.

Длинная, покатая равнина, протянувшись верстъ семь, упиралась въ высокую грань скалъ, отроги Балканъ. Подъ самыми скалами съ шумомъ протекала рѣка Янтра. Шоссе, пройдя равнину между виноградниками, переходитъ мостъ и входитъ въ ущелье. Здѣсь расположено село Боргасъ. Входъ на мостъ составляетъ деревянная арка, убранная зеленью и цвѣтами, на верху ея крестъ. Пройдя мостъ, мы вступили въ ущелье. Что за роскошная картина представилась намъ: ущелье шириною въ четыреста шаговъ, съ обѣихъ сторонъ тѣснятся сѣрыя скалы, громоздясь одна на другую, мѣстами навѣсая надъ самою дорогой и грозя обрушиться; вершины ихъ самыми прихотливыми фигурами подымаются къ небу. Подъ правой стороной ущелья на уступѣ идетъ шоссе; ниже его саженей на десять съ шумомъ бѣжитъ рѣка Янтра, то разбиваясь о камни, то перепрыгивая ихъ съ пѣной и ревомъ. Берега ее покрыты орѣхами, персиками, кипарисомъ, шелковицею и виноградомъ. Зелень, самая разнообразная по формѣ и тѣни, тѣснится по всѣмъ разщелинамъ и площадкамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ-подъ шоссе бьютъ фонтаны. Шоссе идетъ до самаго Тырнова по ущелью, извиваясь съ нимъ вмѣстѣ между скалами. Пройдя версты три, мы увидѣли два монастыря, одинъ съ правой стороны, а другой съ лѣвой; оба прилѣпившись къ обрыву скалъ; какимъ образомъ, они держутся на такой высотѣ — не понятно, и какъ они поразительно хороши на фонѣ сѣрыхъ скалъ. Мы долго разсматривали ихъ въ бинокли и увидѣли, что

лѣвый монастырь необитаемъ: всѣ окна выбиты, крестъ на куполѣ согнутъ; правый же монастырь болѣе уцѣлѣлъ, и замѣтенъ былъ одинъ монахъ, смотрѣвшій на наше движеніе.

Длина ущелья около двѣнадцати верстъ. Подходя къ концу оно разсширяется, шоссе взбѣгаетъ на высокую скалу, а взойдя на нее, вы опять поражены: на южномъ скатѣ расположенъ городъ Тырновъ, древняя столица Болгаріи. Красивъ онъ своими своеобразными постройками и высокими минаретами. Толпы народа насъ встрѣтили и провожали по улицамъ, мальчуганы бѣжали впереди оглядываясь, женщины давали маленькіе букеты изъ цвѣтовъ и зелени. Узкія улицы извивались самымъ непривлекательнымъ образомъ; иногда они были такъ узки, что съ трудомъ могла проѣзжать повозка.

На выѣздѣ изъ города, мы прошли подъ аркой, поставленной Болгарами и украшенной флагами и зеленью. За ней налѣво большая площадь. На ней мы остановились бивуакомъ, и простояли дня два.

До сихъ поръ, мы не знали куда именно пойдемъ, на Шипку ли, въ армію ли Наслѣдника Цесаревича или на Ловчу; отсюда всѣ эти дороги расходятся; всѣ желали идти на Шипку, потому что тамъ дѣла были горячѣе. На третій день, насъ двинули на городъ Драновъ, вопросъ разъясненъ, значитъ на Шипку. Прошли мы городъ Драновъ, солнце садилось. Остановились на ночлегъ. Утомленные переходомъ, мы стали уже засыпать, какъ вдругъ слышимъ отчетливые звуки выстрѣловъ, ясно слышался орудійный гулъ и рокотъ ружей, мы стали жадно прислушиваться къ этимъ страшнымъ звукамъ, но природа взяла свое и подъ эту музыку мы заснули. Оказалось, что это была стрѣльба на Шипкѣ, которую эхо, перекатывая между горъ доносило до насъ, а разстоянія было тридцать-пять верстъ. На другой день, мы должны были двинуться въ городъ Габровъ, уже готовились выступить, какъ вдругъ приказано было немедля возвратиться въ Тырновъ.

Солнце стало садиться, когда мы тронулись въ обратный путь, шли всю ночь и къ свѣту пришли въ Тырновъ.

Здѣсь мы простояли до двухъ часовъ по полудни и двинулись по дорогѣ къ городу Ловчѣ. Первый ночлегъ былъ въ селѣ Боивонъ, населенномъ турками, туда мы пришли уже ночью. На другой день, мы пошли въ городъ Сельви; здѣсь мѣстность волнистая съ большими подъемами и спусками; къ вечеру пришли къ мѣсту и, не входя въ городъ, остановились на берегу рѣки; тутъ были расположены 2-я пѣхотная дивизія и 1-я бригада 3-й дивизіи съ ихъ артиллеріей. Городъ Сельви стоитъ на горѣ.

Въ двѣнадцать часовъ ночи двинулась пѣхота съ артиллеріей, а въ два часа мы. До Ловчи было двадцать верстъ,—мы шли скоро, подъемы были высоки, по нѣкоторымъ горамъ шоссе извивалось змѣей. Пройдя верстъ двѣнадцать, мы остановились, а генералъ со свитой поѣхалъ дальше; черезъ два часа, мы двинулись опять, и вдругъ услыхали пушечные выстрѣлы,—то генералъ Скобелевъ бралъ первыя турецкія позиціи.

Недоходя пяти верстъ до города, насъ остановили въ ущеліи, гдѣ уже стояли нѣкоторые полки. Солнце сѣло, наступали сумерки, бой кончился, генералъ Скобелевъ взялъ позиціи. Тучи медленно заволакивали небо, все становилось темнѣй и темнѣе, вѣтеръ подулъ съ востока, шелестъ пошелъ по листьямъ деревъ и кукурузы. Молчаливъ былъ бивуакъ, становилось жутко, завтра бой и къ тому же первый. Чѣмъ онъ кончится, кто будетъ живъ? Все уже стихло, солдаты покойно лежали, но многіе не спали, въ тишинѣ слышалась чья-то молитва, кто-то шептался между собой, по близости въ право кто-то вздыхалъ. Тяжелыя, мрачныя думы тѣснились въ душѣ, вспоминались далекая, милая сердцу Россія, родной домъ, семья. Напрасно я силился отогнать эти картины, они непрошенно стояли передъ глазами. Все прошлое разворачивалось передо мной радужной лентой, неотвязчиво воставало и тяжелымъ кош-

маромъ давило сердце. Я задремалъ, но это не былъ сонъ, а лихорадочная забывчивость; тихій возгласъ: охъ, Господи, меня разбудилъ, кто-то тихо плакалъ. Гдѣ-то далеко слышался конскій топотъ и звукъ ѣдущихъ орудій, я взглянулъ на небо, тучъ ужъ не было и звѣзды кротко мерцали.

Вдругъ, я услыхалъ голосъ командира, «вставать!» дрожъ пробѣжала по всему тѣлу, я вскочилъ и, обратясь къ ротѣ повторилъ приказаніе. Люди засуетились и стали строиться; я тихо обошелъ ряды и провѣрилъ ихъ, всѣ были на мѣстахъ. Тихо мы тронулись и вышли на шоссе; здѣсь насъ остановили и генералъ собравъ офицеровъ сказалъ, чтобы мы предупредили людей, чтобы шли молча, тихо, такъ какъ позиціи турецкія были близко. Тихо, беззвучно двигались три тысячи штыковъ, какъ грозная туча, готовая разразиться по первому знаку.

Долго мы шли, сначала кустарниками, потомъ спустились въ долину, затѣмъ поднялись на гору, потомъ опять спустились и остановились около фонтана. Жадно я прильнулъ къ холоднымъ струямъ его, солдаты толпились и брали воду въ бутылки. Пропустили впередъ артиллерію и пошли на длинную высокую гору. Заря стала заниматься, мы прибавили шагъ и взошли на длинную площадку, покрытую виноградомъ и кукурузою. На самомъ краѣ ее стала наша батарея и снялась съ передковъ, ящики и лошади отъѣхали влѣво; для орудій еще ночью было набросано изъ земли прикрытіе. Мы стали правѣй ее, построились въ двѣ линіи, моя рота была въ первой. Подтвердивъ людямъ, чтобы они не отвѣчали туркамъ на стрѣльбу, потому что было далеко и надо было беречь патроны, я разсыпалъ одинъ взводъ въ цѣпь, а остальную часть положилъ въ кукурузѣ, самъ вышелъ немного впередъ, и сталъ разсматривать позиціи турокъ въ бинокль.

Мы лежали на гребнѣ высоты, которая двумя большими уступами спускалась къ ручью, быстро протекавшему по камнямъ; по ту сторону берегъ поднимался почти отвѣсно, затѣмъ

переходилъ въ покатость, которая, поднимаясь образовала острую вершину, увѣнчанную какой-то сѣрой массой; впослѣдствіи оказалось, что это былъ сильный непріятельскій окопъ, посреди его возвышался соломенный шалашъ, около котораго виднѣлись три человѣка разсматривавшіе насъ въ подзорную трубу. Вся эта гора была покрыта виноградниками, и никого нельзя было тамъ открыть, — такъ непріятель былъ хорошо скрытъ;—лѣвѣе поднималась другая гора, еще выше, правѣе возвышенности, спускалась уступами къ ручью; такъ какъ наша возвышенность командовала надъ непріятельскими, то можно было разсмотрѣть, что мѣстность сзади первой турецкой позиціи понижалась къ рѣкѣ Осмѣ, а за нею опять подымалась значительными высотами; по самому берегу тянулись постройки; то былъ городъ Ловча, скрывавшійся отъ взоровъ за лѣвой стороной. Разсвѣло совершенно, и надо было полагать, что турки не ожидали насъ такъ рано, потому что видно было нѣсколько таборовъ, которые шли на позиціи и исчезали за возвышенностями. Осмотрѣвъ мѣстность, я указалъ ротѣ на курганъ съ шалашомъ и сказалъ, что это будетъ пунктъ нашей атаки, чтобы каждый держался этого направленія. Солнце уже показалось, но и ничто еще не возмутило это прекрасное утро,— мы лежали тихо, зорко слѣдя за непріятельской стороной, чувствуя какъ что-то такъ и тянуло туда. Вотъ что-то зазвенѣло, и шипя, свистя пронеслась первая граната надъ нами; сердце какъ то нервно забилось, — вотъ затрещали турецкія ружья и пули цѣлымъ роемъ пролетали надъ нашими головами и понесли смерть къ резервамъ. Наша батарея вдругъ съ разу послала восемь гранатъ, земля дрогнула и какъ эхо раздалось восемь взрывовъ посланныхъ гранатъ, на турецкой батареѣ, которая была расположена по ту сторону рѣки Осмы,—зашипѣли гранаты, засвистѣли пули все чаще и чаще, — бой начался. Я съ жадностью прислушивался къ этому вою чугуна и свинца, — смерть несли они, и безпощадно разили на всѣ стороны. Вотъ шлеп-

нулась одна пуля возлѣ меня, вотъ другая вонзилась въ дерево, за которымъ я стоялъ, — надо было передвинутся, пока еще не было раненыхъ; я поднялъ роту и, подбѣжавъ почти къ самой цѣли, легъ. Пули все летѣли надъ головами; я сталъ разсматривать откуда стрѣляютъ: дымъ былъ видѣнъ почти у берега ручья, вся же остальная гора хранила гробовое молчаніе, около шалаша вертѣлись все тѣ же три человѣка. Это молчаніе казалось мнѣ подозрительнымъ, нѣсколько разъ мнѣ хотѣлось послать пулю въ наблюдателей, чтобы отбить у нихъ охоту разсматривать насъ, но меня останавливало мое же приказаніе не стрѣлять. Между тѣмъ, гулъ стрѣльбы усиливался, жутко было лежать безъ отвѣта подъ этимъ градомъ пуль, а турки, какъ будто ободренные нашимъ молчаніемъ все учащали стрѣльбу.

Было уже часовъ десять, и солнце начинало жечь,— вдругъ съ горы, находившейся сзади насъ, раздался сигналъ: «стрѣлки атака»—какъ-то торжественно прозвучалъ рожокъ, и замеръ въ сердцѣ каждаго. Затѣмъ, вдругъ скверно сдѣлалось, что-то заныло въ сердцѣ и какъ-будто порвалось; но это только минута, я всталъ, скомандовалъ ротѣ «встать, бѣгомъ» и мы стремглавъ бросились внизъ къ первому уступу. Вотъ когда молчаливая гора сразу проснулась, тысячи ружей разомъ затрещали и тысячи пуль осыпали насъ, вся гора покрылась дымомъ, нельзя было уловить отдѣльнаго звука, все смѣшалось и обратилось въ какой-то ревъ и вой. Я бѣжалъ впереди роты, подвигая шинель на сердце, пули рыли землю кругомъ, били подъ ноги, свистали около ушей, возлѣ меня упало нѣсколько человѣкъ; сквозь этотъ адъ, ухо уловило стонъ. Пробѣжавъ триста шаговъ, я остановилъ роту въ лощинѣ, образованной уступомъ; надо было отдохнуть и подождать подкрѣпленія. Цѣпь свою я выдвинулъ на гребень. Турки не переставали посылать тучи пуль, лощина не спасала насъ, она была очень мелка, пули то и дѣло падали около насъ; но это еще были цвѣточки, ягодки предстояли впереди. До сихъ поръ

одни пули осыпали насъ, а вотъ явились и гранаты, вотъ съ страшнымъ шипѣніемъ и клокотаніемъ ударилась около насъ одна, углубилась въ землю,—раздался оглушительный взрывъ, и осколки съ страшнымъ визгомъ полетѣли снопомъ вверхъ; вотъ другая, вотъ третья и пошли засыпать насъ, вотъ одна ударила какъ разъ въ мою цѣпь и съ осколками вмѣстѣ полетѣли вверхъ какія-то ужасные куски,—бѣдный человѣкъ, его разорвало на части. Между тѣмъ, подкрѣпленія ко мнѣ не шли, а съ одной ротой нечего было и думать брать такую позицію; я послалъ въ разныя стороны искать помощи; черезъ четверть часа, ко мнѣ прибѣжали двѣ роты.

Теперь можно было идти смѣло. Я всталъ, перекрестился и мы бросились къ ручью. Засвистѣлъ свинецъ, загудѣли гранаты, еще съ большей силой, земля стонала, оглушительное мощное ура неслось въ нашихъ рядахъ, пули и гранаты вырывали ряды, а мы все бѣжали впередъ. Вотъ ручей; пробѣгая его, я почерпнулъ шапкой воду и напился, силы возобновились, стали корабкаться на кручу. Подавая другъ другу руки, подсаживая одинъ другаго, мы, наконецъ, взобрались и бросились на турецкій ложементъ; турки бросились бѣжать безъ оглядки назадъ, второй рядъ ложементовъ тоже опустѣлъ, за то вершина кургана съ шалашомъ вся была унизана вспыхивающими дымками, пули градомъ неслись оттуда; я съ ротой повернулъ прямо на этотъ курганъ; подбѣжавъ къ нему шаговъ на десять, мы залегли за складкой мѣстности, надо было собраться съ силами, чтобы сломить послѣднюю преграду. Лежа, я смотрѣлъ на укрѣпленіе, которое намъ приносило столько зла; вдругъ турецкій офицеръ вскочилъ на валъ и, размахивая саблей, указывалъ на насъ; но вотъ онъ сдѣлалъ ужасный жестъ и полетѣлъ въ ровъ, пуля моего стрѣлка прекратила его энтузіазмъ. Мы вскочили и бросились съ крикомъ ура, турки не выдержали и бѣжали. Я прыгнулъ въ укрѣпленіе,—вдругъ выстрѣлъ, и одинъ изъ моихъ стрѣлковъ упалъ

раненый въ ногу; оказалось, что раненый турецкій офицеръ лежа выстрѣлилъ изъ револьвера; нѣсколько штыковъ моментально врѣзались въ него. Турки бѣжали, ихъ красныя фески мелькали въ виноградникахъ по всѣмъ направленіямъ. Теперь настала очередь намъ стрѣлять: затрещали бердянки, и фески безпрестанно кувыркались, смѣшно было смотрѣть, какъ неуклюже бѣжали они; многіе тащили своихъ раненыхъ на плечахъ или волочили за ноги.

Я стоялъ въ укрѣпленіи; здѣсь лежала куча убитыхъ турокъ, многіе еще дышали и хрипѣли, масса свинцовыхъ ящиковъ съ патронами стояла въ безпорядкѣ, во рву, въ углубленіяхъ были сложены галеты (бѣлые сухари), ветчина, въ жестяныхъ манеркахъ вода и вино. Однако, оставаться здѣсь было нельзя, я спустился съ кургана, и наткнулся на большіе шалаши изъ соломы, въ которыхъ, вѣроятно, помѣщались турецкіе резервы; не успѣли мы миновать ихъ, какъ три гранаты съ зловѣщимъ шипѣніемъ ударились въ укрѣпленіе, разорвались и зажгли шалаши; огонь быстро охватилъ солому и черный дымъ поднялся къ небу. Мы наступали дальше, турки же перебравшись на другой берегъ рѣки Осмы залегли. Изъ-за строеній выдвинулся одинъ таборъ и разсыпался по берегу; я видѣлъ какъ офицеры верхами скакали по цѣпи и плетьми подгоняли своихъ солдатъ идти впередъ; они было пошли, но встрѣченные мѣткимъ и частымъ огнемъ моихъ стрѣлковъ, воротились назадъ. Наступать дальше было нельзя, такъ какъ за мной не было подкрѣпленій,—я рѣшился залечь, и удерживать непріятеля. Наконецъ, я услышалъ позади себя шумъ; то были два баталіона Ревельскаго полка, шедшіе ко мнѣ на помощь. Въ это же время я получилъ приказаніе, собрать роту и вести ее къ ручью, который мы проходили, когда брали позиціи. Ревельцы разсыпались и пошли впередъ, а я повелъ людей къ мѣсту сбора. Раненые шли, ползли со всѣхъ сторонъ, то и дѣло носилки мелькали въ виноградникахъ: стонъ несся отовсюду.

Въ этомъ короткомъ, но горячемъ бою, я потерялъ убитыми и ранеными шестьдесятъ три стрѣлка и два офицера.

Непонятное чувство охватило меня, когда я вскочилъ въ турецкій окопъ: напряженіе нервъ и чувствъ было такъ велико, что я заплакалъ; что-то живое, радостное билось въ серединѣ, захватывало дыханіе,— какъ легко, хорошо послѣ перваго удачнаго боя, какъ ликовали мы на бивуакѣ; но радость нашу останавливала грустная картина перевязочнаго пункта, который былъ рядомъ. Стоновъ не было слышно и торжественная тишина, царившая здѣсь, трогательно дѣйствовала на душу; это святое мѣсто тянуло къ себѣ, приковывало къ окровавленнымъ носилкамъ. Здѣсь сталкивались два противоположныя чувства — радость безпредѣльная здоровыхъ побѣдителей и безпредѣльное горе умирающихъ и тяжело раненыхъ.

Наступила ночь: какая разница отъ вчерашней,— то была холодная, непривѣтливая, съ темными тучами, съ горькими мыслями, а эта — тихая, ясная, радостная. Я сѣлъ около своихъ спящихъ солдатъ и, подъ напоромъ тяжелыхъ впечатлѣній дня, перебѣгалъ мыслями всѣ фазисы боя. Далеко за полночь я склонилъ голову на влажную траву и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Высоко стояло солнце, когда я проснулся; стонъ стоялъ въ воздухѣ отъ тысячи голосовъ, разговаривашихъ: на сценѣ— былъ вчерашній бой.

Я всталъ и подошелъ къ раненымъ. Человѣкъ сто пятьдесятъ лежало на носилкахъ и соломѣ, — ни одного стона, ни одной жалобы, — чудные богатыри. Насколько могъ, я утѣшалъ ихъ, а они, добрые люди просили, чтобы я берегъ себя. Не забыть мнѣ этихъ взглядовъ, этихъ словъ.

Вдругъ, донесся до слуха орудійный выстрѣлъ, вотъ другой, третій и опять пошла потѣха; мы стали въ ружье.

Подъѣхалъ генералъ, поздоровался, вызвалъ меня впередъ и передъ всей бригадой поцѣловалъ за взятіе кургана. Бри-

гада тронулась къ городу Ловчи, такъ какъ въ той сторонѣ слышна была стрѣльба, а я съ ротой долженъ былъ конвоировать артиллерію, потому что она не могла идти за бригадой, двигавшейся безъ дорогъ, по горамъ и оврагамъ. Отрядивъ одинъ взводъ въ авангардъ, я пропустилъ передъ собой всѣ баттареи и затѣмъ пошелъ въ аррiергардѣ.

Пройдя верстъ пять, мы вышли на шоссе; здѣсь сидѣла большая толпа болгаръ: старики, старухи и молодыя женщины съ дѣтьми на рукахъ, всѣ ужасно оборваны, видъ у нихъ былъ истощенный; замѣтно было отсутствіе молодыхъ мужчинъ. Вся эта пестрая ватага двинулась вслѣдъ за мной, я спросилъ ихъ: куда они идутъ? говорятъ «въ Ловчу»; спрашиваю: зачѣмъ? «жить тамъ будемъ; мы бѣжали отъ турокъ, а теперь наши братушки выгнали ихъ оттуда, вотъ мы и возвращаемся». Пройдя верстъ пять, мы подошли къ вчерашнимъ турецкимъ позиціямъ, взятымъ второю дивизіей. По обѣимъ сторонамъ шоссе подымались возвышенности, изрѣзанныя турецкими ложементами и увѣнчанныя ихъ укрѣпленіями; вездѣ еще лежали не убранные трупы, особенно ихъ много было около укрѣпленій, валялись куски одежды, ружья, убитыя лошади и разломанныя повозки; около самаго шоссе лежалъ убитый барабанщикъ съ закоченѣвшей въ рукѣ палкой, здѣсь же лежалъ и его барабанъ. Пройдя эту печальную картину, мы повернули налѣво и стали спускаться къ городу Ловчѣ. Красиво онъ раскинулся по обѣ стороны рѣки Осмы, бѣлые минареты стройно подымались къ небу, по ту сторону города на возвышенностяхъ виднѣлись наши войска. Трудно было пробраться по узкимъ улицамъ города, загроможденнымъ обозомъ нашего отряда. Но какая ужасная картина: окна во всѣхъ домахъ выбиты, двери въ лавкахъ выломаны, по улицамъ лежатъ трупы, разсыпана мука, крупа; цѣлыми ручьями текли: вино, масло, деготь: въ воздухѣ носились пухъ и перья. Погромъ полный,— то распоряжались болгары, воротившіеся въ городъ. Цѣлыми

толпами они сновали по улицамъ, и возвращались обремененные добычей. Я спросилъ одного, несшаго мѣшокъ муки, зачѣмъ они это дѣлаютъ? «Это все наше» отвѣчалъ онъ. Городъ раздѣленъ рѣкой на двѣ части, соединенныя оригинальнымъ мостомъ: это длинный домъ, въ которомъ идетъ широкій сквозной коридоръ, по обѣимъ сторонамъ его расположены комнаты и лавки: видно здѣсь жили и торговали турки.

Выйдя изъ города на большую площадь, мы увидѣли похороны убитыхъ нашихъ солдатъ, много ихъ лежало въ рядъ около большой ямы, священникъ кропилъ ихъ святой водой, большая толпа солдатъ стояла и усердно клала поклоны; на другой сторонѣ площади виднѣлась огромная куча турецкихъ труповъ, около которой суетились рабочіе. Тяжелыя картины пришлось видѣть въ этотъ день. Въ концѣ площади расположилась артиллерія паркомъ, а я съ ротой прошелъ въ виноградники, гдѣ стоялъ нашъ батальонъ. Здѣсь я узналъ причину стрѣльбы утромъ: Османъ-паша послалъ отрядъ на помощь Ловчинскому гарнизону, но было уже поздно; когда отрядъ подходилъ къ Ловчѣ, нашъ авангардъ, подъ начальствомъ генерала Скобелева, встрѣтилъ его гранатами, турки сначала отвѣчали, но потомъ отступили.

Въ четыре часа утра насъ подняли и двинули къ городу Плевнѣ, — до сихъ поръ прекрасная погода, вдругъ измѣнилась,—свинцовыя тучи медленно и тяжело заволакивали небо, вѣтеръ все крѣпчалъ, наконецъ, пошелъ дождь, сначала мелкій, а потомъ все крупнѣе и обратился просто въ ливень. Мы шли быстро, но недоходя десяти верстъ до Плевны, свернули съ шоссе и пошли по грунтовой, размокшей дорогѣ; ноги то скользили, то вязли, ужасно было тяжело идти. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы пришли на мѣсто,—дождь не переставалъ, а вѣтеръ даже усиливался, — я промокъ до костей. Сейчасъ люди разложили огонь и можно было немного обогрѣться; о снѣ трудно было помышлять, на размокшей землѣ, даже безъ

шинели, которую я потерялъ въ сраженіи подъ Ловчей. Такъ ночь и прошла у костра, за бесѣдой съ солдатами. Стало свѣтать и дождь сталъ уменьшаться; къ восходу солнца, онъ перересталъ, а вѣтеръ разогналъ тучи, и, Боже, какъ пріятно было обогрѣться на солнечныхъ лучахъ, послѣ такой скверной ночи. Не успѣлъ я выпить стаканъ чаю, какъ мнѣ было приказано выставить аванпостъ къ сторонѣ Плевны, я собралъ роту, и повелъ ее къ назначенному мѣсту. Мѣсто это было въ двухъ верстахъ отъ бивуака, и представляло длинный гребень съ отдѣльными высокими деревьями, выглядывавшими изъ сплошныхъ плантацій кукурузы. Я разставилъ цѣпь, а часовымъ приказалъ влѣзть на деревья, самъ же съ главнымъ карауломъ расположился въ небольшомъ оврагѣ. До вечера все шло своимъ чередомъ, но вотъ наступила ночь страшно-темная и вѣтреная, надо было повѣрить посты, снять ихъ съ деревьевъ и сблизить. Несмотря на то, что я изучилъ порядочно мѣстность въ теченіи дня, экскурсія была очень трудна, несносная кукуруза сбивала съ толку, темень не позволяла справиться по компасу, долго и осторожно я пробирался; часто останавливался, прислушивался, — одинъ вѣтеръ завывалъ. Мѣняя направленіе, можно было миновать цѣпь и наткнуться на рыскавшихъ черкесовъ. Наконецъ, я набрелъ на одинъ свой постъ, теперь ужъ легко было найдти и остальные. Часа черезъ два, я воротился къ караулу; вѣтеръ сталъ стихать. Вдругъ до слуха донесся топотъ лошадей и бряцаніе сабель, мы насторожились, звукъ все слышался яснѣе и ближе, наконецъ, я услыхалъ голосъ говорившій по-русски: «Кой чортъ найдетъ теперь дорогу, вотъ опять оврагъ, того и гляди лошадямъ переломаешь ноги». Мой часовой окликнулъ: «Стой, кто идетъ? Что пропускъ?» Голосъ отвѣтилъ правильно и затѣмъ спросилъ, что это за часовой, солдатъ сказалъ, что главнаго караула; голосъ просилъ показать къ намъ дорогу; я послалъ провожатаго и спустя пять минутъ къ намъ подъ-

ѣхалъ уланскій разъѣздъ въ десять коней, съ офицеромъ во главѣ. Бѣдняга передрогъ и разсказывалъ, что болѣе часу ищетъ дорогу, возвращаясь къ своему эскадрону: Я приказалъ, въ глубинѣ оврага, разложить огонь и согрѣть чайникъ. Съ какимъ удовольствіемъ мы пили чай. Уланъ разсказывалъ, что турецкія разъѣзды близко подъѣзжаютъ къ нашей цѣпи и когда еще свѣтло было, онъ гонялся за ними.

Добрый часъ онъ просидѣлъ у меня и поѣхалъ къ эскадрону. Еще ночь была полная, когда вѣтеръ донесъ до насъ звукъ ѣдущей артиллеріи, то наши войска шли на новыя позиціи, и долго они тянулись. Стало свѣтать и вдругъ грянулъ залпъ изъ орудій правѣй моей цѣпи, видно наши привѣтствовали турокъ, завязался артиллерійскій бой. Между тѣмъ я ждалъ съ нетерпѣніемъ смѣны, надо было отдохнуть послѣ двухсуточнаго бодрствованія; смѣна пришла, но желанный отдыхъ улыбнулся:—подходя къ бивуаку, мы увидѣли нашъ батальонъ стоящій въ ружье и готовый къ выступленію, мы пристроились и черезъ четверть часа баталіонъ двинулся.

Передвигались мы съ позиціи на позицію каждый день до 29-го августа; въ этотъ день мы должны были подойти къ турецкимъ позиціямъ какъ можно ближе и взять первый гребень Зеленыхъ горъ. Гулъ бомбардировки стоялъ уже пятый день, мы къ нему такъ привыкли, что это казалось нормальнымъ. Теперь мы шли къ селенію Брестовецъ, шли кружнымъ путемъ, пользуясь оврагами и лощинами; спустившись въ послѣднюю изъ нихъ, кажется мы были не замѣтны для турокъ и закрыты селомъ и бугромъ, но вѣрно кто-нибудь далъ знать туркамъ о нашемъ движеніи, потому что сейчасъ же стали падать сюда гранаты. Упало ихъ штукъ тридцать, но, впрочемъ, вреда онѣ намъ не сдѣлали. Пройдя село мы выдвинулись въ оврагъ правѣй его. Въ этомъ тѣсномъ пространствѣ насъ было пять баталіоновъ и если бы турки вздумали пустить сюда съ десятокъ гранатъ, то надѣлали бы они намъ и болѣе изъяну; но они по-

лагали вѣрно, что мы въ деревнѣ и все ее громили. Какъ разъ передъ нами на бугрѣ стояла наша 9-ти фунтовая батарея и стрѣляла по турецкому укрѣпленію.

Такъ какъ подъемный винтъ орудія не могъ давать такого большаго угла возвышенія, какой требовался, то хобота лафетовъ были врыты въ землю. Эти чудовища смотрѣли вверхъ и время отъ времени изрыгали массу чугуна. Выстрѣливъ, орудіе какъ будто бы разсерженное подпрыгивало на мѣстѣ, а земля глухо стонала. Интересный маневръ употребилъ командиръ батареи: когда надо было сняться съ позиціи, онъ приказалъ дать залпъ изъ орудій, земля дрогнула и восемь гранатъ съ визгомъ и шипѣніемъ полетѣли въ укрѣпленіе; турки сейчасъ отвѣтили тоже залпомъ, ихъ гранаты дали перелетъ; наша батарея дала второй залпъ и турки ей отвѣтили тѣмъ же; затѣмъ какъ только турецкія гранаты прошипѣли надъ батареей, командиръ ея воспользовавшись тѣмъ, что въ это время турецкія орудія заряжаются и дымъ заслоняетъ взоръ, скомандовалъ: «въ передки»; какъ молнія передки поднеслись къ орудіямъ и батарея мгновенно скрылась въ лощинѣ. Видно турки были озадачены и съ досады послали еще одинъ залпъ, но гранаты ударили уже въ пустое мѣсто. Мы очень смѣялись надъ этой уловкой нашей артиллеріи и надъ тѣмъ, какъ ловко турки были одурачены.

Вечерѣло, — намъ сообщили, что мы останемся здѣсь до утра, а тамъ пойдемъ на штурмъ Плевны. Сюда пріѣхалъ Верещагинъ, который былъ безотлучно при генералѣ Скобелевѣ; онъ разсказывалъ, что въ прошлую ночь генералъ Скобелевъ съ двумя офицерами отправился къ турецкимъ редутамъ, подошелъ такъ близко къ нимъ, что слышалъ разговоры въ турецкихъ ложементахъ, высмотрѣлъ расположеніе ихъ и набросалъ планъ.

Опять канунъ боя, — но на этотъ разъ нравственное состояніе было тверже, вѣрно потому, что человѣкъ уже попривыкъ, обстрѣлялся, какъ говорятъ. Стемнѣло совсѣмъ, пошелъ

небольшой дождь, я закопался въ небольшую кучу сѣна и лежалъ тамъ; не спалось, кажется нездоровилось, голова горѣла какъ въ жару, сердце нервно билось, я отгонялъ всякія мысли о боѣ, онѣ были тяжелы. А гулъ орудій все не переставалъ, глухо ревѣли осадныя орудія, полевыя вторили имъ залпами. Лежа на землѣ ощущалась дрожъ въ ней. Такъ я пролежалъ до утра; чуть стало свѣтать, мы поднялись и двинулись къ Зеленымъ горамъ, гдѣ канонада усиливалась. Прошли шоссе, изрытое гранатами и спустились въ лощину передъ Зелеными горами. Генералъ Скобелевъ вчера взялъ первый гребень и теперь тамъ стоялъ съ частію отряда. Мы вошли въ сферу пуль, то и дѣло онѣ посвистывали около насъ, нѣсколько человѣкъ уже ранили. Бой разгорался, со всѣхъ сторонъ гудѣли орудія. Насъ остановили въ лощинѣ и приказали лечь, мимо уже пронесли нѣсколько раненыхъ изъ передовыхъ частей. Бѣшенная ружейная стрѣльба, все учащаясь обратилась въ непрерывный вой, отдѣльныхъ звуковъ не было возможности уловить, пули цѣлыми тучами проносились надъ нами, этотъ адъ продолжался цѣлые часы, какъ-будто гигантская машина, заведенная невидимой рукой и посылавшая тысячи смертей. Вотъ еще два баталіона двинули впередъ, и насъ придвинули ближе къ гребню.

Вдругъ среди этого хаоса раздался барабанный бой къ атакѣ и спустя нѣсколько минутъ музыка заиграла маршъ. Торжественные звуки стройно лились и ободряли насъ всѣхъ, мы жадно прислушивались къ нимъ, зная, что въ это время передніе баталіоны идутъ на штурмъ, а мы лежа крестились и говорили: «Господи, помоги имъ!» Чуткое ухо силилось уловить побѣдный крикъ ура, но его все не было; вотъ около насъ проскакала впередъ батарея, сильные кони вырывали орудія, врѣзывавшіяся колесами въ рыхлую землю виноградника. Но что такое, музыка вдругъ какъ-то сфальшивила, издала нѣсколько отрывистыхъ звуковъ и оборвалась, барабаны тоже не были слышны, только гдѣ-то одинъ что-то билъ: какъ-то

тоскливо сдѣлалось; значитъ неудача. Но вотъ надежда: генералъ Скобелевъ подскакалъ съ казачьемъ конвоемъ, свѣтлый и радостный какъ день: «ребята, сказалъ, онъ, сегодня имянины Вашего Государя, вонъ съ той горы Онъ смотритъ на васъ, надо Его порадовать сегодня, побѣда намъ нужна, ее ждетъ вся Россія.» Оглушительное ура было отвѣтомъ, генералъ поскакалъ впередъ, солдаты его крестили. Не долго мы здѣсь лежали, прискакалъ адъютантъ и передалъ приказаніе двинуться намъ на штурмъ редутовъ; мы встали и пошли; я съ ротой опять былъ въ первой линіи. Выйдя на гребень, вотъ что мы увидили: возвышенность, на которой мы находились, спускалась къ маленькому ручейку и затѣмъ полого подымалась на совершенно чистую гору, увѣнчанную двумя большими редутами. Въ этой долинѣ смерти уже тысячи раненыхъ лежали, шли, ползли; за разными прикрытіями сидѣли стрѣлки и стрѣляли. Турецкіе редуты изрыгали смерть, ихъ почти не видно было за дымомъ и огнемъ, тысячи гранатъ бороздили долину, кажется ее нельзя было пройдти, а между тѣмъ мы шли быстро и стройно. Едва мы спустились внизъ, какъ гранаты и пули стали вырывать у насъ цѣлые ряды; мы шли, а за нами оставался слѣдъ убитыхъ и раненыхъ. Молча мы стали подыматься къ редутамъ, уже оставалось шаговъ двѣсти,—я повернулся въ полъ-оборота къ ротѣ, поднялъ правую руку съ саблей и только успѣлъ сказать: «впередъ ребята, смѣлѣй,» какъ вдругъ меня что-то ударило и обожгло, правая рука заболѣла и опустилась; я взглянулъ и увидѣлъ, что кровь бѣжитъ изъ груди и руки. Значитъ кончено, дальше идти нельзя, я повернулся, сказалъ ротѣ, «впередъ, братцы,» а самъ пошелъ, опираясь на руку солдата, на перевязочный пунктъ. Приходится опять проходить эту ужасную долину, кажется пули уменьшились въ ней, но гранаты ежеминутно рвались. Я шолъ молча, удерживая лѣвой рукой кровь, которая лилась изъ груди; вотъ одна граната ударилась въ нѣ-

сколькихъ шагахъ отъ меня и съ страшнымъ трескомъ разорвалась, осколки съ зловѣщимъ воемъ полетѣли вверхъ, я вздрогнулъ; вотъ другая надъ самой головой пронеслась и шлепнулась въ ручей. Я ускорилъ шагъ, но силы стали измѣнять, кровь изъ четырехъ ранъ лилась и ослабляла меня. Я обернулся назадъ, рота моя кажется стояла на мѣстѣ въ замѣшательствѣ, я ей махнулъ рукой впередъ, и затѣмъ сталъ подниматься на гору, за которой мы въ началѣ лежали. Какое страшное было мученіе идти по виноградникамъ, покрывавшимъ гору; постоянно приходилось спотыкаться, а между тѣмъ, каждый неровный шагъ вызывалъ жгучую боль въ груди и рукѣ; я часто останавливался, чтобы отдохнуть, просилъ у своего провожатаго воды, — ее не было, а жажда мучила страшно.

Долго мы шли по виноградникамъ, кустарникамъ и оврагамъ, надо было скорѣй выбраться на шоссе, тамъ идти легче, а оно было еще далеко. Дождь освѣжалъ не много, а силы все уменьшались. Раненые цѣлыми толпами шли, ползли, вели другъ друга; подойдя къ нимъ я слышалъ какъ они говорили: «чисто Божіе наказаніе, офицеровъ у насъ и такъ мало, а ихъ все бьютъ и бьютъ». Пройдя версты четыре я услышалъ голосъ, «ваше благородіе, можетъ быть перевязать васъ;» то былъ мой ротный фельдшеръ. Я сѣлъ подъ дерево, съ меня сняли мундиръ и обмыли раны; двѣ были въ правой сторонѣ груди и правая рука на сквозь была прострѣлена.

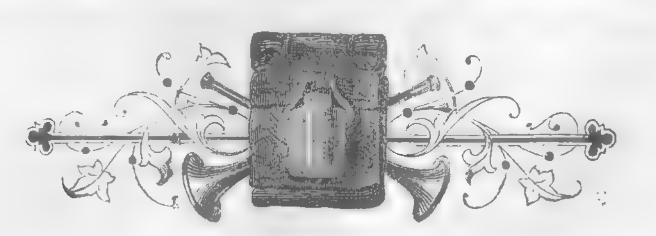
Послѣ перевязки я напился воды и опять пошелъ. Уже стемнѣло, когда мы вышли на шоссе, я былъ пораженъ огромнымъ количествомъ раненыхъ, всѣ шли молча, иногда только вырывался стонъ. Наконецъ, мы увидѣли огонекъ, это были наши лазаретныя линейки, я едва вскорабкался въ одну изъ нихъ; докторъ далъ мнѣ рюмку портвейну и свою шинель, я такъ страшно дрожалъ, что не могъ говорить. Спустя часъ меня привезли къ лазарету 30-й дивизіи, здѣсь всѣ мѣста были

заняты, много моихъ товарищей уже было здѣсь. Черезъ часъ сюда же принесли уже мертваго нашего генерала, пораженнаго двумя пулями. Тяжелая потеря. Мнѣ дали немного соломы, я легъ между носилками и заснулъ очень крѣпко, несмотря на то, что на мнѣ все было мокро отъ крови и дождя. На слѣдующій день меня перевязала сестра милосердія, а къ вечеру насъ всѣхъ должны были отправить. Явился членъ Краснаго Креста и объявилъ, что насъ сегодня повезутъ въ г. Зимницу. Передъ вечеромъ подъѣхали 12 рессорныхъ линеекъ, запряженныя четверками. Насъ разсадили по 8 человѣкъ въ каретѣ, тѣхъ кто могъ сидѣть, и по 4-ре, кто лежалъ; вся партія состояла изъ семидесяти офицеровъ. Уже стемнѣло, когда мы тронулись. Надъ Плевной еще стоялъ орудійной гулъ, мы ни отъ кого не могли добиться толку взята ли Плевна или нѣтъ. Ѣхали мы шагомъ, трудно было сидѣть на твердыхъ узкихъ скамейкахъ, новыя рессоры каждый толчекъ передавали отчетливо, дороги по косогорамъ и спускамъ тревожили насъ ужасно. Къ свѣту мы пріѣхали въ с. Булгарени, гдѣ былъ временной госпиталь; масса солдатъ лежала покатомъ на землѣ, не помѣщаясь въ шатрахъ, суета была ужасная, вездѣ шли перевязки, операціи, переписка. Насъ перевязала княгиня Шаховская; что это за добрая женщина, какъ она умно, какъ тепло она относится ко всѣмъ раненымъ, не даромъ она тамъ слыветъ общей матерью. Около десяти часовъ утра пріѣхалъ Государь Императоръ, доброе лицо Его было печально, кроткіе глаза блестѣли слезами. Обходя шатры Государь съ участіемъ разспрашивалъ раненыхъ, кто куда раненъ; отрадно дѣйствовали слова утѣшенія Августѣйшаго Отца, какъ-будто раны меньше болѣли.

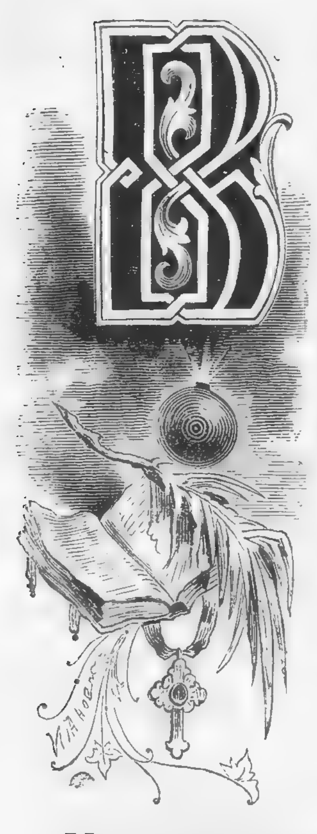
До Зимницы мы ѣхали шесть дней и сколько пришлось испытать горя. Кареты наши трясли порядкомъ, иногда онѣ пускались рысью и трудно ихъ было остановить, потому что кучера-румыны ничего не понимали ни на какомъ языкѣ, мимика тоже мало помогала; кромѣ того, мы всегда выѣзжали

передъ вечеромъ и, несмотря на всѣ наши просьбы, обращаемыя къ члену Краснаго Креста сопровождавшему насъ чтобы ѣхать днемъ, онъ не слушалъ, а ѣзда ночью была ужасна. Вѣроятно, на обязанности этого члена было и наше прокормленіе, но мы голодомъ все время страдали. Одинъ разъ онъ намъ далъ по куску баранины, а другой разъ по куску сыру, чай одинъ разъ давалъ. Когда мы подъѣзжали къ госпиталямъ, то едва могли доставать что-то вродѣ похлебки, и то не всегда. Хорошо, что при госпиталяхъ, были маркитанты у которыхъ мы закупали разныя закуски и чай. Разъ какъ-то наши деньщики отстали отъ насъ на два дня и мы ужасно бѣдствовали. Наконецъ, мы доѣхали до Зимницы, здѣсь для насъ былъ приготовленъ баракъ изъ сукна, въ которомъ мы расположились на соломѣ. На другой день мы двинулись на румынскихъ обывательскихъ повозкахъ; это простые возы, съ неровными колесами, называемые каруцы. До Фратешти, мы ѣхали три дня, здѣсь должны были пересѣсть въ санитарный поѣздъ. Наконецъ-то приходилось отдохнуть; какъ покойно мы спали эту ночь, какъ все чисто, хорошо, какъ вкусно покормили насъ, какъ легко сестры перевязали намъ раны. На слѣдующій день мы тронулись, паровозъ ужасно дергалъ, еслибъ не это, мы ѣхали бы отлично. Въ г. Яссахъ насъ высадили въ огромный баракъ, осмотрѣли и затѣмъ посадили въ другой поѣздъ, который долженъ былъ доставить насъ въ Россію. Этотъ поѣздъ былъ гораздо хуже перваго, паровозъ дергалъ сильнѣе, кормили хуже; когда я пересѣлъ въ пассажирскій поѣздъ, то положительно отдыхалъ. На тринадцатый день я уже былъ дома и окруженъ своей семьей; понемногу оправляюсь.

С.



Первая Плевна.



Воодушевленные славной удачей Никопольскаго боя, мы были точно въ чаду; забыли все, забыли гдѣ мы, забыли что насъ ожидаетъ, думалось, что главная задача кончена, будущее представлялось свѣтлымъ и яснымъ, въ которомъ уже смутно мерещилось наше побѣдное шествіе впередъ, и затѣмъ счастливое возвращеніе. Смѣшны, наивны кажутся теперь эти мечты, но тогда онѣ насъ радовали, тогда онѣ имѣли глубокій смыслъ, потому что только надежда на лучшее будущее давала возможность быть бодрыми, готовыми на все, лишь бы скорѣй кончить тяжелый, тернистый путь, по которому мрачной полосой стелется дымъ пороха и пожара.

Мы стояли на крутомъ обрывистомъ почти нависшемъ надъ водою берегу Дуная. Широкая лента воды отдѣляла насъ отъ низкаго, плоскаго берега Румыніи, на которомъ, отступя отъ берега версты четыре, раскидывался Турнъ; отъ него, узенькой, зеленѣющей отъ садовъ, полосой вдоль къ востоку, тянулись уже знакомые мнѣ Магурелли и Фламунда. Болгарскій берегъ высоко поднятъ надъ водою, на немъ были устроены

турецкія батареи, откуда какъ на ладони видны всѣ позиціи бывшихъ нашихъ турнскихъ батарей, на которыхъ мы стояли недѣли полторы тому назадъ, а въ послѣднія минуты боя ихъ занимали осадныя и румынскія батареи. Турецкія укрѣпленія увѣнчивали страшныя кручи болгарскаго берега. Брошенныя орудія еще стояли въ покинутыхъ укрѣпленіяхъ, которыми чрезвычайно удачно обстрѣливалось устье Ольты, впадающей въ Дунай нѣсколько выше Осмы: къ правому берегу послѣдней мы были обращены теперь своимъ фронтомъ. Болѣе доступная высота берега Осмы, чѣмъ Дуная, представляло все-таки чрезвычайно сильный фронтъ защищенный многими укрѣпленіями какъ здѣсь у самаго берега, такъ и далѣе на Мечку и Бресланицу къ Плевнѣ. Лѣвѣе было довольно ровное мѣсто (по дорогѣ на Вублу), по которому прошли 3-го іюля атакующія части полковъ Тамбовскаго, Козловскаго и Галицкаго, какъ только, передовыя укрѣпленія, защищавшія этотъ опасвый пунктъ пали подъ натискомъ свѣжихъ, впервые пущенныхъ на штурмъ, русскихъ солдатъ.

Чрезвычайно живописная мѣстность на которой мы располагались, была убійственна въ гигіеническомъ отношеніи. Болотистые, между крутыми скалами, берега Осмы и тонкій, низкій лѣвый берегъ Дуная, были чрезвычайно непріятными сосѣдями. Рѣзкій вѣтеръ дулъ не переставая все время, то усиливаясь, то уменьшаясь. Къ этому нужно прибавить и то обстоятельство, что войска были расположены на тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ такъ недавно лились потоки крови. Сотни людей заняты были уборкой труповъ, но разлагающіяся при сильной іюльской жарѣ органическіе останки при самой тщательной заботливости, которой по правдѣ сказать я не замѣтилъ, ни могли не повліять гибельно на здоровье войскъ.

Цѣлыми десятками ежедневно валялись люди измученные страшной лихорадкой. Утромъ совершенно здоровый человѣкъ къ вечеру оказывался безъ чувствъ, въ лихорадочной агоніи.

Были и такіе случаи, что солдаты вполнѣ здоровые отправлялись на Дунай купаться или помыть бѣлье, и оттуда были приносимы на рукахъ.

У насъ въ батареѣ (надо думать, что и въ другихъ частяхъ тоже) за эти дни вмѣстѣ съ предшествовавшимъ походомъ убыло до восьмидесяти человѣкъ, что составляло болѣе двадцати-пяти процентовъ общаго числа. Я нарочно подчеркиваю этотъ фактъ, чтобы во-первыхъ впослѣдствіи съ достаточною точностію показать количество войскъ, участвовавшихъ въ первыхъ Плѣвненскихъ роковыхъ штурмахъ и, во-вторыхъ, мое предположеніе, при описаніи Никопольскаго боя, что баталіоны не имѣли болѣе семи сотъ штыковъ имѣетъ, слѣдовательно, большое основаніе.

Стояли мы тихо, смирно; ничто, повидимому, не нарушало нашего спокойствія. Увѣренные, что впереди насъ стоитъ и зорко слѣдитъ за движеніемъ непріятеля наша кавалерія, которая своевременно предупредитъ насъ, мы забыли думать о возможной близости непріятеля. Убѣжденіе, что намъ не предстоитъ большаго сраженія, было очень велико. Прибывшіе въ это время, только что сошедшіе со школьной скамьи, молодые офицеры начали даже не на шутку горевать, что имъ не придется быть участниками въ бою...

Наступила темная ночь съ 8-го на 9-е іюля; погода хоть и не пасмурная, но вѣтеръ свирѣпствовалъ съ большою силою. Я лежалъ въ своей палаткѣ, которую казалось такъ и хотѣлъ разсвирѣпѣвшій вѣтеръ сорвать и сбросить въ Дунай; только и слышно было скучное завываніе вѣтра, да плескъ воды выбуравливаемой имъ.

Вдругъ послышался шумъ, какое-то необычайное движеніе, которое было совершенно немыслимо въ такое время. Я поскорѣй поднялся и бросился въ паркъ *), куда уже со-

*) Такъ называется мѣсто, гдѣ стоятъ артиллерійскія орудія и ящики.

бирались люди и вели совершенно готовыхъ къ запряжкѣ лошадей.

— Куда вы идете? спрашиваю я у перваго попавшагося солдата.

— Въ паркъ, ваше благородіе, отвѣчаютъ нѣсколько голосовъ, турки, говорятъ, атакуютъ.

— Кто вамъ приказывалъ запрягать? уже прикрикнулъ я, догадавшись, что начинается должно быть ночная тревога. Приготовиться, приказалъ я:—но орудій не заряжать, пока не скомандуютъ, а лошадей отвести на коновязь.

Бросился къ батарейному командиру, къ офицерамъ, но никто ничего не зналъ, для всѣхъ вѣсть о близости турокъ была новостью, неожиданостью. Трудно, однако, было предположить, чтобы, дѣйствительно, турки сразу, вдругъ выросли передъ нашими скалами. Вѣдь былъ же кто-нибудь впереди? Неужели аванпосты (если они только были) такъ безпечны, что не предупредили войско заранѣе объ этомъ?

Разсудивъ все это, мы рѣшились ничего не предпринимать и ожидать распоряженій, которыхъ мы, съ тѣхъ поръ какъ поставили насъ здѣсь, не получали. Неизвѣстно было куда пошли другіе войска, какая цѣль этого движенія и т. д.

Для меня стоянка наша (трехъ полковъ 31-й и одного 5-й пѣхотныхъ дивизій съ шестью батареями) у самыхъ стѣнъ Никополя, да еще вдобавокъ впереди ихъ, внѣ всякихъ укрѣпленій, — были просто непонятны. Если предполагалось защищать крѣпость отъ непріятеля, могущаго появиться съ запада, то въ такомъ случаѣ слѣдовало бы позаботиться о приведеніи въ должный видъ турецкихъ укрѣпленій, чтобы воспользоваться ими для успѣшной обороны; а между тѣмъ, войска стояли открыто, хотя и въ боевомъ порядкѣ, но совершенно открыто и ровно ничего не дѣлали. Если же имѣли въ виду дальнѣйшее движеніе впередъ, то не для чего было ставить войска въ боевомъ порядкѣ, на нездоровомъ, пропитанномъ міазмами, бере-

гу, а перевести ихъ на болѣе удобное мѣсто для отдыха на одинъ-два дня, и затѣмъ, вести немедленно впередъ во избѣжаніе траты времени.

Ничего не было слышно ни о рекогносцировкахъ, ни о дальнѣйшемъ движеніи, которое однако уже давно, еще при переходѣ нашемъ черезъ Дунай, было предположено по направленію черезъ Плевну, Орханіе и далѣе до Татаръ-Базарджика и Филиппополя. Движеніе это предполагалось совершить только одному корпусу, у котораго, кстати сказать, были отняты: два полка кавалеріи (Казанскій драгунскій и Кіевскій гусарскій) съ 16-й конной батареей, вошедшими въ составъ передоваго отряда и Воронежскій пѣхотный полкъ (31-й дивизіи) 3-й батареей 5-й артиллерійской бригады, оставленныя въ Систовѣ у переправы.

Что подобный планъ существовалъ дѣйствительно, а не есть моя выдумка—это засвидѣтельствуетъ всякій офицеръ 9-го корпуса, изъ тѣхъ, кто былъ 28-го іюня на бивуакѣ у Зимницы.

Существованіе этого плана указываетъ, что никто и не думалъ, чтобы у насъ на правомъ флангѣ могли быть значительныя турецкія силы. Все вниманіе было обращено на быстрое, лихое, но чрезвычайно рискованное движеніе передоваго отряда къ Тырнову, Шибкѣ и далѣе. Кромѣ того, весьма, конечно, основательно заботились устроить по возможности надежный заслонъ на лѣвомъ флангѣ противъ извѣстнаго четыреугольника крѣпостей. Только на правомъ флангѣ не было обращено того вниманія, которое оно заслужило впослѣдствіи. 9-му корпусу въ общихъ чертахъ была намѣчена цѣль, которую онъ долженъ былъ исполнить и тѣмъ все кончилось.

Вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому, чтобы предначертанный намъ планъ былъ исполненъ съ должною осмотрительностью, сообразуясь съ весьма, не большими силами, наз-

наченныхъ для оперированія на правомъ флангѣ. Все что выработано военной наукой, все что такъ или иначе могло предупредить могущую быть катастрофу—все должно быть соображено, взвѣшено. Только по зрѣломъ обсужденіи всякаго шага слѣдовало принимать то или другое рѣшеніе.

Такъ ли мы поступили? Сдѣлали ли мы все, что должны были сдѣлать? Вотъ очень щекотливые вопросы, на которые все-таки можно отвѣчать.

Безотвѣтная храбрость нашихъ солдатъ на столько извѣстна всему міру, что на этотъ счетъ сомнѣнія никакого быть не можетъ, но вотъ что подлежитъ обсужденію: хорошо ли съумѣли воспользоваться храбростью и выносливостью этихъ героевъ? такъ ли вели ихъ на явную смерть, какъ бы слѣдовало? Безупречно отвѣтить на эти вопросы можетъ только исторія, но очевидцы должны дать матерьялъ для этого, констатируя только видѣнное, слышанное, перечувствованное.

Я не ошибусь если скажу, что въ корпусномъ штабѣ всѣ были убѣждены въ полномъ отсутствіи всякихъ непріятельскихъ отрядовъ и потому штабъ, какъ и войско, подчиненное ему наслаждался dolce far niente, по крайней мѣрѣ по отношенію къ вопросу о движеніи впередъ. Взяли, молъ, Никополь, вотъ и все, больше намъ работы не предвидится; но вѣдь не все же стоять подъ Никополемъ, нужно же что-нибудь предпринять?

— Полно глупости говорить, успокойтесь, еще успѣете пойдти впередъ, теперь ужъ нѣтъ намъ преграды, вотъ развѣ только на Балканахъ.....

Тутъ рѣчь прерывается и ставятся точки, точки и точки. Какъ жаль, что у насъ было такъ много точекъ, тамъ гдѣ слѣдовало бы поставить только двоеточіе!...

Ночная тревога не имѣла въ нашемъ расположеніи никакихъ несчастій, которыя всегда ее сопровождаютъ. Причина тревоги въ этотъ день осталась для насъ загадочною.

Отправленный тотчасъ же, какъ оказалось впослѣдствіи, на помощь разбитому отряду Шильдеръ-Шульднера, Козловскій полкъ съ двумя батареями, въ темнотѣ кѣмъ-то былъ встревоженъ извѣстіемъ, что не далеко баши-бузуки. Полкъ выстроился въ батальонныя колонны, выслалъ цѣпь и открылъ стрѣльбу по воображаемому противнику. Наконецъ, батальоны пошли въ атаку и только при приближеніи другъ къ другу увидѣли, что это ихъ же батальоны. Шестнадцать человѣкъ раненыхъ поплатились за этотъ переполохъ. По счастію батареи не открывали огонь, не видя ровно ничего, даже на нѣсколько шаговъ, впередъ, вслѣдствіи большой темноты.

Фактъ этотъ передаю со словъ моихъ товарищей изъ двухъ батарей (1-й и 2—31 бригады) шедшихъ съ этимъ полкомъ.

Когда присоединилась къ намъ 5-я батарея, участвовавшая въ сраженіи 8-го іюля съ Костромскимъ полкомъ, мы познакомились съ дѣломъ, которое было прологомъ большой Плевненской драмы.

Выгодное географическое положеніе города Плевны (въ узлѣ дорогъ изъ Софіи и Виддина на Никополь, Бѣлу, Рущукъ и къ югу на Ловчу), обратило вниманіе бывшаго губернатора дунайскаго вилайета—Мидхада-паши, который хотѣлъ соединить этотъ городъ желѣзной дорогой съ Дунаемъ. Неоконченныя насыпи по лѣвому берегу Осмы свидѣтельствуютъ, что мысль эта была уже близка къ исполненію. Къ Никополю не удобно было провести желѣзную дорогу, а потому предполагалось на лѣвомъ берегу у самаго устья Осмы построить новый портъ, который уже былъ названъ Османіе.

По началу кампаніи можно было судить, что обладаніе городомъ Плевною на крайнемъ правомъ флангѣ могло доставить намъ существенныя выгоды, такъ какъ подобный пунктъ, удоб-

ный въ мирное время въ смыслѣ торговомъ, дѣлался при извѣстномъ планѣ кампаніи важнымъ въ стратегическомъ отношеніи. На это значеніе Плевны не было обращено должнаго вниманія.

Когда войска 9-го шли подъ Никополь, то для защиты, тыла и фланга наступающаго корпуса былъ назначенъ одинъ полкъ съ батареей, защищавшіе Булгарени.

Посмотрите на карту. Вы видите, что Булгарени пунктъ, дѣйствительно, важный, потому что у этой деревни есть мостъ черезъ Осму, гдѣ сходятся дороги изъ Плевны и Ловчи на Систово и Бѣлу. Защита этого моста съ праваго берега дѣло не легкое. Низкій, ровный берегъ не представляетъ удобство для обороны отъ непріятеля, наступающаго съ лѣваго берега. Холмы послѣдняго приближаются къ самой рѣкѣ, тогда какъ, хотя и гораздо большіе высоты праваго, отступаютъ на столько далеко отъ берега, что не могутъ служить позиціей съ цѣлью воспрепятствовать переходу непріятеля черезъ мостъ. Если же устроить укрѣпленіе на высотахъ лѣваго берега, въ видѣ тетъ-де-поновъ (tête de pont), то это неудобно въ томъ отношеніи, что подобныя укрѣпленія хороши только тогда, когда сзади есть другія, которыя могли бы прикрыть отступающіе части, въ случаѣ занятія ихъ непріятелемъ. Словомъ расположеніе у Булгарени войскъ прикрывающихъ, флангъ наступавшаго на Никополь корпуса, было первой ошибкой, которую мы сдѣлали на нашемъ правомъ флангѣ.

Костромскому полку приказано было охранять флангъ и тылъ наступающаго корпуса. Цѣль эта могла быть вполнѣ достигнута только въ томъ случаѣ, еслибы названный полкъ съ Кавказской казачьей бригадой и батареей при немъ, выдвинулся къ Плевнѣ. Въ этомъ городѣ тогда еще (до 5-го іюля включительно) никакихъ турецкихъ войскъ не было. Бывшій тамъ незначительный гарнизонъ бѣжалъ по приближеніи одной сотни казаковъ. Я не могъ разузнать какая именно сотня была въ

Плевнѣ до 6-го іюля; но что она была это не подлежитъ сомнѣнію.

Такимъ образомъ, части расположенныя у Булгарени могли съ большою пользою свободно занять Плевну. Грозныя высоты Опанца и западные склоны Зеленыхъ горъ послужили бы достаточно сильнымъ оплотомъ для обороны Видскаго моста.

Если Булгарени важно въ смыслѣ узла дорогъ на Осмѣ, то Плевно еще важнѣе — на Видѣ. Въ первомъ нѣтъ удачныхъ пунктовъ для защиты моста и обороны—во второмъ они были.

Указанное назначеніе частямъ расположеннымъ въ Булгарени, слѣдовательно, не достигало цѣли. Наступающій на Никополь корпусъ не былъ обезпеченъ на своемъ лѣвомъ флангѣ, потому что Булгарени расположено только въ тылу. Такимъ, образомъ, вмѣсто обезпеченія лѣваго фланга, получалось одно прикрытіе обозовъ и до нѣкоторой степени путей отступленія. Непріятель могъ свободно ударить во флангъ 9-му корпусу, появившись по дорогѣ изъ Плевны или изъ Рахова. Приближеніе его было бы замѣтно только тогда, когда было уже поздно. Все это потому, что на флангѣ корпусъ не имѣлъ ни единаго человѣка. Всѣ его части шли въ бой *). Зачѣмъ къ этому же бою пришла и Кавказская бригада вмѣсто должнаго освѣщенія мѣстности на лѣвомъ флангѣ—это вопросъ темный. Вышло бы гораздо лучше, еслибы обратили раньше вниманіе на пріютившійся въ лощинахъ городъ Плевну. Право онъ заслуживалъ вниманія, еще раньше занятія его Османомъ, уже потому, что тамъ имѣется на рѣкѣ Видѣ мостъ, занятіе котораго было необходимо въ виду заранѣе предположеннаго движенія черезъ Софійскій или Орханійскій перевалъ.

6-го іюля въ корпусномъ штабѣ было получено донесеніе о появленіи турецкихъ войскъ у Плевны. Немедленно было послано приказаніе генералу Шильдеръ-Шульднеру двинуться

*) Кромѣ указанныхъ выше въ примѣчаніи.

къ Плевнѣ и занять ее 7-го іюля. Имѣя въ своемъ распоряженіи два полка 17-й Архангелогородскій и 18-й Вологодскій, генералъ приказалъ и 19-му Костромскому полку выдвинуться къ селу Сгалуицѣ для совмѣстнаго дѣйствія 7-го іюля. Къ вечеру этого дня правая колона (17-й и 18-й полки съ четырьмя батареями) завязала канонаду, но по случаю наступившей темноты и за неимѣніемъ свѣдѣній изъ Костромскаго полка, бой былъ прекращенъ. Ночью было послано приказаніе Костромскому полку съ подтвержденіемъ съ разсвѣтомъ атаковать Плевну.

Въ четыре и три четверти часа утра три батареи 5-й бригады открыли канонаду по непріятельскимъ орудіямъ, расположеннымъ въ центрѣ его позиціи и затѣмъ, по другой его батареѣ, открывшей огонь противъ нашего лѣваго фланга и дѣйствовавшей продольно по батареямъ 5-й бригады.

Канонада продолжалась не долго. Передъ фронтомъ русской позиціи находилась лощина, простиравшаяся до долины Вида у Рубина; поросшій кустарникомъ, край лощины былъ занятъ непріятельскими стрѣлками; за лощиною лежатъ высоты, на которыхъ впослѣдствіи были выстроены второй Гривицкій и Буковскій редуты.

Войска, выстроенныя въ ротныя колонны по сторонамъ батарей, черезъ три четверти часа послѣ открытія канонады, пошли на штурмъ. Архангелогородцы, подкрѣпленные своими резервными ротами и частью Вологодскаго полка, отбрасываютъ непріятельскихъ стрѣлковъ и врываются въ городъ, гдѣ начинается отчаенный бой на улицахъ. Въ это время командиръ 1-й бригады 5-й дивизіи генералъ Богоцевичъ былъ раненъ и начальство надъ утомленными, сильно разстроенными, частями принялъ генералъ Похитоновъ, командиръ 5-й артиллерійской бригады. Было ясно, что продолжать дальнѣйшее наступленіе невозможно: резервовъ уже не было, нужно было подумать устроить отступленіе въ порядкѣ. Несмотря на всѣ

старанія, семнадцать патронныхъ ящиковъ 1-й бригады пришлось оставить въ лощинѣ, куда они по непонятной поспѣшности попали вслѣдъ за передовыми войсками; это только подтверждаетъ то, что взятіе Плевны въ этотъ день считалось дѣломъ легкимъ. Въ то время какъ происходило описываемое, Костромской полкъ съ 5-й батареей 31-й артиллерійской бригады, въ неровной борьбѣ, велъ отчаянную геройскую атаку. Потерявъ своего полковаго командира полковника Клейнгауза и трехъ штабъ-офицеровъ, полкъ продолжалъ наступленіе. Батарея, подъ командою своего храбраго командира, героя Севастополя, полковника Сѣдлецкаго, показала чудеса храбрости. Подбивши съ первой своей позиціи два непріятельскія орудія на высотѣ у Гривицы (впослѣдствіи Абдулъ-Керимъ-Табіе, или № 2), батарея подъ градомъ пуль и подъ перекрестнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей съ фронта и съ фланговъ, мѣняла позицію, не отставая отъ стрѣлковой цѣпи пѣхоты. Въ концѣ боя она выѣхала на правый флангъ, осыпаемая пулями, чтобы остановить орудійный огонь турокъ противъ нашихъ войскъ расположенныхъ въ занятыхъ укрѣпленіемъ, и затѣмъ придвинулась такъ близко, что поражала непріятеля, засѣвшаго въ самомъ городѣ Плевнѣ, въ крайнихъ его домахъ и садахъ. При первомъ орудіи изъ прислуги остался въ строю только одинъ человѣкъ, и орудіе было положено на лафетъ съ помощью взводнаго командира подпоручика Л—кова. Раненый пулею въ ногу, только что произведенный въ офицеры К—ичъ, съ пулею въ ногѣ, не хотѣлъ оставить своего взвода и до конца боя оставался въ строю. Вообще, потеря въ людяхъ и лошадяхъ сдѣлалась чувствительной; изъ Костромскаго полка остались одни остатки. При такомъ положеніи дѣла началось отступленіе. Въ это время было подбито одно колесо орудія; турки насѣдаютъ, но орудіе не бросили, а подъ самымъ носомъ непріятеля дѣлается очень сложная операція: замѣна колеса запаснымъ, и орудіе спасено. Туркамъ вѣроятно это обстоя-

тельство дало поводъ сказать, что они захватили одно или два русскихъ орудія, и эта ложь повторяется многими иностранными писателями, напримѣръ, Рюстовымъ и Тило-фонъ-Тротомъ; у послѣдняго, впрочемъ, съ оговоркой.

Вотъ въ общихъ чертахъ описаніе этого несчастнаго сраженія,—сраженія, которое все-таки не заставило насъ остановиться на ошибочномъ пути и принять мѣры къ тому, чтобы въ будущемъ избѣжать такихъ же катастрофъ.

Теперь это дѣло прошедшее, теперь мы знаемъ, что это непремѣнно должно быть такъ, а не иначе, но тогда это былъ сюрпризъ. Могутъ ли быть на войнѣ такіе сюрпризы, и кто ихъ виновникъ—объ этомъ судить не будемъ.

Странно только, почему никому въ голову не пришло справиться, что подѣлываетъ достойнѣйшій Османъ-Нури-паша со своими пятьюдесятью таборами въ Виддинѣ? Неужели можно было расчитывать на то, что огонь румынскихъ батарей. у Калафата, въ состояніи удержать такую внушительную силу? Османъ прекрасно понялъ, что отъ устья Ольты до самой сербской границы все обстоитъ благополучно: румыны ни за что не предпримутъ болѣе стремительнаго шага, кромѣ пустой бомбардировки.

О томъ, что въ Виддинѣ собраны значительныя силы, какъ видно изъ разосланной передъ началомъ военныхъ дѣйствій брошюры о численности и дислокаціи турецкихъ войскъ, знали. Знали—да забыли. Вотъ въ томъ то и бѣда; или же ужъ очень понадѣялись на огонь румынскихъ батарей.

Энергичный Османъ не хотѣлъ оставаться безъ дѣла. Какъ только получилъ на то разрѣшеніе изъ Константинополя, онъ быстро двинулся къ Плевнѣ, притянувъ къ себѣ резервы изъ Софіи и изъ Ниша. Цѣль этого движенія было—прекратить дальнѣйшее расширеніе русской базы на Дунаѣ и по возможности дѣйствовать на сообщенія разъединенной русской арміи.

Къ 7-му іюля Османъ имѣлъ въ Плевнѣ только четыре тысячи, но на лѣвомъ берегу Вида у него было болѣе двадцати тысячъ, которыя приняли дѣятельное участіе въ бою 8-го іюля.

Посмотримъ теперь сколько было у насъ. Считая по семисотъ человѣкъ въ баталіонѣ, получимъ шесть тысячъ четыреста штыковъ, сорокъ орудій и одинъ казачій полкъ № 9-й. Кавказская бригада не входила въ этотъ расчетъ, потому что она, какъ сказано въ донесеніи Шильдеръ-Шульднера, въ бою участія не принимала, а маневрировала. Итакъ восемь тысячъ противъ двадцати-четырехъ тысячъ, успѣвшихъ укрѣпиться. Это не помѣшало однако сбить турокъ со всѣхъ позицій, загнать ихъ въ городъ, и еслибы вмѣсто трехъ полковъ было семь тысячъ т. е. весь 9-й корпусъ, то Плевна безъ сомнѣнія была бы въ нашихъ рукахъ. Это, само собой разумѣется, справедливо только относительно 8-го іюля, но уже черезъ нѣсколько дней обстоятельства измѣнились далеко не въ нашу пользу, что также оказалось не предвидѣннымъ...

Въ этомъ знаменитомъ и славномъ для чести русскаго солдата бою мы потеряли болѣе тридцати-пяти процентовъ; офицеровъ двадцать убито и сорокъ-пять ранено; нижнихъ чиновъ убитыхъ и раненыхъ двѣ тысячи семьсотъ семьдесять одинъ— всего двѣ тысячи восемьсотъ тридцать шесть человѣкъ.

Цифры лучше словъ...

И солдаты, и офицеры, пишетъ въ своемъ донесеніи покойный Шильдеръ-Шульднеръ, вели себя въ эти два дня боя безукоризненно; они сдѣлали все, что могутъ сдѣлать самыя доблестныя войска; оставаясь двое сутокъ безъ пищи, они шли впередъ подъ градомъ пуль и картечи, прокладывая себѣ путь огнемъ и штыкомъ, пока половина изъ нихъ (слѣдовательно, по сознанію самаго начальника, потеря даже гораздо больше тридцати-пяти процентовъ, потому что, какъ видно изъ этого же донесенія, девять баталіоновъ были не полны), не осталась на

мѣстѣ, потерявъ громадную часть офицеровъ (шестьдесятъ-пять штабъ и оберъ-офицеровъ). По совѣсти, можно смѣло гордиться подобными войсками, которыя не считаютъ враговъ и не знаютъ отступленія, пока имъ это не прикажутъ....

К...

Изъ воспоминаній юнаго артиллериста.

Когда, 2-го ноября, намъ была объявлена мобилизація, наша бригада стояла въ Малороссіи. Большинство беззаботной, холостой молодежи радостно привѣтствовало это крупное событіе: горячая кровь уже давно накипѣла отъ напряженнаго ожиданія; перспектива сильныхъ ощущеній, новыхъ мѣстъ, лицъ, наконецъ самая благородная идея войны—все это разжигало, наэлектризовывало молодыя, пылкія сердца. Женатый людъ немножко призадумался; нѣкоторые стали коечто соображать, кое-гдѣ хлопотать—нельзя ли этакъ мѣстечко по безопаснѣе: комендантомъ или въ резервъ, запасъ, въ крѣпостную и т. д.: жены, въ противоположность древнимъ спартанкамъ, дружно заголосили и своими слезами только подрывали мужество мужей; одинъ острякъ замѣтилъ, что даже сырость завелась въ домахъ женатыхъ отъ слезъ бѣдныхъ Пенелопъ, провожавшихъ въ опасную Одиссею своихъ Улисовъ. Закипѣла горячая дѣятельность во всѣхъ сферахъ государственной жизни: конская повинность, комплектованіе, формированіе, починка, заготовленіе... Все это затмило большинство вопросовъ мирнаго времени. Молодежь усердно оттачивала сабли, грозно помахивая на югъ смертоноснымъ оружіемъ, вооружалась револьверами; нѣкоторые, впрочемъ весьма незначительная часть, даже запаслись кольчугами, которыя впослѣдствіи оказались только лишнимъ грузомъ на офицерскихъ повозкахъ. Всякій старался обзавестись теплой одеждой; барышни обильно снабжали насъ корпіей, бинтами, а нѣкоторыхъ и сувенирами. Солдаты отнеслись какъ-то сдержанно, не такъ горячо, къ мобилизаціи: они «нюхомъ» еще раньше чуяли, что это будетъ рано или поздно.

23-го ноября намъ назначена была посадка на желѣзную дорогу; начались проводы по всѣмъ правиламъ искусства, съ безконечными поцѣлуями, жалобными всхлипываніями и приговорками на распѣвъ. «Ой, мій голубчикъ! Мое сердéнько! на кого жъ ты мене покидаешь, сироту, а щожъ изъ мене буде» и т. д. голосили хохлушки-бабы, сильно подрывая этимъ нравственный духъ солдатъ. Наконецъ мы тронулись, напутствуемые всевозможными пожеланіями: «Прощайте, да поможетъ вамъ Богъ, возвращайтесь скорѣй, привозите побольше турчанокъ!...», кричали намъ съ платформы; и долго еще видно было маханіе платками.

— Итакъ, мы по пути къ войнѣ! думалось мнѣ, и пылкое воображеніе начало рисовать всевозможныя картины ея: мнѣ слышалась трескотня ружей, громъ пушекъ, стоны раненыхъ... Затѣмъ побѣда, торжество, всеобщая радость. Потомъ я мысленно перескочилъ въ Константинополь; мы штурмуемъ этотъ замѣчательный, историческій городъ: отчаянное сопротивленіе, рѣки крови, десятки тысячъ убитыхъ, но ничто не можетъ устоять противъ безумной храбрости русскихъ; я врываюсь, забрызганный кровью, въ городъ, мчусь по улицамъ, влетаю въ султанскій сераль; тутъ меня нѣжно встрѣчаютъ очаровательныя гуріи, которыя видятъ во мнѣ избавителя ихъ отъ тюремной жизни, меня ласкаютъ, голубятъ... Свѣтлыя грезы смѣняются быстро мрачными: мнѣ представляется ампутаціонный залъ, мнѣ рѣжутъ руку или ногу, меня забираютъ въ плѣнъ, сажаютъ на колъ, мучаютъ и т. д., и т. д. Несмотря, однако, на всѣ эти ужасы, и я, и большинство моихъ товарищей съ охотой шли на бой: гдѣ опасность, тамъ своего рода и удовольствіе. Впрочемъ, вся эта всеобщая ажитація была немножко преждевременна: мобилизація была еще далеко не война.

Насъ передвинули немножко южнѣй — въ Подольскую губернію, и оставили тамъ на неопредѣленное время. Сначала знакомство съ новой мѣстностью, съ ея обитателями, ихъ нравами и т. д. немного насъ развлекало; но скоро все это надоѣло, всѣ съ нетерпѣніемъ ждали какой-нибудь развязки. Наступило какое-то зловѣщее затишье — явный предвѣстникъ скорой бури. Всѣмъ солдатамъ велѣно было навѣсить кожаные мѣшечки, въ которыхъ на клочкахъ бумаги было обозначено имя и фамилія солдата, какой онъ части и какой мѣстности уроженецъ. Это имѣло тотъ смыслъ, чтобы на полѣ сраженія, въ случаѣ надобности, можно было узнать личность убитаго по означенному талисману. Это распоряженіе дурно подѣйствовало на нравственный духъ солдатъ. «Ишь, смерть навѣсили—пашпортъ на тотъ свѣтъ!» угрюмо, морщась говорили нѣкоторые. И дѣйствительно, эта ладонка какъ будто напоминала о смерти.

15-го марта Великій Князь Николай Николаевичъ проѣздомъ въ Кишиневъ смотрѣлъ нашу бригаду на станціи Рахнахъ. Смотръ не удался,

благодаря страшной грязи; глинисто-черноземная почва, вслѣдствіе оттепели и растаявшаго снѣга, не позволяла не только возить орудія и ящики, но даже ходить людямъ; одинъ офицеръ на церемоніальномъ маршѣ прошелъ мимо Его Высочества безъ сапога, который потерялъ въ грязи.

10-го апрѣля всей нашей дивизіи съ артиллеріей былъ произведенъ смотръ въ Жмеринкѣ Государемъ, послѣ котораго Онъ поздравилъ насъ съ походомъ; энтузіазмъ и радость офицеровъ и солдатъ были выше всякаго описанія: шапки полетѣли вверхъ, удушевленное, неумолкаемое «ура» было отвѣтомъ на столь давно ожидаемое, дорогое поздравленіе. Рѣшительная минута наступила — Гордіевъ узелъ былъ разрубленъ!

После смотра мнѣ совершенно случайно посчастливилось познакомиться на Жмеринскомъ вокзалѣ съ туркестанскимъ героемъ, генераломъ Скобелевымъ 2-мъ, который ѣхалъ изъ Ферганской области въ дѣйствующую армію. Скобелевымъ я былъ положительно очарованъ: такого импозантнаго, симпатичнаго генерала мнѣ никогда не приходилось встрѣчать. «Какъ, такой герой, такой талантливый генералъ и обращается со мной, съ молодымъ офицеромъ, такъ просто, почти по-товарищески». Такъ какъ мнѣ надо было ѣхать по одному пути, то Скобелевъ пригласилъ меня къ себѣ въ купэ, гдѣ познакомилъ съ бывшимъ секретаремъ русскаго посольства въ Константинополѣ, княземъ Цертелевымъ, который былъ въ формѣ вольноопредѣляющагося Драгунскаго полка.

— А что, ваше п—ство, наивно разспрашивалъ я у генерала,— страшно на войнѣ, разскажите, какъ это тамъ?.. и Скобелевъ добродушно, съ улыбкою, удовлетворялъ мое неумѣстное любопытство.

Наконецъ наступилъ день нашего выѣзда.

Въ Бендерахъ мы высадились и пошли обыкновеннымъ маршемъ по направленію къ границѣ. Началось знакомство съ молдаванами. Путь по Бессарабіи страшно скученъ: голая, монотонная, лишенная всякой растительности, способной хоть немного прикрыть отъ палящихъ солнечныхъ лучей, мѣстность, бѣдность на воду, унылыя бессарабскія деревушки, безъ единаго деревца, съ ихъ тоскливыми обитателями и ужасными собаками; невыносимая жара,—все это навѣвало какую-то тоску, апатію.

У села Баштамакъ мы весело перешли русскую границу съ музыкой и пѣснями. Всѣ сняли шапки и набожно перекрестились.

— Часъ добрый, Богъ въ помощь! проговорили солдаты и пѣсенники затянули:

Ахъ ты поле, мое поле, поле чистое, турецкое...

Кто-то вдругъ оборвалъ и запѣвало, выскочивъ впередъ и взявшись подъ бока, лихо вскрикнулъ:

И пить буду, и гулять буду,
А смерть придетъ—помирать буду!

Тутъ бубенъ, поддерживаемый треугольникомъ, выказалъ такую энергію, что совершенно заглушалъ даже стукъ колесъ орудій. Нѣсколько офицеровъ собрались вмѣстѣ и составили свой хоръ.

Нелюдимо наше море...

веселымъ, звучнымъ теноромъ началъ одинъ изъ нихъ и всѣ дружно, съ чувствомъ подхватили:

Смѣло братья, туча грянетъ...
Прямъ и крѣпокъ парусъ мой!

Какая-то особенная, дрожащая нота слышалась въ словахъ пѣсни, видно было, что каждый подъ «тучей» разумѣлъ войну, непріятеля, предстоящую кровавую борьбу съ нимъ. Всеобщее настроеніе было возбужденное, веселое. Какъ-то славно, отрадно дышалось.

Будетъ буря—мы поспоримъ
И поборемся мы съ ней!

съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ, энергично закончилъ баритонъ.

— Да, будетъ буря! думалъ я, покачиваясь на сѣдлѣ; но чѣмъ кончится этотъ споръ, сколько жертвъ онъ похититъ? За то какіе славные, честные результаты дастъ онъ, сколько милліоновъ получатъ свободу, будутъ счастливы, избавлены отъ вѣковыхъ страданій!..

На границѣ насъ встрѣтилъ румынскій таможенный солдатъ въ лаптяхъ. Начались остроты нашихъ солдатъ надъ бѣднымъ румыномъ: «Ишь ты какой, на черта смахиваетъ, а сапоги должно быть пропилъ», и т. д. Въ нѣкоторыхъ кружкахъ толковали о новой мѣстности.

— Это видишь ты, объяснялъ одинъ старый солдатъ молодому, вонъ то—наша, значитъ, земля, рассейская, нашего Царя, а вотъ это—ужь молдаванская, заграница.

— Ишь ты! удивлялся молодой солдатикъ, — выходитъ и у нихъ такая-же земля, а я думалъ какая другая... А вотъ наши господа молдаванъ еще ромьянцами зовутъ—какъ же это?

— А такъ, пояснялъ все тотъ-же учитель, вотъ хоть ты примѣрно — хохолъ, Мазепа, а другіе еще малороссомъ тебя зовутъ, такъ и тутъ.

Въ Леово мы нашли уже не мало войскъ; дороговизна на все стояла страшная. Солдатъ нашихъ сильно поразило, что наши деньги цѣнились такъ дешево.

— Ахъ вы, мошенники! ругались они,—да чѣмъ наши деньги хуже вашихъ, наши—рассейскія, настоящія, а ваши что—дурацкіе бани, хранки, галаганы...

— У насъ, братцы, замѣчаетъ одинъ хохолъ, — въ Черниговской губерніи помѣщикъ есть—Галаганомъ тоже прозывается.

Вообще солдаты вламывались въ патріотическую амбицію относительно упадка цѣнности нашихъ денегъ.

Наконецъ, послѣ долгаго, утомительнаго перехода, мы подошли 19-го мая къ «petit Paris» и расположились въ его окрестностяхъ — Версали. С.-Клю, какъ хотите. Постоянное шатаніе по городу быстро облегчало наши кошельки отъ полуимперіаловъ, до которыхъ румыны и особенно вѣтренныя румынки оказались очень жадны. Скоро Бухарестъ надоѣлъ своею продажностью, карманы всѣхъ значительно опустѣли, всѣ съ нетерпѣніемъ ждали выхода. Про солдатъ и говорить нечего· пришлютъ ему изъ дому какой нибудь рублишко, заработанный въ потѣ лица, — а что онъ за него себѣ купитъ, т. е. за два-то съ половиною франка? Солдаты видимо тужили по родинѣ, по черномъ хлѣбѣ, по махоркѣ.

— Ну ужъ страна, ругались они, вмѣсто хлѣба мамалыгу жрутъ, табаку захотѣлъ — хранкъ плати и то тебѣ на двѣ затяжки не хватитъ, чаю не пьютъ сами, точно венгерцы. Вотъ развѣ на счетъ вина только ничего, да и то плохо—силы маловато въ немъ: пьешь его словно воду; нашъ-то сиводралъ не въ примѣръ забористѣе...

Долго солдаты не могли понять курса денегъ и ловкіе жиды и румыны часто ихъ эксплоатировали самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Еще ранѣе, переступивши границу, мы, офицеры, поняли всю необходимость знанія иностранныхъ языковъ (особенно французскаго) и горько потужили, что не позаботились раньше объ этомъ, а также что требованія въ школѣ относительно изученія иностранныхъ языковъ были крайне ограничены. Пофранцузски я кое-какъ могъ объясняться, понималъ почти все, и потому часто приходилось исполнять роль драгомана.

Наконецъ, 1-го іюня, намъ данъ былъ приказъ выступать, куда? зачѣмъ?—Это было покрыто мракомъ неизвѣстности для всѣхъ, кромѣ подрядчиковъ жидовъ. Нѣкоторые говорили, что мы идемъ въ Турнъ-Магурелли, другіе,—что въ Калафатъ, третьи увѣряли, что въ Сербію. Въ городѣ Рошу-де-Веде, мы остановились на нѣкоторое время и затѣмъ быстро пошли къ Турнъ-Магурелли. Недоходя одного перехода до этого города, получено было приказаніе нашей батареѣ на слѣдующій день вечеромъ стать на берегу Дуная, лѣвѣй Ольты, и съ разсвѣтомъ открыть огонь, по Никопольскимъ укрѣпленіямъ. Сильно забилось сердце у каждаго изъ насъ, кровь бросилась въ голову, глаза засвѣтились лихорадочнымъ блескомъ.

— Такъ вотъ-то, наконецъ, насталъ нашъ боевой дебютъ! думалось мнѣ и масса мыслей роилась въ головѣ.

На другой день, рано утромъ, мы двинулись съ бивуака. Я поѣхалъ впередъ въ городъ, явился къ князю Масальскому и получилъ отъ него надлежащія инструкціи. Когда совершенно стемнѣло, батарея вступила въ городъ и оттуда на берегъ Дуная, гдѣ для насъ была уже приготовлена саперами горизонтальная батарея. Дождь лилъ какъ изъ ведра, темнота стояла страшная. По пути мы обогнали какую-то батарею (отъ берега Дуная до города версты четыре), нѣсколько осадныхъ 24-хъ фун-

товыхъ орудій и 6-ти дюймовыхъ нарѣзныхъ мортиръ, повозки со снарядами и проч. Низмѣнная мѣстность, по которой мы слѣдовали, покрытая крупнымъ кустарникомъ, вѣроятно только нѣсколько дней сдѣлалась доступна для колесъ орудій. Долго мы не могли найти своего мѣста; а торопиться надо было, такъ какъ съ разсвѣтомъ турки насъ замѣтили бы и открыли бы стрѣльбу. Наконецъ, мы размѣстились по полу-батарейно. Стало свѣтать—мы впились глазами въ непріятельскій берегъ. Онъ значительно командовалъ нами; туркамъ было видно все, что у насъ дѣлается, какъ на ладони; городъ Никополь съ крѣпостью находился лѣвѣй, а намъ приходилось имѣть дѣло съ полевыми укрѣпленіями.

14-го іюня въ 6-ть часовъ утра грянулъ первый выстрѣлъ съ осадной батареи — это былъ сигналъ для открытія огня. Съ величайшимъ трудомъ различили мы очертаніе турецкихъ батарей на противоположномъ гористомъ берегу; каждый офицеръ самъ навелъ свои орудія и началась пристрѣлка по всемъ правиламъ артиллерійскаго искусства, началось впервые примѣненіе нашихъ теоретическихъ познаній въ настоящемъ бою; мы стрѣляли не противъ мишеней, я противъ живыхъ людей.

Послѣ пятаго выстрѣла въ нашей цѣли — большой, сѣрой турецкой батареѣ, изъ которой выглядывали четыре свѣтлыхъ точки — дула орудій, — мелькнулъ огонекъ и, чрезъ нѣсколько мгновеній, граната, быстро разсѣкая воздухъ, съ характернымъ звукомъ, шлепнулась шагахъ въ тридцати за батареей и съ трескомъ разорвалась, взбросивъ высоко снопъ земли.

— Ловко! подумалъ я.

Всѣ инстинктивно прижались къ брустверу и какъ-то испуганно поглядѣли на то мѣсто, гдѣ произошелъ разрывъ, какъ-будто разсуждая: «А что, чортъ возьми, еслибы я тамъ сидѣлъ!» Меня самого немножко передернуло при этой мысли. Когда граната пронеслась мимо моей головы, по всему моему тѣлу пробѣжала какая-то электрическая, жгучая и вмѣстѣ пріятная искра; такое самое ощущеніе испыталъ я разъ, когда, страстно влюбленный, объяснялся въ любви своему идеалу. «А что какъ по шапкѣ получу, а вдругъ взаимность!» разсуждалъ я и такая же искра пронизала меня. Я невольно улыбнулся, вспомнивъ этотъ эпизодъ, какъ ни неумѣстенъ былъ онъ въ то время.

— Шестое! скомандовалъ я, и впился биноклемъ въ цѣль.

— Пли! съ гуломъ ударила наша шароха въ самую амбразуру, видно было какъ ее всю завалило землей.

— Браво!

Опять блеснулъ огонекъ.

— Огонь! закричалъ кто-то и я спрятался за траверсъ.

Самый томительный моментъ—это между блескомъ огонька и паденіемъ снаряда. Каждый ожидаетъ, что вотъ, вотъ прямо на тебя летитъ и сей-

часъ прихлопнетъ. Послѣ же паденія снаряда это томленіе быстро отлегаетъ. На этотъ разъ граната, завывая, влѣпилась въ самый брустверъ; цѣлый столбъ земли взлетѣлъ на верхъ, насъ всѣхъ обсыпало.

— Ого, подумалъ я, да если вы, черти, будете продолжать въ такомъ же духѣ — не особенно пріятно!

Одинъ солдатикъ не утерпѣлъ, быстро взбѣжалъ на брустверъ и возвратился оттуда съ большимъ осколкомъ. Всѣ съ любопытствомъ начали осматривать со всѣхъ сторонъ кусокъ чугуна.

— Чтожъ, братцы, выходитъ, и у нихъ такой же металлъ, сказалъ одинъ солдатъ.

— А ты думалъ, въ тебя хранками будутъ стрѣлять! острилъ банникъ.

— Вотъ кабы калачами, братцы, стрѣляли, ловко-бы было, страсть ѣсть хочется! соображаетъ 2-я сума.

Черезъ нѣсколько времени у насъ появился новый врагъ: на противоположномъ берегу Дуная стояло два турецкихъ монитора, которые начали по насъ стрѣлять; но имъ пришлось раскаяться въ своей дерзости — и мы, и осадныя батареи так начали ихъ жарить, что они вскорѣ совсѣмъ замолкли. Послѣ, когда взяли Никополь и эти два монитора, мы увидѣли блестящіе результаты нашей стрѣльбы: мониторы были положительно пронизаны снарядами.

Турки быстро строили новыя батареи, старались насъ анфилировать, стрѣльба приняла самый оживленный характеръ.

Въ полдень огонь сталъ стихать, турки почти не отвѣчали на наши выстрѣлы. «Должно, кофею пьютъ...» соображали солдаты и сами принялись грызть свои сухари, размачивая ихъ въ дунайской водѣ. Къ вечеру солдаты собрали на батарею цѣлую кучу турецкихъ снарядовъ всевозможныхъ калибровъ, были даже шаровые снаряды — ядра; солдаты съ любопытствомъ изучали устройство турецкихъ ударныхъ и дистанціонныхъ трубокъ. Наконецъ, мракъ прекратилъ стрѣльбу, утомленные и нравственно, и физически, мы опустились на сырую землю. Какое-то радостное, сладкое чувство испытывалъ каждый. Когда сходитъ счастливо какой-нибудь опасный экзаменъ, опасное, рискованное предпріятіе, тоже чувство наполняетъ все существо человѣка.

Ночь была для насъ далеко не отдыхомъ: съ одной стороны насъ мучили ужасные комары, противъ которыхъ мы были совершенно безсильны, съ другой — намъ приказано было продолжать стрѣльбу и ночью, чтобы маскировать мѣсто переправы (особенно сильный огонь мы поддерживали ночью съ 14-го на 15-е, во время переправы въ Зимницѣ), и, такъ сказать, покровительствовать своимъ огнемъ нашимъ понтонамъ и паромамъ, которые изъ Ольты спускались внизъ къ Зимницѣ. Сначала турки не замѣчали этого, но на третій день ночью, освѣтивъ мѣстность

свѣтящимися ядрами и ракетами, открыли оживленную стрѣльбу по понтонамъ; картина была въ высшей степени эфектная. Утромъ мимо нашей батареи важно прошелъ русскій пароходъ подъ турецкимъ флагомъ. Для ночной стрѣльбы, мы ставили передъ батареей фонари, закрытые съ непріятельской стороны, и въ нихъ наводили. Снаряды изъ парковъ намъ подвозили тоже ночью; разъ рискнули привезти днемъ, но турки подняли такой огонь, что мы принуждены были отказаться отъ своей дерзкой попытки.

Кухня батареи съ обозомъ располагалась сзади верстахъ въ трехъ-четырехъ и каждый разъ пищу, разумѣется, холодную, приносили оттуда; солдаты охотно дѣлились съ нами, офицерами, своей скромной трапезой.

Деньщики, по собственной иниціативѣ, приносили намъ самовары. Забавно было смотрѣть, какъ какой-нибудь хохолъ — Грицько, пригнувшись, пробирается на батарею съ цѣлымъ хозяйствомъ подъ мышками— самоваромъ, углями, стаканомъ; сахаромъ и т. д. — вдругъ граната лопается возлѣ него, — онъ стремглавъ бросается въ сторону, куда-нибудь подъ кустъ, и падаетъ на землю.

— Фу, проклята, якъ злякала, испуганно бормочетъ онъ, трохи стакана не розбывъ, задавъ бы баринъ...

Солдаты отъ души хохочутъ надъ комикомъ-деньщикомъ.

На слѣдующій день стрѣльба продолжалась обычнымъ чередомъ. Кромѣ артиллерійскаго огня въ насъ стали стрѣлять и ружейнымъ, и нельзя сказать, чтобы безуспѣшно: несмотря на значительную ширину Дуная, нѣсколько пѣхотныхъ солдатъ изъ прикрытія были убиты ружейными пулями; артиллеристы же въ этомъ отношеніи были гораздо счастливѣе: хотя турецкій огонь былъ весьма мѣтокъ и позиціи наши были въ самомъ невыгодномъ положеніи—за все время продолжительной стоянки на батареѣ, съ 14-го по 20-е, наши потери ограничились тремя—четырьмя ранеными.

16-го іюня съ однимъ изъ нашихъ солдатъ произошелъ несчастный случай: вслѣдствіе трудности накатыванія, орудія стояли не вплотную къ брустверу, а въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи. Когда было скомандовано «орудіе», Гуровъ (фамилія несчастнаго), желая прослѣдить за паденіемъ снаряда, перебѣжалъ на другую сторону (чтобы не мѣшалъ дымъ), но не за орудіемъ, а передъ нимъ. Въ это время наводчикъ крикнулъ «пли»—и снарядъ, вылетѣвъ изъ дула орудія, оторвалъ правую руку (возлѣ плеча) Гурова, отбросивъ ее шаговъ на пятьдесятъ передъ батареей. Какъ снопъ свалился бѣдняга на платформу, обливаясь кровью. Крайне тяжелое впечатлѣніе произвелъ на всѣхъ этотъ несчастный случай. Гуровъ пострадалъ вслѣдствіе собственной неосторожности и, пожалуй, небрежности наводчика. Солдаты отыскали обугленную руку Гурова и закопали ее въ бруствѣрѣ, поставивъ сверху крестикъ.

На батарею къ намъ часто приходили нѣкоторые пѣхотные офицеры, которые видимо интересовались артиллерійской стрѣльбой, вмѣстѣ съ ними, мы иногда ходили купаться въ Дунаѣ. Ночью мы все опасались высадки къ намъ турокъ, такъ какъ у насъ была слабая сторожевая цѣпь; нѣсколько разъ даже были фальшивыя тревоги, вслѣдствіе принятія русскихъ понтоновъ за турецкіе.

17-го іюня съ лѣвыхъ осадныхъ батарей былъ зажженъ городъ Никополь; ночью картина пожара, отражавшаяся въ Дунаѣ, была въ высшей степени красива. Въ тотъ же день у насъ былъ подбитъ замокъ въ одномъ орудіи и я получилъ предписаніе отправиться съ этимъ орудіемъ въ Бухарестъ для замѣны его новымъ, въ передовомъ артиллерійскомъ запасѣ.

19-го іюня, я оставилъ батарею и отправился съ орудіемъ въ городъ Слатино, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ Бухарестъ. Исполнивъ свою миссію, я прибылъ обратно съ новымъ орудіемъ въ Турнъ-Магурелли, но батареи своей здѣсь уже не засталъ,—она выступила въ Зимницу еще 21-го іюня. Здѣсь я ее и догналъ.

За бомбардировку Никополя я былъ представленъ къ наградѣ (Великій Князь Николай Николаевичъ велѣлъ всѣхъ офицеровъ представить), но высшее артиллерійское начальство почло нужнымъ лишить меня этой боевой заслуги — за несоблюденіе формы одежды! Это обстоятельство страшно желчно подѣйствовало на меня, такъ какъ всѣ офицеры, даже значительно моложе меня, получили награды. Это былъ мой первый боевой дебютъ, въ который я вложилъ весь юношескій пылъ, всю энергію, страсть—и вдругъ самолюбію наносится сильный ударъ, и это тѣмъ болѣе было тяжело, что я сознавалъ всю несправедливость этого поступка. Съ меня могли взыскать, меня могли арестовать, но отнимать честную боевую заслугу—это по меньшей мѣрѣ жестоко!..

Весь нашъ 9-й корпусъ уже переправился черезъ Дунай и направился къ Никополю; наша же батарея осталась въ Зимницѣ и поступила въ распоряженіе начальника переправы, генерала Рихтера. Мы размѣстились на берегу Дуная по дивизіонно, по обѣ стороны моста: одинъ дивизіонъ у бонъ для дѣйствія по мониторамъ и брандерамъ, могущимъ появиться со стороны Никополя, другой дивизіонъ противъ мониторовъ — со стороны Рущука. Здѣсь мы были обречены на полное бездѣйствіе и на съѣденіе комаровъ; мы горѣли нетерпѣніемъ присоединиться къ бригадѣ и раздѣлить съ нею боевые труды.

Послѣ взятія Никополя 9-мъ корпусомъ я, по дѣламъ службы, поѣхалъ туда; надѣясь застать тамъ бригаду, которая впрочемъ, уже выступила тогда къ Плевнѣ. Ночью въѣхалъ я въ городъ. Тяжелое впечатлѣніе произвелъ онъ на меня,—это былъ точно городъ мертвыхъ: угрюмые, полуразрушенные, полусгорѣвшіе дома, разбитыя русскими гранатами мечети,—

все было совершенно пусто и мрачно; вѣтеръ печально завывалъ въ нихъ, похлопывая ставнями и дверьми. Давно уже начавшійся пожаръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще не совсѣмъ утихъ. На улицахъ валялись обломки всякой мебели, посуды, всевозможнаго домашняго скарба, осколки гранатъ, масса патроновъ, ломанныя ружья, трупы лошадей, буйволовъ и т. д. Только жалобное мяуканье кошекъ и дикій вой собакъ доказывали, что эти жилища только недавно покинуты людьми.

16-го іюля нашу батарею перевели въ Систово, гдѣ мы заняли позиціи на высотахъ передъ городомъ, къ сторонѣ Никополя и Бѣлы. Началось знакомство наше съ «братушками». Въ болгарахъ я нашелъ нѣкоторое сходство съ малороссами, особенно въ языкѣ—многія слова совершенно сходны; хохлацкая «мотня» имѣетъ тоже претензію на сходство съ болгарскими штанами. Не мало занимали насъ нѣкоторыя оригинальности въ жестикуляціяхъ болгаръ. Напримѣръ, если спрашиваешь что-нибудь братушку (имашь жену, кишту, мумче? и проч.) и онъ отвѣчаетъ утвердительно, но непремѣнно качаетъ при этомъ головой такъ, какъ мы замѣняемъ отрицательный отвѣтъ («Има, има!» мотаетъ онъ головой). «А кокошки, винце имашь?» спросишь его. «Нема, нема!» вскинетъ онъ съ причмокомъ головой снизу вверхъ, по лошадиному. Чтобы позвать братушку, надо ему махать рукой такъ (отъ себя), какъ мы обыкновенно дѣлаемъ, говоря: «пошелъ вонъ!» Бывало кричишь братушкѣ: «поди сюда!» и машешь ему по своему рукой—и братушка начинаетъ удирать. «Да куда же ты? Иди сюда!» машешь ему еще сильнѣй рукой—и братушка улепетываетъ во всю прыть. Болгары всѣхъ офицеровъ называли обыкновенно капитанами, очень старыхъ величали пашами. Нашему брату—прапорщику, поручику, это названіе льстило самолюбію, полковникамъ должно быть непріятно было. Меня одинъ пѣхотный капитанъ разсмѣшилъ:

— Почему они, бестіи, наивно спрашивалъ онъ, знаютъ, что я капитанъ. Другой разъ безъ погонъ иду—и то узнаютъ!

Головы братушки брили какъ турки, оставляя на макушкѣ прядь волосъ или косу. Наши солдаты это скоро замѣтили.

— А, турка, турка! говорили солдаты, снявъ съ болгарина шапку, подъ которой въ большинствѣ случаевъ, была еще феска, и указывая на косу.

— Не турка, не турка! вскидывалъ болгаринъ испуганно головой и при этомъ крестился.

— Ну, такъ надо косу обрѣзать! увѣщевали его солдаты и болгаринъ покорно подставлялъ свою голову для обрѣзанія косы, которая обрѣзывалась ножницами, а иногда просто тупыми ножами.

Впослѣдствіе братушки уже добровольно подставляли свои головы для обрѣзанія косъ. Мнѣніе о болгарахъ между офицерами было различ-

ное. Одни ругали ихъ за холодность, съ которой они насъ встрѣчали, за отсутствіе патріотизма, за эгоизмъ, за страсть къ деньгамъ, и т. д. Другіе ихъ защищали, объясняя это ихъ невѣжествомъ, пребываніемъ долгое время подъ турецкимъ деспотизмомъ, гнетомъ, который развилъ въ нихъ униженность, забитость, уваженіе только къ физической силѣ; только благодаря деньгамъ болгаринъ могъ пользоваться извѣстной свободой, самостоятельностью, былъ болѣе или менѣе гарантированъ отъ различныхъ обидъ; естественно, что вслѣдствіе этого у него развилось такое сребролюбіе; умственное же и нравственное развитіе онъ оставлялъ на послѣднемъ планѣ.

18-го іюля, послѣ втораго плевненскаго дѣла, мы были свидѣтелями страшной Систовской паники. Часовъ въ одиннадцать утра, возвращаясь изъ Систова на свою батарею, я замѣтилъ въ городѣ какое-то неестественное движеніе, какое-то страшное смятеніе: всѣ бросаются въ стороны, у всѣхъ испуганныя физіономіи, гдѣ-то слышенъ крикъ: «Турки!» Мимо меня скачетъ, запыхавшись, безъ шапки, казакъ.

— Что такое? кричу я ему.

— Турки, ваше б—діе, верстахъ въ трехъ гонятъ нашихъ, видимоневидимо... выпустилъ онъ залпомъ, проскакавъ дальше.

— Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! соображалъ я, бѣгомъ поспѣвая на батарею. Мимо меня бѣжали и ѣхали на ослахъ испуганные братушки, таща съ собой всякій хламъ, интендантскіе чиновники съ портфелями и сумками, писаря съ бумагами, сестры милосердія съ ранеными, еле двигающимися, болгарки, навьюченные домашнимъ скарбомъ, съ дѣтьми, съ воемъ и плачемъ, — все это бѣжало, насколько позволяли силы, къ мосту (воображаю, какая тамъ давка была!). Прибѣгаю на батарею,—тамъ орудія уже заряжены шрапнелью, приготовлены картечи, всѣ крайне наэлектризованы; вещи всѣ отправили къ мосту, обѣдъ почему-то опрокинули (должно быть согласно правиламъ тактики).

— Въ случаѣ чего, совѣщались мы, такъ орудія сбросить въ кручу, а не отдавать!

— Гляди не сдавайся, подбодряли солдаты другъ друга,—все равно на колъ посадятъ, лучше помремъ возлѣ орудій.

Навели орудія въ тѣ мѣста, гдѣ можно было предполагать появленіе турокъ; въ прикрытіе прислали намъ взводъ болгарскаго ополченія—защита очень ненадежная. Получено было приказаніе — держаться до послѣдней крайности. Въ такомъ наэлектризованномъ состояніи пробыли мы нѣсколько часовъ, пока наконецъ не получили извѣстія, что это ложная тревога.

Простояли мы въ Систовѣ до 25-го іюля, постоянно мѣняя позиціи. Я посѣщалъ часто своихъ раненыхъ товарищей, лежащихъ въ систовскихъ госпиталяхъ и слушалъ ихъ разсказы о плевненскихъ ужасахъ.

— Да какъ васъ угораздило 7-го іюля наткнуться на такія турецкія силы? спрашивалъ я.

— А Богъ ихъ знаетъ, про то вѣдаетъ высшее начальство, для насъ, маленькихъ людей, это мало извѣстно. Разсказываютъ такъ,—что упоенные легкой побѣдой подъ Никополемъ, мы пошли не по той дорогѣ какъ слѣдовало: назначено было идти на Врбицу, а пошли на Плевно, ну и нарвались. Большинство кавалеріи было назади и она не могла принести должной пользы. Вмѣсто того, чтобы отступить, пока было время, держась пословицы: «не узнавъ броду — не суйся въ воду», мы полѣзли впередъ,—ну Марсъ и повернулся къ намъ спиною за наше неблагоразуміе. Командиръ Архангелогородскаго полка полковникъ Розенбаумъ былъ буквально изрубленъ черкесами, хотя онъ сильно раненый, долго и отчаянно отбивался саблей; командиръ Костромскаго полка — почтенный полковникъ Клейнгаузъ—залѣзъ въ цѣпь и былъ убитъ двумя пулями въ голову. А вѣдь помнишь, съ какимъ походнымъ педантизмомъ мы шли по Румыніи,—и кавалерія въ авангардѣ, и боковые патрули, и обозъ весь позади войскъ, и прочія предосторожности, а тутъ вышло наоборотъ.

— Да что-же у васъ проводниковъ не было? продолжалъ я допытываться.

— Говорятъ, что были и что они правильно указывали, да будто ихъ не послушали. Впрочемъ, Богъ ихъ знаетъ, не ручаюсь за справедливость переданнаго; за что купилъ, за то и продаю. Ой! застоналъ онъ, и я прекратилъ свои разспросы.

Мимо насъ то и дѣло провозили раненыхъ на каруцахъ.

Разспрашивалъ я раненыхъ солдатъ про дѣла, но отъ нихъ, въ большинствѣ случаевъ, трудно добиться какого-нибудь толку, — кромѣ дѣйствія своей роты онъ ничего не знаетъ. Одинъ только меня заинтересовалъ разсказомъ,—это былъ солдатъ Костромскаго полка.

— Наша рота была впереди, когда 8-го іюля мы наткнулись на турка, разсказывалъ онъ. Приказано было идти въ атаку. Сначала дѣло шло хорошо, мы забрали двѣ траншеи. Турки сильно побѣжали, но потомъ подоспѣла къ нимъ помощь и насъ отбили; тутъ то, при отступленіи, легла чуть не вся рота. Меня ранили прежде въ ногу, а послѣ, когда я упалъ, другая пуля попала мнѣ въ голову—и я потерялъ сознаніе. Не знаю, долго ли я лежалъ безъ чувствъ, только, когда очнулся, былъ уже вечеръ. Оглядываюсь—кругомъ мелкій кустарникъ, возлѣ меня лежатъ два убитыхъ товарища и одинъ раненый, съ перебитыми ногами; поодаль еще много нашихъ убитыхъ и тяжело раненыхъ. Ощупалъ себя, въ головѣ рана небольшая, въ ногѣ кость перебита, страсть болитъ. Гдѣ же, думаю, наши, гдѣ турки? Только гляжу—ѣдутъ два какихъ-то чорта (сказываютъ баши-бузуками прозываются) и прямо это на насъ.

Подъѣхали, слѣзли съ коней и пошли обирать нашихъ убитыхъ. Одинъ баши-бузукъ подошелъ къ нашему убитому унтеру, толкнулъ его ногой, вынулъ у него изъ кармана кошелекъ съ деньгами, серебро взялъ, а кредитки выбросилъ, и сапоги снялъ; потомъ подошелъ къ раненому—тотъ бѣдняга стонетъ и проситъ пощады, подошелъ—да какъ пырнетъ его саблей въ животъ, такъ тотъ сердечный, только крикнулъ, и душу Богу отдалъ; обшарилъ и этого. А я это за кустикомъ притаился, лежу, словно мертвый, однимъ глазомъ на него посматриваю. Только подходитъ онъ ко мнѣ,—я глаза зажмурилъ, дыханіе притаилъ. Ну, думаю, пропалъ, сейчасъ саблей въ животъ, а самъ про себя уже отходную читаю. Господи, думаю, хоть бы сразу то. Подошелъ онъ это ко мнѣ,—какъ ударитъ носкомъ сапога по лицу, страсть больно, а молчу и не дышу, ну точно мертвый. Полѣзъ онъ ко мнѣ въ карманъ, у меня словно мурашки по кожѣ забѣгали; вынулъ кошелекъ; было у меня тамъ два франка, да шесть галагановъ, да еще два рубля бумажныхъ. Рубли выбросилъ, а то забралъ себѣ. Потомъ снялъ съ меня сапоги (новые были), толкнулъ еще ногой, плюнулъ въ самое лицо и отошелъ къ другому. Я чуть не закричалъ отъ радости. Какъ ушли они, обобравши всѣхъ и добивши раненыхъ, я разорвалъ рубашку и перевязалъ себѣ раны. У убитаго товарища во фляжкѣ было малость воды и я подкрѣпилъ ею свои силы. Когда наступила ночь я поползъ какъ могъ по направленію къ своимъ, потому, думалъ, что отступили наши. Турокъ по дорогѣ не видѣлъ, разъ только замѣтилъ кучку конныхъ черкесовъ, да спрятался. На другой день вечеромъ я наткнулся на казачій разъѣздъ и онъ меня забралъ, а еслибы не забралъ, то такъ и пропалъ бы, сгнилъ бы, потому силъ уже совсѣмъ не хватало; послѣ въ госпиталѣ я пролежалъ безъ чувствъ отъ потери крови два дня.

Съ трепетомъ, со слезами на глазахъ, слушалъ я одушевленный разсказъ бѣднаго страдальца.

Проводили мимо насъ также никопольскихъ плѣнныхъ; солдаты высыпали смотрѣть на нихъ, обильно снабжая разными мѣткими остротами.

— Смотри, безрогій чортъ! указывали они на негра.

Одинъ любопытный солдатикъ даже подошелъ къ нему и, послюнивши палецъ, провелъ имъ по щекѣ негра, желая, вѣроятно, удостовѣриться въ естественности чернаго цвѣта.

Наконецъ, 25-го іюля, мы получили приказъ присоединиться къ своей бригадѣ. Слава Богу! Мы думали, что пробудемъ здѣсь всю кампанію и боялись заплеснѣвѣть отъ неподвижности. Хотя во время продолжительной стоянки въ Систовѣ, мы были поставлены въ довольно выгодныя гигиеническія условія, но болѣзненность въ людяхъ была гораздо значительнѣе, чѣмъ на походѣ, во время движенія; тоже самое я замѣтилъ и впослѣдствіи.

Бригаду свою мы застали въ болгарскомъ Карагачѣ. Здѣсь мы были обречены силою судебъ на такое же бездѣйствіе, какъ и въ Систовѣ. Разъ только, 17-го августа, лазутчиками изъ Плевны было дано знать, что Османъ намѣренъ напасть на Никополь. Въ полночь мы быстро двинулись на Бресляницу, къ пути слѣдованія турокъ, чтобы устроить тамъ засаду. Пришли на искомый пунктъ, постояли часовъ шесть на одномъ мѣстѣ, пожарились на солнцѣ, и воротились во свояси, не видя никакихъ турокъ: оказалась утка.

Вблизи нашихъ бивуаковъ были выбраны боевыя позиціи, усиленныя всевозможными батареями, траншеями, въ которыя, въ случаѣ тревоги, мы должны были стать; всѣ опасались, что турки нападутъ, а тѣ сами этого боялись.

Отъ скуки я часто ѣздилъ впередъ осматривать мѣстность, даже часто пробирался за цѣпь. Кромѣ любопытства меня манилъ туда отличнѣйшій виноградъ (казенный—какъ говорили солдаты); пріѣдешь, слѣзешь съ лошади и ѣшь сколько влѣзетъ.

— Вотъ, ваше благородіе, туда, подалѣ, разсказывалъ мнѣ одинъ солдатъ Галицкаго полка, между нашей цѣпью и турецкой виноградъ есть—разчудесный. Давеча я это забрался туда, залѣзъ въ кусты, налопался вволю, набралъ мѣшечекъ для нашихъ господъ и совсѣмъ ужъ собрался уходить, слышу, что-то въ сосѣднемъ кустѣ (такъ шаговъ на десять) копошится, глянулъ я туда, да такъ и обомлѣлъ: здоровенный турокъ сидитъ на корточкахъ и жретъ виноградъ; и онъ, значитъ, меня запримѣтилъ, и видно не меньше меня испугался,—глазищи на меня это выпучилъ, пальцы растопырилъ, ротъ разинулъ. Тоже, должно, съ турецкой стороны за виноградомъ пришелъ. Вижу, турокъ безъ ружья при саблѣ; у меня тоже, значитъ, тесакъ. Я малость пришелъ въ себя.—«Что, братъ,» говорю я ему, «виноградъ кушаешь»? Онъ это видитъ, что я по божески, мирно, значитъ, ну тоже осклабился, руку протягиваетъ. Подошелъ я къ нему, руку подалъ. Потомъ табакомъ онъ меня угостилъ, показывали одинъ другому деньги, я—рассейскія, а онъ—свои, ну а послѣ того и разошлись, только все бокомъ, — поглядывая другъ на дружку: неравно, думаю, еще изъ пистоля хватитъ!

19-го августа, во время дѣла между Пелишатомъ и Сгалевицей, нашей батареѣ, къ несчастію, не пришлось принять непосредственнаго участія въ бою, а стояли все время въ резервѣ, — на нашихъ глазахъ происходило все дѣло. Когда турки были отбиты, я поѣхалъ осмотрѣть поле сраженія. Турецкіе трупы валялись въ изобиліи, особенно много ихъ было возлѣ батарей и траншей: наши солдаты поспѣшно убирали ихъ и закапывали. Солдаты мнѣ говорили, что отъ многихъ труповъ несло водкой, и вообще, что большинство турокъ, которые шли въ атаку, были замѣтно «выпимши», должно быть для храбрости.

Возвращаясь въ батарею, я наткнулся на печальное, тяжелое зрѣлище: хоронили пятерыхъ убитыхъ нашихъ офицеровъ. Вырыта была большая яма, на дно и бока которой положили офицерскую палатку. Убитыхъ клали въ яму рядомъ. Вокругъ стояли офицеры и солдаты; всѣ были грустны и какъ-то упорно, молча смотрѣли на братскую могилу; у каждаго на глазахъ стояли слезы. Въ этотъ день былъ убитъ нашей бригады капитанъ Винокуровъ пулей въ грудь. У Винокурова оставалась въ Россіи жена съ тремя дѣтьми, почти безъ всякихъ средствъ къ жизни. Офицеры немедленно собрали между собой довольно крупную сумму денегъ (что-то около двухъ тысячъ рублей) и отослали ее къ женѣ покойнаго, объяснивъ, что эти деньги были найдены въ сумкѣ ея мужа. Поступокъ по истинѣ рыцарски-благородный!

Тоска была страшная, положеніе въ высшей степени и натянутое, и неопредѣленное. Всѣ были какъ-то невеселы. Одно только насъ радовало — это успѣхи нашихъ дорогихъ Шибкинцевъ. Какъ раньше насъ всѣхъ поражала геройская защита баязетцевъ съ ихъ храбрымъ комендантомъ Штоквичемъ (русскимъ Османъ-Пашей), такъ теперь мы восторгались удальствомъ шибкинцевъ. Всѣ назойливыя, отчаянныя атаки Сулеймана разбивались, какъ объ каменную стѣну, непоколебимымъ мужествомъ Радецкаго и Драгомирова. Какъ нѣкогда императоръ Августъ въ отчаяніи кричалъ: «Варъ, Варъ! Отдай мои легіоны!» такъ теперь Абдулъ-Гамидъ не разъ, я думаю, завопилъ такъ, что гаремъ даже дрогнулъ: «Сулейманъ, Сулейманъ! Отдай мнѣ мои таборы!...»

Въ двадцатыхъ числахъ августа сталъ носиться слухъ, что готовится скоро новое плевненское дѣло. Артиллерійскіе офицеры поѣхали осматривать впередилежащую мѣстность и выбирать позиціи для батарей. Наконецъ, 24-го августа вечеромъ мы двинулись отъ Порадима и Сгалевицъ подъ Плевну. Всеобщее настроеніе было въ высшей степени серьезное, лица у всѣхъ были мрачны, всѣ понимали, что наступаетъ великая минута! Рѣзкій контрастъ представляли только интендантскіе чиновники, которыхъ, впрочемъ, веселое настроеніе не покидало во всю кампанію. Послѣ нея только они стали задумываться. Все ближе подходили мы къ Плевнѣ,—уже отчетливо виднѣлись огоньки въ турецкомъ лагерѣ.

Медленно подвигались мы въ темнотѣ, поминутно останавливаясь; насъ обогнала пѣхота, саперы съ лопатами и турами, — всѣ разговаривали тихо, почти шепотомъ.

— Не курить! изрѣдка слышался сдержанный голосъ офицера.

Наконецъ, взяли влѣво отъ дороги, поѣхали по кукурузѣ на горку и остановились.

— Слѣзай!

Я пошелъ впередъ,—тамъ саперы и пѣхота уже строили намъ батарею.

— Живо, живо, братцы! — подгонялъ пѣхотный офицеръ рабочихъ.

Засвѣтло стали мы на батарею и начали знакомиться съ впередилежащею мѣстностью: деревня Гривица лежала относительно насъ немного вправо и впередъ, ближайшій къ намъ турецкій редутъ былъ № 1.

Часовъ въ шесть утра 25-го августа съ осадной батареи, близь насъ лежавшей, грянулъ залпъ и затѣмъ по всей линіи прогремѣло долгое «ура!» Началась пристрѣлка. Позиціи были выбраны очень далеко (не знаю почему,—можно было стать сразу гораздо ближе) и потому стрѣльба не могла быть особенно успѣшною; турки отвѣчали довольно рѣдко. Сознавъ неудобство нашей позиціи, мы въ тотъ же день перемѣнили ее на другую, ближе къ непріятелю, а къ вечеру перешли на третью и стали рядомъ съ 1-й батареей 30-й бригады, которую турки сильно обсыпали гранатами (въ тотъ день тамъ былъ убитъ гранатой, прямымъ полетомъ, въ грудь командиръ батареи полковникъ Гудима, общій любимецъ офицеровъ и солдатъ). Справившись у сосѣдей о высотѣ прицѣла, мы начали лупить по редуту № 1-й; намъ отвѣчали оживленно,—турецкія гранаты ложились на самой батареѣ, но по счастью не наносили почти никакого вреда. На лѣвомъ флангѣ уже слышалась трескотня ружей, это дѣйствовали турки противъ Скобелева.

Въ числѣ моихъ товарищей по батареѣ былъ нѣкто штабсъ-капитанъ Гуковъ, который предложилъ командиру батареи выбрать позицію значительно впереди, хотя мѣстность туда сильно понижалась. Мы всѣ почти были противъ такого близкаго выдвиганія, но Гуковъ поставилъ на своемъ; вечеромъ отправился онъ впередъ, выбралъ мѣсто для батареи и направленіе ея означилъ кольями; ночью саперы приготовили намъ слабую батарейку, въ которую мы спустились по трудно-доступной мѣстности, покрытой частымъ кустарникомъ, еще до разсвѣта. Когда разсвѣло, мы только тогда замѣтили, насколько мы вылѣзли: нѣкоторыя батареи, въ томъ числѣ и осадная, стрѣляли намъ черезъ голову; иногда снаряды этихъ батарей разрывались почти передъ дуломъ и мы рисковали быть убитыми отъ своихъ же. Позиція была отвратительная: мы стояли совершенно внизу, на спускѣ и представляли изъ себя прекрасную цѣль. Впослѣдствіи намъ приказано было отступить на прежнее мѣсто. Кромѣ того, направленіе батареи было таково, что турки могли насъ удобно бить косыми выстрѣлами, что производитъ такое дурное нравственное впечатлѣніе... Туркамъ должно быть не понравилось такое относительно близкое сосѣдство и они начали насъ буквально засыпать снарядами; но счастье не покидало насъ и, несмотря на такой убійственный и мѣткій огонь, убитыхъ на батареи вовсе не было, раненыхъ же немного; прикрытію, пѣхотѣ, доставалось изрядно. Близость дистанціи позволяло намъ удобно стрѣлять съ дистанціонною трубкой.

Къ полудню огонь сталъ стихать, вслѣдствіе страшнаго физическаго утомленія съ обѣихъ сторонъ. Солдаты вытащили свои сухари и принялись ихъ грызть.

Жара стояла невыносимая, жажда насъ мучила, а между тѣмъ, въ водѣ мы чувствовали сильный недостатокъ, такъ какъ дорога къ ключу была хорошо обстрѣливаема. Раза два какой-то болгаринъ-патріотъ привезъ намъ изъ Гривицы на каруцѣ воду, но въ третью попытку одинъ буйволъ былъ убитъ, самъ благородный болгаринъ раненъ и мы стали терпѣть большую нужду въ водѣ. Наши офицеры тоже воспользовались минуткой отдохновенія, собрались въ ровикѣ у третьяго орудія и принялись за сардинки съ сухарями, чтобы хоть немного подкрѣпить свои силы; я отказался отъ трапезы, боясь усиленія жажды и остался на своемъ мѣстѣ у 6-го орудія.

Между пятью офицерами, сидѣвшими въ ровикѣ у 3-го орудія, были между прочимъ шт.-капитанъ Гуковъ и поручикъ Ивановъ. Послѣдній сталъ разсуждать.

— Вотъ, господа, мы теперь, сидя здѣсь въ ровикѣ, вполнѣ гарантированы отъ гранатъ!

— Ну нѣтъ, замѣтилъ серьезно Гуковъ, проглатывая сардинку,— если граната ударитъ въ самый гребень бруствера, она снесетъ его, разорвется и насъ прихлопнетъ...

Не успѣлъ онъ промолвить себѣ пророчество, какъ послышался крикъ: «огонь!» и всѣ инстинктивно прижались къ насыпи. Это былъ косой выстрѣлъ изъ Радишевскаго (№ 10-го) редута, изъ дальнобойнаго орудія: Фюю... Пх... Съ визгомъ шлепнулась граната у 3-го орудія, въ самый гребень бруствера (какъ предсказывалъ Гуковъ) и разорвалась,— снопъ осколковъ влетѣлъ въ ровикъ. Наступила минута зловѣщей тишины, всякій съ замираніемъ сердца ждалъ чего-то. Послышалось раздирающее душу хрипѣнье... Машинально вскочилъ я, съ трепетомъ подбѣжалъ къ мѣсту катастрофы и... остолбенѣлъ: въ ровикѣ ничкомъ лежалъ Ивановъ, съ разбитымъ черепомъ и шеей, безъ всякаго движенія; Гуковъ опрокинулся на спину, съ страшно обезображеннымъ лицомъ, на которомъ было видно невыразимое мученіе, и хрипѣлъ, конвульсивно разводя руками,—онъ очевидно былъ въ агоніи; дѣйствительно, онъ прожилъ не болѣе пяти минутъ. Третій офицеръ, шт.-капитанъ Булахъ, выскочивъ изъ ровика, кружился на одномъ мѣстѣ съ крикомъ «ай, раненъ!» и въ концѣ концовъ упалъ возлѣ куста отъ обезсиленія; онъ получилъ, кажется, три раны и одну контузію, шапка его была обрызгана мозгомъ Иванова. Командиръ батареи былъ сильно осыпанъ землей и слегка контуженъ въ руки (впрочемъ, онъ остался въ строю). Кромѣ того, этимъ-же роковымъ выстрѣломъ было ранено двое солдатъ. «Огонь!» послышался снова крикъ, но я стоялъ, какъ окаменѣлый на одномъ мѣстѣ, мнѣ казалось, что все

это произошло во снѣ. Слезы градомъ лились изъ моихъ глазъ, большинство солдатъ тоже плакало.

— Господи! да за что же, за что же, васъ, добрые, дорогіе друзья, Онъ прибралъ такъ рано?.. За то вы славно, честно пали...

Командиръ батареи вынулъ изъ кармановъ убитыхъ деньги и часы (которые впослѣдствіи переслали ихъ роднымъ). Затѣмъ, ихъ положили на носилки и унесли; раненыхъ потащили на рукахъ. Изъ пяти офицеровъ насъ осталось только два въ батареѣ—и это благодаря одному выстрѣлу!..

Невольно задумался я о смерти дорогихъ боевыхъ товарищей-друзей. Гуковъ какъ будто самъ выбралъ себѣ могилу — новую позицію для батареи. Ивановъ сильно поддерживалъ его относительно этого выбора. До смерти Гуковъ постоянно задумчиво говорилъ, что его убьютъ. Я жилъ съ нимъ въ одной палаткѣ и въ послѣднее время постоянно заставалъ его о чемъ то думающимъ.

— Что это вы пригорюнились! спросишь его бывало.—«О смерти! Убьютъ меня, голубчикъ, я это чувствую!» какъ-то печально, опустивъ голову на грудь, твѣтитъ онъ.—Что за чепуха вамъ въ голову лѣзетъ. Вынимайте-ка лучше скрипку,—споемъ что-нибудь!... старался я его развеселить, но грусть не покидала Гукова. Глаза его въ это время были какъ-то особенно странны. Онъ просилъ насъ, въ случаѣ, если его убьютъ, деньги его (которыя онъ хранилъ въ скрипкѣ — его любимомъ инструментѣ, возимомъ съ собою даже въ походѣ) переслать брату (отца и матери у него не было), который обучался въ то время въ академіи. Гуковъ — это была личность чрезвычайно талантливая, честная, трудолюбивая. Во время систовской паники, когда на совѣщаніи нѣкоторые пѣхотные малодушные офицеры предлагали отступить—этотъ самый Гуковъ горячо, энергично возсталъ. «Мы должны умереть на мѣстѣ», твердо сказалъ онъ, «а не позорно отступать! Государь, Главнокомандующій по эту сторону, подъ нашей защитой, а вы толкуете объ отступленіи!...» Ивановъ, этотъ общій любимецъ — самымъ дѣятельнымъ образомъ до войны готовился въ академію и не переставалъ лелѣять свою мечту даже въ тяжелое военное время; въ походѣ, сидя на лошади, онъ пользовался временемъ и зубрилъ нѣмецкія слова. Но не пришлось бѣднягѣ пожать плоды своего добросовѣстнаго труда! Сначала онъ былъ ординарцемъ у начальника дивизіи, но всѣми силами рвался обратно въ батарею; хотя у насъ и не было вакансій, онъ все-таки выпросился въ строй и нашелъ здѣсь славную, честную смерть. «Самая лучшая смерть—это внезапная!» всегда говорилъ онъ, цитируя слова Юлія Цезаря.

Къ вечеру артиллерійскій бой опять закипѣлъ, снова пошелъ рѣдѣть нашъ и безъ того миніатюрный составъ; прислали пѣхотныхъ солдатъ для пополненія прислуги. Пристрѣлявшись хорошенько (намъ приходи-

лось имѣть дѣло сразу съ четырьмя редутами), мы часто производили пальбу залпами, причемъ турки отвѣчали намъ таковыми же. При стрѣльбѣ мы приняли особенную методу; зарядивъ и наведя орудія, мы ждемъ, пока ни мелькнутъ огоньки въ турецкой батареѣ; въ то же мгновеніе командуется «пли» и затѣмъ всѣ прячутся. Такимъ образомъ мы не позволяли туркамъ наблюдать за дѣйствіемъ ихъ снарядовъ — сами же сохраняли эту возможность относительно своихъ выстрѣловъ. Первыми турки очень рѣдко открывали огонь, а обыкновенно отвѣчали только на вызовъ; вообще были очень вѣжливы.

Отъ сильнаго нравственнаго и физическаго напряженія, мы всѣ страшно измучились. Голова у меня невольно опускалась на грудь.

— Вы бы, ваше б—діе, маленько отдохнули! ласково уговариваетъ меня добрякъ-наводчикъ, подстилая свою шинель и снимая даже сюртукъ.

— Нѣтъ, спасибо, дружище! отказываюсь я, видя, что бѣднякъ самъ еле держится отъ усталости.

И дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ онъ начинаетъ наклевывать носомъ, потомъ голова его наклоняется постепенно на бокъ и наконецъ падаетъ на мое плечо. Другой солдатъ хотѣлъ его толкнуть, но я остановилъ — пусть бѣдняга хоть немного отдохнетъ.

Вообще, военная жизнь замѣчательно сближаетъ солдата съ офицеромъ. Съ любимымъ офицеромъ солдатъ дѣлится послѣднимъ кускомъ; вотъ когда важна, неоцѣнима любовь солдата: онъ бережетъ офицера, какъ что-то дорогое, близкое ему. Меня всегда слеза прошибала, когда какой нибудь солдатъ тщательно укрывалъ меня шинелью или попоной; въ каждомъ его движеніи видно такое искреннее стараніе, такое желаніе угодить, и вмѣстѣ задушевность, безъискусственность, что невольно начинаешь его искренно любить. Мокро—солдатъ выцарапаетъ гдѣ-нибудь соломы для ложа; холодно — онъ разведетъ костеръ, хотя бы кругомъ и ни одного кустика не было. Даже иной разъ въ тупикъ становишься: откуда они все это достаютъ.—«Да ты откуда это соломы и дровъ раздобылъ?» спросишь бывало у раздувающаго костеръ солдата, а онъ только самодовольно улыбается, радуясь, что съумѣлъ угодить. И дѣйствительно, въ сырое, холодное время за куль соломы или вязанку дровъ каждый готовъ былъ дорого заплатить. Часто солдатъ предлагаетъ свое послѣднее пальто зябнущему офицеру.—«Мнѣ дѣло привычное, я и такъ перетерплю!» старается онъ уговорить отказывающагося. О солидарности между солдатами и говорить нечего. Вообще, я только за кампанію раскусилъ солдата и усвоилъ себѣ глубокое уваженіе къ нему и любовь; это честная, простая и добрая натура!...

Когда сумракъ уже совершенно спустился на изрытую гранатами землю, мы прекратили нашу горячую стрѣльбу 26-го августа. Въ изне-

моженіи всѣ опустились на землю, у каждаго передъ глазами пронеслись страшныя картины дня. Наша батарея такъ была выдвинута, что мы опасались ночнаго нападенія со стороны турокъ и потому, зарядивъ орудія картечью, всю ночь были на чеку,—естественно, отдохнуть пришлось плохо. На другой день съ ранняго утра опять началась жарня, опять пошли потери, кровь, стоны и т. д. Стрѣляли мы, кажется, весьма порядочно, раза два были видны взрывы (вѣроятно пороховые погреба взлетѣли) въ турецкихъ редутахъ. Каждую минуту мы ожидали штурма, получались постоянно приказанія—усилить огонь на редутѣ № 1-й. Такъ продолжались и слѣдующіе дни: 28-е и 29-е августа. На Крышинскихъ высотахъ слышна была страшная трескотня ружей.

На батарею къ намъ часто приходили нѣкоторые пѣхотные офицеры изъ прикрытія, которые питали всегда симпатію къ артиллеріи. Одинъ молодой пѣхотный поручикъ все время сидѣлъ возлѣ меня, не смотря на гораздо большую опасность на батареѣ.

— Нѣтъ ли у васъ воды? обратился я къ нему, чувствуя страшную жажду.

— Постойте, я васъ угощу виномъ, у меня во фляжкѣ немного осталось, сейчасъ принесу, — и онъ пошелъ къ себѣ въ траншею за флягой.

Но болѣе я его уже не видѣлъ. Послѣ, солдатъ его роты мнѣ разсказывалъ: «Пришелъ онъ, сердечный, взялъ это фляжку и ну изъ нее тянуть, поднявши голову кверху надъ траншеей; да такъ сладко пьетъ, только не долго пришлось, — какъ хватитъ его пуля прямо въ високъ, такъ и не пикнулъ,—какъ снопъ свалился».

Солнце пекло невыносимо, затѣмъ пошелъ дождь, я имѣлъ неосторожность ходить по мокрой землѣ босыми ногами и потому схватилъ сильнѣйшую молдавскую лихорадку.

Долго боролся я съ проклятымъ недугомъ, но наконецъ, 30-го августа, утромъ я принужденъ былъ оставить батарею и отправиться въ дивизіонный лазаретъ 5-й дивизіи. Голова у меня кружилась, я ничего не помнилъ. Едва нашлось мнѣ мѣстечко на носилкахъ: уже лежало порядочно раненыхъ. Я лежалъ въ какомъ-то забытьи, когда подошелъ ко мнѣ фельдшеръ.

— А что, раненый?—спросилъ онъ сосѣда моего, пѣхотнаго офицера, вѣроятно указывая на меня.

— Да, это артиллеристъ, раненъ въ руку!—бухнулъ тотъ почему то и фельдшеръ записалъ. Вѣроятно, благодаря этому обстоятельству, я былъ помѣщенъ во всѣхъ газетахъ въ спискѣ раненыхъ, что такъ сильно встревожило моихъ родныхъ.

Вскорѣ лазаретъ сталъ быстро наполняться приносимыми ранеными.. Между прочимъ принесли генерала Родіонова, раненаго въ ногу и его

адъютанта, командира Архангелогородскаго полка, флигель-адъютанта полковника Шлиттера съ пулей въ головѣ; его носилки поставили рядомъ со мной, онъ былъ безъ чувствъ, все время сильно хрипѣлъ и такъ умеръ ночью не проснувшись. Съ другой стороны меня, положили капитана Вологодскаго полка Давыдова, съ пулей въ животѣ; онъ все время страшно мучился, стоналъ, потомъ впалъ въ бредъ и къ вечеру умеръ. Затѣмъ принесли одного румынскаго капитана съ пулей въ груди. Онъ тоже сильно мучился и все просилъ: «Mon Dieu! transportez moi à Jassy,—je veux mourir dans ma patrie. Ma femme, mes enfants!» и т. д.

— Онъ дулчацу проситъ! — замѣтилъ какой то шутникъ офицеръ, объясняя значеніе словъ румынскаго капитана недоумѣвающему доктору, незнавшему пофранцузски. Принесли еще одного офицера, у котораго пуля прошла чрезъ обѣ щеки, когда онъ, разинувъ ротъ, кричалъ на Гривицкомъ редутѣ «ура!»; при этомъ былъ оторванъ кусокъ языка.

Раненыхъ прибывало такъ много, что, для очищенія мѣста, всѣхъ слабораненыхъ и больныхъ велѣно было эвакуировать въ Систово. Не смотря на мои просьбы остаться, такъ какъ я думалъ что скоро поправлюсь, меня отправили со многими другими офицерами на транспортныхъ повозкахъ чрезъ Булгарени въ Систово, гдѣ я попалъ въ Евангелическій госпиталь.

Здѣсь, благодаря болѣзни, мнѣ пришлось застрянуть надолго. Общество раненыхъ офицеровъ въ госпиталѣ было небольшое; уходъ, какъ за нами, такъ и за солдатами, былъ превосходный. Сестры милосердія своимъ вниманіемъ, предупредительностью, превосходили всякія похвалы. Часто онѣ отдавали свои одѣяла, свои подушки, свои послѣднія пальто для раненыхъ, когда таковыхъ былъ большой наплывъ и не хватало штатныхъ вещей, сами же добровольно и охотно переносили лишенія. «Сестрица, душенька!» стонетъ раненый солдатъ, силясь на что-то указать. «Сейчасъ, голубчикъ!» и она сама угадываетъ желаніе раненаго. «Какъ то даже, ей Богу, легче,» говорили часто солдаты, «какъ онѣ сердечныя, за нами маются. Вотъ благодать-то Божія!» И дѣйствительно, мужчина никогда не исполнилъ бы такъ искусно этой обязанности, какъ исполняетъ ее женщина. Солдаты относились къ сестрамъ съ величайшимъ благоговѣніемъ; офицеры—съ полнѣйшимъ уваженіемъ.

Въ Евангелическомъ госпиталѣ лежали преимущественно тяжело раненые; больныхъ и легко раненыхъ было очень мало. Нашъ маленькій кружокъ въ офицерскомъ отдѣленіи (госпиталь помѣщался въ пустыхъ турецкихъ домахъ, кое-какъ приспособленныхъ для помѣщенія раненыхъ), силою судебъ соединенныхъ вмѣстѣ, быстро перезнакомились между собой и мы, каждый лежа на своей койкѣ, постоянно бесѣдовали. Мой сосѣдъ одинъ пѣхотный капитанъ, все время тщательно разсматривалъ какую то записную книжку, замаранную въ крови. Меня это заинтересовало.

— Что это вы такъ внимательно разсматриваете? полюбопытствовалъ я.

— А вотъ взгляните,—подалъ онъ мнѣ ее,—это я нашелъ у убитаго турецкаго офицера.

Я взялъ книжку и сталъ разсматривать. На первой страницѣ мелкимъ почеркомъ порусски было написано нѣсколько петербургскихъ адресовъ: Гороховая, №№ дома и квартиры, Вознесенскій пр., Офицерская, нѣсколько именъ и фамилій и т. д.; на одной страницѣ стояло: поступилъ въ университетъ 10-го сентября 1872 года, сталъ на квартиру 15-го сентября, далъ задатку 3 рубля; нѣсколько страницъ было исписано попольски, чего я не могъ понять. Постоянно встрѣчалось имя «Нина» и рядомъ съ нимъ разныя ласкательныя названія:—«мой идолъ, идеалъ, моя жизнь» и т. д. Затѣмъ разные счеты, названія книгъ, замѣтки и пр. Въ концѣ книжечки было написано нѣсколько строчекъ судорожнымъ почеркомъ; только кое-что можно разобрать: «...О Боже! кажется я съума сойду, я не перенесу этого удара, я близокъ къ самоубійству!.. За что тебя, мою ласточку, мою касаточку, похитила смерть!..» Польскій языкъ часто перемѣшивался съ русскимъ.

— Какимъ образомъ это вамъ попалось! не мало удивленный спросилъ я капитана.

— А вотъ я вамъ разскажу, слушайте. Это было 29-го августа, наканунѣ знаменитой 3-й Плевненской атаки. Я лежалъ въ аванпостной цѣпи со своей ротой передъ Гривицкимъ редутомъ; дѣло было около полуночи. Ночь была мрачная, въ воздухѣ стояла зловѣщая тишина, съ турецкой стороны дулъ легкій ветерокъ. Всѣ знали, что на слѣдующій день будетъ генеральный штурмъ. Это самая тяжелая, непріятная минута. Во время боя, атаки, какъ-то забываешься, перестаешь даже помнить опасность; но минута, и особенно ночь передъ сраженіемъ—самое тяжелое, ужасное время. Всякій приготовляется къ смерти, всякій невольно вспоминаетъ про свое прошлое, про свою семью, про свой далекій родной уголокъ. Солдаты-пессимисты печально пророчествуютъ. «Эхъ, братцы, вотъ, можетъ, часа черезъ три и въ живыхъ меня не будетъ; ужъ ты, землячекъ, хоть крестикъ-то сними съ меня, какъ убьютъ—женкѣ память передашь!»— «Небось,» утѣшаетъ его, позѣвывая, оптимистъ, «Богъ дастъ всѣ живы будемъ!..» У одного голова опущена на грудь, другой уперся глазами въ какую нибудь звѣзду и тоже перенесся воспоминаніемъ къ родному очагу. Повторяю, для меня это самая тяжелая, скверная минута! Вдругъ, среди такой всеобщей зловѣщей тишины, до моего уха явственно долетѣли съ турецкой стороны звуки русскихъ словъ (непріятельскія траншеи были довольно близко): кто-то чистымъ русскимъ акцентомъ пѣлъ романсъ «Ласточка». Меня это страшно изумило; какъ не былъ занятъ я своими думами, — я весь превратился въ слухъ. Сильный, симпатичный

баритонъ какъ-то нервно пѣлъ: какъ будто слезы, рыданія слышались въ каждомъ словѣ этой пѣсни, какъ будто пѣвецъ вспоминалъ въ ней свое прошлое, дорогое. Онъ пропѣлъ романсъ два раза, началъ въ третій разъ, но на словахъ: «у меня была тоже ласточка...» вдругъ рѣзко оборвалъ, какъ будто зарыдалъ и—умолкъ. Долго не могъ я опомниться отъ удивленія. Кто съ турецкой стороны могъ пѣть такимъ чистымъ русскимъ акцентомъ?—этотъ вопросъ не давалъ мнѣ покоя. Положимъ, въ прежнихъ дѣлахъ мнѣ приходилось часто слышать изъ турецкихъ траншей русскую ругатню,—но это совсѣмъ другое. 30-го августа рано утромъ, по сигналу, мы двинулись въ атаку. Я съ ротой былъ впереди. Не буду вамъ разсказывать картины штурма, — вы сами знаете, что это за адъ! Моя рота ворвалась въ одну траншею и завладѣла ею; когда я вскочилъ туда,—тамъ уже лежало нѣсколько турецкихъ труповъ въ самыхъ ужасныхъ, разнообразныхъ позахъ: у одного черепъ размозженъ или челюсть оторвана, у другого изъ груди торчитъ кусокъ русскаго переломленнаго штыка, третій со штыковой раной въ животѣ, какъ-то особенно уродливо съежился... Взглядъ мой внезапно остановился на одномъ трупѣ: это былъ, судя по костюму, турецкій офицеръ. Онъ лежалъ раскинувшись на спинѣ; черепъ его былъ расколотъ, на груди изъ двухъ штыковыхъ ранъ сочилась кровь; изъ подъ фески высовывалась прядь русыхъ волосъ. Меня поразило, что это былъ совершенно европейскій типъ лица; благородное, красивое и симпатичное выраженіе какъ-то невольно приковывало къ себѣ вниманіе, на губахъ застыла горькая улыбка; окровавленная куртка на груди его была разорвана, изъ боковаго кармана выдавался кончикъ записной книжки. Я совершенно безсознательно взялъ ее и сунулъ себѣ въ карманъ. Затѣмъ мы снова бросились впередъ подъ страшнымъ свинцовымъ дождемъ. Не успѣлъ я пробѣжать и тридцати шаговъ, какъ что-то стукнуло меня въ ногу, я ступилъ еще два шага, почувствовалъ жгучую боль и—шлепнулся. «Пустяки,» подумалъ я, попробывалъ подняться, но не могъ. Два солдата подхватили меня, поволокли назадъ и доставили на перевязочный пунктъ, а затѣмъ я попалъ сюда и вотъ рядомъ съ вами лежу. По дорогѣ еще вспомнилъ я про книжку и принялся ее разсматривать. Думаю, что владѣтель этой книжки, т. е. турецкій офицеръ, и пѣлъ-то «Ласточку;» самъ онъ, вѣроятно, полякъ, воспитывался въ Петербургскомъ университетѣ, влюбленъ былъ въ какую-то Нину, затѣмъ она умерла,—а онъ, съ горя, или изъ-за глупой идеи, пошелъ въ турецкую службу. Но, знаете, мнѣ кажется, что онъ, бѣдняга, какъ будто предчувствовалъ, что его убьютъ,—съ такимъ чувствомъ, съ такимъ рыданіемъ въ словахъ пѣлъ онъ «Ласточку.» Это была его «предсмертная лебединая пѣснь.» Эта ласточка такъ врѣзалась мнѣ въ память, что, хотя у меня вовсе нѣтъ слуху—я сразу схватилъ мотивъ и запомнилъ слова... (и дѣйствительно, капитанъ все время задумчиво мурлы-

калъ ее себѣ подъ носъ). Экая досада, вспомнилъ вдругъ онъ, какъ ранили меня—мундштукъ потерялъ, вотъ и кури теперь какъ знаешь!

Я невольно вспомнилъ Тараса Бульбу и его исторію съ люлькой.

— А право жаль бѣднягу! продолжалъ онъ разсуждать.

— Это кого жаль, мундштука-то? спросилъ кто-то.

— Нѣтъ, я про того думалъ, про «Ласточкина», да и мундштука жаль—вѣдь пять франковъ далъ, тоже вѣдь деньги!

— А что у васъ въ полку много офицеровъ убито? обратился я къ другому своему сосѣду.

— О, порядочно—разъ, два... пять... восемь... Ахъ, потѣха, одного капитана, толстаго такого, пузатаго, хватило осколкомъ прямо въ животъ; тотъ это на спину упалъ, а кишки у него такъ и лѣзутъ изъ распоротаго живота. Только подбѣгаетъ деньщикъ этого капитана, снялъ шапку, вынулъ оттуда иголку съ ниткой и ну зашивать животъ своего барина, стараясь впихнуть кишки въ свое мѣсто.—«Что ты, дурень, дѣлаешь?» спрашиваютъ его солдаты.—«А може, Богъ дастъ, заживетъ!» слезливо утѣшаетъ себя вѣрный Санхо-Панчо. Насилу его разубѣдили въ безполезности его услуги; раненый не прожилъ и пяти минутъ.

— А у насъ, отозвался другой раненый офицеръ, такъ деньщикъ-татаринъ такую штуку удралъ. Пошли въ атаку, а деньщикъ остался въ обозѣ.—«Ну что, баринъ не убитъ?» спрашиваетъ деньщикъ возвращающихся раненыхъ. — «Убитъ на повалъ!» отвѣчаютъ солдаты, хотя никто и не знаетъ навѣрно, что съ нимъ. Не долго думая, деньщикъ забралъ всѣ вещи своего барина, нарядился въ офицерскій костюмъ и ночью перешелъ къ туркамъ. Пришелъ въ обозъ офицеръ, который оказался цѣлехонекъ,—ни деньщика, ни вещей! Вотъ такого мерзавца-татарина, такъ и повѣсить мало...

Много разсказывали офицеры разныхъ забавныхъ, курьезныхъ случаевъ, свѣжихъ еще въ воспоминаніи,—всего припомнить невозможно.

Здоровье мое поправлялось плохо, мнѣ предлагали ѣхать лечиться въ Россію, но я отказался, все надѣялся скоро поправиться, все хотѣлось скорѣй возвратиться въ батарею. Солдаты и офицеры, которые лежали въ госпиталѣ, всѣ положительно горѣли желаніемъ отправиться скорѣй въ свои части. Въ началѣ октября стали носиться слухи, что готовится новая атака Плевны и я, хотя далеко не отвязался отъ проклятой лихорадки, отправился 15-го октября подъ Плевну.

Батарею свою я засталъ въ другомъ мѣстѣ, — она стояла на горѣ противъ деревни Радишева, правѣй такъ называемой «Артиллерійской Горки».

Подъѣзжая къ батареѣ, я встрѣтилъ солдата Костромскаго полка въ какомъ-то импровизованномъ костюмѣ: сверхъ дранаго мундиришка онъ прикрывался отъ холода полотнищемъ отъ tante ebris. Шинели вовсе не

было. Меня поразилъ такой спартанизмъ, такъ какъ холодъ былъ весьма чувствительный и раньше еще выпалъ снѣгъ.

— Что это ты, дружище, щеголяешь безъ шинели? удивленно спросилъ я его.

— Нѣту, ваше б—діе! получилъ категорическій отвѣтъ.

— Какъ такъ?

— Да еще какъ въ первый разъ на Плевну шли, такъ возлѣ Гривицы приказано было, чтобъ легче было атаковать, снять ранцы и шинели; ну, а послѣ отступили по другой дорогѣ, такъ наше добро туркамъ и досталось...

— Господи! думалъ я, неужели же не могли выдать этимъ бѣднягамъ новыхъ шинелей? Вѣдь времени, слава Богу, прошло порядочно. А сколько людей гибнетъ черезъ это. О, интендантство, интендантство! Горе намъ съ тобою.

Изъ госпиталя я попалъ прямо въ сырую, холодную землянку; четыре шага въ длину, три въ ширину, столько же въ высоту—вотъ жилище, въ которомъ я помѣщался съ товарищемъ. Началъ знакомиться съ окружающею мѣстностью, пристрѣливаться по разнымъ редутамъ, траншеямъ. Кромѣ обыкновенной стрѣльбы, намъ ежедневно назначались начальникомъ артиллеріи, блокирующей Плевну, залпы въ извѣстные часы дня и ночи по нѣкоторымъ нумерамъ редутовъ и по городу. Въ назначенный моментъ раздается грохотъ сотенъ орудій, окружающихъ Плевну концентрическимъ кольцомъ и всѣ эти чугунно-свинцовыя подарки, шипя и свистя, несутся къ туркамъ; редуты покрывались цѣлыми облаками пыли. Особенно эффектны были эти залпы въ темныя ночи.

Жизнь въ землянкахъ была далеко непривлекательна: мокро, сыро, холодно, постоянные сосѣди—лягушки и земляныя мыши; еще благодать, что у насъ были кровати—хоть не на землѣ приходилось спать; но за то, когда наступили дожди, а потомъ и снѣга, то вода, просачиваясь черезъ землю, капала, а иногда и прямо лилась на постель; такъ называемыя непромокаемыя пальто отлично промокали, только бурки служили добросовѣстно. Нѣкоторые командиры, впрочемъ, устроили свои землянки даже съ извѣстнымъ относительно комфортомъ: обили стѣны циновками, поставили маленькія желѣзныя печки,—все это куплено было въ Турнъ-Магурели, куда посылались артельщики за покупкой нѣкоторыхъ предметовъ. Большинство спало, не раздѣваясь, даже не снимая сапогъ, особенно въ послѣднее время, когда ждали прорыва Османа: «у всѣхъ ушки были на макушкѣ», деньщики получали отъ «бариновъ» строжайшія инструкціи на случай нечаяннаго нападенія.

Солдаты наши помѣщались тоже въ землянкахъ, устроенныхъ въ траверсахъ батареи. Вообще имъ жилось куда лучше, чѣмъ бѣднымъ пѣхотнымъ солдатамъ: тяжелая, сторожевая служба, особенно ночью, въ тран-

шеяхъ, почти вѣчно подъ дождемъ или снѣгомъ, безъ теплой одежды, была страшно тяжела; пищу артиллеристы получали тоже значительно лучшую, чѣмъ пѣхотинцы, а главное, горячую и во время; кромѣ того тяжелыя, земляныя работы тоже сильно изнуряли бѣдныхъ тружениковъ-пѣхотинцевъ. И во время атаки имъ хуже всего, и при осадѣ, блокадѣ не лучше, а кормятъ ихъ (или пожалуй условія корма) хуже всего! Артиллеристы относительно просто сибаритствовали; они съ благоговѣніемъ смотрѣли на пѣхоту, несущую такую тяжелую службу. Вообще мнѣ кажется, что служба пѣхотнаго солдата во всѣхъ отношеніяхъ тяжелѣе, труднѣе службы артиллериста, требуетъ гораздо большаго напряженія физическихъ силъ,—а между тѣмъ пѣхотинецъ обыкновенно значительно слабѣе артиллериста. Жили мы въ землянкахъ совершенно какъ кроты. Утромъ выползаютъ всѣ изъ своихъ норъ на свѣжій воздухъ; сыро, холодно, туманъ, грязь—брр! Невольно каждый ежится въ свое холодное пальтишко.

— Ну, что новаго, скоро-ли этотъ проклятый Османъ сдастся? спрашиваемъ мы одинъ другаго, хотя каждый отлично знаетъ, что новаго ровно ничего нѣтъ.

У солдатъ тоже завязывается своя бесѣда.

— Небось турки Аллаха молятъ, разсуждаютъ они, чтобъ онъ имъ манный дождь послалъ, а то скоро болгаръ придется имъ ѣсть.

Но вообще объ Османѣ солдаты наши отзывались съ уваженіемъ, называли его «ученымъ» и говорили, что ему слѣдуетъ дать «Георгія», хотя онъ и нехристь...

— Вотъ жизнь! ворчитъ угрюмо капитанъ, подпрыгивая на одномъ мѣстѣ отъ холода.—Ужъ цѣлые два мѣсяца, какъ выслали мнѣ полушубокъ изъ Россіи, а я до сихъ поръ не получаю его. Нечего сказать, хороша полевая почта!

— Что, батинька, у насъ еще ничего, замѣчаетъ подошедшій пѣхотный офицеръ,—вотъ мнѣ товарищъ съ Шибки пишетъ,—у нихъ почище. Вы вотъ здѣсь и желѣзной печкой обзавелись, а тамъ и купить негдѣ; иногда развѣ только у пластуновъ покупаютъ—за то турецкія!

— Это какимъ образомъ? спрашиваемъ мы.

— Да видите въ чемъ дѣло. Турки иногда даже въ передовыхъ траншеяхъ устраиваютъ себѣ маленькія желѣзныя печки; такъ вотъ наши пластуны ночью проберутся осторожно туда, турокъ перерѣжутъ, а печки заберутъ и послѣ офицерамъ продаютъ за хорошія деньги. Ну, иной разъ и имъ достается въ этихъ ночныхъ экскурсіяхъ.

У насъ подъ Плевною тоже сформировался отрядъ охотниковъ подъ командой какого-то лихаго кавказскаго капитана.—Часто по ночамъ они залѣзали въ турецкіе секреты передъ редутами и нѣсколько разъ мнѣ приходилось видѣть ихъ возвращающимися съ трофеями—ружьями Пи-

боди, шашками, галетами. Я очень любилъ бесѣдовать съ этими отважными удальцами. Ихъ ночныя похожденія слушаешь съ замираніемъ сердца, это цѣлые «походы Аргонавтовъ». Одинъ молодой охотникъ подарилъ мнѣ маленькую турецкую книжку (какъ оказалось послѣ — «Коранъ»), которую онъ отнялъ у убитаго старика-турка.

— Каждую ночь, разсказывалъ солдатъ, онъ сидѣлъ въ секретѣ у колодца передъ первымъ номеромъ. Сидитъ, что-то бормочетъ, да хрипло кашляетъ; такъ ужъ онъ намъ надоѣлъ своимъ кашлемъ—потому близко. Вотъ я это и поспорилъ съ товарищемъ на фунтъ табаку, что вылечу его—перестанетъ онъ кашлять; прошедшую ночь подползъ я къ нему сзади, да штыкъ въ спину и всадилъ—только захрипѣлъ раза два и духъ выпустилъ...

Что касается турокъ, то они почти никогда не тревожили наши секреты и вообще были крайне пассивны и непредпріимчивы.

Подъ Плевну къ намъ часто приходили изъ Россіи письма; на солдатскихъ были самые оригинальные адресы; такъ на одномъ мнѣ пришлось прочесть: «За границу. Черезъ землю Молдаванскую, за Дунай рѣчку, въ Царство Турецкое, на войну, такому-то»; на другомъ письмѣ стояло: — «Въ Туретчину, близь города Іерусалима, по направленію къ непріятелю...» и другіе въ этомъ родѣ. Смѣю увѣрить, что это не выдумка, а фактъ. Изъ Плевны къ намъ часто дезертировали кромѣ турокъ, спасавшихся отъ голода, и собаки, которыя приставали къ разнымъ частямъ и впослѣдствіи сопровождали ихъ въ походѣ. Солдаты давали имъ разныя названія: сукъ называли «Плевна, Шибка, Султанша», а кобелей «Османъ-паша, Буянъ-паша, Куцый-паша» и т. д.

Тоска на батареѣ была страшная, читать нечего, вѣчное однообразіе и я выдумалъ невинную забаву. Сдѣлалъ огромнаго бумажнаго змѣя; на немъ нарисовалъ во всю длину красный полумѣсяцъ со звѣздой (турецкій гербъ), на хвостъ пожертвовалъ свои старые штаны и шапку деньщика, шнуръ изъ стеклядп, которой сшиваютъ картузы. Когда вѣтеръ дулъ къ сторонѣ турокъ, я пускалъ своего импровизованнаго змѣя и онъ съ ревомъ леталъ какъ разъ надъ турецкими траншеями. Солдаты были въ восторгѣ. «Ишь, турецкій богъ летаетъ!» смѣялись они. Шнуръ привязывался обыкновенно къ колесу орудія. Разъ какъ то не успѣли мы отпустить змѣя на весь шнуръ, какъ сильный порывъ вѣтра оборвалъ бичевку и змѣй ковыляя, опустился на землю и упалъ на нейтральной полосѣ, между нашими и турецкими секретами.

— Погибъ во цвѣтѣ лѣтъ! замѣтилъ кто-то.

— Ваше благородіе, дозвольте, я достану, просилъ меня одинъ изъ прислуги.

— Дурень, да тебя убьютъ! убѣждалъ я его.

— Нешто они умѣютъ стрѣлять—не попадутъ.

И, не смотря на запрещеніе, поползъ за змѣемъ и съ тріумфомъ возвратился съ нимъ невредимъ на батарею. Ужъ именно охота пуще неволи, изъ-за змѣя человѣкъ рисковалъ жизнью! Послѣ паденія Плевны, когда двинулись въ походъ, змѣй торжественно положили на запасный лафетъ, но я приказалъ его выбросить.

Иногда мы, офицеры, ѣздили верхами осматривать сосѣднія мѣстности. Ѣздили къ румынамъ, осматривали ихъ осадныя работы; насъ принимали очень любезно, угощали непремѣнно дульчацами, кофэ. Ѣздили также къ Зеленой горкѣ—въ Брестовецъ и далѣе. Нѣсколько разъ къ намъ на батарею пріѣзжали румынскіе офицеры цѣлыми кавалькадами. Мы ихъ, разумѣется, запаивали чаемъ, въ которомъ они, впрочемъ толку, никакого не понимаютъ, а пьютъ только такъ, чтобы насъ не обидѣть, хотя и расхваливаютъ.

— Карашо, добро! коверкаютъ они русскія слова.

Значительная часть румынскихъ офицеровъ говоритъ порядочно пофранцузски, благодаря, разумѣется, сходству ихъ языка съ французскимъ; изъ нашихъ же офицеровъ, говорящихъ пофранцузски, очень мало, а потому объясненіе происходило съ грѣхомъ пополамъ и почти всегда съ мимикой. Народъ они видно добрый, но порядочные хвастуны, попадаются часто и фаты.

Зеленую горку мы постоянно проклинали, — она никогда намъ не давала покою. Тамъ жизнь обыкновенно начиналась вечеромъ или ночью. Только ляжешь на постель, станешь засыпать, вдругъ слышишь: тра-тата... бу!.. и поднялась трескотня. Понятно, всѣ вскакиваютъ, начинается усиленная ночная стрѣльба, и пока на Зеленой горкѣ не утихнетъ—всѣ находятся при орудіяхъ.

— Эка вашъ Скобелевъ какой неугомонный! говорили мы одному пріѣхавшему къ намъ съ Зеленой горки офицеру, ну что у васъ тамъ опять вчера за тревога была?

— Да ничего особеннаго; двѣ турецкихъ траншеи, впрочемъ, взяли. И прекурьезный случай былъ: дѣло было, какъ вы знаете, вечеромъ, туманъ страшный. Наши сдѣлали залпъ и спрятались въ траншею. Турки, думая, что это идутъ на нихъ въ атаку, подняли страшную стрѣльбу и разумѣется ни одинъ выстрѣлъ не попалъ. А когда стрѣльба утихла, наши осторожно подошли къ турецкой траншеѣ, ворвались въ нее, перекололи всѣхъ турокъ и, быстро перекопавъ брустверъ, засѣли въ ней. Перестрѣлка прекратилась. Только слышатъ наши солдаты, что къ траншеѣ подъѣхали двѣ каруцы на буйволахъ; одинъ солдатикъ подбѣжалъ къ нимъ и кричитъ радостно-сдержаннымъ голосомъ:—«братцы, а вѣдь ужинъ то намъ привезли! Вотъ такъ молодецъ артельщикъ!» Голодные солдаты мигомъ бросились къ повозкамъ, вытащили изъ-за голенищъ ложки и принялись изъ стоящихъ на каруцахъ котловъ хлебать пищу.

«Чудной, братцы, супъ какой! да гдѣ жъ порціи? слышь ты», замѣтилъ кто-то, подходя къ одному изъ привезшихъ пищу, но тутъ же остолбенѣлъ: передъ нимъ стоялъ здоровенный турокъ, въ фескѣ, не менѣе его удивленный и къ тому же страшно испуганный. Оказалось, что это была привезена пища туркамъ; возницы не знали, что траншея была уже занята русскими и, благодаря темнотѣ, угостили ужиномъ своихъ непріятелей. Къ тому же и буйволы достались въ артель. Да, очень любезный народъ эти турки, сейчасъ видно восточное гостепріимство: самимъ ѣсть нечего, а гостей не забываютъ. Благородное великодушіе! А то вотъ я слышалъ, что будто недавно два нашихъ гвардейскихъ офицера, благодаря тому же туману, возвращаясь въ свой полкъ, залѣзли прямо на турецкую цѣпь. Видятъ, дѣло плохо,—не потерялись—быстро перевязали себѣ платками руки и выдали себя за парламентеровъ. Турки имъ повѣрили и тѣмъ только офицеры спаслись—ихъ отпустили обратно.

Часто отъ скуки офицеры выдумывали разныя небылицы, пускали всевозможныя утки. Такъ, говорили про какого-то англичанина, замѣчательнаго стрѣлка, принадлежащаго къ образовавшемуся въ Лондонѣ во время войны «Обществу любителей охоты на людей», который помѣщался въ особенной каменной скалѣ близъ Тученицкаго оврага, откуда его не могли выбить даже изъ орудій и который билъ безъ промаха на выборъ нашихъ солдатъ (дѣйствительно тамъ сидѣлъ отличный стрѣлокъ, но кто это былъ—неизвѣстно); говорили, что будто подъ нашей батареей заложена турками мина, но этой нелѣпости очевидно никто не вѣрилъ; говорили, что Россія предложила Турціи миръ на условіи, чтобы она, т. е. Турція, взяла себѣ наше интенданство, компанію Горвица и Когана, 4-хъ колесные ящики... и пр. Взятіе Карса мы праздновали иллюминаціей и фейерверками. Турки вѣроятно предполагали, что у насъ рамазанъ.

Часто на батареѣ мы собирались у орудій по вечерамъ для пѣнія, солдаты тоже составляли свои хоры. Любимые наши мотивы были изъ «Жизни за Царя». Иногда кто-нибудь воодушевлялся, взлѣзалъ на брустверъ и, ставъ лицомъ къ турецкому редуту въ воинственную позу, начиналъ:

Страха не-е-страшусь я!..
Смерти не боюсь,

весело подхватывали мы,

Ляжемъ за Царя, за Русь!

Часто это совпадало съ залпомъ и выходило очень эффектно и гармонично. Нѣкоторыя пѣсни солдаты исполняли съ особеннымъ чувствомъ; замѣчательно хорошо у нихъ выходила «Дубинушка». Молодчина наводчикъ звонко и съ душой затягиваетъ:

Много пѣсенъ слыхалъ я въ родной сторонѣ
И про горе, и радость тамъ пѣли,

Но одна лишь изъ нихъ въ память врѣзалась мнѣ —
Это пѣснь про родную дубину!..

Хоръ дружно подхватываетъ

Эхъ дубинушка ухнемъ, и т. д.

Разъ на батарею къ намъ пріѣхалъ Румынскій Князь Карлъ съ нѣсколькими десятками своихъ каларашей, при чемъ чуть не поплатился жизнію. Мы сидѣли въ землянкахъ, когда прибѣжалъ фейерверкеръ и сказалъ, что ѣдетъ «Ромьянскій Князь». Подцѣпивъ сабли, мы выскочили, чтобы привѣтствовать, т. е. отдать честь почетному гостю. Турки обыкновенно никогда не начинавшіе первыми, замѣтя на батареѣ такую удобную цѣль изъ большой группы всадниковъ, не устояли противъ соблазна и пустили одна за другой двѣ гранаты, которыя ловко шлепнулись какъ разъ передъ лошадью Карла. Послѣдній былъ такъ озадаченъ этимъ, что остановился въ нерѣшимости, не зная, куда ѣхать. Тогда нашъ бригадный командиръ подбѣжалъ къ нему и, приложивъ руку къ козырьку, энергично сказалъ: «Votre Altesse! C'est pour vous, allez vous en!» И при этомъ махнулъ рукой, чтобы онъ поскорѣй уѣзжалъ. Князь послушно повиновался, давъ лошади шпоры и быстро ускакалъ. Турки послали ему въ догонку еще одну гранату, но должны были скоро замолчать такъ какъ мы открыли по дерзкому редуту сильный и мѣткій огонь. На другой день нашъ бригадный командиръ получилъ отъ Князя «Virtuti Militari».

27-го ноября вечеромъ въ аванпосты передъ нашей батареей дезертировалъ турокъ и сообщилъ, что редуты всѣ уже очищены, что всѣ турецкія войска стянуты на Софійское шоссе и что на слѣдующій день Османъ-паша будетъ прорываться. Немедленно дано было объ этомъ знать начальству, всѣ быстро уложились, о снѣ никто и не думалъ. Всю ночь провели на чеку.

28-го утромъ мы высыпали на батарею и съ нетерпѣніемъ вслушивались — не слыхать-ли выстрѣловъ; но все было тихо, густой туманъ не позволялъ различать ничего. Наконецъ въ восьмомъ часу туманъ сталъ разсѣяваться, за рѣкой Видомъ показались дымки, послышались пушечные выстрѣлы, а затѣмъ и трескотня ружей. Очевидно было, что дѣло завязалось.

На редутахъ не было замѣтно никакой жизни, ни единой живой души. Вскорѣ туда отправилось нѣсколько солдатъ и я, не утерпѣвъ, по бѣжалъ съ ними; мнѣ ужасно хотѣлось побывать въ этихъ заколдованныхъ мѣстахъ, о которыя разбивались всѣ наши порывы, мечты, на которыя впродолженіи стольких мѣсяцевъ мы смотрѣли, какъ лисица на виноградъ—«видитъ око, да зубъ нейметъ!»—Быстро пробѣжалъ я покрытую мелкимъ кустарникомъ и изрытую траншеями и гранатами мѣстность

и вскочилъ въ редутъ № 1-й.—«А ну, какъ онъ минированъ, а вдругъ здѣсь турки?» думалъ я, вскакивая съ пѣхотными солдатами въ ровъ редута и меня немножко походолило при этой мысли. Возлѣ редута лежала убитая турецкая лошадь, внутри его было два трупа. Въ редутѣ, въ безпорядкѣ лѣпилась масса землянокъ, посреди находился громадный, крестообразный траверсъ; въ землянкахъ разбросанъ былъ всевозможный хламъ, видно было, что эти жилища только недавно покинуты людьми, а масса русскихъ гранатъ и осколковъ, валявшихся тутъ-же, свидѣтельствовала, что этимъ людямъ не особенно весело жилось здѣсь. Къ редуту примыкали траншеи, въ которыхъ тоже были устроены землянки. Затѣмъ я побѣжалъ въ другіе редуты, побывалъ въ бѣлыхъ траншеяхъ и наконецъ возвратился на батарею.

Лошади были уже запряжены, вещи всѣ уложены и вскорѣ мы тронулись въ Плевну, мимо редута № 10-й; вблизи его лежала масса труповъ, или вѣрнѣе скелетовъ, въ которыхъ, по мундирамъ и кэпи, можно было узнать храбрыхъ русскихъ героевъ, павшихъ 30-го августа при штурмѣ и не убранныхъ вслѣдствіе отказа Османа въ перемиріи для уборки тѣлъ. На погонахъ этихъ труповъ стояла цифра 31; нѣсколько храбрецовъ лежало какъ разъ у самаго рва редута.

Входя въ городъ мы услышали радостные крики «ура, Османъ сдался!» Пройдя по узкимъ, грязнымъ улицамъ Плевны, мы вышли на площадь и расположились тамъ бивуакомъ. Городъ сильно пострадалъ отъ нашихъ бомбардировокъ, многіе дома были почти разрушены, въ соборѣ я замѣтилъ шесть пробоинъ. Меня удивило, что въ Плевнѣ было такъ много болгаръ, женщинъ и дѣтей. «Да куда-же они прятались во время бомбардировокъ?» думалось мнѣ.

Офицеры поѣхали смотрѣть Османа и плѣнныхъ, а также покупать лошадей, сабли, и особенно магазинки Винчестера, на которыя у всѣхъ нашла тогда какая-то манія. До самаго вечера мы все ѣздили осматривать плѣнныхъ, ихъ артиллерію, кавалерію. Потомъ поѣхали за Видъ осмотрѣть поле сраженія. По дорогѣ валялись цѣлыя кучи оружія, снарядовъ, милліоны патроновъ, поломанные зарядные ящики, орудія, громадное количество каруцъ съ турецкими женщинами, дѣтьми, стариками, испуганно прятавшихся отъ побѣдоносныхъ гяуровъ. На самомъ мѣстѣ боя—цѣлыя груды убитыхъ тѣлъ, масса раненыхъ, которыхъ подбирали наши носильщики; возлѣ одной гренадерской батареи лежалъ трупъ одного браваго турецкаго офицера, украшенный орденомъ Меджидіе, я взялъ себѣ этотъ орденъ на память.

У одного турецкаго артиллерійскаго бимбаши я купилъ себѣ верховую лошадь. Кое-какъ мы съ нимъ разговорились. Оказалось, что онъ былъ все время на Радишевскомъ редутѣ, томъ самомъ, изъ котораго убили роковымъ выстрѣломъ Иванова и Гукова.

— Ну, вы ловко стрѣляли! замѣтилъ я, отдавая справедливую дань ихъ искусству.

— Не знаю, какъ мы, скромно отвѣтилъ онъ, но вы насъ не жалѣли. Знаете, положеніе ваше,—атакующихъ, плохо, но и наше не лучше, если не хуже. Я понимаю, какъ тяжело, ужасно идти на редутъ подъ страшнымъ свинцовымъ дождемъ изъ нашихъ магазинокъ и Пибоди. Но во время атаки вы забываетесь, перестаете понимать опасность. Но войти въ наше нравственное состояніе: видѣть всегда передъ собой этотъ приближающійся лѣсъ штыковъ, ожидать каждое мгновеніе быть поднятымъ на нихъ, наконецъ этотъ ужасный вашъ крикъ «ура!» который положительно нагоняетъ паническій страхъ на нашихъ солдатъ, — согласитесь, что это ужасно (c'est affreux).

Въ утѣшеніе бимбаши я согласился, что это дѣйствительно affreux, и за это получилъ въ подарокъ отъ него попону.

Совсѣмъ поздно возвращался я изъ-за Вида въ Плевну съ однимъ офицеромъ Архангелогородскаго полка, который мнѣ разсказывалъ нѣкоторыя подробности утренняго боя, гдѣ онъ принималъ непосредственное участіе.

— Да, философствовалъ онъ, подпрыгивая на сѣдлѣ, вѣдь нашу дивизію право слѣдовало бы назвать Плевненскою: вѣдь мы, такъ сказать, родили Плевну, воспитали, вынянчили ее и похоронили... Миръ праху твоему, турецкая твердыня, кладу вѣнокъ изъ гранатъ на твою могилу!

Было уже совсѣмъ темно, когда мы въѣхали въ городъ и, такъ какъ невозможно было найти дорогу къ батареѣ, то мы заѣхали переночевать въ первый большой пустой турецкій домъ, который стоялъ какъ-то особнякомъ. Лошадей оставили внизу, гдѣ для нихъ нашлась кукуруза, а сами забрались на верхъ (во второй этажъ) и улеглись на низкихъ деревянныхъ нарахъ. Напрасно перевертывался я съ боку на бокъ, — не смотря на сильную усталость, сонъ совсѣмъ не шелъ, впечатлѣнія дня живо представлялись воображенію. Я сталъ было ужъ засыпать, какъ вдругъ мнѣ послышалось, будто кто-то жалобно стонетъ. Быстро приподнявъ голову, я сталъ прислушиваться,—стонъ продолжался и выходилъ снизу. Я разбудилъ товарища, который, вѣроятно воображая, что хоронитъ Плевну, выдѣлывалъ носомъ ужасныя трели, что-то вродѣ похороннаго марша.

— А, что?! испуганно вскочилъ онъ, тревога! Османъ прорывается!

— Тише! остановилъ я его. Слышишь?

Отломавъ кусокъ полки, мы зажгли ее и съ этой лучиной спустились съ лѣстницы, которая привела насъ въ сырой подвалъ. Насъ такъ и обдало какимъ-то гнилымъ, больничнымъ запахомъ. Я поднялъ лучину вверхъ и освѣтилъ страшную картину: на полу въ самыхъ разнообразныхъ страдальческихъ позахъ валялось нѣсколько мужскихъ и женскихъ турец-

кихъ труповъ; нѣсколько человѣкъ было въ агоніи—они какъ-то безсмысленно поводили глазами. Стонала одна худая женщина, корчившаяся отъ мученій; лицо ея было какое-то желтое; жалкія лохмотья не прикрывали даже вполнѣ наготы; возлѣ нея лежалъ мертвый ребенокъ.

— Господи! невольно прошепталъ я, и попятился назадъ отъ этой ужасной картины.

Мы были совершенно безсильны помочь умирающимъ и потому удалились на верхъ.

На слѣдующій день мы продолжали осматривать плѣнныхъ, турецкіе редуты, укрѣпленный лагерь, и готовились къ выступленію, такъ какъ всѣ ожидали перехода черезъ Балканы. По улицамъ Плевны то и дѣло ѣздили большія каруцы, наполненныя турецкими трупами, которыхъ подбирали съ улицъ и изъ больницъ; а такую больницу представлялъ чуть не каждый домъ.

2-го декабря, послѣ осмотра укрѣпленій, я ѣхалъ по городу и встрѣтилъ Скобелева 2-го. Козыряю.

— Гдѣ это я васъ видѣлъ? останавливаетъ онъ меня.

— Въ Жмеринкѣ, ваше превосходительство, когда вы изволили ѣхать изъ Туркестана! отвѣтилъ я.

— Ахъ да, помню, ну поѣдемте ко мнѣ завтракать.

— Виноватъ, ваше превосходительство, я не такъ одѣтъ... извинялся я.

— Пустяки!

Скобелевъ занималъ одинъ изъ хорошенькихъ домовъ въ Плевнѣ, счастливо уцѣлѣвшихъ отъ бомбардировки. Мнѣ крайне совѣстно было за свой ужъ больно боевой костюмъ: мундиръ былъ безъ погонъ, разодранный подъ мышками, мозаиковыя штаны напоминали карту кантоновъ Швейцаріи.

Общество у Скобелева было самое разнокалиберное: тутъ были и генералы, и прапорщики, и корреспонденты, и даже вольноопредѣляющіеся; всѣ не стѣсняясь сидѣли за столомъ и завтракали. Меня немножко поразилъ такой составъ и это простое, товарищеское обращеніе Скобелева съ каждымъ.

Входитъ какой-нибудь офицеръ по дѣламъ службы въ полной походной формѣ.

— Ваше превосходительство, честь имѣю... начинаетъ онъ чеканить, вытянувшись въ струнку.

— Завтракали? обрѣзываетъ его Скобелевъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство! говоритъ опѣшенный офицеръ.

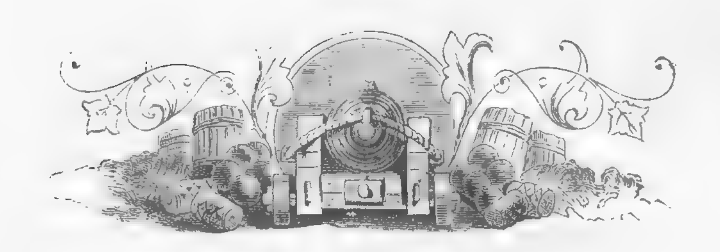
— Садитесь и ѣшьте, чѣмъ Богъ послалъ...

Можетъ быть подобное обращеніе съ человѣкомъ мало развитымъ, съ солдатомъ, и можетъ принести иногда вредъ, но въ отношеніи офицера совсѣмъ другое дѣло: онъ умѣетъ оцѣнить подобное обращеніе, онъ будетъ стараться доказать, что достоинъ этого; забыться офицеръ никогда себѣ не позволитъ.

Личность Скобелева въ высшей степени симпатична. Я слыхалъ про него восторженные отзывы и отъ другихъ офицеровъ и солдатъ его дивизіи. Особенно солдаты, которые называли его «заколдованнымъ,» въ немъ души не чаютъ; Скобелевъ всегда горячо отстаивалъ ихъ интересы, заботился о нуждахъ солдатъ, хотя въ рѣшительную минуту и не жалѣлъ ихъ. Храбрость и неукротимая отвага Скобелева сдѣлались даже нарицательными: часто говорили: «храбръ, какъ Скобелевъ!» Всякому человѣку свойственно чувство страха, чувство боязни къ смерти. «Скобелевъ,—говорили мнѣ его офицеры, какъ будто презираетъ смерть, онъ смотритъ ей прямо въ глаза, вызывающе, чуть не съ хохотомъ!» Нѣкоторые примѣняли къ нему Лермонтовскій стихъ:

А онъ, мятежный, ищетъ бури,
Какъ будто въ бурѣ есть покой!

А. С.



Съ поля сраженія *).

Предлагаемыя вниманію читателей бѣглыя замѣтки составляютъ результатъ моихъ личныхъ наблюденій надъ дѣйствіями нашей пѣхоты въ бояхъ подъ Ловчей и подъ Плевной.

Не имѣя ни системы, ни общей связи, замѣтки эти на мой взглядъ должны представлять сырой матеріалъ, изъ котораго можно будетъ современемъ сдѣлать нѣсколько выводовъ.

Наконецъ, замѣтки эти, написанныя при несовсѣмъ удобныхъ условіяхъ, менѣе всего могутъ претендовать на литературную отдѣлку, въ чемъ мы и приносимъ наше извиненіе передъ читателями.

При наступленіи, 19-го августа, отряда генерала Скобелева для занятія позиціи на высотахъ, окаймляющихъ Ловчу, выдвинутые впередъ два баталіона К—аго полка произвели наступленіе, «имѣя цѣпь слишкомъ густую и поддержки, слѣдующія отъ цѣпи, слишкомъ близко». Ошибка эта повторяется часто и стоитъ всегда лишнихъ потерь.

При необходимости быстро укрѣпить занятую нами позицію передъ Ловчею выказался недостатокъ въ шанцевомъ инструментѣ. Отъ баталіоновъ пришлось составлять особыя команды со всѣмъ имѣющимся инструментомъ. По окончаніи работъ, инструментъ не возвращался акуратно въ части, изъ которыхъ былъ взятъ.

Присутствіе въ составѣ отряда команды саперовъ въ сорокъ человѣкъ при унтеръ-офицерѣ много облегчило производство работъ.

---

*) Сообщено авторомъ, было напечатано въ „Военн. Сборникѣ“.

Офицеры изъ военныхъ училищъ могутъ быть хорошими руководителями саперныхъ работъ.

Частные начальники, введя свои части на боевыя позиціи, тѣмъ не менѣе должны продолжать заботиться о пищѣ своихъ солдатъ. Если это несоблюдено, то начальнику отряда самому приходится дѣлать распоряженіе о нарядѣ командъ для подноски воды на позицію, отдавать приказанія, чтобы во всѣхъ частяхъ варилась въ тылу пища, наконецъ, заботиться, чтобы эта пища была доставлена солдатамъ.

Обыкновенно при самомъ сильномъ боѣ ночью наступаетъ затишье и всегда является возможность поднести или подвезти ужинъ для солдатъ. Въ крайности, можно удовлетвориться выдачею на руки одной говядины.

Въ сраженіи подъ г. Ловчею части, вступая въ городъ, входили въ то же время и въ сферу ружейнаго огня съ послѣдней линіи непріятельскихъ укрѣпленій. Въ пѣхотныхъ частяхъ сталъ быстро обнаруживаться безпорядокъ. Вмѣсто того, чтобы занять окраину города и выбрать позиціи для стрѣлковаго боя, роты и отдѣльные люди толпились по улицѣ, стояли шеренгами, прижавшись къ линіи домовъ, или ложились въ канавы. Только нѣсколько офицеровъ выказали распорядительность и проявили инициативу, собравъ людей разныхъ ротъ, занявъ съ ними отдѣльные дома и начавъ перестрѣлку.

Непріятельскій огонь еще съ двухъ тысячь шаговъ наноситъ значительныя потери нашимъ войскамъ, благодаря массѣ выпускаемыхъ непріятелемъ патроновъ.

Слѣдить за войсками, вступившими во время горячаго боя въ городъ, весьма трудно.

Изъ двухъ баталіоновъ полка, введенныхъ въ г. Ловчу, командиръ полка собралъ около себя только четыре роты. Пять ротъ примкнули къ резервамъ, назначавшимся для рѣшительной атаки праваго фланга непріятеля, а одна рота (стрѣлковая), по инициативѣ ротнаго командира, поддержала атаку К—аго полка съ лѣваго фланга.

При атакѣ послѣдней позиціи непріятеля въ г. Ловчѣ, одна изъ бригадъ должна была атаковать лѣвый флангъ позиціи.

Послѣ выбытія изъ строя раненымъ храбраго командира бригады, полки подвигались впередъ по указанному имъ направленію.

Впереди двигался К—ій пѣхотный полкъ, имѣя въ головѣ пылкаго и отважнаго своего командира. Приблизясь къ сферѣ непріятельскаго огня, полкъ потянулся по опушкѣ садовъ, окаймляющихъ р. Осму, дошелъ до удобнаго мѣста для переправы черезъ эту рѣку (приблизительно на высотѣ лѣваго фланга непріятельской позиціи) и затѣмъ отдѣльные люди стали выходить на открытую долину р. Осмы, направляясь подъ сильнымъ огнемъ къ непріятельской позиціи. За первыми показались другіе и скоро сотни людей въ одиночку, переправившись въ бродъ, бѣжали по галькѣ, прикрывавшей долину, къ позиціи, оставляя по всему участку значительное число убитыхъ и раненыхъ.

Надо было пробѣжать по долинѣ 500—600 шаговъ совершенно открыто.

Первое закрытіе отъ непріятельскихъ пуль на пути наступленія полка была мельница съ нѣсколькими десятками деревьевъ, окружающихъ ее.

Часть людей перебѣгала долину, какъ говорится, однимъ духомъ; другіе, пользуясь небольшими грядами гальки, образованными теченіемъ воды, ложились за нихъ, къ прежде залегшимъ присоединялись задніе и мѣстами образовывались густыя шеренги лежащихъ. Но эти закрытія плохо защищали отъ непріятельскаго огня, направленнаго съ двухъ-тысячъ шаговъ и потому поражающаго подъ большимъ угломъ.

Лежащіе замѣчали, что и они терпятъ отъ огня; тогда храбрѣйшіе вставали первыми и перебѣгали далѣе, за ними мало по малу перебѣгали другіе, и все это направлялось къ спасительной мельницѣ.

Между тѣмъ, не было никакой надобности пробѣгать это пространство. Стоило продвинуться далѣе садами, пройти затѣмъ окраину города и, наконецъ, выйти къ той самой мельницѣ, о которой упомянуто выше. Разница была въ томъ, что вмѣсто хорды пришлось бы описать дугу.

Около мельницы, черезъ полчаса послѣ начала наступленія, образовалась масса въ нѣсколько сотъ человѣкъ, которая быстро возрастала. Закрытія для всѣхъ уже не хватало и потери начались.

Полковой командиръ, думая двинуть впередъ еще не передохнувшую массу, приказалъ бить наступленіе и самъ рванулся впередъ. За нимъ двинулось нѣсколько солдатъ, но, замѣтивъ, что товарищи ихъ еще стоятъ на мѣстѣ, вернулись назадъ и эти.

Напрасно одинъ молодой офицеръ кричалъ охрипшимъ голосомъ «впередъ», «ура», и махалъ саблею, толпа еще не была расположена идти за нимъ, и юноша, выбѣжавъ съ нѣсколькими солдатами впередъ, не успѣлъ пробѣжать нѣсколькихъ шаговъ, какъ былъ уже убитъ. Солдаты, слѣдовавшіе за нимъ, частью были перебиты, частью залегли въ придорожную канаву.

Но вотъ толпа отдохнула; эмоція отъ первой перебѣжки прошла, и толпа готова была начать дальнѣйшее движеніе.

Сперва нѣсколько храбрѣйшихъ съ офицеромъ перебѣжали 50—60 шаговъ и частью стали за деревья, частью легли наземлю.

Начало было сдѣлано и толпа у мельницы стала таять, продвигаясь впередъ по одиночкѣ и кучками.

До линіи непріятельскихъ траншей оставалось около тысячи-пятисотъ шаговъ. По наступавшимъ сыпался свинцовый градъ, но наступленіе все продолжалось. Сзади подходили товарищи по полку, правѣе бѣжали съ двумя офицерами люди стрѣлковаго баталіона и небольшая кучка сосѣдняго полка, лѣвѣе двинулась извивающеюся лентою стрѣлковая рота, еще лѣвѣе были видны густыя массы строящихся для боя войскъ. Каждый изъ наступающихъ, оглядываясь назадъ, видѣлъ эту массу своихъ; видѣлъ близость поддержки и вѣра въ успѣхъ росла въ сердцѣ каждаго.

Уже притерпѣвшись къ выстрѣламъ непріятеля, отдѣльные люди лѣзли впередъ, даже мало пользуясь мѣстными укрытіями.

Нѣсколько всадниковъ-офицеровъ скакало между наступающими. Молодецъ командиръ полка ободрялъ солдатъ. Вотъ одинъ всадникъ пошатнулся и упалъ съ лошади мертвымъ, это адъютантъ Л—скаго полка, принявшій участіе въ атакѣ К—цевъ. Другой всадникъ, командиръ баталіона, покатился на землю вмѣстѣ съ своею лошадью. Тамъ и сямъ падаютъ и стонутъ солдаты, падаютъ офицеры, но это уже не можетъ остановить наступающихъ.

Передовые, отбѣжавъ шаговъ семьсотъ отъ мельницы, неожиданно наткнулись на глубокій съ обрывистыми берегами оврагъ. Первые пріостановились, къ нимъ подбѣжали сзади слѣдовавшіе, пороизошло столпленіе, которое сейчасъ-же стоило жертвъ. Нѣсколько раненыхъ упали въ воду и утонули.

Но болѣе хладнокровные уже отыскали относительно возможный спускъ и частью сползали, частью скатывались внизъ. Вода при довольно сильномъ теченіи оказалась по поясъ. Рѣчку перешли и затѣмъ началась еще труднѣйшая операція подъема, Были пущены въ ходъ плечи товарищей, воткнутыя ружья, нѣсколько толстыхъ жердей и скоро нѣсколько сотъ человѣкъ уже перебрались на другую сторону оврага.

Къ общему удивленію, огонь турокъ, по мѣрѣ приближенія къ нимъ, не становился смертоноснѣе. Было очевидно, что непріятель самъ поколебленъ. Вотъ турки, не выждавъ нашихъ, бросили свои первые ложементы и бѣжали? Видъ отступающаго врага придалъ нашимъ новыя силы. «Ура» стало громче и громче. Добѣжавъ до линіи первыхъ ложементовъ, наши пріостановились и заняли ихъ.

Впереди высился сильной профили редутъ, — послѣднее убѣжище турокъ, а передъ нимъ еще одна линія ложементовъ.

Непріятель не прекращалъ усиленной, но мало дѣйствительной стрѣльбы. Очень многіе турки стрѣляли, положивъ ружья на скатъ бруствера и не высовывая изъ-за него головы, т. е. не цѣлясь.

Собравшись у первой траншеи въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, наши снова крикнули «ура!» и снова бросились впередъ. Десятки упали, но остальные бѣжали впередъ. Вторая линія траншей уже близка!.. Вотъ сейчасъ начнется рукопашная схватка, но... и на этотъ разъ нѣтъ! Турки оставили ложементы и частію бѣжали въ редутъ, частію на дорогу въ Микре. Въ редутѣ происходила суета. Вотъ показалось изъ него нѣсколько группъ всадниковъ, конвоировавшихъ какой-то поѣздъ. «Орудія увозятъ!» раздались крики и солдаты, увѣренные въ побѣдѣ, сдѣлали послѣднее усиліе. Въ одиночку со всѣхъ сторонъ карабкались наши солдаты и офицеры на брустверъ редута. Одна толпа обѣжала редутъ съ выхода и загородила дорогу туркамъ, имѣвшимъ намѣреніе отступить. Внутри шло избіеніе сопротивлявшагося непріятеля. Уголъ редута между брустверомъ и траверзами у выхода былъ заваленъ горою труповъ и живыхъ людей, лежавшихъ другъ на другѣ рядами. Одинъ изъ офицеровъ стрѣлковаго баталіона, ворвавшійся изъ первыхъ, скромно стоялъ въ углу редута. Едва битва окончилась, многіе солдаты уже разбирали кучу своихъ и непріятелей, отдѣляя живыхъ отъ мертвыхъ.

Изъ кучи, въ углу редута, было вытащено легко раненыхъ и совсѣмъ здоровыхъ турокъ 103 человѣка, которые обратились въ военноплѣнныхъ.

Первый баталіонъ N—го полка тянется по улицѣ города Ловчи, выходитъ на окраину города и затѣмъ долженъ вступить, черезъ ворота въ стѣнкѣ, на обширную площадку, усаженную рядами деревьевъ и хорошо обстрѣливаемую изъ непріятельскихъ ложементовъ.

Полковому командиру было отдано приказаніе развернуть одинъ баталіонъ въ боевую линію, начать съ нимъ атаку на центръ непріятельской позиціи и поддержать атаку перваго баталіона двумя другими.

Полковникъ вызвалъ впередъ на площадку стрѣлковую роту. Ее провели рядами и съ большимъ урономъ разсыпали въ должномъ направленіи. Цѣпь этой роты болѣе напоминала развернутый строй.

Занявъ мѣста, люди и офицеры тотчасъ же легли и ихъ трудно было поднять и подвинуть впередъ, чтобы дать мѣсто остальнымъ четыремъ ротамъ.

Въ это время палъ командиръ полка, сраженный пулею. При видѣ умирающаго командира, послышались крики: «полковника убили»; кучка людей бросилась къ выходу, а подходившіе въ это время роты, которые строились за стрѣлковою, потерявъ нѣсколько товарищей, увидя полков-

ника въ крови и слыша крики, повторили ихъ и бросились назадъ. Съ трудомъ удалось успокоить солдатъ, снова вывести ихъ на площадку и затѣмъ двинуть въ атаку. Стрѣлковая рота не успѣла еще достаточно отойти, какъ были двинуты двѣ роты первой линіи, а за ними и роты второй линіи. Черезъ минуту цѣпь и двѣ линіи ротныхъ колоннъ смѣшались въ одну, довольно густую линію, которая волною подвинулась впередъ. Хуже всего, что за пятьсотъ саженей уже нѣкоторые солдаты открыли огонь, стрѣляя, не прицѣливаясь, и что баталіонъ почти съ мѣста двинулся впередъ съ криками «ура!»

Отбѣжавъ нѣсколько шаговъ—люди запыхались. «Ура» почти прекратилось; оно изрѣдка только вырывалось изъ охрипшихъ грудей, и тотъ страшный эффектъ, подавляющій непріятеля, когда масса наступающихъ въ ста—двухъстахъ шагахъ закричитъ свое грозное «ура!»—былъ потерянъ.

Тутъ крикъ «ура!» не былъ выраженіемъ намѣренія во что бы то ни стало или заставить непріятеля отступить или сойтись съ нимъ въ рукопашную, а просто желаніемъ облегчить впечатлѣніе отъ свиста пуль и отчасти надежда запугать противника.

Остальные баталіоны полка удалось двинуть въ гораздо большемъ порядкѣ.

27-го августа при занятіи отрядомъ генерала Скобелева передовыхъ позицій съ южной стороны города Плевны, К—скому пѣхотному полку било поручено занять второй гребень «Зеленыхъ горъ».

Командиръ полка, призванный къ начальнику отряда, получилъ инструкціи для занятія гребня. Полку, расположенному въ резервномъ порядкѣ, предстояло пройти около четырехсотъ саженъ открытою мѣстностью подъ гранатнымъ огнемъ и, затѣмъ, наступать по лѣсистымъ и покрытымъ виноградниками горамъ. До втораго гребня этихъ высотъ предстояло пройти около версты, и было очевидно, что все это пространство не было занято непріятелемъ. Полкъ долженъ былъ занять второй гребень и укрѣпиться тамъ.

Имѣя два баталіона въ первой линіи и третій—во второй (каждый баталіонъ изъ ротъ, развернутыхъ въ двѣ линіи, и съ густою цѣпью), полкъ двинулся длинною тонкою линіею впередъ. Третій баталіонъ, построенный въ такой же порядокъ, слѣдовалъ непосредственно за баталіонами первой линіи. Въ такомъ видѣ полкъ прошелъ открытое пространство, потерявъ отъ гранатнаго огня всего нѣсколько человѣкъ. Впереди полка ѣхалъ его храбрый, пылкій командиръ, радостный въ виду предстоящей атаки, но, повидимому, не дающій себѣ точнаго отчета ни въ наивыгоднѣйшей формѣ для наступленія, въ зависимости отъ мѣст-

ности и отъ силъ и расположенія противника, ни въ необходимости, въ виду неизвѣстности, имѣть большую часть полка въ резервѣ.

Передъ вступленіемъ полка на лѣсистыя высоты, начальникъ отряда предложилъ полковнику оставить одинъ баталіонъ въ резервѣ, а наступать только двумя, предоставляя командиру полка самому выбрать форму наступленія. При этомъ генералъ Скобелевъ просилъ полковаго командира находиться не съ цѣпью полка, а при его частномъ резервѣ.

Для поддержанія, въ случаѣ нужды, К—цевъ, подъ рукою имѣлись: другой пѣхотный полкъ и два стрѣлковыхъ баталіона.

Къ сожалѣнію, командиръ полка, вмѣсто того, чтобы ограничиться въ первой линіи стрѣлковою цѣпью отъ одной, напримѣръ, роты, рѣдко разсыпанною и поддержанною двумя, тремя ротами, а имѣть всѣ остальныя въ резервѣ, по возможности далѣе отъ цѣпи, еще до появленія противника двигался, имѣя всѣ десять ротъ въ боевой линіи, ибо порядокъ ротныхъ колоннъ въ двѣ линіи, при недосмотрѣ со стороны частныхъ начальниковъ, быстро переходитъ въ порядокъ въ одну линію. Происходитъ это вслѣдствіе естественнаго замедленія шага въ цѣпяхъ при наступленіи, особенно подъ огнемъ, причемъ сперва первая линія ротъ двигается со второю, а затѣмъ и вторая линія сливается какъ съ первою, такъ и съ цѣпью.

Большинство ротныхъ и баталіонныхъ командировъ предпочитаетъ двигаться подъ огнемъ, имѣя роты въ развернутомъ строѣ. При этомъ на пересѣченной мѣстности, при сильномъ огнѣ противника, роты быстро уходятъ изъ рукъ ротныхъ командировъ, а баталіонному командиру, какъ только всѣ роты его баталіона введены въ боевую линію, остается идти при какой нибудь ротѣ, большею частью безъ возможности руководить дѣйствіями своего баталіона.

Итакъ, два баталіона К—скаго полка двигались тонкою линіею, развернутыми ротами.

Непріятель былъ обнаруженъ только по достиженіи втораго гребня. Началась перестрѣлка, все разраставшаяся.

Наши баталіоны пріостановились согласно съ полученнымъ приказаніемъ и, вслѣдствіе принятаго порядка наступленія, сразу попали подъ огонь мало видимаго противника. Непріятель, замѣтя остановку нашихъ и принимая ее за признакъ слабости, самъ перешелъ въ наступленіе густою цѣпью пѣхоты, поддержанной черкесами, но, встрѣченный нашимъ огнемъ, легъ въ близкомъ отъ нашего расположенія разстояніи и открылъ сильный огонь. Для выполненія постановленной К—цамъ задачи слѣдовало поддержки вывести изъ огня и расположить скрытно, а цѣпи окопаться. Если бы непріятель, незначительный по числу, пользуясь нашею неподвижностью, сталъ бы придвигаться слишкомъ близко, его надлежало

отбросить быстрымъ переходомъ части войскъ въ наступленіе и, затѣмъ, вернуться на прежнія мѣста.

Не то сдѣлали К—цы. Лежать подъ сильными выстрѣлами, не принимая участія въ стрѣльбѣ, тяжело. Движеніе впередъ есть облегченіе для всѣхъ. Это надо помнить. Дѣйствительно, по инициативѣ частныхъ начальниковъ и самихъ солдатъ, изъ длинной линіи К—цевъ стали подниматься сперва одиночныя кучки, наконецъ, поднялись всѣ и съ криками «ура!» бросились впередъ на турокъ. Турки были смяты и бѣжали.

Баталіонамъ слѣдовало бы остановиться и вернуться на старыя мѣста, но остановить ихъ оказалось трудно, если не невозможно. Храбрый командиръ полка былъ контуженъ, а офицеры полка увлеклись общимъ движеніемъ.

Прогнавъ турокъ, два баталіона К—цевъ продолжали безостановочно подвигаться впередъ нестройною растянутою линіею, съ храбрѣйшими и физически сильнѣйшими впереди. Сзади одиночныхъ людей бѣжали кучи. Отъ десяти ротъ осталось въ сборѣ только нѣсколько кучъ по 15 — 20 человѣкъ въ каждой.

Преслѣдуя бѣгущихъ турокъ, наши смяли подкрѣпленіе ихъ, взобрались на третій гребень «Зеленыхъ высотъ» и стали спускаться къ подошвѣ ихъ. Но тутъ турки успѣли уже собраться въ большихъ силахъ и встрѣтили нашихъ убійственнымъ огнемъ. Посланные генераломъ Скобелевымъ офицеры не могли остановить наступавшихъ и воротить ихъ на указанную выше позицію. Задніе отвѣчали, что «наши впереди и намъ надо бѣжать туда же», а передніе, пріостановившіеся передъ убійственнымъ огнемъ турокъ съ редутовъ и линіи ложементовъ, залегли въ канаву и ожидали подмоги, отказываясь воротиться. Но турки, перейдя съ фронта въ наступленіе, скоро заставили отступить этихъ храбрецовъ.

Нападеніе съ фронта было, однако еще не такъ опасно. Главная бѣда грозила и сказалась противъ ихъ лѣваго фланга.

Изъ редута Кришина выступили конные и пѣшіе турки и, пользуясь закрытою мѣстностью, незамѣтно ударили въ лѣвый флангъ и тылъ К—цамъ. Лѣвофланговые люди были изрублены. Вѣсть объ обходѣ быстро распространилась. Отступленіе стало общимъ. Наименѣе растерявшіеся собрались въ значительную кучу и стали отстрѣливаться отъ наступающихъ слѣва турокъ. Вдругъ, со стороны этихъ послѣднихъ послышались совершенно явственно крики: «Не стрѣляйте, мы свои!» Солдаты опустили ружья, пока залпъ со стороны мнимыхъ «своихъ» не разрушилъ всѣ сомнѣнія, положивъ нѣсколько довѣрчивыхъ.

Но самыя тяжелыя минуты для К — цевъ уже прошли. Генералъ Скобелевъ вызвалъ и развернулъ въ боевую линію 1-й баталіонъ этого же полка, подъ прикрытіемъ котораго въ отступленіи былъ введенъ относительный порядокъ.

Турки, ободренные отступленіемъ нашихъ, съ криками лѣзли впередъ. Свѣжій баталіонъ К—скаго полка, построенный по-ротно въ одну линію и встрѣтившій турокъ залпами, только на время пріостановилъ ихъ. Тогда пришлось ввести въ дѣло еще одинъ баталіонъ Э — скаго полка и для резерва подтянуть два стрѣлковыхъ баталіона.

Эти части, подкрѣпленныя наиболѣе упорными изъ отступавшихъ, не только пріостановили турокъ, но и заставили ихъ очистить все пространство «Зеленыхъ горъ» до третьяго гребня. Второй гребень, занятіе котораго и составляло задачу на этотъ день, остался за нами.

К—цы потеряли до 700 человѣкъ; но духъ этого молодецкаго полка былъ таковъ, что остатки двухъ баталіоновъ, собранные на позиціи, воротились на общій бивуакъ отряда съ пѣснями.

Въ настоящую кампанію турки при тактической оборонѣ широко пользуются двумя факторами: своимъ скорострѣльнымъ оружіемъ и подготовкою поля сраженія въ фортификаціонномъ отношеніи.

Турки встрѣчаютъ огнемъ съ разстоянія, превышающаго 2,000 шаговъ, и уже наносятъ потери.

Наиболѣе сильный и чувствительный потерями огонь ихъ приходится выдерживать съ 2,000 до 600 шаговъ, затѣмъ, мѣткость огня ослабѣваетъ, наиболѣе робкіе перестаютъ стрѣлять, остальные въ большинствѣ стрѣляютъ не высовывая головъ изъ ложементовъ; пули летятъ массами черезъ голову. Снабженіе турокъ патронами изумительно.

Въ ложементахъ, кромѣ патроновъ, розданныхъ на руки, поставлены большіе ящики съ свинцовою и деревянною укупорками. Въ Ловчѣ мы взяли нѣсколько погребковъ, наполненныхъ этими ящиками.

Во время нападенія, выдержаннаго Э—кимъ полкомъ 28-го августа, турки подошли очень близко къ линіи нашихъ ложементовъ, залегли и открыли огонь.

Когда они были выбиты, я около нѣсколькихъ турецкихъ труповъ насчиталъ до 120 пустыхъ гильзъ. Въ этотъ день, вслѣдъ за наступавшими турками везлись патронные ящики. Одинъ изъ нихъ, къ большой радости солдатъ, былъ взорванъ на воздухъ нашею гранатою.

Можно предполагать, что въ сраженіи подъ Плевною, многія турецкія части израсходовали противъ отряда генерала Скобелева до 400—500 патроновъ на человѣка.

На долго-ли хватитъ у турокъ патроновъ при такой расточительности, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, безъ колоссальнаго подвоза патроновъ изъ Англіи или Америки, турки, при принятой ими системѣ расходованія патроновъ, обойтись не могутъ.

Относительно практики нашего огнестрѣльнаго боя, мы имѣемъ только данныя, добытыя въ сраженіяхъ подъ Ловчею и Плевною. Тѣмъ не менѣе, эти данныя на столько интересны, что мы ихъ приведемъ.

31-го августа наши линейныя роты съ третьяго гребня «Зеленыхъ горъ» стрѣляли во флангъ туркамъ, наступавшимъ со стороны Кришинскаго редута на занятый нами редутъ № 1-й. Наши стрѣляли на разстояніи до 1,200 — 1,400 шаговъ, не безъ успѣха, особенно по турецкимъ колоннамъ.

30-го августа, тотчасъ же по взятіи нами турецкихъ редутовъ, пришлось отбивать атаку, направленную съ Кришинскаго редута и лагеря. Осыпаемые градомъ пуль, наши отвѣчали сперва стрѣльбою мало дѣйствительною. Нѣкоторые стрѣляли, не высовывая головы изъ-за бруствера редута, стрѣляли изо рва на воздухъ. Только когда первая эмоція прошла и удалось положить къ сторонѣ наступавшаго противника густую цѣпь, стрѣльба сдѣлалась толковѣе, а слѣдомъ за этимъ и непріятель долженъ былъ отступить.

Выбивъ турокъ изъ траншей и перебивъ часть ихъ, мы, ободренные успѣхомъ, но уже уменьшившіеся въ числѣ, бросились на редутъ. На этотъ разъ мы были отбиты, отступили и были преслѣдуемы турками по пятамъ. При этомъ только незначительная часть нашихъ солдатъ, отступая, отстрѣливалась, да и то почти не останавливаясь для выстрѣла. Изъ сотни вернулось 20—30 человѣкъ.

Перейдемъ теперь къ другому фактору войны, именно къ подготовкѣ турками поля сраженія въ фортификаціонномъ отношеніи.

Турки, занимая позицію, тотчасъ же усиливаютъ ее ложементами для стрѣлковъ. Затѣмъ, если ихъ оставляютъ въ покоѣ, ложементы углубляются, устраиваются помѣщенія для орудій, наконецъ, возводятся сильной профили открытыя и сомкнутыя укрѣпленія. Если время позволяетъ, то, затѣмъ, устраиваются траверзы (противъ тыльнаго обстрѣливанія) и вмѣсто одной линіи траншей устраиваютъ, если мѣстность позволяетъ, нѣсколько линій. При этомъ турки расширяютъ свою позицію, занимая сосѣднія командующія высоты.

Видѣнные нами турецкіе укрѣпленные лагери подъ Ловчей и при Плевнѣ показываютъ, что земляныя работы въ этихъ лагеряхъ не прекращались ни на минуту. въ Ловчѣ, когда укрѣпленіе позиціи было окончено, турки надѣлали нѣсколько прекрасныхъ погребовъ и, наконецъ, приступили къ послѣднимъ работамъ: къ устройству блиндированныхъ помѣщеній для своихъ войскъ. Эту послѣднюю работу мы имъ не дали окончить.

Въ турецкихъ траншеяхъ заботливость объ удобствахъ для солдатъ заслуживаетъ вниманія. По внутренней крутости траншей вырыты углубленія, въ которыя ставится для сражающихся вода, а иногда медъ и сухари. Патроны частью кладутся въ эти ямки, частью ставятся по дну траншеи въ ящикахъ.

Турецкія укрѣпленія, взятыя нами на Шипкѣ, Ловчѣ и Плевнѣ не только солидны по своимъ размѣрамъ, но и изящны по наружному виду.

Расположеніе укрѣпленій не заставляетъ желать ничего лучшаго.

Несомнѣнно, что очень опытные и даровитые инженеры работали при укрѣпленіи позицій подъ Ловчею и Плевною.

Работая, когда нужда заставляетъ и сами, турки предпочитаютъ сгонять для земляныхъ работъ болгаровъ. Трудъ этихъ послѣднихъ иногда оплачивается.

Даже успѣхъ не заставляетъ турокъ складывать руки.

1-го сентября, на другой день по оставленіи генераломъ Скобелевымъ взятыхъ имъ редутовъ (послѣ геройской защиты ихъ въ продолженіи двадцати-четырехъ часовъ), турки уже копошились, исправляя поврежденія и разрушая наши ложементы. Мало того, съ нашей аванпостной цѣпи, далеко выдвинутой впередъ, ясно было видно, какъ разбивались новыя линіи траншей и какъ шеренга рабочихъ приступала дружно къ работѣ.

Генералъ Скобелевъ, наблюдавшій со своимъ штабомъ за этими работами, раздосадованный упорствомъ турокъ, приказалъ подвести съ артиллерійской позиціи къ линіи аванпостовъ одно орудіе, незамѣтно накатить его руками впередъ и дать нѣсколько выстрѣловъ картечными гранатами по рабочимъ. Непріятель отвѣтилъ намъ съ своей стороны нѣсколькими гранатами, но рабочіе его побѣжали, не смотря на стараніе остановить ихъ.

Наши средства для подготовки поля сраженія въ фортификаціонномъ отношеніи, которыми мы до сихъ поръ располагали, противъ хорошо прикрытаго противника, оказались недостаточными.

Въ отрядахъ генераловъ Скобелева и Имеретинскаго, составлявшихъ силу свыше двадцати баталіоновъ пѣхоты, находилась только одна саперная команда изъ сорока человѣкъ при унтеръ-офицерѣ.

Между тѣмъ, отрядамъ этихъ генераловъ надлежало взять сильно укрѣпленный непріятельскій лагерь подъ городомъ Ловчею и, затѣмъ, дѣйствовать подъ Плевной, на самое чувствительное мѣсто расположенія противника—на его правый флангъ, отъ котораго отходитъ путь отступленія къ Софіи.

Шанцевый инструментъ, содержимый при частяхъ, составляетъ на роту въ двѣсти человѣкъ: десять лопатъ, двадцать-четыре топора, три кирки и три мотыги. Количество лопатъ весьма недостаточное, если при-

знать за необходимое рыться въ землѣ на каждой позиціи, какъ это дѣлаетъ нашъ противникъ.

Для ускоренія работъ по укрѣпленію позиціи приходится собирать инструментъ цѣлаго полка въ одну роту или даже давать ротамъ одного полка шанцевый инструментъ изъ другаго.

Посмотримъ, какія неудобства подобнаго порядка выказались на практикѣ.

Подъ Ловчею одинъ баталіонъ Казанскаго полка, занявъ высоту передъ непріятельскою позиціею, долженъ былъ укрѣпиться на ней. Для ускоренія работъ въ этотъ баталіонъ былъ собранъ инструментъ всего полка и кромѣ того отъ баталіона Шуйскаго полка. Въ тотъ же день для устройства двадцати четырехъ орудійной батареи были назначены двѣ роты Ревельскаго полка, въ которыя былъ собранъ инструментъ со всего полка. На другой день, при штурмѣ ловчинскихъ укрѣпленій, два баталіона Казанскаго полка, баталіонъ Шуйскаго полка и Ревельскій полкъ шли въ бой безъ шанцеваго инструмента, ссылаясь, что онъ у нихъ былъ отобранъ. Бой кончился удачно; войскамъ не пришлось окапываться и инструментъ, хотя съ трудомъ, но былъ отысканъ на нашей первой позиціи и снова розданъ на руки. Часть инструмента уже послѣ этой первой работы оказалась изломанною и утерянною.

27-го августа баталіону Эстляндскаго полка было приказано занять деревню Брестовецъ и укрѣпить ее. Для выполненія послѣдняго приказанія въ баталіонъ, занимавшій деревню Брестовецъ, былъ собранъ шанцевый инструментъ со всего полка.

Вечеромъ, 27-го августа, двумъ баталіонамъ эстляндцевъ пришлось занять позиціи на нашемъ правомъ флангѣ въ виноградникахъ. Надо было укрѣпиться, а инструментъ находился въ деревнѣ Брестовецъ; его собрали и доставили на позицію только за два часа до разсвѣта. Къ счастію, на позиціи эстлянцевъ уже были почти готовы траншеи — широкія ирригаціонныя канавы.

29-го августа Владимірскому полку пришлось занять позицію вмѣстѣ съ Эстляндскимъ полкомъ на второмъ гребнѣ «Зеленой горы». Количество инструмента въ обоихъ полкахъ было недостаточно на столько, что пришлось собрать инструментъ для укрѣпленія позиціи съ полковъ Ревельскаго и Суздальскаго. На этотъ разъ по опыту, бывшему подъ Ловчею, уже не передавали просто инструментъ этихъ полковъ въ руки эсляндцевъ и владимірцевъ, а назначили отъ Ревельскаго и Суздальскаго полковъ особыя команды, которыя должны были, окончивъ работу, возвратить инструментъ въ свои части.

---

*

Намъ приходилось видѣть позиціи большею частію укрѣпленныя войсками въ ночь. Утромъ, обходя эти позиціи, вы видите длинныя линіи ложементовъ съ лежащими въ нихъ солдатами съ ружьями, положенными на насыпь. Взглядываясь пристально въ эти ложементы, вы найдете, что сообразно заботливости отдѣльныхъ начальниковъ — ложементы болѣе или менѣе хорошо вырыты, мало того, сообразно характеру каждаго солдата—они въ отдѣльности прикрыты лучше или хуже.

Если позиція укрѣпляется въ ночь, на скорою руку, и на другой день нѣтъ атаки, рѣдкій изъ частныхъ начальниковъ будетъ продолжать работы по усиленію своихъ ложементовъ или, въ особенности, по устройству эспланады. Обыкновенно для этого требуется приказаніе главнаго начальника.

30-го августа полки: Владимірскій, Суздальскій, Эстляндскій и третья стрѣлковая бригада занимали для подготовленія атаки на редуты, третій, послѣдній гребень «Зеленыхъ горъ», и вели съ восьми часовъ утра до трехъ часовъ пополудни жестокій стрѣлковый бой, стоившій намъ большихъ потерь. Занявъ гребень, войска были остановлены, въ ожиданіи условленныхъ для начала общаго штурма трехъ часовъ пополудни. Въ этотъ періодъ боя резервъ владимірцевъ и суздальцевъ имѣлъ при себѣ только остатки шанцеваго инструмента, при помощи котораго имъ надо было приготовить для себя ложементы. Солдаты рыли тесаками и крышками отъ манерокъ и выгребали землю руками.

Въ три часа пополудни, для атаки непріятельскихъ редутовъ, были двинуты генераломъ Скобелевымъ, въ первой линіи: полки Владимірскій и Суздальскій, 9-й и 10-й стрѣлковые баталіоны; во второй линіи: полкъ Ревельскій, 11-й и 12 й стрѣлковые баталіоны и, наконецъ, для довершенія удара, полкъ Либавскій. Лично генералу пришлось встать въ головѣ войскъ. Непріятель не выдержалъ и редуты были нами взяты. Надо было, не медля ни минуты, приступить къ усиленію ихъ съ лѣваго фланга и къ приспособленію непріятельскихъ траншей, но увы! кромѣ нѣсколькихъ лопатъ и топоровъ — войска, достигшія редутовъ, не имѣли шанцеваго инструмента. А нужда прикрыться отъ непріятеля, сыпавшаго пули съ трехъ сторонъ и фланкировавшаго насъ изъ своихъ орудій, съ обоихъ фланговъ — была большая. Нужда эта сознавалась самими солдатами. Наши храбрецы рыли, или вѣрнѣе, ковыряли твердую землю штыками, нѣсколькими тесаками, скоблили манерками, выгребали руками, только чтобы какъ нибудь прикрыться. Хворостъ изъ разобранныхъ непріятельскихъ шалашей, дернъ, а въ редутѣ, ближайшемъ къ г. Плевнѣ, даже трупы враговъ и товарищей—все было пущено въ ходъ, чтобы образовать бруствeръ.

Наступившая ночь принесла нѣкоторое облегченіе, но инструмента не было и къ утру 31-го августа, отбитыя нами съ такими жертвами непріятельскія позиціи были почти также плохо усилены нами, какъ и въ моментъ ихъ занятія.

Несмотря на это, взявшіе позиціи солдаты геройски отбили пять ожесточенныхъ атакъ непріятеля, стянувшаго всѣ свои резервы противъ отряда генера Скобелева и уступили редуты только послѣ двадцати четырехъ часовой борьбы, потерявъ въ большей части полковъ двѣ трети своего состава.

При большихъ потеряхъ въ выдержанныхъ нами сраженіяхъ, ружья большей части раненыхъ и убитыхъ остаются неподобранными. Въ лучшемъ случаѣ часть этихъ ружей, пролежавъ нѣсколько дней на землѣ и заржавѣвши, подбирается, въ худшемъ—они оставляются на полѣ сраженія или достаются въ руки непріятеля.

Санитары, подбирая раненыхъ, не берутъ ихъ ружей, ибо ружье, положенное на носилки рядомъ съ раненымъ, безпокоитъ послѣдняго.

Слѣдовало бы подумать о прибавленіи къ носилкамъ особыхъ скобъ, на которыя можно бы было укладывать ружье, не безпокоя раненыхъ, и затѣмъ обязать санитаровъ доставлять на перевязочный пунктъ вмѣстѣ съ раненымъ и его ружье.

На перевязочныхъ пунктахъ слѣдовало бы назначать артиллерійскихъ чиновниковъ при небольшихъ командахъ, на обязанности которыхъ должно лежать принятіе отъ санитаровъ оружія и дальнѣйшая перевозка его.

А. Куропаткинъ.

Воспоминанія и впечатлѣнія Артиллериста.

Въ походѣ.

ъ апрѣлѣ (4-го) объявлена мобилизація четвертаго корпуса, въ составъ котораго вошла наша дивизія. Мы получили эту новость во время нашего общаго обѣда и такъ ей обрадовались, что никому на умъ не шла ѣда. На другой день чуть ли не всѣ наличные офицеры разъѣхались за лошадьми и къ концу мѣсяца наша часть уже выступила въ походъ. По болѣзни я долженъ былъ остаться въ одномъ изъ госпиталей и поѣхалъ на театръ войны только въ первыхъ числахъ августа. 2-го я выѣхалъ изъ Кишинева въ компаніи нѣсколькихъ офицеровъ, ѣхавшихъ изъ варшавскаго округа, для пополненія убыли въ дѣйствующихъ полкахъ. Въ Унгенахъ и Яссахъ мы пересаживались и выправляли бумаги, причемъ вещи наши находились подъ присмотромъ солдатъ желѣзно-дорожныхъ баталіоновъ. Положеніе мое было довольно затруднительно: во 1-хъ, я не зналъ, гдѣ находится моя часть, такъ какъ расположеніе войскъ держалось въ секретѣ, не зналъ скоро ли мнѣ удастся ее отыскать, во 2-хъ, у меня было очень мало денегъ, я не получалъ жалованья за два мѣсяца. Въ Кишиневѣ я просилъ у воинскаго начальника заимообразно денегъ на дорогу, но онъ мнѣ отказалъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что ему не было ассигновано на этотъ случай никакихъ суммъ. Судьба выручила меня изъ этого непріятнаго положенія: на другой день, рано утромъ, подъѣзжая къ станціи Бузео, я выглянулъ въ окошко и что же увидѣлъ къ моей великой радости: на станціи стоялъ

воинскій поѣздъ и у солдатъ на погонахъ была цифра 16; мнѣ стало быть не приходилось отыскивать по Болгаріи свою дивизію, я уже нашелъ часть ея безъ всякихъ хлопотъ. Какъ только остановился поѣздъ, я сейчасъ же выскочилъ изъ вагона, чтобы разузнать у солдатъ, какимъ образомъ они здѣсь очутились вмѣсто того, чтобы быть въ Болгаріи. Оказалось, что Владимірскій полкъ и 1-я батарея 16-й артиллерійской бригады были отдѣлены на устья Дуная для воспрепятствованія высадкѣ турокъ съ моря.

— Когда будетъ здѣсь артиллерія?

— Да, съ нами въ поѣздѣ есть одинъ взводъ подъ командой поручика Ф.

Я отправился выручать вещи съ пассажирскаго поѣзда; съ большимъ трудомъ, вслѣдствіе плохаго знанія французскаго языка, мнѣ удалось объяснить начальнику станціи, что я желалъ бы получить багажъ. Только что я успѣлъ росписаться въ полученіи его, какъ поѣздъ свистнулъ и тронулся, мнѣ еще оставалось взять вещи изъ пассажирскаго вагона. Помнилось мнѣ, что наканунѣ, вечеромъ, нашъ вагонъ былъ послѣднимъ и я бросился къ концу поѣзда: вхожу въ вагонъ и вижу, что не туда попалъ. Можетъ быть я ошибся, подумалъ я, не первый ли мой вагонъ. А поѣздъ начинаетъ ускорять ходъ; я какъ сумасшедшій выскакиваю на платформу, бѣгу въ догонку перваго вагона, на самомъ концѣ платформы впрыгиваю въ него, осматриваюсь,—вещи мои тутъ, взглянулъ въ окошко, поѣздъ идетъ ужъ шибко, на нѣсколько секундъ я растерялся: почти все мое имущество осталось на станціи, а я уѣхалъ. Мои товарищи по путешествію, увидя меня столь растеряннымъ, спросили, что случилось; я разсказалъ въ нѣсколькихъ словахъ. Вы еще успѣете спрыгнуть, а вещи мы выбросимъ въ окошко. Я вышелъ на подножку и нѣсколько мгновеній простоялъ въ нерѣшимости, — прыгать или нѣтъ; поѣздъ шелъ быстро, отъ станціи отъѣхали уже съ версту. Мои сомнѣнія были разрѣшены вылетѣвшими въ окно вагона вещами, тутъ я рѣшился: сильно оттолкнувшись прыгнулъ впередъ, но едва коснулся ногами земли, какъ сейчасъ же полетѣлъ въ канаву, поросшую какой-то колючей травой; изцарапалъ себѣ руки, выпачкалъ платье, а все-таки исходомъ скачка остался доволенъ,—могло быть хуже. Подобравъ вещи я отправился на станцію, гдѣ сѣлъ на воинскій поѣздъ. Путешествіе наше до Фратешти ничѣмъ особеннымъ не отличалось, кромѣ развѣ того, что мы пробыли въ пути лишнія сутки; впрочемъ, это вещь такая обыкновенная и на нашихъ и на румынскихъ желѣзныхъ дорогахъ, что о ней не стоило и упоминать. По прибытіи на послѣднюю станцію, мы разгрузились и отправились отыскивать буфетъ. Послѣдній помѣщался сзади станціи, въ рогожной пристройкѣ, обстановка была самая незатѣйливая, но за то тамъ можно было достать русскій обѣдъ, довольно хорошо приготовленный и

притомъ не дорого, сравнительно съ другими станціями на румынской желѣзной дорогѣ.

Закусивши, мы сѣли на лошадей и отправились на бивуакъ. Проходящія войска обыкновенно располагались на горѣ, позади деревни Фратешти, верстахъ въ двухъ отъ станціи, откуда открывался обширный видъ: въ бинокль довольно ясно было видно Журжево, Рущукъ и множество бѣлыхъ палатокъ около этого города; въ долинѣ, изъ которой мы только что вышли, виднѣлись прежде всего деревня Фратешти, затѣмъ станція того же имени и вдали нѣсколько селеній, потонувшихъ въ островкахъ зелени. Намъ разбили маленькую палатку tent a brie и, когда стемнѣло, мы, напившись чаю улеглись спать. Настроеніе у насъ было какое-то свѣтлое и радостное, намъ впервые доводилось испытать наши силы на избранномъ нами поприщѣ; мы были недалеки отъ настоящаго дѣла и съ нетерпѣніемъ ждали его, потому что обученіе солдатъ въ мирное время, изъ года въ годъ, одному и тому же, намъ сильно надоѣло. Мы знали, что успѣхъ нашего общаго дѣла зависитъ отъ исполненія каждымъ изъ насъ своихъ обязанностей, чувствовали, что мы составляемъ звенья большой цѣпи и что чѣмъ лучше каждое звено, тѣмъ крѣпче и самая цѣпь, надѣялись свято исполнить свои обязанности, наконецъ, хотя мы и были далеко отъ своей родины и близкихъ къ намъ людей, мы чувствовали, что соединены съ ними крѣпче, чѣмъ когда-либо, мы знали, что ихъ взоры устремлены на насъ, что ихъ общее желаніе—желаніе намъ и нашему дѣлу успѣха; словомъ, мы сознавали себя дѣйствительными членами общества, вносящими и свою лепту труда въ его общую дѣятельность. Когда же я услышалъ хоровое пѣніе русскихъ народныхъ пѣсенъ, доносившееся снизу, изъ гостинницы, я не знаю, что со мною сдѣлалось; я пришелъ въ какое-то восторженное состояніе. Да! этого перваго вечера, проведеннаго мною въ палаткѣ, я долго незабуду.

На другой день, съ разсвѣтомъ, насъ поднялъ барабанъ; неторопясь мы встали, освѣжились умываньемъ холодной водой, напились чаю и сѣвши на лошадей послѣдовали за пѣхотой, уже выступившей съ бивуака. Осталось у меня въ памяти также это первое утро моей походной жизни: воздухъ былъ чистъ и свѣжъ, на востокѣ загорались первые лучи восходящаго солнца, мысли и чувства, которыми я былъ полонъ наканунѣ представились мнѣ еще съ большей ясностію, впереди ожидалось много новыхъ, неизвѣданныхъ ощущеній, дышалось такъ легко... Хорошее было это утро.

Днемъ жара стояла страшная, каждый колодезь, встрѣчавшійся на пути, вычерпывали до послѣдней капли, многимъ совсѣмъ не хватало воды, а послѣднимъ изъ пившихъ доставалась уже не вода, а почти грязь. Вода попадалась разнообразная, и прѣсная и соленая, и теплая, и холодная, не смотря на это, случаевъ заболѣванія не было, хотя люди

и были разгорячены ходьбой и жаромъ, потому что напившись, они немедленно пускались въ дальнѣйшій путь. Не разъ приходилось пожалѣть пѣхотнаго солдата, совершающаго по страшной жарѣ, по пыльной дорогѣ, съ тяжелымъ ранцемъ на спинѣ и ружьемъ на плечѣ, переходъ отъ двадцати пяти до тридцати верстъ. По дорогѣ солдаты обрывали виноградъ, арбузы и дыни, часто даже зеленые, чтобы освѣжить пересохшее горло, причемъ, конечно, сильно портили виноградники и бахчи, и хотя въ дружественной намъ Румыніи и не слѣдовало бы этого допускать, но жаль было остановить солдата, видя его усталость и изнеможеніе.

Трехдневный походъ до Зимницы былъ довольно однообразенъ и не интересенъ: кукуруза и виноградники не производили впечатлѣнія новизны, потому, что къ нимъ всѣ привыкли еще въ Бессарабіи, народъ, съ которымъ намъ приходилось сталкиваться, былъ очень похожъ на нашихъ бессарабскихъ молдаванъ, такой же угрюмый, несообщительный и недовѣрчивый, что очень не нравилось русскому солдату, у котораго душа на распашку. Вотъ прежде бы румынъ поколотить, слышалось между ними, а потомъ и за турокъ приняться.

Къ Зимницѣ мы пришли на третій день, около двѣнадцати часовъ. Городокъ видѣнъ со стороны нашего пути, версты за четыре, стоитъ онъ на обширной равнинѣ, за нимъ видѣнъ гористый, правый берегъ Дуная, но рѣки еще не видать. Меня чрезвычайно интересовало посмотрѣть Дунай, мостъ на немъ и мѣсто переправы, но какъ я не всматривался я ничего не видѣлъ, даже когда мы пришли на бивуакъ. Проходящія войска обыкновенно останавливаются съ восточной стороны Зимницы, не доходя верстъ двухъ до Дуная. Во время разлива вода подходитъ вплоть до бивуака, и послѣ того, какъ Дунай войдетъ въ свои берега, на пространствѣ отъ бивуака до рѣки остается много рукавовъ, наполненныхъ стоячей водою. Ко времени нашего прихода эта вода начала гнить и издавала непріятный запахъ, усиливавшійся вонью отъ разлагающихся костей, кусковъ мяса и разныхъ органическихъ остатковъ, находившихся на бивуакѣ.

Подъ вечеръ, отдохнувши, мы съ Ф. отправились къ Дунаю; мнѣ хотѣлось поскорѣй увидѣть эту историческую рѣку да кстати и выкупаться. Я думалъ, что Дунай произведетъ на меня такое же впечатлѣніе, какое производила Волга, каждый разъ какъ я ее видѣлъ, но ожиданія мои не исполнились. Впечатлѣніе, производимое Дунаемъ много умаляется вслѣдствіе того, что нужно перейти чрезъ нѣсколько рукавовъ, чтобы добраться до рѣки, да и самая рѣка въ этомъ мѣстѣ кажется не широкой, потому что два острова сильно скрадываютъ ея ширину; вода въ Дунаѣ мутная. Правый берегъ мнѣ далеко не показался такимъ живописнымъ и грандіознымъ, какъ Жигулевскія горы; у самой воды онъ представлялся обрывомъ въ нѣсколько саженъ вышиной и затѣмъ постепенно возвышаю-

щейся мѣстностью. Около главнаго моста образовался чуть не цѣлый городокъ изъ палатокъ, шалашей и тесовыхъ домиковъ; обитателями были матросы, понтонеры и инженеры. Мы спросили у одной кучки матросовъ, сидѣвшей у огня гдѣ тутъ лучшее мѣсто для купанья, намъ указали мѣсто выше моста. Несмотря на грязную воду, мы съ жадностію бросились купаться; къ концу нашего купанья взошла луна,—было время пуститься въ обратный путь. Поднимаясь на берегъ, въ Зимницу, мы услышали музыку и пошли на эти звуки, оказалось, что они раздаются изъ одного трактирчика на балконѣ котораго сидѣло за столами шумное общество, по преимуществу военное. Мы поднялись туда по узенькой лѣстницѣ и увидѣли нѣсколько знакомыхъ офицеровъ: они слушали разсказъ одного поручика, бывшаго въ дѣлѣ подъ Плевной 18-го іюля. Какихъ только страховъ онъ не разсказывалъ.

— Плевненскія укрѣпленія, говорилъ онъ, неприступны, ружья наши никуда не годятся въ сравненіи съ турецкими, артиллерія наша положительно не можетъ мѣряться съ турецкой, у насъ орудія все малаго калибра, а у нихъ есть двѣнадцати-дюймовыя, наши снаряды всѣ ложились въ нашей же цѣпи, даже однимъ изъ этихъ снарядовъ я былъ контуженъ,—вообще наша артиллерія 18-го почти не могла дѣйствовать и т. д.

Нѣкоторые призадумались: замѣтно было, что его рѣчи произвели на нихъ скверное впечатлѣніе. Поручикъ Ф. не выдержалъ, чтобы не отвѣтить на это вранье.

— Извините, я не вѣрю тому, что вы говорите, особенно относительно артиллеріи: въ Плевнѣ не могло быть двѣнадцати-дюймовыхъ орудій, потому что эти орудія составляютъ береговую артиллерію, относительно же того, что наши снаряды ложились въ нашей цѣпи, потому что дальше не могли лстѣть, то это вздоръ, одинъ, два снаряда могли попасть въ нашихъ, но это вслѣдствіе несчастнаго случая или вслѣдствіе ошибки наводчика, ни одинъ батарейный командиръ не продолжалъ бы стрѣльбу, видя, что снаряды ложатся между своими, если наша артиллерія почти бездѣйствовала, такъ это вѣроятно потому, что у насъ забыли, что атака пѣхоты, подготовляемая огнемъ артиллеріи и хотѣли взять Плевну на ура да и какимъ образомъ вы такъ скоро вылечили свою рану, что ѣдете уже назадъ въ полкъ? Вѣдь не прошло еще и двухъ недѣль. Разсказчикъ немного смѣшался, а тутъ еще подошелъ какой-то полковникъ и началъ довольно рѣзко порицать его за то, что онъ своими преувеличенными ужасами смущаетъ людей, отправляющихся можетъ быть на смерть. Разсказчикъ совсѣмъ стушевался.

Не разъ и до этого и послѣ этого мнѣ приводилось слышать разсказы о великолѣпныхъ качествахъ турецкаго оружія и о величайшей трудности вслѣдствіе этого, бороться съ ними, но это мнѣ кажется, просто

говорило въ людяхъ, распускавшихъ эти слухи, одно не хорошее чувство, которое я не хочу называть, чтобы они не обидѣлись а дальнѣйшія события показали, что причиной нашихъ неудачъ было вовсе не усовершенствованное турецкое оружіе, а нѣчто другое.

На другой день была назначена дневка, которая дала возможность солдатамъ отдохнуть и вымыть свое бѣлье; съ утра вся земля кругомъ бивуака была устлана сушившимися рубашками. Лежимъ мы въ палаткѣ смотримъ—солдаты все что-то таскаютъ въ торбахъ, одинъ изъ нихъ подходитъ къ намъ и предлагаетъ винограду.

— Гдѣ ты взялъ? спрашиваемъ мы.

— А тутъ есть недалеко большой виноградникъ десятинъ десять.

— Да вѣдь если тебя поймаютъ, такъ шею накостыляютъ.

— Никакъ нѣтъ ваше благородіе, за нимъ никто не присматриваетъ, тамъ даже скотина бродитъ.

— Гдѣ же хозяинъ этого виноградника?

Да тутъ попъ ихній былъ хозяинъ, только вотъ, когда наши стали переправляться, такъ онъ и зажегъ мельницу, чтобы извѣстить турокъ, его и сослали за это въ Сибирь.

Черезъ нѣсколько времени приноситъ винограду другой солдатъ, изъ евреевъ. Спрашиваемъ его кто былъ хозяинъ виноградника.

— Изъ насихъ, былъ отвѣтъ.

— Изъ какихъ изъ нашихъ?

— Русскій.

— Гдѣ же онъ теперь?

— Его въ землю зарыли наси солдаты, за то, цто онъ далъ знать туркамъ когда нацалась переправа.

Объ этомъ румынскомъ попѣ я читалъ что-то подобное въ газетахъ, но о подобной казни въ первый разъ слышалъ.

Подъ вечеръ завелись пѣсни, заиграла музыка, въ воздухѣ стоялъ гулъ отъ разговоровъ, постепенно стихавшій и наконецъ, совсѣмъ смолкнувшій, когда многоголосая толпа предалась успокоенію. Чрезъ день пришли остальныя части полка и батареи и мы уже разсчитывали двинуться дальше, какъ вдругъ была получена телеграмма изъ главнаго штаба, чтобы мы остались и ожидали дальнѣйшихъ распоряженій. Нечего дѣлать, приходилось остаться, хотя мнѣ и хотѣлось поскорѣй попасть въ свою батарею, тѣмъ болѣе, что тамъ у меня былъ братъ, поступившій вольно-опредѣляющимся послѣ объявленія мобилизаціи.

Прожили мы тутъ нѣсколько сутокъ, днемъ не знали куда дѣться отъ жары, по холодку отправлялись компаніей въ Зимницу, гдѣ коротали вечеръ и часть ночи. Разъ какъ-то я прихожу въ Зимницу, вхожу въ казино, смотрю тамъ же мой батарейный командиръ, подполковникъ Щ.

— Здравствуйте, какимъ образомъ вы здѣсь?

— Мнѣ дали командировку къ помощнику начальника осадной артиллеріи и я завтра ѣду въ батарею подъ Плевну; хотите довезу?

Я, конечно, не замедлилъ согласиться.

— Въ такомъ случаѣ пріѣзжайте завтра вечеромъ въ Систово, вотъ мой адресъ; ночью выѣдемъ.

Поговорили еще нѣсколько времени и разошлись. Когда я на другой день, отправляясь въ Систово, съѣхалъ на тотъ берегъ Дуная и взглянулъ на совершенно вертикальные обрывы въ нѣсколько саженъ вышиной, на которые должны были взбираться переправлявшіяся войска, то понялъ, что должны были чувствовать люди переправлявшіеся первыми. Систово описывать не буду, такъ какъ читатель вѣроятно уже имѣетъ понятіе о турецкомъ городѣ, скажу только, что съ большимъ трудомъ, съ помощью полиціи нашелъ квартиру подполковника Щ. Около часу ночи мы выѣхали, къ девяти часамъ утра были уже въ своей батареѣ.

Подъ Плевной.

Батарея наша, вмѣстѣ съ остальной бригадой и дивизіей, стояла въ то время около деревни Пелишатъ. Нечего и говорить, что мы съ братомъ очень обрадовались другъ другу; ему показался очень тяжелымъ походъ отъ Бендеръ до Бухареста, все это разстояніе было пройдено имъ пѣшкомъ, причемъ, одинъ изъ офицеровъ, попеченію котораго я поручилъ брата, требовалъ отъ него, чтобы онъ жилъ въ солдатской палаткѣ. Разсказывалъ мнѣ потомъ братъ, что за переходъ измучается, устанетъ, иногда и промокнетъ, залѣзетъ въ палатку, чтобы отдохнуть ночь, а тамъ кромѣ его лежитъ пять человѣкъ солдатъ, тутъ же развѣшаны онучи для просушки, ѣдятъ насѣкомыя,—онъ выйдетъ изъ палатки да и сидитъ на чистомъ воздухѣ; тяжелыя думы лѣзутъ въ голову и долго не можетъ заснуть, а завтра съ разсвѣтомъ опять въ походъ. Подъ конецъ въ немъ принялъ участіе одинъ мой товарищъ и предложилъ ему помѣщаться въ его палаткѣ. Съ моимъ пріѣздомъ брату, конечно, стало легче нести тяжелую солдатскую жизнь.

Начались взаимные разспросы и разсказы, мы обоюдно дѣлились впечатлѣніями, я разсказывалъ свои приключенія, они описывали походъ болгаръ и т. д. Описаніе отношеній къ намъ болгаръ меня очень интересовало, до войны я слышалъ и чуть ли даже не читалъ гдѣ-то, что въ болгарскихъ школахъ обязательно обученіе русскому языку, что болгары тяготѣютъ вообще ко всему русскому, наконецъ, изъ газетъ мнѣ было

извѣстно о встрѣчахъ устроенныхъ русскимъ въ Систовѣ и Тырновѣ а между тѣмъ, когда я былъ въ Систовѣ, то совсѣмъ не видѣлъ тамъ болгаръ и еслибы не движеніе по немъ военныхъ транспортовъ, городъ казался бы совсѣмъ вымершимъ. Одинъ только разъ на улицахъ было видно много болгаръ, это во время распространившагося слуха о приближеніи турокъ. На мои вопросы о болгарахъ я получилъ отъ товарищей самые разнообразные отвѣты: одинъ говорилъ, что это ужасныя канальи, хуже жидовъ, и что собственно изъ-за нихъ вовсе не стоило начинать войны; представитель другаго крайняго мнѣнія возражалъ, что напротивъ болгары ему чрезвычайно нравятся, что на насъ, русскихъ они смотрятъ какъ на братьевъ относятся къ намъ чрезвычайно дружелюбно, въ доказательство чего приводилъ фактъ, что братушки доставили болѣе десяти барановъ и нѣсколько куръ и гусей въ подарокъ батареѣ, когда послѣдняя была расположена въ Тученицѣ. А теперь понятно, продолжалъ онъ, что они отвѣчаютъ на всякій вопросъ «нема», наши же солдаты у нихъ все растащили и они только кое-что успѣли себѣ припрятать.

Мнѣ кажется, что ближе къ истинѣ первое мнѣніе: болгары какъ всякій народъ, долго находившійся въ рабствѣ, сдѣлались недовѣрчивы, корыстолюбивы и раболѣпны; прятали они отъ насъ не послѣднія крохи, а все что могли и потомъ продавали все это намъ же за дорогую цѣну, притомъ продовали только тогда, когда получали напередъ деньги. Но разъ было замѣчено, что братушки завладѣвали турецкимъ имуществомъ и продавали его намъ. Овладѣніе этимъ имуществомъ производится очень просто; болгаринъ переселяетъ часть своей семьи въ оставленный турецкій домъ, ставитъ на немъ мѣломъ крестъ и дѣлается собственникомъ всего оставшагося имущества. Нельзя также принимать фактъ подарка нѣсколькихъ барановъ и гусей, случившійся дѣйствительно не одинъ разъ, за доказательство расположенія къ намъ, это просто было желаніе задобрить сильнаго. Къ намъ они относятся конечно гораздо довѣрчивѣе и дружелюбнѣе чѣмъ къ туркамъ, но все-таки далеко не такъ, какъ многіе ожидали. Чтоже касается того мнѣнія, что изъ-за братушекъ, не стоило начинать войны, это такой вопросъ, на который могутъ быть даны самые разнообразные отвѣты, а потому предоставляю его рѣшить самому читателю.

Нѣсколько первыхъ дней моего пребыванія подъ Плевной прошли спокойно; ходили мы на дежурство, состоявшее въ томъ, что батареи, подъ прикрытіемъ пѣхоты, по очереди, охраняли наше расположеніе въ передовыхъ укрѣпленіяхъ.

18-го августа, вечеромъ, сидимъ мы собѣ спокойно по своимъ палаткамъ, ничего не ожидая, какъ вдругъ адъютантъ привозитъ приказаніе объаммуничивать лошадей: показались турки. Началась суетня—люди бѣгали, кричали, носились съ сбруей, укладывали свои вещи въ ранцы,

скатывали шинели, чрезъ нѣсколько времени объаммуниченные лошади стояли уже въ паркѣ, люди были тамъ же, только сзади еще копошились въ обозѣ, мы напрасно прождали около двухъ часовъ, въ насъ не оказалось нужды,—было небольшое кавалерійское дѣло.

На другой день, 19-го только что мы напились чаю, въ седьмомъ часу утра, на ближнемъ отъ насъ разстояніи слышимъ одинъ пушечный выстрѣлъ, другой, третій—командиръ батареи велѣлъ запрягать лошадей. Минутъ черезъ десять скачетъ адъютантъ и передаетъ приказаніе слѣдовать за Углицкимъ полкомъ, который уже тронулся. Сначала мы шли небольшой лощинкой по направленію отъ деревни Пелишатъ къ деревнѣ Огаливицѣ, затѣмъ, повернули налѣво къ деревнѣ Радишево. Издали доносились перекаты ружейной пальбы, мы подходили все ближе и ближе къ мѣсту дѣйствія, становилось какъ-то жутко, вдругъ раздается въ воздухѣ, повидимому, приближающійся къ намъ сильный свистъ.

— Что это такое?...

Трррахъ! падаетъ граната въ середину густой кучки музыкантовъ Углицкаго полка, шедшей впереди батареи. Два, три человѣка съ турецкими барабанами падаютъ. «Вотъ первыя жертвы на моихъ глазахъ, подумалъ я, много еще мнѣ придется ихъ увидѣть», но къ моему удивленію они встали и пошли дальше; вѣроятно они просто шарахнулись отъ гранаты и, потерявъ равновѣсіе, упали. Граната, никого не задѣвъ, зарылась въ землю и не разорвалась. Этотъ случай насъ нѣсколько ободрилъ, ибо показалъ, что турецкія гранаты не такъ опасны, какъ мы себѣ это прежде представляли.

Кстати сказать, меня еще раньше занималъ вопросъ: какъ я отнесусь къ опасности и сохраню-ли въ дѣлѣ хладнокровіе, необходимое артиллеристу; сегодня мнѣ представлялся случай рѣшить этотъ вопросъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ, мы вышли на какое-то незасѣянное поле, съ котораго Углицкій полкъ разошелся по разнымъ направленіямъ, оставивъ намъ прикрытіе.

Намъ видны были вдали фигуры какихъ-то людей, но гдѣ наши, гдѣ непріятель—мы положительно не могли опредѣлить. Тутъ мы остановились, чтобы осмотрѣться, да намъ и нельзя было двигаться дальше, такъ какъ мѣсто впереди насъ было занято перестраивавшимися въ боевой порядокъ войсками.

Мы, офицеры, собрались всѣ вмѣстѣ; пропѣла первая пуля, за ней другая, третья и пошли жужжать на разные голоса, щелкать по землѣ, впиваться въ близъ стоящее дерево, словомъ, пошла музыка, производящая непріятное впечатлѣніе; я думалъ: «однако скверно, чортъ возьми, стоять подъ пулями, того и гляди влетитъ какая-нибудь». Той пули, которая пропѣла, я не боялся, а вотъ мнѣ страшны были тѣ, которыя

рикошетировали по землѣ, поднимая пыль впереди меня, тѣхъ я могъ еще ждать въ гости.

Разсказывали мнѣ, что одинъ доброволецъ, въ Сербіи, крутилъ подъ пулями папиросы, что тоже самое пробовали дѣлать и другіе, но не могли—очень дрожали руки. Вздумалъ и я сдѣлать этотъ опытъ: ничего, скрутилъ, хотя и было маленькое дрожаніе съ непривычки; смотрю — другіе тоже свертѣли себѣ по папироскѣ. «Э! да значитъ въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго, подумалъ я, чтожъ мнѣ разсказывали объ этомъ добровольцѣ какъ о чудѣ».

— Ваше высокоблагородіе! раздалось въ одномъ орудіи, пуля ящикъ пробила.

Многіе бросились посмотрѣть, какъ это пуля пробила ящикъ, что значитъ новизна-то!

— Батарея впередъ, равненіе направо, шагомъ мар-р-р-шъ! раздалась команда батарейнаго командира.

Мѣсто передъ нами было свободно, и мы двинулись. Отошедши нѣсколько сотъ сажень отъ поля, мы поднялись на небольшую горку и очутились на мѣстѣ битвы. Передъ нами, параллельно нашему расположенію, тянулась длинная возвышенность, командовавшая нашими позиціями, эту возвышенность занимали турки. Съ нашей стороны были въ дѣлѣ: на правомъ флангѣ двѣ батареи 30-й артиллерійской бригады и два баталіона 30-й дивизіи, въ центрѣ двѣ батареи 16-й бригады и Суздальскій полкъ; на лѣвомъ флангѣ двѣ батареи той же бригады и Углицкій полкъ, кромѣ этихъ частей была въ дѣлѣ еще кавалерія съ конной артиллеріей. Остальныя части 16-й и 30-й дивизіи были въ резервѣ, въ Порадимѣ, тамъ же находились и наши обозы. Баронъ Криднеръ былъ посланъ въ обходъ, но этотъ обходъ неудался. Начальникамъ отдѣльныхъ частей было отдано приказаніе, еще дня за два, не держаться до послѣдней крайности въ случаѣ дѣла, а отступать къ д. Порадиму, гдѣ позиціи были лучше и гдѣ насъ могъ поддерживать резервъ. Позиція наша имѣла протяженіе двухъ — трехъ верстъ.

Весь гребень длинной возвышенности былъ усѣянъ турками, часть ихъ спустилась внизъ и завязала перестрѣлку съ суздальцами и угличанами. Мы направляли выстрѣлы нашихъ орудій въ мѣста наибольшаго скопленія турокъ; тутъ насъ не очень донимали пули и кажется были ранены только двѣ лошади и два или три солдата. Уже съ полчаса прошло, какъ мы открыли огонь, а особенно хорошихъ результатовъ не замѣчали, какъ вдругъ сзади насъ раздались крики ѣздовыхъ, сидѣвшихъ на лошадяхъ:

— Ваше благородіе! вонъ, кажется, турецкая артиллерія выѣзжаетъ, что-то больно много лошадей, есть и пѣніе людей.

Сейчасъ же взяли прицѣлъ 1,100 саженъ и пустили снарядъ. Въ бинокль было видно, что лошадь одного всадника поднялась на дыбы и затѣмъ рухнулась на земь; пыль, поднятая снарядомъ, закрыла часть турецкой батареи; прицѣлъ, значитъ, былъ взятъ сразу удачно. Пустили еще нѣсколько снарядовъ — батарея начала скрываться за гребнемъ.

— О-го-го! уходятъ, уходятъ, не понравилось видно, эхъ еще бы въ догонку пустить, кричатъ ѣздовые.

Минутъ черезъ пятнадцать эта же самая батарея показывается въ другомъ мѣстѣ; нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ заставляютъ ее снова удалиться, чрезъ короткое время она выѣзжаетъ въ третій разъ, въ тоже время у насъ на батареѣ показывается начальникъ корпусной артиллеріи.

— Господа! вамъ плохо видно паденіе снарядовъ, а вы слишкомъ часто стрѣляете, только даромъ тратите снаряды.

Бухъ, бухъ, бухъ, раздаются какъ бы въ отвѣтъ три выстрѣла, почти залпомъ, съ другаго фланга батареи. Паденіе снарядовъ было видно очень хорошо: они легли между лошадьми.

— Видите, ваше превосходительство! замѣтилъ одинъ молодой офицеръ.

— Да, хорошо; продолжайте.

Генералъ уѣхалъ.

— Посмотрите, батареи лѣваго фланга отступаютъ, сказалъ кто-то.

Смотримъ — дѣйствительно двѣ батареи уже идутъ назадъ; третья, стоящая почти рядомъ съ нами, беретъ на задки и тоже отступаетъ, отступили и мы. Непріятно было это отступленіе: въ догонку намъ свистятъ пули, позиціи, къ которымъ мы направлялись, были гораздо хуже оставленныхъ нами, да вдобавокъ мы и не видѣли цѣли отступленія, хотя намъ и было приказано не держаться до послѣдней крайности, но эта крайность вовсе еще не наступила, а напротивъ, дѣла наши шли повидимому порядочно.

Отступили мы съ версту или больше, и остановились. Стоимъ съ полчаса въ бездѣйствіи, а въ центрѣ суздальцы продолжаютъ стрѣльбу, и по звуку выстрѣловъ слышно, что они занимаютъ свои прежнія позиціи. Правофланговыя батареи 30-й бригады также стрѣляютъ, а мы стоимъ въ бездѣйствіи.

Досадно, да и непріятно: гораздо лучше находиться въ пылу битвы, чѣмъ въ неизвѣстности, сзади, въ ожиданіи, что вотъ сейчасъ начнется общее отступленіе, очень легко могущее перейдти, при энергическомъ преслѣдованіи, въ бѣгство. Но, слава Богу, конецъ этому тягостному положенъ начальникомъ 16-й дивизіи генераломъ Померанцевымъ, приславшимъ съ казакомъ приказъ снова перейдти въ наступленіе.

На этотъ разъ, мы подъѣхали къ турецкой горѣ саженъ на триста ближе и были осыпаны градомъ пуль. Шаговъ на тысячу впереди насъ

были видны ружейные дымки, но мы, не думая, что непріятель такъ близко къ намъ, приняли этихъ стрѣлковъ за нашу цѣпь и искали глазами турецкую, пока кто-то не объявилъ, приглядѣвшись пристальнѣе къ направленію дымковъ, въ моментъ выстрѣла, что отсюда-то и стрѣляютъ по нашей батареѣ. Сейчасъ же была открыта стрѣльба шрапнелью, но не сразу намъ удалось пристрѣляться; человѣкъ знакомый съ этимъ дѣломъ согласится, что пристрѣлка картечными гранатами по ружейнымъ дымкамъ чрезвычайно трудна, людей же совсѣмъ не было видно, они лежали за прикрытіями. Наконецъ, мы замѣтили, что наши снаряды оказываютъ надлежащее дѣйствіе: турки начали отступать, сначала медленно, а потомъ просто побѣжали, мы провожали ихъ выстрѣлами, постепенно увеличивая дистанцію.

Во время этого поединка съ турецкой цѣпью, я, занятый стрѣльбой, не замѣчалъ неумолкавшаго ни на секунду свиста пуль, и только тогда понялъ, въ какомъ огнѣ мы находились, когда турки начали отступать и пули летѣли мимо насъ уже не такъ часто, такъ что было слышно пѣніе каждой отдѣльной пули.

Пока мы выбивали стрѣлковъ, я не знаю, что происходило на флангахъ, когда же стрѣлки удалились и мы могли осмотрѣться, то увидѣли, что оконечности оставленной турками длинной возвышенности уже заняты нашей пѣхотой.

День былъ очень жаркій, горла у всѣхъ пересохли до горечи и очень кстати былъ боченокъ воды, подвезенный въ это время къ батареѣ, всѣ люди получили по стаканчику и батарея двинулась дальше. Со стороны непріятеля были слышны пушечные выстрѣлы, это артиллерія прикрывала отступленіе пѣхоты.

Пройдя версты три, мы подошли къ полосѣ земли, на которую безпрестанно падали турецкіе снаряды. Они очевидно стрѣляли на угадъ, потому что на этомъ мѣстѣ еще никого не было; намъ предстояло перейти эту полосу. Вотъ мы подходимъ ближе и ближе, снаряды падаютъ уже недалеко отъ насъ, я ѣхалъ рядомъ съ батарейнымъ командиромъ, вдругъ мы слышимъ около насъ гдѣ-то трескъ и затѣмъ сильнѣйшій вой на разные голоса. Мы инстинктивно пригнулись къ шеямъ лошадей и у меня промелькнуло въ головѣ сравненіе визга осколковъ снаряда съ ураганомъ, который все ломаетъ и коверкаетъ на своемъ пути, свиститъ и воетъ, и заставляетъ наклониться впередъ, чтобъ противустоять его напору; всѣ эти мысли формулировались у меня, тогда въ двухъ словахъ: «точно ураганъ». Нѣсколько мгновеній я находился подъ этимъ впечатлѣніемъ и когда встряхнулся, то увидѣлъ, что мы уже перешли опасное мѣсто: снаряды перелетали чрезъ головы и рвались за батареей. Батарея снялась съ передковъ и открыла огонь; рядомъ съ нами, въ одну линію, стояла остальная артиллерія.

Послѣ полутора-часовой перестрѣлки выстрѣлы съ обѣихъ сторонъ стали смолкать и, наконецъ, совсѣмъ прекратились; восьми часовой бой кончился. Турецкая артиллерія не причинила намъ никакого вреда: почти всѣ снаряды перелетали чрезъ батарею, очень многіе совсѣмъ не рвались, но за то они на первый разъ оказывали на насъ скверное моральное дѣйствіе: свистъ снаряда, быстро усиливающійся по мѣрѣ его приближенія, заставляетъ пережить нѣсколько непріятныхъ мгновеній.

Убѣдившись, что турки окончательно отступили, мы повернули назадъ, на старый бивуакъ. Веселое было возвращеніе! Это было наше первое удачное дѣло подъ Плевной послѣ двухъ пораженій; солдаты сѣли на орудія, слышался смѣхъ, разговоры, одинъ показывалъ прострѣленную шапку, другой нагайку, перебитую въ его рукахъ пулей и т. д. По возвращеніи на бивуакъ всѣ разбились на кучки и пошли нескончаемые разговоры, припоминали подробности боя, передавали впечатлѣнія, замѣчанія и проч.

— Какъ же это, братцы, слышалось между солдатами, шестая-то батарея потеряла орудіе?

— Да они, слышь ты, снимались съ позиціи, а въ одномъ-то орудіи лошади были перебиты, такъ они пока и оставили это орудіе. Только когда батарея отошла немножко назадъ, командиръ и послалъ туда четыре лошади и ихъ тоже убили; ну, вынули замокъ да и ушли, а орудіе пришлось бросить.

— А слышали, братцы, какъ турки шли на батарею 30-й бригады. Они одѣлись въ русскіе мундиры, снятые съ убитыхъ, впереди шелъ офицеръ, тоже въ нашей формѣ. Орудія зарядили на всякій случай картечью. Когда турки ужъ были близко, такъ офицеръ-то, который шелъ впереди и кричитъ: «не стрѣляйте, свои!» Только имъ не удалось обмануть: задніе-то ряды были въ красныхъ фескахъ, это увидѣли, да какъ жарнутъ по нимъ картечью, такъ только держись!

Разговоры долго продолжались въ томъ же тонѣ.

Въ одиннадцать часовъ вечера, мы ужъ собрались ложиться спать, но получено было приказаніе отправиться нашей батареѣ въ дежурную часть.

Долго я не могъ заснуть, придя на мѣсто; кругомъ раздавался вой собакъ, лакомившихся трупами, нервы мои были до того возбуждены, что нѣсколько разъ я принималъ шуршаніе сѣна, производимое лошадьми, за свистъ снарядовъ. На другой день я проснулся совершенно свѣжимъ и бодрымъ.

Не могу умолчать объ одной замѣчательной небрежности: батареи во время боя пополняютъ разстрѣлянные снаряды изъ летучихъ парковъ, которые должны находиться въ нѣсколькихъ верстахъ сзади; пустые ящики подъѣзжаютъ къ нимъ, наполняются и отправляются обратно къ

батареѣ; летучій паркъ, назначенный пополнять убыль снарядовъ 16-й артиллерійской бригады, находился въ день боя 19-го августа въ тридцати верстахъ отъ мѣста дѣйствія и люди посланные за снарядами ни отъ кого не могли узнать, гдѣ именно находится этотъ паркъ. Между прочимъ, мнѣ разсказывалъ братъ, посланный за снарядами отъ нашей батареи, слѣдующее: «Чтобы отыскать паркъ я двинулся къ каменному мосту у Булгарени, мѣсту послѣдняго привала войскъ, направляющихся подъ Плевну: тамъ же останавливался вѣроятно и паркъ. Я зналъ, что батарея осталась безъ снарядовъ, а потому рѣшился идти съ ящиками ночью, несмотря на утомленіе лошадей. Въ темнотѣ, мы заплутались и попали въ какую-то деревню, населенную, какъ потомъ оказалось, крымскими выходцами, татарами. Лошадей распрягли на краю деревни, дали имъ немного ячменя бывшаго съ собой, ѣздовые раздобылись въ деревнѣ сѣномъ, а я пошелъ разспросить о дорогѣ. Долго это мнѣ неудавалось, потому что къ кому не обратишься съ вопросомъ, всякій убѣгаетъ, наконецъ, я какъ-то поймалъ одного и первымъ дѣломъ вручилъ ему серебрянный рубль, чтобы доказать мои миролюбивыя намѣренія, татаринъ сдался и съ грѣхомъ пополамъ разсказалъ дорогу, сейчасъ же были запряжены лошади и съ разсвѣтомъ мы подошли къ мосту. Паркъ дѣйствительно былъ тутъ, но наканунѣ отправился дальше. Направленіе, по которому онъ пошелъ, мнѣ указали служащіе при телеграфной каретѣ, стоявшей въ этомъ мѣстѣ. Мы немедля отправились въ догонку и нашли паркъ въ нѣсколькихъ верстахъ. Такимъ образомъ, снаряды были привезены только на второй день къ вечеру, и эти два дня мы были совершенно безоружны.

22-го утромъ, была слышна отдаленная канонада, къ полудню сдѣлалось извѣстно, что это генералъ Скобелевъ беретъ Ловчу. Часа въ три пополудни всѣ батарейныя командиры 16-й и 30-й артиллерійскихъ бригадъ и нѣсколько офицеровъ, въ числѣ которыхъ былъ и я, отправились на рекогносцировку, подъ руководствомъ командира 16-й артиллерійской бригады генерала Боретти. Ничего особеннаго съ нами тутъ не случилось, воротились мы на бивуакъ когда уже совсѣмъ стемнѣло. Долгое время бродили, не будучи въ состояніи найти своей батареи: вотъ кажется она должна стоять въ этомъ мѣстѣ, подходимъ—не видно ни орудій, ни лошадей, ни палатокъ, кромѣ того, насъ поразила необычайная тишина, царившая на бивуакѣ.

— Гдѣ тутъ 5-я батарея? окликнули мы.

— Ушла, отвѣчалъ какой-то голосъ.

— Какъ ушла? куда ушла?

Подошелъ солдатъ и объяснилъ, что часовъ около шести вся дивизія была уведена по направленію къ Боготу. Мы отыскали мѣсто бывшей стоянки нашей батареи, оказалось, что тамъ ожидала запряженная

коляска батарейнаго командира, которая и привезла насъ къ батареѣ. Я за этотъ день такъ утомился, что всю дорогу спалъ и по пріѣздѣ на батарею, завернулся въ резиновый плащь, легъ прямо на землю и заснулъ какъ убитый. Холодъ поднялъ меня на другой день часовъ въ пять, вся батарея уже встала, сейчасъ должны поспѣть были щи. Я разбудилъ остальныхъ офицеровъ, мы преотлично закусили этими щами и выступили. Дорогой намъ сообщили, что турки, узнавъ о взятіи Ловчи, оставляютъ Плевну и что мы идемъ ихъ преслѣдовать. Слухъ этотъ оказался не вполнѣ вѣрнымъ изъ Плевны вышелъ только одинъ отрядъ, чтобы подать помощь войскамъ, выгнаннымъ изъ Ловчи, противъ этого-то отряда насъ и повелъ начальникъ штаба 4-го корпуса, полковнкъ Л., предупрежденный генераломъ Померанцевымъ, что это предпріятіе рискованное.

Движеніе было крайне утомительно, пѣхота пошла не обѣдавши, лошадей также не успѣли накормить, приходилось идти цѣликомъ, перебираться чрезъ канавы, двигаться густымъ кустарникомъ а при выѣздѣ на Ловчинское шоссе нужно было спустится съ крутой горы, градусовъ въ 45. По шоссе уже идти было легче, но наше измученное прикрытіе, шедшее по сторонамъ дорогѣ, въ кукурузѣ, постоянно отставало и вмѣсто того, чтобы освѣщать мѣстность передъ нами и по сторонамъ, плелось сзади. Къ двѣнадцати часамъ, не дѣлая ни одного привала, подошли мы къ спуску въ глубокую котловину, на противоположной сторонѣ которой расположена Ловча. Турки для насъ были еще не видны но находились уже близко. Изъ донесеній казацкихъ разъѣздовъ оказалось, что они сильнѣе насъ и притомъ занимаютъ хорошую позицію, обойти же ихъ было не возможно, вслѣдствіе густаго и большаго лѣса, прикрывавшаго ихъ тылъ. Такимъ образомъ, мы измученные, усталые и голодные, часовъ въ десять вечера вернулись въ Боготу, ничего не сдѣлавши.

Нѣсколько дней опять прошло тихо. Намъ было извѣстно по секрету, что надняхъ должны послѣдовать съ нашей стороны рѣшительныя дѣйствія противъ Плевны. Предположено было въ два дня разбить укрѣпленія артилеріей, а на третій взять Плевну штурмомъ. 25-го вечеромъ, часовъ въ шесть пришла диспозиція, по которой девяти-фунтовыя батареи должны были двинутся въ семь часовъ, вмѣстѣ съ 16-ю пѣх. дивизіей, въ теченіе ночи дойти до деревни Радишева и къ разсвѣту, занявъ позиціи на Радишевской горѣ и окопавшись открыть огонь, въ тоже время были посланы войска для устройства въ теченіе ночи, батареи для осадныхъ орудій. Наши легкія батареи должны были дождаться прихода изъ Порадима второй бригады 30-й дивизіи и вмѣстѣ съ ней идти къ Тученицѣ, гдѣ и остановиться на ночь.

Близится время къ семи часамъ, пѣхота, съ которой мы должны слѣдовать дальше, еще не показалась, а потому мы не очень торопились собираться. Подъѣзжаетъ офицеръ.

— Вы командуете легкой батареей? спрашиваетъ онъ подполковника Щ.

— Да, что вамъ угодно?

— Начальникъ дивизіи поручилъ мнѣ передать вамъ приказаніе двинуться вмѣстѣ съ Углицкимъ и Казанскимъ полками, потому что тѣ позиціи, которыя должны быть заняты девяти-фунтовыми батареями, укрѣпляются турками и ихъ придется взять сегодня ночью съ боя.

Офицеръ поѣхалъ дальше.

— Подпоручикъ К. съѣздите и разузнайте въ чемъ дѣло, вѣдь я въ диспозиціи получилъ приказаніе, отъ командира корпуса дожидаться 30-й дивизіи, чтобы не вышло какой-нибудь путаницы.

Оказалось, что никакихъ позицій турки не укрѣпляли, а просто мы должны были ожидать 30-й дивизіи не на бивуакѣ, а у Тученицѣ. Подошли мы къ Тученицѣ, когда было уже совсѣмъ темно, дорога запружена войсками, зарядными и патронными ящиками, телѣгами съ турами и мы принуждены были остановиться. Въ это время проѣзжаетъ мимо какой-то офицеръ.

— Артиллеріи и обозу приказано переправиться чрезъ оврагъ и отправиться дальше, говоритъ онъ мимоходомъ.

— Кто приказалъ? спросилъ батарейный командиръ?

— Не знаю.

— Да вамъ-то кто передалъ?

— Какой-то офицеръ Казанскаго полка.

— Ну ладно!

Вотъ наивный господинъ, сказалъ одинъ изъ насъ по отъѣздѣ офицера, что берется передавать подобные приказанія.

Дорога разчистилась, мы свернули на мостикъ, переброшенный чрезъ канаву, въ поле и остановились на ночлегъ. Развели въ сторонкѣ огонь, сварили въ котелкѣ чай и откупорили принесенные на подобный случай консервы. Между солдатами слышались разговоры о предстоящихъ дѣлахъ.

— А что, братцы, пожалуй мы съ Плевной нынче покончимъ, коли мы 19-го имъ не поддались, такъ теперь и подавно справимся, вѣдь тогда у насъ было только два полка съ половиной, а теперь наша и 30-я дивизія въ сборѣ, 9-й корпусъ здѣсь же, да еще кажется румынъ много прибыло.

— Не одни румыны, я слышалъ еще пришелъ какой-то корпусъ.

— А генералъ Скобелевъ то привелъ изъ Ловчи 2-ю и 3-ю дивизію.

— Ну, наша значитъ возьметъ! и т. д.

На другой день утро было холодное и мы проснулись далеко до восхода солнца. Съ нетерпѣніемъ ждали мы перваго залпа, а его все нѣтъ, время тянется мучительно долго, вотъ уже и солнце взошло, а ти-

шина все еще не прерывается грохотомъ орудій. Неужели наши заплутались въ темнотѣ? Неужели планъ, повидимому, такъ много обѣщавшій неисполнится? Но вотъ раздался давно ожидаемый залпъ.

Слава Богу, наконецъ-то! вырвалось у многихъ. До полудня 27-го, мы находились въ резервѣ, въ этотъ день насъ вызвали на позицію. На рысяхъ выѣхали мы на Радишевскую гору, лѣвѣе дѣвяти-фунт. батарей и не успѣли сняться съ передковъ, какъ были осыпаны снарядами. Семь турецкихъ редутовъ, оставивъ въ покоѣ другія батареи, почему-то обратили свой огонь исключительно на наши, не проходило нѣсколькихъ секундъ, чтобы не падала на батарею граната, иногда падало ихъ нѣсколько за разъ.

По временамъ мы были точно въ аду, въ воздухѣ стоялъ неумолкаемый свистъ снарядовъ, грохотъ орудій, визгъ осколковъ, трескъ лопающихся гранатъ насъ обсыпало землей, заволакивало дымомъ, а тутъ еще въ самомъ началѣ перестрѣлки былъ контуженъ батарейный командиръ и мнѣ пришлось принять начальство, то и дѣло мнѣ доносили, что убито столько-то лошадей, столько-то ѣздовыхъ, что въ одномъ орудіи не осталось прислуги, что заклинилось орудіе, что загорѣлся зарядный ящикъ и т. д. Первое время, пока я не освоился съ окружающей обстановкой, мнѣ казалось, что мы тутъ пропадемъ, къ концу перестрѣлки, мы такъ освоились съ своимъ положеніемъ, что угадывали по свисту снаряда къ намъ-ли онъ лѣтитъ и съ какого редута. Каждому редуту было дано свое особое названіе.

Особенно злилъ насъ ближайшій къ намъ «рыжій редутъ», онъ былъ вооруженъ кажется трехъ-дюймовыми дальнобойными орудіями. Только что показывался на редутѣ дымокъ; какъ сейчасъ же въ нашихъ ушахъ раздавался рѣзкій свистъ и падала граната. Намъ онъ показался опаснымъ сосѣдомъ и мы прежде всего открыли по немъ стрѣльбу штрапнелью. Скоро онъ замолчалъ, только одно орудіе еще огтрызалось и съ нимъ мы долго не могли ничего подѣлать, наконецъ, бросили его, такъ какъ замѣтили, что его маленькіе гранаты не причиняютъ намъ никакого вреда. Больше всего зла намъ наносили Кришинскіе редуты аттакованные 30-го августа генераломъ Скобелевымъ они были вооружены дальнобойными орудіями большаго калибра и брали намъ немножко во флангъ.

Побывавши въ такихъ передѣлкахъ, невольно начинаешъ вѣрить въ предчувствія, насъ въ батареѣ было шесть офицеровъ считая командира. изъ этихъ шести двое контужены, трое ранены, только меня ничто нетронуло и замѣчательно, что во мнѣ все время была какая-то увѣренность, что я останусъ цѣлъ, приходила конечно иногда мысль о смерти но сейчасъ-же и исчезала, тѣ—напротивъ, передъ тѣмъ какъ имъ быть ранеными, они высказывали величайшую неохоту идти въ дѣло. Особенно остался у меня въ памяти одинъ случай 30-го августа мы подвергались нѣ-

которое время ружейному огню. Прапорщикъ П. бывшій до того времени въ веселомъ настроеніи, вдругъ сдѣлался необыкновенно грустенъ, такъ что одинъ солдатъ даже спросилъ его, Ваше благородіе! отчего вы сдѣлались такой скучный? — Нѣтъ я вовсе нескучный, отвѣчалъ тотъ. Чрезъ полчаса у него уже сидѣла между костями въ ступнѣ пуля. Дорогой въ Россію онъ умеръ, говорятъ, отъ прикосновенія къ ранѣ зараженнымъ инструментомъ, послѣдствіемъ чего былъ антоновъ огонь. Во время перестрѣлки смотрю одинъ солдатъ кланяется каждой гранатѣ.

— Что-ты братецъ все кланяешься, вѣдь не впервый разъ слышишь!

— Да онъ, ваше благородіе, прошлый разъ не былъ такъ ему еще въ диковинку, отвѣчали мнѣ за него другіе.

Несетъ солдатъ боченокъ съ водой, осколокъ разбиваетъ его въ дребезги, не тронувъ человѣка.

— Эхъ чортъ! говоритъ, несшій боченокъ, смотря на его осколки и на пролившуюся воду, теперь не вочто и воды принести. Въ другой батареѣ былъ такой случай: батарея была расположена за землянымъ прикрытіемъ и какъ только слышался свистъ приближающагося снаряда, люди, незанятые заряжаніемъ или стрѣльбой, прятались въ ямки за брустверомъ. Какъ-то одна граната разорвалась на брустверѣ, около самой ямки, одинъ шутникъ щелкъ пальцами по козырьку кепи своего товарища тотъ встрепенулся—раздался общій хохотъ. И это тѣ молодые солдаты предъ кампаніей на которыхъ такъ мало надѣялись.

Непривычный видъ представляла наша батарея, возвращающаяся съ этой позиціи, въ орудіяхъ было по четыре лошади вмѣсто шести, во многихъ ящикахъ было только по двѣ крыши, передки были пробиты осколками, изъ орудія выхвачены куски металла, одинъ обгорѣвшій ящикъ былъ совсѣмъ безъ крышки, другой безъ одной оглобли, около нѣкоторыхъ орудій шло только по одному, по два человѣка прислуги. На слѣдующій день батарея выѣхала въ шести орудійномъ составѣ, потому что не хватало ни людей ни лошадей. Въ эту ночь мнѣ уже не чудился свистъ снарядовъ, какъ послѣ 19-го. Описывать остальные шесть дней, которые мы провели на этой позиціи я не буду, такъ какъ читателю они вѣроятно уже извѣстны изъ многихъ корреспонденцій.

Надежды наши на взятіе Плевны не оправдались, редуты разбиты не были, а всѣ поврежденія въ нихъ, произведенныя нашимъ огнемъ въ теченіе дня, исправлялись ночью, когда стрѣльба прекращалась за темнотой. Вотъ бы гдѣ примѣнить электрическое освѣщеніе. Атака 30-го августа окончилась неудачно, центръ нашъ пошелъ на штурмъ двумя часами ранѣе назначеннаго времени, вслѣдствіе галлюцинаціи одного полковника, очень храбраго и дѣльнаго господина, которому показалось, что на одну изъ нашихъ батарей идутъ въ атаку баши-бузуки. Все дѣло

было ведено не дружно, потому что командиръ полка, шедшаго въ атаку, неизвѣстно гдѣ находился.

Штурмъ былъ конечно отбитъ съ большимъ урономъ и хотя затѣмъ и были заняты Гривицкій и Кришинскіе редуты, но это не имѣло никакихъ хорошихъ результатовъ, такъ какъ на другой день турки напрягли всѣ усилія, чтобы отобрать ихъ назадъ и центръ ничего не сдѣлалъ для отвлеченія оттуда турецкихъ силъ, а также и генералу Скобелеву не была послана во время помощь: бригада 30-й дивизіи пришла туда уже вечеромъ, 31-го для того, чтобы видѣть отступленіе на половину уничтоженныхъ полковъ.

Стояли мы на Радишевской горѣ до 2-го сентября. Въ этотъ день рѣшено было оставить наши позиціи, такъ какъ непріятель могъ построить редутъ на Зеленыхъ горахъ и брать во флангъ всѣмъ нашимъ батареямъ, расположеннымъ по длинной Радишевской горѣ. Жаль было оставлять наши хорошіе позиціи только потому, что непріятель могъ построить редутъ, позиціи на которыхъ каждый изъ насъ глядѣлъ не разъ смерти въ лицо, гдѣ мы сжились съ опасностью. Бывало проснешься ночью, слышишь перестрѣлку нашей цѣпи, помѣщавшейся у подошвы горы, въ ста саженяхъ отъ батареи, съ турецкой повернешься на другой бокъ и заснешь еще крѣпче, въ полной увѣренности, что когда будетъ грозить дѣйствительная опасность, часовые, поставленные у орудій, успѣютъ десять разъ разбудить.

Мы знали, что стоитъ только оставить эту гору, турки выведутъ на нее свои траншеи; очень не хотѣлось отдавать имъ ни съ того, ни съ сего высоты, командовавшія надъ ихъ редутами. Но нечего дѣлать, пришлось отойти назадъ. Рѣшено было, на всякій случай, окопаться и ждать подкрѣпленій. И пошли у насъ опять хожденія на дежурство въ люнеты, чрезъ два дня въ третій, погода въ это время стояла дождливая и холодная, дождь шелъ по нѣскольку сутокъ подрядъ, солдатъ промокнетъ на дежурствѣ, воротится на бивуакъ и тутъ ему нѣтъ возможности обсушиться, другаго платья для перемѣны нѣтъ, такъ онъ и долженъ ходить въ мокромъ, пока не проглянетъ солнце и не высушитъ его.

Помнятся мнѣ эти длинные, туманные дни, проведенные въ бездѣйствіи, въ мокрой палаткѣ, общее наше желаніе тѣхъ дней, было поскорѣй вернуться домой, всѣ другія желанія отодвигались на задній планъ. Ничто такъ скверно не дѣйствуетъ на духъ войска, какъ подобное, долгое стоянье на одномъ мѣстѣ. Дежурства наши были нерѣдко совершенно безцѣльны: напримѣръ, наша батарея ходила въ такое мѣсто, гдѣ турки не могли появиться неожиданно, прямо передъ нами версты за три за четыре стоялъ кавалерійскій полкъ, правѣе насъ и также значительно впереди были построены люнетъ и батарея вооруженные 16-ю орудіями-несмотря на это мы цѣлые сутки не имѣли права отпречь лошадей, что

при тогдашней безкормицѣ очень изнуряло ихъ. Наша батарея обстрѣливала пространство не болѣе какъ въ триста-четыреста саженъ.

Всѣ эти укрѣпленія были возведены полковникомъ, нынѣ генераломъ Т. Какъ только Скобелевъ принялъ начальство надъ 16-й дивизіей и надъ обороной района ея расположенія, онъ осмотрѣлъ всѣ укрѣпленія, нѣкоторыя велѣлъ совсѣмъ бросить, въ нѣкоторыхъ оставилъ по одному взводу вмѣсто цѣлой батареи и въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ помѣстилъ по дивизіону.

Намъ стало легче.

3-го сентября я почувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, но сначала не обратилъ на это вниманія, нездоровье усилилось и чрезъ нѣсколько дней превратилось въ горячку. Дней десять пролежалъ въ палаткѣ, думалъ, что совсѣмъ поправился, поѣхалъ на дежурство и схватилъ лихорадку. Къ концу мѣсяца она стала ослабѣвать. Нашу батарею въ это время перевели въ Боготъ, тамъ у меня открылась дезинтерія. Я вижу дѣло плохо не сегодня, завтра батарею куда-нибудь двинутъ и мнѣ придется остаться одному, надо отправляться, пока не поздно, въ госпиталь.

По госпиталямъ.

Прежде всего я попалъ въ дивизіонный лазаретъ, расположенный въ то время около деревни Тученицы, пролежалъ я тамъ дня четыре и слышу, что меня хотятъ эвакуировать въ Систово. Я ужаснулся этого путешествія, притомъ состояніи здоровья, въ какомъ находился, но дивизіонный лазаретъ скоро долженъ былъ перемѣнить мѣсто, ожидалось сраженіе, а слѣдовательно, много раненыхъ (это было въ первыхъ числахъ октября), и хочешь не хочешь, а пришлось ѣхать.

Больше всего я боялся ѣхать ночью въ эту часть сутокъ, я наиболѣе страдалъ отъ своей болѣзни, но меня успокоили, объявивъ, что мы выѣдемъ въ одиннадцать часовъ и слѣдовательно, за-свѣтло успѣемъ прибыть въ Булгарени, но проходитъ двѣнадцать часовъ, часъ, два, три, и мы все еще не выѣхали, наконецъ, въ четвертомъ часу двинулись. Уже въ сумерки мы подъѣхали къ другому дивизіонному лазарету около деревни Сгалевицы, я чувствовалъ себя на столько дурно, что рѣшился остаться тутъ, остальные поѣхали въ Порадимъ, чтобы тамъ переночевать.

Сейчасъ же я послалъ служителя попросить ко мнѣ дежурнаго доктора; пришелъ докторъ Б., разспросилъ о болѣзни и назначилъ лекарство, я попросилъ краснаго вина,—сейчасъ же послали за виномъ. Къ

какимъ же хорошимъ людямъ попалъ я, думалось мнѣ при этомъ заботливомъ уходѣ, я живо поправлюсь и вернусь въ батарею. Но тяжело было мое разочарованіе, на другой день всю ночь я не спалъ, только дремалъ по нѣскольку минутъ, къ утру немного успокоился, жду доктора, а его все нѣтъ, да нѣтъ. Нѣсколько разъ посылалъ за нимъ служителя, наконецъ, послѣ обѣда явился уже другой докторъ, физіономія котораго мнѣ сразу не понравилась.

— Отчего ко мнѣ никто не заходитъ до сихъ поръ? Я очень боленъ и мнѣ необходимо леченіе.

— Да вы здѣсь все равно не вылечетесь, въ палаткѣ и сыро, и холодно, а ваша болѣзнь такого рода, что требуетъ сухаго и теплаго помѣщенія.

— Такъ вы отправьте меня дальше!

— Ужъ лучше оставайтесь здѣсь, а то пожалуй вы не выдержите переѣзда.

— Да сдѣлайте же, наконецъ, что-нибудь, чтобы попытаться меня вылечить. Какой докторъ будетъ меня пользовать?

— Видите-ли, такъ какъ у насъ больныхъ офицеровъ бываетъ очень мало, такъ мы и рѣшили, что ихъ будетъ навѣщать дежурный докторъ и, если хотите, я вамъ дамъ пожалуй порошки.

Меня взорвало.

— Мнѣ отъ васъ, пожалуй, ничего не нужно, мнѣ нѣтъ дѣла до того, что вы тамъ рѣшили; я въ правѣ требовать, чтобы меня здѣсь лечили, чтобы меня каждый день посѣщалъ одинъ и тотъ же докторъ, который бы слѣдилъ за ходомъ моей болѣзни, и я требую этого. Потрудитесь передать главному врачу мою просьбу: назначить на офицерскую палатку доктора.

Чрезъ нѣсколько времени заходитъ ко мнѣ вчерашній докторъ Б. и говоритъ, что я у него буду лечиться.

Не знаю, что подняло меня на ноги, — его ли лекарства или моя собственная натура, но только онъ оставилъ во мнѣ хорошую по себѣ память. Къ сожалѣнію, мнѣ разсказывали, что изъ всѣхъ докторовъ этого лазарета только два относятся какъ слѣдуетъ къ своимъ обязанностямъ, это доктора М. и Б., остальные просто какіе-то чиновники, неимѣющіе кажется другой цѣли, кромѣ полученія жалованья и совершенно пренебрегающіе своими обязанностями по отношенію къ людямъ, предоставленнымъ ихъ попеченію и ихъ заботамъ.

Не могу не упомянуть о суматохѣ, поднявшейся въ госпиталѣ при извѣстіи о томъ, что лазаретъ намѣревается посѣтить Государь Императоръ. Все примазывалось, приглаживалось; поверхъ грязныхъ наволочекъ надѣвались чистыя и т. д.; вся эта суматоха вела къ тому, чтобы лазаретъ показался, при бѣгломъ осмотрѣ, содержимымъ въ порядкѣ.

Прошло часа два, Государь проѣхалъ мимо, чистые наволочки были спрятаны и лазаретъ принялъ свой обыкновенный будничный видъ.

Пріѣзжала туда и коммиссія изъ Петербурга. Приготовленія къ встрѣчѣ ея начались за нѣсколько дней, но не столь громогласно какъ въ предыдущемъ случаѣ, въ самый же день пріѣзда этой коммиссіи немножко сплоховали: въ лазаретѣ не оказалось дежурнаго доктора, который нашелъ, что въ деревнѣ въ мазанкѣ сидѣть гораздо спокойнѣе, чѣмъ въ палаткѣ.

Что дѣлала коммиссія въ солдатскихъ палаткахъ, на кухнѣ, въ обозѣ, я не знаю; видѣлъ только, что нѣсколько человѣкъ вошли въ офицерскую палатку, въ которой я лежалъ, повернулись и ушли. Порядки въ лазаретѣ остались тѣ же, какіе были и до пріѣзда коммиссіи.

Болѣе двухъ недѣль пролежалъ я въ этомъ лазаретѣ одинъ, много мучительныхъ дней провелъ между жизнью и смертью, самъ того не сознавая. Однообразіе моей жизни тутъ было нарушено два раза: первый разъ привезли умирающаго интендантскаго чиновника, протянувшаго только два дня, а второй разъ казацкаго офицера, умершаго чрезъ нѣсколько сутокъ. Никогда я не былъ такъ далекъ отъ мысли о собственной смерти, какъ въ то время.

Вотъ бѣдный, думалъ я, глядя на казака, ни пуля, ни ятаганъ тебя не тронули, а умрешь ты здѣсь, вдали отъ родныхъ, друзей и товарищей, и долго они не будутъ знать о твоей смерти.

Послѣднія минуты онъ въ бреду звалъ посидѣть около себя жену, разговаривалъ съ гостями; видно было, что представлялъ себя среди своей семьи. Въ это же время пришло къ нему письмо, адресованное старческой, дрожащей рукой, но онъ уже не могъ его прочесть. Какъ только онъ умеръ, его трупъ вынесли изъ палатки, на другой день закопали, и позабыла о немъ бѣдная семья.

Много облегчалъ мое положеніе санитаръ солдатъ, назначенный прислуживать больнымъ офицерамъ, простой, необразованный человѣкъ, котораго я неоднократно сравнивалъ съ докторами. Ухаживалъ онъ за нами точно нянька: ночей пять подрядъ я не спалъ, а только дремалъ, аккуратно каждыя двадцать минутъ просыпался; стоило только мнѣ шелохнуться, какъ онъ вскакивалъ, укутывалъ меня одѣяломъ, поправлялъ подушки и оказывалъ множество мелкихъ услугъ и видно было, что все это дѣлалось единственно изъ человѣколюбія, а вовсе не изъ какихъ-либо другихъ причинъ. Первые дни я ничего не ѣлъ и не пилъ, кромѣ воды съ виномъ,—все мнѣ было противно; каждый разъ, какъ онъ получалъ для меня казенный чай и сахаръ, упрашивалъ меня напиться чаю.

— Ваше благородіе! выпейте стаканчика три — четыре чаю, право вамъ будетъ полегче.

Сначала я просто отказывался, но разъ какъ-то чувствовалъ себя особенно скверно, а онъ пристаетъ ко мнѣ съ чаемъ.

— Да отстань ты отъ меня пожалуйста, прикрикнулъ я на него, захочу такъ самъ спрошу. Чрезъ нѣсколько времени мнѣ стало жалко, что я не удержался отъ этой вспышки; онъ понялъ, что присталъ ко мнѣ съ чаемъ не вó-время и всячески старался услужить мнѣ, чтобы загладить свой промахъ.

Другой разъ какъ-то въ одну изъ такихъ же минутъ онъ думая развлечь меня, началъ разсказывать про хивинскій походъ, въ которомъ участвовалъ.

— А вотъ, когда мы вышли изъ Красноводска...

— Ахъ оставь, мнѣ теперь не до Красноводска!

Онъ сразу осѣлся и нужно было видѣть, съ какою заботливостію ухаживалъ за мной этотъ вечеръ. На другой день я первый заговорилъ о хивинскомъ походѣ и далъ ему случай занять меня разсказомъ. За больнымъ казакомъ онъ ухаживалъ не хуже любой сидѣлки; укутывалъ его въ одѣяло, давалъ лекарство, поилъ молокомъ и виномъ, расговаривалъ съ нимъ во время бреда. Напримѣръ, казакъ обращается къ нему:

— Помоги мнѣ встать, гости пришли.

— Ну что жъ, мы ихъ примемъ, мы гостямъ рады; чѣмъ же угощать-то станемъ?

— Тебѣ говорятъ, подними меня!

— Нельзя, батюшка, безъ дохтура; полежите маленько, вотъ дохтуръ придетъ, мы у него спросимъ позволеніе и тогда встанемъ.

Больной успокоивался.

Или разъ какъ-то казакъ потребовалъ одѣваться, потому что его ждетъ сотня, чтобы куда-то двинуться.

— Нѣтъ, ваше благородіе, они мнѣ сказали, что не пойдутъ сегодня, потому что дождь сильный идетъ, а завтра дождя не будетъ, тогда вы и встаните.

— Завтра?

— Да, завтра, завтра.

— Ну хорошо.

Когда казакъ умеръ, служитель началъ собирать его вещи, заглянулъ въ кошелекъ, тамъ лежитъ серебряный полтинникъ и нѣсколько мелочи.

— Ваше благородіе! несмѣло обращается онъ ко мнѣ: у меня есть два пятіалтынныхъ и одинъ двугривенный. Можно перемѣнить на этотъ полтинникъ? вѣдь это все равно.

— Ну не совсѣмъ; полтинникъ-то дороже стоитъ.

— Да что же, ваше благородіе, вѣдь онъ на тотъ свѣтъ не возьметъ съ собой денегъ, а я все-таки помолюсь за его душу.

— Я тебѣ позволить не могу, деньги не мои, дѣлай какъ самъ знаешь.

— Онъ заблагоразсудилъ обмѣнить.

Черезъ нѣсколько времени, смотрю,—мнется на мѣстѣ съ фуфайкой въ рукахъ.

— А что, ваше благородіе, не взять ли мнѣ фуфайку, вѣдь она ему не нужна, а я бы зимой ее поносилъ, а то холодно будетъ.

— Да вѣдь я ужъ сказалъ тебѣ, что не могу распоряжаться этими вещами.

Послѣ нѣкотораго раздумья прячетъ фуфайку подъ тюфякъ.

Тѣло покойнаго вынесли и описали оставшіеся послѣ него вещи, чтобы отослать въ полкъ. Солдатъ начинаетъ опасаться, чтобы я не донесъ на него, снуетъ нѣкоторое время по палаткѣ, какъ бы прибирая что-то, затѣмъ нерѣшительно подходитъ ко мнѣ.

— Ваше благородіе!

— Что тебѣ?

— Вы пожалуйста не говорите, что я взялъ фуфайку и перемѣнилъ деньги.

— Хорошо, не скажу.

Видно что у него отлегло отъ сердца. Не могу не упомянуть и про коммисара лазарета, составляющаго довольно рѣдкое исключеніе въ томъ отношеніи, что всѣ его распоряженія и приказанія клонились къ пользѣ больныхъ, а не къ пользѣ собственнаго кармана.

Время перевалило ужъ за половину октября, подъ Плевной происходили сраженія, лазаретъ переводился въ Тученицу.

Я просилъ главнаго доктора перевезти и меня вмѣстѣ съ лазаретомъ, предполагая, что я пробуду въ немъ еще два-три дня и затѣмъ выпишусь. Мнѣ отвѣчали, что взять меня съ собой не могутъ, а предложили перейти во вновь открытый въ деревнѣ Сгалевицѣ госпиталь не оставалось ничего болѣе, какъ согласиться.

Мое новое помѣщеніе было—землянка, не знаю, чему отдать предпочтеніе, ей или палаткѣ. Въ палаткѣ довольно холодно, въ землянкѣ значительно теплѣе, но за то въ ней каждое утро просыпаешься осыпанный землею, сброшенной съ крыши кротами и мышами, кромѣ того, въ дождливую погоду, на полу землянки образуется жидкая грязь. Мои новые товарищи были одинъ раненый и три больныхъ офицера. Поступилъ я въ этотъ госпиталь около трехъ часовъ дня и къ вечеру проголодался, кстати замѣтить, что болѣзнь моя такъ обезсилела, что я едва могъ держаться на ногахъ, теперь, когда я сталъ поправляться, у меня появился волчій аппетитъ.

Я спросилъ дадутъ ли мнѣ ужинать и получилъ отвѣтъ, что раньше двухъ часовъ завтрашняго дня мнѣ ничего не дадутъ, такъ какъ требованіе на припасы пишется всегда наканунѣ. Итакъ я былъ осуж-

денъ цѣлые сутки просидѣть голодомъ, потому что «такъ у нихъ полагается».

Компанія насъ собралась довольно неспокойная; какъ только насъ начинаютъ кормить плохой пищей, мы сейчасъ же устраиваемъ возмущеніе, заявляемъ претензіи доктору, коммисару, призываемъ повара и т. д. Намъ сейчасъ же предлагаютъ прочесть «положеніе», по которому на каждаго больнаго «полагается» въ день столько-то золотниковъ муки, крупы, соли и пр. Тогда мы идемъ на сдѣлку и просимъ хотя по вкуснѣе готовить, наша просьба исполняется два дня, на третій хоть опять устраивай возмущеніе.

Странно одно: во всѣхъ госпиталяхъ «положеніе» одно и то же, припасы поставляютъ вездѣ однѣ и тѣ же знаменитое товарищество Коганъ, Горвицъ и К°, а въ одномъ госпиталѣ больные сидятъ голодные, въ другомъ ѣдятъ сытную и вкусную пищу.

Причина этого факта кроется вѣроятно или въ неопытности коммисара, или въ небрежности его или, что случается всего чаще—въ недобросовѣстности. Въ одномъ изъ зимницкихъ госпиталей коммисаръ былъ отданъ подъ судъ за воровство и назначенъ на его мѣсто другой,—пища радикально измѣнилась и я ни въ одномъ госпиталѣ ни ѣлъ такъ вкусно, какъ въ этомъ.

Видя, что мы ничего недобьемся относительно улучшенія пищи, я рѣшилъ выдти въ батарею и тамъ уже добиваться полнаго выздоровленія и возстановленія силъ. Заходитъ какъ-то къ намъ въ землянку главный докторъ, я ему сообщаю свое рѣшеніе.

— Что вы, вамъ и думать нельзя теперь о батареѣ, вамъ надо ѣхать въ Россію.

Если вы мнѣ дадите возможность уѣхать не меньше какъ на два мѣсяца, такъ я поѣду, а иначе нѣтъ.

— Да вы ранѣе четырехъ мѣсяцевъ не поправитесь, я вамъ на этотъ срокъ и дамъ свидѣтельство.

На другой день пришли четыре доктора и начальникъ госпиталя, меня освидѣтельствовали и въ тотъ же день отправили съ транспортомъ въ Румынію.

По Болгаріи больныхъ перевозятъ въ обыкновенныхъ четырехъ-колесныхъ телѣгахъ покрытыхъ парусиннымъ кузовомъ съ дышловой запряжкой. Помѣщаютъ въ такую телѣгу по четыре человѣка легко больныхъ и по два или по три тяжелыхъ; располагаются они прямо на соломѣ. Мнѣ пришлось ѣхать безъ компаньоновъ, одному, чему я былъ очень радъ, такъ какъ былъ полнымъ хозяиномъ всей телѣги. Въ Булгарени мы пріѣхали на другой день утромъ, я. озябшій отправился отыскивать себѣ пріютъ, и проходя мимо какой-то войлочной юрты, былъ приглашенъ зайти туда. Эта юрта оказалась принадлежащею княгинѣ

Шаховской, въ ней же помѣщались и остальныя сестры милосердія, состоявшія при госпиталѣ. Самой княгини не было дома, одна изъ сестеръ предложила мнѣ чаю, двумя стаканами котораго, я отлично согрѣлся. Еще болѣе меня согрѣло это радушіе и участіе, встрѣченное мною въ первый разъ со времени отъѣзда изъ батареи, все участіе, встрѣчаемое мною до сихъ поръ выражалось лишь въ разспросахъ о здоровьѣ. Это были первыя сестры милосердія, которыхъ я увидѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій и я не могъ не проникнуться уваженіемъ къ ихъ дѣятельности, и когда вошла княгиня, высокая полная женщина съ большимъ золотымъ крестомъ на груди, я подумалъ: вотъ эта одна изъ очень немногихъ русскихъ аристократокъ, промѣнявшая свою прежнюю спокойную жизнь на бивуачную, вполнѣ достойна надѣть на себя крестъ, потому что въ то же время она несетъ другой, болѣе тяжелый.

Я до сихъ поръ такъ мало видѣлъ въ госпиталяхъ радушія, заботливости и попеченій о больныхъ, что былъ пораженъ тѣмъ, что встрѣтилъ въ этомъ госпиталѣ и рѣшилъ было тутъ остаться, думая, что лучше того, что вижу, я ужъ не найду, но мнѣ посовѣтовали продолжать мой путь въ Россію, такъ какъ въ полотняномъ шатрѣ мнѣ невозможно было поправиться. Въ своемъ дальнѣйшемъ странствіи я встрѣчалъ госпитали значительно лучше этого, но ни одинъ изъ нихъ уже не произвелъ на меня такого сильнаго впечатлѣнія.

Хотя уже не разъ говорили и наши газеты и журналы про благотворную дѣятельность сестеръ милосердія, но я не могу не упомянуть того же, и не поблагодарить добрыхъ сестрицъ отъ чистаго сердца за ихъ заботы объ насъ, въ трудныя для насъ минуты. Они много скрашиваютъ наше пребываніе въ госпиталяхъ. Путь нашъ отъ Сгалевицы до Зимницы продолжался четверо сутокъ, ночевали мы постоянно въ полѣ, потому что слишкомъ трудно выѣзжали, погода къ нашему счастію была все время хорошая. Я запасся стаканомъ, чаемъ и сахаромъ и каждый разъ, какъ мы останавливались на ночь въ полѣ, мой подводчикъ разводитъ огонекъ, кипятитъ въ котелкѣ воду и я устраивалъ себѣ незатѣйливый чай. Въ Булгарени я досталъ себѣ курицу, госпитальный поваръ зажарилъ ее и она два дня служила мнѣ пищей.

Спускъ къ Дунаю и переправа чрезъ мостъ продолжались нѣсколько часовъ, вслѣдствіе массы обозовъ безпрестанно загораживавшихъ намъ путь.

Въ Зимницѣ насъ собралось пять человѣкъ изъ которыхъ одинъ былъ раненый, эвакуируемыхъ во Фратешти и мы сутокъ двое ожидали подводъ. Намъ, четыремъ больнымъ пришлось сидѣть въ одной повозкѣ, раненаго помѣстили отдѣльно.

По Румыніи больныхъ и раненыхъ эвакуируетъ исключительно Красный Крестъ; тутъ повозки благообразнѣе, чѣмъ въ Болгаріи, каждая занумерована, внутри устроены двѣ скамейки, одна противъ другой, но

громадное неудобство этихъ повозокъ заключается въ томъ, что у нихъ слишкомъ узкій ходъ и высокое сидѣнье отъ чего они легко опрокидываются. Повозки идутъ во время пути по нумерамъ, транспортъ сопровождаетъ всегда служащій въ Красномъ Крестѣ, который называется почему-то румынами-подводчиками «лагафетомъ». Нашъ транспортъ сопровождалъ подобный же лагафетъ изъ венгровъ два помощника его были нѣмцы, не говорившіе по-русски.

Когда наступили сумерки, нашъ лагафетъ остался въ какомъ-то трактирчикѣ, встрѣтившемся на дорогѣ и транспортъ лишенный подводчика заплутался въ полѣ. Долго мы бродили, пока не услышали собачій лай; мы на него поѣхали и выбрались къ деревнѣ чрезъ которую уже проѣзжали, тутъ къ намъ присоединился лагафетъ.

Путь нашъ лежалъ на Ольтернацъ, къ которому мы прибыли только въ одиннадцать часовъ вечера вслѣдствіе того, что долго плутали. При въѣздѣ въ деревню, мы должны были переѣхать широкую рытвину, всѣ повозки прошли благополучно, а наша, вслѣдствіе указаній помощника лагафета взяла лѣвѣе прочихъ и опрокинулась въ густую грязь.

Едва намъ удалось оттуда выбраться, мы конечно немножко выбранились, да и нельзя было оставаться хладнокровнымъ, видя подобную небрежность на пути постоянныхъ транспортовъ съ больными и ранеными, возлѣ деревни имѣющей коменданта и лазаретъ, находится яма, въ которую опрокидываются повозки, за нѣсколько дней до нашего пріѣзда тутъ же опрокинули телѣгу съ раненымъ въ животъ солдатомъ, умершимъ вслѣдствіе этого чрезъ нѣсколько часовъ. Нѣмцы услышавъ нашу брань поспѣшили удалиться, но на дорогѣ были пойманы раненымъ капитаномъ, ѣхавшимъ за нѣсколько повозокъ впереди. Онъ узналъ про катастрофу постигшую насъ и подумалъ, чтобы было съ его заживающей ногой въ гипсовой повязкѣ, еслибы опрокинулись не мы, а онъ.

— Эй, понимаете вы по-русски? спросилъ онъ.

— Nein! былъ отвѣтъ.

— Какъ ихъ выругать бы по-нѣмецки, дай Богъ память, подумалъ капитанъ.

— Ахъ вы, ферфлюхтеры! крикнулъ онъ имъ.

Нѣмцы быстро удалились, что-то бормоча себѣ подъ носъ.

Этотъ эпизодъ, мы вспоминали вечеромъ со смѣхомъ, когда отмывши грязь и закусивши, укладывались спать.

Чрезъ нѣсколько времени мы прибыли къ такъ называемому питательному пункту Краснаго Креста, солдатъ размѣстили по баракамъ, мы остановились у каменнаго строенія бывшей румынской школы.

— Больные или раненые? былъ вопросъ старшей сестры милосердія.

— Одинъ раненый и четыре больныхъ.

— Несите раненаго сюда. Господа! обратилась она къ намъ, вотъ ваше помѣщеніе на сегодняшнюю ночь. Что вы хотите сначала, чаю или закусить?

Пріемъ былъ совсѣмъ не такой, какъ въ военно-временныхъ госпиталяхъ.

Одно, что мнѣ показалось неправильнымъ, это то, что раненымъ оказываютъ гораздо больше вниманіе, чѣмъ больнымъ, что совершенно не справедливо, и раненый и больной подвергались въ дѣлѣ одинакой опасности, оба одинаково жертвовали жизнію, только одного сразила пуля а другаго болѣзнь.

Неужели тѣ, которые погибли при переходѣ чрезъ Балканы отъ самой прозаической причины, отъ утомленія. т. е. отъ истощенія силъ заслуживаютъ меньшаго уваженія, чѣмъ погибшіе на полѣ битвы? Очень часто больной страдаетъ больше иного раненаго и поправляется не рѣдко гораздо больше. Даже больше того, мнѣ напримѣръ многіе доктора говорили уже здѣсь въ Россіи, что имъ доставляютъ много такихъ субъектовъ, которые пожалуй могутъ выздоровѣть, но протянутъ небольше какъ года три-четыре. Почему же такой больной заслуживаетъ менѣе вниманія, чѣмъ раненый.

Впрочемъ, не одинъ Красный Крестъ, но и вся другая публика относитя къ больнымъ холоднѣе чѣмъ къ раненымъ. Не разъ случалось, что въ какой-нибудь городъ приходитъ санитарный поѣздъ, станція полна народомъ, желающимъ поглядѣть на героевъ, у многихъ букеты въ рукахъ и вдругъ оказывается, что на поѣздѣ есть только одни больные, въ публикѣ полнѣйшее разочарованіе, всѣ недовольные расходятся по домамъ.

На третій день пути около четырехъ часовъ пополудни, мы прибыли во Фратешти, а въ десять уже находились на санитарномъ поѣздѣ. Не знаю каковы такъ называемые сборные санитарные поѣзда, но о тѣхъ поѣздахъ на которыхъ я ѣхалъ (Королевы Виртемберской и Тамбовскаго дамскаго кружка), кромѣ хорошаго ничего не могу сказать.

Въ Яссахъ насъ свидѣтельствовала эвакуаціонная комиссія опредѣлявшая, кому ѣхать въ Россію, кому оставаться въ Румыніи, мнѣ назначили мѣстомъ леченія—Россію.

Въ заключеніе не могу не упомянуть объ отношеніяхъ врачебнаго персонала военно-временныхъ госпиталей къ больнымъ. Въ этихъ отношенія часто проглядываетъ начальническая жилка, въ особенности касательно нижнихъ чиновъ.

Напримѣръ, при посадкѣ эвакуируемыхъ больныхъ на повозки, велятъ всѣмъ назначеннымъ къ отправкѣ выходить изъ палатокъ или землянокъ: они ожидаютъ прихода дежурнаго доктора подъ открытымъ небомъ, иногда въ грязи, иногда въ дождь. Случается, что докторъ заставляетъ немного подождать себя, что еще умѣстно на какомъ-нибудь

парадѣ или на смотру, но никакъ не въ госпиталѣ, затѣмъ начинается перекличка и усаживаніе больныхъ и раненыхъ на телѣги.

— Ивановъ! раздается голосъ доктора, Алексѣй Ивановъ! гдѣ же Алексѣй Ивановъ?

— Вотъ тутъ сидитъ ваше благородіе, говорятъ два три человѣка.

Докторъ подходитъ. Солдатъ сидитъ на землѣ съ опущенной внизъ головой, съ выраженіемъ страданія на лицѣ, видно, что ему не до переклички.

— Что же ты не отзываешься, когда тебя окликаютъ, по полчасу что-ли на каждаго изъ васъ терять!

Солдатъ умоляющимъ взоромъ взглядываетъ на доктора.

— Клади его въ телѣгу. Василій Пѣтуховъ! и т. д.

И эта процедура продолжается, пока не усадятъ иногда нѣсколько сотъ человѣкъ, а тамъ, глядишъ, произошла еще какая-нибудь путаница въ спискѣ, начинаютъ ее распутывать, а время все идетъ, да идетъ. Утомленные больные проклинаютъ эту медленность, но ничего не могутъ сдѣлать.

Вслѣдствіе подобныхъ задержекъ, транспортъ выходитъ въ четыре часа вмѣсто одиннадцати, заночевываетъ въ полѣ и лишь на другой день добирается до слѣдующаго госпиталя, гдѣ повторяется почти та же исторія. Больные при этомъ ѣдятъ только разъ въ день.

Конечно, всему этому можно найдти много оправданій, но не входя въ ихъ разборъ, скажемъ только, что находитъ же Красный Крестъ возможность вести дѣло иначе, а почему? потому что во врачахъ этого учрежденія нѣтъ того казеннаго отношенія къ дѣлу, которое замѣчается въ нашихъ военныхъ докторахъ. Немалую роль играетъ въ этомъ случаѣ присутствіе женскаго элемента, т. е. допущеніе старшихъ сестеръ милосердія въ составъ управленія лазаретовъ Краснаго Креста.

Конечно, въ обоихъ этихъ учрежденіяхъ бываютъ исключенія какъ въ хорошую, такъ и въ дурную сторону, даже я самъ, что вѣроятно помнитъ читатель, былъ жертвой небрежнаго исполненія своихъ обязанностей однимъ изъ служащихъ Краснаго Креста, и съ другой стороны былъ свидѣтелемъ крайне гуманнаго обращенія съ больными военныхъ врачей, но вѣдь это только исключенія, въ общемъ-то останется тоже.

Въ виду всего вышеизложеннаго, нельзя не пожелать, чтобы Красный Крестъ развивалъ свою полезную дѣятельность какъ можно ближе къ мѣсту дѣйствій, или хотя бы направлялъ туда сестеръ милосердія, снабжая ихъ нѣкоторыми средствами, не имѣющимися въ военно-временныхъ госпиталяхъ и дивизіонныхъ лазаретахъ. Это сильно бы улучшило положеніе больныхъ и раненыхъ.

30-е Августа 1877 года.

Воспоминаніе о товарищѣ.

Во время атаки одного изъ передовыхъ укрѣпленій города Плевны, именно редута, находившагося впереди деревни Радишева въ числѣ другихъ войскъ сильно пострадалъ 124-й пѣхотный Воронежскій полкъ. Въ теченіи не болѣе двухъ часовъ отъ турецкаго огня въ этомъ полку выбыло изъ строя восемь-сотъ пятьдесятъ-шесть человѣкъ нижнихъ чиновъ и четырнадцать офицеровъ. Нужно отдать справедливость, что какъ офицеры такъ и солдаты шли въ бой съ полнѣйшимъ самоотверженіемъ. Помню какъ остановились за переваломъ горы, съ минуты на минуту, каждый изъ насъ съ замираніемъ сердца ждалъ команды начальства. Гранаты, какъ перепелки то и дѣло пролетали надъ нашими головами. Услышишъ трескъ, взглянешъ на дерево — точно десятки топоровъ тамъ сразу поработали: отъ невидимой силы валятся книзу сучья, щепки и листья. Вздрогнетъ солдатъ, перекрестится со всегдашнимъ замѣчаніемъ: «Ишъ ты, нечистая сила!» Но видно такъ созданъ русскій человѣкъ, что какъ говоритъ пословица: «Умеръ, а смѣется». Подъ самымъ сильнымъ убійственнымъ огнемъ собираются въ кружки офицеры ближайшихъ ротъ и тутъ начинаются всевозможные шутки и остроты другъ надъ другомъ. Одному напримѣръ офицеру пуля почти совершенно отбила носъ, а надъ нимъ вдругъ слышишь остроты его-же близкихъ товарищей; «Какъ-же ты будешъ теперь свататься? невѣста подумаетъ, что ты, братъ, былъ не подъ Плевной, а во Франціи». Бѣдному страдальцу, хотя даже далеко не до шутокъ, но при общемъ веселомъ настроеніи духа и онъ какъ будто забываетъ и боль и свое

уродство и въ отвѣтъ на все это вырывается развѣ лишь не цензурное слово на турокъ. Мелкій, какъ сквозь сито, дождь моросилъ уже нѣсколько сутокъ. Глинистая почва растворилась до того, что съ трудомъ вынималась поставленная нога; сѣсть или прилечь не было нигдѣ никакой возможности. Нужно было вытягивать изъ грязи попеременно то одну то другую ногу. Цугомъ протащились мимо насъ носильщики—это неслись тяжело раненые и убитые Углицкаго полка, стоявшаго далеко лѣвѣе насъ. Вотъ проскакалъ кто-то изъ адъютантовъ, одинъ другой и вслѣдъ за этимъ вскорѣ раздалась зловѣщая команда: «По-ротно въ двѣ линіи стройся!» Сразу стихнулъ говоръ, задвигалась масса рукъ творя крестное знаменіе. Какъ теперь помню моего добраго и славнаго товарища командира 6-й роты Воронежскаго полка поручика Сендоровскаго.

— Прощай братъ! сказалъ онъ мнѣ. Если есть, дай выпить на дорогу.

Я досталъ изъ кобура сѣдла фляжку; жадно приложился онъ къ ней, вытянулъ сразу чуть не половину.

— Спасибо! теперь веселѣе!

Двинулись роты впередъ. Командиръ бригады и при немъ я остались на возвышенности. Видно было, что ни шагъ, то роты становились все рѣже и рѣже. Видно было какъ гранаты выхватывали разомъ цѣлые ряды. Не рѣдко надъ той или другой ротою вверху показывалось какъ будто облачко и вслѣдъ за этимъ опять валятся и валятся люди — это дѣйствіе картечныхъ гранатъ съ дистанціонными трубками обсыпающихъ сверху картечью какъ градомъ. Вотъ уже роты почти у редута. Трескотня ружей смѣнилась протяжными грохотами залповъ. Пальба орудій съ обоихъ сторонъ слилась въ глухой, громовой безконечный раскатъ. Визгъ и трескъ, разрывающихся гранатъ, пронзительный свистъ пуль — все это вмѣстѣ составляло ужасный неподражаемый концертъ, потрясающій всю нервную систему человѣка. Атака была неудачна. Оставшіеся части войска повернули назадъ уже почти совершенно въ разбродъ. Цѣлыя массы труповъ усѣяли пространство между гребнемъ горы, за которымъ прежде стояли войска, и редутомъ.

Уже стемнѣло, начали приводиться роты въ порядокъ; во многихъ изъ нихъ не оказывалось и четвертой части людей. Ходили взадъ и впередъ деньщики розыскивая своихъ не вернувшихся офицеровъ. На слѣдующій день послѣдовала уборка ближнихъ труповъ,—дальше пройти не было никакой возможности, ибо турки открывали пальбу и по нашимъ санитарамъ. Сендоровскій, какъ и предчувствовалъ, съ боя не вернулся. Въ ротѣ сказали, что видѣли его упавшимъ шагахъ въ двухстахъ отъ редута; его хотѣли взять, но онъ махнувъ рукою простоналъ: Не надо, я умираю!

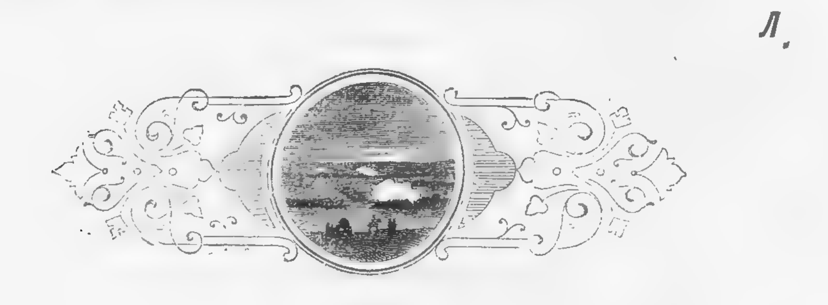
Прошелъ одинъ и другой день, въ теченіи каждаго изъ нихъ послѣ опасныхъ поисковъ, подъ пулями, нѣкоторыхъ храбрецовъ солдатиковъ

добровольно вызывавшихся на доброе дѣло выносилось по нѣсколько труповъ для отданія этимъ воинамъ послѣдняго христіанскаго долга. Трупа Сендоровскаго все таки не оказывалось. Эти поиски производились, по большой части, тогда когда начинало уже темнѣть. Днемъ можно было видѣть какъ турки, точно голодныя собаки, въ разбродъ, по нѣсколько человѣкъ выходили изъ редута и рыскали въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ чернѣлись наши мертвецы, снимали платье съ убитыхъ, брали шапки и т. д.

На третій день, деньщикъ поручика Сендоровскаго, Филиппъ Кухрянскій, видя, что барина его все-таки не нашли ни раненымъ, ни убитымъ, рѣшился съ нѣкоторыми изъ солдатовъ отправиться на поиски самъ. И дѣйствительно, нашелъ его недалеко отъ редута. Но нести трупъ, почти разложившійся отъ жары, было еще труднѣе, чѣмъ его найти. Взваливъ на плечи Кухрянскій протащилъ его такимъ образомъ довольно значительное разстояніе, и дальше уже съ помощью другихъ товарищей принесъ его къ нашей боевой линіи.

Сендоровскій раненъ былъ двумя пулями и въ третій разъ, вѣроятно, осколкомъ гранаты. Одна изъ пуль перебила руку, другая прошла вблизи соединенія туловища съ ногою; осколокъ чугуна, попавшій вѣроятно съ боку раздробилъ ему носъ. Какъ говорятъ близко бывшіе около него, что получивъ одну изъ ранъ, онъ только поморщился, а все-таки продолжалъ идти впередъ... Миръ праху твоему храбрый и честный воинъ!

Л.

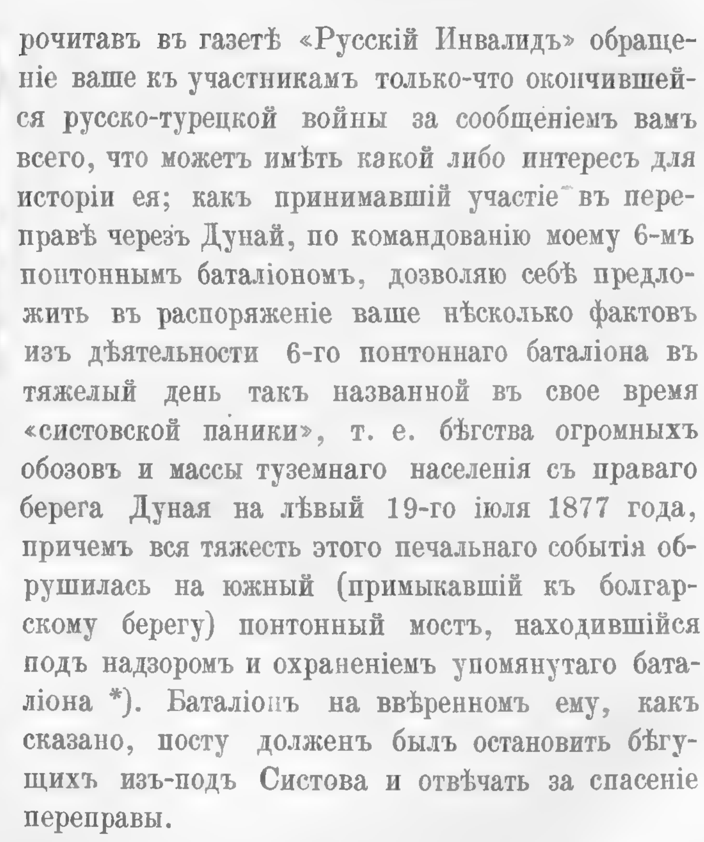


О Систовской паникѣ.

I.

Милостивый государь,

Князь Владиміръ Петровичъ!



Прочитавъ въ газетѣ «Русскій Инвалидъ» обращеніе ваше къ участникамъ только-что окончившейся русско-турецкой войны за сообщеніемъ вамъ всего, что можетъ имѣть какой либо интересъ для исторіи ея; какъ принимавшій участіе въ переправѣ черезъ Дунай, по командованію моему 6-мъ понтоннымъ баталіономъ, дозволяю себѣ предложить въ распоряженіе ваше нѣсколько фактовъ изъ дѣятельности 6-го понтоннаго баталіона въ тяжелый день такъ названной въ свое время «систовской паники», т. е. бѣгства огромныхъ обозовъ и массы туземнаго населенія съ праваго берега Дуная на лѣвый 19-го іюля 1877 года, причемъ вся тяжесть этого печальнаго событія обрушилась на южный (примыкавшій къ болгарскому берегу) понтонный мостъ, находившійся подъ надзоромъ и охраненіемъ упомянутаго баталіона *). Баталіонъ на ввѣренномъ ему, какъ сказано, посту долженъ былъ остановить бѣгущихъ изъ-подъ Систова и отвѣчать за спасеніе переправы.

Чтобы очертить событіе и роль, какая судьбами войны возложена была на 6-й понтонный баталіонъ въ этой драмѣ, необходимо прежде сказать нѣсколько словъ предварительно объ об-

*) Третья часть моста, примыкавшая къ острову Адда, охранялась 2-ю понтонною ротою 5-го понтоннаго баталіона.

щемъ положеніи главной нашей переправы черезъ Дунай ко дню 19-го іюля.

По окончаніи переправы такъ называемаго десанта на понтонахъ и паромахъ и по устройствѣ затѣмъ постоянной переправы въ видѣ послѣдовательной цѣпи понтонныхъ мостовъ черезъ рукава Дуная, понтонные баталіоны имѣли слѣдующее распредѣленіе при разныхъ отдѣлахъ моста: 3-й и 4-й на румынскомъ берегу (изъ нихъ 3-й въ скорости ушелъ въ Болгарію), 5-й понтонный размѣстился на румынскомъ берегу и на островѣ Адда, и 6-й понтонный на болгарскомъ берегу, въ верстахъ около двухъ отъ Систова, на возвышенномъ мѣстѣ, противъ моста. 19-го іюля, часу въ одиннадцатомъ утра, въ Систовѣ прошелъ слухъ, будто турки перешли уже нашъ мостъ: тогда всѣ болгары стали спасаться на берегъ, и видя переправу довольно свободною, бросились къ мосту, куда также пустились вскачъ и повозки интендантскаго транспорта, и другія. Пишущій эти строки, будучи контуженъ въ голову и лѣвую руку при переправѣ 15-го іюня, иногда поневолѣ отлучался съ моста, чтобы полежать въ досчатомъ баракѣ поблизости. Въ одну изъ такихъ-то минутъ отдохновенія, вдругъ, лежа на кровати и имѣя у себя завѣдывающаго хозяйствомъ баталіона, старшаго капитана, слышу, что по мосту кто-то скачетъ (скорая ѣзда по понтоннымъ мостамъ вообще запрещена уставомъ), прошу капитана посмотрѣть, не пригрезилось ли мнѣ.... получаю отъ него утвердительный отвѣтъ и говорю: «сходите на мостъ, остановите безпорядокъ и узнайте, что тамъ такое: съ виновныхъ должно быть взыскано по всей строгости». Когда онъ отъ меня вышелъ, я изъ опасенія за переправу, всталъ и самъ съ постели, и только что хотѣлъ идти, какъ вбѣгаетъ ко мнѣ одинъ изъ пантонеровъ и докладываетъ, что турки идутъ къ переправѣ. Посмотрѣвъ на берегъ, вижу, что все пространство отъ Систова занято бѣгущими людьми и скачущими въ перегонку телегами. Что это такое, никому не было извѣстно. Въ нѣсколько минутъ баталіонъ собранъ; 2-я понтонная рота отряжена бѣгомъ на находящуюся впереди батарею, а 1-я понтонная оставлена для защиты моста, куда поспѣшилъ и самъ я. На мосту уже въ это время ничто, ни даже штыки, не могли остановить ужаснаго бѣгства и смятенія толпы, и несмотря на то, что на мостъ пропускались телѣги только шагомъ, разъ какъ они попали, то забывали остававшихся сзади и бросались вскачъ, не обращая ни на что малѣйшаго вниманія (въ понтонахъ сидѣли по два человѣка, напрасно предостерегавшіе скачущихъ), ослы съ вьюками падали подъ телѣги, дѣти подъ ословъ, многія изъ женщинъ, обезумѣвшія отъ паники, толпами, таща на себѣ разныя ненужныя вещи, въ родѣ ватныхъ одѣялъ, затрудняли еще болѣе переправу и увеличивали ужасъ картины что было дѣлать понтонерамъ, отвѣчающимъ и честью, и жизнью, и всей любовью къ родинѣ за цѣлость, за спасеніе переправы?... Оставалось

только прекратить совсѣмъ подобную переправу. Рѣшеніе ясное и короткое. Исполнить его удалось, благодаря Бога. Понтонеры живо повалили двѣ изъ ѣхавшихъ телѣгъ, передъ въѣздомъ на мостъ. Вопли и вой усились, но благодаря такому наскоро воздвигнутому барьеру, переправа была спасена. Въ это время подъѣхалъ на паровомъ катерѣ съ румынскаго берега начальникъ переправы, и на докладъ о всѣхъ принятыхъ мѣрахъ отозвался одобрительно, сказавъ, что «сдѣлано какъ слѣдуетъ и лучшаго ничего нельзя было и сдѣлать». Тутъ же начальникъ переправы объявилъ, что турокъ никакихъ нѣтъ. Въ скорости подъѣхалъ и комендантъ Систова, объявившій тоже самое.

Картина была потрясающая. Едва ли со временъ Содоммы и Гоморы или послѣдняго дня Помпеи много было подобныхъ ей. Жители долго не могли успокоиться и не рѣшались возвращаться въ Систово. Откуда, съ чего и кѣмъ принесена была вѣсть о наступленіи турокъ на Систово, много объ этомъ писалось въ свое время въ газетахъ. 6-му же понтонному баталіону дано было еще разъ вѣрою и правдою выполнить свой долгъ, отстоявъ ввѣренный ему постъ.

Полковникъ *Вартминскій*.

II.

Разсказъ очевидца.

19-го іюня 1877 года въ двѣнадцать съ половиною часовъ дня, коменданту города донесли о прибытіи одинадцати подводъ съ ранеными, которые разсказывали болгарамъ о нашемъ отступленіи и о громадныхъ потеряхъ, а такъ-же, что они выступили изъ Булгарени съ транспортомъ раненыхъ состоящихъ изъ трехъсот шестидесяти подводъ, и что во время ихъ слѣдованія въ пятнадцати верстахъ отъ Систова, транспортъ былъ аттакованъ турецкой кавалеріей, что часть раненыхъ попала въ плѣнъ и только первыя подводы успѣли спастись, турки идутъ за нами и сейчасъ будутъ въ Систовѣ. Видя, что этотъ разсказъ производитъ сильное впечатлѣніе на болгаръ, комендантъ приказалъ переводчику объявить болгарамъ, что онъ комендантъ города, и никакихъ свѣденій объ отступленіи и о громадныхъ потеряхъ нашихъ войскъ не получалъ, и что разсказу раненыхъ вѣрить нельзя, затѣмъ просилъ ихъ спокойно возвратиться въ свои дома, раненымъ-же сказалъ, что такіе разсказы позорны для русскаго солдата, а потому несмотря на то, что они раненые, онъ запрещаетъ докторамъ помѣстить ихъ въ Систовѣ, и приказалъ сей-

часъ-же подъ конвоемъ отправить въ Зимницу, и запретить имъ повторять свой разсказъ, въ противномъ случаѣ пригрозилъ преданіемъ военному суду. Разсказъ раненыхъ его, какъ коменданта, поставилъ въ щекотливое положеніе. Если вѣрить разсказу раненыхъ, то слѣдуетъ сейчасъ-же выставить войска для встрѣчи непріятеля; но съ выставленіемъ войскъ на позицію, явится поводъ жителямъ города вѣрить разсказу раненыхъ и тѣмъ невольно произведется паника, а въ случаѣ если свѣдѣніе полученное отъ раненыхъ не подтвердится, то комендантъ будетъ виновенъ передъ правительствомъ. Но если раненыя правы и разсказы ихъ справедливы? Тогда снова онъ дѣлается отвѣтственъ за то, что не повѣрилъ донесенію раненыхъ и не выставилъ войска на позицію. Положеніе было критическое, мѣшкать долго нельзя, нужно рѣшиться на что нибудь, но памятуя, что въ военномъ дѣлѣ рѣшимость, даже и тогда, если она ошибочно даетъ лучшіе результаты, чѣмъ не рѣшимость, онъ рѣшилъ не выставлять войскъ на позицію, но при этомъ предупредилъ отдѣльныхъ начальниковъ чтобы войска по первой надобности были бы готовы занять позицію впереди Систова. Лишь только успѣлъ разослать приказаніе какъ со всѣхъ сторонъ послышались крики «Турки идутъ! турки идутъ! Извѣстіе о наступленіи турокъ дало право предположить, что разсказы партіи раненыхъ прибывшихъ въ Систово, была дѣйствительная правда, что теперь нѣтъ сомнѣнія, что турки сейчасъ будутъ въ Систовѣ, вслѣдствіе чего комендантъ приказалъ немедленно выступать войскамъ на позицію. Извѣстіе о наступленіи турокъ произвело сильное впечатлѣніе на жителей города, а такъ-же на разныя учрежденія города, какъ-то: на главное полевое казначейство, на главное полевое интендантство, на военныя госпиталя №№ 50, 63 и евангелическій, всѣ требовали отъ коменданта приказаніе о выступленіи, и когда получили отъ него приказъ оставаться на своихъ мѣстахъ, то были весьма поражены и потребовали отъ него формальнаго предписанія, которое и было имъ выдано. Транспортныя интендантскія повозки въ количествѣ двадцати тысячъ подводъ нагруженныя и не нагруженныя неслись во весь духъ по городу по направленію къ мосту, туда-же кинулись жители города Систова

Распорядившись высылкою войскъ на позицію коменданту слѣдовало поспѣшить къ мосту находящемуся въ пяти верстахъ отъ Систова; но ѣхать съ казаками въ карьерѣ по городу значило-бы вселить къ себѣ недовѣріе и показать жителямъ что опасность велика, и тѣмъ разумѣется увеличить панику,—но ѣхать шагомъ рискуешь опоздать къ переправѣ, между тѣмъ главное было сохранить цѣлость моста, недопустить къ мосту интендантскія транспортныя повозки, забарикадировать дорогу, дабы было возможно спасти главное полевое казначейство, которому отдано было приказаніе оставаться на мѣстѣ. Находясь въ такомъ незавидномъ положе-

ніи, комендантъ рѣшилъ, для поддержанія своего достоинства какъ коменданта, ѣхать къ мосту шагомъ съ пятью казаками и на пути своего слѣдованія старался успокоить своимъ спокойнымъ видомъ жителей города, увѣряя ихъ, что турокъ вовсе нѣтъ, приказывая имъ отворять лавки и продолжать торговлю. Лишь только онъ выѣхалъ за городъ, какъ глазамъ его представилась страшная картина; транспортныя интенданскія подводы неслись во весь духъ, жители города, солдаты, женщины съ грудными ребятами, дѣти, раненыя, кто верхомъ, кто на ослахъ, кто на повозкахъ и пѣшкомъ, всѣ со страшно-блѣдными испуганными лицами неслись къ мосту: на мосту напоръ былъ такъ силенъ, что ему, коменданту, съ пятью казаками пришлось бросить верховыхъ лошадей, и для того чтобы достигнуть моста пришлось перескакивать съ одной подводы на другую на разстояніи полу-версты, и лишь только ему удалось достигнуть моста, онъ приказалъ казакамъ и самому лично пришлось употребить въ дѣло нагайку, не разбирая кого бьешъ, и только благодаря этому удалось скоро очистить въѣздъ къ мосту, затѣмъ онъ приказалъ опрокинуть около моста въ три ряда повозки и забарикадировать дорогу къ мосту, а для успокоенія жителей Зимницы извѣстилъ генералъ-маіора Рихтера, что турокъ вовсе нѣтъ и что тревога фальшивая. Затѣмъ осталось спасти казначейство, для чего комендантъ послалъ съ казакомъ приказаніе одной ротѣ Болгарской дружины поспѣшить къ мосту и засѣсть за барикадой, а самъ отправился въ городъ, гдѣ къ удивленію пришлось убѣдиться, что кажется тревога фальшивая. Вскорѣ послѣ его возвращенія прибылъ въ городъ генералъ-маіоръ Рихтеръ, который изволилъ остаться всѣми распоряженіями весьма доволенъ, и пожелалъ осмотрѣть войска на позиціи, и послѣ осмотра, для спокойствія города, приказалъ войскамъ остаться на позиціяхъ.

Въ десять часовъ вечера этого-же дня изъ подъ Плевны стали прибывать массы раненыхъ, которыя снова стали повторять о неудачномъ нашемъ Плевненскомъ дѣлѣ и о большихъ съ нашей стороны потеряхъ, а равно, начали высказывать свое предположеніе, что турки вѣроятно скоро будутъ въ Систовѣ. Для прекращенія этихъ разсказовъ, комендантъ лично выѣхалъ на встрѣчу раненымъ и приказалъ имъ лучше говорить что Плевно взято, чѣмъ разсказывать о нашихъ потеряхъ, и если кто осмѣлится послѣ сего приказанія еще разъ повторитъ о нашемъ неудачномъ дѣлѣ, то будетъ неминуемо преданъ военному суду, и для того чтобы воспрепятствовать этому разсказу, разставили всѣхъ имѣющихся казаковъ по пути слѣдованія раненыхъ передъ Систовымъ, по Дунаю вплоть до моста въ Зимницу. Приказаніе ранеными было исполнено какъ нельзя лучше, такъ что на вопросъ болгаръ, какъ идутъ наши военныя дѣла, отвѣчали категорически, что Плевно взято русскими. Это извѣстіе какъ молнія передавалось изъ однихъ устъ въ другія, городъ послѣ такого

извѣстія изъ унылаго положенія пришелъ въ праздничный видъ, мгновенно городъ весь былъ иллюминованъ, вездѣ были слышны радостныя поздравленія и всѣ приходили къ коменданту за разъясненіемъ; но онъ давалъ уклончивый отвѣтъ, и говорилъ, что ему кажется въ этомъ случаѣ вѣрить раненымъ можно. Телеграфистъ въ Систовѣ протелеграфировалъ въ Зимницу своему товарищу «Ура! Плевна взята и восьмидесятитысячный корпусъ сдался». Этой телеграммѣ была дана вѣра и сообщили въ Петербургъ. Генералъ-маіоръ Рихтеръ прислалъ къ коменданту сапернаго офицера спросить, что значитъ торжество въ городѣ и имѣетъ-ли онъ оффиціальное свѣдѣніе о взятіи Плевны? На что тотъ отвѣтилъ: что оффиціальныхъ свѣдѣній о взятіи Плевны у него нѣтъ и вполнѣ убѣжденъ, что Плевна не взята, а если въ городѣ празднуется взятіе Плевны, то объ этомъ болгарамъ и жителямъ города сообщаютъ прибывшіе раненые, которымъ воспретили говорить о нашемъ неудачномъ Плевненскомъ дѣлѣ, а посовѣтывали говорить лучше, что Плевно взята, и если его превосходительство найдетъ, что это извѣстіе идетъ въ разрѣзъ его планамъ, то нѣтъ ничего легче какъ снова придти въ прежнее положеніе, и что по его мнѣнію истина сама по себѣ обнаружится не ранѣе трехъ дней; но торжественный и веселый видъ города въ продолженіе трехъ дней поддержитъ нравственный духъ города. Съ этимъ мнѣніемъ генералъ-маіоръ Рихтеръ вполнѣ согласился.

III.

Донесеніе генералъ-маіора Рихтера, завѣдывающаго переправой и войсками расположенными въ г. Систовѣ и Зимницѣ.

Неудачный исходъ плевенскаго сраженія отразился на другой день въ самомъ дальнемъ тылу. 19-го іюля, въ половинѣ перваго часа утра, партія раненыхъ, слѣдовавшихъ изъ Булгарене черезъ Систово, разсказала тамъ о нашемъ отступленіи, о громадныхъ потеряхъ и о томъ, что по слухамъ другая партія раненыхъ была атакована на пути турецкою кавалеріею, что часть раненыхъ попала въ плѣнъ и что турки идутъ вслѣдъ за ними. Разсказъ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе на жителей; кому-то показалось, что (идутъ) турки близко отъ Систова; закричали, что «идутъ турки», затѣмъ пьяный казакъ на неосѣдланной лошади поскакалъ къ мосту съ крикомъ: «турки идутъ въ Систово». Онъ былъ немедленно арестованъ; но всѣ переправлявшіеся и ожидавшіе у моста интендантскіе транспорты, съ пустыми повозками, всполошились

и бросились къ мосту; туда же начали сбѣгаться жители города Систова, нижніе чины, транспортъ и вновь формируемыя дружины болгарскаго ополченія; всѣ навалили на мостъ; напоръ былъ такъ силенъ, что не было силы удержать бѣгущихъ. Тѣ, которые попали на мостъ съ повозками, неслись по немъ во весь духъ; появились на мосту жители Систова, солдаты, женщины,—все это на лошадяхъ, на ослахъ неслось на румынскій берегъ. Начальникъ войскъ у переправы, генералъ-маіоръ Рихтеръ, немедленно приказалъ, во что бы то ни стало, хотя бы силою оружія, остановить напирающихъ на мостъ. На сѣверномъ мосту это удалось сдѣлать скоро, но на южномъ (съ болгарскаго берега на островъ) пришлось опрокинуть нѣсколько повозокъ и забаракадировать дорогу для спасенія моста. Въ это время пришло извѣстіе отъ исправляющаго должность коменданта Систова 53-го пѣхотнаго Волынскаго полка маіора Подгурскаго, что турокъ вовсе нѣтъ и что тревога фальшивая; это немного успокоило собравшихся у моста на румынскомъ берегу. Вслѣдъ затѣмъ генералъ-маіоръ Рихтеръ прибылъ самъ къ мосту у болгарскаго берега, приказалъ энергически дѣйствовать противъ бѣгущихъ и сдѣлалъ еще нѣкоторыя распоряженія относительно моста; убѣдившись, что первый страхъ прошелъ, онъ разрѣшилъ пропускать по мосту только порожнія транспортныя повозки, которыя должны были грузиться въ Зимницѣ. Потомъ генералъ-маіоръ Рихтеръ поѣхалъ въ Систово, гдѣ усиліями и отличною распорядительностью маіора Подгурскаго были уже успокоены жители города и приведены въ порядокъ транспорты и разныя команды и учрежденія въ городѣ; но паника еще была такъ сильна, что отцы соглашались остаться въ городѣ, но женъ и дѣтей своихъ отправляли къ мосту; наконецъ генералъ-маіору Рихтеру удалось ихъ успокоить.

Въ то время, когда часть жителей бѣжала къ мосту, нѣкоторыя бросились къ лодкамъ, находящимся въ Систовѣ и переправились въ Зимницу, причемъ было нѣсколько несчастныхъ случаевъ: двое дѣтей утонуло. На мосту былъ только одинъ несчастный случай: женщина съ ребенкомъ упала съ моста въ воду, но была спасена понтонерами.

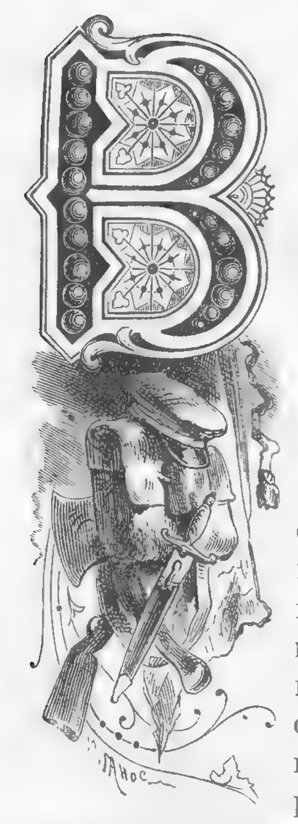
Въ Систовѣ генералъ-маіоръ Рихтеръ засталъ всѣ войска на укрѣпленной позиціи кругомъ города. Осмотрѣвъ ихъ, генералъ-маіоръ приказалъ имъ оставаться на позиціи для окончательнаго успокоенія жителей.

Въ часъ пополудни паника распространилась въ городѣ Зимницѣ. Туда же пришли извѣстія, что турки взяли мостъ, двигаются на Зимницу и на четырехъ пароходахъ перевозятъ войска съ праваго берега на лѣвый. Все населеніе бросилось изъ города. Въ госпиталѣ легко раненые и вообще кто могъ, стали уходить по разнымъ дорогамъ на Александрію, Бею и Бригадиръ, и по всему пути распространили панику. Тотчасъ были посланы по всѣмъ дорогамъ надежные казаки съ офицерами, чтобы

успокоить главнѣйшимъ образомъ подводчиковъ, которые везли провіантъ для войскъ и понудить ихъ спокойно продолжать путь.

Мало по малу все успокоилось. Главнымъ образомъ жители были успокоены видомъ войскъ, спокойно стоявшихъ на позиціи, а также отличною распорядительностію и присутствіемъ духа маіора Подгурскаго, который энергически остановилъ распространеніе паники и первый распорядился высылкою на позицію войскъ.

Рекогносцировка
въ ночь съ 11-го на 12-е Октября 1877 года
подъ Плевною.



Въ ночь на 7-е октября 1877 года лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ передвинулся изъ села Эски-Баркачъ въ деревню Медованъ, лежащую верстахъ въ десяти къ югу-востоку отъ города Плевны. Въ то время уже выяснились намѣренія нашего начальства—замкнуть желѣзное кольцо, окружавшее Османъ-пашу, занятіемъ Горнаго Дубняка, какъ единственнаго свободнаго выхода изъ Плевны по Софійскому шоссе. Нашему полку приходилось, по слухамъ, демонстрировать противъ деревни Тернинъ, лежащей у подошвы южныхъ склоновъ Плевненскихъ высотъ, съ цѣлью служить заслономъ на случай, если бы Османъ-паша вздумалъ послать подкрѣпленія на помощъ гарнизону Горнаго Дубняка, атака котораго была назначена 12-го октября. Съ воспоминаніемъ объ этой демонстраціи въ моей памяти невольно воскресаетъ ночь наканунѣ, обильная массой новыхъ, невѣдомыхъ еще впечатлѣній для меня, какъ для охотника-новичка, отправившагося на рекогносцировку турецкой позиціи среди той таинственной, ночной обстановки и обманчиваго свѣта луны, когда каждый кустъ рисуется напряженному воображенію въ видѣ непріятельскаго часоваго, а шорохъ ночной птицы—шумомъ шаговъ приближающагося патруля. Рядъ этихъ, памятныхъ для меня, впечатлѣній и служитъ цѣлью моей настоящей замѣтки.

Но прежде чѣмъ приступить къ описанію моей рекогносцировки, я долженъ въ легкихъ чертахъ набросать видъ турецкой позиціи. На

другой день по прибытіи нашемъ въ деревню Медованъ, часть полка пошла на работу, строить впереди, верстахъ въ двухъ, на нашей оборонительной позиціи, укрѣпленія, а мы, свободные, влѣзли на курганъ и вполнѣ были очарованы видомъ, открывшимся передъ нами.

Вправо, верстахъ въ трехъ, начинаются плевненскія возвышенности съ нѣсколькими редутами, изъ которыхъ большой крышинскій, особенно рѣзко выдѣляется своею сильною профилью; за редутами, на противоположномъ скатѣ, виднѣлись остроконечныя, коническія палатки турецкаго лагеря. Прямо передъ нашей позиціей, на одномъ изъ хребтовъ, — нѣсколько ложементовъ, и на горизонтѣ рѣзкій силуэтъ турецкаго часоваго съ ружьемъ. Склоны возвышенностей покрыты мѣстами рѣдкимъ кустарникомъ, между которымъ кое-гдѣ выдѣляются отдѣльные пѣхотинцы и группы непріятельскихъ разъѣздовъ. Возвышенности эти крутыми скатами падаютъ къ ручью, протекающему у подошвы нашей позиціи, а юго-западными оконечностями врѣзываются въ деревню, деревню, рѣзко ограничивая равнину, открытую взору верстъ на десять въ окружности. Деревня Терпинъ, у подошвы ската, утопаетъ въ зелени, мелькая тамъ и сямъ бѣлыми домиками, съ красными, черепичными кровлями, окруженная, какъ частоколомъ, пирамидальными тополями; вдали серебристая лента рѣки Вида; нѣсколько деревушекъ, въ видѣ зеленѣющихъ оазисовъ; софійское шоссе, а тамъ далѣе, степь, незамѣтно сливающаяся съ небосклономъ. Картина такъ хороша, что невольно просилась на бумагу и я кое-какъ набросалъ ее карандашемъ.

Наканунѣ предполагаемой демонстраціи командиръ полка, генералъ-маіоръ Мирковичъ, очень хорошо понимая, что занятіе деревни Терпинъ немыслимо безъ занятія прилегающихъ къ ней возвышенностей, рѣшилъ послать въ ночь съ 11-го на 12-е октября по пяти человѣкъ охотниковъ отъ ротъ 4-го баталіона для того, чтобы осмотрѣть турецкую позицію и, утромъ, согласно ихъ показаніямъ, занять высоты. Я въ то время былъ субалтернъ-офицеромъ одной изъ ротъ 4-го баталіона, поэтому приказаніе генерала не осталось неизвѣстнымъ мнѣ, ротному командиру, поручику Доможирову и другому субалтерну, подпоручику Рославлеву, молодому офицеру, только что передъ походомъ выпущенному изъ училища.

Жажда ощутить новыя, еще неиспытанныя впечатлѣнія, обстановка рискованнаго предпріятія, желаніе испытать самого себя, наконецъ такого рода разсужденія, что солдаты-охотники могутъ не дать точныхъ свѣдѣній, требующихся отъ нихъ, увлекаясь какими-нибудь мелочами,— все это заставляло желать насъ получить во что бы то ни стало эту командировку, несмотря на всевозможныя опасности, сопряженныя съ нею. Безъ дальнихъ разсужденій, мы всѣ трое отправились къ генералу и заявили наше желаніе. Нечего и говорить, что онъ былъ тронутъ нашимъ заявленіемъ и предложилъ мнѣ и поручику Доможирову тянуть жребій,

устранивъ предварительно Рославлева, какъ онъ выразился, по причинѣ его молодости и нежеланія брать на душу грѣхъ, подвергая его опасности на первыхъ порахъ дѣйствительной жизни. По рѣшенію генерала, вытянувшій узелокъ платка долженъ былъ идти. Я вытянулъ узелокъ...

Намѣреваясь отправиться на нашу позицію часовъ въ одиннадцать вечера, съ тѣмъ, чтобы идти на рекогносцировку часа въ два—три утра, я тѣмъ временемъ сдѣлалъ кое-какія распоряженія на случай неблагопріятнаго исхода предпріятія.

Ровно въ одиннадцать часовъ, подкрѣпивъ себя кускомъ мяса, вооруженный револьверомъ, простившись съ товарищами, я отправился на нашъ люнетъ въ сопровожденіи двадцати охотниковъ-солдатъ. Взявъ тамъ отъ дежурныхъ ротъ одинъ взводъ для моего резерва, я спустился съ позиціи внизъ къ разрушенной мельницѣ, съ которой и должна была начаться моя рекогносцировка.

Въ виду обширности турецкихъ возвышенностей, я раздѣлилъ своихъ охотниковъ на четыре части съ тѣмъ, чтобы отправить ихъ по разнымъ направленіямъ, избравъ для себя самое главное, т. е. изслѣдованіе непріятельскихъ ложементовъ; далъ всѣмъ должныя инструкціи, взводу приказалъ оставаться на мельницѣ до возвращенія всѣхъ насъ и началъ ждать болѣе благопріятнаго времени, когда, по моему мнѣнію, передъ разсвѣтомъ бдительность часовыхъ должна была уменьшиться, убаюкиваемая дремотой.

Прошелъ часъ, другой и за это время много, много мыслей и думъ пробѣгало въ моей головѣ. Отъ сильнаго нравственнаго напряженія безпокойная дремота заставила меня забыться на нѣсколько минутъ.

Подходитъ солдатикъ:

— Ваше благородіе, не пора ли идти?

Я вскочилъ и, отряхнувъ кошмаръ, сразу вспомнилъ дѣйствительность.

— Да, пора, говорю, позови людей, сейчасъ идемъ!

Еще разъ подтвердилъ людямъ порядокъ движенія и соблюденія осторожности.

— Ну, братцы, съ Богомъ, впередъ!

И тотчасъ же, какъ по командѣ четыре кучки людей отдѣлились беззвучно отъ темныхъ сводовъ мельницы при шумѣ шаговъ, заглушаемыхъ журчаньемъ ручья, падающаго на колесо, шепча про себя простую, но теплую молитву русскаго солдата.

Я не стану описывать позиціи—это рядъ волнообразныхъ возвышенностей, невидимыхъ одна за другой. Достигаешь одной вершины, думая уже о концѣ предпріятія; не тутъ-то было, за этой возвышенностью тянется другая еще выше, за ней третья.

Я и еще двое солдатъ пошли впередъ, а двое другихъ двигались за нами шагахъ въ ста пятидесяти. Все безмолвно кругомъ, ни одного звука, только можно было слышать нашъ тихій, сдержанный шепотъ или слабый звукъ ноги, сорвавшейся съ камня, освѣщеннаго обманчивымъ блескомъ луны. Мы двигаемся, какъ тѣни; въ кустахъ мы разгибаемся, идемъ смѣлѣе, за то на прогалинахъ, облитыхъ луннымъ свѣтомъ, мы подвигаемся ползкомъ одинъ за другимъ, еле еле передвигая ногами. Вотъ кустъ на половинѣ крутаго подъема, садишься и отдыхаешь, не переставая прислушиваться. Опять та же мертвая тишина, только слышно учащенное бьеніе собственнаго сердца, да какое то хриплое, прерывистое дыханіе сосѣда-солдата. Черезъ нѣсколько минутъ опять движеніе впередъ. Но что это? игра напряженнаго воображенія или дѣйствительность?

Шагахъ въ пятидесяти впереди темный силуэтъ часоваго съ ружьемъ на плечѣ. Быстро падаешь на землю и начинаешь присматриваться. Смотришь долго, потъ льется съ лица; морозъ, а самому жарко, какъ въ іюльскій полдень. Да, несомнѣнно, это часовой, онъ даже, какъ будто движется, переминаясь съ ноги на ногу. Но вотъ кровь отливаетъ отъ сердца, начинаешь свободно дышать. Воображеніе до того напряжено, что отдѣльный большой кустъ, колеблемый легкимъ вѣтромъ, при блѣдномъ мерцаніи луны, не трудно принять за часоваго. И опять ползешь дальше. Слава Богу, кажется, уже скоро конецъ, шаговъ сто и мы достигнемъ вершины хребта, за которымъ должна открыться та таинственная завѣса, которая останавливала нашу атаку на гору. Вдругъ одинъ изъ моихъ спутниковъ внезапно притихъ и съ видомъ безмолвія погрозилъ мнѣ. Подползаю къ нему, спрашиваю о причинѣ, онъ киваетъ впередъ. Теперь уже не воображеніе, а дѣйствительность рисуетъ передо мной правильныя очертанія укрѣпленія, котораго глинистый брустверъ съ просвѣтомъ для амбразуры такъ отчетливо освѣщенъ луной. Мы прислушиваемся и присматриваемся, желая открыть признаки жизни въ укрѣпленіи, но въ немъ все тихо: мы еще безмолвнѣе и тише поползли кругомъ.

Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ, пока мы огибали укрѣпленіе; въ моемъ воображеніи уже рисовался залпъ, крикъ «Алла» и очевидная смерть при невозможности отступленія,—резервъ былъ очень далеко. «Тьфу, проклятое укрѣпленіе!» громко ругается ползшій впереди меня солдатъ, встаетъ и спокойно входитъ въ него. Укрѣпленіе оказалось пустымъ ложементомъ на одно орудіе, очевидно, турки только на день для вида ставили часоваго и посылали патрули и разъѣзды, не предполагая съ нашей стороны какихъ нибудь серьезныхъ дѣйствій. Послѣ этого, мы уже смѣло начали хозяйничать на позиціи, я осмотрѣлъ нѣкоторыя подробности, нанесъ кроки, полюбовался при лунномъ свѣтѣ живописной д. Терникъ, лежащей у подошвы и уже хотѣлъ уходить

обратно, какъ пугливое восклицаніе одного изъ солдатъ заставило насъ обернуться.

На горизонтѣ, освященномъ заходящей луной, показались силуэты четырехъ человѣкъ. На этотъ разъ глазъ тоже не обманываетъ,—держа ружья на перевѣсъ, они тихо крадутся къ намъ. Вдругъ мы видимъ, что они начинаютъ присѣдать и присматриваться съ явными признаками боязни; нѣтъ сомнѣнія, что они увидали насъ; мы начинаемъ дѣлать тоже. Не знаю, какъ долго продолжалось бы наше обоюдное присѣданіе, если бы кто то изъ насъ не догадался ударить тихо въ ладоши; такой же отвѣтъ съ ихъ стороны. Это условленный заранѣе знакъ при встрѣчѣ двухъ патрулей. Вскорѣ къ намъ подошелъ патруль съ унтеръ-офицеромъ Дорошенко; мы дѣлимся полученными свѣденіями. Этотъ патруль, самый правофланговый, наткнулся на нѣсколько турецкихъ палатокъ съ коновязями, по всѣмъ признакамъ, баши-бузуковъ но, не желая подымать напрасной тревоги, удовольствовался только внѣшнимъ осмотромъ. Черезъ полчаса всѣ охотники собрались на мельницѣ и мы поспѣшили на нашъ люнетъ. Теперь я уже чувствую холодъ; пришлось два раза переходить въ бродъ ручей около мельницы, сапоги подмерзли и я совсѣмъ не владѣю ногами. На люнетѣ беру лошадь и скачу на бивуакъ, чтобы успѣть до разсвѣта согрѣться и вздремнуть. Не доѣзжая бивуака, встрѣчаю генерала верхомъ.

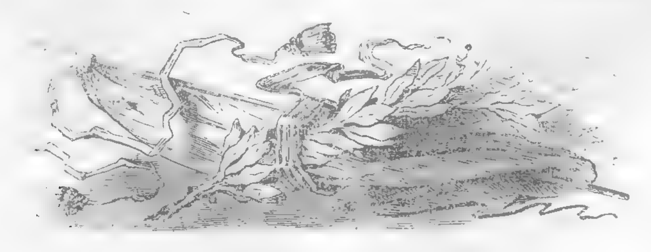
— Это вы, Алексинъ, ну что? какъ?

— Все исполнилъ, ваше превосходительство, и не видалъ ни одного турка!..

На другой день намъ удалось съ малыми потерями занять гору, такъ какъ мы имѣли дѣло съ баши-бузуками и однимъ таборомъ турокъ, подошедшимъ уже тогда, когда мы были на горѣ. Занятую нами гору В. К. Николай Николаевичъ приказалъ назвать въ честь полка «Волынской;» на ней мы, зарывшись, какъ кроты въ землю, прожили въ траншеяхъ полтора мѣсяца.

Про моихъ сотоварищей солдатъ-охотниковъ могу сказать только одно, что всѣ они отличены впослѣдствіи, или Георгіевскимъ крестомъ, или же какъ герои, погибли славною смертью въ дѣлахъ подъ Ташкисенами или подъ Филиппополемъ.

К. Алексинъ.



Случайные парламентеры.

Семь тяжелыхъ часовъ въ моей жизни.

Октябрь кончился. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1877 года я находился въ качествѣ ординарца при генералѣ Тотлебенѣ, помощникѣ начальника отряда обложенія Плевны. Штабъ нашъ находился въ деревнѣ Тученицѣ, расположенной верстахъ въ восьми на юго-востокъ отъ Плевны.

Стояли сырые, туманные дни, туманные до того, что въ пятнадцати шагахъ трудно было разглядѣть верховаго. Въ одинъ изъ такихъ дней, 9-го ноября, я возвращался изъ деревни Дольняго Дубняка, везя съ собой довольно важное донесеніе отъ командира Гренадерскаго корпуса. Путь мой пролегалъ черезъ деревню Тринипъ, возлѣ которой стоялъ на позиціи лейбъ гвардіи Волынскій полкъ на горѣ своего имени. Такъ какъ я самъ имѣю счастіе служить лейбъ гвардіи въ Волынскомъ полку, то и заѣхалъ на минуту къ товарищамъ. Здѣсь я встрѣтился съ поручикомъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка Рябинкинымъ, тоже состоявшемъ при генералѣ Тотлебенѣ и мы рѣшили ѣхать въ Тученицу вмѣстѣ. Дорогу избрали кратчайшую, по горамъ, позади нашихъ позицій. При мнѣ находился казакъ вѣстовой.

Часа въ два по полудни мы выѣхали. Ѣдемъ, какъ въ облакѣ; сырость такъ и пронизываетъ. Проѣхавъ около часа, замѣчаемъ влѣво отъ насъ на склонѣ горы чернѣетъ траншея. Въ полной увѣренности, что это наша тыловая траншея, обыкновенно строющаяся за редутомъ,—смѣло поворачиваемъ къ ней по узенькой дорожкѣ. Впереди я, за мной Рябинкинъ, сзади казакъ. Поднимаемся вверхъ, проѣзжаемъ шагахъ въ десяти лѣвѣе траншеи. Дорожка развѣтвляется: направо по фронту ложе-

мента, налѣво—къ большому редуту, грозный силуэтъ котораго чернѣетъ отъ насъ шагахъ въ пятидесяти. Я хотѣлъ уже повернуть къ редуту, чтобы распросить о дорогѣ, какъ вижу, что съ горы, прямо на насъ, спускается верховой, закутанный башлыкомъ и съ ружьемъ за спиной; по виду — совершенно казакъ. За нимъ спускается нѣсколько пѣшихъ.

Я рѣшилъ лучше дождаться верховаго и разспросить его о дорогѣ. Вотъ онъ уже въ десяти шагахъ. «Эй», кричу я, «куда братецъ ведетъ эта дорога?»—Представить невозможно моего удивленія, когда верховой, остановившись, вскрикиваетъ и, схвативъ ружье, пресерьезно прицѣливается въ меня! Взглядываю въ сторону и замѣчаю, что въ меня наведенъ уже цѣлый десятокъ ружей, солдатами, выскочившими на крикъ коннаго. Все это произошло въ одно мгновеніе, быстрѣе мысли! Тутъ я угадалъ истину: мы заѣхали, благодаря туману, какъ разъ въ середину между турецкими укрѣпленіями. Оборачиваюсь быстро назадъ, вижу, что мой товарищъ держитъ уже въ рукѣ бѣлый платокъ. Выхватываю изъ кармана и свой. Ружья опускаются.

— Ну, обращаюсь я къ Рябинкину, кажется, мы попались! — «Скажемъ, что мы парламентеры», отвѣчаетъ онъ мнѣ.—Сказано—сдѣлано, обвязываемъ платками рукава. Между тѣмъ, насъ окружаетъ толпа турокъ въ красныхъ фескахъ и знаками приглашаетъ сойти съ лошадей. Мы слѣзаемъ и въ это время успѣваемъ уговориться. Наша выдумка состояла въ слѣдующемъ: генералъ Каталей, начальникъ отряда, расположеннаго между рѣкою Видомъ и деревнею Брестовцомъ, послалъ дескать насъ къ начальнику соотвѣтствующаго участка турецкой позиціи, съ предложеніемъ обоюдно прекратить огонь до утра, такъ-какъ въ войскахъ отряда генерала Каталея большой праздникъ и генералъ хотѣлъ бы дать возможность своимъ людямъ спокойно его провести. Условливались мы отрывочными фразами, отдѣльными словами. Изложить же эти вымышленныя порученія и развить въ подробностяхъ,—выпало на мою долю, такъ какъ я лучше товарища владѣю французскимъ языкомъ.

Намѣтивъ среди турокъ одного, болѣе похожаго на офицера, я съ развязнымъ видомъ начинаю объяснять ему измышленную цѣль нашего прибытія, стараясь скрыть овладѣвшее мною понятное волненіе, что мнѣ, кажется, вполнѣ удалось.

Мой офицеръ отвѣтилъ на плохомъ французскомъ языкѣ, что придется подождать бимбаши (майора), за которымъ уже послано. Во время этого разговора, приблизилось еще нѣсколько турецкихъ офицеровъ съ шумными возгласами. Въ этихъ крикахъ я могъ разобрать только два слова, произнесенныхъ по русски: «царь» и «миръ». Вѣроятно они предположили, что мы пріѣхали съ объявленіемъ мира. Не желая оставлять ихъ въ заблужденіи, я снова повторилъ нашу выдумку и въ заключеніе,

не находя темы для дальнѣйшаго разговора, предложилъ окружающимъ папиросъ. Надо сказать, что папиросы были прескверныя, купленныя мною по дорогѣ у какого-то маркитанта. Турки, въ свою очередь, скрутили двѣ папироски и любезно подали намъ.

Наконецъ пришелъ ожидаемый «бимбаши», человѣкъ небольшого роста, плотный, съ румянымъ добродушнымъ лицомъ, окаймленнымъ черной бородой. Выслушавъ говорившаго съ нами офицера, бимбаши предложилъ намъ сѣсть на лошадей. Откуда ни возьмись, явился конный конвой, окружилъ насъ и мы тронулись. Чтобы не возбуждать подозрѣнія конвоировавшихъ, мы съ Рябинкинымъ поѣхали не рядомъ, а одинъ за другимъ, что не мѣшало намъ, впрочемъ, дорогой переговариваться. За Рябинкинымъ слѣдовалъ мой казакъ, блѣдный, какъ полотно. Конвой держалъ ружья на изготовку.

Между тѣмъ туманъ начиналъ по немногу рѣдѣть. Мы все спускались лощиной и минутъ черезъ двадцать ѣзды, за крутымъ поворотомъ оврага, мы увидѣли прелестную понораму Плевны. Масса каменныхъ домовъ, минаретовъ, куполовъ; я разсмотрѣлъ даже главу православной церкви. Мы приблизились къ городу уже шаговъ на тысячу, какъ вдругъ прискакавшій всадникъ, поворачиваетъ весь нашъ кортежъ обратно. Теперь мы ѣхали не по дорогѣ, а по изрытымъ кукурузнымъ полямъ.

Начинало темнѣть. Меня сильно безпокоила висѣвшая на мнѣ сумка съ бумагой. Предполагая, что насъ введутъ въ освѣщенное помѣщеніе, а казакъ останется при лошадяхъ, въ темнотѣ, я рѣшилъ передать сумку ему. Ловкимъ маневромъ я роняю на землю платокъ и громко приказываю казаку поднять. Нагнувшись, я передаю ему сумку съ приказаніемъ хранить пуще глаза и не робѣть. Повидимому, конвой ничего не замѣтилъ.

Поѣхали дальше и минутъ черезъ двадцать очутились у бѣлой турецкой палатки, возлѣ которой сошли съ лошадей. Ожидавшій тутъ молодой офицеръ, предложилъ намъ войти.

Входимъ. Внутренность палатки освѣщаетъ свѣча въ высокомъ подсвѣчникѣ, поставленная прямо на землю. Возлѣ — два походныхъ табурета. По слѣдамъ подковъ на сырой землѣ замѣтно, что шатеръ сейчасъ только поставили.

Не успѣли мы присѣсть, какъ видимъ, что и казака вводятъ въ палатку. Опасаясь за сумку, а также и за лошадей, я стремительно вскакиваю и объясняю офицеру, что по нашимъ военнымъ правиламъ, солдатъ не можетъ находиться въ одной палаткѣ съ офицеромъ, такъ какъ, дескать, это—подрывъ дисциплины и прошу оставить казака при лошадяхъ. Офицеръ повѣрилъ и убѣдился, — наша просьба была исполнена.

Между тѣмъ въ палатку набралось человѣкъ пять турецкихъ офицеровъ. Они присѣли на корточки, закурили папироски и стали насъ съ любопытствомъ разглядывать. Я хотѣлъ было уже начать наши переговоры, но меня попросили обождать до прихода паши и переводчика. Нечего дѣлать, замолчалъ.

Сознаюсь, наше положеніе было весьма трудно. Въ полной неизвѣстности относительно будущаго, приходилось выдерживать пытливые взгляды людей, обращеніе которыхъ съ плѣнными намъ было извѣстно; болѣе того: приходилось сохранять спокойный видъ людей, пріѣхавшихъ по долгу службы.

Чтобы какъ нибудь разсѣять черныя мысли, я стараюсь завязать салонный разговоръ. Но, въ отвѣтъ на всѣ мои заигрыванія, щеголеватые турки только мычали: видно, не бойко объяснялись на дипломатическомъ языкѣ. Къ счастію насъ вывелъ изъ затрудненія вошедшій въ палатку турецкій офицеръ небольшаго роста, съ пріятнымъ и умнымъ лицомъ. При появленіи его всѣ почтительно встали. Мы, конечно, тоже. Онъ попросилъ знакомъ садиться, усѣлся самъ по-турецки на разостланномъ коврѣ и обратился къ намъ съ вопросительной миной.

Я рекомендую себя и Рябинкина, какъ офицеровъ гвардіи и посланныхъ отъ генерала Католея, причемъ излагаю мнимое предложеніе генерала, прибавивъ, что одновременно съ нами посланъ, будто бы, офицеръ къ начальнику отряда обложенія съ извѣщеніемъ о нашемъ отправленіи.

Внимательно выслушавъ меня, паша (оказавшійся впослѣдствіи Тефикъ-пашой, начальникомъ штаба плевненской арміи) сказалъ, что онъ долженъ извѣстить мушира (Османа-пашу) и ждать его приказаній. Потомъ паша продиктовалъ по-турецки, съ нашихъ словъ, телеграмму, которую и вручилъ позванному чаушу (унтеръ-офицеру), При входѣ чауша я замѣтилъ снаружи часоваго, огромнѣйшаго турка съ ружьемъ. Не скажу, чтобъ это обстоятельство подѣйствовало на меня успокоительно!

Вслѣдъ за отправленіемъ телеграммы, внесли на подносѣ три чашечки кофе, которыя предложили пашѣ и намъ двоимъ. Разговоръ плохо клеился. Я вздумалъ было проводить паралель между нашимъ климатомъ и климатомъ Турціи и сдѣлалъ замѣчаніе, что въ палаткѣ довольно свѣжо. Тотчасъ же, по приказанію паши, внесли жаровню съ угольями и надъ ней протянулось около десятка рукъ. Въ этотъ моментъ, несмотря на грустное положеніе наше, меня разбиралъ смѣхъ: турки и не догадывались, что меня дрожь пробираетъ совсѣмъ не отъ холода, а отъ другой причины.

Подали еще кофе. Вошелъ солдатъ я подалъ пашѣ запечатанный конвертъ. «Ну, думаю, сейчасъ объявятъ резолюцію мушира и, можетъ быть, прощай свобода! прощай товарищи!» У меня уже промелькнула

въ умѣ картина, какъ окружающіе начнутъ дѣлить между собой наши доспѣхи. «Вонъ, думаю, тотъ, длинноусый, навѣрное возьметъ мои сапоги: онъ уже давно на нихъ умильно поглядываетъ».

Паша прочелъ самъ телеграмму, потомъ передалъ своимъ офицерамъ, которые начали что-то толковать и, посматривая на насъ, усмѣхаться. Это удвоило мои подозрѣнія: догадались, значитъ, какіе мы парламентеры. Но намъ никто ничего не сказалъ, а тотчасъ же написали и отправили вторую телеграмму. Прошло полчаса. Вдругъ входитъ въ палатку мулла высокаго роста, съ черной бородой и садится правѣе паши. Тотъ ему сказалъ что-то по-турецки. Мулла перевелъ на насъ свои быстрые, проницательные глаза и спросилъ, къ величайшему моему удивленію, на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ:

— Что вамъ желательно?

— Я имѣлъ честь объяснить генералу все, что слѣдовало и больше ничего не могу прибавить, отвѣчалъ я по-русски и сейчасъ же перевелъ свой отвѣтъ на французскій языкъ.

Мулла замолчалъ и даже на вопросъ мой: гдѣ онъ научился говорить по-русски, — не отвѣтилъ ни слова. Я оставилъ его въ покоѣ и продолжалъ усиленно курить. Кстати сказать, что я въ теченіи семичасоваго пребыванія у турокъ выкурилъ около сотни папиросъ, самъ не замѣчая этого.

Вскорѣ принесли второй конвертъ. По прочтеніи его, опять улыбка и взгляды въ нашу сторону. Тутъ я уже не выдержалъ и спросилъ: не касается ли насъ содержаніе полученной бумаги? Мнѣ отвѣчали уклончиво и я предоставилъ все на волю Божью.

Наконецъ, въ одиннадцать часовъ вечера получена была третья телеграмма. Пробѣжавъ ее глазами; паша всталъ и торжественно произнесъ слѣдующее: «Его превосходительство генералъ Османъ изволилъ согласиться на предложеніе генерала Каталея. Мы не будемъ стрѣлять, если съ вашей стороны, конечно, тоже не будетъ огня. Затѣмъ, можете ѣхать!»

Не выразивъ ни однимъ движеніемъ, какъ мы рады поскорѣй убраться мы поклонились, а я отвѣчалъ: что слова генерала Османа въ точности будутъ переданы генералу Каталею, поблагодарилъ пашу за гостепріимство и попросилъ провожатаго до цѣпи.

Паша отвѣтилъ, что сейчасъ придетъ патруль и мы, еще разъ поклонившись, тихой поступью вышли къ лошадямъ. Дѣйствительно, явились пять солдатъ съ ружьями и быстро пошли впередъ, указывая дорогу. Проѣхавъ такимъ образомъ шаговъ триста, замѣчаемъ, что изъ пяти солдатъ остался только одинъ, да и тотъ, махнувъ рукой впередъ и, произнеся: «бурда!» (здѣсь), тоже исчезъ.

Осторожно двинулись мы впередъ, по указанному направленію. У меня промелькнула мысль: ну, какъ нашъ обязательный патруль одумается, да хватитъ залпъ намъ въ затылокъ? Къ счастью, этого не случилось, но, тѣмъ не менѣе, положеніе наше было незавидное. Темно, дороги не знаешь. Пожалуй опять наткнешься на турецкія редутъ! Рябинкинъ вспомнилъ, что у него есть съ собой компасъ, и мы стали держаться по немъ, по направленію на югъ. Лучше въ Ловчу пріѣхать, чѣмъ опять въ Плевну.

Ѣхали мы минутъ пятнадцать, все на югъ. Говорили съ полголоса. Колючіе кусты загораживаютъ дорогу. Лошади спотыкаются. Скверно!.. Вдругъ слышимъ знакомый звукъ, заставившій насъ мгновенно повеселѣть: шагахъ въ пятидесяти впереди насъ рубили кусты тесакомъ. Этотъ-то дребезжащій звукъ расшатавшагося тесака и донесся до насъ.

— Стой! Кто ѣдетъ? раздался испуганный голосъ часоваго, когда наши фигуры неожиданно выставились изъ тумана.

— Свои! закричали мы радостно и, сказавъ поспѣшно пропускъ, двинулись на встрѣчу подходившимъ офицерамъ.

Оказалось, что мы наткнулись на постъ С.-Петербургскаго гренадерскаго полка. Офицеры случились знакомые и отъ нихъ мы узнали, на какой редутъ турецкій попали: на большой Кришинскій.

Нечего говорить, что удивленію гренадеръ не было границъ, когда они услыхали откуда мы ѣдемъ.

Мы съ Рябинкинымъ, чувствовали себя такъ хорошо, что готовы были пѣть, танцовать и обниматься со всѣми!

Мы даже не чувствовали ни холода, ни голода, хотя почти весь день ничего не ѣли и порядочно продрогли, путешествуя въ сыромъ туманѣ.

Дорогой въ Тученицу, казакъ разсказалъ намъ свои впечатлѣнія. Страхъ его, оказывается, прошелъ съ той минуты, какъ ординарецъ-турокъ повернулъ насъ отъ Плевны назадъ. Пока мы сидѣли въ палаткѣ, онъ находился при лошадяхъ, и успѣлъ выпить чашекъ шесть кофе и съѣсть нѣсколько галетъ. Лошадямъ принесли ячменя.

Только въ два часа ночи добрались мы до Тученицы, благодаря слякоти. Пріѣхавъ, разбудили помощника начальника штаба и разсказали ему свое приключеніе. На другой день утромъ, генералъ Тотлебенъ отправилъ насъ въ главную квартиру, гдѣ мы удостоились лично разсказать Августѣйшему Главнокомандующему про наше парламентерства. Его Императорское Высочество изволилъ похвалить насъ за находчивость.

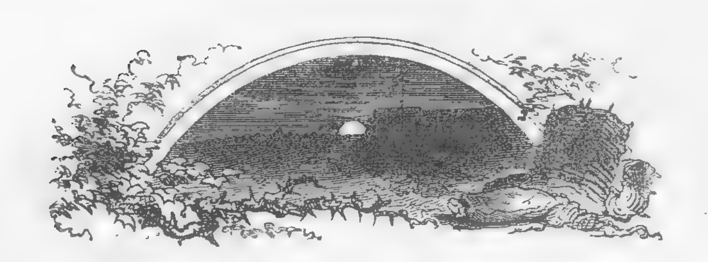
На третій день, при посѣщеніи Государемъ Императоромъ нашихъ Радишевскихъ позицій, Его Высочество Главнокомандующій лично изволилъ доложить Ему о насъ и разсказалъ все какъ было. Государь Импе-

раторъ остался весьма доволенъ благополучнымъ окончаніемъ нашего приключенія.

И не запомню, сколько разъ приходилось разсказывать эту исторію въ теченіи первыхъ послѣдующихъ дней. Всякому хотѣлось услышать отъ насъ подробности такой необыкновенной прогулки.

Прошло болѣе года со дня происшествія, а я помню такъ хорошо всѣ подробности, будто это случилось вчера. Подобные случаи глубоко врѣзываются въ память, потому что они не повторяются.

Е. К.....



Изъ Рущукскаго отряда.

Переправившись черезъ Дунай у Систова, отрядъ Цесаревича, двинулся на востокъ, быстро достигъ линіи рѣки Кара-Ломъ (по болгарски Черни-Ломъ) и уже готовился обложить Рущукъ. Но неудачи подъ Плевной измѣнили назначеніе отряда: пріостановивъ наступленіе, онъ принялъ оборонительное положеніе, оставаясь на линіи Кара-Лома. Отрядъ былъ невеликъ, пришлось растянуть силы на значительное разстояніе, а параллельно нашему фронту не было сколько нибудь порядочныхъ дорогъ, которыя помогали бы быстро сосредоточивать силы на угрожаемомъ пунктѣ. Оперировавшая же противъ Рущукскаго отряда турецкая армія, съ главнокомандующимъ Мехметомъ-Али-пашей во главѣ, пользовалась значительнымъ численнымъ превосходствомъ и, кромѣ того, владѣла РущукскоВарнской желѣзной дорогой. Ясно, что благодаря этимъ обстоятельствамъ, туркамъ не представлялось никакой трудности въ любомъ задуманномъ для нападенія мѣстѣ имѣть всегда численный перевѣсъ надъ нами. Если прибавить еще къ этому невыгодное положеніе обороняющагося, въ отношеніи неизвѣстности пункта атаки, и то, что непріятель опирался на сильныя крѣпости (Рущукъ, Шумла, Силистрія), служившія обширными арсеналами и кладовыми, станетъ ясно, что задача отряда — охраненіе фланга арміи—была задачею отнюдь не легкою.

Однако весь Іюль и первую половину Августа непріятель дѣйствовалъ вяло, нерѣшительно, ограничиваясь лишь незначительными стычками; въ рукахъ нашихъ находился еще Кадыкіой, турецкое селеніе верстахъ въ восемнадцати на югъ отъ Рущука. Первымъ рѣшительнымъ

дѣломъ можно считать дѣло 18-го августа у Карахассанъ-Кіоя, послѣ котораго 13-й корпусъ долженъ былъ отступить. Удача ободрила турокъ: 23-го августа они нападаютъ на Кадыкіой, оттѣсняютъ 12-ю дивизію за рѣку Ломъ, а 24-го августа атакуютъ 33-ю пѣхотную дивизію у селенія Аблова.

Входя въ составъ предводимаго Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ 12-го армейскаго корпуса, 33-я дивизія съ ея артиллеріею занимала въ іюлѣ позицію у дер. Кошово, въ первыхъ же числахъ августа двинулась къ югу и, постоявъ нѣсколько дней у села Острица, 5-го августа перешла на позицію къ деревнѣ Аблова. Впрочемъ, на этой послѣдней позиціи оставалась постоянно только одна бригада пѣхоты и 3 батареи; другая же бригада съ остальными тремя батареями стояла нѣсколько позади, въ селѣ Іенидзешп, откуда ее легко можно было направить на помощь либо къ Абловѣ, либо къ Карахассанкіою.

Такъ какъ предметомъ моего разсказа послужитъ дѣло 24-го августа у с. Аблова, то позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о мѣстности, въ которой лежитъ это селеніе и о расположеніи нашихъ войскъ на этой позиціи.

Рѣка Ломъ въ этомъ мѣстѣ состоитъ изъ двухъ рѣченокъ: Кара-Ломъ и Акъ-Ломъ (Кара-Черный, Акъ-Бѣлый). Селеніе Аблова лежитъ по Кара-Лому въ богатой, плодородной и хорошо населенной части Булгаріи; о количествѣ населенія, впрочемъ, можно было судить лишь по числу деревень, которыя хотя невелики, но за то часты: одна отъ другой отстоитъ не далѣе пяти—шести верстъ, а сплошь да рядомъ случаетса, что и ближе. Жители же турки, гонимые напраснымъ страхомъ, бѣжали изъ мѣстностей занятыхъ русскими, и селенія ихъ были заняты отчасти булгарами, бѣжавшими въ свою очередь изъ мѣстностей занятыхъ турецкими войсками. Надъ рѣкою мѣстность возвышается приблизительно на 1,000 футъ и, спускаясь къ ней, образуетъ то отвѣсныя съ нависшими глыбами каменныя стѣны, то болѣе или менѣе крутые скаты, покрытые густымъ кустарникомъ, то обширныя террасы, то, наконецъ даетъ отлогія лощины, — обычное мѣсто расположенія турецкихъ и булгарскихъ деревень. Только въ подобныхъ лощинахъ могутъ найти селенія защиту отъ рѣзкихъ, холодныхъ вѣтровъ, свирѣпствующихъ осенью въ Булгаріи. Верстахъ въ трехъ — четырехъ отъ Аблова, по другую сторону Черни-Лома, лежитъ большое булгарское селеніе Кацельево; по рѣкѣ разбросано нѣсколько водяныхъ мельницъ и переброшено нѣсколько ненадежныхъ мостиковъ.

Безъ большой ошибки можно считать, что мы занимали двѣ почти самостоятельныя позиціи, именно, позицію собственно у Абловы и позицію у Кацельево, хотя въ общемъ Кацельевскій отрядъ представлялъ собою лѣвый флангъ всего расположенія, только выдвинутый значительно впе-

редъ. Въ частностяхъ же, расположеніе нашихъ войскъ у Абловы, какъ указано въ общихъ чертахъ на прилагаемомъ планѣ, было таково: на высотахъ стали 2-я и 3-я батареи, устроивъ небольшія укрытія для своихъ орудій и зарядныхъ ящиковъ, а по скату горы были сдѣланы стрѣлковые ложементы для Тираспольскаго пѣхотнаго полка, который стоялъ бивуакомъ внизу, позади виноградника; въ самомъ же виноградникѣ было насыпано укрѣпленіе, куда предполагалось на время боя выслать четырехъ-фунтовую батарею. Кацельевскій отрядъ состоялъ изъ двухъ баталіоновъ Бендерскаго полка и 5-й батареи. Кавалерія занимала аванпосты.

Какъ я уже упомянулъ выше, послѣ дѣла при Карахассанкіоѣ, непріятель двинулся къ Абловѣ, занявъ деревни Нисово и Соленикъ. Длинная вереница булгарскихъ повозокъ, потянувшаяся мимо насъ къ мѣстечку Бѣла, свидѣтельствовала о приближеніи турокъ; Кацельево тоже опустѣло. Въ ожиданіи боя, 1-я бригада 33-й пѣхотной дивизіи (Бессарабскій и Херсонскій полки), а также 1-я, 4-я и 6-я батареи 33-й артиллерійской бригады были передвинуты изъ с. Іенидзеши къ Абловѣ и стали въ лощинѣ позади высотъ, занимаемыхъ 3-й и 2-й батареями. Кромѣ того къ отряду приданы были еще четыре скорострѣльныя орудія, изъ которыхъ два, вмѣстѣ съ нѣсколькими эскадронами кавалеріи, были поставлены въ лощинѣ у селенія Крепче, для охраненія праваго фланга.

Подвигаясь постепенно со стороны Османъ-базара, Мехметъ-Али-паша построилъ на пути своемъ нѣсколько укрѣпленныхъ линій, которыя могли-бы послужить ему хорошей опорой при отступленіи въ случаѣ неудачи. Армію сопровождало множество мирныхъ турокъ *) и, по мѣрѣ того, какъ войска турецкія подвигались впередъ, они водворялись снова въ своихъ селахъ. Авангардомъ турецкой арміи начальствовалъ дивизіонный генералъ Фуадъ-паша, имѣвшій въ своемъ распоряженіи, какъ говорятъ, до пятидесяти-двухъ эскадроновъ кавалеріи **); всей атакой руководилъ самъ главнокомандующій, Мехметъ-Али-паша. У насъ же всѣмъ отрядомъ командовалъ начальникъ 12-й кавалерійской дивизіи, генералъ-лейтенантъ баронъ Дризенъ, въ частности же Абловскимъ отрядомъ, — начальникъ 33-й пѣхотной дивизіи, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Тимофеевъ, а Кацельевскимъ отрядомъ,—генералъ-маіоръ Арнольди.

23-го августа около пяти часовъ вечера внизу за рѣкой Ломъ стали раздаваться отдѣльные ружейные выстрѣлы, которые вскорѣ перешли въ довольно оживленную перестрѣлку; непріятельская передовая цѣпь потѣснила нашу кавалерійскую, почему, для поддержки послѣдней, была выслана стрѣлковая рота. Въ кустахъ забѣгали дымки, указывая на линію цѣпи; по-

---

*) Свѣденіе это взято изъ корреспонденцій разныхъ газетъ.

**) Цифра почерпнута тоже изъ иностранныхъ газетъ; надо полагать, что она нѣсколько преувеличена.

зади цѣпи, въ прогалинахъ стали появляться небольшія кавалерійскія колонны не всегда, впрочемъ, безнаказанно: нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ со 2-й батареи разсѣяли эти колонны и заставили ихъ остерегаться открытыхъ мѣстъ. На большую поляну, верстахъ въ шести отъ насъ, выѣхала небольшая кучка всадниковъ, между которыми особенно выдѣлялся одинъ на бѣломъ конѣ; по всей вѣроятности, это былъ начальникъ рекогносцирующаго отряда со своею свитою. На горизонтѣ, верстахъ въ восьми, показались значительныя силы.

Артиллеріи непріятель долго не выдвигалъ, вѣроятно, вслѣдствіе трудности провезти ее по неразработанной дорогѣ и только къ вечеру правѣе Кацеліево, стали два орудія и дали залпъ по лагерю Тираспольскаго полка; снаряды недолетѣли. Выстрѣлы 3-й батареи, открывшей огонь по этимъ орудіямъ, заставили ихъ тотчасъ же сняться и уѣхать. Немедленно по открытію 3-й батареей огня, ее посѣтилъ Его Высочество Герцогъ Сергій Максимиліановичъ Лейхтенбергскій въ сопровожденіи начальника 33-й дивизіи и освѣдомился по чемъ производилась стрѣльба.

Горка, на которой помѣщалась 3-я батарея, представляла превосходное мѣсто для наблюденія, къ тому же сегодня не представлялось никакой опасности для стоящихъ на батареѣ; эти обстоятельства привлекли сюда толпу зрителей и даже трусливые сыны израиля, маркитанты, движимые любопытствомъ, отважились стоять вблизи орудій.

Благодаря наступившимъ сумеркамъ, рекогносцировка прекратилась; все стихло. Слѣдовало приготовиться на завтра къ бою и притомъ къ бою рѣшительному. Отряду было приказано во чтобы то ни стало отстоять позицію, прикрывъ тѣмъ самымъ фланговое движеніе отступавшаго 13-го корпуса. Девизомъ отряда должно было быть: «лечь костьми, но не отступать». На сколько намъ важно было отстоять позицію, на столько же важно было Мехмету-Али прорваться и открыть путь на Бѣлу, въ тылъ плевненскимъ войскамъ. Слѣдовательно, атаки нужно было ожидать ожесточенной.

Наконецъ-то пришлось стоять лицомъ къ лицу съ непріятелемъ! Уже не разъ выступали мы съ цѣлью занять съ бою какой-нибудь пунктъ, но, прійдя, находили лишь одно мѣсто гдѣ стояли непріятельскія войска. Осторожный Абдулъ-Керимъ, прежній турецкій главнокомандующій, избѣгалъ столкновеній и поспѣшно отступалъ при первомъ появленіи нашихъ войскъ; въ силу этого и теперь, не смотря на очевидность, не вѣрилось какъ-то, что вотъ не далѣе завтрашняго дня придется помѣряться силами съ противникомъ. Но доносившійся изъ цѣпи, неумолкаемый собачій лай напоминалъ собою о близости непріятеля и сомнѣнія уступали мѣсто дѣйствительности.

Августъ, или вѣрнѣе первую половину августа, въ Болгаріи по справедливости можно считать лучшимъ временемъ года. Днемъ нѣтъ

той нестерпимой, ослабляющей жары, отъ которой нигдѣ нельзя укрыться въ іюнѣ и іюлѣ, а теплыя, свѣтлыя ночи плѣняютъ своей красотой. Можно незамѣтно для самаго себя, просидѣть всю ночь напролетъ, не отрывая глазъ отъ живописной картины, освѣщенной мягкимъ луннымъ свѣтомъ; не шелохнетъ вѣтерокъ и глубокая тишина нарушается только крикомъ горныхъ черепахъ и тихимъ журчаньемъ падающей съ плотинъ у мельницъ воды. Ночь съ 23-го на 24-е августа не походила на своихъ предшественницъ: небо кругомъ обложило темными тучами и пошелъ дождь. Вмѣсто тихаго журчанья воды, съ рѣки доносится то протяжный, заунывный вой, то громкій лай. Къ утру небосклонъ очистился и взошедшее солнце уничтожило слѣды прошедшаго дождя: все обѣщало прекрасный день.

Еще съ вечера отдано было приказаніе Херсонскому полку и 1-й батареѣ 33-й артиллерійской бригады выступить съ разсвѣтомъ на подкрѣпленіе передоваго Кацельевскаго отряда; Бессарабскій пѣхотный полкъ, два скорострѣльныя орудія, 6-я и 4-я батареи 33-й артиллерійской бригады приданы были къ Абловскому отряду; послѣдняя должна была на время боя занять укрѣпленіе въ виноградникѣ. Кромѣ того ожидалось еще для усиленія отряда бригада 1-й пѣхотной дивизіи. Не зѣвали и турки: не смотря на дождь, они успѣли за ночь настроить порядочное число укрѣпленій.

Около семи часовъ утра прозвучалъ у Кацельево первый артиллерійскій выстрѣлъ, возвѣщая о началѣ боя, и вскорѣ затѣмъ до слуха нашего стала долетать отдаленная ружейная перестрѣлка. Выдвинувъ нѣсколько батарей, непріятель открылъ по Кацельевскому отряду сильный артиллерійскій огонь, жертвою котораго сдѣлался, между прочимъ, и командиръ 5-й батареи 33-й артиллерійской бригады, капитанъ Нѣжинцевъ. Все ближе и ближе становилась ружейная перестрѣлка, — передовая цѣпь сдавала. Абловскій отрядъ былъ пока въ роли безмолвнаго зрителя и лишь изрѣдка артиллерія наша стрѣляла по непріятельскимъ колоннамъ, пользуясь временемъ, когда эти послѣднія показывались изъ лощинъ.

По примѣру прошлаго дня, у 3-й батареи снова собралась толпа непричастныхъ къ дѣлу зрителей, которые съ большимъ вниманіемъ слѣдили за каждымъ выстрѣломъ нашихъ артиллеристовъ, громко выражая аплодисментами свой восторгъ по поводу удачныхъ выстрѣловъ. Впрочемъ, главнымъ образомъ, вниманіе какъ зрителей, такъ и артиллеристовъ было занято ходомъ сраженія у Кацельево, а потому никто и не замѣтилъ какъ въ укрѣпленіе правѣе села Кацельево проѣхала 12 ти орудійная турецкая батарея. Залпъ двухъ орудій заставилъ всѣхъ невольно взглянуть по направленію вновь открывшей огонь батареи; пронесшееся вслѣдъ затѣмъ надъ головами нашими шипѣнье, а также трескъ разор-

вавшихся невдалекѣ гранатъ, ясно указали, что предметомъ обстрѣливанія служила 3-я батарея; гранаты, впрочемъ, упали нѣсколько правѣе и позади батареи. Какъ рукой смело всѣхъ зрителей. Не время было наблюдать какой родъ отступленія избралъ каждый изъ нихъ, но позднѣе, по разсказамъ, выяснились нѣкоторые весьма оригинальные способы передвиженія. Такъ одинъ храбрый жидокъ предпочелъ ползти на брюхѣ все разстояніе отъ батареи до перевязочнаго пункта, составлявшее, однако, около версты.

2-я и 3-я батареи не замедлили отвѣтить на огонь турецкой батареи и, такимъ образомъ, завязалась артиллерійская перестрѣлка у Аблова. Правѣе 12-ти орудійной турецкой батареи стала еще другая батарея, гораздо слабѣе первой по числу орудій и притомъ на такомъ значительномъ разстояніи, что не стоило по ней стрѣлять. Ободренная тѣмъ, что на нее не обращаютъ вниманія, батарея эта переѣхала было на ближайшую позицію, но послѣ первыхъ же мѣткихъ выстрѣловъ 2-й батареи, поспѣшила вернуться на прежнее свое мѣсто. Нельзя не замѣтить, что, хотя турки стрѣляютъ безспорно очень мѣтко, снарядовъ не жалѣютъ и, въ настоящемъ случаѣ, просто засыпали наши батареи гранатами, все-жь таки вредъ наносимый турецкой артиллеріей ничтоженъ. Такъ на 3-й батареѣ, составлявшей главный предметъ вниманія турецкой артиллеріи и простоявшей около десяти часовъ подъ сильнымъ, и послѣ занятія непріятелемъ Кацельева, перекрестнымъ артиллерійскимъ огнемъ, дѣйствіемъ гранатъ выведенъ изъ строя только одинъ человѣкъ и подбито одно колесо у ящика. Есть основаніе полагать, что дѣйствіе нашей артиллеріи было нѣсколько удачнѣе ибо изъ двѣнадцати составлявшихъ батарею орудій, по окончаніи боя увезено было только семь; остальные же пять, по всей вѣроятности, подбитыя, остались на мѣстѣ *). Вотъ что говоритъ по поводу дѣйствія нашей артиллеріи въ описываемый періодъ боя, корреспондентъ «Independance Belge», находившійся при турецкой арміи:

«Un véritable duel d'artillerie s'engagea; les obus pleuvaient littéralement dans les batteries turques qui tenaient bon malgré ce feu infernal. C'est la que vers trois heures de l' après-midi arriva l'état-major, a la tête duquel se trouvait le generallissime; quarante à cinquante obus tombèrent encore en avant et en arrière de l'état-major...» Rasgrad, 11 Septembre.

(Началось настоящее состязаніе артиллеріи; снаряды буквально дождемъ падали на турецкія батареи, которые держались хорошо, не смотря на этотъ адскій огонь. Вслѣдствіе этого къ тремъ часамъ пополудни прибылъ главный штабъ, во главѣ котораго находился главнокомандующій;

---

*) Мы увидимъ ниже, что предположеніе это на самомъ дѣлѣ подтвердилось разсказомъ турецкаго артиллериста, бывшаго въ бою именно на 12-ти орудійной батареѣ.

отъ сорока до пятидесяти снарядовъ упало еще впереди и позади главнаго штаба...).

Не смотря на упорное сопротивленіе, слабый Кацеліевскій отрядъ не въ силахъ былъ удержать превосходныя силы непріятеля и началъ отступать. Постепенно разгораясь, ружейная перестрѣлка къ полудню достигла крайнихъ своихъ размѣровъ. Отдѣльныхъ выстрѣловъ нельзя было различать: они слились въ общій гулъ, усиливаемый артиллерійскими выстрѣлами; надъ горкой стояло облако дыма, непозволявшее намъ различать своихъ отъ непріятеля. По мѣрѣ общаго наступленія, все ближе и ближе подъѣзжали турецкія батареи, а за ними виднѣлись большія непріятельскія колонны, къ сожалѣнію, внѣ сферы досягаемости выстрѣловъ Абловскихъ батарей. Преслѣдуя разстроенный большими потерями отрядъ, которому приходилось отступать по очень невыгодной дорогѣ, непріятель могъ бы его совершенно уничтожить. Чтобы развлечь непріятеля и дать нѣсколько оправиться Кацеліевскому отряду, приказано было Абловскимъ батареямъ обстрѣливать усиленно деревню Кацельево, а Тираспольскому полку двинуться по направленію къ этой деревни. Къ тому же времени вызвана была изъ резерва, для усиленія артиллерійскаго огня, 6-я батарея, которая, впрочемъ, стала на очень невыгодномъ мѣстѣ и вскорѣ должна была сняться и уѣхать снова въ резервъ. Демонстрація достигла желаемаго успѣха: опасаясь за свой флангъ, турки оставили преслѣдованіе и дали такимъ образомъ возможность Кацельевскому отряду отступить, согласно диспозиціи, на село Острицу.

Всѣ силы непріятеля обрушились теперь на Абловскій отрядъ. Перемѣнивъ фронтъ наступленія, турецкая пѣхота аттаковала Тираспольцевъ, а всѣ тѣ батареи, которыя до сихъ поръ дѣйствовали по Кацельевскому отряду, обратились теперь противъ Абловскихъ батарей вслѣдствіе чего эти послѣднія очутились въ перекрестномъ огнѣ. На правый флангъ, противъ Бессарабскаго полка, непріятель двинулъ совершенно свѣжія силы и, наступая густыми цѣпями одна за другой, потѣснилъ Тираспольцевъ и Бессарабцевъ, всѣ усилія которыхъ, подавляемыя громаднымъ численнымъ превосходствомъ непріятеля, были тщетны. Тщетно также напрягала всѣ силы, стоящая въ виноградникѣ, 4-я батарея; въ короткое время она лишилась двухъ офицеровъ, именно: ранены командующій батареею, капитанъ Пржедыльскій, и подпоручикъ Петровъ. Послѣдній, раненый пулею въ колѣно, за отсутствіемъ носильщиковъ, около часу оставался на батареѣ, помогая прислугѣ устанавливать трубки картечныхъ гранатъ. Большія потери заставили, наконецъ, 4-ю батарею выѣхать изъ виноградника.

Наступила тяжелая, критическая минута: перейдя рѣку Ломъ, турки заняли виноградникъ, заняли деревню и осыпали насъ оттуда градомъ пуль; наибольшія потери отряда относятся именно къ этому періоду боя.

Нечего было и думать объ отступленіи: единственная дорога на селеніе Еренджикъ была загромождена лазаретными линейками и даже зарядные ящики, подходившихъ къ Аблавѣ, батарей 1-й артиллерійской бригады не могли пробраться къ позиціи.

Оставивъ въ покоѣ турецкую артиллерію, 2-я и 3-я батареи обратили весь свой огонь на передовыя непріятельскія части; къ нимъ же присоединилась снова 4-я батарея. Дружно и удачно дѣйствуя картечными гранатами, батареи эти образовали роковую полосу пуль и осколковъ, которая остановила дальнѣйшее наступленіе непріятеля. Но, понятно, что такое томительное положеніе дѣлъ не должно было продолжаться: артиллерія можетъ сдержать противника, но выбить засѣвшую въ деревнѣ и въ виноградникѣ турецкую пѣхоту было дѣломъ невозможнымъ. Рѣшеніе участи боя всегда принадлежало и будетъ принадлежать пѣхотѣ. Такъ и въ данномъ случаѣ оставалось одно только средство отстоять позицію, это именно попытаться отбросить непріятеля послѣднимъ отчаяннымъ натискомъ тѣхъ небольшихъ силъ, которыми располагалъ еще начальникъ отряда. Этимъ средствомъ воспользовались разумно и во время.

Взявъ въ руки ружье, генералъ-маіоръ Тимофѣевъ *) становится во главѣ нѣсколькихъ ротъ Бессарабскаго полка и лично ведетъ ихъ въ атаку. Воодушевленные примѣромъ начальника дивизіи, Бессарабцы мужественно бросаются на непріятеля, выбиваютъ его изъ деревни, изъ виноградника и гонятъ за рѣку. Къ нимъ присоединяются подоспѣвшія роты Копорскаго пѣхотнаго полка, а лѣвѣе 3-й батареѣ 33-й артиллерійской бригады становится 2-я батарея 1-й артиллерійской бригады. Артиллерія сосредоточиваетъ весь свой огонь на мостикахъ, и увеличиваетъ смятеніе въ рядахъ непріятеля; многіе, желая избѣжать мосты, пытаются перебраться въ бродъ; рѣчка хоть не глубока но берега ея тинисты, вязки; нѣсколько всадниковъ, въѣхавъ въ рѣку, не могутъ уже оттуда выбраться и принуждены бросить лошадей. Весь скатъ противоположной возвышенности покрывается безпорядочною толпою бѣгущихъ турокъ: они бѣгутъ отстрѣливаясь, но на вѣтеръ пускаемыя пули не причиняютъ почти никакого вреда. Турецкія батареи снимаются по орудійно и уѣзжаютъ съ поля сраженія; ружейная перестрѣлка тоже мало по малу стихаетъ. Позиція осталась за нами.

День ужь на исходѣ, сѣрыя тучи, надвигаясь съ сѣвера; заволакиваютъ небосклонъ, накрапываетъ дождикъ; густой холодный туманъ окутываетъ насъ, дождь все усиливается. Вскорѣ замелькали костры, около которыхъ солдаты варятъ чай и вполголоса толкуютъ о пережитомъ днѣ. Но, мало по малу, все затихаетъ; сильное первое напряженіе, не дававшее чувствовать усталость, прошло, и природа вступила въ свои права;

*) Награжденъ за это дѣло орденомъ св. Георгія 4-й степени.

всѣ дремлютъ пріютившись кое-какъ у костровъ. Глубокая тишина воцаряется на бивуакѣ, и только изрѣдка съ рѣки доносится громкій лай собакъ: это черкесы въ цѣпи перекликаются между собою...

Не красно было и наступившее утро: тѣже туманъ, дождь и слякоть... Временами туманъ разсѣевался, и видно было какъ неутомимо рылисъ турки, укрѣпляя каждое, мало-мальски важное, мѣсто. Судя по погодѣ, нельзя было ожидать нападенія, ибо туманъ не позволялъ различать предметы иногда даже въ двадцати шагахъ. Но вотъ на нѣсколько минутъ туманъ разсѣялся и на скатѣ противоположной возвышенности мы увидѣли кучку людей, которые несли передъ собою бѣлый флагъ. Тотчасъ же объ этомъ дали знать начальнику отряда, генералъ-лейтенанту барону Дризену, который лично проѣхавъ къ цѣпи и, удостовѣрившись въ существованіи турецкаго парламентера, назначилъ парламентера и съ нашей стороны. Пронесся по всей линіи сигналъ «слушайте всѣ» и начались переговоры. Оказалось, что Мехметъ-Али-паша прислалъ просить перемирія до солнечнаго заката съ цѣлью уборки тѣлъ, на что, конечно, послѣдовало полное согласіе со стороны генералъ-лейтенанта Дризена. Временно-демаркаціонной линіей была назначена линія рѣки Кара-Ломъ, причемъ убитыхъ и раненыхъ на нашей сторонѣ турокъ мы должны были передавать турецкимъ санитарамъ на ту сторону; въ свою очередь, нашихъ убитыхъ турки должны были передавать на нашу сторону.

Много грустнаго представляло собою поле битвы; но особенно поразила меня своею трогательною простотою слѣдующая картина. Всторонѣ отъ другихъ убитыхъ, одиноко лежитъ трупъ совершенно еще молодаго, убитаго солдата; подъ голову подложенъ ранецъ, руки сложены на груди, на лбу покоится небольшой шейный образокъ; тутъ же рядомъ лежатъ сумочка съ сухарями и подсумки, а на нихъ бережно положено ружье. Должно быть тяжело былъ раненъ бѣдняга, чувствовалъ, что не доплестись ему до перевязочнаго пункта и вотъ, выбравъ болѣе уединенное мѣсто, онъ спокойно приготовился встрѣтить смерть...

Лишь только объявлено было о перемиріи, тотчасъ же, пользуясь незначительною шириною рѣчки, начались разговоры между нашими и турецкими солдатами; переводчиками служили обыкновенно наши солдаты изъ татаръ; впрочемъ и турецкіе солдаты, знающіе кое какъ русскій языкъ. Между прочимъ, одному изъ нашихъ фейерверкеровъ пришлось встрѣтить между ними своего прежняго сослуживца по батареѣ. Солдатъ этотъ, нынѣ турецкій артиллеристъ, крымскій татаринъ по происхожденію, служилъ сначала въ одной изъ нашихъ батарей; затѣмъ, будучи уволенъ въ безсрочный отпускъ, онъ, судя по его собственному разсказу, занимался на русско-турецкой границѣ не совсѣмъ чистыми дѣлами по части торговли лошадьми и, разъ перебравшись въ Турцію, не рисковалъ уже снова вернуться въ Россію. Подоспѣла война 1877 года; онъ былъ взятъ въ ту-

рецкую артиллерію и въ бою 24-го августа находился на двѣнадцати-орудійной турецкой батареѣ, о которой я не разъ уже упоминалъ выше. Этотъ то татаринъ и подтвердилъ, что пять орудій были подбиты еще въ серединѣ боя, почему были увезены съ батареи только ночью.

Уборка убитыхъ не обошлась, впрочемъ, безъ курьезовъ. Замѣтили, напримѣръ, солдаты Тираспольскаго полка, что съ ихняго вольноопредѣляющагося, убитаго по ту сторону рѣки, турецкіе санитары возъимѣли желаніе стащить сапоги, прежде чѣмъ передать его на нашу сторону. Обидно стало Тираспольцамъ за своего вольноопредѣляющагося; долго не думая, перебрались они черезъ рѣку и послѣ непродолжительной, безкровной рукопашной схватки отбили трупъ съ сапогами и преспокойно затѣмъ вернулись во свояси; дѣло обошлось безъ всякихъ послѣдствій, ибо турки, должно быть сознавая свою неправоту, не выражали неудовольствія на подобную расправу.

Къ вечеру 25-го августа было получено приказаніе отступить на Еренджикъ, по возможности, тихо и незамѣтно; нарочно разведено было множество костровъ, огонь которыхъ поддерживался всю ночь. Впрочемъ тоже самое увеличеніе числа костровъ было замѣтно на непріятельской сторонѣ и, если вѣрить слухамъ, то турки также отступили въ тотъ же вечеръ 25-го августа. Дойдя къ разсвѣту до селенія Еренджикъ мы прослѣдовали дальше черезъ селенія Сипанкіой и Банишку, и заняли новую позицію у селеній Батинца и Бузовца. Этимъ завершилось передвиженіе отряда Цесаревича съ линіи рѣки Кара-Ломъ на линію рѣки Банишка-Ломъ. Отступленіе это совершалось фланговымъ движеніемъ, по смѣло задуманному и искусно приведенному въ исполненіе плана и должно занять, по справедливости, не послѣднее мѣсто на страницахъ военной исторіи.

9-го сентября около пяти часовъ пополудни мы замѣтили какое то движеніе на турецкой сторонѣ; вглядываясь внимательнѣе мы увидѣли, что къ намъ приближалась пѣхотная нѣпріятельская цѣпь. Пробѣжавъ нѣкоторое пространство, цѣпь эта ложилась, становясь совершенно незамѣтною для невооруженнаго глаза, затѣмъ снова вставала и продолжла наступленіе; не дойдя даже на разстояніе пушечнаго выстрѣла, она остановилась и залегла. Противъ Бузовецкаго ущелья показались колонны пѣхоты, которыя приблизились на столько, что 2-я батарея нашла возможнымъ открыть по нимъ огонь; послѣ первыхъ же выстрѣловъ колонны скрылись.

Ощупью находя дорогу, среди непроглядной темноты, началъ отрядъ отступленіе; каждой части было назначено свое время. Нашей батареѣ приказано было выступить въ девять часовъ вечера, одной изъ первыхъ. Дорога на Еренджикъ шла по узенькой долинѣ, которыми такъ изобилуетъ придунайская Булгарія, и, размытая дождемъ, изви-

листая, ограниченная съ одной стороны обрывомъ а съ другой отвѣсной, покрытой густымъ кустарникомъ, горой, она представляла очень мало удобствъ. Днемъ еще можно было бы кое-какъ проѣхать безъ особенныхъ приключеній, ночью же въ темнотѣ это было очень и очень трудно. Какъ и слѣдовало ожидать, на самомъ крутомъ изъ поворотовъ одно орудіе закатилось по грязи и слетѣло въ оврагъ, который по счастью не былъ глубокъ; не смотря на поданную пѣхотою помощь, мы провозились около получасу надъ вытаскиваніемъ орудія, запрудивъ тѣмъ самымъ дорогу остальнымъ. Лишь съ разсвѣтомъ добрались мы до деревни, взобрались на гору и остановились отдохнуть и дать подтянуться остальнымъ частямъ. Тутъ уже мы застали драгунъ отступившихъ еще третьяго дня съ Кацельевской позиціи; между прочемъ въ разговорѣ одинъ изъ офицеровъ драгунъ сообщилъ намъ, будто взводъ, а можетъ быть и болѣе орудій 1-й батареи взятъ въ плѣнъ. Впослѣдствіи же оказалось, что батарея эта отступила, не потерявъ ни одного орудія, и лишилась только лазаретной линейки, которая не поспѣла за батареей, по причинѣ своей неповоротливости; это обстоятельство вѣроятно и породило толки о взятіи въ плѣнъ взвода.

Взошедшее солнце освѣтило блѣдныя, изнуренныя двумя безсонными ночами лица. До чего разстроены были у насъ нервы, предоставляю читателямъ судить по слѣдующему обстоятельству: шагахъ въ двадцати отъ того мѣста, гдѣ мы прилегли отдохнуть раздавали солдатамъ какого то полка завтракъ, и стукъ отъ ударовъ ковша о котелъ былъ принятъ нами за пушечные выстрѣлы. Мы предположили, что вѣроятно, турки завязываютъ дѣло съ оставшимися у Абловы двумя полками 1-й пѣхотной дивизіи. Посмѣялись же мы надъ собою, когда узнали въ чемъ дѣло.

Часовъ въ девять изъ Еренджика, гдѣ былъ главный перевязочный пунктъ и дивизіонный лазаретъ, потянулся транспортъ раненыхъ въ Бѣльскій военно-временной госпиталь; часъ спустя, двинулся и отрядъ по направленію къ д. «Спианкіой.» Погода стояла прекрасная. Мы скоро перегнали раненыхъ и выѣхали въ лѣсъ или вѣрнѣе, въ большой и густой кустарникъ. Уже не въ далекѣ отъ деревни впереди насъ что то всполошилось; насъ тоже остановили тотчасъ по выходѣ изъ кустарника. Кто-то сообщилъ, будто турки показались на нашемъ флангѣ со стороны селенія Широко,—вещь возможная, ибо мы двигались во фланговомъ порядкѣ. Лишь только выяснилось, что тревога была фальшивая, отрядъ продолжалъ движеніе и къ вечеру мы достигли деревни Банишка, лежащей на одномъ изъ ручейковъ, впадающихъ въ Кара-Ломъ и носящемъ названіе Банишка-Лома.

Расположившись бивуакомъ у деревни и выславъ къ сторонѣ непріятеля дежурныя части, 23-я дивизія впервые послѣ Абловскаго боя провела спокойно ночь, на другой же день, 27-го августа, мы выступили

послѣ полудня по направленію къ деревнѣ Бузувца, не дойдя которой, заночевали въ долинѣ. Наконецъ 28-го августа мы подошли къ селенію Батинца, около которой приказано было занять позицію на неопредѣленное время.

Возвышенности у деревни Батинца ниже Абловскихъ и лежатъ въ углу, образуемомъ впаденіемъ Банишка-Лома въ Кара-Ломъ. Къ обѣимъ рѣчкамъ они спускаются отвѣсными скалистыми обрывами и только противъ деревни Челново представляютъ довольно отлогій спускъ. Болѣе или менѣе густой кустарникъ покрываетъ волнистую мѣстность. Нѣтъ сомнѣнія, что до нашего прихода Батинцы были заняты баши-бузуками, ибо, даже въ первую ночь послѣ того какъ мы расположились здѣсь, былъ сдѣланъ неизвѣстно кѣмъ изъ кустовъ выстрѣлъ по ротному командиру бывшему въ цѣпи; пуля попала въ ногу, не повредивъ впрочемъ кости.

Фронтъ выбранной нами позиціи шелъ параллельно направленію Банишка-Лома, и упирался правымъ флангомъ въ устье Бузовецкой долины. Кромѣ того части постоянно чередовались на передовой позиціи противъ деревни Острицы; тамъ стоялъ всегда батальонъ пѣхоты и два орудія. Турки занимали противоположныя возвышенности по другую сторону Банишки и Кара-Ломовъ; около Сипанкіоя видѣнъ былъ большой турецкій лагерь, откуда по вечерамъ, въ особенности когда вѣтеръ былъ съ непріятельской стороны, доносились звуки рожковъ, вѣроятно вечерняя заря.

Однообразно скучно проходило время и о непріятелѣ напоминала намъ только непрерывная перестрѣлка въ аванпостахъ, которые съ нашей стороны занимали казаки. У деревни Широко, гдѣ разстояніе между цѣпями было не болѣе дѣйствительнаго ружейнаго выстрѣла, казаки вырыли для себя ложементики, а турки сложили себѣ закрытія изъ камней и сидя въ нихъ зорко слѣдили другъ за другомъ. Покажи только казакъ голову, ужь непремѣнно двѣ или три пули просвистятъ мимо него; ну, и фескамъ не безопасно было показываться! Впрочемъ, за все время у насъ въ цѣпи былъ убитъ одинъ только урядникъ.

Но если насъ не тревожили теперь турки, противъ которыхъ мы имѣли болѣе или менѣе дѣйствительное оружіе, за то въ самомъ лагерѣ мы должны были бороться постоянно съ внутренними врагами, болѣе опасными, такъ какъ не было средствъ избавиться отъ нихъ: дня не проходило, чтобы мы не возмущались какою нибудь новою продѣлкою жидовъ маркитантовъ, которыхъ у насъ накопилось многое множество. Въ числѣ ихъ было не мало такихъ, которые по средствамъ своимъ не могли вести торговлю, а терлись около другихъ главнымъ образомъ съ цѣлью избѣжать воинской повинности. Безсовѣстность маркитантовъ не знала предѣловъ: не говоря уже о томъ, что за кредитный рубль они зачастую

давали солдатамъ два и менѣе франка, даже золото не ходило по настоящей цѣнѣ,—за полуимперіалъ и червонецъ платили, какъ написано, пять и три рубля; chef-d'oeuvre'омъ же этихъ изворотливыхъ умовъ было, безъ сомнѣнія, то, что нашу размѣнную серебряную монету они умудрились сдѣлать дешевле кредитныхъ билетовъ: такъ за два двугривенныхъ давали только франкъ тогда, когда кредитный рубль по курсу въ Бухарестѣ стоилъ 2 франка 65 сант. Нерѣдко, вслѣдствіе жалобъ обиженныхъ солдатъ, приходилось прибѣгать къ энергичнымъ мѣрамъ, но и тѣ не могли искоренить зла.

Но, въ то же время, вдали за Синанкіоемъ шелъ горячій бой: глухіе удары пушечныхъ выстрѣловъ слѣдовали одинъ за другимъ почти непрерывно, а клубы дыма указывали намъ мѣста состязающихся батарей, по крайней мѣрѣ ближайшихъ къ намъ орудій. Мы ясно видѣли, что турки поспѣшно отступаютъ къ Кара-Лому; ужь почти стемнѣло, а все еще не умолкала перестрѣлка, только клубы дыма смѣнились теперь огненными языками. Къ ночи, однако, все затихло. Это былъ день битвы при Чапркіоѣ, когда Мехметъ-Али-паша былъ разбитъ на голову и долженъ былъ снова отступить на правый берегъ Кара-Лома. Всѣ мѣстности, занятыя было непріятелемъ послѣ Абловскаго боя, были снова въ нашихъ рукахъ.

Передвиженія въ арміи Мехмета-Али-паши отразились, конечно, на расположеніи частей Рущукскаго отряда. Что касается до 33-й дивизіи, то, уступивъ мѣсто 35-й дивизіи, она перешла на позицію къ д. Дамогила или Двумогила на мѣсто 12-й дивизіи. Къ 19-му сентября уже всѣ части дивизіи были на мѣстѣ.

Памятна мнѣ Дамогила: мы проходили мимо нея еще въ началѣ іюля 1877 года, когда двигались къ Рущуку, и я не припомню болѣе тяжелаго перехода, какъ отъ Бѣлы до Дамогилы. Жара была нестерпимая и ни капли воды по дорогѣ; только у самой деревни было два колодца и тѣ съ какою-то соленою водою. Вообще, этому мѣсту должно быть суждено было показывать намъ самыя невыгодныя стороны болгарскаго климата, ибо тутъ же узнали мы мѣстную осень, съ ея рѣзкими, холодными вѣтрами, проливными дождями и густыми холодными туманцами.

Надо было подумать о защитѣ прежде всего отъ вѣтра, и самымъ дѣйствительнымъ и простымъ средствомъ представлялось врыться въ землю, оставивъ крышею по прежнему палатку. Защищая отъ вѣтра, подобное жилище представляло еще то удобство, что позволяло стоять и двигаться внутри его не согнувшись; въ палаткѣ же приходилось постоянно лежать или сидѣть, согнувшись въ три дуги, причемъ, сидя во время дождя, вы помимо вашего желанія имѣли на затылкѣ холодный компрессъ, — намокшую палатку. Кромѣ того, въ полуземлянкѣ обыкновенно

выкапывалась печь, которую можно было нагрѣвать, сожигая въ ней хворостъ, и, такимъ образомъ, хоть немного и не надолго повышать въ жилищѣ температуру. Правда, иногда въ дождь воды набѣгало столько, что и хоть плавай, но я утѣшалъ себя мыслью, что и въ мирное время мы никогда не встрѣчаемъ абсолютныя удобства въ квартирѣ.

Вся мѣстность передъ Дамогилой изрѣзана земляными укрѣпленіями, направленія которыхъ самыя разнообразныя; это произошло отъ того, что позиція эта была занята постоянно нашими войсками и лишь смотря по обстоятельствамъ мѣнялся ея фронтъ, выстраивались новыя укрѣпленія, старыя же не уничтожались.

Стояли мы здѣсь не долго и ко 2-му октября уже весь 12-й корпусъ былъ сосредоточенъ у селеній Мечка и Трстеникъ; около этого же времени Мехметъ-Али-паша былъ смѣненъ турецкимъ правительствомъ, а вмѣсто него главнокомандующимъ былъ назначенъ Сулейманъ-паша. Мы ждали рѣшительныхъ дѣйствій со стороны непріятеля, такъ какъ противъ насъ, у селенія Кадыкіой, были сосредоточены значительныя силы. Однако турки не спѣшили насъ атаковать и намъ приходилось стоять въ бездѣйствіи; самые разнообразные слухи ходили по лагерю; то говорили, что вотъ не сегодня—завтра отрядъ будетъ усиленъ и мы перейдемъ въ наступленіе, то напротивъ увѣряли, будто нѣкоторыя части отряда будутъ взяты подъ Плевну. Конечно, все это были плоды досужаго воображенія, хотя первое предположеніе будто бы оправдывалось: 9-го или 10-го октября въ Дамогилу пришла бригада 3-й гренадерской дивизіи, которая, впрочемъ, вскорѣ ушла подъ Плевну и, какъ извѣстно, въ день капитуляціи Османа-паши выдержала самый рѣшительный натискъ пытавшагося прорваться непріятеля.

9-го октября была произведена небольшими силами рекогносцировка по направленію къ Іованъ-Чифтлику, а 11-го вечеромъ приказано было приготовиться на утро къ бою. 3-й батареѣ съ Херсонскимъ пѣхотнымъ полкомъ велѣно было выступить рано утромъ къ Іованъ-Чифтлику, а за ними должны были слѣдовать Бендерскій пѣхотный полкъ и 2-я, 4-я, 5-я и 6-я батареи. Бессарабскій пѣхотный полкъ и 1-я батарея должны были выступить къ Бассарбово.

12-го октября чуть забрезжилось сѣрое непривѣтливое утро, я былъ уже на ногахъ; батарея готова была къ выступленію, ожидали только приказанія. Наконецъ около семи часовъ отрядъ выступилъ. Пройдя деревню Трстеникъ, которая лежитъ въ лощинѣ, мы прошли еще одну балку и поднялись на гору. Казаки завязали перестрѣлку, а вскорѣ разсыпалась стрѣлковая рота шедшаго въ головѣ колонны 3-го баталіона Херсонскаго пѣхотнаго полка; турецкую цѣпь потѣснили. Намъ предстояло перейдти еще одну балку, чтобы выѣхать на позицію, откуда мы могли бы уже открыть огонь по первой линіи турецкихъ укрѣпленій, по-

строенныхъ впереди Iованъ-Чифтлика. Батарея двигалась непосредственно за цѣпью. Шальныя пули изрѣдка уже посвистывали, производя очень непріятное впечатлѣніе: нѣтъ ничего хуже мысли, что можешь быть убитымъ или раненымъ, не сдѣлавъ съ своей стороны ни одного выстрѣла. Другое дѣло, когда батарея уже на мѣстѣ и открыла огонь; непріятельскія пули и гранаты теряютъ свое значеніе: одна только мысль руководитъ вами, одно только желаніе овладѣваетъ всѣмъ существомъ, — это желаніе нанести возможно бóльшій вредъ избранной цѣли.

Снявшись съ передковъ, батарея открыла сильный огонь картечными гранатами по передовымъ турецкимъ укрѣпленіямъ; поражаемые пулями и осколками, тѣснимые Херсонцами, турки оставили передовые ложементы и отступили въ большой люнетъ, лежавшій нѣсколько позади первой линіи. Батарея переѣхала ближе и снова стала поражать засѣвшихъ въ люнетѣ. Съ крикомъ «ура» дружно бросились Херсонцы на люнетъ, выбили непріятеля и, слѣдуя за нимъ по пятамъ, заняли Iованъ-Чифтликъ, передовой турецкій лагерь и погнали турокъ за Ломъ.

Между тѣмъ на возвышенностяхъ противоположнаго берега рѣки было замѣтно большое движеніе: изъ главнаго турецкаго лагеря то и дѣло выходили большія колонны пѣхоты, которыя разсыпались тотчасъ же, какъ только входили въ сферу артиллерійскаго огня. Турецкія батареи, каждая по два орудія, которыхъ я насчиталъ четыре, вмѣстѣ съ двумя, вновь выѣхавшими и ставшими въ центрѣ турецкаго расположенія, шестиорудійными батареями, съ полнымъ усердіемъ осыпали нашу батарею гранатами. Временами нѣкоторыя изъ нихъ замолкали, вѣроятно по недостатку снарядовъ, а послѣ нѣкотораго болѣе или менѣе продолжительнаго промежутка времени возобновляли огонь.

При движеніи турецкихъ цѣпей особенно страннымъ показалось мнѣ слѣдующее обстоятельство: на нѣкоторомъ разстояніи позади каждой изъ наступавшихъ цѣпей двигалась рѣдкая кавалерійская цѣпь. Проводивъ пѣхоту на извѣстное разстояніе, всадники быстро скрывались затѣмъ, чтобы опять появиться за новой пѣхотной цѣпью. Мое личное предположеніе, что назначеніемъ этихъ всадниковъ было слѣдить за тѣмъ, чтобы не было отставшихъ; очень можетъ быть, что я ошибаюсь, но чѣмъ же другимъ объяснить это весьма любопытное обстоятельство?

Турецкая артиллерія стрѣляетъ очень мѣтко, но не любитъ близкихъ разстояній: мнѣ не случалось видѣть турецкую батарею ближе трехъ верстъ. Вслѣдствіе этого, траэкторія снаряда при паденіи очень крута и почти всѣ осколки летятъ вверхъ, причиняя весьма малый вредъ. Въ подтвержденіе сказаннаго я привожу фактъ, свидѣтелемъ котораго былъ 12-го октября. Именно, когда занята была деревня и шелъ внизу у рѣки рукопашный бой, наша батарея, не имѣя въ виду выгодной цѣли, стрѣляла лишь изрѣдка по кучкамъ, собиравшимся на противоположныхъ вы-

сотахъ; прислуга одного изъ орудій, дожидаясь очереди, полукругомъ усѣлась у хобота орудія. Въ это время граната падаетъ посреди сидѣвшихъ и разрывается; я былъ вполнѣ увѣренъ, что изъ шести человѣкъ, составлявшихъ полукругъ, по крайней мѣрѣ три или четыре ранено. Каково же было мое удивленіе, когда я, подойдя, увидѣлъ одного только лежавшаго, остальныхъ же совершенно невредимыми. Кстати не могу не вспомнить о томъ терпѣніи, доходящемъ до геройства, которое выказалъ несчастный пострадавшій въ данномъ случаѣ: бѣднягѣ оторвало осколкомъ лѣвое плечо, обнаживъ легко, но ни стона, ни крика не было слышно; безмолвно дожидаясь носилокъ, раненый, котораго звали Семенъ Байдужный, только крестился оставшейся правой рукой, а когда носилки были принесены онъ поднялся безъ посторонней помощи и легъ въ нихъ съ тѣмъ, чтобы ужь болѣе не вставать. Часа черезъ два онъ умеръ въ забытьѣ на перевязочномъ пунктѣ.

Часа въ два пополудни мимо батареи провели человѣкъ семь плѣнныхъ турокъ; около этого же времени къ намъ подъѣхалъ ординарецъ начальника дивизіи, присланный справиться о потеряхъ батареи. Онъ же сообщилъ намъ печальную вѣсть о томъ, что его высочество герцогъ Сергѣй Максимиліановичъ Лейхтенбергскій убитъ.

Часовъ около четырехъ батареѣ нашей и Херсонскому полку велѣно было отступить подъ прикрытіемъ Бендерскаго полка и 2-й батареи. Въ сумерки мы вернулись на бивуакъ.

Скучная бивуачная жизнь снова вошла въ свою обычную колею. Мало радостныхъ извѣстій доходило къ намъ также и изъ прочихъ мѣстъ театра военныхъ дѣйствій; только въ концѣ октября и началѣ ноября Кавказъ порадовалъ насъ двумя крупными успѣхами,—полнымъ пораженіемъ арміи Мухтара-паши при Аладжи-дагѣ и взятіемъ Карса. Вѣсть о взятіи Карса дошла до насъ 7-го ноября и по поводу этого радостнаго событія велѣно было послѣ благодарственнаго молебствія салютовать холостыми зарядами изъ всѣхъ орудій. Выѣхавъ немного впередъ противъ своего бивуака, артиллерія тотчасъ же по окончаніи молебствія начала пальбу по орудійно; къ тому же времени открыла огонь и 12-я бригада, расположенная частью у Мечки, частью же впереди Трстеника.

Очередь обошла всѣ орудія,—салютъ оконченъ; но что же это у Мечки до сихъ поръ стрѣляютъ? И стрѣльба что-то не похожа на мѣрную стрѣльбу салюта. Донесшаяся вскорѣ ружейная перестрѣлка разсѣяла всѣ сомнѣнія: турки нападали на позиціи у Пиргоса; видно было, что непріятель дѣлаетъ лишь рекогносцировку, ибо атака велась вяло и очевидно съ небольшими силами. Однако деревню Пиргосъ турки заняли и зажгли, а часамъ къ двумъ перестрѣлка завязалась и передъ Трстеникомъ, но продолжалась, правда, очень короткое время; говорю, впрочемъ,

только про ту перестрѣлку, которая видна была съ нашего бивуака. Часамъ къ четыремъ турки отступили снова за Ломъ.

Подробности позиціи передъ Мечкой и Трстеникомъ видны на прилагаемомъ планѣ и потому, не вдаваясь въ описаніе ихъ, упомяну объ одной только особенности. Эта особенность заключалась въ томъ, что прежде чѣмъ атаковать насъ, турки должны были переправиться черезъ Ломъ наканунѣ дня сраженія, ибо отъ рѣки до позиціи было не менѣе шести верстъ; всего же отъ главнаго турецкаго лагеря до позиціи было не менѣе четырнадцати верстъ и, понятно, что, пройдя такое разстояніе войска не могли считаться достаточно свѣжими для атаки сильной и хорошо укрѣпленной позиціи. Такимъ образомъ, непріятель не могъ напасть врасплохъ и это обстоятельство много помогло приготовиться къ отраженію турокъ, 14-го и 30-го ноября.

Не помню уже котораго числа, но кажется 10-го или 11-го ноября нашу и 4-ую батереи вмѣстѣ съ Тираспольскимъ полкомъ перевели въ деревню Обрѣтеникъ, лежащую верстахъ въ восьми отъ Трстеника. Здѣсь мы размѣстились у болгаръ по домамъ и думали, что хоть недѣльку поблаженствуемъ въ теплыхъ комнатахъ; но мечтѣ нашей несуждено было осуществиться. 14-го ноября утромъ мы услышали въ сторонѣ Трстеника сильную канонаду, а, взойдя на курганъ передъ деревней, я увидѣлъ, что бой ужь завязался по всей линіи Мечко-Трстеницкой позиціи.

Около полудня пришло приказаніе Тираспольскому полку и батареямъ выступить тотчасъ же къ Трстенику, что и было тотчасъ исполнено. Подойдя къ Трстенику, мы остановились позади его на шоссе въ резервѣ и ожидали дальнѣйшихъ приказаній. День былъ холодный съ мелкимъ осеннимъ дождемъ; густыя темныя тучи, обволакивая небо усиливали наступающія сумерки и на темномъ фонѣ небосклона ярко выдѣлялась, пробѣгавшая по горизонту, длинная, огненная змѣйка ружейныхъ выстрѣловъ. Это отступавшіе турки переходили уже послѣдній, видимый для насъ гребень. Первая попытка Сулеймана прорваться къ Бѣлѣ окончилась полнымъ пораженіемъ турокъ.

Наступила темная ночь, такая темная, что въ двухъ шагахъ не видно было человѣка; дождь лилъ ливмя. Велѣно было переночевать на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы стояли до ухода, въ Обрѣтеникъ. Непостижимымъ до сихъ поръ остается мнѣ, какимъ образомъ при той темнотѣ мы нашли эти мѣста, но тѣмъ не менѣе мы ихъ нашли и кое-какъ устроились на прежнемъ пепелищѣ въ полуразрушенныхъ землянкахъ. Съ этихъ уже поръ Трстеникъ сталъ постояннымъ нашимъ мѣстопребываніемъ, откуда мы ушли только 20-го января слѣдующаго года.

Дѣло 14-го ноября безспорно одно изъ весьма замѣчательныхъ дѣлъ Рущукскаго отряда. Сулейманъ-паша, пріобрѣвшій уже извѣстность своею упрямою и даже безразсудною настойчивостью при атакѣ Шибкинскихъ

позицій, рѣшился теперь, во чтобы то ни стало, прорваться къ Бѣлѣ, гдѣ онъ предполагалъ большіе запасы, а также занять мостъ у Батина. Атака велась ожесточенно и было, говорятъ, время, когда успѣхъ клонился на сторону турокъ: одинъ рядъ нашихъ ложементовъ передъ Трстеникомъ былъ уже въ рукахъ непріятеля. Но спасибо Украинскому и Бессарабскому полкамъ, которымъ выпала въ этотъ день честь рѣшить участь боя: молодцами опрокинули они непріятеля и погнали его передъ собою, вовлекая и другія части въ наступленіе. Дорого обошлось туркамъ 14-е ноября. Отъ трехъ до четырехсотъ тѣлъ оставлено турками на полѣ, въ плѣнъ взято около восьмидесяти человѣкъ съ тремя офицерами. По донесенію самого Сулеймана потери турокъ въ дѣлѣ 14-го ноября простираются до тысячи двухсотъ человѣкъ.

Весь слѣдующій день прошелъ въ уборкѣ тѣлъ, а затѣмъ все снова пошло обычнымъ чередомъ. Палатокъ уже не было, всѣ обзавелись землянками, которыя были самой разнообразной архитектуры: каждый старался построить себѣ жилище по возможности удобнѣе, хотя все это, конечно, сводилось къ постройкѣ сыраго мрачнаго погреба. Бумага пропитанная масломъ замѣняла стекло, а внутри землянку оббивали полотнищами палатокъ, отчего становилось гораздо свѣтлѣе и земля, осыпавшаяся сквозь тростникъ, не грозила ежеминутно засыпать глаза. Полевые мыши пріютились вмѣстѣ съ нами и доводили иной разъ свою смѣлость до нахальства, забираясь ночью даже подъ одѣяло къ спящимъ. Громадныя стаи собакъ бродили по полю около бивуака и пешему человѣку, въ особенности ночью, одному было крайне рискованно отдаляться отъ бивуака. Впрочемъ при первомъ же выстрѣлѣ вся стая поворачивала назадъ, а иногда и разбѣгалась.

28-го ноября турки значительными силами начали переправляться черезъ Ломъ у селеній Іованъ-Чифтликъ и Красной, завязали перестрѣлку съ нашими передовыми частями у Пиргоса и не спѣша подвигаться впередъ, остались ночевать на нашемъ берегу. Повидимому слѣдовало ожидать на завтра дѣло и мы дѣйствительно приготовились встрѣтить непріятеля. На другой день съ разсвѣтомъ я услышалъ, что кто то вошелъ ко мнѣ въ землянку; убѣжденіе мое въ томъ, что сегодня будетъ сраженіе, было такъ велико, что я, предполагая въ вошедшемъ деньщика, обратился съ вопросомъ, запрягаютъ ли батарею. Но оказалось, что это писарь бригаднаго управленія поспѣшилъ обрадовать телеграммой Государя Императора о взятіи Плевны. Не успѣлъ я одѣться и выйти изъ землянки, какъ уже радостная вѣсть облетѣла весь лагерь; къ тому же пришло донесеніе изъ аванпостовъ, что турки ночью переправились обратно за Ломъ.

Какъ нѣсколько минутъ тому назадъ мы были убѣждены въ томъ, что будемъ атакованы непріятелемъ, такъ теперь, напротивъ, мы поспѣ-

шили прійти къ заключенію, что ужь отнынѣ не туркамъ насъ аттаковывать, а нашимъ дѣломъ будетъ перейти въ наступленіе и выбить непріятеля изъ Кадыкіойскихъ укрѣпленій. Какъ мы ошибались въ первомъ случаѣ, такъ ошиблись и во второмъ.

Утромъ 30-го ноября мнѣ по очереди приходилось идти со взводомъ въ дежурную часть къ Ханъ-Гюль-Чизинъ. Уже взводъ былъ готовъ и я дождался только баталіона, съ которымъ мнѣ слѣдовало выступить. Но не успѣли еще мы тронуться, какъ уже условные выстрѣлы съ Парапанскихъ батарей и у Ханъ-Гюль-Чизмы возвѣстили намъ о наступленіи непріятеля; дежурная часть отходила. Укрываясь пересѣченной мѣстностью, турки быстро подвигались къ Мечкѣ.

Войска наши на позиціи у Мечки и Трстеника были расположены слѣдующимъ образомъ:

На правомъ флангѣ впереди сел. Трстеникъ, 2-я бригада 12-й пѣхотной дивизіи со 2-й, 3-й, 5-й и 6-й батареями 12-й артиллерійской бригады подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Фофанова.

На лѣвомъ флангѣ, у сел. Мечка, 1-я бригада 12-й дивизіи съ 1-ю и 4-ю батареями 12-й артиллерійской бригады подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Цитлядзева.

Укрѣпленія центра позиціи не были въ началѣ заняты; позади ихъ у Трстеницкаго виноградника стояла въ резервномъ порядкѣ 2-я бригада 33-й пѣхотной дивизіи съ 1-й, 3-й, 4-й и четырьмя орудіями 6-й батареи 33-й артиллерійской бригады подъ начальствомъ генералъ-маіора Дохтурова. Съ прибытіемъ же изъ Дамогилы Бессарабскаго пѣхотнаго полка и 2-й батареи, войска центра соединились подъ общимъ начальствомъ начальника 33-й пѣхотной дивизіи Свиты Его Величества генералъ-маіора Тимофѣева.

Для охраненія праваго фланга у селенія Табачка было два баталіона Херсонскаго пѣхотнаго полка и 5-я батарея 33-й артиллерійской бригады.

Какъ я уже сказалъ, непріятель въ большомъ числѣ и быстро подвигался по направленію къ Мечкѣ. Двѣ роты Тираспольскаго пѣхотнаго полка и дивизіонъ 6-й батареи получили приказаніе занять ложементы и батарею для обстрѣливанія подступа къ лощинѣ, ведущей на Мечку. Рысью выѣхалъ дивизіонъ и, размѣстивъ орудія въ укрѣпленіи, открылъ огонь шрапнелью. Вслѣдъ затѣмъ приказано было нашей батареѣ занять ложементы, изъ которыхъ можно было обстрѣливать фронтальнымъ огнемъ скаты къ Мечкинской лощинѣ. Посадивъ прислугу на орудія, полной рысью, на сколько это возможно было по пахати, батарея подъѣхала къ ложементамъ и снялась съ передковъ; стрѣлять пока еще было не почемъ: рѣденькія пѣхотныя цѣпи, быстро пробѣгавшія по скату на разстояніи не допускавшемъ стрѣльбы шрапнелью, представляли собою не-

завидную для артиллериста цѣль. Обстоятельства перемѣнились лишь только 1-я батарея открыла огонь картечными гранатами вдоль по лощинѣ. Ежеминутно разрывавшіяся надъ лощиной гранаты, осыпая сидѣвшихъ въ ней градомъ пуль, останавливали въ нерѣшимости бѣгущихъ по скату, которые вмѣстѣ съ новыми, все прибывающими, цѣпями образовывали безпорядочныя, густыя кучи. По этимъ кучамъ батарея открыла огонь обыкновенными гранатами. Часть же турецкой пѣхоты попыталась было взобраться на гребень и уже начала поражать насъ пулями въ флангъ, но нѣсколько удачно пущенныхъ шрапнелей, заставили ее снова скрыться въ лощину. Роковою была эта лощина для турокъ, многіе легли въ ней и не даромъ она названа «долиною смерти».

Между тѣмъ Тираспольскій полкъ залегъ въ ложементахъ, идущихъ почти по гребню Мечкинской лощины, и терпѣливо выжидалъ приказанія: ни одного выстрѣла не было сдѣлано Тираспольцами до перехода въ наступленіе.

Не то было у Мечки: тамъ шелъ горячій бой; всѣ атаки непріятеля разбивались о стойкость Азовскаго и Днѣпровскаго полковъ. Артиллерія лѣваго фланга разстрѣляла уже почти всѣ свои снаряды и для поддержанія артиллерійскаго огня была послана къ Мечкѣ 4-я батарея 33-й артиллерійской бригады; при выѣздѣ ея на позицію, непріятельская граната ударила въ одинъ изъ зарядныхъ ящиковъ и взорвала его на ходу. Всѣ три лошади были убиты, та же участь постигла и ѣздоваго, у котораго вся спина была исковеркана осколками; однако, говорятъ, онъ успѣлъ еще простонать «ой ратуйте» *). По счастливой случайности, ящечный вожатый остался совершенно невредимымъ; разсказываютъ, будто онъ, какъ разъ во время взрыва, нагнулся, чтобы поднять какую-то изъ принадлежностей, свалившуюся съ ящика, и это обстоятельство спасло его отъ неминуемой смерти.

Несмотря на то, что непріятель атаковалъ ожесточенно и очевидно громадными силами, между нами царили полное спокойствіе и увѣренность въ успѣхъ. Мы какъ будто выжидали только время, когда турки побѣгутъ и невдолгѣ они оправдали наши ожиданія.

Послѣ полудня, не помню уже въ которомъ часу, батарею нашу посѣтилъ корпусный командиръ, Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Проходя мимо орудій моего дивизіона, Его Высочество замѣтилъ появившуюся на скатѣ, почти въ четырехъ верстахъ отъ батареи, группу всадниковъ на бѣлыхъ коняхъ и приказалъ мнѣ пустить въ нихъ нѣсколько гранатъ. Быстро наведено было первое орудіе, раздался выстрѣлъ и, черезъ нѣсколько секундъ, облако пыли показало намъ, что граната угодила въ самую середину цѣли. Тре-

*) По малороссійски: спасите, помогите.

тье и четвертое орудія пустили туда же по удачной гранатѣ и какъ бы по сигналу по тѣмъ же всадникамъ открыла огонь одна изъ батарей, расположенныхъ впереди Трстеника. Повернувъ назадъ, всадники вскачь пустились удирать за гребень; Его Высочество приказалъ прекратить по нимъ стрѣльбу.

Въ это время 2-я бригада 33-й пѣхотной дивизіи двигалась уже отъ Трстеника по Рущукскому шоссе, обходя лѣвый флангъ непріятеля. Къ этой же бригадѣ присоединился Украинскій полкъ съ 3-й и 6-й батареями 12-й артиллерійской бригады. Съ музыкой и пѣснями шли эти войска въ атаку; замѣтивъ опасность на своемъ лѣвомъ флангѣ, турки ослабили атаки на Мечку. Когда же Бендерскій и Тираспольскій полки перешли тоже въ наступленіе, турки, выбитые изъ лощины, покрыли весь скатъ и открыли убійственный ружейный огонь. Какъ рой пчелъ жужжали надъ нашими головами пули. За батареею было гораздо опаснѣе стоять, чѣмъ на самой батареѣ; въ это время, говорятъ, были тяжело ранены находившіеся при Его Высочествѣ, командирѣ корпуса, унтеръ-шталмейстеръ и переводчикъ.

Вся артиллерія сосредоточила теперь огонь свой на безпорядочно отступавшемъ непріятелѣ; для усиленія огня въ центрѣ, выѣхала и стала нѣсколько впереди и правѣе насъ 2-я батарея 33-й артиллерійской бригады. Когда же непріятель перешелъ первый гребень, батареи взялись на передки и тоже перешли въ наступленіе. Лощины, которыя намъ приходилось переходить, были усѣяны тѣлами убитыхъ и ранеными; въ числѣ послѣднихъ многіе были положительно пьяны: у человѣка переломана нога, а на лицѣ между тѣмъ играетъ какая-то безсмысленная, блаженная улыбка. Пропасть оружія, патроновъ, различнаго рода обломковъ валялось по полю. Преслѣдованіе прекратилось только съ наступленіемъ совершенной темноты. Съ пѣснями возвращались мы ночью на бивуакъ.

Потери турокъ, надо полагать, были громадныя: болѣе 800 труповъ и болѣе 300 раненыхъ осталось на полѣ сраженія. Въ числѣ плѣнныхъ находился, между прочимъ одинъ бимъ-баши (маіоръ, начальникъ табора), кототый попался въ плѣнъ исключительно благодаря его тучности; подъ нимъ была убита при отступленіи лошадь, а на своихъ собственныхъ ногахъ онъ могъ съ трудомъ сдѣлать только нѣсколько шаговъ.

Утромъ 1-го декабря я выѣхалъ со взводомъ къ Ханъ-Гюль-Чизмѣ въ дежурную часть, смѣнить ночевавшій тамъ взводъ 6-й батареи 12-й артиллерійской бригады. Ханъ-Гюль-Чизма—это постоялый дворъ въ лощинѣ по Рущукскому шоссе. Отъ самаго зданія остались только слѣды, да колодезь, который служитъ постояннымъ яблокомъ раздора нашихъ и турецкихъ аванпостовъ. Днемъ этотъ колодезь былъ въ нашихъ рукахъ, ночью же, когда цѣпь отодвигалась нѣсколько назадъ для сближенія постовъ, онъ становился нейтральнымъ. И вотъ утромъ турки старались

всегда напоить своихъ лошадей раньше, чѣмъ наши аванпосты закроютъ колодезь. Разсказываютъ слѣдующій интересный эпизодъ: однажды рано утромъ казакъ изъ нашей передовой цѣпи и черкесъ изъ турецкой маршъ-маршемъ неслись къ колодцу и, разогнавшись, одновременно подъѣхали къ нему; соскочивъ съ лошадей и изготовивъ винтовки, противники стали вмѣстѣ поить лошадей, безмолвно но зорко слѣдя другъ за другомъ. Затѣмъ, напоивъ лошадей, они быстро вскочили въ сѣдла, разъѣхались шаговъ на сто и, какъ бы по командѣ, сдѣлали каждый по выстрѣлу, конечно, безъ всякихъ послѣдствій.

На горкѣ, которая спускается къ лощинѣ постоялаго двора, устроены были ложементы для пѣхоты и на два орудія, а также двѣ большія землянки. Это была передовая Трстеницкая позиція, постоянно занятая дежурнымъ баталіономъ съ двумя орудіями, назначеніемъ котораго было заставить непріятеля развернуться и обнаружить свои силы. Затѣмъ, если силы эти оказывались значительными, какъ напримѣръ 14-го и 30-го ноября, дежурная часть обыкновенно отступала. Такимъ образомъ землянки этой позиціи на время боя переходили въ руки турокъ, которые впрочемъ не разрушали ихъ.

Когда я пріѣхалъ сюда, то увидѣлъ, что турки во время вчерашняго боя успѣли уже накопать много ложементовъ, хотя и не сильной профили, но все-таки достаточной для того времени, какимъ они могли располагать. Въ ровикахъ этихъ ложементовъ были настланы, ужъ не знаю съ какою цѣлью стебли кукурузы и въ изобиліи разсыпаны горохъ и кукурузное зерно. Сейчасъ приступлено было къ уничтоженію этихъ укрѣпленій, а также наряжены были команды для рытья могилъ, такъ какъ сюда свозили собираемыя жандармами по полю турецкія тѣла. Невдалекѣ также была поляна, которая, очевидно, служила мѣстомъ турецкаго перевязочнаго пункта, потому что здѣсь валялось множество фесокъ, окровавленное тряпье и нѣсколько носилокъ самаго примитивнаго устройства: мѣшокъ, сквозь который пропущены двѣ палки. Глинистая почва не впитала въ себя крови, которая выступала теперь подъ ногами, разбавленная растаявшею изморозью.

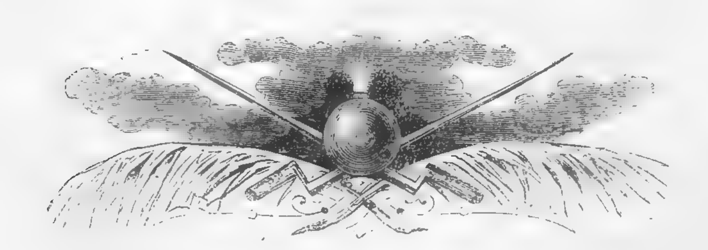
Около полудня нѣсколько казаковъ привезли къ намъ трехъ раненыхъ турокъ, которыхъ не могли, вѣроятно, вчера найти наши санитары. Нечего и говорить, что всѣ трое были въ самомъ жалкомъ состояніи; у одного изъ нихъ была раздроблена ступня, другіе-же два были ранены пулями. Несчастнымъ пришлось переночевать на открытомъ воздухѣ въ морозную ночь и теперь ихъ неистово трясла лихорадка. Отъ предложенной водки они отказывались, повторяя: «ишменъ» и только съ помощью солдата-татарина кое-какъ говорившаго по-турецки, удалось убѣдить одного изъ нихъ выпить рюмку. Баталіонный командиръ приказалъ приготовить офицерскую повозку и отвезти раненыхъ въ полковой

околодокъ. Замѣчательно состраданіе, съ которымъ относились солдаты къ своимъ вчерашнимъ врагамъ: бережно уложивъ въ повозку они укутали ихъ полотнищами палатокъ и предлагали свои сухари. Одинъ изъ турокъ, видимо растроганный, вытащилъ изъ-за пазухи какую-то книжку и знаками просилъ болѣе другихъ хлопотавшаго около него солдата взять ее; тотъ взялъ, но тотчасъ же передалъ ее другому турку. Говорятъ, что поднесеніе въ подарокъ подобной книжки означаетъ у турокъ высшую степень признательности.

Въ одной изъ землянокъ, гдѣ я расположился вмѣстѣ съ офицерами дежурнаго баталіона, была сложена изъ камней печь, но, хотя мы топили въ ней хворостомъ все-жь таки трудно было нагрѣть землянку, совершенно открытую съ одной стороны, такъ какъ двери были сняты турками и уничтожены; крысы кишмя кишѣли по потолку, обрываясь и падая на лежавшихъ и сидѣвшихъ. Мнѣ разсказывали, какъ въ одну изъ предъидущихъ ночей, одинъ изъ офицеровъ обвернувши голову башлыкомъ вздремнулъ было; но черезъ нѣсколько минутъ онъ вскочилъ какъ шальной, быстро разматывая башлыкъ. Не довольствуясь прогулками по землянкѣ, одна изъ крысъ заблагоразсудила забраться къ нему подъ башлыкъ и, понятно напугала съ просонокъ. Почти всю ночь мы просидѣли, разсказывая другъ другу различные эпизоды изъ сраженія 30-го ноября. Утромъ, 2-го декабря, я вернулся снова на бивуакъ.

Въ ночь съ 5-го на 6-е декабря выпалъ сильный снѣгъ и поднялась мятель, которая замела всѣ дороги и лощины. Этимъ уничтожалась всякая возможность нападенія, ибо снѣгъ былъ такъ великъ, что даже одиночнымъ всадникамъ еле-еле можно было пробираться. Для насъ кампанія 1877 года была окончена.

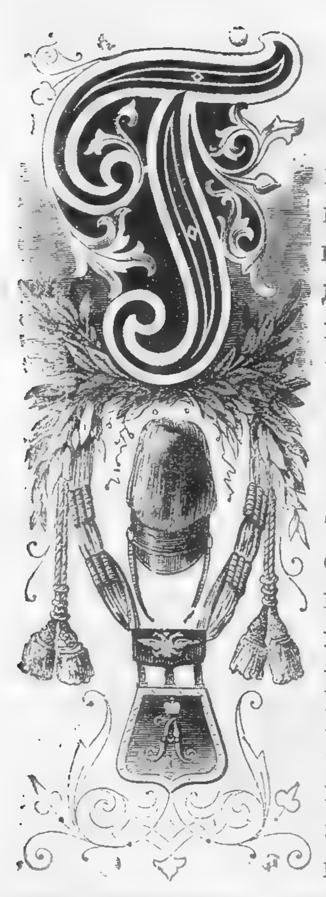
Н. Л.



МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ

8-го уланскаго Вознесенскаго полка.



ромко и радостно 15-го іюня, часовъ около пяти, въ селеніи Пятрѣ, гдѣ мы стояли бивуакомъ—распространилась радостная вѣсть: переправа черезъ Дунай совершилась. Значеніе этого великаго дѣла всѣмъ извѣстно и восторгъ, который оно возбудило—всякій испыталъ, но уланамъ, пять недѣль уже содержащимъ посты по Дунаю, почти у самаго мѣста переправы, пять недѣль смотрѣвшимъ съ понятными желаніями на противоположный турецкій берегъ—возможность наконецъ добраться туда и идти дальше и дальше, была ближе чѣмъ кому либо. Вдругъ между множествомъ новостей слуховъ, хватавшихся и передававшихся на лету, прошелъ одинъ слухъ, который общую горячую радость превратилъ въ какое-то уныніе, чтобъ не сказать глубокое горе: говорили, что наша 8-я дивизія, какъ откомандированная отъ 8-го корпуса Радецкаго, первымъ переправившагося и причисленная къ 13-му корпусу, останется въ Румыніи наблюдать за Дунаемъ и прикрывать транспорты и сухари. Кто пустилъ эту злую шутку неизвѣстно, но произвела она общее волненіе и большинство офицеровъ начали надумывать о возможности откомандироваться на время отъ роднаго полка. Упоминаю объ этомъ, какъ о самомъ можетъ быть тяжеломъ моментѣ для полка за всю компанію. Но за то, какъ живо собрался полкъ, когда 20-го числа заиграли, вслѣдствіе полученнаго приказанія, «генералъ-маршъ» и какъ весело сдѣлалъ онъ переходъ въ Зимницу. Пришлось однако простоять

цѣлыхъ четыре дня у Зимничьки на бивуакѣ, дожидаясь очереди на мосту черезъ который день и ночь шли войска. 24-го іюня опять заиграли «генералъ-маршъ» и полкъ тронулся съ права по шести черезъ городъ къ берегу.

Черезъ мостъ, держа лошадей въ поводу, переходили Лубенскіе гусары. Князь Манвеловъ, сидя у самаго входа на мостъ пропускалъ мимо себя свою дивизію. Наконецъ, вступили и мы на мостъ, прошли первый, потомъ черезъ островъ перешли на другой и наконецъ уланы, снимая фуражки и радостно крестясь, одинъ за другимъ начали вступать на турецкій берегъ. Крутой подъемъ ночью (мы начали переправу часовъ около двѣнадцати ночи) намъ показался еще круче, и подивились мы тутъ набравшихъ этотъ берегъ съ бою.

Къ разсвѣту мы стали бивуакомъ за деревней Царевцами среди ложементовъ, которыми Драгомировъ окопалъ свою позицію тотчасъ послѣ переправы; отдохнувши тамъ, мы двинулись дальше, по шоссе къ Бурунли, гдѣ ночевали, а на другой день приступили къ боевой службѣ. Полкъ раздѣлился по дивизіонно: 1-й дивизіонъ пошолъ къ Радану, а 2-й къ Иваницы съ тѣмъ, чтобъ дойдя до этихъ деревень сильными разъѣздами освѣщать мѣстность и охранять лѣвый флангъ, наступающаго къ Тырнову, отряда генерала Гурко.

По дорогѣ первый дивизіонъ обогналъ штабъ дивизіи и когда начальникъ штаба полковникъ баронъ Каульбарсъ сказалъ между прочимъ: «а что, господа, попробуйте дойти до Тырнова, можетъ быть и успѣете занять его: прусскіе уланы еще не то дѣлали»—у всѣхъ явилось страстное желаніе совершить это дѣло, и хотя отъ каждаго эскадрона полагалось послать только по полуэскадрону, всѣ офицеры постарались пристроиться къ этимъ разъѣздамъ, и дѣйствительно тотчасъ по приходѣ въ Радонъ и Иванцы обоихъ дивизіоновъ были посланы отъ каждаго эскадрона по полуэскадрону, которые пошли въ слѣдующемъ порядкѣ: 2-й дивизіонъ, отправившійся подъ командою полковника Ушакова, послалъ полуэскадроны къ рѣкѣ Русицѣ и дальше, а отъ 1-го дивизіона полуэскадроны отъ каждаго эскадрона пошли отъ праваго прямо по шоссе, а отъ втораго вдоль рѣки Янтры. Всѣмъ четыремъ разъѣздамъ приказано было по возможности поддерживать связь между собою. Разъѣзды отъ праваго дивизіона въ первый разъ тутъ услышали непріятельскія выстрѣлы, съ высотъ за рѣкой Янтрой, куда по словамъ встрѣчныхъ болгаръ бѣжали турки изъ опустѣлыхъ деревень.

Разъѣздъ перваго эскадрона, имѣя въ лицѣ своего командира штабъ-ротмистра Литвинова твердое намѣреніе пробраться какъ можно дальше,—а представится хоть малѣйшая возможность занять съ бою даже Тырново,—двигался къ нему по шоссе. Въ первой деревнѣ ему встрѣтилась сцена, которая должна была скоро повториться въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ въ Тырновѣ: впереди деревни на дорогѣ стояла большая толпа болгаръ, изъ которой на встрѣчу подходившему полуэскадрону отдѣлилось нѣсколько стари-

ковъ и женщинъ и съ низкими поклонами начали подавать жбаны съ холодной водой, съ краснымъ мѣстнымъ виномъ и водкой; у нѣкоторыхъ въ рукахъ были корзины со сливами, абрикосами и мягкими пшеничными лепешками.

Не много проголодавшіеся, а главное запыленные и истомленные жарой, уланы поспѣшили, послѣ команды спѣшиться, вступить въ первое знакомство съ братушками. Братушки оказали дѣйствительно братскій пріемъ; что они говорили на языкѣ, чрезвычайно близко подходящимъ къ нашему церковнославянскому языку, мы хорошенько не разбирали, но должно быть все это было очень привѣтливо и радушно, потому что за угощеніемъ послѣдовали рукопожатія, а чрезъ пять минутъ около каждаго улана съ набитыми абрикосами и лепешками ртомъ стояли по два, по три болгарина и что-то разсказывали, спрашивали, между разговоромъ крестились, потомъ опять жали руки, потомъ опять угощали; но прошло четверть часа и по командѣ «садись» улыбающіеся лица уланъ сдѣлались серьезными, и черезъ минуту полуэскадронъ сидѣлъ на коняхъ. Когда зашла рѣчь о расплатѣ за угощеніе болгары замахали руками, такъ что надо было положить въ рученку сидѣвшаго на заборѣ съ прочими ребятами трехъ-лѣтняго болгарченка золотой и уланы пошли далѣе. По разспросамъ оказалось, что только наканунѣ всѣ турки ушли — сичько сбѣгали, — какъ говорили болгары за Янтру; мы были первые русскіе войска, которыхъ они видѣли; о Тырновѣ и о турецкихъ войскахъ они ничего сказать положительно не могли.

Къ вечеру мы подошли къ рѣкѣ Русицѣ съ тѣмъ, чтобы ночевавши около нея рано утромъ пройти остальныя двадцать верстъ до Тырнова и, если Богъ дастъ, занять его. Но у моста насъ ждало разочарованіе, которое, надо покаяться, даже нѣсколько раздосадовало насъ: мы застали тамъ сводную кавалерійскую часть въ числѣ эскадрона отъ отряда генерала Гурко и узнали, что завѣтная наша мечта занятіе Тырново уже совершена на канунѣ, мы же опоздали.

Покамѣсть уланы устраивались на бивуакѣ т. е. вбивали колья и раздобывали соломы — къ мосту начала подходить какая-то пѣхотная часть, оказавшаяся стрѣлковой бригадой шедшей въ Тырново-же. Тѣмъ не менѣе такъ какъ предписаніемъ опредѣляющимъ задачу нашихъ разъѣздовъ, указывалось опредѣлить, какъ можно далѣе положеніе нашихъ и непріятельскихъ силъ для свѣдѣнія штабу дивизіи; штабъ-ротмистръ Литвиновъ рѣшилъ идти далѣе въ Тырново съ разсвѣтомъ. Рано утромъ часу въ шестомъ полуэскадронъ подходитъ къ издали, какъ стѣна отвѣсному началу Балканъ и вошелъ въ узкое ущелье, ведущее къ Тырнову, до котораго оставалось еще верстъ семь. Эти семь верстъ мы шли не менѣе пяти часовъ; случилось это по двумъ причинамъ: приказомъ генерала Гурко всѣмъ войскамъ, идущимъ къ Тырнову было велѣно остановиться, и пропустить идущее сзади болгарское ополченіе, которому приготовлялся торжественный входъ въ древнюю болгарскую столицу. Штабъ-ротмистръ Литвиновъ ввиду того, что

цѣль разъѣзда была возможно быстрая и полная развѣдка обстоятельствъ взялъ на себя подвигаться по возможности впередъ съ тѣмъ, чтобъ явясь къ генералу Гурко воротиться скорѣй къ полку.

Вторая причина медленности движенія, были толпы болгаръ, стоящія по дорогѣ; то были городскіе жители, всѣ кажется чуть-ли не поголовно вышедшіе за пять верстъ встрѣтить русскихъ. Кто видѣлъ эту встрѣчу, тотъ не забудетъ ее, не только какъ одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ эпизодовъ кампаніи, но какъ доброе, личное воспоминаніе радостнаго, хорошаго дня. Шоссе, идущее по берегу Янтры между двумя отвѣсными стѣнами скалъ, было запружено народомъ въ праздничныхъ платьяхъ, и не было въ этой громадной толпѣ человѣка, у котораго не было бы или жбана съ водой или сдобной лепешки или пачки табаку; не было женщины, у которой не было бы цѣлой массы цвѣтовъ,—все это бросалось чуть не подъ ноги лошадей, вода табакъ, лепешки подавались черезъ головы другъ другу; цвѣты бросались или прямо на уланъ или прицѣплялись на ходу къ кабурамъ.

Когда, ѣдущіе впереди части и вьюки заставляли полуэскадронъ останавливаться, уланы окружались сплошной массой народа, которая или старалась вступить въ разговоры (изъ которыхъ ясно понимались вопросы: «гдѣ нашъ Царь Александръ? когда будетъ нашъ Императоръ Александръ?») или просто ловила руки, которыя офицеры едва успѣвали прятать, чего не дѣлали солдаты, и опьянѣлые отъ восторга болгары, могли вдоволь лобызать величаво протянутое имъ запыленное ручище, вошедшихъ въ свою роль тріумфираторовъ. Наконецъ, подвигаясь шагъ за шагомъ, полуэскадронъ добрался до угла образуемаго скалой; повернувши за нею мы увидѣли вдругъ узкую улицу, по которой мы и въѣхали въ городъ. Долго шли уланы узкими улицами рядами, а иногда пробираясь справа по одному; та же встрѣча продолжалась и въ городѣ, пока наконецъ не получено было Ш. Р. Литвиновымъ, поѣхавшимъ впередъ, приказанія генерала Гурко, спѣшиться и идти черезъ городъ на бивуакъ, гдѣ стояли Кіевскіе гусары. Покамѣстъ полуэскадронъ шолъ узкими улицами съ права по одному, онъ встрѣтился съ полуэскадрономъ втораго эскадрона, вошедшимъ въ городъ съ другой стороны отъ города Раховицы, который онъ первый занялъ и гдѣ ему была встрѣча, если можно сказать еще лучше, чѣмъ въ Тырновѣ, такъ какъ тамъ не ждали русскихъ и при первомъ приближеніи ихъ, всѣ лавки заперли и жители попрятались въ дома; но когда вошли въ городъ и одинъ булочникъ рѣшился выглянуть, то онъ съ крикомъ: «Русскіе! русскіе!» отворилъ настежъ двери, бросился къ окнамъ, началъ ихъ отворять, и уланы въ минуту увидали кругомъ себя толпу, которая непомня себя отъ восторга и плача, и смѣясь лѣзла къ лошадямъ; булочникъ же задыхаясь только и могъ твердить: «четыреста лѣтъ ждемъ, четыреста лѣтъ!»

Скоро также подошелъ разъѣздъ 4-го эскадрона, а за нимъ получено приказаніе по возможности скорѣй вернуться къ полку. Отдохнувши на би-

вуакѣ, разъѣзды тронулись обратно, и переночевавши у Русицы на прежнемъ мѣстѣ, только подъ страшнымъ ливнемъ, собрались на другой день у Радона, гдѣ стоялъ штабъ полка.

Задачей нашей дивизіи въ это время предполагалось идти впередъ 12-го и 13-го корпусовъ и освѣщать мѣстность, между Разградомъ и Османъ-базаромъ, почему почти тотчасъ послѣ прибытія разъѣздовъ въ Радонѣ, полкъ тронулся и перейдя въ бродъ рѣку Янтру, вошелъ въ горы праваго ея берега. Это было первое наше движеніе, при которомъ требовались всѣ мѣры предосторожности, указываемыя уставомъ, и надо было видѣть, какъ уланы боковыхъ разъѣздовъ карабкались по горамъ, какъ будто имъ дѣло было привычное и не въ первый разъ. Впрочемъ были мѣста, гдѣ надо было проходить справа по одному, сквозь густой лѣсъ, поросшій кустарникомъ, что вытягивало полкъ версты три и подвергало, благодаря мѣстности, риску быть перестрѣленными чуть не по одиночкѣ, но уланы все шли и шли впередъ. Пройдя одну изъ такихъ лощинъ, полкъ вышелъ на поляну, на которой въ первой разъ увидѣлъ слѣды боя: въ кустахъ лежалъ убитый молодой турокъ, на полянкѣ валялась казачья лошадь, а немного дальше убитый турокъ съ сѣдой бородой; послѣ мы узнали, что эта была стычка казаковъ нашей дивизіи, шедшей въ штабъ, находящійся въ деревни Копровицѣ. Дойдя до Корохосана, полкъ сталъ бивуакомъ на ночь, жалѣя что онъ уже какъ будто приходитъ все слишкомъ поздно и не подозрѣвая, что на другой же день ему предстоялъ добрый бой, который помимо того что былъ первымъ дѣломъ въ эту кампанію, останется у всѣхъ въ памяти и въ преданіяхъ полка, какъ лихое съ воодушевленіемъ веденное однимъ полкомъ, противъ, какъ послѣ оказалось четырехъ-тысячной пѣхоты—дѣло, и увѣнчавшееся полнымъ успѣхомъ. 29-го утромъ, часовъ въ семь, полкъ снялся съ бивуака, и тронулся по направленію къ Церковнѣ; дорога къ ней лежала на Бей-Вербовку и мимо деревни Чапркіой, оставляя послѣднюю версты полторы вправо. Авангардъ состоящій изъ четвертаго эскадрона, ушелъ версты за двѣ впередъ; недоходя до деревни Чапркіой, они увидѣли толпу болгаръ, которые бросились на встрѣчу уланамъ съ криками: «Турки! турки!» Полковникъ П. А. Ушаковъ, бывшій при авангардѣ, пошелъ на рысяхъ впередъ, и при поворотѣ увидѣлъ деревню Чапркіой, а за ней массу конныхъ и пѣшихъ людей и громадный обозъ, уходившій влѣво отъ деревни. Обскакать деревню слѣва, было дѣломъ одной минуты, слѣдующій моментъ полу-эскадронъ (другой полу-эскадронъ былъ оставленъ для наблюденія за мѣстностію и для связи съ подходившимъ полкомъ), переходилъ въ бродъ рѣчку, перейдя которую былъ встрѣченъ залпомъ съ горы. Неуспѣвъ развернуться (да и мѣстность того не позволяла), какъ шолъ, справа по три, эскадронъ понесся впередъ въ гору и, перескакивая черезъ канавы, кусты, подъ фронтальнымъ огнемъ турокъ изъ обоза, стоящаго на горѣ и перекрестнымъ огнемъ изъ лѣска справа и ихъ кустовъ слѣва, врубился въ обозъ вытянувшійся по до-

рогѣ въ Водицу, саблями и пиками отбиваясь отъ столпившихся и стрѣляющихъ почти въ упоръ турокъ.

То были вооруженные жители и частью регулярная пѣхота въ красныхъ фескахъ; но не одни они стрѣляли: съ каждаго воза сыпались на уланъ пули изъ старинныхъ турецкихъ пистолетовъ, то стрѣляли женщины и чуть-ли не дѣти; уланы же рубились дальше и дальше; выскакавши на поляну къ командиру эскадрона маіору Ягелло, подскакалъ уланъ съ извѣстіемъ, что полковникъ Ушаковъ раненъ, корнетъ Богусловскій раненъ, много людей перебито и что впереди въ кустахъ, которые надо было бы проскакивать, засѣли массы турокъ. Видя себя совершенно изолированнымъ отъ полка, маіоръ Ягелло рѣшился пробиться тѣмъ же кровавымъ путемъ обратно. Повернули уланы обратно, и опять начали пробиваться сквозъ сплотившихся опять у обоза и опомнившихся нѣсколько послѣ бѣшенной уланской атаки турокъ.

Проскакавши обозъ, полу-эскадронъ опять наткнулся на огонь, засѣвшей въ кустахъ, за глубокими канавами пѣхоты, и потому свернувши въ находившуюся по счастію, вправо лощину, благополучно выскакалъ на лѣвый берегъ рѣчки. Тѣмъ временемъ, ничего не подозрѣвавшій въ началѣ полкъ, продолжалъ двигаться по дорогѣ отъ Корохосана, и только когда на встрѣчу изъ-за поворота показался скачущій маршъ-маршемъ уланъ, а за нимъ поручикъ Корбовскій съ переломленной саблей (во время свалки у него также выскочилъ барабанъ изъ револьвера, и оставшись съ голыми руками, онъ только благодаря необыкновенному прыжку своей лошади черезъ канаву, въ которую споткнулся и чуть не перелетѣлъ черезъ голову преслѣдовавшій его черкесъ, ушолъ отъ этого послѣдняго), только тогда 3-й эскадронъ двинулся впередъ на рысяхъ, а вслѣдъ за нимъ подтянулся и пошолъ рысью и 1-й дивизіонъ, при которомъ былъ полковой командиръ А. П. Коровиченко. 3-й эскадронъ встрѣтивъ по дорогѣ еще нѣсколько возвращавшихся нашихъ раненыхъ, въ томъ числѣ корнета Богусловскаго, съ прострѣленной рукой на раненой также лошади и, дошедши до деревни, повернулъ налѣво, гдѣ маіоръ Ягелло, стоя за курганомъ, устраивалъ собиравшихся людей своего эскадрона и, сбросивши вьюки, готовился идти опять въ атаку.

Командиръ 2-го дивизіона маіоръ Ив. Ив. Дотиевъ, выѣхалъ впередъ и началъ осматривать мѣстность; оказалось, что весь гребень горы за деревней былъ усѣянъ конными непріятелями, въ маленькой дубовой рощѣ видна была пѣхота, а также во всѣхъ канавахъ пробирались и засѣдали стрѣлки. Ив. Ив. Дотиевъ предположилъ зайти всѣмъ вторымъ дивизіономъ слѣва деревни, нѣсколько лѣвѣе тѣхъ кустовъ, до которыхъ доскакалъ 4-й эскадронъ, и атаковать обозъ въ то время, какъ 1-й дивизіонъ, при которомъ былъ полковой командиръ полковникъ А. П. Коровиченко, зайдетъ справа деревни и будетъ атаковать по горѣ часть обознаго прикрытія, сосредоточившагося въ тылу обоза у дубовой рощицы, стоящей на дорогѣ изъ деревни Чирикіой въ Карлабунаръ.

Получивши на то разрѣшеніе полковаго командира, маіоръ Дотиевъ пошелъ со своимъ дивизіономъ опять на ту сторону рѣчки, и выбравшись на кругой подъемъ противоположной горы, вышелъ на большую дорогу изъ Чирикіоя въ Водицу, по ту сторону кустовъ, гдѣ засѣли турки; по этой дорогѣ обоза уже больше не было, повозки или свернули въ кусты, или поспѣшно уходили въ противоположную сторону къ Карабунару. Тотчасъ было послано два взвода подъ командою поручика Галота и корнета Поливанова, которые пошли рассыпной атакой по кустамъ; опять не выдержали турки, и уланы преслѣдуя ихъ, скоро очистили всю лощину и кусты, лежащіе за дорогой, но за то, болѣе густые кусты вправо отъ дороги, мимо которыхъ надо было пройти уланамъ къ обозу, были наполнены турками, столпившимися вкругъ полсотни повозокъ свороченныхъ съ дороги. Маіоръ Ив. Ив. Дотиевъ приказалъ спѣшить заднія шеренги двухъ взводовъ 3-го эскадрона, и карабинеры подъ командою Ш. Р. Стефановскаго, вошли цѣпью въ кусты, откуда скоро послышались выстрѣлы нашихъ карабиновъ и трескотня разнокалибернаго оружія турокъ, начиная отъ магазиннаго и системы Пибоди ружья—до стариннаго турецкаго пистолета. Скоро карабинеры возвратились, ведя съ собою человѣкъ двадцать плѣнныхъ; въ числѣ послѣднихъ были три—четыре женщины съ ребятами на рукахъ, которыхъ уланы заботливо помогали нести, они объявили, что все, что было въ этихъ кустахъ, бросилось бѣжать дальше, бросивши повозки, и что кусты очищены. Маіоръ Дотиевъ хотѣлъ уже продолжать атаку, всѣмъ дивизіономъ, когда получено было извѣстіе, что на правомъ флангѣ у 1-го дивизіона атаки шли не такъ успѣшно, и потому полковой командиръ приказывалъ 2-му дивизіону идти къ деревнѣ Чаиркіой для соединенія съ первымъ дивизіономъ. Послѣдній во все это время дѣйствовалъ слѣдующимъ образомъ: первый эскадронъ, спустившись къ рѣчки, обошолъ деревню справа и взошедши на гору построился къ атакѣ, противъ виднѣвшагося въ дубовой рощѣ, и передъ ней въ нѣсколькихъ большихъ кучахъ непріятеля. Сначала ротмистръ Де-Полини повелъ первый полуэскадронъ по полугорѣ, имѣя деревню Чаиркіой влѣво, а вправо выславши наѣздниковъ, но не успѣлъ эскадронъ пройти пятидесяти сажень, какъ наткнулся на большую канаву—промоину, идущую прямо внизъ горы, по фронту наступленія; перескочивши кое-какъ черезъ нее, полуэскадронъ понесся дальше, когда вдругъ наткнулся на другую канаву, только гораздо большую, аршина съ три ширины и такой же глубины, передъ которой лошади стали, какъ вкопаныя. Въ этотъ моментъ изъ слѣдующей канавы, шаговъ за семьдесятъ раздался страшный залпъ, поддержанный огнемъ изъ рощи и цѣлая масса, человѣкъ въ триста, точно выросла изъ земли, и стоя за канавами, безнаказанно осыпали улановъ пулями. Не успѣлъ ротмистръ Де-Полини повернуть полуэскадронъ, чтобъ построивши его отыскать болѣе удобное для атаки мѣсто, какъ уже къ нему несся второй полуэскадронъ, впереди котораго на

бѣлой лошади (въ 1-мъ эскадронѣ лошади рыжія) летѣлъ Ш. Р. Литвиновъ. Раздались опять залпы и турки, ободренные неуспѣхомъ первой атаки, массой выскочили изъ канавъ и бросились на встрѣчу уланамъ, которые не имѣя возможности всей массой ихъ атаковать, перебирались по одиночкѣ чрезъ канаву, рубя и кося съ остервененіемъ бросающихся на нихъ турокъ, но простору имъ для дѣйствій не было: промоины встрѣчались чрезъ каждые пять шаговъ, лошади чрезъ нихъ не могли перескакивать, пока изъ нихъ вырастали все новыя и новыя массы непріятеля. Успѣвши перестроить свой полуэскадронъ, ротмистръ Де-Полини бросился тоже опять въ атаку, но полковой командиръ, наблюдавшій за всѣми подробностями хода боя и видя совершенную невозможность дѣйствовать кавалеріей на этой мѣстности, и выбить засѣвшую пѣхоту, приказалъ трубить сигналъ: отбой. Уланы повернули назадъ, но не видя между собою Ш. Р. Литвинова, хватились его и тогда только оказалось, по разсказамъ бывшихъ во время боя около него солдатъ, что турки сосредоточили почти весь свой огонь на немъ и по его бѣлой лошади; тѣмъ не менѣе онъ несся впередъ и подскакавъ къ самой окраинѣ канавы, размахнувъ руками, упалъ вмѣстѣ со своей лошадью. Эскадронъ отошедши за деревню, сталъ за нею въ ожиданіи 2-го дивизіона, который, вслѣдствіе приказанія полковаго командира, вскорѣ и подошелъ. Было уже около двѣнадцати часовъ; посланное еще въ самомъ началѣ боя, т. е. около восьми часовъ, извѣстіе въ штабъ дивизіи, находившейся въ дер. Копровицы въ пятнадцати верстахъ отъ деревни Чаиркіой, должно было быть тамъ уже давно получено, могло бы быть уже получено отвѣтное приказаніе или подкрѣпленіе. Ни то, ни другое не приходило.

Наконецъ около часу дня явилось всего только полсотня казаковъ, а турки тѣмъ временемъ густой цѣпью начали спускаться съ горы къ деревнѣ, съ тѣмъ, чтобы занять ее. Замѣтивъ это, полковникъ Коровиченко, приказалъ спѣшиться задней шеренгѣ по полу-эскадрону, 1-го и 4-го эскадроновъ и прибывшимъ казакамъ, и приказалъ имъ занять деревню, откуда удерживать наступающихъ турокъ. Въ тоже время 2-й и 3-й эскадроны посланы были вправо отъ деревни съ тѣмъ, чтобы они также разсыпавши стрѣлковъ, поддержали въ случаѣ надобности атакой засѣвшихъ по окраинѣ деревни улановъ и казаковъ.

Карабинеры 1-го и 4-го эскадроновъ засѣвши на лѣвомъ флангѣ деревни, обстрѣливали канавы и дубовую рощицу, въ которой опять засѣлъ непріятель; поручики Ганотъ, Синицынъ и Корбовскій съ корнетомъ Безобразовымъ подъ руководствомъ эскадроннаго командира маіора Ягелло управляли стрѣлками. Казаки съ нѣсколькими уланами пошли на гору съ тѣмъ, чтобъ подъ прикрытіемъ канавъ, подойти по возможности ближе къ рощѣ; имъ приходилось проходить по совершенно открытому мѣсту, но не смотря на страшный огонь непріятеля ни одна пуля никого изъ нихъ не задѣла. Ободренные этимъ стрѣлки добравшись до первой канавы, долго оттуда не

стрѣляли, но слышавши о магическомъ дѣйствiи на турокъ «ура!» съ этимъ боевымъ крикомъ, держа карабины и винтовки на перевѣсъ съ саблями и шашками бросились къ слѣдующей канавѣ. Турки уже отступили оттуда. Такимъ образомъ, перебѣгая изъ канавы въ канаву, уланы и казаки дошли до мѣста боя 1-го эскадрона, гдѣ лежало нѣсколько уланскихъ тѣлъ. Первой мыслiю уланъ было выручить тѣла погибшихъ товарищей и потому нѣсколько человѣкъ, покамѣсть другiе продолжали перестрѣлку, вмѣстѣ съ корнетомъ Поливановымъ пошли по направленiю къ тѣламъ, но въ этотъ моментъ огонь непрiятеля усилился болѣе, чѣмъ когда либо; стрѣлки же подвигались дальше и когда ужъ до перваго тѣла оставалось какихъ нибудь пятнадцать шаговъ, весь гребень горы моментально покрылся сплошною черною массой. Цѣлый ураганъ пуль пронесся надъ головами, забравшихся слишкомъ далеко семи человѣкъ; но только одна пуля ранила въ лѣвый бокъ казака. Оглянувшись кругомъ корнетъ Поливановъ увидѣлъ, что оставшаяся далеко на зади остальная цѣпь быстро отступала.

Подхвативъ подъ руки раненаго, онъ приказалъ поспѣшить добраться до канавы, проходящей шагахъ въ пятидесяти; засѣвши въ нее можно было разсчитывать на поддержку огня карабинеровъ 1-го и 4-го эскадроновъ; въ слѣдующiй же моментъ опять раздался залпъ и на этотъ разъ одинъ упалъ замертво съ простреленною головою, у другаго повисла рука перешибленная пулей; четверымъ оставшимся съ двумя ранеными на рукахъ пришлось оставаться и ждать, что Богъ пошлетъ. Пули, смерть — все это были обстоятельства болѣе или менѣе предвидѣнныя, но горько и обидно было сознанiе, что въ слѣдующiй моментъ вся эта масса насядетъ и начнетъ уродовать тѣла, торжествуя какъ будто побѣду надъ русскимъ мундиромъ.

Вдругъ вся масса турокъ (которую смотрѣвши со стороны въ бинокль опредѣляли не менѣе въ шестьсотъ или семьсотъ человѣкъ) пропала какъ бы по волшебству, и въ слѣдующiй моментъ изъ за горы показались флюгера уланскихъ пикъ. То маiоръ Иванъ Ивановичъ Дотиевъ велъ въ атаку 3-й эскадронъ.

На этотъ разъ Ив. Ив. распорядился атакой уже сообразуясь съ мѣстностiю т. е. обошолъ первыя канавы низомъ, потомъ поднялся на верхъ, обошолъ еще нѣсколько канавъ, и тогда уже по болѣе ровному мѣсту пустилъ эскадронъ въ атаку; успѣхъ атаки былъ полный: турки твердо стояли на своихъ мѣстахъ и только лѣвый ихъ флангъ, стрѣлявшiй по отступавшимъ казакамъ обратилъ свой огонь на атакующiй эскадронъ, который тутъ же и врубился въ нихъ; уланамъ пришлось поработать въ волю, на Ивана Ивановича Дотиева наскочилъ одинъ турокъ и ятаганомъ рубнулъ по боку — револьверная чушка спасла маiора и страшный ударъ разсѣкъ только до кости крупъ лошади. Иванъ Ивановичъ выстрѣлилъ изъ револьвера и понесся дальше; эскадронный вахмистръ Маско-

ленко окруженный со всѣхъ сторонъ пѣшими турками, стрѣлявшими почти въ упоръ, рубился покамѣсть ему не отрубили два пальца ятаганомъ, но 3-й эскадронъ будетъ помнить ударъ пикой подоспѣвшаго улана, который такъ пригвоздилъ къ землѣ турка, что не будучи самъ въ состояніи выдернуть пику сломалъ ее, выхватилъ саблю и ею продолжалъ работать. Побѣжали турки и много труповъ ихъ осталось на этомъ мѣстѣ, но въ рощѣ сосредоточивались все большія и большія массы турокъ, которые за громадной промоиной были недоступны для кавалеристовъ; въ эту же промоину бросилось и спаслось все, что бѣжало. Иванъ Ивановичъ, видя невозможность продолженія атаки, отвелъ эскадронъ на прежнее мѣсто; тутъ получилъ приказаніе полковаго командира присоединиться къ полку, къ которому уже отступили разсыпанные стрѣлки.

Становилось поздно; до вечера оставалось еще часа полтора, въ продолженіе которыхъ трудно было разсчитывать сдѣлать что нибудь существенное; подкрѣпленій никакихъ не прибывало и полковой командиръ распорядился сборомъ всего полка и окончательной перевязкой раненыхъ; распологаться тутъ же бивуакомъ на ночь, въ ста саженяхъ отъ турокъ у самой деревни, которая могла быть ими занята—было неудобно, и рѣшено бѣло отойти версты за три на прежній ночлегъ; полкъ собрался было и уже выстроился, когда вдругъ версты за три по дорогѣ изъ Каприввицы показалась быстро двигающаяся часть, и прискакавшій впередъ штабъ-ротмистръ Григорьевъ объявилъ, что генералъ Леоновъ ведетъ дивизіонъ Лубенскихъ гусаръ, а главное два орудія нашей донской батареи.

Полкъ остановился и черезъ десять минутъ генералъ Леоновъ на рысяхъ провелъ два орудія на позиціи противъ рощи. По первому же выстрѣлу все, что было съ обозомъ, бросилось бѣжать; по второму роща была очищена, такъ что двинувшимся впередъ двумъ эскадронамъ Лубенскихъ гусаръ не пришлось ужъ никого встрѣтить, и они безпрепятственно дошли до слѣдующей деревни Карабунаръ и заняли впереди ее на ночь аванпосты.

Тысяча повозокъ, тысячъ пять скота были трофеями дня, но уланамъ было не до трофеевъ: между множествомъ турецкихъ труповъ лежали и уланскіе тѣла; офицеры и солдаты поспѣшили убрать тѣла товарищей; кромѣ шестьнадцати уже перевязанныхъ раненыхъ, наша потеря была убитыми пять человѣкъ нижнихъ чиновъ и одинъ офицеръ, штабъ-ротмистръ Литвиновъ. Ужаснулись уланы, когда увидѣли тѣла товарищей, которыхъ только по обрывкамъ мундира и бѣлья можно было признать за своихъ: всѣми искренно любимый, для многихъ дорогой и близкій другъ Н. В. Литвиновъ лежалъ раздѣтый почти до нога съ обезображеннымъ лицомъ, съ головою отрубленною, держащейся только на кожѣ; кисти лѣвой руки совсѣмъ не было, и все тѣло и ноги были разсѣченны страшными ударами топора,—узнали его только по клочкамъ бѣлья и по бѣлизнѣ тѣла. Тутъ же, уже наступившею ночью тѣла были снесены въ

болгарскую часовню и послѣ панихиды погребены въ оградѣ около нея. Ночью подошли два баталіона Тираспольскаго полка и полкъ на другой день предоставивши пѣхотѣ;—которая, какъ оказалось, похоронила тридцать турецкихъ тѣлъ,—и Лубенскимъ гусарамъ управляться съ отбитымъ обозомъ,—не уклоняясь отъ своего первоначальнаго назначенія, пошолъ въ Церковну, и спокойно провевши день и ночевавши, пошелъ на присоединеніе къ штабу дивизіи; пройдя эти десять верстъ, полкъ былъ встрѣченъ начальникомъ дивизіи княземъ Манвеловымъ, который горячо благодарилъ полкового командира, и отдѣльно каждый эскадронъ и офицеровъ за упорно цѣлый день веденное молодецкое дѣло.

Скоро также получено было извѣстіе, что Его Императорскому Высочеству Цесаревичу, вступившему въ командованіе Рущуцкимъ отрядомъ угодно было получить болѣе подробныя свѣденія объ этомъ дѣлѣ. Порадовался тоже полкъ встрѣтивъ тутъ же своего боеваго товарища лихаго кавалерій полковника П. А. Ушакова, котораго считали уже погибшимъ, и который дѣйствительно только чудомъ спасся, просидѣвши весь день боя въ лѣсу среди непріятельскихъ массъ, двигавшихся по двумъ дорогамъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него; съ перешибленной лѣвой рукой Петръ Александровичъ держалъ правой рукой револьверъ, чтобы живымъ не попасть въ руки турокъ, и уговаривалъ двухъ бывшихъ съ нимъ уланъ, выскочившихъ вмѣстѣ съ нимъ изъ первой бѣшеной атаки, оставить его и спастись хоть самимъ, но эти два молодца продолжали держать за хвосты лошадей, чтобъ не ржали, подползали на брюхѣ къ дорогѣ, чтобъ слѣдить за движеніемъ турокъ, и ни на минуту не бросили своего полковника, а вечеромъ, пользуясь сосредоточеніемъ турокъ противъ послѣднихъ атакъ, посадили его на лошадь и, обскакавши все непріятельское расположеніе пробрались въ болгарскую деревню, гдѣ у священника сдѣлали первую перевязку храброму раненому; оттуда онъ проѣхалъ въ Штабъ Дивизіи; здѣсь доктора опредѣлили, что кость лѣвой руки раздроблена и что пуля не только осталась въ тѣлѣ, но и сама раздробилась, такъ что рана требовала долгаго лѣченія. Грустно было полку раставаться съ Петромъ Александровичемъ, тяжело было и ему уѣзжать отъ полка въ самомъ началѣ кампаніи, но въ этотъ же вечеръ проводили его съ пожеланіемъ поскорѣй воротиться, но пожеланіямъ этимъ не суждено было сбыться; пробывши долгое время въ Букарестѣ Петръ Александровичъ отправился въ Петербургъ и тамъ только черезъ пять мѣсяцевъ удалось наконецъ извлечь послѣдніе остатки пули изъ руки. Но не даромъ полкъ понесъ всѣ эти жертвы: кромѣ видимыхъ трофеевъ 29-го іюня вся мѣстность на востокъ къ рѣкѣ Кара-Лому и къ югу къ Османъ-Базарской дорогѣ была очищена отъ непріятеля, и отъ шаекъ черкесовъ и баши-бузуковъ, въ паническомъ страхѣ бѣжавшихъ къ Шумлѣ и къ Разграду. Въ телеграммѣ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго сказано было, что

до 29-го іюня послѣ переправы не было серьезныхъ дѣлъ, Вознесенскій же полкъ первый выдержалъ упорный бой противъ двухъ тысячъ пятисотъ турецкой пѣхоты, не считая жителей и всякаго сброда, съ которымъ однако надо было посчитаться. Не успѣлъ полкъ расположиться на бивуакѣ въ Конривицѣ, какъ въ штабъ дивизіи было получено тревожное извѣстіе отъ казачьяго полка, находящагося впереди у деревни Осикова о наступленіи непріятеля. Извѣстіе это оказалось впослѣдствіи преувеличеннымъ, но не могло не быть принятымъ во вниманіе штабомъ дивизіи, такъ какъ въ Конривицѣ сосредоточились всѣ тяжелые обозы дивизіи, цѣлый прикомандиный къ ней летучій артиллерійскій паркъ, въ прикрытіи же всего этого оставался только Вознеченскій полкъ, который врядъ ли могъ отстоять одинъ всю эту массу обоза противъ серьезнаго наступленія турокъ въ силахъ.

Покамѣсть развѣдывали о настоящемъ положеніи непріятеля и давали знать въ Бѣлу за двадцать верстъ назадъ, гдѣ начинала уже стягиваться пѣхота Рущукскаго отряда, прошло два дня, въ продолженіи которыхъ полкъ стоялъ въ полной боевой готовности, но 3-го числа уяснилось, что Чаиркіоское дѣло и тутъ принесло свои плоды, и турки не только не намѣревались атаковать, но на тридцать верстъ впереди не было никакого признака, непріятеля. Разчитывать стало быть можно было на полное спокойствіе, и уланы, не теряя время выкопали двѣ канавки, обставили ихъ пиками, на пики натянули палатки: образовался просторный шатеръ съ огромнымъ столомъ, за который можно было сѣсть свѣсивши въ канавки ноги, и за которымъ можно было отпировать первое дѣло, первую побѣду. Все, что было у полковаго, дивизіоннаго маркитантовъ пошло въ дѣло; помогли еще частные запасы и вечеромъ же Вознесенцы варили жженку, угощали артиллеристовъ своей дивизіи и офицеровъ подошедшаго баталіона; трубачи съ пѣсенниками гремѣли по очередно; плотно ѣлось, сладко пилось и лились разсказы о всѣхъ свѣжихъ еще въ памяти эпизодахъ перваго боя. Много въ этой іюльской ночи на бивуакѣ было хорошаго и молодости, и товарищества, и готовности еще и еще въ бой.

Въ самый разгаръ жженки пріѣхалъ изъ Церковны полковникъ А. В. Каульбарсъ, ѣздившій туда къ генералу Леонову совѣщаться о дальнѣйшихъ движеніяхъ, и доложилъ князю Манвелову, также присутствовавшему среди полковой семьи, о результатахъ своей поѣздки; князь поздравилъ полкъ съ дальнѣшимъ походомъ на утро. Еще веселѣе пошелъ пиръ, но скоро пришлось уланамъ разойтись, такъ какъ на утро надо было идти дальше и, коли Богъ приведетъ, то и подраться.

Часу въ шестомъ утра полкъ уже вытягивался опять вмѣстѣ съ 15-ою батареею по дорогѣ къ Церковнѣ, гдѣ соединился съ Лубенскими гусарами и пошелъ по долинѣ на Водицу, Ковачицу и Пойкіой. Дойдя до Ковачицы отрядъ раздѣлился слѣдующимъ образомъ: четыре орудія 15-й батареи съ 4-мъ и 3-мъ эскадронами и полуэскадрономъ 2-го эскадрона остались въ Ко-

вачицѣ подъ командою полковника Коровиченко. Одинъ эскадронъ гусаръ и полуэскадронъ съ ротмистромъ Бучинскимъ и штабъ-ротмистромъ Григорьевымъ направились въ лѣво къ деревнѣ Понамарцы и Галову, охраняя такимъ образомъ лѣвый флангъ генерала Леонова, который, съ двумя орудіями, тремя эскадронами гусаръ и однимъ эскадрономъ уланъ двигался прямо по долинѣ.

Почти до вечера непріятеля не было видно, только въ Понамарцахъ показалась шайка черкесовъ, которая и была прогнана разъѣздомъ штабъ-ротмистра Григорьева, но часовъ около шести вечера противъ Пойкіоя со стороны Султанкіоя показалась масса всадниковъ; надо было обходить оврагъ, раздѣляющій отъ нихъ эскадроны, чтобъ атаковать ихъ, и потому генералъ Леоновъ вызвалъ на позицію два бывшихъ съ нимъ орудія; нѣсколькими выстрѣлами турки были смѣшаны и карьеромъ начали уходить въ лощину, провожаемые нашими гранатами, но не успѣли они скрыться, какъ отъ Хойдоркіоя показалась цѣпь непріятельскихъ всадниковъ; генералъ Леоновъ, видя, что черезъ какихъ нибудь полчаса начнетъ темнѣть, такъ что завязывать съ неизвѣстнымъ непріятелемъ въ неизвѣстной мѣстности дѣло совершенно безполезно, приказалъ дать нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ, но въ это время ему донесли, что со стороны Галова то же видны всадники; совсѣмъ уже темнѣло и невозможно было различить турки ли это или разъѣзды отъ втораго эскадрона. Корнетъ Поливановъ, посланный посмотрѣть поближе донесъ, что это были черкесы, что вскорѣ подтвердилось разъѣздомъ преслѣдовавшимъ ихъ Штабъ-Ротмистра Григорьева, и присоединившимся къ отряду.

Генералъ Леоновъ, видя передъ собой присутствіе такой массы непріятельской кавалеріи, рѣшился на другой день продолжать рекогносцировку всѣмъ отрядомъ въ полномъ составѣ. Отошедши нѣсколько верстъ назадъ на болѣе удобное для ночлега мѣсто, генералъ Леоновъ соединился съ остальной частью отряда и на другой день съ обоими полками и со всей батареей двинулся къ Пойкіою.

Отрядъ остановился на большомъ плато у самой деревни, и дожидался свѣдѣній отъ разосланныхъ въ разныя стороны дозоровъ, когда вдругъ съ самаго мѣста расположенія отряда было замѣчено движеніе непріятельскихъ массъ по горамъ за Кара-Ломомъ противъ деревни Хойдоркіой; тотчасъ къ этому направленію были посланы 1-й эскадронъ гусаръ, а вслѣдъ за нимъ и 4-й эскадронъ уланъ; не прошло и четверти часа послѣ ихъ отправленія, какъ уже послышались выстрѣлы, съ горки же за Хойдоркіоемъ открылся огонь съ двухъ орудій (повидимому горныхъ). Видя, что дѣло уже началось раньше, чѣмъ можно было предполагать, генералъ Леоновъ поспѣшилъ впередъ съ остальнымъ отрядомъ, но оказалось, что на долю 1-го эскадрона Лубенцовъ уже выпала добрая часть дѣла.

Отойдя версты двѣ отъ Пойкіоя, гусары увидѣли передъ собой турецкую часть регулярной кавалеріи, превосходящую числомъ бывшій на мѣстѣ

только одинъ эскадронъ; они лихо атаковали непріятеля, смяли его и погнали въ деревню Хойдоркіой; въ это время черезъ Кара-Ломъ переправлялись свѣжія турецкія части на подмогу своимъ, но тутъ же передъ ними явился 4-й эскадронъ уланъ, который только что пошелъ атакой, какъ турки, не принявши ее, повернули, не успѣвъ ударить во флангъ гусаръ; тоже самое въ это время происходило на лѣвомъ флангѣ всего нашего расположенія; подходившему на рысяхъ съ артиллеріей и остальными эскадронами генералу Леонову было дозорными донесено, что отъ Корохосанкіоя двигается непріятельская кавалерійская часть, обходя такимъ образомъ нашъ лѣвый флангъ; Ив. Ив. Дотиевъ былъ посланъ съ первымъ эскадрономъ опрокинуть ее, но турки, замѣтивши его движенія, и здѣсь поспѣшно отступили за Корохасанкіой. Артиллерія наша между тѣмъ подошла почти къ деревнѣ Хойдоркіой и, ставши на позицію, открыла огонь по двумъ непріятельскимъ орудіямъ, дѣйствовавшимъ во время боя; на сколько были удачны наши выстрѣлы, мы могли удостовѣриться послѣ, когда пришлось побывать на мѣстѣ расположенія непріятельской батареи: слѣдовъ гранатъ не было дальше пяти шаговъ отъ двухъ амбразуръ, устроенныхъ наскоро турками для своихъ орудій, которыя тотчасъ же и замолчали.

Пока гусары собирались и устраивались, четвертый эскадронъ уланъ продолжалъ стоять у рѣки Кара-Лома, наблюдая за отступающимъ непріятелемъ; на горѣ, въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ деревни, въ ложементахъ, виднѣлись еще части; даже въ деревнѣ замѣтно было нѣкоторое движеніе; четвертый эскадронъ подвинулся впередъ и, раздѣлившись, пошелъ первымъ полуэскадрономъ, съ штабсъ-ротмистромъ Ягелло и корнетомъ Поливановымъ, очистить деревню, а вторымъ, съ штабсъ-ротмистромъ Ганотомъ и поручикомъ Карбовскимъ, отрѣзать угонявшійся непріятелемъ справа отъ деревни табунъ лошадей; обѣ части были встрѣчены сильнымъ огнемъ, но обѣ счастливо исполнили свое дѣло: деревня была очищена, и лошади отрѣзаны и отогнаны къ нашимъ.

Наступилъ вечеръ, и видя, что непріятель отступилъ въ горы, достаточно раскрывъ свои силы, генералъ Леоновъ приказалъ отходить на мѣсто ночевки, оставивъ для наблюденія за уборкой нашихъ раненыхъ и убитыхъ второй эскадронъ уланъ и одинъ эскадронъ гусаръ. Совершенно было уже темно, когда весь отрядъ расположился ночевать на дорогѣ между Пойкіоемъ и Ковачицей, и на другой день 6-го іюля тронулся обратно къ штабу дивизіи въ Копривицу, куда прибылъ въ тотъ же день, и гдѣ полкъ въ два дня вполнѣ отдохнулъ.

8-го числа рано утромъ полкъ тронулся по направленію къ Рущуку гдѣ онъ долженъ былъ войдти въ составъ кавалерійскаго отряда подъ командой графа Воронцова-Дашкова, назначеніе котораго было: освѣщеніе мѣстности подъ самымъ Рущукомъ, и порча желѣзной дороги, идущей изъ, Шумлы въ Рущукъ. Полкъ вмѣстѣ съ 15-й конной батареей и взводомъ

9-й донской батареей—пошелъ на деревню Синонкіой, Кара-Вербовку, Кацелево, и только вечеромъ прибылъ къ мѣсту назначенія въ деревню Соленики. Движеніе это происходило крайне медленно, потому что здѣсь въ первый разъ пришлось уланамъ познакомиться съ переходомъ по горамъ—горамъ, правда, сравнительно небольшимъ, но глубокія балки съ крутыми и длинными подъемами и спусками, съ почти первобытными дорогами, чрезвычайно затрудняли движеніе орудій и въ особенности зарядныхъ ящиковъ, такъ что и уланамъ волей неволей приходилось подвигаться тоже шагъ за шагомъ. На мѣсто полкъ прибылъ когда уже совсѣмъ стемнѣло и тутъ же въ полѣ, гдѣ пришлось, расположился бивуакомъ. Здѣсь кстати можно упомянуть объ эпизодѣ бивуачной жизни, каковой не разъ пришлось выдержать за кампанію: разсчитывая на небольшой переходъ—верстъ въ двадцать пять, большинство офицеровъ ничего не взяли съ собой съѣстнаго, такъ какъ обозъ полка долженъ былъ идти слѣдомъ; у самыхъ запасливыхъ было по фляжкѣ водки, которую и роспили компаніей, вставшей въ пятомъ часу утра. на первомъ же привалѣ часовъ въ одиннадцать; подходилъ однакожъ четвертый и пятый часъ, а бивуакъ былъ еще далеко впереди, обозы же далеко отстали; наконецъ въ десять часовъ вечера слѣзли съ лошадей, но радости оказалось мало, и офицеры, ходя въ темнотѣ, отыскивали другъ у друга кусочка сухарика; оказались нѣкоторые счастливцы, которые, проѣзжая еще въ Коцелевѣ мимо пѣхотнаго бивуака, встрѣтили гостепріимнаго и радушнаго командира Зарайскаго полка Николая Николаевича Назарова, зазвавшаго ихъ къ себѣ и накормившаго голодныхъ. Остальное же большинство уныло бродило въ ожиданіи быковъ, которыхъ тотъ же Николай Николаевичъ Назаровъ обѣщалъ прислать и которые находились еще за семь верстъ.... то была не шутка, такъ какъ обозъ застрялъ еще чуть ли не въ Синанкіоѣ, ночью же достать еще что нибудь было трудно, а ѣсть хотѣлось; но быковъ не дождались и начали всѣ отыскивать мѣстечки помягче распаханные, чтобы поудобнѣе хоть выспаться; сѣдло въ голову, плащъ сверху и все было бы забыто, но вдругъ разразился одинъ изъ тѣхъ дождей-ливней, какіе бываютъ въ іюлѣ послѣ жаркаго, душнаго дня; въ одинъ моментъ распаханная мягкая земля сдѣлалась еще мягче, такъ какъ растворилась въ жидкую грязь, плащи же оказались плохой защитой, потому что во всякой ихъ складкѣ образовались лужицы, изъ которыхъ скоро цѣлые ручьи потекли за шею, за китель... и длилось это часовъ до пяти утра, но большинство спало. Проснувшись съ разсвѣтомъ, кучка офицеровъ встала, чтобы пройтись и расправить члены послѣ такой ночи; пробираясь по полю черезъ туманъ, сквозь который на два шага ничего не видно было, они вдругъ наткнулись на большую палатку, въ которой оказались офицеры ночью подошедшей казачьей сотни, той самой сотни, съ которой полкъ дрался подъ Чапркіой, и у которыхъ оказалось штукъ двадцать яицъ, бутыль водки; а главное хлѣба вволю... начался пиръ. Говорю объ этомъ

эпизодѣ, чтобы разъ навсегда вспомнить, какъ не разъ и не два приходилось за кампанію проводить день, а иногда и два, три сряду безъ ѣды.

На другой день 9-го числа первый эскадронъ былъ двинутъ въ Турлакъ для наблюденія за шоссе изъ Разграда въ Рущукъ и вообще за мѣстностію на нашемъ правомъ флангѣ, а 10-го утромъ остальная часть полка вмѣстѣ съ Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ и частью 8-го казачьяго полка и орудіями, пришедшими съ нами двинулись подъ общей командой графа Воронцова-Дашкова къ селенію Писанцамъ, находящемуся въ двухъ верстахъ отъ станціи Рущукской жельзной дороги Ветово.

Взорвавъ и испортивъ на станціи все, что могло способствовать движенію вдоль полотна желѣзной дороги къ Рущуку, мы оставили Ахтырскихъ гусаръ у станціи Ветово и направили усиленные разъѣзды въ стороны отъ пути наступленія. Движеніе это совершенно было безпрепятственно такъ какъ партіи черкесовъ и баши-бузуковъ спѣшили удалиться при приближеніи нашихъ разъѣздовъ; одинъ изъ нихъ дошелъ до деревни Червеноводъ, лежащей всего верстахъ въ шести,—семи отъ Рущукскихъ укрѣпленій. Наконецъ когда главнымъ силамъ отряда ясно открылось верстахъ въ восьми впереди большое лагерное расположеніе турокъ подъ самымъ Рущукомъ, графъ Воронцовъ-Дашковъ въ виду уже наступающаго вечера, повернулъ на лѣво и стянувши разъѣзды направился къ селенію Кадыкіой; тамъ, на полѣ, на которомъ было большое сраженіе въ 29-мъ году, отрядъ сдѣлалъ привалъ, и вечеромъ по шоссе прибылъ въ село Писанцы, гдѣ и расположился бивуакомъ на ночлегъ. На другой день 11-го іюля не предполагалось никакого движенія, тѣмъ болѣе что графъ Воронцовъ-Дашковъ уѣхалъ въ штабъ отряда, оставивши начальство нашему начальнику дивизіи князю Манвелову. Часу во второмъ съ аванпостовъ прискакалъ гусаръ съ извѣстіемъ, что отъ Рущука видно движеніе большихъ массъ, наступающихъ турокъ; тоже самое извѣстіе подтвердилось съ казачьихъ постовъ. Тотчасъ весь отрядъ былъ на ногахъ и двинулся на встрѣчу непріятеля въ слѣдующемъ составѣ: 2-й и 3-й эскадроны съ одной казачьей сотней пошли съ Ахтырскими гусарами по шоссе; 4-й эскадронъ остался въ прикрытіи орудій 15-й батареи, оставшейся на позиціи на мѣстѣ расположенія отряда; два орудія донской батареи присоединились къ наступающимъ, а остальные казаки были посланы на лѣвый флангъ наблюдать за движеніемъ непріятеля. Князь Манвеловъ быстро перешелъ глубокую балку и поднявшись по ту сторону деревни повелъ отрядъ по шоссе, по которому наступали турки; пройдя версты двѣ, изъ цѣпи мы получили извѣстіе, что турки развертываются по сторонамъ шоссе и что цѣпь ихъ быстро приближается. Князь Манвеловъ тогда самъ развернулъ свой небольшой отрядъ: вблизи шоссе и влѣво были высланы Ахтырскіе гусары, а вправо пошли два эскадрона уланъ: изъ нихъ 3-й на правый флангъ, около шоссе остались два орудія и сотня казаковъ. Не успѣлъ отрядъ развернуться, какъ послышался знакомый звукъ пуль, которыя скоро цѣлыми

роями начали лѣтать кругомъ, высланнымъ впередъ наѣздникамъ, ясно было видно быстро пробирающуюся по пшеницѣ и въ высокой травѣ густую цѣпь красныхъ фесокъ.

Вдругъ пролетѣла одна граната надъ головами, и за нею тотчасъ же участились орудійные выстрѣлы и непріятельскія гранаты по всѣмъ направленіямъ загудѣли надъ отрядомъ, не причиняя впрочемъ особеннаго вреда, такъ какъ, во-первыхъ, не всѣ лопались, а главное позиція турокъ, какъ позиція артиллерійская, была не выгодна: совершенно плоская мѣстность, покрытая чрезвычайно высокой травой и хлѣбомъ, въ которыхъ эскадроны, быстро маневрируя, какъ на ученьи не давали непріятелю возможности пристрѣляться. Какъ только непріятельская цѣпь подвигалась слишкомъ впередъ, эскадроны на рысяхъ подавались навстрѣчу, и тотчасъ турецкая цѣпь исчезая въ травѣ быстро отступала, ружейный огонь прекращался и пули почти переставали жужжать, но за то артиллерійскій огонь усиливался и гранаты сыпались на наступающіе эскадроны.

Казачья сотня подъ командой есаула Подхолюзина увлекшись полетѣла за своимъ лихимъ командиромъ стрѣлой на непріятельскія орудія, но была встрѣчена густыми массами пѣхоты и должна была повернуть. Два орудія наши отвѣчала на сколько могли тридцати-двумъ орудіямъ непріятеля, и не смотря на нѣсколько перераненыхъ лошадей (въ томъ числѣ и подъ командиромъ взвода сотникомъ Доицевичемъ) продолжали подвигаться впередъ. Огонь турокъ между тѣмъ не умолкалъ, и весь отрядъ, въ качествѣ кавалерійскаго летучаго отряда дѣйствительно леталъ передъ непріятелемъ, заставляя его все больше и больше развертывать свои силы, задерживая притомъ его движеніе, такъ какъ появляясь со всѣхъ сторонъ и переходя постоянно въ наступленіе, онъ заставлялъ предполагать присутствіе болѣе серьезныхъ и значительныхъ силъ съ нашей стороны.

Князь Манвеловъ находился все время при орудіяхъ, на которыхъ главнымъ образомъ сосредоточивался огонь непріятеля, такъ что, хоть самъ князь вышелъ невредимъ изъ этого огня, но даже синій значекъ его, который развѣвался за нимъ, какъ за начальникомъ дивизіи, былъ прострѣленъ; оттуда онъ управлялъ всѣмъ ходомъ боя и такимъ образомъ до семи часовъ держался, какъ потомъ оказалось, противъ пятнадцати тысячъ пѣхоты при тридцати-двухъ орудіяхъ, вышедшихъ изъ Рущука на встрѣчу шедшимъ изъ Разграда турецкимъ войскамъ. Около этого времени подъ вечеръ князю доложили, что казаками замѣчены новыя массы турокъ, обходящихъ нашъ лѣвый флангъ и грозящихъ занять у насъ въ тылу не только шоссе, идущее въ Писанцы и единственный путь черезъ балку, отдѣлявшую наше боевое расположеніе отъ бивуака (гдѣ была оставлена часть артиллеріи и обозъ), но также они могли занять весь лѣвый берегъ этой балки и обстрѣливать нашъ путь отступленія къ Соленикамъ, идущій по правому берегу. Въ виду этого извѣстія, и соображенія, что держаться не было ни какой существенной на-

добности, такъ какъ движеніе турокъ происходило собственно внѣ раіона дѣйствій нашей арміи, князь Манвеловъ приказалъ всему отряду отступить къ бивуаку за оврагъ. Отступленіе началось съ центра нашего боеваго расположенія, находящагося на самомъ шоссе, за тѣмъ подтянулись фланги и эскадроны съ орудіями, вытянулись по шоссе и пошли къ Писанцамъ; одинъ только 3-й эскадронъ уланъ, при которомъ находился штандартъ, и командующій полкомъ ИванъИвановичъ Дотіевъ, какъ бывшій на крайнемъ правомъ флангѣ, отошелъ прямо полемъ и вышелъ послѣднимъ на шоссе только въ самой балкѣ.

Иванъ Ивановичъ Дотіевъ, все время боя бывшій въ линіи наѣздниковъ, наблюдалъ съ биноклемъ за паденіемъ гранатъ, и тѣмъ же своимъ невозмутимымъ голосомъ командовалъ эскадрону движенія впередъ, полъ-оборота въ лѣво или въ право, судя по тому, какъ начинались ложиться гранаты; этими разсчитанными движеніями эскадроновъ объясняется недѣйствительность въ этотъ день непріятельскаго огня.

Не успѣли эскадроны собраться на мѣстѣ расположенія бивуака, какъ пришло извѣстіе изъ Турлака отъ 1-го эскадрона, что значительныя массы турокъ двигаются отъ Разграда. Въ это время орудія 15-й батареи, имѣвшія съ позиціи, на которой они стояли, полную возможность обстрѣливать густыя колонны турецкой пѣхоты, спускавшейся къ Писанцамъ, пользовались сю такъ, что турки наступавшіе по шоссе дрогнули, очистили его въ разсыпную и продолжали наступленіе полемъ. Князь Манвеловъ, стоявшій и здѣсь у орудій, получа извѣстіе о движеніи турокъ также изъ Разграда, приказалъ начать отступленіе къ Соленикамъ, такъ какъ оставаться на позиціи означало бы остаться буквально между двухъ огней. Путемъ отступленія была узенькая проселочная дорога, идущая глубокимъ оврагомъ версты четыре между густыми кустарниками, по которой только могли проѣхать два человѣка въ рядъ и гдѣ съ трудомъ наканунѣ прошли орудія. Полковые обозы еще во время боя вытянулись по этой дорогѣ и тронулись: впереди за ними вытянулся Ахтырскій гусарскій полкъ; артиллерія съ уланскими эскадронами оставались на позиціи и продолжали громить надвигавшихся турокъ. Наконецъ и она снялась съ позиціи и подъ прикрытіемъ уланъ вступила въ узкій дефилей, въ которомъ уже вытянулись зарядные ящики; обозъ и гусары; но въ это время уже этотъ путь отступленія обстрѣливался непріятельскими гранатами. Князь Манвеловъ, находившійся среди послѣднихъ изъ отступавшихъ, послалъ впередъ приказаніе Ахтырскимъ гусарамъ подтянуться и поскорѣй очистить дорогу для артиллеріи; это приказаніе хотя произвело суматоху и волненіе между гусарами, но исполнено ими было чрезвычайно быстро, такъ что артиллерія скоро вышла изъ подъ выстрѣловъ, прошла дефиле и выѣхала на поле, куда уже подходилъ баталіонъ пѣхоты, высланный изъ Соленикъ при извѣстіи о начавшемся дѣлѣ. Къ ночи всѣ части собрались на прежнемъ бивуакѣ у Соленика.

На другой, день 12-го іюля, полкъ отдыхалъ, только на смѣну 1-му эскадрону былъ посланъ 2-й эскадронъ въ Церовцы и Констанцы для наблюденія за движеніемъ непріятеля. 13-го числа съ ранняго утра начали приходить въ Соленикскій отрядъ изъ Констанцъ и изъ Церковны извѣстія о движеніи турокъ отъ Турлака къ Есерджи, т. е. къ правому нашему флангу. Графъ Воронцовъ-Дашковъ двинулся навстрѣчу съ имѣвшеюся у него подъ рукой пѣхотой 35-й дивизіи; уланы въ составъ этого отряда не вошли, только одинъ разъѣздъ штабъ-ротмистра Григорьева содержалъ связь между дѣйствующими войсками и выдвинутыхъ на правый флангъ 2-мъ эскадрономъ. Хотя дѣло происходило въ десяти верстахъ отъ Солениковъ, но сильная кононада слышна была цѣлый день. Графъ Воронцовъ-Дашковъ встрѣтилъ турокъ у деревни Есерджи; произошло славное для русскихъ дѣло: выбитые изъ всѣхъ своихъ позицій турки бѣжали; хотя у насъ потеря простиралась до двухъ-сотъ пятидесяти человѣкъ, но уланы, ходившіе послѣ въ разъѣзды къ мѣсту боя, видѣли буквально цѣлыя груды турецкихъ тѣлъ и пространство нѣсколькихъ десятинъ почти сплошь уложенное ими. Въ этомъ дѣлѣ убитъ у турокъ — ихъ командующій всѣмъ Восточнымъ отрядомъ Азисъ-паша. Воспользоваться этой побѣдой не пришлось: было получено извѣстіе о первой нашей неудачѣ подъ Плевной 8-го іюля, которая измѣняла во многомъ наши стратегическія предположенія и весь 13-й корпусъ долженъ былъ спѣшить занять пространство, оставшееся пустымъ на лѣвомъ флангѣ одиннадцатаго корпуса, прикрывающаго Тырново со стороны Шумлы, т. е. со стороны такъ называемой Османъ-Базарской дороги. 15-го іюля полкъ тронулся обратно черезъ Кацелево къ Осикову, но впереди шла 35-я пѣхотная дивизія съ своей артиллеріей и такъ какъ дорога была совершенно первобытная, то полкъ, исключая 4-го эскадрона, ушедшаго впередъ и обогнавшаго пѣхоту, двѣ ночи ночевалъ тутъ же на дорогѣ между Кацелевомъ и Еврендживомъ, и хотя разстояніе между этими двумя деревнями не превышало двѣнадцати верстъ, но на рукахъ у полка была 15-я конная батарея, которая ожидала освобожденія дороги впереди; наконецъ полкъ 17-го вечеромъ прибылъ въ Осиково, гдѣ поступилъ въ составъ отряда подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Прохорова, начальника 1-й пѣхотной дивизіи.

19-го іюля полкъ выступилъ къ Церковнѣ, гдѣ ночевалъ на знакомомъ бивуакѣ и 20-го двинулся по знакомой дорогѣ на Ковачицу къ Попкіою. Съ слѣдующаго же дня началась не громкая, но тяжелая боевая служба для полка: передъ нимъ на востокъ за Кара-Ломомъ собиралась армія Мехмедъ-Али-паши и передовыя ея отряды постоянно тревожили посты, на юго-востокъ находилось ущелье, ведущее черезъ гору Еоки-Джуму къ Шумлѣ, а къ югу верстахъ въ двухъ отъ бивуачнаго расположенія полка, начинались непроходимыя трущобы, идущія до самыхъ Балканъ, въ которыхъ были поселены черкесы, и куда укрылись всѣ бѣжавшіе жители.

Полковникъ баронъ Каульбарсъ, командовавшій передовыми частями отряда генерала Прохорова, первый оцѣнилъ значеніе Попкіойской позиціи, какъ пункта находящагося на раздвоеніи большой Тырновской дороги въ Разградъ и Шумлу и потому наблюдающей одновременно за этими двумя дорогами, по которымъ можно было ждать дебушированія турокъ; кромѣ этого стратегическаго значенія Попкіойская позиція имѣла много тактическихъ выгодъ и потому А. В. Каульбарсъ, расположившись бивуакомъ у Попкіоя, началъ рекогносцировать мѣстность, лежащую впереди его. Въ распоряженіи его былъ нашъ полкъ, одинъ баталіонъ Софійскаго полка, четыре орудія 15-й батареи и сотня казаковъ; до какой степени сказывалась постоянная близость непріятеля, можно судить по тому, что въ трехъ верстахъ отъ Попкіоя въ Омуркіоѣ былъ оттѣсненъ, 21-го іюля казачій разъѣздъ, при чемъ одинъ казакъ убитъ и изувѣченъ а на другой день, 22-го іюля, при предпринятой въ эту сторону усиленной рекогносцировкѣ уланскій разъѣздъ, пробравшійся двѣ версты дальше въ Карагаѣ, нашелъ жителей на мѣстѣ увѣренныхъ, что въ ихъ трущобу не такъ легко забраться, и дѣйствительно сейчасъ же засѣвшихъ за заборы и канавы и начавшихъ отстрѣливаться.

На слѣдующій, день 23-го іюля, въ бывшемъ опять небольшомъ дѣлѣ, полкъ понесъ грустную потерю въ лицѣ только что явившагося молодаго восьмнатцати-лѣтняго офицера Дическулова, онъ былъ убитъ на повалъ пулею насѣдавшихъ на 3-й эскадронъ нѣсколькихъ сотень черкесовъ; въ этомъ дѣлѣ въ особенности выразился характеръ черкесской атаки: какъ бѣшенные, махая шашками, бросились они вслѣдъ отходившему эскадрону, но какъ только онъ останавливался и готовился самъ идти въ атаку, такъ они разсыпались и осыпали издали эскадронъ пулями изъ своихъ магазинныхъ ружей; наконецъ нѣсколько гранатъ, пущенныхъ съ Попкіойской позиціи, совершенно разсѣялъ ихъ и они ускакали за деревню Аязляръ въ ущелье, изъ котораго вышли.

Рекогносцировка слѣдующаго дня, 25-го іюля, обнаружила генералу Прохорову такія значительныя скопища въ ущельяхъ за Аязляромъ черкесовъ, баши-бузуковъ и вооруженныхъ жителей, что онъ рѣшилъ выдвинуть передовыя части отряда къ Аязляру, имѣя дежурный батальонъ съ двумя орудіями за Аязляромъ, у самаго входа въ ущелье и нашъ полкъ съ 15-й конной батареей у Султанкіоя. У Попкіоя остался 1-й эскадронъ для наблюденія за Кара-Ломомъ между горой Сахаръ-Тапе и Корахасанкіоемъ, а остальнымъ тремъ эскадронамъ приходилось наблюдать эту рѣчку вправо къ Аязляру и къ Мехмедкіою. Въ продолженіи цѣлой недѣли, т. е. съ 26-го іюля по 3-е августа, не было дня который бы проходилъ безъ аванпостной перестрѣлки или тревоги, державшей весь полкъ подъ сѣдломъ. По свѣдѣніямъ знали, что турецкій главнокомандующій укрѣплялъ Разградъ (въ двадцати верстахъ отъ Попкіоя) и съ арміей, которую предполагали не ме-

нѣе шестидесяти тысячъ, собирался атаковать наши линіи; потому Попкіой укрѣплялся, а на передовыхъ его позиціяхъ, какъ Аязляръ и Хайдоркіой, требовалась особая бдительность и потому постоянными разъѣздами и рекогносцировками мы старались опредѣлить положеніе непріятеля. Кромѣ постоянныхъ разъѣздовъ были посылаемы одиночные охотники въ сторону непріятеля собирать о немъ свѣдѣнія: унтеръ-офицеръ хорунжій пробрался почти подъ самый Разградъ, прошедши двѣ непріятельскія цѣпи, корнетъ Поливановъ, посланный въ Араплару вслѣдствіе донесенія казаковъ о средоточеніи у этого селенія турецкихъ силъ, прошелъ ночью туда и донесъ, что кромѣ вооруженныхъ жителей, содержащихъ посты, мимо которыхъ онъ проѣхалъ, непріятеля нѣтъ, что подтвердилось на другой день 29-го іюля большой рекогносцировкой, предпринятой генераломъ Прохоровымъ къ Мехмедикіою и къ Араплару, въ которой хотя и убито у насъ двое, но кромѣ перестрѣлки съ мирными жителями и черкесами ничего не было, и присутствія въ этой сторонѣ регулярныхъ войскъ не открыто. Тѣмъ не менѣе на слѣдующій же день казаки были оттѣснены изъ Мехмедкіоя черкесами, которые гнались за ними почти до самаго нашего бивуака, нѣкоторые же спѣшившіеся казаки были отрѣзаны въ деревнѣ, такъ что должны были засѣсть въ ней и отстрѣливаться, но были выручены нашимъ юнкеромъ Сампсоновымъ (3-го эскадрона), который, вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ хорунжимъ 4-го эскадрона, собравши бывшіе у нихъ подъ рукою смѣнявшіеся въ это время посты, бросились на подмогу казакамъ и выручили ихъ. Однимъ словомъ, не проходило дня безъ перестрѣлки или стычки, покамѣстъ, наконецъ, полкъ 3-го августа не перешелъ на позицію къ Хойдаркіою; но тамъ служба оказалась еще тяжелѣе; непосредственно за рѣчкой въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ отъ бивуака подымалась усѣянная кустарниками высокая гора Сахаръ-Тапе, которой начинался цѣлый рядъ горъ, идущихъ вплоть до Шумлы; отъ нея шли глубокія балки, въ которыхъ укрывались цѣлыя массы вооруженныхъ турокъ и выбить которыхъ можно было только значительной пѣхотной силой; но въ это время характеръ нашего отряда былъ оборонительный, почему командующій передовымъ постомъ такъ называемаго Попкіойскаго отряда баронъ Каульбарсъ, не имѣвшій большихъ силъ (всего: нашъ полкъ, 15-я конная батарея и постоянно мѣняющаяся пѣхотная часть отъ двухъ до шести ротъ, предназначенная дать большую устойчивость нашему посту выдвинутому на пять верстъ впереди главной Попкіойской позиціи), первые дни только ограничивался тѣмъ, что выдвигалъ посты по возможности далѣе, и рекогносцировалъ усиленными разъѣздами въ сторону Разграда къ Кизиль-Мураду и окрестнымъ деревнямъ.

На правомъ флангѣ мы держали аванпостную связь съ казаками, оставшимися на Султанкіойской позиціи, но выдвинуть наши посты отъ бивуака далѣе двухъ верстъ не могли, вслѣдствіе близости горы Сахаръ-Тапе

съ ея балками и оврагами, но за то на лѣвомъ флангѣ наши посты стояли у Спахалара, т. е. въ восьми верстахъ отъ бивуака, такъ что линія нашихъ постовъ составляла далеко не параллельную линію съ фронтомъ нашего расположенія, а образовала съ нимъ почти прямой уголъ. Это крайне опасное расположеніе заставляло наши лѣвофланговые посты, иногда тѣснимые турецкой кавалеріей, отступать не къ своему бивуаку, отъ котораго они бывали тогда отрѣзываемы, но, подавши сигналъ, на Карахосанкіойскую позицію, находящуюся на нашемъ лѣвомъ флангѣ,—тѣмъ не менѣе это расположеніе, вызванное крайне неудобной мѣстностію, имѣло ту громадную выгоду, что со стороны Разграда, откуда нужно было ждать наступленія Мехмедъ-Али, Попкіойская позиція имѣла посты выдвинутые на тринадцать верстъ.

Къ освѣщенію мѣстности полковникъ Каульбарсъ приступилъ на другой же день и всѣмъ нашимъ полкомъ съ четырьмя орудіями двинулся черезъ Спахиларъ къ Кизиль-Мураду; въ этой рекогносцировкѣ артиллеріей даже не пришлось дѣйствовать, потому что всѣ стрѣлковыя кавалерійскія непріятельскія части спѣшно отступали, такъ что, удостовѣрившись въ отсутствіи вблизи Кизиль-Мурада турецкаго расположенія, полковникъ Каульбарсъ къ вечеру воротился на бивуакъ.

Слѣдующіе дни, полкъ, продолжая посылать разъѣзды и перестрѣливаться на аванпостахъ съ подходившими близко непріятелькими разъѣздами,—черкесами и вооруженными жителями,—тѣмъ не менѣе и на самомъ бивуакѣ стоялъ постоянно насторожѣ.

Въ ночь съ 8-го на 9-е августа полковникъ Каульбарсъ получилъ приказаніе немедленно накормить людей и быть готовымъ къ выступленію,—то готовилась усиленная рекогносцировка въ Аязлярское ущелье, съ одной стороны, и за Бешелеръ съ другой; оба отряда должны были по возможности соединиться у деревни Дроль-Фокіой, лежащей верстъ за шесть за горой Сахаръ-Тапе. Рано утромъ 1-й и 3-й эскадроны вмѣстѣ съ двумя орудіями 15-й конной батареи, пошли въ Аязларъ на присоединеніе къ отряду генерала Прохорова наступавшаго къ Аязлярскому ущелью, а полковникъ баронъ Каульбарсъ съ четырьмя эскадронами уланъ, одной сотней казаковъ, двумя баталіонами Моршанскаго полка, четырьмя орудіями 15-й конной батареи и взводомъ пѣшей артиллеріи пошелъ на Бешелеръ, по указанному направленію, прикрывая такимъ образомъ лѣвый флангъ генерала Прохорова. Подробности обоихъ дѣлъ происшедшихъ одновременно въ этотъ день не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ исторіи нашего полка, такъ какъ главная часть дѣйствія выпала на долю другихъ частей, потому можно ограничиться только общимъ взглядомъ на нихъ.

Полковникъ баронъ Каульбарсъ, выслалъ 4-й эскадронъ на лѣвый флангъ къ Спахалару, послалъ часть перваго баталіона къ Бешелеру и высотамъ лежащимъ за этой деревней, а часть другаго на правый флангъ къ

Сахаръ-Тапе, оставивъ приблизительно три роты въ резервѣ. Роты, посланныя впередъ, встрѣченныя со всѣхъ высотъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, подвигались медленно, такъ что баронъ Каульбарсъ пріостановивши наступленіе, выдвинулъ на позицію артиллерію, приказавши ей гранатами очистить кусты на высотахъ, въ которыхъ засѣли массы непріятельскихъ стрѣлковъ. Наконецъ часу въ третьемъ онъ приказалъ общее наступленіе, когда вдругъ съ ближайшей высоты за Бешелеромъ, открылся огонь съ двухъ непріятельскихъ орудій, такъ что наша артиллерія, сосредоточивъ свой огонь на нихъ, и заставивши ихъ скоро замолчать, позволила туркамъ открыть опять убійственный ружейный огонь по наступающимъ ротамъ; одновременно было получено извѣстіе отъ уланъ о сосредоточеніи противъ нашего лѣваго фланга густыхъ колоннъ турокъ; не успѣлъ баронъ Каульбарсъ сдѣлать соотвѣтствующее полученному извѣстію распоряженіе, какъ съ высотъ, лежащихъ далеко за деревней Бешелеръ, показался дымокъ и турецкая граната упала сажень тридцати недолетѣвъ до нашихъ орудій, слѣдующая перелетѣла тридцать сажень и затѣмъ залпъ цѣлой батареи сразу положилъ шесть гранатъ у самыхъ колесъ и хоботовъ нашихъ орудій; наши четырехъ-фунтовки попробовали было отвѣчать, но несмотря на большой уголъ возвышенія, наши гранаты далеко не долетали до непріятельской батареи, до которой, какъ съ точностію было послѣ опредѣлено, было двѣ тысячи шесть-сотъ саженъ, т. е. слишкомъ пять верстъ. Турецкія гранаты продолжали залпами ложиться вкругъ нашихъ орудій, но тутъ выразился совершенно характеръ турецкой стрѣльбы: несмотря на дальнобойность орудій и на поразительную мѣткость стрѣльбы, огонь этотъ былъ безвреденъ: уголъ паденія гранатъ былъ такъ крутъ, что поражаемое пространство ограничивалось почти точкою паденія снаряда, и тѣмъ болѣе, что они или совсѣмъ неразрывались, или, закапываясь глубоко въ землю, тамъ же и лопались. или, наконецъ хотя и разрывались, но полетъ осколковъ производился снопомъ, почти вертикально вверхъ и съ таковымъ же паденіемъ внизъ, такъ что раіонъ поражаемаго пространства ограничивался нѣсколькими шагами. Находясь все время подъ этимъ учащеннымъ огнемъ, такъ какъ онъ стоялъ у самыхъ орудій, полковникъ Каульбарсъ дожидался дальнѣйшихъ свѣдѣній о движеніи турокъ, когда имъ было замѣчено недалеко отъ главной турецкой батареи движеніе нѣсколькихъ глубокихъ колоннъ, занимавшихъ позицію преграждающую дальнѣйшее движеніе за Бешелеръ, и одновременно отъ уланъ опять пришло донесеніе, подтверждающее первое, о движеніи сильныхъ колоннъ, обходящихъ уже лѣвый флангъ нашей, далеко выдвинутой, пѣхотной цѣпи.

Уланскіе разъѣзды, несмотря на открытый по нимъ сильный ружейный огонь, какъ говорится, висѣли на носу у наступающихъ турокъ, такъ что имъ ясно даже были видны ихъ лица. Баронъ Каульбарсъ, видя полную невозможность продолжать со своимъ небольшимъ отрядомъ наступленіе, тѣмъ болѣе что по доносившейся изъ за Сахаръ-Тапе канонадѣ ясно можно было

судить, что и генералъ Прохоровъ не далеко подвинулся, началъ понемногу стягивать роты на первоначальную позицію, гдѣ дождался, въ виду турокъ пріостановившихъ свое движеніе, наступленія ночи и тогда только отошелъ на бивуакъ къ Хойдоркіою. Несомнѣнной заслугой уланъ въ этомъ дѣлѣ было охраненіе и наблюденіе за флангомъ, не давшее намъ увлечься наступленіемъ, что могло бы повлечь за собой то, что въ тотъ моментъ когда мы достигали бы преграждающей намъ путь наступленія позиціи турокъ, мы были бы отрѣзаны отъ бивуака зашедшимъ намъ съ лѣваго фланга въ тылъ въ нѣсколько разъ повидимому сильнѣйшимъ непріятелемъ, и такимъ образомъ были бы заперты въ ущельѣ за Бешелеромъ.

Характеръ дѣйствій отряда шедшаго по Аязлярскому ущелью былъ почти одинаковъ: встрѣченный почти тотчасъ при вступленіи въ ущелье массами вооруженныхъ жителей и черкесовъ, отрядъ этотъ, подвигаясь все-таки впередъ, былъ встрѣченъ артиллерійскимъ огнемъ, подъ которымъ онъ простоялъ цѣлый день, заставляя однако же турокъ развертывать и выказывать свои силы, и къ вечеру отступилъ къ Попкіойской позиціи. Уланы въ этомъ дѣлѣ сдерживали черкесовъ на нашемъ правомъ флангѣ и Иванъ Ивановичъ Дотіевъ очистилъ одинъ лѣсъ, въ которомъ они сосредоточились; имъ было поручено прикрывать отступленіе и оставаясь въ хвостѣ отступавшей колонны, вытянувшейся по узкой дорогѣ, они на себѣ выдерживали весь огонь непріятеля, далеко провожавшаго нашъ отрядъ своими гранатами. Къ ночи весь полкъ изъ обоихъ отрядовъ собрался на своемъ бивуакѣ у Хойдоркіоя, но на другой же день рано утромъ у Аязляра послышались выстрѣлы, по которымъ можно было судить, что это не простая стычка на аванпостахъ, такъ какъ скоро къ непрерывной ружейной стрѣльбѣ присоединились учащенные орудійные выстрѣлы. Оказалось, что то былъ атакованъ одинъ баталіонъ Невскаго полка, оставленный за Аязляромъ на высотѣ, лежащей у входа въ ущелье. Атакованный восьмью таборами поддержанными сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, баталіонъ этотъ былъ сбитъ съ высоты и отступилъ за Кара-Ломъ къ рощѣ, стоящей у Аязлара. 1-й эскадронъ уланъ былъ тотчасъ же посланъ къ мѣсту дѣйствія и занялъ позицію вблизи отступавшаго баталіона, охраняя такимъ образомъ его фланги; изъ штаба Рущукскаго отряда между тѣмъ было получено приказаніе генералу Прохорову: взять немедленно потерянную высоту обратно.

Генералъ Прохоровъ сейчасъ же двинулъ всѣ войска бывшія въ его распоряженіи, т. е. Невскій и Софійскій полки, одинъ баталіонъ Болховскаго полка и артиллерію своей дивизіи къ Аязляру; въ шесть часовъ эти части стянулись на позиціи противъ занятой турками высоты; такъ какъ предполагалось штурмовать высоты, при чемъ кавалерія являлась совершенно безполезною, генералъ Прохоровъ отправилъ на свой бивуакъ 1-й эскадронъ, стоявшій съ утра на позиціи; нѣкоторые офицеры, штабъ-рот-

мистръ Григорьевъ, поручики Синицынъ и Ганотъ остались для наблюденія за ночнымъ штурмомъ, который долженъ былъ произойти въ трехъ верстахъ отъ нашего расположенія. Хотя такимъ образомъ уланы въ этомъ дѣлѣ, продолжавшемся всю ночь съ 10-го на 11-е августа, не принимали прямаго участія, но оно несомнѣнно имѣло большое вліяніе на дальнѣйшій ходъ дѣйствій всего нашего отряда и потому необходимо упомянуть о немъ тѣмъ болѣе, что нѣкоторые офицеры полка находились на самомъ мѣстѣ дѣйствій и имѣли возможность близко видѣть весь ходъ дѣла. Генералъ Прохоровъ, въ силу полученнаго имъ приказанія, рѣшилъ сейчасъ же, наступающей уже ночью, штурмовать занятую турками высоту. Около семи часовъ орудія наши (кажется 4-й батареи) открыли огонь и стрѣляли непрерывно (по огню) и этотъ громъ продолжался безостановочно часа два и наконецъ около девяти часовъ вечера прекратился, когда генералъ Прохоровъ, получивши донесеніе о томъ, что баталіоны назначенные къ штурму перешли рѣчку и стоятъ у подошвы горы, снялъ фуражку, перекрестился и приказалъ подать сигналъ къ атакѣ.

Присланный полковникомъ Каульбарсомъ за приказаніями и въ распоряженіе генерала Прохорова корнетъ Поливановъ поскакалъ на версту впередъ съ штабъ-трубачемъ и скоро среди полной ночной тишины, наставшей вдругъ послѣ двухчасоваго грома, раздались мѣрные звуки сигнала, повторившіеся по всей линіи, и вслѣдъ затѣмъ загремѣлъ моментальный взрывъ залповъ нѣсколькихъ тысячъ ружей, и наконецъ «ура», какого на ученьи не услышишь: вся гора покрылась нѣсколькими рядами, какъ будто неугасающихъ искорокъ,—то турки встрѣчали изъ своихъ ложементовъ штурмующихъ своимъ убійственнымъ ружейнымъ огнемъ, но солдаты наши лѣзли чуть не на отвѣсную гору сквозь стѣну колючихъ кустарниковъ, и наконецъ пули перестали щелкать подъ ногами стоявшихъ внизу и свистѣть по бокамъ, и полетѣли всѣ черезъ голову, а одновременно съ этимъ нижнія линіи искорокъ все подвигались выше и выше — то турки выбивались изъ одной линіи ложементовъ въ другую, и подошва горы попадала въ мертвое пространство. Съ другой стороны то же, хотя какъ съ болѣе отлогаго ската пули и продолжали свистѣть, но линіи турецкихъ ружейныхъ огоньковъ подались еще выше. Наконецъ наверху горы сравнительно поутихло, но вслѣдъ же за тѣмъ маленькій курганчикъ, находящійся на гребнѣ горы покрылся сплошной массой огней и внизу пронесся цѣлый ураганъ пуль, продолжавшіеся минутъ съ десять и затѣмъ все смолкло: турки были выбиты 3-мъ баталіономъ Софійскаго полка изъ своего послѣдняго ретраншмента;—гора была наша и приказаніе данное генералу Прохорову исполнено; но однакожъ скоро опять послышалась болѣе ровная стрѣльба, но огоньковъ не видно было: то турки свѣжими таборами шли съ другой стороны отбивать занятую гору, но нашимъ болѣе осмысленнымъ огнемъ отброшены; раза два это еще повторялось, но и съ нашей стороны

подходили свѣжіе батальоны, такъ что дѣло можно было считать конченнымъ.

Генералъ Прохоровъ сидѣлъ недалеко отъ подошвы горы у фронта и, конечно счастливый и довольный, преспокойно угощалъ чаемъ окружающихъ. Какъ примѣръ необычной дальнобойности турецкихъ ружей можно упомянуть о томъ, что и здѣсь иногда просвистывала пуля, и хотя начальникъ штаба полковникъ Лесли съ поручикомъ Гонотомъ съ одной стороны и штабъ-ротмистръ Григорьевъ и поручикъ Синицынъ, бывшіе далеко впереди за горой и удостовѣряли, что турокъ ближе двухъ-трехъ верстъ отъ нея нѣтъ (такъ что съ разстояніемъ до горы отъ того мѣста, гдѣ сидѣлъ генералъ Прохоровъ, это составляло около четырехъ верстъ), однако всякій разъ, какъ начиналась опять стрѣльба, пули шлепались о плетень, около котораго сидѣлъ генералъ, то щелкали по лазаретнымъ фургонамъ, подвезеннымъ уже къ самому мѣсту боя, одна даже убила на поваль солдата изъ баталіона, лежавшаго въ нѣсколькихъ шагахъ тутъ же въ резервѣ; главное сокровище самоваръ, изъ котораго всѣ измученные и усталые освѣжались, былъ поставленъ деньщикомъ генерала подъ его тарантасъ, но и туда то и дѣло ложились пули, но самовара не тронули, такъ что напившись чаю генералъ Прохоровъ отпустилъ бывшихъ при немъ уланскихъ офицеровъ, и, получивъ частное извѣстіе, что 2-я бригада подходила къ Гагову, верстъ девять отъ Аязляра, послалъ ей приказаніе прибыть, чтобъ имѣть возможность поддержать или даже смѣнить измученные баталіоны.

Ужь разсвѣтало когда, часу въ четвертомъ, Вознесенскіе офицеры вернулись на свой бивуакъ, но въ семь часовъ утра полковникъ Каульбарсъ получилъ отъ генерала Прохорова извѣщеніе, что турки опять въ большихъ силахъ штурмуютъ только что отбитую имъ гору, прося дать знать о томъ въ Гагово начальнику 35-й дивизіи генералу Баранову, тѣмъ болѣе, что Попкіойская позиція оставалась совершенно пустая, удержать же занятую гору было трудно съ дерущимися уже со вчерашняго вечера батальонами. Полковникъ Каульбарсъ послалъ въ Гагово состоявшаго при немъ въ это время ординарцемъ корнета Поливанова, который, прискакавши въ Гагово доложилъ генералу Баранову о положеніи дѣла. Генералъ Барановъ чрезвычайно горячо принялъ къ сердцу положеніе генерала Прохорова; но у него на рукахъ была обширная позиція, которую онъ не могъ взять на себя бросить; тѣмъ не менѣе онъ приказалъ только что пришедшей бригадѣ 32-й дивизіи, ошибочно принятую за 2-ю бригаду 1-й дивизіи, на которую такъ разсчитывалъ генералъ Прохоровъ, идти немедленно къ Аязляру.

Бригада эта только что пришла, такъ что одинъ полкъ—Бендерскій только что разставлялъ палатки, а другой—Тираспольскій снималъ ранцы. Командиръ бригады, генералъ Корево, приказалъ Бендерскому полку немедленно сняться съ бивуака и идти къ Аязляру, а Тираспольскому полку, передохнувши, двигаться тоже по дорогѣ къ Аязляру и остановиться въ

Попкіоѣ. Не успѣла головная рота подняться на гору изъ Гагова и отойти версты четыре къ Попкіою, какъ тридцати-градусная жара оказала свое дѣйствіе: посланный проводить бригаду, проѣхавшій нѣсколько впередъ и вернувшійся назадъ корнетъ Поливановъ увидѣлъ эту роту, лежащею въ повалку, ротные фельдшера хлопотали около нѣсколькихъ человѣкъ, пораженныхъ солнечнымъ ударомъ, остальные, сбросивши ранцы и мундиры, лежали безъ движенія или, раздѣвшись до нага, выжимали совершенно мокрое бѣлье. Скоро подъѣхалъ генералъ Корево, который послалъ корнета Поливанова къ генералу Прохорову съ извѣщеніемъ о его движеніи, но также приказывая ему доложить о состояніи его бригады. Генералъ Прохоровъ сидѣлъ около того же мѣста у рѣчки и измученный и истомленный писалъ донесеніе въ корпусный штабъ и наблюдалъ за ходомъ дѣла на горѣ, гдѣ продравшіеся всю ночь батальоны упорно продолжали въ одиннадцать часовъ дня отбивать атаки турокъ, къ которымъ подходили все свѣжіе и свѣжіе таборы. Пули на этотъ разъ летали здѣсь роями, и то и дѣло шлепались въ рѣчку. Генералъ Прохоровъ, выслушавъ донесеніе ординарца, послалъ его же за 3-мъ батальономъ Софійскаго полка, пробывшимъ цѣлую ночь на горѣ и только что вернувшимся оттуда; тотъ нашелъ весь батальонъ спавшимъ въ повалку, и отыскавши въ кустахъ у знамени крѣпко спавшаго командира его, маіора Обакевича, разбудилъ его; тотъ сейчасъ же вскочилъ, успѣлъ только спросить съ просонья: «что? приказано идти?» и тотчасъ скомандовалъ: «батальонъ въ ружье»,—и вскочившій какъ одинъ человѣкъ батальонъ, не успѣвшій отдохнуть послѣ этакой ночи и двухъ часовъ сна, быстро двинулся опять въ дѣло. Другихъ подкрѣпленій не прибывало, кромѣ одного эскадрона уланъ, который опять прибылъ изъ Хойдоркіоя и сталъ на позицію, готовый атакой прикрыть возможное отступленіе наше. Къ туркамъ между тѣмъ, какъ послѣ оказалось, подошло изъ Разграда еще двѣнадцать таборовъ; на всѣхъ окрестныхъ высотахъ, командующихъ надъ занятой нами, они успѣли уже поставить орудія и курганчикъ лежащій на верху горы, на которомъ мы въ свою очередь успѣли окопаться и вся гора обсыпалась со всѣхъ сторонъ турецкими гранатами, а между тѣмъ новыя массы турокъ лѣзли на гору упорно защищаемую солдатами, большинство которыхъ растрѣляло всѣ патроны, а многіе въ изнеможеніи падали на землю, и какъ безжизненныя массы катились внизъ по кручѣ, на которую они такъ лихо взобрались наканунѣ. Въ три часа генералъ Прохоровъ приказалъ отступать обратно на Попкіойскую позицію, и какъ только раненые и убитые были подобраны, батальоны начали спускаться внизъ и въ полномъ порядкѣ двинулись къ Попкіою. Замѣчательно, что турки не только не преслѣдовали отступавшихъ, но не смѣли даже въ этотъ день занять оставленную позицію, и, какъ послѣ передавалъ одинъ турецкій штабъ-офицеръ, пріѣзжавшій парламентеромъ, только всю слѣдующую ночь поспѣшно укрѣпляли свои позиціи противъ новой атаки. Нельзя не признать,

что дѣло это, помимо того что имѣло вліяніе на дѣйствія нашего Рущукскаго отряда, но по совпаденію чиселъ 9, 10 и 11-го августа съ первыми днями штурмовъ на Шипкѣ,—хотя какъ энергическая демонстрація въ сторону Эски-Джумы и Шумлы—весьма вѣроятно пріостановило дальнѣйшее сосредоточеніе турецкихъ силъ противъ Шипки, около которой въ этотъ моментъ лежалъ главнѣйшій интересъ обѣихъ армій. На другой день, 12-го числа, ожидалась общая атака на Попкіой и потому къ этому дню на этой позиціи сосредоточено было около трехъ дивизій, и самъ командующій отрядомъ, Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ, прибылъ со своимъ штабомъ въ Попкіой, но ни въ этотъ день, ни въ слѣдующій никакой атаки турокъ не послѣдовало, а между тѣмъ Попкіойская позиція признана неудобною по своей растянутости при сравнительно небольшомъ количествѣ войскъ, которыми мы могли располагать, такъ что лѣвый флангъ къ Гагову былъ открытъ, и ему не на что было опереться. Рѣшено было укрѣпить позицію въ восьми верстахъ назади, имѣя деревню Ковачицу сзади, деревню Омуркіой—на правомъ флангѣ, а возвышенность лежащей за деревнею Пономарцами и названный въ силу своего тактическаго командующаго надъ мѣстностію значенія Малаховымъ курганомъ—на лѣвомъ флангѣ. Тѣмъ не менѣе, Попкіойская позиція еще не покидалась и передовыя посты въ Карахасанкіоѣ, въ Хойдоркіоѣ и Аязлярѣ тоже оставались при прежнемъ своемъ значеніи, т. е. какъ бы служа передовыми постами для главной позиціи, которая предполагалась въ Попкіоѣ. Генералъ Тихменевъ, назначенный 12-го числа начальникомъ передовой линіи, объяснилъ, впрочемъ, въ этотъ день офицеру посланному къ нему съ Хойдоркіойской позиціи полковникомъ Каульбарсомъ за приказаніями, что назначеніе этой позиціи чисто наблюдательное, и что если къ уланскому полку, который одинъ долженъ былъ остаться на ней, придастся четыре конныхъ орудія, то только для того, чтобъ хоть нѣсколько при отступленіи задерживать турокъ и, какъ выразился генералъ, имѣть возможность отплюнуться и отходить. Потому оба поста Корохосанкіой и Хойдоркіокій продолжали по прежнему свою службу, и 14-го августа, напримѣръ, когда посты нашего полка были оттѣснены, а на Карохосанскіой было настолько значительно наступленіе черкесовъ, что орудія, выѣхавшіе впередъ вмѣстѣ съ ротами Зарайскаго полка, были опрокинуты уже и только что выручены подоспѣвшей ротой, нашъ полкъ выдвинулся весь впередъ и внезапнымъ своимъ появленіемъ смутилъ не только черкесовъ, но и нашихъ артиллеристовъ, пустившихъ въ насъ же двѣ гранаты,—ошибка весьма понятная, тѣмъ болѣе, что на этомъ мѣстѣ постоянно появлялись непріятельскія кавалерійскія части.

15-го и 16-го числа съ нашего бивуака ясно было видно, какъ турки день и ночь воздвигали батарею на возвышенностяхъ за Кара-Ломомъ, менѣе чѣмъ въ 2,000 саж. отъ нашихъ палатокъ. Болгары изъ Разграда, ко-

торымъ удалось бѣжать и пробраться къ намъ, подробно передавали о томъ, какъ турки сосредоточиваютъ свои силы и собираются не нынче — завтра атаковать насъ, такъ что мы всѣ эти дни, засыпая, ждали быть не иначе разбуженными, какъ гранатами, которыя въ виду знакомой намъ мѣткости турецкой артиллеріи, должны прямо были съ утра начать вертѣть наши палатки, тѣмъ болѣе, что и на Сахаръ-Тапе, т. е, въ двухъ съ половиною верстахъ отъ насъ, замѣтно было всѣ эти дни движеніе и рубка лѣса: видимо и тамъ турки прокладывали дороги для своихъ орудій и возводили батареи. Но посты наши не дремали, и въ ночь съ 17-го на 18-е августа съ полуночи начали приходить извѣстія о томъ, что во всѣхъ балкахъ за Кара-Ломомъ видно усиленное движеніе войскъ, массированіе ихъ и звуки сигнальныхъ рожковъ ясно были слышны отъ самаго Спахалара до Сахаръ-Тапе и дальше.

Съ ранняго утра весь полкъ былъ на ногахъ, но бивуакъ, однакоже, не снимался. Съ постовъ продолжали приходить донесенія о движеніи въ большихъ массахъ непріятеля, но батареи турецкія еще молчали. Въ семь часовъ утра первые выстрѣлы послышались впереди Карахосанкіоя у Садина и вскорѣ противъ Карахосанкіоя загремѣла канонада, и отъ насъ изъ Хойдоркіоя ясно было видно паденіе снарядовъ въ рощѣ, въ которой былъ расположенъ бивуакъ Зарайскаго полка и около которой находилась наша небольшая батарея; но противъ насъ на высотахъ и на Сахаръ-Тапе цѣлый часъ еще все было тихо, иногда только замѣтно было движеніе какой нибудь части по кустамъ или орудій выѣзжавшихъ на позицію. Наконецъ, часу въ девятомъ, съ одной изъ площадокъ лежащихъ по скату Сахаръ-Тапе показался дымъ орудійнаго выстрѣла, и первая граната прилетѣла къ намъ на бивуакъ; полковыя палатки уже были почти всѣ сняты, оставалась только палатка полковника Каульбарса, на которой турки сейчасъ же и сосредоточили свой огонь, тѣмъ болѣе, что она стояла отдѣльно около самыхъ нашихъ орудій, начавшихъ уже отвѣчать; какъ не хотѣлось полковнику оставить на мѣстѣ палатку, около которой очень удобно было сидѣть въ тѣни и наблюдать за ходомъ дѣла, но турки ужь очень обратили вниманіе на это мѣсто, и около коляски и фургона разорвало нѣсколько гранатъ, такъ что они могли быть подбитыми; лошади начали бѣситься, что все могло повлечь за собой то, что палатку неначемъ впредь было бы возить. Рѣшено было и ее убрать, орудія же наши отвѣчали туркамъ такъ удачно, что батарея ихъ взяла на передки и поднялась выше на гору. Отрядъ нашъ между тѣмъ занималъ назначенныя каждой части позиціи: стрѣлковая рота 3-го баталіона Софійскаго полка заняла опушку деревни, остальныя роты заняли ложементы на правомъ флангѣ противъ Сахаръ-Тапе, и на самомъ мѣстѣ расположенія бивуака у орудій.

Нашъ полкъ раздѣлился поэскадронно, изъ которыхъ 4-й пошелъ впередъ за Кара-Ломъ ко 2-му эскадрону, содержавшему въ эту ночь посты, а

1-й и 3-й эскадроны подвинулись влѣво, содержа такимъ образомъ связь съ Карахосанкіойскимъ отрядомъ.

Турецкая же батарея поднялась на позицію, до которой наши снаряды съ трудомъ достигали, и оттуда сверху внизъ, почти безнаказанно, осыпала наше расположеніе гранатами; но нашимъ четыремъ орудіямъ 9-й Донской батареи и безъ нея было много дѣла: турецкая цѣпь, а за нею густыя колонны постепенно спускались съ Сахаръ-Тапе и по балкамъ, ведущимъ къ Кара-Лому; а вскорѣ за оттѣсненными нашими постами отъ Спахалара и съ другой стороны показалась батарея, которая сначала открыла огонь по собраннымъ поручикомъ Загоскинымъ постамъ такъ, что онъ, не отступая дальше, чтобъ имѣть возможность все-таки наблюдать за наступавшимъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, началъ маневрировать, дѣлая быстрыя передвиженія изъ стороны въ сторону, но турецкія гранаты преслѣдовали его во всѣхъ его движеніяхъ до того, что наконецъ онъ укрылся было въ небольшую лощинку, въ которой уже стоялъ маіоръ Ягелло съ 4-мъ эскадрономъ, готовый поддержать разсыпанную имъ также впереди цѣпь наѣздниковъ, но турецкія гранаты сейчасъ же посыпались за поручикомъ Загоскинымъ и въ эту лощинку.

Въ Корохасанкіоѣ, справа отъ насъ, давно уже кипѣлъ жаркій бой; три густыя цѣпи, поддержанныя глубокими колоннами и учащеннымъ огнемъ нѣсколькихъ батарей, упорно подвигались со всѣхъ сторонъ на деревню, защищаемую только однимъ Зарайскимъ полкомъ. Скоро и по направленію, гдѣ стоялъ маіоръ Ягелло, тоже двинулись густыя массы турокъ, грозя такимъ образомъ ничѣмъ не занятому пространству между Корохасанкіоемъ и Хойдоркіоемъ и беря обѣ позиціи во флангъ. Маіоръ Ягелло, давши о томъ знать въ Корохасанкіой генералу Леонову и въ нашу позицію полковнику Каульбарсу, отошелъ къ Кара-Лому, не упуская, однакожъ, изъ виду движенія непріятеля. Пять часовъ уже, какъ нашъ отрядъ хотя и отплевывался какъ могъ, но не отходилъ; снаряды нашей батареи быстро истощились, но скоро подоспѣли зарядные ящики, отошедшіе къ Попкіою, и лихіе артиллеристы продолжали уже стрѣлять шрапнелями по надвинувшимся турецкимъ колоннамъ; ясно было видно, какъ колонны эти смѣшивались и разсыпались въ сторону послѣ каждаго разрыва нашихъ снарядовъ. Но главная атака турокъ конечно была направлена на Корохасанкіой—пунктъ, значеніе котораго было чрезвычайно важно, какъ командующаго надъ всей Пойкіойской долиной, какъ лежащаго на узлѣ долинъ, идущихъ къ Кара-Лому и къ Акъ-Лому и наконецъ какъ позиціи, откуда можно было всегда угрожать Разградо-Рущукскому шоссе, проходящему въ семи верстахъ около Садина, а оттуда и желѣзной дорогѣ.

Подходилъ уже четвертый часъ, а отрядъ нашъ стоялъ все подъ огнемъ турецкихъ батарей, которыя уже сдвинулись полукругомъ и осыпали по всѣмъ направленіямъ гранатами какъ ладонь гладкое и со

всѣхъ сторонъ открытое наше расположеніе, но какъ только турецкая цѣпь приближалась къ мосту черезъ Кара-Ломъ, такъ нѣсколько удачно пущенныхъ нами шрапнелей заставляли ее быстро подаваться назадъ; видимо турокъ тоже смущали наши стрѣлки, засѣвшіе въ деревнѣ, число которыхъ они опредѣлить не могли, но которые мѣткой стрѣльбой встрѣчали каждое приближеніе непріятеля къ рѣкѣ. Наконецъ около пятаго часу турецкія колонны, стоявшія противъ нашего 4-го эскадрона, быстро двинулись впередъ, а въ Корохасанкіоѣ ясно видно было какъ наши линіи начали подаваться назадъ, артиллерія же снялась съ позиціи и тоже начала отходить къ мосту въ Гагово. Вскорѣ на мѣстѣ бивуака Зарайскаго полка вспыхнулъ огромный пожаръ, то генералъ Леоновъ отступая приказалъ зажечь деревню и вмѣстѣ съ ней кучи ранцевъ и палатокъ, брошенныхъ передъ боемъ продравшимися цѣлый день молодцами Зарайцами. Полковникъ Каульбарсъ, видя занятіе турками позиціи несравненно важнѣйшей его собственной и берущей его уже теперь во флангѣ, приказалъ пѣхотной цѣпи въ деревнѣ и уланской у рѣчки отходить къ своимъ частямъ. Необходимо упомянуть, что и налѣво отъ насъ, у Аязляра, гдѣ стоялъ одинъ баталіонъ, шелъ бой, и Аязлярская роща такъ обстрѣливалась съ высоты, за которую бились 10-го и 11-го августа, что баталіонъ давно уже отступилъ. Такимъ образомъ нашъ отрядъ очутился съ трехъ сторонъ окруженный все надвигавшимися торжествующими турками, и наконецъ турецкая цѣпь рѣшилась перейти мостъ. Нѣсколько стрѣлковъ перебѣжали его, за ними быстро двинулись остальные, а стоявшія у Сахаръ-Тапе и на холмѣ за Кара-Ломомъ колонны направились къ нему же.

Карахосанкіойскій отрядъ уже отступилъ изъ-подъ выстрѣловъ и весь огонь непріятеля сосредоточился на насъ. Тогда полковникъ Каульбарсъ распорядился отступленіемъ, тѣмъ болѣе, что онъ получилъ на то непосредственное приказаніе генерала Прохорова, которому онъ былъ подчиненъ. Двинулся къ Попкіою собравшійся баталіонъ, снялась наконецъ съ позиціи поработавшая въ этотъ день лихая Донская батарея и, окруженная развернувшимися уланскими эскадронами, тоже направилась къ Попкіою.

Весь отрядъ двигался по широкому полю шагъ за шагомъ, турецкія же батареи, сдвинувшіеся теперь уже совсѣмъ полукругомъ, бѣшено провожали отрядъ гранатами, но эскадроны не прибавляли шагу, тѣмъ болѣе что у орудій были побитыя лошади, и только за каждой попавшей въ эскадронъ или близко лопнувшей гранатой по развернутому фронту громче раздавалась команда «равняйсь». Турки тоже не медлили, и не успѣлъ отрядъ отойти версту съ чѣмъ нибудь, какъ весь курганъ, у котораго стояли наши орудія, покрылся толпой непріятелей; не утерпѣли наши артиллеристы: два орудія снялось съ передковъ и слѣдующій моментъ двѣ шрапнели разорвались, одна на самомъ курганѣ, а другая надъ нимъ; моментально курганъ опустѣлъ и даже вблизи его никого вдругъ не стало видно.

Такъ послѣдній разъ отплюнулся нашъ отрядъ и, наконецъ, совсѣмъ отошелъ, только послѣ девяти-часоваго боя. У Попкіоя собрался ужъ весь обозъ и подходила пѣхота, которую генералъ Прохоровъ посылалъ къ Аязляру такъ какъ съ этой стороны могъ быть отрѣзанъ путь отступленія на Ковачицу. Наступила ночь, когда полкъ разставивъ впереди Попкіоя постъ, расположился бивуакомъ на дорогѣ къ Кавачицѣ, но не прошло двухъ-трехъ часовъ, какъ пришло приказаніе, до свѣту занять позицію около лѣса между Гаговымъ и Попкіоемъ. На этой позиціи полкъ простоялъ вмѣстѣ съ донской батареей и двумя батареями Софійскаго полка до вечера 25-го августа, имѣя предъ собой почти совершенно гладкое на пять верстъ простирающееся поле, на концѣ котораго лежалъ занятый уже турками Хойдоркіой, передъ которымъ постоянно виднѣлась непріятельская цѣпь.

Турки дальнѣйшаго наступленія въ эту сторону не продолжали, но съ вечера же всѣ возвышенности за Кара-Ломомъ, Карахосанкіоемъ, Сахаръ-Тапе и Аязляромъ освѣтились бивуачными огнями огромной арміи Мехмедъ-Али-паши. Съ перваго же дня, однакожъ, у уланъ начались аванпостныя перестрѣлки съ черкесами, которые по нѣскольку разъ въ день выходили изъ Хойдоркіоя и подходили къ нашимъ постамъ.

21-го августа Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ объѣзжать передовыя линіи нашей позиціи, находящіяся на выстрѣлъ отъ турецкихъ постовъ, и между прочимъ посѣтилъ нашу позицію. Всѣ эти дни, т. е. 20-го, 21-го, и 22-го, августа не проходило безъ того, чтобъ дежурный эскадронъ не выносился впередъ на поддержку нашимъ постамъ (стоявшимъ такъ близко къ непріятелю, что ясно бывалъ слышенъ ихъ крикъ изъ Карахосанкіоя) навстрѣчу наступавшимъ кавалерійскимъ турецкимъ частямъ, которыя, при приближеніи нашего эскадрона, не принимая атаки, ограничивались трескотнею изъ своихъ магазинокъ—трескотней, кончавшейся однакожъ съ нашей стороны нѣсколькими ранеными уланами и убитыми лошадьми.

23-го числа наступленіе это было настойчивѣе, и за кавалерійскою цѣпью показалась пѣхотная цѣпь, а вскорѣ съ Сахаръ-Тапе и отъ Аязляра послышались орудійные выстрѣлы, такъ что не только весь нашъ полкъ, но и батальоны съ бывшей при нихъ пѣшей артиллеріей вышли на позицію около Попкіоя и завязалось дѣло, состоявшее впрочемъ только изъ артиллерійской перестрѣлки съ перепалкой между нашими карабинерами и черкесами, и кончившееся тѣмъ, что къ часамъ пяти турки отступили. Бывшая же канонада нѣсколько безпокоила корпусный и отрядный штабъ, такъ какъ въ этотъ самый день Мехмедъ-Али производилъ свою атаку на центръ всего Рущукскаго отряда,—на Кацелево.

На другой день вечеромъ 24-го августа полковникъ Каулбарсъ и всѣ командующіе отрядами получили приказаніе, продержавшись во-что бы-то ни стало еще день, отступить къ Ковачицѣ. Такъ какъ отступленіе это по своему стратегическому значенію, а главное по замѣчательно стройному ис-

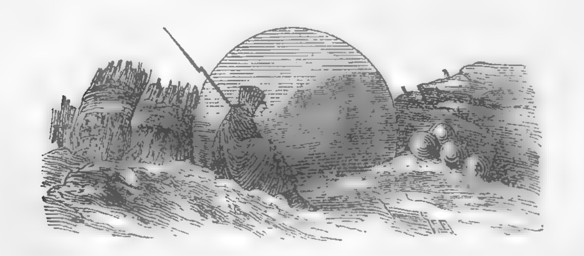
полненію составляетъ одно изъ существенныхъ для пользы дѣла движеній Рущукскаго отряда за всю кампанію, необходимо упомянуть о причинахъ, вызвавшихъ его. Рущукскій отрядъ, вытянутый на семидесятиверстномъ почти пространствѣ по Кара-Лому, съ трудомъ только могъ охранять весь лѣвый флангъ нашей арміи и прикрывать наши сообщенія между Систовымъ и Тырновымъ, а стало быть и тылъ Плевненской арміи отъ прорыва Мехмедъ-Али-паши, въ распоряженіи котораго была сильнѣйшая регулярная турецкая армія. Мехмедъ-Али-паша чрезвычайно искусcно воспользовался растянутостью нашихъ позицій и, оцѣнивши значеніе Карахосанкіойской позиціи, какъ ключа ко всему верхнему теченію Кара-Лома, сбилъ оттуда всѣми своими силами небольшой отрядъ, защищавшій его, и 23-го числа ударилъ тоже всѣми силами на небольшой отрядъ защищавшій Кацелево, лежащее въ центрѣ всего расположенія Рущукскаго отряда и между прочимъ ближайшій изъ передовой линіи пунктъ къ городу Бѣлѣ (всего около 20 верстъ), въ которомъ были сосредоточены всѣ обозы отряда, и занятіе котораго открыло бы Систово съ главнымъ мостомъ и равнялось бы тому, что нашъ отрядъ былъ разрѣзанъ на двое, такъ какъ 13-й корпусъ былъ въ этотъ моментъ сосредоточенъ у Попкіоя и Ковачицы въ сорока пяти верстахъ отъ Бѣлы, а 12-й могъ быть припертъ къ Дунаю. Но продолжать свое движеніе въ этотъ день Мехмедъ-Али не рѣшился, вѣроятно не зная того, что передъ нимъ въ Бѣлѣ была всего рота саперъ, а главное потому, что въ трехъ верстахъ во флангѣ отъ себя онъ оставилъ бы въ Аблановѣ одинадцати тысячный отрядъ генерала Дризенъ, который онъ полагалъ вѣроятно гораздо значительнѣй, и потому на другой день, 24-го, онъ атаковалъ его, но отрядъ этотъ геройски продержался цѣлый день, такъ что отбитый Мехмедъ Али согласился на перемиріе для уборки тѣлъ до слѣдующаго дня, что все вмѣстѣ взятое дало возможность всему отряду отойти и занять позицію на Банницкомъ-Ломѣ, которая уже настолько сосредоточивала наши силы, что смѣненный послѣ неудачной атаки на Церковну Мехмедъ-Али писалъ въ газетахъ, что требовать отъ него, чтобъ онъ прорвалъ эти позиціи, значило требовать, чтобъ онъ разбилъ себѣ лобъ о желѣзную стѣну.

Весь день 25-го августа уланы и весь отрядъ простояли въ полной готовности къ бою; тутъ по крайней мѣрѣ всѣ до послѣдняго солдата знали, чего отъ нихъ требовали и твердо были намѣрены свято исполнить данное приказаніе:—не допустить на нашу позицію турокъ, пока хоть одинъ бы человѣкъ остался живъ. Но кромѣ обыкновенной перестрѣлки на аванпостахъ и высылки впередъ дежурнаго эскадрона ничего въ этотъ день не было. Какъ только стемнѣло, тогда начали отходить къ Ковачицѣ, пѣхота отряда, т. е. два баталіона Софійскаго полка и пѣшая артиллерія, а также весь обозъ нашего полка. Часу въ первомъ ночи нашъ полкъ, вмѣстѣ съ 9-й Донской батареей отошелъ тоже версты за двѣ, такъ какъ съ боемъ трудно было отступать артиллеріи по мягко распаханному полю. Посты же

наши (отъ 2-го эскадрона) продолжали стоять какъ ни въ чемъ не бывало на своихъ прежнихъ мѣстахъ, такъ что туркамъ трудно было догадаться, что за этими нѣсколькими уланами не было уже сравнительно грозной силы, готовой встрѣтить наступленіе, и что на двадцать верстъ назади вся мѣстность уже была почти очищена нашими войсками. Наконецъ, передъ разсвѣтомъ около четырехъ часовъ утра, полковникъ Каульбарсъ, пробывшій всю ночь среди послѣднихъ оставшихся на позиціи, послалъ поручику Руденко приказаніе снять посты и присоединиться къ полку. Совсѣмъ уже разсвѣло, когда весь полкъ тронулся къ Ковачицѣ и не доходя до нея нѣсколько верстъ, остановился впереди пѣхотныхъ частей прикрывавшихъ отступленіе всего корпуса подъ командой генерала Прохорова, готовый встрѣтить непріятеля, если ему вздумается преслѣдовать. Непріятельскіе эскадроны не замедлили появиться, но встрѣченные артиллерійскимъ огнемъ, огнемъ нашихъ наѣздниковъ и увидавши наши эскадроны, поспѣшили повернуть назадъ, оставивши на мѣстѣ нѣсколько тѣлъ. Полковникъ графъ Шереметьевъ, ѣздившій парламентеромъ отъ Е. И. В. Главнокомандующаго къ Мехметъ-Али и котораго мы четыре дня тому назадъ проводили до турецкихъ линій, воротился во время этого небольшаго дѣла и передавалъ, что турки вовсе не подозрѣвали нашего отступленія и съ большимъ удивленіемъ и осторожностію подвигались по оставленной нами мѣстности.

Вечеромъ 26-го числа полкъ сталъ на ночлегъ бивуакомъ около деревни Водицы, а на другой день пропустивъ впередъ всю оставшуюся пѣхоту и артиллерію, двинулся послѣднимъ по дорогѣ къ Бѣлѣ на Церковну. Такъ уланы два мѣсяца передъ этимъ, шедшіе по этой дорогѣ первые впереди своего корпуса, теперь отходили послѣдніе, прикрывая его отступленіе.

М. К. Ц.



Сраженіе у Чаиркіоя и Церковны

9-го Сентября 1877 года *).

Генералъ-лейтенантъ Татищевъ, начальникъ 11-й кавалерійской дивизіи, занималъ своимъ отрядомъ Мансуръ, Тирбелитеръ и Бракницу. Когда, послѣ сраженія при Аблавѣ и Кацелвѣ 24-го августа началось отступленіе 13-го корпуса на Банницкій Ломъ по линіи Церковна, Копровица и Банничка, и когда послѣ того турки готовились одновременно атаковать и Шибкинскій отрядъ, и отрядъ Наслѣдника Цесаревича, тогда и генералъ-лейтенанту Татищеву, приказано было отступить къ Чаиркіою и выбрать тамъ позицію, которую немедленно укрѣпить, а затѣмъ держаться на ней во чтобы-то ни стало и противъ какихъ-бы то ни было силъ.

Отрядъ генералъ-лейтенанта Татищева состоялъ всего изъ одной бригады 32-й пѣхотной дивизіи съ двумя батареями (1-я и 4-я) 32-й артиллерійской бригады и 1-й бригады 11-й кавалерійской дивизіи съ № 18 конною батареею и, принадлежа къ составу 11-го армейскаго корпуса, назывался Сѣвернымъ отрядомъ означеннаго корпуса. Получивъ приказаніе отойти къ Чаиркіою, генералъ-лейтенантъ Татищевъ выступилъ съ своимъ отрядомъ изъ Мансура и Бракницы 26-го августа въ восемь часовъ вечера, совершенно незамѣченный непріятелемъ, и прибылъ къ Чаиркіою на другой день утромъ благополучно. Въ Чаиркіоѣ уже находились нѣкоторыя части этого отряда, именно: два баталіона Курскаго пѣхотнаго полка съ 4-ю батареею и дивизіонъ 11-го уланскаго Чугуевскаго полка, которые еще ранѣе были отправлены къ Ковачицѣ

*) Планъ въ Приложеніяхъ.

для прикрытія отступленія 13-го корпуса, и которыя теперь возвратились въ Чаиркіой на присоединеніе къ своему отряду.

По прибытіи къ Чаиркіою весь Сѣверный отрядъ былъ сосредоточенъ и расположенъ бивуакомъ сзади выбранной позиціи, для укрѣпленія которой немедленно было приступлено къ работамъ, при чемъ для охраненія рабочихъ и отряда, независимо посылаемыхъ разъѣздовъ, поставлена была дежурная часть на самой позиціи и выдвинутъ былъ впередъ къ селенію Церковны 4-й эскадронъ 11-го уланскаго Чугуевскаго полка.

Позиція выбрана была на высотахъ сѣверо-восточнѣе Чаиркіоя, при чемъ по необходимости фланги этой позиціи пришлось загнуть и протянуть до двухъ дорогъ, — до одной, идущей отъ Водицы черезъ Бекъ-Вербовку въ обходъ Чаиркіоя на большую дорогу въ Тырновъ на лѣвомъ флангѣ, и до другой, идущей отъ Касабино черезъ Юриклеръ къ Чаиркіою и далѣе до Тырнова, на правомъ, отчего фронтъ позиціи долженъ былъ принять форму полукруга. Вообще позиція эта имѣла слѣдующія недостатки. На флангахъ позиціи были высоты, которыя въ случаѣ занятія ихъ непріятелемъ давали полную возможность ему дѣйствовать въ тылъ нашей позиціи, но протянуть позицію до этихъ высотъ не представлялось возможности, такъ какъ длина позиціи и безъ того не соотвѣтствовала силѣ нашего отряда. Кромѣ того впереди позиціи находились высоты, которыя командовали высотами нашей позиціи. Другой же болѣе соотвѣтствующей позиціи, на пути наступленія турокъ къ Тырнову отъ Водицы, Касабино и Ошково черезъ Чаиркіой, не было, а потому и пришлось остановиться на вышеуказанной выбранной позиціи, возведя на ней полевыя укрѣпленія.

Кромѣ посылаемыхъ разъѣздовъ по направленіямъ къ Ошково, Водицѣ, Омуркіою, Карагачу и Мансуру для собиранія свѣденій о непріятелѣ, посылались еще разъѣзды въ Копровицу для связи съ 13-мъ корпусомъ и въ Кадикіой, для связи съ Джулинскимъ отрядомъ (11-го корпуса). Вслѣдствіе того, что разъѣздами было донесено, что въ Водицѣ непріятель находится въ большихъ силахъ, и что село Ошково также занято турками, сдѣлано было распоряженіе объ отправленіи разъѣздовъ отъ Чугуевскаго уланскаго полка по направленію къ Водицѣ черезъ каждые два часа, чтобы можно было заблаговременно узнать о движеніи непріятеля,—тѣмъ болѣе, что выбранная позиція не была еще окончательно укрѣплена по малому количеству, имѣвшагося въ частяхъ войскъ, шанцеваго инструмента.

Между тѣмъ, по распоряженію командира 11-го корпуса, назначено было 31-го августа произвесть общую рекогносцировку въ войскахъ корпуса для раскрытія силъ непріятеля, почему изъ Сѣвернаго отряда посланы были двѣ колонны. Одна подъ начальствомъ полковника Ракузы, въ составѣ двухъ баталіоновъ 125-го пѣхотнаго Курскаго полка съ диви-

зіономъ 4-й батареи 32-й артиллерійской бригады и 2-мъ эскадрономъ Рижскаго драгунскаго полка, черезъ Юриклеръ и Киричларъ къ Мансуру, а другая подъ командою полковника Саранчова, въ составѣ баталіона 126-го пѣхотнаго Рыльскаго полка съ двумя орудіями 4-й батареи 32-й артиллерійской бригады и дивизіономъ уланскаго Чугуевскаго полка на Водицу къ Ковачицѣ. Колонна полковника Саранчова по заранѣе сдѣланному соглашенію съ 13-мъ корпусомъ, по прибытіи въ Церковну присоединилась къ колоннѣ изъ частей войскъ 13-го корпуса, и поступила подъ общее начальство генералъ-лейтенанта князя Манвелова. Соединенная эта колонна дойдя до Водицы и встрѣтивъ тамъ только небольшія силы, заняла это селеніе послѣ небольшой перестрѣлки, но при дальнѣйшемъ наступленіи, которое продолжалось не далѣе, какъ на три четверти версты, открытъ былъ непріятелемъ сильный артиллерійскій огонь по всей линіи нашихъ войскъ, причемъ противъ обоихъ фланговъ появилось по нѣсколько непріятельскихъ колоннъ, почему нашимъ войскамъ и приказано было начать отступленіе. Результатомъ этой рекогносцировки было то, что можно было положительно опредѣлить, что позиція турокъ находилась па высотахъ между Ковачицей и Водицей, и что силы ихъ состояли изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, и значительно превышали рекогносцировавшую колонну генералъ-лейтенанта князя Манвелова. Потеря въ колоннѣ полковника Саранчова во время этой рекогносцировки была слѣдующая: убитъ одинъ рядовой и ранено—три офицера, всѣ тяжело, и восемьнадцать нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ семь тяжело. Кромѣ того, безъ вѣсти пропало десять человѣкъ. Колонна же полковника Ракузы, пройдя черезъ Юриклеръ, Киричларъ, Мансуръ и Тербелитеръ, и осмотрѣвъ разъѣздами Пашакіой и Рамкіой, нигдѣ непріятеля не встрѣтила, и въ тотъ же день возвратилась благополучно къ Чаиркіою.

Затѣмъ изъ донесеній, посылаемыхъ по нѣсколько разъ въ день разъѣздовъ, стало видно, что турки начали приближаться къ чаиркіойской позиціи,—такъ еще 1-го сентября замѣтны были уже три турецкихъ лагеря: у Касабино, Осиково и на высотѣ въ полутораверстахъ къ востоку отъ Водицы, изъ которыхъ самый большой лагерь былъ у Водицы, и что черкесы начали появляться во всѣхъ селеніяхъ, близко лежащихъ около Чаиркіоя.

Между тѣмъ 2-го сентября прибылъ въ Церковну 1-й пѣхотный Невскій полкъ съ 1-ю батареею 1-й артиллерійской бригады, который имѣлъ намѣреніе атаковать Осиково со стороны Церковны подъ личнымъ наблюденіемъ командира 13-го корпуса генералъ-лейтенанта Гана, но атака эта не состоялась и Невскому полку съ батареею, по случаю поздняго времени, приказано было остаться ночевать между Церковной и Чаиркіоемъ на лѣвомъ флангѣ укрѣпленной позиціи. Самъ же корпусный командиръ съ своимъ штабомъ, въ тотъ же день возвратился въ Копро-

вицу. Потомъ по волѣ Великаго Князя Главнокомандующаго, 3-го сентября прибылъ еще 101-й пѣхотный Пермскій полкъ съ 1-ю и 4-ю батареями 26-й артиллерійской бригады, который и былъ расположенъ бивуакомъ лѣвѣе бивуака 32-й пѣхотной дивизіи. Такимъ образомъ, отрядъ генералъ-лейтенанта Татищева увеличился двумя пѣхотными полками съ тремя батареями, что было выгодно и даже необходимо на случай ожидаемаго боя, потому что по длинѣ выбранной позиціи и потому числу непріятеля, который могъ атаковать нашу позицію, одной бригады 32-й пѣхотной дивизіи было бы недостаточно. Уменьшить же длину позиціи, какъ выше было сказано, невозможно было.

Около трехъ часовъ дня, 4-го сентября, на высотахъ у деревни Церковны, въ виду нашей укрѣпленной позиціи, показалась турецкая пѣхота, часть которой немедленно приступила рыть ровики, а другая, прикрывая рабочихъ, спустилась даже до самой Церковны. Къ флангамъ позиціи также приблизились турки,—такъ деревня Киричларъ 4-го сентября была занята турецкою пѣхотою и кавалеріею. Вообще пространство для посылки разъѣздовъ на флангахъ позиціи стало сокращаться,—они доходили только на правомъ флангѣ до деревни Юриклеръ, а на лѣвомъ до высотъ деревни Церковны. Поэтому, вслѣдствіе движенія турокъ передъ нашею позиціею, назначены были для занятія оной дежурныя части, именно отъ каждаго пѣхотнаго полка по баталіону, съ двумя девяти-фунтовыми батареями, которыя, независимо выставленныхъ впереди позиціи сторожевой пѣхотной цѣпи и дежурныхъ эскадроновъ на флангахъ оной, постоянно день и ночь занимали устроенные на позиціи ложементы и батареи. Кромѣ того, приготовлена была диспозиція на случай тревоги для занятія укрѣпленной позиціи остальными войсками, которая и объявлена была по отряду.

Турки же продолжали укрѣпляться, — съ ранняго утра, 5-го сентября, они начали строить батареи на близь лежащихъ высотахъ у Церковны, но внѣ нашего дѣйствительнаго артиллерійскаго огня, а 6-го сентября и ложементы. Работы эти по укрѣпленію высотъ прекратились 7-го сентября, при чемъ, какъ батареи, такъ и ложементы были заняты ими. 8-го сентября турки оставались на занятой и укрѣпленной позиціи, не обнаруживая намѣренія атаковать нашу позицію, которая также уже была окончательно укрѣплена,—всего построено было: шесть батарей, каждая на четыре орудія, ложементы для сомкнутыхъ частей по всему фронту позиціи и ровики для стрѣлковъ впереди ихъ,—мѣстами въ два и три яруса. При этомъ необходимо замѣтить, что при отрядѣ генералъ-лейтенанта Татищева не было ни одного военнаго инженера или сапернаго офицера и ни одного сапернаго солдата, поэтому всѣ фортификаціонныя постройки по укрѣпленію позиціи производились самими войсками отряда подъ непосредственнымъ наблюденіемъ офицеровъ генералъ-

наго штаба, и подъ общимъ руководствомъ начальника штаба отряда, полковника Баіова.

И такъ, какъ видно изъ вышесказаннаго, отрядъ генералъ-лейтенанта Татищева стоялъ лицомъ къ лицу турокъ, занимавшихъ укрѣпленныя позиціи, совершенно готовый вступить въ бой, почему и сраженіе у Чаиркіоя и Церковны было не случайнымъ, а напротивъ ожидаемымъ оборонительнымъ и при томъ совершенно подготовленнымъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Сдѣлать нападеніе генералъ-лейтенанту Татищеву на укрѣпленныя позиціи турокъ безъ поддержки Рущукскаго отряда, особенно войскъ 13-го корпуса, было весьма рискованно, — такъ какъ въ случаѣ неудачнаго наступленія почти невозможно было бы при отступленіи твердо занять Чаиркіойскую позицію и держаться на ней во чтобы то ни стало, какъ это предписывалось командиромъ 11-го корпуса. Поэтому генералъ-лейтенантъ Татищевъ, сознавая всю важность удержанія за собой Чаиркіойской позиціи и зная тѣ гибельныя послѣдствія, которыя могли бы быть вслѣдствіе потери этой позиціи, рѣшился оставаться на ней и ожидать нападенія турокъ.

Несмотря на важность и вмѣстѣ съ тѣмъ трудность выполненія даннаго приказанія держаться во что бы то ни стало у Чаиркіоя, а также и на близость превосходныхъ силъ непріятеля, готоваго каждую минуту двинуться на нашу позицію, начальникъ отряда генералъ-лейтенантъ Татищевъ былъ совершенно спокоенъ, какъ бы предчувствуя, что нападеніе турокъ будетъ отражено съ полнымъ успѣхомъ, и что онъ въ точности выполнитъ возложенное на него порученіе.

Когда 8-го сентября помощникъ полеваго штаба дѣйствующей арміи Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Левицкій, во время короткаго пребыванія въ Чаиркіоѣ, во время разговора съ начальникомъ отряда, спросилъ его между прочимъ.

— Боитесь ли вы турокъ? то на это генералъ-лейтенантъ Татищевъ совершенно хладнокровно отвѣтилъ.

— Нѣтъ, не боюсь.

Здѣсь кстати нельзя не упомянуть о томъ фактѣ, что корпусный врачъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Родаковъ, будучи въ Чаиркіоѣ передъ сраженіемъ, предсказывалъ, что сраженіе будетъ непремѣнно 9-го сентября. Хотя всѣ и предполагали, что турки сдѣлаютъ навѣрно нападеніе, но никто не думалъ, что оно будетъ 9-го сентября, а потому никто и не давалъ значенія предсказанію корпуснаго врача, — между тѣмъ, какъ оказалось впослѣдствіи, Родаковъ дѣйствительно предсказалъ день сраженія.

Около десяти часовъ утра, 9-го сентября, къ начальнику отряда собрались командиры полковъ 1-й бригады 11-й кавалерійской дивизіи, какъ къ своему начальнику дивизіи, чтобы доложить о нѣкоторыхъ вопросахъ, касающихся какъ развѣдывательной и сторожевой службы, такъ и хозяй-

ственной части. При этомъ докладѣ присутствовалъ и начальникъ штаба отряда полковникъ Баіовъ. По окончаніи же разрѣшенія всѣхъ вышеуказанныхъ вопросовъ поданъ былъ завтракъ и всѣ начали закусывать, а затѣмъ завязался общій оживленный разговоръ,—всѣ были въ хорошемъ расположеніи духа, — никто и не думалъ, что каждый изъ присутствующихъ долженъ будетъ принять участіе въ самомъ непродолжительномъ времени въ жестокомъ бою. Какъ вдругъ, во время общаго разговора, грянулъ пушечный выстрѣлъ со стороны Церковны, за тѣмъ другой, третій и т. д. Сначала всѣ переглянулись и какъ бы спрашивали другъ у друга «что это значитъ?» но генералъ-лейтенантъ Татищевъ, совершенно спокойно приказавъ подать себѣ верховую лошадь, сказалъ полковымъ командирамъ, чтобы они ѣхали въ расположеніе своихъ полковъ и распорядились бы относительно готовности ихъ, но чтобы не суетились, а ожидали бы дальнѣйшихъ приказаній. Самъ же потомъ съ своимъ начальникомъ штаба и чинами онаго поскакалъ на позицію и проѣзжая мимо пѣхотнаго бивуака, подтвердилъ начальникамъ частей, чтобы они до особаго его приказанія оставались бы съ своими частями на мѣстѣ.

Тѣмъ временемъ пушечная канонада усилилась, при чемъ весь артиллерійскій огонь непріятеля направленъ былъ на первую батарею 1-й артиллерійской бригады, которая стояла на лѣвомъ флангѣ позиціи. По прибытіи на позицію и осмотрѣвъ противоположныя высоты, генералъ-лейтенантъ Татищевъ въ ожиданіи разъясненія намѣреній противника, рѣшился не трогать пока войскъ съ бивуака, тѣмъ болѣе, что движенія непріятеля нигдѣ еще не было замѣтно, и что на самой позиціи находились уже слѣдующія части. Первый баталіонъ 125-го пѣхотнаго Курскаго полка въ ложементахъ на правомъ флангѣ позиціи; 2-й баталіонъ 126-го пѣхотнаго Рыльскаго полка съ 1-ю батареею 32-й артиллерійской бригады въ укрѣпленіяхъ центра позиціи и 2-й баталіонъ 1-го Невскаго пѣхотнаго полка съ первою батареею 1-й артиллерійской бригады въ укрѣпленіяхъ на лѣвомъ флангѣ позиціи. Независимо того 1-й баталіонъ 101 пѣхотнаго Пермскаго полка стоялъ на передовыхъ постахъ впереди позиціи, занимая тремя ротами рощу, а на флангахъ оной были дежурныя кавалерійскія части:—2-й эскадронъ 10-го драгунскаго Рижскаго полка на высотѣ правѣе позиціи противъ деревни Юриклеръ и 4-й эскадронъ 11-го уланскаго Чугуевскаго полка, у деревни Вербовки лѣвѣе позиціи. Во время артиллерійскаго боя, который продолжался около двухъ часовъ, генералъ-лейтенантъ Татищевъ зорко слѣдилъ за движеніемъ непріятеля, а потому какъ только замѣтилъ, что непріятельская пѣхота стала массироваться у Церковны, тотчасъ послалъ приказаніе 1-й батареѣ 32-й артиллерійской бригады, стоявшей въ центрѣ позиціи, открыть огонь по ней, и батарея это приказаніе исполнила блистательно, такъ какъ своими мѣткими выстрѣлами нанесла такое сильное пораженіе, что турки смѣшались и остановились, ограничившись толь-

ко занятіемъ рощи, находившейся впереди позиціи. Бывшія же въ этой рощѣ три роты 1-го баталіона Пермскаго полка, видя наступленіе турокъ со стороны Церковны, заблаговременно очистили рощу и отошли въ центральные ложементы, дабы не мѣшать центральной батареѣ дѣйствовать противъ наступавшей турецкой пѣхоты. Въ это же самое время начальникомъ отряда посланъ былъ офицеръ въ Серговицы, что около Тырнова, съ приказаніемъ немедленно двинуть на рысяхъ стоявшій тамъ артиллерійскій паркъ черезъ Драганово и Сушицу къ Чаиркіою, дабы на случай продолжительнаго боя отрядъ не остался бы безъ снарядовъ и патроновъ. Для скорости передачи этого приказанія посланному офицеру въ Серговицы разрѣшено было брать верховую лошадь на постахъ военно-летучей почты, устроенной между Тырновымъ и Чаиркіоемъ. Было также отправлено приказаніе и въ Сушицу, гдѣ находился дивизіонный лазаретъ 32-й пѣхотной дивизіи, о немедленномъ прибытіи этого лазарета въ Чаиркіой. Всѣ эти заблаговременныя распоряженія показываютъ, что генералъ-лейтенантъ Татищевъ не терялъ присутствія духа; онъ, напротивъ, съ лицами, составлявшими его штабъ и свиту, шутилъ и толковалъ о разныхъ разностяхъ, — такъ какъ въ началѣ боя, покуда все шло отлично, — первоначальное наступленіе турокъ артиллерійскимъ огнемъ съ центральной батареи было остановлено, а о дальнѣйшемъ движеніи непріятеля ни откуда не получалось донесеній. Даже находились и такія лица, которыя предполагали, что въ этотъ день бой ограничится только одною артиллерійскою стрѣльбою и что больше ничего не будетъ, но вскорѣ послѣдовало разочарованіе ихъ. Въ часъ дня получено было донесеніе, что непріятельская пѣхотная цѣпь, поддержанная сильными резервами, начала дебушировать изъ лѣса, восточнѣе деревни Юриклеръ и охватывать эту деревню съ сѣвера и особенно съ юга, а затѣмъ потѣснивъ 2-й эскадронъ драгунъ, ринулась на 1-ю роту Пермскаго полка, которая содержала передовые посты на правомъ флангѣ позиціи. Командиръ этой роты штабсъ-капитанъ князь Челокаевъ несмотря на свою распорядительность, мужество и хладнокровіе, хотя и встрѣтилъ противника убійственнымъ огнемъ, долженъ былъ начать отступленіе на правый флангъ позиціи въ ложементы, — такъ какъ турки широко охватывали правый флангъ его роты и вмѣстѣ съ тѣмъ уже начали достигать гребня высоты передъ деревнею Юриклеръ, т. е. начали обходить правый флангъ всей позиціи.

Прочитавъ донесеніе о наступленіи непріятеля на правый флангъ и даже въ обхватъ его, ген.-лейтенантъ Татищевъ отдалъ слѣдующія приказанія. Третьему баталіону Курскаго пѣхотнаго полка съ дивизіономъ 4-й батареи 32-й артиллерійской бригады итти какъ можно поспѣшнѣе по Юрикалерской дорогѣ навстрѣчу непріятельской пѣхотѣ, а другому дивизіону этой батареи занять заранѣе устроенную батарею на правомъ флангѣ позиціи, дабы подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня могла отступить въ

ложементы 1-я рота Пермскаго пѣхотнаго полка. Командиру драгунскаго полка полковнику фонъ-Вику со взводомъ № 18-й конной батареи двинуться по направленію къ деревнѣ Киричларъ и броситься на флангъ наступавшаго непріятеля. Чугуевскому уланскому полку съ остальными 4-мя орудіями № 18-й конной батареи подняться на высоту южнѣе деревни Чаиркіой и, служа поддержкой драгунамъ, наблюдать за всею мѣстностью лежащею къ югу и юго-востоку Чаиркіоя, при чемъ непосредственное наблюдёніе за дѣйствіями кавалерійскихъ полковъ возложено на командира этой бригады генералъ-маіора Гильтебрандта. До сихъ поръ начальникъ отряда находился на самой позиціи около центральной батареи, а отдавъ приказаніе о движеніи вышесказанныхъ частей на правомъ флангѣ, генералъ-лейтенантъ Татищевъ перешелъ въ другое мѣсто, откуда можно было бы лично видѣть весь ходъ боя на этомъ флангѣ, особенно на высотѣ восточнѣе Чаиркіоя.

Командиръ 3-го баталіона Курскаго полка, маіоръ Домбровскій, и командиръ 2-го дивизіона 4-й батареи 32-й артиллерійской бригади поручикъ Михайловъ, молодецки исполнили свое дѣло на Юриклерской дорогѣ. Поручикъ Михайловъ вынесся лихо передъ цѣпью 1-й роты Пермскаго полка, и снявъ дивизіонъ съ передковъ, встрѣтилъ непріятеля картечью, чѣмъ было такъ ошеломилъ турокъ, что они было пріостановились, по вскорѣ затѣмъ бросились въ атаку на орудія. Въ эту-то тяжелую для батареи минуту, подоспѣлъ маіоръ Домбровскій со своимъ баталіономъ и Курцы безъ выстрѣла бросились на «ура». Турки такого неожиданнаго натиска невыдержали и побѣжали. Однако, несмотря на то, что 3-й баталіонъ Курскаго полка и отогналъ турокъ назадъ, положеніе его было критическое. Турки, получивъ сильныя подкрѣпленія, начали тѣснить его, напрягая всѣ усилія къ тому, чтобы завладѣть высотами на правомъ флангѣ позиціи. Видя это генералъ-лейтенантъ Татищевъ, двинулъ на правый флангъ еще 1-й баталіонъ Рыльскаго пѣхотнаго и 3-й баталіонъ Невскаго пѣхотнаго полковъ съ 4-ю батареею 26-й артиллерійской бригады, поручивъ вмѣстѣ съ тѣмъ веденіе боя на правомъ флангѣ генералъ-маіору Горшкову.

Въ то время когда бой за высоту на правомъ флангѣ все болѣе и болѣе разгорался, что было въ началѣ третьяго часа дня, получены были донесенія съ лѣваго фланга отъ командира Невскаго полка и 1-й батареи 1-й артиллерійской бригады, что двѣ большія непріятельскія колонны, спустясь съ высотъ западнѣе Церковны, частью направились по лощинѣ къ деревнѣ Вербовкѣ, а частью и на центръ, и что 1-я батарея сильно пострадала и съ трудомъ уже могла держаться на позиціи. Одновременно съ этими донесеніями прибылъ офицеръ и отъ командира Драгунскаго полка, который доложилъ, что полковникъ фонъ-Викъ со своимъ дивизіономъ и двумя орудіями № 18-й батареи при слѣдованіи къ Ки-

ричлару наткнулся на непріятельскую цѣпь, которая двигалась по густому кустарнику, въ обхватъ оконечности нашего праваго фланга. Драгуны спѣшились и подъ прикрытіемъ ихъ выѣхалъ взводъ № 18-й батареи подъ командою штабъ-капитана Адріанова во флангъ непріятельскимъ резервамъ, и сталъ обсыпать ихъ картечными гранатами, отчего турки и подались было назадъ, но, получивъ подкрѣпленіе, снова двинулись впередъ и начали тѣснить драгунъ по направленію къ Чаиркіою.

По полученіи этихъ донесеній, генералъ-лейтенантъ Татищевъ приказалъ двумъ ротамъ 2-го баталіона Курскаго полка слѣдовать на подкрѣпленіе драгунамъ, 1-му баталіону Невскаго полка поддержать 2-й баталіонъ этого полка, и держаться этимъ обоимъ баталіонамъ на лѣвомъ флангѣ во что бы то ни стало, и 3-му баталіону Рыльскаго полка идти для подкрѣпленія центра. Приказаніе Невцамъ держаться на лѣвомъ флангѣ во что бы то ни стало отдано было на томъ основаніи, что около трехъ часовъ дня ожидался еще 102-й пѣхотный Вятскій полкъ изъ Копровицы, который по заранѣе сдѣланному распоряженію, долженъ былъ прибыть въ Чаиркіой 9-го сентября, вмѣсто Невскаго пѣхотнаго полка, а этотъ послѣдній,—хотя его и слѣдовало отправить на присоединеніе къ своей дивизіи также 9-го сентября—былъ задержанъ по случаю происходившаго боя. Послѣ этого начальникъ отряда перемѣнивъ свою ставку, занялъ такое мѣсто, откуда были видны оба фланга позиціи, дабы лично слѣдя затѣмъ, что дѣлается на обоихъ флангахъ, можно было бы посылать въ то или другое мѣсто соотвѣтствующія подкрѣпленія. Хотя выбранное мѣсто для ставки было подъ сильнымъ перекрестнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, но дѣлать было нечего, пришлось оставаться на немъ.

Такимъ образомъ бой началъ возгараться на всемъ протяженіи позиціи, фланги которой кромѣ того подвергались и обходу—лѣвый со стороны деревни Вербовки, а правый даже и въ обхватъ его—съ южной стороны Чаиркіоя. Громъ пушечной пальбы и адскій ружейный огонь между тѣмъ распространялся все сильнѣе и сильнѣе по всей линіи почти на десяти-верстномъ протяженіи. Пули летали около начальника отряда и штаба его, какъ мухи въ знойный день, а артиллерійскіе снаряды, падая близко и врываясь въ землю разрывались тамъ, отчего всѣ близь стоящія около начальника отряда были зачастую обсыпаемы землею. Но въ эти минуты было не до жужжанія и свиста пуль, надо было слѣдить за тѣмъ, какъ по мѣрѣ прибытія на правый флангъ 1-го баталіона Рыльскаго и 3-го баталіона Невскаго пѣхотныхъ полковъ съ 4-ю батареею 26-й артиллерійской бригады, бой тамъ усиливался и высота, которою турки непремѣнно хотѣли овладѣть, переходила нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки. Видя такое колебаніе боя, генералъ-лейтенантъ Татищевъ направилъ туда еще второй баталіонъ 101-го пѣхотнаго Пермскаго полка, съ прибытіемъ котораго всѣ дравшіеся тамъ войска, поддер-

жанные сильнѣйшимъ огнемъ двѣнадцати орудій, съ крикомъ «ура» бросились впередъ и непріятель обратился въ бѣгство въ деревню Юриклеръ, въ которую ворвались и наши по слѣдамъ непріятеля, но турки уже и тамъ не рѣшились оказывать сопротивленія, а потянулись къ деревнѣ Касабино, преслѣдуемые огнемъ съ нашей стороны.

Полковникъ фонъ-Викъ, получивъ подкрѣпленіе изъ двухъ ротъ Курскаго полка и поддержанный дивизіономъ уланъ съ четырьмя колесными орудіями, перешелъ также въ наступленіе и отбросилъ непріятеля къ деревнѣ Киричларъ, а затѣмъ присоединился къ войскамъ праваго фланга. Дальнѣйшее же преслѣдованіе непріятеля на этомъ флангѣ послѣ отступленія турокъ прекращено было въ ожиданіи результатовъ боя на лѣвомъ флангѣ позиціи,—такъ какъ въ то время, именно около четырехъ часовъ дня, непріятель продолжалъ смѣло подвигаться къ деревнѣ Вербовкѣ и уже началъ подходить къ окраинѣ ея. Вслѣдствіе этого бой на правомъ флангѣ совершенно прекратился въ пять часовъ вечера. Успѣху этого боя весьма много способствовали распорядительность и хладнокровіе генералъ-маіоровъ Горшкова и Гильтенбрандта.

Когда ясно уже было видно, что бой на правомъ флангѣ принималъ хорошій оборотъ, вслѣдствіе начатія отступленія турокъ, тогда все вниманіе начальника отряда обращено было на Вербовку, со стороны которой долженъ былъ показаться 102-й пѣхотный Вятскій полкъ, — такъ какъ турецкая цѣпь уже стала приближаться къ виноградникамъ, которые были сѣвернѣе Вербовки, а между тѣмъ 1-я батарея, 1-й артиллерійской бригады, какъ выше было сказано, съ трудомъ держалась на позиціи. Командиръ батареи контуженъ, два офицера ранены, два орудія подбиты, понесены серьезныя потери въ людяхъ и лошадяхъ, почему начальникомъ отряда и приказано было генеральнаго штаба капитану Пневскому привести изъ резерва 1-ю батарею 26-й артиллерійской бригады и поставить ее при 1-мъ баталіонѣ Невскаго пѣхотнаго полка, что и было имъ исполнено подъ сильнымъ огнемъ непріятеля.

Между тѣмъ турецкая пѣхота направлялась и на нашъ центръ, противъ которой дѣйствовала съ большимъ успѣхомъ 1-я батарея 32-й артиллерійской бригады, а на лѣвомъ флангѣ непріятельская цѣпь уже заняла виноградники и входила въ окраину селенія Вербовки. Невцы было уже стали очищать и виноградники, и деревню Вербовку, 1-я батарея 26-й артиллерійской бригады вынуждена была подъ непріятельскимъ ружейнымъ огнемъ отойти назадъ на новую позицію къ самому Чаиркіою. Положеніе двухъ батальоновъ Невскаго полка было трудное, но въ это самое время показалась пѣхота, идущая въ походномъ порядкѣ по направленію къ Вербовкѣ съ юго-западной стороны,—то шелъ давно ожидаемый Вятскій полкъ. Появленіе этого полка на горизонтѣ возбудило оживленный разговоръ между лицами, составлявшими штабъ и свиту начальника отряда

и вмѣстѣ съ тѣмъ разныя предположенія объ исходѣ боя на лѣвомъ флангѣ,—какъ вдругъ неожиданно для всѣхъ одна граната упала между начальникомъ отряда и начальникомъ штаба и, зарывшись въ землю, разорвалась, обсыпавъ всѣхъ землею. На нѣсколько мгновеній все замолкло,—повидимому всѣ были ошеломлены, но вскорѣ оказалось, что вышло «много шуму изъ пустяковъ»—никто не былъ ни убитъ, ни раненъ. Генералъ-лейтенантъ Татищевъ нисколько не былъ смущенъ этимъ случаемъ и совершенно хладнокровно отдалъ приказаніе генеральнаго штаба капитану Андрееву, чтобы онъ ѣхалъ рысью на встрѣчу Вятскому полку и направилъ бы одинъ батальонъ въ виноградники, а другой въ деревню Вербовку. Пока дошло это приказаніе, ружейная пальба на лѣвомъ флангѣ болѣе и болѣе усиливалась, и турки уже съ двухъ сторонъ вступали въ Вербовку, но какъ только 2-й батальонъ Вятцевъ вступилъ въ Вербовку, а 1-й батальонъ, обоидя непріятеля со стороны виноградниковъ, кинулись на турокъ, они тотчасъ начали отступать, при чемъ отраженію непріятельской атаки много способствовала 1-я батарея 26-й артиллерійской бригады, стоявшая у самаго Чаиркіоя. Такимъ образомъ и на лѣвомъ флангѣ турки были отброшены.

Вскорѣ послѣ натиска турокъ на Вербовку они двинулись въ атаку и противъ центральныхъ укрѣпленій, но тутъ наступленіе было принято только однимъ огнемъ нашей артиллеріи, такъ какъ роты занимавшія центральные ложементы, по приказанію командира 126-го пѣхотнаго Рыльскаго полка полковника Саранчова, не открывали огня по непріятелю, что производило такое сильное впечатлѣніе на турокъ, что они, недоходя шаговъ на 400 къ нашимъ ложементамъ, въ паническомъ страхѣ обращались назадъ. Артиллерійскій и ружейный огонь продолжался почти до 8 часовъ вечера.

Когда, во время атаки турокъ на центральные ложементы, въ нашей пѣхотѣ къ концу боя нехватало патроновъ, ящики съ которыми находились довольно далеко отъ укрѣпленій, и когда оттуда посланные солдаты бѣжали къ ящикамъ и просили поскорѣе прислать патроновъ, тогда состоящій ординарцемъ при начальникѣ отряда 11-го уланскаго Чугуевскаго полка поручикъ Добровольскій-Михайловъ, видя какъ разбирались патроны и зная, что пока ихъ донесутъ пѣшкомъ пройдетъ много времени, позвалъ къ себѣ нѣсколькихъ конныхъ вѣстовыхъ и приказалъ имъ взять патроновъ въ саквы, мѣшки и карманы, сколько возможно было, а затѣмъ самъ также набравъ патроновъ, поскакалъ съ ними въ самые ложементы, не смотря на сильный артиллерійскій и ружейный огонь. Такимъ способомъ поручикъ Добровольскій нѣсколько разъ снабжалъ пѣхотныя части, сидѣвшія въ ложементахъ, патронами, что конечно способствовало тому, что наша пѣхота не переставала встрѣчать турокъ убійственнымъ огнемъ,—когда нѣкоторые изъ нихъ рѣшались приближаться къ ложементамъ ближе, нежели на 400 шаговъ.

По окончательномъ отбитіи турецкой атаки въ центрѣ, бой совершенно окончился, что было въ 8 часовъ вечера. Поэтому генералъ-лейтенантъ Татищевъ, принимая во вниманіе позднее время и утомленіе нашихъ войскъ, которыя дрались цѣлый день, а главное крѣпкую позицію занятую непріятелемъ и массы резервовъ, которые небыли введены въ бой, не преслѣдовалъ, а въ ожиданіи новаго наступленія турокъ ночью, или рано утромъ на другой день, приказалъ всѣмъ войскамъ отряда ночевать на своихъ мѣстахъ на позиціи. Кромѣ того по окончаніи боя немедленно приказано было командиру Пермскаго полка полковнику Прокопе съ шестью ротами занять рощу передъ фронтомъ позиціи, что имъ и было выполнено безъ всякаго со стороны непріятеля противодѣйствія. Слѣдовательно ни одна часть поля сраженія не была уступлена туркамъ, не смотря на сильное желаніе ихъ сбить во что бы то ни стало наши войска съ занимаемой ими мѣстности, чтобы открыть себѣ свободный доступъ къ Тырнову.

Потери наши состояли: убито 4 офицера и 84 нижнихъ чиновъ и ранено—21 офицеръ и 391 нижній чинъ. Кромѣ того безъ вѣсти пропалъ одинъ человѣкъ и убито и ранено 42 лошади. Потеря непріятеля была гораздо болѣе нашей,—такъ какъ турками оставлено было на полѣ сраженія однихъ убитыхъ до 800 тѣлъ. По показанію же взятыхъ въ плѣнъ трехъ раненыхъ турокъ дѣйствовали противъ нашего отряда двѣ пѣхотныя дивизіи подъ начальствомъ принца Гассана, но кромѣ войскъ введенныхъ въ дѣло, видны были на ближайшихъ высотахъ у Касабино и Осиково массы резервовъ, которыя въ бою неучаствовали, а по показанію плѣнныхъ, взятыхъ 15 сентября, общая потеря турокъ простиралась до 3,000 человѣкъ.

Послѣ сраженія, турки на другой день прислали парламентера, чтобы позволено было имъ похоронить брошенныя ими тѣла передъ фронтомъ позиціи. Просьба эта была уважена и найденныя тѣла убитыхъ турокъ при помощи нашихъ солдатъ переданы были турецкимъ санитарамъ для погребенія. Въ виду этого обстоятельства начальникомъ отряда 10-го сентября, приказано было войскамъ возвратиться на свои бивуаки, оставивъ попрежнему только дежурныя части. Турки между тѣмъ продолжали оставаться въ укрѣпленной своей позиціи, которую даже начали усиливать новыми укрѣпленіями, а по ночамъ стали тревожить наши передовые посты,—такъ въ ночь на 12-е сентября у деревни Вербовки была перестрѣлка, вслѣдствіе которой у насъ былъ смертельно раненъ одинъ человѣкъ. Вслѣдствіе же усиленія турками своей позиціи начальникомъ отряда приказано было возвести укрѣпленія и на высотахъ, которыя находились на флангахъ нашей позиціи, именно на высотѣ противъ деревни Юриклеръ и на высотѣ у деревни Вербовки. Независимо отъ того по прежнему посылались разъѣзды, которые до 13-го сентября доходили только до деревни

Юриклеръ и до высотъ у деревни Церковны, но 13-го сентября они прошли Юриклеръ безпрепятственно и продвинулись до самой деревни Касабино, гдѣ уже турецкаго лагеря не оказалось. Въ тотъ же день въ полдень, т. е. 13-го сентября послѣ сильнаго тумана замѣчено было, что турокъ и на своихъ позиціяхъ у Церковны невидно, почему посланы были разъѣзды по направленіямъ къ Осиково и Водицѣ, которые донесли, что и Осиковскій лагерь брошенъ турками и что деревня Водица незанята и только по направленію къ Ковалицѣ видны были непріятельскіе кавалерійскіе пикеты. Поэтому въ виду общаго отступленія турокъ приказано было 15-го сентября обоимъ полкамъ 1-й бригады 11 кавалерійской дивизіи послать усиленные разъѣзды и узнать расположеніе непріятеля послѣ отступленія. По возвращеніи разъѣздовъ оказалось, что главныя силы турокъ находились у деревни Попкіоя, имѣя передовые отряды у Омуркіоя и Карагача, а на высотахъ у Касабино и передъ Ковачицею ковалерійскую цѣпь съ поддержками, причемъ разъѣздами 11-го Уланскаго Чугуевскаго полка захвачено было въ брошенномъ турками лагерѣ у Водицы 15 закупоренныхъ ящиковъ съ патронами, 5 ящиковъ съ ракетами, нѣсколько палатокъ, много шанцеваго инструмента, нѣсколько круговъ телеграфной проволоки, до 50 ружей и значительный запасъ зерноваго фуража, а также и нѣсколько плѣнныхъ.

Вообще можно утвердительно сказать, что по количеству брошеннаго непріятелемъ оружія, фуража и множества различныхъ военныхъ принадлежностей, удаленіе турокъ послѣ пораженія ихъ подъ Чаиркіоемъ и Церковной должно считать поспѣшнымъ отступленіемъ. А что дѣйствительно результатомъ дѣла подъ Чаиркіоемъ, было общее отступленіе турокъ не только отъ Церковны, но и отъ другихъ пунктовъ, бывшихъ занятыхъ ими противъ войскъ Рущукскаго отряда, то доказательствомъ тому можетъ служить телеграмма начальника штаба этого отряда генералъ-адъютанта Ванновскаго, къ командиру 11-го корпуса, въ которой говорилось, что послѣдствіемъ дѣла подъ Чаиркіоемъ, было отступленіе турокъ по всей линіи Банницкаго Лома. Наконецъ телеграмма бывшаго Главнокомандующаго дѣйствующей арміи Великаго Князя, которою Его Императорское Высочество, поздравилъ начальника отряда генералъ-лейтенанта Татищева въ день годовщины Церковенскаго сраженія 9-го сентября 1878 г., разъясняетъ, что 9-го сентября 1877 г. турки производили не рекогносцировку Чаиркіойской укрѣпленной позиціи, какъ многіе полагали, а напротивъ атаковали превосходными силами съ цѣлью пробиться для дальнѣйшаго движенія къ Тырнову, и вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаетъ, что сраженіе подъ Чаиркіоемъ и Церковной было не изъ маловажныхъ въ минувшую кампанію, и что результатъ этого дѣла былъ блистательный.

Эта телеграмма Великаго Князя слѣдующая: «Поздравляю тебя съ годовщиною славнаго боя подъ Церковною, гдѣ ты удержалъ натискъ,

и нанесъ такое сильное пораженіе туркамъ, что они очистили всю мѣстность до Разграда и Османъ-Базара. Отъ души спасибо тебѣ за все, отъ твоего стараго Главнокомандующаго. Николай».

И такъ, смѣло можно сказать, какъ видно изъ всего сказаннаго, что турки понесли такое жестокое пораженіе подъ Церковною, что принуждены были отступить по всей линіи, не воспользовавшись ни выгодами положенія, ни превосходствомъ своихъ силъ.

Въ заключеніе описанія сраженія подъ Чаиркіоемъ и Церковною, слѣдуетъ сказать еще, что послѣ этого сраженія, именно 13-го сентября, начальникъ отряда генералъ-лейтенантъ Татищевъ слѣдующимъ приказомъ по отряду, объявилъ свою благодарность всѣмъ участвовавшимъ въ бою. «Войска ввѣреннаго мнѣ отряда! 9-го сентября турки въ превосходныхъ силахъ атаковали насъ съ центра и обоихъ фланговъ. Но тщетны были ихъ усилія! Вы встрѣтили врага такъ, какъ это подобаетъ русскимъ войскамъ,—и турки отступили, оставивъ на мѣстѣ до восьмисотъ тѣлъ.

«Я счастливъ, что командовалъ вами и что теперь могу отдать должное вашей храбрости и стойкости.

«Благодарю прежде всего ближайшихъ моихъ помощниковъ генералъ-маіоровъ Горшкова и Малахова и начальника моего штаба полковника Баіова, за распорядительность и мужество. Благодарю полковыхъ командировъ за то, что служили примѣромъ подчиненнымъ, а также и всѣхъ баталіонныхъ, дивизіонныхъ, ротныхъ и эскадронныхъ командировъ, офицеровъ генеральнаго штаба, всѣхъ господъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Всѣ безъ исключенія исполнили свое дѣло честно, на славу Престола и Отечества. Бывшимъ же на перевязочномъ пунктѣ врачамъ за неутомимые труды при уходѣ за ранеными, объявляю мою признательность».

16-го же сентября была отслужена панихида по убитымъ въ этомъ дѣлѣ, а 18-го сентября благодарственное молебствіе по случаю отраженія турокъ, и былъ назначенъ большой церковный парадъ.

Ловча.

(Изъ воспоминаній о войнѣ 1877—78 годовъ).

Усматривая изъ разныхъ статей въ періодическихъ журналахъ, а также и отдѣльныхъ изданій, относящихся къ нынѣшней войнѣ, недостатокъ подробнаго описанія взятія Ловчи, я пытаюсь за оное взяться. Всѣ какъ-то глухо и крайне поверхностно сообщаютъ объ этомъ фактѣ, который былъ весьма важенъ для послѣдующихъ операцій нашихъ войскъ. Еще дѣйствія на лѣвомъ нашемъ флангѣ Ловчинскаго отряда все-таки мало-мальски извѣстны, но о правомъ флангѣ—ни слуху, ни духу, какъ будто бы никого тамъ не было съ нашей стороны. Тамъ же тихо и спокойно, но сильно дѣйствовали. Поэтому-то я главнымъ образомъ и хочу сообщить о томъ, какую роль игралъ нашъ правый флангъ въ сраженіи подъ Ловчей 22-го августа 1877 года.

. . . .

Жаркій, палящій день 21-го августа сильно изнурилъ солдатъ, и безъ того изнуренныхъ предшествующимъ форсированнымъ маршемъ на Шибку. Разстегнутые вороты гимнастическихъ рубахъ, мокрые отъ поту лбы и шеи солдатъ и печальныя физіономіи ихъ—показывали какъ трудно имъ достался этотъ переходъ. Но наконецъ добрели до какихъ-то виноградниковъ и сдѣлали привалъ. Конечно, сейчасъ же все кинулось къ винограду, чтобъ утолить жажду (воды, пока не простынутъ не давали). Между тѣмъ отдали приказъ варить пищу здѣсь же немедленно и чтобъ къ вечеру она была готова. Я какъ только освободился отъ служебныхъ обязанностей, сейчасъ же отправился на позиціи, занимаемыя отрядомъ Скобелева 2-го, чтобъ хорошенько осмотрѣть мѣсто для расположенія полка, который долженъ былъ сюда придти какъ только стем-

нѣетъ. Дорога все шла шоссейная и перерѣзывала гору, покрытую сплошь виноградниками. Наконецъ, дойдя до лощины, гдѣ устроился перевязочный пунктъ, я остановился, чтобъ узнать, въ какомъ мѣстѣ находится «Рыжая гора», у подошвы которой намъ (т. е. Ревельскому полку) слѣдовало расположиться. Тутъ же въ первый разъ увидалъ я ампутацію: отрѣзывали ногу раненому на работѣ. Скверное впечатлѣніе производитъ на человѣка, ожидающаго боя, подобная сцена; а тамъ, дальше, что-то покрыто шинелями и солдатики яму роютъ. Но изъ этого непріятнаго созерцанія меня вывелъ дружный откликъ казаковъ кавказской бригады на поздоровканіе генерала Скобелева. Совершенно другое чувство овладѣло мной при видѣ молодцоватыхъ фигуръ казаковъ и Скобелева, начинавшаго уже пріобрѣтать популярность между войсками. Генералъ, увидя меня, обратился ко мнѣ:

— Что далеко еще ваша дивизія?

Я объяснилъ ему, гдѣ остановились мы и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ его указать «Рыжую гору». Оказалось, что я былъ только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея. Тутъ подошли ко мнѣ нѣсколько офицеровъ Казанскаго полка и спрашивали: сколько идетъ еще сюда за нами войскъ, не слыхалъ ли я, что будутъ завтра брать Ловчу или нѣтъ, и много другихъ подобныхъ вопросовъ; видно, что всѣхъ занимала одна мысль — сраженіе. Я еще сходилъ на верхъ въ траншеи и съ какимъ-то душевнымъ трепетомъ подходилъ къ настоящимъ боевымъ мѣстамъ. Идешь впередъ и чѣмъ ближе, тѣмъ все больше и больше одолѣваетъ любопытство, смѣшанное со страхомъ. А когда подойдешь и вскочишь въ траншею, то какъ будто камень съ плечъ свалился, такъ и хочется, чтобъ турки пострѣляли. Конечно, подобныя ощущенія являются только въ первые разы, а потомъ, какъ напримѣръ подъ Плевной, во время осады, такъ въ траншею идешь какъ будто бы въ свою землянку, гдѣ все равно также убивали, какъ и въ траншеяхъ.

Но скорѣе къ дѣлу. Пока я ходилъ къ траншеямъ, стало уже темнѣть. Я только что сошелъ съ позиціи и отправился назадъ, какъ вдругъ впереди меня по дорогѣ показываются наши солдаты.

— Вы куда?

— Да на позицію идемъ ваше благородіе; весь полкъ идетъ.

Я побѣжалъ поскорѣе впередъ, а тутъ точно нарочно безпрестанно останавливаютъ съ вопросами о томъ, куда идти, да гдѣ остановимся. Наконецъ я встрѣтилъ свой баталіонъ и къ великой моей радости нашелъ лошадь, благодаря чему я во-время успѣлъ указать полку мѣсто расположенія его.

Шли тихо и безъ разговору; все было вычищено и пригнано, какъ на смотръ. Впереди ѣхали баталіонные командиры и отдавали приказанія тоже въ полголоса. Только одинъ командиръ, весьма крикливый и бран-

чивый господинъ, изрѣдка прорывался и испускалъ хриплый крикъ, что сильно выдавало его присутствіе въ полку. Но вотъ мы пришли на мѣсто; встали въ боевую колонну, ружья въ козлы составили, и всѣ улеглись спать. Костровъ, палатокъ и т. п. принадлежностей бивуака и помину не было, все дѣлалось въ глубокой тайнѣ. Сейчасъ же было приказано цѣпь выставить впереди позицій, и ночныхъ, причемъ полковникъ сильно хлопоталъ, чтобъ въ цѣпи не было много татаръ; мало онъ на нихъ разсчитывалъ, и какъ оказалось подъ Плевной, онъ не совсѣмъ на этотъ счетъ ошибался. Но этого избѣгнуть было трудно, такъ какъ татаръ въ нашей дивизіи было больше половины.

Вотъ наступила ночь,—ночь передъ боемъ; что это за время, трудно описать: все какъ будто спитъ; вездѣ тишина, развѣ гдѣ слышится сдержанный шепотъ или паденіе ружей въ козлахъ; но всмотритесь поближе, и увидите, что никто не спитъ, всякій въ своей головѣ перебираетъ прошлое и думаетъ о завтрашнемъ днѣ. Да! взглянешь на поле, усѣянное людьми, и что-то стукнетъ въ сердцѣ, и больно, больно отзовется въ душѣ. Это не трусость, не жуткость, а новое какое-то чувство, оно испытывается только передъ боемъ. Много ли завтра опять такъ заснетъ или уже другимъ сномъ, вѣчнымъ сномъ, невольно дѣлалъ я себѣ вопросъ. Но изъ этого размышленія меня вывели слова вѣстоваго:

— Ваше благородіе, васъ требуетъ командиръ полка!

Я сейчасъ же вскочилъ на ноги и явился къ командиру полка, сидѣвшему съ другимъ командиромъ полка внизу бивуака.

— Что прикажете? обратился я къ полковнику П...

— Тово, батенька! сейчасъ же отправляйтесь къ князю Имеретинскому и узнайте, что намъ дѣлать и какія будутъ приказанія?

— Слушаюсь! и я поскакалъ стремглавъ къ ставкѣ начальника дивизіи и вмѣстѣ съ тѣмъ начальника отряда. Тамъ я уже нашелъ пропасть конныхъ офицеровъ, тоже пріѣхавшихъ за приказаніями, которыя диктовались сидѣвшимъ тутъ же полковникомъ Паренцовымъ.

Я дождался очереди и списалъ приказанія и диспозицію боя, изъ которой узналъ, что нашъ полкъ въ резервѣ. Между прочимъ узналъ, что отрядъ состоитъ приблизительно тысячъ изъ тридцати и что первою начнетъ бой 3-я стрѣлковая бригада Добровольскаго въ шесть часовъ утра. Много было тамъ разныхъ разговоровъ и предположеній, и хотя всѣ были озабочены, но веселы, не то что подъ Плевною, гдѣ еще передъ боемъ физіономіи у всѣхъ были самыя ненадежныя. Я теперь окончательно вѣрю въ предчувствіе передъ сраженіемъ, такъ напримѣръ, кому быть убитымъ, тотъ постоянно разочарованъ и впередъ скажетъ: «что мнѣ не вернуться съ боя». Я знаю массу такихъ примѣровъ; но, впрочемъ, объ нихъ я упомяну отдѣльно.

*

Наконецъ, получивъ все что мнѣ надо было, я поѣхалъ назадъ. Жутко было одному ѣхать ночью въ горахъ, а тутъ еще выстрѣлы изрѣдка раздаются и невольно припоминается разсказъ офицера 16-й дивизіи, какъ баши-бузуки захватили въ плѣнъ—хотя и въ тылу своихъ войскъ—отставшихъ солдатиковъ. А смерть не такъ страшна, какъ плѣнъ у турокъ. Пріѣхавъ къ полку, я передалъ все и легъ немного заснуть, чувствуя сильную усталость; но я ошибся въ разсчетѣ: пришлось встать не сомкнувъ глазъ.

Нѣсколько ротъ всю ночь проработали, втаскивая орудія на гору и какъ только чуть забрезжило утро, такъ открыли пальбу изъ батарей. Турки сначала не отвѣчали, но потомъ стали тоже пускать гранаты и насъ передвинули лѣвѣе, гдѣ сгруппировалась вся дивизія. Недолго намъ пришлось ждать, не смотря на то, что Ревельскій полкъ былъ по диспозиціи назначенъ въ резервъ, его скорѣе другихъ полковъ двинули въ дѣло.

Это случилось такъ: 3-я стрѣлковая бригада начала дѣло съ праваго нашего фланга вмѣстѣ съ сводною гвардейскою полуротою, согласно приказанію, въ шесть часовъ утра, и быстро наступала. Конечно, какъ и всегда бываетъ, что отдается приказаніе занять такое-то мѣсто и ждать общей атаки. Но вслѣдствіи сильнаго увлеченія, генералъ Добровольскій, какъ онъ и самъ потомъ сознался передъ смертью, не выдержалъ, и началъ атаку ранѣе срока, т. е., на сколько помню, трехъ часовъ по полудни. Турки, замѣтивъ малое количество войскъ, почти всѣми силами обрушились на несчастную бригаду и такъ же скоро стали отнимать свои позиціи, на сколько скоро мы ихъ заняли. Сильно стали убывать солдаты и офицеры; курганчикъ съ шалашомъ, откуда стрѣлки громили турецкія траншеи, опять перешелъ въ руки турокъ. Паническій страхъ сталъ появляться между такимъ образцовымъ войскомъ, какъ стрѣлки.

Да, минута была тяжелая! Послано за подкрѣпленіемъ, но подкрѣпленіе обѣщано не раньше, какъ черезъ два часа, а роты таютъ и таютъ какъ воскъ; въ нѣкоторыхъ ротахъ уже нѣтъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ тоже мало осталось.

Между тѣмъ Ревельскій полкъ получилъ черезъ начальника штаба дивизіи приказаніе, какъ можно скорѣе идти на помощь къ генералу Добровольскому. Полкъ сейчасъ же выстроился: «шапки долой!» перекрестились и маршъ въ дѣло. Пріятна и жутка такая минута; надо было посмотрѣть на лица солдатъ, когда они снявши шапки крестились; какое-то благоговѣніе выразилось на нихъ. Дѣйствительно, святая минута!

— Носилки не забыть и чтобъ докторъ шелъ съ нами, скомандовалъ полковникъ.

Потянулась сквернѣйшая дорога, по узкой лощинѣ, совершенно заросшей мелкимъ кустарникомъ и на днѣ которой, журчалъ ручей сильно мѣшавшій солдатамъ сохранять порядокъ строя.

Въ концѣ концовъ все разстроилось и перемѣшалось; шли какъ попало, только бы поскорѣе пройти эту мучительную лощину. Наконецъ выбрались на виноградникъ и стали стягиваться; но провожавшій насъ ординарецъ Добровольскаго умаливалъ командира полка скорѣе трогаться, чтобъ спасти бригаду. Отсюда я былъ посланъ предупредить генерала, что мы идемъ и близко, такъ сказать—поддержать духъ. Я поскакалъ и скоро достигъ мѣста боя. Первое что мнѣ попалось, такъ это была издыхающая лошадь съ распоротымъ брюхомъ. Экстренная вещь; много потомъ я видѣлъ умирающихъ людей и лошадей, но никогда не чувствовалъ такой жалости, какъ глядя на эту лошадь. Вотъ что значитъ не привыкнуть еще. Меня встрѣтилъ братъ художника Верещагинъ, убитый потомъ подъ Плевною, и умолялъ ради Бога поторопить полкъ, иначе все пропадаетъ по напрасну. Я удивился сначала, увидя человѣка въ штацкомъ костюмѣ на полѣ битвы. Но онъ замѣтивъ мое удивленіе пояснилъ, что онъ въ качествѣ волонтера и тутъ же прикрикнулъ на Кубанскихъ казаковъ, ѣдущихъ не спѣша за приказаніями къ начальнику отряда.

Добровольскаго я не могъ видѣть, онъ былъ внизу и некому было проводить меня, но Верещагинъ хотѣлъ ему сейчасъ же передать, что полкъ идетъ. Дѣйствительно вдали показался бѣлый околышъ кепи, а за нимъ еще и еще и наконецъ и часть самаго полка. Порядка баталіоновъ не существовало, а шли впереди только самые сильные и выносливые; а въ хвостѣ, который далеко, далеко тянулся сзади, шелъ всякій сбродъ, преимущественно татары. Въ это время генералъ Добровольскій появился около гвардейской батареи.

Со всѣхъ сторонъ подступили къ нему съ донесеніями и просьбами, такъ что онъ не зналъ, что дѣлать и суетился то крайности. Но вотъ онъ увидѣлъ столь желанное подкрѣпленіе и, не давъ отдохнуть полку, въ краткихъ словахъ объяснилъ въ чемъ дѣло, скомандовалъ «ружья вольно» и двинулъ толпу солдатъ внизъ оврага. Не знаю, догадался ли кто или такъ случайно, но очень кстати было сдѣлано, что посланъ былъ полкъ съ бѣлымъ околышомъ, потому, что турки, какъ увидѣли новыхъ солдатъ (стрѣлки съ черными кепи) то почти безъ выстрѣла стали отступать и мы заняли прежнія мѣста. Здѣсь былъ одинъ эпизодъ характеризующій турокъ въ бою и мстительность солдатъ за товарищей. Нѣсколько солдатъ, перебѣгая лощину, увидѣли раненыхъ турокъ, изъ которыхъ иные были съ ружьями. Минуя ихъ, одинъ унтеръ-офицеръ близко поровнялся съ лежавшимъ туркомъ, у котораго все лицо было въ крови,—вымазано. А надо сказать, что еще во время похода нашего въ дѣйствующую армію, встрѣчаемые нами раненые солдаты предупреждали нашихъ, что турки вымазываютъ себѣ лицо кровью, чтобъ показаться ранеными и стрѣляютъ взадъ солдатамъ. Такъ было и тутъ: когда этотъ унтеръ-офицеръ поровнялся съ лежавшимъ туркомъ, то одинъ солдатъ крикнулъ

ему: «приколи турку-то, онъ притворяется,» — «лежачихъ не бьютъ,» отвѣчалъ унтеръ, но въ это самое время, когда онъ хотѣлъ идти дальше, турокъ вскакиваетъ на ноги и бацъ солдата по головѣ прикладомъ; тотъ упалъ; не знаю, живъ остался или нѣтъ. Видѣвшіе это солдаты кинулись на турка, обезоружили его, и снявъ съ находящагося тутъ шалаша соломенную крышу, завернули турка въ нее и зажгли.

Между тѣмъ около меня составилась порядочная куча, изъ которой я составилъ взводъ и повелъ къ полку. Масса раненыхъ встрѣчалась мнѣ, но Ревельцевъ еще не было, что меня ужасно радовало, и я съ какимъ-то страхомъ вглядывался въ убитыхъ думая, что вотъ-вотъ бѣлый околышь покажется. Но скоро все мое вниманіе было сосредоточено на курганы, около которыхъ собрался нашъ полкъ, и я быстро побѣжалъ туда, не обращая вниманія на усталость и страшную жару. Солдаты, уже не отставая слѣдовали за мной и мы скоро увидѣли двѣ роты лежавшія на гребнѣ ската и составлявшія резервъ полка; впереди собралось два батальона, а стрѣлки уже спустились съ горы и переходили рѣчку. Какъ только мы показались изъ-за гребня горы и намѣревались перебѣжать открытое мѣсто, какъ турки пустили градъ пуль. Это были первыя пули мною слышанныя, почему я невольно нагнулся и схватился рукой за ухо: какая-то около самой головы прошипѣла. Подъ деревомъ я нашелъ командира полка и нѣсколько офицеровъ, за самымъ курганомъ—лежавшій батальонъ. Солдатики сгрупировались около только что убитаго осколкомъ гранаты въ голову, унтеръ-офицера 8-й роты. Это былъ первый убитый у насъ и потому на него смотрѣли съ какимъ-то благоговѣніемъ, какъ на мученика. Съ кургана открывался видъ на все мѣсто сраженія, и можно было видѣть, какъ на лѣвомъ флангѣ Калужцы спускались къ рѣчкѣ и какъ пули, падая на песокъ, подымали пыль; но убитыхъ еще не видно было. Но когда за Калужцами двинулись Либавцы, и полки, вступивъ въ рѣку, стали переходить ее въ бродъ, раненыхъ появилось множество и вскорѣ вся рѣчка покрылась черными предметами, уносившимися быстрымъ теченіемъ внизъ. Черные предметы были тѣла убитыхъ, которые на глубокомъ мѣстѣ уносились теченіемъ и прибивались къ берегу. Эстляндскій полкъ и батальонъ Либавскаго были во второй линіи и занимали деревню, а 3-я дивизія стояла въ резервѣ. Нашъ полкъ не долго стоялъ въ бездѣйствіи, какъ только стрѣлки, которыхъ мы поддержали, по немногу отступили, то высланы были нами стрѣлковыя роты; а потомъ по немногу рота за ротой вводились въ бой и остальныя. Бой разгорался все больше и больше. Первая бригада уже перешла рѣчку и быстро подвигалась къ мельницѣ, казаки въ это время обскакивали тылъ редута и группами человѣкъ по десяти, выскакавъ изъ-за плетня виноградниковъ, скакали къ новому прикрытію и такимъ образомъ обхватывали турокъ съ пути отступленія

ихъ. Донская батарея, смѣло заскакавъ съ Плевненскаго шоссе, поражала турокъ въ самомъ редутѣ мѣткимъ огнемъ, слѣды котораго послѣ взятія Ловчи рѣзко бросились въ глаза, — мѣсто около редута все было усѣяно трупами бѣжавшихъ отъ четырехъ-фунтовыхъ станичниковъ. Пѣшая же артиллерія, занявъ командовавшія высоты, била по всѣмъ направленіямъ. Наконецъ и Эстляндскій полкъ былъ двинутъ въ дѣло; но вяло веденный замѣшался и готовъ былъ дрогнуть, когда генералъ Скобелевъ подскакалъ и, выравнявъ полкъ, сталъ командовать подъ огнемъ ружейныя пріемы. Но вотъ уже дрогнули первыя турецкія траншеи и кой-гдѣ крикъ «ура!», смѣшанный съ трескотней стрѣльбы, возвѣщалъ частную побѣду. Былъ второй часъ дня, когда турки прекратили орудійную стрѣльбу, а участили ружейную, которая по временамъ переходила въ смѣшанный звукъ, а иногда на моментъ прекращалась почти совершенно. Но вообще стрѣльба (т. е. турецкая) ужасно походитъ на звукъ кровельщиковъ, когда они деревянными молотками бьютъ по желѣзнымъ листамъ. Такъ что, бывало, когда стрѣльба участится, то солдаты говорятъ: «ишь кровельщики ужъ зачали работать».

Нашъ полкъ весь вступилъ въ дѣло; роты перемѣшались и все слилось въ общій хаосъ: нельзя было разобрать какая рота, какой баталіонъ, да и какой даже полкъ, потому что стрѣлки, ободренные нашимъ успѣхомъ, не долго отдыхали и снова мало-по-малу вступили въ дѣло. Мѣстами офицеръ ведетъ человѣкъ двадцать — тридцать, а унтеръ— шестьдесятъ—сто человѣкъ, или ротный счелъ за лучшее составить изъ себя резервъ, а субалтернъ ведетъ большую часть роты, такъ что въ концѣ боя солдаты первой линейной роты попали въ первую стрѣлковую, а послѣдней—въ третью линейную и т. п. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ вышелъ слѣдующій казусъ: командиръ одной изъ стрѣлковыхъ ротъ представилъ къ ордену больше солдатъ чужихъ ротъ, чѣмъ своихъ. Это вышло потому, что рота эта въ концѣ боя находилась въ самомъ впереду, а отчаянные всѣхъ ротъ конечно тоже очутились впереди. Такъ всегда бываетъ въ бояхъ, что цѣльныхъ ротъ не существуетъ, а выходитъ сборъ, и впереди, конечно, эсенція храбрыхъ, а позади—трусливыхъ. Въ то время, какъ наши солдаты выбивали изъ траншей, расположенныхъ уже около самаго редута, Калужцы и Либавцы перешли плотину около мельницы и лѣзли въ самый редутъ.

Теперь бой былъ въ самомъ разгарѣ и солдаты, какъ говорится, вошли во вкусъ и имъ уже нѣтъ удержу; все смѣшалось и стремилось только скорѣй все впередъ и впередъ. Разные эпизоды являлись въ этотъ періодъ боя, которыхъ нельзя здѣсь пропустить. Такъ, напримѣръ, Калужскаго полка капитанъ Д... былъ сильно раненъ и упалъ недалеко отъ высокаго пня, унтеръ-офицеръ его роты подбѣжалъ къ нему и хотѣлъ его утащить съ этого мѣста, потому что пули градомъ падали вокругъ.

— Ступай на свое мѣсто, а меня оставь, сказалъ Д.

Унтеръ-офицеръ повиновался и побѣжалъ впередъ, но скоро вернулся опять.

— Теперь я могу помочь вашему благородію, потому я ужъ негожусь больше, руку перешибло, и взявъ здоровой рукой раненаго, подтащилъ къ столбу и такимъ образомъ прикрылъ его отъ пуль, а самъ пошелъ на перевязочный пунктъ.

Ревельскаго полка поручикъ Я... во время похода еще все толковалъ о Георгіѣ, и когда пришли на позиціи передъ Сельви, то онъ узналъ, что одинъ ротный командиръ получилъ крестъ за то, что велъ роту въ атаку на турокъ съ пѣснями. Это его задѣло за живое и онъ тоже хотѣлъ вести роту съ пѣснями и разучивалъ подходящую пѣсню. Но вотъ вступилъ и онъ въ бой, но вмѣсто пѣсни онъ бѣгомъ пустилъ роту, чтобы скорѣе перебѣжать мѣсто пронизываемое пулями, и когда добѣжалъ до горы и хотѣлъ вести въ атаку роту онъ, съ ужасомъ увидѣлъ, что отъ роты осталось человѣкъ пятьдесятъ, да и то разныхъ ротъ. Въ это время его обгоняетъ другой офицеръ, ему, конечно, досадно было что не онъ первый попадетъ въ редутъ, и говоритъ перегнавшему его офицеру: «не бѣги очень, успѣешь еще», въ это время тотъ офицеръ хватается за ухо, потому что пуля провизжала около самаго уха, а поручикъ Я.... со стономъ падаетъ на землю, пораженный этою самою пулею въ бровь. Такъ пропалъ одинъ кандидатъ на Георгія, а другой получилъ Анну 4-й ст. за храбрость. Очень популярная награда. Много еще было разныхъ случаевъ, но всѣхъ теперь не упомнишь, а вотъ въ собраніи эпизодовъ можно будетъ и изъ этого сраженія припомнить много интересныхъ вещей.

Я остановился на описаніи, когда полки подступали уже къ самому редуту. Надо сказать, что турецкія укрѣпленія состояли изъ редута громаднаго и траншей въ нѣсколько линій расположенныхъ по скату; а также изъ нѣсколькихъ передовыхъ позицій. Послѣднія были съ перваго же разу взяты, но траншеи упорно держались, такъ что приходилось штыками выбивать оттуда турокъ. Но когда редутъ былъ сильно разбитъ снарядами, то и траншеи легче покидались стрѣлками турецкими. Наши войска все ближе и ближе стягивали полукругъ; траншея за траншеей бралась удальцами въ штыки, а какъ турки выскочатъ изъ траншеи, то мѣткія пули нашихъ солдатъ укладывали ихъ.

Наступала рѣшительная минута, турки гибли, наша брала; сердце какъ будто все испарилось, дышалось тяжело, а во рту пересохло. Страху въ эти моменты совершенно не ощущаешь, а существуетъ только одно желаніе — перебить побольше враговъ, да скорѣй добраться до цѣли. Тутъ цѣль была—редутъ, и вотъ до него оставалось уже недалеко, еще одна минута и все слилось въ общій крикъ «ура» и отдалось на бата-

реяхъ. Солдаты, разъяренные, не помня себя, кинулись въ редутъ: Ревельцы съ правой стороны, а Калужцы съ Либавцами съ фронта, и дружнымъ залпомъ привѣтствовали турокъ, столпившихся въ редутѣ и совершенно отрѣзанныхъ отъ горки.

Кавказцы, между тѣмъ, поскакали преслѣдовать бѣгущихъ и на пятнадцати верстахъ укладывали турокъ. Ямана *), конечно, не существовало, и двѣ съ половиною тысячи легло отъ шашекъ кавказской бригады. Нѣкоторые пѣхотные солдаты тоже преслѣдовали, но, конечно, не далеко, они были слишкомъ изнурены, чтобъ бѣжать долго. Многіе турки бросались съ валу въ ровъ, но попадали на штыки. Солдаты окончательно обезумѣли на первыхъ порахъ и совершенно безсознательно дѣйствовали. Такъ, напримѣръ, одинъ встрѣтился, на бревнѣ перекинутымъ черезъ ровъ, съ туркомъ, который хотѣлъ перебѣжать ровъ, и вмѣсто того чтобы сейчасъ-же заколоть турка, остановился и глядитъ на турка, а тотъ на него, но вдругъ оба кинулись другъ на друга и вонзили штыки одновременно одинъ другому. Другой стоитъ около кучи раненыхъ турокъ и съ помѣшаннымъ видомъ колетъ въ одно мѣсто штыкомъ; а одинъ, Либавскаго полка рядовой, такъ вмѣсто турка. своего унтеръ-офицера хватилъ прикладомъ. У насъ въ редутъ вскочилъ первымъ штабсъ-капитанъ Д..., командиръ 2-й стрѣлковой роты. Онъ только что взобрался на валъ, какъ въ него турки залпъ дали, но его не задѣли, хотя онъ отъ массы пуль просвиставшихъ около него свалился, но сейчасъ же вскочилъ и выстрѣломъ изъ револьвера положилъ на мѣстѣ турка, кинувшагося на него съ ружьемъ. Потомъ вскочилъ юнкеръ первой роты и такъ ударилъ по головѣ турецкаго офицера, что мозгомъ его обрызгалъ товарищей своихъ. Съ фронту влетѣли Либавскаго полка маіоръ Л..., калужскій квартермейстеръ-охотникъ и много другихъ офицеровъ, которыхъ разбирать въ лицо не было возможности въ то время.

Въ редутѣ происходила удивительная сцена. Въ промежуткѣ между траверсомъ и стѣною редута навалена была куча тѣлъ, человѣкъ въ пятьсотъ, гдѣ подъ мертвыми тѣлами лежали живые, старавшіеся вылѣзть изъ подъ труповъ. Картина была по истинѣ ужасная и когда обаяніе битвы прошло и чувства поуспокоились, то невыносимо было видѣть этихъ несчастныхъ раненыхъ съ пересохшимъ горломъ и полузаваленныхъ мертвыми. Нѣкоторые положительно были залиты кровью и захлебывались. Но русскій характеръ и теперь проявился въ недавнихъ звѣряхъ-солдатахъ; многіе въ манеркахъ приносили воду и поили турокъ. Человѣкъ сто было совершенно цѣлыхъ турокъ, которыхъ и препроводили въ отрядный штабъ въ качествѣ плѣнныхъ. Въ редутѣ и въ траншеяхъ осталась масса патроновъ и ружей системъ Пибоди и Снайдера. Также нахо-

Миръ, помилованіе.

дили газеты и книги, въ числѣ которыхъ были раскольничьи; такъ, напримѣръ, одинъ солдатъ нашелъ книгу «Сонъ Богородицы», также нашли болгарскія газеты и турецкія каиме.

Нашъ полкъ занялъ редутъ и нижнія траншеи къ сторонѣ Плевны; Калужскій и Либавскій—внизу самый городъ, а прочія войска не знаю гдѣ были расположены. Безпорядокъ царствовалъ повсюду, всѣ какъ-то ошалѣли и слонялись повсюду, никакихъ приказаній, никакихъ повѣрокъ не производилось;—радость взятія и перваго удачнаго сраженія, какъ говорится, раскуражило всѣхъ.

Но недолго продолжалось это состояніе, какъ только стемнѣло, прискакалъ казакъ (и я какъ разъ попался по Плевненской дорогѣ ему), съ донесеніемъ, что появился на плевненскомъ шоссе непріятель съ артиллеріей. Сейчасъ-же все приняло другой видъ: всѣ заняли свои мѣста, войска стянулись и небольше, какъ черезъ полчаса все было готово къ встрѣчѣ турокъ. Но турки не показывались ночью, а только утромъ на другой день на высотахъ между Плевненской дорогой и на Трояновъ. показались турки и началась перестрѣлка, а потомъ и орудія приняли участіе. Но это не долго продолжалось, турки. увидѣвъ, что нельзя уже обратно взять Ловчу. стали отступать. Въ преслѣдованіе не было пущено войскъ потому, что еще прежде взятія Ловчи рѣшено было идти. по взятіи города, на Плевну.

Передъ разсвѣтомъ, 1-й батальонъ Ревельскаго полка посланъ былъ на аванпосты, и мы идя на мѣсто ежеминутно спотыкались о трупы турокъ, павшихъ отъ шашекъ кавказцевъ. На аванпостахъ обошлось благополучно, показывались было партіи баши-бузуковъ, но тотчасъ же и исчезали.

Вдали, изъ деревень болгарскихъ слышался крикъ и лай собакъ, но выстрѣловъ не было, хотя, какъ послѣ узнали, много было убито болгаръ обоего пола. Впрочемъ турки рѣдко тратятъ патроны на болгаръ, ятаганъ успѣшно ихъ замѣняетъ. Возвращаясь съ аванпостовъ, мы были поражены количествомъ труповъ, разсѣянныхъ по полю въ кукурузѣ. Больше двухъ ударовъ шашки не было видно ни на одномъ изъ труповъ, а у многихъ были головы совершенно разрублены. Я видѣлъ впослѣдствіи, какъ казаки наносятъ такія раны; они никогда не рубятъ сзади, а всегда заскакиваютъ спереди и, повернувшись, полу-оборотомъ рубятъ на отмашь, причемъ шашку какъ-то продергиваютъ, отчего при остротѣ шашекъ являются подобныя раны, какія мы видѣли теперь. Возвратясь съ аванпостовъ, мы узнали, что нашъ полкъ назначенъ сопровождать обозъ отряда до Плевны. Съ этого самаго времени и началась настоящая мука голода и изнеможенія дошедшаго до невѣроятія.

Такъ кончилось взятіе Ловчи, сраженіе, которое очень интересно и замѣчательно потому порядку съ какимъ оно велось;—однимъ словомъ,

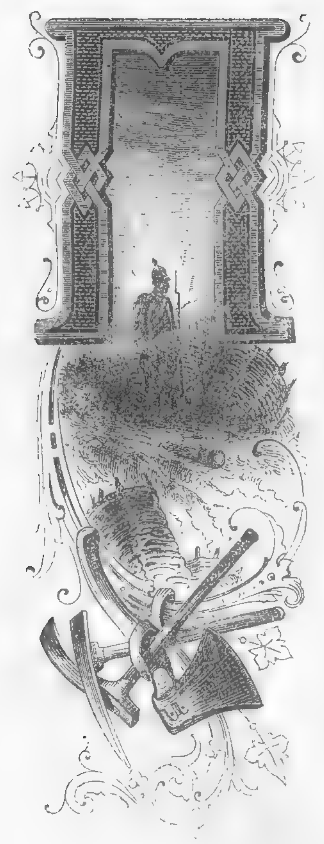
это было примѣрное сраженіе. Начальники частей, получивши раньше инструкціи, знали что дѣлать и не метались изъ стороны въ сторону, какъ подъ незабвенной Плевной. Но поистинѣ можно сказать, что лучше чѣмъ поступилъ командиръ Ревельскаго полка никто не поступилъ въ сраженіи. Хотя и не было того шика и эффекта, какой былъ при атакѣ Калужскаго полка, гдѣ шли батальонною колонною съ музыкою и чуть ли не съ развернутыми знаменами, а командиръ полка (въ какой-то реляціи было помѣщенно) плылъ черезъ рѣчку Осму, но за то шедши по ротно и потихоньку мы потеряли всего человѣкъ сто-тридцать, между тѣмъ какъ у Калужцевъ столько въ одномъ первомъ батальонѣ легло.

Да, Ловчинское сраженіе лучше всякой тактики научило, вакъ водить въ дѣло солдатъ и кто главный двигатель въ сраженіи. Все и вся заключается въ ротѣ и ротномъ командирѣ, если рота любитъ и уважаетъ своего командира и тотъ дѣйствительно человѣкъ энергическій, то командиръ полка можетъ быть совершенно спокоенъ за такія роты, пуская ихъ въ дѣло. Вотъ современная и необходимая тактика для всякаго строеваго офицера.

Вагнеръ.

Подъ Плевной

(Практика траншейной войны).



левненскій бой 26-го—31-го августа, доставивъ намъ нѣсколько частныхъ успѣховъ, въ общемъ не былъ для насъ удаченъ. Въ концѣ боя было рѣшено, удержавъ за собою Гривицкій редутъ, отступить съ занятыхъ съ боя Зеленыхъ высотъ на восточную сторону Тученицкаго оврага и держаться оборонительно, въ ожиданіи подкрѣпленій. Въ началѣ октября, по сосредоточеніи гвардейскаго корпуса, предпринято было наступательное дѣйствіе на софійско-плевненское шоссе. Результатомъ этого движенія было взятіе 12-го октября Горнаго Дубняка, 16-го—Телиша и 20-го занятіе безъ боя Дольняго Дубняка. Одновременно съ движеніемъ гвардіи за р. Видъ, генералу Скобелеву, съ отрядомъ изъ 16-й пѣхотной дивизіи, бригады 30-й дивизіи, 9, 10 и 11-й стрѣковыхъ и 3-го сапернаго баталіоновъ, было предписано сперва занять плевно-ловчинское шоссе, а послѣ взятія Горнаго Дубняка и Телиша генералу Скобелеву было разрѣшено продвигаться впередъ для сближеніи съ непріятельскими позиціями. Въ ночь съ 23-го на 24-е октября была занята позиція передъ д. Брестовацемъ, а 28-го атакованъ и взятъ первый гребень Зеленыхъ высотъ. Къ 3-му ноября сближеніе съ турецкими позиціями совершилось полное: передовыя наши траншеи отстояли отъ турецкихъ лишь на сто съ небольшимъ шаговъ. Турки нѣсколько разъ пытались выбить насъ изъ занятыхъ позицій, но каждый разъ ихъ отбивали съ большимъ урономъ.

Важные результаты, добытые занятіемъ гребня Зеленыхъ горъ отрядомъ генерала Скобелева, стоили намъ немного болѣе 300 человѣкъ убитыми и ранеными; незначительность этой потери объясняется принятымъ способомъ для наступленія и обороны.

Первоначально была занята позиція на такъ называемой Рыжей горѣ; затѣмъ позиція впереди д. Брестоваца, составляющая относительно первый уступъ впередъ съ лѣваго фланга, и наконецъ, позиція на первомъ хребтѣ Зеленыхъ горъ, составляющая, относительно брестовацкой позиціи, уступъ впередъ справа. Каждая изъ этихъ трехъ послѣдовательно занятыхъ позицій укрѣплялась въ теченіе ночи настолько, что къ утру наши войска были хорошо прикрыты и смѣло могли отбить атаку въ нѣсколько разъ сильнѣйшаго непріятеля.

Цѣль настоящей статьи коснуться детальной стороны разбивки укрѣпленій, устройства, занятія и обороны ихъ.

Приводимыя ниже данныя взяты изъ практики, и мы отнюдь не имѣемъ намѣренія претендовать на теоретическую ихъ непогрѣшимость.

Инженерныя средства отряда генерала Скобелева (Плевно-Ловчинскаго) были относительно весьма значительны. 16-я дивизія располагала 5,000 лопатъ, при соотвѣтствующемъ количествѣ топоровъ, кирокъ и мотыгъ. Къ отряду былъ приданъ 3-й саперный баталіонъ (весьма, впрочемъ, слабаго состава). Кромѣ того, для руководства работами, генералъ Тотлебенъ назначилъ въ распоряженіе генерала Скобелева инженерныхъ полковниковъ Ласковскаго и Мельницкаго. Первый изъ нихъ вскорѣ получилъ отдѣльное назначеніе, полковникъ же Мельницкій, вмѣстѣ съ подполковникомъ 3-го сапернаго баталіона Сасскимъ, сдѣлались руководителями и душою всѣхъ производимыхъ въ участкѣ отряда саперныхъ работъ, съ начала октября по день взятія Плевны 28-го ноября.

Изъ трехъ позицій, занятыхъ Плевно-Ловчинскимъ отрядомъ—позицій на Рыжей горѣ, Брестовацкой и на первомъ грѣбнѣ Зеленыхъ горъ,—только послѣдняя была занята турецкими войсками; первыя же двѣ хотя и находились въ сферѣ непріятельскаго огня (брестовацкая орудійнаго и ружейнаго, первая же только орудійнаго), но войсками турецкими заняты не были. Отсюда вытекаетъ разница въ занятіи и укрѣпленіи этихъ позицій. Мѣстность всѣхъ трехъ позицій была хорошо изучена во время боевъ 26-го—31-го августа; поэтому разбивку укрѣпленій на первыхъ двухъ позиціяхъ можно было производить безъ предварительной ихъ рекогносцировки. Разбивка производилась слѣдующимъ образомъ. Часа за два до заката солнца офицеръ, которому поручалась разбивка, въ сопровожденіи одного или двухъ саперовъ, по возможности скрытно пробирался

къ одному изъ фланговъ позиціи и длинными кольями обозначалъ линіи предположенныхъ укрѣпленій для пѣхоты и артиллеріи. Характеръ укрѣпленій первоначально былъ всегда одинъ: для пѣхоты—траншеи, для артиллеріи—горизонтныя батареи, съ ровиками для прислуги. Траншеи предпочитались отдѣльныя на каждую роту, батареи на 8, а на Брестовацкой горѣ на 24 орудія. Длина траншеи на роту пѣхоты, смотря по составу частей, измѣнялась отъ 120 до 150 шаговъ по фронту. На каждое орудіе давалось по три сажени, и только въ исполнительныхъ случаяхъ эта норма уменьшалась до двухъ саженъ.

Въ зависимости отъ близости непріятеля, способъ разбивки нѣсколько видоизмѣнялся. Иногда траншея, для каждой роты отдѣльно, обозначалась двумя кольями, иногда обозначались только фланги нѣсколькихъ ротъ вмѣстѣ. Колья для разбивки приготовлялись длиною до одной сажени и очищались отъ коры, чтобы быть болѣе замѣтными.

При мѣстности, поросшей кустами или засѣянной кукурузою, разстановленные колья отыскивались подчасъ съ большимъ трудомъ, особенно съ наступленіемъ темноты. Пробовали скручивать изъ соломы длинныя веревки или употреблять для обозначенія линіи обыкновенныя веревки, но способы эти оказались непрактичными и пришлось обратиться къ наиболѣе простому и надежному способу разбивки, а именно къ разбивкѣ линій укрѣпленій людьми. Люди брались преимущественно изъ саперпаго баталіона, но случалось производить разбивку пѣхотою или казаками. При разбивкѣ ограничивались самымъ необходимымъ; напримѣръ, траншея на четыре роты обозначалась двумя людьми по флангамъ. Разбивка вблизи непріятеля вызывала вниманіе его и болѣе или менѣе частую стрѣльбу по разбивающимъ. Чтобы избѣжать потерь и, главное, отвлечь вниманіе непріятеля, люди, назначенные для указанія линій, клались, и должны были неподвижно лежать до прихода войскъ, назначенныхъ на работу; кромѣ того, каждому изъ нихъ внушалось, что онъ, относительно указаннаго ему мѣста, имѣетъ тѣ же обязанности, какъ и всякій другой часовой. Фамиліи людей записывались съ отмѣткою, что каждый обозначаетъ. Дѣлалось это для скорѣйшаго отысканія того или другаго пункта въ темнотѣ, когда, безъ оклика фамилій, положенные по линіи нижніе чины весьма трудно отыскивались.

Сообщу кстати, какъ разбивались батареи подъ Ловчею и подъ Плевною 26-го августа (на Рыжей горѣ).

Подъ Ловчею, въ ночь съ 21-го на 22-е августа, предстояло выставить шесть батарей на высотахъ, наканунѣ взятыхъ у непріятеля (въ ночь на 21-е августа, на скалистой высотѣ, названной «счастливою», уже была выставлена 2-я батарея 16-й артиллерійской бригады). Разбивка этихъ батарей началась съ четырехъ часовъ пополудни. По свойству мѣстности, то густо поросшей виноградниками, то засѣянной кукурузою, то,

наконецъ, относительно открытой, мы разбивали линіи иныхъ батарей кольями, иныхъ людьми. Затѣмъ, уже съ наступленіемъ темноты, отъ всѣхъ батарей было взято по восьми фейерверкеровъ и по офицеру, которые въ разбитыхъ линіяхъ батарей обозначали мѣста каждаго орудія и, спѣшившись, ожидали прихода батарей. Офицеры батареи, ознакомившись подробно съ мѣстомъ расположенія своихъ частей, вернулись обратно и привели батареи на обозначенныя мѣста. Для трехъ батарей изъ шести, ранѣе постановки орудій, пришлось командамъ нижнихъ чиновъ съ топорами расчиститъ мѣстность по провѣшеннымъ линіямъ отъ кустарниковъ и кукурузы. Въ двухъ батареяхъ, постановленныхъ на мягкомъ грунтѣ, прислугою орудій, съ наличнымъ въ каждой батардѣ шанцевымъ инструментомъ, безъ участія пѣхоты, были вырыты къ утру ровики для прислуги. Въ остальныхъ пяти батареяхъ ровики для прислуги были устроены пѣхотными командами со сборнымъ шанцевымъ инструментомъ отъ цѣлыхъ полковъ.

26-го августа, при занятіи отрядомъ генерала Скобелева позиціи на плевно-ловчинскомъ шоссе, головныя части отряда были встрѣчены сильнымъ гранатнымъ огнемъ изъ турецкихъ редутовъ, расположенныхъ на Кришинской высотѣ. Вслѣдствіе естественности желанія отвѣтить непріятелю огнемъ нашей артиллеріи и, главное, чтобы подготовить атаку втораго гребня Зеленыхъ горъ (для чего былъ назначенъ Калужскій полкъ, съ резервомъ изъ Эстляндскаго полка, 9-го и 10-го стрѣлковыхъ баталіоновъ), генераломъ Скобелевымъ было приказано, около двѣнадцати часовъ пополудни, вывести на позиціи, на такъ называемую Рыжую году, находившуюся впереди расположенія отряда, 1-ю, 2-ю и 3-ю батареи 2-й артиллерійской бригады. По выборѣ общаго направленія для всѣхъ трехъ батарей, каждое изъ 24-хъ орудій было обозначено однимъ саперомъ, который, намѣтивъ нѣсколькими ударами лапаты директрису орудія, ложился на землю. Разстановка этихъ саперовъ производилась, начиная отъ праваго фланга, черезъ девять шаговъ (по три сажени на орудіе). Между крайними директрисами орудій сосѣднихъ батарей было оставлено по пятнадцати шаговъ.

Одновременно съ разбивкою батарей, на мѣстѣ расположенія пѣхоты формировалась отъ двухъ полковъ команда въ двѣсти пятьдесятъ человѣкъ съ лопатами и кирками. Съ окончаніемъ разбивки, команда эта, раздѣленная еще на мѣстѣ на отдѣленія, по восьми лопатъ и двѣ кирки въ каждомъ, двинулась небольшими частями, чтобы менѣе терпѣть отъ гранатнаго огня, впередъ на разбитую для батареи линію. Каждое отдѣленіе, подъ руководствомъ сапера, обозначавшаго мѣсто для орудія, быстро приступало къ рытью ровиковъ для прислуги, и менѣе чѣмъ въ часъ времени закрытія для батарей были готовы и батареи введены въ линію.

Разсчетъ рабочихъ для производства работъ былъ весьма простъ. Для устройства траншеи на роту пѣхоты или закрытій для прислуги одной батареи назначалось по ротѣ рабочихъ. Такъ, для укрѣпленія позицій на восемь ротъ пѣхоты и четыре батареи назначены были 12-ть ротъ отъ одного полка, а три стрѣлковыя роты того же полка составляли какъ бы прикрытіе для рабочихъ. При относительной безопасности и отдаленности непріятеля, рабочихъ назначалось двѣ смѣны. При близости къ непріятелю, гдѣ смѣны рабочихъ подъ огнемъ и ночью могли повести за собою безпорядокъ и лишнія потери, люди работали до утра безсмѣнно. Въ каждой ротѣ находилось до ста лопатъ и двадцати кирокъ и мотыгъ. Рабочія роты, выстроившись предварительно закрыто, подводились рота за ротою къ разбитымъ укрѣпленіямъ и выстраивались фронтомъ на обозначенныхъ кольями или людьми линіяхъ траншей для каждой роты или батареи.

При движеніи, совершенномъ въ темнотѣ, соблюдалась полная тишина и порядокъ. Люди шли рядами безъ разговоровъ и куренья трубокъ. Манерки, производившія при движеніи значительный шумъ, послѣ первыхъ опытовъ стали оставляться на мѣстѣ сбора рабочихъ, подъ присмотромъ особо назначаемыхъ командъ отъ каждой роты.

Каждая рота выходила съ полнымъ составомъ своихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Всѣ ротные и баталіонные командиры были на своихъ мѣстахъ и слѣдили за порядкомъ. За каждою ротою слѣдовало дежурное отдѣленіе, съ унтеръ-офицеромъ, при двухъ-трехъ парахъ носилокъ.

Роты разводили по разбитымъ линіямъ саперные офицеры. Порядокъ производства работъ былъ приблизительно слѣдующій: первоначально отъ каждой роты, прибывшей на мѣсто работы, высылались впередъ по два секрета изъ нѣсколькихъ человѣкъ (трехъ и четырехъ) каждый. Въ зависимости отъ близости непріятеля, число секретовъ отъ каждой роты уменьшалось или увеличивалось.

Секреты, выдвинувшись впередъ на сто или двѣсти шаговъ, составляли цѣпь, прикрывающую работы. Затѣмъ, въ каждой ротѣ, назначенной рыть траншеи, люди съ лопатами выстраивались въ одну шеренгу, выравнивались, поворачивались кругомъ, клали передъ собою ружья, прикладомъ къ себѣ; снова поворачивались фронтомъ къ непріятелю и, по отданной тихо командѣ, каждый на линіи своихъ носковъ рылъ небольшую бороздку, соединяя ее съ сосѣдними бороздками. Бороздкою этою обозначалась вершина задней отлогости траншейнаго рва. Затѣмъ люди снова выравнивались, продвигались впередъ на шесть шаговъ, и рыли новую бороздку, которая обозначала подошву банкета. Затѣмъ рабочіе, отступя къ серединѣ обозначеннаго ими траншейнаго рва и перестроившись отчасти въ шахматный порядокъ, начинали быстро рыть землю.

Работа, обыкновенно, начиналась весьма энергично и на столько тихо, что въ трехстахъ шагахъ отъ работающей роты трудно было предполагать ея присутствіе. Часа черезъ два работы, въ людяхъ уже начинало замѣчаться нѣкоторое утомленіе. Первоначальная таинственность обстановки, при которой начиналась работа, темнота, шепотомъ отдаваемыя приказанія, предполагаемая близость непріятеля, все это уже отчасти забыто, люди, такъ сказать, приглядѣлись, представленіе объ опасности нѣсколько исчезло, и они, начиная чувствовать себя вольнѣе, въ то же время начинаютъ и менѣе соблюдать тишину. Шепотъ переходитъ въ явственный говоръ, лопаты чаще ударяются одна о другую, кой-гдѣ слышится сдержанная брань, еще немного, и часть людей начинаетъ присаживаться отдохнуть, а наиболѣе бойкіе поговариваютъ уже и о трубочкѣ. Въ этихъ случаяхъ ничто такъ быстро не возстановляетъ прежней тишины и энергіи въ работѣ, какъ нѣсколько выстрѣловъ со стороны непріятеля, направленныхъ въ сторону работающихъ. Близкій свистъ пуль имѣетъ магическую способность весьма быстро напоминать серьезность минуты и необходимость быть на чику. Вотъ число выстрѣловъ начало увеличиваться; въ темнотѣ какъ-то страшнѣе встрѣчать опасность. Рабочіе, при пролетающихъ близко пуляхъ низко, низко нагибаются. Посрединѣ траншеи послышался характерный ударъ пули въ тѣло, и вслѣдъ затѣмъ солдатъ, выпустивъ изъ рукъ лопату, съ тихимъ крикомъ: «ой, братцы убили», повалился на свѣжевзрытую землю. Среди ближайшихъ къ раненому рабочихъ легкое замѣшательство. Слышны сдержанныя приказанія ротнаго командира: «Носилки. Рабочіе по мѣстамъ. Тише». Какой-то солдатикъ съ ружьемъ пробирается между рабочими, безпрерывно спрашивая: «гдѣ ротный». Солдатикъ этотъ прибѣжалъ съ секрета доложить, что замѣчено движеніе турецкой пѣхоты къ сторонѣ работающихъ. Вѣсть: «идутъ турки», какъ молнія облетаетъ работающихъ. «Въ ружье», слышится команда болѣе громкая, чѣмъ предыдущія. Черезъ нѣсколько секундъ рота готова къ встрѣчѣ. Локтемъ къ локтю стоятъ солдаты въ вырытомъ ими рву, уже порядочно прикрытые. Всѣ сильно подались корпусомъ впередъ, почти лежатъ грудью на разбросанной землѣ, или стоятъ колѣнами на мѣстномъ горизонтѣ. Ружья, положенныя на неумятую землю, вязнутъ въ ней. Проходитъ нѣсколько томительныхъ минутъ. Впередъ посланъ надежнѣйшій унтеръ-офицеръ, съ двумя рядовыми, отозвать секреты и, главное, удостовѣриться въ наступленіи турокъ. Возвратясь, унтеръ-офицеръ докладываетъ, что турокъ не идетъ. Какъ бы въ подтвержденіе его словъ, стрѣльба начинаетъ смолкать и утихаетъ совершенно, за исключеніемъ одиночныхъ выстрѣловъ. Слѣдуетъ приказаніе положить ружья и снова приступить къ работѣ. Это приказаніе застаетъ многихъ солдатъ, уже порядочно приспособившихся къ занятому ими мѣсту. Нѣсколькими

ударами стволомъ ружья они умяли землю и образовали для своихъ ружей небольшія бойницы. Новый приступъ къ работѣ знаменуется нѣкоторымъ безпорядкомъ, люди ищутъ свои лопаты, идутъ сдержанные споры и попреки.

Секретъ, надѣлавшій тревогу изъ ничего, создалъ въ темнотѣ наступающаго непріятеля или, вѣрнѣе, турецкій секретъ или патруль въ нѣсколько человѣкъ принялъ за цѣлую колонну. Разсвѣтъ застаетъ роту уже совершенно прикрытыми. Завѣдующіе работами и ротные командиры осматриваютъ новыя траншеи и отдаютъ приказанія объ уравниваніи отлогостей траншейнаго рва, вышедшими изъ ночной работы нѣсколько зубчатыми объ убивкѣ и выравниваніи дна траншейнаго рва. Эти мелкія исправленія живо окончены и солдаты ложатся по дну вырытой имъ траншеи усталые и голодные, въ ожиданіи смѣны. Съ разсвѣтомъ, секреты отошли назадъ, ихъ замѣнили нѣсколько часовыхъ, поставленныхъ по банкету траншеи, которые и охраняютъ покой остальныхъ.

Непріятель, замѣтивъ линію выросшихъ за ночь укрѣпленій, открываетъ яростную стрѣльбу на двѣ тысячи шаговъ, почти безвредную. Наши вновь поставленныя батареи отвѣчаютъ нѣсколькими гранатами, пѣхота же молчитъ, и скоро обѣ стороны сознаютъ безполезность состязанія и умолкаютъ, обмѣниваясь одиночными выстрѣлами. Турки признаютъ фактъ занятія нами той или другой высоты и отказываются отъ попытокъ выбить насъ изъ вновь построенныхъ укрѣпленій. Растояніе между линіями, нашею и турецкою, одна тысяча-семьсотъ, двѣ тысячи шаговъ, слишкомъ еще велико, чтобы положеніе обѣихъ сторонъ приняло острый характеръ.

Посмотримъ теперь, какъ совершалось занятіе и укрѣпленіе позиціи, находившейся въ рукахъ турокъ.

27-го октября генералу Скобелеву 2-му было разрѣшено атаковать и укрѣпить первый гребень Зеленыхъ горъ. Для занятія гребня, на другой день, были назначены: 9-й стрѣлковый батальонъ, Владимірскій пѣхотный полкъ, двѣ батареи *), два скорострѣльныхъ орудія и двѣ сотни казаковъ. Въ резервѣ находилась въ полной готовности бригада 30-й пѣхотной дивизіи (полки Шуйскій и Ярославскій). Лѣвый флангъ прикрывался нашею позиціею на Брестовацкой горѣ, занятою Углицкимъ пѣхотнымъ полкомъ. Правый флангъ упирался въ Тученицкій оврагъ. Независимо отъ частей, назначенныхъ для атаки, двѣ

*) 4-я батарея 16-й артиллерійской бригады и 2-я батарея 2-й артиллерійской бригады.

роты Ярославскаго полка были направлены по дну оврага для обезпеченія праваго фланга,

День 28-го октября былъ сильно туманный, что пришлось весьма кстати для атакующихъ. Атаку предположено было произвести около пяти часовъ пополудни, чтобы успѣть за-свѣтло осмотрѣться, разбить линіи траншей и за ночь укрѣпиться. Къ четыремъ часамъ пополудни всѣ войска, назначенныя для боя, собрались за Рыжею горою передъ лагеремъ бригады 30-й дивизіи. Вскорѣ прибылъ и генералъ Скобелевъ.

Поздоровавшись съ людьми и поздравивъ ихъ съ дѣломъ, генералъ собралъ всѣхъ начальниковъ частей и затѣмъ всѣхъ офицеровъ и объяснилъ имъ характеръ предполагаемыхъ дѣйствій (цѣль и средства были указаны въ диспозиціи). Затѣмъ генералъ пошелъ по рядамъ солдатъ, терпѣливо и ясно разсказывая имъ какъ цѣль, такъ и характеръ предполагаемыхъ дѣйствій. Въ особенности долго бесѣдовалъ генералъ съ охотниками 9-го стрѣлковаго батальона, назначенными для атаки турецкой траншеи.

Солдатамъ объяснялось, чтобы они, главное, не зарывались впередъ, что сегодня атаки Плевны не будетъ, а возьмемъ у турокъ только одну гору, что занявъ эту гору, станемъ укрѣпляться на ней, затѣмъ не пойдемъ ни назадъ, ни впередъ ни шагу; что ушедшіе впередъ пускай не ждутъ поддержки, а ушедшихъ назадъ ждетъ стыдъ. Всѣмъ приказывалось соблюдать крайнюю тишину и стрѣлять только по командѣ. Полковые, батальонные и ротные командиры каждый въ своей части разъяснялъ приказаніе генерала. Подготовка войскъ къ бою продолжалась около часу. Наконецъ, былъ отданъ приказъ двигаться. Солдаты сняли шапки и долго крестились. Благодаря густому туману, войска прошли незамѣченными черезъ Рыжую гору и спустились въ глубокій логъ, отдѣляющій эту гору отъ Зеленыхъ высотъ. Въ логу всѣ части выстроились. Впереди всѣхъ стали охотники. За ними была разсыпана густая цѣпь роты 9-го стрѣлковаго батальона капитана Домбровскаго. Остальныя три роты 9-го батальона стали поддержками за ротой, разсыпанной въ цѣпь *). Затѣмъ выстроился Владимірскій полкъ въ батальонныхъ колоннахъ, головы батальоновъ на линіи. Для устройства траншей назначались двѣнадцать линейныхъ ротъ полка. Въ каждой изъ нихъ было по сто лопатъ. Три роты стрѣлковъ, отдѣленныя отъ полка, составляли резервъ его. Казаки стали правѣе пѣхоты, ближе къ Тученицкому оврагу. Артиллерія заняла ранѣе приготовленныя батареи на Рыжей горѣ. Картечницы съ началомъ атаки спустились въ логъ. Тамъ же съ началомъ атаки выстроился и Шуйскій полкъ.

---

*) 9-й стрѣлковый батальонъ, наканунѣ укомплектованный, имѣлъ болѣе одной тысячи человѣкъ въ строю.

Въ пять съ небольшимъ часовъ, по знаку генерала Скобелева, охотники и цѣпь 9-го батальона тронулись въ глубокой тишинѣ впередъ. Давъ отойти цѣпи на сто пятьдесятъ, двѣсти шаговъ, двинулись и поддержки. Вслѣдъ за ихъ уходомъ 1-й батальонъ Владимірскаго полка развернулся и приготовился къ движенію.

Движеніе, подъ покровомъ густаго тумана, производилось сотни три шаговъ безъ выстрѣла со стороны турокъ. Но вотъ щелкнулъ первый выстрѣлъ, за нимъ второй, третій, и выстрѣлы посыпались дробью. Въ сердцѣ каждаго изъ наступавшихъ екнуло, что-то внутри сжалось-крѣпче, стиснулись ружья, но шагъ не замедлился и наступавшіе подвигались впередъ безостановочно, не смотря на десятокъ раненыхъ и убитыхъ, уже лежавшихъ на землѣ.

Турецкая цѣпь очистила гребень Зеленыхъ высотъ и, отстрѣливаясь, отступила къ траншеѣ. Наша цѣпь, осыпаемая все болѣе и болѣе частымъ огнемъ, передвинулась за гребень сто, сто двадцать шаговъ и была лично остановлена генераломъ Скобелевымъ, а охотникамъ отданъ приказъ продвигаться впередъ и атаковать турокъ безъ выстрѣла въ штыки. Скоро громкое «ура» указало на близость удара, а вслѣдъ затѣмъ наши залпы изъ турецкой уже траншеи опредѣлили успѣхъ. Дѣйствительно, охотники дружно ударили на турокъ, выбили ихъ изъ траншеи, перекололи наиболѣе упорныхъ и, занявъ траншеи, открыли по отступавшимъ туркамъ огонь. Остановивъ цѣпь, генералъ вернулся назадъ на высоту гребня, опредѣлено на глазъ приблизительно на сколько позволяли туманъ и весьма мягкое очертаніе контуровъ Зеленыхъ высотъ гребня. Поддержки, слѣдовавшія за цѣпью стрѣлковъ, были остановлены и положены, не доходя до гребня. При ихъ расположеніи пользовались отчасти иригаціонными канавами, которыми перерѣзаны виноградники, покрывавшіе Зеленыя горы.

Къ гребню стали выходить рота за ротою Владимірцы. Первымъ прибылъ батальонъ подполковника Маневскаго, и выстроенный развернутымъ фронтомъ, опредѣлилъ линію траншей праваго фланга и отчасти центра. По мѣрѣ прихода ротъ, онѣ пристраивались къ ранѣе пришедшимъ, выравнивались и быстро приступали къ работѣ. Солдатамъ былъ отданъ приказъ рыть каждому передъ собою, стараясь скорѣе прикрыться отъ огня. На этотъ разъ разбивка обошлась даже безъ бороздокъ.

Трудно представить себѣ быстроту и энергію, съ которыми солдаты принялись за работу. Усиливающійся огонь турокъ, наносившій значительныя потери рабочимъ, туманъ, темнота, все напрягало нервы и способствовало быстротѣ работы.

Третій баталіонъ Владимірскаго полка, подъ командою маіора Нечаева, былъ развернутъ полковникомъ Мельницкимъ по продолженію перваго ба-

таліона и составилъ центръ и лѣвый флангъ позиціи. Солдаты 3-го баталіона, такъ же живо какъ и въ 1-мъ, приступили къ рытью траншей.

Въ подкрѣпленіе охотникамъ, державшимся въ турецкой траншеѣ, была послана команда съ лопатами для приспособленія траншеи и двѣ партіи стрѣлковъ съ патронами.

Стрѣлковая цѣпь 9-го баталіона, по собственной иниціативѣ, вырыла себѣ ложементы, довольно, впрочемъ, мелкіе, на каждое звено по одному.

Траншеи росли быстро и успѣхъ казался обезпеченнымъ, когда турки, опомнившись и собравшись въ значительныхъ силахъ, перешли въ наступленіе.

Наши охотники, тѣснимые превосходными силами съ фронта и обходимые съ фланговъ, оставили траншеи и отступили *). Цѣпь стрѣлковъ 9-го баталіона, плохо прикрытая, осыпаемая градомъ пуль невидимаго за темнотою и туманомъ непріятеля, потерявъ убитымъ храбраго своего командира капитана Домбровскаго, тоже отступала за наши траншеи довольно безпорядочно. Отступленіе стрѣлковъ было своевременно, ибо давало возможность Владимірцамъ встрѣтить наступающихъ турокъ залпами. Траншеи, хотя еще неоконченныя, уже представляли значительное закрытіе. Турки наступали, прикрытые густою цѣпью, осыпавшею насъ свинцомъ. Въ особенности напоръ былъ силенъ на лѣвый флангъ. Не смотря на огонь Владимірцевъ, турки подошли къ нашимъ траншеямъ весьма близко (около ста шаговъ, одинъ турокъ ворвался даже въ самую траншею) и развернувшись противъ нашего лѣваго фланга, открыли весьма правильную стрѣльбу залпами. Минута была критическая. Дрогни роты, занимавшія траншеи—и турки снова завладѣли бы отнятою у нихъ и уже стоившею намъ крови позиціею. Подводить подкрѣпленія въ темнотѣ, подъ градомъ пуль, было весьма затруднительно и стоило большихъ потерь. Всѣ невыгоды ночнаго боя, да еще съ войсками только что укомплектованными болѣе чѣмъ на половину состава (9-й стрѣлковый баталіонъ), сказались тотчасъ же; нѣкоторыя части 9-го стрѣлковаго баталіона и Владимірскаго полка безъ команды отступили назадъ къ Рыжей горѣ.

Къ счастію, командиръ полка, полковникъ Аргамаковъ, баталіонные командиры полка, дѣлавшіе еще севастопольскую кампанію: подполковникъ Маневскій, маіоры Нечаевъ и Русинъ не были люди, способные легко потерять голову. Личный примѣръ, хладнокровно отдаваемыя приказанія, а кой-гдѣ и крѣпкая брань удержали большинство Владимірцевъ въ траншеяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и успѣхъ былъ обезпеченъ. Помогли успѣху и смѣлыя дѣйствія 2-й стрѣлковой роты Владимірскаго

*) Непріятельскую траншею предположено было держать только до окончанія постройки траншей.

полка, капитана Сполатъ-бога, который, выдвинувъ роту изъ резерва уступомъ лѣвѣе фланга нашихъ траншей, открылъ стрѣльбу залпами по обходившимъ нашъ лѣвый флангъ туркамъ. Рота понесла значительныя потери, но съ молодцомъ офицеромъ молодецки выполнила свое дѣло.

Турки не выдержали нашего огня и, не дойдя до траншей, повернули назадъ. Побѣда осталась за нами.

Тотчасъ же съ отступленіемъ турокъ возобновились работы. Отступившія роты были собраны и снова поставлены на мѣста, ранѣе ими занятыя. Людямъ было сдѣлано строгое внушеніе, два ротныхъ командира отрѣшены отъ командованія ротами *). Къ семи часамъ утра траншея представляла изъ себя солидное укрытіе. Дно было расширено и сообщаться стало возможно по дну траншей. Этимъ устранилась значительная потеря. Людямъ былъ данъ отдыхъ, за исключеніемъ восьми часовыхъ отъ каждой роты, которые съ ружьями на готовѣ зорко вглядывались къ сторонѣ непріятеля. Въ эту же ночь небольшой случайный уступъ траншеи на нашемъ правомъ флангѣ былъ приспособленъ къ постановкѣ двухъ скорострѣльныхъ орудій, фланкировавшихъ мѣстность передъ траншеями, и начатъ ходъ сообщенія въ тылъ, къ мѣсту расположенія резервовъ и кухонь. Резервы пока были размѣщены въ глубокихъ, параллельныхъ траншеямъ иригаціонныхъ каналахъ и частью въ логу, отдѣлявшемъ Зеленыя высоты отъ Рыжей горы. Тамъ же были

---

*) Относительно 9-го стрѣлковаго баталіона слѣдуетъ сдѣлать оговорку. Баталіонъ этотъ геройски дрался подъ Ловчею, подъ Плевною 30-го и 31-го августа, гдѣ потерялъ двѣ трети своего состава и позднѣе не менѣе геройски участвовалъ въ атакѣ деревни Шейново, при переходѣ колонны генерала Скобелева черезъ Балканы. Въ описываемомъ же дѣлѣ отступленіе части его объясняется многими причинами. Главнѣйшая изъ нихъ та, что баталіонъ этотъ былъ укомплектованъ офицерами и нижними чинами только наканунѣ дѣла. Офицеры не знали другъ друга и не знали своихъ солдатъ; солдаты не знали своихъ офицеровъ и другъ друга; они выкрикивали своихъ товарищей по ротѣ не по фамиліямъ, а по нумерамъ дивизій, изъ которыхъ люди были взяты на укомплектованіе. По составу своему, и офицеры и солдаты были прекрасны. Командовалъ баталіономъ вновь назначенный на эту должность, заслуженный и храбрый туркестанскій офицеръ, подполковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, и, при всемъ томъ, баталіонъ велъ себя нѣсколько хуже, чѣмъ при прежнемъ составѣ офицеровъ и солдатъ. Причина этого заключается въ томъ, что 9-й стрѣлковый баталіонъ въ день боя представлялъ изъ себя не организмъ, а механизмъ и ему не доставало внутренней спайки. Добавимъ къ этому, что условія для боя были тяжелыя. Темнота, туманъ, дѣйствія на неизвѣстной мѣстности, огонь невидимаго непріятеля и ко всему этому пассивное лежаніе открыто за линіями траншей Владимірцевъ. Этимъ послѣднимъ было легче. Они не были пассивными участниками; они работали и съ каждымъ ударомъ лопаты прикрывали себя лучше и лучше. Прибавьте отступленіе охотниковъ и роты Домбровскаго, сопровождаемое обычными разсказами о томъ, что турки идутъ по ихъ пятамъ, что ихъ очень много, что наши обойдены, что изъ роты кромѣ разсказчиковъ никого не осталось, и отступленію баталіона будетъ достаточно вѣскихъ объясненій.

помѣщены первоначально и кухни Владимірскаго полка, позднѣе спущенныя въ Тученицкій оврагъ. Резервъ, помѣщенный въ логу, и кухонная прислуга первые дни довольно сильно терпѣли отъ непріятельскаго огня.

Траншеи къ утру далеко не имѣли указанной въ нормальныхъ чертежахъ чистоты. Размѣрами онѣ большею частью превосходили необходимую высоту, но толща земли у внутренняго гребня бруствера была недостаточна даже противъ ружейныхъ пуль. Насыпь имѣла мѣстами трехугольную форму, высотою до пяти футовъ, съ довольно острымъ угломъ къ гребню. Уголъ этотъ требовалось срѣзать, да и тогда для помѣщенія ружья на грудной высотѣ надо было выбить въ насыпи бойницу. Мѣстами ровъ былъ глубиной до трехъ футовъ и для влѣзанія на банкетъ люди выдѣлывали на футъ или полтора ниже уровня земли ступеньку, на которой и сидѣли. Мѣстами дно было такъ мало углублено, а насыпь поднята, что проходящій по траншеѣ человѣкъ не былъ прикрытъ съ головою.

Ширина траншеи по дну доходила отъ четырехъ футовъ до восьми. Заложеніе отлогостей траншеи, благодаря глинистому грунту, было весьма крутое: передней менѣе высоты, задней около высоты. Позднѣе заложеніе задней отлогости траншеи было доведено до двухъ высотъ и даже болѣе—въ видахъ облегченія обратнаго взятія траншей, если бы онѣ достались въ руки непріятеля.

Главный недостатокъ траншеи, обозначившійся позднѣе, состоялъ въ непрерывности ея. Нѣсколько выходовъ къ сторонѣ непріятеля были бы очень полезны, какъ для выхода людей въ секреты, такъ и для выхода цѣлыхъ ротъ для производства вылазокъ.

Непрерывная стрѣльба, производимая непріятелемъ, почти умолкла къ 12-ти часамъ пополудни. Наши стрѣлки тоже перестали отвѣчать туркамъ; состоялось какъ-бы полюбовное соглашеніе на отдыхъ и для обѣда. А обѣдъ Владимірцевъ уже былъ готовъ. Въ первый день отъ каждой роты были посланы къ кухнямъ команды съ манерками всѣхъ остальныхъ людей. Эти команды, пообѣдавъ сами на кухняхъ, принесли своимъ товарищамъ горячихъ щей и каши. Послѣ обѣда новыя партіи нижнихъ чиновъ потянулись въ Тученицкій оврагъ за водою и скоро траншея представляла оживленный и оригинальный видъ. Забывъ о недавно пережитыхъ волненіяхъ, солдаты занялись варкою себѣ чая; въ задней отлогости траншеи вырывались небольшіе очаги, надъ которыми вѣшались манерки.

Къ тремъ часамъ пополудни Владимірцы отдохнули, прибыли рабочіе отъ Шуйскаго и Углицкаго полковъ и работа снова закипѣла. Для Владимірцевъ она заключалась въ расчисткѣ траншеи, въ углубленіи ея, въ увеличиваніи задней отлогости траншейной и въ утолщеніи насыпи,

въ уравниваніи ея. Рабочіе другихъ полковъ работали ходы сообщенія и рыли траншеи для резерва. Эти послѣднія были разбиты въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ передовой траншеи и состояли изъ нѣсколькихъ траншей, безъ банкетовъ, каждая на одну роту, расположенныхъ одна паралельно другой съ проходомъ въ нѣсколько шаговъ между ними. Передовая траншея для резерва иногда загибалась противъ фланговаго огня по угламъ флангами и обхватывала ими сзади лежащія траншеи. Саперные офицеры, имѣя каждый при себѣ команду саперовъ, руководили работами. Непріятельскій огонь, возобновившійся часовъ съ двухъ пополудни, продолжался цѣлый день. Потери были не велики и падали главнымъ образомъ на работавшихъ траншеи для резерва и ходы сообщеній. Въ передовой траншеѣ потеря заключалась всего въ нѣсколькихъ человѣкахъ изъ часовыхъ, убитыхъ или смертельно раненыхъ въ голову.

На третій день съ утра занялись устройствомъ бойницъ. Бѣлые мѣшки, наполненные землею, первоначально оказывались неудобными. Они составляли ясную мишень для цѣли, и нѣсколько солдатъ, сложившихъ себѣ бойницы изъ двухъ мѣшковъ, по длинѣ положенныхъ слишкомъ широко, и третьяго положеннаго сверху, поплатились жизнью, и въ товарищахъ поселили недовѣріе къ этому способу закрытія. Стали мѣшки марать, но сухая земля плохо приставала, а вода была далеко.

Послѣ многихъ опытовъ остановились на бойницѣ изъ двухъ положенныхъ по длинѣ мѣшковъ, возможно замаранныхъ и засыпанныхъ со стороны непріятеля землею. На эти мѣшки накладывалась настилка изъ сучьевъ и хворосту, которая засыпалась сверху землею. Общаго для всѣхъ типа бойницъ не было, и желавшіе настилку изъ хвороста замѣняли мѣшками съ землею. Въ этомъ случаѣ сверху клали два мѣшка, такъ какъ одинъ пробивался пулями. Послѣ устройства бойницъ, въ людяхъ явилось полное сознаніе безопасности. Сидѣть въ передовой траншеѣ было безопаснѣе, чѣмъ находиться въ резервахъ, для которыхъ траншеи еще не были окончены. Всякая прогулка въ тылъ къ кухнямъ или резервамъ была сопряжена съ извѣстнымъ рискомъ. Ходы сообщенія еще не были готовы, а нѣкоторые участки ихъ весьма искусно фланкировались изъ непріятельскихъ траншей.

Не безопасно было также выходить изъ траншей для отправленія естественныхъ нуждъ. Эти неудобства, благодаря энергіи распорядителей саперными работами, уменьшались, можно сказать, не по днямъ, а по часамъ. Ходъ сообщенія довели до резервныхъ траншей; вмѣсто одного, устроили два хода (одинъ за правымъ, другой за лѣвымъ флангами). Каждая рота устроила себѣ отхожія мѣста и соединила ихъ съ траншеею ходомъ. Каждодневно старыя ямы засыпались и вырывались новыя.

Во всѣ послѣдующіе затѣмъ дни не прекращались и главныя работы по усиленію занятой нами позиціи. Главная цѣль усиленія уже выдержавшихъ турецкую атаку траншей заключалась въ возможномъ уменьшеніи числа войскъ, необходимыхъ для защиты позицій. Вмѣстѣ съ этою цѣлью не упускалась и забота о нанесеніи противнику вреда. Изучалось расположеніе непріятельскихъ укрѣпленій; результаты этого изученія сообщались батареямъ, расположеннымъ на Артиллерійской горѣ, на восточной сторонѣ Радишевскаго оврага, и на наши батареи на Брестовацкой горѣ. Батареи эти, пристрѣлявшись, били турецкія траншеи продольнымъ огнемъ. Кромѣ того, съ лѣваго фланга нашихъ траншей, на первомъ гребнѣ Зеленыхъ горъ, явилась возможность фланкировать участки непріятельскихъ траншей, расположенныхъ на второмъ гребнѣ этихъ горъ. Для этой цѣли употреблялись частью стрѣлки 3-й стрѣлковой бригады съ берданками, частью особая команда съ крѣпостными ружьями, приданная къ нашему отряду. Ружья эти били довольно мѣтко и съ большою силою на дистанціи свыше двухъ тысячъ шаговъ.

Съ фронта часовые и любители, въ которыхъ недостатка не было, зорко слѣдили за непріятелемъ. При сближеніи съ турецкими траншеями до ста-двадцати шаговъ, всякое движеніе было замѣтно. Всякій турокъ, неосторожно высунувшійся изъ траншеи, получалъ нѣсколько выстрѣловъ. Перебѣгавшіе изъ траншеи въ траншею часто не добѣгали до мѣста. Охота за турками, влѣзающими для стрѣльбы по насъ на деревья, была любимѣйшею и почти всегда удачною.

По характеру мѣстности, сближеніе съ турецкими траншеями было удобнѣе всего производить съ лѣваго фланга позиціи, занятой нами на Зеленыхъ горахъ. На вторую же ночь, въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ впереди лѣваго фланга, была заложена и къ утру окончена траншея, составившая первую линію; въ траншеѣ же, лежащей за нею, была помѣщена рота резерва.

Еще черезъ нѣсколько ночей нашъ лѣвый флангъ подался еще впередъ, и на этотъ разъ по иниціативѣ унтеръ-офицера Казанскаго полка Попова *). Назначенный въ секретъ, онъ далѣе обыкновеннаго пролѣзъ впередъ, высмотрѣлъ хорошо мѣстность, и на слѣдующую ночь, взявъ съ собою нѣсколько рабочихъ съ лопатами, къ утру вырылъ траншею на двадцать человѣкъ. Занявъ эту траншею, Поповъ и защищалъ ее. Турки, въ виду близости ея (120—130 шаговъ) отъ своихъ траншей, поддерживали безпрерывный по ней огонь, причиняли намъ потери; но разъ занявъ эту траншею, было рѣшено и держаться въ ней. Въ слѣдующую же ночь траншея была усилена и отъ каждаго изъ ея фланговъ проведено къ главной траншеѣ по ходу сообщенія.

*) Служившаго ранѣе въ 1-мъ Туркестанскомъ стрѣлковомъ батальонѣ.

Вмѣстѣ съ этими ходами, приспособленными для стрѣльбы, передовая траншея составила какъ бы, капониръ, весьма выгодно для насъ расположенный. Еще позднѣе голова капонира была усилена нѣсколькими рядами телеграфной проволоки (собранной по дорогѣ изъ Плевны въ Ловчу, гдѣ турецкій телеграфъ былъ разрушенъ нашими казаками). Нашъ правый флангъ усилился тоже подобнымъ капониромъ; передъ фронтомъ было заложено два камнеметныхъ фугаса. За среднею траншеей устроенъ сильной профили редутъ, составлявшій редюитъ всѣхъ войскъ позиціи.

Кромѣ того, тотчасъ же за передовою траншеею, нѣсколько ближе къ ея лѣвому флангу, устроили батарею на четыре орудія, которая и вооружена ночью четырьмя фунтовыми орудіями. Батарея эта находилась отъ непріятельскихъ траншей менѣе чѣмъ на сто сажень. Орудія стрѣляли черезъ амбразуры и прикрывались щитами. Ближе къ лѣвому флангу сдѣлали помѣщеніе еще для двухъ картечницъ, для продольнаго обстрѣливанія впереди лежащей мѣстности. Для восьми зарядныхъ ящиковъ устроили эполементы, а позднѣе, въ виду значительной убыли въ артиллерійскихъ лошадяхъ, ихъ помѣстили въ широкую траншею.

Вмѣстѣ съ этими работами преслѣдовалась цѣль сближенія съ нашими укрѣпленіями на Брестовацкой горѣ. Благодаря энергіи командира Углицкаго полка, полковника Панютина, наши работы на Брестовацкой позиціи каждую ночь придвигались впередъ и черезъ нѣсколько дней соединились съ укрѣпленіями Зеленой горы, составляя относительно ихъ уступъ назадъ слѣва.

Къ срединѣ ноября наша позиція на Зеленой горѣ могла считаться неприступною, и ежедневный нарядъ войскъ, безъ ослабленія силы обороны, благодаря произведеннымъ работамъ, съ четырехъ батальоновъ, былъ уменьшенъ на два.

Перейдемъ теперь къ описанію внутренняго порядка, практикованнаго войсками 16-й пѣхотной дивизіи и 3-й стрѣлковой бригады для занятія ими траншей на Зеленой горѣ.

Первые дни по занятіи нами гребня Зеленыхъ горъ, сила постоянно находившихся на позиціи войскъ заключалась въ четырехъ баталіонахъ пѣхоты (изъ нихъ одинъ стрѣлковый), дивизіона четырехъ фунтовыхъ орудій, четырехъ картечницахъ и полсотни казаковъ. Изъ этихъ войскъ въ боевой линіи расположено десять ротъ (изъ нихъ двѣ въ частномъ резервѣ), четыре орудія и четыре картечницы.

Восемь ротъ, назначенныхъ въ боевую линію, занимали передовую траншею; по флангамъ ея ставились части стрѣлковаго баталіона.

Всѣми войсками, первыя восемь дней по занятіи нами позиціи, распоряжался генералъ Скобелевъ 2-й, лично жившій со своимъ штабомъ въ

передовой траншеѣ. Съ отъѣздомъ его въ дер. Брестовацъ, комендантомъ укрѣпленій Зеленыхъ горъ и начальникомъ всѣхъ оборонявшихъ ихъ войскъ былъ назначенъ генералъ-маіоръ Гренквистъ.

Командиръ очереднаго полка, занимавшаго позицію, назначался начальникомъ боевой линіи, т. е. передовой траншеи. Она дѣлилась на два участка, которыми командовали два баталіонныхъ командира, каждый изъ этихъ участковъ дѣлился на ротные, по числу занимавшихъ траншеи ротъ.

Части, занимавшія передовую траншею, находились въ постоянной готовности къ бою. Ружья были вставлены въ бойницы и лежали горизонтально. Люди не снимали амуниціи. Часть патроновъ была уложена въ небольшія четырех-угольныя углубленія, сдѣланныя каждымъ солдатомъ справа ружья въ толщѣ бруствера. Каждая рота выставляла днемъ четырехъ часовыхъ, по одному отъ каждаго взвода, непрерывно наблюдавшихъ за непріятелемъ и за участкомъ впереди лежащей мѣстности. Съ наступленіемъ темноты, число часовыхъ увеличивалось до восьми, а въ глубокій туманъ, или въ ожиданіи атаки непріятеля, до шестнадцати отъ каждой роты. Смѣна часовыхъ производилась каждый часъ. Каждая рота на ночь высылала по два секрета, отъ трехъ до четырехъ человѣкъ; каждый секретъ выползалъ впередъ, въ зависимости отъ близости непріятельскихъ траншей: противъ нашего праваго фланга до 100 — 150 шаговъ, противъ лѣваго до сорока шаговъ *).

Секреты наши, для защиты отъ турецкихъ пуль, помѣщались въ небольшихъ ложементахъ. Число этихъ ложементовъ, весьма легко устраиваемыхъ, благодаря мягкому грунту, было нѣсколько больше, чѣмъ число высылаемыхъ секретовъ.

Ложементы эти вырылись по инициативѣ самихъ солдатъ. Людямъ въ секретахъ воспрещалось стрѣлять, за исключеніемъ только случаевъ, когда выстрѣлъ оставался единственнымъ средствомъ дать знать о приближеніи противника. О всемъ, замѣченномъ у турокъ, секреты давали знать посылкою одного или двухъ человѣкъ.

Съ наступленіемъ непріятеля, секреты отходили назадъ, чтобы дать возможность встрѣтить наступающаго огнемъ изъ траншей. Случалось, что наши роты открывали огонь ранѣе отступленія того или другаго секрета. Въ этихъ случаяхъ секреты ложились и черезъ нихъ проносились пули обѣихъ сторонъ. Было два или три прискорбныхъ случая, когда въ секретахъ оказывались убитые своими пулями.

*) Турецкія траншеи, отдаленныя отъ траншей нашего праваго фланга шаговъ на 500, приближались къ траншеямъ лѣваго фланга всего на 120 — 130 шаговъ. Впереди своихъ траншей, шагахъ въ тридцати отъ нихъ, турки держали ночью, а иногда и днемъ, цѣпь одиночныхъ часовыхъ, изъ которыхъ каждый сидѣлъ въ небольшой круглой ямкѣ.

По полученіи извѣстія о наступленіи непріятеля, изъ секрета, или когда стрѣльба непріятеля вдругъ усиливалась, по траншеямъ раздавалась команда «къ ружьямъ».

По этой командѣ каждый становился на банкетъ и приготовлялъ патронъ. Одиночная стрѣльба воспрещалась. Стрѣльба залпами открывалась только по разрѣшенію начальниковъ баталіонныхъ участковъ, полковаго командира или лично генерала Скобелева 2-го. Но вотъ, наступленіе непріятеля не подлежитъ сомнѣнію и сопровождается частымъ огнемъ густой цѣпи, прикрывающей наступающихъ. Приказаніе открыть пальбу залпами быстро облетаетъ траншеи. Въ первыя минуты замѣчается нѣкоторая суетливость у солдатъ. Дайте этой суетливости развиться и она обратится сперва въ безпорядокъ, а потомъ, весьма вѣроятно, и въ безпорядочное отступленіе.

Надо всѣмъ начальствующимъ лицамъ сдѣлать крайнее напряженіе, чтобы взять свои части крѣпко въ руки. Ночь, темно, бойницы еще не сдѣланы, громъ свинца, пока стоишь на днѣ траншеи, идетъ черезъ голову, но стоитъ взобраться на банкетъ и пули засвистятъ надъ ухомъ. Шрапнель изъ орудій, подвезенныхъ турками за ночь, разрывается надъ самою траншеею. Такъ и хочется выстрѣлить, не высовывая головы изъ-за бруствера; а выстрѣлъ при этомъ можетъ быть только одинъ: въ верхъ. Поэтому первая забота ротныхъ командировъ должна заключаться въ энергическомъ требованіи, чтобы всѣ люди встали на банкетъ и затѣмъ въ безпрерывномъ напоминаніи, чтобы они цѣлились ниже. Первый залпъ не вполнѣ удался; онъ не только прокатился дробью, но вслѣдъ за нимъ посыпались одиночные выстрѣлы; мало того, нѣсколько человѣкъ сдѣлали по второму выстрѣлу, не дождавшись команды; за ними легко могутъ послѣдовать остальные. Часть готова уйти изъ рукъ. Залпы съ сосѣднихъ участковъ заглушаютъ голосъ командира. Въ этихъ случаяхъ личный опытъ и находчивость подскажутъ хорошему ротному командиру что сдѣлать. Мы беремся рекомендовать одинъ пріемъ, дававшій на практикѣ всегда хорошій результатъ. Это рѣшимость вскочить на скатъ бруствера и оттуда остановить стрѣльбу, а если огонь непріятеля не слишкомъ силенъ и сердце достаточно спокойно, то и командовать оттуда слѣдующій залпъ *). Разъ завладѣвъ частью, легко можно достигнуть идеальной чистоты залповъ, какъ бы близко непріятель ни находился.

Обыкновенно уже послѣ трехъ, четырехъ залповъ въ нѣсколькихъ ружьяхъ изъ роты экстракція перестаетъ дѣйствовать и приходится проталкивать пустую гильзу шомполомъ. Опоздавшихъ вслѣдствіе этого лю-

---

*) Такимъ же способомъ встрѣчали турецкія атаки нѣсколько героевъ-офицеровъ при оборонѣ Шипкинской позиціи противъ арміи Сулеймана.

дей надо предупредить, чтобы они пристраивались къ слѣдующему залпу, а отнюдь не стрѣляли отдѣльно, по мѣрѣ заряженія своихъ ружей.

Нѣсколько хорошо направленныхъ залповъ изъ непрерывной линіи траншей на восемь ротъ должны произвести страшный эффектъ на наступающаго. По крайней мѣрѣ турки никогда не доводили своей атаки до конца. Они останавливались, не дойдя до траншей иногда всего сотни или полторы сотни шаговъ, ложились и осыпали насъ градомъ пуль, причинявшихъ мало вреда. Затѣмъ, вставали и быстро отступали, чтобы не сказать бѣжали назадъ. Проводивъ ихъ еще нѣсколькими залпами, у насъ прекращали стрѣльбу. Послѣ атаки затихала стрѣльба и со стороны турокъ: у нихъ была другая забота—уборка раненыхъ и убитыхъ. Турецкіе санитары выходили изъ траншей съ фонарями и эти фонари двигались взадъ и впередъ въ пространствѣ между нашею и турецкою траншеями до утра. Наши строго воздерживались въ этихъ случаяхъ отъ стрѣльбы по огонькамъ, на что турки были большіе охотники.

Временное перемиріе наступало безъ всякихъ переговоровъ.

Вслѣдъ за отступившимъ непріятелемъ, наши секреты снова занимаютъ покинутыя ими мѣста. Люди сходятъ съ банкета, оставляя на немъ усиленное число часовыхъ. Нѣсколько времени, пока ажитація боя не пройдетъ, люди не думаютъ о снѣ. Разные эпизоды боя передаются другъ другу, слышатся попреки тому или другому товарищу за невыдержку въ стрѣльбѣ, за слишкомъ неумѣренное пригибанье головы, за растерянность. Но усталость понемногу беретъ свое и люди начинаютъ засыпать въ самыхъ разнообразныхъ позахъ: сидя, лежа, на банкетѣ, во рву. Часовые становятся апатичнѣе. Если часть проводитъ въ траншеѣ вторую или особенно третью ночь, то легко возможны случаи засыпанія часовыхъ. Поэтому необходима непрерывная повѣрка ихъ. Если есть основаніе предполагать повтореніе атаки, то лучше нѣсколько разъ въ теченіе ночи поднимать всѣхъ людей, дѣлать имъ повѣрку, застявлять ихъ проснуться, расшевелить ихъ, чѣмъ рисковать встрѣтить въ темнотѣ, съ полусонными людьми, энергичную атаку, особенно еслибы непріятель съумѣлъ произвѣсти ее безъ выстрѣла.

Турки, если они не заняты уборкою своихъ раненыхъ, безпокоятъ насъ всю ночь довольно частою стрѣльбою. Стрѣльба эта регулярна и, что казалось намъ удивительнымъ, мѣтка, не смотря на полную темноту. Потомъ мы разгадали эту загадку. Мы наблюдали мѣткость турецкихъ выстрѣловъ изъ того или другаго пункта ихъ траншей на нѣсколькихъ абрикосовыхъ деревьяхъ, росшихъ у самой траншеи. Не проходило минуты, чтобы регулярно направляемые выстрѣлы не били въ эти деревья на одной высотѣ отъ земли. Позже мы увидѣли, что для ночной стрѣльбы турки еще за-свѣтло ставятъ по скату бруствера прочныя вилки, при по-

мощи которыхъ положенному на нихъ ружью дается опредѣленное направленіе. Затѣмъ мы узнали, что турецкимъ часовымъ во время ночи приказывается выпускать опредѣленное число пуль по невидимому противнику. Мѣра эта имѣетъ за собою нѣкоторыя достоинства. Она, безпокоя противника, заставляетъ въ то же время своихъ часовыхъ не поддаваться дремотѣ, да и на сосѣднихъ товарищей выстрѣлы часоваго дѣйствуютъ пробуждающимъ образомъ. У насъ ночью одиночной стрѣльбы не допускалось. Позднѣе, по сближеніи нашихъ траншей, разрѣшено было посылать отвѣты, цѣлясь на огоньки непріятельскихъ выстрѣловъ.

Передъ утромъ обыкновенно густой туманъ застилалъ мѣстность, вслѣдствіе чего мѣры предосторожности усиливались, люди будились. Часто туманъ продолжался весь день, но иногда, не смотря на ноябрь мѣсяцъ, туманъ съ разсвѣтомъ пропадалъ и ясное, теплое еще солнце живо согрѣвало продрогнувшихъ за ночь солдатъ и сушило ихъ одежду. Съ солнцемъ каждый чувствовалъ себя веселѣе. Секреты убирались и въ траншеяхъ начинался обычный день. Начинался онъ съ чистки оружія. Это на столько важный предметъ, что мы на немъ нѣсколько остановимся. Начнемъ, быть можетъ, нѣсколько издалека.

Наши противники явились гораздо лучше вооруженными, чѣмъ мы ожидали. Большая часть турецкой пѣхоты была вооружена ружьями системы Снайдера, меньшая—ружьями системы Пибоди. Часть кавалеріи и черкесовъ—магазинными.

Въ первыхъ же бояхъ съ турками подъ Плевною мы начали нести потери съ дистанціи болѣе чѣмъ въ двѣ тысячи шаговъ. Мы не имѣли успѣха въ этихъ бояхъ и стали невольно отыскивать причину неудачи въ превосходствѣ турецкаго оружія, а не въ нашихъ ошибкахъ, независимыхъ отъ оружія. Какъ на дѣйствительныя причины неудачъ, можно бы указать на слѣдующія: недостаточность силъ, разброска ихъ, разрозненность атаки, несоотвѣтственное направленіе ея, неумѣнье воспользоваться превосходствомъ въ числѣ нашей артиллеріи и кавалеріи, быстрое расходованіе резервовъ, неправильный способъ наступленія и атаки въ лобъ, не пользуясь закрытіями, почти безъ стрѣльбы, чуть не баталіонными колоннами. Каждой изъ этихъ причинъ въ отдѣльности достаточно, чтобы объяснить неудачу. Но легче было свалить вину на недостатокъ нашего ружья и пушки, на малое количество патроновъ и снарядовъ, чѣмъ признать свое неумѣнье распорядиться тѣми средствами, которыя находились въ рукахъ, и средствами, съ русскимъ солдатомъ совершенно достаточными, чтобы вырвать побѣду не только у турокъ, но и у любаго противника. Мнѣніе офицеровъ о превосходствѣ турецкаго оружія быстро усвоилось солдатами и поселило въ нихъ нѣкоторое недовѣріе къ своему оружію, а вслѣдъ за недовѣріемъ и неохоту ухаживать за нимъ, чистить его.

Существенныя обвиненія противъ нашего ружья Крынка заключаются въ недостаточности нарѣзки прицѣла только на 600 шаговъ и въ дурной экстракціи. Обвиненіе нашего ружья въ недостаточной дальности и мѣткости не имѣетъ основанія.

Дѣйствительно, тяжело наступать противъ непріятеля, наносящаго существенный вредъ съ 2,000, безъ отвѣта цѣлыхъ 1,200 шаговъ. Но надо припомнить, что стрѣлковыя роты и стрѣлковые баталіоны могли начинать стрѣльбу, первые съ 1,200, а послѣдніе даже съ 1,500 шаговъ. Надо припомнить и то, что даже войдя въ сферу прицѣльности изъ нашихъ ружей ближе 600 шаговъ, мы мало пользовались ими и предпочитали продвигаться впередъ почти безъ выстрѣла, даже плохо пользуясь мѣстными закрытіями. Мы смѣшивали наступленіе съ атакою и начинали атаку съ 2,000 шаговъ. Мало того, мы иногда считали возможнымъ вести ее на это разстояніе безостановочно. Если значительныя потери, физическое утомленіе, нервное потрясеніе, заставляли атакующую часть остановиться, не дойдя до предмета атаки, то она останавливалась не тамъ, гдѣ это было выгодно, по свойству мѣстности или по разстоянію отъ непріятеля, а тамъ, гдѣ засталъ ее кризисъ. Части останавливались и въ 1,000 шагахъ отъ непріятеля и, въ 40; останавливались и на открытой площадкѣ, когда впереди и сзади были прекрасныя закрытія. При чемъ же тутъ прицѣлъ на 600 шаговъ? Безспорно, часть, могущая наносить вредъ съ 1,200 шаговъ, при всѣхъ равныхъ условіяхъ сильнѣе части, способной стрѣлять только съ 600 шаговъ. Но въ нашей настоящей практикѣ вопросъ о нарѣзкѣ прицѣла на лишніе 600 шаговъ имѣлъ лишь второстепенное значеніе. Причины неудачъ и большихъ потерь зависили не отъ прицѣла. Турки наносили намъ вредъ съ 2,000 шаговъ и отбивали нѣкоторые изъ нашихъ атакъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что ихъ способъ дѣйствія долженъ быть принятъ и нами? Нѣтъ. Они дѣйствовали оборонительно; на заранѣе укрѣпленныхъ позиціяхъ; они подвозили на эти позиціи массы патроновъ. Въ траншеяхъ, кромѣ патроновъ, находившихся на людяхъ, были разставлены цѣлые ящики ихъ. Патроны разрѣшалось тратить безъ счета. Турки стрѣляли часто не цѣлясь, а просто положивъ ружье передъ собою. Они стрѣляли изъ траншей иногда спрятавъ головы. Могли ли мы принять ихъ систему дѣйствій при наступленіи. Нѣтъ. Никакихъ перевозочныхъ средствъ недостаточно, чтобы при подобной системѣ, для наступающей арміи везти нужное количество патроновъ. Да и доставивъ за арміею массу патроновъ, скажемъ по 400 на ружье (при принятіи турецкой системы слѣдовало бы имѣть по 1,000 патроновъ на каждое ружье), трудности еще не кончились. Пришлось бы организовать подвозъ патроновъ за наступающими частями и въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ непріятеля раздавать ихъ.

Мы выступили на войну съ солдатомъ, вооруженнымъ преимуще-

ствено ружьями Крынка, съ прицѣломъ на 600 шаговъ и съ 200 патроновъ на каждое ружье. Надлежало при всѣхъ обстоятельствахъ, намъ встрѣтившихся, ставить цѣлью: извлечь возможную пользу изъ нашего солдата (въ смыслѣ храбрости, стойкости, выносливости), его ружья, каково оно есть и изъ патроновъ, сколько ихъ имѣется.

Въ дѣлахъ, въ которыхъ мы имѣли неудачу (бой подъ Плевною), или гдѣ успѣхъ стоилъ намъ слишкомъ дорого (Горный Дубнякъ, Телишъ), мы не извлекли всей возможной пользы изъ нашего солдата, его ружья и имѣвшихся патроновъ. Можно думать, что при иномъ распоряженіи этими средствами, чѣмъ какъ было въ дѣйствительности, неудачи были бы рѣже, а успѣхи окупились бы болѣе дешевою цѣною.

Въ дѣлахъ, въ которыхъ мы имѣли успѣхъ, мы хорошо воспользовались драгоцѣнными качествами нашего солдата, но, какъ и въ первомъ случаѣ, не извлекли всей возможной пользы изъ его ружья и имѣвшихся патроновъ.

Въ правѣ ли мы, распорядившись дурно имѣвшимся, требовать еще большаго? Въ правѣ ли мы, дурно распорядившись ружьемъ съ прицѣломъ на 600 шаговъ и съ 200 патроновъ на человѣка, требовать ружья съ прицѣломъ на 1,200 шаговъ и по 400 патроновъ. Получивъ просимое, мы, пожалуй, подумаемъ, что всѣ наши недостатки устранены и успокоимся, а это опаснѣе всего *).

Перейдемъ къ разсмотрѣнію другаго, на мой взглядъ болѣе существеннаго недостатка ружья Крынка: къ дурной экстракціи его.

Боевая обстановка часто представляетъ непреодолимыя трудности къ содержанію ружей въ той чистотѣ, какъ это признано необходимымъ. Частямъ войскъ часто приходится проводить по нѣсколько сутокъ почти въ непрерывной готовности къ бою въ передовыхъ позиціяхъ, въ траншеяхъ, во всякую погоду. Такъ, отрядъ изъ 26-ти баталіоновъ генерала князя Имеретинскаго 20-го, 21-го, 22-го и 23-го августа велъ бой подъ Ловчею, а 27-го, 28-го, 29-го, 30-го и 31-го — подъ Плевною. Части этого отряда занимали передовыя позиціи, оставались на нихъ по нѣсколько сутокъ, имѣя ружья въ резервахъ сложенными въ козлы, а въ войскахъ боевой линіи, расположенныхъ въ траншеяхъ или за закры-

---

*) Относительно нашей артиллеріи тоже вышло недоразумѣніе. Мы плохо пользовались ея хорошими качествами, многочисленностью, хорошимъ составомъ людей и офицеровъ, мѣстностью; въ особенности извлекли мало пользы изъ четырехъ-фунтовыхъ батарей и затѣмъ безъ вѣскихъ основаній рѣшили, что турецкая артиллерія лучше нашей, что количество артиллеріи у насъ слишкомъ велико, дальность даже девяти-фунтовыхъ батарей мала, не говоря уже о четырехъ-фунтовыхъ батареяхъ. Подобныя обвиненія исходятъ и изъ среды самихъ артиллеристовъ и за ними забывается дѣйствительно слабая сторона нашей артиллеріи, если говорить только про матеріальную часть: это принятый способъ довольствія артиллерійскихъ лошадей.

тіями, на землѣ передъ собою (въ траншеяхъ), или съ правой стороны себя (за закрытіями).

Нѣсколько разъ дождь мочилъ эти ружья и они покрылись ржавчиной. При помѣщеніи ихъ на насыпь свѣже-устроенной траншеи, частицы земли приставали къ казенной части. Послѣ стрѣльбы ружья не удавалось промывать, такъ какъ вода была далеко, только въ колодцахъ, и ея едва хватало для питья. Смазка и протирка ружей, необходимыя послѣ стрѣльбы, могли имѣть мѣсто очень рѣдко, причемъ высказалась различная степень участія ротныхъ командировъ въ дѣлѣ сбереженія оружія. У однихъ, наиболѣе заботливыхъ, нашлось деревянное масло и достаточно времени для смазки. Въ другихъ ротахъ удовольствовались саломъ, наконецъ, въ весьма многихъ смазка совершалась только отдѣльными людьми изъ роты, безъ инициативы и контроля со стороны ближайшихъ офицеровъ.

Но и наилучше содержанныя ружья не могли выдержать непрерывнаго боя 30-го и 31-го августа въ дождь, туманъ, безъ того, чтобы экстракція не отказалась дѣйствовать. Мы видѣли нашихъ солдатъ въ редутахъ, взятыхъ штурмомъ, бросающихъ свои ружья и берущихъ ружья своихъ убитыхъ товарищей или даже турецкія. Тяжело было видѣть этихъ храбрецовъ, тщетно щелкавшихъ по нѣсколько разъ затворомъ, когда наступавшіе турки уже были въ сорока или пятидесяти шагахъ. Тяжело въ такую минуту лѣзть за шомполомъ и выбивать имъ пустую гильзу. Затѣмъ, уже каждый послѣдующій выстрѣлъ, послѣ тщетно произведенной, по привычкѣ, попытки выбросить гильзу экстракторомъ, требовалъ участія шомпола. Скорость стрѣльбы при этомъ, вмѣсто семи или десяти выстрѣловъ въ минуту, обращались въ два, т. е. приравнивалась къ стрѣльбѣ изъ прежнихъ ружей.

Большая или меньшая степень участія ротныхъ командировъ въ дѣлѣ ухода за ружьями при всѣхъ недостаткахъ экстракціи высказывается весьма замѣтно. Такъ, напримѣръ, въ двухъ сосѣднихъ ротахъ, находившихся въ разныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ одной экстракція перестаетъ дѣйствовать въ нѣкоторыхъ ружьяхъ послѣ трехъ выстрѣловъ, а въ другой — послѣ дватцати или двадцати пяти. При этомъ, совершенно незамѣтныя для непривычнаго глаза мелочи имѣютъ подчасъ значительное вліяніе. Такъ, мы говорили выше, что въ траншеяхъ на Зеленой горѣ каждый солдатъ въ толщѣ бруствера сдѣлалъ правѣе своего ружья углубленіе, въ которомъ держалъ, для удобства заряжанія, одну или двѣ пачки патроновъ. Съ началомъ стрѣльбы часть патроновъ высыпалась просто на дно этого углубленія. Скоро замѣтили, что у тѣхъ солдатъ, которые предусмотрительно выстлали дно этихъ ямокъ прутиками, экстракція дѣйствовала лучше, чѣмъ у ихъ сосѣдей, выкладывавшихъ патроны прямо на земляное дно, причемъ частицы земли

приставали къ нимъ и затрудняли, а иногда и совсѣмъ прекращали экстракцію. Точно также патроны, слишкомъ сильно смазанные саломъ, затрудняли экстракцію, и замѣтившіе это отдавали передъ боемъ приказаніе: «обтереть патроны».

Въ общемъ, можно сдѣлать заключеніе, что недостатки экстракціи въ ружьяхъ Крынка можно въ значительной мѣрѣ парализовать возможнымъ уходомъ за ружьями, причемъ иниціатива и контроль ухода должны исходить отъ ротныхъ командировъ.

Вернемся въ траншеи. Часамъ къ девяти утра ружья уже вычищены и смазаны. Часть людей, по указанію саперныхъ офицеровъ или своихъ ротныхъ командировъ, занята уширеніемъ траншеи, поправкою бойницъ, устройствомъ ротныхъ отхожихъ мѣстъ. Всѣ другія саперныя работы внѣ участковъ, занимаемыхъ ротами, производятся особо наряжаемыми изъ резервнаго лагеря рабочими частями.

Въ первые дни по занятіи траншей, люди получали разъ въ день горячую пищу, два раза варили въ самыхъ траншеяхъ чай и ежедневно получали спиртъ. Обѣдъ варился сперва въ логу, идущемъ къ Рыжей горѣ, но послѣ потери нѣсколькихъ кашеваровъ убитыми и ранеными и послѣ значительной убыли въ артельныхъ лошадяхъ пришлось кухни перенести значительно далѣе, въ Тученицкій оврагъ.

Первые дни за обѣдомъ посылались отъ каждой роты команды съ манерками всѣхъ остальныхъ людей. Но при этомъ часть пищи расплескивалась во время переноски и, главное, пища доставлялась холодною. Позднѣе, когда нѣсколько попривыкли къ траншеямъ и къ близости непріятеля, на обѣдъ стали водить людей сперва полуротами, а затѣмъ и цѣлыми ротами. Роты проводились къ кухнямъ закрыто, по ходамъ сообщенія. При занятіи передовой траншеи восемью ротами, люди водились на обѣдъ въ четыре пріема, въ каждомъ по двѣ роты (отнюдь не смежныя). Отъ каждой уходящей на обѣдъ роты часовые оставались на своихъ мѣстахъ. Обѣдъ совершался обычнымъ порядкомъ. Люди захватывали съ собою неизмѣнныя манерку и ложку. Каждый, получивъ въ манерку свою порцію изъ общаго котла, усаживался для обѣда, гдѣ находилъ удобнѣе. Въ варку супа или щей на каждаго человѣка клалось отъ одного до полутора фунтовъ мяса. Часть мяса нѣкоторыми солдатами уносилась въ траншею. Каша, если таковая была сварена, раздавалась въ крышки отъ манерокъ. Передъ раздачею пищи, люди получали, смотря по погодѣ или по перенесеннымъ ими трудамъ, по получаркѣ или по чаркѣ водки. Пообѣдавъ, люди мыли манерки и захватывали въ нихъ съ собою воды.

Вернувшись въ траншею, свободные отъ караула и работъ варили себѣ чай. Сборъ топлива внѣ траншей составлялъ всегда неистощимый

предметъ для развлеченія. Турки открывали по собиравшимъ дрова огонь, не всегда безвредный.

Отъ обѣда до вечера каждый проводилъ время какъ находилъ удобнѣе. Многіе благоразумные, сытые и согрѣтые солнышкомъ, спали, въ ожиданіи тревожной ночи. Другихъ тянуло вонъ изъ траншеи. Если огонь со стороны турокъ былъ слабъ, то никому не препятствовалось выходить изъ нея. При сильномъ же огнѣ людямъ нечего было и напоминать, чтобы они оставались въ траншеѣ. Выходили изъ траншей съ разнообразными цѣлями: для сбора дровъ, для рытья земляныхъ грушъ, для сбора винограда, который еще кой-гдѣ висѣлъ кисточками и походилъ на изюмъ. Иной смѣльчакъ, выбравшись впередъ траншеи, вызывалъ огонь, который и заставлялъ его вернуться назадъ въ траншею. У нѣкоторыхъ при этомъ являлся матеріалъ для разсказовъ своимъ товарищамъ на цѣлый часъ: «Какъ онъ поползъ впередъ, видитъ передъ собою большой виноградный кустъ, еще усыпанный ягодами, нацѣлился ползти къ нему и уже шага три осталось, какъ турки запримѣтили. Первая пуля ударила позади его, вторая совсѣмъ близко; однакожь, онъ успѣлъ доползти до куста, сорвать нѣсколько ягодъ и назадъ, а тутъ турки давай жарить» и. т. д.

Часовые и любители-охотники все время зорко слѣдятъ за непріятелемъ. Въ показавшагося изъ траншей пускается нѣсколько выстрѣловъ. Засѣвшій для удобства стрѣльбы на дерево вызываетъ цѣлую охоту, за которою слѣдитъ сотня глазъ. Охота эта, обыкновенно, кончалась печально для предпріимчиваго турка. Убитый или раненый онъ сваливался съ дерева, вызывая шумную радость въ нашей траншеѣ. Радость была не менѣе сильна и тогда, если турки, принявъ выставленное имъ изъ траншей чучело за человѣка, всаживали въ него нѣсколько пуль, сбивали шапку, прострѣливали ее. Къ вечеру, почти каждый день, въ траншеяхъ играла полковая музыка. Первый маршъ или пьеса обыкновенно привѣтствовались турками усиленною пальбою. Иногда траншейныя удовольствія имѣли совершенно оригинальный характеръ. По полученіи, напримѣръ, извѣстія о взятіи Карса, рѣшено было сообщить эту вѣсть и нашимъ близкимъ тогда сосѣдямъ туркамъ. Устроили большой щитъ, натянули на него солдатское сукно, вырѣзали на турецкомъ языкѣ крупную надпись; «Карсъ взятъ», подклеили съ внутренней стороны вырѣзки красную масляную бумагу и съ наступленіемъ полной темноты выставили этотъ щитъ, освѣщенный сзади десяткомъ свѣчъ поверхъ траншеи. Турки, замѣтивъ щитъ и прочтя, вѣроятно, надпись (ихъ секреты были не далѣе шестидесяти, семидесяти шаговъ), открыли по щиту частую стрѣльбу. Въ отвѣтъ на нее въ траншеѣ заиграли гимнъ «Боже Царя храни», послѣ котораго войска, занимавшія Зеленую гору, прокричали «ура!» Выставленный щитъ, музыка и особенно крикъ «ура!» всполошили ту-

рокъ. Они открыли по всей линіи частую пальбу и не прекращали ее болѣе двадцати минутъ.

Офицеры тоже скоро нашли возможнымъ устроиться въ траншеяхъ относительно удобно. Вслѣдъ за частями, пришедшими на смѣну, на трое или двое сутокъ, явились офицерскіе деньщики, съ большими свертками, въ которыхъ обыкновенно находились кожаное или гутаперчевое пальто, если оно не было одѣто сверху суконнаго, коврикъ, замѣнявшій тюфякъ, кожаная подушка, мѣдный чайникъ, мѣшокъ съ сахаромъ, чайница, мѣшокъ съ сухарями или хлѣбомъ, фляга съ ромомъ или водкою, папиросы, иногда книга. Молодежь довольствовалась еще меньшимъ. Мѣстомъ для ротнаго командира была середина участка, занятаго его ротою. Ступенька траншейнаго рва, съ которой влѣзали на банкетъ, нѣсколько расширялась, иногда въ видѣ ниши. По дну ниши укладывалась подстилка изъ соломы, а если ее не было принесено, то коврикъ клался прямо на землю. Гутаперчевыя одѣяла-постели (съ подушкою) не практиковались армейскими пѣхотными офицерами и по ихъ тяжести, и по дороговизнѣ. Обѣдомъ большая часть офицеровъ довольствовалась изъ котла. Наиболѣе хозяйственные ротные командиры располагались съ относительнымъ комфортомъ. Они перетаскивали въ траншею почти все свое несложное хозяйство. Подъ коврикъ помѣщался весьма искусно связанный изъ пучковъ соломы тюфякъ, маленькій погребецъ снабжалъ хозяина въ избыткѣ не только предметами необходимости, но даже роскоши. Тутъ былъ самоваръ, стакановъ на шесть, два, три стакана съ блюдечками, чайница, двѣ чайныхъ ложки, одна столовая, жестянка съ сахаромъ, стклянка съ ромомъ, иногда даже баночка съ вареньемъ. Тутъ же утискивались двѣ жестяныхъ тарелки, ножъ и вилка. Въ ногахъ, въ мѣшкѣ изъ толстаго холста помѣщалось остальное имущество: небольшая кострюлька, сковорода, таганъ, кусокъ холоднаго мяса или курицы, бутылка съ водкою, сухари или довольно черствый хлѣбъ, подчасъ черствая колбаса и сухой сыръ,—продукты, купленые у полковаго маркитанта.

Солдаты, которымъ твердилось, что отступленія изъ траншей не будетъ и быть не должно, видя ротнаго, перетащившаго въ траншею все свое имущество, чувствовали, что ротный считаетъ себя въ ста-двадцати шагахъ отъ непріятеля въ совершенной безопасности и увѣренъ, что рота не допуститъ турокъ до траншеи.

Невольно мнѣ вспоминается одинъ незначительный, но характерный, по моему мнѣнію, эпизодъ. Это было въ одну изъ первыхъ и наиболѣе тревожныхъ ночей по занятіи нами позицій на Зеленой горѣ. Турки наступали на наши траншеи. Масса свинца летѣла черезъ головы. Шрапнель рвалась надъ траншеями. Мы были готовы къ встрѣчѣ и открыли огонь залпами. Идя по траншеѣ, я невольно остановился передъ однимъ изъ ротныхъ командировъ. Онъ стоялъ на банкетѣ и спо-

койнымъ громкимъ голосомъ командовалъ ротою. Противъ него, у задней отлогости траншеи, молодой солдатикъ—деньщикъ, вѣроятно первый разъ попавшій подъ огонь, дрожащими отъ волненія руками подкладывалъ дрова подъ таганъ, на которомъ стояла кострюля. Вспыхивающее пламя освѣщало блѣдное, потное лице бѣдняги. Повидимому, весь поглощенный заботою о должной встрѣчѣ приближающагося непріятеля, который могъ черезъ минуту уже быть въ траншеѣ, почтенный капитанъ тѣмъ не менѣе не переставалъ помнить, что у него варится супъ и что варкою завѣдуетъ струсившій Семенъ или Петръ. Послѣ команды «пли», капитанъ оборачивался къ деньщику и нѣсколько менѣе громкимъ голосомъ кричалъ ему: «ты у меня... (слѣдовало крѣпкое слово), смотри! я тебѣ пропишу, если щи испортишь». Затѣмъ снова къ ротѣ громко и внушительно: «не суетиться, цѣлиться ниже, слушать команды какъ одинъ; пальба ротою: рота пли». Рота выстрѣлила какъ на ученьи, ротный просіялъ, онъ не вытерпѣлъ и крикнулъ «молодцы!» «Рады стараться!» послышался сдержанный выкрикъ солдатъ среди щелканья затворовъ. А ротный уже снова смотритъ на работу своего деньщика, «дровъ подложи... (снова крѣпкое слово); чего струсилъ, баба ты этакая»...

Турки были отбиты. Полчаса спустя, снова проходя по траншеѣ, я увидѣлъ капитана и субалтернъ-офицера роты сидѣвшими на коврѣ и уже оканчивавшими щи. Рядомъ съ ними стояла сковородка съ котлетками. Напротивъ деньщикъ, уже успокоившійся отъ волненія, старательно раздувалъ самоваръ. Добродушное лицо капитана сіяло удовольствіемъ.

Завидѣвъ меня, онъ соскочилъ съ своего ложа и радушно пригласилъ закусить чѣмъ Богъ послалъ. Затѣмъ, запустивъ руку въ особо устроенную нишу, онъ вытащилъ оттуда сперва небольшой серебряный стаканчикъ, а затѣмъ и бутылку водки.

Онъ налилъ мнѣ водки и добавилъ «и мы за вами передъ котлетками пропустимъ по второй». Мой хозяинъ былъ лѣтъ сорока отъ роду и уже находился на службѣ двадцать лѣтъ. Изрытое оспою, некрасивое, но вполнѣ русское, лицо дышало простотою и добродушіемъ. Только щетинистые усы, смотрящіе внизъ, да привычка хмурить брови, придавали ему нѣсколько суровости. Одѣтъ онъ былъ въ старое драповое пальто съ погонами, которые стали свертываться въ трубочку. Подъ пальто старенькій же сюртукъ безъ погонъ. Брюки заправлены въ большіе сапоги. Поверхъ пальто—портупея съ тонкою, вовсе не боевою саблею и револьверомъ Смита и Вессона *), обернутымъ тряпкою и затѣмъ уже вложеннымъ въ кобуру. Поверхъ пальто былъ на-

---

*) Пѣхотные офицеры жалуются, что револьверы этой системы, при всѣхъ ихъ достоинствахъ, слишкомъ тяжелы.

кинутъ гутаперчевый плащъ съ капишопомъ. Кепи, ухарски сдвинутое на одинъ бокъ, дополняло костюмъ капитана и плохо гармонировало съ добродушнымъ, усатымъ лицомъ его. Капитанъ принадлежалъ къ почтенному типу служакъ, къ счастію распространенному между нашими армейскими ротными командирами, служакъ, командующихъ ротами по десяти и болѣе лѣтъ, для которыхъ рота становится семьею. Между ними встрѣчаются личности отказывающіяся отъ представленія къ чину маіора, только чтобы не разставаться съ ротою.

Перейдемъ теперь къ описанію порядка смѣны частей, занимающихъ траншеи. Въ началѣ смѣна производилась черезъ двое сутокъ. Лучше еслибы можно было вовсе не мѣнять части, разъ поставленныя на подобную позицію. Люди привыкли бы, обжились, каждый зналъ бы свое мѣсто и что ему надлежитъ дѣлать въ каждомъ случаѣ. Для резервовъ можно построить землянки, нарядъ въ передовую траншею съ хорошо ознакомленными съ дѣломъ и выдержанными войсками можно было бы уменьшить до возможной крайности.

Турки и практиковали этотъ способъ. У нихъ различные редуты занимали постоянно однѣ и тѣ же части и смѣна производилась только въ передовыхъ траншеяхъ отъ войскъ ближайшаго редута. Мало того, турки настроили землянокъ даже въ передовыхъ траншеяхъ. Мы не остановились на этомъ способѣ по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, служба въ траншеяхъ, въ виду постоянной готовности къ бою и всегда подъ огнемъ была весьма тяжела и утомительна; проведя нѣсколько безсонныхъ ночей, часть настолько становилась нравственно ослабѣвшею, что на ея стойкость при серьезной атакѣ со стороны непріятеля было рискованно полагаться. Во-вторыхъ, жизнь въ траншеяхъ при сухой теплой погодѣ была еще сносна, но въ ноябрѣ начались дожди, наводнившія траншеи, не смотря на всѣ старанія саперовъ отводить воду. Глинистый грунтъ растворился. Сдѣлалось мокро и холодно. Построили на роту по двѣ землянки, но этого было недостаточно. На всѣхъ же людей строить землянки не рѣшились, опасаясь ослабленія бдительности и уменьшенія готовности къ встрѣчѣ противника. Люди промокали въ траншеяхъ насквозь и не могли осушиться ранѣе возвращенія въ лагерь. Кромѣ того, генералъ Скобелевъ счелъ полезнымъ провести всѣ части 16-й дивизіи и 3-й стрѣлковой бригады черезъ боевую школу на Зеленой горѣ, чтобы пріучить людей къ близости непріятеля, къ свисту пуль и къ саперпымъ работамъ. Дивизія и бригада, сильно пострадавшія послѣ 30-го августа, только что получили укомплектованіе и на половину своего состава состояли изъ людей, еще невидавшихъ огня. Позднѣе штурмъ Шейнова (26-го, 27-го и 28-го декабря) показалъ, что школа подъ Плевною не пропала для этихъ войскъ даромъ.

Назначенный первоначально трехдневный срокъ, съ ухудшеніемъ погоды, сперва уменьшился на два дня, а затѣмъ, съ наступленіемъ холодовъ и выпадомъ снѣга, на однѣ сутки.

Порядокъ смѣны былъ слѣдующій: части, назначенныя на смѣну, послѣ завтрака, состоявшаго преимущественно изъ жидкой горячей кашицы, выступали изъ резервнаго лагеря и слѣдовали закрыто, придерживаясь Тученицкому оврагу, къ нашей позиціи на Зеленой горѣ. Подойдя къ ней, онѣ располагались въ логу между Рыжею и Зеленою горами, ближе къ Тученицкому оврагу, чтобы менѣе терпѣть отъ случайныхъ выстрѣловъ. Отъ резервнаго лагеря, образцоваго, разбитаго и содержаннаго на плевно-ловчинскомъ шоссе, въ которомъ на всю 16-ю дивизію, 3-й саперный батальонъ и двѣ артиллерійскія бригады (2 и 16) были устроены прекрасныя землянки, до позицій на Зеленой горѣ войскамъ, назначеннымъ на смѣну, приходилось пройти четыре версты. Къ 10-ти или $11^{1}/_{2}$ часамъ утра части эти уже начинали смѣну. Полкъ смѣнялъ полкъ; баталіонъ—баталіонъ, рота—роту. Соотвѣтствующіе начальники узнавали все относящееся къ смѣнѣ отъ своихъ предмѣстниковъ. Роты, слѣдующія на смѣну, приводились однимъ ходомъ сообщеній, а роты, уже смѣненныя, уводились назадъ другимъ ходомъ. Солдаты передавали другъ другу вмѣстѣ съ мѣстомъ и все ими замѣченное въ сторонѣ непріятеля въ теченіи очереди. По сборѣ въ логу смѣнныхъ ротъ одного баталіона, онъ уводился домой, не дожидаясь сбора цѣлаго полка, чтобы избѣжать скопленія людей въ логу и скорѣе привести людей къ обѣду и отдыху. Четыре картечницы и до 30-ти крѣпостныхъ ружей оставались въ траншеяхъ безсмѣнно. Четыре орудія, поставленныя на Зеленой горѣ, находились на батареѣ безсмѣнно, но прислуга и лошади къ нимъ смѣнялись ежедневно. Дѣлалось это для того, чтобы избѣжать потерь при свозкѣ орудій съ батареи и при ввозѣ ихъ. Порядокъ этотъ былъ не вполнѣ удобенъ. Люди другихъ батарей плохо чистили чужіе орудія и даже мало заботились о подносѣ къ нимъ достаточнаго числа снарядовъ изъ эполементовъ, гдѣ стояли зарядные ящики, что и оказалось при отбитіи одной изъ турецкихъ атакъ прекращеніемъ на время стрѣльбы, за недостаткомъ снарядовъ.

Часамъ къ 12-ти дня всѣ части занимавшія позиціи на Зеленой горѣ были смѣнены и уведены назадъ, а новыя стояли по мѣстамъ.

Ихъ принималъ, обходилъ и наставлялъ комендантъ укрѣпленій на Зеленыхъ горахъ, командиръ 2-й бригады 16-й дивизіи, генералъ-маіоръ Гренквистъ, безсмѣнно жившій въ траншеяхъ полтора мѣсяца и всегда поспѣвавшій первымъ туда, гдѣ была наибольшая опасность.

А. Куропаткинъ.

Штурмъ Никополя.

(Изъ воспоминаній артиллериста).

Изъ деревни Пяди-Кладенецъ 20-й Галицкій полкъ, съ двумя батареями 5-й бригады, около часу пополудни, былъ двинутъ, въ видѣ передоваго отряда, подъ Никополь. Авангардомъ у себя мы имѣли кавалерію съ казачьей батареей. Командиромъ отряда былъ назначенъ начальникъ 9-й кавалерійской дивизіи генералъ Лошкаревъ.

Погода стояла сухая, жаркая; окрестность, одѣтая совершенно готовой жатвой, имѣла характеръ мѣстности нашей Курской губерніи, представляя собою мѣстами довольно красивую равнину, зачастую прорѣзываемую оврагами, прихотливо окаймляемыми небольшими холмами. Между складками мѣстности нерѣдко скрывались болгарскія деревни, появляющіяся всегда совершенно неожиданно, такъ какъ они гнѣздятся исключительно въ лощинахъ. Мы шли чрезвычайно быстро. Пѣхота шла полнымъ шагомъ, привалы были рѣдки и очень коротки, что для насъ, прошедшихъ походомъ отъ Бендеръ черезъ всю Румынію, было рѣдкостью.

Въ первый разъ только за весь походъ отъ г. Систово, т. е. со времени нашего вступленія въ Турцію, сознавалась близость непріятеля, — близость боя отражалась на всѣхъ: солдаты шли молчаливые и сосредоточенные. Я ѣхалъ молча, погруженный въ свои думы; думалось о предстоящемъ боѣ, боѣ, по всей вѣроятности, кровопролитномъ, о далекой родинѣ, о домашнихъ и... Весь погруженный, я рисовалъ себѣ картину предстоящаго боя, но какъ-то не клеилось, то занесешься, какъ говорится, на облака, рисуешь рядъ геройскихъ подвиговъ, совершенныхъ съ рѣками крови, но избранные ге-

рои остаются цѣлы и невредимы среди всеобщей рѣзни; на мѣсто тысячъ убитыхъ откуда-то появляются массы свѣжихъ, жаждущихъ той же участи... Да откуда же имъ взяться? вдругъ задаешь себѣ вопросъ, и вся картина рушится, а черезъ нѣсколько минутъ назойливо лѣзетъ въ голову опять тоже съ небольшими варіаціями...

— Ваше благородіе, вонъ пожаръ! вдругъ вывелъ меня изъ задумчивости уносный фейерверкеръ, указывая на огромные клубы дыма, вырывающіеся изъ какой-то разсѣлины.

Мечты какъ-то вдругъ оборвались и я оборотился въ указываемое направленіе. Что горѣло—опредѣлить было трудно.

Проѣхавъ версты полторы, мы встрѣтили болгарина, который объяснилъ, что горитъ деревня и зажгли ее черкесы изъ Никополя, напавшіе въ числѣ отъ двадцати до тридцати человѣкъ. Туда поѣхали казаки. Пройдя еще немного, когда уже зажженная деревня осталась позади, мы увидѣли вдали кучку всадниковъ, мчавшихся во весь опоръ, среди несобранной жатвы и высокой травы. Ихъ преслѣдовали казаки. Затѣмъ послышалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ. Все это неслось впередъ, по направленію къ Никополю, быстро скрываясь изъ глазъ за покатостью мѣстности и высокой растительностью. Мимо насъ, обгоняя, прорысили сотни двѣ казаковъ. Въ головѣ ѣхало человѣка четыре офицеровъ, оживленно разговаривая между собой. Изъ донесшагося до меня отрывка фразы: «Только двадцать человѣкъ и не переловить ихъ, да мы бы ихъ...» я догадался, что они говорятъ о преслѣдуемыхъ черкесахъ. Начавшіеся было между солдатами толки объ описанномъ происшествіи, какъ-то вскорѣ сами собой прекратились. Немного спустя, къ намъ подъѣхалъ казакъ, ведя въ поводу маленькую, чрезвычайно худую, но съ сухой, красивой мордочкой, лошадку. Въ рукахъ у него было другое ружье. Мы всѣ подъѣхали къ нему съ распросами. Оказалось, что подъѣзжая къ горѣвшей деревнѣ, они замѣтили удирающую оттуда группу черкесовъ человѣкъ въ двадцать; начали преслѣдовать, стараясь перерѣзать имъ путь, тѣ на скаку отстрѣливались и благодаря своимъ лошадямъ, которыя, по выраженію казака, «даромъ что маленькія. а здорово сипучія, какъ поперли, такъ страсть», ускакали. Однако между ними одинъ началъ замѣтно отставать и вотъ онъ, нагнавъ его, выстрѣлилъ два раза и вторымъ выстрѣломъ убилъ. Ружье системы Снайдера, съ двѣнадцатью патронами и тесакомъ, купилъ у него нашъ командиръ батареи.

Продолжая двигаться такъ же быстро съ незначительными привалами, мы часу въ седьмомъ, когда уже начало темнѣть, вдругъ остановились. Это не былъ привалъ, такъ какъ ѣздовымъ не было приказанія слѣзать. Дорога въ этомъ мѣстѣ была узкая: слѣва обрывъ, а вправо крутая гора. Подъѣзжаю къ первому орудію, гдѣ обыкновенно находился командиръ батареи, но онъ уже поѣхалъ впередъ и причины остановки никто не зналъ. Наконецъ

кто-то сказалъ, что мы пошли не по той дорогѣ, такъ какъ дальше дорога совершенно прекращается и казачья батарея, которая шла впереди, дошла до того, что ужъ ѣхать дальше было положительно невозможно, пришлось ей выпрячь лошадей и повернуть орудія на рукахъ. Вскорѣ пріѣхалъ командиръ батареи и сообщилъ, что рѣшено спуститься здѣсь недалеко налѣво въ лощину, переночевать, и на утро чуть свѣтъ уйдти.

— Передайте людямъ, прибавилъ онъ, чтобы были возможно тише, а то вправо невдалекѣ находятся турецкія укрѣпленія.

Мы передали людямъ приказаніе и, пройдя немного, спустились въ небольшую, но довольно глубокую долину, окруженную со всѣхъ сторонъ крутыми возвышенностями. Повернуть назадъ было неудобно, такъ какъ сзади насъ находились обозы, которые слишкомъ бы затормозили дѣло и заставили бы пожалуй простоять въ походномъ порядкѣ всю ночь, что конечно имѣло свои дурныя стороны. При въѣздѣ въ лощину, подъ деревомъ стоялъ командиръ Галицкаго полка, полковникъ Розгильдяевъ, и баталіонные командиры, которымъ онъ отдавалъ приказанія, гдѣ и кому стать на ночь. Почти весь полкъ былъ разосланъ на окружающія лощину высоты, гдѣ и размѣстился по-ротно, съ цѣпью впереди. Мы сняли орудія и зарядили ихъ на всякій случай картечью; прислуга размѣстилась подлѣ своихъ орудій, безъ палатокъ, съ дежурнымъ у каждаго орудія. Огня нигдѣ не разводили. Только у полковаго командира да въ батареѣ свѣтилось по фонарю для лучшей разстановки орудій, задачи корма лошадямъ и другихъ хозяйственныхъ распоряженій. Ѣздовыхъ на водопой, въ впереди лежащую деревню, посылали съ командами вооруженной пѣхоты. Только когда разсвѣло и мы начали выходить обратно, я вполнѣ разглядѣлъ свой ночлегъ. Пришлось поневолѣ только удивляться турецкой непредпріимчивости. Я не допускаю мысли, чтобы турки не знали о нашемъ движеніи: ускакавшіе черкесы, наконецъ турки, оставшіеся въ деревнѣ, навѣрняка же дали знать гарнизону о движеніи отряда, тѣмъ не менѣе, по видимому, они не предприняли никакихъ мѣръ: ни къ разузнанію о численности отряда, ни къ разузнанію его пути; наконецъ нашъ ночлегъ, какъ я уже сказалъ, представлялъ изъ себя яму, окруженную со всѣхъ сторонъ крутыми возвышенностями, такъ что въ случаѣ, если бы турки, зная хорошо мѣстность, напавъ ночью, заняли окружающія высоты, то могли бы надѣлать намъ, безъ особеннаго для себя вреда, кучу самыхъ ужасныхъ непріятностей. Стрѣлять изъ орудій батарея не могла, взобраться на противоположный хребетъ и подавно, дорога же, по которой мы пришли, по своей узкости представляла слишкомъ опасный и неудобный путь отступленія, и въ особенности ночью.

Отошедши отъ ночлега версты на четыре или на пять, мы остановились бивуакомъ и простояли здѣсь до 3-го іюля, т. е. до дня атаки Никополя. Къ полудню того же дня пріѣхалъ къ намъ и нашъ бригадный ко-

мандиръ генералъ маіоръ Похитоновъ. Затѣмъ подошла наша 1-я батарея и пѣхотныя части.

Начальникъ 5-й дивизіи, генералъ-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ, съ 1-ю бригадою своей дивизіи и тремя батареями, былъ направленъ за рѣку Осму. Деревня Вубло, находящаяся невдалекѣ отъ турецкой, такъ называемой Вублской батареи, была занята баталіономъ Галицкаго полка, цѣпь котораго расположилась во рву, окружающемъ съ западной стороны деревню, и перестрѣливалась съ турецкой цѣпью, помѣщенной впереди своей батареи въ небольшихъ ровикахъ. Вублская батарея отлично обстрѣливала поименованную деревню.

Во все время стоянки подъ Никополемъ, генералъ Похитоновъ съ артиллерійскими офицерами производили тщательныя рекогносцировки. Онъ приказалъ нѣкоторымъ офицерамъ снять кроки мѣстности. Многіе изъ артиллеристовъ пропадая цѣлый день въ полѣ, подползая къ турецкой цѣпи, оставаясь весь день безъ пищи, даже ночевали въ траншеяхъ, чтобы разглядѣть утромъ, при восходѣ солнца, очертаніе батарей, число амбразуръ и т. д.

Чтобы заставить турокъ показать свое расположеніе и вызвать огонь со всѣхъ ихъ батарей, были потребованы сначала взводъ отъ Донской батареи, а затѣмъ взводъ отъ 2-й батареи 5-й бригады. Какъ только былъ открываемъ изъ этихъ взводовъ огонь, турки сейчасъ же съ горячностью отвѣчали на него со всѣхъ своихъ передовыхъ укрѣпленій, такъ что взводъ 2-й батареи успѣлъ сдѣлать только два выстрѣла, какъ турки уже обсыпали его гранатами. Турки стрѣляли чрезвычайно часто и мѣтко, и видно было, что они пристрѣлялись раньше. Когда такимъ образомъ вполнѣ обнаружилось расположеніе турокъ, взводу сейчасъ же приказали отойдти и расположиться въ лощинѣ позади и правѣе деревни Вублы.

2-го іюля съ утра генералъ Похитоновъ собрался съ артиллерійскими офицерами произвести окончательную рекогносцировку, провѣрить представленные кроки и указать мѣста заложенія батарей, которыя предполагалось воздвигнуть въ ночь со 2-го на 3-е іюля. Я поѣхалъ съ нимъ. Мы собрались у бивуака 5-й батареи, расположенной близъ палатокъ генерала Лошкарева (корпусный командиръ находился въ деревнѣ, вблизи главныхъ силъ). Когда всѣ собрались, генералъ сѣлъ на лошадь, что было сигналомъ къ отправленію и мы веселой толпой, разговаривая, отправились къ дорогѣ, ведущей въ Никополь и проходящей черезъ мѣстность правѣе деревни Вублы. Съ нами также поѣхали командиръ 2-й батареи, полковникъ Ямковскій, и командиръ Донской батареи, подполковникъ Ритиковъ, которые, будучи при взводахъ отъ своихъ батарей, вызванныхъ для рекогносцировки, знали расположеніе и даже приблизительно разстояніе, въ которомъ находились лѣсныя батареи, расположенныя въ рощахъ и чрезвычайно хорошо маскированныя отъ посторонняго наблюдателя. Подполковникъ Рити-

ковъ ранѣе, высматривая расположеніе непріятеля, цѣлые дни проводилъ въ окрестностяхъ, гдѣ, встрѣчаясь съ полковникомъ Ямковскимъ и многими другими рекогносцирующими офицерами, обмѣнивался съ ними видѣннымъ, дѣлалъ заключенія и потому отлично зналъ всю мѣстность. У него были имъ же составленные кроки, такъ что ихъ указанія могли быть чрезвычайно полезны. Когда мы выѣхали за кавалерійскіе аванпосты, въ сферу непріятельскаго огня, генералъ Похитоновъ съ полковникомъ Ямковскимъ начали выбирать позиціи, я же поѣхалъ лѣвѣй деревни Вубло, откуда, какъ говорили, можно ясно увидѣть не только расположеніе и очертаніе Вублской батареи, но даже легко различить и амбразуры, что меня чрезвычайно интересовало, такъ какъ совершенно не привыкшій и рѣдко видѣвшій въ дѣйствительности полевыя укрѣпленія, я никакъ не могъ разглядѣть не только амбразуръ, но еле-еле, и то при помощи бинокля, могъ составить себѣ весьма скудное понятіе о профили и величинѣ батарей.

Съ восточной стороны Никополя, т. е. съ той, гдѣ мы намѣревались заложить батареи, были расположены четыре передовыя укрѣпленія, или вѣрнѣе, батареи: Вублская, затѣмъ самая правая (ближе къ Дунаю) выдвинутая впередъ и названная лѣсною № 1, затѣмъ еще двѣ небольшія: одна въ центрѣ, другая правѣй, находящіяся значительно позади лѣсной № 1 батареи. Вообще лѣвый флангъ турокъ выдвигался впередъ. Все пространство за Вублской батареей и саженъ двѣсти правѣй послѣдней, по направленію къ Дунаю, было покрыто лѣсомъ, который въ центрѣ зачастую перерывался полянами. За Вублской батареей вдали виднѣлся турецкій лагерь.

Никополь, вслѣдствіе лѣса и значительно вынесенныхъ впередъ передовыхъ укрѣпленій, не былъ видѣнъ, такъ что мы не могли узнать мѣсто его расположенія, хотя и полагали, что онъ долженъ быть гдѣ-то вправо, ближе къ Дунаю. Деревня Вубло была расположена на юго-западномъ склонѣ котловины, переходящей правѣе и позади Вублы въ широкій оврагъ. По обѣ стороны оврага мѣстность представляла изъ себя обширный плацъ, на подобіе Военнаго поля подъ Краснымъ Селомъ, мѣстами засѣянный кукурузой, достигшей уже аршиннаго роста.

Принявъ влѣво, я въѣхалъ на холмъ лѣвѣй Вубло; здѣсь же присоединилось ко мнѣ еще нѣсколько офицеровъ. Съ вершины холма, взорамъ нашимъ представился чудный, богатый видъ: влѣво синей лентой извивалась Осма, окаймленная холмами, въ большинствѣ покрытыми высокими деревьями; на одномъ изъ ея береговъ виднѣлся, какъ бы вылѣзая изъ зелени, рядъ палатокъ, но чьи онѣ были: отряда ли генерала Шильдеръ-Шульднера, или непріятельскія — мы не могли разобрать. Вправо же, какъ на ладони, была видна Вублская батарея, которая оказалась о двухъ фасахъ, обращенныхъ: одинъ къ деревнѣ Вубло, другой же—къ рѣкѣ Осмѣ. Все же пространство отъ батареи до Осмы составляло одну покатость, покрытую виноградниками и различными посѣвами, изъ которыхъ одни еще зе-

леные, другіе, уже золотясь готовымъ колосомъ, представляли роскошный коверъ, который въ состояніи выткать только одна природа. Позади насъ находилась болгарская деревня. Болгарки, собиравшія въ это время хлѣбъ, и полагая, вѣроятно, что мы разсматриваемъ что нибудь имъ незнакомое, собрались на рядомъ расположенномъ холмѣ. Мы изъ любопытства и желая распросить ихъ о туркахъ, поѣхали къ нимъ. Но не успѣли мы и на половину приблизиться къ нимъ, какъ бѣлый цвѣтъ ихъ рубахъ уже замѣтили турки и послали къ нимъ одну за другой двѣ или три гранаты. Гранаты перелетѣли черезъ наши головы и одна изъ нихъ угодила прямо въ деревню. Болгарки съ воплемъ разбѣжались въ стороны. Огоньки отъ выстрѣловъ указали тѣ пункты, гдѣ надо было искать орудія и амбразуры, которыхъ теперь я, при помощи бинокля, насчиталъ только три.

Послѣ этого мы поѣхали къ генералу Похитонову, который уже выбралъ мѣсто для батарей: саженяхъ въ тысячу, въ тысячу-сто отъ Вублской батареи. Онъ разговаривалъ съ командиромъ 2-й батареи и командиромъ саперной роты, который ночью долженъ былъ строить батареи. Мы подъѣхали къ нему и начали прислушиваться къ отдаваемымъ приказаніямъ; но Вублская и лѣсная № 1 батареи, все время стрѣлявшія по рекогносцирующимъ гранатами, уже обратили на насъ вниманіе, пришлось волей-неволей держаться въ разсыпную. По рекогносцирующимъ турки, по моему, вели стрѣльбу нераціонально; они то открывали ее по отдѣльному всаднику, то, выпустивъ снаряда три, четыре по собравшейся небольшой кучкѣ, бросали ее, не заботясь о томъ, достигли ли ихъ снаряды цѣли или нѣтъ; и только изрѣдка, какъ бы озлившись, они набрасывались съ настойчивостью и, не жалѣя снарядовъ, посылали ихъ одинъ за другимъ иногда даже по давно скрывшейся цѣли; такъ, напримѣръ, отъѣхавъ отъ генерала, я началъ разсматривать мѣсто, гдѣ стоялъ прежде вызванный для рекогносцировки взводъ отъ 2-й батареи. Меня поразила страшная мѣткость турецкихъ орудій; зачастую попадались вырытыя гранатами воронки, отстоящія одна отъ другой, безъ преувеличенія, не болѣе аршина. Турки, замѣтивъ насъ, начали стрѣлять; я отъѣхалъ за копна хлѣба и, спустившись въ оврагъ, скрылся отъ ихъ взоровъ. Не смотря на это, они еще нѣкоторое время продолжали разстрѣливать пустое мѣсто.

Часамъ къ двумъ или тремъ пополудни мы возвратились на бивуакъ. Генералъ Похитоновъ пошелъ къ корпусному командиру представить составленные кроки и проектъ заложенія батареи. Предполагалось въ эту же ночь, по равнинѣ правѣй Вубло, выстроить батареи для пяти имѣющихся девяти-фунтовыхъ батарей и такимъ образомъ поставить въ центрѣ батарею въ сорокъ орудій, на обязанности которой было, благодаря превосходству огня, заставить замолчать турецкія батареи и вообще подготовить атаку; съ началомъ же атаки батареи выдвигаются впередъ и поддерживаютъ ее. Корпусный командиръ утвердилъ проектъ во всѣхъ пунктахъ.

Было приказано полкамъ доставить до тысячи пяти-сотъ человѣкъ рабочихъ. Полки 31-й дивизіи еще не приходили. Наконецъ, уже вечеромъ, когда было совершенно темно, пришли рабочіе отъ полковъ, все еще находившихся въ пути. Но при рабочихъ не было никакого инструмента. Всѣ имѣющіяся въ батареяхъ и Галицкомъ полку лопаты и кирки были отданы, но все-таки инструмента собралось очень мало: не болѣе двадцати, двадцати пяти лопатъ на батарею. Работать же приходилось исключительно лопатами, такъ какъ грунтъ былъ черноземный. Посланный начальникомъ артиллеріи къ корпусному командиру адъютантъ, съ докладомъ о недостаточности инструмента и о невозможности къ утру построить закрытія для всѣхъ батарей, вскорѣ возвратился и доложилъ, что баронъ Криденеръ приказалъ начать постройку батарей въ эту же ночь съ имѣющимся инструментомъ; тѣмъ же батареямъ, которымъ прикрытія, по недостатку инструмента, не будутъ сдѣланы — стать открыто. Терять время не приходилось и рабочіе отправились. На каждую батарею былъ назначенъ саперный офицеръ изъ бывшей при корпусѣ саперной роты и по два офицера отъ каждой батареи. Ночь была чрезвычайно темная,—такія ночи бываютъ, мнѣ кажется, только на югѣ, — въ пяти, семи шагахъ уже не различаешь человѣка. Какъ привели рабочихъ на поле — просто непонятно! Однако, какъ ни знали мѣстность, а вслѣдствіе полной темноты и поздняго прибытія рабочихъ, на мѣсто заложенія батарей не были заранѣе высланы саперные унтеръ-офицеры, почему приходилось разбивать батареи уже ночью, вслѣдствіе чего онѣ и были заложены не на указанномъ мѣстѣ: вмѣсто тысячи-ста, ихъ заложили на тысячу триста съ небольшимъ саженъ; даже направленіе линіи огня для нѣкоторыхъ батарей было сдѣлано невѣрно, такъ, напримѣръ, 2-й дивизіонъ 1-й батареи долженъ былъ по утру, когда разсвѣло, оставить свою батарею—она была построена къ непріятелю флангомъ. Еще было темно и батареи наши только-что начали строиться, какъ уже вдали отъ нашего бивуака послышался шумъ и стукъ колесъ; очевидно было, что это идутъ орудія. Турки нашимъ работамъ совершенно не препятствовали, и даже шумъ отъ движущихся орудій очевидно не безпокоилъ ихъ безмятежнаго сна. Вообще, надо замѣтить, что турки народъ крайне не предпріимчивый и апатичный. Сколько разъ имъ потомъ, въ нашихъ бояхъ подъ Плевною и въ другихъ мѣстахъ, представлялся удобный случай нанести намъ вредъ, но они какъ-то не умѣли пользоваться случаемъ. Такъ и здѣсь; если бы, по крайней мѣрѣ, хоть какой нибудь развѣдочный кавалерійскій отрядъ, который, можетъ быть, не причинилъ бы особеннаго вреда, но по крайней мѣрѣ все-таки надѣлалъ бы переполоха, не позволилъ бы вести такъ поспѣшно работъ и предупредилъ бы гарнизонъ о готовящемся сюрпризѣ! Чуть только началъ брезжеть разсвѣтъ, какъ наши батареи были уже на мѣстѣ, закрытія же не были и наполовину готовы. Не дожидаясь окончанія работъ, начали устанавливать орудія и не успѣли поднести по десяти гранатъ на

орудіе, какъ уже совсѣмъ было свѣтло и генералъ Похитоновъ, прибывшій съ батареями, торопилъ открытіемъ огня.

Только началъ обрисовываться контуръ Вублскаго укрѣпленія, какъ со 2-й батареи былъ произведенъ первый выстрѣлъ, вслѣдъ за которымъ водворилось гробовое молчаніе—всѣ вперили глаза по направленію непріятельской батареи, какъ будто бы весь исходъ этого дѣла зависѣлъ отъ выпущенной гранаты. «Недолетъ», нарушилъ кто-то молчаніе и вдругъ все сразу засуетилось, послышалась громкая команда командира батареи, наводчики начали быстро исправлять высоту прицѣла.

Батарея успѣла выпустить уже гранаты три или четыре, какъ на Вублской батареѣ показался бѣлый дымъ, сопровождаемый небольшимъ огонькомъ. «Вотъ такъ молодецъ Мамошенко—угодилъ какъ разъ», заговорили солдатики, полагая, что это разрывъ нашего, только что выпущеннаго снаряда. Раздавшійся свистъ и затѣмъ оглушительный разрывъ заставили ихъ вдругъ смолкнуть. Граната не долетѣла саженъ на пятьдесятъ и съ трескомъ разорвалась, высоко выбросивъ осколки и кучу комьевъ земли. Удивленные, озадаченные, разочарованные въ своихъ предположеніяхъ солдаты стояли въ недоумѣніи, но раздавшееся чье-то замѣчаніе: «Ишь, добре що не въ носъ», заставило всѣхъ разсмѣяться и снова весело приняться за дѣло. Вскорѣ открыли огонь и другія турецкія батареи. Весьма живой и сначала разбросанный огонь турокъ впослѣдствіи раздѣлился по батарейно, такъ что мы вскорѣ, по показавшемуся у турокъ огоньку, знали, кому шлется гостинецъ. Наши же батареи сосредоточили свой огонь на Вублской и лѣсной № 1 батареяхъ. Впрочемъ, самый сильный огонь направленъ былъ на Вублскую батарею, такъ какъ ее предстояло первую атаковать, да къ тому же она была видна отчетливо, тогда какъ лѣсная батарея, маскируясь кустарникомъ и деревьями, видна была только нѣкоторымъ батареямъ, да и то не совсѣмъ ясно, такъ что приходилось стрѣлять на огонь. Но не смотря на это, часа черезъ полтора, отъ начала канонады мы заставили турокъ замолчать по всей линіи. Послѣ первой же перепалки стало очевидно, что туркамъ не подъ силу тягаться съ нами въ огнѣ. Наши девяти-фунтовыя орудія, съ зарядами, приготовленными еще въ мирное время самими батареями и затѣмъ провѣренными нѣсколько разъ во время похода, дѣлали свое дѣло чрезвычайно хорошо. Турки, вооруженные шестисантиметровыми орудіями, хотя стрѣляли и недурно, но малый калибръ и вѣроятно недостаточный разрывной зарядъ не причиняли намъ въ сущности никакого вреда.

О недостаточности разрывнаго заряда въ ихъ гранатахъ можно было заключить по разсчету ихъ осколковъ: граната, ударившись въ спаханную землю, разрывалась тамъ и большинство осколковъ оставалось въ землѣ. Вслѣдствіе этого случалось, что граната, разорвавшись въ трехъ, четырехъ шагахъ отъ человѣка, не причиняла ему никакого вреда, кромѣ развѣ того,

что обсыплетъ комьями земли. Подъ конецъ турки начали стрѣлять хуже и, какъ я уже сказалъ, часамъ къ семи совсѣмъ прекратили огонь. Съ самаго начала перестрѣлки былъ раненъ командиръ 2-й батареи, подполковникъ Ямковскій. Осколокъ разорвавшейся на бруствере гранаты ударилъ его въ правую лопатку, изорвавъ мундиръ, рубаху и исцарапалъ тѣло. Съ горяча, думая, что это простая контузія, онъ остался въ строю и только, когда турки умолкли по всей линіи, онъ, вслѣдствіе начавшейся сильной опухоли, боли и настояній бригаднаго командира, отправился на перевязочный пунктъ. ного спустя, Моказалось, что у него трещина лопатки, впослѣдствіи доводившая его чуть не до слезъ. Командующимъ батареей былъ назначенъ капитанъ Беренсъ. Солдатъ раненыхъ не было; закрытія, хотя и неоконченныя, все-таки принесли свою пользу.

Я не раздѣляю того мнѣнія, что будто бы закрытія балуютъ солдатъ и что войска неохотно оставляютъ ихъ. По крайней мѣрѣ, относительно артиллеріи я пришелъ къ совершенно противоположному выводу. Не говоря уже о томъ, что раненыхъ за закрытіями гораздо и гораздо меньше, въ особенности на такихъ дистанціяхъ, съ которыхъ картечной гранатой стрѣлять нельзя, закрытія имѣютъ еще и то важное значеніе, что солдаты чувствуютъ себя, по ихъ собственному выраженію, «какъ у Христа за пазухой» (конечно, сравнивая съ расположеніемъ открытымъ), они привыкаютъ къ новой обстановкѣ, освоиваются со свистомъ гранатъ, знакомятся съ ихъ дѣйствительнымъ дѣйствіемъ; нравственный духъ ихъ не только не падаетъ, а, наоборотъ: испытывая на себѣ относительно слабое дѣйствіе по закрытіямъ артиллеріи, они сейчасъ же оправляются, начинаются остроты надъ тѣмъ, кто черезъ-чуръ усердно прилегаетъ къ брустверу, или изобразилъ изъ себя комическую фигуру; нѣкоторые взбираются на брустверъ побравурствовать, и т. д.

Конечно, это все можетъ показаться пустяками, но для нравственнаго духа солдата это чрезвычайно полезно; тѣмъ болѣе, что всѣ они, да не только они, но и мы грѣшные, видя въ мирное время изрѣшеченныя мишени, получили слишкомъ преувеличенное понятіе о дѣйствіи артиллеріи. На дѣлѣ же выходитъ не то: подъ третьей Плевной, напримѣръ, въ теченіи пяти дней около шестидесяти орудій, съ дистанціи отъ 700 до 1,100 саженъ, сыпали снаряды на редутъ № 1-й и въ теченіи пяти дней онъ, несмотря на произведенные взрывы пороховыхъ погребовъ, подбитыя орудія и потерю въ людяхъ, отстрѣливался, и отстрѣливался успѣшно, хотя наши батареи, по отзывамъ всѣхъ, бывшихъ на позиціяхъ, стрѣляли хорошо. И только по истеченіи пяти дней турки увезли изъ него орудія. А между тѣмъ, если выводить заключенія по практическимъ мишенямъ, то выходило одно изъ двухъ: или артиллерія не умѣетъ стрѣлять, въ чемъ всякій, видѣвшій стрѣльбу, быстро разувѣрялся, или же наши орудія плохи, что также не вѣрно, такъ какъ тутъ были девяти-фунтовыя орудія, которыя

пользовались полнымъ довѣріемъ не только у артиллеристовъ, но и у всей арміи. Вся разница происходила отъ того, что турки имѣли хорошія закрытія, которыя хотя къ вечеру и были обсыпаемы, но на утро являлись еще грознѣй, еще большей профили. Да наконецъ, возьмемъ наши батареи: въ теченіи этихъ пяти дней они имѣли самыя плохія закрытія — простые ровики, но и тѣ принесли огромную пользу. За всѣ пять дней, когда на батареяхъ почти все пространство было изрыто воронками отъ разорвавшихся гранатъ, каждая батарея въ отдѣльности самое большое, что потеряла восемнадцать человѣкъ, тогда какъ въ открытомъ бою это же число теряется въ какихъ нибудь два, три часа. Итакъ, за закрытіями солдатъ быстро замѣтитъ эту разницу въ стрѣльбѣ и ужъ, конечно, онъ отъ этого не упадетъ духомъ, такъ какъ каждый изъ нихъ увѣренъ, что наша стрѣльба, если и уступаетъ стрѣльбѣ мирнаго времени, то во всякомъ же случаѣ лучше непріятельской, по результатамъ которой онъ выводитъ, что непріятель стрѣлять не умѣетъ или что у него орудія хуже. Относительно же того, что войска неохотно оставляютъ закрытіе, это замѣчаніе, конечно, вѣрное, но для артиллеріи оно не имѣетъ рѣшительно никакого значенія— батарея не цѣпь пѣхоты, которой управлять въ бою чрезвычайно трудно, она никогда не выходитъ изъ рукъ офицера, который всегда исполнитъ свой долгъ и поведетъ свою батарею, куда укажутъ, не разсуждая, опасно-ли ему будетъ стоять тамъ или нѣтъ: было бы только толковое приказаніе, да сколько нибудь сносная позиція. Когда только турки замолчали, мы тоже вскорѣ прекратили огонь, изрѣдка только посылая одну, двѣ гранаты. Мы берегли снаряды, такъ какъ въ подъѣхавшемъ паркѣ девяти-фунтовыхъ снарядовъ было мало.

Несмотря на короткость дѣла, жажда развилась у всѣхъ страшная. Во время дѣла забываешь сонъ, усталость, голодъ — иногда цѣлый день не ѣшь и никакого позыва къ пищѣ не чувствуешь, только одна мучительная жажда не даетъ покоя: пьешь безпрестанно, и все кажется мало.

Когда волненіе поулеглось, генералъ Похитоновъ любезно пригласилъ насъ раздѣлить съ нимъ принесенный завтракъ. Мы воспользовались приглашеніемъ, тѣмъ болѣе, что, уѣхавъ съ вечера, никто изъ насъ не позаботился взять съ собой даже куска хлѣба, а впереди еще предстоялъ цѣлый день боя.

Часовъ около одиннадцати изъ далека, гдѣ-то около Осмы, послышалась ружейная стрѣльба. За Вублской батареей видѣнъ былъ дымъ отъ стрѣльбы изъ орудій. Мы сначала полагали, что это стрѣляетъ Вублская батарея и открыли по ней огонь, но намъ не отвѣчали; мы сдѣлали нѣсколько умышленныхъ перелетовъ, но разрыва нашихъ гранатъ не было видно, клубы же дыма попрежнему продолжали кольцами взлетать вверхъ. Очевидно было, что мѣстность за Вублской батареей была поката и что гдѣ-то на этомъ скатѣ находилась стрѣлявшая батарея, но гдѣ? мы терялись въ догадкахъ.

Въ это время былъ отданъ приказъ наступать. Лѣвѣй 1-й батареи колонной пошелъ какой-то полкъ. Генералъ Похитоновъ приказалъ наступать по-батарейно. Какъ только подали 1-й батареѣ передки, всѣ турецкія батареи вдругъ ожили, открывъ страшную стрѣльбу; мы съ жаромъ начали отвѣчать. Въ это время 1-я батарея взяла на передки и карьеромъ понеслась впередъ. Весь огонь турки обратили на нее, только Вублская батарея, какъ бы огрызаясь на тотъ сильный огонь, которымъ мы поддерживали 1-ю батарею, послала намъ нѣсколько гранатъ. Проскакавъ саженъ 400, 1-я батарея остановилась, снялась и учащеннымъ огнемъ начала отвѣчать насѣвшимъ на нее батареямъ. Наступила очередь наступать 2-й батареѣ. Прислуга, быстро выкативъ орудія, подняла шумъ: одинъ кричалъ, чтобы ящичный колеръ взялъ изъ ниши снаряды, тамъ ѣздовой, запутавъ въ постромки горячившуюся подручную лошадь, звалъ прислугу, чтобы она поскорѣй высвободила ее. Однимъ словомъ, все заторопилось, засуетилось. Люди, очевидно, начали позволять себѣ то, чего въ мирное время мнѣ, какъ говорится, и во снѣ не снилось. Признаюсь, мнѣ въ это время и въ голову не приходило остановить шумъ; я, какъ и всѣ, горѣлъ желаніемъ поскорѣй все это покончить и помочь разстрѣливаемой батареѣ, тѣмъ болѣе, что лѣсная № 1-го батарея, замѣтивъ поданные передки, обрушилась на насъ. Но не такъ посмотрѣлъ на это нашъ боевой, всегда все взвѣшивающій, генералъ. Изъ личнаго опыта прежнихъ боевъ зналъ онъ, что если позволить теперь людямъ шумѣть и не напомнить имъ ихъ обязанностей, то, пожалуй, найдутся личности, которыя позволятъ себѣ что нибудь и гораздо поважнѣй невольнаго шума. Грозно, какъ на ученіи, вдругъ крикнулъ онъ свое: «Не шумѣть. Что вы—забыли, что въ строю?! Умирать будешь и не смѣй пикнуть!»

Какъ ушатъ холодной воды, вылитой на голову бѣснующагося, приводитъ его въ себя, такъ и вся батарея вдругъ примолкла и солдаты мигомъ очутились на своихъ мѣстахъ. Батарея спокойно выѣхала изъ закрытій. Не успѣли мы подравняться на оставленной батареѣ, какъ весь рой гранатъ, который сыпался на 1-ю батарею, вдругъ обрушился на насъ. Но стрѣльба по движущейся цѣли вообще мало дѣйствительна, а для турокъ, находившихся подъ чугуннымъ дождемъ оставшихся батарей, она свелась на то, что ни одинъ изъ массы выпущенныхъ ими снарядовъ, не причинилъ намъ во время выѣзда никакого вреда. Среди этого ада несласъ батарея въ мертвой тишинѣ, прерываемой изрѣдка командой офицеровъ, да сердитымъ визгомъ нагайки. Я взглянулъ на товарищей. Справа мѣрно скакалъ командующій батареей, устремивъ глаза на Вублскую батарею; слѣва на легкой, какъ вѣтеръ, кобылѣ завода Черепова, скакалъ дивизіонеръ, еле сдерживая порывы своей дикой красавицы; та горячилась, фыркала, вздрагивала и, какъ серна, почти не прикасаясь земли, бросалась въ сторону, когда разорвавшаяся граната обдавала ее

комьями земли. Батарея неслась въ замѣчательномъ порядкѣ. Это былъ выѣздъ, который врядъ ли повторится на ученіи или смотру. Это былъ выѣздъ, при видѣ котораго французскій военный агентъ, по словамъ штабныхъ офицеровъ, пришелъ въ восторгъ, началъ апплодировать и кричать: vive, vive l'artillerie *)! Оставивъ позади себя 1-ю батарею, мы снялись на небольшомъ бугоркѣ, еле возвышавшемся на совершенно ровной мѣстности. Турки какъ будто бы хотѣли вознаградить себя на нашей батареѣ за всю безполезность предшествовавшей стрѣльбы. Они буквально засыпали насъ снарядами. Это тѣмъ болѣе было для нихъ легко, что всѣ, оставивъ на время безъ вниманія лѣсныя батареи, весь огонь сосредоточили на Вублской, куда велась уже аттака. Черезъ нѣсколько секундъ на батареѣ раздавались стоны раненыхъ. Никогда, никогда не изгладится изъ моей памяти первый раненый: полный силъ и отваги дватцатилѣтній юноша! Граната ударилась у его ногъ и огромный осколокъ располосовалъ бедро у паха. Какъ подрубленный колосъ повалился онъ тутъ же и началъ стонать, нѣтъ не стонать — это былъ вопль, вопль отчаянія и страшной боли, пронизывающій холодомъ все ваше существо!.. Онъ просилъ пить, но воды ни у кого не оказалось—пришлось отказать въ просьбѣ, быть можетъ, послѣдней просьбѣ, съ которой несчастный обращался къ еще живымъ товарищамъ... А тамъ, у 7-го орудія, упалъ померъ съ сумой, несшій снарядъ: граната ударилась у его ногъ и осколокъ, скользнувъ по лбу, окровавилъ все лицо. Проникнутый чувствомъ святаго исполненія своего долга, онъ вскочилъ и понесъ свою ношу къ орудію,—только два шага сдѣлалъ герой и другая граната выворотила ему всѣ внутренности. Стонъ и предсмертное ржаніе лошадей раздавалось на батареѣ. но отчетливо исполняли солдаты свое дѣло, только еще суровѣе, еще мрачнѣй стали ихъ лица. Боже, долго ли это продолжится? промелькнуло въ головѣ и я, уже не довольствуясь провѣркой высоты прицѣла и установки трубки, бросился помогать солдатамъ въ накатываніи орудій, устанавливалъ трубку, тщательно провѣрялъ наводку и высоту прицѣла. Мнѣ хотѣлось работать, работать за всю батарею, чтобы заглушить это жгучее, томительное чувство.

Мы открыли противъ Вублской батареи огонь самый частый, какой только можно было поддерживать. Она буквально задымилась отъ разрыва картечныхъ гранатъ. Огонь былъ для турокъ на столько губителенъ, что они растерялись, не замѣтили выдвигавшейся цѣпи и колоннъ пѣхоты; но онѣ уже близко, вотъ грянуло ура, ура дружное, потрясающее воздухъ. Ошалѣлые турки едва успѣли сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ въ пѣхоту—и батарея была наша.

---

*) Пренебрегая огнемъ, пренебрегая тѣмъ, что батарея на своемъ флангѣ и отчасти даже въ тылу оставляла лѣсную № 1-го батарею, оставивъ позади себя.

*

Теперь мы обратили свой огонь на лѣсныя батареи, которыя быстро изъ разстрѣливающихъ обратились въ разстрѣливаемыя. Батареи 31-й бригады обсыпали ихъ съ фланга, мы съ фронта. Очутившись подъ перекрестнымъ огнемъ сорока орудій, турки не выдержали и побѣжали, не дождавшись аттаки. Перемѣняя позиціи и не давая имъ нигдѣ остановиться, батареи быстро подвигались впередъ, принимая постепенно вправо, пока не достигли лѣса. Здѣсь все остановилось: надо было устроиться, узнать, гдѣ наша пѣхота и дождаться приказанія, такъ какъ идти въ лѣсъ, не зная что тамъ ожидаетъ насъ, было и опасно и въ высшей степени неблагоразумно.

Впереди насъ въ лѣсу раздавались рѣдкіе ружейные выстрѣлы. Ни Никополя, ни какого укрѣпленія не было видно. Слѣва же, откуда-то издалека, доносилась сильная ружейная стрѣльба. Мы послали верховаго впередъ узнать о положеніи дѣла въ лѣсу. Оказалось, что тамъ наша рѣдкая цѣпь перестрѣливалась съ таковой-же турецкой, залегшей за небольшими траншеями. Откуда-то взялась рота въ прикрытіе и генералъ Похитоновъ расположилъ ее на флангахъ этой сорока-восьми-орудійной батареи. Не вдалекѣ, въ оврагѣ, оказался фонтанъ, куда и были посланы люди съ баклагами и парусинными ведрами, чтобы хотя немного утолить жажду и хорошенько пробанить загрязнившіяся орудія.

Черезъ нѣсколько времени, вдругъ изъ середины лѣса показался огромный клубъ дыма, послышался глухой шумъ и сферическое ядро удалилось въ землю, вырывъ огромную воронку. Потомъ еще и еще. «Вишь, чѣмъ запаливъ» говорили, смѣясь, солдатики. Мы сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ на дымъ турки замолчали. Здѣсь мы простояли нѣсколько часовъ безъ всякаго дѣла, такъ какъ приказанія никакого рѣшительно не было, хотя начальникъ артиллеріи, а равно, вѣроятно, и корпусный командиръ, знали, что мы стоимъ безъ дѣла, такъ какъ вскорѣ была потребована отъ него на лѣвый флангъ 5-я батарея, пристроившаяся во время наступленія. Но пока для артиллеріи не представлялось цѣли дѣйствія: весь бой произошолъ въ лѣсу и садахъ, окружающихъ Никополь и надо было, чтобы наши заняли этотъ лѣсъ. Уже подъ вечеръ, впереди насъ по временамъ развивалась довольно сильная ружейная стрѣльба, причемъ и батарея, такъ неудачно пробовавшая стрѣлять на насъ изъ гладкихъ орудія, тоже открывала огонь, что̀ можно было заключить по клубамъ дыма, высокимъ столбомъ взвивавшимся надъ верхушками деревьевъ, но куда и во-что она стрѣляла—для насъ была загадка. Около пяти часовъ пополудни прибѣгаетъ, запыхавшись, пѣхотный соладтикъ и говоритъ, что въ лѣсу они аттаковали крѣпость, но не могутъ взять, нашихъ много побито и что ротный командиръ прислалъ просить артиллерію. «Да сколько васъ тамъ?» спросилъ кто-то.—«Да, роты двѣ, а то три будетъ». «Что за чепуха такая—три роты аттакуютъ крѣпость, да еще въ лѣсу!. «Какая-же тамъ крѣпость:

большая что-ли?».—«Большая и орудія есть». Тутъ еще кто-то прибѣжалъ или пріѣхалъ и повторилъ тоже самое. Генералъ Похитоновъ, выдѣливъ полуроту изъ прикрытія, послалъ 2-ю батарею впередъ. Часть изъ своего мизернаго прикрытія мы разсыпали цѣпью, небольшую же часть оставили въ резервѣ и двинулись черезъ виноградники, затѣмъ черезъ рѣдкій лѣсъ или, вѣрнѣе, садъ, и вышли на небольшую поляну. Передъ нами открылся шикарный видъ: впереди на горѣ стояла крѣпость Никополь, на скатѣ же гнѣздился самъ городъ. Склоняющееся солнце обсыпало цѣлымъ потокомъ косыхъ лучей крѣпость, сады, городъ и нѣсколько высокихъ, остроконечныхъ минаретъ, окрашивая ихъ въ различные цвѣта, искрясь и ломаясь на жестяныхъ крышахъ и стеклахъ домовъ. Поляна, на которую вышла батарея, была перерѣзана тремя или четырьмя рядами неглубокихъ траншей, тянувшихся черезъ всю ея ширину и опиравшихся своими флангами въ лѣсъ, который оставался у насъ по бокамъ. Подлѣ самого Никополя нигдѣ не было видно ни ружейной, ни орудійной стрѣльбы. Гдѣ-же была та крѣпость, которую брала наша пѣхота,—мы оставались въ полномъ невѣдѣніи. На батарею начали летать пули, но откуда онѣ, мы тоже не могли ничего разобрать, такъ какъ кругомъ насъ въ лѣсу, и, особенно, влѣво шла довольно живая ружейная стрѣльба. Изъ нашего прикрытія человѣкъ восемь уже выбило ранеными и командующій батареей, остановивъ батарею, приказалъ открыть огонь по впереди стоящей крѣпости. Кажется, на третьемъ или четвертомъ выстрѣлѣ уже граната врылась въ брустверъ крѣпости, но намъ оттуда не отвѣчали; мы еще сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, такъ же оставшихся безъ отвѣта, какъ вдругъ влѣво послышалось громкое «ура», ружейный огонь участили, а черезъ нѣсколько минутъ опять раздавались только одиночные выстрѣлы. Въ это время прискакалъ какой-то адъютантъ и просилъ, чтобы мы шли въ лѣсъ, что тамъ уже два раза наши аттаковали редутъ и оба раза безуспѣшно, потерявъ много ранеными и убитыми. Командующій батареей поскакалъ осмотрѣть мѣстность и выбрать позицію, но уже редутъ былъ взятъ. Оказалось, что мы стояли почти на одной съ нимъ линіи и что наши нѣсколько выстрѣловъ смутили чрезвычайно турокъ, аттакующіе же встрѣтили ихъ съ восторгомъ. Разгоряченные и зная, что артиллерія тутъ, они, не дожидаясь ее, дружно бросились и взяли редутъ, не встрѣтивъ уже такого стойкаго сопротивленія. Командующій батареей возвратился и мы, пройдя саженъ двѣсти, триста по узенькой дорожкѣ, подошли къ небольшому квадратному редуту. Редутъ стоялъ на краю тянущейся къ городу лощины и отстоялъ отъ опушки лѣса шаговъ на двѣсти, триста.

Образованная такимъ образомъ полянка была усѣяна трупами и ранеными. Къ восточному и юговосточному фасамъ, на которые главнымъ образомъ велась аттака, буквально не было возможности пройти, чтобы не поступить на тяжело раненаго, или уже отправившагося въ другой міръ

Трудно, тяжело выносить подобныя картины! Сердце сжимается, слезы навертываются на глаза, какая-то непріятная горечь и тоска разливается по всему существу. Я отвернулся и отошелъ къ дереву, чтобы не видѣть этой страшной картины, но и тутъ наткнулся на два трупа. Средняго роста солдатикъ со стиснутымъ въ рукахъ ружьемъ, штыкъ котораго былъ еще въ крови, блѣдный, съ выраженіемъ лица, такъ и говорившемъ: «а, наконецъ-то я до тебя, нехристь, добрался!», лежалъ навзничь. Ни одного пятнышка крови не было видно на немъ. На слѣдующій день я осмотрѣлъ его внимательно и только тогда замѣтилъ въ лѣвомъ боку небольшую круглую дырочку—пуля попала прямо въ сердце. Подлѣ него съ зіяющей штыковой раной въ груди, скорчившись и отметнувъ далеко назадъ правую руку, лежалъ огромнаго роста турокъ въ широчайшихъ шароварахъ, придававшихъ ему съ виду еще большую тучность и силу.

Разсказываютъ, что капитанъ Галицкаго полка Квитко, преслѣдуя бѣгущихъ турокъ въ лѣсу, неожиданно наткнулся на этотъ редутъ, который встрѣтилъ его сильнымъ огнемъ. Зная, что по этому направленію идутъ другія роты, онъ, не долго думая, бросился впередъ и, не обращая вниманія на огромныя потери, вскочилъ въ ровъ редута. Турки, превосходя ихъ численностью, по крайней мѣрѣ, раза въ четыре или пять, не рѣшились схватиться съ храбрецами въ рукопашный бой и начали бросать въ нихъ начиненныя бомбы съ зажженными трубками и ядра, не причинивъ имъ однако существеннаго вреда. Вскорѣ на редутъ наткнулись еще наши роты и тоже бросились атаковать, но были отбиты ружейнымъ и картечнымъ огнемъ двухъ гладкостѣнныхъ чугунныхъ орудій. Капитанъ Квитко при этомъ выскочилъ со своими людьми изо рва и бросился къ входу въ редутъ, но, встрѣтивъ дружное сопротивленіе и по отбитіи атаки, опять спрятался въ ровъ. Вскорѣ подоспѣли еще роты, и солдаты, ободренные услышанными вблизи выстрѣлами артиллеріи, овладѣли редутомъ, взявъ до семидесяти человѣкъ въ плѣнъ,—сопротивлявшіеся-же были переколоты.

Впереди, влѣво отъ крѣпостныхъ воротъ, почти на одной съ ними линіи, у люнета, шелъ жаркій бой. Люнетъ отстоялъ отъ крѣпости, какъ мнѣ казалось, саженъ на триста, четыреста. Весь закутанный пеленой дыма, опоясанный въ нѣсколько рядовъ линіями ружейнаго огня, онъ только изрѣдка, когда блеснетъ въ воздухѣ разрывъ картечной гранаты, вынырялъ на мгновеніе изъ мрака наступавшихъ сумерокъ и дыма, закутывавшаго все пространство вплоть до воротъ. Мы не рѣшились стрѣлять, такъ какъ не было никакой возможности разобрать въ этомъ хаосѣ, гдѣ были наши, гдѣ турки; къ тому-же, быстро наступавшая темнота дѣлала невозможнымъ вести точную пристрѣлку и мы могли стрѣлять по своимъ, что, для атакующей пѣхоты, въ моральномъ отношеніи, хуже самаго адскаго, самаго сильнаго непріятельскаго огня. Мнѣ разсказывали потомъ

офицеры бывшей подъ люнетомъ 5-й батареи, что, подъѣхавъ уже ввечеру къ люнету, они не могли, за страшнымъ дымомъ, хорошенько разобрать, гдѣ именно турки и поэтому, захвативъ въ вилку цѣлую площадь, они ее буквально засыпали картечными гранатами съ дистанціи пятисотъ—шестисотъ саженъ. Турки не выдержали этого огня, бросились въ крѣпость и до того торопились отступать, что у самыхъ воротъ оставили отличное 12-ти фунтовое стальное, новенькое крупповское орудіе. У люнета, который сначала увлекшаяся пѣхота аттаковала безъ помощи артиллеріи, потери были тоже довольно значительныя. Между тѣмъ, у нашего редута пѣхота начала устраиваться,—мы-же оставались позади редута. Когда все установилось и успокоилось, раненый командиръ батареи, позаботился прислать людямъ изъ лагеря пищу и по чаркѣ водки. Мы, всѣ офицеры, усѣлись подъ деревомъ и между нѣкоторыми завязался разговоръ о пережитыхъ впечатлѣніяхъ.

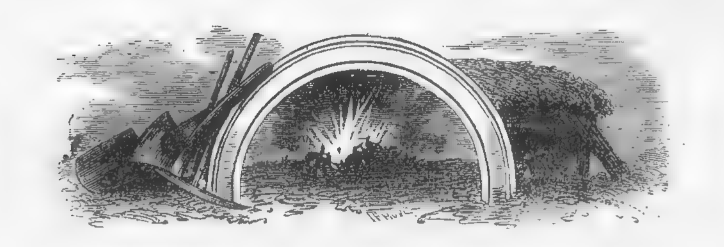
Проведенная безъ сна ночь и затѣмъ цѣлый день самыхъ разнообразныхъ, самыхъ сильныхъ ощущеній до того разбили мои нервы, что я тутъ-же, какъ былъ въ мундирѣ, не взявъ даже пальто, заснулъ убитымъ сномъ. Ночь прошла совершенно спокойно. На утро я пошелъ въ редутъ,—какую ужасную картину пришлось увидѣть! Весь редутъ былъ заваленъ трупами турецкихъ и нашихъ солдатъ, въ самыхъ разнообразныхъ позахъ. На нѣкоторыхъ трупахъ виднѣлось до пяти, шести штыковыхъ ранъ. На барбетахъ валялись артиллеристы—какъ защищались они банниками, правилами и кольями, такъ съ ними и окоченѣли. Расказываютъ, что турки, не такъ дружно встрѣтивъ нашу, въ третій разъ атакующую пѣхоту, въ самомъ редутѣ защищались чрезвычайно энергично, что нѣкоторые, не смотря на полученныя штыковыя раны, уже лежа, продолжали хватать за ноги нашихъ солдатъ, кусали ихъ и тѣмъ помогали своимъ отбивавшимся товарищамъ, такъ что раненыхъ приходилось еще докалывать, чѣмъ и объясняется большое количество ранъ въ трупахъ. Во рву редута лежали, Богъ вѣсть, кѣмъ убитые, три болгарина.

Наша батарея стала лѣвѣй редута, но съ новой позиціи ей не пришлось стрѣлять: турки, видя кругомъ себя на всѣхъ, командующихъ Никополемъ, высотахъ нашу артяллерію, потерявъ всѣ передовыя укрѣпленія, не могли уже сопротивляться. Часть гарнизона вмѣстѣ съ крѣпостью сдалась, другая-же часть еще ночью бѣжала.

Такъ кончилось одно изъ самыхъ блестящихъ дѣлъ—аттака Никополя, стоившая намъ только около семисотъ человѣкъ убитыми и ранеными. Ни сильно укрѣпленные форты, ни, изрытая траншеями, извилистая, представляющая массу идеальныхъ позиціи, мѣстность, ни гарнизонъ, почти равный по численности аттакующимъ войскамъ, ни 116 взятыхъ орудій,—ничто не могло устоять противъ толковаго, энергическаго дѣйствія артиллеріи и храбрости полковъ. Артиллеристы гордятся этимъ дѣломъ, справед-

ливо сознавая ту огромную роль, какую играла артиллерія при взятіи Никополя. Можно смѣло сказать, что будь своевременно и въ достаточномъ количествѣ послана артиллерія къ лѣсному редуту и предвратному люнету, потери еще уменьшились бы по крайней мѣрѣ на половину. Когда генералъ Похитоновъ поѣхалъ благодарить батареи, то въ нѣкоторыхъ изъ нихъ солдаты не дали ему даже сказать и нѣсколькихъ словъ, они бросились къ нему съ крикомъ «ура!» и высоко, высоко подбрасывали они своего любимаго командира за его спокойныя, отчетливыя распоряженія и истинную храбрость и самоотверженіе, которыя солдаты всегда уважаютъ въ своемъ начальникѣ...

Водоловченъ.



Рядовой Иванъ Павловъ.

Когда я вспоминаю о прошломъ походѣ, всякій разъ передо мной встаетъ симпатичный образъ нашего солдата, про котораго теперь уже безпристрастно можно сказать, что онъ не только не уронилъ, но даже поднялъ славу своихъ предковъ. Я вижу его, какъ теперь, то карабкающимся по крутому скату горы съ крикомъ «ура!», то угрюмо стоящимъ на часахъ въ аванпостной цѣпи, то мирно отдыхающимъ на бивукѣ и раскуривающимъ, за неимѣніемъ табаку, сухіе древесные листья. И холодъ, и голодъ, сопровождавшіе солдаты въ эту войну, переносились имъ съ такимъ-же самоотверженіемъ, какъ и боевая опасность. Я немогу забыть, какъ много разъ на аванпостахъ приходилось видѣть сгорбленную фигуру часоваго, одѣтаго въ ветхой и прожженной шинели съ накинутымъ сверху полотнищемъ переносной палатки; на ногахъ у него изорванные сапоги. Стоитъ онъ, понуривъ голову и перекачиваясь съ ноги на ногу; мятель заноситъ его и вѣтеръ валитъ съ ногъ.

— Кто-то насъ пожалѣетъ?... произноситъ часовой сдержаннымъ голосомъ и испускаетъ тяжелый вздохъ.

Слова эти ужасны: онѣ до сихъ поръ отзываются острой болью въ моей душѣ.

Произнося эти слова, солдатъ не роптал на начальника,—да роптать не въ характерѣ русскаго солдата; онъ, кромѣ того, зналъ, что строевой начальникъ самъ зябнулъ и голодалъ, и былъ безсиленъ помочь не только ему, но даже и себѣ. Чѣмъ виноватъ, напримѣръ, командиръ части, что сухари опаздывали; что полушубки пришли не зи-

мой, а весной, когда и шинели уже составляли обузу; что сапогъ не было цѣлую зиму, а потомъ вдругъ пришло по двѣ пары и пришло тогда, когда солдаты стояли по деревнямъ и многіе обзавелись на собственный счетъ.

Но замѣчательно, что солдатъ никогда не вспоминаетъ дурно о прошломъ походѣ; онъ забываетъ все дурное и помнитъ только одно хорошее и вполнѣ доволенъ тѣмъ, что Богъ его вынесъ здравымъ и невредимымъ изъ всѣхъ передрязгъ и опастностей, и что теперь уже онъ человѣкъ бывалый, который можетъ много разсказать о жаркихъ дѣлахъ, въ которыхъ ему приходилось участвовать; а о томъ, что онъ зябнулъ и голодалъ, онъ упомянетъ только вскользь и преимущественно въ такихъ выраженіяхъ: «да трудненько было... оно бы и ничего, только больно—тяжело»... и эти слова никогда не звучатъ у него жалобой; напротивъ,—онъ даже гордится тѣмъ, что ему было трудненько да тяжеленько и, пожалуй, даже прибавитъ: «что бы это былъ за походъ, еслибы этого не было».

Кстати о походѣ. Какъ походъ ни труденъ, но побывать въ немъ пріятно,—пріятно потому, что онъ какъ-то освѣжаетъ человѣка и особенно благотворно дѣйствуетъ на тѣхъ, кто чувствуетъ призваніе къ войнѣ. Такому человѣку и въ голову не приходитъ, что ему того-то недодали, тѣмъ-то обидѣли: онъ радъ, что почувствовалъ себя въ той сферѣ, о которой всегда мечталъ; онъ всей своей пылкой душой привязывается къ боевымъ товарищамъ. Никогда не бываетъ такой задушевной бесѣды въ товарищескомъ кружкѣ, никогда чарка вина не имѣетъ такого значенія въ веселой кампаніи, какъ передъ дѣломъ, въ которомъ какъ нельзя больше осуществляется великая идея братства, выражающаяся во взаимной выручкѣ другъ друга цѣною жизни. Здѣсь мелкіе интересы обыденной жизни, въ которыхъ такъ много бываетъ пошлаго. не имѣютъ мѣста, и каждый испытываетъ какое-то необычайно высокое чувство, полное очарованія и естественно-вызванной любви... Можно-ли встрѣтить что-нибудь подобное въ обыденныхъ пирушкахъ людей, несвязанныхъ никакимъ общественнымъ дѣломъ—въ ихъ кислыхъ, скучающихъ физіономіяхъ?

Недаромъ солдаты, вспоминая про походъ, поютъ:

Взвейся соколъ—соколъ сизокрылый!
Полно, братцы, горе горевать,—
То-ль не радость и веселье—
Въ полѣ лагеремъ стоять!

Лагерь городъ—городъ полотнянный
День и ночь тамъ улицы шумятъ;
Позолочены—румяны
Мѣдны маковки горятъ.

Много приходилось видѣть намъ солдатъ, въ которыхъ добродушіе русскаго простолюдина соединено съ необыкновеннымъ геройскимъ самоотверженіемъ. Не могу забыть одного изъ нихъ, котораго звали Иванъ Павловъ. Солдатикъ маленькій, худенькій, слабый по фронту, вообще говоря, неудачный, вдругъ какъ будто выросъ, выпрямился и сталъ смотрѣть молодцомъ, когда ему объявили, что онъ идетъ въ походъ. Давно нечищенное ружье, за которое ему много разъ доставалось, вдругъ заблестѣло, какъ игрушка. Павловъ началъ прыгать отъ радости; а когда пошли большими переходами и нѣкоторые изъ солдатъ, бывшіе исправными на маневрахъ, падали въ изнеможеніи, онъ только посмѣивался надъ ними и помогалъ то одному, то другому нести вещи. «И откуда здоровье берется у этого человѣка? вся силенка-то, кажись, не больше куриной».... удивлялись солдаты.

Жутко было стоять на горахъ, когда морозъ доходилъ до 20%. Разобьютъ солдаты палатку на шесть человѣкъ изъ шести маленькихъ полотнищъ, выгребутъ изъ внутри снѣгъ, подстелятъ подъ себя на мерзлую землю мундиры, прикроются ветхими шинелями да прижмутся поплотнѣй другъ къ другу; но сонъ не беретъ: зубъ на зубъ не попадаетъ, а пуще всего зябнутъ ноги. Полежатъ минутъ съ двадцать и уже бѣгутъ къ костру грѣться, подставляя къ огню то одну, то другую ногу.

Сапоги трескаются и рвутся, а обогрѣтыя ноги простуживаются и болятъ. Еще бѣда неотразимая: негдѣ выстирать бѣлья, у кого оно еще не износилось, а въ рубашкѣ кишатъ миріады насѣкомыхъ, и не то, чтобъ онѣ больно кусались, а покою не дадутъ ни одну минуту,—то и знай, что почесывайся...

Подбѣгаетъ къ кучкѣ грѣющихся солдатъ Иванъ Павловъ и хохочетъ, до упаду хохочетъ, глядя на сгорбленныя фигуры озябшихъ товарищей. «Эхъ вы, бабы хохлацкія, а не солдаты! ну, кто васъ учитъ такъ грѣться?—Снѣгомъ нужно грѣться, а не огнемъ». И тутъ-же Иванъ Павловъ затѣваетъ игру въ снѣжки, раззадориваетъ товарищей, и все кончается общей свалкой и веселымъ хохотомъ.

Нѣкоторые изъ солдатъ полагали, что Иванъ Павловъ «что-то знаетъ», что́ не суждено знать каждому. Подъ словомъ «что-то» разумѣлось либо колдовство, либо хитрость, доступная немногимъ; другіе-же находили, что онъ просто молодчина и ничего больше, и только удивлялись тому, что какъ это жиденькій, маленькій, совсѣмъ чахоточный человѣчекъ оказался такимъ молодцомъ.

Иванъ Павловъ никогда не спалъ съ товарищами въ палаткѣ: онъ умудрялся стирать въ запасномъ котелкѣ бѣлье, былъ очень чистоплотенъ и боялся приблудныхъ гостей. Жилищемъ ему служилъ либо шалашъ изъ вѣтвей, прикрытый хворостомъ и снѣгомъ, либо просто вырытая имъ самимъ нора на подобіе лисьей. Его изобрѣтеніе быстро

вошло въ моду. Солдаты узнали простую вещь, что чѣмъ глубже подрыться, тѣмъ теплѣе; а работать въ холодную пору хорошо, и костровъ на это время не нужно раскладывать,—такъ жарко дѣлается послѣ работы.

Въ бою Иванъ Павловъ всегда бывалъ впереди и сохранялъ ту-же веселость. «Ничего, братцы, ничего! это пчелки летаютъ», говорилъ онъ про пули; «а это Марья Ивановна къ намъ въ гости ѣдетъ; она добрая, не ушибетъ»... привѣтствовалъ онъ гранату, и только раненые товарищи заставляли его на минуту слушаться, но онъ быстро оправлялся и снова начиналъ шутить.

Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что присутствіе въ боевой массѣ человѣка, смѣющагося надъ опасностью, до такой степени, отрезвляетъ эту массу, что каждый потерявшійся человѣкъ сразу приходитъ въ себя и чувствуетъ себя какъ-бы пристыженнымъ. Русскія войска богаты смѣющимися надъ опасностью людьми, и это есть лучшее ихъ достоинство. «Разступись, N-я рота! дай дорогу нашей!» кричитъ Иванъ Павловъ, идя въ аттаку, и N-я рота ни зачто не разступается и дороги не даетъ: онъ задѣваетъ ея самолюбіе....

Ничѣмъ нельзя было такъ огорчить Ивана Павлова, какъ отказомъ идти въ какое нибудь опасное предпріятіе. Однажды, для осмотра затянутаго туманомъ турецкаго редута, понадобилось вызвать изъ каждой роты по четыре охотника. Фельдфебель, будучи за что-то золъ на Ивана Павлова, старался устранить его.

— Ваше благородіе, помилосердствуйте! За что-же это? Развѣ ужъ я никуда негожусь?.. я первымъ вызвался... Лучше велите наказать меня другимъ манеромъ, если я въ чемъ провинился... жаловался онъ ротному командиру и, конечно, получалъ позволеніе.

Охотники всегда выбирали Ивана Павлова за старшаго, не взирая на то, что между ними бывали и унтеръ-офицеры.

Любопытнѣе всего были отношенія Ивана Павлова къ непріятелю: колоть турокъ было для него величайшимъ наслажденіемъ; иногда онъ съ неудовольствіемъ осматривалъ послѣ боя штыкъ, не замѣчая на немъ крови. За то никто такъ сердечно не относился къ беззащитному, безоружному, а тѣмъ болѣе, къ больному непріятелю, какъ Иванъ Павловъ. Случалось иногда, послѣ занятія какой нибудь турецкой деревни, въ которой нашъ отрядъ останавливался на ночлегъ, встрѣчать не успѣвшія бѣжать цѣлыя турецкія семейства, состоящія изъ стариковъ, женщинъ и дѣтей. Къ нимъ-то Иванъ Павловъ обращалъ свое доброе сердце и не только не грабилъ ихъ, но готовъ былъ отдать умирающимъ съ голоду послѣднія крохи, оставшіяся у него въ сумкѣ.

Случалось иногда видѣть такія картины: въ отворенную настежь дверь турецкой избы вваливается кучка солдатъ и съ ними Иванъ Пав-

ловъ; у очажка, гдѣ тлѣютъ щепки, сидитъ больная турецкая женщина съ полумертвымъ ребенкомъ на рукахъ; лицо у женщины синее и худое; смотритъ она безчувственной идіоткой; ребенокъ склонилъ головку и какъ будто готовится умереть. Голодные солдаты обыскиваютъ всѣ лари, находятъ нѣсколько горстей пшеничной муки и, не обращая вниманія на женщину, начинаютъ печь лепешки; но Иванъ Павловъ участія въ этомъ не принимаетъ: онъ сидитъ, понуривъ голову, грустно смотритъ на хозяевъ, и слезы навертываются у него на глазахъ.

— Братцы, оставьте!.. вѣдь это у нихъ послѣдняя... обращается онъ къ товарищамъ въ то время, какъ тѣ уже начинаютъ печь вкусныя, бѣлыя лепешки, и произноситъ эти слова съ такимъ глубокимъ чувствомъ, что у солдатъ вываливаются лепешки изъ рукъ и обстановка во всемъ ужасѣ кидается имъ въ глаза.

— Вотъ у нихъ хозяйство здѣсь было, продолжаетъ онъ грустнымъ тономъ, — дѣтки были рѣзвыя да красивыя, а теперь раззоръ пошелъ... Не трогайте, братцы, чужаго хлѣба, мы уйдемъ отсюда, а имъ еще зиму надо кормиться...

Только послѣ словъ Ивана Павлова начинаютъ солд[illegible]ы приходить въ себя и чувствовать ту ужасную обстановку, котора[illegible] въ суетѣ не была даже замѣчена, и каждый изъ нихъ понимаетъ, что э[illegible] обстановка гораздо ужаснѣе крови, пролитой на позиціяхъ.

Тронутые словами Ивана Павлова, солдаты предлагаютъ лепешки больной турчанкѣ, напаиваютъ ее и ребенка кипяткомъ, няньчатся съ ребенкомъ и—на сердцѣ у каждаго становится весело.

Но были въ Иванѣ Павловѣ и странныя черты, которыя до сихъ поръ остаются для меня загадкой. Я не могу вспомнить безъ ужаса одного случая со шпіономъ въ нашемъ отрядѣ: привели на заставу худенькаго, маленькаго человѣка, болгарина, почти такого-же по виду, какъ и Иванъ Павловъ, и сказали, что этотъ человѣкъ осматривалъ наши позиціи и былъ пойманъ по дорогѣ къ туркамъ.

— А, братушка, попался! обратился къ нему язвительно Иванъ Павловъ. — Что съ нимъ долго толковать! давайте, братцы, повѣсимъ его... вотъ и ремень у меня важный есть... И Павловъ началъ примѣрять ремень къ шеѣ болгарина съ какимъ-то дикимъ наслажденіемъ, которое совсѣмъ не шло къ его симпатичному, добродушному лицу.

Унтеръ-офицеръ, командовавшій заставой, воспротивился этому и приказалъ отвести шпіона подъ конвоемъ къ начальству; но Иванъ Павловъ долго съ нимъ спорилъ, увѣряя, что начальство похвалитъ ихъ за самовольную расправу съ обманщикомъ. Когда же его назначили въ конвой, онъ все шутилъ и глумился надъ преступникомъ, предлагая другому конвойному сыграть веселую штуку: выпустить шпіона какъ бы на волю, увидѣть какъ онъ обрадуется, а потомъ вдругъ пристрѣлить...

Это была единственная черта въ Иванѣ Павловѣ, къ которой я чувствовалъ отвращеніе и которая до сихъ поръ остается для меня загадкой. Мы уже сказали, что непріятель, лишенный оружія переставалъ быть для Ивана Павлова непріятелемъ, и онъ сразу начиналъ чувствовать къ нему расположеніе, какъ къ человѣку; но, строго-честный, онъ былъ неумолимъ къ обманщикамъ, и даже искра чувства не проглядывала въ немъ въ этихъ случаяхъ.

Однако не надолго оставался Иванъ Павловъ въ такомъ настроеніи; зная его характеръ, я рисовалъ себѣ такую картину: положимъ, казнь надъ шпіономъ совершилась и преступникъ повалился бездыханнымъ на бѣлый снѣгъ и красныя дорожки пошли отъ его трупа... Я увѣренъ, что Иванъ Павловъ первый подошелъ-бы къ покойнику и дрожащимъ отъ волненія голосомъ сказалъ-бы: «Нужно его похоронить, братцы: теперь ужъ не намъ судить его, а Господу...» и первый вынулъ бы лопату и началъ бы рыть могилу.

Неизмѣннымъ оставался Иванъ Павловъ до конца похода: всегда бодрый, всегда веселый и неутомимый, шелъ онъ, заломивъ шапку на бекрень и, лихо подтянувъ тяжелую ношу въ самые трудные переходы, и иногда въ то время, когда никому и въ голову не приходило пѣть, вдругъ затягивалъ свою любимую пѣсню:

Полковникъ, нашъ начальникъ,
По фронту проѣзжалъ:
„Ребята, не робѣйте!“
Солдатамъ онъ сказалъ.

А пѣсенники собирались вокругъ него и уже хоромъ продолжали:

Балканскія вершины,
Увижу-ль я васъ вновь?
Софійскія долины,
Кладбище удальцовъ!

Но лишь только кончился походъ и войска тронулись на родину, Ивана Павлова нельзя было узнать: грустный садился онъ на корабль, грустный ступилъ на русскую землю и казался въ это время какъ будто больнымъ; но въ дорогѣ бывали минуты, когда Иванъ Павловъ и развеселялся: ничѣмъ его нельзя было такъ раззадорить, какъ боевыми пѣснями. Сидитъ, бывало, Иванъ Павловъ, насупившись, въ вагонѣ желѣзной дороги и грустно смотритъ въ окно; ничего не замѣчаетъ онъ изъ разостланной передъ глазами мирной русской природы; ему грезятся снѣжныя Балканы съ темными ущельями и слышанными тамъ глухими выстрѣлами, Софія и Филиппополь съ высоко выдающимися минаретами, и онъ такъ груститъ по этимъ мѣстамъ, какъ будто бы тамъ остались его привязанности. Взглядъ его похожъ былъ въ это время на взглядъ ребенка, потерявшаго единственную и любимую игрушку; вдругъ игрушка находится—и ребенокъ летитъ къ ней

съ блестящими отъ радости глазами. Такъ и Иванъ Павловъ летѣлъ на призывный къ бою звукъ, выраженный въ солдатскихъ пѣсняхъ. Никому, напримѣръ, не давалъ онъ запѣвать слѣдующихъ пѣсенъ.

I.

Вспомнемъ-вздумаемъ, братцы-ребята,
Какъ Богъ вынесъ храбрый нашъ отрядъ,—
Пули, ядра какъ насъ обсыпали
И картечи словно градъ.

Пули, ядра намъ, братцы, знакомы
И картечь намъ мелкая нипочемъ...
Станемъ, братцы, подружнѣе,
Встрѣтимъ нехристя штыкомъ.

Какъ задумалъ турокъ-бусурманинъ
Злую шутку съ нами подшутить:
Позаставилъ всѣ наши заставы,
Вздумалъ гладомъ насъ переморить...

Мы рогатую, братцы, скотину
Всю, какъ есть, въ три дня перевели;
Стали ѣсть мы лошадину—
И варили ее и пекли...

Вмѣсто соли мы, братцы, солили
Изъ патрона мелкимъ порошкомъ;
Всѣ мы трубочки курили,
Распрощались съ табачкомъ.

II.

Запоемъ мы, братцы, пѣсню
Про далеки страны,
Гдѣ рубились молодцы,
Гдѣ дрались уланы,

Гдѣ драгуны во цѣпи
День и ночь стояли;
Бусурманы подлецы
Смерти ожидали.

Гдѣ текла рѣка Марица
Кровяной водою,
Гдѣ дрались мы день и ночь
Съ вражеской ордою!

Образумься, бусурманъ!
Замирися съ нами,
А не то—твои дома
Мы возьмемъ штыками.

Всю страну твою пройдемъ,
По редутамъ жаря...
И не драться бы тебѣ
Съ войскомъ Государя!

А замиришься, такъ знай:
Дѣло мы поправимъ
Всѣхъ васъ с......ъ с....ъ
Въ Азію отправимъ.

Войска вернулись на родину,—и солдаты загуляли: кто пошолъ выпить водочки съ пріятелями, кто къ знакомымъ землячкамъ. Дана была цѣлая недѣля отдыха, и въ это время каждый солдатъ жилъ въ свое удовольствіе. Бывали въ это время интересныя сцены: идетъ, напримѣръ, пьяный солдатъ и размахиваетъ руками: «вотъ теперь бы въ аттаку! вотъ когда бы подрался!» вскрикиваетъ онъ совершенно чистосердечно.

Одинъ только Иванъ Павловъ никуда не хотѣлъ идти и все сидѣлъ въ ротѣ да тосковалъ. Ухаживали за нимъ товарищи и ничего не могли сдѣлать, — даже къ пѣснямъ сталъ неохочъ. Скоро онъ началъ жаловаться грудью; цѣлый мѣсяцъ пробылъ въ слабосильной командѣ, и наконецъ доктора нашли, что у него скоротечная чахотка.

Отправили Ивана Павлова въ госпиталь, и тамъ онъ умеръ черезъ полтора мѣсяца. Говорятъ, передъ самой смертью онъ сталъ веселъ, все куда-то рвался и чего-то хотѣлъ, но не въ силахъ былъ встать съ постели, а только подымалъ руки вверхъ и произносилъ несвязныя слова.

Я посѣтилъ его недѣли за двѣ до смерти. Что это было за превращеніе! Изъ героя, изъ веселаго и неутомимаго онъ превратился въ слабаго духомъ, безчувственнаго и вялаго человѣка съ погасающимъ остаткомъ жизни. Тотъ-ли это Иванъ Павловъ? думалось мнѣ; но честныя и симпатичныя черты открытаго русскаго лица, въ которыхъ свѣтилась еще не совсѣмъ угасшая душа этого замѣчательнаго простолюдина, напомнили мнѣ прежняго Ивана Павлова, и мнѣ стало невыразимо жаль его.

«Былъ у насъ Иванъ Павловъ,» говорятъ солдаты, вспоминая умершаго товарища,—и какое, братцы, диво! неказистъ собой, а молодчина на всѣ руки... и такого другаго, вѣрно, уже никогда больше не будетъ!»

N. N.

Отдѣлъ Третій.

ГОДЪ НА КАВКАЗѢ

ПРИ ВОЕННО-ВРЕМЕННЫХЪ ГОСПИТАЛЯХЪ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ

СТАРШЕЙ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ КРАСНАГО КРЕСТА ЕКАТЕРИНЫ БАКУНИНОЙ.

Владикавказъ, 8-го Іюля, 1877 г.

Вчера вечеромъ, то есть скорѣй подъ вечеръ, мы пріѣхали сюда. Изъ Петербурга мы ѣхали благополучно и безостановочно. Но здѣсь намъ объявили, что мы имъ свалились, какъ снѣгъ на голову, и что только два часа, какъ они узнали, что къ намъ ѣдетъ 50 сестеръ Краснаго Креста. И все извинялись, что ничего не приготовлено. Пошли толки объ томъ, что всѣмъ сестрамъ нельзя ѣхать вдругъ, а надо по партіямъ, въ 5 или 6 человѣкъ.

Старшая сестра Княгиня Хилкова назначенная еще въ Петербургѣ въ Александрополь, уѣхала въ полночь съ 6-ю сестрами своего отряда. А я буду отправлять сестеръ 2 раза въ день, въ мальпостахъ и омнибусахъ; сама выѣду послѣдняя съ 4-мя сестрами.

Владикавказъ городокъ маленькій, но очень красивый; всѣ бульвары обсажены бѣлыми акаціями и много итальянскихъ тополей. Горы такъ и высятся, и какъ хорошо онѣ рисуются на ярко-голубомъ небѣ. Сейчасъ была Свистунова, жена начальника Терской области; мужъ ея въ кр. Грозной; тамъ возмущеніе. Она съ нами была очень любезна и, уговорившись со мной ѣхать въ здѣшній военный госпиталь, пріѣхала опять послѣ обѣда. Здѣсь въ госпиталѣ такъ же сестры; одна изъ нихъ мнѣ очень понравилась. Я ѣздила съ Свистуновой въ коляскѣ, на козлахъ, вмѣсто лакея, сидѣлъ стройный и ловкій терской казакъ. А когда мы пили чай у нее въ саду, служилъ Ингуисъ; это тоже здѣшнее племя. Завтра обѣдаемъ у Свистуновой, а послѣ завтра выѣзжаемъ.

Тифлисъ, 12-го Іюля.

Выѣхали мы изъ Владикавказа 10-го, летѣли мы по горамъ, по ущельямъ. Не знаю, чему и уподобить эту дорогу, даже балкономъ на огромномъ домѣ нельзя назвать это узкое шоссе, вырубленное въ скалѣ, которое поднимается чуть не до облаковъ и спускается на страшную глубину. Ѣдемъ по карнизу, все повороты, кондукторъ безпрестанно трубитъ, чтобъ встрѣчники или попутчики останавливались гдѣ пошире, чтобъ можно было разъѣхаться; но на краю пропасти довольно высокій парапетъ. Побывали мы и въ облакахъ, и ѣхали мимо вѣчныхъ снѣговъ, и потомъ спустясь—мимо виноградныхъ садовъ. Горы въ самой своей высотѣ поразительны (écrasante), чувствуешь человѣка такой букашкой, физически, противъ этой громадной, дикой, неприступной природы, и такъ выше всего этого необъятнаго хаоса своимъ умомъ и даже своей расчитанной и дѣльной силой, когда летишь по этому гладкому шоссе и знаешь, что по немъ ѣздятъ безпрестанно, что здѣсь смѣются, если скажешь, что тутъ страшно и говоришь себѣ это, но между тѣмъ все есть мѣста, гдѣ невольно замираетъ сердце. На Гадаурѣ ужасно холодно, сыро, снѣгъ въ ущельи и даже возлѣ дороги, но шоссе великолѣпное. Тихо поднимаемся на 8-ми лошадяхъ и быстро спускаемся на парѣ. Мцхетъ, въ 20-ти верстахъ отъ Тифлиса, древняя столица Грузіи, при сліяніи Куры и Арагвы, тутъ церковь Святой Равноапостольной Нины и основанный ею монастырь, въ Покровъ собирается туда множество народу. Безплодныя, каменистыя горы окружаютъ Тифлисъ, что-то грустное. Выше шоссе идетъ желѣзная дорога въ Поти. Съ почтоваго двора насъ привезли въ какой-то сказочный дворецъ. Мраморныя лѣстницы, на всѣхъ стѣнахъ то зеркальные узоры, то по зеркаламъ бѣлые лѣпные узоры, всѣ подоконники мраморные, потолки и карнизы съ разными выступами, золото, цвѣты и всевозможные узоры ихъ украшаютъ, иные очень красивы, другіе верхъ безвкусія, цвѣтныя стекла различныхъ прихотливыхъ узоровъ, помнишь, какъ въ Бахчисарайской залѣ совѣта. Наконецъ, цѣлая комната зеркальная, съ узорами того же зеркальнаго стекла. Но въ этомъ великолѣпномъ азіатскомъ дворцѣ нѣтъ вовсе европейскаго комфорта и мы устроились кое-какъ, по походному. Намъ набросали сѣна на полъ, принесли ковровъ.

Трудно намъ было и продовольствоваться. Сестры хлопотали на кухнѣ и по очереди служили за столомъ. Сестра Хилкова, съ тремя своими сестрами, уѣхала въ Александрополь и всѣ сестры ея отряда понемногу туда уѣдутъ. Наше назначеніе еще не извѣстно. Великій Князь и Великая Княгиня теперь въ Александрополѣ.

17-го Іюля.

Въ середу, я съ сестрой Иностранцевой, ѣздила въ Сурамъ, 110 верстъ отъ Тифлиса, по Поти-Тифлисской желѣзной дорогѣ; тамъ расположенъ госпиталь, присланный Московскимъ Дворянствомъ. Главные распорядители, Шереметьевъ и его жена, докторъ Розановъ, княгиня Шаховская и весь персоналъ: доктора, сестры и даже прислуга изъ Москвы. Бараки образцовые, все отлично устроено и даже съ лишней роскошью. Шереметьевы очень достойныя и милыя личности.

Была я также съ сестрой Леманъ въ здѣшнихъ баракахъ для раненыхъ, они за городомъ, это не роскошно, но очень порядочно; есть тутъ и наметы. Провожалъ насъ и все показывалъ главный докторъ: онъ говоритъ, что постоянный вѣтеръ очень хорошо освѣжаетъ эту мѣстность. Потомъ мы проѣхали въ главный военный госпиталь, который меня удивилъ своей архитектурой такъ что я сказала, что вѣрно онъ недавно выстроенъ. Но оказалось противное; онъ строился при А. П. Ермоловѣ подъ казармы, но потомъ его приспособили для госпиталя и вышелъ госпиталь а la Riboisicre въ Парижѣ, по три павильона по сторонамъ, сообщеніе открытыми галлереями; есть и другія зданія, но не такъ хороши. Въ немъ 1090 человѣкъ больныхъ, есть и хирургическіе, но не раненые. Видѣла только одного тифознаго, и тотъ поправляется. Познакомилась съ сестрами; ихъ девять; онѣ уже два года находятся при этомъ госпиталѣ. Помѣщеніе ихъ очень хорошо.

Что тебѣ сказать про Тифлисъ? Это смѣшеніе Азіи съ Европой. прекрасный Головинскій проспектъ съ широкимъ тротуаромъ, съ бѣлыми акаціями, съ множествомъ роскошныхъ магазиновъ. И кварталы, Грузинскій и Армянскій, съ узкими проулками, которые вьются по горамъ, открытыя лавки, гдѣ производятся и работы. Большое разнообразіе типовъ, костюмовъ, но все пестрое, цвѣтное, какъ и на картинахъ Верещагина, только совершенно выдѣляются изъ этой пестрой толпы наши солдаты въ бѣлыхъ кителяхъ и въ бѣлыхъ блузахъ. Какая тѣснота на этихъ узкихъ улицахъ, и арбы на буйволахъ, и парныя коляски, и лошаки съ тулухами (кожаными мѣшками для воды) и огромные фургоны четверкой въ рядъ. И какъ это все умѣетъ разъѣзжаться въ этихъ узкихъ улицахъ, не могу и понять. Сейчасъ меня перебили депешей, надо отправить въ Александрополь остальныхъ сестеръ отряда Княгини Хилковой. А намъ назначено, по приказанію Ея Высочества, ѣхать въ какую-то долину въ Делижанъ; всѣ очень хвалятъ эту мѣстность. Пожалуйста, не вѣрь никакимъ слухамъ,—такіе есть нелѣпые. Вотъ и сейчасъ прибѣжали сказать мнѣ таинственно и съ большимъ страхомъ, что сестру Хилкову и ея отрядъ Турки взяли въ плѣнъ, уговаривали не посылать послѣднихъ сестеръ. А вѣдь ничего и подходящаго рѣшительно не было. Завтра уѣзжаю.

Делижанъ, 21-го Іюля.

Въ 9 часовъ вечера мы выѣхали изъ Тифлиса, т. е. я, инженеръ Ганусевичъ, полковникъ Морозовъ, инспекторъ военныхъ сообщеній этой дистанціи. Ты удивишься, что я ѣду не съ сестрами, но генералъ Старосельскій, который къ намъ очень внимателенъ, сказалъ, что Делижанъ не такое мѣсто, чтобъ можно было ѣхать, не имѣя приготовленныхъ квартиръ; рискуешь ночевать на улицѣ. Ѣхали безостановочно. Ночь великолѣпная, луна. Былъ и конвой, но это слово слишкомъ громкое для того чапара, который то скакалъ впереди коляски, чтобъ отстранять арбы, то ѣхалъ сзади, чтобъ не отрѣзали привязанный чемоданъ,— правда, фигура его воинственная, и кинжалъ, и шашка, и винтовка, закутанная въ обрывокъ бурки, такъ и вспоминались рисунки Орловскаго. Мы очень хорошо проѣхали ночью голыя, безплодныя мѣста, которыя нестерпимы днемъ, такъ что это мѣсто величаютъ Сахарой. Утромъ начали въѣзжать въ горы; было уже и жарко, и пыльно. Вотъ въ первомъ часу дня, проѣхавъ 160 верстъ отъ Тифлиса, мы увидѣли Делижанъ. Морозовъ показываетъ мнѣ строенія и наметы на горахъ, подъ горами, въ ущельяхъ,—въ горахъ это все госпитали. Вотъ Армянское селеніе со всей своей дикостью, съ лавками и работой на улицѣ, съ наваленными на ней буйволами, которымъ свяжутъ ноги и такъ подковываютъ. Ѣдемъ дальше. Малоканское селеніе, выстроенное по русски, очень добрыя физіономіи—бѣлокурыя. Немного спустились и подъѣхали къ хорошенькому домику, окруженному галлереями, садами, цвѣтами; съ одной стороны бьетъ фонтанъ, а съ другой, подъ горой, фруктовый садъ и бѣжитъ съ шумомъ горная рѣчка; по другую ея сторону небольшой сѣнокосъ и высокая гора, покрытая лѣсомъ—хорошо, свѣжо. Въ этомъ хорошенькомъ домикѣ Ганусевича я пишу къ тебѣ; онъ женатъ, у него большое семейство: двѣ взрослыя дочери и мальчики разныхъ лѣтъ. Меня здѣсь очень берегутъ и балуютъ.

На другое утро, съ полковникомъ Морозовымъ, я была въ трехъ госпиталяхъ, вѣздѣ знакомилась съ докторами, смотрителями. Толки, какъ помѣстить сестеръ, разныя затрудненія, все это продолжалось довольно долго; однако, въ полной надеждѣ, что все уладится, я вчера же рѣшилась телеграфировать генералу Старосельскому, чтобы присылали мнѣ сестеръ по омнибусу въ день, а то страшныя затрудненія съ лошадьми; ѣдетъ много офицеровъ и разнаго люда. На станціяхъ исторіи съ смотрителями, такъ что полковникъ Морозовъ на каждой станціи творилъ судъ и расправу. А какъ на Кавказѣ еще въ большомъ ходу и нагайки, и кулачная расправа, то смотрителя все жаловались Морозову на самоуправство проѣзжихъ. Но это болѣе было подъ Тифлисомъ, на послѣднихъ станціяхъ все обстояло благополучно. Послѣ этого письма

не жди отъ меня длиннаго; пріѣдутъ сестры и у меня будетъ много хлопотъ, а теперь еще напишу на досугѣ. Великаго Князя Михаила Николаевича очень любятъ, говорятъ, что онъ такъ добръ, что это не человѣкъ, а ангелъ. Слышала также, къ великой своей радости, что Великая Княгиня Ольга Ѳедоровна принимаетъ истинное участіе въ больныхъ и раненыхъ. Теперь Она въ Боржомѣ, гдѣ устраиваются госпитали. Говорятъ такъ же, что готовится дѣло къ 25-му, но вѣдь это только еще говорятъ; не здѣсь рѣшится судьба войны, а на Дунаѣ.

Если досадны и смѣшны дрязги и вражды въ нашемъ уѣздномъ городѣ, объ которыхъ ты мнѣ пишешь, то каково же, когда такія же мелочныя дрязги существуютъ въ виду непріятеля, въ виду смерти и гибели сотни и даже тысячи людей,—когда и тутъ интриги, происки, преобладаніе собственныхъ интересовъ надъ общимъ дѣломъ. Но офицеры и солдаты ведутъ себя отлично.

26-го Іюля.

Пишу къ тебѣ въ довольно просторной комнатѣ Армянской школы, въ которой намъ отвели двѣ комнаты. Есть и полы и потолки, но стѣны первой конструкціи послѣ пещеръ, сложены изъ дикаго камня и коекакъ смазаны глиной, вѣтеръ въ нихъ продуваетъ, но можно устроиться довольно сносно. Третьяго дня сестра Иностранцева, съ шестью сестрами, пріѣхала сюда, и я къ нимъ переѣхала съ красивой, тѣнистой фермы Ганусевичевыхъ. Эти сестры будутъ при Делижанскомъ госпиталѣ. Онъ размѣщенъ въ двухъ домахъ, и въ наметахъ, и въ кибиткахъ по уступамъ горы. Вчера, съ сестрами и главнымъ докторомъ Финомъ мы обошли всѣ пять отдѣленій и раздѣлили ихъ между сестрами. Пятое отдѣленіе: кибитки, очень высоко и ходить туда трудно, но воздухъ отличный. Вчера же пріѣхалъ и другой отрядъ сестеръ. Я ихъ отправила въ военно-временной госпиталь № 29-й. Тамъ имъ приготовлена маленькая, но довольно чистенькая комнатка. Госпиталь расположенъ внизу за рѣчкой, больные въ наметахъ, но всѣ вмѣстѣ, такъ что уходъ за ними будетъ удобенъ. Отправивъ сестеръ въ ихъ дорожномъ экипажѣ кругомъ по шоссе, что довольно далеко, я взяла у военнаго начальника чапара и отправилась съ нимъ, то вверхъ, то внизъ по разнымъ косогорамъ, мѣстами такъ круто, что я шла подъ руку съ чепаромъ, въ огромной мѣховой шапкѣ, съ нашитыми патронами и величайшимъ кинжаломъ за поясомъ. Сошли благополучно, а когда пришли къ ручью, то мой чапаръ устроилъ мнѣ прекрасный мостъ изъ камней. Просидѣла долго у сестеръ, слушала разсказы обо всѣхъ затрудненіяхъ въ дорогѣ и какъ имъ на мѣсто лошадей запрягли воловъ.

Ночью пріѣхало и послѣднее отдѣленіе сестеръ въ военновременный госпиталь № 25. Онъ расположенъ въ ущельѣ по дорогѣ въ Эривань. Мѣсто очень хорошее; тамъ для сестеръ приготовленъ наметъ. Сегодня, въ 7 часовъ утра я была у нихъ, пробыла довольно долго, смотрѣла перевязку. Тамъ есть у меня уже знакомые изъ героевъ Баязида, съ Георгіевскими крестами на рубашкахъ. Ужасно слушать, что они вытерпѣли въ 23-дневнной запертовки, какъ они называютъ осаду, выдержанную ими съ такой твердостью и терпѣніемъ. Они разсказываютъ, какъ всякую ночь нѣсколько смѣльчаковъ спускались на веревкѣ за водой и какъ всякой разъ не всѣ они возвращались. Раненые оставались безъ перевязки. Воды давалось въ день одна крышка отъ манерки и горсть ячменя. Какъ хоронили они своихъ умершихъ въ подвалахъ Какъ опасно было пройти по двору отъ выстрѣловъ и какъ благодарили они Бога за проливной дождь, который доставилъ имъ воды. Какъ наконецъ они узнали между вражьими выстрѣлами звукъ Русской пушки. Что это была за радость! Но если я буду писать все то, что они разсказываютъ, то моему письму не будетъ конца. Многіе изъ нихъ очень больны, но 13 человѣкъ уже выздоровѣли и имъ можно бы оставить госпиталь, но они всего лишились въ Баязидѣ. Вотъ еслибъ у меня въ эту минуту были рубашки, фуфайки и проч., какъ бы было хорошо! А то пойдетъ объ этомъ безконечная переписка. Ахъ! какъ многое не то, что пишутъ въ газетахъ. Какъ мало въ сущности подвинулись мы впередъ въ эти 20 лѣтъ и въ моральномъ и во всѣхъ отношеніяхъ. Грустно, очень грустно!

Делижанъ 30-го Іюля.

Чтожъ тебѣ сказать сегодня. Слава Богу въ сію минуту все обстоитъ благополучно. Всѣ сестры довольны, и своимъ помѣщеньемъ, и своими госпиталями, много дѣла: перевязываютъ, пишутъ письма, поятъ чаемъ. И всѣ усердно занимаются своими больными, которыхъ въ это время много привезли. Перевозка больныхъ очень грустная: или на двухъ-колесныхъ арбахъ на буйволахъ, или волахъ по два и по четыре человѣка почти безъ сѣна, и сверху никакой покрышки отъ здѣшняго палящаго солнца. Или въ огромныхъ фургонахъ въ 4-ре лошади; еслибъ положить въ эти фургоны побольше сѣна, то могло бъ еще быть сносно, такъ, какъ они очень глубоки и сверху закрыты, но на мѣсто сѣна положено класть отъ 2-хъ до 4-хъ тюфяковъ, и сажаютъ отъ 8-ми до 10-ти человѣкъ, что выходитъ очень тяжело для больныхъ. Два дня тому назадъ, пришелъ такой транспортъ. Раненые остались въ № 25-мъ. Больныхъ отвезли въ № 29-ой и пришлось положить совершенно по военному, просто на сѣно, хорошо еще, что въ шатрѣ. Я была у нихъ на

другой день и все, что можно было сдѣлать, это дать имъ тюфяковъ. Ихъ 20-ть человѣкъ, лежатъ они въ большой офицерской палаткѣ,—хорошо, что не было тутъ офицеровъ.

6-го Августа.

Нечего мнѣ написать тебѣ интереснаго. Пришелъ транспортъ, отправленъ транспортъ, это все идетъ изо дня въ день, только для разсѣянья были двѣ великолѣпныя грозы. Какіе были чудные эфекты, я пошла утромъ въ № 25-ой, чтобъ тамъ дождаться транспорта, вдругъ началась гроза, съ такимъ градомъ, что окружныя горы побѣлѣли. Потомъ набѣжала другая гроза, градъ въ крупный орѣхъ былъ и у насъ и при этомъ проливной дождь; этотъ госпиталь на склонѣ горы и можешь себѣ представить, что это были за ручьи, они бѣжали и въ палаткахъ, но палатки сверху не пробило.—Гроза прошла скоро, что за пріятный воздухъ былъ послѣ нее. Проѣзжали здѣсь уполномоченные Краснаго Креста. М. Н. Толстой въ Александрополь, онъ былъ у меня, и Всеволожскій, который тоже былъ у меня, онъ посланъ для устройства хорошей транспортировки. Дай Богъ успѣха.

9-го Августа.

Про военныя дѣйствія, мы ничего не знаемъ положительнаго, говорятъ что Турки стоятъ на горахъ, а Тергукасовъ ихъ хочетъ сманить въ долины, а лѣзть на горы опасно. Говорятъ также, что Турки рѣшились теперь только защищаться и войска свои изъ Сухумъ-Кале и прочихъ занимаемыхъ ими мѣстъ уводятъ. Опять всѣ эти дни, были эти несчастные транспорты. Въ Субботу привезли транспортъ на волахъ, очень много слабыхъ, каково имъ было ѣхать безъ всякой покрышки (отъ жгучаго солнца и дождя) и, хотя ѣхали тихо, но больные говорятъ, что было тряско. Вчера въ понедѣльникъ отправили отсюда въ фургонахъ.—Но разумѣется уровень больныхъ остающихся у насъ все слабѣе и слабѣе, потому что тѣ которые крѣпче пробывъ двѣ ночи отправляются дальше.

13-го Августа.

Эти дни шелъ дождь, но несмотря на это я, попросивъ экипажъ у доктора Фина, ѣздила въ № 29-ой. Старшая сестра Бондарева написала, что у нее навѣрно будетъ тифъ и что еще двѣ сестры занемогли. Но слава Богу это была фальшивая тревога;—скоро поправилась и сестры уже на службѣ.—Да благодаря Бога и, въ госпиталяхъ нѣтъ теперь тифозныхъ. Въ послѣдній транспортъ привезли много раненыхъ въ Де-

лижанской постоянный госпиталь и теперь сестрамъ этого госпиталя много дѣла, и онѣ отлично работаютъ; этотъ транспортъ пріѣхалъ въ фургонахъ и въ порядочномъ видѣ; но передъ этимъ былъ транспортъ на волахъ въ открытыхъ арбахъ и такіе слабые, что это просто варварство такихъ отправлять; одинъ умеръ въ дорогѣ, а четверо у насъ въ госпиталяхъ, да и отправляли ихъ уже въ такомъ положеніи, что видно было, что нѣтъ надежды. Нужда ли крайняя ихъ заставила отправить такой транспортъ, или желанье убавить смертность въ ихъ госпиталяхъ. Богъ ихъ знаетъ. Но очень тяжело и противно.

Хлопотала о чаѣ и сахарѣ съ полковникомъ Кущевымъ, выбраннымъ въ уполномоченные Краснаго Креста, но еще не утвержденнымъ. Телеграфировала обо всемъ намъ нужномъ въ Тифлисъ. Вечеромъ пріѣхалъ какой то чиновникъ изъ Александрополя отъ М. Н. Толстаго, съ предложеніемъ устроить здѣсь складъ, разумѣется, что я съ удовольствіемъ это приняла. Просила сестеръ вспомнить, что нужнѣе. Написали длинный реэстръ;—разсуждали объ томъ, гдѣ помѣстить складъ. Пріѣхавшій старый чиновникъ все толковалъ про отвѣтственность веденія книгъ и прочія формальности, это кажется олицетворенный канцеляризмъ. Но дали бъ только, а мы распорядимся; а то говоришь, говоришь, пишешь, пишешь, телеграфируешь, телеграфируешь, а все ничего нѣтъ.

18-то Августа.

Какъ грустно! Насъ остановили, а мы начали съ широкой руки, стали поить чаемъ два раза въ день нашихъ страдальцевъ. Но теперь намъ объявлено отъ управленія Краснаго Креста, чтобъ давали чай одинъ разъ. Табакъ рѣшили они, (вѣрно куря въ это время дорогія папиросы) что давать не надо que c'est un objet de luxe, а вѣдь бѣднымъ нашимъ солдатамъ это единственное развлеченіе на госпитальныхъ койкахъ. И какъ эти господа, которые находятъ для себя куренье необходимымъ, такъ не сочувственно относятся къ другимъ. Буду писать обо всемъ этомъ къ Д. С. Старосельскому *). Я сегодня въ очень грустномъ расположеніи, сейчасъ пріѣхала съ санитарной стоянки, это лагерь для выздоравливающихъ: они тамъ должны быть на покоѣ, на хорошей пищи, на хорошемъ воздухѣ,—вотъ этого послѣдняго тамъ въ изобиліи и мѣстоположеніе прекрасное. Пища назначена: 1 ф. мяса, 3 ф. хлѣба и водка три раза въ недѣлю; но на все это дается въ сутки 6 копѣекъ на человѣка. А здѣсь мясо 8 к. за фунтъ, а водка была 3 рубля за ведро, теперь 6 р. и такъ водки разумѣется совсѣмъ не дается, а мясо плохое. Для покоя они должны находится по 15-ти человѣкъ въ солдат-

*) Потомъ они смиловались и присылали табакъ.

ской палаткѣ; нары сдѣланы изъ вѣтокъ и сверху сѣно, но и тѣ не во всѣхъ палаткахъ, гдѣ больные, а въ пустыхъ въ другомъ ряду, на показъ. Впрочемъ этотъ воинской начальникъ, съ которымъ я ѣздила, распорядился, велѣлъ ихъ сейчасъ перенести. А на счетъ недостаточности суммы на содержанье, онъ говоритъ, что давно писалъ, что уже передержалъ и боится быть въ отвѣтѣ.

Тутъ большой недостатокъ въ бѣльѣ и прочемъ.

У инаго одна нога въ сапогѣ, а другая въ туфлѣ, а то даже и безъ туфли. У многихъ по одной рубашкѣ и они ее носятъ безсмѣнно. Я говорила съ докторомъ, который тутъ живетъ, онъ находитъ, что цѣль совершенно не достигнута и процентъ заболѣванія очень великъ. Кстати о бѣльѣ: я кажется забыла тебѣ написать, что ко мнѣ пріѣзжалъ какой-то господинъ, говорилъ, что онъ подрядчикъ, но не нашихъ госпиталей и просилъ меня ѣхать съ нимъ по Делижану собирать для нашихъ Баязидскихъ героевъ. Я была очень рада этому предложенію и мы собрали 57 руб. и еще малоканка Самодурова прислала холста. Нашъ уполномоченный купилъ бязи, мы сшили рубашки и проч. Купили сапоги и могли хоть нѣкоторыхъ, одѣть, и обуть, и дать хоть нѣсколько денегъ.

27-го Августа.

Ты спрашиваешь, что такое Делижанъ. Мнѣ говорили что при царяхъ Арменіи это было мѣсто ссылки. Стоитъ онъ на 3.500 футовъ надъ уровнемъ моря, воздухъ и вода прекрасные. Но какъ же тебѣ понятнее описать это мѣсто: поставь четыре самыя высокія изъ горъ близкихъ къ Казицыну одна на другую и такими горами окружили узкую долину, въ которой по камнямъ течетъ быстрая рѣчька, то широкая, то узкая, судя по дождямъ. Узкое шоссе съ двумя рядами телеграфныхъ столбовъ, (одни изъ нихъ передаютъ приказанья Императрицы Индійской въ Калькуту) вьется по горѣ, то спускаясь, то подымаясь, а по всей горѣ по той именно гдѣ идетъ шоссе и гдѣ мы живемъ, идутъ прихотливыя тропинки отъ одного дома къ другому,—но домомъ этого обиталища нельзя назвать, это каменная стѣна придѣланная къ углубленью въ горѣ съ земляной плоской крышкой.

Передъ домомъ на небольшой площадкѣ сложена пшеница и тутъ же ее лѣниво молотятъ буйволами, или волами. Это и есть Армянское селенье.

Вдоль шоссе нѣсколько бѣлыхъ домовъ иные даже въ два этажа, съ вычурными балконами и съ навѣсами, въ одномъ изъ нихъ было Делижанское собраніе, теперь въ немъ пріемный покой и 1-е отдѣленіе госпиталя. Лежатъ самые слабые, тутъ же госпитальная кухня и пекарня. Близко небольшая площадка, на ней телеграфная станція и въ

какомъ то странномъ, низкомъ строеньи съ земляной крышей помѣщается походная церковь Дербенскаго полка. Служитъ въ ней священникъ бѣжавшій изъ Сухума. Онъ же исполняетъ и всѣ требы по всѣмъ тремъ госпиталямъ. На этой площадкѣ теперь стоятъ пушки изъ Ардагана. Далѣе по шоссе же тянутся деревянныя и каменныя лавки въ Азіатскомъ и Европейскомъ вкусѣ, тутъ, и пьютъ, и куютъ, и пекутъ, тутъ и красный товаръ, и посуда, чай, и сахаръ, и проч. Дальше бѣленькой домикъ, передъ нимъ столбъ, а вечеромъ постоянно зажигается фонарь, это почта, куда мы часто ходимъ; а пройдя почту очень маленькая мазанка, это нашъ ресторанъ, мы туда ходимъ обѣдать, иногда очень плохо.—Потомъ опять разнообразные лавки и застава, гдѣ собирается плата съ перекочевывающихъ татаръ и даже вьючнаго скота. Теперь все идутъ ослы по здѣшнему яшакъ и только изрѣдко показываются верблюды. За заставой нѣтъ уже сплошнаго строенья, а разсѣянные домики; и дорога раздѣляется, одна поворачиваетъ на лѣво въ гору и ущелье, она идетъ въ Эривань, а другая зигзагами спускается къ рѣчькѣ, настоящее имя рѣчьки Акстафа. Я насилу его добилась, а то все называли ужъ очень на русской ладъ Делижанкой. Проѣхавъ мостъ на право лѣпясь у горы идетъ узкая, земляная дорога въ № 29-й, тамъ же и запасной мегазинъ, гдѣ пекутъ хлѣбъ для арміи и сушатъ сухари, тутъ же и маленькій острогъ. Всѣ эти строенья и госпиталь внизу у самой рѣчьки окружены горами, но не очень крутыми, на нихъ пашутъ и сѣютъ. Но надо видѣть съ какимъ трудомъ везутъ отъ туда пшеницу, или сѣно на двухъ колесныхъ арбахъ, или даже на саняхъ. Вправо отъ моста идетъ шоссе въ Александрополь, тутъ красивая Малоканская деревня, бѣленькія мазанки, иныя даже въ два этажа, зелень, сады, фруктовыя деревья, русскія лица, рослый и стройный народъ,—говорятъ что они живутъ богато и хорошо. Малаканскихъ деревень вокругъ Делижана очень много, тѣ съ Русскими именами, а эта называется Новый Делижанъ, а гдѣ мы живемъ Старый. Какъ бы тебѣ описать всю пестроту, все разнообразіе экипажей, костюмовъ, типовъ,—вспомни картины Верещагина, особливо его нищихъ, потому что оборванцевъ здѣсь много.—Вотъ они въ огромныхъ шапкахъ, оборванные, но всегда съ кинжаломъ за поясомъ, толпятся передъ только, что зарѣзаннымъ, бараномъ что постоянно бываетъ на улицѣ у самой лавки. Вотъ ѣдутъ двухъ-колесныя арбы, на Азіатскихъ колесахъ, т. е. большое сплошное колесо какъ дѣлаютъ въ дѣтскихъ игрушкахъ; громадные буйволы тащутъ этотъ азіатской экипажъ, звуча цѣпями. Тутъ же скачутъ стройные казаки въ разноцвѣтныхъ длинныхъ кафтанахъ съ патронами, въ косматыхъ шапкахъ. Или огромный фургонъ наложенный до верху и покрытый полотномъ, быстро несется подъ гору на четырехъ лошадяхъ, у нихъ отъ мухъ на глазахъ болтается цѣлый рядъ ремешковъ, что имъ даетъ стран-

ный видъ. А вотъ лихая ямская тройка совершенно русская, звеня колокольчиками промчится къ почтѣ. Или вдругъ вся улица, покроется навьюченными ишаками, но они быстро кидаются въ сторону отъ скачущаго фаэтона, въ которомъ дама одѣтая по французской модѣ, ѣдитъ съ визитами къ своимъ знакомымъ Но вотъ всѣ сторонятся, это идетъ артилерія. При спускѣ смѣлые артилеристы вѣшаются на дышла. Страшно смотрѣть.

6-го Сентября.

Какъ мнѣ хотѣлось съ утра начать къ тебѣ письмо, но рѣшила, что должна написать прежде къ А. П. Мухартовой. Я не помню, писала-ли я тебѣ, что она прислала 50 рубл. для больныхъ, чтобъ ихъ раздѣлить между сестрами и каждая могла-бы, что нибудь дать больному, или купить для него. Теперь я могу съ тобой поболтать, пока не пришелъ транспортъ раненыхъ изъ Александрополя, для которыхъ уже готовятъ ужинъ. Идя послѣ обѣда изъ нашего ресторана, я заходила на кухню; готовять на 120-ть человѣкъ. 2-го, я надѣвъ ватерпруфъ, отправилась въ № 25 навѣстить сестеръ, послѣ, или точнѣе сказать во время ненастья, вѣдь онѣ въ шатрѣ. Сестра Леманъ даже не въ больничномъ шатрѣ, а въ офицерской палаткѣ, и она спала подъ большимъ зонтикомъ, отъ сильнаго дождя, который шелъ въ палаткѣ. Но она очень милая, всегда весела, довольна, усердна, такъ что и тутъ она смѣялась, а иныя нахохлились. Больные, особливо тамъ гдѣ ихъ не много, жаловались на холодъ и сырость.

На присланныя тобою деньги, мы купили табаку и книжечекъ для папиросъ. Но какъ скоро все разошлось. Меня удивило, что въ домашнемъ спектаклѣ, въ Талыжнѣ, гдѣ вся публика жены и дочери причетниковъ, прислуга и крестьяне, вы собрали и на вашу рукодѣльню для раненыхъ и мнѣ могли удѣлить. 3-го погода была ясная, но свѣжая, утромъ я пошла въ нашъ постоянный госпиталь въ палатки и кибитки. Видѣла оттуда, какъ тянулся Эриванскій транспортъ и пошелъ въ № 29-й. И я пошла туда, больныхъ и раненыхъ привезли 130-ть человѣкъ на фургонахъ; но дурно и грустно то, что были между ними и очень слабые (такихъ должно-бы оставлять на мѣстѣ). Каково имъ ѣхать! Вечеромъ пришелъ еще транспортъ на волахъ и арбахъ, 250 человѣкъ. 4-го послѣ обѣда я пошла въ № 25-й. Погода была прекрасная, яркое освѣщенье, зелень послѣ дождя свѣжая, блестящая. Тамъ я осталась и вечеръ. Во-первыхъ, обошла всѣ 16 палатокъ, поговорила съ больными, пила чай съ сестрами. Но какъ бы тебѣ описать, какъ было тамъ красиво. Представь себѣ двѣ высочайшія горы, одна покрыта лѣсомъ, не очень высоко вьется шоссе, между горъ узкая долина. На ясномъ, безоблачномъ небѣ всходитъ, хотя и неполная, но яркая, южная луна. На

уступахъ нашей, лѣсистой горы въ два ряда бѣлѣютъ наши шатры, не много пониже втораго ряда шатровъ разложенъ костеръ, который, когда положутъ болѣе сухихъ вѣтвей ярко разгорается и очень эфектно освѣщаетъ группы больныхъ и выздоравливающихъ солдатъ, которые усѣвшись въ кружокъ у самаго костра, поютъ хоромъ то заунывную русскую пѣсню, то весело-удалую солдатскую. На лавочкахъ противъ костра сидятъ доктора, смотрителя, сестры. На палаткахъ, которыя за нами, огонь споритъ съ луннымъ свѣтомъ и повременамъ ярко освѣщаетъ кусты, деревья. Воздухъ свѣжій, но пріятный и я долго тутъ сидѣла любуясь этой картиной. И при свѣтѣ мѣсяца вернулась домой.

Солдаты радуются, что самъ Великій Князь теперь здѣсь главнокомандующимъ, къ Нему у нихъ такая довѣренность, что они убѣждены, что при Немъ все пойдетъ успѣшно.

Скоро придетъ транспортъ, иду его встрѣчать.

Делижанъ 10-е Сентября.

Сегодня я получила телеграмму отъ Д. Ремерта, что надо отдѣлить сестеръ въ Караклиской госпиталь; но не безпокойся, это не далеко отсюда, хорошее, совершенно безопасное мѣсто, ѣхать по прекрасному шоссе. Помню, что кончила послѣднее письмо тѣмъ, что пошла встрѣчать транспортъ раненыхъ изъ Александрополя 120-ть человѣкъ.

Я пошла съ сестрой Бондаревой, а другія сестры, несмотря на ночное время, пошли въ свои отдѣленіи, чтобы все устроить для прибывшихъ раненыхъ и перевязывать. Хорошо еще, что была лунная ночь. Крикъ, шумъ, толкотня, перекличка раненыхъ и отправка въ отдѣленья на горы безрукихъ, которые могутъ сами идти. А всѣ, что не могли идти оставлены въ 1-мъ отдѣленіи, четверыхъ даже внесли на постельникахъ и оставили въ пріемномъ покоѣ. Скажи Ольгѣ Б., что кастеляншъ у насъ нѣтъ, что съ прачками истинная напасть, не приносятъ бѣлья двѣ, три недѣли, моютъ грязно и теряютъ.

14-го Сентября.

Скучно, грустно! Больные все мѣняются. Красный Крестъ намъ ничего почти не высылаетъ. Табаку нѣтъ. Чай и сахаръ дается въ обрѣзъ. сестрамъ это очень тяжело, — больные просятъ, особливо когда пріѣдетъ транспортъ, въ нашъ постоянный госпиталь, тяжело, грустно, сажаютъ тѣсно, лѣзутъ съ костылями черезъ колеса. Обѣщаютъ все хорошее устройство. Ждемъ съ минуты на минуту доктора Розанова, который долженъ поселиться здѣсь и все это устроить. Такъ-же ждемъ склада, но пока всего этого дождемся, очень грустно. Дѣлъ никакихъ

важныхъ нѣтъ; только рекогносцировка. Вчера былъ здѣсь генералъ Толстой изъ Эривани и говорилъ, что раненыхъ тамъ мало. Ждемъ ихъ сюда только изъ Александрополя.

Погода прекрасная, жарко какъ въ Іюлѣ, ночи блестящія, я возвращаюсь изъ госпиталей въ 10-мъ часу вечера.

20-го Сентября.

На трехъ угольномъ дворѣ, на которомъ на четырехъ длинныхъ и безобразныхъ столбахъ висятъ колокола между Армянской церковью и школой, стоитъ самый неуклюжій тарантасъ запряженный петью измученными лошадьми. Изъ дверей школы безпрестанно выходятъ женщины въ бѣлыхъ чепчикахъ и сѣрыхъ пальто. Онѣ съ озабоченнымъ лицомъ обращаются къ стоящему военному: „Николай Тихоновичъ", кричитъ одна, „мою то корзинку не забудьте". Другая: „Николай Тихоновичъ, въ моемъ мѣшкѣ посуда, осторожнѣе, разобьется".—Но тотъ, къ кому обращаются эти возгласы, и не слышитъ ихъ; онъ занятъ великой задачей: если поставить въ тарантасъ четыре чемодана, то четыремъ сестрамъ не возможно сѣсть, а если посадить четырехъ сестеръ, то безъ чемодановъ онѣ не поѣдутъ. Наконецъ кто-то закричалъ: „три чемодана можно привязать сзади". И всѣ оживились, засуетились побѣжали за веревками. И безобразный тарантасъ сталъ еще безобразнѣе; но за то узелки и подушки стали поспѣшно убираться. Однако и на долю другаго тарантаса остались двѣ корзинки и большой клеенчатый мѣшокъ. Во время этой укладки, сестры пили чай и завтракали яицами, которыя варились въ самоварѣ. Наконецъ все готово и тарантасъ двинулся, но спускать его съ горы было довольно трудно; Малаканъ ни чѣмъ не отличавшійся отъ Новгородскаго ямщика осторожно спускалъ, подтормозивъ экипажъ и ведя подъ уздцы коренную лошадь, за этимъ тарантасомъ спускается и другой двухмѣстный, въ немъ я, съ Николаемъ Тихоновичемъ Кущевымъ. Оба тарантаса проѣхавъ мостъ остановились въ Малоканской деревнѣ противъ двухъ этажнаго домика, на балконѣ, котораго стояло нѣсколько военныхъ, одинъ изъ нихъ сейчасъ распорядился, чтобъ вынесли маленькой чемоданъ и большую бурку и сѣлъ самъ въ тарантасъ на мѣсто Н. Т. Кущева, который я думаю былъ очень радъ, что все хорошо устроилъ и отправилъ сестеръ. Послѣ этой остановки оба тарантаса быстро поѣхали, все поднимаясь въ узкое лѣсистое ущелье. И какъ красивъ лѣсъ на этихъ высокихъ горахъ, которыя все сходятся ближе, и все становятся выше, и выше. Быстрая горная рѣчька бѣжитъ въ глубинѣ ущелья. Дорога вьется на полугорѣ, то между деревьевъ, которыя—осень уже разкрасила разными цвѣтами, только дубы сохраняютъ вою густую темно-зеленую листву; то возлѣ скалъ самыхъ прихотливыхъ

формъ постоянно угловатыхъ отъ взрыва пороха, которымъ очищали этотъ путь. Ущелье все уже и уже, но два тарантаса катятся по превосходному шоссе. Вы можетъ быть представляете себѣ, что грозные, вооруженные чапары скачутъ возлѣ экипажей, въ которыхъ пять женщинъ, или по крайней мѣрѣ полковникъ Морозовъ, который съ нами ѣдетъ имѣетъ ружье, шашку, револьверъ—ничего этого нѣтъ, ни конвоя, ни оружія и мы ѣдемъ также спокойно, какъ вы ѣздите по Новоторжскому уѣзду.

Но вотъ подъемъ кончился, эти горы называются Малый Кавказъ, говорятъ, что эта возвышенность въ 7,200 футовъ надъ поверхностью моря. Я что-то сомнѣваюсь, правда что въ дали показалась гора покрытая вѣчнымъ снѣгомъ, а по другимъ горамъ ползали облака. Горы разошлись широко и долина, по которой вилась рѣчька припомнила намъ далекую родину: сжатыя поля ржи, (пшеницы тутъ не сѣютъ) на которыхъ пасутся стада, огороды съ капустой и картофелемъ; и русскіе домики; и физіономіи могли совершенно заставить забыть, что мы находимся на 7,200 ф. высотѣ, и слишкомъ за 2000 верстъ отъ грустныхъ, но милыхъ, родныхъ полей.

Малакане народъ смирный, живутъ очень исправно, только, мировой судья говоритъ, что татары часто мирятся, армяне иногда, а малакане никогда.—Проѣхавъ быстро деревню, проѣхали еще версты двѣ и остановились у одинокаго дома, почтовая станція. Не смотря что мы ѣхали съ инспекторомъ военныхъ сообщеній, проѣзжихъ такъ много и лошади такъ измучены; что намъ пришлось ждать два часа, отъ нечего дѣлать принялись за чай. Я съ полковникомъ Морозовымъ уѣхала впередъ. Сестрамъ стали закладывать лошадей. Опять долина начала съуживаться. дорога завилась по изгибамъ горы карнизомъ, безпрестанные повороты или спуски. Опять то обнаженныя скалы, то лѣсистыя горы мѣстами очень красивыя. Тарантасъ спускается тремя изгибами съ горы, открывается видъ на красивую, веселую, широкую долину, напоминающею судакъ: сады, итальянскія тополи, большія ивы у ручьевъ, грушевыя, яблочныя деревья, но виноградъ тутъ не ростетъ.

Подъѣзжая къ Караклису, тарантасъ остановился у маленькаго пригорка, на которомъ изъ-за бѣлаго каменнаго забора, виднѣются домики Караклискаго полугоспиталя. Мы вышли и сей часъ послали за главнымъ докторомъ, который живетъ довольно далеко въ армянской деревнѣ. Но я не утерпѣла, чтобъ прежде его прихода не обѣжать всѣхъ палатъ. Госпиталь расположенъ въ партикулярномъ домѣ, все маленькія комнаты изъ корридора, такъ что довольно удобно. Пришелъ докторъ Кулассовскій и очень любезно говоритъ, что онъ съ двухъ часовъ ждетъ сестеръ съ обѣдомъ, что онъ очень, очень радъ, что будутъ сестры въ его госпиталяхъ, что онъ надѣется, что онѣ принесутъ большую пользу.

(Дай Богъ, чтобъ такъ было). Сестрамъ приготовлена хорошенькая, бѣленькая комната и четыре кровати. Я велѣла принести пятую. Но докторъ объявилъ, что онъ меня не отпуститъ, что я должна ночевать у нихъ (у него жена очень милая). Я опять сѣла въ тарантасъ съ своимъ кавалеромъ, а сестры пошли пѣшкомъ съ докторомъ; но они скорѣе дошли потому что все шоссе было заставлено арбами, это шелъ транспортъ изъ Александрополя. Докторъ хотѣлъ въ ту же минуту сдать одного больнаго въ госпиталь, но онъ оказался уже умершимъ на арбѣ! Проѣхавъ съ трудомъ мимо нѣсколькихъ сараевъ и домиковъ, тарантасъ остановился и, мы пройдя маленькой садикъ, гдѣ пестрѣли цвѣты, вошли въ комнату съ диваномъ, съ письменными столами, (на нихъ лежали газеты, журналы и даже палитра висѣла на стѣнѣ). Но надо признаться что послѣ нашего путешествія, мы всего больше обратили вниманія на хорошо накрытый столъ и на разставленныя разныя закуски. Докторша очень любезно всѣхъ угощала. Обѣдъ былъ вкусенъ и сытенъ.

Послѣ обѣда виноградъ, чай и кофе. Часа два продолжалась бесѣда, но такъ, какъ она все вертѣлась вокругъ госпиталей, то для не занятыхъ спеціально этимъ дѣломъ, она была-бы очень скучна. Инспекторъ пошелъ ночевать къ своимъ подчиненнымъ. Сестеръ пошелъ провожать съ фонаремъ единственный слуга доктора. А докторъ и докторша сами все устраивали, чтобъ я могла хорошенько отдохнуть.

Утромъ въ половинѣ седьмаго всѣ уже встали.

Я пошла съ докторомъ въ госпиталь, не стану описывать подробно, какъ мы ходили по палатамъ, палаткамъ и кибиткамъ; мы рѣшили, что лучше всего, чтобъ при каждомъ ординаторѣ была сестра, и раздѣлили между двухъ сестеръ палаты и проч., а третья должна ходить въ два отдѣльные домика въ самомъ селеньи; въ хорошую погоду это не трудно, но въ грязь будетъ не удобно. Четвертую сестру докторъ просилъ взять на себя кухню и бѣлье. Ходили также посмотрѣть строющіяся бараки. Очень грустно, что они еще строятся, когда давно бы должны быть выстроены; ихъ четыре. А теперь какъ-бы они были нужны, въ нихъ должно помѣщаться по 25-ти человѣкъ въ каждомъ, и тамъ было-бы мѣсто зимой на 100 человѣкъ. А теперь, какъ то еще все устроится.

Караклисъ очень важный пунктъ для транспортовъ, это единственный госпиталь, въ которомъ транспорты по дорогѣ изъ Александрополя въ Делижанъ могутъ оставлять своихъ ослабѣвшихъ больныхъ. Вотъ и теперь только, что мы вышли на шоссе, увидали арбы и больныхъ, что очень поздно для выхода транспорта съ ночлега; но офицеръ имѣетъ большое извиненье: эти арбы перемѣнныя, т. е. послѣ всякаго ночлега, надо собирать новыя арбы, снова размѣщать больныхъ и это на всякій ночлегъ! Я не стану тебѣ описывать подробно мой возвратный путь. Но

послѣ остановки на станціи, въ узкомъ мѣстѣ мы увидѣли, что четыре пары воловъ съ трудомъ что-то тащутъ, другіе стали, буйволы лежатъ по срединѣ дороги, которую совсѣмъ загромоздили. Это везутъ осадную артиллерію, большія пушки на огромныхъ колесахъ. Сопровождавшій чиновникъ говорилъ намъ, что онъ такъ бьется съ Владикавказа, съ 2-го августа, это выходитъ почти 6-ть недѣль. Намъ пришлось выдти изъ тарантаса, отстегнуть пристяжныхъ лошадей, чтобъ кое-какъ пробраться между воловъ, буйволовъ и пушекъ.

Въ этотъ день безпрестанно надо было, или разъѣзжаться, или обгонять; то до сто арбъ везутъ сухари, то вьючныя лошади везутъ въ бурдюкахъ нефть, то фургоны разный товаръ; наконецъ въ одномъ мѣстѣ, гдѣ дорога спускается къ самому ручью, на другой его сторонѣ, цѣлый караванъ до 200 верблюдовъ, ихъ погонщики расположились тутъ на ночлегъ, а верблюды живописно разбрелись по возвышенностямъ, между деревьевъ и по берегу ручья. Вотъ ужъ Азія!

Делижанъ 29-го Сентября.

Вчера вечеромъ, я была у всенощной и сегодня у обѣдни; очень рада, что для Сергіева дня была служба. Что тебѣ сказать про эти дни. Два событія, первое: получили мы изъ склада Краснаго Креста: рубашки, кальсоны, фуфайки, косынки, платки и проч. для перевязки и такъ же тазы и чайники, въ которыхъ мы очень нуждаемся, нѣсколько табаку,—но ни чаю, ни сахару, что очень не распорядительно, потому что мы здѣсь покупаемъ гораздо дороже, чѣмъ въ Тифлисѣ. Другое событіе: это пріѣздъ сюда доктора Розанова и княгини Шаховской, не той что извѣстна, а молодой, хорошенькой и очень милой. Она пріѣхала чтобъ улучшить транспортировки и сопровождать ихъ. У доктора Розанова будетъ изъ московскаго отряда: 6 докторовъ и 6 или 8 студентовъ. У княгини Шаховской 12-ть сестеръ, но все новыя, собранныя въ Тифлисѣ, не опытныя. Онѣ теперь ходятъ къ сестрамъ учиться перевязкамъ.

Дай имъ Богъ улучшить эту грустную сторону здѣшней эвакуаціи. А сегодня мы ждемъ транспортъ изъ Александрополя 300 человѣкъ, не знаю, а полагаю, что больше раненыхъ, вѣдь тамъ 20-го сентября было дѣло, въ которомъ убито 1000 человѣкъ, ранено 2000 челов. Господи! Господи! что за мерзость война! Что за ужасающіе разсказы варварскихъ поступковъ и происшествій слышимъ мы всякой день.

И у насъ, и на Дунаѣ, что-то не хорошо; но кажется тамъ по крайней мѣрѣ все своевременно устроено. А у насъ теперь только принялись за магазинъ, который долженъ быть приспособленъ на зиму для помѣщенья больныхъ. Когда же онъ будетъ готовъ! Такъ же только те-

перь начали разбивать палатки для госпиталя № 44-й, когда уже надо-бы думать объ томъ, чтобъ ихъ убирать.

Не заключи изъ того, что я пишу, что было жарко, что это у насъ постоянно, были уже очень большіе утренники, такъ что все было бѣло. А теперь идетъ большой дождь.

29-го Сентября.

Я кончила мое письмо въ воскресенье тѣмъ, что идетъ большой дождь, онъ такъ шелъ весь день и въ эту погоду,—почти въ сумерки, пришелъ транспортъ въ 300 человѣкъ, и покуда главный докторъ ихъ выкликалъ и длились всѣ прочія продѣлки, безъ которыхъ можно-бы обойтись, сдѣлалась глухая, непроглядная ночь. И какъ эти фургоны (громные, неуклюжіе, четвернями въ рядъ, доѣхали благополучно въ эту темень, по этой грязной дорогѣ, которая идетъ узкимъ карнизомъ до №№ 25-го и 29-го право непонятно! Сестры не смотря на темноту идутъ съ тѣми больными, которыя отправлены въ ихъ отдѣленья. А я съ сестрой Бондаревой, осталась въ 1-мъ отдѣленьи, мы стараемся уложить поспокойнѣе слабыхъ, перемѣняемъ бѣлье—иные пріѣзжаютъ въ ужасномъ видѣ. Эти пріѣзды и отъѣзды мучительны,—стоишь тутъ и чувствуешь, какъ мало отъ этого пользы, а совѣстно уйдти, хотя очень тяжело и грустно. Все же для иныхъ что-нибудь да сдѣлаешь при отъѣздѣ, двумъ или тремъ достанешь и дашъ госпитальные шубы, или сапоги, перемѣнишь черный хлѣбъ на бѣлый; но вы бы его бѣлымъ не признали.

Ты пишешь о деревенской не проѣздной грязи; здѣсь она еще хуже, пройдешь нѣсколько шаговъ и уже тащишь пуда два на ногахъ. Въ понедѣльникъ я узнала, что сестра въ № 29-мъ нездорова pneumonia и сердцебіенье; надо было ее навѣстить. Я попросила у Д. Фина экипажъ, въ это время ко мнѣ пришла сестра Леманъ, отогрѣться отъ ночи въ палаткѣ. Я ее пригласила съ собой. Доѣхали мы благополучно. Тамъ нашли цѣлый лазаретъ, еще у одной сестры головныя боли, третья лежитъ съ повихнутой ногой, четвертая сожгла себѣ пальцы карболовой кислотой. Пробывъ довольно долго у сестеръ, мы очень важно сѣли въ хорошенькую пролетку на лежачихъ рессорахъ. И что-жъ! Надо подняться на маленькой пригорокъ, грязь такъ глубока, такъ липка, что лошадь не можетъ взять, и мы въ самую, глубокую грязь должны были выйдти, и съ трудомъ вытаскивая ноги, взбираться на пригорокъ и уже на ровномъ мѣстѣ мы опять важно усѣлись въ экипажъ. Но вчера и сегодня погода опять лѣтняя.

2—5-го Октября.

Что-то странное творится въ Делижанѣ.—Делижанъ, который подметали одни ураганы, подметаютъ очень усердно презрѣнныя метлы; на

его дорогахъ (исключая шоссе) только и работали проливные дожди, устраивая себѣ на просторѣ стоки и ямы по своему удобству, а ни какъ не для удобства проѣзжихъ. И вдругъ люди принялись все чинить и исправлять; ямы задѣлываются, камни валявшіяся на дорогѣ, сброшены прочь и съ шумомъ катятся въ ручей. Но для чего же все это? Ужъ конечно не для удобства этихъ неуклюжихъ фургоновъ, которые стоятъ теперь на улицѣ. Нѣтъ, ждутъ сюда сегодня Великую Княгиню. А это отправляется транспортъ, что у насъ постоянно,—вотъ и вчера пришло два; одинъ на волахъ пришелъ рано, другой на фургонахъ (на лошадяхъ) пришелъ въ 10-ть часовъ вечера. Вотъ про этотъ транспортъ докторъ съ генеральскими погонами очень горячась разсказываетъ, что вчера вечеромъ онъ и другіе главные доктора собрались у третьяго отдѣленья, (все строенье одна большая зала) чтобъ тамъ на ночь остановить 200 человѣкъ, а 100 человѣкъ (транспортъ въ 300 человѣкъ) послать въ только-что открытый госпиталь № 44-й. Но молодой московской врачъ протесалъ мимо этаго строенья въ пріемный покой, сидѣлъ тамъ, ждалъ и сердился. И отъ этаго все затянулось и не устроилось до поздняго часа ночи. Во время его разсказа съѣхались фургоны съ больными изъ всѣхъ отдѣленій, а также фургонъ, въ которомъ двѣ сестры изъ отряда княгини Шаховской. У нихъ разные запасы: чай, сахаръ, водка, вино и табакъ. Теперь транспортировкой больныхъ занимается княгиня Шаховская; она съ усердіемъ и самоотверженіемъ посвятила себя этому трудному дѣлу. Такъ что многіе транспорты, (къ сожалѣнію не всѣ) сопровождаются и докторами, и студентами, и сестрами. Вотъ и теперь сестры, студенты и всѣ больные съѣхались. — Докторъ гарцуетъ на конѣ, — вотъ онъ повелительно крикнулъ: „Транспортъ впередъ!“ А маленькой невзрачный офицеръ съ развѣвающимся башлыкомъ закричалъ: „Транспортъ стой!“ Вслѣдъ за этимъ побранка. Воинскій начальникъ бѣгаетъ отъ однаго, къ другому.—Не знаю, удалось ли ему уладить это дѣло.—Но скоро фургоны заколыхались и исчезли за поворотомъ дороги. А я пошла въ № 25-й, чтобъ по дорогѣ зайдти въ то зданье, гдѣ вчера остановили транспортъ; возлѣ него 14-ть раненыхъ сидятъ и лежатъ на землѣ. Что это! „Что вы тутъ дѣлаете?“ Да вотъ сестрица, ждемъ, чтобъ насъ перевезли въ № 29-й, всѣ мы ранены въ ноги, ходить не можемъ, а возятъ на арбѣ, вдругъ много нельзя и приходится ждать“. Я сейчасъ купила имъ чураковъ, папиросъ. И раненые довольные этимъ скромнымъ угощеніемъ съ терпѣньемъ ждутъ арбу. А я взошла въ строенье, тамъ на полу, иные на постельникахъ; другіе только на сѣнѣ; лежало до 50-ти человѣкъ больныхъ, всѣ они будутъ перевезены въ № 25-й, какъ только тамъ очистятся мѣста, а до тѣхъ поръ къ нимъ будутъ ходить изъ этаго № доктора и сестры; хотя это болѣе версты отъ нихъ. Когда я доходила до

25-го № на встрѣчу мнѣ спускается: главный врачъ, за нимъ ординаторъ, за ординаторомъ три сестры, у каждой сестры по ирригатору, а сзади служитель несетъ фербантъ и горячую воду. Куда вы?.. Вѣдь тамъ только трое раненыхъ, а прочіе всѣ больные. Но главный докторъ и слышать этаго не хотѣлъ. Такъ они туда и отправились. Но двѣ сестры скоро вернулись и одна только осталась при докторѣ, чтобъ раздавать тамъ лекарство.

Рано вечеромъ я вернулась домой, думая, что можетъ быть Великая Княгиня пожелаетъ меня видѣть. Но нашъ служитель сказалъ, что уполномоченный сейчасъ былъ и сказалъ, что Ея Высочество никого не будетъ принимать вечеромъ и, что Великая Княгиня сейчасъ пріѣдитъ, она останавливается проѣхавъ весь Делижанъ, въ домѣ полковницы Кафтарадзе по Эриванской дорогѣ. И такъ я пошла съ сестрой Бондаревой въ 1-ое отдѣленіе посмотрѣть, какъ армянскія лавки нашего базара освѣщаются ярко-малиновыми и бѣлыми фонарями.

Проѣзжіе или торопятся, или останавливаются, чтобъ дорога была свободна, только два упрямыхъ вола безпрестанно появлялись на дорогѣ не смотря на то что ихъ съ ожесточеніемъ прогоняли. Но вотъ проскакали казаки, за ними маленькая полузакрытая коляска шестерикомъ, за коляской опять стройные, красиво одѣтые казаки, еще нѣсколько экипажей, двѣ, три перекладныхъ и все исчезло. Фонари начали гасить и, мы пошли поскорѣе домой, чтобъ воспользоваться ихъ свѣтомъ. Я собиралась спокойно напиться чаю и лечь спать. Но входитъ казакъ и подаетъ записку. Читаю: «Екатерина Михайловна, Ея Высочество васъ проситъ къ себѣ въ 8-мь часовъ». Посмотрѣла на часы, безъ четверти восемь. Можешь себѣ представить, какъ я спѣшила, надо было переодѣться. Надѣялась добыть экипажъ у доктора Фина, но кучера не было дома, пришлось идти пѣшкомъ въ сопровожденіи нашего солдата. Какъ я только пришла, г. Толстой ввелъ меня къ Великой Княгинѣ. Ея Высочество приняла меня очень милостиво,—говорила, что она давно желала меня видѣть, что ей Императрица писала обо мнѣ. Пробыла я около часу, Ея Высочество такъ привѣтлива и ласкова и мнѣ было съ ней такъ легко и пріятно говорить, что мнѣ казалось, что я давно имѣю счастье ее знать. Великая Княгиня пригласила меня пріѣхать къ ней на другой день въ 8-мъ часовъ утра, чтобъ ѣхать съ нею во всѣ наши госпитали.

3-е октября утро было сѣренькое, но теплое и пріятное. Къ 8-ми часамъ я была въ домѣ Кафтарадзе гдѣ были всѣ наши Делижанскіе власти въ полной формѣ и доктора тоже, мнѣ странно было на нихъ смотрѣть. Познакомилась съ Озеровой, фрейлиной Великой Княгини. Скоро вышла и Великая Княгиня и мы пошли по тропинкѣ въ 4-е отдѣленіе, тутъ я представила Ея Высочеству сестру этого отдѣленія (такъ я дѣ-

лала во всякомъ отдѣленьи). Взошли еще выше, въ кибитки, Ея Высочество входила во всякую кибитку, во всякой шатеръ и это во всѣхъ четырехъ госпиталяхъ; очень привѣтливо и ласково говорила со всѣми больными, между раненыхъ узнавала тѣхъ, которыхъ видѣла въ Александрополѣ. Больные были въ восторгѣ. Изъ кибитокъ спустились мы въ третье отдѣленье, потомъ сойдя на шоссе Великая Княгиня сѣла со мной въ коляску, а все начальство Делижана и казаки ѣхали за нами верхомъ.

Посѣтили 1-е и 2-е отдѣленья и, потомъ прямо въ № 29-й, тамъ старшая сестра Шамардина, была больна и Великая Княгиня заходила къ ней. А другимъ сестрамъ, которыя въ это время перевязывали, приказала продолжать. Обошла всѣ наметы. Изъ 29-го проѣхали въ № 44-й, онъ очень близко, только по нашу сторону рѣчьки то же подъ горой, тамъ нѣтъ сестеръ. Великая Княгиня обѣщала прислать. Изъ этого госпиталя проѣхали мимо дома, въ которомъ Ея Высочество остановилась, дорожные экипажи были уже готовы. У горки гдѣ надо было выдти изъ экипажа стоялъ весь штатъ № 25-го и сестры, я особенно обратила вниманіе Ея Высочества на сестру, у которой сынъ находится въ Эриванскомъ отрядѣ. Обойдя всѣхъ больныхъ Ея Высочество поѣхала домой и пригласила меня ѣхать къ ней завтракать.

Послѣ завтрака Великая Княгиня уѣхала, обѣщавъ, что велитъ намъ прислать: рому, коньяку и проч., а послѣднія ея слова были ко мнѣ: если вамъ что нужно—телеграфируйте прямо мнѣ.

8-е Октября.

Слава Богу! Сегодня могу тебѣ написать, что всѣ въ радости отъ побѣды, подробности которой вы давно уже прочитаете, прежде чѣмъ дойдетъ до тебя это письмо. У насъ два дня ходили слухи о пораженіи Мухтара-паши; и вѣрилось, и нѣтъ. Дай Богъ чтобъ и на Дунаѣ было что нибудь хорошее до зимы. Раненыхъ должно быть очень много, потому что у насъ транспорты всякой день.

На дняхъ мы перешли на другую квартиру, но ты объ этомъ не безпокойся, письма къ намъ не приносятъ, а мы сами ихъ беремъ на почтѣ. Да и квартира наша рядомъ съ прежней, только не на дворѣ, а прямо на шоссе. Въ ней большая комната раздѣленная перегородкой. впереди наша пріемная, за перегородкой живутъ пять сестеръ. У меня маленькая комната въ одно окошко, камелекъ, по здѣшнему бухаръ; ходъ изъ сѣней. Этотъ домъ штукатуренный и стѣны обклеены обоями, говорятъ, что онъ холоденъ. Но что дѣлать? Приводили меня его посмотрѣть и говорили: „выбирайте“. Я отвѣчала: покажите же другіе. «Да другихъ нѣтъ!» Такъ и пришлось взять. Не думай что я хлопо-

тала; переходя на новую квартиру, я только завязала узлы, и велѣла ихъ перенести. Всѣхъ больше хлопотала обо всемъ сестра Бондырева. А я съ утра ушла въ № 44-й помогать при перевязкахъ, тамъ нѣтъ еще сестеръ и я туда постоянно хожу утромъ, а сестры изъ № 29-го приходятъ туда послѣ обѣда поить больныхъ чаемъ.

12-е Октября.

Вчера я получила 20 тюковъ изъ Петербурга отъ Дамскаго Петергофскаго Общества, все присланное очень хорошо, бѣлье, и постельное, и рубашки отличныя. Пудъ чая, нѣсколько головъ сахару, какъ это отрадно! можно еще особенно давать самымъ слабымъ. Еслибъ я знала кого именно благодарить за эту присылку, я бы сейчасъ написала. Теперь у насъ и сѣни, и всѣ свободныя мѣста въ комнатахъ завалены тюками, заставлены ящиками. Что же еще написать тебѣ, не повторять же все одно и то же: отправляютъ транспортъ, ждутъ транспортъ, пришелъ транспортъ, это докучная сказка, и тебѣ надоѣстъ, и насъ истомила. Вотъ сегодня всѣ госпитали полны, а одинъ изъ нихъ, т. е. Делижанскій, переполненъ. И противъ кибитокъ поставили еще рядъ солдатскихъ полатокъ, одна сверху другой, такъ что холстъ выходитъ двойной. Но что же все это противъ такихъ дождей и такой сырости, какіе у насъ сегодня. Но чтожъ дѣлать, на мѣсто 200 у насъ теперь 350 человѣкъ. Завтра отъ насъ пойдетъ транспортъ въ 200 человѣкъ, а вечеромъ долженъ пріѣхать изъ Александрополя въ 300 человѣкъ. Грустно и тяжело! Но по крайнѣй мѣрѣ знаешь, что если эти люди и пострадали, то былъ хорошій результатъ, по крайнѣй мѣрѣ не даромъ. И всѣ радуются. Карсъ обложенъ, идутъ на Эрзерумъ. Лазаревъ соединяется съ Тергукасовымъ, чтобъ напасть на Измаилъ-пашу. Кстати объ пашѣ, вчера здѣсь провезли ихъ нѣсколько, взятыхъ въ плѣнъ, въ фаэтонахъ и на перекладныхъ. Была въ № 44-мъ; туда я могла отдѣлить одну сестру. Скоро должны пріѣхать еще три сестры изъ Тифлиса, надо было хлопотать, чтобъ дали тапчаны, табуреты, столики въ ихъ домикъ или, лучше сказать, хижину. Отъ № 44-го очень близко, до № 29-го надо только пройдти мостъ и запасный магазейнъ, который теперь приспособляютъ на госпиталь для зимы. Пришла я прямо на перевязку, одному вынимали раздробленныя кости ступни и наконецъ вынули пулю. Я помогала хлороформировать, слѣдила за пульсомъ, помогала держать ногу, а когда сестра стала меня предупреждать, что у меня руки въ крови, то докторъ сказалъ: „я думаю, что въ Севастополѣ это было въ привычку“. Да, это было въ привычку, но здѣсь такихъ ужасныхъ ранъ мало; однако послѣ нашихъ побѣдъ число раненыхъ очень увеличилось, привезены и ампутированные. У сестеръ много работы, часто перевязки продолжаются съ 8-ми до 2-хъ и даже до 3-хъ часовъ.

А въ Александрополѣ, говорятъ, не достаетъ и рукъ для перевязокъ, вотъ отчего такъ и спѣшатъ транспортировкой.

Делижанъ 22-го Октября.

Послѣ двухъ дней дождя вотъ третій день, что у насъ погода великолѣпная. И какъ было красиво сегодня утромъ. Мнѣ хотѣлось попробывать завтракъ больныхъ (это просто ячная крупа съ водой и не много масла), и я вышла въ 8-мъ часу. Нашу сторону солнце еще не освѣщало, но на противуположной сторонѣ, въ утреннемъ туманѣ, была великолѣпная радуга, на сквозь которой были видны, горы и лѣсъ. Но чтобъ кончить съ метероологіей, скажу что отдаленная, самая высокая гора уже покрыта снѣгомъ.

Отвѣдавъ завтракъ больныхъ, я осталась тамъ до отправки транспорта. Когда всѣ собрались, то начались разныя просьбы: одинъ проситъ рубашку, другой фуфайку, третій теплыхъ чулокъ, а иной того и другаго, и всѣ табаку. Я нѣсколько разъ ходила домой, чтобъ принести то то, то другое. Но вотъ докторъ мнѣ говоритъ: посмотрите одинъ раненый въ чулкѣ, ему надо туфлю.—Сестра Бондарева, услыхавъ это съ балкона, посылаетъ надзирателя съ туфлей; но этотъ блюститель казеннаго имущества узнавъ, что этотъ больной не его отдѣленья ни за что не захотѣлъ дать этой несчастной туфли. Я должна была бѣжать въ цейхгаузъ и тамъ съ трудомъ нашла.

Княгиня очень разсердилась на однаго доктора, который уложилъ всѣхъ Турокъ на койки, а нашихъ на землю.—Да и по дѣломъ ему.

Пріѣхали ко мнѣ три сестры изъ Тифлиса, одну изъ нихъ, Васильеву, очень хвалятъ.

18-го вечеромъ, возвращаясь изъ Александрополя въ Тифлисъ, Великая Княгиня и Великій Князь Николай Михайловичъ, пріѣхали въ Делижанъ, но такъ-какъ въ телеграммѣ, извѣщающей о ихъ проѣздѣ, было сказано, чтобъ не было: ни встрѣчи, ни властей, ни Краснаго Креста, то я и не надѣялась имѣть счастье видѣть Великую Княгиню. Но рано утромъ меня разбудили тѣмъ, что Ея Высочество желаетъ, чтобы я сейчасъ къ ней пріѣхала. Кстати помощникъ Уѣзднаго начальника, который живетъ въ одномъ домѣ съ нами, ѣхалъ туда же въ фаэтонѣ и я съ нимъ могла скоро доѣхать, такъ что Великая Княгиня еще не выходила, когда я пріѣхала; пришелъ ко мнѣ Великой Князь Николай Михайловичъ и Генералъ Петерсъ, помнишь, къ которому я имѣла письмо отъ нашего заслуженнаго ветерана исправника Гропеско. Потомъ, скоро пришла Великая Княгиня, была очень привѣтлива, внимательна, обо всемъ разспрашивала и я была очень рада, что могла сказать Великой Княгинѣ обо всѣхъ нашихъ нуждахъ.

Ты спрашиваешь радуются ли здѣсь побѣдѣ; радуются, и очень радуются, надѣются взять Эрзерумъ, Карсъ и Батумъ; послѣдній очень нуженъ, какъ хорошій портъ, котораго на Кавказѣ нѣтъ, и это очень бы устроило коммерческія дѣла Кавказа.

Дилежанъ 26-го Октября.

Погода была прекрасная и я ею воспользовалась, чтобъ съѣздить въ Караклисъ. Давно бы мнѣ надо было побывать тамъ; но, то за тѣмъ, то за другимъ все приходилось откладывать. Въ Субботу вечеромъ, полковникъ Морозовъ мнѣ сказалъ, что есть тарантасъ, и что онъ мнѣ дастъ свидѣтельство, что ѣду по дѣламъ службы. Я просила у него казака не для эскорты, а чтобъ онъ хоть какъ нибудь говорилъ съ ямщиками Армянами. Въ воскресенье, въ 9-ть часовъ утра, я выѣхала съ сестрой Бондаревой; очень была рада, что она могла ѣхать; вдвоемъ пріятнее.

Виды потеряли много своей прелести: съ многихъ деревьевъ листья облетѣли, но трава зелена, скалы великолѣпныя, рѣчька еще быстрѣе. Но тебѣ уже извѣстна эта дорога, и такъ описывать ее не буду, только скажу, что часто любовались на верблюдовъ, особливо, когда, при нашемъ проѣздѣ, караванъ останавливался и верблюды съ особенной важностью и точностью становились на колѣни рядами, чтобъ ихъ развьючивали. Да еще была красивая картина, когда мы выѣхали изъ ущелья и въ довольно широкой долинѣ окруженной безплодными горами, гдѣ шла дорога безъ поворотовъ, такъ что она была видна на большое пространство, по ней тянулась цѣлая партія плѣнныхъ турокъ до 1000 человѣкъ. Впереди, конные чеченцы, почти всѣ съ Георгіевскими крестами, въ ихъ живописныхъ костюмахъ. Наши солдаты съ примкнутыми штыками. Десятка два или три аробъ (такъ здѣсь называютъ арбы) съ турецкими офицерами, иные очень порядочно одѣты, (но между солдатъ есть и оборванцы) всѣ почти въ красныхъ фескахъ съ синими кистями и въ синихъ сюртукахъ, на Европейской манеръ; у иныхъ по фескѣ что нибудь замотано,—обувь почти у всѣхъ ужасная: разные шинели, накидки, одѣяла. Такъ и чувствуешь что Азія.

Не смотря на свидѣтельство и азака кнасъ продержали два часа на станціи и потомъ дали хромыхъ лошадей, однако, къ тремъ часамъ, къ обѣду Сестеръ, мы пріѣхали въ Караклисъ. Понедѣльникъ пробыла въ Караклисѣ, посѣтила всѣ отдѣленія, два изъ нихъ наполнены уже одними Турками.

Обѣдала у г-на Перепелкина, нашего уполномоченнаго. У него тоже устроенъ небольшой складъ.

Весь день шелъ дождь, а на горахъ снѣгъ, такъ что когда, во

вторникъ, мы ѣхали обратно, то всѣ высокія горы съ обѣихъ сторонъ были покрыты снѣгомъ до самаго лѣса и, на блестящемъ солнцѣ эти волнообразныя вершины были похожи на гигантскія складки бѣлаго атласа; но это далеко и высоко, а у насъ было тепло.

Въ этотъ разъ намъ пришлось обгонять новую партію плѣнныхъ, на самомъ высокомъ мѣстѣ, въ узкомъ ущельѣ, было очень живописно; но долго насъ задержало; тутъ шоссе довольно узко. Пожалуста не думай, что Турки намъ внушаютъ хоть малѣйшій страхъ, страшно то, что переполняютъ наши госпитали, а ходить за ними очень скучно, не можешь растолковаться, лекарство они съ трудомъ принимаютъ; грязные, покрыты насѣкомыми, вертятъ все себѣ на голову, снимаютъ для этого наволочки съ подушекъ.

Теперь уже и въ Делижанскомъ госпиталѣ есть Турки, лежатъ они въ 5-мъ отдѣленьѣ; въ кибиткахъ очень слабые.

Делижанъ 31-го Октября.

Эти дни получила нѣсколько твоихъ писемъ, и одно изъ нихъ и посылочку черезъ Князя Мещерскаго. Онъ былъ у меня, началъ съ того, что говорилъ мнѣ комплименты, такъ какъ теперь вездѣ, гдѣ печатается обо мнѣ, прибавляется громкое слово Севастополь, то всякій считаетъ обязанностью что нибудь сказать, какъ солдаты, когда увидятъ мои медали дѣлаютъ подъ козырекъ. Далъ онъ мнѣ книгъ, за что я ему чень благодарна.

Книги въ родѣ тѣхъ что ты мнѣ прислала. Житіе Святыхъ, наши больные очень ихъ любятъ, жаль что мало было Св. Сергія и другихъ Русскихъ Святыхъ, или тѣхъ, которые у насъ особенно уважаются, напримѣръ: Св. Николай Чудотворецъ, Св. Іоаннъ Златоустъ, Василій Великій и другіе.

Была на дняхъ въ магазинѣ, который теперь почти совсѣмъ готовъ для помѣщенія №№ 25, 29-го, но представь себѣ, что для всякаго номера все должно быть особенное: кухня и пекарня, цейхгаузъ. А самъ магазинъ дѣлится по поламъ, ходъ общій, на каждую сторону по двѣ большихъ залы, одна внизу, другая вверху; полъ верхняго этажа, только доски на балкахъ, весь сквозитъ; окна небольшіе и не хорошо приходятся, такъ какъ они сдѣланы для кулей, а не для людей. Я была тамъ съ инженеромъ полковникомъ, онъ мнѣ показывалъ какую тамъ устроиваютъ вентиляцію: и въ потолкѣ, и въ круглыхъ желѣзныхъ печахъ. Дай Богъ чтобъ она хорошо дѣйствовала.

№ 44-й переводятъ въ Акстафу, но когда, не знаю. Я теперь забочусь о туркахъ; надо тебѣ разсказать отъ чего я сдѣлалась туркофильской дамой: 29-го, отъ проводимой здѣсь партіи плѣнныхъ турокъ въ 1000 человѣкъ, оставили 50 больныхъ, положили ихъ въ 3-е отдѣ-

леніе, въ одну залу. Я тебѣ уже его нѣсколько разъ описывала. И вотъ, эти несчастные турки лежатъ безъ сѣна, по одному тюфяку на троихъ, грязные, оборванные, ни поговорить съ ними, ни узнать что имъ надо, не возможно. Одинъ кричитъ Аллахъ! Другой: аманъ, иной сидитъ совсѣмъ скорчившись и качается, а другой растянулся на голомъ полу, безъ обуви и почти безъ одежды. Они причислены къ № 25-му.

Я сейчасъ иду къ главному доктору хлопотать чтобъ привезли сѣна; онъ говоритъ: что это по части воинскаго начальника. Я къ нему, а онъ говоритъ, что это дѣло смотрителя. А тотъ отзывается, что сѣна не продаютъ, надѣясь на дорогія цѣны зимою.

На другой день 30-го, отправили тѣхъ, которые были по крѣпче въ транспортъ; но новая партія прислала утромъ слишкомъ 50 человѣкъ. Вечеромъ еще 40 человѣкъ, такъ что теперь всего 130 человѣкъ.

Нѣсколько тюфяковъ прибавили, но все мало, а сѣна, все везутъ и не довезутъ. Утромъ видѣла смотрителя, онъ мнѣ сказалъ, что волы отправлены за сѣномъ, сейчасъ привезутъ. Пришла я черезъ четыре часа, а сѣна все нѣтъ. Сестра Никольская хлопочетъ тамъ съ утра до ночи, а тамъ именно можно ошалѣть отъ крика и шума. Не углядишь, какъ у больнаго катарромъ желудка, явятся айва, гранаты, или что еще хуже, увидишь вдругъ, что онъ грызетъ сырой качанъ капусты. Переводчики у насъ плохіе. Одинъ изъ докторовъ говорилъ съ турками по татарски, но теперь у насъ есть какіе то арабы, и онъ сталъ въ тупикъ. Меня безпрестанно перебиваютъ. Сестра Иностранцева ѣдитъ завтра съ транспортомъ въ Тифлисъ, и надо ей дать разныя порученія, главное на счетъ теплыхъ пальто для сестеръ, на которые намъ присылаютъ деньги изъ Петербурга.

6-го Ноября.

Наконецъ, послѣ четырехъ дней безпрерывнаго дождя, 3-го числа дождь пересталъ, и я по грязи отправилась въ низъ съ палкой и съ Иваномъ въ наши госпитали, но чтобъ избѣгнуть самой большой грязи, лазила черезъ изгороди, ходила по крышамъ (онѣ здѣсь земляныя и плоскія) и съ трудомъ добралась до № 44-го. Сырость, холодъ, больные всѣ жалуются. Ординаторъ-хирургъ показалъ мнѣ всѣхъ тяжело раненыхъ. Оттуда спѣшила въ № 29-й, тамъ наконецъ сестеръ перевели въ комнату съ печкой, а то у нихъ было ужасно сыро и холодно, но еще не рѣшено, останутся ли онѣ въ этомъ помѣщеніи или нѣтъ.

Только мы сѣли обѣдать, пришли: Морозовъ, главный докторъ № 29-го, смотритель № 25-го и стали сзади насъ; сѣсть было не на чемъ, и пошли безконечные споры, какъ помѣстить сестеръ; я принимаю въ этихъ спорахъ самое живое участіе. Надо-же устроить хоть нѣсколько посноснѣе сестеръ на зиму. Эти споры между докторомъ и смотрите-

лемъ продолжались и 4-е число, но однако кончилось тѣмъ что такъ-же, какъ и большое строеніе, подѣлили и этотъ флигель между двумя госпиталями, что было очень не трудно,—обѣ половины совершенно равныя и каждый № имѣетъ по пяти комнатъ; три комнаты, въ которыхъ будутъ помѣщаться самые слабые и безнадежные, и двѣ маленькія комнаты для сестеръ.

Теперь надо еще хлопотать, чтобъ эти комнаты были очищены, окна (разумѣется безъ двойныхxъ рамъ) замазаны, печи исправлены.

4-го, ходила къ туркамъ и потомъ въ № 25 послѣдній день, что больные и сестры оставались вь палаткахъ. Но какъ этотъ лагерь, который лѣтомъ былъ такъ красивъ, и такъ привѣтливъ, сталъ угрюмъ, сыръ и грустенъ.

Мутная рѣчька бѣшено прыгаетъ по камнямъ, деревья обнажены, только на самыхъ высокихъ мѣстахъ ils sont poudrès afrimas, а иныя голыя вершины покрыты сплошнымъ снѣгомъ. Палатки застегнуты, войдешь въ нихъ, темно. Больные подбились подъ одѣяла и у всѣхъ одна и та же жалоба: „сестрица, холодно". Но тутъ я имѣла утѣшеніе говорить: потерпите, послѣдній день и ночь, завтра васъ вѣдь переведутъ въ магазейнъ. Но потомъ, когда пришла въ наметы и кибитки делижанскаго госпиталя, тамъ уже на тѣ-же жалобы надо было молчать, или согласиться, что очень холодно. Съ 4-го на 5-е былъ морозъ въ 5° по R. Замерзлая грязь была еще хуже мягкой, и я съ трудомъ добралась до № 44-го, а оттуда въ магазейнъ — госпиталь. Еслибъ вы видѣли, съ какою радостью, потянулись больные изъ № 25-го, изъ ихъ дикаго ущелья въ огромныя залы новоустроеннаго госпиталя; кто только могъ пошелъ пѣшкомъ. Тапчаны, тюфяки перевозятся на волахъ, въ четырехъ-колесныхъ маджіарахъ, если называть ихъ по крымски. Что это за суэта, что за толкотня, такъ какъ больные пришедшіе пѣшкомъ, народъ, слава Богу, почти здоровый, одинъ тащитъ постельникъ, другой одѣяло и подушки, работники носятъ доски, прибиваютъ изголовье къ тапчанамъ. А въ другой сторонѣ, которая для № 29-го, моютъ еще полы, на лѣстницѣ ставятъ перила. Внизу бѣгаютъ маляра съ разведенной бѣлой краской. Инженеры, смотрителя, коммисары снуютъ взадъ и впередъ.

Больные размѣщаются по своему выбору, только сказано одно: „раненые внизу, больные вверху. Но вотъ привезли и слабыхъ, одинъ лежитъ и сестра Леманъ его поддерживаетъ, тутъ-же и другой слабый больной, и они пріѣхали въ тѣхъ-же экипажахъ, на которыхъ перевозятъ постели. Мнѣ сказали, что и другіе слабые больные ѣдутъ съ сестрой Никольской, я рѣшаюсь ихъ ждать и посмотрѣть какъ окончательно все устроится, какъ наконецъ начнутъ переводить больныхъ и изъ 29-го №, ихъ палатки очень близко отъ госпиталя. Не тутъ-то было, пришелъ нашъ уполномоченный Н. Т. Кущевъ и говоритъ мнѣ, что необходимо писать

въ Тифлисъ, послать разные счеты, — нечего дѣлать пришлось идти съ нимъ домой.

7-го Ноября.

Слава Богу! Карсъ взятъ. Не удивляйся этому восклицанью, когда ты будешь читать это письмо, то это будетъ уже для васъ старое извѣстіе, но для насъ сегодня, это самое новое и самое пріятное, и всѣ другъ друга встрѣчаютъ этими словами. Вчера, въ одиннадцать часовъ вечера, мнѣ принесли телеграмму изъ Тифлиса съ этимъ извѣстіемъ, отъ сестры Иностранцевой, съ разрѣшенья генерала Старосельскаго. Ты не можешь себѣ представить, какъ всѣ рады и, какъ мнѣ было пріятно объявлять эту новость нашимъ больнымъ, сегодня, въ новомъ помѣщеньи, гдѣ по 100 и болѣе человѣкъ во всякой залѣ; ходя между рядами коекъ, я говорила: слава Богу! Карсъ взятъ; это вѣрно. Надо было видѣть, какъ всѣ радовались. Иные крестились, другіе, которые были дальше, кричали спрашивая: „Что? Сестрица, что ты разсказываешь?“ И всѣ спрашивали: „Какъ?“ этого я не могла сказать, (слышала уже послѣ, что штурмомъ). А одинъ кричитъ: „Сестрица, подойди пожалуйста сюда“. Я думала, что ему нужно что попросить. А онъ мнѣ говоритъ: „Вотъ садись ко мнѣ на койку, да разскажи, да поговори“. Разумѣется я сѣла, но говорить долго не могла, инженерный полковникъ, который передѣлалъ это строенье позвалъ меня смотрѣть устроенную имъ вентиляцію близъ печей, ихъ по шести, въ каждой палатѣ; теперь хорошо, что-то дальше будетъ. Еще сегодня и то было пріятно, что всѣ больные очень довольны, что ихъ сюда перевели изъ палатокъ и что здѣсь тепло.

8-го Ноября.

Все тѣ же хлопоты, только еще къ этому присоединились морозы до 8°. А больные Делижанскаго и 44-го № были до сегодняшняго дня въ палаткахъ. Третьяго дня, ходила я въ наши палатки и кибитки. Сестрамъ тамъ теперь очень трудно; вода въ кружкахъ, лекарство въ склянкахъ превратились въ ледъ. Больные или вылѣзли погрѣться на солнушкѣ (только на солнцѣ немножко потеплѣе) или лежатъ подбившись подъ одѣяла и халаты. Всѣ просятъ фуфаекъ, чулокъ, — а чулокъ здѣсь достать нельзя. Я опредѣлила тѣ деньги, что ты прислала на покупку чулокъ, на силу нашла 8-мь паръ, да нѣсколько паръ носковъ, купила также нѣсколько паръ перчатокъ. Сегодня утромъ, Н. Т. Кущевъ прислалъ 30-ть паръ чулокъ, и мы ихъ всѣ роздали тѣмъ, которые поѣдутъ въ транспортъ, такъ какъ сегодня всѣхъ поправляющихся изъ Делижанскаго госпиталя и № 44-го отправляютъ въ Тифлисъ. А слабые переносятся въ 1-е и 2-е отдѣленьи. А изъ № 44-го въ №№ 25, 29-й.

И такъ сегодня по крайней мѣрѣ больныхъ нѣтъ въ палаткахъ, только въ № 29-мъ нѣсколько. Турки оставлены еще въ наметѣ, имъ приносятъ мангалъ, т. е. жаровню съ угольями; надо бы и ихъ перевести.

Но если я и радуюсь, что больные въ домѣ и подъ крышей, то одно мнѣ непріятно, это—что нашъ постоянный госпиталь, который имѣлъ почти весь октябрь до 400 человѣкъ больныхъ, сокращенъ на 60-тъ, и отличныя, усердныя, опытныя сестры этаго госпиталя остаются почти безъ дѣла.

Докторъ Финъ находитъ, что для сестеръ это хорошо, что надо имъ отдохнуть.

11-го Ноября.

Воскресли былыя видѣнья,
Какъ будто шли даромъ года!
Какъ будто случилось намедни,
Все то, что случилось тогда.

Да, вчера мнѣ казалось, что я только что вышла изъ Севастополя, такая картина представилась мнѣ въ нашемъ новомъ госпиталѣ: больные на койкахъ, на полу, на постельникахъ и безъ постельниковъ, на голомъ полу, у иныхъ хоть есть подушки, а у другихъ только свои шинели, въ своихъ платьяхъ, въ своихъ рубашкахъ. Это оттого, что постоянный госпиталь сдалъ сюда слабыхъ, которыхъ нельзя было отправить въ транспортъ, ни помѣстить въ отдѣленья. № 44-й поступилъ такъ же.

Проходящій сквозной транспортъ (у насъ теперь бываютъ такія же, какъ въ Крымскую компанію, они проходятъ до мѣста своего назначенья и только въ госпиталяхъ, что по дорогѣ оставляютъ тѣхъ, которыхъ уже не возможно везти далѣе) оставилъ намъ своихъ слабыхъ. А къ вечеру прямо къ намъ пришло 190 челов., такъ что въ эти два дня въ № 29-мъ—299-ть человѣкъ, а положено ихъ имѣть только 200 человѣкъ, къ этому надо еще прибавить, что со всякимъ транспортомъ отправляютъ три или четыре тюфяка на фургонъ и, такъ не мудрено, что во всемъ недостатокъ, и посуды такъ же мало. Другая половина, т. е. № 25-ый не въ лучшемъ положеніи, такъ какъ тамъ тоже на мѣсто 200 человѣкъ—286 челов. Больные тоже въ своихъ платьяхъ; только когда я заходила туда въ девятомъ часу вечера, то № 25-ой былъ лучше освѣщенъ, и отъ этаго было нѣсколько веселѣе, свѣчи стояли на столахъ. Иные изъ больныхъ читали, другіе шили, или играли въ шашки и карты. А въ № 29-мъ ночники изъ сала, которые висѣли на столбахъ и грустно горѣли. Воображаю, какъ безъ привычки, вамъ бы показалась страшна эта зала, гдѣ въ полумракѣ лежитъ полтораста человѣкъ.

Делижанъ 18-го Ноября.

Какъ было весело разбирать тюки, присланные графиней Ольгой Ѳеодоровной Корфъ, вытаскивать теплые нагрудники, красныя, нарядныя фуфайки и, наконецъ, чулки, въ которыхъ мы такъ нуждаемся. Какъ пріятно думать, что мы можемъ всѣмъ этимъ утѣшить нашихъ безвѣстныхъ героевъ, которые послѣ своихъ подвиговъ и промучившись съ начала въ отрядѣ, потомъ въ Александрополѣ и, наконецъ, у насъ, при выпискѣ изъ госпиталя, чтобъ возвратиться въ отрядъ, гдѣ можетъ быть на этотъ разъ, ждетъ ихъ уже не рана, а смерть, радуются, какъ дѣти, получивъ фуфайку, чулки, или даже совершенно необходимую имъ рубашку. Надо видѣть, въ какихъ ужасныхъ рубашкахъ пріѣзжаютъ иные, особливо теперь, когда транспортировка идетъ очень ускоренная. И какъ пріятно, когда можешь оборванную, окровавленную одежду замѣнить чистой и теплой. Очень пріятно такъ же закутать въ теплую рубашку и тѣхъ несчастныхъ, которые такъ ранены, что ихъ транспортируютъ далѣе и они будутъ представлены въ неспособные, а иной изъ нихъ будетъ страдать всю жизнь. Какъ отрадно хоть чѣмъ нибудь ихъ утѣшить и облегчить трудность теперешняго зимняго пути.

Поблагодари отъ меня хорошенько графиню Ольгу Ѳеодоровну, скажи, что я ей очень, очень благодарна; все что она присылаетъ очень хорошо и очень кстати.

24-го Ноября.

Сегодня я была у заказанной мной обѣдни; но не думай, что это парадная служба: священникъ и одинъ дьячокъ—солдатъ. Вчера ходила ко всенощной, прихожу домой, у меня въ комнатѣ свѣтитъ лампа, дрова пылаютъ въ камелькѣ, у моей кровати, гдѣ стоитъ и мой письменный столикъ, посланъ, хорошенькой персидской коверъ, это отъ пяти сестеръ, которыя живутъ со мной, онѣ зная, что я очень желаю или, точнѣе сказать, мнѣ необходимъ коверъ, такъ холодно съ полу, были такъ внимательны, что поручили сестрѣ Иностранцевой купить его въ Тифлисѣ, когда она туда ѣздила еще въ самомъ началѣ мѣсяца.

Послѣ обѣдни у меня были визиты, чай и закуска. Потомъ мнѣ было необходимо сходить къ сестрамъ 25-го №, а сестры пошли по своимъ отдѣленьямъ. Сошлись мы обѣдать только въ шестомъ часу. Вечеромъ былъ у насъ докторъ Финъ и еще кой кто. Отъ сестеръ изъ Акстафы и Караклиса получила поздравительныя телеграммы.

30-го Ноября.

Вчера, часу въ десятомъ, я пошла въ нашъ госпиталь съ тѣмъ чтобъ пробыть тамъ недолго, а пробыла цѣлый день. Встрѣтили меня

радостной вѣстью: „Плевна взята!“ „Вѣрно ли это?“—Совершенно вѣрно телеграмма отъ Великаго Князя Николая Николаевича къ Великому Князю Михаилу Николаевичу“. Слава Богу!

Потомъ сказали, что Великой Князь выѣхалъ въ восьмомъ часу утра изъ Александрополя, въ третьемъ, пріѣдитъ въ Делижанъ и прямо съ дороги не переѣжзая моста, повернетъ къ намъ въ госпиталь. Я разумѣется остаюсь ждать.

Смотрителя и коммисары бѣгаютъ, все прибрано, выметено тщательнѣе обыкновеннаго, доктора въ мундирахъ, мы всѣ въ коричневыхъ платьяхъ.

Къ 2-мъ часамъ, всѣ собрались. Является и воинской начальникъ. Ждемъ,—три часа,—четыре часа, — нѣтъ никого. — Хлопочутъ, чтобъ былъ налитъ керосинъ въ лампы. (У насъ уже съ нѣкотораго времени во всѣхъ палатахъ лампы). Вотъ, говорятъ, что теперь скоро пріѣдетъ Великій Князь, что получена телеграмма, что онъ выѣхалъ изъ Караклиса, проходитъ еще часъ, лампы зажигаютъ, находятъ, что темно, приготовили двѣ стеариновыя свѣчи. — Ждемъ еще. — Наконецъ, я говорю: право Великій Князь проѣхалъ къ Кафтарадзе и мы напрасно ждемъ. Такъ и вышло, прискакиваетъ казакъ съ этимъ извѣстіемъ къ воинскому начальнику, и онъ скачетъ туда. Но намъ все надо ждать, какое будетъ распоряженіе. Подаютъ записку отъ Ховренко: Великій Князь проситъ: Доктора Андрушкевича, доктора Миладовскаго и Екатер. Мих. Бакунину къ себѣ въ половинѣ восьмаго. Я рѣшаюсь сейчасъ идти, не смотря что приду нѣсколько ранѣе, но тѣмъ лучше, отдохну у полковницы. Странно бы вамъ было видѣть, какъ я отправилась въ седьмомъ часу изъ госпиталя въ домъ Катарадзе, дорога на полугорѣ, заворачиваетъ въ ущелье, тамъ бѣжитъ горній ручей, на немъ мостикъ съ перилами, но безъ трехъ досокъ, но я такъ его изучила, чте иду очень спокойно: потомъ маленькой подъемъ и выходишь къ мосту на Акстафѣ и по шоссе тремя зигзагами подымаешься на гору и поворачиваешь на Эриванскую дорогу, а тутъ и домъ, въ которомъ остановился Великой Князь. Дворъ освѣщенъ, много военныхъ. Великой Князь, Его свита сидятъ еще за столомъ. Но я и хотѣла придти ранѣе: проходя мимо, во флигель къ полковницѣ, видѣла, что докторъ Финъ обѣдаетъ у Великаго Князя. У Вѣры Николаевны нашла обѣдъ, чему была очень рада, такъ какъ была очень голодна, мы вѣдь прождали весь день. Тутъ я ждала, чтобъ меня позвали. Скоро пришли сказать, что зовутъ. Вхожу въ переднюю, бросаю большой платокъ, иду къ двери въ гостинную,—вдругъ какой-то полковникъ берется за ручку двери и почти запираетъ, спрашивая меня tres imperativement. „Какъ ваша фамилія?“—Я отвѣчаю въ томъ же тонѣ, „еслибъ я не была звана, я бы не пришла“.—А Великой Князь встаетъ и идетъ ко

мнѣ на встрѣчу, усаживаетъ на диванъ, жметъ руку, благодаритъ, спрашиваетъ какъ я выдерживаю? Я отвѣчаю, что очень хорошо; можетъ быть отъ того, что мало дѣлаю. Потомъ, говорю, что мы всѣ и наши больные ждали Его Высочество весь день, и что мы всѣ очень огорчены, что Онъ насъ не посѣтилъ. Великій Князь сказалъ, что Его тихо везли, (это отъ того что были большіе раскаты), что Онъ опоздалъ и что когда пріѣхалъ было уже темно и Онъ ничего бы не видалъ съ сальной свѣчей. Я Ему на это отвѣчала, что у насъ горятъ лампы и были приготовлены стеариновыя свѣчи.

Великій Князь мнѣ подтвердилъ, что Плевна взята. Разсказывалъ про Карсъ: у Него была тамъ квартира въ двѣ комнаты, и надо было поставить походную печь, говоритъ что войскамъ подъ Эрзерумомъ очень трудно, что морозъ доходитъ до 20°. (Каково-же это въ палаткахъ!) Говорилъ про Александропольскія госпитали и про новые, которые устроиваются для турокъ. Великій Князь былъ такъ внимателенъ, что спросилъ: „Тепла ли у насъ квартира?“ Я отвѣчала, что покуда топится, то тепло. Потомъ я сказала Великому Князю, что къ намъ иногда привозятъ раненыхъ, которые не получили денегъ. (Даютъ ампутированнымъ по 10 р. с., раненымъ Георгіевскимъ кавалерамъ по 5 р. с., а всѣмъ прочимъ раненымъ по 3 р. с.) Великій Князь меня спросилъ, согласна ли я взять на себя этотъ трудъ?“ Я отвѣчала, что съ большимъ удовольствіемъ. Генералъ Павловъ вручилъ мнѣ 300 р. с. (этого будетъ пока достаточно, такъ какъ большая часть получаетъ въ Александрополѣ), Великій Князь спросилъ еще, нѣтъ ли у меня порученья къ Великой Княгинѣ. Я просила: бѣлья, вина, рому, а главное необходимыхъ намъ теперь теплыхъ чулокъ.

Вотъ сегодня я и пошла въ госпиталь, именно для того, чтобъ узнать, кто не получилъ, и роздать деньги. А такъ же, чтобъ передать нашимъ больнымъ привѣтствіе отъ Великаго Князя и сказать имъ, что Его Высочество поручилъ мнѣ сказать имъ, что Онъ очень сожалѣетъ, что не могъ ихъ посѣтить. А одного фельдфебеля Тифлисскаго полка, Скибу, имѣющаго три Георгіевскихъ креста и представленнаго къ четвертому, объ которомъ я заговорила, Великій Князь вспомнилъ и ему особенно велѣлъ отъ Себя поклониться, отчего нашъ бѣдный, два раза раненый Георгіевскій кавалеръ былъ въ восторгѣ.

5-го Декабря.

Новаго у насъ ничего нѣтъ, только транспортовъ менѣе. Но проходящія команды оставляютъ своихъ больныхъ, ослабѣвшіе плѣнные турки тоже сдаются въ наши госпитали, но ихъ также менѣе съ тѣхъ поръ какъ на мѣсто того, чтобъ давать имъ на руки деньги на продовольствіе

стали имъ приготовлять обѣдъ изъ баранины съ рисомъ—и эта теплая и привычная имъ пища очень много улучшила санитарное состояніе проходящихъ партій. Ты меня все спрашиваешь подробности объ нашихъ госпиталяхъ; посылаю тебѣ письмо отъ старшаго ординатора и хирурга № 44, которое я на дняхъ получила:

Тифлисъ, 26-го ноября 1877 г.

Глубокоуважаемая

Екатерина Михайловна!

Такъ какъ вы принимали горячее участіе въ дѣятельности Кавказскаго Военновременнаго № 44 госпиталя въ Делижанѣ, то, вѣроятно, вамъ интересно будетъ знать результатъ лѣченія, за время съ 30-го сентября по 8-е ноября 1877 г. (включительно), поэтому нахожу пріятнымъ долгомъ сообщить вамъ, что всѣхъ больныхъ было принято въ № 44 (въ Делижанѣ) 666 человѣкъ, изъ которыхъ ранено было 185 чел. Въ числѣ раненыхъ было: 1) съ раздробленіемъ костей 26 чел. 2) мягкихъ частей: поверхностныхъ 54 чел., проникающихъ 100 чел. 3) ушибовъ (контузій) 5 чел, ранъ сочлененій было 6 (онѣ отнесены къ раздробленію костей). Всѣ раны были произведены огнестрѣльными снарядами (пулями и осколками гранатъ), за исключеніемъ одного раненаго, у котораго холоднымъ оружіемъ (тесакомъ).

Изъ 185 раненыхъ 44 выздоровѣло, (т. е. выписалось и отправились въ отрядъ обратно) и 141 чел. были переведены въ другіе госпитали.

Никто не умеръ. Осложненій не было ни рожи, ни піэміи, ни антонова огня, ни столбняка, ни гнилостнаго зараженія.

Изъ числа всѣхъ 666 больныхъ умерло только 9 чел., изъ которыхъ 5 турецкихъ плѣнныхъ.

Большинство умершихъ страдало dysenteria и истощеніемъ силъ.

Какъ видите, результатъ весьма утѣшительный. Полагаю, что прекрасный воздухъ, хорошее содержаніе больныхъ и неоцѣнимое содѣйствіе со стороны сестеръ Милосердія были главнѣйшими причинами столь успѣшнаго леченія. Поэтому приношу вамъ глубокую блвгодарность за то содѣйствіе, которое вы оказывали, въ особенности въ первое время, когда у насъ не было ни фельдшеровъ, ни младшихъ сестеръ.

Прошу принять увѣреніе въ истинномъ почтеніи и глубокомъ уваженіи, съ которымъ остаюсь готовымъ всегда къ вашимъ услугамъ

Докторъ Станевичъ.

P. S. Я теперь прикомандированъ (по собственному желанію) къ Тифлисскому военно-временному госпиталю, что въ баракахъ.

11-го Декабря.

Ну, стоило такъ далеко забираться на югъ, чтобъ пользоваться всѣми прелестями русской зимы. Правда и то, что забравшись далеко, мы забрались и слишкомъ высоко, и вотъ нѣсколько дней, что у насъ шелъ снѣгъ, а теперь два дня морозы при ясномъ небѣ, и я увѣрена, что ночью и утромъ болѣе 15°. Говорили, что вчера на солнцѣ капало съ крышъ, но я пошла въ госпитали раньше этого времени, а вернулась поздно. Вѣдь солнышко у насъ не прежде одиннадцати часовъ выберется изъ-за горъ. И ты меня не представляй себѣ одѣтой какъ слѣдуетъ на югѣ, а въ толстомъ пальто на ватѣ, на фланелевой подкладкѣ, съ воротникомъ и обшлагами изъ чернаго барашка; на головѣ, сверхъ моего бѣлаго платка, сѣрая лебяжья косынка, въ теплыхъ перчаткахъ, въ валеныхъ сапогахъ и ѣдущей въ саняхъ на парѣ. Полковница Катарадзе, или, какъ прибавляетъ ея кучеръ, теперь генеральша, была такъ любезна что дала мнѣ на все утро своихъ лошадей, и я могла очень покойно навѣстить госпитали и сестеръ. Въ это время пришелъ транспортъ. Вотъ транспортамъ-то очень трудно ѣздить на колесахъ, огромные фургены четверней съ дышломъ. Лошади скользятъ, экипажи тормозятъ. такъ что транспортъ пришелъ днемъ позднѣе, но благополучно. Больные не слабые; мѣста въ госпиталяхъ есть; сейчасъ всѣхъ положили на койки; обѣдъ готовъ. Теперь больные ѣдутъ одѣтые хорошо, въ полушубкахъ, тулупахъ и валеныхъ сапогахъ. И такъ въ этотъ разъ можно было ихъ спокойно встрѣтить; вездѣ было исправно, чисто, затоплено, однимъ словомъ, какъ слѣдуетъ.

Тюки черезъ Москву получила. очень благодарю. Шарфы и нагрудники уже раздавали, но что теперь всего нужнѣе, и чего всѣ просятъ, это теплыхъ чулокъ, и мы теперь ихъ всего больше даемъ, но не въ транспорты, а тѣмъ, которые совсѣмъ выздоравливаютъ и идутъ на позиціи подъ Эрзерумъ или, какъ говорятъ солдаты, подъ Урзюмъ. Тамъ очень холодно. Но одинъ проѣзжій разсказывалъ, что кибитки отлично устроены, съ печами, что наши стоятъ въ лѣсу и поэтому дровъ у нихъ много, что снѣга такіе, что ни нашимъ, ни туркамъ двинуться нельзя. Турки стоятъ въ чистомъ полѣ или на горѣ и мерзнутъ сотнями. Когда же этому будетъ конецъ?

Мы только знаемъ, что Плевна взята, но какъ? Чего это стоитъ? Мы еще не читали. Главное, какой результатъ? А вѣдь вѣрно много легло и много раненыхъ.

20—25-го Декабря.

Думаю, что это письмо придетъ передъ самымъ Новымъ годомъ или немного позднѣе. и такъ поздравляю отъ всей души. Первое желанье—хорошаго мира, который бы стоилъ всѣхъ тяжкихъ жертвъ войны.

Вѣдь что ни говори, а ужасное дѣло война. Хотя мы ее видимъ теперь издали, но все же всякій день намъ видны ея грустныя послѣдствія: страданье, смерть, болѣзни, раззореніе однихъ, безсовѣстное наживаніе другихъ и проч. и проч.

Второе желаніе: вамъ всѣмъ, и намъ тоже, здоровья, радостнаго возвращенія и отраднаго свиданья.

Письмо это пишу наспѣхъ утромъ. Вчера обошла оба госпиталя; теперь почти 500 чел. Вернулась поздно и надо было заняться счетами.

Въ Сочельникъ ходила ко всенощной, въ нашу маленькую церковь, которая почти что въ вертепѣ. Было очень мало; но сегодня у обѣдни церковь была биткомъ набита.

Послѣ обѣда и я пошла въ Турецкое отдѣленіе; теперь больные лежатъ хорошо, на кроватяхъ въ больничномъ бѣльѣ — да ихъ всего 38 человѣкъ.

Я купила 10 фунтовъ кишъ-мишу и надо было видѣть дѣтскую радость этихъ полудикихъ людей, которыхъ ты, не знаю почему, воображаешь себѣ такими страшными. Переводчикъ имъ сказалъ, что такъ какъ у насъ сегодня большой праздникъ, то я пришла ихъ угостить. У нихъ страсть къ кишъ-мишу, говорятъ, что въ Карсѣ, возлѣ орудій, изъ которыхъ турки стрѣляли, нашли груды кишъ-мишу.

Потомъ я побывала и въ другихъ госпиталяхъ. А послѣ обѣда я пошла въ самое близкое отдѣленіе роздать календарики, которые произдятъ большой эффектъ. Изъ этого ты видишь, что посылку отъ доктора Синицына я получила.

Ты пишешь, что послала изъ Торжка четыре образа, пожертвованные Ек. Ив. Цвилевой; спасибо ей. Но нельзя-ли похлопотать, чтобъ прислали еще образовъ, хоть маленькихъ, или знаешь, какъ есть нынче гравюры, которыя именно изображаютъ образа; и это было бы хорошо. А то вчера солдаты въ маленькомъ 2-мъ отдѣленьѣ очень скучали, что въ такой праздникъ не передъ чѣмъ молиться—нѣтъ иконы въ ихъ палатѣ. Пришлите такъ же крестиковъ и образковъ на гайтанчикахъ. Больные ихъ просятъ и я одному, который очень просилъ, купила вчера серебряный крестикъ.

29-го Декабря.

Писала къ тебѣ 25-го. Начну, гдѣ остановилась. 26-го утромъ, пошла въ №№ 25 и 29 съ книгами и календариками. Ходила по всѣмъ палатамъ и раздавала.

Узнала, что покойниковъ изъ всѣхъ госпиталей по 7 и 10 дней не хоронятъ, за неимѣніемъ гробовъ. Отыскала унтеръ-офицера, который при этомъ, и спрашиваю его: „Есть-ли гробы“. Отвѣтъ: „Коли привезли, такъ есть“. Иду сама въ этотъ сарай и нахожу 28 покойниковъ, ле-

жащихъ самымъ безобразнымъ образомъ (духу не было, потому что морозъ). Привожу туда смотрителя № 29-го и говорю ему, что обязанность Старшей сестры посѣщать покойницкія, и что это такъ противно, что они, наконецъ, доведутъ меня до того, что я напишу объ этомъ....

Сегодня отправили такихъ слабыхъ, что и вспомнить ужасно. На возраженіе доктора противъ этого генеральскаго, но вовсе негуманнаго приказа отправлять слабыхъ, Его Превосходительство повторилъ „Отправляйте“.—Умрутъ въ дорогѣ.—„Ну и умрутъ, такъ все равно“.

Но каково умирающему, когда съ кровати его перенесутъ на тряскій фургонъ и везутъ по каменистой дорогѣ и это дѣлается и говорится такъ равнодушно, что силы нѣтъ.

Тяжело, противно, отвратительно. Докторъ, отстаивающій слабыхъ и умирающихъ противъ генерала, кончилъ тѣмъ, что исполнилъ этотъ противный ему приказъ.

Турокъ тткъ же всѣхъ отправили и между ними были очень слабые.

Сейчасъ ходила въ ихъ отдѣленіе посмотрѣть, убрано ли грязное бѣлье и положено ли чистое. Убрать-то убрали, но чистое не вездѣ положено. Сегодня ждутъ транспортъ въ 250 чел. и это отдѣленіе будетъ теперь такъ же для русскихъ. Но не смотря на то, что было 8 часовъ вечера, транспортъ не пришелъ. Дай Богъ, чтобъ онъ сегодня не приходилъ; лучше провѣтриться.

Делижанъ 1-го Января.

Вотъ и новый годъ,—поздравляю васъ съ нимъ, хотя, когда придетъ это письмо онъ уже нѣсколько устарѣетъ, сегодня все-таки нельзя иначе начать письмо. — Объ желаніяхъ нечего писать, я думаю у всей Россіи одно желанье хорошаго мира и возвращенія и сохраненія близкихъ и любимыхъ.

Утромъ, только что проснулась, подали поздравительную телеграмму отъ принцессы Евгеніи Максимильяновны, она поздравляетъ меня и сестеръ и благодаритъ насъ, однимъ словомъ, очень любезная телеграма.

. . . .

Теперь написавъ тебѣ о всемъ домашнемъ и объ нашей деревенской лечебницѣ, надо же разсказать что нибудь и про насъ. Вотъ чѣмъ здѣсь кончаютъ старый годъ,—когда я еще была у всенощной, начали стрѣлять изъ ружей, то близко, то подальше. Это прогоняютъ старый годъ. На мызѣ Ганусевича былъ вечеръ по подпискѣ; тамъ собрали на нашъ делижанской госпиталь 40 рублей.

Сегодня снѣгъ валитъ хлопьями, ну точно первопутка, а вчера было тепло 6 градусовъ, я думала что пойдетъ дождь, а не снѣгъ. Ходила только въ наши три отдѣленія и хотя это близко, но придешь совсѣмъ засыпанная снѣгомъ.

6-го Января.

Сегодня Армяне празднуютъ и Рождество и Крещенье, ходятъ по улицѣ съ музыкой, пляшутъ и поютъ. А вотъ тебѣ описанье нашего Водоосвященья: когда вышли изъ церкви, солдаты стояли во фрунтъ, музыканты заиграли Боже Царя храни, и пошли впереди, потомъ, какъ слѣдуетъ хоругви, образа, священникъ въ серебряной ризѣ, ярко блестевшей на солнцѣ. Дамы, грузинки и русскія, казаки, солдаты, грузины греки, идти было далеко, почти версту, надо было спуститься съ горы, перебраться по камнямъ черезъ ручей; мостки были устроены надъ бурно-бѣжавшей между каменьями и льдами нашей горной рѣчькой, на подмосткахъ коверъ и сверху палатка. Я пробралась за самаго священника, музыканты остановились на верху, на мосту, а солдаты на другомъ берегу. Доски по временамъ сильно тряслись и вода своимъ шумомъ вторила пѣнью. А когда священникъ сталъ на колѣна и погружалъ троекратно Крестъ прямо въ рѣчьку—было три залпа изъ ружей и музыканты опять заиграли: Боже Царя храни. А по снѣжному берегу на льдинахъ и на камняхъ ниже того мѣста, гдѣ стоялъ священникъ, какъ только онъ погрузилъ крестъ, грузины наклонялись къ водѣ пили и мылись.—А одинъ раздѣвшись бросился въ воду не смотря на морозъ и вѣтеръ.—Я приложилась къ Кресту и только сказала сестрѣ воинскаго начальника: вотъ еслибъ было изъ чего напиться, и мнѣ подали красивый, бѣлый съ голубымъ, фарфоровый кувшинъ. Мы поспѣшили уйдти чтобъ безъ большой толпы перебраться по камнямъ черезъ ручей. Хоръ музыкантовъ заигралъ: Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ, (который я такъ люблю) запѣли опять: Во Іорданѣ крещающееся... И наша процессія двинулась обратно.

Хотя ты и бранишь за это, но сегодня пишу къ тебѣ опять очень поздно, весь день собиралась и не имѣла минуты. Пріѣхалъ докторъ Куласовскій, который замѣняетъ доктора Фина.—Мнѣ очень жаль, что д. Финъ уѣзжаетъ, жаль что Куласовскій оставляетъ Караклисъ, онъ былъ очень хорошъ къ сестрамъ, кто то тамъ будетъ? Докторъ Финъ приходилъ прощаться и долго сидѣлъ у насъ. Онъ ѣдетъ по болѣзни въ Тифлисъ.

Теперь я могу тебѣ написать, такъ какъ, слава Богу, все идетъ къ лучшему, что Ноябрь и Декабрь были для насъ очень трудными мѣсяцами. Хорошо еще, что Делижанской госпиталь такъ сократили, потому что сестры не отдыхали, а занемогали и хорошо еще что не всѣ вдругъ; первая занемогла Пузыревская, потомъ и пошло,—не успѣетъ одна поправиться, другая занемогаетъ.—Всѣ пять сестеръ, что живутъ со мной, переболѣли. Три сестры № 25 занемогли въ одно время, только одна сестра Леманъ въ продолженье Ноября работала въ этомъ нумерѣ, но къ концу Ноября и она свалилась, теперь она совсѣмъ поправилась, но

еще слаба и не выходитъ. Двѣ сестры № 29-го тоже болѣли, одна совсѣмъ поправилась, другой только сегодня лучше. Женскую прислугу достать очень трудно. Была у насъ санитарка, но очень неспособная.—Да еще къ сестрамъ 25-го № брала я какую-то гречанку, вдову Армянина, глупую и безтолковую, платили мы имъ очень дорого.

Да, тяжелое это было время.—Всѣ главные доктора нашихъ трехъ госпиталей были опасно больны. Нѣсколько ординаторовъ тоже лежали въ тифѣ, другіе уѣзжаютъ съ транспортами такъ что выдавались такіе дни, что на одного ординатора приходилось отъ 150-ти до 200 больныхъ.

Придешь въ госпиталь, видишь что не принесено лекарство, спрашиваешь: отъ чего же это? гдѣ же фельдшеръ? который былъ всегда такъ аккуратенъ.—Отвѣчаютъ: Да онъ со вчерашняго дня слегъ.—Ищешь давно знакомыхъ служителей, тотъ же отвѣтъ. Больны! — Пойдешь ихъ отыскивать на койкахъ въ верхней залѣ, гдѣ лежатъ больные, и радъ коли найдешь тамъ,—а то ходишь, ходишь и вамъ скажутъ: Отнесли во флигель въ слабое отдѣленье—а тамъ:

Lasciate ogni speranza e voi che'ntrate. Но однако были и тамъ случаи выздоровленья и какъ тогда этому радуешься.

Теперь уже недѣли двѣ какъ все-таки стало легче и только бы намъ не привозили изъ Александрополя то можно надѣяться что собственно у насъ въ Делижанѣ тифъ прекратится.

Вчера я получила присланные изъ Торжка четыре образа. И вотъ послѣ всенощной, ночь была великолѣпная, полная луна, холодно, но тихо, я пошла въ наше первое отдѣленіе и тамъ повѣсила образъ въ золотомъ окладѣ, на который наши больные очень радовались, и вспомнивъ, что во второмъ отдѣленіи, очень жалѣли, что на Рождество у нихъ не было образа, отнесли имъ именно образъ Праздника, т. е. Крещенія. Другіе два отнесу въ №№ въ нижнія залы, гдѣ раненые. Поблагодари хорошенько отъ меня Екатерину Ивановну Цвилеву, скажи ей, что я и наши раненые и больные ей очень, очень благодарны за присланные образа.

14—18-го Января.

Три или четыре дня не было почты изъ Россіи, и въ газетѣ „Кавказъ“ было объявлено, что между станціями Коби и Гадауромъ завалы и заносы. Сегодня въ той же газетѣ сказано, что сообщеніе возстановлено, ѣздятъ гусемъ и почта пришла въ Тифлисъ. По депешамъ только знаемъ, что Адріанополь занятъ. А у насъ въ отрядахъ никакого дѣйствія. Говорятъ, что страшные снѣга и холодъ, что верблюды падаютъ отъ изнеможенія, шагая по такому глубокому снѣгу и замерзаютъ, и что рѣшительно нельзя ничего предпринять.

Я опять ѣздила въ Караклисъ; хотѣлось мнѣ воспользоваться санной дорогой, чтобъ только побывать. И въ субботу я послала сказать Н. Т. Кущеву, чтобъ онъ мнѣ это устроилъ, далъ свидѣтельство и прислалъ мнѣ казака уланскаго полка, Василья, который со мной ѣздитъ и очень меня бережетъ, преислужливый и преусердный. И такъ, въ воскресенье, при ясной погодѣ и очень легкомъ морозѣ, я на маленькихъ саняхъ, тройкой, отправилась въ Караклисъ. Горы, ущелья, иныя совсѣмъ покрытыя снѣгомъ, другіе только мѣстами, обнаженныя скалы, рѣчка только изрѣдка видная, и то покрытая льдомъ и снѣгомъ, имѣла грустный видъ. Дорога была кой-гдѣ и безъ снѣга, но однако мы ѣхали хорошо; а тамъ, гдѣ изъ ущелья надувало, снѣгъ, онъ былъ довольно глубокъ, и вотъ, въ такомъ-то мѣстѣ намъ пришлось обгонять караванъ верблюдовъ, и эта русская ѣзда съ этой Азіей была ужасная аномалія. Проѣзжая мимо этихъ косматыхъ уродовъ, низко въ саняхъ, вязнувъ въ снѣгу, они мнѣ казались ужасными громадами. Но вотъ малоканская деревня и, кажется, что совсѣмъ въ Россіи, только не въ январѣ, а въ мартѣ, потому что на солнцѣ стало тепло и нѣсколько таяло.

На станціи намъ скоро перемѣнили лошадей, и я доѣхала въ пятомъ часу очень покойно. Въ томъ отдѣленіи, куда я пріѣхала, живутъ только двѣ сестры, а другія двѣ дальше въ домѣ, купленномъ для госпиталя, гдѣ уже помѣщены больные; онъ въ саду. Но главное удобство для сестеръ, что тутъ же и бараки, недавно только что оконченные. Сестры въ Караклисѣ также всѣ имѣли тифъ. Двѣ, къ которымъ я прямо пріѣхала, хотя опасность уже прошла, были еще очень слабы и лежали въ постели. Другія двѣ поправились и ходили въ свои палаты, къ нимъ я пошла вечеромъ, и у нихъ познакомилась съ новымъ старшимъ ординаторомъ, который замѣняетъ и главнаго доктора.

Ночевать вернулась къ больнымъ сестрамъ; а поутру очень спѣшила пойти на перевязку въ бараки. Ахъ! что за грустная перевязка. Это помороженные, ихъ много, счастливы тѣ, которые лишились только пальцевъ—но есть нѣсколько, у которыхъ вся стопа отморожена, у одного даже отвалилась, почти у всѣхъ обѣ ноги поморожены. Грустно, тяжело на нихъ смотрѣть! Надо ампутацію обѣихъ ногъ. Но если они и выздоровѣютъ, — какая ужасная судьба ихъ ожидаетъ. Въ другомъ баракѣ (бараковъ 4, во всякомъ по 25 человѣкъ) есть раненые, отыскала троихъ, которые не получали денегъ, очень была рада, что могла имъ дать. Послѣ перевязки, пошла съ сестрой Васильевой въ ея отдѣленія, одно довольно близко, а до другого около версты, а я пріѣхавъ въ саняхъ и пройдя утромъ по хорошенькому морозцу и не подумала, что я все-таки въ Азіи, за Кавказомъ, да такъ и пошла въ валеныхъ сапогахъ,—можешь себѣ представить, каково мнѣ было идти въ нихъ по водѣ, они размокли, тяжесть ужасная. Вторую ночь я провела у сестеръ,

которыя при баракахъ; мы долго сидѣли,—приготовляли все для перевязки,—катали бинты для тѣхъ несчастныхъ помороженныхъ, которые не выходятъ у меня изъ головы.

Утромъ я очень спѣшила уѣхать, въ надеждѣ, что мнѣ еще дадутъ сани. Но увы! объявили, что нѣтъ никакой возможности ѣхать на саняхъ, и вотъ пріѣхала ко мнѣ почтовая телѣжка, впрочемъ на довольно длинныхъ дрогахъ, испугало меня главное, какъ я туда влѣзу, но мнѣ подали стулъ и все обошлось благополучно.

Санной дороги совсѣмъ не было, и на другой станціи такъ же заложили телѣжку. Было такъ тепло, что мнѣ въ моемъ пальто и пуховой косынкѣ стало жарко. Я все ожидала, что отъ ѣзды на перекладной очень устану, но особенной усталости совершенно не чувствовала и на другой день утромъ пошла въ №№. Очень была рада, что видѣла тамъ офицера, который наканунѣ велъ транспортъ. и могла его разбранить. Транспортъ растянулся на 5 верстъ, я два раза его обгоняла и фургоны такъ скакали, что я на почтовыхъ съ трудомъ ихъ обгоняла; можешь себѣ представить, каково больнымъ, когда ихъ такъ мчатъ. Я объявила офицеру, что это безобразно, и что я буду жаловаться въ Тифлисъ. Онъ выслушалъ меня очень покорно и говорилъ разныя извиненія.

8-го Февраля.

Больныхъ это время ужасно много, даже во всѣхъ отдѣленьяхъ лежатъ на полу. Пришла я изъ нашихъ №№ госпиталей съ служителемъ сестеръ, чтобъ имъ послать хоть кое-что изъ остающихся у меня вещей. На другой день шелъ транспортъ и отправляли всѣхъ раненыхъ, которые у насъ долго лежали, и очень хотѣлось имъ дать. Вхожу въ свою комнату, у меня лежитъ новый тючекъ! Отъ кого? съ чѣмъ? Порю. открываю,—по прекраснымъ вещамъ узнаю, что это отъ трехъ милыхъ сестеръ Княжевичъ; Поблагодари ихъ хорошенько отъ меня. Такъ все хорошо и такъ кстати. Я могла сейчасъ прибавить къ тому, что посылала сестрамъ, а такъ же дать и сестрамъ Делижанскаго госпиталя для ихъ больныхъ. А сама, на другой день, отнесла шарфы уѣзжающимъ раненымъ.

Вотъ, если бъ вы посмотрѣли на эту суматоху, на эту толкотню, я думаю кто не привыкъ, убѣжалъ бы безъ оглядки,—шумъ, крикъ, одинъ проситъ чулокъ, другой хоть портянокъ, третій косынки или платка завязать уши. Но не безпокойтесь объ нихъ, надо отдать справедливость, что теперь отправляющіяся въ транспортъ отлично тепло одѣты: подъ большими тулупами, полушубки или шинели, надѣтыя на теплыя фуфайки, валеные сапоги и башлыки. Но, увы! въ какихъ рубашкахъ многіе уѣзжаютъ, ужасно! а что дѣлать, новыхъ всѣмъ не дашь, привезенные больные остаются только два, три дня и вымыть ихъ рубашекъ

нѣтъ времени. Кстати о бѣльѣ въ № 29, пришлось бранить за сырое бѣлье, принесенное для больныхъ, а въ № 25-мъ за дурной хлѣбъ.

Я вижу изъ твоего письма, что ты очень безпокоишься; вѣрно у васъ ходятъ преувеличенные слухи. Да, видно и въ Петербургѣ такъ же, потому что на дняхъ получила депешу отъ принцессы Евгеніи Максиміліановны, она спрашиваетъ, какъ мое здоровье? какъ здоровье сестеръ? Не было ли смертныхъ случаевъ? Отвѣтъ былъ уплоченъ. Слава Богу, я сейчасъ могла отвѣчать: что сестры были больны, но или совсѣмъ поправились такъ, что уже опять ходятъ въ госпитали или поправляются. Одна въ Тифлисѣ лечится сѣрными ваннами.

Вотъ только я тебѣ это написала, а сестра Бондарева пріѣхала изъ Тифлиса, она совсѣмъ поправилась.

Акстафа, 17-го Февраля.

Прочитавъ Акстафа, ты подумаешь, что я Богъ знаетъ куда заѣхала напротивъ того, это мѣсто, гдѣ я теперь нахожусь, 64 версты отъ Делижана къ Тифлису по шоссе. Но еслибъ ты могла меня видѣть вчера, знаешь, какъ въ сказкѣ, въ зеркалѣ, то на этихъ 64 верстахъ увидала бы сначала: прекрасный солнечный день, и я скачу на маленькой линейкѣ, или точнѣе, долгушкѣ, съ двумя сестрами, на лихой почтовой тройкѣ, въ узкомъ ущельи между скалъ. Но вотъ перемѣна — я съ сестрами на перекладной, погода пасмурная. Еще нѣсколько времени, и я покойно сижу въ коляскѣ на лежачихъ рессорахъ, она заложена четверней, на козлахъ казакъ, впереди верховой чапаръ. Мы ѣдемъ по прямому шоссе, безъ горъ и поворотовъ. Это только Argomento моего письма. Теперь будетъ описанье и поясненье.

Сестра Бондарева назначена старшей въ № 44-мъ, который теперь въ Акстафѣ. Еще туда же назначила сестру Шамардину въ постоянный полугоспиталь. И вотъ, вчера 16-го, мы сюда поѣхали. Намъ предлагали тарантасъ или линеечку, мы предпочли послѣднюю и еще взяли для вещей перекладную, и на ней мой казакъ Василій. Погода была прекрасная, солнце, легкія облака, небо темноголубое; ущелье, скалы великолѣпные, все ярко освѣщено. Мы сидимъ низко, ловко, радуемся что взяли линѣйку. Пріѣхали въ Тарсачай, первая станція, вышли, велѣли закладывать. Ждемъ что же не подвозятъ линейку, а все стоитъ маленькая телѣжка. Спрашиваемъ:—Гдѣ же нашъ экипажъ?—Да вотъ.—Какъ вотъ! а линѣйка?—Уѣхала обратно, такъ какъ она почтовая. Вотъ сюрпризъ! Не умѣли толкомъ приказать на почтѣ, а мнѣ было сказано, что мнѣ ее даютъ до Акстафы и обратно. Нечего дѣлать, и хохочемъ и сердимся, и леземъ въ телѣжку. У меня съ Бондаревой веревочный переплетъ, но Шамардина сидитъ противъ насъ на маленькой дощечкѣ, которая то подъ ней, то подъ армяниномъ-ямщикомъ проваливается: и

смѣхъ и горе. Погода нахмурилась — облака закрыли верхушки горъ. Станція самая длинная, почти 19 верстъ, телѣга, въ которой вещи, отстаетъ, ломается. Но все же, наконецъ, доѣзжаемъ до Караванъ-Сарая. У станціи встрѣчаемъ воинскаго начальника, познакомилась съ нимъ. Я прошу его чтобъ онъ велѣлъ намъ дать три перекладныя, чтобъ было возможно но лучше сидѣть. На станціи принимаемся завтракать привезенной нами провизіей и пить чай. Воинскій начальникъ пришелъ ко мнѣ съ предложеніемъ отъ уѣзднаго начальника Портуладзе довезти меня до Акстафы (его коляска стояла у станціи и мы съ завистью на нее поглядывали). Я разумѣется, съ удовольствіемъ, приняла его предложеніе. Сестрамъ выбрали получше перекладную. Вещи переложили съ одной телѣжки на другую, что очень скучная процедура на каждой станціи. Сестры уѣхали. А Портуладзе мнѣ сказалъ: что ему надо кое-что осмотрѣть. Я этому была очень рада, такъ какъ здѣсь, то есть въ Караванъ-Сараѣ, такъ же долженъ открыться военно-временный госпиталь № 57-й въ 16-ти домахъ, или точнѣе, сказать, что домовъ только четыре или пять, а то сакли и даже буйволятники! Теперь только чинятъ и поправляютъ! Персоналъ госпиталя уже пріѣхалъ. А когда онъ откроется, то изъ Делижана пріѣдутъ сюда двѣ сестры.

Когда мы еще пили чай, пришелъ ко мнѣ докторъ очень полный. Я иду къ нему на встрѣчу съ словами: „Очень пріятно познакомиться. Онъ мнѣ отвѣчаетъ: — Да, мы давно знакомы Катерина Михайловна". (Это сынъ нашего хорошаго знакомаго К. И. Рабуса) онъ помнитъ нашу дачу, много общихъ знакомыхъ, вспоминали Москву.

Потомъ пришелъ познакомиться и главный врачъ — и съ ними обоими пошла смотрѣть приготовленныя подъ госпиталь помѣщенія. Но успѣла посмотрѣть только шесть; собирались идти въ гору, но увидѣли, что съ нее спускается Портуладзе съ тридцатью или сорока армянами и мы вернулись къ станціи. Сейчасъ заложили лошадей, и я поѣхала покачиваясь покойно на лежачихъ рессорахъ.

На станціи Узентала, скоро заложили лошадей,—обыкновенно здѣсь это дѣлается очень медленно. — Въ 7 часовъ мы пріѣхали.

Съ шоссе надо было свернуть на очень дурную дорогу, было очень темно. Г. Портуладзе былъ такъ внимателенъ, что повелъ меня къ тюрьмѣ, гдѣ теперь помѣщается № 44-й, но фельдшеръ этаго госпиталя ждалъ меня, и я была очень рада, что мой учтивый кавалеръ могъ сейчасъ уѣхать, ему еще оставалось пять верстъ до его мѣстопребыванья.

Пройдя небольшую казарму и открытый переходъ, мы вошли въ тюрьму, она недавно только окончена и прямо поступила подъ госпиталь.—Но, какъ тебѣ описать это странное строеніе, узкіе корридоры, камеры для одиночнаго заключенья, но есть также и довольно большія, въ которыхъ отъ 12-ти до 20-ти больныхъ. Вечеромъ въ полумракѣ,

что-то грустное, таинственное, а днемъ, высокія 2 аршина три четверти отъ полу окошки, производятъ очень непріятное и тяжелое впечатлѣнье.

Намъ была приготовлена комната, кровати, тюфяки, столы и проч. Здѣсь двѣ сестры, пріѣхавшія сюда съ госпиталемъ № 44-й изъ Делижана, одна изъ нихъ была тоже больна тифомъ, теперь поправляется, но еще не встаетъ съ постели.—Еще должны быть присланы сюда сестры изъ Тифлиса.

Утромъ обошли всѣхъ больныхъ съ докторомъ Поржницкимъ. Въ кухнѣ полугоспиталя встрѣтила губернскаго воинскаго начальника, Мещенко, заслуженнаго кавказскаго воина, и главнаго врача этого госпиталя Виноградова, съ которымъ и пошла въ госпиталь, онъ помѣщается въ строеніи, которое готовилось для казармы казаковъ, четыре большія залы, по серединѣ ходъ, свѣтло, весело.—Я отыскала двухъ раненыхъ, которые не получали денегъ.

Обѣдали мы у армянина подрядчика, были тутъ: Мещенко, два главныхъ доктора и раненый офицеръ, дербенскаго полка, онъ мусульманинъ, въ него попало семь пуль и только одна его ранила. Онъ все объ этомъ и говорилъ.

Обѣдъ начался армянскимъ блюдомъ гашъ-гашъ изъ бараньей головы и ногъ, что-то мутное, да еще съ прибавкой чеснока, но плавъ былъ очень вкусенъ, потомъ пирожное и дессертъ для насъ un festin. Во весь обѣдъ пили за здоровье то того, то другого елемъ здѣшняго произведенія.

Письмо мое очень не связно, я пишу подъ говоръ четырехъ сестеръ, ожидаемая изъ Тифлиса сестра къ вечеру пріѣхала. Завтрашній день остаюсь здѣсь, чтобъ видѣть какъ сестры совсѣмъ устроются.

20-го Февраля.

Миръ! Сейчасъ телеграмма принесла эту вѣсть въ Делижанъ. Мы бы одной не повѣрили, но на телеграфѣ только и есть депеши съ этимъ извѣстіемъ. И такъ, это вѣрно. Мы давно предполагали, что миръ будетъ подписанъ 19-го, такъ и ждали.

Вотъ тебѣ продолженье моего пребыванья въ Акстафѣ. Только что я кончила къ тебѣ письмо, пришли мнѣ сказать отъ доктора Виноградова, что Княгиня Шаховская пріѣхала. Княгиня Шаховская съ своими сестрами, съ докторомъ Розоновымъ и московскими докторами уѣхала отъ насъ, чтобы устроивать дессиминацію въ Духоборскихъ деревняхъ и нѣмецкихъ колоніяхъ; но, къ сожалѣнію, и тамъ много развилось болѣзней между жителями, и то еще хорошо, что смертность была не велика, но многія сестры и доктора были тоже больны, Княгиня Шаховская была очень больна, послѣ тифа разныя осложненія. Всѣ они теперь совсѣмъ уѣзжаютъ; тамъ только остается одинъ изъ самыхъ лучшихъ и

усердныхъ докторовъ; такъ какъ больныхъ мало и они всѣ помѣщаются въ одной деревнѣ. У Княгини Шаховской я не долго сидѣла, хотя она хорошо поправляется, но была очень утомлена отъ дороги, 50 верстъ безъ шоссе,—хорошо еще что теперь сухо, а то, гдѣ нѣтъ шоссе, дороги ужасныя.

Вечеромъ, я долго сидѣла съ сестрами, рѣшали: въ которомъ госпиталѣ будетъ та или другая сестра, кто будетъ въ хирургическомъ, кто въ терапевтическомъ, кто займется хозяйствомъ. Такъ что утромъ всѣ сестры пошли по своимъ отдѣленьямъ. Я ходила по палатамъ обоихъ госпиталей; а увидавъ, что кухня транспорта пріѣхала, пошла туда, это съ полъ версты отъ госпиталей. Разбиты большія наметы Краснаго Креста, наши бѣдные больные всю зиму тутъ останавливаются, въ иныхъ наметахъ есть нары и даже постельники; въ другихъ только сѣно прямо на землѣ. Встрѣтила тутъ офицера о семи пуляхъ, онъ меня повелъ по духанамъ, чтобъ показать хлѣбъ и мясо, заготовленныя для транспорта.

Какая грустная мѣстность Акстафа! только маленькія пригорки безъ растительности, лѣтомъ тутъ чрезвычайно жарко и malaria.

Сейчасъ, послѣ обѣда у доктора (обѣдъ совершенно европейской), я поспѣшила къ пришедшему транспорту. Супъ доваривался. Но ундеръофицеръ говоритъ: что мало посуды.—Я его послала за посудой, а сама взялась раздавать водку. Ну вотъ тутъ-то я чуть не заморозила себѣ пальцы, черпая водку маленькимъ стаканчикомъ. Вѣтеръ такъ и рвалъ палатки, грустно и тяжело было думать, какъ бѣдные больные проведутъ эту ночь. Нѣсколько позднѣе вѣтеръ стихъ, но былъ сильный морозъ.

19-го я уѣхала въ 8 часовъ утра, очень обрадовалась что на мѣсто телѣжки явилась линѣйка (я дала знать телеграммой Н. Т. Кущеву, что ее у насъ похитили). Но, надо признаться что, это удобный экипажъ только для небольшихъ поѣздокъ, еще хорошо что не было грязи, а то забрызгало бы съ головы до ногъ, и сидѣть 64 версты бокомъ не очень то покойно, и мнѣ вспомнился Аеріенъ, въ которомъ мы ѣздили въ Царицыно и импровизація М. Н. Загоскина:

Гонимый рокомъ
Я ѣду бокомъ и пр.

Въ 12-ть часовъ я пріѣхала въ Караванъ Сарай. У Докторовъ былъ комитетъ о продовольствіи. Я очень удивилась встрѣтивъ тутъ нашего уполномочннаго Н. Т. Кущева, онъ пріѣхалъ осмотрѣть помѣщенія, назначенныя подъ госпиталь.

Покуда уних быто совѣщанье воинской начальникъ вызвался очень любезно провожать меня по Караванъ-Сараю. И мы съ нимъ были во всѣхъ домахъ, надъ которыми былъ значекъ: бѣлый съ краснымъ крес-

томъ; верхніе этажи довольно порядочные, но ниже очень плохи; а саклю, назначенную для сестеръ, я совсѣмъ забраковала. Прямо дверь съ улицы, такъ что у самой двери стоятъ волы, буйволы,—одна маленькая комнатушка; ни для служителя ни для склада нѣтъ мѣста. Обѣдала у докторовъ, и довольно долго ждала Н. Т. Кущева, и съ нимъ вмѣстѣ вернулась уже въ девятомъ часу въ Делижанъ. Ночь была очень холодная, но ясная, звѣзды ярко блистали.

12-го Марта.

Вотъ я опять съѣздила въ Караклисъ, это было необходимо, опять были тамъ разныя перемѣны. Старшая сестра уѣхала въ Петербургъ. Теперъ три сестры живутъ вмѣстѣ, одна исключительно занимается хозяйствомъ, чаемъ для больныхъ и проч.

При мнѣ, въ Караклисѣ, докторъ сквознаго транспорта сдалъ 8-мь больныхъ, это значитъ уже такіе слабые, что онъ не надѣялся довезти ихъ до Дилижана. Я пошла съ сестрой, что при хозяйствѣ, въ пріемный покой. Она мнѣ говорила, чтобъ я не безпокоилась, что у нихъ всегда поятъ чаемъ, и кормятъ прибывшихъ.

Въ ту минуту, какъ я уѣзжала, докторъ пришелъ сказать, что имъ хотятъ передать больныхъ, изъ турецкаго госпиталя. Съ декабря мѣсяца госпиталь № 4-ой былъ расположенъ въ трехъ верстахъ отъ Караклиса, больные помѣщаются въ наметахъ и кибиткахъ. Тамъ все были турки, смертность была очень велика. Число больныхъ, которыхъ передаютъ въ нашъ госпиталь, мнѣ не умѣли сказать, и я рѣшилась туда заѣхать чтобъ самой все узнать и видѣть.

Представь себѣ самую грустную мѣстность, безплодная поляна, окруженная амфитеатромъ обнаженныхъ горъ. По другую сторону шоссе мутный ручей бѣжитъ по каменистому грунту нѣсколькими рукавами, за ручьемъ, мѣстами, безобразно сложенные камни, низкія едва замѣтныя возвышенья, надъ камнями, то тутъ, то тамъ вьется дымокъ: это жилища (болѣе похожія на норы) здѣшнихъ татаръ и почти противъ этой дикой деревни, пройдя по полянѣ 40 или 50 сажень лагеръ закопченыхъ шатровъ, мѣстами они темно рыжіе, и мѣстами даже совсѣмъ черные, дымъ, сажа; къ этой мрачной картинѣ еще прибавь что шелъ густой снѣгъ.

Теперь только три шатра были заняты больными: турокъ 22 чел. и 9 человѣкъ госпитальной команды.—Турки почти всѣ помороженные и очень сильно. Для сесетеръ прибавятся перевязки, но онѣ этимъ усердно занимаются.

Пришли ко мнѣ докторъ, смотритель и офицеръ (такъ какъ здѣсь плѣнные). Личности очень несимпатичные. Они очень рады, что сдаютъ своихъ больныхъ и что кончается ихъ грустная жизнь въ этомъ грустномъ

мѣстѣ. Кстати, къ туркамъ, у насъ ужасно боятся что ихъ хоронили не лугбоко, собираются дѣлать новыя насыпи надъ ихъ могилами. Всѣ боятся весны; но я совершенно спокойна, помня хорошо что чего, чего только не говорили и не предсказывали на лѣто въ Крыму послѣ компаніи. А между тѣмъ все пошло прекрасно при хорошей погодѣ. Больные стали поправляться, никакихъ эпидемій не было. Дастъ Богъ и теперь тоже будетъ.

Акстафа, 16-го Марта.

Опять пишу къ тебѣ изъ Акстафы. Здѣсь, слава огу, все идетъ хорошо. Но я сюда пріѣхала кстати, а цѣль поѣздки Караванъ-Сарай.

Двѣ сестры, Иностранцева и Соладовникова туда поѣхали 3-го марта, черезъ день къ нимъ привезли больныхъ, теперь у нихъ 130 человѣкъ, размѣщены въ девяти сакляхъ и есть уже и въ наметахъ, въ саду цынготные,—ночью холодно, но днемъ очень пріятно и хотя только первая половина марта, но здѣсь трава зеленая, есть даже цвѣты, дикія фруктовыя деревья Курага (родъ абрикосовъ), Лыча (маленькія сливы) безъ листьевъ, но покрыты бѣлорозовыми цвѣтами. У насъ, въ Делижанѣ, и травы еще не видать. Въ Караванъ-Сараѣ совсѣмъ другая растительность, въ садахъ есть виноградъ. Весь аулъ расположенъ по скату горы; ходить сестрамъ изъ сакли въ саклю довольно затруднительно, а при дождѣ будетъ и очень трудно; грязь здѣсь невылазная,—постоянно встрѣчаешь огромныхъ буйваловъ и цѣлыя стаи собакъ. Но сестры принялись за дѣло весело и усердно; доктора очень ими довольны и цѣнятъ пользу, которую онѣ приносятъ.

Делижанъ, 25-го Марта.

У насъ все по прежнему,—эти дни больныхъ было очень много, 600 человѣкъ. Отправили 300 человѣкъ, но къ намъ опять пришелъ транспортъ тоже въ 300 человѣкъ, безъ доктора, почти безъ тюфяковъ, грустно, тяжело смотрѣть. И неужели надо ждать что все это еще продолжится? Слухи ходятъ самые тревожные, иные разсказываютъ: что вся Европа идетъ на насъ и вся Азія тоже, и даже половина Африки! Другіе только говорятъ, что навѣрно европейская война. И какъ всѣ эти слухи печально дѣйствуютъ на нашихъ больныхъ. Первые слова, какъ только войдешь въ отдѣленія: «А что сестрица? говорятъ Англичанка поднимается, какъ же не стыдно сватья на свата!» Ужасно какъ это всѣхъ волнуетъ. Только я думаю многіе смотрителя, коммисары, интендантскіе, провіантскіе, коммисаріатскіе чиновники, воинскіе начальники и подрядчики слушаютъ это все съ другимъ чувствомъ, имъ такъ теперь выгодно: Ils font tous leurs choux gras. Да это и очень удобно, много есть постановленій которыя такъ и сдѣланы чтобъ don-

ner carte blanche, на разныя пріобрѣтенія, напримѣръ: стирка бѣлья, платится подрядчику по 8-ми и по 10-ти копѣекъ съ человѣка въ сутки, смотря потому какъ условились, больные ѣдутъ въ транспортъ въ своемъ бѣльѣ (да еще и не мытомъ); пять дней пока они ѣдутъ до Тифлиса, они считаются при госпиталѣ, изъ котораго отправлены, и подрядчикъ получаетъ деньги за стирку!!

Надо послушать, что только здѣсь разсказываютъ о разныхъ продѣлкахъ и сдѣлкахъ, которыми очень скоро обогощаются. Въ одинъ день, на покупкѣ овса для казны умѣютъ пріобрѣтать десятки тысячъ.

Про наши госпитали тоже разные слухи, говорятъ, что они останутся въ томъ же положеніи до осени. Но вѣдь не смотря на всѣ эти слухи, войско уходитъ, одна дивизія идетъ изъ Эрзерума на Батумъ. Гренадеры прошли въ Тифлисъ. Говорятъ, что скоро пройдетъ мимо насъ артиллерія. Послѣ ухода войскъ, больныхъ, разумѣется, будетъ менѣе. Такъ же говорятъ, что Лорисъ-Меликовъ велѣлъ эвакуировать 3,000 больныхъ изъ Эрзерума.

Погода у насъ самая перемѣнчивая, то тепло, какъ лѣтомъ, то валитъ снѣгъ, — то тихой пріятный весенній дождичекъ, а къ вечеру вѣтеръ почти ураганъ, а на другой день морозъ. Мартъ здѣсь всегда бываетъ непостоянный; такъ что есть поговорка, про перемѣнчиваго и вѣтренаго человѣка: онъ какъ мартъ мѣсяцъ,—но не смотря на эти пемѣны ласточки прилетѣли.

12-го Апрѣля.

Опять я объѣзжала всѣ наши госпитали, побывавъ въ Караклисѣ, я поѣхала въ Караванъ-Сарай и Акстафу,—рѣшила, что ѣду въ теплую сторону, и что брать шубки не надо; хорошо еще что взяла непромокаемый пальто, а то не успѣла доѣхать до первой станціи какъ пошелъ дождь.

Въ караванъ-сараѣ я проѣхала прямо къ станціи которая очень не удобно устроена; надо съѣхать съ шоссе, проѣхать ъва моста поднятся на гору грязь почти всегда непроходимая, спускъ очень дурной, даже было тутъ нѣсколько несчастныхъ случаевъ.—Но для меня теперь было гораздо удобнѣе проѣхать на станцію, такъ какъ всѣ больные выведены въ лагерь, который разбитъ на полянѣ у подошвы горы за станціей.— Намнты поставлены. Замкнутомъ каре выраженье смотрителя.—Передъ палатками и въ серединѣ посажены деревья (но врядъ ли они примутся). Палатки докторовъ и сестеръ въ узенькой лощинѣ между двумя горами; палатки сестеръ и ихъ служителя сомыя дальнія.—Сестеръ нашла озябшими ихъ офицерская палатка совсѣмъ промокла. — Пообѣдавъ съ сестрами и напившись чаю чтобъ хоть нѣсколько обогрѣться, мы пошли въ наметы больныхъ. — А такъ какъ я уговорила состеръ не ночевать въ палаткѣ а идти со мной въ ихъ домъ то мы послали служителя то-

пить бухаръ (каминъ) не безпокойся угорѣть здѣсь не рискуешъ ни у одного камина нѣтъ вьюшекъ. Я обошла всѣ палатки, отыскивая знакомыхъ больныхъ, — Сестры показывали мнѣ замѣчательныхъ, потомъ онѣ измѣряли температуру и проч. Когда стало смеркаться я собралась идти домой, надо было пройдти станцію, спуститься съ горы и пройдя мостъ опять подняться въ крутую гору къ саклѣ сестеръ, я хотѣла позвать служителя, но смотритель нѣмецъ казакъ предложилъ мнѣ руку и я пошла съ нимъ, онъ мнѣ разсказывалъ про послѣднее несчастное дѣло подъ Батумомъ гдѣ онъ былъ самъ и стоявшій рядомъ съ нимъ генералъ Шелеметьевъ былъ убитъ.—Говорилъ онъ еще что казаки всегда идутъ прямо, не сворачивая ни отъ какихъ препятствій. И мы съ нимъ тоже пошли прямо, не выбирая дороги, не сворачивая для лужъ; дождь шелъ безостановочно и грязь была неимовѣрная, нога вязла выше подъема, платье было совсѣмъ мокрое.—Пришла въ саклю, камелекъ пылаетъ но дымъ валитъ изъ него страшный, тогда только сноснѣе когда откроешь окошко; но по крайней мѣрѣ тутъ сухо.—Пришли сестры и мы могли снять сапоги и отдать просушить наши платья казаку Василью (я нахожу теперь что можно казакомъ совершенно замѣнить горничную) сестра Солодовникова была очень рада ночлегу въ теплой и сухой комнатѣ: но это послѣднее скоро измѣнилось, начало капать въ двухъ, трехъ мѣстахъ, потомъ закапало чаще и чаще а къ утру въ половинѣ комнаты шелъ дождь, а на земляномъ полу стояли лужи.

Утромъ дождь все продолжался.—Сестры пошли въ лагерь.—А я съ трудомъ спустившись съ горы до тарантаса (подъѣхать къ саклѣ сестеръ нельзя слишкомъ круто) поѣхала въ Акстафу. Дождь шелъ безостановочно, наша рѣка Акстафа бурлила грязными волнами затопляя всѣ мѣста гдѣ былъ плоскій берегъ, и крутясь вокругъ стволовъ затопленныхъ ивъ и ветелъ съ яркой весенней зеленью. Не смотря на дождь и туманъ есть на что полюбоваться, то видишь совсѣмъ бѣлыя отъ цвѣтовъ деревья безъ одного листочка, то бѣлыя цвѣты между листьевъ, то цвѣты свѣтло розовыя или цѣлый рядъ деревьевъ совсѣмъ розовыхъ (персиковыя) и какъ все разнообразно на этой дорогѣ: то цѣлое стадо навьюченныхъ яшечковъ,—то бѣлыя лошади съ красными и малиновыми гривами и хвостами (малиновой краской имѣетъ право выкрасить только тотъ кто побывалъ въ Меккѣ). Вотъ Татарки верхами, въ пестрыхъ одеждахъ, съ грудными дѣтьми на рукахъ, и съ ружьями перекинутыми черезъ сѣдло,—а вотъ на маленькой полянѣ, между самыхъ разнообразныхъ скалъ, точно какія-то странныя изваянія, неподвижные ряды верблюдовъ съ поджатыми ногами, одинъ рядъ противъ другого, головами вмѣстѣ и между ними саманъ (мелко истертая пшеничная или ячменная солома). А тутъ изъ тумана и дождя покажется стадо воловъ, между ними странные быки съ горбами это Зебу изъ Персіи.—А по-

томъ обгонишь Персіянъ которые приходятъ наниматься на разныя земляныя работы. И хотя дождь не переставалъ, но дорога не очень мнѣ протянулась.

Только что я пріѣхала въ Акстафу мнѣ сказали что докторъ Гельфельдеръ здѣсь, что онъ дѣлалъ операцію въ № 44, теперь пошелъ для того же въ полугоспиталь. Я сейчасъ поспѣшила туда, но все уже было кончено, сестра Бондарева убирала инструменты.—Операціи были: отнятіе пальцевъ послѣ помороженія. Здѣсь много перемѣнъ: въ полугоспиталѣ новый главный докторъ Дживецкій.—№ 44 переходитъ въ лагерь въ караванъ-сарай. — Слабыхъ передаютъ въ полугоспиталь, такъ что тамъ будетъ уже не 100 а 200 больныхъ.—А между тѣмъ изъ интендантства не высылаютъ для нихъ ни бѣлья, ни посуды. Каково! прочихъ отправятъ въ Тифлисъ.

Въ четвергъ у меня была дневка, а то я три дня сряду все ѣхала изъ Караклиса въ Делижанъ, изъ Делижана въ Караванъ-Сарай и изъ Караванъ-Сарая въ Акстафу.—Очень была рада провести весь день съ сестрами, познакомиться съ новымъ докторомъ, кое что устроить. Здѣсь уполномоченный священникъ присланный для госпиталей, но онъ желаетъ отказаться и половина склада уже передана сестрамъ. Надо было рѣшить: что оставить здѣсь, что взять въ Караванъ-Сарай для № 44-го. Сестры Бондарева и Шамардина должны тоже туда переѣхать; но такъ какъ теперь только будутъ разбивать палатки и все устроивать, то госпиталь будетъ закрытъ па нѣсколько времени, и онѣ обѣ пріѣдутъ говѣть къ намъ въ Делижанъ.

Не смотря что транспортъ больныхъ долженъ быть отправиться только въ воскресенье, въ пятницу, съ пяти часовъ утра, поднялась бѣготня, возня, спѣшная укладка—точно Акстафа въ осадномъ положеньи,—и смѣшно и досадно. Я пробыла тамъ все утро и только въ пятомъ часу пріѣхала къ сестрамъ въ Караванъ-Сарай.

Солнышко выглянуло, узенькая долинка, гдѣ ихъ палатка пестрѣла цвѣтами, больные отогрѣлись повеселѣли.

Въ Делижанъ пріѣхала ко всенощной; народу было мало, но довольно много дѣтей. Вербы хоть и съ небольшими, но все таки съ зелеными листочками.

Въ понедѣльникъ, послѣ обѣда, пошла въ нумерные госпитали, ждали туда транспортъ. Очень скоро показались фургоны, они шли безпорядочно, то обгоняли одинъ другого, то останавливались далеко отъ госпиталя, и больные должны были вылѣзать и идти, таща съ большимъ трудомъ сумки, узлы, котелки, а иные даже ружья, немогу видѣть спокойно, что больные еще обременены совершенно ненужными имъ ружьями. У фургоновъ, подъѣхавшихъ ближе къ госпиталю, должны были открывать дверцы, они сзади на цѣпяхъ, туда влѣзали служителя,

вынимали и переносили слабыхъ больныхъ на рукахъ. Служителей всегда мало, крикъ, шумъ невообразимый,—не смотря что тутъ всѣ доктора, всѣ смотрителя, всѣ коммисары. Транспортъ большой, 350 человѣкъ; рѣшили принимать безъ разбора въ одинъ госпиталь 100 чел., потомъ въ другой 100 человѣкъ.

И вотъ проходятъ эти усталые, блѣдные утомленные страдальцы,—и нельзя себѣ представить что это тѣ самые люди, которые лѣзли такъ не устрашимо, на неприступныя Карскія твердыни (я очень люблю слушать когда они это разсказываютъ). Вотъ еще отсчитала по 50-ти человѣкъ въ каждый госпиталь.

Въ обоихъ госпиталяхъ все приготовлено исправно на назначенное число больныхъ, но ихъ нѣтъ. Гдѣ же они? Тогда молоденькій офицеръ говоритъ, что онъ не знаетъ, какой судьбой не 35, а 65 больныхъ поѣхали въ постоянный госпиталь. Я ему отвѣчаю, что онъ судьба транспорта и другой у него не должно быть. Разсказываютъ, что транспортъ былъ веденъ отвратительно, офицеръ, фельдшеръ (доктора не было) и унтеръ-офицеръ, всѣ пьянствовали, и въ такомъ положеніи они попались какимъ-то ревизорамъ и имъ будетъ худо (Да и за дѣло).

Въ увезенныхъ по ошибкѣ больныхъ, по счастью, оказалось много почти здоровыхъ, и они могли придти пѣшкомъ въ №№ госпитали.

Наконецъ, все устроилось и я ушла домой усталая не физически, но морально, отъ этаго безконечнаго страданія. Господи, неужели это все опять впереди? Неужели опять война? Сегодня почта не пришла, нѣтъ газетъ, мы ничего не знаемъ.

Вчера разбирала всѣ наши тюки, они присланы безъ накладной и безъ реестровъ; въ одномъ нашла полотенцы и сейчасъ узнала cara patria. Очень благодарю вашу Новоторжскую рукодѣльню, хотя послѣ полученной вами благодарности отъ Великой Княгини Александры Петровны, моя вамъ не нужна, но все не могу не поблагодарить за все мнѣ присланное, и въ особенности Елисавету Θеодоровну за ея старанія и труды на пользу нашихъ раненыхъ.

16 Апрѣля,

Христосъ Воскресе!

Я не хотѣла, чтобъ сегодняшній день прошелъ безъ того, чтобъ я вамъ не написала этихъ священныхъ для насъ словъ,—а времени совсѣмъ нѣтъ. Встрѣтили мы праздникъ, какъ слѣдуетъ, въ церкви. Потомъ сестры №№-ныхъ госпиталей у насъ разгавливались. Утромъ, подали телеграмму съ поздравленіемъ отъ Принцессы Евгеніи Максимиліевновны. Мы были тронуты ея вниманіемъ, именно, дорого яичко въ Великій день.

Потомъ пришелъ къ намъ священникъ и нѣсколько докторовъ. А я спѣшила идти въ 1-е и 3-е отдѣленія нашего дилижанскаго госпиталя (2-е ассенизируется), чтобъ поздравить больныхъ съ праздникомъ. Говорила имъ: Христосъ Воскресе! и могу сказать, что почти изъ гробовъ мнѣ отвѣчали: Во истину воскресе! Очень много слабыхъ, истощенныхъ. Намъ ихъ оставляютъ сквозные транспорты.

Выйдя оттуда я встрѣтила полковника Морозова и нашего уполномоченнаго, они ѣхали къ намъ на линейкѣ, я сѣла съ ними, но сказала, что собираюсь къ сестрамъ №№-хъ госпиталей, и такъ пробывъ у насъ недолго они поѣхали туда со мной. Тамъ, слава Богу, больные были не такіе слабые и много было свободныхъ мѣстъ. Погода великолѣпная и эти оба госпиталя уже разбили по близости по два намета, въ которыхъ помѣщаются выздоравливающіе.

Но и въ праздникъ пришлось дѣлать замѣчанія. Сегодня для всѣхъ больныхъ должны быть пасхи (по нашему куличи) и дается по два яйца, въ одномъ госпиталѣ куличи были очень хороши, бѣлые какъ слѣдуетъ; а въ другихъ двухъ изъ самой плохой муки; но больные въ выгодѣ, потому что имъ будутъ печь вторично и теперь навѣрно хорошіе.

Отъ сестеръ поѣхала обѣдать къ Роберту Карловичу Рааку, здѣшнему лѣсничему, съ пятью сестрами, онъ давно насъ звалъ къ себѣ въ этотъ день. Онъ постоянно очень внимателенъ къ намъ: присылалъ больнымъ сестрамъ вина и проч., а на праздникъ прислалъ намъ пасхи (куличи) и хорошенькаго маленькаго барашка, который теперь пасется на крышкѣ. Всѣ земляныя плоскія крыши покрыты теперь густой травой и почти на всѣхъ ягняты, это очень мило.

17-го Апрѣля.

Сегодня опять было много хлопотъ, сначала надо было отправить сестеръ Бондареву и Шамардину въ Караванъ-Сарай устроиваться въ лагерѣ № 44-го, при которомъ онѣ находятся. Но сестрѣ Бондаревой надо проѣхать и въ Акстафу, гдѣ она также будетъ старшей сестрой. Потомъ надо было идти въ наши отдѣленья; у насъ рѣшили дать отъ Краснаго Креста по 25 коп. каждому больному. Я только раздавала въ Делижанскомъ госпиталѣ. Было очень трудно размѣнять на серебро, у насъ его очень мало въ ходу. Я мѣняла въ церкви, на почтѣ, у заставы, у Н. Т. Кущева и все еще пришлось мѣнять и у больныхъ; а всего было 103 человѣка. Въ №№-хъ госпиталяхъ тоже раздавали сестры. Больные были очень довольны.

Въ субботу, на страстной недѣли, у насъ пошло изъ Делижанскаго госпиталя 17 человѣкъ въ транспортъ, я очень была рада, что ихъ не много, и что можно было на такой большой праздникъ надѣлить всѣхъ.

бѣльемъ. Да и кстати у насъ утромъ были уже красныя яйца, такъ что могла дать по два каждому.

Армяне тоже справляютъ праздникъ по своему. Сегодня возвращаясь домой, я встрѣтила фургонъ четверней, возлѣ кучера, или лучше сказать, того, кто правитъ, армянинъ подплясываетъ, а на верху фургона стоитъ человѣкъ головой внизъ, выдѣлывая разныя штуки ногами, фургонъ же въ это время скачетъ, въ немъ музыка и пѣнье. Теперь, когда я къ тебѣ пишу, раздается дикая музыка и армяняты со свѣчами въ рукахъ пляшутъ по улицѣ.

Полученныя сегодня газеты очень миролюбивы. А между тѣмъ, что было очень грустно, такъ это то, что сегодня артиллерія, которая на прошедшей недѣлѣ прошла къ Тифлису, шла опять обратно; что жъ это? Иные говорятъ, что перепутали распоряженья, другіе—что идутъ опять на границу, а навѣрно никто ничего не знаетъ.

21-го Апрѣля.

Въ среду, 12-го, я получила телеграмму отъ принцессы Евгеніи Максимильяновны, вотъ ее содержаніе: «Великая Княгиня Ольга Өеодоровна предлагаетъ вамъ и сестрамъ, если вы утомлены вернуться въ Петербургъ,—если же готовы еще работать, то, вѣроятно, она вамъ, предложитъ ѣхать въ Александрополь». Но мы ни того, ни другого предложенья не приняли. Я отвѣчала тоже телеграммой: Что сообщу всѣмъ сестрамъ и тогда буду отвѣчать письменно. Что уже теперь исполнила. Всѣ сестры (за исключеньемъ одной въ Караклисѣ), кто изустно, кто письменно, изъявили желанье оставаться со мной. Я получила всѣ эти отвѣты очень скоро и написала принцессѣ, прося ее, такъ какъ она была такъ добра, что намъ телеграфировала взять на себя трудъ сообщить нашъ отвѣтъ Великой Княгинѣ Ольгѣ Өеодоровнѣ. А отвѣтъ такой: что касается до меня лично, то я не такъ утомлена, чтобъ должна была сейчасъ уѣхать, что два-три мѣсяца я готова продолжать свое служенье здѣсь, именно въ тѣхъ госпиталяхъ, гдѣ находятся теперь сестры, которые тоже согласны оставаться со мной. Но что я не чувствую въ себѣ силы ѣхать въ новое мѣсто, заняться новымъ дѣломъ. Да и нахожу что браться за новое нельзя, когда я рѣшительно не останусь здѣсь дольше августа мѣсяца, что душой устала, видя постоянно всѣ эти страданья, которыя еще увеличиваются отъ нерадѣнія, отъ странныхъ распоряженій и, что еще тяжелѣе, отъ злоупотребленій. Смотрѣть на все это и чувствовать, что ничѣмъ не можешь помочь истинно мучительно. Но еще прибавила: Если у насъ европейская война, отъ чего да избавитъ насъ Господь — если Государыня Императрица и Ваше Высочество найдете, что я могу быть полезна, то я готова опять приняться за дѣло; только не такъ далеко и гдѣ хорошія сообщенья. Се-

стры также сказали, что и онѣ тогда опять готовы работать со мной. Вотъ тебѣ вкратцѣ мое письмо къ принцессѣ. Я уже прежде этой телеграммы рѣшила, что еще осень и зиму здѣсь не останусь, а дослужу годъ. Здѣсь зимой иногда по три недѣли не бываетъ сообщенья съ Россіей. Это вѣдь ужасно!

Ѣхать же въ другіе госпитали, да еще только на три мѣсяца, нахожу безполезнымъ; всѣ эти разъѣзды, переѣзды и перемѣны сестеръ нахожу очень вредными; они мѣшаютъ дѣлу, дурно вліяютъ и на докторовъ и на сестеръ, дорого стоютъ Красному Кресту. И такъ, если мы получимъ согласіе на наше предложеніе, то будемъ спокойно продолжать наше скромное служеніе въ госпиталяхъ отъ Караклиса до Акстафы, гдѣ я убѣдилась, что мы приносимъ пользу. Больные любятъ сестеръ, доктора ихъ цѣнятъ, смотрители уважаютъ.

1-го Мая.

Третьяго дня я получила телеграмму отъ Принцессы Евгеніи Максимиліановны. Депеша шла къ намъ всего два часа безъ пяти минутъ. Вотъ она, слово въ слово: „Благодарю за письмо. Великая Княгиня и я очень счастливы, что ваши силы позволяютъ вамъ и сестрамъ продолжать вашу полезную дѣятельность. Кланяюсь сердечно всѣмъ. Евгенія". Можешь себѣ представить, что эта телеграмма сдѣлала намъ большое удовольствіе.

Опять повторяю, пожалуйста, не очень вѣрьте ни слухамъ, ни даже газетамъ; я вчера прочитала въ „Кавказѣ", что въ Эрзерумѣ 9000 больныхъ, а генералъ Мещенко говорилъ мнѣ сейчасъ, что только 4000. Онъ здѣсь для шаха, а я тебѣ еще и не писала о шахѣ, а сколько ужъ времени хлопочутъ объ его проѣздѣ и мнѣ пришлось отложить свою поѣздку въ госпитали, оттого, что шаху надо много лошадей и задерживали бы на станціяхъ.

Вчера, къ 4 часамъ, всѣ власти Делижана, всѣ наши доктора и всѣ военные явились къ дому Кафтарадзе. Въ домѣ все было приготовлено для шаха и въ домъ никого не впускали. Погода была самая неблагопріятная: то проливной дождь съ громомъ и молніей, то довольно крупный градъ, а потомъ туманъ покроетъ всѣ горы. Я съ сестрой Леманъ пошла туда же, дождя не было, только опять поднималась грозная туча; но не смотря на эту погоду, горы, покрытыя деревьями, были привлекательны, изумрудная молодая листва, деревья сплошь покрытые бѣлыми и розовыми цвѣтами, такъ и манили идти дальше и дальше, мы прошли домъ Кафтарадзе, поглядѣли съ сожалѣніемъ на грустно висѣвшіе мокрые флаги, звѣзды, фонари изъ разноцвѣтнаго ситца, и пошли по Эриванской дорогѣ; но скоро дождь заставилъ насъ вернуться. Р. К. Раакъ вышелъ къ намъ изъ своего дома и просилъ войти къ нему, для насъ это было

очень кстати, почти въ ту же минуту хлынулъ проливной дождь и мы остались у него ждать шаха.

Тутъ также были делижанскія дамы и жены докторовъ съ дѣтьми. Совсѣмъ стемнѣло, дождь прошелъ, но сырость была ужасная и насилу разожгли костры, но наконецъ поднялись прихотливые столбы и языки огня на скатѣ горъ и надъ ними проносились туманнообразные облака. Проскакали два казака и объявили „что скоро будетъ", наши дамы побѣжали къ дому Кафтарадзе смотрѣть шаха и европейско-китайскую иллюминацію. А я съ сестрой Леманъ и еще одной дамой рѣшили, что лучше идти по шоссе въ Азію, и была именно Азія: толпа персіянъ, ихъ рѣзкіе черты, выразительныя лица, пестрыя одѣянія, фантастически освѣщались смоляными факелами и свѣчами, которые многіе изъ нихъ держали въ рукахъ; для фона: горы съ облаками и кострами. Дикія рѣчи перемѣшивались съ блеяніемъ барановъ; а какъ только проскакали казаки съ развѣвающимся краснымъ знаменемъ, громкій крикъ. Что это за привѣтствія,—я не знаю. Когда же на шестерикѣ пронеслась карета, всѣ бараны мгновенно были зарѣзаны и кровь текла на шоссе.

Когда проѣхали всѣ экипажи свиты шаха, мы тоже пошли къ дому. Тамъ всѣ были недовольны; шахъ вышелъ изъ кареты и не обратилъ вниманія ни на почетный караулъ, ни на нашихъ нарядныхъ докторовъ, прошелъ въ домъ. А они несчастные, ils se sont morfondus, съ четырехъ часовъ до половины девятаго. А когда шахъ увидалъ, что со двора смотрятъ въ окошко, то велѣлъ опустить занавѣски.

Сегодня утромъ шахъ уѣхалъ, и такъ скоро проѣхалъ мимо насъ, къ тому же стекла были подняты, что и разглядѣть его не было возможности.

15-го Мая.

Вотъ я опять объѣзжала всѣ наши госпитали. Какъ только проѣхалъ шахъ и всѣ его багажи и казна, я поѣхала въ Караклисъ, тамъ было мнѣ много хлопотъ, госпиталь № 4-й опять открывается, но уже для русскихъ. Я просила прислать туда сестеръ только ни какъ не прежде какъ будетъ готовъ госпиталь, но въ Тифлисѣ поторопились и послали ихъ очень поспѣшно.

Оба главные врача тамъ новые, ходила съ ними знакомиться, показывала письмо генерала Старосельскаго, въ которомъ сказано чтобъ я условилась съ главными докторами на счетъ сестеръ, но они нашли, что это не довольно официально и съ ними я ничего не уладила Вернулась сюда; ждала доктора Реммерта, онъ теперь на мѣсто Брюшневскаго, инспекторомъ Кавказскаго военнаго округа, но такъ какъ онъ скоро не пріѣхалъ, то и пришлось писать къ Д. С. Старосельскому, просить официальнаго распоряженія чтобъ сестры были приняты въ постоянный полугоспиталь, до открытія № 4-го.

Въ Караванъ-Сараѣ, № 44 й уже имѣетъ больныхъ, сестры живутъ вблизи своего лагеря въ наметѣ, у лѣса очень мило и красиво, много цвѣтовъ. Но одна гроза смѣняетъ другую, такъ что въ палаткахъ грязь. Въ № 57-мъ, тоже довольно больныхъ, дѣлали одному ампутацію. Теперь въ Караванъ-Сараѣ два госпиталя, а въ Акстафѣ остался одинъ: я туда ѣздила съ сестрой Бондаревой и такъ кстати, при насъ пріѣхала сестра Лосева изъ Тифлиса, и мы могли ей все показать и разсказать, она тамъ должна завѣдывать и складомъ. Изъ тюрьмы всѣ больные переведены въ палатки, мѣстность некрасивая, тропинка при дождѣ очень скользкая. Но теперь еще не было жарко и трава не сгорѣла.

Мы ночевали въ Акстафѣ, провели день и только поздно вечеромъ вернулись въ Караванъ-Сарай. Я ночевала у сестеръ въ наметѣ, очень мнѣ хотѣлось чтобъ pour la couleur locale покричали шакалы, но увы, кромѣ пѣтуховъ никого не слыхала, а это болѣе напоминаетъ русскую деревню, чѣмъ Кавказскія ущелья.

22-го Мая.

На дняхъ проѣхала здѣсь сестра Свербѣева, она ѣдетъ старшій въ Александрополь замѣнить сестру Хилкову, которую просили ее подождать. Свербѣева приходила ко мнѣ, она занималась въ Костромѣ, въ больницѣ, устроенной въ женскомъ монастырѣ игуменьей Маріей (бывшая Софья Давыдова). Съ ней ѣдутъ 16 сестеръ то же изъ Костромы и еще нѣсколько сестеръ изъ Тифлиса.

Сестра Свербѣева была мнѣ очень симпатична и мнѣ было очень досадно, что скоро пришли сказать: что лошади заложены, я ее проводила до почты.

Въ маленькомъ Делижанѣ, очень большія перемѣны въ нашемъ госпитальномъ мірѣ.

Доктора, смотрителя, аптекари, коммисары всѣ въ волненьи; дѣло въ томъ, что нумерные госпитали въ 200 человѣкъ соединяются по три вмѣстѣ, такъ что госпиталь будетъ на 600 человѣкъ. И это не у насъ только, а вездѣ. И такъ, изъ трехъ главныхъ врачей два останутся безъ мѣста, а у насъ и три, такъ какъ главнымъ врачемъ соединеннаго госпиталя назначается докторъ Куласовскій. Но можетъ быть въ № 63-мъ, который долженъ придти къ намъ, нѣтъ главнаго доктора. Но главные врачи №№ 25-го и 29-го уже получили новое назначенье, № 29-ый въ Караклисъ, а № 25-ый на санитарную стоянку, которая нынѣшній годъ будетъ устроена въ большихъ размѣрахъ и съ улучшеннымъ содержаніемъ.

Изъ прочаго персонала кто остается, кто нѣтъ, еще навѣрно не знаю. И такъ, теперь оба нумерные госпиталя перешли въ лагерь, палатки № 29-го расположены тамъ, гдѣ прошлаго года стоялъ № 25-ой

только всѣ 16-ть палатокъ въ одинъ рядъ, а другой рядъ, гдѣ были тоже прошлаго года палатки № 25-го займетъ № 63-й. Тутъ все очищено, нивелировано, гдѣ срыто, гдѣ подсыпано, такъ какъ ряды гораздо длиннѣе. А тѣ мѣста, гдѣ стояли палатки прошлаго года до того обливали карболкой, что во всемъ Делижанѣ ею пахло. Пройдя всѣ эти палатки, надо спуститься въ небольшой, но очень красивый овражекъ, по которому бѣжитъ премилый горній ручеекъ, спускъ довольно крутъ, но все это устраиваютъ. На другой сторонѣ оврага разбито 16 наметовъ № 25-го, это мѣсто было выбрано еще прежде главнымъ врачемъ этаго нумера для своего госпиталя, всѣ перемѣны произошли такъ внезапно.

Въ субботу, съ самаго ранняго утра, начали возить тапчаны; тѣ, которые не были заняты, перевезены еще наканунѣ. Одинъ докторъ не позволилъ безпокоить своихъ больныхъ. А сестры опоздали остановить перевозку. И ты не можешь себѣ представить какой печальный видъ имѣла эта большая зала съ больными, лежащими на полу, только на шинеляхъ и одѣялахъ, съ мѣшками подъ головами. Увезли такъ увезли, ничего не подѣлаешь. Больные въ этотъ день обѣдали въ 11-ть часовъ и должны были ужинать въ 3 часа. Я пошла въ комнаты сестеръ, чтобъ тоже съ ними пообѣдать, прося мнѣ сказать, когда пріѣдутъ фургоны за слабыми, они въ томъ же зданьи, гдѣ сестры. Пришли сказать, что фургоны пріѣхали. Вхожу, фельдфебель распоряжается, чтобъ больныхъ снимали съ коекъ. Что это? Онъ отвѣчаетъ: „Койки, которыя стоятъ здѣсь, принадлежатъ Делижанскому госпиталю, и я за ними пріѣхалъ“. Я ему объявила, что этаго не будетъ, и что я не позволю тронуть ни одной койки, пока больныхъ не увезутъ. И сейчасъ послала за коммисаромъ, который и распорядился отправкой больныхъ въ этихъ же самыхъ фургонахъ. Но что это было за грустное, тяжелое зрѣлище: иного съ трудомъ несутъ три человѣка, другой едва переступаетъ, оперщись на двоихъ, бредутъ и безъ помощи одни, шатаясь, другіе на костыляхъ. А какъ трудно поднимать ихъ въ эти высокіе фургоны, и больнымъ мученье и служители измучены. А что это за лица! вотъ ужъ живые мертвецы, какъ-то при солнцѣ еще поразительнѣе!

Но не думай, что уже всѣ въ такомъ положеньи, вотъ одинъ и самъ лѣзетъ въ фургонъ. Ему говорятъ: Погоди, тѣсно. — „Нѣтъ ужъ какъ-нибудь прицѣплюсь, мои вещи тутъ положены“. А вотъ изъ большого зданья цѣлая толпа идетъ весело пѣшкомъ, но однако и тамъ есть слабые, которыхъ надо выносить на рукахъ. Двѣ сестры сѣли въ фургоны съ больными; а одна сестра, которая очень не кстати занемогла наканунѣ, въ арбу на волахъ съ сестрой, которой пришлось хлопотать объ ней, а не объ больныхъ. Что за суета! кто хлопочетъ объ подушкахъ, кто объ кружкахъ,—а кто изъ служителей по лѣнивѣе, да по смѣтливѣе, тотъ возьметъ одну лампу и несетъ. Я съ сестрой Леманъ пошла пѣш-

комъ, говорятъ, что отъ госпиталя до лагеря двѣ версты, мнѣ кажется, что меньше. Когда мы пришли туда, больные были уже перевезены. Но опять неурядица,—больные лежатъ на травѣ, не могутъ войдти въ гору, служителей мало, они болѣе заняты тасканіемъ сундуковъ чѣмъ больными.

Только когда пришелъ смотритель, появилось и больше служителей и все стало приходить въ порядокъ. Слабыхъ больныхъ внесли въ палатки, а которые по крѣпче остались, гуляли, радуясь на лѣсъ и воздухъ. Собрали кружки, кипятокъ былъ готовъ и сестры начали поить больныхъ чаемъ. А я ушла домой утомленная, и морально и физически, было очень жарко—но на счастье нашихъ больныхъ не было ни грозы, ни дождя.

Вчера ходила въ Делижанской госпиталь, тамъ тоже въ субботу перевели больныхъ изъ 1-го отдѣленья въ палатки, они поставлены высоко, тамъ гдѣ прошлаго года было послѣднее пятое отдѣленье. Сегодня переводятъ туда же изъ третьяго отдѣленья, но это не такъ затруднительно, во-первыхъ близко, а во-вторыхъ, больныхъ въ обоихъ отдѣленіяхъ около 90,—тѣ же сестры и тѣ же доктора остаются при своихъ больныхъ. А въ соединенномъ госпиталѣ, я теперь буду такъ называть его, 359 человѣкъ. всѣ перепутаны, ни доктора, ни сестры не знаютъ, гдѣ ихъ больные. Но обѣщаютъ, что скоро все придетъ въ порядокъ, что будутъ разныя отдѣленья. Но я теперь всего болѣе надѣюсь на хорошій воздухъ. Сегодня цѣлый день провела въ лагерѣ, сестры устроиваются въ своихъ офицерскихъ палаткахъ. И я собираюсь также переѣхать въ лагерь.

30-го Мая.

Наконецъ я получила вещи, посланныя милыми Княжевичь—очень долго онѣ были въ дорогѣ, отъ души благодарю за крестики—я ходила ихъ раздавать. Календарики принимаются съ большой благодарностью; а гребни очень нужны, дала во всякую палатку.

Сестра К. Хилкова проѣхала мимо нашего Делижана, и хотя это было очень рано, но она заходила ко мнѣ. Почти всѣ сестры ея отряда уѣхали, всѣ эти дни онѣ проѣзжали по три, по четыре. Всего осталось изъ ея сестеръ пять или шесть въ Александропольскихъ госпиталяхъ; тамъ тоже большія перемѣны.

Главный инспекторъ А. А. Реммертъ проѣхалъ на этихъ дняхъ обратно изъ Эрзерума и Карса. Пріѣхалъ онъ ночью. Прежде сказали, что онъ посѣтитъ всѣ госпитали; потомъ, что онъ очень спѣшитъ и нигдѣ не будетъ. Мнѣ было необходимо его видѣть и я пошла къ доктору Куласовскому, у котораго онъ остановился. Узнала еще разныя перемѣны: у насъ по дорогѣ къ Караванъ-Сараю открывается соединенный

госпиталь №№ 75, 76, 77. Въ Караклисѣ къ № 4-му еще присоединятъ два нумера. Въ Караванъ-Сараѣ №№ 44 и 57-ой съ присоединеньемъ третьяго, сольются въ одинъ. Вотъ сколько перемѣнъ предстоитъ намъ на іюнь.

Не смотря что докторъ Реммертъ спѣшилъ, онъ посѣтилъ нашъ лагерь. Потомъ мы пошли завтракать къ доктору Кулосовскому. Такъ какъ у меня остались деньги отъ тѣхъ, которые Великій Князь далъ мнѣ для раненыхъ, то я просила А. А. Реммерта ходатайствовать у Его Высочества за нашихъ помороженныхъ (которые во всѣхъ правахъ уже приравнены къ раненымъ), чтобъ мнѣ было разрѣшено давать имъ деньги, докторъ Реммертъ былъ такъ любезенъ, что обѣщалъ дать мнѣ отвѣтъ телеграммой.

3-го Іюня.

Лагерь соединенныхъ Делижанскихъ госпиталей №№ 25, 29, 63, по Эриванской дорогѣ.

Вотъ я тоже переѣхала въ лагерь и теперь живу въ наметѣ. Въ мое распоряженье нашъ уполномоченный Н. Т. Кущевъ далъ прекрасную палатку Краснаго Креста, она очень большая, но я ее уступила для аптеки, а взяла ту, гдѣ была аптека, она меньше, но не думай чтобъ была мала; я ее раздѣлила на двѣ половины, занавѣской изъ одѣялъ, такъ что у меня пріемная и спальня, надѣюсь устроиться удобно только-бы дождь пересталъ, а то и палатку разбивали на мокрой землѣ. И теперь все еще по нѣсколько разъ въ день идетъ у насъ дождь.

Много было хлопотъ съ нашимъ переѣздомъ, багажъ перевозили на волахъ, вѣдь у насъ все еще остаются разныя вещи въ сундукахъ и въ тюкахъ для раздачи больнымъ. Сестры Тихомирова и Пузыревская, которыя жили со мной, перешли на горы къ своему госпиталю, имъ устроена кибитка довольно аккуратная, съ дверью, которую можно запирать; а у насъ въ палаткахъ все открыто. Служитель мой состроилъ себѣ шалашъ изъ вѣтокъ и войлока, не далеко отъ моего намета. Я очень довольна, что живу теперь такъ близко отъ больныхъ, надо только сойдти нѣсколько подъ гору, тутъ и ихъ палатки.

Но эти безпрестанныя грозы, дожди, всему мѣшаютъ. Лихорадки возобновляются, скорбутныхъ очень много; еслибъ была хорошая погода, они бы скоро поправились. А теперь все идетъ еще очень плохо.

Лагерь, 5-го Іюня.

Мнѣ давно хотѣлось посмотрѣть санитарную стоянку,—представь что у насъ дѣлается! Устроиваютъ стоянку на 600 человѣкъ; палатокъ и всего нужнаго, посылаютъ только на 400 человѣкъ. А вдругъ черезъ нѣсколько дней на стоянку послали слишкомъ 700 человѣкъ! Каково! Да еще когда льетъ дождь всякой день!

Я устроила туда тоже неудачную поѣздку, не скоро достала лошадей съ почты и когда наконецъ онѣ пріѣхали, поднимались черныя тучи, надѣясь что онѣ пройдутъ стороной, мы съ сестрой Леманъ поѣхали, но не успѣли отъ ѣхать двухъ верстъ, пошелъ дождь да такъ и продолжался, но мы все таки доѣхали до стоянки, она отъ насъ верстъ пять. А дождь, все сильнѣе и сильнѣе, тропинки сдѣлались такія скользкія, что не только я, но и сестра Леманъ, уроженка гористаго Бадена и которая отлично ходитъ по горамъ, должна была прибѣгнуть къ помощи служителя чтобъ взобраться на гору. Стоянка расположена въ трехъ отдѣльныхъ мѣстахъ. Очень красивая мѣстность, особливо тамъ, гдѣ большіе дубы и дикіе грушевые деревья. Но подъ туманомъ для печальнаго, все было ужасно грустно; промокшія солдатскія палатки, въ которыхъ помѣщаются по 10-ти и даже по 12-ти человѣкъ, въ иныхъ палаткахъ нары изъ вѣтокъ, на нихъ солома, въ другихъ не было и наръ, а только не много соломы.

Въ этихъ сырыхъ палаткахъ, на мокрой землѣ лежали наши бѣдные только немного еще поправившіеся больные. Уѣхали мы съ грустнымъ, тяжелымъ чувствомъ, домой ѣхали всѣ подъ дождемъ, и онъ только пересталъ когда мы входили въ нашъ лагерь.

Лагерь 13-го Іюня.

Опять объѣхала всѣ наши госпитали и еще одинъ новый въ Чурусланѣ. Чурусланъ пустынное мѣсто, тутъ только остался казачій постъ; была прежде станція, но она переведена въ Тарсачай, а то говорятъ. что осенью тутъ постоянно бываютъ лихорадки. Мѣсто, хотя пустынное, но очень красивое: большая поляна, окруженная лѣсистыми горами и обнаженными скалами.

Лагерь въ 50-ть палатокъ разбитъ по американской системѣ, очень просторно, тифозные и другіе съ заразительными болѣзнями въ большомъ разстояніи. Кухня, прачешная, отлично устроены. Больныхъ очень немного, сестеръ нѣтъ еще. Но докторъ очень желаетъ чтобъ были сестры и просилъ двухъ сестеръ изъ Караванъ-Сарая перейдти въ его госпиталь; я думаю что такъ и будетъ. У насъ теперь вездѣ большія перемѣны: въ Караклисѣ № 4-ой открытъ, двѣ тифлискія сестры уже уже тамъ, я просила прислать еще сестеръ, такъ какъ госпиталь будетъ въ 600 человѣкъ когда, я тамъ была больные лежали очень не удобно, топчаны поставлены одинъ возлѣ другого, такъ что подойдти къ больнымъ нельзя а надо лазить по койкамъ. Главный докторъ теперъ очень равнодушенъ къ устройству госпиталя, потому что знаетъ навѣрное, что по прибытіи двухъ №№ онъ и останется. Въ Караванъ-Сараѣ № 44 поглощаетъ № 57-й. Лагерь переставляютъ на новый ладъ. Сестры тоже перешли на новое и не красивое мѣсто въ большой наместъ

Краснаго Креста. Была я такъ же въ Акстафѣ, тамъ ужасно жарко; тяжелый воздухъ, на холмѣ гдѣ стоятъ палатки больныхъ трава вся сгорѣла, да и дальше только у рѣчьки и у ручья видишь не много зелени, а то все желто какъ у насъ въ Сентябрѣ. Больные говорятъ что всякой вечеръ видятъ фалангъ; я не видала; а знаю что одинъ фельдшеръ былъ ужаленъ но кончилось благополучно. Очень желаю и надѣюсь что этотъ госпиталь закроется до осени, здѣсь очень неудобно, теперъ рѣшительно ничего нельзя достать, даже духанщики оставляютъ Акстафу. Если госпиталь закроется то сестры съ своими больными поѣдутъ въ Караванъ-Сарай, тогда сестеръ тамъ будетъ достаточно. И такъ ты видишь что и для сестеръ и для докторовъ все en suspens, и это всѣмъ мѣшаетъ съ усердіемъ занятся дѣломъ. Надѣюсь что скоро все приведутъ въ порядокъ.

Получила телеграмму отъ А. Л. Реммерта мнѣ разрѣшено давать помороженымъ, Д. Реммертъ спрашиваетъ (отвѣтъ уплоченъ) откуда я получаю деньги? Я отвѣчала что получила одинъ разъ прямо отъ Великаго Князя и кончили словами: откуда получать незнаю, устройте. И мнѣ это устроили также телеграммой: извѣстили что мнѣ деньги будутъ присланы. Очень рада, а то число помороженыхъ съ ампутаціею пальцевъ, стопы, и даже ноги все прибавляется.

Лагерь 24-го Іюня.

Послѣ довольно большаго промежутка времени опять пришель транспортъ, мы его ждали, и жена нашего главнаго доктора Г-жа Куласовская пожертвовала 10-ть рублей pour la bien venue, мы купили чаю, сахару, чуրековъ все было приготовлено, и это было очень кстати, такъ какъ этотъ транспортъ обѣдалъ въ Караклисѣ, а не въ Делижанѣ какъ это бываетъ обыкновенно, Въ Молоканской слободкѣ устроены котлы въ которыхъ всегда варять пищу для транспортовъ.

Въ этомъ транспортѣ очень много помороженыхъ; имъ были уже сдѣланы операціи; но къ несчастію придется дѣлать опять, у многихъ кости обнажены и видъ ранъ очень не хорошъ. Я ихъ переписала чтобъ датя имъ деньги; это мнѣ было очень легко, такъ какъ я теперь всякое утро хожу изъ перевязывать. Хирургическое отдѣленье 'внизу прямо подъ моей палаткой, отдѣленье это самое большое, семь наметовъ, въ нихъ также занимается и сестра Леманъ.

Ты спрашиваешь объ сестрѣ, которая занемогла въ день перехода въ лагерь, она была очень больна, у ней была febris recurens, но слава Богу, возвратъ былъ гораздо слабѣе и теперь она по немногу начинаетъ уже ходить къ больнымъ.

Въ эту минуту у насъ очень много больныхъ, 525 человѣкъ, иные совсѣмъ поправились и можно-бы ихъ выписать; но теперь не позволено

изъ госпиталей выписывать иначе, какъ на стоянку, а въ санитарной или, какъ называютъ наши больные, въ секретарной стоянкѣ 670 человѣкъ что-жъ тутъ дѣлать?

Ты пишешь что у васъ жарко; а у насъ даже не тепло, на силу согрѣешься подъ двумя байковыми одѣялами и пальто. Дождь все идетъ, только что велишь открыть палатку, въ надеждѣ все просушить, приходится опять ее закрывать отъ дождя.

Здѣшніе жители, говорятъ, что нынѣшній годъ совсѣмъ особенный, что у нихъ въ это время никогда не бываетъ такой погоды. — А Р. К. Раакъ говоритъ, что это милость Божія и что эти безпрерывные дожди и грозы самая лучшая ассенизація, и больше сдѣлаютъ пользы чѣмъ всѣ коммисіи.

26-го Іюня.

Эти дни было очень много дѣла. Проѣхала одна сестра въ Караклисъ въ соединенный госпиталь, съ спеціальной цѣлью заниматься тамъ хозяйствомъ. Потомъ пріѣхала ко мнѣ сестра Гнедкова, она еще прошлаго года была сестрой близко отъ Карса; ея братъ, ея единственная надежда пошелъ въ санитары по желанію служить нашимъ раненымъ (прежде онъ былъ учителемъ и помогалъ своей сестрѣ) послѣ какого то дѣла, она напрасно ждала его возвращенія, онъ пропалъ безъ вѣсти! Старались разузнать объ немъ, но ничего не узнали, она бѣдная убита этимъ горемъ. Мнѣ ее прежде хвалили какъ очень хорошую сестру. Я ее послала въ Чурусланъ, куда уже перѣхали сестры Иностранцева и Салодовникова, и я надѣюсь что этихъ трехъ сестеръ будетъ тамъ вполнѣ достаточно.

Въ воскресенье, когда я была очень занята перевязкой, явилась вдругъ передо мной сестра и объявила что съ ней еще пять сестеръ, что онѣ присланы въ мое распоряженіе, но очень бы желали быть въ Караклисѣ, она прибавила, что за ними ѣдутъ еще шесть или восемь сестеръ.—Я пришла въ недоумѣніе! что дѣлать? не знаю надо-ли еще сестеръ въ Караклисѣ. — Двухъ я туда назначила въ постоянный полугоспиталь. Рѣшаюсь послать телеграммы, одну въ Караклисѣ, главному новоприбывшему доктору соединеннаго госпиталя, съ вопросомъ: нужны-ли ему сестры? и съ уплоченнымъ отвѣтомъ. Другую въ Тифлисъ: чтобъ сестеръ не присылали до востребованія. — Очень была рада когда на другое утро получила отвѣтную телеграмму отъ доктора: что онъ проситъ сестеръ для своего госпиталя.

Вотъ тебѣ для разсѣянье описаны вечера въ наемъ лагерѣ и съ эпиграфомъ.

Свой блѣдный свѣтъ простерши по горамъ.
Луна нашъ станъ больничный.

Не пугайся подчеркнутому слову: еслибъ вчера вечеромъ кто нибудь взглянулъ на нашъ лагерь, то не подумалъ бы что тутъ больные. Взгляни на планъ, который я тебѣ прислала, только противъ него есть уже маленькое измѣненіе; въ дальнемъ отъ меня лагерѣ, подъ самый его конецъ, къ лѣсу изъ нижняго ряда, то есть того что ближе къ рѣчькѣ сняты три палатки и поставлены какъ продолженье верхняго ряда, такъ что тутъ не двойной рядъ а шесть палатокъ ясно освѣщенныхъ хотя и не полной, но яркой луной, сзади лѣсъ по горѣ, — а къ рѣчькѣ лѣпятся по скату горы дубы, ясени, и мелколистный кленъ съ очень густой зеленью.

На площадкѣ передъ палатками ближе къ деревьямъ, весело трещитъ и сверкаетъ костеръ, на перекинутой на подпоркахъ палкѣ качаются съ шипѣньемъ солдатскіе котелки, больные варятъ чай, они это очень любятъ, но я не совѣтую заглядывать въ котелки, потому что въ нихъ попеременно, наливается борщъ, варится картофель и грибы, и я думаю чай выходитъ на манеръ китайскаго, нѣсколько съ жиркомъ. — Вокругъ этого костра сидятъ человѣкъ восемь; на приступкахъ возлѣ палатокъ сидятъ и лежатъ въ разныхъ позахъ больные; другіе опустя полы палатокъ выглядываютъ изъ нихъ. Вотъ изъ обоихъ рядовъ палатокъ сходятся больные на пустое пространство, гдѣ уже стоитъ толпа въ шестьдесятъ или семьдесятъ человѣкъ, по серединѣ этой толпы одинъ изъ больныхъ, разумѣется выздоровѣвшій, сбросивъ халатъ, пляшетъ съ разными затѣями, туфли летятъ вверхъ, и онъ съ вскрикиваніемъ и свистаньемъ выдѣлываетъ ногами разные выкрутасы. Другой подъигрываетъ на гармоніи. Но вотъ пляска смѣняется пѣніемъ и тотъ-же, который плясалъ, обращается въ запѣвало, а хоръ человѣкъ въ десять подхватываетъ занимъ, но вѣдь они не спѣвались, иная пѣсня идетъ на ладъ,—другая вдругъ обрывается, пошло не ладно и раздается громкой смѣхъ въ толпѣ и между поющихъ. Затянули другую, эта пошла согласно и допѣвается до конца. Но вотъ опять пѣнье смѣнилось пляской, къ плясавшему прежде присоединилось два казака, толпа радуется, хохочетъ.

Я сидѣла близко на лавочкѣ съ сестрой Никольской и она весело говорила мнѣ: какъ она счастлива; ея сынъ только что произведенный въ офицеры пріѣхалъ къ ней доволенъ и важенъ, какъ всегда бываетъ прапорщикъ, онъ уже имѣетъ Георгіевской солдатской крестъ и Сербской орденъ такъ какъ былъ добровольцемъ. А я очень задумалась, мои мысли перенеслись въ уединенный уголокъ Новоторжскаго уѣзда, когда бравые солдаты запѣли столько разъ слышанную тамъ пѣсню, пѣтую дѣвушками и даже дѣвочками въ залѣ нашего деревенскаго дома: Ахъ! вы сѣни, мои сѣни,—выпускала сокола изъ плоточка бѣлова и пр. Вотъ весело подбѣжала къ намъ молоденькая сестра, она держитъ на листкѣ свѣтящагося червячка который ярко блеститъ зэленоватымъ огонькомъ.

Долго продолжались пѣнье и пляска; въ другихъ мѣстахъ разговоры: о штурмѣ Карса, объ страшныхъ снѣгахъ подъ Урзюмомъ (Эрзерумъ), объ хорошемъ бѣломъ хлѣбѣ турокъ. Внутренность палатокъ освѣтилась керасиновыми лампами, на столбахъ зажглись фонари тоже съ лампами, луна спускалась къ противуположной высокой горѣ—больные стали расходиться, но не утомимый запѣвало остановился противъ своего намета, и они еще пропѣли нѣсколько пѣсенъ и вошли въ свои палатки.

Свѣжая ночная мгла стала подниматься отъ рѣчки и тѣнь отъ горы постепенно закрывала стихнувшій легерь, только кой-гдѣ свиснетъ птичка, да кузнечики завели свое безконечное и монотонное пѣніе. Въ большомъ лагерѣ черезъ который проходила въ свою палатку, все смолкло, только въ нѣкоторыхъ наметахъ еще слышался тихій говоръ солдатъ.

22-го Іюля.

Вчера мы провели съ сестрой Леманъ очень пріятный день. Насъ давно звалъ на стоянку докторъ Сивицкой, который теперь тамъ живетъ; онъ хлопоталъ чтобъ къ намъ по раньше пріѣхала извѣстная тебѣ почтовая линейка, которая дребезжитъ и скоро кажется совсѣмъ развалится. Погода была намъ очень благопріятная: сѣренькій, теплый день, ни жара, ни дождя, ни пыли. Какъ только мы кончили перевязку, которая идетъ очень скоро, съ нами теперь перевязываютъ два студента изъ Казанскаго университета, мы поѣхали.

Теперь тамъ все устроилось: даютъ по 1½ ℔ говядины, по 3 ℔ хлѣба, чай, два раза въ день, дается на руки и солдаты варятъ его въ своихъ котелкахъ. Они теперь очень довольны. У нихъ тамъ 25 коровъ; но такъ какъ на всѣхъ не достаетъ молока, то даютъ по очередно одинъ день одной ротѣ, а на слѣдующій день—другой и т. д. по порядку. У нихъ раздѣлено на роты.

Вчера тамъ было 580 человѣкъ. Въ одномъ только недостатокъ,—это въ бѣльѣ.

Я привезла 20 рубашекъ, но боялась сама ихъ раздавать, а то получитъ тотъ, кто понахальнѣе. Завѣдующіе стоянкой лучше знаютъ кому нужнѣе.

Мы обѣдали у доктора, съ маіоромъ и офицеромъ. И пробыли тамъ до 5 часовъ.

У насъ теперь всякій вечеръ концерты и иллюминація, концертъ, разумѣется, вокальный, а иллюминація очень блестящіе червячки. Недавно одна сестра принесла мнѣ вечеромъ букетъ, на которомъ ихъ было пять,—очень мило.

13-го Іюля.

Жду окончательнаго рѣшенія нашей судьбы и надѣюсь что Д. Кулосовскій, который теперь въ Тифлисѣ, привезетъ намъ это рѣшеніе;

но онъ ждетъ А. А. Ремерта, а Д. Ремертъ ждетъ сдачи Батума, а я жду Куласовскаго. Могу тебѣ сказать одно очень хорошее, это то, что въ соединенныхъ госпиталяхъ, въ которыхъ мои сестры, больныхъ очень не много; всѣ они устроены на 600 человѣкъ, а у насъ только 327 человѣкъ. Въ прочихъ отъ 200 до 300 человѣкъ.

Вчера полковникъ Морозовъ меня увѣрялъ, что въ августѣ всѣ военно-временные госпитали закроются. Онъ мнѣ также говорилъ, что на всемъ Кавказѣ 18 тысячъ больныхъ, что очень много для 100 тысячной арміи.

Твои мечты найдти здѣсь изъ солдатъ, работника къ намъ въ деревню, такъ и останутся мечтами, онѣ не исполнимы, во-первыхъ: потому, что всѣ здѣшніе солдаты изъ далекихъ отъ насъ губерній очень обильныхъ и хлѣбородныхъ, особливо противъ нашей. О нашихъ линейныхъ казакахъ и говорить нечего, они владѣютъ десятками, если не сотнями десятинъ земли. Во-вторыхъ: молодые солдаты или уже будутъ признаны совершенно не способными, или отпущены на поправку. Они недавно поступили на службу и рвутся домой. Еслибъ ты видѣла сколько я пересылаю писемъ; вотъ уже теперь восьмая сотня. Въ-третьихъ: призывные порядочные почти всѣ женаты, имѣютъ семейства, остаются плохенькіе; но они то и здѣсь много дѣлаютъ намъ хлопотъ, — воры и пьяницы.

Сейчасъ прочитала въ «Обзорѣ» Англо-Турецкую конвенцію. Прочла «Московскія Вѣдомости» — 1, 2, 3 іюля, и нахожусь точно подъ давленіемъ кошмара. Что-жъ это!? Въ договорѣ между Англіей и Турціей сказано, что мы не можемъ имѣть ни Карса, ни Ардагана, на конгрессѣ намъ ихъ отдаютъ. Бисмаркъ поздравляетъ съ миромъ! Катковъ пророчитъ войну! Не знаешь что думать, чего ждать? А пока жду Д. Куласовскаго и сейчасъ пойду къ его женѣ, узнать нё пріѣхалъ-ли онъ.

20-го іюля.

Д. Куласовскаго я дождалась, но ни чего не знаю окончательнаго и не могу опредѣлить когда отсюда уѣду. Д. Ремертъ обѣщалъ извѣстить письмомъ или телеграммой, а сюда онъ теперь не собирается. И я могла опять объѣхать наши отдаленные госпитали. Слава Богу, въ Акстафу не надо ѣхать, госпиталь закрытъ, больные и сестры переѣхали въ Караванъ-Сарай. Къ прежнимъ двумъ нумернымъ госпиталямъ присоединился № 52-й. Лагерь очень великъ, докторовъ много и во всѣ наши госпитали прислали студентовъ изъ Казани по три и по четыре, но благодаря Бога, больныхъ мало.

Я не рано добилась лошадей и ѣхала при ужасномъ жарѣ и пыли.

Въ Чуруланѣ остановилась у сестеръ на полчаса, обѣщала вернуться на другой день и пробыть дольше.

Весь вечеръ въ Караванъ-Сараѣ было очень жарко. Сидѣли мы у палатки сестеръ съ лампой. Камаровъ и мухъ у насъ мало, но жучки не давали покоя, по нѣсколько вдругъ подбивались подъ чепчикъ. Послѣ ужина съ сестрой Бондаревой обошли лагерь, нашли что мало наружныхъ фонарей, на другой день ихъ прибавили.

Лагерь, какъ я уже писала, широко раскинулся на полянѣ, окруженной горами и скалами; напротивъ лагеря, на другомъ берегу рѣчки Акстафы, которая бѣжитъ у самаго шоссе возвышается уступами гора и на болѣе широкихъ уступахъ засѣянныя поля и сѣнокосы, а подымаясь выше гора оканчивается грозными скалами. Немного грустный видъ давала полянѣ высокая, но совершенно засохшая трава. За кухней, которая у самаго шоссе, разбросаны въ недалекомъ разстояніи разныя наметы, офицерскія палатки, шалаши изъ сучьевъ и палатка Краснаго Креста, въ нихъ помѣщаются всѣ служащіе при госпиталѣ, аптека, цейхгаузъ и проч.

Вечеромъ я еще обошла съ главнымъ докторомъ всѣхъ больныхъ.

На другой день утромъ я пошла прямо въ хирургическое отдѣленіе, съ Сестрой Гнедковой, которая тамъ перевязываетъ, записать и дать деньги помороженнымъ и раненнымъ. Потомъ обошла и прочія отдѣленія. Слава Богу! больныхъ мало, а докторовъ много.

Въ этотъ день отправляли на стоянку 22 чел. и я пошла къ цейхгаузу. Тамъ у столика сидѣли: сестра Иностранцева и офицеръ съ завязаннымъ глазомъ, онъ былъ раненъ въ самомъ началѣ компаніи и прошлаго года лежалъ въ Делижанѣ; теперь вещевымъ коммисаромъ. Передъ ними два унтеръ-офицера развязывали то бѣлые холщевые мѣшки, то свернутыя шинели, завязанные башлыками, они громко читали имя и фамилію того, кому принадлежитъ связка, если нѣтъ сапогъ, то коммисаръ записываетъ, что такому то надо выдать, если нѣтъ бѣлья, то сестра записываетъ имя и фамилію и что надо дать.

Отъ цейхгауза я пошла съ смотрителемъ въ кухню. Обѣдъ былъ хорошъ: куриный супъ вкусенъ, молочная каша хорошо размѣшана и сварена. Но цинготная порція неудовлетворительна; капусты нѣтъ, только лукъ, крошеная говядина, квасъ, уксусъ, горчица, послѣднихъ очень мало, но смотритель велѣлъ прибавить.

Изъ кухни прошли въ прачешную. Прачки очень довольны, что бѣлье все бумажное, его гораздо легче мыть и оно красивѣе.

Всѣ недавно сформированные госпитали имѣютъ такое бѣлье, и у насъ въ № 63 все бумажное, даже простыни. Потомъ я пошла въ аптеку, вотъ еслибъ ты и видѣла, то никакъ бы не догадалась, что мы тутъ дѣлаемъ. Я и со мною двое докторовъ, и аптекарь, мы ходимъ вокругъ палатки гдѣ аптека, у одного изъ нихъ склянка и онъ льетъ на землю какую то жидкость, а у другаго что то болтается на ниткѣ:

мы часто наклоняемся къ землѣ, походили, поглядѣли. Наконецъ одинъ сказалъ: нѣтъ, охота не удачная, не нашли ни одного тарантула; а ихъ много тутъ водится и ихъ ловятъ наливая спиртъ въ круглое отверстіе, въ которомъ, предполагаютъ, что находится тарантулъ и онъ оттуда сейчасъ вылѣзаетъ, или опускаютъ восковой шарикъ и тарантулъ ухватывается за него своими лапками, такъ его и вытаскиваютъ. Въ утѣшенье неудавшейся охоты мнѣ показывали въ банкѣ, въ спирту, и обѣщали подарить двухъ фалангъ; какія у нихъ злыя, противныя физіономіи, нельзя себѣ представить, чтобъ у насѣкомаго могло быть такое выраженье.

Вернулась въ нашу палатку, но скоро раздался свистокъ, призывающій къ обѣду. Здѣсь всѣ обѣдаютъ вмѣстѣ. Завѣдуетъ этимъ управляющій аптекой и по истеченіи мѣсяца онъ разсчитываетъ, на артельномъ основаніи, сколько каждый долженъ заплатить. Иначе въ этомъ пустынномъ мѣстѣ нельзя устроиться. Онъ долженъ посылать въ аулы доставать провизію, а всѣ аулы довольно далеко, такъ что ему очень много хлопотъ.

Обѣдало насъ 22 человѣка. Обѣдъ былъ очень хорошъ.

Мы уговорились, когда всѣ кончатъ свои занятія, идти на ту сторону Акстафы, мнѣ говорили, что съ горы, гдѣ сѣнокосъ, очень хорошъ видъ на лагерь, и видно все его расположеніе.

20-го, утро сѣренькое, но теплое, такъ тихо, что не одинъ листочекъ не шевелится, бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ виситъ неподвижно у древка. Сестры пошли по своимъ отдѣленіямъ: больныхъ не много, всего 156 чел.

По мѣрѣ того, какъ кончалась визитація, изъ палатокъ выходили больные: кто съ повязанной головой, кто съ завязаннымъ глазомъ, кто хромая на силу идетъ, опираясь на палку, а кто и на двухъ костыляхъ, всѣ они направляются въ серединной уголъ лагеря. И я пошла туда же. Тамъ стоялъ столъ покрытый бѣлой скатертью; на столѣ два образа и свѣчи; передъ столомъ стоитъ священникъ въ очень скромной, но красивой ризѣ коричневой, на мѣсто галуновъ синія ленты. Ильинъ день, служатъ обѣдницу, четыре солдата поютъ очень стройно, а всѣ другіе, положивъ на столъ свои завѣтныя копѣйки, усердно молятся за Царя, и за миръ, и за все Христолюбивое воинство. И я усердно помолилась, такъ это было умилительно. Служба кончилась, зазвенѣлъ колокольчикъ, пріѣхала почтовая тройка и, я уѣхала въ Делижанъ.

Лагерь 27-го Іюля.

На дняхъ былъ у насъ М. Н. Толстой. Я пришла на почту, а онъ проѣхалъ ко мнѣ. Я рѣшилась, чтобъ съ нимъ не разойтись, ждать его противъ почты у Воинскаго Начальника. Но за мной прислали фаэтонъ,

съ приглашеньемъ обѣдать у Доктора Куласовскаго вмѣстѣ съ М. Н. Толстымъ. Съ нимъ былъ его секретарь. И мы все толковали о разныхъ распоряженьяхъ, о нормѣ, которую они выработали, т. е. сколько золотниковъ надо давать. Я соглашаюсь, что это можно опредѣлить для табака, даже для сахара, но для чая невозможно, что тогда надо, чтобъ они во всякой мѣстности химически разложили воду, чтобъ изслѣдована была и удоборастворимость чая, который иногда бываетъ очень порядочный, а иногда и очень плохой, и его необходимо класть больше. Въ иной мѣстности вода такъ не хороша, что необходимо класть больше чая, въ Чуруланѣ сестры должны прибавлять въ чай соду. Насъ давно упрекаютъ, что у насъ много выходитъ чая, но это совершенно не произвольно, а по качеству чая и воды.

Еще говорили, что мы не должны давать чай служителямъ. Я даже объ этомъ писала Д. С. Старосельскому приводя, ему слова Св. Писанія: Да не заградиши устенъ вола молотяща. У насъ такъ много и то занемогало и умирало служителей. Въ военно-временныхъ госпиталяхъ на содержанье служителей отпускалось больше; въ ненумерныхъ, но тоже открытыхъ на военное время, гораздо меньше. Въ Акстафинскомъ полугоспиталѣ, такъ-какъ онъ постоянный, то на служителей (кромѣ крупы и муки, каторыя давались всѣмъ равно) на говядину, капусту, соль отпускалось по 3 копѣйки на человѣка!! Передъ закрытіемъ госпиталя эту сумму нѣсколько увеличили.

Отъ Д. Куласовскаго я пошла на горы, чтобъ узнать можно-ли сестрѣ Тихомировой по состоянію госпиталя поручить всѣхъ больныхъ сестрѣ Пузыревской и ѣхать со мной въ Караклисъ. Я давно обѣщала взять ее съ собой, но ей все нельзя было уѣхать; на этотъ же разъ она могла отлучиться и я ей сказала, чтобъ она пришла по ранѣе.

Встала я въ 6 часовъ, все приготовила: рубашки, кисеты и проч. Къ восьми часамъ пріѣхалъ мой тарантасъ, но уѣхать рано не удалось: пришелъ Д. Куласовскій, просилъ подождать свидѣтельствъ для тѣхъ, которые увольняются въ неспособные, поручая мнѣ отвезти ихъ для подписи къ Генералу Мищенко, на Гамзечиманскую санитарную стоянку, гдѣ онъ лечится и куда мы прямо ѣхали. Несмотря на эту задержку въ половинѣ одиннадцатаго мы были тамъ. Не знаю, какъ бы тебѣ описать по понятнѣе это мѣсто, оно не доѣзжая версты три до первой станціи Гамзечиманъ. Съ одной стороны горы совершенно ушли въ даль и образовалась поляна, слегка подымающаяся въ гору; у самого шоссе, которое то же идетъ по склону небольшой горы, бѣжитъ наша же рѣчка Акстафа, но уже не такая бурная и широкая, какъ у насъ. Съ версту отъ шоссе расположенъ лагерь, нѣсколько большихъ наметовъ Краснаго Креста и четыре ряда маленькихъ, солдатскихъ палатокъ. На рѣчкѣ мостъ для пѣшеходовъ, но мы переѣхали ее въ бродъ и сейчасъ вышли

изъ экипажа и пошли къ бесѣдкѣ, или точнѣе сказать, навѣсу, какъ всегда бываетъ надъ источниками, отдѣлано очень хорошо, даже есть лавочки.

Вода сильно бьетъ пузырями изъ камней, которые всѣ покрыты оранжевымъ осадкомъ, вкусъ желѣзно-щелочный.

На это стоянкѣ лечатъ цинготныхъ и анемиковъ, они пьютъ по нѣсколько стакановъ въ день. Находятъ что больные отлично поправляются.

Тутъ теперь тоже живетъ и лѣчится полковникъ Морозовъ.

Купанье устроено не изъ минеральной воды; вырытъ родъ бассейна и черезъ него бѣжитъ и журчитъ наполняя его вода горняго холоднаго ручья. Узнавъ что мы тутъ, полковникъ Морозовъ пришелъ къ намъ и настаивалъ, чтобъ мы остались у нихъ обѣдать и хотя мнѣ очень хотѣлось по раньше пріѣхать въ Караклисъ, но я согласилась остаться и онъ отослалъ нашихъ лошадей обратно въ Делижанъ. Пришелъ и докторъ, я его уже видѣла у Д. Куласовскаго, очень живой, веселый, мы съ нимъ обошли всѣ палатки, я отыскала своихъ знакомыхъ больныхъ изъ Делижана и Караванъ - Сарая. Здѣсь только въ одной палаткѣ Краснаго креста есть койки, тутъ лежатъ самые слабые, больные. На этой стоянкѣ также 25 коровъ. Молоко назначается докторомъ тѣмъ больнымъ, которымъ онъ находитъ это нужнымъ. Ходили на кухню, пробовали пищу, она хороша. Потомъ мы по обѣдали, послали за лошадьми на станцію и не останавливаясь на ней проѣхали прямо въ Караклисъ Но было уже поздно, я не имѣла времени идти въ соединенный госпиталь. Но сестры пришли ко мнѣ съ просьбами объ отпускахъ, перемѣнахъ и проч. Но я просила ихъ продолжать теперь служить по прежнему такъ какъ мы ждемъ большихъ перемѣнъ, и увѣдомленья отъ Д. Ремемерта.

Въ восемь часовъ утра, я пошла въ соединенный госпиталь, изъ всѣхъ нашихъ госпиталей въ немъ всего больше больныхъ. А такъ какъ сегодня утромъ получена въ постоянномъ госпиталѣ телеграмма, чтобъ онъ немедленно сдалъ всѣхъ своихъ больныхъ въ соединенный госпиталь, то будетъ до 400 чел., а въ постоянный будутъ присланы, какъ написано въ телеграммѣ: главные больные,—слѣдуетъ читать глазные.

Придя въ лагерь, пошла прямо въ операціонную палатку; тамъ познакомилась съ главнымъ докторомъ Гольбекомъ; были операціи: amputatio cruris, и потомъ нѣсколько небольшихъ. Сестры помогали при всѣхъ операціяхъ. Потомъ съ главнымъ докторомъ и сестрами пошли въ хирургическое отдѣленье. Помороженныхъ 36 чел., есть съ отнятой стопой и одинъ, у котораго обѣ ноги отняты, и онъ уже поправляется! Надо было всѣхъ записать и сообразить кому сколько дать. Но прежде пошла съ главнымъ докторомъ на кухню. Сестра Зуръ очень усердно и

добросовѣстно исполняетъ свою тяжелую обязанность, находится тамъ все время пока готовится пища. Порціи и обѣдъ были хороши, было даже 90 котлетъ (а въ другихъ госпиталяхъ изъ этаго большія затрудненія), бѣлый хлѣбъ отличный.

Потомъ пошла въ палатку съ главнымъ докторомъ, надо было говорить съ нимъ о разныхъ дѣлахъ. Послѣ этаго разговора спѣшила раздать деньги, очень желала застать больныхъ полугоспиталя въ прежнемъ помѣщеніи, чтобъ имъ такъ же дать деньги и кисеты, изъ тѣхъ, которые ты прислала, я сберегла нѣсколько для моихъ старыхъ знакомыхъ въ Караклисѣ. Ваши кисеты очень красивы и больные ими очень довольны.

Лагерь 30-го Іюля.

Сегодня меня безпрестанно перебиваютъ, 15 чел. назначены въ неспособные и отправляются на родину, они приходятъ ко мнѣ за рубашками. Да и кромѣ ихъ, если я сижу въ открытой палаткѣ, то безпрестанно ко мнѣ приходятъ наши больные, то придутъ двое просить бумаги и конвертовъ, то придетъ съ запечатаннымъ письмомъ, спрашивая очень наивно: Когда оно дойдетъ въ какой нибудь Уржумъ? Приходятъ попросить книжекъ, кисетовъ, или хоть лоскуточковъ и ниточекъ, чтобъ ихъ сшить. А вотъ наконецъ одинъ пришелъ просить перламутровыхъ пуговокъ для рубашки, очень была рада, что могла ему дать.

24-го Іюля у насъ въ Делижанѣ справляли „Маіовку" и на Кавказѣ всегда справляютъ, какъ первый праздникъ весны. Но за погодой и разными дѣлами праздновали Май въ Іюлѣ. Сначала говорили, что Маіовка будетъ въ очень скромныхъ размѣрахъ, но потомъ вышло такъ, что былъ весь Делижанъ и его окрестности, т. е. были съ обѣихъ стоянокъ, изъ Рѣдькина лагеря, такъ называется мѣсто, гдѣ здѣшнія дачи, верстъ за 6 отъ Делижана. Если считать съ дѣтьми, то было до 105 чел. Мѣсто было выбрано очень хорошенькое, по Эриванской дорогѣ, въ лѣсу на площадкѣ, пройдя рѣчку Головиновку, на которой устроили мостъ; сдѣлали ступени по горѣ; былъ наметъ для дамъ, палатки для самоваровъ, провизіи. Къ 12 часамъ многіе уже пріѣхали. Чай, кофей закуска. Потомъ обѣдъ и опять чай. Гремѣла музыка. Иные играли въ карты, другіе танцовали, гуляли, или сидѣли на диванахъ и коврахъ наслаждаясь лѣсной прохладой.

Туалеты самые разнообразные: были дамы одѣтыя очень нарядно, а другіе совсѣмъ по лѣтнему и по деревенски, была генеральша въ брильянтахъ и грузинская попадья въ своемъ красивомъ національномъ головномъ уборѣ, доктора и всѣ военные въ бѣлыхъ кителяхъ, что даетъ праздничный видъ.

Когда стемнѣло, зажгли фонари и костры, а по временамъ все фанта-

стически освѣщалось зеленымъ и краснымъ огнемъ. Погода была очень хороша. Къ 11-ти часамъ всѣ разъѣхались.

Меня перебили. Телеграмма отъ А. А. Реммерта. Вотъ она слово въ слово: «Государыня Великая Княгиня радуясь видѣть васъ въ Боржомѣ, поручила мнѣ просить васъ по вашемъ выѣздѣ изъ Дѣлижана пріѣхать къ Ея Высочеству, оставивъ въ Тифлисѣ на время вашего пребыванья въ Боржомѣ, отправляющихся съ вами сестеръ. По приказанью Ея Высочества къ 15-му Августу всѣ сестры госпиталей расположенныхъ по линіи отъ Пони до Большаго Караклиса, включительно, должны быть уволены съ производствомъ имъ содержанья по 1-ое Сентября». Меня очень удивило такое скорое рѣшеніе нашей участи, я не думала, чтобъ такъ скоро нашли, что можно обходиться безъ сестеръ, а напротивъ полагала, что будутъ просить желающихъ, оставаться здѣсь до совершеннаго закрытія военно-временныхъ госпиталей. И такъ въ половинѣ Августа мы всѣ уѣдемъ. Надо будетъ все устроить для этого. А теперь пойду сообщить телеграмму Д. Финну, Д. Куласовскому и сестрамъ.

Лагерь 4-го Августа.

Вчера пришелъ къ намъ транспортъ 200 чел., много здоровыхъ, есть хромые, но лежачихъ нѣтъ; сегодня у насъ совсѣмъ повѣяло миромъ: сейчасъ прочла въ газетахъ, что какой то уполномоченный турокъ пріѣхалъ въ Боржомъ къ Великому Князю, чтобъ уговориться на счетъ сдачи Батума.

Получена телеграмма объ ополченцахъ и призывныхъ, велѣно составлять объ нихъ списки, это значитъ, что они скоро будутъ распущены.

Видѣла сейчасъ полковника Морозова, онъ подтвердилъ, что Батумъ будетъ навѣрно сданъ. Онъ также сказалъ, что его вызываютъ экстренно въ Тифлисъ, чтобъ все устроить для возвращенія войскъ. Здѣсь все приводится на мирное положеніе. Когда полк. Морозовъ вернется, то мы будемъ знать когда намъ пришлютъ экипажи изъ Тифлиса и я соберу сестеръ и дастъ Богъ пустимся въ путь. Но мнѣ было бы легче оставить наши госпитали, еслибъ хоть нѣсколько сестеръ оставались здѣсь, а то больные очень грустятъ, что мы уѣзжаемъ.

Лагерь 8-го Августа.

Сегодня мнѣ очень много дѣла; надо написать отчетъ всего прихода и расхода за всѣ 13-ть мѣсяцевъ нашего пребыванья здѣсь. А все утро провожу въ хирургическомъ отдѣленіи, сначала перевязывая въ четырехъ палаткахъ; потомъ съ докторомъ Исаковымъ идемъ перевязывать новооперированныхъ, а послѣ этой перевязки начинаются операціи. Вчера было двѣ операціи, небольшія, но сложныя, хлороформъ дурно

дѣйствуетъ отъ того ли что онъ не хорошъ, или отъ того, что больные много пили прежде водки.

Всѣхъ новооперированныхъ мы перевязываемъ по методѣ Листера, при постоянной пульвиризаціи. Только къ двумъ часамъ кончаются у насъ операціи.

Докторъ Исаковъ недавно перешелъ къ намъ изъ Караклиса, я его еще тамъ знала, онъ занимался въ хирургическомъ отдѣленіи съ большимъ успѣхомъ.

Послѣ обѣда ходила въ Малоканскую слободку, къ Н. Т. Кущеву, надѣялась для окончанья взять у него побольше для нашихъ больныхъ; ничего особеннаго не нашла, взяла только карболизованной марли, пульвиризаторовъ, да хересу для оперированныхъ.

Дня два тому назадъ А. И. Куласовскій приходилъ ко мнѣ съ приглашеньемъ на обѣдъ 12-го числа, и просилъ передать это приглашенье всѣмъ сестрамъ моего Петербургскаго отряда—это прощальный обѣдъ, который намъ даютъ доктора и главные ординаторы всѣхъ госпиталей, гдѣ находятся сестры.

Въ этомъ обѣдѣ разумѣется участвуютъ только тѣ доктора и прочіе, которые этого желали. Сестры изъ Караклиса, Караванъ-Сарая и Чуруслана должны пріѣхать сюда.

Лагерь 13-го Августа.

Полагала я сегодня уѣхать, но мальпостъ не пріѣхалъ. И такъ вотъ тебѣ описанье нашего прощальнаго обѣда. На первой площадкѣ, поднявшись въ гору, гдѣ прошлаго года было наше третье отдѣленье, были поставлены два большіе намета Краснаго Креста, одинъ за другимъ, такъ что они составляли очень большую залу, въ которой былъ накрытъ столъ покоемъ. Наружность палатокъ была украшена деревьями и гирляндами изъ дубовыхъ и сосновыхъ вѣтокъ, что было очень красиво, а у входа въ палатку стояли большіе олеандры въ полномъ цвѣтѣ.

Въ два часа докторъ Куласовскій пріѣхалъ за мной. Всѣ сестры уже были тамъ. День былъ не жаркой, легкія облака закрывали солнце. Видъ съ этой возвышенности на Делижанъ очень хорошъ, именно можно было прощаться съ нимъ.

Насъ было около 60 чел.: кромѣ сестеръ были только три дамы; г-жа Куласовская, какъ хозяйка и двѣ ея пріятельницы.

Послѣ обильной закуски, поставленной на двухъ столахъ, мы сѣли за столъ. Я по серединѣ, противъ меня докторъ Куласовскій. Музыка играла во все время обѣда. Когда налили шанпанское, докторъ Куласовскій всталъ и мы то же всѣ встали и. онъ мнѣ сказалъ рѣчь, которую потомъ и отдалъ, она подписана 7-ю главными врачами. Хотя я чувствую, что ни какъ не заслуживаю всего слишкомъ лестнаго, что мнѣ

было сказано въ этой рѣчи, но все же могу думать, что была полезна и что я то же внесла свою лепту въ великую сумму всѣхъ жертвъ, которыя были принесены въ это грустное и славное время.

Послѣ тоста за мое здоровье, пили за здоровье сестеръ. Я пошла ихъ цѣловать и благодарить за тѣ лестные отзывы, которые онѣ мнѣ заслужили усерднымъ исполненіемъ своихъ трудныхъ обязанностей. Послѣ этого пошли тосты за докторовъ всѣхъ вмѣстѣ и по особенности, за смотрителей, съ желаньемъ, чтобъ они добросовѣстно исполняли свои обязанности и хорошо кормили нашихъ больныхъ, за инженеровъ, которые устроиваютъ дороги, по которымъ больнымъ покойнѣе ѣхать и проч. Во время этихъ тостовъ меня вызвали, пришли со стоянки шесть фельдфебелей поблагодарить и проститься.

Послѣ обѣда мы всѣ сѣли на приготовленную эстраду, чтобъ на память этого дня снять фотографію. Не знаю какимъ случаемъ уже нѣсколько дней здѣсь живетъ фотографъ изъ Эривани.

Мнѣ обѣщали прислать, но боюсь что будетъ не удачна, судя по негативу.

На столы, гдѣ была прежде закуска, поставили десертъ: конфекты, фрукты, подавали чай, кофе. То играла музыка, то пѣли хоромъ русскія и малороссійскія пѣсни.

Въ девятомъ часу мы ушли и еще вечеромъ я все уложила. До обѣда я раздала больнымъ все, что у меня было, до послѣдняго лоскутка. И такъ теперь нечего и дѣлать, сижу и жду экипажа. Посылаю тебѣ обѣ рѣчи: д. Куласовскаго и д. Бобста.

Тифлисъ, 15-го Августа.

Вотъ я и кончила свое служенье. Вотъ я и въ Тифлисѣ. Очень рада, что не уѣхала прежде, что дожила до конца. Теперь изъ 60-ти госпиталей останется только 17.

Въ ночь на 14-е пріѣхалъ экипажъ. Въ 7 часовъ утра Н. Т. Кущевъ пришелъ ко мнѣ, и пріѣхала почтовая карета четверней. Я взяла съ собой сестру Леманъ и еще двухъ сестеръ, и въ 8-мь часовъ мы выѣхали. Явился ко мнѣ верхомъ въ парадѣ, какъ казаки провожали шаха, мой постоянный, вѣрный спутникъ, казакъ Василій, онъ провожалъ меня до первой станціи. У меня открытый листъ и я брала казака на каждой станціи.

Мы подвигались довольно медленно впередъ; надо было остановиться на Стоянкѣ, въ Чурусланѣ, въ Караванъ-Сараѣ.

Всѣ сестры должны тоже выѣзжать въ эти дни, однѣ послѣ другихъ.

Въ Караванъ-Сараѣ мы завтракали, или лучше сказать, пообѣдали у доктора Поржницкаго и пустились дальше уже безъ замедленія. До Акстафы мы ѣхали прекрасно, а тутъ пошло отвратительное шоссе, да и не

шоссе, по которому совсѣмъ уже нельзя ѣхать, а ѣдутъ около по грязи и рытвинамъ, мосты сломаны, надо ихъ объѣзжать, спускаясь въ овраги, такъ что нашъ кондукторъ заставлялъ насъ выходить изъ экипажа.

Пріѣхали на станцію, было еще не много свѣта, но пришлось остановиться и кондукторъ, и станціонный смотритель говорили, что нельзя пускаться дальше, дорога ужасная, а ночи здѣсь очень темныя и всѣ останавливаются на этой станціи. Еще же, давно идетъ слухъ, что тутъ по ночамъ ходитъ шайка разбойниковъ, въ 50 и даже въ 100 чел., я этому не очень вѣрю; но такъ какъ почта ночуетъ, то и мы ночевали, но не спали, было жарко, комаровъ гибель.

И только что стало немного разсвѣтать, мы пустились въ дорогу. Сюда пріѣхали въ часъ. Намъ были приготовлены нумера въ гостинницѣ, куда насъ прямо и привезли.

Былъ у меня Т. И. Мулинъ, обѣщалъ завтра дать мнѣ знать, когда Д. С. Старосельской ѣдетъ въ Боржомъ.

Я собираюсь ѣхать съ нимъ, что гораздо пріятнѣе и удобнѣе.

Какъ шумно, жарко, душно въ Тифлисѣ и я вспомнила, съ сожалѣньемъ свой наметъ въ лагерѣ, въ лѣсу, гдѣ такой свѣжій, пріятный воздухъ.

Боржомъ, 17-го Августа.

Вотъ откуда я пишу тебѣ, но еслибъ не шелъ дождь, то я пошла бы гулять, съ балкона Кавалерскаго дома, гдѣ я теперь, такой хорошенькій видъ: дорожки, клумбы съ цвѣтами такъ заманчивы, но дождь сѣетъ, и я пишу въ ожиданьи экипажа, чтобъ ѣхать во дворецъ къ Великой Княгинѣ.

Вчера все утро ждала Мулина съ отвѣтомъ отъ Д. С. Старосельскаго, вышла изъ терпѣнія, послала за мушой. Муши исполняютъ здѣсь всѣ коммисіи, и какія ужасные тяжести они переносятъ! Явился муша, я дала ему записку къ Т. И. Мулину. Въ отвѣтъ явился онъ самъ съ очень любезной запиской отъ Д. С. Старосельскаго, что онъ радъ меня проводить.

Я пообѣдала, приготовилась, и опять надо было ждать Мулина съ фаэтономъ, такъ какъ онъ меня провожаетъ до станціи, гдѣ мы соединимся съ Д. С. Старосельскимъ. Какъ я боялась, что онъ опоздаетъ. Желѣзная дорога отъ гостинницы очень далеко. Да за то ужь мы и скакали! Но пріѣхали еще довольно рано.

Дебаркадеръ маленькій, низенькій, вагоны некрасивы Не доѣзжая до второй станціи Мцхетъ. у бараковъ мы встрѣтили Д. С. Старосельскаго. Очень была рада и могла съ нимъ обо всемъ переговорить, но говорить очень трудно, вагоны ужасно гремятъ. Ѣхали мы довольно долго, это товарно-пассажирскій поѣздъ.

На станціи Гори пили чай, а въ 12 часовъ ночи, покуда намъ закладывали коляску, поужинали и поѣхали въ Боржомъ. Ночь была темная, тучи нависли, тутъ 27 верстъ, по серединѣ станція. Но Д. С. Старосельскому не было остановки, сейчасъ заложили лошадей. Мы въѣхали въ Боржомское ущелье и стало еще темнѣе. Очень жаль, что не могла его видѣть, говорятъ, что оно очень красиво.

Въ четвертомъ часу мы пріѣхали въ Боржомъ прямо къ Кавалерскому дому и меня отвели въ хорошенькія комнаты....

Сейчасъ прислали за мной, ѣду къ Великой Княгинѣ. Окончу вечеромъ.

Великая Княгиня приняла меня очень милостиво, много обо всемъ разспрашивала.

Я пробыла у Ея Высочества часъ три четверти. Великій Князь Михаилъ Николаевичъ принесъ мнѣ медаль. И такъ теперь у меня ихъ три. Но мнѣ было особенно пріятно, что Ея Высочество сказала, что она очень довольна всѣмъ нашимъ отрядомъ. Я уѣхала, а въ четвертомъ часу опять поѣхала во дворецъ къ обѣду. Тутъ были Д. С. Старосельскій, генералъ Петерсъ, М. Н. Толстой—это мнѣ знакомые, и еще другіе военные.

Великій Князь скоро пришелъ и позвалъ въ залу. Тамъ была Великая Княгиня и все семейство, какое красивое семейство! Шесть сыновей, самый младшій, Алексѣй Михайловичъ, двухъ съ половиной лѣтъ, прелесть, что за мальчикъ! Великая Княжна очень хороша, я все на нее любовалась, такое пріятное выраженіе.

Хотя погода и хмурилась, но дождя не было, и послѣ обѣда поѣхали кататься (чего я очень желала). Великій Князь, Великая Княгиня, Великая Княжна и я. Что за милое мѣсто Боржомъ, какъ красиво! Какъ разнообразно: то узкое ущелье голыя скалы, то цвѣты, бѣлые акаціи, айлантусы, красивыя плакучія ивы, спускающія свои длинныя вѣтки къ широкой Курѣ, то бурно бѣгущая по камнямъ Боржанка. Дачи разной архитектуры, то возвышающіяся надъ зеленью, то совершенно закрытыя деревьями. Проѣхали мимо Минеральныхъ водъ и далѣе, покуда дорога была довольно широка для большаго ландо. Ѣздили и на черную рѣчьку, гдѣ бараки для больныхъ. Мы тутъ остановились, Великій Князь и Великая Княгиня разспрашивали о больныхъ подошедшихъ къ экипажу докторовъ и смотрителя.

По временамъ солнце очень эфектно освѣщало красивый Боржомъ.

Великій Князь, какъ самый радушный, привѣтливой помѣщикъ мнѣ все показывалъ.

Катались мы около двухъ часовъ и ихъ Высочества завезли меня домой.

Очень рада, что Д. С. Старосельской не кончилъ свои дѣла и мы поѣдемъ не сегодня вечеромъ, а завтра въ половинѣ дня.

Пришелъ ко мнѣ М. Н. Толстой: пилъ со мной чай и просидѣлъ часа два.

Такъ какъ здѣсь есть почта, то это письмо пошлю прямо отсюда.

Тифлисъ 21-го Августа.

Прежде всего окончу мой разсказъ о Боржомѣ. На другое утро встала въ 8-мь часовъ. Солнце блеститъ, погода великолѣпная,—сердце не выдержало, и я отправилась пѣшкомъ, въ сопровожденіи горничной въ бараки, гдѣ, больница или, лучше сказать, военно-временный госпиталь, какого нумера не помню. Это около двухъ верстъ, дорога шоссе все идетъ вдоль Куры.

Смотритель, который видѣлъ меня наканунѣ съ Ихъ Высочествами, разумѣется, съ большой предупредительностью мнѣ все показывалъ. Устройство прекрасное, мѣсто уединенное, красивое. Больныхъ не много. Есть офицеры страдающіе до сихъ поръ отъ ранъ, и одному только что сдѣлано ампутація.

Когда я вернулась, мнѣ подали виды Боржома отъ Ея Высочества. Вчера когда мы катались, я говорила, что Боржомъ мнѣ очень нравится и что въ Тифлисѣ я поищу боржоомскіе виды; это любезное вниманье меня очень тронуло.

Я такъ рано пришла домой, что могла отдохнуть до 12-ти часовъ, когда надо было ѣхать завтракать къ Ихъ Высочествамъ.

Послѣ завтра Великая Княгиня и все Августѣйшее семейство и я сидѣли на небольшой эспланадѣ, возлѣ дворца, очень красиво устроенной. Но я очень боялась опоздать къ поѣзду, и поглядѣла на часы: Великая Княгиня это замѣтила, и очень любезно сказала: вы боитесь опоздать. Я сейчасъ велю сказать Великому Князю, Онъ хотѣлъ съ вами проститься. Его Высочество пришелъ и очень милостиво опять благодарилъ меня и самъ проводилъ до коляски.

Да, точно Баржомское ущелье очень красиво—все вдоль Куры, есть мѣста преоригинальныя, вдругъ огромная скала совершенно преграждаетъ ея теченье и она поворачиваетъ прямымъ угломъ. Растительность разнообразнѣе, чѣмъ у насъ съ Делижанѣ, плющъ, дикій виноградъ; всѣ горы покрыты высокимъ строевымъ лѣсомъ. Тутъ все живутъ лѣсопромышленники,—и такъ странно въ этихъ красивыхъ, южныхъ мѣстностяхъ видѣть деревянные домики и прочія строенья, которые такъ и напоминаютъ берега Сквири и Тверцы.

Вечеромъ довольно поздно пріѣхали въ Тифлисъ. Теперь уже всѣ сестры собрались, но когда поѣдемъ отсюда, не могу сказать на вѣрное.

Пароходъ Юнона. Черное море между Поти и Ѳеодосіею. 27-го Августа.

Не пугайся, прочитавъ этотъ замысловатый заголовокъ, такъ какъ это письмо попадетъ на почту только въ Севастополѣ, то мы будемъ уже на твердой землѣ.

Въ Севастополѣ я собираюсь пробыть сутки, или двое. Теперь пишу тебѣ на досугѣ, не смотря на качанье, которое нѣсколько мѣшаетъ писать.

Пароходъ на которомъ я тебѣ пишу, шелъ только въ субботу 26-го и намъ пришлось его ждать.

Ходятъ два парохода въ недѣлю изъ Поти, но одинъ заходитъ во всѣ самые маленькіе порты и по этому путешествіе очень продолжительно. А мы выѣхавши вчера, завтра будемъ въ Севастополѣ.

И такъ послѣ моего послѣдняго письма, мы еще три дня прожили въ Тифлисѣ, ходили для разсѣянья за Майданъ (Армянской базаръ) въ темные ряды, тамъ продаютъ ковры и разные персидскія издѣлья, золотые и серебряныя вещи, которыя тутъ-же выдѣлываютъ.

Ходятъ странныя фигуры, обвѣшанные азіатскими и европейскими товарами. Всѣ говорятъ на разныхъ языкахъ, или такъ ломаютъ русскія слова, что ничего не поймешь.

Если купишь въ лавкѣ, то просятъ дать шауръ, пять копѣекъ, сторожу, другаго жалованья у него нѣтъ.

Накануне нашего отъѣзда, я и всѣ сестры ходили во время вечерни въ Сіонской соборъ, просили отслужить намъ молебенъ въ путь шествующимъ и поклонились здѣшней, очень чтимой святынѣ: кресту изъ виноградной лозы, связанному волосами святой Равноапостольной Нины, просвѣтительницы Грузіи.

Изъ Тифлиса мы уѣхали въ пятницу утромъ, по Поти-Тифлисской желѣзной дорогѣ До Сурама дорога идетъ по берегу Куры, нѣсколько разъ переходитъ съ одного берега на другой.

Горы некрасивы, обнажены, есть и песчаныя, кое гдѣ видны деревни, сады, виноградники.

Съ Сурама начинается подъемъ; ѣдутъ тихо. Но я не съумѣю описать всего разнообразія видовъ, которые ежеминутно смѣняются: то ѣдешь въ узкомъ ущельѣ между двумя горами, покрытыми лѣсомъ, то вдругъ крутой поворотъ, (вагоны часто идутъ нѣсколько наклоненные) и быстро летишь на краю пропасти. гдѣ въ глубинѣ шумитъ горная рѣчька. Но вотъ опять узко сошлись двѣ скалы фантастически изорванныя взрывами пороха, который одинъ могъ здѣсь открыть путь. Вдругъ увидишь между скалъ зеленую площадку, на ней: домикъ, виноградникъ и даже

на крутыхъ мѣстахъ маисъ. Не понимаю, какъ они тутъ могутъ работать. Опять подъѣзжаемъ къ скаламъ, онѣ совсѣмъ загородили проѣздъ: машина и весь поѣздъ нырнули въ тоннель. Ихъ на дорогѣ нѣсколько, они не длинны, но когда въ серединѣ, то совсѣмъ темно.

Станція Пони на самомъ высокомъ мѣстѣ перевала, красивая, но дикая мѣстность; станція хорошенькая; тутъ два нумерныхъ госпиталя, но уже находятъ что становится очень холодно и сыро. Отъ Пони начинается спускъ, ѣдутъ тихо, тормозятъ. Виды то же прекрасные, но дождь шелъ нѣсколько разъ и мѣшалъ намъ ими любоваться.

Наконецъ мы спустились на болотистую равнину и такъ какъ это было послѣ дождя, то всѣ канавы были переполнены водой и вода покрывала безконечныя поля кукурузы, такъ что онѣ походили болѣе на болото съ тростникомъ, чѣмъ на обработанныя поля.

Въ Поти мы пріѣхали въ десятомъ часу, при яркой лунѣ и прекрасной погодѣ. Намъ были приготовлены, по приказанью Д. С. Старосельскаго, фаэтоны и нумера въ гостинницѣ.

Гостиница очень плохая и въ ней очень сыро, и когда я это замѣтила, то мнѣ очень спокойно отвѣчали: «что въ Поти вездѣ сыро».

Потійской портъ самый скверный, какой есть на свѣтѣ, надо прежде сѣсть на маленькой пароходъ; но не думай что онъ очень малъ, какъ тѣ, что ходятъ по Невѣ; онъ довольно великъ, чтобы поднять весь грузъ и всѣхъ пассажировъ, которые должны ѣхать на большомъ.

Большой пароходъ стоитъ на рейдѣ, потому что не можетъ пройти Ріонскій баръ, гдѣ мели и большой прибой. Вотъ когда мы туда доѣхали, начало насъ очень качать, а всего хуже было когда стали подходить къ Юнонѣ; она гораздо выше парохода, на которомъ мы были, и то мы объ нее ударимся, то опять разойдемся. Опустили подушки между пароходовъ, чтобъ смягчить удары. То кричатъ: „Подтяни!" — то „Отдай!" Вотъ тутъ-то пошла суматоха: кого укачало до морской болѣзни, кто такъ перепугался, что кричитъ: „ни за что не поѣду! Лучше вернуться!" Бѣдная, молоденькая докторша съ двумя маленькими дѣтьми плачетъ, мужъ ее уговариваетъ, солдаты, которые отправляются на родину, говорятъ: „лучше-бъ было идти пѣшкомъ на Владикавказъ".

Пройдти по пароходу очень трудно, такъ и падаешь. Но что меня пугало, это переходъ на Юнону, положены доски съ прибитыми къ нимъ дощечками, какъ это всегда дѣлается, но онѣ въ постоянномъ движеньи, когда нашъ пароходъ поднимается, доски лежатъ горизонтально, когда онъ опускается всходъ очень крутъ, но по два человѣка стоятъ вверху и внизу и такъ ловко подхватываютъ, что переходъ гораздо легче чѣмъ кажется.

Долго мы тутъ стояли, пока всѣ перешли и перегрузили багажъ и разные товары.

На Юнонѣ совсѣмъ не такъ качаетъ.

Погода прекрасная и всѣ заболѣвшіе отъ качки поправляются.

Каюта, гдѣ я пишу, красивая: диваны, столы, фортепіано, но спальныя каюты малы, мнѣ очень хорошо, потому что я одна тамъ, гдѣ должно быть четыремъ.

28-го августа. Вчера погода была хороша, хотя былъ маленькой дождь; вѣтеръ небольшой, но противный, шли тихо, такъ какъ шли только на парахъ, а парусовъ нельзя поднять.

У меня оставались пожертвованныя деньги. Послѣ обѣда я заказала въ буфетѣ для всѣхъ солдатъ, которые съ нами ѣдутъ, по стакану чая: ихъ было 360 человѣкъ.

Ночью въ 12 часовъ мы пришли въ Ѳеодосію; ночь была лунная, великолѣпная! Приняли на бортъ еще 200 солдатъ и много пассажировъ и въ числѣ ихъ Айвазовскаго, съ которымъ сегодня возобновила знакомство. Онъ вспомнилъ, что видѣлъ тебя въ Екатерининъ день у Княжевичъ и пили за мое здоровье. Очень любезно онъ показываетъ и называетъ мнѣ всѣ мѣста, мимо которыхъ мы проходимъ. Останавливались противъ Ялты на одинъ часъ.

Я бы не узнала прежней Ялты, такъ много теперь большихъ строеній.

Идемъ очень близко у береговъ Крыма, какъ они красивы! Скоро Севастополь!

Севастополь, 29-го Августа.

Не знаю, какъ объяснить тебѣ, что я чувствовала подъѣзжая къ Севастополю: нетерпѣніе увидѣть его, воспоминаніе всего давно прошедшаго,—а сердце сжималось, точно я приближалась къ роднымъ могиламъ.

Показалась Константиновская батарея, на ней бывало выкидывали бѣлый флагъ и ѣхала лодочка съ парламентеромъ, вспомнилось какъ выстрѣлы съ нее гулко и звучно раздавались.

Вотъ и Михайловская батарея. Но нашу южную сторону нельзя узнать, только Графская пристань та же, что была.

Пристали не къ ней, но къ какимъ то деревяннымъ мосткамъ, пошла суматоха пріѣзда.

Только четыре сестры пожелали такъ же какъ и я остаться въ Севастополѣ, а другія начали хлопотать о скорѣйшемъ переѣздѣ на желѣзную дорогу, о чемоданахъ и проч.

Я должна бы была принять участіе въ этой прозаической суэтѣ, но не могла,—выйдя на площадь я искала глазами домъ собранія, гдѣ я провела столько дней и ночей. Посмотрѣла на право, на мѣсто мрачной Николаевской батареи нашего послѣдняго убѣжища, настроены, какіе то маленькіе домики и лавочки.

Сестры уѣхали, а мы съ трудомъ нашли маленькій нумеръ, очень много военныхъ.

Нашъ пароходъ пришелъ въ Севастополь позднѣе обыкновеннаго, часовъ въ 5.

Вчера вечеръ былъ чудный; мы ходили по Севастополю. За какимъ небольшимъ строеніемъ, гдѣ помѣщается фотографія, я отыскала уже не высокія и развалившіяся стѣны нашей залы собранія, въ ней растутъ большія деревья и кусты.

Фотографъ очень удивился, когда войдя къ нему на мѣсто, чтобъ спросить рисунки, я прошла далѣе чрезъ его комнаты посмотрѣть на развалины. Какъ ихъ много!

Пошли мы потомъ по Екатерининской улицѣ, даже угловой домъ стоитъ безъ крыши, безъ оконъ.

Соборъ хорошо отстроенъ, нѣсколько домовъ на право отдѣланы, но пройдя еще не много все въ развалинахъ, ихъ размыло дождемъ, мало высокихъ, вездѣ между нихъ деревья, кусты,—грустный, печальный видъ.

Не могли мы выбрать лучшаго дня, какъ сегодня, чтобъ посѣтить наше 100,000 кладбище, сегодня день поминовенія воиновъ на брани убіенныхъ.

Кладбище на Сѣверной, надо проѣхать бухту, идти версты полторы, подняться на пригорокъ, наверху котораго церковь; какъ она хорошо отвѣвѣчаетъ своему назначенью: Надгробнаго Памятника.

По всей возвышенности между зелени деревьевъ видны монументы, есть памятники съ именами, но всего больше и всего трогательнѣе кресты различныхъ, красивыхъ формъ на пьедесталяхъ, на которыхъ написано: Братская могила.

Я сама видѣла, когда мы должны были оставить южную сторону и перейдти на сѣверную, какъ клали въ могилы по 60 и болѣе безстрашныхъ защитниковъ Севастополя.

Мы пришли къ самой панихидѣ,—можешь себѣ представить съ какимъ чувствомъ слушалось въ этой церкви: Вѣчная память!

Сейчасъ пойдемъ въ музей, вечеромъ объѣдемъ мѣста, гдѣ были бастіоны, гдѣ былъ № 4-й, тамъ разбиваютъ садъ.

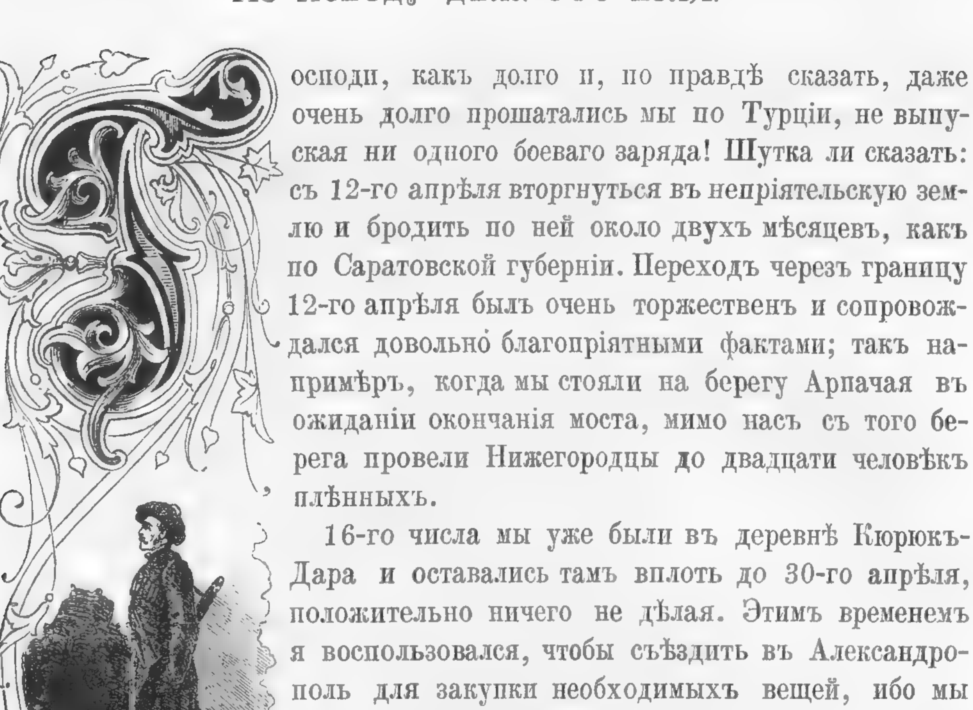
Прошло 23 года, а все Севастополь городъ развалинъ, — тяжело! Грустно!..

Богъ милостивъ, до скораго свиданья.

Изъ записной книжки Кавказца.

I.

По поводу дѣла 3-го іюля.



Господи, какъ долго и, по правдѣ сказать, даже очень долго прошатались мы по Турціи, не выпуская ни одного боеваго заряда! Шутка ли сказать: съ 12-го апрѣля вторгнуться въ непріятельскую землю и бродить по ней около двухъ мѣсяцевъ, какъ по Саратовской губерніи. Переходъ черезъ границу 12-го апрѣля былъ очень торжественъ и сопровождался довольно благопріятными фактами; такъ напримѣръ, когда мы стояли на берегу Арпачая въ ожиданіи окончанія моста, мимо насъ съ того берега провели Нижегородцы до двадцати человѣкъ плѣнныхъ.

16-го числа мы уже были въ деревнѣ Кюрюкъ-Дара и оставались тамъ вплоть до 30-го апрѣля, положительно ничего не дѣлая. Этимъ временемъ я воспользовался, чтобы съѣздить въ Александрополь для закупки необходимыхъ вещей, ибо мы вышли въ походъ, какъ на ученье, т. е. надѣлъ сюртукъ, бурку, сѣлъ верхомъ и готовъ,—такъ мы были неопытны. Но чего же вы хотите отъ человѣка, который за нѣсколько мѣсяцевъ до того только сошелъ со школьной скамьи. Провелъ тамъ 23-е и 24-е числа и опять возвратился въ Кюрюкъ-Дара. 31-го прибыли въ деревню Заимъ, гдѣ простояли, ничего не дѣлая, до 15-го мая. Разъ только въ этотъ промежутокъ (4-го мая) ходили подъ Карсъ на рекогносцировку, которая ознаменовалась развѣ только тѣмъ, что мы общими усиліями сочиняли стихи въ родѣ слѣдующихъ:

Надъ тихимъ берегомъ Карсъ-Чая
Стоитъ турчанка молодая;
А турокъ, сидя на валу,
Ѣстъ кишмишъ и лабъ-лабу.

Какъ видите, было чѣмъ заниматься подъ выстрѣлами изъ Араба и Карадаха. Да что же больше и дѣлать? Стрѣлять не въ кого, а отвѣчать фортамъ мы, конечно, не могли.

Съ 15-го мая начались наши скитанія вокругъ Карса; и надоѣлъ же онъ намъ: бывало идешь, идешь цѣлый день, а къ вечеру приходишь на бивуакъ, смотришь: проклятый Карсъ опять передъ глазами, и виденъ точно также, какъ и вчера и раньше, какъ будто даже не трогались съ мѣста со вчерашняго дня, а между тѣмъ разбитое тѣло даетъ чувствовать о двадцати и тридцати верстахъ, пройденныхъ сегодня по жарѣ, по горамъ, безъ воды.

Наконецъ, остановились около деревни Когалы, стоимъ день, другой, третій; нѣтъ, вѣрно наскучило—на четвертый, 1-го іюня, опять передвиженіе. Передвинулись верстъ на семь; остановились въ деревнѣ Араварганѣ. Видно туркамъ не особенно понравилось такое непрошенное сосѣдство; въ особенности, когда съ одного боку пару поддаютъ (осадныя батареи противъ Араба и Карадаха), а съ другой, южной стороны, мы затыкаемъ отверстіе, лазейку. Вотъ они возьми, да и сдѣлали 3-го іюня вылазку, да негодяи, какой смѣлости набрались, — подошли ближе версты, да давай насъ бомбардировать.

Мы, вѣдь, тоже теплые господа,—спуску-то не дадимъ. Ну и началась катавасія: они сверху внизъ по насъ, а мы ихъ снизу вверхъ. А кромѣ того, Сѣверцы съ одного бока и Мингрельскій полкъ со взводомъ 6-й батареи, съ другаго, и такую имъ прописали зубочистку, что они весьма скоропостижно скрылись за стѣнами Карса.

Вскорѣ послѣ дѣла 3-го іюня, 7-го числа тотъ-же взводъ отправился конвоировать въ деревню Мацра, обозъ корпуснаго штаба, состоявшій болѣе, чѣмъ изъ ста повозокъ. При выходѣ изъ лощины на деревню Чахмауръ, дорога находится въ сферѣ выстрѣловъ съ Верблюжьей горы и турки не пропускаютъ ни одного фургона, будь на немъ хоть сто красныхъ крестовъ. И теперь, не успѣла головная фура выѣхать изъ лощины—бацъ, граната, трахъ—другая и т. д. Стрѣляли даже въ цѣпь. Взводъ, по указанію начальника колонны, сталъ на позицію. Наша артиллерія была замѣчена турками, и гранаты начали летать надъ головами и разрываться между орудіями.

Странное чувство возбуждаютъ первыя гранаты. Видишь сначала облако дыма, потомъ слышенъ глухой звукъ, который какъ бы переходитъ въ свистъ; свистъ этотъ продолжается секундъ десять, все ближе и ближе и все кажется, что летитъ она такъ-таки прямо тебѣ въ лобъ.

Но послѣ нѣсколькихъ первыхъ гранатъ уже ухо начинаетъ различать по движенію воздуха: вправо или влѣво упадетъ. Гораздо лучше стоять подъ пулями. Тутъ, по крайней мѣрѣ, ихъ летитъ такъ много (турки очень щедры на свинецъ), что не успѣваешь даже слѣдить за ними. Когда же летитъ граната, то въ эти десять секундъ въ голову лѣзетъ столько глупыхъ мыслей, что просто страсть. А хуже всего—стоять подъ гранатами и не имѣть возможности отвѣчать; во время обоюдной перестрѣлки какъ-то на душѣ хорошо; думаешь: какъ ты тамъ, братецъ, не стрѣляй, а глотку-то заткнемъ, и съ такимъ удовольствіемъ отвѣчаешь на ихъ выстрѣлы, что, кажется, готовъ-бы цѣлый день продолжать такое состязаніе. Вотъ и въ данномъ случаѣ: стали на позицію, гранаты одна за другой ложатся на батарею, а самъ на глазъ видишь, что «милашка» (четырехъ-фунтовка) не дохватитъ до нихъ, анъ не вытерпѣлъ—пустилъ одну и, конечно, закаялся, — почти верста недолету; а снаряды-то даромъ тратить не-годится. Остается одно: быть наблюдателемъ зрѣлища — нечего сказать, интересный спектакль. Хорошо еще, что развлекали солдаты. Падаетъ между первымъ и вторымъ орудіями граната. Некрасиво! Что-то слишкомъ близко. Со спертымъ дыханіемъ ожидаешь разрыва: нѣтъ, нѣтъ... охъ! Свободнѣе стало. 2-го орудія канониръ обращается и говоритъ:

— Ваше б—діе, позвольте посмотрѣть, чѣмъ это насъ угощаютъ?

— Сдѣлай одолженіе.

Канониръ становится на колѣни и начинаетъ рыться. Вдругъ — бацъ! на полшага отъ прежней падаетъ другая: канониръ падаетъ пластомъ. Съ трескомъ, шумомъ и свистомъ разрывается граната, осколки летятъ букетомъ вверхъ, а насъ обдаетъ землею; а канониръ уже продолжаетъ рыться и черезъ минуту съ торжествомъ подноситъ гранату.

Я пропустилъ одинъ очень интересный эпизодъ. Дѣло въ томъ, что послѣ удачнаго взятія Ардагана, всѣ были такъ успокоены, что ни одинъ изъ военныхъ не сказалъ бы, что штурмъ Карса не удастся и всѣ были убѣждены, что Карса ожидаетъ такая же участь, какъ и Ардагана. Неудивительно, что, при такомъ настроеніи, мы задумали штурмовать Карсъ. Такъ 31 мая прибылъ въ нашъ лагерь (Аравартанъ) транспортъ осадныхъ (9 и 24 фунт.) орудій, въ числѣ двадцати пушекъ. Всѣмъ были розданы диспозиціи штурма, были выбраны и обозначены мѣста батарей, и 2-го іюня вечеромъ при проливномъ дождѣ, въ темную, сырую ночь Эриванскій полкъ съ нашею батареей тронулись по направленію къ Карсу съ цѣлью прикрывать устройство батарей. Въ глубокой тишинѣ подвигались мы впередъ по грязи, подъ дождемъ; вотъ и дер. Чифтликъ; еще версты три, четыре и мы будемъ на мѣстѣ; уже мы различаемъ грозные силуэты крѣпостныхъ верковъ, грандіозно возвышающихся надъ нами...

Вдругъ раздается тихая команда «кругомъ;» всѣ въ недоумѣніи; зачѣмъ, почему, какого дьявола, что за безобразіе—возгласы, раздающіеся

со всѣхъ сторонъ. Саперы просто бѣсятся; батарея шла по такой дорогѣ, что повернуть почти невозможно и при томъ всѣ были въ такомъ напряженномъ состояніи, что приказаніе повернуть кругомъ произвело такое же впечатлѣніе, какое испытываешь при чтеніи интереснаго и увлекательнаго романа, вдругъ на самомъ патетическомъ мѣстѣ вырваны листы или написано продолженіе въ слѣдующемъ №. Точно такое же впечатлѣніе произвело окончаніе «Анны Карениной» гр. Толстого; какъ называется конецъ ex abrupto, или говоря по русски «какъ козелъ въ воду».

Впрочемъ, противъ рожна прать не станешь, и пришлось со скрежетомъ зубовнымъ повернуть налѣво кругомъ и съ горя лечь спать.

Какъ будто нарочно, желая наказать насъ за вчерашнюю нашу дерзость, турки 3-го іюня сдѣлали вылазку, о которой было сказано выше.

Поэтому поводу ходило нѣсколько слуховъ: одни (болѣе компетентные) говорили, что штурмъ Карса не состоялся собственно потому, что ген. Девель (начальникъ отряда, стоявшаго въ Мацрѣ), не считая возможнымъ окончить батареи въ одну ночь (чему много помѣшалъ дождь, разрыхлившій почву и затруднившій доставку тяжелыхъ орудій на батареи), прислалъ генералу Гейману (начальникъ главнаго отряда — гренадеръ) телеграмму такого содержанія: «По возникшимъ затрудненіямъ, я не считаю возможнымъ окончить батареи сегодня ночью; не лучше-ли будетъ отложить до слѣдующей ночи». Генералъ Гейманъ отвѣтилъ такъ: «пока мы съ вами будемъ переговариваться, уже ночь пройдетъ; я отступаю». Другіе говорили, что мы повернули назадъ потому, что Верблюжья гора, на которой хотѣли поставить батареи, была уже занята турками, будто бы уже знавшими о нашемъ движеніи. Вообще это обстоятельство произвело большое волненіе въ средѣ военныхъ, жаждавшихъ случая сойтись поближе съ турками. Карскія укрѣпленія такъ сильны, но героизмъ и духъ нашихъ войскъ, съ другой стороны, были такъ высоки, что нельзя было навѣрно сказать, чѣмъ бы окончился этотъ слишкомъ рискованный штурмъ.

Но могу сказать съ увѣренностью, что въ среди молодежи и между солдатами, не нашлось бы ни одного, который хотя бы заикнулся о томъ, что мы потерпимъ неудачу. Тѣмъ не менѣе; штурмъ былъ отложенъ и на другой день турки, какъ бы желая наказать насъ за такое дерзостное намѣреніе, сами атаковали (лучше бомбардировали) насъ въ нашемъ же лагерѣ.

Послѣ этого дѣла вопросъ о штурмѣ какъ-то совсѣмъ заглохъ и всѣ уже начали поговаривать о новой Саганлугской экспедиціи. Относительно

цѣли этой экспедиціи также ходило нѣсколько слуховъ *). Одни говорили, что съ Соганлуга идетъ Мухтаръ-паша съ цѣлью прорваться въ Карсъ, а другіе,—что отрядъ генерала Тергукасова находится въ такомъ стѣсненномъ положеніи, что необходимо идти ему на помощь.

II.

Первый походъ за Саганлугъ.

Какъ бы тамъ ни было, а 9-го іюня рано утромъ мы **) выступили въ походъ, и на привалѣ въ Когалахъ между частями распространилась тревожная вѣсть о томъ, что Баязетъ кругомъ окруженъ турками, преимущественно курдами, и что гарнизонъ (шесть ротъ) еле-еле держится. Теперь намъ сдѣлалось понятною цѣль похода. Надо выручать товарищей; скорѣе, скорѣе въ походъ! Къ чему эти привалы, не надо ихъ! Надо спѣшить. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ настроеніе массы. Нашъ солдатъ—это истинный рыцарь: храбръ, добръ, великодушенъ. Иногда даже черезъ-чуръ добръ. Я не особенно-то одобряю излишнее великодушіе съ дикими обитателями Малой Азіи. Они (азіаты) не понимаютъ этого, а если и поймутъ, то фанатизмъ не позволитъ имъ цѣнить это великодушіе.

Въ этотъ день мы сдѣлали верстъ около тридцати и расположились бивуакомъ около деревни Бегли-Ахметъ, прославленной 18-го мая нашими удальцами Нижегородцами. 10-го іюня къ вечеру мы были пріятно очарованы мѣстностію. Представьте себѣ: горы, лѣсъ, освѣщенные луною и тысячею бивуачныхъ костровъ прибывшихъ раньше частей. Это былъ Сорокамышъ-осетинская деревня, принадлежащая, какъ говорили, Кундухову, бывшему русскому генералу. 11-го іюня все время двигались по лѣсамъ, перевалили черезъ убійственный Саганлугскій перевалъ и ночевали около развалинъ Мели-Дюзъ. Теперь, вспоминая эти убійственныя горы, не вѣришь, какимъ образомъ наши заморенныя въ передвиженіяхъ орудійныя лошади, преодолѣли такія невообразимыя трудности. Я думаю, что только одни кавказскія войска способны къ такимъ походамъ.

12-го числа въ виду лагеря Мухтара войскамъ данъ былъ отдыхъ, который положительно былъ необходимъ. На слѣдующій день ожидался бой; надо было непремѣнно атаковать лагерь Мухтара, чтобы отвлечь его отъ Тергукасова.

---

*) Надо замѣтить, что у насъ въ лагерѣ никогда ничего не бывало достовѣрно извѣстно подначальнымъ лицамъ, да и мало заботились объ этомъ. Куда пошлютъ, туда и пойдемъ,—общая фраза.

**) Кавказская гренадерская дивизія (цѣликомъ съ артиллеріею и кавалерія князя Чавчавадзе).

Выступили рано утромъ, часа въ три, дорога отвратительная; на всемъ пути были такія сильныя позиціи для обороны, что одинъ полкъ смѣло могъ бы остановить цѣлую дивизію. Тѣмъ не менѣе, къ первому часу пополудни мы подошли къ лагерю турокъ верстъ на пять и остановились въ ожиданіи приказаній. Послѣ непродолжительнаго совѣщанія, единодушно было рѣшено немедленно аттаковать турокъ, которыхъ насчитывали не болѣе восьми батальоновъ при двухъ батареяхъ артиллеріи.

Въ два часа войска тронулись: Эриванцы съ 1-й 2-й и 3-й батареями взяли вправо, а Мингрельцы съ 4-ю батареей пошли впереди насъ и остановились у оврага, гдѣ въ резервномъ порядкѣ стояла вся наша кавалерія, исключая Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, который уже ввязался въ дѣло и велъ оживленную перестрѣлку съ турками. Здѣсь 4-я батарея была втащена пѣхотою на крутую гору и, занявъ первую позицію, дала по непріятелю первый выстрѣлъ, разрыва котораго никто не замѣтилъ. Турки не отвѣчали батареѣ, а начали стрѣлять по нашей пѣхотѣ, густыми массами спускавшейся на дно оврага, по которому протекаетъ рѣка Ханы-Чай. Будучи посланъ начальникомъ колонны полковникомъ Рыдзевскимъ (командиръ Грузинскаго гренадерскаго полка), для осмотра дороги, по которой предстояло двигаться нашей батареѣ, назначенной идти на штурмъ противъ турецкаго центра, я, по указанію начальника центра генерала Комарова, проѣхался по дорогѣ до самой рѣки Ханы-Чай и деревнею Зевинъ. Въ это время передовая позиція была еще въ рукахъ турокъ, которые по всякому всаднику открывали самый щедрый огонь. Такъ въ свиту генерала Комарова, куда я прибылъ, по осмотрѣ дороги, за приказаніями, сначала былъ направленъ весь огонь турокъ, ибо еще войска не были видны. Получивши приказаніе, я отправился къ батареѣ, которая уже спускалась вслѣдъ за кавалеріей въ оврагъ. Въ это время наша цѣпь уже завязала съ турками перестрѣлку; но съ нашей стороны раздавались только рѣдкіе выстрѣлы, между тѣмъ какъ турки выпускали цѣлый градъ пуль. Въ тоже время справа и сзади раздалась довольно внушительная музыка нашихъ «матушекъ» (девяти-фунтовки), которыя завязали перестрѣлку съ главными непріятельскими батареями. Бой постепенно все возгорался. Наша цѣпь постепенно подвигается впередъ; и мы подвигаемся впередъ; уже слышны слѣва звуки русскаго «ура», — это Мингрельцы и Грузинцы; уже непріятель постепенно очищаетъ передовые ложементы; мы спѣшили впередъ. Со всѣхъ сторонъ раздаются восклицанія: «Уже бѣгутъ! скорѣе, скорѣе, а то опоздаемъ!» Такъ всѣ увѣрены были въ полной побѣдѣ. Спустились въ лощину рѣки; турки еще занимаютъ нѣкоторые ложементы и пули жужжатъ роемъ. Рядомъ со мной идетъ поручикъ Грузинскаго полка Сагиновъ. Обращаясь къ нему, я говорю: «смотрите, какъ глупо свистятъ пули». Не успѣваю я докончить фразы, какъ у меня потемнѣло въ глазахъ и я тихо сползываю, скатываюсь съ лошади,—и

сталъ на ноги. Думаю, неужели задѣло! Чувствую какую-то теплоту около шеи; дотронулся рукой—кровь. Значитъ, ранили. Подбѣгаетъ Сагиновъ. «Вы ранены? Да еще въ голову? Есть у васъ перевязочная книжка?» Безмолвно показываю ему на кабуру въ сѣдлѣ, гдѣ я носилъ подаренную мнѣ «первую помощь на полѣ сраженія». Кое-какъ перевязанный, выпиваю воды и, не смотря на убѣжденія Сагинова и товарищей, опять сажусь на своего Красавчика, который за все это время не сдвинулся съ мѣста, хотя никто его не держалъ. Я не считалъ себя вправѣ удаляться въ такую критическую минуту; да кромѣ того, еще во мнѣ говорило какое-то злобное чувство мести. Но рана моя (въ лѣвую часть черепа, повыше уха въ околышъ, содрана кожица), не была опасна. Меня ошеломило только ударомъ. Спасъ меня отъ опасности околышъ фуражки, который почти совсѣмъ былъ забитъ, но онъ значительно ослабилъ силу удара. Уже прошли до Зевинъ и вышли въ открытое пространство, гдѣ на насъ посыпался градъ пуль. Никто и вниманія не обращаетъ на нихъ. Не до нихъ теперь. Ждемъ приказаній, остановившись шагахъ въ пятистахъ отъ непріятельскихъ траншей. Каждая траншея какъ бы опоясана огненною лентою и окружена облаками дыма. То тамъ, то сямъ раздаются крики «ура»; видишь — поднимается развернутая рота и начинаетъ лѣзть на эти отвѣсныя горы; видишь, какъ уже образуются въ рядахъ прорѣхи, какъ число людей становится все меньше и меньше и, наконецъ, шагахъ въ двадцати отъ траншеи, оставшаяся кучка ложится и открываетъ стрѣльбу; поднимается другая рота; доходитъ до первой, испытавъ тоже, что и она и залегаетъ. Нѣтъ, видно не стерпѣло, сердце; кучка подымается, раздается крикъ «ура»—и турки бѣгутъ изъ траншеи.

Но вотъ скачетъ и къ намъ адъютантъ корпуснаго командира (князь Тархановъ); наконецъ-то! Обращается къ командиру батареи: «Генералъ Комаровъ передаетъ вамъ, полковникъ, что вся надежда остается на батареи, выручайте», и показываетъ дорогу — влѣво на гору.

Поднявшись до половины горы, мы остановились, ожидая болѣе подробныхъ приказаній, такъ какъ генералъ Комаровъ самъ находился вблизи. Кромѣ того мы не видѣли никакой положительно не только позиціи, но даже удобнаго мѣста, чтобы сняться съ передковъ. Стояли мы между ротами 2 баталіона Тифлисскаго полка. Пули жужжатъ роемъ. По особому треску, знакомому для уха, я былъ увѣренъ, что у турокъ есть митральезы. До передовыхъ траншей было не больше четырехъ сотъ шаговъ. Я стою впереди батарей и не слѣзаю съ лошади, хотя всѣ наши офицеры послѣдовали благоразумной предосторожности и слѣзли. Чувствую какое-то остервенѣніе, такъ бы и разнесъ все: и траншеи и батареи и всѣхъ этихъ проклятыхъ тюркосовъ. Подъѣзжаетъ генералъ Комаровъ (все время находившійся въ самомъ страшномъ огнѣ—подъ нимъ

убиты 2 лошади). Смотритъ на мою повязанную голову и говоритъ: «а, васъ уже зацѣпили»! Только что генералъ сказалъ эти слова—подъ нимъ ранили лошадь и онъ сѣлъ на другую и опять обратился ко мнѣ. «Гдѣ командиръ батареи?»—Сортируетъ и подмѣняетъ убитыхъ лошадей, ваше превосходительство, сзади батареи—отвѣчаю я. «Ну все равно, я вамъ передамъ, что нужно. Когда 2-й баталіонъ Тифлисцевъ очиститъ мѣсто, вы выскачите впередъ и попробуйте стрѣлять, хотя здѣсь и очень трудно. Чѣмъ вы думаете стрѣлять?»—Лучше всего картечными гранатами, ваше превосходительство. Можно бы и картечью, но опасно своихъ побить.

«Ну, какъ хотите, съ Богомъ»!

Командую въ нагайки впередъ и бросаюсь вверхъ по горѣ,—взводъ за мной. Огонь турокъ какъ бы по командѣ почти что стихаетъ, но черезъ мгновеніе, когда мы уже были не болѣе, какъ въ двухъ стахъ шагахъ отъ траншей, раздается оглушительный залпъ: уносный фейерверкеръ падаетъ, пораженный тремя пулями въ лобъ, первая сума—съ двумя пулями въ груди, половина прислуги переранена, въ головномъ орудіи 3 лошади перебиты, я раненъ въ ногу на вылетъ, лошадь моя, задѣтая пулею, дѣлаетъ скачекъ и я падаю съ нея, командую съ передковъ. Первое орудіе кое-какъ сняли, а второе и не могло доѣхать. Передокъ съ 1-го орудія уносятъ напуганныя лошади и орудіе остается безъ прислуги (два человѣка), безъ снарядовъ и зарядовъ и я лежу около орудія: ногами выше головы. Кровь заливается съ ноги по всему тѣлу. Не могу подняться, чтобы перевязать рану и все время турки осыпаютъ градомъ пуль. И въ такомъ критическомъ положеніи возможенъ смѣхъ. 1-й № орудія, хохолъ Шевченко, жалобнымъ голосомъ спрашиваетъ меня: ваше высокоблагородіе, васъ вбили? Невольно расхохочешься, несмотря на страшную боль въ ранѣ. Приказываю оставшемуся въ живыхъ Шевченко спрятаться за орудіемъ.

Бросить свое орудіе и дотащиться до перевязочнаго пункта—скандалъ да и трудно было бы даже подвинуться съ мѣста. Пришлось лежать и ждать у моря погоды. Кругомъ свистятъ пули, иногда попадаютъ въ орудіе и производятъ особенный звукъ—въ родѣ колокольнаго, который непріятно напоминаетъ погребальный звонъ. А надъ собою видишь ясное голубое небо, по которому бѣгутъ бѣлыя облака; облака начинаютъ принимать какія-то знакомыя формы, громъ орудій и ружейной трескотни переходятъ въ какіе-то знакомые звуки, чувствуешь себя какъ-то особенно пріятно. Облака все яснѣе и яснѣе принимаютъ формы какой-то знакомой личности. Вотъ бѣлое платье—точь-точь такое же, въ которомъ видѣлъ ее въ церкви на святой. Вотъ и лицо видно, улыбается, брови своеобразно выкругляются, видишь бѣлые зубки, бѣлое платье, все бѣлое, бѣлое.....

Вдругъ чувствую сильно жгучую боль въ ногѣ; лицо мокрое отъ воды, которою меня обливаютъ. Это меня перевязываетъ фельдшеръ. Оказалось, что я былъ въ обморокѣ, когда меня взяли изъ-подъ траншеи; что я пролежалъ тамъ до вечера, такъ какъ раньше не могли подойти; что орудіе тоже спасено охотниками Грузинскаго полка; что дѣло почти проиграно, хотя и до сихъ поръ продолжается огонь; но это Эриванцы, прикрывающіе отступленіе, и что я нахожусь въ дер. Зевинъ. Подходитъ докторъ и объявляетъ мнѣ, что носилокъ нѣтъ и предлагаетъ мнѣ поѣхать верхомъ до вагенбурга. Нечего дѣлать,—рѣшаюсь ѣхать; а между тѣмъ, у самого зубъ на зубъ не попадаетъ отъ лихорадочной дрожи; притомъ еще холодно, ибо наступила уже ночь. Кое-какъ усадили меня на лошадь,—страшная боль; ухватился какъ-то за переднюю луку и поручаю себя заботамъ армянина—хозяина лошади. При каждомъ шагѣ лошади чувствую, что что-то рѣжетъ, потомъ начинаю чувствовать по ногѣ какую-то теплоту,—это раскрылась рана и течетъ кровь; крѣпко держусь за луку; доѣзжаемъ до рѣчки, начинаемъ переѣзжать чрезъ нее. Начинаютъ сильно свистѣть пули. Армянинъ мой бросаетъ и меня, и свою лошадь на произволъ судьбы и поспѣшно скрывается за кустами, растущими по берегу Зевинъ-Чая. Вообразите мое положеніе: по серединѣ рѣки, поводья висятъ, лошадь храпитъ и бросается въ стороны при свистѣ пуль; вдругъ она дѣлаетъ сильный курбетъ и я, какъ крѣпко ни держался за луку, лечу въ воду и принимаю холодную ванну:—ensemble къ моей лихорадкѣ. Оказалось, что лошадь мою задѣла пуля и потому она сдѣлала такой скачекъ, отъ котораго я свалился. Лежу въ водѣ, не имѣя возможности приподняться; сюртукъ мой весь промокъ (я былъ въ одномъ сюртукѣ). Оказалось, что мое паденіе было замѣчено однимъ офицеромъ Эриванскаго полка, поручикомъ (Бѣлатынскій), который и прислалъ мнѣ на помощь одного санитара.

Съ его помощью поднялся изъ воды и, опираясь на его плечи, прошелъ шаговъ сто при страшной боли. Я отлично чувствовалъ, что у меня идетъ кровь изъ раны; но санитаръ меня торопилъ, говоря, что надо выйдти скорѣй изъ подъ ружейнаго огня. Въ самомъ дѣлѣ—пули то и дѣло посвистывали кругомъ. Наконецъ, я еле дотащился до маленькаго пригорка, за который мы спрятались. Здѣсь санитаръ снова перевязалъ меня и, немного отдохнувши, мы потащились снова; но чрезъ нѣкоторое время я отъ изнуренія упалъ въ обморокъ, а до перевязочнаго пункта осталось еще версты три. Спасъ меня санитаръ, который, оставивъ меня въ обморокѣ—у него не было воды—побѣжалъ въ вагенбургъ и привелъ носилки, на коихъ меня донесли до главнаго перевязочнаго пункта часовъ въ одиннадцать ночи.

Такъ или иначе Зевинское дѣло было неудачно для насъ: приводили много резонныхъ причинъ для объясненія этой неудачи; такъ напри-

мѣръ, винимъ офицера Генеральнаго Штаба, не съумѣвшаго провести къ мѣсту назначенія нашу кавалерію; винили старшихъ начальниковъ, не съумѣвшихъ раціонально распорядиться ходомъ дѣла и проч. А по моему, здѣсь обвинять лично никого нельзя, а главная причина неудачи заключается: во 1) мѣстности, представлявшей природную крѣпость, во 2) въ недостаточности у насъ девяти-фунтовой артиллеріи, въ 3) мы сами были виноваты, ибо, будучи вполнѣ увѣрены въ трусости турокъ *), мы лѣзли напроломъ съ фронта, не принимая никакихъ болѣе или менѣе необходимыхъ предосторожностей; и въ 4) мы полѣзли въ дѣло, не произведя ни одной рекогносцировки, а мѣстность была до того оригинальная и сильная, что необходимо было дня два употребить на подробное ея разслѣдованіе и изученіе.

Однимъ словомъ, дѣло было совсѣмъ проиграно, при томъ донесли, что ночью къ туркамъ пришло большое подкрѣпленіе.

Это пришелъ Мухтаръ-паша, оставивъ противъ Тергукасова Измаила-пашу. Цѣлая ночь съ 13-го на 14-е проведена была насторожѣ, ибо ожидали, что турки перейдутъ въ наступленіе. То, что сдѣлалъ бы всякій мало-мальски понимающій генералъ, того Мухтаръ не сдѣлалъ. Достаточно было ему преслѣдовать насъ одними черкесами и навѣрно наше отступленіе превратилось бы въ безпорядочное бѣгство. Мѣстность до того благопріятствовала туркамъ, что весь путь отступленія состоялъ изъ позицій, гдѣ одинъ полкъ свободно бы задержалъ нашъ отрядъ. При томъ, мы везли громадный транспортъ раненыхъ, который чрезвычайно затруднялъ наше движеніе и на одну охрану котораго необходимо было minimum два полка. Отступленіе было совершено въ большомъ порядкѣ. Движеніе было фланговое. Мы все время прикрывались кавалеріей съ праваго фланга, которому угрожалъ непріятель. Впрочемъ, объ этомъ движеніи я не могъ имѣть полныхъ свѣдѣній, ибо лежалъ все время въ фургонѣ. Первый день послѣ боя (14-го) мы провели почти на позиціи, перевязывая раненыхъ и погребая убитыхъ. Трупы двухъ офицеровъ и многихъ солдатъ остались въ турецкихъ рукахъ, но были ими похоронены. Разсказываютъ, что турки приняли двухъ нашихъ убитыхъ офицеровъ (Грузинскаго гренадерскаго полка) за генераловъ, и похоронили ихъ съ церемоніей и донесли о томъ въ Константинополь.

Дѣло 20-го сентября у Малыхъ Ягновъ. Полдень. Страшная жара. Бой въ самомъ разгарѣ... Гранаты съ шипѣньемъ проносятся надъ головой, то, разрываясь по близости, обдаютъ тебя землею, то оторветъ одному руку, другому ногу, пули свистятъ и жужжатъ на различные тоны: то нѣжно, какъ муха, то шипитъ, какъ змѣя; впереди, въ цѣпи поды-

*) Когда съ праваго фланга было гораздо доступнѣе.

маются бѣлые клубки дыма и слышны знакомые звуки берданокъ, а «шеханъ» весь въ дыму, какъ въ туманѣ, какъ отъ безчисленной ружейной стрѣльбы турокъ, такъ и отъ разрывовъ нашихъ гранатъ. Скачетъ казакъ: «Его Сіятельство просятъ-съ, чтобы смолили почаще-съ, сейчасъ, значитъ, на уру пойдутъ».

Ладно... Все оживляется. Стрѣляемъ по огню: граната за гранатой падаютъ въ турецкія траншеи, то разрываются надъ головами турокъ, то сноситъ нѣсколько палатокъ, то подыметъ цѣлый столбъ пыли, ударившись въ брустверъ... Цѣпь наша, видно, что то замышляетъ. Дай то Богъ удачи; вѣдь съ пяти часовъ утра ничего не ѣвши, не пивши (при такой жарѣ) стоимъ и стрѣляемъ.

Подбѣгаетъ совсѣмъ еще молодой солдатъ изъ перваго орудія:

— Ваше благородіе! съ волненіемъ говоритъ онъ.

— Что такое?

— «Орудію ранили, ваше благородіе».

Ну какъ тутъ не расхохататься, — смѣются и товарищи-солдаты надъ молодымъ. Принявши серьезную мину, говорю ему:

— Пойдемъ, покажи... Да ты врешь должно быть?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, оно такъ точно, что ранили...

Приходимъ къ первому орудію. Оказывается, что граната, близко разорвавшись, осколками оторвала большую щепу отъ спицы.

— Ну, братецъ, вези орудіе на перевязочный пунктъ, говорю ему. Товарищи смѣются.

Чрезъ нѣсколько времени, въ томъ же дѣлѣ, прибѣгаетъ уносный фейерверкеръ и докладываетъ, что раненъ запасный ѣздовой и убита лошадь. Отправляюсь къ мѣсту происшествія, смотрю: стоитъ мой ѣздовой весь блѣдный, еле на ногахъ держится, а изъ обоихъ голенищъ течетъ кровь; передъ нимъ лежитъ убитая лошадь.

— Ты раненъ?

— Оно такъ точно, ваше благородіе.

— Такъ ты самъ дойдешь до перевязочнаго пункта?

— Оно такъ точно, ваше благородіе, потому оно такъ, что въ говядину (это значитъ, что кость не разбита).

— Ну ступай на перевязку.

— Это оно такъ точно, ваше благородіе, надоть пойдти, да какъ же быть съ хомутомъ?

Стоять въ резервѣ... Ну, что можетъ быть хуже этого... Знать, что товарищи твои тамъ, дѣлаютъ дѣло, испытываютъ уже то чувство, которое тебѣ еще не знакомо; знать, что ты вовсе даже не нуженъ, что ты «въ обозѣ»—это такое чувство, которое заставило цѣлую часть ночи почти на взрыдъ плакать...

Офицеры мрачно ворчатъ, солдаты совсѣмъ пріуныли и какъ бы совѣстятся смотрѣть другъ на друга, даже лошади понурили головы... Невыносимо скучно... какъ-то неловко видѣть своихъ молодцовъ, видѣть свои милыя орудія въ такомъ бездѣйствіи и униженіи и—уходишь съ фронта, назадъ батареи. Понемногу и другіе офицеры собираются туда-же... Деньщики, думая, что господа хотятъ закусить, быстро приготовляютъ закуску... Но никому и въ голову не идетъ ѣда... На каждаго верховаго, проѣзжающаго около батареи, смотришь съ упованіемъ, думая, вотъ везетъ приказаніе двинуться впередъ. Является фельдфебель Андрей Ивановичъ, бравый солдатъ, просто любо, что это за молодецъ; и чуть не плача, докладываетъ командиру, что батарея почти вся плачетъ, зачѣмъ ее въ первое дѣло поставили въ лизервѣ, чѣмъ она заслужила такой гнѣвъ?.. Ну что ему отвѣчать?.. Скучно ужасно... Но вотъ скачетъ какой-то пѣхотный офицеръ, держась одной рукой за луку сѣдла, какъ за якорь спасенья, а въ другой кусочекъ бумажки. Всѣ въ томительномъ ожиданіи, что-то прикажутъ, да къ намъ-ли еще?.. А впереди! гулъ отъ орудійныхъ выстрѣловъ, трескотня отъ ружейнаго огня, облако дыма и изрѣдка крики ура... Къ намъ, къ намъ, слышны возгласы солдатъ. Офицеръ подъѣзжаетъ прямо къ батареѣ, «ибо кто же не знаетъ красавицу Карабахскую батарею», солдаты съ усердіемъ показываютъ, гдѣ командиръ, который уже самъ летитъ на встрѣчу...

— Генералъ Г. приказалъ вамъ передать вотъ это.

На пѣхотнаго офицера, не смотря на то, что онъ сидитъ на лошади, какъ «собака на заборѣ», всѣ смотрятъ какъ на ангела-хранителя.

— Приказалъ сейчасъ же двинуться туда-то... говоритъ ангелъ-хранитель...

Батарея заголдѣла, физіономіи проясняются, слышны смѣхъ и шутки, лошади встрепенулись и подняли головы, фейерверкеры подбоченились и гордо поглядываютъ впередъ. Смирно-о-о! По мѣстамъ господа, осмотрите, все-ли въ порядкѣ. Проѣзжаешь по взводу. Молодой конониръ С. усиленно старается что-то спрятать въ карманъ... Мнѣ показалось, что это молитвенникъ; экой трусишка, думаю.

— Что это у тебя тамъ?

— Да оно—ничего, ваше благородіе, испуганно отвѣчаетъ тотъ.

— Какъ ничего, покажи сейчасъ.

С. подаетъ книжку, только не молитвенникъ, а таблицу стрѣльбы.

— Ты что это дѣлалъ съ нею?

— Да я, ваше благородіе, чтобы не запамятовать передъ дѣломъ.

Какая странная парочка!

Идетъ бравый гренадеръ — грузинецъ, голова перевязана чѣмъ-то въ родѣ портковъ, въ зубахъ трубка, на правомъ плечѣ два ружья, а

лѣвая свернута очень важно калачикомъ, какъ для дамы. Кто бы, подумали вы, дама?.. громадный турецкій низамъ въ красной фескѣ и синей курткѣ.

Парочка идетъ изъ цѣпи, дружески разговаривая другъ съ другомъ на какомъ языкѣ—неизвѣстно, ибо нельзя допустить, чтобы турокъ зналъ по русски, а нашъ солдатъ, самый образованный въ этомъ отношеніи, не знаетъ болѣе двухъ словъ: лавашъ и арпа (хлѣбъ и ячмень).

Но видно, что бесѣда очень мирная, ибо трубка попеременно передается изъ одного рта въ другой. Заинтересованный такой дружбой, подъѣзжаю къ парочкѣ и спрашиваю солдата.

— Откуда ты, братецъ, взялъ его?

— Въ цѣпи, ваше благородіе, вздумали они на насъ спуститься съ горы на уру, мы—не промахъ, подпустили немного, да потомъ, какъ вскочимъ и сами на нихъ на уру... Они и драло, мы за ними... Вотъ этотъ самый обернулся да и выстрѣлилъ въ меня, но промахнулся, гололобый (легкій тычокъ пріятелю, который невозмутимо потягиваетъ трубочку); я въ него приложился изъ пустаго ружья (патроны покончились), онъ-то бросилъ ружье, на колѣни, руки кверху и кричитъ Алла. Я его забралъ и веду теперь, чтобы сдать въ цейхгаузъ.

— Да вѣдь онъ можетъ убѣжать и даже убить тебя: онъ здоровый, а ты раненъ...

— Никакъ нѣтъ, ваше б—іе, онъ даже радъ, что попался; и, въ доказательство своего мнѣнія, онъ опять сдѣлалъ изъ лѣвой руки калачикъ и ловко предложилъ ее турку, со словами:

— Ну-ка, Османъ, алле-марше!

Турокъ съ апатичною улыбкой просунулъ въ калачикъ свою руку и интересная парочка спокойно продолжала путь...

III.

Хитрость лезгина.

Дагестанскій полкъ стоитъ на передовыхъ аванпостахъ. Жара ужасная, жажда томитъ—глотка пересохла, а воды нѣтъ... До лагеря верстъ десять, а ближе нѣтъ ни одного ручейка; правда, что впереди есть фонтанъ съ превосходною водою, но онъ подъ турецкими аванпостами. Такъ что,—хоть видитъ око, да зубъ нейметъ. Въ такомъ положеніи находится одинъ молодой лезгинъ, стоящій въ цѣпи, въ полуверстѣ отъ благодѣтельнаго фонтана.

Но вѣдь всякому терпѣнію есть свой предѣлъ и кому же охота переносить муки Тантала.

Такъ разсуждаетъ джигитъ и рѣшается, что необходимо попытать счастья. Снимаетъ съ плечъ свои красные погоны, кладетъ ихъ въ попаху и ѣдетъ прямо на фонтанъ, который скрывается въ малой котловинѣ и который—единственный источникъ воды на разстояніи верстъ пятнадцати въ окружности. Лезгинъ, поручивши все волѣ Аллаха, преспокойно подъѣзжаетъ къ фонтану и уже ощущаетъ пріятную свѣжесть отъ близости воды, онъ уже ощущаетъ, какъ онъ припалъ жадно къ холодной влагѣ и тянетъ ее до безконечности... Лошадка его тоже пріободрилась, чуя близость воды,—она тоже, вотъ уже двѣнадцать часовъ, не видала воды и весело поводитъ головой и ушами. Подъѣзжаютъ къ берегу котловины: вотъ онъ, благодатный фонтанъ, наконецъ-то... Но, о ужасъ!.. Около воды растянулся гигантскій низамъ и жадно пьетъ воду; около него лежитъ его Генри-Мартини—англійскій даръ...

Что дѣлать? Низамъ уже оглянулся и замѣтилъ его... Удрать? Опасно—пошлетъ пулю въ догонку, да главное, пить хочется. Не долго думая, лезгинъ спускается къ фонтану. Турокъ принялъ его за своего черкеса и спокойно продолжаетъ пить... Лезгинъ пріободрился и смѣло произноситъ привѣтствіе (языкъ у нихъ почти схожъ съ турецкимъ). Низамъ небрежно отвѣчаетъ на привѣтствіе.

— Что, напиться хочешь? спрашиваетъ онъ лезгина, пей — вода хорошая.

Лезгинъ не заставляетъ себя упрашивать и жадно начинаетъ удовлетворять свою жажду, не забыта и лошадка. Турокъ оправляетъ ранецъ, беретъ ружье и двигается мѣрнымъ шагомъ въ свой лагерь. Лезгинъ думаетъ, дай-ка я сыграю съ нимъ штуку и догоняетъ низама... Пошли вмѣстѣ, разговорились... Лезгинъ, какъ истый джентельменъ, предлагаетъ турку сѣсть на свою лошадь, ибо онъ (низамъ) усталъ, а ему (лезгину) уже надоѣло сидѣть въ сѣдлѣ. Турокъ благодаритъ и говоритъ, что онъ старый пѣхотинецъ, ни разу въ жизни не сидѣлъ на лошади, да и не желаетъ,—онъ привыкъ ходить; но все-таки становится немного помягче съ лезгиномъ.

— Ну, если не хочешь сѣсть на лошадь, то давай твой ранецъ и ружье, я ихъ повезу, пристаетъ съ услугами лезгинъ.

— Вотъ это дѣло, отвѣчаетъ низамъ, и отдаетъ лезгину свое ружье и ранецъ.

Лезгинъ беретъ то и другое и продолжаетъ путь и въ то же время лѣзетъ въ ранецъ, вынимаетъ патроны и заряжаетъ ружье.

— Что ты дѣлаешь, дубина? прикрикиваетъ тотъ съ тревогой, на лезгима.

— А вотъ что, говоритъ лезгинъ, наводя ружье на турка, поворачивайся назадъ, ты не туда идешь.

— Какъ не туда, дуракъ ты этакій! вонъ вѣдь нашъ лагерь, что ты, ослѣпъ что-ли, собака!

— Вовсе нѣтъ, старый чертъ, говоритъ тотъ, а вотъ, если ты не пойдешь, куда я говорю, то молись Аллаху—я выстрѣлю.

Низамъ въ удивленіи.

— Да ты съ ума, что-ли, сошелъ? Вѣдь тамъ русскій лагерь!..

— Вотъ мы туда и пойдемъ... Ну, иди-же, а то выстрѣлю.

Турокъ глазамъ не вѣритъ, но все-таки поворачивается.

— Эй, ага, довольно шутить!

— Плохія, братъ, шутки, говоритъ лезгинъ, наводя ружье.

Турокъ двигается, но поминутно оглядывается, думая: скоро-ли эта комедія кончится; но ружье, его собственное любимое ружье, измѣннически направлено ему прямо въ спину и онъ покорно продолжаетъ идти. Только, пришедши въ нашъ лагерь, низамъ убѣдился, что лезгинъ не шутилъ и никакъ не могъ себѣ простить, какъ это его стараго пѣхотнаго солдата, надулъ этотъ мальчишка и оборванецъ-лезгинъ.

IV.

Мародеры.

Военный мародеръ — это грабитель непріятельскаго имущества: стащилъ солдатъ со скирды клокъ соломы — онъ мародеръ, подобралъ на улицѣ непріятельскаго аула нѣсколько щепокъ—мародеръ, а если укралъ курицу — то уголовный (даже хуже) мародеръ....

Но когда гг. маркитанты (евреи и армяне) съ поля сраженія собираютъ цѣлыя сотни боевыхъ трофеевъ и, наполнивъ ими свои арбы, отвозятъ ихъ въ Россію и тамъ продаютъ свободно, какъ и прочій товаръ, то это не называютъ мародерствомъ...

Хотя случаи мародерства попадались очень часто (въ особенности по окончаніи сраженій), но, вообще говоря, мародерство не въ духѣ истаго русскаго солдата. Доказательствомъ тому много примѣровъ честности.

Напримѣръ, 3-го іюня, во время отраженія турецкой вылазки изъ Карса, наша цѣпь (молодецкій Грузинскій полкъ) гонитъ вверхъ по крутой горѣ турецкую.

Вотъ лежитъ раненый турецкій офицеръ, одѣтъ съ иголочки, галуны блестятъ, бѣлье чистое, на мундирѣ медаль и массивная золотая часовая цѣпочка. Съ ружьемъ наперевѣсъ приближается къ нему рядовой N. Капралъ кричитъ: «докалывай», другіе — «брось»... Офицеръ вынимаетъ свои часы и, протягивая ихъ къ солдату, дѣлаетъ умоляющую физіономію... Солдатъ, который приближался съ твердымъ намѣреніемъ прико-

лоть, при такомъ жестѣ офицера только презрительно плюнулъ и, пробурчавъ: «Эхъ ты, гололобое ваше благородіе», пошелъ дальше... Товарищи засмѣялись и оставили офицера въ покоѣ съ своими часами.

Стоимъ въ лагерѣ при Кюрюкъ-Дара; прохожу разъ между палатками, солдаты разговариваютъ о мародерствѣ:

— Оно, братъ, никакъ не годится грабить во время самаго, значитъ, дѣла; непремѣнно тутъ тебѣ и пуля въ лобъ. Намедни Кондратенко не стерпѣлъ,—видитъ: турокъ убитый и на немъ часы золотые съ цѣпкою, нагнулся и хотѣлъ стащить; анъ нѣтъ—шальная угодила прямо въ сердце... Значитъ дѣло не хорошее...

— Оно точно, говоритъ другой. Вотъ 27-го Иванъ Иванычъ (маркитантъ-армянинъ) идетъ за батареей около нашей фуры, видитъ: лежитъ цѣльная граната, маленькая такая, красивая,—должно горная... Да... вотъ онъ не стерпѣлъ, взялъ ее, да и несетъ въ рукахъ. Мы какъ увидѣли это и кричимъ ему: «Иванъ Иванычъ, брось, братъ, неравно взорветъ». Онъ съ дуру и брось ее, да трубкой внизъ — она и разорвалась... Иванъ Иванычъ со страху упалъ, какъ убитый—но ничего... Смѣху-то сколько было...

Всеобщій хохотъ.

Надъ убитымъ туркомъ стоитъ нашъ санитаръ и снимаетъ съ него что-то. Подъѣзжаетъ казакъ, который рыскалъ по полю навѣрно съ тѣми же цѣлями, какъ и санитаръ...

— Что это, братъ, у тебя? спрашиваетъ онъ санитара.

Тотъ снимаетъ съ турка широкій поясъ и трясетъ его, — слышенъ звонъ (турки носятъ деньги въ поясѣ); санитаръ въ восторгѣ,.. Казакъ незамѣтно приближается и говоритъ:

— Ну-ка, тряхни еще.

Санитаръ трясетъ... Казакъ цапъ-царапъ — и былъ таковъ.

— Ахъ ты... несется ему въ слѣдъ, но

Казакъ впередъ все держитъ путь,
Казакъ не хочетъ назадъ взглянуть...

Какъ извѣстно, 20-го сентября на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ (колонна генерала графа Граббе) взятію высоты Малой-Ягны помѣшала сильная вылазка турокъ изъ Карса, пришедшаяся какъ-разъ во флангъ бывшему въ первый разъ въ дѣлѣ Перновскому Гренадерскому полку. Перновцы дрогнули отъ сильнаго натиска турокъ и начали сдавать, точно

также и кавалерія (князя Щербатова), охранявшая нашъ флангъ, медленно отходитъ. Мы стрѣляли по Малымъ-Ягнамъ и стояли фронтомъ на юго-западъ, такъ что правый нашъ флангъ приходился къ сторонѣ Карса. Такъ можете вообразить наше положеніе, когда мы, уже привыкшіе и примѣнившіеся къ фронтальному огню турокъ съ Малыхъ-Ягнъ, вдругъ слышимъ свистъ гранаты, пролетающей надъ нашими головами съ праваго фланга къ лѣвому вдоль всей батареи... Эта батарея вылазки открыла огонь, но намъ не видна, ибо прикрыта холмомъ; пріятный сюрпризъ повторяется. Не знаешь, что и дѣлать — куда стрѣлять... Чертъ знаетъ еще хуже... Слышны свисты пуль даже какъ будто сзади... Это ужъ чертъ знаетъ, что такое... Какая-то наша батарея становится параллельно намъ, но спиною, и открываетъ огонь по направленію, діаметрально противоположному нашей цѣли... Это 3-я батарея 39-й бригады стрѣляетъ въ турокъ, обходящихъ нашъ тылъ... Пріятно!.. Все-таки продолжаемъ стрѣльбу.

Подъѣзжаетъ графъ Граббе и приказываетъ мнѣ со взводомъ идти за нимъ... Поворачиваемъ прямо направо и идемъ флангомъ за генераломъ. Взбираемся на холмъ, прикрывавшій насъ отъ батареи (турецкой) вылазки. Пули свистятъ неистово съ трехъ сторонъ; только знаешь, что въ спину не попадетъ, и за это большое спасибо: у насъ вѣдь спинныя раны считаются позорными. (Я видѣлъ много офицеровъ, которые стыдились посѣтителямъ госпиталей (особенно дамамъ) показывать мѣсто раны, если она была не съ передней части туловища). Съ трудомъ подымаемся на холмъ—лошади сильно устали (больше отъ жажды). Впереди, раскинувшись вмѣстѣ съ лошадью, лежитъ убитый турецкій драгунскій (суварп) офицеръ. Мундиръ вышитъ золотомъ, чепракъ тоже и все оружіе. Но меня соблазнило ружье, которое прицѣплено въ чехлѣ съ боку сѣдла; чехолъ весь въ золотыхъ галунахъ.

Давно мнѣ хотѣлось пріобрѣсти магазинное ружье (каюсь), но какъ-то не приходилось. Подзываю канонира С. и приказываю ему снять ружье съ сѣдла. Канониръ мой, видно, съ неохотой, подходитъ и наклоняется.

Вдругъ раздается свистъ пули какъ разъ надъ головой канонира, тотъ выпрямляется и крестится; опять наклоняется и уже взялся было за ружье,.. Опять свистъ пули... Канониръ крестится и умоляющими взорами смотритъ на меня.

— Ваше благородіе, прикажите бросить,—нечистое мѣсто...

— Ну, пошелъ къ орудію, баба... Въ дѣйствительности же С. совсѣмъ не баба, а давно уже кавалеръ и молодецъ хоть куда,—это тотъ самый, который въ лагерѣ проповѣдывалъ товарищамъ, что злобить въ сраженіи не годится—не солдатское, молъ, дѣло...

Поднялись на холмъ: пули, что твой градъ, даже графъ Граббе (этотъ знаменитый храбрецъ—теперь онъ изъ кокетства былъ въ бѣлой

буркѣ и черкесской папахѣ, молодецъ изъ молодцовъ) замѣчаетъ, что трудно будетъ здѣсь устоять... Смотримъ внизъ и глазамъ не вѣримъ: турки внизу (это мы видимъ въ первый разъ) и набрались такой смѣлости, что лѣзутъ на нашихъ... Должно быть почуяли, что имѣютъ дѣло еще въ неопытными... Главное, насъ и артиллеристовъ, взбѣсило то, что турецкая батарея стоитъ внизу въ открытомъ полѣ... Канониры тоже не вѣрятъ глазамъ.

— Никакъ наша батарея, говоритъ кто-то...

— Наша, да въ насъ бьетъ, говоритъ другой.

Сначала даже не сообразили, какъ стрѣлять. Привыкли вверхъ стрѣлять, когда приходится высоту прицѣла брать почти вдвое болѣе дистанціи... Пустили первую гранату,—пронесло... Тогда только оправились и начали лущить наипрекраснѣйшимъ образомъ. Канониры забыли про рой пуль. «Братцы, а съ горы-то не въ примѣръ ловче стрѣлять». «Нечего и говорить»... Просто восторгъ: видишь разрывъ каждой гранаты, видишь, какъ пыль подымется столбомъ между орудіями, видишь, какъ лошади шарахнутся въ сторону, вотъ понесли передокъ по полю, видишь кучку у орудія—подымаютъ раненаго и бацъ туда: всѣ попадаютъ, какъ убитые, въ ожиданіи разрыва... Вотъ 2-ое орудіе пускаетъ картечную... видишь надъ самой цѣпью бѣлый клубокъ дыма... Паффъ... Разорвало... Ловко!... Прибавь полъ-секунды. О-охъ!... раздается сзади... Одинъ уже задѣтъ... «Посадить на передокъ!»... Раненъ наводчикъ—жаль ужасно,—глазъ вѣрный, что твой дальномѣръ...

У меня былъ запасный, которому я не хотѣлъ до сихъ поръ дать креста (хотя уже почти весь взводъ имѣлъ,—за то, что онъ каждой пулѣ кланялся). Ужъ я его и ругалъ, и объяснялъ, что это безцѣльно; но мой запасный былъ хорошій канониръ и дѣло свое знаетъ. Поставилъ я его теперь къ орудію.

— Вотъ отличись теперь—получишь крестъ... Давно пора; почти всѣ товарищи имѣютъ, а ты вотъ все остаешься поклонщикомъ, а еще наводчикъ».

— Радъ стараться, ваше благородіе... Садится и начинаетъ наводить орудіе... Вдругъ раздается свистъ пули... Не выдержалъ мой поклонщикъ и, инстинктивно желая поклониться пулѣ, ударился лицомъ о коренную часть орудія... Встаетъ съ окровавленнымъ лицомъ, вся прислуга хохочетъ...

— Вотъ тебѣ урокъ, говорю ему... И дѣйствительно, это было ему урокомъ: съ тѣхъ поръ нашъ поклонщикъ перестать кланяться пулямъ и носилъ уже крестъ на своей честной груди...

А цѣпь наша все сдаетъ, сдаетъ. Досадно ужасно... Но вотъ сзади кто-то произноситъ:

— Э, гамарджо-ба! *) Оглядываюсь: идутъ наши молодчики—Тифлисскій гренадерскій полкъ...

— Куда вы? спрашиваю офицера.

— Графъ, братъ, на смѣну одноцвѣтниковъ-дворянъ посылаетъ (оба полка съ бѣлымъ околышемъ).

— Ну, съ Богомъ,—пора бы и прогнать этихъ турокъ,—не у мѣста они внизу...

Солдаты проходятъ мимо и здороваются съ земляками—антиллеристами, все свой народъ...

Разсыпалась густая цѣпь и, несмотря на приказаніе: идти до старой цѣпи шагомъ, бѣгомъ бросается внизъ по горѣ... Въ цѣпи пошелъ только одинъ батальонъ, остальные три пристраивались поротно...

Но вотъ раздается громовое «ура» и Тифлисцы безъ выстрѣла бросаются въ штыки на турокъ; турки узнаютъ старыхъ знакомыхъ съ желтыми погонами **) и бѣгутъ по старому обыкновенію.

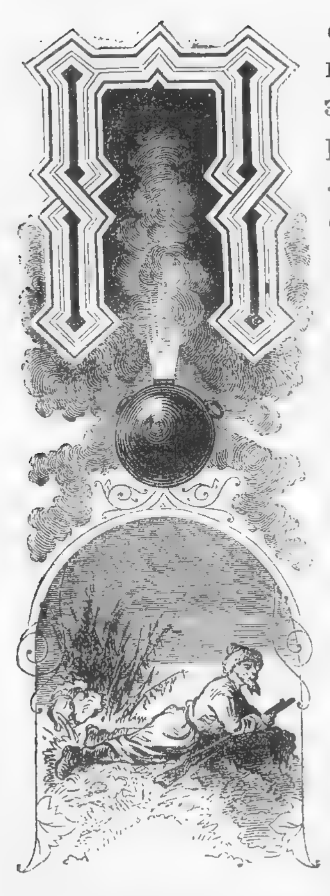
*) Грузинское привѣтствіе: здравствуйте.

**) Такъ турки прозывали кавказскихъ гренадеръ, а драгунъ „мѣдными лбами" по виду мѣдныхъ орловъ на ихъ киверахъ; наши удалые драгуны всю кампанію провели въ киверахъ).

Очерки боевой жизни
въ Азіятской Турціи

II.
Охотники.

(Изъ записокъ Смѣлова).



олночь. Луна горѣла надъ Араратомъ, снѣжная вершина котораго, ослѣпительно бѣлая днемъ, казалась окутанною зеленымъ пологомъ. Изъ Чарухчей былъ виденъ какъ на ладони турецкій лагерь, казавшійся въ это время бѣлой полосой спускающейся по каравансарайскому перевалу.

Нашъ лагерь спалъ. Только съ постовъ доносился сдержанный говоръ, да кой гдѣ въ офицерскихъ палаткахъ горѣлъ огонь и слышался шумъ запоздалаго ужина.

На другой день утромъ предполагалось занятіе деревни Халфалю и стрѣльба по турецкимъ батареямъ. Нашъ баталіонъ назначенъ былъ въ прикрытіе къ артиллеріи, и въ четыре часа утра мы должны были выступить съ бивуака.

Я любилъ позднимъ вечеромъ гулять вдоль лагеря, заходить на аванпосты, прислушиваться къ постепенно замирающему шуму и любоваться южной природой. Что-то таинственное нашептывала эта природа, но мнѣ не казалось оно роднымъ, не взирая на всю свою прелесть, и мой духовный взоръ обращался больше на сѣверъ, куда—Богъ знаетъ—суждено ли было мнѣ вернуться.

Я хотѣлъ пройти къ старшему казачьему пикету, гдѣ въ это время былъ дежурнымъ мой старый знакомый, Петринъ, съ которымъ мы часто

распивали бутылку кахетинскаго, и особенно любили дѣлать это на аванпостахъ въ то время, когда растянувшіеся на землѣ казаки вели рѣчь о своихъ проказахъ, а старый урядникъ докладывалъ о томъ, что партія курдовъ намѣревалась прорваться сквозь нашу цѣпь и что ее уже щелкнули наши разъѣзды.

Я пошелъ по направленію къ постамъ. Не доходя линіи цѣпи, протекалъ узенькій свѣтлый ручей, берущій начало въ разсѣлинахъ Чингильскихъ высотъ и впадающій въ Араксъ. Мнѣ захотѣлось пить; я сталъ на колѣни и, опершись о камни, наклонился къ ручью, какъ вдругъ увидѣлъ по ту сторону ручья недвижно сидящаго офицера закутаннаго въ черную бурку, лица котораго я сразу не призналъ. Онъ сидѣлъ поджавши ноги и подперши голову рукой. Всмотрѣвшись пристальнѣе, я узналъ въ немъ своего товарища.

— Нагубовъ! ты что здѣсь дѣлаешь? спросилъ я.

Офицеръ вздрогнулъ и ничего не отвѣчалъ. Я перепрыгнулъ черезъ ручей и подсѣлъ къ нему на камень.

— Что съ тобой? ты какъ будто нездоровъ?—спросилъ я снова, вглядѣвшись въ его блѣдное лицо.

— Эхъ! да ничего... такъ... взгрустнулось что-то... отвѣчалъ Нагубовъ какимъ то безнадежнымъ тономъ и даже не повернулъ ко мнѣ лица.

— Ну, полно! пойдемъ, пройдемся. Что ты въ самомъ дѣлѣ!...

Я взялъ его подъ руку и мы пошли вдоль ручья. Нагубовъ заговорилъ первый.

— Ты помнишь, Смѣловъ, когда мы были съ нею и съ ея братомъ на аванпостахъ... и что она тогда сказала?

— Помню и даже очень хорошо помню. Съ этой ночи нельзя было сомнѣваться, что она къ тебѣ очень расположена.

Ну, такъ слушай-же: я сейчасъ изъ лагеря... У Чебурахина сегодня сборище; тамъ въ карты играютъ и пьютъ, она тоже тамъ сидитъ, и я замѣтилъ... Э! да что говорить! Либо я Чебурахина на дуэль вызову, либо...я и не знаю что...

Я теперь только вспомнилъ, что, проходя мимо палатки кутилы Чебурахина, я слышалъ говоръ веселыхъ игроковъ и пѣсню:

Карты, женщины, вино —
Вотъ что всегда поетъ Жанно!

и пѣсню эту подтягиваетъ женскій голосъ.

Я началъ успокаивать Нагубова, но все было напрасно; онъ сталъ просить меня, чтобъ я оставилъ его въ покоѣ, и я пошелъ на старшій казачій пикетъ къ своему пріятелю Петрину. Разсказавъ ему вкратцѣ въ чемъ дѣло, я просилъ его вмѣстѣ со мною помочь бѣдному Нагубову, и мы рѣшили отложить дѣло до завтра.

Особа, причинявшая несчастье молодому Нагубову, была княжна Агалова, родная сестра одного изъ офицеровъ отряда, молодая, красивая и даже храбрая дѣвушка, которая до того была привязана къ своему брату, что дѣлила съ нимъ всѣ трудности боевой жизни, не оставляя его ни на шагъ даже въ бою. Она одѣвалась въ мужской грузинскій костюмъ и оффиціально считалась его братомъ. Она ухаживала за ранеными, была душою веселыхъ пирушекъ N-го полка и общей любимицей въ средѣ офицеровъ.

Случилось какъ-то, мѣсяцъ тому назадъ, когда еще нашъ отрядъ стоялъ противъ Мухтара-паши, что я и Агаловъ были вмѣстѣ на аванпостахъ. Насъ сопровождала его сестра и Нагубовъ, который служилъ у Агалова въ ротѣ. Наканунѣ была на постахъ стычка, послѣ которой осталось нѣсколько неубранныхъ турецкихъ труповъ, вялявшихся шагахъ въ пятистахъ впереди цѣпи. Мы разставили цѣпь и собрались у главнаго караула пить чай. Это была компанія очень веселая: мы часто проводили вчетверомъ время и были очень дружны между собой, причемъ я привязался больше къ Агалову, а Нагубовъ къ его сестрѣ. Мнѣ въ Агаловѣ больше всего нравился тактъ военнаго начальника, и я любовался имъ на службѣ—какъ солдатомъ, а въ компаніи—какъ очень добрымъ, милымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезнымъ человѣкомъ.

Напившись чаю, мы съ Агаловымъ улеглись на буркахъ, положивъ подъ головы камни; а Нагубовъ и княжна ходили взадъ и впередъ и о чемъ то горячо разсуждали.

Мнѣ очень нравилась эта парочка. Княжна была хотя и мало образована, но обладала природнымъ умомъ, и видно было что воспитывалась въ хорошемъ семействѣ. Нагубовъ былъ совсѣмъ еще молодой офицеръ, недавно кончившій военное училище, но уже успѣвшій заслужить любовь солдатъ и уваженіе офицеровъ, какъ храбрецъ, отличавшійся въ нѣсколькихъ бояхъ. Онъ проходилъ боевую школу въ хорошихъ рукахъ своего ротнаго командира, князя Агалова. Княжна, какъ женщина, вообще увлекалась храбрецами, но Нагубова предпочитала всѣмъ прочимъ. Доброе сердце Нагубова было извѣстно чуть ли не всему отряду: онъ готовъ былъ отдать послѣднюю рубашку нуждающемуся товарищу и дѣлалъ это нисколько не рисуясь, не ища популярности.

— Нагубовъ съ сестрой дружны очень, замѣтилъ Агаловъ послѣ долгаго молчанія.

— Что-жъ—онъ человѣкъ хорошій, отвѣчалъ я.

— Да,—но только ее не поймешь; я боюсь, чтобъ она его слишкомъ не увлекла... Она сегодня наговоритъ ему кучу обѣщаній, а завтра надо всѣмъ этимъ смѣяться станетъ.

Въ это время весело подошли къ намъ Нагубовъ и княжна и не дали Агалову договорить.

— Ибрагимъ! голубчикъ Ибрагимъ! обратилась княжна къ брату:— знаешь, что мы съ Костей придумали (княжна держала себя въ полку какъ товарищъ, требовала, чтобъ считали ее мужчиной и была со многими офицерами на ты)? Турки придутъ въ полночь убирать своихъ мертвыхъ, навѣрно придутъ, — помнишь, на той позиціи приходили? — Мы думаемъ устроить засаду и дать по нимъ залпъ.

Подобное предпріятіе многіе сочтутъ жестокостью, звѣрствомъ. Какъ можно не дать людямъ подобрать своихъ мертвыхъ братьевъ! Но кто былъ въ дѣлѣ, кто видѣлъ убитыми и ранеными своихъ близкихъ товарищей, кто видѣлъ звѣрства, совершаемыя турками надъ близкими себѣ людьми, тотъ не задумается пустить пулю въ турка даже въ то время, когда онъ хоронитъ своего собрата,—конечно, если этотъ турокъ вооруженъ. Озлобленіе кипитъ и наростаетъ, и увеличивается до того максимума, который непонятенъ для человѣка мирнаго.

— Если у Кости есть люди свободные, то пусть беретъ ихъ и отправляется, а тебѣ вовсе незачѣмъ туда ходить, отвѣтилъ Агаловъ сестрѣ.

— Я такъ и хочу, сказалъ Нагубовъ; —но княжна непремѣнно хочетъ идти.

— Да *я Костю* не отпущу *одного: я знаю какой* онъ горячій, — онъ тамъ нарвется.

Агаловъ считалъ это предпріятіе слишкомъ мелкимъ, но зналъ, что Нагубова не уговоришь, а сестру не переспоришь. Я предложилъ идти всѣмъ вмѣстѣ, и мы отправились.

Здѣсь мы должны сказать, что въ Кавказской арміи мелкія аванпостныя стычки не считались даже событіями; они происходили чуть-ли не каждую ночь и кончались безъ участія высшаго начальства, которому, по правдѣ сказать, нечего было и дѣлать въ этихъ стычкахъ.

Во всякой другой арміи, мнѣ кажется, считалось бы криминаломъ, еслибъ начальникъ аванпостовъ вздумалъ безъ разрѣшенія начальства выслать партію охотниковъ. Здѣсь же за неудачу отечески разносили, а за удачу называли молодцами, да тѣмъ и дѣло кончалось. А между тѣмъ это развиваетъ лихость и смѣтливость въ солдатахъ—достоинства, издавна присущія Кавказской арміи—и привязываетъ солдатъ къ офицерамъ, да и какъ еще привязываетъ! На вопросъ: «братцы, кто со мной?» кавказскіе солдаты откликаются всѣ, безъ исключенія, если только это спрашиваетъ начальникъ, котораго они уже знаютъ какъ человѣка храбраго и нетеряющаго головы и съ которымъ они уже продѣлывали боевыя проказы, и ужъ такого начальника солдаты не выдадутъ низачто.

Такимъ именно офицеромъ былъ князь Агаловъ. Разъ случилось, что во время отступленія турки отрѣзали его вмѣстѣ съ нѣсколькими солдатами и хотѣли взять въ плѣнъ. Въ одинъ мигъ вся его рота повернула впе-

редъ; какъ разъяренные звѣри, кинулись солдаты на турокъ, отбили своего командира и потомъ снова продолжали отступленіе.

Что касается кавказскихъ офицеровъ, то ихъ боевая лихость извѣстна всему свѣту. Не говорите о кавказскомъ офицерѣ, что онъ плохо подготовленъ въ тактическомъ отношеніи, не осуждайте его за слишкомъ разгульную жизнь—всѣ эти недостатки блѣднѣютъ передъ тѣмъ уваженіемъ, которое онъ внушаетъ вамъ, когда вы увидите его въ дѣлѣ: недостатокъ тактическаго образованія выкупается съ избыткомъ боевой опытностью, а разгульная жизнь, быть можетъ, лучше чѣмъ какая нибудь другая идетъ на встрѣчу непріятельскимъ пулямъ; но самое замѣчательное то, что если въ средѣ кавказцевъ найдется офицеръ сомнительной боевой нравственности, онъ не можетъ долго оставаться въ арміи: среда задавитъ его презрѣніемъ и насмѣшками.

Но обращаюсь къ разсказу.

Ночь была звѣздная. Вблизи шумѣлъ Арпачай и кричали какія-то ночныя птицы; холмы Визинкьея и Аладжи, усыпанные турецкими палатками, рѣзко обрисовывались подъ ясно-голубымъ небомъ, а выдающіеся на нихъ горные камни сверкали золотыми блестками. Въ воздухѣ, какъ это всегда бываетъ ночью на Кавказѣ, чувствовалась прохлада. Не даромъ кавказскіе офицеры возятъ съ собой даже въ серединѣ лѣта полушубки.

Мы начали собираться и, не взирая на то что было холодно, скинули не только бурки, но и пальто. Предполагалось, что мы проходимъ часа два, а потому деньщики получили приказаніе приготовить къ нашему возвращенію чай, хлѣбъ, и бутылочки двѣ кахетинскаго.

Мы рѣшили взять съ собой не болѣе десяти человѣкъ, да и тѣхъ пришлось набрать изъ людей, назначенныхъ въ патрули.

— А! Довгочубъ! сказалъ Агаловъ, увидавъ въ числѣ охотниковъ своего любимаго унтеръ-офицера, извѣстнаго храбреца, который закалывая турка, приговаривалъ обыкновенно по малороссійски: «ось такъ тобі и треба!» А въ мирной жизни это былъ такой человѣкъ, который даже маленькаго насѣкомаго не рѣшался обижать. Агаловъ часто совѣтовался съ Довгочубомъ и придавалъ его мнѣніямъ большое значеніе.

Такіе почтенные люди, какъ унтеръ-офицеръ Довгочубъ, позволяютъ себѣ иногда, особенно въ разгарѣ боя, быть фамильярными съ офицерами, но это нисколько не идетъ въ ущербъ дисциплинѣ,—напротивъ, никто такъ быстро, точно и толково не исполнитъ приказанія офицера, какъ люди, подобные Довгочубу.

Агаловъ разсказывалъ, что однажды, въ разгарѣ боя, Довгочубъ схватилъ Нагубова за руку и сказалъ: «не пущу!» когда Нагубовъ хотѣлъ выкинуть какую-то слишкомъ отважную штуку. Вообще можно сказать, что хорошіе солдаты хватаютъ слишкомъ храбрыхъ офицеровъ

за фалды, и даже разъ былъ случай, что офицеръ, разгорячась, ударилъ такого солдата, но послѣ боя кинулся къ нему на шею и просилъ прощенія.

— Ваше благородіе! сказалъ шепотомъ Довгочубъ, обращаясь къ Агалову:—чімъ иты отъ по сему камінью, ходімъ лучше низкомъ по надъ річкою, та завернемъ направо,—тамъ воны, окаяньни, и лежать...

Мы всѣ положились на Довгочуба, взяли его въ проводники и пошли вдоль Арпачая. Не странно-ли, что при появленіи турокъ, когда каждый изъ насъ уже зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, наши нервы гораздо были спокойнѣе, чѣмъ въ то время, когда мы пробирались къ засадѣ. Я помню: каждый шумъ, какъ, напримѣръ, спрыгиванье въ воду лягушекъ, заставлялъ меня вздрагивать и сторониться.

Довгочубъ осторожно раздвигалъ камыши и указывалъ намъ дорогу. Скоро мы вышли на кремнистую прогалину и тамъ увидѣли нѣсколько человѣческихъ тѣлъ, неубранныхъ турками послѣ вчерашней стычки. Агаловъ строго приказалъ всѣмъ намъ спрятаться въ камышъ и мы залегли въ разныхъ мѣстахъ. Затѣмъ Агаловъ распорядился, чтобъ никто не смѣлъ стрѣлять безъ его приказанія; а если турокъ будетъ очень много, то рѣшено было совсѣмъ съ ними не связываться; но это только такъ говорилось, а у Агалова въ это время зрѣлъ въ головѣ планъ, котораго онъ никому еще не высказывалъ.

— Півъ сотни байдуже (полъ сотни ничего!) сказалъ Довгочубъ, но Агаловъ ничего не замѣтилъ, что старикъ что-то очень храбрится сегодня и это ему не понравилось: онъ привыкъ видѣть въ немъ человѣка храбраго, но осторожнаго. Конечно, Довгочубъ шутилъ, но Агаловъ не любилъ шутокъ, если они мѣшаются съ дѣломъ.

Когда мы всѣ заняли свои мѣста, Авгаловъ вышелъ съ Довгочубомъ впередъ и они стали прислушиваться. Нагубовъ, я и княжна лежали на лѣвомъ флангѣ цѣпи, которая растянулась шаговъ на сорокъ.

Тонкій слухъ Довгочуба скоро замѣтилъ шумъ и они съ Агаловымъ подались назадъ и вошли въ камыши. Вскорѣ мы услышали шагъ пѣхоты по камню; Агаловъ подалъ знакъ не шумѣть. Шумъ шаговъ приближался; уже слышался сдержанный говоръ, сбивавшійся на «алла-ба, алла-ба», и мы, можно сказать, чувствовали приближеніе непріятеля.

— Много, много турокъ идетъ! сказалъ Агаловъ шопотомъ и подалъ знакъ залѣзть подальше въ кусты. Мы затаили дыханіе.

Какъ сердце бьется въ это время, какъ душа играетъ въ человѣкѣ и куда-то рвется, и руки подымаются точно крылья, но подымаются не летѣть, а рубить, и весь человѣкъ обращается въ трепетное ожиданіе и нетерпѣніе, которое можно выразить словами: «о, поскорѣй! ради Бога поскорѣй!» и тяжелая какая-то тоска давитъ душу, но страстный, поэтическій восторгъ превозмогаетъ эту тоску! Объ этихъ минутахъ можно только

сказать: «какъ они адски тяжелы и какъ они вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасны и велики!» Кто испыталъ эти мгновенія и чья душа не отвергла ихъ восторга, про того только можно сказать, что онъ истинный воинъ, воинъ честный, воинъ по призванію.

Странная вещь: человѣкъ, въ душѣ не особенно храбрый, до такой степени настраивается и приготовляетъ свою душу ожиданіемъ встрѣчи съ непріятелемъ, что если вы ему вдругъ скажете, что никакого непріятеля нѣтъ, что это ошибка, недоразумѣніе, онъ нахмурится и останется недоволенъ. Кто приготовился нравственно пройти военное чистилище, если такъ можно выразиться, для того бываетъ крайне тяжело, если судьба сталкиваетъ его съ этого пути. Шумъ шаговъ приближался и говоръ со слогами «ла» и «ба» становился явственнѣе. Вдругъ застучали приклады снимаемыхъ съ плечъ ружей, и турки бросились подбирать своихъ убитыхъ и стаскивать ихъ въ кучу; нѣкоторые подходили къ камышамъ и шарили около насъ шагахъ въ двадцати. Я, Нагубовъ и княжна сидѣли рядомъ въ густомъ камышѣ и не смѣли пошевелиться безъ приказаніягалова. А Я видѣлъ, что Нагубову не сидѣлось на мѣстѣ, что ему хотѣлось кинуться впередъ и врубиться въ массу турокъ, но онъ былъ уже достаточно опытенъ для того, чтобъ не рѣшиться на безумную выходку. Онъ ждалъ, какъ всякій подчиненный, своей очереди. Мы всѣ съ нетерпѣніемъ ждали, что намъ прикажетъ Агаловъ. Княжна шепотомъ разговаривала съ Нагубовымъ, но онъ останавливалъ ее, сжимая ей руку. Она, казалось, держала его за руку, чтобы не потерять его, своего любимаго храбреца, который нѣсколько разъ уже кидался въ объятія смерти.

Вдругъ Нагубовъ сжалъ мнѣ локоть, и придерживая другою рукою княжну, какъ будто осаживая ее назадъ, указалъ мнѣ на камышъ. Я вздрогнулъ и схватился за револьверъ.

Шагахъ въ пяти отъ того мѣста, гдѣ мы лежали, шевелился камышъ, и вдругъ оттуда послышался тихій, глухой, но отчаянный стонъ умирающаго. Это былъ тяжело раненый во вчерашней стычкѣ и еще не умершій турокъ. Стонъ былъ услышанъ, и турки начали искать раненаго. Одинъ изъ нихъ шелъ прямо на насъ... Вотъ онъ идетъ все ближе и ближе, ужъ онъ въ двухъ шагахъ, уже шевелятся закрывающіе насъ кусты, ужъ я вижу красную феску, смуглое, морщинистое лицо и сжимаю въ рукѣ поднятый револьверъ, но не стрѣляю...

— Уруссъ варъ бурда (здѣсь есть русскіе)! закричалъ турокъ и быстро попятился назадъ.

— Алла! алла! послышались отвѣты, и масса турокъ кинулась обыскивать камыши, но они искали насъ не тамъ, гдѣ мы лежали.

Минутъ пять продолжались поиски.

— Бурда іокъ (никого нѣтъ)! произнесъ кто-то изъ непріятелей, и они снова утихли.

— Варъ! варъ (есть! есть)! раздалось вдругъ недалеко отъ насъ и послышался выстрѣлъ, за нимъ другой, третій...

Открылась пальба.

— Назадъ! крикнулъ Агаловъ, и мы начали отступать камышами и отстрѣливаться.

— Сюда, сюда, ваше благородіе! кричалъ Довгочубъ, замѣтивъ наши головы въ камышахъ, и хотя указывалъ дорогу, но самъ былъ впереди и отстрѣливался.

Довгочубъ первый узналъ планъ Агалова, состоявшій въ томъ, чтобъ подманить турокъ къ нашимъ аванпостамъ и затѣмъ, если возможно, окружить ихъ. Одинъ изъ расторопныхъ рядовыхъ уже сбѣгалъ предупредить о томъ наши посты. Къ несчастію, планъ этотъ неудался.

Какъ только на аванпостахъ услыхали пальбу, сейчасъ-же прислали цѣлый взводъ намъ въ подкрѣпленіе. Объ этомъ Агаловъ сдѣлалъ распоряженіе раньше.

Турки старались прижать насъ къ рѣкѣ, но мы отступали, держась къ ней флангомъ прямо на свою цѣпь. Нагубовъ, я и княжна отстрѣливались изъ револьверовъ и шли рядомъ. Нѣсколько турокъ, обѣжавшихъ нашъ флангъ, выскочили изъ камышей и двое изъ нихъ кинулись на княжну. Нагубовъ оттащилъ ее за руку назадъ и, какъ разъяренный тигръ, кинулся на одного изъ непріятелей. Ружье треснуло, отпарированное тяжелой шашкой Нагубова и второй ударъ покончилъ съ однимъ изъ нападавшихъ; другой турокъ ранилъ Нагубова въ плечо и здѣсь же былъ поднятъ на штыкъ нашимъ солдатомъ. Все это произошло такъ быстро, что ни я, ни княжна, кинувшись на помощь, не могли оказать ее.

— Не отставать! крикнулъ Агаловъ, и мы ускорили шагъ, равняясь съ отступавшими солдатами.

Турки сначала наступали, потомъ вдругъ повернули назадъ, — и планъ Агалова не удался.

Стрѣльба прекратилась. Всѣ начали собираться къ Агалову, который былъ ужасно сердитъ на неудачу, но еще болѣе разсердился, когда увидѣлъ раненаго Нагубова.

Такъ неудачно кончилось предпріятіе нашей маленькой партіи охотниковъ. Ранили офицера, а ничего не было сдѣлано. Агаловъ не могъ простить себѣ этого промаха и началъ упрекать сестру, говоря, что она для него обуза, что ей не мѣсто въ арміи, что черезъ нее ранили Нагубова, что она подбиваетъ офицеровъ на пустячныя дѣла и проч., и тогда только успокоился, когда ему доложили, что пропадавшій безъ вѣсти

съ кучкой солдатъ, Довгочубъ, вернулся благополучно и привелъ пять человѣкъ плѣнныхъ.

— Ну, слава Богу! хоть этимъ похвастаемся, сказалъ Агаловъ и даже развеселился.

Княжна перевязала своему любимцу плечо. Рана оказалась легкой.

Деньщики поставили самоваръ, откупорили вино, и мы долго еще закусывали и бесѣдовали.

На другой день утромъ докторъ нашелъ, что Нагубову необходимо отправиться на короткое время въ госпиталь; мы съ Агаловымъ и княжной уговорили его послѣдовать совѣту доктору, и онъ согласился, хотя ему очень не хотѣлось разставаться съ нашей кампаніей.

Цѣлую ночь передъ отправленіемъ въ госпиталь княжна сидѣла около раненаго Нагубова, и когда мы съ Агаловымъ увидѣли ихъ прощанье, то рѣшили, что у нихъ отношенія гораздо серьезнее, чѣмъ мы предполагали раньше.

Прошелъ мѣсяцъ и Нагубовъ вернулся въ полкъ, но онъ не узналъ полка: все перемѣнилось въ глазахъ Нагубова, и хотя мы съ Агаловымъ встрѣтили его, какъ старые друзья, но за то княжна обошлась съ нимъ холодно. Она уже успѣла свести новую дружбу съ кутилой Чебурахинымъ, про котораго мы знали, что онъ человѣкъ далеко не порядочный. Это было совершенно въ характерѣ княжны: она любила увлекаться, всѣмъ новымъ, свѣженькимъ; а Чебурахинъ былъ герой дня: онъ былъ недѣлю тому назадъ въ охотникахъ и самъ лично заклепалъ непріятельское орудіе. Конечно, еслибы Нагубовъ былъ въ это время на лицо и освѣжалъ себя въ глазахъ княжны новыми подвигами, ничего бы подобнаго не случилось, и то чувство, которое мы замѣтили въ дѣвушкѣ, осталось бы въ полной силѣ,—да оно и теперь было въ ней, и скоро обнаружилось съ новой силой, но уже при печальныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ скажемъ ниже.

Нагубовъ чувствовалъ себя совершенно убытымъ. Никогда чувство не сказывалось къ немъ съ такой силой, какъ послѣ возбужденія ревности.

«Что-жь! развѣ я противъ Чебурахина трусъ?» думалъ Нагубовъ, и въ головѣ у него рождались новые планы, планы небывалыхъ предпріятій, которые могли бы затмить подвигъ Чебурахина.

Въ такомъ состояніи засталъ я Нагубова у ручья, пробираясь на казачій пикетъ къ своему пріятелю Петрину. Мы съ Петринымъ рѣшились поговорить завтра съ Агаловымъ и какъ нибудь общими силами успокоить Нагубова; а до тѣхъ поръ раскупорили бытылку кахетинскаго и принялись за веселые разговоры.

Уже вторая бутылка доходила до дна въ то время, какъ подошелъ къ намъ старый урядникъ. Сѣдые усы его поддергивались и глаза горѣли. Видно было, что онъ пришелъ сообщить что то недоброе.

— Ваше благородіе! несчастье на пятомъ посту!

Мы съ Петринымъ вскочили на ноги.

— Что такое? въ чемъ дѣло? спросилъ Петринъ.

— Ковальчукъ напился пьянъ и пошелъ рѣзать турецкихъ часовыхъ, а съ нимъ ушли и его благородіе.

Мы съ Петринымъ быстро переглянулись.

— Это Нагубовъ! сказалъ я, поблѣднѣвъ, и мы оба бросились на пятый постъ, пославъ предварительно верховаго за Агаловымъ.

Офицеръ, ушедшій съ казакомъ, дѣйствительно былъ Нагубовъ. Разставшись со мною, онъ пошелъ бродить по полю и наткнулся на пятый казачій постъ. Казаки пятаго поста раздобыли гдѣ то полъ-ведра водки и закутили. Одинъ изъ нихъ, Ковальчукъ, сильно напился.

— Р...р.. разнесу! зарѣжу! самаго Измаилку зарѣжу!.. держись, окаянный!!.. кричалъ пьяный казакъ, размахивая шашкой по воздуху.

Нагубовъ остановился.

— Ваше благородіе! пойдемъ, пикетикъ турецкій снимемъ! ей Богу! сказалъ казакъ, фамильярно обращаясь къ Нагубову.

Кровь храбреца забилась въ сердцѣ Нагубова. Его душа жаждала новаго подвига, подвига безумнаго, который могъ бы затмить храбрость Чебурахина. «И тогда, думалъ Нагубовъ.—тогда пусть «она» думаетъ обо мнѣ какъ «ей» угодно: я могу съ гордостью отвергнуть ее...»

Если человѣкъ жаждетъ совершить какой-нибудь подвигъ, а тѣмъ болѣе подвигъ храбрости, то какіе-бы мотивы ни руководили его стремленіемъ, оно всегда бываетъ сопряжено съ страшнымъ нетерпѣніемъ, которое можно выразить словами: въ какую угодно опасность,— только скорѣй, ради Бога скорѣй, чтобы не мучиться ожиданіемъ».

— Пойдемъ! сказалъ Нагубовъ казаку, и они пошли.

— Не ходите, ваше благородіе: онъ пьяный, заведетъ васъ Богъ знаетъ куда, упрашивалъ другой казакъ, но Нагубовъ его не слушалъ.

Они пошли прямо къ турецкой цѣпи, пробираясь рытвинами и пролѣзая на четверинкахъ открытыя мѣста. Вдругъ Ковальчукъ остановился и, приложивъ ухо къ землѣ, сталъ прислушиваться. Казалось, у него хмѣль вышелъ изъ головы. «Конница!» сказалъ онъ шопотомъ, и дернувъ Нагубова за руку, потащилъ за собою въ оврагъ. Черезъ полминуты послышался конскій топотъ, и турецкій разъѣздъ пробѣжалъ рысью мимо оврага, не замѣтивъ скрывшихся охотниковъ. Пропустивъ разъѣздъ, они пошли дальше, и наконецъ увидѣли на пригоркѣ турецкій пѣхотный постъ. Часовой сидѣлъ поджавши ноги и дремалъ;

другіе спали. Ковальчукъ полѣзъ на брюхѣ, подавъ знакъ Нагубову дѣлать то же самое. Они потихонько подползли и зашли въ тылъ часовому.., Блеснула въ воздухѣ сталь, — часовой повалился, истекая кровью...

Только что охотники повернули къ спящимъ съ намѣреніемъ захватить оружіе, какъ вдругъ раздался конскій тпоотъ, и партія курдовъ окружила двухъ храбрецовъ. Постъ тоже проснулся и схватилъ оружіе. Взмахнувъ лихо своей тяжелой шашкой, Нагубовъ врубился въ пѣхоту, но былъ поднятъ сзади курдскими пиками и какъ снопъ повалился на землю. Пьяный Ковальчукъ споткнулся о камень и упалъ навзничь. Курды связали ему руки, посадили на лошадь... Здѣсь раздался залпъ съ нашей стороны, это были Агаловъ, княжна, я и Петринъ съ кучкой казаковъ. Курды ускакали, увозя плѣннаго Ковальчука, и постъ бросился бѣжать.

Мы разыскали Нагубова, но храбрый молодой воинъ, нашъ милый товарищъ, уже не дышалъ. Лицо его было страшно искажено короткими, но ужасными предсмертными муками, какъ это бываетъ у всякаго человѣка, заколотаго холоднымъ оружіемъ; не исчезли только на этомъ лицѣ черты той доброты и кротости, за которую мы всѣ его искренно полюбили. Княжна бросилась къ нему на грудь, и слезы, горькія слезы, полились изъ ея черныхъ глазъ, которые такъ нравились бѣдному Нагубову. Потомъ уже мы узнали, что она любила его одного и никого больше...

На другой день утромъ мы заняли деревню Халфалю и стрѣляли по турецкимъ батареямъ; но княжны уже не было съ нами, и мы узнали, что она собирается ѣхать на свою родину, въ свои горы, чтобъ тамъ похоронить Нагубова.

Высоко надъ мрачными ущельями Кавказа гнѣздятся грузинскія деревни; только одни орлы выше ихъ вьютъ себѣ гнѣзда,

Въ одной изъ такихъ деревень, возвышающейся надъ клокочущими струями Арагвы, у высокой каменной стѣны надъ большимъ обрывомъ стояла молодая грузинская дѣвушка и, казалось, чего-то ждала, устремивъ грустный взоръ на военно-грузинскую дорогу. Зазвенѣлъ вдали колокольчикъ, поднялось обако пыли и показалось изъ-за горы почтовая тройка. Тамъ сидѣлъ красивый армейскій капитанъ съ смуглымъ лицомъ и черной бородою. Тройка остановилась у тропинки, ведущей на гору.

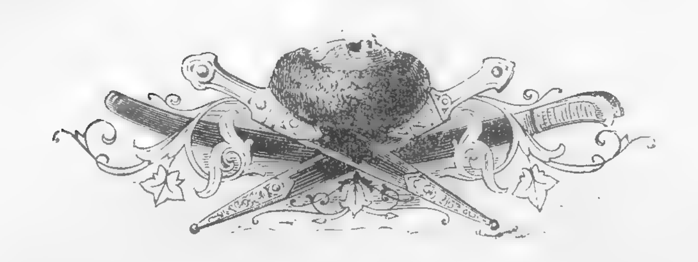
— Ибрагимъ! Ибрагимъ! вскрикнула дѣвушка, и, обойдя обрывъ, съ ловкостью лани сбѣжала съ горы. Княжна Агалова обняла своего брата, пріѣхавшаго въ отпускъ послѣ мира.

Ее нельзя было узнать: она измѣнилась, похудѣла; прежней веселости не было и слѣда.

— Пойдемъ къ нему, Ибрагимъ, сказала княжна, увлекая брата.— Мнѣ хочется, чтобъ ты видѣлъ его теперешнее жилище; онъ похороненъ рядомъ съ нашей матерью... Я любила его, Ибрагимъ.

— Да, отвѣчалъ братъ,—онъ былъ безумно храбръ... Ты не вини себя въ его смерти: не тамъ—такъ въ другомъ мѣстѣ... Такіе люди живыми съ похода не возвращаются.

Н. Бутовскій.



Умургачъ, Софія и Правецъ.

Письма Врача.

I.

София, 25-го Декабря 1877 г.

Письмо это пусть будетъ общимъ для всѣхъ васъ, моихъ дорогихъ близкихъ, которые меня помнятъ и интересуются тѣмъ, что приходится мнѣ испытывать и переживать въ походѣ. Не знаю, смогу ли я описать все, что хотѣлось бы вамъ сообщить,—ужъ очень много и для меня совершенно новое! Вѣдь мы перешли черезъ Балканы, видѣли въѣздъ или, лучше сказать, сами въѣхали съ Гурко въ Софію, мы встрѣтили въ далекомъ чужомъ городѣ Рождество, словомъ, мы пережили многое такое, что не мыслимо въ мирное время и что теперь кажется какимъ-то сномъ. Начну, впрочемъ, по порядку.

Гурко рѣшилъ перейти черезъ Балканы! Для этого всѣ войска, стоявшія въ Орханійской долинѣ, были раздѣлены на три главные отряда: первый, генерала Рауха и графа Шувалова, составлялъ центръ движенія и шелъ по Софійскому шоссе; второй отрядъ, генерала Дандевиля, составляя лѣвый флангъ, шелъ на Златицу; наконецъ, третій отрядъ, генерала Вельяминова, въ которомъ находились и мы, составлялъ правый флангъ и шелъ черезъ Умургачъ (6,500 ф.). Нашъ отрядъ долженъ былъ зайти въ тылъ Арабконаку, укѣпленной турецкой позиціи, командовавшей значительною частью Софійскаго шоссе и лежащей при раздѣленіи шоссе на Златицу и Софію.

Брать эту позицію въ лобъ было немыслимо, ее нужно было обойти. Но какъ? вотъ вопросъ! Вѣдь для этого нужно идти черезъ Балканы — и зимою! Это до сихъ поръ небывалое событіе въ военной исторіи—идти по невѣдомымъ тропинкамъ, по снѣгамъ, съ артиллеріей, со случайными и незнакомыми проводниками—и все-таки наша почти стотысячная армія «гайда!» и перешагнула Балканъ! При этомъ вспомните, что махнули черезъ горы впроголодь: сухарей не подвезли во время, а турецкіе запасы, найденные нами во Врачеши, на половину истощились. Все это ничего, «гайда!» и шабашъ. Скажу при этомъ, что всѣ здѣсь имѣющіеся иностранцы, въ одинъ голосъ говорятъ, что подобный переходъ и при такихъ условіяхъ мыслимъ только съ нашими солдатами. Плѣнные турки и врачи-англичане Краснаго полумѣсяца говорятъ, что турки, бывшіе въ Арабконакѣ, смѣялись и не вѣрили, когда имъ говорили, что мы идемъ имъ въ обходъ черезъ горы. Они радовались, что мы всѣ тамъ замерзнемъ и будемъ занесены снѣгомъ. А вмѣсто того мы сами явились имъ, какъ снѣгъ на голову.

Наши солдаты перешли горы безъ полушубковъ, почти всѣ безъ бѣлья, такъ какъ все давно изорвалось, въ рваныхъ мундирахъ и шинеляхъ. Сапогъ не было почти ни у одного солдата; ноги были завернуты въ разное тряпье и сверхъ этого въ кожи порціоннаго скота.

Нашъ отрядъ состоялъ изъ части 31-й дивизіи (полки Пензенскій и Тамбовскій), двухъ конныхъ батарей (2-я и 5-я гвардейскія) и изъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи.

Впереди шла пѣхота и, разобравши орудія и лафеты, тащила ихъ по страшной кручѣ въ гору. Мы должны были идти въ хвостѣ колонны, т. е. за кавалеріею. Пѣхота и артиллерія должны были выступить за двѣнадцать часовъ до насъ и точкою общаго выступленія было назначено село Врачеши. Ночью мы предполагали двинуться въ горы, но вотъ пріѣзжаетъ ординарецъ (Сухановъ) отъ Вельяминова, находившагося въ головѣ нашей колонны, выступившей еще утромъ изъ Врачеши, и объявляетъ, что генералъ Вельяминовъ считаетъ невозможнымъ идти дальше. Въ той-же хатѣ, гдѣ остановились мы, собрался военный совѣтъ изъ командировъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ и порѣшилъ ждать дальнѣйшихъ приказаній отъ Гурко, который былъ съ центральной колонной.

Черезъ сутки пріѣхалъ отъ Гурко ординарецъ съ приказаніемъ: «идти впередъ».

Въ это время и пѣхота и артиллерія двигались черепашьимъ шагомъ, то по гололедицѣ, то по колѣни въ снѣгу.

15-го декабря въ девять часовъ утра, мы выступили съ 4-мъ эскадрономъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка изъ Врачеши. Сначала дорога была сносная: некрутой подъемъ; мы шли по двое и по трое въ рядъ,

съ утра слегка таяло и поэтому было не особенно скользко. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ уже и круче становилась дорога, погода начинала хмуриться, а наконецъ пошелъ снѣгъ и поднялся сильнѣйшій пронизывающій вѣтеръ. Мы шли, ведя лошадей въ поводу, съ маленькими остановками уже восемь часовъ. Начинало темнѣть, а вьюга все усиливалась. Мы начинали не на шутку подумывать о ночлегѣ, да къ тому же и голодъ сильно напоминалъ о себѣ.

Но вотъ темнѣетъ все больше и больше; мы по страшно крутой и скользкой горѣ лѣземъ вверхъ, составляя безконечную вереницу людей и лошадей, и наконецъ доходимъ до небольшой полянки, на которой такъ и гуляетъ вѣтеръ и вьюга, рѣжущія лицо мелкими ледяными иглами. Какъ только взобрались мы сюда, думаемъ: не здѣсь-ли ночевать? обрадовались было, такъ какъ сильно устали. Но вотъ раздается команда—остановиться, выстроиться и навѣсить лошадямъ торбы. Значитъ, простоимъ не больше двухъ часовъ или, много, трехъ, такъ какъ иначе не стали бы сейчасъ кормить лошадей зерномъ. За весь день я съѣлъ двѣ турецкія галеты и, несмотря на голодъ, главною и первою заботою было пристроиться у костра, лечь, согрѣться и отдохнуть. Главное, сильно зябли ноги. Сверхъ полушубка я надѣлъ мое пальто изъ солдатскаго сукна. Какъ только мы устроились у костра, не прошло и десяти минутъ, какъ большая часть уже храпѣла. У нашего костра лежало человѣкъ девять: Принцъ Константинъ Петровичъ Ольденбургскій, два офицера 4-го эскадрона, да насъ шестеро. Всѣ лежали прямо на снѣгу безъ всякой подстилки, подперши рукою голову, изрѣдка поворачиваясь къ огню то той, то другой стороной, такъ какъ въ то время, что грѣлась у огня одна сторона, другая зябла.

Такъ прошло около двухъ часовъ; вдругъ я слышу команду: къ конямъ! бужу моихъ сожителей по костру и мы, прождавши еще часъ или полтора, отправляемся въ дальнѣйшее странствованіе. Кавалерія наконецъ догнала артиллерію и пѣхоту, и вотъ потащились мы шагъ за шагомъ, останавливаясь то на пять минутъ, то на полчаса, а иногда и на цѣлый часъ. Вся колонна растянулась на огромное пространство,—вѣдь мы шли гуськомъ или, какъ говорятъ кавалеристы, справа по одному. Представьте себѣ этотъ пугъ! Впереди чуть что нибудь заѣстъ, такъ приходится всѣмъ поочереди постоять. Становилось все морознѣе, а, слѣдовательно, мы все больше и больше скользили. Темень—хоть глазъ выколи. Вдоль всей тропинки, по которой мы шли, были разведены костры: солдатики, что шли впереди насъ, разложили ихъ. Во время каждой остановки всякій наровилъ поближе подсѣсть къ костру,—погрѣть ноги. Покуда идешь—еще ничего, а чуть остановка, тотчасъ начинается мучительнѣйшее замерзаніе и безъ того отъ усталости ноющихъ ногъ. Сначала во время этихъ безпрестанныхъ остановокъ всѣ стоя дожидались дальнѣйшаго

движенія; но потомъ чуть остановка, всѣ валились на снѣгъ и не проходило пяти минутъ, какъ уже слышался храпъ. Тяжело было просыпаться изъ этого чуткаго минутнаго сна, переносившаго въ воображеніи туда, гдѣ тепло, не голодно, и гдѣ тѣ, отъ которыхъ, какъ казалось въ то время, мы были на вѣкъ оторваны. Снѣгъ становился все глубже, подъемъ круче, тропинка лѣпилась вдоль отвѣстной стѣны, вѣтеръ съ подъемомъ все усиливался, такъ что слѣдъ заносило моментально. Мѣстами приходилось карабкаться, и мы невольно переставали вѣрить глазамъ своимъ, что здѣсь впереди насъ тащатъ орудія! Всѣ мы вооружились палками въ родѣ Alpenstock'овъ, но несмотря на это, то и дѣло падалъ то одинъ, то другой. Шесть кавалерійскихъ лошадей свалилось съ кручи и я сильно побаивался за наши вьюки. Бѣда была бы, еслибъ которая нибудь изъ нашихъ вьючныхъ лошадей отказалась служить или свалилась въ бездну. Вьюки наши шли далеко за нами и страшно было спрашивать, тутъ ли они еще. Предстояло дѣло: нужны были перевязки, нужно было теплое платье для раненыхъ, все наше походное имущество, чай, сахаръ, консервы, все было на вьюкахъ. Потерять хоть одинъ, было бы куда какъ нехорошо. Впродолженіи всего перехода, длившагося тридцать два часа, нечѣмъ было кормить нашихъ лошадей; у кавалеріи были лошадиныя галеты, съ нами и ихъ не было. Такъ шли мы всю ночь; наконецъ стало свѣтать и, слава Богу, разсвѣло. Какъ ни бываешь утомленъ и голоденъ, но походъ днемъ несравненно легче, чѣмъ ночью.

Странный человѣкъ нашъ солдатъ: ночью во время этой адской погоды и тьмы, усталый и голодный онъ поетъ пѣсни! Всю дорогу можно было слышать соло то тутъ то тамъ. Мнѣ вспомнилось: нужда пляшетъ, нужда скачетъ, нужда пѣсенки поетъ. Наконецъ мы добрались до верхушки Умургача—а это 6,500 ф. надъ уровнемъ моря,—около трехъ часовъ дня 16-го декабря. Считайте, сколько времени мы уже шли!

Теперь — хоть это такъ недавно! — мнѣ самому страшно вспомнить это время. Сколько сценъ, отдѣльныхъ чертъ, отрывочныхъ картинъ и картинокъ, отрывочныя и характерныя фразы, афоризмы, балагурство, комедіи и трагедіи, подробности и обстановка чего то великаго, что́ чувствовалось всѣми — все было ново, оригинально, все хотѣлось запомнить, записать, чтобы передать вамъ,—да ужь какое тутъ записыванье!

Стоялъ я рядомъ съ однимъ гусаромъ; къ намъ подошли два армейскіе пѣхотные солдата. Одинъ изъ нихъ, на видъ сильно изнуренный, сѣлъ да и говоритъ, обращаясь къ гусару.

— Землякъ, дай, сдѣлай милость, этого круглаго пряника (лошадиной галеты).

Гусаръ ему и говоритъ:

— Да вѣдь это лошадиная!

— Ничего, братъ, онѣ тоже сладкія, я ужъ ихъ ѣлъ.

Гусаръ далъ ему двѣ галеты.

— Вотъ, братъ, спасибо! а то вчера вовсе изъ силъ выбился, упалъ, да хоть, что хошь, не могу идтить, да и только. Пять денъ сухарей не видалъ. Вотъ казачокъ далъ мнѣ два сухарика — поѣлъ, ну и плетусь. Не знаю, скоро ли то еще часть догонимъ.

— Да ты какого полка?

— Я то? Архангелогородскаго.

— Чтожъ вы въ дѣлѣ то бывали?

— Евося, въ дѣлѣ! ты спроси, когда мы не были. Наше такое ужъ счастье: какъ онъ наступать станетъ, ужъ безпремѣнно на нашъ полкъ. Никакъ пятаго командира за походъ мѣняемъ.

— Чтожъ на тебѣ креста нѣтъ?

— Креста!? нешто крестъ всякому даютъ, кто много въ дѣлѣ бываетъ. Кто на кухнѣ капризничаетъ, тому и лучше. Прощай, братъ, спасибо.

И поплелся нашъ армеецъ дальше, догонять свою часть! Поймите вы всю глубину значенія фразы, «кто на кухнѣ капризничаетъ...»

А вотъ еще сцена на вершинѣ Умургача—которая просто заставила меня заплакать... сознаюсь въ этомъ! Правда, я былъ разстроенъ и начиналъ не на шутку уставать, да къ тому же побаивался за Я—скаго и Кон—ича, которые то и дѣло садились и поговаривали о томъ, что выбились совсѣмъ изъ силъ. А отстать—это значитъ замерзнуть. На самой вершинѣ есть островокъ лѣсу и только что мы вошли съ открытой поляны въ лѣсъ, слышимъ—закатываютъ во всю ивановскую плясовую пѣсню, да такую плясовую, что наши усталыя ноги невольно стали переступать въ тактъ этой пѣсни. Какъ то даже повеселѣли всѣ.

Да въ лѣсу къ тому же и теплѣе стало. Здѣсь я встрѣтилъ знакомыхъ: Чичагова, Безака и командира Пензенскаго полка. Послѣдній далъ мнѣ стаканъ чаю. Спасибо ему!

Не забуду я этотъ чай! Вотъ этого-то Пензенскаго полка 6-я рота, форсированнымъ маршемъ пришедшая изъ-подъ Плевны, трое сутокъ тащившая орудія, четыре дня получавшая половинную порцію сухарей, на радостяхъ что получила, какъ и другія роты, отъ Безака пятьдесятъ рублей на чай, распѣваетъ плясовыя пѣсни. Когда я поровнялся съ ними, жутко стало слушать этихъ героевъ, поющихъ и пляшущихъ по колѣно въ снѣгу во рваныхъ промерзшихъ шинеляхъ.

Въ это время одинъ за однимъ пробиралась между орудіями и шестой ротой другая рота того же полка. Командиръ полка, стоявшій тутъ же, спросилъ: «которая рота?—Девятая, ваше высокоблагородіе! «Здорово, девятая! смотри, какъ сестра веселится.» Одинъ изъ солдатиковъ девятой роты, шедшій также въ тактъ пѣсни и говоритъ:—«и мы, ваше высокоблагородіе, подплясываемъ». А тотъ, что шелъ за нимъ добавляетъ: «Покуль живы!» и оба проходятъ дальше...

Отсюда дорога пошла ужъ подъ гору и къ пяти часамъ вечера мы добрались до деревни Чуріакъ. Что за счастье было попасть въ хату, сѣсть и отогрѣться у огня! Несмотря на то, что квартира наша была безъ оконъ и безъ потолка, но тогда и она намъ показалась превосходною. Вьюки наши, благодаря Бога, уцѣлѣли и поэтому мы были въ состояніи тотчасъ же напиться чаю, даже съ сахаромъ, такъ какъ тогда еще у насъ имѣлся таковой; позакусили и сейчасъ же завалились спать. Въ эту ночь никто изъ насъ не страдалъ безсонницей. Проснулись мы на другой день около десяти часовъ утра. Было воскресенье; погода была теплая. Мы узнали, что дальше пойдемъ только ночью съ понедѣльника на вторникъ. Во вторникъ было дѣло подъ Ташкисеномъ, а въ среду сдался Арабъ-Конакъ. Все Ташкисенское дѣло происходило у насъ на глазахъ; мы были внизу въ Чиканчевѣ, а наши (3-я гвард. дивизія и Преображ.) лѣзли на верхъ. Раненыхъ къ намъ приносили до самаго вечера и клали прямо на снѣгъ вокругъ костровъ. Къ вечеру набралось до трехсотъ человѣкъ. Впродолженіи восьми часовъ сряду мы перевязывали и вынимали пули. Было холодно; трудно было работать, руки зябли, а, въ добавокъ къ этому, лежащихъ приходилось перевязывать, стоя на колѣняхъ, и дымъ отъ костровъ нещадно ѣлъ глаза. Сколько тутъ было стоновъ, сколько надрывающихъ душу картинъ. Но вѣдь человѣкъ ко всему привыкаетъ и намъ все это казалось уже менѣе ужаснымъ, чѣмъ первые разы. А знаете ли, кто изъ васъ, мои дорогіе, чаще всѣхъ вспоминаетъ въ эти минуты—или лучше сказать въ краткія минутныя передышки посреди работы?.. Вы, мамаша! Вдругъ рождается страстное желаніе, чтобы вы, моя дорогая, меня видѣли; мнѣ стыдно сознаться, мнѣ какъ бы хочется похвастаться передъ вами моими окровавленными руками и тою кипучею работою, которую мы тутъ обдѣлываемъ. Только къ двѣнадцати часамъ ночи мы успѣли перенести всѣхъ раненыхъ подъ крышу и напоить ихъ чаемъ. Къ утру тридцать человѣкъ изъ нихъ умерло, между ними два офицера.

Священника въ Чиканчевѣ не было, намъ же пришлось и похоронить ихъ. Вы, можетъ быть, не знаете, что съ мертвыхъ обыкновенно снимаютъ сапоги и шинели, для того, чтобы ими могли воспользоваться кому нужно. Черезъ полчаса обыкновенно все уже бываетъ разобрано.

На другой день мы получили приказаніе идти по направленію къ Софіи. Сдавши раненыхъ дивизіоннымъ врачамъ 2-й дивизіи, мы выступили изъ Чиканчева около полудня. Взобрались на первую гору и передъ нами открылся давно невиданный ландшафтъ: послѣ двухъ мѣсяцевъ странствій по горнымъ трущобамъ, мы увидали въ первый разъ большую долину! Софія была отъ насъ въ тридцати верстахъ. Впереди слышна была сильная ружейная пальба. Мы торопились, чтобы поспѣть къ дѣлу, но лошади наши скользили и мы медленно подвигались впе-

редъ. Къ вечеру догнали въ Горномъ Бугоровѣ штабъ Гурко, 1-ю и 2-ю гвардейскія дивизіи. Въ Горномъ Бугоровѣ мнѣ пришлось лечить Нагловскаго и Бреверна. Поэтому, на другой день, когда нашъ летучій отрядъ отправился въ деревню Враждебную, я поѣхалъ съ штабомъ въ Чифтликъ—усадьбѣ, находящійся въ пяти верстахъ отъ Софіи.

Было 23-го декабря. Утромъ всѣ говорили, что завтра будетъ аттака на Софію. Когда я въ этотъ день былъ съ Бреверномъ у Нагловскаго, туда пришелъ Гурко. Я ему сказалъ, чтобъ онъ уговорилъ Бреверна серьозно лечиться; Бревернъ на это выразилъ, что, когда придемъ въ Софію, тогда онъ примется за леченіе. На это Гурко отвѣтилъ: «да вѣдь мы еще Софію-то не взяли! на войнѣ, какъ на морѣ,—не знаешь, что будетъ впереди».

Часовъ около одиннадцати утра мы пошли домой, т. е. къ Бреверну. Просидѣли съ часъ времени; собирались завтракать; вдругъ по всей усадьбѣ раздается крикъ: сѣдлать! сѣдлать! Сначала былъ, разумѣется, маленькій испугъ: вѣдь мы были въ пяти верстахъ отъ Софіи, тамъ предполагалось двадцать тысячъ войска, а у насъ только Гуркинскій конвой. Не успѣлъ я надѣть пальто и выйдти, какъ уже раздался другой крикъ: Софія занята нами, турки бѣжали! Отлегло отъ сердца! Всѣ стали другъ друга поздравлять и съ нетерпѣніемъ ждали, когда Гурко поѣдетъ въ городъ. Всякому хотѣлось быть свидѣтелемъ въѣзда въ побѣжденный городъ! прошелъ еще одинъ томительный часъ, покудова пришло оффиціальное извѣстіе о занятіи Софіи. Гурко выѣхалъ и мы присоединились къ нему. Пять верстъ до Софіи мы ѣхали галопомъ и рысью, лошади давно некованныя сильно скользили; но на радостяхъ этого не замѣчаешь. Самый въѣздъ въ городъ я вамъ опишу въ другой разъ. Въ Софіи мы думаемъ простоять съ недѣльку, отдохнемъ, вымоемся и тогда, что Богъ дастъ. Можетъ быть скоро и войнѣ конецъ Ну, до свиданія, мои дорогіе, поздравляю васъ съ праздниками; вѣдь сегодня 25-е декабря, Рождество! Мы его вчера встрѣтили въ обществѣ англичанъ врачей «Краснаго Полумѣсяца». Хорошо мы себя чувствовали у нихъ въ этотъ святой, по воспоминаніямъ дѣтства, вечеръ. Дома была елка, мы сидѣли съ людьми, еще вчера бывшими въ непріятельской арміи, и попивали эль и виски. Послѣ Бухареста здѣсь въ первый разъ мы достали пива; какимъ чуднымъ нектаромъ показалось оно намъ, хотя было довольно таки скверное. Но сегодня довольно. Усталъ, да и нужно кончать: скоро отправляется курьеръ.

II.

Послѣднія ваши письма я получилъ въ Яблоницахъ 9-го ноября, въ тотъ самый день, когда неожиданно для насъ, намъ пришлось отправиться съ колонною генерала Рауха въ обходъ Правецкимъ укрѣпленіямъ. Изъ газетъ вы, вѣроятно, уже знаете объ этомъ дѣлѣ, которое имѣло такія важныя послѣдствія и стоило намъ сравнительно весьма дешево. Я попытаюсь описать весь нашъ походъ съ самаго выхода изъ Яблоницъ.

9-го ноября Янковскому и мнѣ объявилъ Петлинъ, что черезъ часъ уже выступаетъ Семеновскій полкъ и конно-горная батарея, за которой мы должны были слѣдовать, что идемъ мы всего на одинъ день по скверной дорогѣ и что поэтому не беремъ съ собою каруца, а только одинъ вьюкъ съ перевязочными средствами. Некогда было долго собираться; мы кое-какъ уложили вьюкъ, живо закусили и, уже готовые, ожидали прохода Семеновскаго полка и конно-горной батареи, для того, чтобы стать на мѣсто и слѣдовать за колонной. Сами мы не взяли съ собой въ полномъ смыслѣ слова никакихъ вещей, такъ какъ всѣ думали, что на другой день соединимся съ центральнымъ отрядомъ графа Шувалова въ Усиковицѣ, куда должны были подъѣхать наши вещи и остальные доктора и студенты. Въ то время еще мы были неопытны и вѣрили въ возможность «rendez-vous», отправляясь въ походъ, да еще въ обходной колоннѣ!

Описываю все это такъ подробно потому, что дальше произошло нѣчто курьезное.

10-го ноября предполагалось брать Правецъ, укрѣпленную горную позицію, съ трехъ сторонъ сразу. Центромъ наступленія была деревня Усиковицъ, слѣва колонна Е. В. принца Ольденбургскаго, справа мы, т. е. колонна Рауха, правѣе насъ были конно-гренадеры и лейбъ-драгуны; они должны были наступать отъ Врацы и въ то время, какъ мы будемъ брать Правецъ, предпологалось, что они будутъ демонстрировать противъ Орхапіи и такимъ образомъ будутъ служить намъ заслономъ. Итакъ, въ часъ дня мы вышли изъ Ялбоницъ, прошли четыре версты по шоссе, затѣмъ свернули вправо и пошли уже цѣликомъ. Сначала все шло, какъ по маслу: къ восьми часамъ вечера мы добрались до деревни Веурари, лежащей уже въ горахъ.

Такъ какъ отсюда уже дорога шла горнымъ ущельемъ, то намъ пришлось дожидаться около двухъ часовъ, пока передовыя части колонны втянутся въ это ущелье. Въ Ведрари мы встрѣтили полковника Клуге нау; я его только что поставилъ на ноги отъ сильнѣйшей лихорадки: онъ былъ здѣсь съ Аубанскимъ казачьимъ полкомъ, которымъ онъ временно командуетъ.

Благодаря ему и восьми Кубанцамъ, которые, по приказанію Рауха, были даны въ наше распоряженіе, студенты наши и мы, а потомъ и наши раненые не умерли съ голоду. Вообще, нужно таки сказать, что кромѣ генерала Рауха рѣдко, кто давалъ намъ какую-либо помощь. Я забылъ сказать, что въ головѣ нашей колонны шли два гвардейскіе стрѣлковые батальона 1-ый, и 4-ый, за ними Семеновцы, тащившіе орудія и зарядные ящики, затѣмъ мы, грѣшные, а ужъ за нами Кубанскій полкъ. Сейчасъ за Ведрари дорога была уже нехороша, но мы кое-какъ подвигались впередъ и все таки не теряли надежды прибыть на нашу позицію въ 11 часовъ утра и начать огонь. Съ другой стороны не велѣно было начинать, пока мы не покажемся на нашей позиціи, которая, какъ оказалось, лежитъ на 3,000 футовъ выше Ведрари. Дорога туда идетъ по горамъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ превращается въ тропинку, извивающуюся вдоль отвѣстной скалы и лежащую надъ пропастью, въ которой шумитъ и пѣнится, какъ бѣшеный, Малый Искеръ. По такой то дорогѣ должны были пройти войска съ артиллеріей! Вы должны знать, что при такихъ горныхъ походахъ, попавши на свое мѣсто, т. е. между опредѣленными частями, ты уже долженъ тутъ и оставаться, словомъ, находишься въ такомъ же положеніи, какъ передъ кассою театра, когда берешь билетъ. Вспомните горныя тропинки Швейцаріи, les sentiers de chevaux, и представьте себѣ какого здѣсь провозить орудія. Поминутно приходилось останавливаться то на 5 минутъ, то на часъ и даже дольше. Орудія и зарядные ящики тащимъ людьми. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога была такъ узка, что наружное колесо лафета шло на полъ-аршина надъ пропастью. Къ орудіямъ привязывали толстыя веревки и съ неимовѣрными усиліями удерживали ихъ въ этомъ аэростатическомъ положеніи. Такъ шли мы всю ночь! Турки считали нашу дорогу непроходимою и не ожидали насъ отсюда. Но для нашихъ солдатъ, должно быть, нѣтъ непроходимыхъ дорогъ! Ночью два зарядные ящика свалились таки въ пропасть; потомъ ихъ достали. Какъ разъ въ то время, около 2-хъ часовъ ночи, когда мы, т. е. нашъ летучій отрядъ переходилъ въ бродъ Малый Искеръ, впереди что-то случилось, всѣмъ пришлось остановиться, а намъ, на несчастіе, пришлось стоять въ самой рѣкѣ. Воды было въ полъколѣна; такъ мы прождали полтора часа. Вѣтеръ былъ довольно сильный, и поэтому, когда мы садились верхомъ, думая этимъ облегчить наше положеніе, то наши насквозь мокрыя ноги начинали страшно зябнуть. Не забудьте, что ночь,—такъ и клонитъ ко сну. И не знаю, что-бы мы дали тогда за возможность хоть прислониться къ чему нибудь.

Невыносимы были эти остановки: только, что сядешь,—начнешь дремать—опять поднимайся и не успѣешь сдѣлать 20 — 30 шаговъ, снова остоновка. Верхомъ ѣхать было еще хуже—мы вели лошадей въ поводу.

Къ 10-ти часамъ утра, т. е. къ тому времени, когда мы должны были уже быть на мѣстѣ, мы едва добрались до половины нашего пути— до деревни Калугерово. Здѣсь мы простояли съ часъ времени и слышали вправо отъ насъ сильную пальбу. Тогда мы не понимали, въ чемъ дѣло, потомъ все объяснилось. Дѣло въ томъ, что когда генералъ Раухъ увидѣлъ, что мы не можемъ поспѣть во время на нашу позицію, онъ послалъ объ этомъ сказать Гурко. Тотъ въ свою очередь послалъ приказаніе къ конно-гренадерамъ и лейбъ-драгунамъ отложить демонстрацію противъ Орханіи до слѣдующаго дня. Приказаніе это, какъ говорятъ, не дошло во время по назначенію и гвард.-драгунская бригада со второй конно-гвардейской батареей, согласно первому приказанію, начала дѣло 10-го утромъ, дѣло подъ Новаченомъ, стоившее намъ двухъ орудій и дорого обошедшееся драгунамъ. Вслѣдствіе этого недоразумѣнія мы ничѣмъ не были защищены во время взятія Правца со стороны Орханіи, такъ какъ 11 числа драгунская бригада уже ничего не предпринимала.

Изъ Калугерова мы выступили часовъ въ 11 утра и шли безостановочно до 10 часовъ вечера; словомъ, не считая нашей остановки въ Ведрали, мы шли 32 часа! Это легко сказать, но очень и очень трудно сдѣлать.

Къ десяти часамъ вечера мы добрались, наконецъ, до небольшой полянки, гдѣ Раухъ порѣшилъ переночевать, такъ какъ всѣ окончательно выбились изъ силъ. Ночью было довольно свѣжо, но было строго запрещено разводить огонь. Орханія была отъ насъ въ десяти верстахъ; насъ могли замѣтить оттуда и ночью могли напасть на насъ.

Несмотря на крайне неудобную постель, въ видѣ кукурузнаго поля, на которомъ торчатъ срѣзанные стволы кукурузы, мы всѣ отлично проспали всю ночь. Но каково было казакамъ, посланнымъ въ разъѣздъ и тѣмъ бѣднымъ ротамъ, которымъ пришлось занять караулы вдоль цѣпи! А караулы эти должны были быть хороши, такъ какъ каждую минуту могли напасть на насъ изъ Орханіе и Правца.

Благодаря милымъ туркамъ, ночь прошла благополучно и мы, какъ встрепаные, въ семь часовъ утра выступили впередъ по ущелью, круто-шедшему въ гору.

Генералъ Раухъ и начальникъ его штаба полковникъ Пузыревскій предложили мнѣ ѣхать съ ними впередъ, для того, чтобы выбрать мѣсто для перевязочнаго пункта. Видно было, что и тотъ, и другой вовсе не увѣрены были въ успѣхѣ. И дѣйствительно, ихъ задача была крайне рискована.

Мы отъѣхали двѣ версты отъ нашего ночлега и стрѣлковые батальоны и сотня кубанцевъ, шедшіе впереди насъ, тотчасъ должны были начать дѣло. Мы услышали первый выстрѣлъ. Пузыревскій посмотрѣлъ на часы; было четверть одинадцатаго. Онъ поѣхалъ впередъ узнать въ чемъ дѣло. Оказалось, что турки пронюхали насъ и въ ночь успѣли выстроить ложементы въ самомъ ущельѣ. Тутъ я вспомнилъ, что еще вечеромъ наканунѣ, Клугенау,

служившій долго на Кавказѣ, мнѣ говорилъ, что какъ бы наши войска ни устали и несмотря на то, что темно, онъ непремѣнно еще въ тотъ же вечеръ занялъ бы ущелье хоть двумя ротами. Съ того мѣста, куда намъ прислали извѣстіе, что впереди новые ложементы, генералъ Раухъ поѣхалъ впередъ, а я остался ожидать нашихъ. Тутъ же мы положили открыть перевязочный пунктъ.

Прошелъ мимо меня Семеновскій полкъ; за нимъ подошли его полковые доктора и священникъ, а съ ними нашъ остальной летучій персоналъ. (Докторъ Яковскій, студенты: Гласко, Конописевичъ, Емельяновъ). За ними шелъ Клугенау съ остальными сотнями кубанцевъ.

Проходя мимо меня, онъ сказалъ, что оставилъ сзади два поста, чтобы наблюдать, не пойдутъ ли турки изъ Орханіи намъ въ тылъ. Вы видите, что еслибы они это сдѣлали, на что они имѣли возможность, такъ какъ мы были въ глубокомъ ущельѣ, они могли бы насъ стиснуть и совершенно уничтожить.

Впереди насъ пальба все усиливалась, и уже нѣсколько пуль просвистали надъ нашими головами. Это были шальныя пули, перелетавшія черезъ хребетъ. Только что пролетѣла первая пуля, одинъ изъ кубанцевъ весьма похоже сталъ изображать этотъ свистъ и тотъ страшный сухой звукъ, съ которымъ пуля ударяется о скалу или землю.

Скверное чувство обыкновенно испытывается на передовомъ перевязочномъ пунктѣ! Слышишь возлѣ себя пальбу, слышишь свистъ пуль и рѣшительно не знаешь, что дѣлается впереди, чья беретъ? Не знаешь, придется ли идти впередъ или можетъ быть отступать и, какъ нарочно, до перевязочнаго пункта доходятъ самыя печальныя вѣсти.

Самый скверный моментъ въ этотъ день былъ тотъ, когда стали приносить раненыхъ. Въ то время, какъ мы перевязывали перваго раненаго, какъ разъ между нами шлепнулась въ землю пуля. Всѣ невольно вздрогнули и переглянулись. Стало жутко! Кончивши перевязку, мы понесли раненаго; (это былъ рядовой Стрѣлковаго Батальона Императорской фамиліи Тенковъ) за пригорокъ, думая, что тамъ будетъ безопасно; но и тамъ также падали пули, какъ и на прежнемъ мѣстѣ. Въ это время, т. е. около двѣнадцати часовъ, мы все ждали, что вотъ, вотъ услышимъ выстрѣлы справа, т. е. будемъ защищены со стороны Орханіи, а ихъ все не слыхать, да и только. Нужно же къ довершенію всего, чтобы какъ разъ въ то время, когда всего больше пуль ложилось возлѣ насъ, явился съ поста кубанецъ и сказалъ, что на дорогѣ изъ Орханіи видно нѣсколько турецкихъ солдатъ, которые спрятались, увидавши нашъ разъѣздъ. Часъ отъ часу становилось не легче! Когда я спросилъ этого казачка, отчего онъ ѣдетъ съ такимъ важнымъ извѣстіемъ шагомъ, онъ мнѣ прехладнокровно отвѣтилъ: «Конь нейдетъ, ваше высокоблагородіе, заморенъ горараздъ.» И, какъ бы въ доказательство, ударилъ нагайкой по тощимъ бокамъ лошади, но она не измѣнила своего аллюра.

Черезъ нѣсколько времени мы увидѣли роту лейбъ-гвардіи Семенов-

скаго полка, посланную назадъ занять наше ущелье съ тылу. Это было для насъ большой утѣхой! Хотя, что могла сдѣлать одна рота, если бы турки дѣйствительно пошли намъ въ тылъ!

Съ перевязочнаго пункта видно было, какъ стрѣлки Императорской фамиліи по вершинѣ горы цѣпью обходили турецкіе ложементы. Что это за молодцы! Идутъ, какъ на ученьи, стрѣляютъ съ выдержкой.

А турецкій огонь — это чистая барабанная дробь, которая какъ начнется, такъ безъ конца и дуетъ себѣ.

Въ такомъ тревожномъ, неопредѣленномъ состояніи провели мы цѣлый день. Работы было мало, такъ какъ раненыхъ оказалось всего двадцать два человѣка и кромѣ насъ тутъ же были всѣ врачи Семеновскаго полка. Да и раненія-то были все почти изъ легкихъ. Часамъ къ пяти или шести стрѣльба впереди насъ прекратилась и мы узнали, что ложементы нами взяты и что изъ Правца турки бѣжали опрометью. Въ Правцѣ, какъ говорятъ плѣнные, наше появленіе въ тылу укрѣпленій произвело полнѣйшую панику, которая усиливалась еще тѣмъ, что оттуда было видно, какъ турки убитые и раненые валились изъ своихъ ложементовъ, внизъ по крутому склону горы.

Когда уже стемнѣло, мы послали казачка розыскать генерала Рауха и спросить его, что намъ дѣлать, оставаться ли на ночь тутъ же или идти впередъ за колонной.

Когда мало по малу улеглось наше тревожное настроеніе, тогда только мы вспомнили, что во весь день мы почти ничего не ѣли. Ощущеніе голода заглушается другими сильными ощущеніями, но за то, когда все успокоится, тутъ то начинаешь чувствовать волчій аппетитъ. Весь хлѣбъ, который мы взяли, давно уже вышелъ, и намъ по неволѣ приходилось обратиться къ нашимъ кубанцамъ за пропитаніемъ. Но не успѣли еще мы привести нашъ планъ въ исполненіе, какъ одинъ изъ нихъ уже явился съ предложеніемъ покушать свининки и лепешекъ. Мы подсѣли къ ихъ костру; стряпня была въ полномъ ходу: одинъ мѣсилъ лепешки, другой наблюдалъ за шипящей и слегка потрескивавшей свининой, жарившейся въ какомъ то черномъ не то котлѣ, не то горшкѣ; третій поправлялъ огонь. Представьте себѣ насъ, голодныхъ, смотрящихъ на эти препаративы. Сначала наши казачки были какъ то сдержаны, но не прошло и получаса, какъ у насъ завязался самый милый разговоръ. Пятеро изъ нихъ были со Скобелевымъ подъ Ловчей и Сельви; нужно было слышать, съ какимъ энтузіазмомъ они говорятъ объ немъ! Онъ для нихъ является, положительно, сверхъестественнымъ существомъ. Называютъ они его не иначе какъ «Скобель», и въ главную заслугу, разумѣется, кромѣ храбрости ставятъ то, что ужъ очень онъ съ нашимъ братомъ обходителенъ, да заботливъ, и какъ говорить ежели станетъ, такъ всякое его слово мы понимать можемъ, а то иной и говоритъ какъ то не явственно, ровно, какъ «глумно» выходитъ.

Когда свинина и лепешки изъ ржаной муки на свиномъ жиру были готовы и мы уже съ усердіемъ дѣлали честь ихъ гастрономическому достоинству, казавшемуся намъ тогда идеальнымъ, я спросилъ у Кубанцевъ, откуда у нихъ всѣ эти прелести? Старшій изъ нихъ, Трофимъ, на это отвѣтилъ:

Ваше высокоблагородіе, вѣдь нужно же намъ стараться! вотъ мы десятый день сухарей не получали, а вѣдь сытымъ быть надоть; опять и лошадь не кормить никакъ нельзя. Ну, гдѣ ежели дорогой что замѣтимъ валящее, али такъ безъ хозяина, значитъ, ну намъ зѣвать и не приходится.

— Да отчего же вы сухарей такъ давно не получали?

— Не могимъ знать! Да опять сказать, нешто съ нашего сухаря сытъ будешь? Вотъ подъ Лоучей, намъ турецкіе изъ складовъ достались, такъ тѣ не въ примѣръ лучше. А нашихъ вонъ онамеднись давали намъ, такъ только званіе, что сухарь—какъ есть одна плесень. Дома его и собакѣ бы не далъ!

Стало уже совсѣмъ темно; густой туманъ покрывалъ землю. Когда ночью сидишь у костра, то кажется, что окруженъ какимъ то темнымъ сводомъ, а въ этотъ разъ туманъ добавлялъ впечатлѣнія какъ бы стѣнѣ, заключавшимъ нашу кампанію. Такъ сидѣли мы въ кружокъ у огня да и разговаривали себѣ. Настроеніе наше было удивительно мирное, покойное. Было около девяти часовъ, когда вернулся посланный казакъ и привезъ приказаніе отъ Начальника штаба двигаться впередъ и догонять нашу колонну, расположившуюся отъ насъ верстахъ въ трехъ. Сначала намъ казалось очень темно и мы едва подвигались впередъ. Наша тропинка шла берегомъ ручья и поднималась круто въ гору. Какъ только мы выбрались изъ слоя тумана, такъ стало совершенно свѣтло: луна освѣщала всю мѣстность, какъ днемъ. Съ полъ-дороги уже намъ стали показываться казаки съ вьюками сѣна. Гдѣ-то въ горахъ его нашли довольно много. Нашъ Трофимъ сейчасъ же отрядилъ двоихъ казаковъ за сѣномъ для нашихъ лошадей. Съ Кубанцами мы были, какъ у Христа за пазухой.

Мы шли небольше часа и, дошедши до бивуака нашего отряда, увидали такую картину, изъ-за которой можно было бы перенести втрое больше нашего. Мы очутились на краю пропасти, сплошь покрытой туманомъ, который, какъ море, на громадномъ пространствѣ растилался подъ нашими ногами. Луна свѣтила во всю ивановскую! Кое-гдѣ изъ бѣлаго тумана, какъ острова, возвышались макушки сосѣднихъ горъ. Къ этой дивной, величественной картинѣ прибавьте то настроеніе, въ которомъ мы находились. Сотни костровъ освѣщали мѣсто бивуака, но огни наши казались мизерными въ сравненіи съ луннымъ свѣтомъ, и вообще весь нашъ бивуакъ, когда я взглянулъ на него послѣ; того что долго не могъ оторвать глазъ отъ этой чудной картины природы, весь нашъ бувуакъ произвелъ на меня впечатлѣніе маленькаго муравейника.

Въ эту минуту всѣмъ намъ было дѣйствительно хорошо. Несмотря на усталость, мы просидѣли до двухъ часовъ ночи. Вотъ, когда всѣ жалѣли, что ни у кого нѣтъ ни вина, ни водки, а какъ хотѣлось хоть глотокъ выпить, отпраздновать нашу побѣду, дешево доставшуюся и имѣвшую такіе громадные результаты: вслѣдствіе сдачи Правца, сдался Этрополь, а на дняхъ, вѣроятно, сдастся и Орханія. Всѣ говорятъ, что нашъ переходъ будетъ занесенъ въ исторію.

Вѣроятно, со временемъ будутъ показывать нашу тропинку и говорить: здѣсь прошли войска и провезли шесть орудій. Но едва ли тотъ, кто самъ не видѣлъ этого, повѣритъ этимъ разсказамъ, а если и повѣритъ, то навѣрное не будетъ въ состояніи себѣ представить реально всѣхъ нашихъ мытарствъ.

На слѣдующій день, 12-го ноября, рано утромъ позвалъ меня къ себѣ генералъ Раухъ и просилъ взять на наше попеченіе всѣхъ раненынъ наканунѣ. Онъ получилъ приказаніе немедленно идти впередъ.

Прежде всего нужно было доставить нашихъ раненыхъ по возможности ближе къ Софійскому шоссе, которое съ нашей горы было видно, какъ ленточка, извивающаяся между горъ. Нести раненыхъ на рукахъ въ Правецъ было немыслимо: мы были отъ него верстахъ въ шести. Съ нашей позиціи видна была деревня, лежавшая внизу, неподалеку отъ шоссе. Мы предложили перенести туда всѣхъ раненыхъ. На это генералъ Раухъ согласился и приказалъ взять отъ каждой части соотвѣтствующее число людей съ носилками. Никто изъ насъ не зналъ, гдѣ находились подвижные дивизіонные лазареты: мы однако-же думали, что который нибудь изъ нихъ уже пришелъ въ Усиковицъ, куда и нужно было дать знать о томъ, гдѣ и сколько было у насъ раненыхъ и больныхъ.

Изъ палатки Рауха я направился къ графу Клейнмихелю: онъ стоялъ со своимъ стрѣлковымъ баталіономъ немного выше и дорога къ нему лежала какъ разъ мимо турецкихъ ложементовъ, которые были наканунѣ взяты. И въ ложементахъ, и между ними вездѣ валялись турецкіе трупы. Въ особенности ихъ много лежало у подножья верхняго уступа горы: туда они скатывались, такъ какъ гора была очень крута. Идя по этой мѣстности, меня поражали не трупы, а та ужасная картина, о которой я зналъ только по наслышкѣ. Меня коробило отъ омерзенія при видѣ цѣлой стаи болгаръ съ мѣшками на спинѣ, обирающихъ убитыхъ турокъ: они ихъ раздѣваютъ догола, обшаривая и поворачивая ихъ со стороны на сторону; они, разумѣется, нисколько не стѣсняясь, приканчиваютъ тѣхъ, которые имъ попадаются въ руки живыми. Невольно самъ себя спрашиваешь, что бы стали дѣлать эти люди, если бы пришлось отступать, не успѣвая убирать раненыхъ и хоронить убитыхъ не туркамъ, а намъ? Когда мы шли на позицію и во время самаго боя, намъ то и дѣло попадались эти братушки, вооруженные палками, а нѣкоторые даже съ ружьями, съ мѣшками за плечами. Тогда мы

еще не знали, къ чему они стремились и думали, что это, вѣроятно, какіе-нибудь бѣглые, возвращающіеся подъ нашимъ прикрытіемъ въ свои села.

Въ одномъ небольшомъ ложементѣ, мимо котораго мнѣ пришлось идти, лежало другъ на другѣ восемь труповъ; все это еще вчера были молодые, здоровые люди. Видно было, что не всѣ они были убиты на повалъ. Нѣкоторымъ пришлось еще мучиться передъ смертью. При видѣ такой картины невольно остановишься и мелькнетъ у тебя мысль о томъ, сколько нравственныхъ и физическихъ страданій на вѣки замерло въ такомъ ложементѣ... Съ какимъ чувствомъ ужаса и отвращенія взглянулъ бы на такую картину въ мирное время, а тутъ ничего, какъ будто бы такъ и надо. Война,—и все тутъ. Сколько было офицеровъ, говорившихъ въ мирное время о томъ, что они не могутъ видѣть ни крови, ни труповъ, а тутъ нагляделись всего вдоволь. И мало-ли, что кажется въ мирное время невозможнымъ, а во время войны исполняется даже съ необычайной легкостью! Въ особенности сильно на человѣка дѣйствуетъ безповоротность его положенія. Назадъ нельзя, а впередъ идти нужно! Вотъ это-то заставляетъ насъ часто на войнѣ дѣлать то, что намъ кажется невозможнымъ въ мирное время. До этого времени я совсѣмъ не зналъ графа Клейнмихеля; но, спросивши у двоихъ или троихъ солдатиковъ, гдѣ его палатка, я почувствовалъ, что этотъ командиръ, должно быть, любимецъ своего батальона. Какъ-то радушно, не казенно, солдаты указывали гдѣ его найдти.—«Вамъ нашего графа?»—да вотъ его палатка», съ какой-то довольной улыбкой говорили они.

Вѣдь многому, что чувствуешь такъ или иначе, нельзя подобрать объясненія. Вотъ и мнѣ изъ простаго указанія солдатъ, гдѣ стоитъ палатка графа Клейнмихеля, показалось, что должно быть они его любятъ. Оно потомъ такъ и оказалось: онъ дѣйствительно былъ любимцемъ и солдатъ и офицеровъ своего батальона.

Сообщивши графу о томъ, что мы принимаемъ его раненыхъ, я хотѣлъ было уже идти назадъ, но онъ меня попросилъ осмотрѣть нѣсколькихъ человѣкъ болгаръ, наканунѣ израненныхъ турками, бѣжавшими изъ Правца черезъ деревню Ложени. Многихъ они тамъ убили; нѣкоторые же раненые успѣли бѣжать; ихъ было тутъ шесть человѣкъ; двое изъ нихъ старики — лѣтъ семидесяти пяти; всѣ они были ранены саблями.

Должно быть турки мимоходомъ срывали на этихъ несчастныхъ свою безсильную злобу. У одного изъ стариковъ, еле передвигавшаго ноги, спина съ лѣвой стороны подъ лопаткой была прорублена до самаго легкаго. Когда онъ нагибался и кашлялъ, то пузырьки воздуха съ кровью, прорывались черезъ эту зіяющую рану, прикрытую какою те грязною закорузлой тряпкой.

Собравши у бивуака Семеновскаго полка всѣхъ раненыхъ и больныхъ, мы около часу дня съ однимъ изъ нашихъ студентовъ отправили ихъ внизъ. Сами же пошли къ генералу Рогуху, чтобы съ нимъ распроститься и еще разъ его поблагодарить за оказанную намъ помощь. Вѣдь вы знаете, что нашъ ле-

тучій санитарный отрядъ не связанъ ни съ какою отдѣльною частью и поэтому насъ могутъ турять съ одного фланга на другой, изъ одной колонны въ другую. Поэтому намъ и приходится, разставаясь съ какою нибудь колонной, прощаться съ тѣми, съ кѣмъ пришлось познакомиться и кто пришелся по душѣ. Вѣдь не знаешь, придется ли опять увидѣться. Около двухъ часовъ мы стали спускаться внизъ въ деревню. Четверыхъ изъ нашихъ Кубанцевъ мы оставили съ полкомъ, а остальные четверо пошли съ нами. Раненыхъ благополучно донесли до деревни, которая оказалась почти совершенно пустою: было тамъ лишь нѣсколько человѣкъ болгаръ; всѣ они имѣли какой то испуганный, загнанный видъ.

Въ этой деревнѣ мы довольно удобно расположили нашихъ паціентовъ и, разумѣется, первою заботою было ихъ накормить. Позвали мы на совѣщаніе, какъ бы это устроить, Трофима; когда мы ему сообщили, что надобно чего нибудь добыть для продовольствія и раненыхъ, и насъ самихъ, то онъ отвѣтилъ: «Наши, ваше высокоблагородіе, ужъ поѣхали, чего нибудь да разстараются!» Дѣйствительно, скоро вернулись эти наши и привезли зарѣзанную свинью, нѣсколько куръ, муки и даже меду. Разумѣется, мы обрадовались этой находкѣ, и когда кто-то изъ насъ спросилъ, сколько за все это они заплатили, одинъ изъ нихъ съ нѣкоторой ироніей отвѣтилъ:

— Ничего не заплатили! Тутъ дикіе все ходятъ, ну, мы ихъ и забрали!

Купить что-либо у болгаръ рѣшительно невозможно; на все одинъ отвѣтъ: «Нема, братушка, сычка турекъ забира, хичь нема!» Нужно видѣть съ какимъ умѣньемъ наши Кубанцы обшаривали пустые дома! Нашъ братъ хоть съ голоду помирай, а они всего добудутъ; знаютъ, гдѣ что лежитъ, даже знаютъ, куда что прячутъ жители передъ тѣмъ, чтобъ бѣжать. Нужда всему научитъ. И не правъ тотъ, кто станетъ безусловно обвинять казака или солдата въ томъ, что онъ въ военное время попользуется живностью и другими съѣстными припасами, сплошь и рядомъ валяющимися зря и дѣйствительно, повидимому, неимѣющими хозяина — «дикими».

Около пяти, шести часовъ вечера, мы окончили перевязку и тутъ-то начали соображать, какимъ образомъ дать знать въ Усиковицъ о нашемъ мѣстопребываніи. Дѣло-то въ томъ, что хотя Правецъ и былъ взятъ, но лично мы не знали, занята ли прямая дорога, Софійское шоссе, русскими или нѣтъ. Можетъ быть сомнѣніе наше и не имѣло основаній, но, тѣмъ не менѣе, оно у насъ существовало. Самая деревня Лаковица, въ которой мы были, ничѣмъ не была гарантирована отъ нападенія со стороны турокъ, такъ какъ всѣ наши войска ушли впередъ, а изъ Орханіи, еще незанятой въ то время нами, шла прямая дорога горами въ эту деревню.

Не весело было ѣхать ночью въ Усиковицъ, да и тѣмъ, кто оставался въ Лаковицѣ, было далеко не совсѣмъ покойно.

Докторъ Янковскій остался со студентами и тремя Кубанцами въ Лаковицѣ, а я съ Трофимомъ поѣхалъ въ Усиковицъ. Когда мы выѣхали, было

еще свѣтло, но едва успѣли мы добраться до Софійскаго шоссе, какъ уже стемнѣло. Намъ предстояло сдѣлать пятнадцать верстъ. Мы разсчитывали пріѣхать въ Усиковицъ въ девять — десять часовъ вечера.

Чего-чего не передумаешь во время такой поѣздки, въ особенности, когда темно и не развлекаешься окружающею природой; ѣдешь, опустивши поводья, лошадь сама выбираетъ дорогу, а ты въ это время то поговоришь о чемъ нибудь съ казакомъ, то вспомнишь о какихъ-либо впечатлѣніяхъ вчерашняго дня, то перенесешься мысленно къ вамъ въ Петербургъ; иной разъ кажется, что повидаешься съ тѣмъ или другимъ, а тутъ вдругъ оступится лошадь или, испугавшись чего нибудь, шарахнется въ сторону, и ты опять оказываешься тутъ же, среди этой дикой, чуждой тебѣ природы, въ которой кромѣ луны и звѣздъ никого и знакомыхъ то нѣтъ. Иногда, впрочемъ, рѣдко, мелкнетъ мысль о той опасности, которая возможна каждую минуту, невольно оглянешься назадъ, посмотришь по сторонамъ и, глядишь, снова перенесся куда нибудь далеко, далеко!..

Около половины девятаго, мы увидѣли впереди себя какой то свѣтъ; подъѣхавши ближе, мы различили нѣсколько костровъ, разведенныхъ возлѣ самой дороги. Я не обратилъ особеннаго вниманія не эти огни и продолжалъ мысленно витать по бѣлу свѣту. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ Трофимъ, ѣхавшій сзади, поровнялся со мной, да и говоритъ какимъ-то таинственнымъ полушопотомъ: «Ваше высокоблагородіе, наши ли то огни впереди?» Меня это такъ и огорошило! Тутъ только явился настоящій страхъ и я готовъ былъ вернуться. У огней виднѣлись люди, слышались даже голоса, но такъ какъ ручей, вдоль котораго мы ѣхали, сильно шумѣлъ, то нельзя было ничего ясно разслышать. Трофимъ слѣзъ съ лошади и, подавая мнѣ ея поводья, сказалъ: «Обождите, ваше высокоблагородіе, я пойду поближе, погляжу, да послушаю, какъ они говорятъ.» Сказавъ это, онъ моментально исчезъ въ темнотѣ. Я остался одинъ съ двумя лошадьми. Не знаю, долго ли мнѣ пришлось ждать, пока я снова услышалъ голосъ Трофима: «Пожалуйте, ваше высоблагоредіе, ничего-съ, Змайловскаго полка обозъ заночевалъ здѣсь.» Мнѣ показалось время очень долгимъ, но, вѣроятно, прошло лишь нѣсколько минутъ, такъ какъ въ сущности мы были очень близко отъ огней. Ночью, да еще въ туманѣ, бываетъ трудно опредѣлить разстояніе, въ которомъ находишься отъ чего либо свѣтлаго.

Подъѣхали мы къ Измайловцамъ, узнали отъ нихъ, что до Усиковицъ шесть или семь верстъ, и отправились дальше. Оказалось, что мы ѣхали до сихъ поръ старымъ Софійскимъ шоссе, и здѣсь только мы выѣхали на новое. Поэтому то мы всю дорогу отъ Лаковицы никого и не встрѣчали изъ нашихъ солдатъ, такъ какъ всѣ войска шли по новому шоссе, шедшему на версту правѣе насъ. Было около десяти часовъ вечера, когда мы наконецъ добрались до Усиковицъ. Здѣсь былъ уже развернутъ подвижной, дивизіонный лазаретъ 1-й гвардейской дивизіи. Остановился въ Усиковицъ я у Губина,

походнаго коменданта генерала Гурко. Янковскому и мнѣ онъ всегда отводитъ квартиру въ одной комнатѣ съ собой. Подъ его крылышкомъ мы себя чувствуемъ отлично и всѣ новости узнавалъ раньше другихъ.

Несмотря на мою усталость, въ эту ночь мнѣ пришлось очень мало спать. Только что я улегся, пришелъ къ Губину переводчикъ генерала Гурко — Рановъ, милѣйшій восторженный болгаринъ, бывшій учитель въ какой-то школѣ. Онъ дѣлалъ первый походъ съ Гурко за Балканы и никогда не снималъ съ шеи пожалованной ему за это серебряной медали на георгіевской лентѣ. Онъ пришелъ къ Губину для того, чтобы допросить плѣнныхъ турокъ изъ Травца, между которыми былъ и одинъ офицеръ. Генералъ Гурко поручилъ Ранову узнать: сколько войска находится въ Орханіи и вообще провѣдать, что́ можно.

Первымъ ввели къ намъ въ комнату длиннаго, тощаго турку; понуря голову, сложивши руки, какъ на молитву, стоялъ онъ смирно, покорно и на всѣ вопросы отвѣчалъ незнаніемъ.

Вторымъ ввели офицера; тотъ прямо объявилъ, что ничего не будетъ говорить. Злобно смотрѣлъ онъ на насъ и, казалось, что ему дорого стоило попросить у Ранова папиросу. Должно быть, давно не курилъ бѣдняжка! Его увели и на мѣсто его передъ нами появился курьезнѣйшій субъектъ: рослый, красивый дѣтина съ черной, какъ смоль, бородой. Говорилъ онъ, сильно жестикулируя не только руками, но и ногами. Голосъ у него былъ необыкновенно симпатичный и гибкій. Онъ не говорилъ монотонно, а постоянно варьировалъ, то идя crescendo все громче и громче, то понижая голосъ до самыхъ тихихъ звуковъ. Жестикуляціей онъ производилъ впечатлѣніе балетнаго танцора. Послѣ долгихъ разспросовъ оказалось, что всѣ войска, бывшія въ Правцѣ, пришли съ Шипки за нѣсколько дней до нашего прихода, что они ничего не знаютъ о томъ, сколько войска въ Орханіи въ настоящее время и что всѣ они только и желаютъ скорѣйшаго мира. Всѣхъ троихъ Рановъ спрашивалъ, знаютъ ли кто командуетъ нашимъ отрядомъ; но всѣ они отвѣчали незнаніемъ, и какъ ни называлъ Рановъ Гурку — и Гурко́-паша, и Гяуръ-паша, какъ его прозвали турки, на все былъ одинъ отвѣтъ: не знаю или не слыхалъ.

Какъ только кончился допросъ и Рановъ ушелъ, намъ пришли объявить, что Этрополь сдался. Какой тутъ сонъ! Пошли опять разговоры, длившіеся до шести часовъ сегодняшняго утра. Мнѣ пора было уже ѣхать за ранеными въ Лаковицы. Дали мнѣ носильщиковъ изъ дивизіоннаго лазарета первой дивизіи и я отправился въ обратный путь. Сегодня было ясное, морозное утро и весь день стояла чудная погода. Все побѣлѣло и на горахъ уже нѣсколько дней лежитъ снѣгъ.

Сегодня около трехъ часовъ мы добрались съ нашимъ транспортомъ до Усиковицъ. Поѣли, напились чаю, а я ужъ успѣлъ и выспаться, да вотъ и

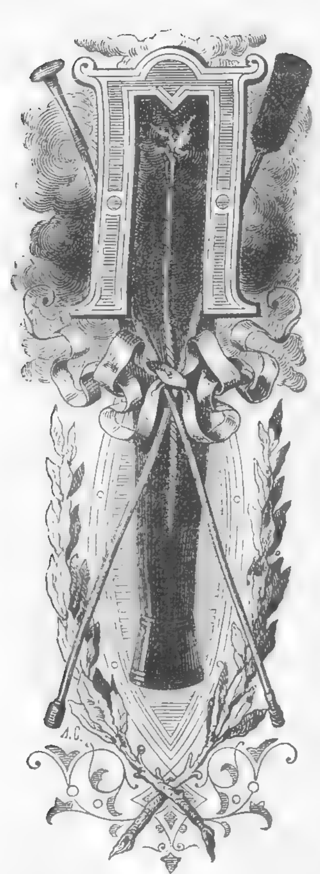
сѣлъ за это письмо. Вообразите себѣ, что я пишу его, сидя за столомъ, да еще на настоящемъ стулѣ!

Вчера въ одной брошенной турецкой деревнѣ я на улицѣ поднялъ валявшійся складной деревянный стулъ и привезъ его сюда, а у Губина оказался столъ. Какъ ни описывай, а не поймете вы, какое наслажденіе испытываешь, сидя въ теплой комнатѣ за столомъ на стулѣ, послѣ того, что цѣлый мѣсяцъ провелъ подъ открытымъ небомъ, разумѣется, безъ всякой идеи о какой либо мебели. Не испытавши этого, трудно себѣ представить, чтобы простой деревянный столъ и стулъ могли доставить такой комфортъ. Однако, пора и честь знать! На сегодня довольно.

Подъ Плевной 18-го Іюля 1877 года.

I.

Замѣтки.



одвигаемся въ колоннѣ; спереди и сзади насъ пѣхота. Судя по разсчету времени, Плевна должна быть уже близко; однако, пока ничего не видно: все впереди поросло густымъ кустарникомъ, притомъ-же, по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся впередъ, мѣстность принимаетъ чрезвычайно волнистый характеръ.

Щемящее чувство неизвѣстности начинаетъ овладѣвать всѣми... Но вотъ, вправо, довольно высокій бугоръ: оттуда, должно быть, что-нибудь видно. Дѣйствительно, саженяхъ въ шести стахъ отъ насъ открывается чистая полянка, слегка покатая къ Плевнѣ; тамъ можно различить нашу кавалерію: эскадрона два драгунъ, повидимому, ведутъ слабую перестрѣлку съ турками, которыхъ мы не можемъ разсмотрѣть даже въ бинокли.

Мы забираемъ немного влѣво и выстраиваемъ развернутый фронтъ.

Вотъ, наконецъ, первая граната; она упала довольно далеко отъ насъ, но, во всякомъ случаѣ, мы, значитъ, вошли уже въ сферу огня. Вотъ и другая, третья... все ближе и ближе.

Наша батарея назначена въ резервъ и мы отходимъ за холмикъ, а другая, 4-хъ фунтовая батарея, которая была съ нами, вызвана на позицію и стала саженяхъ въ полутораста отъ насъ.

Намъ хорошо видно, какъ она стрѣляетъ, но дистанція огромная и трудно слѣдить за результатами стрѣльбы; турецкой батареи почти совсѣмъ

не видно,—такъ хорошо она маскирована кустарниками и кукурузой. Казалось-бы, тутъ приличнѣе поставить 9-ти фунтовую батарею, да и то нельзя было бы ожидать особенныхъ результатовъ при такихъ условіяхъ.

Гораздо лѣвѣе, на голомъ холмѣ, рѣзко отмѣченномъ двумя деревьями, стала 9-ти фунтовая батарея.

Турки, должно быть, заранѣе пристрѣлялись къ этому мѣсту, потому что снаряды ихъ замѣчательно хорошо ложатся на батареѣ; тамъ уже есть нѣсколько раненыхъ и убитыхъ, хотя дистанція тоже огромная и наши стрѣляютъ на дымки.

Отдѣльные пушечные выстрѣлы не часто и не громко раздаются въ воздухѣ; стрѣльба, очевидно, уже завязалась по всей линіи, но стрѣляютъ довольно рѣдко.

Съ той батареи, которая впереди насъ, несутъ раненаго, доживающаго свои послѣднія минуты: осколокъ гранаты угодилъ прямо въ животъ, развернулъ кишки и вырвалъ кровавые куски мяса, которые едва держатся на лоскутьяхъ кожи.

Проходитъ часъ, два, три...

Все остается по прежнему: батареи стрѣляютъ съ тѣхъ-же дистанцій; только вмѣсто 4-хъ фунтовой батареи, впереди насъ поставили 9-ти фунтовую.

Трудно составить себѣ какое нибудь понятіе о расположеніи турокъ; въ-полъ оборота направо отъ насъ съ трудомъ можно различить какъ-будто бы земляную насыпь: это, должно быть, турецкое укрѣпленіе; параллельно нашему фронту тянется нѣсколько лощинъ съ крутыми берегами, которые заслоняютъ собою впереди лежащую мѣстность; кустарникъ и кукуруза непроницаемою сѣтью закрываютъ отъ насъ турецкія позиціи. Влѣво и впереди отъ насъ—Гривица; турки уже очистили деревню, но и наши, кажется, не занимаютъ ее.

Вотъ и къ намъ въ резервъ залетѣло нѣсколько гранатъ.

— Должно, запримѣтилъ насъ, нехристь, разсуждаютъ солдатики.

Одна граната задѣла за дерево и разорвалась на верхушкѣ; обезсиленный осколокъ упалъ прямо къ ногамъ моей лошади: старый конь даже не дрогнулъ.

Уже два часа пополудни. Та же стрѣльба, тѣ же позиціи. Съ лѣваго фланга доходятъ тревожныя вѣсти; атака Шаховскаго, говорятъ, отбита. Отчего мы не атаковали вмѣстѣ, зачѣмъ мы стоимъ здѣсь и тратимъ понапрасну снаряды? спрашиваютъ всѣ съ какимъ-то невольнымъ раздраженіемъ.

Рядомъ съ нами лежитъ рота: одному изъ офицеровъ этой роты, кажется все, что турки обходятъ насъ съ праваго фланга; со злостью обрываетъ его кто-то и дѣйствительно досадно: ну какой тутъ обходъ, когда не видно ни одной души тамъ, гдѣ ему мерещатся нѣсколько таборовъ. Потомъ

ему оторвало руку и, признаюсь, объ этомъ разсказывали съ какимъ то злорадствомъ.

Проходитъ еще мучительный часъ истомы; стрѣльба все учащается и дѣлается наконецъ очень частой, но дистанціи все тѣ же, по крайней мѣрѣ, на сколько видитъ мой глазъ.

Хоть бы что-нибудь новое, хоть бы какія-нибудь распоряженія на счетъ атаки... ничего, ровно ничего! Да и будетъ-ли сегодня атака? Говорятъ, она отложена до завтра.

Но вотъ въ четыре часа начинается движеніе; во всѣхъ полкахъ заиграли наступленіе; поскакали адъютанты и полки двинулись впередъ.

Однако мы не получаемъ никакихъ приказаній и не знаемъ, что́ должны дѣлать.

Полкъ впереди насъ развернулся и стройно, равняясь какъ на ученьи, началъ всходить на холмикъ.

Влѣво и вправо отъ насъ — вездѣ двигаются прямыя линіи полковъ.

Сердце усиленно екаетъ въ груди!

Неужели такая мощь не справится съ этимъ проклятымъ гнѣздомъ!

Всѣ батареи, которыя видны мнѣ, тронулись впередъ; влѣво отъ насъ два орудія завязли въ пахоти, попадали лошади и ѣздовые выбиваются изъ силъ, стараясь помочь горю. Турки замѣтили это и засыпаютъ ихъ гранатами, но наши открыли стрѣльбу залпами противъ турокъ и тѣ угомонились.

Мы двигаемся за тѣмъ полкомъ, который былъ впереди насъ, но уже порядочно отстали отъ него, потому что идемъ гораздо мемленнѣе, чѣмъ онъ: не легко двигаться по пахоти съ горки на горку; лошади, точно сознавая важность минуты, напрягаютъ всѣ свои силы, ѣздовые какъ будто преобразились, всѣ работаютъ дружно, душа въ душу...

Такъ прошли мы таженъ триста.

Полка нашего уже нѣтъ; вообще, мы не видимъ ни одного пѣхотнаго солдата; только страшрая ружейная трескотня слышится во всѣхъ направленіяхъ.

Мы уже довольно далеко впереди Гривицы и вошли въ сферу ружейнаго огня; почти всѣ пули летятъ надъ нашими головами, изрѣдка шлепается граната, не принося намъ никакого вреда.

Приказано остановиться. Позиціей намъ служитъ невысокій бугоръ; четыре орудія стали на самомъ бугрѣ, а четыре на лѣвомъ склонѣ его.

Съ бугра видѣнъ уголокъ редута, а со ската открывается только громадный пологій склонъ къ Плевнѣ; въ разныхъ мѣстахъ этой долины то появляются, то исчезаютъ бѣлые клубы пушечнаго дыма, но звуки этихъ отдаленныхъ выстрѣловъ теряются въ раскатахъ ружейнаго огня, который достигаетъ необычайной силы.

Въ этомъ трескѣ нѣтъ ни одной секунды перерыва; тысячи отдѣльныхъ выстрѣловъ сливаются въ какой-то общій ужасный гулъ. Кажется, какъ

будто сотни экипажей мчатся рысью по каменной мостовой. По временамъ эта трескотня уменьшается, а потомъ, вдругъ, черезъ двѣ или три минуты возобновляется съ новою силою.

Потомъ мнѣ приходилось бывать въ жаркихъ бояхъ, гдѣ мы терпѣли страшныя потери, но никогда уже потомъ я не слышалъ такого страшнаго грохота. Это было нѣчто невообразимое, о чемъ почти невозможно составить себѣ понятія, не будучи участникомъ дѣла.

Около орудія стоитъ рослый солдатъ могучихъ размѣровъ и плачетъ, какъ ребенокъ.

Я рѣзко обращаюсь къ нему...

— Да онъ не отъ страху вѣдь, ваше благородіе, объясняетъ мнѣ кто-то, — это его жалость беретъ.

И дѣйствительно, тутъ забываешь о себѣ: надъ нами и около насъ съ визгомъ и свистомъ летитъ масса пуль; у насъ уже нѣсколько раненыхъ и убитыхъ, но всетаки каждый понимаетъ, что это не то, что «тамъ»...

Хуже всего, что мы не видимъ, что́ тамъ дѣлается, потому что вся атака идетъ правѣе насъ и должна быть съ другой стороны; мы составляемъ себѣ гадательное понятіе о ходѣ боя только по энергіи выстрѣловъ: когда выстрѣлы утихаютъ, намъ кажется, что наша взяла; наоборотъ, когда огонь увеличивается, то сердце опять замираетъ въ какой-то безконечной боли.

Мы стрѣляемъ почти безплодно, такъ мало намъ видно. Но намъ приказано стать именно здѣсь и мы не можемъ сами перемѣнить позиціи.

Должно быть, однако, турки отъ насъ гдѣ-то очень близко, потому что свинцовый дождь около насъ все увеличивается и пули начинаютъ падать большею частію на батареѣ: онѣ ударяются въ мѣдное тѣло орудія, со звономъ отскакивая отъ него, шлепаются объ шины колесъ, засѣдаютъ въ косякахъ, падаютъ у нашихъ ногъ, съ какимъ-то особеннымъ свистомъ пролетаютъ надъ головой. Гранаты разрываются то вправо, то влѣво, то впереди насъ. Откуда они къ намъ летятъ, мы не видимъ.

Одинъ изъ ѣздовыхъ струхнулъ и спрятался подъ лошадь, но какъ нарочно пуля отыскала его тамъ и раздробила ему кость.

Этотъ случай производитъ видимое впечатлѣніе на солдатъ.

— Отъ судьбы, значитъ, не спрячешься, слышится замѣчанія.

Мы стрѣляемъ не часто, приберегая снаряды на рѣшительную минуту, и стараемся дѣлать, что́ можно. Такъ проходитъ часъ или полтора, пока не получено приказаніе отойти назадъ. Мы отходимъ вправо и назадъ и опять становимся на позицію. Тутъ еще хуже видно.

— Куда же прикажете стрѣлять?

— Поднимите какъ можно больше дула вверхъ и стрѣляйте. Тамъ у нихъ резервы, обозы... Ваши снаряды сдѣлаютъ свое дѣло.

Дѣлать нечего — стрѣляемъ, но жаль тратить понапрасну снаряды. А между тѣмъ ружейная трескотня идетъ неумолкая и не ослабѣвая. Со всѣхъ

сторонъ несутъ раненыхъ, другіе плетутся кое-какъ сами. Мимо насъ нѣсколько лѣвѣе проходитъ въ колоннѣ въ одно орудіе какая то батарея. Одинъ изъ нашихъ артиллерійскихъ генераловъ лично ведетъ ее куда то впередъ...

Мы еще разъ перемѣняемъ позицію. на этотъ разъ впередъ; тутъ уже гораздо виднѣе, но начинаетъ темнѣть и скоро нельзя будетъ стрѣлять. Рой пуль все время жужжитъ надъ нашей головой. Пушечный огонь слабъ. Кучки пѣхоты нерѣдко проходятъ мимо насъ, очевидно возвращаясь оттуда, «съ жару». Нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ извѣстій о ходѣ атаки, но сознаніе говоритъ каждому, что плохо; тяжело дышется въ этомъ порохомъ пропитанномъ ввздухѣ. Ружейная перестрѣлка продолжается съ прежнею силою: пули осыпаютъ все пространство; куда бы мы не двинулись, вездѣ намъ сопутствуетъ масса свинца; только что пуля угодила солдатику прямо въ сердце и онъ упалъ мертвый, даже не крикнувъ; орудійный огонь за наступленіемъ сумерокъ унялся, но все таки и у насъ, и у турокъ изрѣдка пострѣливаютъ, очевидно, на удачу. Справа и слѣва къ намъ стягиваются другія батареи.

— Откуда вы?

— Стрѣляли, были тамъ то и тамъ то, намъ приказано отойти...

Въ нѣкоторыхъ батареяюъ очень большія потери. Повидимому, отступленіе дѣлается общимъ: небольшія части пѣхоты отходятъ въ разныхъ направленіяхъ, но перестрѣлка не утихаетъ.

Тяжело быть въ такомъ положеніи: тамъ еще кипитъ смертельный бой, а здѣсь приходится стоять въ обсолютной бездѣятельности, сознавая, что напрасно и безцѣльно рискуешь своею жизнію. Нѣсколько офицеровъ ѣздили впередъ, посмотрѣть, чтó тамъ дѣлается: оказывается, что разобрать, въ чемъ дѣло невозможно, но огонь страшный.

Однако начинаетъ изрядно темнѣть. Гдѣ же пѣхота? Часть, очевидно, дерется, но, говорятъ, приказано отступать и, можетъ быть, уже отступаютъ, а мы ничего не знаемъ. Лѣвый нашъ флангъ повидимому совершенно открытъ; есть ли кто нибудь непосредственно впереди насъ и не можемъ ли мы подвергнуться внезапной атакѣ,—такіе вопросы невольно возбуждаются сами собой.

Генералъ П., въ виду неопредѣленности положенія, которое можетъ продлиться цѣлую ночь, совѣтуетъ построить артиллерійское карре, которое въ случаѣ крайности должно защищаться до послѣдней степени. Всѣ одобряютъ это предложеніе и это, кажется, безпримѣрное въ военной исторіи артиллерійское карре дѣйствительно было бы построено, еслибъ вслѣдъ затѣмъ не было получено приказаніе отступать.

Мы начинаемъ медленно отходить. Батареи теперь дѣлаютгя центрами, вокругъ которыхъ начинаетъ группироваться пѣхота. Сзади все таки неумолкаемая трескотня; и по мѣрѣ того, какъ мы отодвигаемся, кажется, что все «это» надвигается на насъ. Теперь уже такъ стемнѣло, что видны огоньки выстрѣловъ и разрывы шальныхъ гранатъ.

Мы дошли до перевязочнаго пункта. Здѣсь приказано остановиться. Тутъ происходитъ полный хаосъ: массой наемныхъ погонщиковъ, собранныхъ для перевозки раненыхъ, очевидно овладѣла паника: кто съ ранеными, кто порожнякомъ,—все это стремится пробраться впередъ, все это мѣшаетъ другъ другу, опрокидывается, ломается и образуетъ невообразимую путаницу.

Наше прибытіе нѣсколько успокаиваетъ и съ трудомъ удается водворить порядокъ. Ѣздовые слѣзли съ лошадей и всѣ отъ перваго до послѣдняго растянулись на землѣ. Усталость страшная,—съ четырехъ часовъ утра ни одной секунды отдыха, при полномъ напряженіи силъ. Люди вынимаютъ свои сухари и дѣлятся съ нами: и генералъ, и солдатъ грызутъ одинъ и тотъ же сухарь. Мнѣ не хочется ѣсть, но тяжелая дремота овладѣваетъ мной, не смотря на всѣ усилія побороть сонъ.

Только что я забылся на нѣсколько секундъ, какъ вдругъ точно меня что толкнуло и я моментально вскочилъ на ноги. Что такое? Деньщикъ мой, стоящій подлѣ меня съ лошадьми, объясняетъ, что въ десяти шагахъ отъ меня разорвалась граната и что одинъ осколокъ упалъ тутъ, гдѣ то очень близко.

Разсказъ кажется мало вѣроятнымъ, но, съ другой стороны, нѣтъ никакого основанія подозрѣвать моего Паткалова во лжи. Вѣрнѣе всего, что ему просто почудилась граната, потому что нервы такъ настроены этимъ цѣлымъ днемъ, что кажется будто все пространство около насъ наполнено пулями и гранатами.

Мы стоимъ уже около двухъ часовъ; понемногу къ намъ сходится пѣхота, но все таки ея очень мало: на каждую батарею едва наберется человѣкъ шестьдесятъ, семьдесятъ. Намъ приказано отступать дальше; вся додорога загромождена повозками съ ранеными; мы должны свернуть на пахоть и идемъ развернутымъ фронтомъ.

Раненые садятся на наши лафеты; какой то офицеръ съ пулею въ плечѣ просится въ нашу лазаретную повозку,—мы беремъ всѣхъ. Другія батареи ушли впередъ; мы остались отъ нихъ, задержанные этой вериницей павозокъ.

Куда идти—неизвѣстно, стараемся только не терять общаго направленія движенія. Должно быть, мы уже идемъ верстъ пять. Гдѣ остановиться?

Но вотъ, на наше счастье, одно изъ старшихъ начальствующихъ лицъ.

— «Идите въ Турскій Тростеникъ.»

Идемъ. О туркахъ ничего не слышно; повидимому, все спокойно. — Идемъ, идемъ и идемъ.

Тамъ и сямъ попадаются кучки солдатъ. Кто догоняетъ насъ, кто обогналъ; все это пристраивается къ намъ.

Лафеты наши совершенно нагружены ранеными. Вотъ наконецъ и Тростеникъ. Взбираемся на горку.

— Съ передковъ! Дула къ туркамъ.

Приняты на скоро всѣ необходимыя мѣры предосторожности и черезъ пять минутъ всѣ, кромѣ часовыхъ и ѣздовыхъ, растянулись на землѣ, но едва ли кто нибудь будетъ спать въ эту ночь.

Тяжелыя думы осаждаютъ голову, горькое до слезъ чувство сдавило безжалостно грудь.

Ночь прошла спокойно. На зарѣ поднимается суматоха: говорятъ, что баши-бузуки верстахъ въ трехъ отъ насъ въ какой то деревушкѣ; не вѣрится что то этому и ужъ если они цѣлую ночь ничего не дѣлали, такъ едва ли сунутся днемъ.

И дѣйствительно, черезъ полчаса оказывается, что все это вздоръ.

Получено приказаніе—идти намъ въ Болгарени на соединеніе. Въ деревнѣ масса болгаръ высыпала изъ домовъ. Съ какимъ чувствомъ смотрятъ они на насъ? Сѣдая старуха стоитъ на крылечкѣ, скрестивъ руки на груди; по набороженному морщинами лицу текутъ слезы и тоскливо покачивается взадъ и впередъ старческая голова.

— «Не тужи, старуха, ободряетъ ее кто то изъ солдатъ, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ.»

По всей дорогѣ тянутся обозы разныхъ сортовъ; все это неудержимо стремится впередъ, напуганные мнимою близостью турокъ. Мы стараемся увѣрить всѣхъ, что турокъ близко и не слышно совсѣмъ.

Раненые опять плетутся со всѣхъ сторонъ; опять наши лафеты нагружены ими. Какой то генералъ верхомъ крупной рысью обгоняетъ насъ, дѣлая на ходу рѣзкія замѣчанія за безпорядокъ; особеннаго безпорядка у насъ нѣтъ, но люди всетаки подтягиваются подъ вліяніемъ энергическихъ словъ, очевидно только на это и разсчитанныхъ. Солнце жаритъ невыносимо; воды по близости не попадается, а раненые то и дѣло просятъ ея. Не легко имъ на нашихъ лафетагъ, особенно на ухабахъ.

Уже, кажется, четвертый разъ идемъ мы по этой самой дорогѣ и отлично знаемъ ее. Чѣмъ ближе къ Болгарени, тѣмъ мѣстность ровнѣе: это долина Осьмы и лѣвый берегъ ея тянется равнинной полосой верстъ въ десять ширины.

— Вотъ тутъ бы намъ сразиться съ туркой, разсуждаютъ между собой солдатики.

И послѣ этого много разъ мнѣ приходилось слышать отъ людей желаніе сойтись съ турками на совершенно ровной мѣстности; при этомъ всегда высказывалось убѣжденіе, что тутъ уже туркѣ пришлось бы совсѣмъ плохо. Вдали наконецъ показались деревья, съ обѣихъ сторонъ окаймляющія узкую ленту воды. Это Осма, а, значитъ, сейчасъ и Болгарени.

Мостъ загроможденъ обозами; справа, слѣва,—вездѣ обступили его повозки. Приходится ждать часа два. Наконецъ кое-какъ насъ пропустили.

Саженяхъ въ ста отъ моста 9-ти фунтовая батарея стала на позицію и направила всѣ свои дула на мостъ. Тутъ уже масса войскъ: весь берегъ

Осьмы и все поле впереди занято бивуаками. Очевидно, мы пришли гораздо позже другихъ. Пробираемся къ свободному мѣстечку у самаго берега и становимся на бивуакъ. Говорятъ, завтра пойдемъ въ Турскій Тростяникъ, а сегодня останемся здѣсь.

. . . .

Уже совсѣмъ темно; должно быть часовъ десять вечера; мы съ Ч... идемъ смотрѣть, что дѣлается вокругъ насъ. Едва можно пробраться между повозками и палатками, такъ тѣсно они разставлены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

По всему полю разбросаны бивуаки; полотно палатокъ неясно бѣлѣетъ въ темнотѣ, которая придаетъ имъ вдалекѣ какія-то странныя формы. По всему берегу Осьмы зажглись огоньки: это люди варятъ себѣ въ котелкахъ пищу. Мы пробираемся дальше къ мосту; тамъ стоитъ караулъ. Черезъ мостъ переходитъ кучка солдатъ, человѣкъ въ пять.

— Не знаете-ли, ваше благородіе, гдѣ тутъ Т—ій полкъ?

— Идите на лѣво, объясняемъ мы, тамъ увидите своихъ. Да откуда вы въ такую пору?

— Съ подъ Плевны, ваше благородіе.

— Что же вы тамъ до сихъ поръ дѣлали?

— Да какъ ударили отбой, а мы, значитъ, не знали, да и оставались тамъ всю ночь. Потомъ-то увидали, что нашихъ нѣтъ, да уйти нельзя было,—боялись, чтобы насъ не запримѣтили, все они тамъ что-то шибко галдѣли,—такъ и сидѣли, притаившись въ кукурузѣ; только ужъ на зарѣ ползкомъ потихоньку выбрались, да и то проклятый замѣтилъ и сталъ палить; выходить-то изъ редута боится, а только такъ все стрѣляетъ.

— Сколько-же васъ тамъ было?

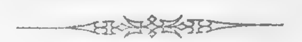
— Да было насъ вмѣстѣ человѣкъ пятнадцать; остальные всѣ тамъ остались: кого убили, кого поранили...

Намъ хочется посмотрѣть на людей и мы возвращаемся назадъ. по линіи костровъ. Вездѣ оживленные толки и разсказы; мы кое-гдѣ останавливаемся и разспрашиваемъ о томъ, о другомъ; охотно отвѣчаютъ люди: каждый знаетъ, что дѣлалъ свое дѣло честно и скрывать ему нечего...

Общій тонъ не звучитъ уныніемъ, не замѣтно и желанія мести, но въ этихъ спокойныхъ, неторопливыхъ разсказахъ, слышится какая-то твердая увѣренность, что окончательно наша возьметъ; въ этомъ, очевидно, не рождается ни малѣйшаго сомнѣнія, такъ это кажется естественнымъ.

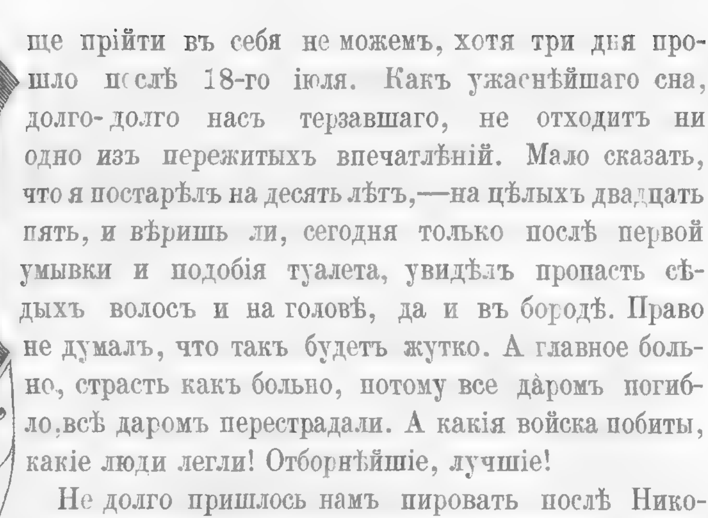
Да, это только случай, глупый, обидный случай, это просто несчастное стеченіе обстоятельствъ. Развѣ можно не побѣдить съ такими солдатами, съ такою нравственною силою!

N. N.



II.

Изъ письма.



Еще прійти въ себя не можемъ, хотя три дня прошло послѣ 18-го іюля. Какъ ужаснѣйшаго сна, долго-долго насъ терзавшаго, не отходитъ ни одно изъ пережитыхъ впечатлѣній. Мало сказать, что я постарѣлъ на десять лѣтъ,—на цѣлыхъ двадцать пять, и вѣришь ли, сегодня только послѣ первой умывки и подобія туалета, увидѣлъ пропасть сѣдыхъ волосъ и на головѣ, да и въ бородѣ. Право не думалъ, что такъ будетъ жутко. А главное больно, страсть какъ больно, потому все дàромъ погибло,всё даромъ перестрадали. А какія войска побиты, какіе люди легли! Отборнѣйшіе, лучшіе!

Не долго пришлось намъ пировать послѣ Никопольской побѣды. Такъ эту побѣду живьемъ, какъ есть погребли въ грудахъ Плевненскихъ убитыхъ.

Какъ тебѣ описать все, что было? Не жди чего нибудь стройнаго. Не могу до сихъ поръ даже представить себѣ что нибудь цѣльное и связное: адъ, хаосъ, кровавый сумбуръ, и больше ничего. Куда, зачѣмъ мы шли, что̀ сдѣлали, гдѣ были, кто шелъ, ничего до сихъ поръ не могу себѣ уяснить, да и никто не можетъ. Всё въ какомъ-то чаду и связать мыслей никто не можетъ. Бѣдняги тѣ, кому надо реляціи писать.

Однако вотъ тебѣ и моя реляція. Стояла наша дивизія въ Никополѣ. 8-го вечеромъ поздно была тревога. Прибѣжали два — три солдатика изъ-подъ Плевны въ паническомъ страхѣ и кричали: «турки, турки идутъ, нашихъ всѣхъ побили, убили», и т. д. Чтобы разомъ прекратить дѣйствіе на войска этихъ мерзавцевъ, съ ними распорядились коротко, ясно и здорово: это подѣйствовало благополучно, и нашъ бивуакъ успокоился.

Всю ночь простояли наготовѣ. И 9-го не легче было. Вѣдь 7,000 турокъ плѣнныхъ въ Никополѣ, да все населеніе турецкое. Опасеній было вдоволь, но, слава Богу, все обошлось. Прислали Костромичей занимать Никополь, а нашей дивизіи назначили выступать на Плевну. Ужъ въ ту пору какъ-то холодно становилось отъ этого слова, а теперь и подавно. Собрались, вышли, пошли и пришли къ 17-му на позицію.

Вечеромъ былъ у корпуснаго командира генерала Криденера военный совѣтъ. Пріѣхалъ онъ прямо на совѣтъ отъ другаго корпуснаго, князя Шаховскаго, и сообщилъ всѣмъ начальникамъ частей, что на завтра предположено атаковать Плевну. Прочитана была диспозиція. Очень была она ужъ коротка. Выходило по ней, что 18-го іюля два отряда, одинъ генерала Шаховскаго, а другой Криденера должны съ ранняго утра начать атаку Плевны съ двухъ сторонъ, имѣя, кажется, два полка для поддержанія связи между обоими отрядами.

Передавая приказаніе, генералъ Криденеръ далъ понять, что можетъ быть эта атака не состоится, такъ какъ посланъ курьеръ къ Главнокомандующему.

— Отправляйтесь на позиціи, были послѣднія слова корпуснаго, и ждите ночью окончательнаго рѣшенія, которое я вамъ пришлю.

Всѣ вышли и отправились къ своимъ частямъ съ тяжелымъ впечатлѣніемъ. Чувствовалось, что предпринимается что-то нерѣшительное, неизвѣстное, и что нѣтъ главнаго — увѣренности въ успѣхѣ предпринимаемаго дѣла. Я состоялъ при Г... Онъ былъ молчаливъ и озабоченъ. Я понималъ почему, не спрашивая его о томъ, и тоже чувствовалъ на душѣ тоску, какъ камень. Поздно вечеромъ прибывъ на позицію, начали мы приготовляться. Отдавались приказанія, и только. Ни шутки, ни размышленія, ни замѣтки. О снѣ и помину не было. Сидимъ, сидимъ и ждемъ приказанія. Прибылъ наконецъ казакъ отъ корпуснаго. Г... раскрылъ бумагу: диспозиція, и на ней написано: атаковать и взять Плевну; коротко и ясно.

Въ три часа утра поднялись. Г... выѣхалъ къ войскамъ; темно, туманно, хоть глазъ выколи.

Молчаніе и тишина мертвыя.

— Снимай шапки, сказалъ Г... — помолись Богу, перекрестись, дѣло будетъ жаркое; но вы взяли Никополь, возьмете и Плевно, вотъ приблизительно его слова.

Солдатики закричали: «рады стараться», какъ нельзя дружнѣе, помолились, раздалась команда: «накройсь», потомъ «ружье вольно» и т. д., и маршъ.

Идемъ, куда? сами не знаемъ, ни зги не видать. Стало чуть-чуть свѣтлѣе.Шли и пришли куда-то. И вдругъ слышимъ гдѣ-то далеко: та, та, та, та, та, та; идетъ сильная перестрѣлка. Что такое, спрашиваемъ:

— Это князь Шаховской аттакуетъ, отвѣчаютъ намъ.

— А далеко до него?

— Верстъ пять, шесть будетъ.

Вотъ подъѣзжаетъ корпусный.

Генералы къ нему за приказаніями: что́ дѣлать?

— Идти и атаковать, было приказаніе.

— Да вѣдь мѣстность вовсе не разслѣдована; какъ атаковать безъ рекогносцировки, замѣтилъ было одинъ изъ генераловъ.

— Съ Богомъ, ваше пр—ство, идите, и аттакуйте, былъ отвѣтъ корпуснаго.

Пошли. Идемъ.

Вотъ вдругъ подъѣзжаетъ моментъ.

— Ваше пр—ство, непріятель уже близокъ, надо строиться въ боевой порядокъ, докладываетъ моментъ.

— А куда идти?

— Вотъ, вотъ прямо, указываетъ моментъ на укрѣпленія впереди, которыя онъ-то видитъ, а мы не видимъ, потому у него глаза ученые, а у насъ простые.

— Хорошо; въ боевой порядокъ стройся, раздается команда.

Построились, пошли. Идемъ.

Вдругъ что-то зашипѣло, задрожало въ воздухѣ. Мы вздрогнули.

Смотримъ, граната врѣзалась въ одинъ изъ нашихъ батальоновъ, да такъ удачно, что вырвала цѣлую шеренгу, какъ снопъ свалилась.

Недоумѣніе и ужасъ на всѣхъ лицахъ. По указанію момента мы шли на непріятеля прямо, а непріятель пускаетъ въ насъ гранату справа.

— По такому-то полку перемѣна фронта, и т. д. раздается команда.

Колонны, быстро повернувъ, пошли по направленію къ выстрѣлу. И хорошо, что быстро. Не успѣли мы отойдти и двинуться по новому направленію, какъ тзынъ, тзынъ, одна граната за другою полетѣли съ математическою точностью, туда, куда попала первая граната такъ удачно, и гдѣ солдатики успѣли подобрать раненыхъ.

Командиръ батареи спрашиваетъ по начальству, что́ ему дѣлать.

— Встаньте вотъ на этотъ пригорокъ, приказываютъ ему, и жарьте по направленію выстрѣловъ. А укрѣпленій турецкихъ надо сказать, что за туманомъ не видать вовсе.

Выѣзжаетъ батарея.

Но не успѣло первое орудіе встать на мѣсто, какъ граната, точно по заказу, летитъ прямо въ лошадей, двухъ свалило; долой первое орудіе; выѣзжаетъ второе; трахъ, вторая граната, опять въ лошадей. Дѣлать нечего, батарея уже сильно подбитая, не успѣвшая пустить одного даже выстрѣла, должна, сильно прихрамывая, съѣзжать съ позиціи, и искать другой, а гранаты такъ въ это мѣсто и шлепаютъ.

Мы же все идемъ и идемъ молча, и только силимся что-нибудь разглядѣть впереди. Тяжелыя минуты. Идешь и молчишь. Кто захочетъ пошутить, чтобы подбодрить другихъ, скажетъ слово, никто не смѣется, выходитъ еще хуже!

Но скоро не до остротъ было. Заговорили гранаты.

Солнце уже стало жечь сквозь туманъ. День просвѣтлѣлъ, и мы тогда увидѣли себя въ чудесномъ положеніи: справа и слѣва забѣлѣли дымки; пошли въ насъ жарить гранатами, а прошли еще немного, пули прямо такъ въ лицо начали выбивать людей.

Только и стало слышно.

— Впередъ, впередъ, а затѣмъ:

— Носилки, подберите, и т. д.

Тутъ я замѣтилъ, что солдатики бодрѣе стали.

Нервы подтянулись: какъ упадетъ кто, сейчасъ же кто нибудь пуститъ словцо для шутки, и раздается хохотъ нѣсколькихъ людей. Но хохотъ опять таки скверный. Таковъ солдатикъ нашъ. Высоко поднимается онъ нравственно въ такія минуты, вдохновляемый какимъ-то наитіемъ своего долга, самому весело умирать, да другихъ подбадриваетъ къ смерти въ минуту неизбѣжной опасности.

Пишу объ этомъ потому, что я это подумалъ пока мы шли, я чуть не разревѣлся, такъ былъ растронутъ.

А мы все идемъ и идемъ: часы за часами идутъ тоже; гдѣ наша артиллерія, гдѣ наша кавалерія,—не знаемъ уже давно; идемъ, не стрѣляя, а люди валятся уже кучками.

— Позвольте мнѣ съ ротою сюда взобраться? спрашиваетъ одинъ офицеръ, указывая на горку,—отсюда виднѣе будетъ.

— Ступайте.

Офицеръ бѣгомъ бросился занимать горку.

— Ишь счастливецъ, сказалъ кто-то.

— Бывалый видно, замѣтилъ другой, знаетъ, что туда пули не горазъ летѣть, говоритъ другой.

А мы, то бѣгомъ, то залегая за пригорками, и отдыхая, по четверти или полчаса, все подвигаемся.

Впереди цѣль наша: редутъ, редутъ большой; оказалось потомъ что это былъ Гривицкій Редутъ.

Подошли мы къ нему уже къ вечеру. Но какъ подошли? Никто не повѣритъ, что это была за картина; да и самъ теперь, когда припоминаешь, не вѣришь, до того это было сверхъестественно ужасно.

Стрѣляли въ насъ не залпами и не перестрѣлкою: это не былъ тотъ звукъ, къ которому мы привыкли уже въ эти нѣсколько часовъ, съ короткими промежутками, или моментами утиханія, какъ-то: та-та-та-та-та..... та.....

та..... потомъ опять: та-та-та-та; нѣтъ, это было несмолкаемое ни на секунду, ни на мигъ засыпанье насъ градомъ пуль отъ непрерывно дѣйствовавшихъ митральезъ.

Падали грудами; безъ преувеличенія, въ два съ половиною — три аршина вышины были кучки раненыхъ и убитыхъ, и ужасно было то, что всегда раненые находились подъ мертвыми; приходилось ихъ вытаскивать, а тутъ кто примется вытаскивать, едва начинаетъ работать, падаетъ и валится на кучку....

Несмотря на то, солдаты и офицеры творили какія-то страшныя просто чудеса: прилягутъ, потомъ опять: впередъ, ура; бѣгутъ, чтобы брать редутъ; но пробѣгутъ шаговъ десять, и стой: кучки мертвыхъ и раненыхъ подъ ногами мѣшаютъ бѣжать; опять залегли.

Такъ, повѣришь ли, добѣжали мы до пригорка въ шагахъ не болѣе ста отъ редута. Г... съ нами все время былъ впереди, и какъ его не зацѣпила пуля, это тайна Божія. Ну, ужъ и полюбили же его за то славные солдатики...

Сѣли мы за пригоркомъ, съ своими ранеными и убитыми. Трескотня идетъ безпрерывно. У насъ же стонъ стоитъ въ перемежку съ хохотомъ. Да, вообрази — съ хохотомъ; мы хохотали: почему, сами не знали, но и теперь холодъ по спинѣ такъ и морозитъ, когда вспомнишь про этотъ хохотъ. Тутъ человѣкъ умираетъ, закричитъ, застонетъ, а мы хохочемъ.... скверный смѣхъ.

— Голубчики, прикройте, спину, холодно, кричитъ фельдфебель, съ пулею въ спинѣ, валяющійся возлѣ меня. Я хотѣлъ было привстать, чтобы его закрыть.

— Ваше благородіе, не шевелитесь, говоритъ солдатикъ, я сейчасъ его своею шинелью прикрою, и ползетъ къ нему, раскатывая шинель.

Вдругъ пуля пробиваетъ ему руку подъ плечомъ насквозь.

— Эхъ, не умѣетъ, говоритъ ему другой солдатикъ; убирайся, и ползетъ на его мѣсто.

Не успѣлъ онъ стать на колѣни, какъ пуля ему прямо въ носъ насквозь.

— Ишь носъ-то не даромъ былъ большой, шутитъ солдатикъ, а у самого кровь изъ носа бьетъ фонтаномъ.

Прикрылъ онъ однако своего фельдфебеля.

— Ну, что, согрѣлся маленько? спрашиваетъ офицеръ у фельдфебеля.

— Согрѣлся, ваше благородіе, успѣлъ онъ отвѣтить. Потомъ вздохнулъ чуть-чуть вытянулся, затихъ; я поглядѣлъ.

— Не кончился-ли? кто-то спросилъ.

Солдатикъ подползъ.

— Готовъ, сказалъ весело солдатикъ.

Мы всѣ перекрестились.

Неподалеку другая сцена.

Два солдатика забавляются. Забава ихъ—стрѣлять въ прицѣлъ на того или другаго на редутѣ. Заряжаютъ прикрывшись, а затѣмъ выскакиваютъ на мигъ, чтобы посмотрѣть, прицѣлиться и выстрѣломъ кого-нибудь снять.

Продѣлали они эту штуку разъ пять.

— Ты теперь въ кого, Максимычъ?

— А вонъ въ пашу; въ солдатиковъ стрѣлять прискучило.

— Ну, и я.

— Давай!

Начали заряжать.

Зарядили, да оба разомъ и высунулись.

— Видишь?

— Вижу.

— Ну, съ Богомъ.

Но вдругъ я вижу, какъ оба въ одинъ мигъ присядаютъ, слышу какъ засопѣли.

Подбѣгаю. Каждый изъ бѣдняжекъ получилъ по пулѣ въ лобъ и моментально умерли.

Это были развлеченія.

Развлеченія въ ожиданіи чего, какъ ты думаешь?—штурма.

Офицеры и солдатики рѣшили, что назадъ ужъ не идти, все равно убьютъ, а потому по позднѣе надо идти и взять во что бы то ни стало редутъ. Но начальникъ, само собою разумѣется, допустить этого безумія не могъ. День кончается, а что дѣлается кругомъ—неизвѣстно. Подкрѣпленія не идутъ. Надо идти узнавать приказанія. Мы съ Г...идемъ назадъ, а колонну оставили въ этомъ мѣстѣ, чтобы даромъ не давать бить людей при отступленіи. Идемъ, идемъ... Ищемъ корпуснаго! Темно. Одинокія личности бродятъ по разнымъ направленіямъ. Вотъ казакъ летитъ... Вотъ драгунъ...

— Гдѣ корпусный?

— Не могу знать!

— Гдѣ артиллерія?

— А кто ее знаетъ, что-то не видать.

— Гдѣ полкъ? спрашиваемъ у драгуна.

— Самъ ищу его, ваше б—діе.

Наконецъ нашли корпуснаго.

Онъ уѣзжаетъ, давъ приказаніе отступать на прежнія позиціи, собравъ людей и подобравши раненыхъ. Конецъ, значитъ.

Одному изъ генераловъ дается это приказаніе сбирать войска, подобрать раненыхъ и вести войска назадъ.

Этотъ генералъ подозвалъ казаковъ, на пикахъ устроилъ шатеръ, зажегъ фонарь, сѣлъ, и велѣлъ казакамъ по одиночкѣ идущихъ солдатъ сбирать и распредѣлять по полкамъ кучками.

За подбиранiе раненыхъ взялся, по приказанiю генерала, особый отрядецъ.

Солдаты и раненые тащутся, ползутъ, идутъ...

Хаосъ полный. Часа два спустя устроились довольно порядочныя кучьки. Туда, къ тому мѣсту гдѣ мы сидѣли, въ ста шагахъ отъ Гривицкаго редута, послали приказанiе немедленно отступать.

Сидимъ мы.

Вдругъ казусъ. Солдатикъ какой-то сидитъ возлѣ генерала.

Вдругъ онъ вскакиваетъ и бросается.

Генералъ его схватилъ за штаны, но тотъ вырвался, крикнулъ: турки! и выстрѣлилъ...

Тутъ второй выстрѣлъ, третiй, четвертый, и пошла трескотня по всѣмъ кучкамъ. Многiе разбѣжались. Опять пришлось сбирать. Все это потому, что солдатъ бѣдняга какъ сѣлъ, заснулъ, и во снѣ увидѣлъ турокъ.

Къ утру подобрали раненыхъ и собрали, какъ могли, войска по частямъ.

Генералъ, замѣнявшiй корпуснаго, не безъ основанiя сообразилъ, что если турки вздумаютъ преслѣдовать, то тогда плохо будетъ безъ артиллерiи.

Посылаютъ за артиллерiею.

Ее нѣтъ.

— Гдѣ она?

— Говорятъ верстъ за сорокъ угнали.

Вмѣсто артиллерiи пригнали Воронежскiй полкъ.

Но турки не преслѣдовали. Мы выступили 19-го утромъ. Богъ насъ порадовалъ. Полилъ крупный, сильный теплый дождь и длился онъ съ часъ. Мы шли съ открытыми ртами и съ откинутыми назадъ головами.

Дождь утолялъ нашу жажду и подкрѣплялъ насъ.

А у князя Шаховскаго, пока мы шли назадъ на свои позицiи, слышна была сильная перестрѣлка....

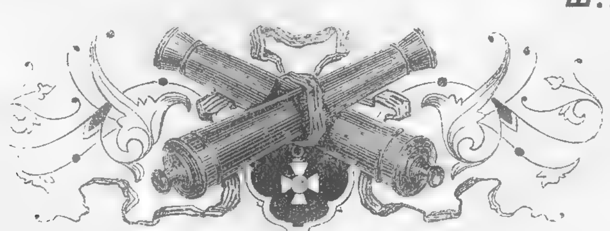
Больше что тебѣ сказать?

Много нашихъ героевъ легло. Вѣчная имъ память.

Такого дня не забудешь.

Но не думай, чтобы мы упали духомъ, Боже сохрани! Если таково было наше пораженiе, то какова будетъ наша побѣда, думаемъ мы, и съ надеждою на нашего богатыря солдата глядимъ свѣтло впередъ.

Ш.....



Изъ воспоминаній Студента-медика.

5-го ноября 1877 года я получилъ назначеніе сопровождать транспортъ раненыхъ офицеровъ. Мы выѣхали изъ Богота въ двѣнадцать часовъ дня и около шести часовъ пополудни подъѣзжали къ Порадиму—мѣстопребыванію Государя.

Погода была прекрасная. Транспортъ двигался въ порядкѣ, шагомъ въѣзжая въ Порадимъ. На лѣвой сторонѣ улицы, по которой слѣдовалъ транспортъ, между разбросанными довольно безпорядочно домиками, одинъ выдавался,—это былъ почти домъ двухъ-этажный, такъ сказать, сравнительно чистенькій, съ четырьмя окнами фасада и деревянной галлереей, съ которой спускалась лѣсенка на площадку передъ домомъ, чисто выметенную и посыпанную пескомъ. При славной погодѣ, вся эта картинка, облитая лучами солнца, казалась очень милой.

На крышѣ домика развѣвался флагъ, а по площадкѣ прохаживался казакъ-черноморецъ, да гвардейскій жандармъ.

Не успѣлъ транспортъ поровняться съ домикомъ, какъ вдругъ какой-то господинъ въ штатскомъ платьѣ, стоявшій на галлереѣ, закричалъ что-то и замахалъ руками по направленію къ намъ; я сначала не понялъ, въ чемъ дѣло, но однако сказалъ кучерамъ, чтобы они остановились, а самъ было хотѣлъ пойти узнать, въ чемъ дѣло. Въ это время на галлерею поспѣшно вышелъ какой-то генералъ въ походномъ пальто и длинныхъ сапогахъ, высокаго роста, а за нимъ другой генералъ сѣдой, съ большими бакенбардами; я настолько близорукъ, что на разстояніи трехъ шаговъ довольно плохо разбираю,—понятно не узналъ, кто это! Только подскочившій жандармъ успѣлъ шепнуть мнѣ. Это былъ Гостдарь и графъ Адлербергъ. Быстро сбѣжалъ Государь съ лѣстницы и стремительно, какъ бы съ нѣкоторымъ волненіемъ, подошелъ къ санитарнымъ каретамъ, въ которыхъ лежали раненые офицеры (я помню только капитана Скарятина, поручика Совримовича, братьевъ Гинглятъ, Литвинова (?), всѣ гвардейскихъ полковъ). Я не могъ разслышать, что̀ говорилъ Государь офицерамъ,—я стоялъ шагахъ въ десяти, въ большой, признаться, нерѣшительности, что̀ мнѣ предпринять,—тѣмъ не менѣе я видѣлъ,

что Его Величество съ заботливостью отца нагибался къ нимъ, переходя отъ одного къ другому, повидимому ободряя и успокоивая, потомъ вдругъ отдалъ какое-то приказаніе стоявшимъ неподалеку лакеямъ. Сейчасъ же вынесли изъ домика на большомъ подносѣ какіе-то портфели и портъ-сигары; Государь взялъ ихъ нѣсколько штукъ и со словами: «это подарокъ отъ Государыни», сталъ раздавать офицерамъ. Картина, наблюдаемая мною, была такъ естественна, проникнута такой простотой, такъ лишена всякой оффиціальности, такъ возвышенно трогательна, ужъ если судить даже объективно, что произвела бы даже на совсѣмъ чуждое лице не минутное впечатлѣніе!...

Въ транспортѣ была больная сестра милосердія, Д. П. Петриченко (у ней на кистяхъ и пальцахъ рукъ были нарывы отъ зараженія гноемъ при перевязкѣ раненыхъ), которую препоручили мнѣ доставить во Фратешти на санитарный поѣздъ, и къ ней подошелъ Государь, распрашивая подробно о состояніи здоровья, о жизни и трудахъ и вручилъ портфель съ письменными принадлежностями.

Все это время я стоялъ поодаль, держа руку подъ козырекъ, пока графъ Адлербергъ не сказалъ мнѣ, что этого не нужно, пока Государь не обращается ко мнѣ. У меня правая рука сильно болѣла, потому что за нѣсколько дней до этого, я заразился гангренознымъ ядомъ, уколовши палецъ при перевязкѣ, палецъ оборвало и все предплечье распухло. Но вотъ и меня Государь замѣтилъ,—я понятно руку подъ козырекъ,—(мнѣ не случалось никогда быть въ данномъ положеніи и потому неудивительно, что я чувствовалъ, откровенно говоря, смѣшанное чувство нерѣшительности и недоумѣнія отъ незнанія, какъ мнѣ быть!).

— Ты студентъ? спросилъ Государь.

— Студентъ-медикъ, Ваше Императорское Величество.

— Перваго курса?

— Пятаго, Ваше Иператорское Величество.

— Такой молодой!...—что это, ты раненъ? Я уже сказалъ выше, что палецъ на правой рукѣ уменя оборвало—онъ былъ перевязанъ, а я держалъ руку подъ козырекъ.

— Нѣтъ, Ваше Императорское Величество, я заразился при перевязкѣ раненыхъ.

— И ты также!?... сказалъ Государь, вѣроятно вспомнивъ сестру милосердія.

Въ это время лакеи разносили чай и закуски, Государь обратился къ офицерамъ, радушно предлагая имъ подкрѣпиться, чѣмъ Богъ послалъ и Самъ же завертывалъ въ бумагу часть закусокъ, давая то тому, то другому на дорогу. Но на что я не нашелся какъ отвѣтить, это на вопросъ Государя: не хочешь и ты чаю?.. въ ту же минуту Государь обратился опять къ раненымъ, а я тѣмъ временемъ, можетъ быть, въ первый и послѣдній разъ въ жизни насладился

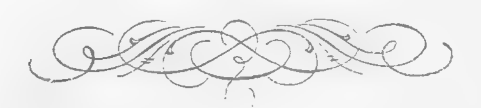
зрѣлищемъ, какъ маленькія подобія чего-то великаго придворные лакеи подносили мнѣ чай и закуску.

Всѣ транспортируемые мной офицеры ѣхали въ Россію—я долженъ былъ доставить ихъ во Фратешти и сдать на санитарный поѣздъ; Государь каждому желалъ поскорѣе поправиться, вернуться назадъ, съ волненіемъ видимымъ упомянувъ о жертвахъ войны. Отпили наконецъ чай, закусили; Государь съ отеческой нѣжностью попрощался съ офицерами, и по слову Его «съ Богомъ» мы тронулись тихо въ порядкѣ въ путь!...

Говорить о впечатлѣніяхъ раненыхъ, я не рѣшаюсь—я полагаю, что то, что происходило въ ихъ душѣ, скорѣе чувствовать можно, чѣмъ выразить словами.—мнѣ казалось неумѣстнымъ даже своими вопросами нарушать очарованіе минувшаго мгновенія,—имъ такъ хорошо было!...

Здоровы ли ѣхавшіе подъ моимъ присмотромъ офицеры, живы ли, (одинъ Гинглятъ былъ тяжело раненъ), вспоминаютъ ли они дни транспорта, дни, приближавшіе ихъ къ родному крову!... Я шлю имъ привѣтъ! Единственный разъ случилось мнѣ ѣхать съ такими симпатичными людьми, я ихъ вспоминаю всегда съ удовольствіемъ. Кто изъ врачей или студентовъ сопровождалъ транспортъ раненыхъ, тотъ знаетъ, какъ много значитъ ѣхать съ людьми, которые цѣнятъ вашъ трудъ, подчасъ тяжелый, хлопотливый, утомляющій физически и нравственно!...

К. Щ.



Содержаніе.

Приказъ генерала Скобелева 2-го.

Начальникамъ всѣхъ частей не забывать до боя кто ихъ долженъ замѣнить въ случаѣ убыли. Начальникъ части обязанъ выяснить гг. офицерамъ и фельдфебелямъ смыслъ того что ему приказано по диспозиціи дѣлать. (Напоминаю о приказѣ моемъ за №   ).

Предваряю всѣхъ что въ случаѣ боя поддержка будетъ, но смѣны никогда. Кто попадетъ въ боевую линію останется въ ней пока дѣло не будетъ сдѣлано, а потому хорошему солдату совѣтую беречь патроны.

Какъ бы тяжело не приходилось не унывать. Святой долгъ офицеровъ самимъ это постоянно помнить и людей подбадривать, чтобы и они этого не забывали. Штабъ-офицерамъ въ сильномъ огнѣ предлагаю спѣшиваться.

Забирать патроны съ убитыхъ и раненыхъ.

Выносъ раненыхъ возложенъ на санитаровъ, слѣдовательно никто для этого или для чего другаго рядовъ оставлять не долженъ; офицеры должны за этимъ наблюдать.

Помнить что сигналы наши могутъ быть подаваемы непріятелемъ, а потому начальникамъ воздерживаться отъ употребленія ихъ, а работать словесными приказаніями; сверхъ того: отбоя и отступленія никогда не подавать и предупредить людей что это обманъ со стороны непріятеля.

Еще разъ напоминаю не забывать объявлять передъ дѣломъ что собираемся дѣлать; всякій солдатъ долженъ знать куды и зачѣмъ онъ идетъ, тогда, если начальники и будутъ убиты, смыслъ дѣла не потеряется.

Если начальники будутъ въ бою выведены изъ строя убѣдительно прошу молодцовъ 16-й дивизіи еще съ большимъ упорствомъ идти впередъ и бить врага.

Генералъ-Лейтенантъ **Скобелевъ.**

18 $\frac{21}{XII}$ 77. Габрово.

Отдѣлъ Четвертый.

Кавказская Казачья бригада въ Болгаріи.

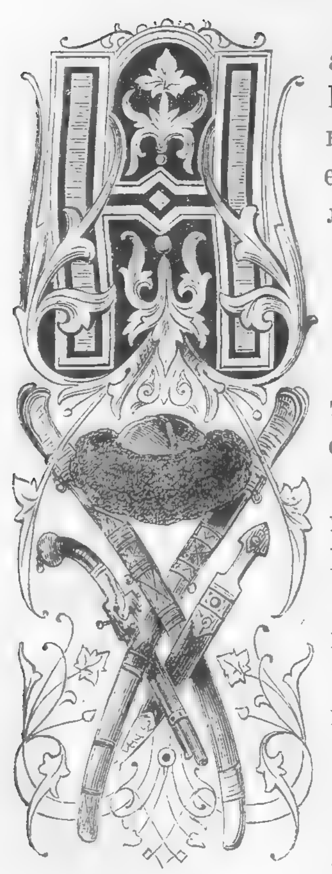
Походный дневникъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Отъ перехода границы до переправы.

I.

Составъ Кавказской Казачьей дивизіи.



ачиная печатать дневникъ военныхъ дѣйствій Кавказской казачьей бригады, я считаю умѣстнымъ предпослать ему нѣсколько словъ о составѣ ея и о тѣхъ событіяхъ, которыя передъ началомъ войны создали Кавказскую бригаду.

Для этого я долженъ начать свой разсказъ со времени прихода Кавказскихъ полковъ въ дѣйствующую армію.

Въ декабрѣ 1876 года прибыли въ Кишиневъ три конныхъ Кавказскихъ полка и двѣ роты пластуновъ *).

Полки эти были отъ Кубанскаго войска: 2-й конно-казачій Кубанскій полкъ подполковника Кухаренки изъ шести сотенъ.

Отъ Терскаго войска: Владикавказскій конно-казачій полкъ полковника Левиса, изъ четырехъ сотенъ, и Терско-Горскій полкъ полковника Панкратова, изъ четырехъ сотенъ.

Всѣ три полка существенно рознились другъ отъ друга по своему составу. Горскій полкъ весь былъ набранъ изъ охотниковъ двухъ сосѣднихъ горскихъ племенъ: Ингушей и Осетинъ. Въ зави-

---

*) Пластуны, т. е. пѣшее Кубанское казачье войско, во время войны были при-

*

симости отъ племеннаго различія и полкъ дѣлился на два дивизіона; первый составили Осетины, второй Ингуши. Въ противоположность казакамъ, каждый рядовой этого полка назывался всадникомъ. Во всѣхъ оттѣнкахъ этого полка проявлялось строго выдержанное военное щегольство; сухіе, кровные кони, исправныя сѣдла, нарядная сбруя, изящная отдѣлка шашекъ и кинжаловъ выказывали ихъ любовь къ боевой обстановкѣ. Они отъ всей души откликнулись на призывъ боя и жаждали войны; но войны не было и кишиневское выжиданье обдало ихъ скукой. Двѣ, три праздныя головы взболтнули о родственныхъ связяхъ за Дунаемъ и тѣмъ подали поводъ къ какимъ-то осторожнымъ подозрѣніямъ.

Наступилъ наконецъ утомительный, однообразный походъ по Румыніи. Туго свыкались горцы съ непривычнымъ, но необходимымъ для ихъ-же блага строевымъ ходомъ. Отъѣхать въ сторону, отстать, перескакать другъ друга—было потребностью веселой кучки молодцовъ. Никто изъ нихъ не сознавалъ, что въ этомъ удальствѣ заключалось сѣмя сплетень и раздоровъ, кончившихся тѣмъ, что въ Бухарестѣ ихъ обвинили въ грабежѣ и буйствѣ. Хотя произведенное по этому поводу слѣдствіе не обнаружило ни грабежа, ни буйства, но уже было поздно; изъ Бухареста полетѣла телеграмма въ Главную квартиру о безпорядкахъ Горскаго полка—и поднялась тревога. Разсказы по слухамъ росли до чудовищныхъ размѣровъ и выросли до вымысла, что Горскій полкъ по одиночкѣ возвращается на Кавказъ и не желаетъ драться съ турками. А тутъ, какъ нарочно, наши отношенія къ Румыніи были какія-то особенныя—не то мы были друзьями, не то на насъ смотрѣли съ выраженіемъ: «кто васъ звалъ сюда?» Поэтому-то и необходимо было соблюдать строжайшій порядокъ, во избѣжаніе недоразумѣній и дѣйствительныхъ безпорядковъ. Но порядокъ военнаго похода не дается безъ навыка или прочной подготовки въ мирное время. Какъ бы то ни было, но преувеличенные разсказы о безпорядкахъ въ Бухарестѣ дали поводъ припомнить единичныя, зимнія дисциплинарные проступки не получившія въ то время огласки и поконченныя домашнимъ взысканіемъ. Во избѣжаніе дальнѣйшихъ приключеній, рѣшено было, до поры до времени, выдержать весь полкъ въ Одессѣ. Затѣмъ, какъ увидимъ ниже, это наказаніе было смягчено: осетины остались съ нами, а ингуши, гораздо позднѣе, но тоже приняли видное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Судьба не связала меня съ ингушами, но осетины, въ головѣ Кавказской бригады, первыми вступили въ бой за Дунаемъ, и если имъ приходилось бывать послѣдними, то только при отступленіи.

Владикавказскій полкъ, передъ отправленіемъ въ Дунайскую армію

числены къ 4-й стрѣлковой бригадѣ. Въ своемъ мѣстѣ о нихъ будетъ упомянуто, какъ о части, находившейся въ служебной связи съ Кавказскою бригадою.

находился на дѣйствительной службѣ Терскаго войска. Поэтому, въ немъ все было въ порядкѣ, все было доброкачественно. Призванный на очередную службу мирнаго времени, онъ не былъ собранъ въ торопяхъ и все въ немъ было осмотрѣно заблаговременно; рядовые казаки сжились между собою, офицеры сплотились; тамъ все было общее, ровное. Составъ людей, привычки ихъ, молодечество, опрятность, знаніе службы — все было одинаково. Короче сказать, это былъ полкъ въ полномъ смыслѣ слова.

Нѣсколько иное представлялъ 2-й конно-казачій Кубанскій полкъ. Онъ былъ льготнымъ полкомъ, т. е. былъ призванъ на службу по случаю военнаго времени. Поэтому, въ его составъ вошли какъ старослуживые казаки, отбывшіе свою дѣйствительную службу по мирному времени, такъ и молодой народъ новаго призыва. Мнѣ говорили, что они были собраны въ двѣ недѣли, и тотчасъ выступили въ походъ. Слѣдовательно, полкъ вышелъ въ поле какъ бы по тревогѣ, и слѣды этой поспѣшности отражались на составѣ Кубанскаго полка въ первое время похода. Старослуживые, бывалые, казаки явились молодцами; юноши не имѣли подготовки. Имъ подъ пулями пришлось учиться обиходу военно-казачьяго быта. Между ними попадались такіе, которые никогда въ рукахъ и ружья не держали, никогда и коня не сѣдлали. А тутъ тяжелые вьюки, спаровка въ укладкѣ вещей; не втянутые, въ торопяхъ купленные кони, далекая пріемка фуража послѣ тяжелаго перехода, утомляли молодаго казачка. Но за то, когда онъ окрѣпъ въ тревожномъ бытѣ, обстрѣлялся, тогда сказался въ немъ казакъ, — и любо было глядѣть на этихъ юныхъ молодцовъ. Откуда взялась осанка, пылъ и боевое щегольство, хотя они ходили ужъ въ оборванныхъ, простреленныхъ черкескахъ. Но не мало времени прошло съ начала похода и до этихъ дней; не мало было приложено общихъ трудовъ, испытано огорченій, ущемленій самолюбія, пока все это созрѣло и какъ будто бы сплотилось; а въ Кубанскомъ полку цѣлыя сотни имѣли свой особенный составъ. Такъ, въ него входили малороссы, сыны Черноморскаго казачьяго войска, и цѣлая сотня ихъ имѣла свой особый видъ. Молчаливый малороссъ служилъ не торопясь, но прочно, и всѣ работы этой сотни были рѣшительны и хладнокровны. Была и сотня старовѣровъ... Довольство, смѣтка, боевая обстановка, били въ глазъ избыткомъ старовѣра. Каждый изъ нихъ обличалъ въ себѣ предпріимчиваго, толковаго домохозяина; а потому и служба этой сотни носила на себѣ отпечатокъ покойно-разумный, хотя работа горѣла. Прочія сотни были богаты, какъ отдѣльными молодцами, такъ и людьми, далеко не выдающимися; въ нихъ все зависѣло отъ времени и командира; время же было коротко, сравнительно съ желаемымъ успѣхомъ.

Приказомъ по войскамъ дѣйствующей арміи, отъ 7-го января 1877 года, всѣ три Кавказскіе полка съ Донскою казачьею № 1-й батаре-

ею *), переформированною въ конно-горную, предписано было: «Оставивъ въ вѣдѣніи походнаго атамана иррегулярныхъ войскъ арміи, временно соединить въ особую дивизію, которой присвоить названіе Кавказской казачьей дивизіи».

Командованіе этою дивизіею возложено на состоявшаго при Его Императорскомъ Высочествѣ Главнокомандующемъ, генералъ-лейтенанта Скобелева 1-го. Исправляющимъ должность начальника штаба назначенъ генеральнаго штаба полковникъ Паренсовъ. Исправляющимъ должность старшаго адъютанта лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Ея Величества полка штабсъ-ротмистръ Лукашевъ.

Но полковникъ Паренсовъ вскорѣ былъ отправленъ по дѣламъ службы въ Бухарестъ и генеральнаго штаба капитанъ Сахаровъ исправлялъ его должность вплоть до переправы черезъ Дунай. Затѣмъ, приказомъ отъ 25-го января 1877 года по войскамъ дѣйствующей арміи предписано: «для приданія большей самостоятельности вновь сформированной Кавказской казачьей дивизіи, присоединить къ ней Донской казачій № 30 полкъ и полкамъ этой дивизіи образовать двѣ бригады. Кубанскому и Донскому № 30 полкамъ составить первую бригаду. Владикавказскому и Терско-Горскому вторую бригаду. Донской казачьей № 1 батареѣ быть въ непосредственномъ вѣдѣніи командующаго дивизіей; начальнику артиллеріи сформировать для нее конно-артиллерійское парковое отдѣленіе изъ 8-го артиллерійскаго парка, назначивъ въ него наиболѣе легкія, неформенныя повозки».

Въ такомъ составѣ Кавказская казачья дивизія оставалась до первыхъ чиселъ апрѣля 1877 года, то есть, почти вплоть до объявленія войны. Въ это время генералъ-лейтенантъ Скобелевъ 1-й ходатайствовалъ о назначеніи командировъ бригадъ во ввѣренную ему Кавказскую казачью дивизію, и къ нему были назначены состоявшіе въ распоряженіи Великаго Князя Главнокомандующаго:

Полковникъ Тутолминъ начальникомъ 1-й бригады; полковникъ Вульфертъ начальникомъ 2-й бригады.

Не будетъ лишнимъ сказать здѣсь по этому поводу нѣсколько словъ, уясняющихъ мое назначеніе. Находясь въ должности состоящаго по порученіямъ при Его Императорскомъ Высочествѣ Главнокомандующемъ, слѣдовательно въ числѣ лицъ, посылаемыхъ по дѣламъ службы, я въ это время былъ въ командировкѣ изъ Кишинева. 5-го апрѣля я вернулся и мнѣ объявили о моемъ назначеніи начальникомъ 1-й бригады Кавказской казачьей дивизіи. Отправляясь въ походъ, я позволялъ себѣ думать, что буду назначенъ въ какую-нибудь кавалерійскую часть и, признаюсь, былъ бы далеко не прочь принять армейскій кавалерійскій полкъ.

---

*) Командиръ батареи войсковой старшина Костинъ.

Получить-же Кавказскую бригаду не только не входило въ мои ожиданія, но когда мнѣ объ этомъ сказали, я скорѣе испугался, чѣмъ обрадовался. Мое собственное самолюбіе говорило мнѣ, что я буду въ этомъ мірѣ чужой, что я самъ буду неукомъ во всемъ, что касается бытовой стороны казаковъ. Но, освоившись съ тѣмъ, что уже случилось, не скажу, чтобы это назначеніе было для меня непріятно. Много представлялось соблазну поступить въ кавказскіе ряды и ободренный знакомыми мнѣ казаками, я явился къ походному атаману *). Въ ласковой, поучительной бесѣдѣ я получилъ уроки изъ опыта сѣдаго, боеваго казака, отправлявшаго своего новаго подчиненнаго съ строгимъ наставленіемъ и совѣтомъ. Разумѣется, его приказанія были для меня заповѣдью. Съ ними я явился къ казакамъ, ими руководствовался въ походѣ и считаю себя обязаннымъ сказать, что все, способствовавшее скорѣйшему развитію молодаго казака, я требовалъ по его наставленію. Пріемы и указанія, имъ данные, были главною основою ихъ успѣха.

Въ полдень 10-го апрѣля я выѣхалъ въ штабъ Кавказской казачьей дивизіи, расположенный въ Чимишліи, верстъ на шестьдесятъ къ югу отъ Кишинева. Въ это время уже чувствовалось, что не сегодня, завтра будетъ объявлена война. Дѣятельность была лихорадочная; предписанія, приказанія разсылались безпрестанно и золото, вѣрный предвѣстникъ ея, въ первый разъ было отправлено въ полки.

II.

Походъ до Журжи.

12-го Апрѣля 1877 года.

Въ восемь часовъ утра Кубанскій полкъ выстроился передъ мѣстною церковью и напутственный молебенъ былъ благословеніемъ въ походъ. Сердечная молитва отразилась на задумчивыхъ лицахъ казаковъ, перекрестились они и выступили. 2-я бригада выступала завтра, начальникъ дивизіи находился при первой бригадѣ. День былъ хорошій, пѣсенники впереди—идти было весело. На пути, должны были присоединиться къ Кубанскому полку: 30-й Донской полкъ съ 1-ю Конно-Горною батареей и въ общемъ составѣ бригады перейти границу **). Гдѣ же граница? Почему

*) Генералъ-лейтенанту Ѳомину.

**) При Кавказской дивизіи долженъ былъ слѣдовать до Журжева пріѣхавшій со мною штабъ-ротмистръ Дерфельденъ. Обязанность его была доложить о подробностяхъ похода и обо всемъ, о чемъ начальникъ дивизіи найдетъ нужнымъ довести до свѣдѣнія. Адъютанты Великаго Князя Главнокомандующаго находились съ этою цѣлью при каждой изъ трехъ колоннъ, наступавшихъ по Румыніи.

то подъ границей воображалась какая-нибудь застава, казенный мостъ, или что-нибудь такое, что ясно говорило бы: тамъ чужое, а здѣсь свое. Но ничего такого не было. Мы увидѣли одиночный соломенный навѣсъ для часоваго, канавку съ топкими краями, обыкновенный полевой дорожный мостикъ и передъ нимъ офицеръ пограничной стражи. Намъ сказали, что здѣсь граница, и въ часъ шесть минутъ пополудни, мы перешагнули черезъ границу. Она имѣла видъ чего-то недоконченнаго, временнаго и какъ-будто потому только, что намъ сказали: здѣсь граница, мы повѣрили наслово и перешли; казаки повернулись лицемъ къ родимой сторонѣ, поклонились ей и многіе изъ нихъ набожно завязали въ узелокъ по горсточкѣ родной земли *), а хоръ трубачей 30-го Донскаго полка, огласилъ Молдавію звуками «Боже Царя храни». Въ шесть часовъ вечера мы прибыли въ Леово и стали на лѣвомъ берегу Прута. «Вотъ гдѣ русская граница», подсказало сердце. Кагулъ, Исакча, Измаилъ стоятъ тутъ маяками грани русской, и намъ казалось, что завтра мы перейдемъ нашу настоящую границу. Но вышло далеко не такъ, какъ мы разсчитывали. Въ Леовѣ не былъ еще оконченъ мостъ, безъ котораго невозможно перейдти на правый берегъ Прута и намъ пришлось дожидаться его окончанія.

13-го и 14-го Апрѣля.

Вчера былъ теплый весенній день, сегодня пасмурный великороссійскій ноябрь. Дождь, холодъ чрезвычайный. Въ составныхъ, маленькихъ, крышеобразныхъ палаткахъ **) можно только лежать, а почва подъ ними растворилась. Встать на ноги въ нихъ нельзя, бока ихъ промокли; Богъ знаетъ, лучше-ли съ ними, чѣмъ безъ нихъ. Въ такую непогоду лучше походъ, чѣмъ стоянка; но мостъ будетъ готовъ только завтра; вода прибываетъ на Прутѣ, берега его затопило и они обратились въ невылазное болото. Одиночные всадники вязнутъ по брюхо. 5-й саперный батальонъ уже нѣсколько дней не выходитъ изъ воды, работая въ ней по поясъ. Наступило завтра; тотъ же холодъ, дождь и снѣгъ, хворостъ не горитъ; а переправа оказывается не будетъ готова ни завтра, ни послѣ завтра, потому что надо устраивать гать. Между тѣмъ мы должны держать связь съ сосѣдними колоннами и быть съ ними на одной высотѣ. Лѣвѣе насъ на Галацъ, шелъ 11-й корпусъ, 12-й корпусъ правѣе, на Бухарестъ; мы составляли голову 8-го корпуса и не знали, тронулись ли наши сосѣди,

*) По обычаю лежать подъ своей землей, если суждено будетъ умереть на чужой сторонѣ.

**) Въ Болгаріи при частыхъ тревогахъ палатки эти уничтожились сами собою колышки терялись и представляли не мало хлопотъ при внезапномъ подъемѣ. Я помню одинъ изъ дней, когда полкъ выступилъ по тревогѣ и стоянка его была усѣяна колышками. Это было среди бѣлаго дня 20-го іюля въ Порадимѣ.

или также остановились, какъ и мы; нужно было торопиться, поэтому сдѣланы рекогносцировки, наведены справки и мы узнали, что въ Фальчи есть переправа на паромѣ. Начальникъ дивизіи, донеся о встрѣтившейся задержкѣ, просилъ позволенія переправиться въ Фальчи и получилъ на это разрѣшеніе изъ штаба Дѣйствующей арміи. Поэтому, завтра 15-го апрѣля, бригада должна выступить въ Фальчи. Переходъ въ двадцать верстъ требовалъ трехъ часовъ времени, но въ разсчетѣ на задержку при переправѣ на паромѣ и въ бродъ черезъ рѣчку Серата, что на пути къ Фальчи, выступленіе назначено: Кубанскому полку въ пять часовъ утра, № 30-му Донскому съ Горною батареей въ десять часовъ утра.

15-го Апрѣля.

Переходъ въ Фальчи.

Кубанскій полкъ выступилъ въ назначенный часъ; но замѣшкавшись на переправѣ черезъ Серату, а потомъ переговорами съ евреемъ паромщикомъ въ Фальчи, согласившимся на перевозъ неиначе, какъ за плату, онъ могъ начать переправу только въ два часа пополудни. Но канатъ на паромѣ былъ ненадежный и пришлось взять другой на прокатъ, (на баркѣ, случайно находившейся въ Фальчи) за шесть турецкихъ лиръ *). Паромщику мы обязаны были заплатить сколько помнится, по двѣ съ половиною или по три съ половиною копѣйки съ лошади. Странно было сознавать, что приходится платить за войсковую переправу; но въ Фальчи и въ Леовѣ румынскія власти не знали, по какому праву и зачѣмъ мы вступаемъ въ городъ. Поэтому то, подполковникъ Кухаренко и рѣшился принять предложенныя условія, ибо въ противномъ случаѣ переправа не могла состояться. Кубанскій полкъ и батарея въ этотъ же день ночевали въ Фальчи; но такъ какъ переправа ихъ кончилась только въ одиннадцать часовъ ночи, то 30-й полкъ остался на лѣвомъ берегу Прута. Эти торговыя приключенія были непріятны, но онѣ насъ не задерживали; суть же затрудненій нашего похода заключалась въ переправахъ въ бродъ и обходахъ такихъ мѣстъ, которыя на много верстъ растворились въ топь. Такъ напримѣръ, показанная на картѣ рѣчка Серата, въ обыкновенную воду есть ничто иное, какъ изрядная, удобопроходимая канава. Три дня тому назадъ, она была такого свойства. При переправѣ Кубанскаго полка, она не представила особенныхъ затрудненій; но ко времени прибытія къ ней № 30-го Донскаго полка, она обратилась уже въ быструю глубокую рѣку.

Кони всплывали; повозки вязли и казаки, раздѣтые до нага, вытаскивали ихъ изъ топи. Одна рубашка, да казачья шапка, какъ будто прикры-

*) Турецкая лира=5 р. 62 к. по нарицательной стоимости.

вали и согрѣвали ихъ продрогнувшее тѣло. Снаряды приходилось вынимать изъ ящиковъ и перевозить въ рукахъ, пока наконецъ не удалось отыскать твердую жилу поперегъ Сераты, и Конно-Горная батарея перешла на другой берегъ. Итакъ, на двадцати верстный переходъ было употреблено восемьнадцать часовъ времени, и не разъ еще они были въ этомъ родѣ отъ Леова до Бухареста. Вліяніе этихъ затрудненій было чрезвычайное. Богъ миловалъ отъ болѣзней, но утомленіе людей и лошадей было замѣтное. Намокшіе уборы и вьюки не имѣли времени просохнуть; спины лошадей подпрѣвали, возимый на сѣдлахъ запасъ фуража увеличивалъ и безъ того тяжелый грузъ и конскія спины побились; ссадины были ужасныя. Бывалые и исправные казаки предупреждали бѣду; но молодежь платилась невольно, потому что не была знакома съ вьючною пригонкой. Количество побитыхъ лошадей было громадное, и я значительно уменьшу его цифру, если скажу, что ко времени прихода на Дунай круглымъ счетомъ приходилось по тридцати лошадей на сотню.

16-го Апрѣля.

Переходъ въ *Вадени.*

Управившись съ паромомъ, 1-я бригада Кавказской дивизіи двинулась внизъ по Пруту въ мѣстечко Вадени. Но и выступленіе изъ Фальчи не обошлось безъ своеобразныхъ приключеній. Причитающіяся за переправу деньги, должны были быть выданы изъ суммъ штаба дивизіи и паромщику предложили подписать разсчетный листъ, по числу людей и лошадей дивизіи. Но каково же было удивленіе, когда паромщикъ отказался отъ денегъ, не признавая вѣрности показаннаго числа людей и лошадей. Онъ увѣрялъ, что, по его личному счету, Кавказская дивизія превышаетъ 10 тысячъ человѣкъ. Въ дѣйствительности же, со всѣми повозками, она не доходила и до трехъ тысячъ человѣкъ. Никакія списочныя вѣдомости его не удовлетворяли и онъ стоялъ на своемъ. Для прекращенія пререканій деньги были отправлены къ мэру; но мэръ отказался принять ихъ, считая себя не вправѣ вмѣшиваться въ частное, торговое дѣло. Оставалось одно средство: телеграфировать въ штабъ арміи и выступить въ Вадени, не уплативъ за переправу. Такъ и сдѣлали. Впослѣдствіи мы слышали, что румынское правительство увѣдомило мѣстныя власти о данномъ разрѣшеніи на вступленіе нашихъ войскъ въ Румынію и предписало не взимать платы за переправы. Вслѣдствіе этого паромщику деньги не были уплочены и Кавказская дивизія поплатилась только шестью лирами за канатъ. Выступивъ изъ Фальчи въ Вадени, мы, вмѣсто назначенныхъ по маршруту двадцати-пяти верстъ, сдѣлали сорокъ предпочитая кружный обходъ топкимъ, медленнымъ переправамъ въ бродъ и прибыли на ночлегъ въ одиннадцать часовъ ночи.

17-го Апрѣля.

Переходъ въ Ованчу.

Съ выступленіемъ изъ Фальчи наступила прелестная теплая весна: легкій воздухъ, молодые, пахучіе листья оживляли переходъ, и весело мы подошли къ Кагулу, который красиво вздымался на крутомъ лѣвомъ берегу Прута. Нашъ ночлегъ пришелся противъ Кагула, на правомъ берегу Прута.

Едва мы заняли бивуакъ, какъ насъ окружили смышленыя русскія лица. Длинныя бороды, косые вороты на рубашкахъ, волоса въ скобку, какъ бы перенесли насъ во Владиміръ, Шую, Ярославль. То были старообрядцы; всѣ они были изъ подъ Кагула и жили еще въ немъ, когда онъ былъ русскимъ городомъ. Прослышавъ о нашемъ приходѣ, они пришли поглядѣть на «своихъ» и, конечно, старовѣрческая сотня особенно пришлась имъ по душѣ. Она въ свою очередь была довольна этою встрѣчей и первымъ дѣломъ казаковъ была просьба «помолиться на Кагулѣ». Разумѣется, казаки получили разрѣшеніе и не оказалось человѣка, который опоздалъ бы къ сроку, назначенному для его возвращенія.

18-го Апрѣля.

Переходъ въ мѣстечко Фрумашицы.

19-го Апрѣля.

Переходъ въ Галацъ.

Въ три часа пополудни мы вступили въ Галацъ, и простояли по 23-е апрѣля, остановленные депешею командира 8-го корпуса, генерала Радецкаго. Сколько помнится, то причина нашей остановки заключалась въ задержкѣ 8-го корпуса на переправѣ черезъ Прутъ. Въ Галацѣ мы узнали первыя военныя новости того времени, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательныя заключались въ благополучномъ занятіи Барбошскаго моста; турки не обратили на него вниманія и мостъ былъ занятъ отрядомъ адъютанта Его Высочества полковника Струкова; онъ быстро подошелъ къ Барбошу съ Донскимъ казачьимъ полкомъ, сдѣлавъ до ста верстъ въ сутки, и за тѣмъ *), во время подоспѣвшая пѣхота обезпечила узелъ румынскихъ желѣзныхъ дорогъ въ русскихъ рукахъ. Въ Галацѣ пришлось намъ услышать первые турецкіе выстрѣлы.

Турецкій пароходъ пытался прорваться у Рени; но встрѣченный тамъ нашими батареями обмѣнялся выстрѣлами и повернулъ обратно. Пребываніе въ Галацѣ дало намъ новую жизнь. Мы увидѣли Дунай и

*) Голова лѣвой колонны, т. е. 11-го корпуса князя Шаховскаго.

стали лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. Но дни, проведенные въ Галацѣ Кавказскою дивизіей, имѣли для нея и частное значеніе, пустившее въ нее со временемъ хорошіе глубокіе корни. Здѣсь была положена завязка ея будущихъ отношеній къ генералъ-маіору Скобелеву 2-му, назначенному, какъ увидимъ ниже, начальникомъ штаба нашего Журжевскаго отряда. Въ частномъ разговорѣ было сообщено отцу о возможности назначить въ его распоряженіе сына. Въ это время, мы направлялись въ Журжу. Тамъ на первое время долженъ былъ собраться значительный отрядъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія и молодой генералъ Скобелевъ могъ стать въ томъ положеніи, какого онъ всегда желалъ, т. е. быть какъ можно ближе къ туркамъ. Назначеніе сына къ отцу являлось единственнымъ затрудненіемъ; близкое родство двухъ главныхъ лицъ отряда могло вызвать толки и пересуды; но нужно было дѣло, нужны были люди. Генералъ Скобелевъ 2-й только что пріѣхалъ въ распоряженіе Главнокомандующаго, открывалось никѣмъ не занятое мѣсто, конечно скромное, но не мало значившее въ то время, и генералъ-лейтенантъ Скобелевъ 1-й просилъ въ письмѣ изъ Галаца назначить къ нему генералъ-майора Скобелева 2-го. Я внесъ эту быть можетъ не относящуюся къ дѣлу замѣтку, какъ нѣкоторое поясненіе къ различнымъ слухамъ, распространеннымъ между прочими по поводу минувшей войны.

22-го Апрѣля.

Вечеромъ получено было у насъ приказаніе выступить далѣе по маршруту.

23-го Апрѣля.

Переходъ въ Браиловъ.

Выступивъ рано утромъ на двадцати двухверстный переходъ, мы думали засвѣтло добраться до Браилова, но задержанные на переправѣ черезъ Серетъ, въ двѣнадцати верстахъ отъ Галаца, употребили двое сутокъ на переходъ до Браилова.

Переправа черезъ не широкій, но въ это время быстрый и глубокій Серетъ происходила на паромѣ, на которомъ можно было поставить не болѣе шестнадцати лошадей. Мы подошли къ нему въ девять часовъ утра, и 30-й Донской полкъ тотчасъ-же началъ переправу, окончившуюся только къ вечеру. Конная горная батарея и Кубанскій полкъ съ обозомъ должны были переправиться рано утромъ.

24-го Апрѣля.

Чуть занялась зорька, возобновилась и переправа. Донской полкъ ушелъ въ Браиловъ, Кубанцы и конно-горная батарея могли выступить

только въ пять часовъ пополудни и прибыли въ девять часовъ вечера. Донской полкъ стоялъ уже на бивуакѣ и въ этотъ день получилъ первую турецкую гранату, упавшую прямо въ коновязи. Но никто не былъ убитъ и раненъ.

Выступивъ изъ Браилова 25-го, мы продолжали свое движеніе на Муфти, станціонный домикъ, одиноко стоявшій въ полѣ, замѣчательный по отсутствію воды вблизи бивуака. 26-го, прибыли въ Филипешти, 27-го, имѣли здѣсь дневку; 28-го, переходъ въ Цугуяту.

29-го Апрѣля.

Переходъ въ Метелеу.

Не скажу, чтобы походъ нашъ обходился и безъ смѣшныхъ приключеній, происходившихъ преимущественно отъ общаго настроенія мѣстнаго населенія. Надо замѣтить, что со времени перехода границы, мы имѣли приказаніе слѣдовать со всѣми военными предосторожностями; поэтому всѣ предписанныя уставомъ способы охраненія выполнялись съ точностію. Не всегда это нравилось; въ особенности послѣ какого-либо тяжелаго перехода. А между тѣмъ слухи тревожили жителей разсказами, что черкесы и баши-бузуки переправились черезъ Дунай и хозяйничаютъ въ придунайской Румыніи *). 29-го апрѣля разыгралось и у насъ приключеніе, вызвавшее тревогу. Придя въ Метелеу, мы расположились бивуакомъ подлѣ селенія и выставили сторожевую цѣпь. Вдругъ ночью раздаются два-три выстрѣла вблизи отъ сторожевой цѣпи. Въ деревнѣ поднялась суматоха, жители перепугались, поднялся и бивуакъ. Въ сторожевой цѣпи слышали выстрѣлы подлѣ деревни, но ничего не замѣтили. Тѣмъ не менѣе послали разъѣзды, но и они ничего не отыскали. Одновременно съ разъѣздами осмотрѣли и деревню. Послѣ довольно продолжительныхъ розысковъ отыскали, наконецъ, запрятавшагося въ сараѣ перепуганнаго молодаго торговца. Оказалось, что онъ остановился наканунѣ въ деревнѣ и торопился поспѣть куда-то съ товаромъ. Для выигрыша времени ему слѣдовало ѣхать ночью; но разсказы о баши-бузукахъ его пугали, и для того, чтобы, какъ говорилъ—«напугать разбойниковъ», онъ передъ выѣздомъ далъ три выстрѣла изъ револьвера. Испугавшись поднятой имъ тревоги онъ запрятался въ сараѣ, откуда его и вытащили.

30-го Апрѣля.

Переходъ въ Урзучени.

Этотъ день былъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ дней похода. Чуд-

*) По этому поводу произошла крайне смѣшная случайность еще при выступленіи нашихъ войскъ изъ Волынской губерніи.

ная весенняя погода, случайная, хорошая обстановка въ чистенькомъ саду нашихъ хозяевъ и добрыя взаимныя отношенія вліяли на веселое расположеніе духа.

Въ этотъ день мы поджидали генерала Скобелева 2-го, ѣхавшаго къ намъ изъ Бухареста.

Такъ какъ походная обстановка генерала Скобелева 2-го слилась съ его именемъ, то я позволю себѣ сказать два слова о главныхъ ея принадлежностяхъ. Раньше появленія молодого генерала, къ намъ прибыли его бѣлые жеребцы. Лошади были породистыя, но обратили на себя вниманіе и тѣмъ, что всѣ онѣ бѣлой шерсти. Находившійся при нихъ знаменитый Нурбай *), впервые объяснилъ намъ, что на другихъ генералъ не любитъ ѣздить. И замѣчательно, что лошади другой шерсти дѣйствительно были ему, какъ говорится, не въ руку. Но болѣе лошадей, принадлежалъ генералу самъ Нурбай, хотя онъ навѣрное затруднился бы опредѣлить, кому онъ болѣе принадлежитъ—лошадямъ или хозяину ихъ. На генерала онъ нерѣдко сердился за лошадей, но на лошадей никогда. Генерала онъ любилъ внутренно, слѣдовалъ за нимъ, какъ тѣнь, но въ лошадей онъ былъ влюбленъ страстно, онъ съ ними жилъ, какъ съ другомъ. Приземистый, сухой, проворный, онъ былъ красивъ своеобразно: въ широкихъ, расшитыхъ шелкомъ шароварахъ, красной курткѣ и непремѣнно въ тюбетейкѣ. Другого головнаго убора онъ не признавалъ. Пѣшкомъ онъ чувствовалъ себя неловко, и ему какъ-бы мѣшали, изогнутые колесомъ, его кривыя ноги. Но разъ въ сѣдлѣ — Нурбай перерождался. Щелка глазъ его блестѣла гордымъ сознаніемъ своего ловкаго наѣздничества, и онъ торжествовалъ; тогда съ головы до ногъ, онъ былъ нарядный всадникъ.

Прибывъ къ намъ около полудня, генералъ-маіоръ Скобелевъ 2-й, черезъ нѣсколько дней, вступилъ въ отправленіе должности начальника штаба Журжевскаго отряда и оставался въ этой должности до переправы черезъ Дунай у Зимницы. Затѣмъ, отъ 12-го іюля по 30-е августа, онъ имѣлъ у себя въ отрядѣ Кавказскую бригаду, которая пережила съ нимъ немало трудныхъ дней. Строги подчасъ бывали требованія молодаго Скобелева, но онъ былъ однимъ изъ первыхъ, вникнувшихъ въ трудную службу Кавказской бригады подъ Плевною и съумѣлъ выставить ее въ должномъ свѣтѣ.

1 и 2-го Мая.

Переходъ въ Синешты и дневка.

---

*) Молодой киргизъ, выѣхавшій изъ Ташкента съ генералъ-маіоромъ Скобелевымъ 2-мъ и неразлучный съ нимъ въ дѣлахъ минувшей войны.

День своеобразно веселый, погода рай,—и шуткамъ нѣтъ конца. С. Я. К. вздумалъ отпраздновать вчерашнее 1-е мая, но отпраздновать его по своему. Ему вспомнилось 1-е мая, понынѣ, какъ кажется, проводимое на Кавказѣ въ весельи семейнаго круга и С. Я. вздумалъ его отпраздновать. Но отпраздновать его онъ хотѣлъ особенно и по своему вкусу. Надо замѣтить, что когда К. бывалъ въ духѣ, то веселѣе его человѣка не было. Разсказамъ его придавала особую занимательность полная приключеній жизнь его въ молодости. Много испытавъ лишеній и огорченій, онъ и научился многому. Весь казачій обиходъ ему былъ извѣстенъ по личному опыту; онъ и уздечки вязалъ, онъ и ремни выдѣлывалъ, самъ онъ барана умѣлъ какъ-то особенно приготовить, самъ онъ и *шашлыкъ* жарилъ. И все это не мѣшало ему достойно занимать свое мѣсто; а потому-то, когда онъ бывалъ въ духѣ, то не было ему цѣны. Вотъ въ такомъ-то настроеніи духа былъ онъ, 2-го мая, и вздумалъ угостить на славу. Всѣ знали, что дѣло не обойдется безъ какой-нибудь шутки и дѣйствительно: соблазнъ долженъ былъ заключаться въ шашлыкѣ изъ молодаго жеребенка.

Странно было въ первый разъ въ жизни приступать къ жареному жеребенку, хотя хозяинъ приглашалъ заманчиво; но не желающимъ этого лакомства былъ предложенъ бараній шашлыкъ. Горячій, сочный, онъ былъ вкусенъ. Не жеребенокъ-ли это? Какъ будто-бы не то; нѣтъ, говоритъ, жеребенокъ темнѣе, баранъ нѣжнѣе; за кускомъ пошелъ другой, а тамъ и объявили съ веселыми шутками, что темный и нѣжный оба были конина.

И много дней было веселыхъ.

3 и 4-го Мая.

Переходъ въ Плумбунту, пригородъ Бухареста и дневка.

Для сохраненія благочинія, въ Бухарестѣ, въ которомъ необходимо было сдѣлать разныя закупки, нижнихъ чиновъ дозволено было отпускать въ городъ, не иначе какъ строемъ. Впослѣдствіи многое перемѣнилось, но на первыхъ порахъ все было строго, во избѣжаніе неудовольствій со стороны румынъ. Поэтому только офицеры получили право поодиночкѣ ѣздить въ городъ.

Чистый, нарядный, веселый, онъ производилъ пріятное впечатлѣніе. Не все еще русское сгинуло въ Бухарестѣ. Длинный, тѣнистый бульваръ Киселева роскошно разросся и составляетъ мѣсто лучшей городской прогулки. Старовѣры преобладаютъ на козлахъ наемныхъ колясокъ, и, ѣдучи съ ними, веселѣе смотришь на то, что стоило много денегъ Россіи.

Въ Бухарестѣ встрѣтилъ насъ полковникъ Паренсовъ, считавшійся, какъ сказано, начальникомъ штаба Кавказской дивизіи. Имѣя здѣсь особое порученіе, онъ не могъ еще вступить въ отправленіе своей должности, но доказалъ самымъ существеннымъ образомъ, что и здѣсь онъ заботился о дивизіи, приготовивъ хорошаго проводника въ наше распоряженіе.

Только благодаря ему, я могъ нанять необходимаго для насъ хорошаго проводника-переводчика, который явился къ намъ въ Зимницѣ.

5-го Мая.

Утромъ, 5-го мая, въ день Вознесенія, 1-я бригада Кавказской дивизіи выступила изъ подъ Бухареста въ мѣстечко Калугарени. Путь лежалъ черезъ Бухарестъ, но мы не имѣли права слѣдовать по его улицамъ. Насъ повели околицей. Генеральнаго штаба полковникъ Бобриковъ *) и румынскій коммисаръ провожали насъ до выхода изъ города. Не знаю, на какомъ основаніи, но у насъ разнесся слухъ, что супруга принца Румынскаго выѣдетъ къ намъ на встрѣчу, при выходѣ изъ города. Приказано было пріодѣться, но съ вечера пошелъ дождь и всю ночь лилъ какъ изъ ведра.

Немощенные закоулки, по которымъ мы кружили, чтобы разстаться съ Бухарестомъ, обратились въ грязные потоки. Мѣстами и довольно часто вода стояла выше колѣнъ лошади. Красные бешметы были забрызганы, лошади облѣплены грязью. Выйдя за городъ на прекрасное шоссе, на которомъ какъ будто-бы и не было дождя, мы узнали, что никакого смотра намъ не предполагалось; но двѣ-три кареты, въ щегольской валашской запряжкѣ, ожидали насъ на поворотѣ. Это было семейство князя Гики, выѣхавшаго посмотрѣть на Кавказскихъ казаковъ и пожелать имъ счастливаго пути. Молодой князь Гика былъ въ восторгѣ отъ Кубанцевъ. Познакомившись наканунѣ съ нѣсколькими офицерами, онъ расположилъ къ себѣ привѣтливостью и изысканнымъ вниманіемъ. Позднѣе, именно въ сентябрѣ мѣсяцѣ, судьба столкнула его опять съ Кавказскою бригадой. Въ то время онъ служилъ уже охотникомъ въ молодецкой конно-артиллерійской батареѣ, находившейся въ бригадѣ Рошіоровъ **). Кавказская бригада была съ ними въ одной очереди на сторожевую службу и, вѣроятно, сохранила самое пріятное о нихъ воспоминаніе. Объ этомъ я буду говорить въ своемъ мѣстѣ, здѣсь-же замѣчу, что князь Гика и на службѣ былъ столь-же любезнымъ товарищемъ-

*) Посланный изъ нашей Главной квартиры, онъ находился при принцѣ Карлѣ, какъ военный представитель по различнаго рода переговорамъ.

**) Гвардейская конница румынъ.

артиллеристомъ, какъ и привѣтливымъ представителемъ стариннаго господарства.

Едва мы подошли къ Калугарени, какъ снова пошелъ дождь. Бивуакъ оказался на болотѣ, но лучшаго мѣста не было. Хотѣли порубить лѣсу для костровъ, но оказалось, что до него нельзя было и прикасаться, какъ къ частной собственности; вода стояла подъ ногами, вода была сверху: словомъ полное купанье; а вѣтеръ дулъ немилосердно, больно было глядѣть на казаковъ. Подлѣ бивуака стояло помѣстье зажиточнаго хозяина, и за отсутствіемъ его, насилу уговорили управляющаго продать соломы, и купили, казалось, не мало, но вся она потонула, а больше не продавали. Купили дровъ подъ костры, но пока дрова разгорались, бурка уже закутала казака и въ болотѣ. Шинели донцевъ не такъ были удобны, мало грѣли. А завтра опять будутъ мокрыя вьюки, прибавятся набитыя спины.

Когда скучно кругомъ, то и самому не весело; мы заснули въ грустномъ настроеніи духа. Но вотъ ночью будятъ начальника дивизіи и передаютъ приказаніе: немедленно явиться въ Главную квартиру по дѣламъ службы. Зачѣмъ—неизвѣстно; но посланный сообщилъ на словахъ, что по слухамъ Терско-Горскій полкъ бушевалъ въ Бухарестѣ; говорили, что они подрались, чуть-ли не рубились, не повиновались румынскимъ властямъ. Румынская полиція сообщила своимъ властямъ, ихъ власти сообщили нашимъ мѣстнымъ властямъ и не успѣли еще наши власти, съ болѣе крупнымъ румынскимъ коммисаромъ выѣхать на мѣсто преступленія, какъ полетѣла румынская телеграмма въ Главную квартиру. Поднялась полная тревога.

«Говорилъ, что надо уничтожить имъ дневку», сорвалось съ языка у генерала. Вторая бригада имѣла дневку въ Плумбунтѣ (т. е. въ Бухарестѣ). Нѣкоторымъ облегченіемъ въ этомъ неожиданномъ безпокойствѣ было успокоеніе, присланное полковникомъ Бобриковымъ. Узнавъ о вызовѣ генерала въ Главную квартиру, онъ на случай, передалъ лицу, пріѣхавшему съ этимъ приказаніемъ, что по разборѣ дѣла вмѣстѣ съ румынскимъ коммисаромъ и начальникомъ 2-й бригады кавказской дивизіи, удостовѣрился въ томъ, что ничего громоноснаго не произошло и подробности сообщитъ при свиданіи. Посему онъ просилъ генерала не тревожиться духомъ, обѣщавъ увѣдомить съ своей стороны Главную квартиру. Впослѣдствіи, мы узнали, что дѣло заключалось въ томъ, что нѣсколько казаковъ и горцевъ слушали музыкантовъ. Любопытные столпились посмотрѣть на казаковъ-черкесовъ. Толпа росла. Надо замѣтить, что въ Плумбунтѣ много навѣсовъ съ пивными столами и мѣстнымъ дешевымъ виномъ. Нельзя утверждать, что слушанье музыки обошлось безъ вина или пива, но платившій, далъ крупную бумажку и долго ждалъ сдачи; но сдачи не являлось, продавецъ справлялся о курсѣ. Наконецъ оказалось, что по ка-

зачьему курсу выходила цѣна, по румынскому—другая. Поднялся споръ. Любопытные сдвинулись ближе. Затѣмъ послѣдовало явленіе невѣроятное. Свидѣтелемъ его я не былъ, поэтому могу ошибаться, но слышалъ слѣдующее отъ лицъ, присутствовавшихъ при разборѣ. Сосѣдъ, глядѣвшій изъ окна на толпу, желалъ предупредить могущій возникнуть безпорядокъ и сообщилъ полиціи, что кажется дѣло не обойдется безъ драки. Тогда поднялась тревога, вызвавшая пріѣздъ коммисара и такъ какъ вмѣсто ожидаемой драки ничего буйнаго не было, и самъ продавецъ не считалъ себя обиженнымъ, то лицу, поднявшему суматоху былъ сдѣланъ румынскою же властью надлежащій выговоръ.

Получивъ приказаніе явиться въ Главную квартиру, начальникъ дивизіи ночью же выѣхалъ въ Плоешти, а мы на утро выступили въ Дайцы. Тамъ, мы должны были ожидать возвращенія генерала Скобелева 1-го и узнать о происшествіи.

Съ 6-го по 9-е Мая.

6-е Мая, Дайцы.

Съ прибытіемъ въ Дайцы, мы стояли уже на Дунаѣ, хотя въ сущности находились еще отъ него въ небольшомъ переходѣ. Дайцы расположены вблизи дугообразнаго протока, идущаго изъ озера Гречилора къ Дунаю. Наибольшее удаленіе протока отъ праваго берега рѣки, отстоитъ верстъ на восемь, представляя собою въ мелкую воду, низменную луговину съ затонами, и высоко-кустарными островами. Но ко времени нашего прихода, все это пространство было затоплено разливомъ; верхушки деревъ, какъ мелкіе кустики выглядывали изъ воды. Жители показали, что на мелкой лодкѣ всюду можно было проѣхать прямо въ Дунай, крупные же катера могли пробираться только по протокамъ. Слѣдовательно, мы были въ сосѣдствѣ съ предпріимчивымъ непріятелемъ, и сами могли получить позволеніе, а пожалуй и приказаніе толкнуться въ его сторону. Поэтому, надо было ознакомиться съ прилегающею мѣстностью, которая отъ озера Гречилора черезъ Журжу, Слободзею, Парапанъ и до Бошора у рѣки Веде, назначалась наблюденію 1-й бригады Кавказской дивизіи. Длина всего протяженія во время разлива доходила до семидесяти верстъ; но въ обыкновенную воду она не превышала шестидесяти, сокращаясь при обмелѣніи затоновъ Дуная. Генералъ-маіоръ Скобелевъ 2-й тотчасъ-же распорядился осмотромъ этой мѣстности. Журжа дѣлила ее на двѣ части: западную и восточную. Западную, онъ поручилъ осмотру Кубанскаго полка, восточную—отдалъ № 30-му Донскому полку, и донцы, обратившись въ пловцовъ, зашмыгали по протокамъ; кубанцы выслали разъѣзды. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, военная вѣжливость требовала, чтобы мы, остановившіеся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Журжи, сообщили о прибытіи своемъ

румынскому начальству. Посему генералъ-маіоръ Скобелевъ 2-й, какъ начальникъ штаба прибывающаго журжевскаго отряда, приказалъ полковнику Тутолмину, капитану Сахарову и адъютанту Его Высочества штабъ-ротмистру Дерфельдену, змѣстѣ съ нимъ отправиться въ Журжу къ начальнику румынскихъ войскъ генералу Чернату.

Взявъ съ собою двѣнадцать человѣкъ кубанцевъ, мы отправились въ Журжу и застали генерала Черната въ ту минуту, когда онъ отправлялся къ своему назначенію на правое крыло нашихъ войскъ; тамъ сосредоточивались румыны, открыто уже вставшіе рука объ руку съ нами. Въ короткихъ словахъ было условлено между генералами время очищенія Журжи румынами и занятіе ея русскими. Мы должны были вступить въ нее 9-го мая. По отъѣздѣ генерала Черната, мы не могли устоять противъ искушенія взглянуть на Рущукъ, и случайно бывшія здѣсь офицеры Калярашей, высказавъ всю свою любезность провели насъ на берегъ Дуная *).

Хорошъ показался Рущукъ, нависнувшій на правыхъ твердыняхъ Дуная. Граненая стѣнка старинныхъ окоповъ обомшилась, но на ней, какъ новая игрушка, сверкалъ своею обшивкой свѣжеобдѣланный брустверъ дальнобойныхъ орудій. Въ трубу ясно были видны шитыя куртки и широкія шаровары турецкихъ часовыхъ. Кое-гдѣ виднѣлись батареи на восточныхъ склонахъ Рущука; передъ городомъ красовалась просторная зеленая палатка начальника рущукскихъ войскъ, а далѣе на югъ, словно орелъ расправилъ крылья и парилъ надъ Рущукомъ громадный ихъ редутъ Левантъ-Табія, расположенный на обширной высокой горѣ; онъ имѣлъ видъ подавляющей силы, подъ защиту которой отдалъ себя Рущукъ со всѣми его укрѣпленіями. Подъ городомъ сновали локомотивы и частые поѣзды желѣзной дороги подвозили боевые снаряды. Мониторы и пароходы стояли подъ лѣсомъ мачтъ, разнообразныхъ парусныхъ судовъ и бѣлая какъ чайка, крошечная паровая шлюпка пробѣгала передъ нами. Теперь она какъ будто-бы веселилась, бѣгала отъ острова на берегъ, съ берега на пароходъ, но въ дни нашей береговой службы, она подсмѣивалась надъ нами. По долгу и часто летала она по главному руслу Дуная, пріучая насъ къ своему летучему полному ходу; но внезапно повернувъ къ нашему берегу она мгновенно подлетала на выстрѣлъ и снова порхала въ просторѣ Дуная. А ей было гдѣ разгуляться: на три версты распахнулся Дунай. На все это мы любовались теперь, какъ гости, а черезъ три дня обязаны были давать подробный отчетъ о происходившемъ передъ нами.

---

*) По роду своей службы, калараши составляютъ нѣчто въ родѣ коннаго ополченія. Въ числѣ офицеровъ, видѣнныхъ нами въ Журжѣ, двое служили въ старыя времена Молдавіи и Валахіи въ русскомъ, учебно-кавалерійскомъ полку.

*

III.

Журжевскій отрядъ на Дунаѣ.

7-го числа подошла къ намъ наша 2-я бригада и возвратился генералъ-лейтенантъ Скобелевъ 1-й, огорченный разсказами про ингушей и осетиновъ. Хотя разсказы о буйствѣ подъ Бухарестомъ не оправдались, но вышли наружу два-три происшествія, которыя сначала хотѣли оставить безъ огласки. Ближайшее начальство знало по опыту, что не всегда наказаніе достигаетъ цѣли; оно надѣялось мѣрами предупрежденія дѣйствовать на самолюбіе, и потому было болѣе снисходительно, чѣмъ то предписывалось закономъ военнаго времени; но внѣшняя обстановка похода по мирной Румыніи была строго-военная. Между тѣмъ случилось, что ингушъ на бивуакѣ у Фальчи, не зная правилъ сторожевой службы, пожелалъ пройдти сквозь цѣнь безъ соблюденія обычныхъ строгостей и чуть было не доказалъ свою правоту расправою кинжала. Но такъ какъ дѣло обошлось благополучно, то, принимая во вниманіе принесенное имъ раскаяніе и общія просьбы дивизіона, не обнаруживать этого происшествія — ограничились строгимъ домашнимъ наказаніемъ. Но послѣ шума, поднятаго въ Бухарестѣ, въ Плоешти узнали и объ этомъ происшествіи, а молва прибавляла по слухамъ, что еще зимой будто бы ингуши разговаривали о не желаніи драться съ турками, но что въ то время не было сообщено объ этомъ по начальству. Всѣ эти воспоминанія были подкрѣплены разсказами, что кто-то видѣлъ кучки всадниковъ Терско-Горскаго полка, будто-бы ѣхавшихъ въ обратную сторону отъ Бухареста, и вотъ, на основаніи всѣхъ этихъ разсказовъ, можно было придти къ какому угодно заключенію. Но по дѣйствительному разъясненію ихъ, вся суть выражалась въ томъ, что нашлось кое-что правдиваго въ разсказахъ, но настолько единичнаго, что они не составляли и двадцатой доли выпущенныхъ слуховъ. Но молва улегается не скоро и чѣмъ она злоязычнѣе, тѣмъ охотнѣе ей вѣрятъ. Такъ было и тутъ. Стали поговаривать, что на горцевъ плохая надежда, и кстати припомнили пословицу, что «гласъ народа—гласъ Божій». Забыли только ту бездѣлицу, что эта пословица, вѣроятно, сложилась въ то время, когда народъ самолично присутствовалъ при дѣлѣ и во-очію убѣжденный въ чемъ-либо, давалъ свое рѣшеніе. Для пресѣченія всѣхъ этихъ толковъ, приказано было выдержать и испытать Горскій полкъ въ Одессѣ. Поэтому, въ приказѣ по Кавказской казачьей дивизіи отъ 8-го мая было предписано:

1) «По недостатку кавалеріи въ Одесскомъ военномъ округѣ, отправить туда Терско-Горскій конно-иррегулярный полкъ.

2) «Вмѣсто означеннаго полка причислить къ Кавказской казачьей дивизіи отдѣльную Донскую бригаду полковника Чернозубова: 21 и 28-й Донскіе полки съ Донскою 15-ю казачьею батареей, которой пока оставаться на мѣстахъ своего расположенія». Вмѣстѣ съ этимъ было объявлено, что «въ городѣ Журжѣ, Кавказская казачья дивизія должна войдти въ составъ отряда, составляющагося изъ: 4-й стрѣлковой бригады и двухъ ротъ Пластуновъ; Донской № 10-й казачьей батареи (4-хъ фунтовой); и Кавказской казачьей дивизіи (за исключеніемъ оставленной на мѣстахъ своего расположенія бригады Чернозубова).

«Отрядъ этотъ поступалъ подъ начальство генералъ-лейтенанта Скобелева 1-го. Начальникомъ штаба его назначенъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ Скобелевъ 2-й».

Разумѣется, приказъ объ отчисленіи горцевъ опечалилъ правыхъ и виноватыхъ, такъ какъ грустно было имъ уходить съ береговъ Дуная въ Одессу, хотя-бы тамъ и вовсе не было кавалеріи. Поэтому, каждый дивизіонъ Горскаго полка выбралъ изъ себя представителей, поручивъ имъ выхлопотать прощеніе передъ начальствомъ. Горячо и убѣдительно просили почтенные заслуженные представители горцевъ и слеза катилась по мужественнымъ, загорѣлымъ ихъ лицамъ. *Ингуши* объявили, что если были виновные, то они не скроютъ, а выдадутъ всѣхъ мало-мальски ненадежныхъ людей. Осетины, во все время не замѣченные въ чемъ-либо виновномъ, просили справедливаго заступничества. Но отмѣнить разъ сдѣланное распоряженіе не представлялось возможнымъ.

Начальникъ дивизіи обѣщалъ выхлопотать прощеніе черезъ нѣсколько времени, но и это утѣшеніе не улыбалось огорченнымъ горцамъ. Наконецъ, усиленныя просьбы полковника Вульферта отчасти помогли этому дѣлу и изъ Главной квартиры послѣдовало разрѣшеніе осетинамъ остаться въ отрядѣ; но ингушамъ приказано отправиться въ Одессу, и прощеніе имъ обѣщано въ зависимости отъ ихъ поведенія. Покорно сдерживали горцы раздраженіе своего самолюбія; негодованіе ихъ выражалось въ мелочахъ, но общій порядокъ не былъ нарушенъ.

Съ удаленіемъ ингушей разстраивался составъ 2-й бригады Кавказской дивизіи и явился вопросъ о новомъ ея сочетаніи *). Но разрѣшеніе должно было послѣдовать изъ Главной квартиры, пока-же Владикавказскій полкъ съ дивизіономъ осетинъ должны были остаться во Фратешти **), составляя общій резервъ съ баталіономъ 4-й стрѣлковой бригады подъ начальствомъ полковника Вульферта; 1-я же бригада Кав-

---

*) Въ первой половинѣ іюня Владикавказскій полкъ съ двумя сотнями осетинъ поступилъ въ составъ 1-й бригады, Кавказской дивизіи.

**) Мѣстечко въ 10 верстахъ отъ Журжи. Въ описываемое время въ немъ стояла 4-я стрѣлковая бригада.

казской дивизіи съ тремя стрѣлковыми батальонами и двумя ротами Пластуновъ выдвигалась въ Журжу для охраны лѣваго берега Дуная, и Кубанскому полку было предписано произвести рекогносцировку всей части Дуная отъ Журжи до рѣки Веде. На эту работу былъ назначенъ весь день 9-го мая. Нѣсколько офицеровъ Кубанскаго полка выѣхали рано утромъ и только къ вечеру вернулись съ обстоятельно сдѣланными съемками и собранными свѣдѣніями.

№ 30-й Донской полкъ и три стрѣлковыхъ батальона съ двумя горными орудіями, должны были выступить 9-го мая и расположиться для охраненія лѣваго берега Дуная. Съ этою цѣлью, все пространство отъ озера Гречилора до рѣки Веде, было раздѣлено на лѣвый флангъ, центръ и правый флангъ *).

Лѣвый флангъ подъ начальствомъ командира Донскаго № 30-го полка, полковника Орлова, образуется изъ: № 30-го Донскаго полка, одной сотни Пластуновъ и двухъ конно-горныхъ орудій.

Центръ въ Журжѣ, подъ начальствомъ командира 4-й стрѣлковой бригады, генералъ-маіора Цвѣцинскаго изъ двухъ стрѣлковыхъ батальоновъ и 1-й пѣшей горной батареи.

Правый флангъ отъ Журжи до Веде, подъ начальствомъ полковника Тутолмина, занимаютъ: Кубанскій казачій полкъ, 10-я Донская казачья батарея, четыре орудія Донской конной батареи, 14-й стрѣлковый батальонъ и одна сотня Пластуновъ.

Каждый участокъ получилъ указаніе цѣли и способа дѣйствій въ случаѣ соприкосновенія съ непріятелемъ. Лѣвому флангу было предписано занять пространство отъ села Прунды **) до виноградниковъ, съ восточной стороны Журжи, и войдти въ связь съ конницею Ольтеницкаго отряда ***). Пластунамъ ввѣрялось непосредственное охраненіе Бронинштанскаго лѣса ****) и для выполненія этой службы имъ были доставлены лодки изъ Журжи. При семъ предписывалось, въ случаѣ прохода непріятеля на плоскодонныхъ судахъ между Дайцами и Прундой «дѣйствовать на его сообщенія, пользуясь собранными лодками». Если-же въ виду превосходныхъ силъ противника, обстоятельства принудили-бы отрядъ къ отступленію, то ему приказано было заманивать его на Калугарени.

На войска, расположенныя въ центрѣ, возлагалось общее и частное назначеніе. Общее—состояло въ оборонѣ Журжи и поддержкѣ обоихъ нашихъ фланговъ, если-бы удалось опрокинуть переправившагося не-

*) Приказъ по Журжевскому отряду, отъ 9-го и 10-го мая.

**) На озерѣ Гречилорѣ.

***) Т. е. съ конницею лѣвой колонны.

****) Бронинштанскій лѣсъ расположенъ у села Бронинштаны; въ это время площадь лѣса не была затоплена, но весь онъ, какъ островъ, былъ окруженъ водою.

пріятеля; частное—возлагало на него охраненіе пригородныхъ садовъ и косы Смирды, при покушеніи противника съ восточной и западной стороны Журжи.

Въ случаѣ сильнаго напора непріятеля, центръ долженъ былъ отступить къ общему резерву на Фратешти.

Правому флангу было указано село Слободзея, какъ мѣсто, имѣющее первенствующее значеніе въ оборонѣ всего протяженія праваго фланга. Общая цѣль дѣйствій праваго фланга указана приказаніемъ «возможно рѣшительно сбросить противника въ Дунай». Въ случаѣ необходимости отступленія, отрядъ долженъ былъ сосредоточиться у Гогошары и черезъ Фратешти отходить на Калугарени. Сверхъ того, на отряды праваго фланга возлагалась обязанность увѣдомить 8-ю кавалерійскую дивизію, еслибы Журжевскій отрядъ былъ вынужденъ къ отступленію. 8-я кавалерійская дивизія была расположена западнѣе рѣки Веде, которая отдѣляла ее отъ нашего конечнаго расположенія. Войска праваго фланга должны были занять берегъ Дуная 10-го числа; 9-го же, были выдвинуты въ Слободзею только 14-й стрѣлковый баталіонъ и полусотня Кубанскаго полка.

10-го Мая.

Крайними точками протяженія праваго крыла были: на востокѣ—виноградные сады Журжи, и на западѣ Бошоръ при впаденіи въ Дунай рѣки Веде, отстоящія другъ отъ друга въ тридцати верстахъ разстоянія. Въ обыкновенную воду это протяженіе значительно сокращалось; но въ описываемое время, всѣ прибрежныя лощины представляли собою глубокіе заливы Дуная. Тамъ, гдѣ въ малую воду можно было воспользоваться лощиною и проѣхать не болѣе версты разстоянія теперь приходилось дѣлать четыре и пять.

Глубокій разливъ подходилъ на нѣсколько сажень къ западной сторонѣ Слободзеи, но передъ южною ея стороной до лѣваго берега Дуная оставалась незалитая водою площадь, имѣющая въ поперечникѣ около версты, а въ длинникѣ вдвое болѣе. Она, большою дугою выдавалась въ Дунай и имѣла видъ широкой плоскодонной чаши, съ невысокими краями. Она какъ бы оборвалась надъ рѣкой и остатки ее повисли надъ Дунаемъ не высокимъ гребнемъ, который, протягиваясь отсюда къ востоку, сохраняетъ тоже свойство почти вплоть до Журжи. Но въ промежуткѣ *) между Слободзеею и виноградниками онъ поднимается нѣсколько выше и подъ городомъ ниспадаетъ до уровня воды. По берегу

*) Пять верстъ разстоянія между Журжею и Слободзеей.

Слободзейской площади и въ промежуткѣ отъ нея до виноградниковъ, тянулись турецкіе окопы, остатки войны 1854 года.

Бошоръ, расположенный при сліяніи рѣкъ Веде и Дуная, по положенію своему могъ бы имѣть назначеніе встрѣчной батареи. Съ небольшаго мыса, обращеннаго на югозападъ, можно было бы *) обстрѣливать суда, спускающіяся по Дунаю. Обыкновенно маленькая рѣчка Веде казалась быстрою, судоходною рѣкою.

Глубокая впадина ея долины сплошь была покрыта водою. Устье широкимъ раструбомъ касалось Дуная, и разворачивалось въ этомъ мѣстѣ на версту въ поперечникѣ. Берегъ Бошора почти не возвышался надъ уровнемъ воды. Между Слободзеей и Бошоромъ помѣстилось нѣсколько береговыхъ селеній, именно: Малу-де-Жосъ, Парапанъ, Беллеріе, Гаужаны, Петришъ и Петрошаны. Селенія эти находятся на самомъ берегу Дуная, богаты, многолюдны и обширны. Раннею весной онѣ были живописно хороши свѣжею листвою садовъ и своимъ привлекательнымъ мѣстоположеніемъ. Особенно онѣ выигрывали въ праздничные дни, оживленные народомъ и изящнымъ женскимъ нарядомъ. Бѣлыя шитыя сорочки, собранныя поясомъ ниже груди, тяжелыя черныя косы, выразительные, жгучіе взгляды невольно приковывали вниманіе. Было что-то родное въ этой толпѣ, напоминавшей своимъ нарядомъ Украйну. Но въ тоже время, встрѣчавшіеся уборы пожилыхъ женщинъ напоминали Римъ и Неаполь. Замѣчательно, что преобладаніе одного наряда передъ другимъ являлось только мѣстами. Были деревни, которыя, по внѣшнему виду своему, напоминали малороссійскія слободы и здѣсь относились къ намъ какъ-то теплѣе; народъ не убѣгалъ отъ насъ, но выходилъ на встрѣчу. Въ мѣстахъ же, гдѣ плоскіе, бѣлые прямоугольники съ откинутымъ назадъ покрываломъ служили головнымъ уборомъ, тамъ воображеніе искало итальянскаго населенія. Тамъ, палисадники были какъ-то квадратнѣе, они были чисты, но не уютны и заборъ не походилъ на малороссійскій плетень.

Тутъ, будто насъ боялись и селенія были покинуты при нашемъ приближеніи; здѣсь, приходилось собственнымъ ихъ властямъ принуждать жителей отворить свои избы. Мужское населеніе производило тоже двоякое впечатлѣніе. Селянинъ былъ угрюмѣе, но добродушнѣе; торговый человѣкъ выказывалъ нерасположеніе къ намъ, или старался выдать себя за преданнаго и надежнаго слугу. На эту особенность предупредительно обратили наше вниманіе и нѣкоторые изъ лицъ румынскаго начальства.

Изъ чувства признательности за ихъ содѣйствіе, я считаю своею обязанностію сказать, что предостереженія ихъ не были голословны. Конечно, я не могу представить неопровержимыхъ доказательствъ справедливости ихъ словъ; но намъ было сказано, чтобы мы, какъ говорится, держали

*) При соотвѣтствующихъ орудіяхъ.

ухо востро́. Занятый собственно военною заботой, я стоялъ вдалекѣ отъ разслѣдованій при допросахъ подозрительныхъ личностей; но скажу, что сторожевые казаки, которыхъ скорѣе можно упрекнуть въ равнодушіи ко всякимъ подозрѣніямъ, не разъ обращали вниманіе на особенности, являвшіяся для насъ не кстати.

Позднѣе, мы узнали о насмѣшкахъ, выпущенныхъ въ печать по поводу усиленнаго подозрѣнія въ существованіи среди насъ шпіоновъ.

Но это легко было говорить лицамъ, не подлежавшимъ отвѣтственности за небрежное выполненіе сторожевой службы.

Поэтому имъ было все равно, что въ такой-то будкѣ, по временамъ, зажигается разное число огней на окошкѣ, и ихъ не касались допросы о томъ, что было-ли обращено вниманіе на раза два замѣченные взмахи большаго бѣлаго платка, привязаннаго къ палкѣ. Добавлю къ этому, что взмахи эти непремѣнно происходили въ какомъ-нибудь уединенномъ мѣстѣ, на берегу Дуная. Конечно, все это пустяки и вздоръ въ сравненіи съ рѣшающими вопросами войны; но смѣю думать, что на то и существуетъ сторожевая служба, чтобы обращать вниманіе на всѣ эти мелочи. Точное исполненіе *опредѣленныхъ требованій сторожевой* службы связываетъ отряды въ одно дружное цѣлое и только тогда слово **свой**, имѣетъ смыслъ и силу.

Всякое нарушеніе этого кореннаго правила приводило къ непріятнымъ столкновеніямъ.

Но на сколько были красивы береговыя селенія, на столько-же онѣ были неудобны для насъ въ смыслѣ наблюденія за Дунаемъ. Расположенныя на выдающихся изгибахъ берега, онѣ, по очертанію своему требовали усиленнаго наряда сторожевыхъ постовъ. Глубокій разливъ Дуная образовалъ много острововъ передъ ними; за островами могли собираться непріятельскія лодки съ десантомъ и, если онѣ не могли нагрянуть съ большими силами на слабо занятый нами берегъ, то имъ легко было поднять тревогу. Кромѣ того, каждое селеніе имѣло свои особенности, зависѣвшія отъ высоты воды въ Дунаѣ. Къ однимъ изъ нихъ, по собраннымъ справкамъ могли подходить броненосцы; таковы были Бошоръ, Гаужаны и пространство передъ Мало-де-Жосомъ и устья рукава Камы. Большія лодки могли быть буксированы пароходами къ Петрошанамъ *), Беллеріе, Парапану и Слободзеѣ. Къ одному только Петришу могли подойдти мелко сидящія, не нагруженныя лодки. Но по расположенію своему на дорогѣ въ Гогошары, Петришъ былъ важенъ, какъ сборное мѣсто въ случаѣ отступленія праваго фланга передъ превосходными силами противника, а по возвышенному положе-

*) Съ убылью воды Петрошаны были доступны только плоскодоннымъ лодкамъ.

нію своему, могъ служить удобнѣйшимъ мѣстомъ для наблюденія за нашими отрядами.

Въ виду необходимости занять селенія, сообразно ихъ значенію въ береговой оборонѣ, отрядъ праваго фланга получилъ приказаніе расположиться слѣдующимъ образомъ:

Двумъ сотнямъ Кубанскаго полка при двухъ конно-горныхъ орудіяхъ стать въ Бошорѣ; одной сотнѣ въ Гаужанахъ; одной сотнѣ въ Мало-де-Жосѣ; двумъ сотнямъ при двухъ конно-горныхъ орудіяхъ, 14-му стрѣлковому баталіону и первой ротѣ пластуновъ, въ деревнѣ Слободзеѣ. 10-я Донская батарея, при одной ротѣ стрѣлковаго баталіона, должна была занять старые турецкіе окопы, находящіеся на восточной окраинѣ Слободзеи.

Всѣ лодки, какія только можно было собрать, были собраны и свезены подъ наблюденіе сотенныхъ начальниковъ. Для облегченія наблюденія за непріятелемъ были построены вышки и маяки. Для обозначенія степени важности тревоги, были опредѣлены ночные и дневные сигналы. Одни изъ нихъ служили повѣсткою небольшого мѣстнаго столкновенія; другіе призывали сосѣднія подкрѣпленія; третьи обозначали общую тревогу.

Эти сигналы были приняты по всему протяженію Журжевскаго отряда.

Итакъ, общее протяженіе наблюдаемаго имъ пространства, простиралось до семидесяти верстъ.

Это поверстное протяженіе само собою указываетъ на способъ предстоявшихъ намъ дѣйствій, опредѣляя упорный бой только въ центрѣ нашего расположенія.

Поэтому, Журжа была занята двумя баталіонами стрѣлковъ, а въ ближайшей къ ней Слободзеѣ поставленъ баталіонъ, съ ротою пластуновъ. Журжа была важна какъ городъ, замыкающій желѣзную дорогу въ Бухарестъ.

Слободзея, находясь въ кратчайшемъ разстояніи отъ Рущука, представляла для турокъ хорошую позицію, въ случаѣ перехода ихъ на лѣвый берегъ Дуная. Позиція эта находилась между Журжею и Слободзеей; укрѣпленная окопами предпослѣдней нашей войны, упираясь концами на Слободзею и Журжево, она сверхъ этихъ выгодныхъ условій вполнѣ была обезпечена съ тыла, Рущукомъ. Владѣя ею, турки прочно могли держаться на лѣвомъ берегу Дуная и высылать свои легкіе отряды по направленію къ сѣверу. Два большіе острова, лежавшіе передъ нами облегчали имъ переправу на судахъ. Суда ихъ безнаказанно могли собирать десанты за островами и внезапно обогнувъ ихъ, безъ потери выиграть значительную часть Дуная. Въ виду возможнаго покушенія непріятеля на нашъ берегъ, онъ постоянно былъ охраняемъ сторожевыми постами. Баталіоны, расположенные въ Журжѣ, выставляли ихъ до оконечностей виноградниковъ, имѣя за ними дежурныя роты. Наблюденіе за берегомъ противъ Слободзеи было ввѣрено пластунамъ. Они были безсмѣнными

ея сторожами: они по своему ее охраняли, по своему въ ней и жили. Во ввѣренное имъ пространство не наряжалась никакая другая часть и стрѣлковый баталіонъ, расположенный въ Слободзеѣ служилъ имъ только опорой въ случаѣ надобности. Поэтому, пластунамъ сообщались пропуски только для общаго свѣдѣнія; но между собою они, какъ лежавшіе въ секретахъ, руководствовались своими обычными окликами. Порой у нихъ кричали звѣрь и птица, или раздавался другой какой-либо условный звукъ, который означалъ имъ цѣлую рѣчь.

Дежурная рота 14-го стрѣлковаго баталіона на ночь усиливала свои посты въ промежуткѣ между пластунами и виноградниками. Казачьи объѣзды назначались по всему протяженію сторожевыхъ постовъ.

Итакъ мы начали службу лицемъ къ лицу съ непріятелемъ. Поэтому части нашего отряда должны были освоиться съ своимъ положеніемъ и изучить расположеніе противника. О всѣхъ, замѣченныхъ у него перемѣнахъ приказано доносить въ штабъ Журжевскаго отряда *). Рущукъ сдѣлался средоточіемъ нашего наблюденія.

Въ немъ кипѣла военная жизнь. По свѣдѣніямъ Главной квартиры, къ 17-му апрѣля въ немъ было 14,300 человѣкъ низама. За городомъ, за склонами громаднаго ихъ Левантъ-Табіа бѣлѣли палатки большаго турецкаго лагеря; менѣе обширный лагерь былъ расположенъ въ самомъ городѣ. Караулы ихъ стояли въ наружныхъ береговыхъ укрѣпленіяхъ, отдѣланныхъ, но невооруженныхъ полнымъ количествомъ орудій. Сколько помнится, ко времени прибытія нашего въ Слободзею, мы не насчитывали болѣе шести орудій.

Турки учились передъ нашими глазами, гуляли по набережной, кучками, сидѣли на валахъ укрѣпленій, передъ зеленою палаткою нерѣдко играла музыка; обозы безпрестанно тянулись длинными вереницами, поѣзды желѣзной дороги то принимали, то отвозили грузы и войска.

Въ теченіе дня, сторожевые посты ихъ стояли вѣроятно рѣдко; но на ночь, они, вѣроятно, размѣщали ихъ очень густо. Предположеніе это основывалось на томъ, что турки два раза поддались на фальшивую тревогу, и въ то время, когда у насъ все было тихо, они сплошною нитью открывали частую ружейную стрѣльбу по всему протяженію своего дневнаго наблюденія.

Всѣ дни, отъ 10-го до 12-го мая включительно, прошли у насъ спокойно, если не считать безпокойствомъ усилившійся разгонъ казаковъ. Все служебное сообщеніе совершалось по берегу Дуная, конечно, черезъ казаковъ. Конныя почты, частыя передачи приказаній, назначеніе небольшихъ прикрытій къ чинамъ, производившимъ топографическія работы, усиливали и

*) Для исполненія конной службы при штабѣ Журжевскаго отряда находилась сотня Владикавказскаго полка.

безъ того большой расходъ на службу. Между тѣмъ, сбереженіе лошадей было необходимо, дабы залечить ссадненныя во время похода спины. На первыхъ порахъ думали скоро справиться съ ними, но разгонъ усиливался и впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, онъ вынудилъ наше начальство усилить Кубанскій полкъ 2-ю бригадою Кавказской дивизіи.

Черезъ нѣсколько дней по занятіи нами береговой линіи, прибыли къ намъ и моряки, будущіе хозяева Дуная. Они должны были познакомиться съ Дунаемъ для устройства минныхъ загражденій и началомъ своихъ работъ, выбрали 12-е мая.

Никогда не забуду теплой, радостной встрѣчи съ ними въ этотъ день. Во избѣжаніе какихъ-либо недоразумѣній, намъ было объявлено, что поутру, 12-го мая, пойдетъ по линіи нашего расположенія, отъ Журжи, вверхъ по Дунаю, мѣстная румынская лодка съ русскими офицерами. Поэтому предписывалось, слѣдить за нею съ полнымъ вниманіемъ и въ случаѣ ея приближенія къ нашему берегу, содѣйствовать ей всѣми имѣющимися у насъ способами. Предупрежденіе это было тѣмъ болѣе необходимо, что сообщеніе съ правымъ берегомъ было прекращено и всякая неизвѣстная намъ, приближающаяся съ того берега лодка, неминуемо была бы встрѣчена выстрѣлами. Въ этотъ день, я, по обязанностямъ службы, былъ въ Бошорѣ съ подполковникомъ Кухаренкой и мы, возвращаясь оттуда въ Слободзею, должны были ночевать въ Парапанѣ. Прибывъ сюда подъ вечеръ, мы узнали отъ начальника расположенной здѣсь сотни, что въ Парапанѣ остановились на почлегъ два офицера генеральнаго штаба.

Это были полковники Паренсовъ и Фрезе, производившіе военно-топографическую съемку и сообщившіе Вѣнкову, что вышеупомянутая лодка причалитъ къ Парапану. Каждый русскій, пріѣзжавшій къ намъ, былъ дорогимъ для насъ гостемъ.

Если находились охотники пріѣхать къ намъ, чтобы посмотрѣть на турокъ, то тѣмъ пріятнѣе для насъ были люди, прибывавшіе изъ Главной квартиры. Они сообщали много новостей, которыхъ мы не могли знать; они нерѣдко привозили намъ письма и деньги. Случайная же встрѣча съ хорошими своими знакомыми, каковы были Паренсовъ и Фрезе была въ особенности пріятна.

Оказалось, что предупрежденные сотникомъ Вѣнковымъ *), о нашемъ пріѣздѣ въ Парапанъ, они поджидали насъ къ ужину. Слѣдовательно, не хозяева принимали гостей, а гости хозяевъ. Къ ихъ, радушно предложенному ужину, прибавились наши припасы; появилась дунайская рыба и привезенный съ Кавказа, никогда не портящійся, овечій сыръ, непремѣнная принадлежность всегда отъ души предлагаемыхъ Кухаренкой хлѣба-соли и сборный ужинъ, обѣщалъ быть обильнымъ и вкуснымъ.

*) Начальникомъ сотни, расположенной въ Парапанѣ.

Но такъ какъ всѣ распоряженія военнаго времени нисходятъ отъ генеральнаго штаба, то мы и отдали себя на волю прибывшаго къ намъ, генеральнаго штаба, ожидая отъ него немедленнаго приказанія вступить въ дѣло. Но онъ, положительно объявилъ, что мы имѣемъ право теперь, выпить лишь по чаркѣ водки, а ужинъ будетъ разрѣшенъ съ прибытіемъ «дядюшки».

— Кто же этотъ дядюшка? спросили мы.

«Новиковъ» отвѣтили «моменты». Такъ, въ дружеской шуткѣ называютъ офицеровъ генеральнаго штаба, обреченныхъ отыскивать и указывать удачные моменты военныхъ предпріятій. Итакъ, безъ дяденьки Новикова нельзя начать ужина.

— Почему же онъ дяденька и, кто онъ такой, Новиковъ? продолжали мы спрашивать.

— Дяденька онъ—потому, что когда вы его увидите, то иначе и не назовете, какъ «дяденька»; пріѣдетъ онъ очень скоро и вы убѣдитесь, что нѣтъ ему другого названія. Что же касается служебнаго его положенія, то въ настоящую минуту онъ изображаетъ изъ себя адмирала своего флота.

— Флотъ же его состоитъ изъ извѣстной вамъ рыбацкой лодки, въ которой онъ теперь плаваетъ по Дунаю и турки ему честь отдаютъ.

Согласились мы съ тѣмъ, что онъ долженъ быть дяденька, но хотѣли знать, какимъ образомъ ему турки честь отдаютъ. И на это мы получили объясненіе, хотя высказанное съ веселыми шутками, но подготовившее насъ къ тому глубокому уваженію, которое вселялъ къ себѣ будущій дѣятель дунайскихъ загражденій.

Хладнокровная рѣшимость «нашего адмирала», каждый его шагъ, каждое его слово, обнаруживали въ немъ хозяина своего дѣла. Видно было, что работа не вывалится изъ его рукъ. Случайная встрѣча его съ Паренсовымъ и Фрезе на линіи желѣзной дороги Бухарестъ-Журжа, вселила имъ это впечатлѣніе.

Они вмѣстѣ прибыли въ Журжу и нѣкоторое время слѣдовали берегомъ на одной высотѣ съ лодкою капитана 1-го ранга Новикова.

Капитанъ Новиковъ съ лейтенантомъ Скрыдловымъ, мѣстнымъ лоцманомъ и, сколько помнится, съ двумя гребцами отправились на рекогносцировку Дуная, вверхъ по его теченію отъ Журжи.

Миновавъ благополучно два большіе острова, что лежатъ противъ Журжи-Слободзея, они выплыли на середину Дуная, западнѣе Слободзеи. Выше было сказано, что между Слободзеею и Дунаемъ лежитъ большая, чашеобразная площадь. Она дугою выдается къ Дунаю и, огибающая ее лодка неминуемо подходитъ къ главному руслу Дуная. По счастью, въ этомъ мѣстѣ въ то время не было турецкихъ судовъ; но на берегу стоялъ взводъ непріятельской пѣхоты. Лодка подплыла довольно близко къ

серединѣ рѣки и турецкій караулъ, ставъ въ ружье выстроился вдоль берега.

Лодка тихо подавалась впередъ, дѣлая промѣры и потомъ быстро отошла къ нашему берегу. Турки не открыли по ней огня; это и подало поводъ къ шутливому разсказу, что турки отдали честь нашимъ морякамъ, такъ какъ караулъ, при видѣ ихъ, сталъ въ ружье. По правиламъ воинскаго устава, такой видъ встрѣчи считается тою военною почестью, которая присвоена начальнику, объѣзжающему сторожевые посты.

Скоро прибыли, принятые казаками на берегъ, наши моряки и мы, увидѣли высокаго плотнаго человѣка, въ одеждѣ морскаго офицера. Это былъ капитанъ 1-го ранга Новиковъ. Его глубокій, покойный взоръ, нѣсколько отрывистая и повелительная, но согрѣтая чувствомъ рѣчь, высказывали въ немъ человѣка рѣшительнаго, привыкшаго владѣть собою и дѣломъ. Дѣйствительно, онъ показался намъ добрымъ, испытаннымъ жизнію дяденькой. Отдавшись бесѣдѣ, онъ душею принадлежалъ ей, и какъ будто, часъ тому назадъ, онъ и не былъ на волосъ отъ смерти. А туркамъ ничего не стоило пустить въ его лодку хотя-бы одну маленькую гранату. Наружность его вселяла убѣжденіе, что работа въ его рукахъ должна пойдти успѣшно, но онъ, казалось, и не думалъ о ней. Но каждый сознавалъ, что въ немъ бьется пульсъ нашей дунайской жизни. Поэтому-то онъ, не будучи начальникомъ, сдѣлался лицемъ, которому каждый хотѣлъ подчиниться; угодить ему, въ его морскихъ требованіяхъ, становилось неизбѣжнымъ долгомъ и было пріятно. Черезъ нѣсколько дней онъ основалъ свое главное пребываніе въ Малу-де-Жосѣ и сюда-то стекалась тогдашняя морская наша сила. Въ Малу-де-Жосъ пріѣхали моряки и оживили его своимъ открытымъ, сердечнымъ согласіемъ съ нами. Къ нимъ же пріѣхалъ изъ Журжи и В. В. Верещагинъ *). Здѣсь, въ

---

*) В. В. Верещагинъ присоединился къ намъ въ Браиловѣ, пріѣхавъ оттуда въ штабъ нашей дивизіи съ адъютантомъ Великаго Князя Дерфельденомъ. Онъ сдѣлалъ съ нами весь походъ до Журжи. Изъ Журжи онъ съѣздилъ на нѣсколько дней въ Парижъ, любезно предоставивъ себя къ нашимъ услугамъ. Вмѣстѣ съ другими воспользовался и я его предложеніемъ и только лично его вниманію обязанъ былъ тѣмъ, что пріобрѣлъ палатку. Внезапно отправленный изъ Кишинева въ Кавказскую дивизію, я ничего не имѣлъ съ собою, и долженъ былъ заводиться всѣмъ на походѣ. Возвратившись изъ Парижа въ Журжу, онъ тотчасъ же поселился у моряковъ и вмѣстѣ съ ними изучалъ протоки Дуная вплоть до часу боя паровой шлюпки „Шутки" съ турецкимъ пароходомъ. Тутъ онъ былъ раненъ вмѣстѣ съ Скрыдловымъ и мы съ нимъ разстались. Второй братъ его явился къ намъ со времени „второй Плевны". Онъ часто высказывалъ желаніе поступить охотникомъ во Владикавказскій казачій полкъ, но колебался. Съ поступленіемъ въ ряды, онъ терялъ свою свободу и лишался возможности удовлетворять, какъ кажется единственному своему желанію быть тамъ, гдѣ пули ложились гуще. А онъ бывалъ только тамъ. Въ кровавый день, 30-го августа, онъ находился на Зеленыхъ горахъ и по обыкновенію былъ на „своемъ мѣстѣ". Генералъ-маіоръ Скобелевъ 2-й дорожилъ имъ, какъ способнымъ и храбрымъ человѣкомъ,

бухтѣ дунайскаго разлива собрались паровыя шлюпки, сюда были свезены саперами мины, а командиръ 3-й сотни Кубанскаго полка сотникъ Вѣнковъ былъ обращенъ въ капитана надъ портомъ.

И «нашъ адмиралъ» былъ очень доволенъ своимъ капитаномъ-казакомъ. Вѣнковъ рѣдко о чемъ говорилъ, но только слушалъ и дѣлалъ. «Этотъ Вѣнковъ, совсѣмъ особенный человѣкъ», говорилъ Новиковъ, «я еще думаю о томъ, что надо добыть лишнія лодки, а Вѣнковъ уже знаетъ, что въ десяти верстахъ, въ какихъ-то кустахъ, румыны спрятали три лодки, а завтра уже лодки доставлены въ мое распоряженіе. — Оборони Богъ отъ пожара», продолжалъ Новиковъ, «чего добраго, мины взорвутся на сухомъ пути, и черезъ два часа казаки Вѣнкова добыли пожарный насосъ; но Вѣнковъ и не говорилъ, что достанетъ его, а просто отыскалъ, поставилъ на мѣсто, сдалъ кому слѣдуетъ и ушелъ.

Вмѣстѣ съ «морскимъ полковникомъ *)» Новиковымъ пріѣхалъ и лейтенантъ Скрыдловъ. Его моложавое лицо, оживленное какою-то улыбавшеюся ему мыслью, было весело, но въ то-же время озабочено. Можетъ быть я пишу подъ впечатлѣніемъ послѣдовавшихъ событій, связывавшихъ казаковъ съ моряками на обоюдныхъ ночныхъ поискахъ по протокамъ Дуная; можетъ быть воспоминаніе о его крошечной «Шуткѣ», вступившей въ единоборство съ исполиномъ-пароходомъ, или я самъ находился въ то время подъ впечатлѣніемъ пожеланій успѣха Скрыдлову; но мнѣ казалось, что онъ только тѣломъ находился съ нами, душа и помыслы его были на водахъ Дуная.

И немудрено было находиться ему въ такомъ настроеніи. Опасная, безпомощная въ крутую минуту, выпала имъ доля, но конечно заманчивая. Вся ширь и глубь Дуная была отдана имъ во владѣніе; много знанія, много рѣшимости и отважной осторожности они должны были вложить въ свою работу. А потому было надъ чѣмъ призадуматься, было чему и порадоваться въ случаѣ успѣха. Сегодня имъ посчастливилось; завтра они верхомъ поѣдутъ до Бошора, а тамъ опять поплывутъ подъ пушками турокъ. Хороша душевная тревога такихъ дней. Въ такую пору много думается, чего то искренно хочется и не сталкиваешься съ собственнымъ я.

Всѣ чувства стремятся къ одному общему, равно дорогому и близкому сердцу. И мы отъ души пожелали морякамъ начать ихъ дѣло въ добрый часъ и выступить съ Богомъ въ дорогу.

и поэтому давалъ ему значительныя ординарческія порученія. Бывшій при немъ казакъ не имѣлъ возможности вынести его тѣло изъ подъ огня, и успѣлъ только снять съ него шашку и, кажется, револьверъ. Эти вещи были переданы его младшему брату, поступившему и служащему по сей день въ офицерскихъ чинахъ Владикавказскаго казачьято полка.

*) Такъ нерѣдко казаки называли его.

14-го Мая.

До сей поры турки какъ-бы не замѣчали нашего присутствія.

Но утромъ, 14-го числа, они обнаружили новую, доселѣ скрытую, батарею противъ западной оконечности Слободзеи и открыли бомбардировку. Къ батареѣ присоединился мониторъ. стоявшій противъ середины деревни и вдвоемъ они, болѣе часу осыпали Слободзею своими снарядами. Это была для насъ первая дѣйствительная тревога, показавшая людямъ, что порядокъ. есть основаніе всякаго успѣха. Турки выпустили болѣе тридцати гранатъ: многія изъ нихъ ложились въ расположеніе коновязей и ротныхъ дворовъ; большинство падало въ южную половину деревни; часть перелетала черезъ деревню; но весь вредъ, причиненный бомбардировкою, выразился въ разрушеніи трехъ домовъ. Надо замѣтить, что при вступленіи въ береговыя селенія, войскамъ Журжевскаго отряда былъ отданъ приказъ заблаговременно назначить мѣста сбора на случай бомбардировки. Съ этою цѣлью роты стрѣлковаго баталіона должны были собраться на ротныхъ дворахъ и стянуться за восточнымъ краемъ Слободзеи. Тутъ онѣ должны были стать внѣ выстрѣловъ въ ожиданіи приказаній.

Сотнямъ Кубанскаго полка приказано тотчасъ-же очистить коновязи и вытянуться внѣ выстрѣловъ за деревней. Орудія конно-горной батареи находились при сотняхъ Кубанскаго полка.

Въ случаѣ дессанта, они могли принять дѣятельное участіе въ бою, но при бомбардировкѣ, имъ, во избѣжаніе взрыва ящиковъ, слѣдовало быть какъ можно дальше отъ выстрѣловъ. Отвѣчать туркамъ онѣ не могли, такъ какъ дальность ихъ боя не превышаетъ шестисотъ саженъ.

10-я Донская батарея оставалась на своемъ мѣстѣ за старыми турецкими окопами. Она могла открыть огонь по парусным, или гребнымъ судамъ, въ случаѣ ихъ приближенія на орудійный выстрѣлъ.

Съ первымъ выстрѣломъ турецкаго орудія, граната зашипѣла надъ крышами Слободзеи и разорвалась позади селенія. Что-то странное, непривычное, почувствовалось въ этомъ звукѣ. Казалось, не могло-бы и быть сомнѣнія, что турки прислали намъ гранату, но нѣтъ; языкъ почему-то выговорилъ: «турки—это бомбардировка;» и въ подтвержденіе тому, что мы не ошиблись, изъ Рущука прилетѣла вторая граната и упала передъ деревней. За нею еще нѣсколько упали подлѣ второй; а потомъ и пошли сыпаться другъ за дружкой. Въ это время у насъ въ Слободзеѣ происходило движеніе, но не такое, какое мы привыкли видѣть при обыкновенномъ подъемѣ войскъ съ бивуака. Барабанъ не ударилъ тревоги, тѣмъ менѣе думалъ ее трубить кубанскій трубачъ. Вмѣсто тревоги и почти неизбѣжной съ нею бѣготни, деревня замолкла. Нѣсколько стрѣлковъ, бывшихъ въ отлучкѣ отъ своихъ ротъ, крикнули было «тревога», побѣ-

жали къ своимъ, но какъ бы пораженные непривычною тишиною, точно устыдились и пошли скорымъ, но не суетливымъ шагомъ. Стрѣлковыя роты живо стали въ ружье и только веселое «покорнѣйше благодаримъ, постараемся» раздавалось въ воздухѣ въ отвѣтъ на привѣтствіе начальства, поздравлявшаго ихъ съ первымъ огнемъ. Оживились стрѣлки и легкимъ, молодецкимъ шагомъ, какимъ умѣютъ ходить только эти отборныя части, они стянулись къ назначенному мѣсту.

Казаки были своеобразны при своемъ подъемѣ; никто имъ ничего не говорилъ; они знали, что надо стать за деревней. Не мѣшкая, не торопясь, не проронивъ ни единаго слова, они какъ-то незамѣтно оставили свои коновязи и были вполнѣ во всемъ готовы. Эта тишина свидѣтельствовала о надежномъ составѣ людей.

Съ хладнокровною выдержкою слѣдили они за полетомъ снарядовъ; не раздавалось даже шутокъ.

Сколько я могъ замѣтить, казаки никогда не допускали шутокъ въ важномъ дѣлѣ. Казакъ работаетъ въ дѣлѣ; на досугѣ онъ разсуждаетъ, но не балагуритъ. Въ регулярныхъ полкахъ, въ особенности въ пѣхотѣ, шутка и острое слово встрѣчаются гораздо чаще.

Подъ конецъ бомбардировки пріѣхалъ изъ *Журжи* начальникъ дивизіи со штабомъ, и потребовалъ отчета; всѣ поѣхали къ берегу. Батарея дымила, мониторъ съ замѣтною выдержкою посылалъ свои снаряды. Свита генерала стала передъ мониторомъ, чтобы лично убѣдиться въ направленіи полета. Мониторъ далъ еще три выстрѣла и всѣ три полетѣли мимо. Дорога на берегъ вела мимо главнаго караула пластуновъ, къ одному изъ ихъ секретовъ, невозмутимо лежавшихъ во все время бомбардировки.

Генералъ остановился невдалекѣ отъ секрета въ то время, какъ граната зарылась въ двухъ шагахъ отъ головы пластуна. Пластунъ, не потерявъ хладнокровія, какъ лежалъ пластомъ, такъ, не перемѣняя положенія, и передвинулся на два щага въ сторону.

Черезъ часъ послѣ перваго выстрѣла, турки прекратили стрѣльбу, но мониторъ не сходилъ съ своего мѣста и оставался передъ нами вплоть до нашего ухода изъ Слободзеи. Для разнообразія, онъ уступалъ иногда мѣсто плавучей батареѣ и отходилъ къ правому берегу; но при произведенныхъ еще двухъ бомбардировкахъ Слободзеи, онъ занималъ свое обычное мѣсто.

Съ нашей стороны во все это время не было сдѣлано и одного выстрѣла, потому что стрѣлять мы не могли по дальности разстоянія.

Почти одновременно съ открытіемъ огня по Слободзеѣ, часть третьей сотни, расположенная въ Гаужанахъ, имѣла перестрѣлку съ турецкими лодками.

Случай этотъ вызвалъ предположеніе о шпіонствѣ кого-либо изъ жителей Гаужанъ и потому разскажу его подробнѣе. Трудно было оста-

новиться на предположенiи объ измѣнѣ или предательствѣ, но происшедшее столкновенiе указывало на необходимость строгой осторожности.

Я уже говорилъ, что со времени прибытiя нашего на Дунай, всякое плаванiе по немъ было запрещено; но эта мѣра вызвала ропотъ жителей. Посыпались жалобы на то, что прибытiе русскихъ прекратило ихъ средства къ жизни, уничтоживъ возможность рыболовства. Для удовлетворенiя, до нѣкоторой степени справедливой ихъ жалобы, имъ было разрѣшено береговое рыболовство; но не иначе, какъ въ предѣлахъ нашего ружейнаго выстрѣла. Для надзора за рыбаками, на каждой лодкѣ, непремѣнно долженъ былъ находиться вооруженный казакъ. По разрѣшенiи одной просьбы, послѣдовала и другая. Одинъ изъ богатыхъ жителей Гаужанъ опасался за свое стадо, пасшееся на одномъ изъ сосѣднихъ островов, образовавшихся отъ разлива Дуная. Островъ отстоялъ далеко отъ деревни. При этомъ онъ заявлялъ, что не зная о предстоящей войнѣ румынъ съ турками, онъ не распорядился о заблаговременномъ пригонѣ своего стада, которое въ прежнiе годы оставалось на островѣ до спаденiя водъ. Теперь же ему предстоитъ полное раззоренiе, такъ какъ турки вѣроятно заберутъ его скотъ. Стадо состояло изъ буйволовъ.

Посему, онъ просилъ разрѣшенiя поѣхать за нимъ на нѣсколькихъ лодкахъ, съ тѣмъ, чтобы поспѣшить перевозкою скота. Вмѣстѣ съ этимъ, онъ просилъ дать ему и нѣсколько казаковъ.

Отпустить ихъ съ нимъ было бы неосторожно. Значительнаго прикрытiя мы дать не могли, такъ какъ нельзя было взять всю сотню съ береговой линiи, а шесть—десять человѣкъ могли бы сдѣлаться жертвою обмана. Островъ былъ лѣсистый и за нимъ могла находиться засада. Но, въ виду дѣйствительнаго быть можетъ раззоренiя жителя Гаужанъ, ему было разрѣшено отправиться на островъ. Разрѣшенiе было дано вечеромъ и, утромъ, три румынскiя лодки отчалили къ острову. Въ каждой изъ нихъ было по нѣсколько человѣкъ жителей изъ села Гаужанъ. Едва лодки приблизились къ острову какъ изъ-за его оконечности выѣхало восемь турецкихъ лодокъ, наполненныхъ вооруженными баши-бузуками: Можетъ быть появленiе ихъ было случайное, можетъ быть они были предувѣдомлены.

Молва говорила, что турки знали о распоряженiи давать казаковъ на береговой промыселъ и не разсчитывали на появленiе крестьянъ безъ казачьяго прикрытiя.

Внезапное появленiе турецкихъ лодокъ перепугало крестьянъ. Съ нѣсколькихъ лодокъ по нимъ былъ открытъ ружейный огонь и баши-бузуки начали окружать румынскiя лодки.

Сидѣвшiе въ одной изъ нихъ бросили весла и кинулись навзничь. Турки ее окружили. Двѣ другiя налегли на весла и гребли къ нашему берегу. Турки погнались за ними и были уже на ружейномъ выстрѣлѣ

отъ нашего берега. Но въ это время, по баши-бузукамъ данъ былъ залпъ и затѣмъ открытъ учащенный ружейный огонь съ нашего берега. Эта помощь была оказана, находившимся въ Гаужанахъ взводомъ сотника Вѣнкова.

Отпустивъ румынъ, онъ слѣдилъ за ними и на случай расположилъ въ засадѣ на берегу взводъ своей сотни. Турки не ожидали этого отпора. Видно было какъ человѣка три баши-бузуковъ повалилось и всѣ восемь лодокъ повернули обратно, провожаемые выстрѣлами казаковъ. Двѣ лодки были спасены, третья была захвачена турками; но дня черезъ два, взятые въ плѣнъ крестьяне, были доставлены турецкимъ офицеромъ къ острову, противъ пикета 30-го Донскаго полка и оттуда прибыли къ нашему берегу. По словамъ плѣнныхъ, они были отпущены по приказанію «рущукскаго паши», оставшагося недовольнымъ захватомъ крестьянъ и отпустившаго ихъ со словами: «Ступайте домой, намъ надо русскихъ, а не васъ».

23-го Мая.

Заношу отдѣльнымъ разсказомъ день 22-го числа, памятный въ томъ отношеніи, что начальникъ штаба Журжевскаго отряда, лично отправился на рекогносцировку большаго острова противъ Рущука.

Соскучивъ однообразными донесеніями о наводненіи острововъ, онъ пожелалъ убѣдиться въ справедливости свѣдѣній. Такъ какъ подобнаго рода предпріятія не подлежатъ огласкѣ, то съ утра 22-го числа никому не было и сообщено о предстоящемъ путешествіи къ туркамъ; но часовъ въ одиннадцать вечера, пріѣхали ко мнѣ въ Слободзею изъ Журжи капитаны: Сахаровъ и Масловъ. Привыкнувъ къ самымъ разновременнымъ служебнымъ пріѣздамъ своего начальства, я принялъ ихъ посѣщеніе за простую повѣрку ночныхъ объѣздовъ.

Но я не мало былъ удивленъ переданнымъ мнѣ приказаніемъ приготовить легчайшую изъ имѣвшихся у насъ лодокъ и извѣстіемъ о томъ, что сейчасъ прибудетъ генералъ-маіоръ Скобелевъ 2-й для осмотра острова. Гребцами назначены были пластуны. Къ двѣнадцати часамъ ночи пріѣхалъ начальникъ штаба, вмѣстѣ съ прусскимъ военнымъ агентомъ, маіоромъ Лигницомъ. Всегда всюду поспѣвавшій во время, маіоръ Лигницъ, какъ будто чуялъ, что не даромъ онъ прокатится и въ Журжу. Онъ только что прибылъ въ нее изъ Главной Квартиры и попалъ во-время. Не совсѣмъ намъ нравилась поѣздка генерала подъ мониторомъ; стыдно было бы Журжевскому отряду потерять подъ глазами своего начальника штаба, не будучи въ состояніи и помочь ему въ крайности. Но Михаила Дмитріевича можно еще было отговаривать отъ этой поѣздки; пуститься же въ разговоры съ генераломъ Скобелевымъ 2-мъ, отдавшимъ

приказаніе, значило не знать своего начальника; не однимъ намъ, но и казакамъ не по душѣ была эта поѣздка. Личные охотники до подобныхъ прогулокъ, они какъ-то молча отнеслись къ отданному приказанію; поэтому несмотря на всю строгость начальника штаба, ему пришлось посердиться на нѣкотораго рода ослушаніе. Онъ не могъ не замѣтить, что приготовленія какъ-то не клеятся. То лодка была тяжела и не сходила съ берега на воду, хотя, утромъ, она безъ труда была спущена однимъ человѣкомъ; то весла скрипѣли—а это могло обнаружить и выдать охотниковъ; но всѣ эти препятствія исчезли, когда генералъ Скобелевъ объявилъ, что онъ не отложитъ своей поѣздки. Наконецъ, лодка отчалила и генералъ Скобелевъ, Лигницъ, Сахаровъ и Масловъ съ пятью казаками стали огибать берегъ Слободзеи.

Еслибы лодка была обнаружена, то ей слѣдовало уходить къ предѣлу досягаемости нашихъ выстрѣловъ, и потому посты на берегу были усилены. Ночь была темная, но совершенно тихая. Ни единаго звука не доносилось со стороны Рущука. Осторожность гребцовъ должна была быть удвоена при этомъ невозмутимомъ успокоеніи, всегда кипучей дѣятельности рущукскаго участка Дуная. Лодка скользила вдоль берега и трудно было ее различить въ темнотѣ далѣе десяти саженъ разстоянія; но вотъ она начала отдѣляться къ серединѣ Дуная, взявъ направленіе на западную оконечность большаго острова. Красный фонарь монитора былъ единственнымъ свѣтиломъ этой ночи, и только, въ освѣщенной имъ узкой полосѣ воды, была замѣтна маленькая зыбь; каждая точка, попавшая въ это пространство, была видна на далекомъ разстояніи, а лодкѣ пришлось перерѣзать эту свѣтлую полоску.

Тихо, безъ малѣйшаго плеска, разрѣзала она ея предѣльную черту и всѣ, въ ней сидѣвшіе, мгновенно были освѣщены лучами фонаря. Внѣшнее спокойствіе ихъ не было нарушено; гребцы беззвучно разрѣзали зыбь Дуная, но сильно забилось сердце у тѣхъ, кто стоялъ на берегу. Всѣ были убѣждены въ томъ, что часовой на мониторѣ долженъ былъ видѣть эту лодку. Но, быть можетъ, вниманіе его было привлечено въ другую сторону и выстрѣла не раздалось; лодка снова скользнула въ темную ширь рѣки и окончательно скрылась изъ глазъ слѣдившихъ за нею. Тамъ она должна была направиться въ ближайшіе кусты къ нашему берегу и небольшимъ протокомъ, извѣстнымъ уже капитану Маслову, выйдти на высоту Журжи. Все по прежнему было беззвучно; но вдругъ раздался лай собаки и вслѣдъ за нимъ сверкнулъ ружейный выстрѣлъ. По счастію, это былъ единичный, можетъ быть случайный или запоздалый выстрѣлъ. Осмотръ острова былъ оконченъ благополучно и начальникъ штаба лично убѣдился въ томъ, что островъ затопленъ водою и что, по выраженію генерала Скобелева 2-го, на немъ нѣтъ и слѣда турокъ.

29-го Апрѣля.

По мѣрѣ того, какъ служба освоивала насъ съ близостью турокъ, мы все болѣе и болѣе изучали укрѣпленія Рущука.

Приказомъ по Журжевскому отряду было предписано—доставлять въ штабъ его ежедневныя свѣдѣнія о всѣхъ перемѣнахъ, замѣченныхъ у турокъ въ теченіи сутокъ. Съ этою цѣлью было назначено два особыхъ поста, на которыхъ была возложена обязанность вести письменный отчетъ ежедневныхъ наблюденій. Одинъ изъ нихъ былъ помѣщенъ на колокольнѣ Слободзеи, другой—на самомъ берегу Дуная, противъ монитора. Этотъ послѣдній имѣлъ преимущественное значеніе для моряковъ. Два матроса гвардейскаго экипажа жили на немъ безсмѣнно и снабженные великолѣпною трубой, чрезвычайно облегчали наши наблюденія. Благодаря морякамъ, избравшимъ Слободзею главнымъ мѣстомъ своихъ наблюденій, мы могли дать себѣ подробный отчетъ въ производствѣ военныхъ работъ у Рущука; морская труба давала намъ возможность различать подробности внутренняго устройства наружныхъ укрѣпленій и обнаруживала, невидимое нами въ бинокль, расположеніе передовыхъ турецкихъ укрѣпленій.

Мало по малу Слободзея начала привлекать къ себѣ и посѣтителей, желавшихъ изучить и полюбоваться Рущукомъ. Однимъ изъ первыхъ, пріѣхавшихъ къ намъ съ этою цѣлью, былъ тотъ же полковникъ Лигницъ. Вернувшись раннимъ утромъ, 23-го числа, изъ ночной поѣздки на турецкій островъ, онъ въ восемь часовъ утра уже былъ въ Слободзеѣ.

Конечно, посѣщеніе полковника Лигница не относится къ службѣ Кавказской бригады; но заношу его въ дневникъ, какъ примѣръ дѣятельности и служебной исполнительности военнаго агента иностранной державы. Не далѣе, какъ вчера онъ былъ въ Слободзеѣ; многіе изъ насъ его видѣли съ начальникомъ штаба нашего отряда; наконецъ, мы знали его лично, слѣдовательно, онъ могъ быть вполнѣ увѣренъ въ томъ, что не встрѣтитъ съ нашей стороны препятствій къ осмотру Рущука. Тѣмъ не менѣе прусскій военный агентъ поступилъ иначе. Онъ явился къ намъ съ письменнымъ разрѣшеніемъ начальника штаба допустить его, полковника Лигница, къ осмотру Рущука въ мѣстахъ нашего расположенія. Взобравшись на колокольню, онъ какъ бы не изучалъ, а провѣрялъ въ своей памяти уже извѣстное ему число укрѣпленій и орудій, которыя должны были находиться въ Рущукѣ. Удовлетворившись, повидимому, своими наблюденіями надъ восточною частью и серединою Рущука, онъ какъ-будто въ недоумѣніи остановился надъ западною его стороною. Признаюсь въ томъ, что я ждалъ этого недоумѣнія. Увѣренный, что свѣдѣнія пруссаковъ точнѣе нашихъ, я не желалъ упустить случая провѣрить себя относительно опредѣленія мѣста впаденія рѣки Лома въ Дунай.

Оно было заставлено сплошнымъ рядомъ судовъ и человѣку, не видавшему устья Лома, трудно было обозначить его мѣсто. Моряки колебались въ его опредѣленіи, а наблюденіе за нимъ было для насъ не безъ значенія. Взглядъ полковника Лигница остановился на этомъ мѣстѣ и я заговорилъ съ нимъ объ этомъ вопросѣ.

Послѣ того, что мы обмѣнялись обоюдными предположеніями, онъ вынулъ изъ своей записной книжки крошечное кроки и разсмотрѣвъ его, сдѣлалъ на немъ поправку. Мнѣ совѣстно было просить у него позволенія разсмотрѣть эти кроки; но я взглянулъ на него мелькомъ, на сколько это было возможно, и увидѣлъ рѣзкія черты нанесенныхъ на него турецкихъ укрѣпленій. Можетъ быть онъ успѣлъ это сдѣлать вчера въ Журжѣ, но, сколько мнѣ казалось, кроки было литографированное. Мы могли похвастать обиліемъ картъ, но не точностью ихъ. Въ нашемъ распоряженіи находились три карты. Двѣ изъ нихъ: русская—десяти-верстная и прусская—семи-верстная, были розданы отъ правительства; третья австрійская—семиверстная была личнымъ пріобрѣтеніемъ *).

Пріобрѣтеніе всѣхъ трехъ картъ было почти неизбѣжно, потому что каждая изъ нихъ дополняла другъ друга; но съ другой стороны обладаніе разными картами нерѣдко порождало недоумѣніе. Случалось, что предписаніе, основанное на прусской картѣ, касалось лица, имѣвшаго русскую карту; между тѣмъ означенное мѣсто или селеніе не всегда находились на обоихъ картахъ, или были обозначены разными именами.

Поэтому лицо, получавшее предписаніе, нерѣдко бывало поставлено въ затрудненіе при выборѣ своего направленія. Неудобства этого обстоятельства бывали тѣмъ ощутительнѣе, что не всѣ офицеры имѣли лично принадлежащія имъ карты.

Офицеръ, отправленный въ далекій разъѣздъ, бралъ съ собою одну изъ картъ и, за его отсутствіемъ, товарищъ не всегда имѣлъ возможность навести у себя подъ рукою необходимую для него справку.

24-го Мая.

24-го мая было ознаменовано второю бомбардировкою турокъ, преимущественно по румынскимъ частнымъ судамъ, стоявшимъ на якорѣ у Журжи. Если цѣль ея заключалась въ томъ, чтобы попортить торговыя суда, то турки не имѣли въ ней успѣха; такъ какъ они произвели лишь нѣсколько пробоинъ выше уровня воды. Если же они желали пристрѣлять свои орудія съ новыхъ батарей, только что оконченныхъ противъ Журжи, то въ этомъ случаѣ они вполнѣ достигли своей цѣли. Казарма, стоявшая за судами по направленію выстрѣловъ, была значительно повреждена ими;

*) По крайней мѣрѣ мною она была куплена въ частной продажѣ.

но занимавшія ее двѣ сотни Кубанскаго полка (1-я и 5-я) своевременно и безъ потерь были выведены изъ нея и поставлены внѣ выстрѣловъ. Бомбардировка продолжалась два часа времени; начатая въ пять часовъ утра, она окончилась въ семь, совершенно безвредно для Журжевскаго отряда.

Въ шестомъ часу утра, начальникъ отряда увѣдомилъ Главную Квартиру о началѣ бомбардировки и поэтому поводу, въ тотъ же день, по приказанію Главнокомандующаго прибылъ къ намъ сынъ его, Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій. Онъ имѣлъ приказаніе доложить о произведенныхъ разрушеніяхъ въ городѣ и о потеряхъ отряда; но къ счастію на этотъ разъ все обошлось благополучно.

Отъ 25-го до 31-го Мая.

По мѣрѣ прибытія нашихъ войскъ въ окрестности Журжи, приступлено было къ постепенному возведенію батарей на нашемъ берегу.

Мѣстомъ начала ихъ были избраны Мало-Рушъ и Парапанъ. Въ первомъ изъ нихъ была возможность заготовлять фашины и туры; во второмъ предначалась постановка минныхъ загражденій. Для производства работъ въ Парапанѣ и прикрытія ихъ, туда были переведены два батальона Минскаго полка. Вслѣдъ за ними туда же былъ передвинутъ и 13-й стрѣлковый баталіонъ съ пѣшею горною батареею. Турки пока не мѣшали въ Парапанѣ; но 28-го числа открыли огонь по саперимъ работамъ въ Мало-Рушѣ. И на этотъ разъ дѣло обошлось безъ раненыхъ и убитыхъ; хотя гранаты осыпали саперовъ и ложились въ расположеніи 30-го полка. Донцы были отведены внѣ выстрѣловъ, а саперы работали подъ огнемъ, пока не возвели прикрытія для находившихся при нихъ двухъ орудій конно-горной батареи.

Одновременно съ работами на берегу, не прекращалось бдительное наблюденіе за спаденіемъ воды и изученіемъ теченія въ протокахъ Дуная. Послѣднее было необходимо для провода въ нихъ минныхъ загражденій и въ ночь, съ 28-го на 29-е мая, Скрыдловъ съ В. Верещагинымъ благополучно обозначили вѣхами то направленіе, по которому вскорѣ они вышли въ Дунай съ минами.

30-го Мая.

Съ 30-го числа началось постепенное стягиваніе Журжевскаго отряда къ Зимницѣ, т. е. къ мѣсту будущей переправы. 14-й стрѣлковый баталіонъ, занимавшій, какъ было сказано выше, Слободзею, получилъ приказаніе выступить изъ нея въ ночь съ 30-го на 31-е мая съ соблюденіемъ крайней осторожности и безъ огласки направленія своего движенія. По маршруту онъ долженъ былъ двинуться на Бею. Можно было предполо-

жить, что его притягиваютъ къ мѣсту переправы, но никому изъ насъ не было извѣстно, гдѣ она была избрана. На освободившееся мѣсто 14-го стрѣлковаго баталіона пришелъ баталіонъ Минскаго пѣхотнаго полка и нашъ участокъ берега перешелъ въ вѣдѣніе начальства 14-й пѣхотной дивизіи; а командиръ ея 1-й бригады генералъ-маіоръ Іелшинъ, вскорѣ вступилъ въ завѣдываніе всѣмъ пространствомъ до Парапана включительно. Разливъ рѣки на столько шелъ на убыль, что на имѣвшихся у насъ лодкахъ не было уже возможности проѣхать до Дуная.

Поэтому, предположенная въ ночь съ 1-го на 2-е іюня новая поѣздка для осмотра острова не могла состояться и пространство отъ него до Слободзеи дѣлалось для насъ недоступнымъ препятствіемъ. Плоскодонныхъ лодокъ у насъ не было, а глубокій затонъ Дуная въ серединѣ этого пространства препятствовалъ пѣшеходному сообщенію.

2-го Іюня.

Разрозненная въ своемъ составѣ 2-я бригада Кавказской дивизіи, съ выбытіемъ ингушей, находилась въ неопредѣленномъ положеніи; наличныя шесть сотенъ ея были меньше бригады, но при нихъ оставались начальникъ 2-й бригады и командиръ Терско-Горскаго полка; т. е. оба они въ сущности не имѣли опредѣленнаго мѣста. Посему, приказомъ по войскамъ Дѣйствующей арміи отъ 23-го мая, объявленнымъ у насъ 2-го іюня, было предписано: «Владикавказскому полку и дивизіону осетинъ составить шестисотенный полкъ подъ начальствомъ командира Владикавказскаго полка полковника Левиса и присоединить его къ 1-й бригадѣ Кавказской дивизіи. Такимъ образомъ, оба Кавказскіе полка получили одинаковый шестисотенный составъ *), положившій основаніе будущей Кавказской бригадѣ.

Производившіяся до сихъ поръ топографическія работы и рекогносцировки нашего берега были окончены и Слободзея готовилась къ основательной оборонѣ. Отъ нашихъ полковъ потребованы были въ распоряженіе начальника инженеровъ Журжевскаго отряда, подполковника Плюцинскаго, всѣ наличныя лопаты и въ ночь съ 2-го на 3-е число были заложены осадныя батареи.

Роты, назначенныя на работу отъ полковъ 1-й бригады 14-й пѣхотной дивизіи, приступили къ дѣлу, подъ руководствомъ саперъ 7-го баталіона; но проливной дождь, шедшій во всю ночь и непроглядная темнота принудили прекратить работы раньше времени.

---

*) Приказъ отъ 2-го іюня по Журжевскому отряду.

3-го Іюня.

3-го іюня онѣ были возобновлены и не прекращались до окончанія отдѣлки батарей безъ всякаго препятствія со стороны турокъ. Обѣ стороны были заняты своимъ дѣломъ и какъ бы не хотѣли мѣшать другъ другу, хотя въ первые дни силы наши были далеко не одинаковы. Турки могли препятствовать нашимъ работамъ своими крѣпостными орудіями, мы же пока оставались съ четырех-фунтовыми пушками; но вскорѣ осадныя орудія были доставлены въ Слободзею и до окончанія постройки батарей, помѣщены за старыми турецкими окопами позади 10-й донской батареи.

Во все это время, наша служба шла своимъ установленнымъ чередомъ; но съ удвоенною осторожностью. Береговая дорога отъ западныхъ виноградныхъ садовъ Журжи до Парапана включительно, какъ проходившая вдоль возводимыхъ укрѣпленій, была обращена въ военную и по ней разрѣшено движеніе только для лицъ военныхъ или конвоируемыхъ военными *).

Предположеніе, что турки должны воспользоваться островами и занять ихъ для обстрѣливанія нашего берега, конечно безпокоило наше начальство. Поэтому, мы снова получили подтвержденіе, не упустить возможности занять лежащій противъ насъ островъ **); но по признакамъ спаденія воды и высотѣ выходившаго изъ нея кустарника, можно было съ достовѣрностью заключить, что ранѣе десяти дней не представиться возможности стать твердою ногою на островъ. Почва его была еще глубоко подъ водою.

Между тѣмъ, по разнымъ распоряженіямъ можно было думать, что мѣсто и время переправы уже выбрано и находится выше Рущука, по близости нашего расположенія. 14-я дивизія стягивалась по ночамъ, и минуя Слободзею, отходила отъ береговой дороги къ сѣверо-западу. Но вотъ, наконецъ, приказано было и намъ приготовиться къ походу и по возможности облегчить вьюки.

Съ этою цѣлью предписано было взять съ собою только необходимыя для казаковъ вещи; все же сколько-нибудь лишнее сдать на сохраненіе военнаго начальника станціи Журжевской желѣзной дороги ***). Выступленіе наше предполагалось чрезъ нѣсколько дней и 1-я бригада 11-й кавалерійской дивизіи ****) должна была занять наши мѣста. Риж-

*) Приказаніе отъ 1-го іюня, № 27, по Журжевскому отряду.

**) Приказаніе отъ 5-го іюня.

***) Приказаніе начальника отряда 7-го іюня.

****) Рижскій драгунскій и Чугуевскій уланскій.

скій драгунскій замѣнялъ 30-й Донской полкъ, Чугуевскій уланскій становился на мѣстахъ Кавказскихъ полковъ.

7-го Іюня.

Три эскадрона Чугуевскаго уланскаго полка вступили въ Слободзею и заняли на первый день наши посты пополамъ съ казаками. Итакъ, мы должны были покинуть Слободзею, но намъ удалось еще присутствовать, при торжественномъ боѣ нашихъ моряковъ.

Въ ночь съ 7-го на 8-е іюля была рѣшена закладка минныхъ загражденій у Парапана и капитанъ перваго ранга Новиковъ предполагалъ окончить ее къ утру 8-го числа. Всѣмъ намъ приказано было оставаться на своихъ мѣстахъ и только начальникъ отряда со своимъ штабомъ выѣхалъ въ Парапанъ. Сочувственно и тревожно относились мы къ закладкѣ батарей въ Слободзеѣ; но сердце билось сильнѣе въ ожиданіи вѣстей изъ Парапана. На закладку батарей мы смотрѣли, какъ на дѣло домашнее и обыденное; но тамъ, въ Парапанѣ отнимали у турокъ владѣніе Дунаемъ, тамъ было настоящее начало войны. Успѣхъ въ Парапанѣ стоялъ въ нашихъ глазахъ наравнѣ съ удачей переправы и боязнь о томъ, что турки воспрепятствуютъ постановкѣ минъ не давали покою. Ожидали ли они въ этотъ день чего-нибудь угрожающаго съ нашей стороны, или просто по случайности, но внезапно, поздно ночью, въ Рущукѣ поднялась тревога. Весь берегъ противъ Слободзеи вспыхнулъ турецкими огнями и неумолкаемая ружейная стрѣльба затрещала передъ нами.

Она продолжалась добрыхъ минутъ двадцать, но орудія молчали. Удивила насъ турецкая тревога и невольно зародила мимолетное подозрѣніе: неужели ждутъ сегодня загражденій.

Видно не ошиблись румыны, предостерегавшіе насъ, что будемъ жить среди лазутчиковъ.

Но улеглась тревога, потухла яркая лента ружейныхъ огней и снова воцарилась тишина вплоть до Парапана. Что-то будетъ утромъ?

8-го Іюня.

Рано поутру, раздались пушечные выстрѣлы въ Парапанѣ; отъ насъ былъ видѣнъ дымъ орудій съ турецкаго парохода; но въ кого онъ стрѣлялъ, что тамъ дѣлалось, мы еще не знали.

Первое извѣстіе, полученное оттуда, было прислано отъ сотника Вѣнкова. Онъ сообщалъ, что мины поставлены на главномъ фарватерѣ Дуная. Я выражусь не точно, если скажу, что эта вѣсть насъ обрадовала; она произвела на насъ впечатлѣніе глубже. Она не вызвала нашихъ

восторговъ, но мы почувствовали, что у насъ стало легко на душѣ. Около десяти часовъ утра, возвратился изъ Парапана начальникъ отряда и подтвердилъ о загражденіи главнаго фарватера.

Переданныя имъ подробности заключались въ томъ, что турецкій пароходъ подошелъ къ Парапану ко времени окончанія загражденія главной части фарватера.

Построенная на нашемъ берегу осадная батарея завязала съ нимъ артиллерійскій бой; подоспѣвшія турецкія полевыя батареи открыли съ противоположнаго берега огонь по Парапану.

Въ это время, лейтенантъ Скрыдловъ и В. В. Верещагинъ на паровой шлюпкѣ «Шутка», подъ градомъ пуль атаковали пароходъ. Въ испугѣ первой минуты пароходъ бѣжалъ отъ «Шутки». Скрыдловъ и Верещагинъ оба были ранены, но оставались на своихъ мѣстахъ и моряки успѣли приложить къ пароходу мину, но мина не взорвалась. Оказалось, что проводники (проволока) были перебиты пулями и «Шутка», будучи прострѣлена во многихъ мѣстахъ, осталась въ безпомощномъ положеніи. Тогда Скрыдлову пришлось отступать подъ губительнымъ огнемъ парохода и турецкихъ полевыхъ батарей. Ихъ маленькія гранаты поражали на пять верстъ послѣ вылета изъ дула орудія и изумляли вѣрностью своего паденія. Какъ нарочно, снаряды ложились подлѣ дома, занятаго ранеными, но на столько благополучно, что новыхъ потерь не было. Вся же наша убыль ранеными во время боя «Шутки», какъ кажется, не превышала четырехъ человѣкъ. Скрыдловъ и Верещагинъ были въ томъ числѣ. Первый изъ нихъ былъ раненъ въ обѣ ноги и руку, второй и матросы—въ ноги.

Отважный подвигъ командира «Шутки» не разъ уже былъ подробно описанъ, но кажется нигдѣ не было упомянуто о томъ, что Скрыдловъ былъ одинъ изъ немногихъ лицъ, удостоенныхъ приговоромъ думы къ георгіевскому кресту на мѣстѣ боя. Свидѣтелями, подвига были георгіевскіе кавалеры: генералъ-лейтенантъ Скобелевъ 1-й и генералъ-маіоръ Скобелевъ 2-й, полковникъ Вульфертъ и полковникъ Мольскій *).

На основаніи статута ордена св. Георгія, въ Парапанѣ была собрана дума изъ наличныхъ георгіевскихъ кавалеровъ и лейтенантъ Скрыдловъ былъ представленъ къ награжденію крестомъ св. Георгія 4-й степени. Онъ и Верещагинъ были первые наши раненые, если можно включить моряковъ въ составъ нашего отряда. Послѣ того, какъ турецкій пароходъ убѣдился въ загражденіи главнаго фарватера Дуная, онъ отошелъ на высоту Слободзеи и сталъ на якорѣ подъ самымъ берегомъ выше устья рѣки Лома. Незнакомый съ морскимъ дѣломъ, я не могу утверждать былъ ли онъ поврежденъ выстрѣлами нашей осадной батареи въ

---

*) Командиръ Минскаго полка, расположеннаго въ Парапанѣ.

Парапанѣ, или нѣтъ; но видно было, что на немъ происходила какая-то работа.

Шлюпки останавливались подлѣ его борта, казалось, что онъ окружалъ себя минами. По крайней мѣрѣ мы такъ думали, потому что черезъ нѣсколько времени въ недалекомъ отъ него разстояніи поднялось нѣсколько послѣдовательныхъ водяныхъ взрывовъ и мы предположили, что турки пробуютъ свои мины. Одновременно съ этимъ, какъ бы въ отместку за Парапанъ, изъ Рущука была открыта бомбардировка по Слободзеѣ, но и на этотъ разъ обошедшаяся безъ потерь съ нашей стороны.

9-го Іюня.

Въ ночь съ 9-го на 10-е іюня Кубанскій и Владикавказскій полки съ обѣими конными батареями выступили съ мѣстъ своего расположенія въ Гогошары-Ноу; туда же къ 11-му числу долженъ былъ прибыть 30-й Донской полкъ полковника Орлова изъ Малоруша. Движеніе приказано было произвести по возможности скрытно, не обнаруживая замѣны нашихъ постовъ уланами, которые рѣзко отличались отъ насъ одеждою. Съ этою цѣлью, казакамъ приказано было смѣниться за часъ до нашего выступленія. Ровно въ девять часовъ вечера мы выступили изъ Слободзеи.

10-го Іюня.

Въ три съ половиною часа утра, Кубанскій полкъ вступилъ въ Гогошары-Ноу. Дивизіонъ осетинъ прибылъ туда нѣсколько раньше, а къ семи часамъ утра подошелъ и Владикавказскій полкъ.

11-го Іюня.

11-го числа всѣ три полка 1-й бригады Кавказской дивизіи соединились въ Гогошары-Ноу и около шести часовъ вечера выступили въ Бею. Подойдя къ ней въ одиннадцать часовъ ночи, мы увидѣли огни на раскинутыхъ бивуакахъ и узнали, что здѣсь собраны войска, которыя завтра выступятъ на переправу черезъ Дунай у Зимницы.

Тутъ стояли: 14-я пѣхотная дивизія генерала Драгомирова, 4-я стрѣлковая бригада генерала Цвѣцинскаго, съ друмя ротами пластуновъ, седьмой саперный баталіонъ и гвардейская полурота конвоя Его Величества.

12-го Іюня.

Послѣ полудня 12-го числа, генералъ Драгомировъ со всѣми вышепоименованными частями выступилъ въ Зимницу; за нимъ пошла 9-я дивизія. Мы двинемся завтра.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Отъ переправы до первой Плевны.

—

I.

Передовой отрядъ и Кавказская бригада. Переправа.

Три полка Кавказской казачьей дивизіи, утромъ 15-го іюня, выступили изъ Беи въ Зимницу *). Что-то будетъ, что насъ ожидаетъ? Удалось ли Драгомирову? Вотъ вопросы, на которые боялись отвѣчать въ нашихъ рядахъ. Боялись потому, что не хотѣлось услышать вѣсти о неудачѣ переправы и страшно было связать съ нею начало нашего дѣла.

Въ каждомъ облачкѣ подорожной пыли, мы готовы были видѣть вѣстника неудачи, и боязливо припоминались слова людей, недовѣрчиво относившихся къ успѣху переправы.

Но вотъ на пути оттуда показался пѣхотинецъ, нѣсколько человѣкъ подъѣхало къ нему.—«Что?» былъ единственный вопросъ, такъ какъ слово «переправа» замирало на устахъ.

— Наши уже тамъ, на берегу; я иду въ Бею за вещами.

— На какомъ берегу?

— На турецкомъ; ночью сбили ихъ и наши теперь въ городѣ.

Вотъ первая вѣсть, переданная намъ, сколько помнится санитаромъ или фельдшеромъ, посланнымъ въ Бею изъ 14-й дивизіи. Сообщена она намъ покойно, равнодушно, какъ бы обыденное дѣло; но отъ души сотворенное крестное знаменіе осѣнило пыльныя лица казаковъ и «слава Богу», «ай да молодцы» пробѣжало по рядамъ, насторожившимъ слухъ къ разсказу пѣхотинца.

Въ двѣнадцатомъ часу дня, мы разбили коновязи на широкомъ полѣ, позади восточной стороны Зимницы и каждый, кому служба позволяла, направился къ Дунаю. Крутой, песчаный спускъ къ мѣсту переправы кипѣлъ народомъ, и солнце жгло немилосердно запыленные ряды переправлявшейся пѣхоты. Молчаливо, хладнокровно двигалась она въ облакѣ стоявшей пыли и только блескъ ея холоднаго штыка внушительно сверкалъ надъ шумною толпою; казалось только онъ одинъ, этотъ холодный, твердый штыкъ, какъ будто не глядѣлъ на тотъ крутой обрывъ турецкой стороны, который, нѣсколько часовъ тому назадъ, былъ мѣстомъ смерти и безсмертья.

---

*) 30-й Донской, 2-й Кубанскій, Владикавказскій съ дивизіономъ, осетинъ, 10-я Донская и 1-я конно-горная Донская батареи.

Длинные шатры, подъ значками Краснаго Креста, раскинулись по Зимницѣ и были полны тѣми, кто заплатилъ своею кровью первый шагъ давно желаннаго успѣха. Многимъ изъ насъ судьба готовила ту же участь, скрывая ее въ приманкѣ грядущаго боя; но это грядущее было еще далеко, а потребности похода вызывали заботы о разрѣшеніи вопросовъ насущной необходимости. Минуты досуга проявлялись внезапно и потому впечатлѣнія ихъ были глубже.

Такъ, врядъ ли забудутъ свидѣтели этого дня, потрясающее, сердечное ура, гремѣвшее на встрѣчу Государя, въ это же утро прибывшаго въ Зимницу. Но и это неудержимое выраженіе искренняго привѣта, стихнуло предъ шатрами Краснаго Креста, когда Государь вошелъ въ среду раненыхъ. Эта минута была полна благоговѣйнаго умиленія и тихаго, душевнаго торжества.

Въ первый же день прибытія 1-й бригады Кавказской дивизіи подъ Зимницу, подошли къ ней и донскіе полки Чернозубова; но дивизія соединилась только на нѣсколько дней, потому что черезъ три дня произошли въ ней новыя перемѣны, уничтожившія названіе Кавказской казачьей дивизіи.

Въ виду необходимости имѣть самостоятельный кавалерійскій отрядъ, четыре кавалерійскихъ бригады были назначены подъ начальство состоявшаго при Великомъ Князѣ Главнокомандующемъ, генералъ-лейтенанта Гурко. Штабу бывшей Кавказской дивизіи приказано составить штабъ этого вновь созданнаго кавалерійскаго отряда. Временно, до прибытія генералъ-лейтенанта Гурко, отрядомъ командовать генералъ-маіору Рауху.

Въ каждую кавалерійскую бригаду были распредѣлены офицеры генеральнаго штаба и одинъ изъ нихъ, капитанъ Стромиловъ, назначенъ въ Кавказскую бригаду.

Нѣсколько позднѣе описываемаго времени, начальникомъ штаба этого отряда назначенъ полковникъ Нагловскій.

Всѣ бригады, вошедшія въ составъ этого отряда, были наименованы по роду своего оружія, называясь: драгунская, сводная, донская и кавказская, каждая изъ нихъ состояла изъ полковъ: 1) Драгунская: 8-й Астраханскій драгунскій, 9-й Казанскій драгунскій и 16-я конная батарея, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника герцога Евгенія Лейхтенбергскаго. 2) Сводная: 9-й Кіевскій гусарскій, 30-й Донской и 10-я Донская батарея, подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора герцога Николая Лейхтенбергскаго. 3) Донская: 21-й и 26-й Донскіе и 15-я донская батарея, подъ начальствомъ полковника Чернозубова. 4) Кавказская: 2-й Кубанскій, Владикавказско-Осетинскій и 1-я Донская конно-горная батарея, подъ начальствомъ полковника Тутолмина.

Регулярные полки этихъ бригадъ были въ четырехъ-эскадронномъ составѣ; казачьи—въ шести-сотенномъ и батареи въ шести-орудійномъ составѣ *).

Итого кавалерійскій отрядъ генерала Гурко заключалъ: сорокъ два эскадрона, тридцать сотенъ, восемнадцать четырехъ-фунтовыхъ орудій, шесть горныхъ орудій.

Къ отряду было придано парковое отдѣленіе, образованное **) для Кавказской казачьей дивизіи. Сверхъ того, къ составу этого отряда были присоединены: 4-я стрѣлковая бригада—четыре баталіона и двѣ роты пластуновъ; четырнадцать горныхъ орудій ***); болгарское ополченіе—шесть дружинъ; гвардейскій полу-эскадронъ конвоя Его Величества, собранный изъ полковъ гвардейской кавалеріи.

Весь отрядъ наименованъ «передовымъ отрядомъ».

Образованіе такого отряда не могло не улыбаться каждому изъ насъ, въ виду непосредственнаго соединенія пѣхоты съ самостоятельными силами конницы, и потому насъ радовала предстоящая возможность хорошей работы. Въ описываемое время, мостъ черезъ Дунай еще не былъ готовъ и пѣхота безостановочно перевозилась на судахъ, такъ какъ необходимость упорной обороны вновь занятаго турецкаго берега, требовала возможно большаго сосредоточенія на немъ ея силы.

Но, съ другой стороны, она, по отсутствію при ней конницы, оставалась тамъ въ невѣдѣніи возможнаго на нее турецкаго наступленія. Для возможнаго уменьшенія этого затрудненія, въ первый же день переправы, была переведена туда часть Донскаго 23-го полка полковника Бакланова, которому выпало столько утомительной работы въ окрестностяхъ, что онъ не могъ освѣщать мѣстность дальними разъѣздами. Поэтому сознавалась необходимость имѣть на томъ берегу больше конницы, а средствъ къ переправѣ ея не имѣлось, такъ какъ всѣ перевозочныя суда были заняты пѣхотою. Переправа вплавь была бы однимъ изъ средствъ въ этой помощи и она была предложена на обсужденіе бывшимъ начальникомъ штаба Журжевскаго отряда Свиты Его Величества генералъ-маіоромъ Скобелевымъ 2-мъ.

Предложеніе это было сдѣлано для переправы всей Кавказской казачьей дивизіи, которая, за неприбытіемъ первыхъ трехъ бригадъ пере-

---

*) Кавказская бригада перешла Дунай въ составѣ тысячи-пятисотъ-семидесяти казаковъ въ обоихъ полкахъ. Вычитая трубачей, урядниковъ, вьючныхъ и обозныхъ, каждую сотню можно будетъ принять дѣйствительною силою въ сто человѣкъ, т. е. двѣнадцать съ половиною рядовъ во взводѣ. Конно-горная батарея имѣла на лицо двѣсти тридцать четыре казака.

**) Приказомъ по дѣйствующей арміи отъ 25-го января 1877 года.

***) Два потонуло при переправѣ, потому, вмѣсто шестнадцати, осталось четырнадцать.

доваго отряда, оставалась еще подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Скобелева 1-го. Слѣдовательно, онъ могъ взять на себя отвѣтственность—разрѣшивъ охотникамъ попробовать свои силы. Разумѣется, охотниками явились всѣ, еслибы послѣдовало на то общее приказаніе, но—приказать переплыть водную равнину Дуная безъ пробы, было бы крайне неосмотрительно; потому, для опыта переправы, было разрѣшено назначить тридцать человѣкъ осетинъ и казаковъ Владикавказскаго полка. Вмѣстѣ съ ними пожелалъ переплыть генералъ-маіоръ Скобелевъ 2-й и два офицера Владикавказскаго-Осетинскаго полка.

Направленіе переправы было выбрано нѣсколько выше наводимаго моста, противъ незанятаго войсками и пантонами острова. Расположенный въ шестидесяти или семидесяти саженяхъ отъ берега, онъ дѣлилъ полутораверстную ширину переправы на двѣ неравныя части и могъ служить мѣстомъ отдыха, послѣ перваго пріема переправы. Съ разрѣшенія начальника переправы, генералъ-маіора Рихтера, дозволено было употребить подъ одежду, вьюки и оружіе небольшія частныя лодки, собранныя въ достаточномъ количествѣ въ ближайшемъ къ Зимницѣ рукавѣ Дуная.

Прибывъ къ назначенному мѣсту, пловцы раздѣлись, такъ какъ быстрота теченія и ширина рѣки уничтожили всякую возможность переправы въ одеждѣ и, затѣмъ, они поплыли къ острову, съ генераломъ Скобелевымъ 2-мъ во главѣ. Небольшая лодка слѣдовала за Скобелевымъ 2-мъ, но тѣмъ не менѣе этотъ опытъ чуть было не стоилъ ему жизни, хотя онъ съ однимъ изъ казаковъ съ трудомъ, но доплылъ до праваго берега Дуная.

Казалось, что добрый конь генерала нѣсколько разъ выбивался изъ силъ и сердце замирало у насъ на берегу, когда глазъ терялъ въ широкой зыби, какъ бы нырявшихъ пловцевъ. Наконецъ, двѣ далекія другъ отъ друга точки, начали увеличиваться, и въ бинокль можно было различить генерала Скобелева 2-го, вышедшаго на правый берегъ Дуная. Оба пловца благополучно добрались до Систова.

Всѣ прочіе охотники были разбросаны у береговъ острова напоромъ теченія, и принуждены были вернуться обратно. Измученные люди и кони свидѣтельствовали объ опасности общей переправы вплавь, требовавшей столько же времени, какъ и выжиданіе окончанія моста. Сколько помнится, этотъ опытъ былъ произведенъ въ третьемъ часу пополудни 18-го іюня. Утромъ 20-го числа было получено приказаніе о началѣ переправы, въ слѣдующей постепенности: 1) Артиллерійскія части войскъ, переправившихся уже на тотъ берегъ. 2) Обозы этихъ частей. 3) Бригадамъ отдѣльнаго кавалерійскаго отряда: а) Драгунской бригадѣ съ ея обозомъ; б) Донской бригадѣ съ ея обозомъ. Бригадамъ этимъ, послѣ переправы, двинуться на Царевицу и присоединиться къ 4-й стрѣлковой бригадѣ, съ которою составить авангардъ и продвинуться до Турско-Сливо. в) Кавказской бригадѣ съ ея обозомъ. Послѣ этого присоединиться къ 35-й пѣ-

хотной дивизіи, и вмѣстѣ съ нею, продвинуться до Дели-Сули; г) Сводной бригадѣ изъ 9-го гусарскаго Кіевскаго и Донскаго казачьяго № 30-го полковъ съ 10-ю Донскою батареей. Бригадѣ этой присоединиться къ стрѣлковой бригадѣ. 4) Болгарскому ополченію, которому направиться на соединеніе со стрѣлковою бригадой. 5) Паркамъ: стрѣлковой бригады; отдѣленію парка, состоявшему при Кавказской дивизіи, и парковому отдѣленію, образованному для драгунской бригады. Паркамъ 8-го корпуса и 35-й пѣхотной дивизіи. 7) 12-й кавалерійской дивизіи; 8) 33-й пѣхотной дивизіи. 9) Штабу 12-го армейскаго корпуса и 37-му казачьему Донскому полку. 10) 12-й пѣхотной дивизіи. 11) Корпусной артиллеріи 12-го корпуса. 12) Паркамъ 12-го корпуса и 6-му телеграфному парку.

12-му корпусу, послѣ переправы, продвинуться до с. Винограды, Въ вышеизложенномъ порядкѣ, войска должны подходить къ Зимницѣ и останавливаться у спуска къ первому мостику, устроенному на парусинныхъ понтонахъ через затонъ Дуная.

Дальнѣйшее движеніе по переправамъ и порядокъ самой переправы приказано исполнять только—по распоряженію начальника 3-й саперной бригады генералъ-маіора Рихтера—безъ приказанія котораго ни одна часть не имѣетъ права тронуться съ мѣста. Наблюденіе за порядкомъ, во время движенія по мостамъ, возлагалось на генералъ-маіора Зарубаева, назначеннаго комендантомъ переправы.

Для наблюденія за порядкомъ, во время перехода войскъ через островъ Адду, генералъ-маіору Рихтеру приказано назначить особаго штабъ-офицера, всѣ распоряженія котораго должны исполняться безпрекословно.

Опредѣленная послѣдовательность переправы, возлагала на каждую часть обязанность непосредственнаго освѣдомленія о часѣ ея вступленія на мостъ; посему отъ полковъ были посланы офицеры за приказаніями къ генералъ-маіору Рихтеру. Но, несмотря на строжайшій порядокъ, накопленіе военныхъ повозокъ уничтожало возможность опредѣленія часа нашего вступленія на мостъ, и посему назначаемое для сего время, два раза измѣнялось. Въ первый разъ, оно было приблизительно опредѣлено для Кавказской бригады словами: поздно вечеромъ или рано утромъ; затѣмъ, второй разъ: подъемъ съ бивуака былъ ей назначенъ 21-го іюня въ девять часовъ утра.

Итакъ, завтра Кавказская бригада должна была соединиться съ 35-ю пѣхотною дивизіей и, вмѣстѣ съ нею, продвинуться до Дели-Сулы; но слѣдовало знать, гдѣ находится 35-я пѣхотная дивизія и куда намъ двинуться изъ Дели-Сулы. Между тѣмъ, въ непосредственномъ средоточіи нашихъ справокъ, т. е. въ штабѣ передоваго отряда, положительныхъ указаній на это не имѣлось; по частнымъ свѣдѣніямъ сообщалось, что Кавказская бригада можетъ быть получитъ отдѣльное назначеніе.

Замѣчу, что штабъ передоваго отряда подвергался въ это время раз-

личнымъ перемѣнамъ и не утвержденный окончательно въ своемъ составѣ, не всегда могъ дать положительныя указанія. Находившійся на лицо капитанъ Сахаровъ, видя наше затрудненіе, отправился въ полевой штабъ за приказаніями.

Пока разрѣшались эти вопросы въ полевомъ штабѣ, заваленномъ спѣшными работами, мы были обрадованы вѣстью о прибытіи къ намъ на бивуакъ Государя Императора. Все пріочистилось, пріодѣлось, и Кавказская бригада на рубежѣ войны, впервые предстала предъ лицо Государя. Подъѣхавъ къ намъ въ коляскѣ Государь сѣлъ на коня и шагомъ объѣхалъ сотни, вытянутыя въ пѣшемъ строѣ на правомъ крылѣ коновязей; милостиво разговаривалъ со многими изъ казаковъ, и освѣдомясь о времени, назначенномъ для переправы, благословилъ насъ за Дунай. На сердцѣ было легко и весело. Офицеры вскочили на коней и проводили Государя до Зимницы.

Въ этотъ же день, мы получили приказаніе о сформированіи небольшаго отряда конно-піонеръ, подъ начальствомъ полковника графа Роникера. Въ составъ его Кавказская бригада выдѣлила двадцать-пять человѣкъ, подъ начальствомъ Владикавказскаго полка, есаула Фролова; общее же число конно-піонеровъ кажется не превышало сто пятьдесятъ человѣкъ, находившихся все время въ передовомъ отрядѣ у генерала Гурко.

21-го Іюня.

Рано утромъ 21-го числа, капитанъ Сахаровъ получилъ возможность доставить намъ ожидаемыя свѣдѣнія, сообщивъ, что 35-я пѣхотная дивизія находится у Царевицы.

Полученное черезъ него приказаніе, передавало Кавказскую бригаду въ распоряженіе командира 9-го корпуса, какъ только онъ переправится черезъ Дунай; а до того времени подчиняло ее начальнику 35-й дивизіи. Время послѣдовательнаго перехода нашей подчиненности было указано въ прилагаемомъ при семъ росписаніи:

Іюня.	КАВКАЗСКАЯ БРИГАДА.	35-я ПѢХОТН. ДИВИЗІЯ.	9-й КОРПУСЪ.
21	Послѣ переправы присоединяется къ 35-й дивизіи у Дели-Сулы.	Занимаетъ Дели-Сулы и къ ней присоединяется Кавказская бригада.	—

Іюня.	Кавказская бригада.	35-я пѣхотн. дивизія.	9-й корпусъ.
22	Выдвигается на шоссе изъ Бѣла въ Плевно, до рѣки Осмы, остается въ вѣдѣніи начальника 35-й пѣхотной дивизіи.	Остается у Дели-Сулы.	—
23	Остается на рѣкѣ Осмѣ, высылая развѣдочныя партіи.	Переходитъ на шоссе изъ Плевны въ Бѣлу близъ Овча-Могила.	Переправа. Расположеніе у Систова на пути въ Плевну.
24	Остается на рѣкѣ Осмѣ и поступаетъ въ распоряженіе командира 9-го корпуса.	Остается на мѣстѣ.	Переходъ по пути на Плевно и Никополь.
25	Получаетъ направленіе по распоряженію командира 9-го корпуса.	Дѣлаетъ переходъ по направленію къ Бѣлѣ.	Съ Кавказскою бригадою направляется по распоряженію корпуснаго командира.

Но выдѣлялись ли мы совершенно или временно изъ передоваго отряда, гдѣ расположится 9-й корпусъ и гдѣ будутъ находиться бригады передоваго отряда, мы должны были узнать и розыскать на походѣ.

Въ надеждѣ, что все дѣлается къ лучшему, мы поднялись съ бивуака въ девять часовъ утра 21-го іюня и остановились у спуска къ понтонному мосту. Но парки и обозы предшествовавшихъ частей, снова замедлили переправу и мы только, во второмъ часу пополудни, могли вступить на мостъ.

Сотни переправлялись справа рядами, имѣя лошадей въ поводу. Казаки шли по краямъ моста, кони были въ серединѣ. 1-я сотня Кубанскаго полка шла въ головѣ бригады; за Кубанскимъ полкомъ слѣдовала батарея, за нею Владикавказскій полкъ и осетины; затѣмъ переправился обозъ.

По мѣрѣ того, какъ сотни вступали на берегъ, онѣ подымались по крутому песчаному берегу и сворачивали на большую тырновскую дорогу. Здѣсь, въ двухъ верстахъ отъ Систова, собирались и ожидали окончанія переправы. Песчаный, извилистый подъемъ, густая пыль подъ знойными лучами утомляли упряжныхъ лошадей и растягивали движеніе обоза, такъ что бригада могла двинуться на Царевицу только въ пять часовъ пополудни. Но предшествующіе обозы, которыхъ не было возможности обогнать и тутъ заставляли насъ двигаться столь медленнымъ шагомъ, что мы только подъ вечеръ подошли къ Царевицѣ.

Здѣсь мы застали одинъ изъ полковъ 35-й дивизіи, располагавшійся на ночлегъ; прочіе ея полки, незадолго до нашего прихода выступили по дорогѣ на Турску-Сливу и, по всему вѣроятію, должны были ночевать гдѣ-нибудь невдалекѣ по этому направленію. Съ ними находился и начальникъ 35-й пѣхотной дивизіи. Узнавъ о выступленіи пѣхоты на Турску-Сливу, можно было предположить, что она оттуда направится на Дели-Сулу; но, по показанію нашего проводника *), ближайшій путь на Дели-Сулу сворачивалъ отъ Царевицы круто направо черезъ Болгарску-Сливу, а не черезъ Турску-Сливу. Провѣрить же проводника по картѣ не было никакой возможности, такъ какъ на двухъ имѣвшихся у насъ картахъ: Каница и русской—ни одной дороги въ Дели-Сулу не обозначено.

Жители поддерживали показанія проводника и сверхъ того утверждали, что деревня Дели-Сула занята черкесами. О послѣднемъ извѣстіи сообщили и наши разъѣзды, продвинутые по дорогѣ на Булгарску-Сливу. До Дели-Сулы оставалось еще верстъ девять ночнаго, неизвѣстнаго намъ пути. Если пѣхота рѣшилась ночевать въ окрестностяхъ Царевицы, то было естественно и намъ дождаться утра у Царевицы, дабы не имѣть дѣла съ черкесами ночью, еслибы оказалось, что Дели-Сула дѣйствительно занята ими.

Слѣдовательно, надо было удостовѣриться—дойдетъ ли сегодня до Дели-Сулы хоть часть 35-й пѣхотной дивизіи. По сему, за отсутствіемъ въ Царевицѣ начальника 35-й дивизіи, къ нему наряженъ былъ офицеръ (сколько помнится, Кубанскаго полка хорунжій Милошевичъ), съ словеснымъ докладомъ о прибытіи Кавказской бригады, о сообщенномъ намъ кратчайшемъ направленіи на Дели-Сулу, о слухѣ присутствія въ ней черкесовъ и о назначеніи мѣста для ночлега, если намъ не будетъ приказано тотчасъ двинуться на Дели-Сулу.

---

*) Этотъ проводникъ, по прозванію Бѣльчикъ, былъ присланъ въ Зимницу, какъ было сказано, заботливостью полковника Паренсова. Бѣльчикъ не отличался мягкосердечіемъ ко всему турецкому, но былъ неоднократно въ высшей степени полезенъ намъ, какъ опытный проводникъ.

Отвѣтъ начальника 35-й пѣхотной дивизіи былъ доставленъ намъ въ глубокія сумерки *); но онъ былъ выраженъ не приказаніемъ, а въ видѣ частнаго одобренія нашего предположенія ночевать у Царевицы. Отзывъ этотъ, переданный на словахъ, не долженъ былъ бы быть (во избѣжаніе недоразумѣній), приведенъ здѣсь, какъ положительное доказательство; но привожу его только въ виду возможности заключить изъ него, что 35-й дивизіи не было еще сообщено о совмѣстномъ ея движеніи съ Кавказскою бригадою на Дели-Сулу, поэтому начальникъ ея не взялъ на себя отвѣтственность въ направленіи Кавказской бригады; мы же съ своей стороны не знали: пойдетъ ли 35-я дивизія на Дели-Сулу или нѣтъ?

Это недоразумѣніе поставило Кавказскую бригаду въ неожиданное затрудненіе; но слѣдовало на что-нибудь рѣшиться, и я предпочелъ ночевать у Царевицы съ тѣмъ, чтобы утромъ 22-го числа, руководствуясь прямою обязанностью кавалеріи: освѣщать движеніе пѣхоты, двинуться въ головѣ ея на Дели-Сулу; не сомнѣваясь, что въ теченіе ночи, 35-я дивизія получитъ приказаніе о совокупномъ съ нами движеніи.

Итакъ, день 21-го іюня, далъ намъ полный разладъ предположеній съ дѣйствительностью.

Поздняя переправа и медленное движеніе отъ скопившихся обозовъ были причиною, что Кавказская бригада къ вечеру лишь прибыла въ Царевицу и соединилась только съ хвостомъ 35-й дивизіи; а затѣмъ, ни та, ни другая не дошли въ назначенный день до Дели-Сулы.

II.

Бой у Дели-Сулы.

22-го іюня.

На разсвѣтѣ, 22-го числа, отъ Кавказской бригады были высланы два сильные разъѣзда: первый, по направленію къ Дели-Сулѣ чрезъ Болгарску-Сливу, подъ начальствомъ причисленнаго къ Кубанскому полку прапорщика Цамая; второй—на связь съ 35-ю пѣхотною дивизіей и кавалерійскими бригадами передоваго отряда, подъ начальствомъ Владикавказскаго полка сотника Верещагина.

Этому послѣднему приказано доложить начальнику 35-й дивизіи о выступленіи Кавказской бригады изъ Царевицы и, въ случаѣ движенія 35-й дивизіи на Дели-Сулу, слѣдовать въ головѣ ея на соединеніе съ нами.

Черезъ нѣсколько времени по отправленіи этихъ разъѣздовъ. Кав-

*) Отправленный къ нему офицеръ догналъ его по дорогѣ на Турску-Сливу.

казская бригада выступила на Дели-Сулу, черезъ Болгарску-Сливу (Сливове тоже, по русской картѣ). Нашъ путь шелъ берегомъ ручья, подъ высокими холмами; спускаясь въ балки, взбираясь на подъемы, мы вступили въ узкое ущелье у Болгарской Сливы. Она какъ бы раздвинула ущелье и плоскокрытые дома ея, словно гнѣзда, прилѣпились на утесахъ. Все глубже и дальше идетъ ущелье и протянется еще версты на двѣ— разсказываетъ проводникъ—а тамъ оно упрется въ поперечный кряжъ другаго направленія горъ; а кряжъ этотъ крутой—прибавляетъ онъ выразительно—за нимъ еще два кряжа и между ними балки. Потомъ пойдетъ долина и въ той долинѣ Дели-Сула. За ней опять подъемъ и снова будутъ балки.

Владикавказскій полкъ шелъ въ головѣ колонны, имѣя въ авангардѣ сотню осетинъ.

Едва онъ миновалъ селеніе, какъ изъ разъѣзда осетинской сотни дано было знать, что черкесы владѣютъ выходомъ ущелья. Мы ждали этого; но непріятно было убѣдиться въ томъ, что намъ заперли дорогу въ Дели-Сулу. Мы находились въ длинномъ ущельи; силы непріятеля намъ не были еще извѣстны, и не подлежало сомнѣнію, что онъ не желаетъ пропустить насъ черезъ ущелье.

Вслѣдъ за первымъ извѣстіемъ прискакалъ казакъ изъ разъѣзда прапорщика Цамая съ донесеніемъ, что онъ, повидимому, принятый черкесами за своего *), заманиваетъ и притягиваетъ ихъ на наше лѣвое крыло, и что черкесы быть можетъ поэтому тянутся цѣпью за нимъ, отодвинувъ свое лѣвое крыло отъ выхода изъ ущелья.

Это извѣстіе значительно облегчало наше положеніе, устраняя необходимость предстоявшей, быть можетъ упорной борьбы за обладаніе устьемъ ущелья.

При этомъ было сообщено, что передъ нами стоитъ человѣкъ триста конныхъ черкесовъ, а человѣкъ двѣсти баши-бузуковъ засѣли въ лѣсу подъ горами, на лѣвомъ ихъ флангѣ.

При полученіи этихъ донесеній, были сдѣланы слѣдующія распоряженія: 1) на усиленіе авангардной, осетинской сотни, выдвинута пополусотенно на высоты, что по обѣ стороны ущелья, вторая осетинская сотня. 2) Всей бригадѣ приказано стянуться; 3) Владикавказскому полку, шедшему за осетинами, приказано—быть готовымъ занять то положеніе, которое опредѣлится по осмотрѣ мѣстности и противника.

Командиръ Владикавказскаго полка полковникъ Левисъ, узнавъ все, что относилось до его полка, уже скакалъ къ своимъ осетинамъ. Выѣхавъ вслѣдъ за нимъ на лѣвыя высоты, я увидѣлъ какъ черкесы джигитовали,

*) Одинаковая одежда съ черкесами часто намъ помогала быть не узнанными, но съ другой стороны иногда вызывала недоразумѣнія въ нашихъ собственныхъ войскахъ, дотолѣ насъ не видавшихъ.

вытянувшись густою вереницей на ближайшемъ къ намъ поперечномъ кряжѣ. Осетины развернулись конною цѣпью въ трехстахъ шагахъ отъ противника, отъ котораго отдѣляла ихъ глубокая балка.

Никогда не видавши черкесской схватки, я невольно былъ очарованъ открывшимся мнѣ зрѣлищемъ. Настоящая боевая джигитовка была въ полномъ разгарѣ; ружейная стрѣльба трещала по холмамъ; въ густомъ пороховомъ дыму мелькали кабардинцы *).

Осетины не уступали въ ловкости черкесамъ; ихъ обычно покойный взоръ заискрился подъ свистомъ пуль и гулъ знакомыхъ звуковъ кабарды, казалось ободрялъ ихъ молодечество и удаль. Этотъ поединокъ соплеменныхъ противниковъ, былъ первою задунайскою пробой осетинской вѣрности русскому знамени. Горцы манили ихъ на свою сторону и, послѣ отвѣтовъ, пришедшихся имъ не по нраву, пули летѣли въ отместку осетинамъ. Для примѣра упомяну объ одномъ изъ такихъ случаевъ, происшедшихъ на моихъ глазахъ. Черкесъ, перестрѣливаясь съ прапорщикомъ Абисаловымъ, громко спросилъ его: магометанинъ онъ или христіанинъ? Въ отвѣтъ раздался веселый возгласъ: «я христіанинъ!» хотя стрѣлявшій былъ мусульманинъ.

Пронзительная брань пролетѣла въ воздухѣ и выстрѣлы затрещали: у Абисалова оказались прострѣленными полы черкески, но самъ онъ отдѣлался легкою контузіей въ ногу.

Но эта забава не должна была продолжаться долго. Пули, за малымъ исключеніемъ, летѣли безвредно, а фронтальный натискъ подъ гору, потомъ въ балку и снова на крутизну, не обѣщалъ безусловнаго успѣха. Надо было воспользоваться возможностью взять черкесовъ съ фланга.

Для сего, въ поддержку осетинъ оставлены были 3-я и 4-я сотни Владикавказскаго полка; 1-я и 2-я были посланы въ обходъ обѣихъ крыльевъ черкесовъ, съ приказаніемъ спѣшиться и ружейнымъ огнемъ сбить ихъ съ занятаго кряжа; при удачѣ—повторить то же самое на остальныхъ кряжахъ. Кубанскій полкъ сталъ во второй линіи.

Огонь спѣшенныхъ сотенъ скоро произвелъ свое дѣйствіе, видимо поваливъ много раненыхъ черкесовъ, которые въ силу этого и уступили первый кряжъ. На второмъ и третьемъ кряжахъ повторилось то же самое. Черкесы, удерживаемые осетинами съ фронта и взятые казаками съ крыльевъ, очистили горы и отдали намъ Дели-Сулу, потерявъ между убитыми и ранеными своего предводителя Хаидъ-Бея, о чемъ мы узнали впослѣдствіи отъ болгаръ и отъ плѣнныхъ.

Пѣшіе баши-бузуки, видя неудачу черкесовъ разбѣжались по лѣсу, но все-таки не миновали погони 1-й сотни Владикавказскаго полка.

---

*) По свѣдѣніямъ, полученнымъ гораздо позднѣе описываемаго времени, можно предположить, что мы имѣли дѣло преимущественно съ кабардинцами.

Сотня, посланная преслѣдовать черкесовъ, вскорѣ была остановлена, потому что они, быстро отступая передъ нами въ юго-западномъ направленіи, не представляли цѣли гнаться за ихъ легкою, разсыпчатою нитью. Люди, знакомые съ черкесскою войною, скорѣе всего ожидали лишней тревоги, ибо были увѣрены въ томъ, что какъ бы далеко мы не преслѣдовали ихъ, дѣло не обойдется безъ вторичнаго посѣщенія насъ, хотя бы горстью смѣльчаковъ.

И дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени небольшая шайка показалась передъ нами, но была отброшена сторожевою сотней и впослѣдствіи, мы нѣсколько разъ могли убѣдиться въ справедливости этого предположенія. Не обремененные, въ противоположность намъ, тяжелыми вьюками, всюду считая себя дома, не отличая болгарскаго имущества отъ турецкаго, черкесы ставили себѣ цѣлью добычу и тревогу; ничѣмъ не будучи связаны, они рыскали сильными шайками и держали въ страхѣ болгарскія селенія, пока послѣднія не были прочно заняты русскими войсками. Мы заняли долину Дели-Сулы *), ставъ между двумя опустѣлыми, небольшими черкесскими аулами.

Наступалъ второй часъ дня, а пѣхота не подходила. Поэтому, прапорщику Владикавказскаго полка Хоранову поручено было отправиться къ начальнику 35-й пѣхотной дивизіи съ донесеніемъ о нашемъ успѣхѣ и просьбою увѣдомить о времени прибытія пѣхоты. Мы не знали еще, есть ли турки передъ нами или нѣтъ, приказаніе же занять Дели-Сулу дивизіею пѣхоты и бригадою казаковъ, какъ бы указывало на непремѣнную обязанность владѣть этимъ мѣстомъ.

Едва уѣхалъ Хорановъ, какъ возвратился сотникъ Верещагинъ, посланный утромъ на соединеніе съ 35-ю дивизіею. Онъ нашелъ ее вблизи селеній Сары-Ярь и Турска-Слива, слѣдовательно, верстахъ въ десяти влѣво отъ насъ. Дивизія стояла на бивуакѣ недалеко отъ драгунской бригады Герцога Евгенія Лейхтенбергскаго и 4-й стрѣлковой бригады. Сотникъ Верещагинъ доложилъ начальнику дивизіи о нашемъ выступленіи изъ Царевицы и затѣмъ направился на соединеніе съ нами, такъ какъ 35-я дивизія не имѣла приказанія выступить на Дели-Сулу. На возвратномъ пути, Верещагинъ соединился съ разъѣздомъ гвардейскаго полуэскадрона, подъ начальствомъ штабъ-ротмистра Живковича, высланнаго изъ драгунской бригады Герцога Лейхтенбергскаго, для связи съ нами.

---

*) Я говорю долину Дели-Сулы потому, что, какъ кажется, этимъ общимъ именемъ называются два аула, раскинутые въ долинѣ и только на австрійской картѣ помѣченные именами: „Татаръ“ и „Черкесъ“. Въ верстѣ передъ ними расположенъ третій небольшой аулъ, который, подобно первымъ двумъ, былъ покинутъ черкесами до единаго человѣка. Этотъ третій аулъ на картахъ не показанъ и проводникъ всѣхъ ихъ называлъ общимъ именемъ Дели-Сула.

Итакъ, 22-го іюня мы стояли въ Дели-Сулѣ, но одни, безъ пѣхоты и потому рождался вопросъ: можемъ ли мы уйти на Осму, не дождавшись прибытія 35-й дивизіи?

Одно изъ главныхъ рѣшеній этого вопроса заключалось въ положительномъ приказаніи штаба дѣйствующей арміи, выслать 23-го числа разъѣздныя партіи съ рѣки Осмы.

Поэтому, я рѣшился до ночи обождать прибытія пѣхоты, переночевать въ Дели-Сулѣ и, утромъ, выступить уже по маршруту, выславъ развѣдочныя партіи тотчасъ по прибытіи на Осму. Замѣчу, что высылка развѣдочныхъ партій была необходима и для связи съ бригадами передоваго отряда, которыя вѣроятно 23-го числа должны были быть на одной высотѣ съ нами; но объ этомъ мы могли только догадываться, стараясь розыскать ихъ своими разъѣздами *).

Подъ вечеръ вернулся къ намъ прапорщикъ Хорановъ, сообщившій о томъ, что начальникъ 35-й дивизіи, выслушавъ его донесеніе, тотчасъ выслалъ на поддержку къ намъ 1-ую бригаду 35-й дивизіи, отъ начальника которой была доставлена Хорановымъ записка, помѣченная:

«У Турска-Слива въ $5^1/_2$ часовъ 22-го іюня. «Начальникъ 35-й дивизіи приказалъ мнѣ двинуться на Дели-Сулу, чтобы очистить деревню и ущелье отъ черкесовъ и войдти въ связь съ вами. Въ деревнѣ Турска-Слива я получилъ извѣстіе, что вы съ черкесами покончили и что тѣ, частію изрублены, частію разбѣжались; но что черкесы собрались въ Овча-Могилѣ, куда я имѣю приказаніе двинуться изъ Дели-Сулы; безъ кавалеріи я ничего не могу сдѣлать, особенно къ вечеру, соблаговолите прислать мнѣ часть вашей бригады, а если вы прибудете и со всею бригадой, то мы сдѣлаемъ вмѣстѣ поискъ въ Овчу-Могилу и очистимъ мѣсто нашей будущей стоянки. Жду васъ у Турска-Слива. Вашъ отвѣтъ потрудитесь мнѣ прислать поскорѣе, если можно, съ этимъ же офицеромъ».

По смыслу этой записки видно, что 35-й дивизіи не было извѣстно о данномъ направленіи Кавказской бригады, потому что въ ней указана Овча-Могила мѣстомъ нашей будущей стоянки.

Для разъясненія этого недоразумѣнія, я поручилъ капитану генеральнаго штаба Стромилову сообщить командиру 1-й бригады 35-й дивизіи имѣющееся у насъ приказаніе для слѣдованія на рѣку Осму, которое не

---

*) Въ замѣткахъ М. Чичагова („Военный Сборникъ", августъ 1874 года, стр. 264) сказано: „на другой день, т. е. 22-го іюня драгунская бригада бивуакировала все у той же деревни Турска-Слива и съ нетерпѣніемъ ждала приказаній и инструкцій для предстоящихъ дѣйствій. Вскорѣ пріѣхалъ генеральнаго штаба подполковникъ Фрезе, назначенный состоять офицеромъ генеральнаго штаба при драгунской бригадѣ, сообщившій намъ не только общее положеніе дѣлъ, но и программу дѣйствій корпусовъ". Слѣдовательно, бригады передоваго отряда, 22-го числа, узнали о дальнѣйшемъ направленіи своего движенія отъ подполковника Фрезе, прибывшаго по отъѣздѣ изъ Турска-Сливы сотника Верещагина.

связывается съ движеніемъ Кавказской бригады въ Овчу-Могилу; а посему, если не будетъ получено особаго приказанія начальника 35-й дивизіи, въ отмѣну распоряженія полеваго штаба, то Кавказская бригада выступитъ 23-го числа изъ Дели-Сулы по направленію на рѣку Осму; присемъ присовокуплялось: что, во 1-хъ, по собраннымъ у насъ свѣдѣніямъ, черкесы отступили прямо передъ нами на юго-западъ, а не на Овчу-Могилу; во 2-хъ, движеніе на Овчу-Могилу удаляетъ насъ отъ Осмы, и въ 3-хъ, если бы черкесы собрались въ Овчей-Могилѣ, съ цѣлью принять тамъ бой, то мы всегда можемъ поспѣть на помощь 35-й дивизіи и, при удачѣ, взять ихъ во флангъ, или съ тылу; наконецъ, въ 4-хъ, намъ слѣдуетъ торопиться на Осму, чтобы занять единственную переправу въ среднемъ ея теченіи у Булгарени. Въ маршрутѣ, намъ данномъ, Булгарени не было указано, а просто значилось «выдти на Осму», но довольно взять карту, чтобы, глядя на нее, намѣтить Булгарени мѣстомъ выхода на Осму передоваго отряда, который шелъ на крайнемъ правомъ крылѣ нашихъ войскъ и поступалъ въ распоряженіе корпуса, идущаго отъ Систова на «Плевну и Никополь».

Передавъ наши соображенія командиру 1-й бригады 35-й пѣхотной дивизіи, капитанъ Стромиловъ возвратился съ извѣстіемъ, что въ случаѣ, если не будетъ получено дальнѣйшихъ измѣненій, то онъ частью своихъ силъ займетъ Дели-Сулу.

Такимъ образомъ, мы могли спокойно двинуться далѣе.

III.

На Осмѣ.

23-го Іюня.

На разсвѣтѣ, 22-го іюня, къ намъ подошелъ головной баталіонъ 1-й бригады 35-й дивизіи. Повторивъ командиру баталіона суть данныхъ намъ приказаній, указавъ на имѣющійся въ оставляемыхъ нами селеніяхъ запасъ ячменя, изъ котораго нами было взято зерна на два дня *), мы вы-

*) Выступивъ за Дунай съ трехдневнымъ запасомъ ячменя, 23-го числа у насъ оставалось его только на одинъ день; купить его было не у кого, такъ какъ деревни были пусты и потому мною дано разрѣшеніе забрать его на два дня изъ обѣихъ селеній, къ которымъ примыкалъ нашъ бивуакъ. При этомъ мы не избѣгли безпорядковъ, вызвавшихъ общее негодованіе офицеровъ. Единицы не какой-либо одной части бригады, но обоихъ полковъ, забирая ячмень, отыскали улья и начали выкуривать пчелъ; брошенная потомъ и не потушенная головня зажгла кучку хвороста—и оба селенія запылали. Съ большимъ трудомъ отстояли отъ огня бо́льшую часть дворовъ и виновные были наказаны. Этотъ случай, быть можетъ невольнаго, поджога, вызвалъ необходимость особаго караульнаго наряда въ селеніяхъ, при которыхъ намъ приходилось впослѣдствіи бивуакировать.

ступили на Осму, въ Булгарени. Мѣстность, по которой мы шли, была степнаго вида и давала довольно хорошій кругозоръ; но плоскія возвышенности пересѣкались глубокими балками и перелѣсками, дававшими возможность укрываться въ нихъ партіямъ черкесовъ; а потому, во избѣжаніе всякой непріятной случайности, весьма возможной при длинной, всегда растянутой походной колоннѣ, Кавказская бригада шла въ двѣ линіи взводныхъ колоннъ, съ уступами на флангахъ, имѣя батарею во взводной колоннѣ между линіями.

Обозъ, подъ прикрытіемъ арьергардной сотни, шелъ въ двѣ повозки.

Авангардная сотня и боковые дозоры, высланные изъ сотенъ, что шли на уступахъ, освѣщали стороны нашего движенія.

Такое построеніе уменьшало количество отсталыхъ, не стѣсняло движенія и представляло готовый боевой порядокъ; поэтому оно всегда было принимаемо на переходахъ, гдѣ условія мѣстности его допускали. Замѣчу здѣсь, что построеніе это не всѣмъ нравилось; но оно обусловливалось отчасти боевою подготовкою бригады. Самоотверженные, лично храбрые кавказцы, не замѣнимые въ разъѣздахъ одиночной службы, отважные до безумія, а потому подчасъ и лично безпечные, не имѣли возможности, и скажу болѣе, пожалуй, надобности заблаговременно быть подготовленными къ правильнымъ перестроеніямъ въ виду противника, дѣйствующаго на основаніи европейской тактики; а нерѣдко на Кавказскую бригаду выпадала работа, выполненіе которой было немыслимо безъ усвоенія совокупныхъ построеній подъ огнемъ противника.

Поэтому, намъ необходимо было укорениться въ основныхъ порядкахъ боеваго устава, потребность которой высказалась подъ Плевной, Ловчей и Телишемъ, гдѣ Кавказской бригадѣ приходилось вызывать на себя изъ окоповъ турецкую пѣхоту, почти неразлучную съ кавалерійскими прикрытіями. Въ дѣлахъ подъ укрѣпленными ихъ лагерями была сознана, если не всѣми, то многими, безпристрастно относившимися къ дѣлу лицами, польза уступовъ, и то условіе, что часть отъ части должна быть на опредѣленномъ уставомъ или мѣстностью, но не на произвольномъ разстояніи другъ отъ друга.

Случалось, какъ напримѣръ: на усиленной рекогносцировкѣ подъ Ловчей 16-го іюля *), что несоблюденіе уставныхъ правилъ разбивало бригаду на отдѣльныя части; то безцѣльно скучивались подъ огнемъ двѣ, три сотни, то произвольно разсыпалась въ цѣпь та часть, которой слѣдовало быть оплотомъ стройнаго, медленнаго отступленія передъ напоромъ, вызванныхъ на себя всѣхъ силъ противника. Предварительная наметка сотенъ, въ усвоеніи наивыгоднѣйшаго строя для взаимной поддержки другъ друга, облегчала возстановленіе порядка подъ огнемъ

*) Болѣе подробный отчетъ о рекогносцировкѣ Ловчи помѣщенъ въ своемъ мѣстѣ.

противника, въ особенности при отражающемъ отступленіи. Если мѣстность не допускала возможности двигаться въ двѣ линіи, то конечно мы вытягивали общую колонну и боковые дозоры были высылаемы отъ четныхъ сотенъ въ одну сторону, отъ нечетныхъ (сотенъ) въ другую.

Движеніе на Осму обошлось безъ всякихъ столкновеній съ непріятелемъ. Черкесы, по разсказамъ жителей, уходили отдѣльными шайками въ нѣсколькихъ часахъ передъ нами, увозя на подводахъ своихъ раненыхъ и убитыхъ во вчерашнемъ дѣлѣ. Изъ всѣхъ случайностей, достойныхъ вниманія на этомъ переходѣ, не лишнимъ будетъ упомянуть о нашей полной зависимости въ Болгаріи отъ степени развитія проводниковъ.

Выше *) уже было сказано, что полковникъ Паренсовъ доставилъ мнѣ возможность нанять болгарина, проводника-переводчика. Онъ много разъ чрезвычайно былъ полезенъ по знанію мѣстности, но никогда не понималъ выраженій: «обойдти селеніе; стать между селеніями» и всего того, что не отвѣчало кратчайшему направленію къ избранному мѣсту.

Посему, вѣрность его показаній могла быть принимаема условно, пока мы не научились понимать другъ друга; но этимъ не устранялись еще недоразумѣнія по собранію свѣдѣній о мостахъ, жителяхъ и о всемъ, что было необходимо для нашихъ чисто военныхъ справокъ. Болгаре не разумѣли нашихъ воззрѣній, мы не понимали ихъ показаній о степени проходимости дорогъ и рѣчекъ. Иной разъ выраженіе: «турка бѣгалъ», было понимаемо въ смыслѣ «турки бѣжали»; а въ словахъ болгарина оно обозначало «турки подоспѣли на помощь». Словомъ сказать, надо было научиться понимать до-балканскій болгарскій языкъ, уступающій чистотѣ славянскаго произношенія въ балканахъ; примѣниться къ степени развитія и даже душевнаго спокойствія лица, передававшаго свѣдѣнія. Посему, въ особенности сначала, намъ трудно было добраться до настоящаго значенія болгарскихъ показаній.

Такъ случилось и на этомъ переходѣ. Испуганные болгаре не разъ сбивали насъ съ толку показаніями о присутствіи въ окрестностяхъ значительныхъ шаекъ баши-бузуковъ, путая при этомъ направленіе нашего движенія. Случалось, что болгаре со слезами объявляли о присутствіи въ двухъ-трехъ верстахъ рѣжущей и поджигающей сотни баши-бузуковъ, для отраженія ея посылалась полу-сотня, а зачастую оказывалось, что далеко не сотня, а просто двое трое бродягъ надѣлали переполоху.

Ко всему этому можно было пріучиться опытомъ только впослѣдствіи; сначала же, мы платились напраснымъ утомленіемъ людей и гонкою лошадей.

Не обошлось и этотъ разъ безъ посылокъ, значительно замедлившихъ

*) Страница 16.

наше прибытіе на Осму, на берега которой мы вступили около полудня, 23-го іюня.

Рѣка Осма, вытекая тремя горными потоками подъ хребтомъ Большаго Балкана, сливается въ одно русло у Трояна и отсюда, въ глубокой узкой расщелинѣ, течетъ на Ловчу. Здѣсь горное ущелье Осмы раздвигается подковой; горы лѣваго берега идутъ къ сѣверо-западу, по направленію на Плевну; горы праваго берега—отходятъ къ сѣверо-востоку. У крутаго ихъ подножія, продолжаетъ свое теченіе Осма, омывая высокіе обрывы праваго берега вплоть до селенія Лѣтницы, до котораго вполнѣ сохраняетъ свойства горнаго, быстраго потока. Отъ Лѣтницы, теченіе ея переходитъ въ болѣе плавное; берега ея выравниваются оставаясь отъ четырехъ до пяти аршинъ въ отвѣсѣ, и въ такомъ видѣ она, направляясь на сѣверъ, пересѣкаетъ Плевно-Рущукскую дорогу у села Булгарени. Тутъ правый берегъ ея постепенно становится круче и она почти подъ прямымъ угломъ, поворачиваетъ на западъ; течетъ въ этомъ направленіи верстъ десять и снова круто отходитъ на сѣверъ, омывая правымъ берегомъ отвѣсные обрывы отъ Мусылеу, вплоть до Никополя *). Десять верстъ западнаго, т. е. средняго теченія Осмы образуютъ роскошную долину, среди которой расположено село Булгарени на лѣвомъ берегу Осмы. Здѣсь берега ея не имѣютъ болѣе трехъ аршинъ въ отвѣсѣ; теченіе плавное, высота воды, въ обыкновенное время не превышаетъ двухъ аршинъ глубины, но послѣ нѣсколькихъ часовъ хорошаго дождя, тихая Осма подипмается до береговъ и обращается въ мутный, всесокрушающій потокъ уничтожающій на нѣсколько сутокъ всякое сообщеніе въ бродъ. Въ виду этихъ свойствъ рѣки, въ Булгарени построенъ прочный каменный мостъ. Узнавъ эти особенности въ Дели-Сули отъ проводника, нельзя было не признать необходимости занятія моста въ Булгарени, и врядъ ли отвѣтственность миновала бы Кавказскую бригаду, если бы черкесы уничтожили его передъ нашими глазами. Уничтожить же его имъ было очень легко и, сколько можно предполагать, они испортили бы его, если бы мы не помѣшали.

Я не смѣю настаивать на моемъ предположеніи, но сужу объ этомъ по натиску довольно сильной партіи черкесовъ на нашу сторожевую сотню, едва занявшую посты по ту сторону моста, при нашемъ вступленіи въ Булгарени. Сторожевая сотня (6-я Кубанская), поддержанная тремя сотнями (1-й, 2-й и 3-й) Кубанскаго полка, взятыми по тревогѣ, опрокинула и преслѣдовала горцевъ, скрывшихся по направленію на Ловчу.

Въ этомъ небольшомъ дѣлѣ особенными молодцами показали себя:

*) Такимъ образомъ, Осма три раза мѣняетъ свое направленіе. Вытекая съ горъ на сѣверъ, она въ среднемъ теченіи поварачиваетъ на западъ въ нижнемъ снова направляется на сѣверъ.

Кубанскаго полка хорунжій Свидинъ и казакъ 6-й сотни Ивановъ, положившіе начало своимъ отличіямъ, которыя они неоднократно выказывали за все время моего пребыванія съ ними. Хорунжій Свидинъ, высокій, статный красавецъ, соединялъ въ себѣ кипучую предпріимчивость съ истинно-военнымъ взглядомъ распорядительнаго, боеваго наѣздника. Казакъ Ивановъ, человѣкъ дерзкой рѣшимости, былъ изъ числа штрафованныхъ и далъ себѣ слово турецкой кровью смыть свое пятно; поэтому не было въ 6-й сотнѣ опаснаго порученія, на которое не вызвался бы Ивановъ, пока, наконецъ, рана не вывела его изъ строя, въ одной изъ рекогносцировокъ Ловчи. Сегодня же, 23-го іюня, онъ, въ молодецкой джигитовкѣ, погнался за тремя черкесами и, въ обоюдной перестрѣлкѣ, на скаку свалилъ одного и ранилъ другаго, ускакавшаго, благодаря помощи поддержавшаго его товарища.

Упрочивъ свой бивуакъ въ Булгарени отбитіемъ черкесовъ, Кавказская бригада освѣтилась ближними разъѣздами, изъ которыхъ одинъ былъ посланъ и въ Овчую-Могилу.

Тамъ должна была быть 35-я пѣхотная дивизія, изъ-подъ вѣдѣнія которой мы выходили 23-го числа *); слѣдовательно, надо было войти въ связь съ конницею передоваго отряда **).

Этотъ разъѣздъ возвратился къ намъ на разсвѣтѣ 24-го числа. Но такъ какъ свѣдѣнія его были за 23-е іюня, то считаю умѣстнымъ закончить ими сегодняшній день, помѣстивъ полученныя мною записки изъ передоваго отряда.

Разъѣздъ нашъ соединился въ Овчей-Могилѣ съ бригадою Герцога Николая Лейхтенбергскаго.

Слѣдовательно, Кавказская бригада могла быть покойна въ томъ отношеніи, что придержалась своихъ свѣдѣній объ отступленіи черкесовъ изъ Дели-Сулы и не направилась на Овчу-Могилу.

Но главная заслуга разъѣзда была въ томъ, что онъ доставилъ записку отъ начальника сводной кавалерійской бригады, извѣщавшую полковника Тутолмина, что сводная «бригада выступаетъ въ восемь часовъ утра на рѣку Руссицу ***), въ деревню Суходолъ (по австрійской картѣ, а также и по картѣ Каница). При первомъ случаѣ сообщите, куда и когда вы идете?».

№ 6 (Герцогъ Николай Лейхтенбергскій).

При этой запискѣ были приложены копіи съ донесеній сводной бри-

---

*) На основаніи росписанія.

**) 9-й корпусъ долженъ былъ переправиться сегодня 23-го числа.

***) Т. е. 24-го числа, потому что бригада прибыла въ Овчу-Могилу 23-го числа въ десять часовъ утра, какъ видно ниже. На русской картѣ, Суходолъ (Сухундолъ по Каницу не обозначенъ).

гады Герцога Николая Лейхтенбергскаго и драгунской Герцога Евгенія Лейхтенбергскаго.

1) Герцогъ Лейхтенбергскій доносилъ по начальству, что «отрядъ прибылъ въ Овчу-Могилу благополучно, непріятеля не видали. Посланъ эскадронъ на Денисухъ *), взводъ на Варени. Всѣ, кто были высланы для развѣдокъ о непріятелѣ, не встрѣтили его. Сегодня высылается большой разъѣздъ на Бутово и Врбовку» (по дорогѣ на Севліево).

Подлинный подписалъ Герцогъ Николай Лейхтенбергскій.

Съ подлиннымъ вѣрно: подполковникъ Сухотинъ.

1877 года, 23-го іюня 10 час. утра.

2) Въ извлеченіи изъ донесенія командира драгунской бригады было сообщено: «Драгунская бригада благополучно дошла до деревни Батакъ, по дорогѣ на Тырновъ, въ которой отобрано у магометанскихъ жителей оружіе, при этомъ было встрѣчено нѣкоторое затрудненіе; а такъ какъ изъ одного дома драгуны были встрѣчены выстрѣлами, то деревня была сожжена, скотъ же былъ отобранъ въ видѣ пени. Разъѣзды впереди никакого затрудненія не встрѣтили».

Итакъ, свѣдѣнія эти показали намъ, что 23-го іюня вся наша передовая конница почти одновременно прибыла на Осму и стала: а) драгунская бригада Герцога Евгенія Лейхтенбергскаго у Батака; б) за нею верстъ десять позади сводная бригада Николая Лейхтенбергскаго; в) на одной высотѣ съ нею, но западнѣе отъ нея верстъ на пятнадцать, Кавказская бригада.

Все пространство передъ нами было связано разъѣздами, а отъ Кавказской бригады они были высланы и на наше правое крыло.

Но, если эти свѣдѣнія удовлетворяли Кавказскую бригаду въ томъ, что она своевременно пришла на Осму и не потеряла связи съ лѣвою колонною, то извѣстіе о выступленіи бригады Герцога Николая Лейхтенбергскаго въ деревню Суходолъ не могло ее радовать. Суходолъ находится въ разстояніи по крайней мѣрѣ тридцати верстъ отъ Булгарени. Слѣдовательно, Кавказской бригадѣ приходилось держать связь на этомъ тридцативерстномъ разстояніи съ передовымъ отрядомъ, освѣщать мѣстность передъ собою и на правомъ крылѣ нашего движенія, т. е. въ сорокаверстномъ промежуткѣ между Плевною и Никополемъ.

Въ заключеніе отчета о дѣйствіяхъ за 23-е іюня, считаю не лишнимъ упомянуть, если не о радушномъ пріемѣ, то о полной увѣренности въ русское могущество, высказанной болгарами, при нашемъ приходѣ въ Булгарени. Село это, населенное болгарами, пострадало за нѣсколько дней до нашего прихода отъ черкесскаго наѣзда, поплатившись двумя или

---

*) На картѣ русской и у Каница не обозначенъ, если только это не Дискутъ, стоящій на разныхъ мѣстахъ на обѣихъ картахъ.

тремя убитыми. Почти безмолвное въ часъ нашего прихода, оно, со священникомъ во главѣ, встрѣтило три Кубанскія сотни, возвращавшіяся на бивуакъ, черезъ Булгаренскій мостъ, послѣ отраженія черкесовъ, появившихся передъ нашею сторожевою сотнею *) и поднесло хлѣбъ-соль.

24-го Іюня.

По приказанію, данному намъ изъ полеваго штаба, мы должны были: оставаясь двадцать-четвертое число на Осмѣ поступить въ распоряженіе начальника 9-го корпуса и только 25-го числа получить отъ него направленіе дальнѣйшаго движенія. Итакъ: до полученія указанія отъ корпуснаго командира, Кавказская бригада не имѣла права предпочесть какое-либо направленіе по собственному своему выбору. Слѣдовательно, ей одинаково было необходимо освѣтить мѣстность, какъ прямо передъ собою на Ловчу, куда стягивались скопища черкесовъ, такъ и на западъ отъ себя, на Плевну, а равно и на длинный промежутокъ до Никополя, въ которомъ было, какъ говорили, отъ десяти до пятнадцати тысячъ низама съ черкесами. Поэтому, въ ожиданіи переправы 9-го корпуса, было приступлено къ освѣщенію окружающей насъ мѣстности, т. е. къ осмотру ее разъѣздами, очищенію отъ непріятельскихъ шаекъ, къ обезоруженію мусульманскаго населенія, къ собранію свѣдѣній о непріятелѣ, о переправахъ и дорогахъ и пріисканію лазутчиковъ. Но, по неимѣнію на послѣдній предметъ достаточныхъ средствъ, потребность въ надежныхъ лазутчикахъ была у насъ ощутительна. Этому важному недостатку помогъ священникъ села Булгарени, указавъ намъ скрывавшагося отъ преслѣдованія турокъ іеродіакона Плевненскаго округа Евфимія Ѳедорова. Это былъ человѣкъ, воспитывавшійся въ Россіи, превосходно говорившій по-русски, хорошо знавшій мѣстность Плевненскаго округа, имѣвшій вліяніе на православныхъ болгаръ и потому подвергнувшійся при началѣ войны преслѣдованію турокъ. Приведенный къ намъ священникомъ села Булгарени, онъ водворился въ нашей бригадѣ включительно до втораго сраженія подъ Плевной и показалъ себя человѣкомъ вполнѣ безкорыстнымъ и преданнымъ нашему дѣлу.

*) Черезъ годъ послѣ этого событія мнѣ пришлось услышать, что это выраженіе болгарскихъ чувствъ было ничто иное, какъ насмѣшливая выходка какого-то шаловливаго офицера Кавказской бригады. Я не слыхалъ отъ казаковъ происхожденія этой затѣи, но въ то время тѣмъ болѣе не представлялъ себѣ возможности посмѣянія надъ событіемъ, вызывающимъ возвышенное душевное настроеніе. Поэтому, находясь съ возвращающимися на бивуакъ сотнями, я остановилъ ихъ передъ облаченнымъ священникомъ и командиръ 1-й кубанской сотни, осѣнивъ себя крестомъ, съ молитвою принялъ хлѣбъ-соль. Примѣру его послѣдовали казаки, снявъ свои папахи, послѣ обычной команды „шапки долой!“.

Всѣ его показанія были сняты, отмѣчены на картѣ и записаны капитаномъ генеральнаго штаба Стромиловымъ *). Показанія его сводились къ тому что большинство селеній мѣшаннаго состава, т. е. каждое изъ нихъ составляло двѣ части: болгарскую и мусульманскую. Къ послѣдней относились турки, черкесы и крымцы. Большинство турокъ и черкесовъ ушло въ горы; все, способное носить оружіе, выступило въ поле и имѣетъ своими главными притонами окрестности Ловчи и Телиша.

Отрядъ черкесовъ, встрѣтившій насъ 22-го іюня въ Дели-Сулы, до того числа имѣлъ свое пребываніе въ Вербинѣ. У него же были собраны, и, на сколько возможно, повѣрены, свѣдѣнія о берегахъ рѣкъ Осмы и Вида.

Объ Осмѣ имъ было сообщено, что она проходима въ бродъ въ тихую воду, но гораздо выше пояса человѣка; переправа по мостамъ существуетъ только въ двухъ мѣстахъ, именно: въ Булгарени и въ нижнемъ теченіи рѣки подъ Никополемъ, у Мысылеу.

По вопросамъ о рѣкѣ Видъ онъ сообщилъ, что мосты чрезъ нее существуютъ тоже въ двухъ мѣстахъ: одинъ въ нижнемъ теченіи у Гилянъ (Бродъ тоже) и въ самой Плевнѣ, у Опанца. О бродахъ показалъ, что съ южной стороны рѣка удобопроходима въ малую воду; о сѣверной ея части не могъ дать свѣдѣній.

По разспросамъ о Плевнѣ, онъ показалъ о присутствіи въ ней до ста пятидесяти человѣкъ низама, сообщивъ затѣмъ, что турецкія регулярныя войска стоятъ лишь въ Виддинѣ, Никополѣ и Софіи. Для полученія дальнѣйшихъ свѣдѣній о непріятелѣ, онъ устроилъ нѣчто въ родѣ почты между Плевною и нами, т. е. распорядился, чтобы свѣдѣнія о туркахъ были передаваемы отъ селенія въ селеніе, вплоть до Булгарени. Одновременно съ собираніемъ этихъ свѣдѣній, было приступлено къ осмотру мѣстности по направленіямъ: отъ Булгарени на сѣверо-западъ черезъ Санадинъ до Дебо **), мимо Порадима на Одерну, Лѣтницу и на связь съ передовымъ отрядомъ черезъ Ортакіой, Варанію, Батакъ; отсюда обратно къ Булгарени, т. е. въ три дня было осмотрѣно и очищено отъ черкесовъ и баши-бузуковъ, послѣ незначительныхъ, но рукопашныхъ и огнестрѣльныхъ схватокъ, до шестисотъ квадратныхъ верстъ. Для облегченія разъѣздовъ ***) вся мѣст-

---

*) Позднѣе, именно въ первыхъ числахъ іюля, я въ одномъ изъ полуоффиціальныхъ писемъ, посланныхъ по службѣ въ Главную квартиру, указывалъ на Евфимія Ѳедорова какъ на человѣка, сообщавшаго намъ, съ подтвердившеюся точностью, первый разъ объ отсутствіи въ Плевнѣ турокъ, второй разъ о прибытіи шести таборовъ съ шестью орудіями, въ третій—о шестидесяти тысячахъ съ 65-ю орудіями. Письмо это сохранилось въ одномъ изъ сборниковъ частныхъ и полуслужебныхъ бумагъ, который вѣроятно современемъ будетъ напечатанъ.

**) Дебо расположено на лѣвомъ берегу Осмы, на русской картѣ показано ошибочно.

***) Направленіе дано по русской картѣ. Всѣ донесенія о службѣ Кавказской бригады до паденія Никополя поданы командирами полковъ: Кубанскаго, отъ 27-го іюня

ность на западъ отъ насъ была предоставлена Кубанскому, а къ югу Владикавказскому полкамъ съ такимъ расчетомъ, чтобы разъѣзды не возвращались по одной и той же дорогѣ, но огибали бы извѣстную площадь. Отъ Кубанскаго полка были отправлены: 1-я сотня есаула Порхоменко на Тренчевицы и Новосело черезъ Сападинъ. Изъ послѣдняго селенія она отбросила партію черкесовъ и преслѣдовала ее верстъ шесть по направленію къ Никополю; обратное свое движеніе исполнила по лѣвую сторону рѣки Осмы. Въ обязанность этой сотнѣ было поставлено не упустить возможности соединиться съ разъѣздами 9-го корпуса, такъ какъ по росписанію, онъ долженъ былъ уже находиться въ переходѣ за нами. Но разъѣзды, выдвинутые отъ нея по направленію къ Систову, не открыли 9-го корпуса.

5-я сотня, сотника Вышеславцева двинулась къ Плевнѣ на Раденицу и Сулейманъ-Дере. Въ первомъ изъ нихъ, сотня была встрѣчена огнемъ жителей изъ засады. Казаки спѣшились, окружили засаду и черезъ переводчика потребовали покорности. Жители, вооруженные турецкимъ правительствомъ частью добровольно, частью силою, были обезоружены и на бивуакъ доставлено тридцать ружей, сорокъ пистолетовъ и двадцать ятагановъ.

Отъ Владикавказскаго полка: 1-я сотня есаула Астахова, пошла на Одерну, Каменку, Ортакіой и Лежанъ. Между захваченными ею плѣнными, приведенъ одинъ изъ предводителей черкесскихъ шаекъ, по имени Нури.

3-я сотня есаула Солнышкина, пошла на Ортакіой, Варанію и Батакъ. Обѣ сотни Владикавказскаго полка доставили на бивуакъ до ста ружей, ятагановъ и пистолетовъ, отобранныхъ у жителей, вооруженныхъ для сопротивленія русскимъ войскамъ.

25-го Іюня.

25-го іюня мы должны были получить направленіе отъ командира 9-го корпуса, но никакихъ извѣстій о приближеніи его не было.

Посему, для непремѣнной связи съ нимъ, хотя бы у Систова, и для наблюденія праваго крыла нашего тыла, отправлена была полусотня 3-й сотни Кубанскаго полка, Сотника Вѣнкова—на Мерховицы, Татары и Якова. Въ этотъ день Мерховицы горѣли, зажженные черкесами, а жители этого селенія, какъ болгаре, такъ и мусульмане, бѣжали изъ него.

Направляясь далѣе къ селу Татары, Вѣнкову удалось соединиться съ сотнею 34-го Донскаго полка, бывшей на рекогносцировкѣ съ командиромъ 9-го корпуса, прибывшимъ съ мѣста переправы.

1877 г. за № 1992; 28-го іюня № 1993; 4-го іюля № 1145. Владикавказскаго полка: отъ 22-го іюня за № 1464; 4-го іюля за № 1400.

Въ этотъ же день, Кубанскаго полка, хорунжій Свидинъ, съ полусотнею 6-й сотни, былъ посланъ въ Санадинъ, гдѣ, по показанію жителей, снова появились черкесскія шайки. Ко времени прибытія Свидина, непріятель уже отступилъ изъ Санадина на Дебо. Но Свидинъ перешелъ Осму въ бродъ, глубиною подъ сѣдло, нагналъ турокъ, порубилъ, сколько могъ, и доставилъ пять человѣкъ плѣнныхъ, нѣсколько ружей, сабель и пистолетовъ. Плѣнные: одинъ офицеръ и четыре рядовыхъ низама, были взятые изъ отряда, вышедшаго изъ Никополя на рекогносцировку, въ промежутокъ между нами и 9-мъ корпусомъ. Сила турецкаго отряда наглядно опредѣлена хорунжимъ Свидинымъ въ два эскадрона кавалеріи и одну роту пѣхоты.

Для окончанія отчета о разъѣздахъ Кавказской бригады, совершенныхъ до прибытія 9-го корпуса, включу въ 25-е число и поискъ, произведенный 2-й сотнею Владикавказскаго полка, 26-го іюня, на Лѣтницу.

2-я сотня Владикавказскаго полка, подъ начальствомъ есаула Пржеленскаго, была двинута въ Лѣтницу (верстъ двадцать-пять къ югу отъ Булгарени). Разъѣздами ея было удостовѣрено, что мусульмане бѣжали изъ большей части селеній въ горы, собравшись тамъ въ вооруженныя скопища; жители же селенія Лѣтницы безпрекословно выдали восемьдесятъ ружей. Позднѣе, всѣ эти скопища угрожали Сельви и усилили оборону Ловчи, по занятіи ее турками; едва отступилъ занимавшій ее отрядъ донскихъ казаковъ, какъ эти шайки раскинули разбои и пожары по ея окрестностямъ, наводя ужасъ на болгарское населеніе.

Однимъ изъ послѣдствій предпринятыхъ нами поисковъ, было успокоеніе и водвореніе болгаръ въ ихъ селеніяхъ, изъ которыхъ они до сей поры бѣжали, при малѣйшемъ слухѣ о появленіи черкесовъ и башибузуковъ. Покидая деревни, они увеличивали смятеніе въ окрестностяхъ и предоставляли свое имущество на добровольное разграбленіе непріятеля. Видя среди себя русскихъ, они покойнѣе оставались въ своихъ селахъ, и мы, на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ, встрѣчали менѣе покинутыхъ селеній, чѣмъ бывало въ послѣдствіи, при нашихъ неудачахъ.

Когда же намъ приходилось показываться на новыхъ мѣстахъ послѣ печальныхъ событій Плевны, то болгаре, не всегда радовались нашему временному приходу; они прямо высказывали свое сожалѣніе объ этомъ, зная, что въ наказаніе за выказанное намъ радушіе, они не будутъ пощажены послѣ нашего ухода.

Въ одинъ изъ дней нашего прибыванія въ Булгарени *), кубанскіе разъѣзды привели на бивуакъ нѣсколько жителей и купцовъ города Плевны. Узнавъ о присутствіи русскихъ въ Булгарени, они пришли съ просьбою послать въ Плевну отрядъ для прочной обороны города, опасаясь

*) 24-го или 25-го числа.

за свои торговые склады. При этомъ единогласно утверждали, что Плевна охраняется слабою ротою низама, находящеюся при госпиталѣ, въ которомъ помѣщались раненые изъ первой бомбардировки Никополя, въ первыхъ числахъ іюня; но что мы могли дать болгарамъ для прочной обороны Плевны?

Крымцы, остававшіеся въ деревняхъ, особенно охотно выдавали оружіе. Если нельзя было быть увѣренными въ томъ, что оружіе ими выдано сполна, то во всякомъ случаѣ его было выдано много и все отобранное количество было передано священнику Булгарени для раздачи болгарамъ. Грабежи баши-бузуковъ пріутихли, нѣкоторые изъ взятыхъ въ плѣнъ, были уличены не только болгарами, но и крымцами, въ разбоѣ и истязаніи болгаръ; сами же крымцы явились усердными слугами по доставкѣ намъ продовольствія. Одинъ изъ нихъ, расторопный и умный парень, ссылаясь на свое знакомство съ черкесами, утверждалъ, что если умѣть взяться за дѣло, то многіе изъ нихъ охотно перейдутъ на сторону русскихъ, и въ доказательство предлагалъ отпустить съ нимъ одного изъ офицеровъ, котораго онъ сведетъ къ черкесскимъ старшинамъ, ручаясь за успѣхъ.

Но такъ какъ порука его заключалась лишь лично въ немъ самомъ и, въ случаѣ обмана или неудачи, могла повести къ большимъ непріятностямъ, то предложеніе его не было принято.

Отдавая намъ оружіе, мусульмане просили выдать имъ, на имя селенія, удостовѣреніе въ томъ, что разъѣзды наши не были встрѣчены враждебно, что оружіе ими выдано, какъ доказательство того, что наличные жители желаютъ мирно оставаться на своихъ мѣстахъ. Справедливость и необходимость удержать жителей на своихъ мѣстахъ, требовали удовлетворенія этой просьбы и посему тѣмъ селеніямъ, въ которыхъ не было оказано сопротивленія, были выданы свидѣтельства.

Переходя къ прерванному отчету о послѣдовательныхъ нашихъ дѣйствій, напомню, что 25-го числа полу-сотня Кубанскаго полка вошла въ связь съ разъѣздомъ 9-го корпуса.

Пока эта связь осуществлялась у селенія Татары, мы, на бивуакѣ у Булгарени, получили разъясненіе причины неприбытія 9-го корпуса.

Разъясненіе это заключалось въ новомъ приказаніи полеваго штаба, присланномъ черезъ штабъ 8-го корпуса съ надписью секретно. Суть его для Кавказской казачьей бригады заключалось въ приказаніи „оставаться на рѣкѣ Осмѣ», а 9-му корпусу предписывалось только сегодня начать переправу черезъ Дунай.

Слѣдовательно, въ силу этого приказанія, наше движеніе впередъ было пріостановлено на двое сутокъ противу первоначальнаго предположенія и 25-го числа *) наши войска должны были занимать:

*) Приказомъ на 25-е іюня по войскамъ дѣйствующей арміи.

Передовой отрядъ—Батакъ; Кавказской казачьей бригадѣ—оставаться на Осмѣ; 35-я пѣхотная дивизія—у Овчей-Могилы, выдвинувъ, если нужно, авангардъ на рѣку Осму для поддержки Кавказской бригады; 8-я кавалерійская дивизія—у Павлы или на Янтрѣ, по распоряженію генералъ-лейтенанта Ванновскаго; 12-й корпусъ—у Павлы; 8-й корпусъ—на своихъ мѣстахъ производитъ работы, которыя продолжаетъ и 26-го іюня; 1-я пѣхотная дивизія—переправляется и идетъ на Царевицу, и 9-й корпусъ—начинаетъ переправу и располагается у Систово, по пути въ Плевну.

И такъ утромъ, 25-го числа, то есть, того дня, въ который Кавказская бригада *) должна была выступить съ рѣки Осмы вмѣстѣ съ 9-мъ корпусомъ, она должна была оставаться на мѣстѣ. Слѣдовательно, она третій день не имѣла между собою и Систовымъ промежуточной части, такъ какъ бывшая за нею 35-я дивизія, 23-го числа перешла въ Овчу-Могилу.

Дѣлаю это замѣчаніе, съ единственною цѣлью обратить вниманіе тѣхъ, которые нерѣдко винятъ конницу въ не желаніи ея удаляться отъ пѣхоты. Сознавая многіе недостатки, рѣзко обозначившіеся у насъ въ минувшую войну, я тѣмъ не менѣе позволяю себѣ не безусловно согласиться съ справедливостью этого обвиненія, и карта лучше всякихъ разсужденій поддержитъ доказательство противнаго. Если конница, какъ говорятъ, не оказалась на высотѣ своего назначенія, то думаю, что это произошло именно оттого, что она, далеко выдвинутая въ слабомъ составѣ, не могла олицетворять собою самостоятельнаго кавалерійскаго отряда, безпрестанно расходуясь на всякаго рода разъѣзды, посылки, летучія почты и тому подобное. Если бы пѣхота имѣла при себѣ собственно къ ней приданную конницу, для ея ближняго охраненія и разъѣздовъ и для непосредственной ея поддержки въ бою, то, вѣроятно, отдѣльные кавалерійскіе отряды сослужили бы большую службу.

Растянутая въ одну линію, наша конница не имѣла за собою той глубины охранительнаго расположенія, которая позволяла бы чередовать сторожевую службу и оттого ряды ея таяли преждевременно; оттого она въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ (какъ напримѣръ, Кавказская бригада и нѣкоторые другіе полки), буквально не покидала передовой цѣпи; а это непрерывное физическое и нравственное напряженіе вызывало утомленіе чрезвычайное. Но при всемъ томъ, полная покорность обязанности и беззавѣтная отвага не оставляли ряды въ самые тяжелые дни нашихъ испытаній.

Итакъ, мы вошли въ связь съ 9-мъ корпусомъ, то есть, выполнили ее въ первый же день его переправы. Повидимому, связь произошла случайно; но въ сущности, съ обѣихъ сторонъ были приняты къ тому мѣры. Кавказская бригада выслала отъ себя полу-сотню Кубанскаго полка, 9-й

*) По первоначальному распредѣленію.

корпусъ, по переходѣ Дуная, отправилъ къ намъ, на Булгарени, сотню 34-го Донскаго полка, съ капитаномъ генеральнаго штаба Куммерау. Получивъ черезъ него приказаніе корпуснаго командира явиться къ нему, я съ капитаномъ Стромиловымъ, въ одиннадцать часовъ вечера 2 -го іюня, прибылъ въ Ореше, гдѣ была расположена Главная квартира 9-го корпуса. Бугскій уланскій полкъ и 9-й Донской казачій составляли кавалерійскую бригаду при 9-мъ корпусѣ. Командующій 9-й кавалерійской дивизіей генералъ-маіоръ Лошкаревъ, находился при этой бригадѣ и Кавказской бригадѣ, по приказанію начальника 9-го корпуса было предписано быть въ его распоряженіи. При генералъ-маіорѣ Лошкаревѣ находился и командиръ 1-й бригады 9-й дивизіи, генералъ-маіоръ Ольдекопъ. Остальные два полка 9-й дивизіи: Казанскій драгунскій и Кіевскій гусарскій вошли въ составъ передоваго отряда.

Генералъ Криденеръ объявилъ намъ, что по приказанію Главнокомандующаго, Кавказская бригада временно причислена къ 9-му корпусу, для усиленія его кавалеріею, но по минованіи надобности будетъ возвращена въ составъ передоваго кавалерійскаго отряда.

Вслѣдъ затѣмъ, намъ было приказано неуклонно держать разъѣзды съ передовымъ отрядомъ, а во всемъ остальномъ руководствоваться приказаніями по 9-му корпусу.

Ближайшія распоряженія Кавказская бригада должна была получать отъ генералъ-маіора Лошкарева, назначеннаго начальникомъ кавалеріи 9-го корпуса.

Выслушавъ докладъ о дѣйствіяхъ Кавказской бригады за прошлыя дни, разсмотрѣвъ отмѣченную капитаномъ Стромиловымъ карту, разспросивъ его о сдѣланныхъ замѣткахъ, корпусный командиръ остановилъ свое вниманіе на Плевнѣ, и я доложилъ ему, что по часъ моего отъѣзда изъ Булгарени, въ Плевнѣ, по собраннымъ извѣстіямъ, не было болѣе 120—150 человѣкъ вооруженныхъ турокъ.

Дальнѣйшія событія подъ Плевной послѣдовали тотчасъ послѣ нашихъ первоначальныхъ успѣховъ,—и внезапностью своей возбудили много ложныхъ слуховъ. Передача отдѣльныхъ личныхъ впечатлѣній, и отсутствіе точныхъ свѣдѣній о послѣдовательномъ ходѣ дѣлъ, перепутали отдѣльныя событія, и исказили истину. Поэтому я позволяю себѣ думать, что буду вправѣ упомянуть здѣсь о соображеніяхъ командира 9-го корпуса, по поводу занятія Плевны на столько, на сколько онѣ касались Кавказской бригады. Занятіе Плевны не ускользало у него изъ виду, такъ какъ можно было опасаться, что при движеніи 9-го корпуса на Никополь, турки могутъ угрожать этому предпріятію, прибывъ изъ подъ Софіи или Виддина. Слѣдовательно, намъ выгодно было занять Плевну. Но 9-му корпусу не изъ чего было отдѣлять такого отряда, который могъ бы отстоять Плевну отъ приступа на нее мало-мальски значительныхъ силъ

непріятеля; а между тѣмъ, ближайшія подкрѣпленія къ нему были у Систова; и лично мнѣ конечно неизвѣстно, на сколько онъ могъ на нихъ разсчитывать *).

Для прочнаго занятія Плевны не стоило и посылать въ нее менѣе одного полка; но надо помнить, что отъ Ореше до Плевны онъ долженъ былъ пройдти почти шестьдесятъ верстъ; выступивъ 26-го числа поутру, онъ могъ быть въ Плевнѣ только 27-го вечеромъ, или 28-го числа утромъ. Плевна же была занята, послѣ полудня 27-го числа шестью таборами турокъ, при шести орудіяхъ и нѣсколькихъ сотенъ черкесовъ. Слѣдовательно, если часть 9-го корпуса двинулась бы на Плевну прямо отъ Систова, то она нашла бы тамъ турокъ, предупредившихъ ее на десять—двѣнадцать часовъ. Но 25-го вечеромъ, Плевна была еще свободна и корпусный командиръ сочувственно отнесся къ выраженной ему просьбѣ придать хоть два баталіона, къ Кавказской казачьей бригадѣ, и ими занять Плевну, такъ какъ одни казаки, конечно, не могли быть достаточной силой для обороны города. Нельзя упускать изъ виду, что Кавказская бригада должна была держать связь съ передовымъ отрядомъ, находившимся подъ Тырновымъ, въ восьмидесяти верстахъ отъ Плевны, и на сорокъ верстъ къ сѣверу между Видомъ и Осмой; поэтому она могла располагать maximum шестью конными сотнями при трехъ фунтовыхъ орудіяхъ; т. е. четырьмя стами человѣкъ пѣшей обороны **), назначенной собственно для защиты города.

Корпусный командиръ совершенно былъ согласенъ съ необходимостью послать хотя два баталіона пѣхоты въ Плевну, и тутъ же былъ сдѣланъ разсчетъ о возможности исполненія этого предположенія. Но оказалось, что по разсчету необходимыхъ силъ для сбора ихъ передъ Никополемъ, въ настоящее время никакая часть не могла быть отдѣлена на Плевну.

Къ вечеру 25-го числа только головныя части 5-й пѣхотной дивизіи подходили къ Ореше ***).

Получивъ дополнительныя приказанія отъ генералъ-лейтенанта Криденера и генералъ-маіора Лошкарева, мы выѣхали изъ Ореше рано утромъ 26-го іюля и въ восемь часовъ утра прибыли къ своей бригадѣ въ Булгарени.

---

*) Примѣръ же Казанлыка и первое занятіе Ловчи, достаточно говорятъ за безполезность занятія какого-либо нужнаго пункта, безъ возможности удержать его за собою при наступленіи непріятеля.

**) Дѣлаю это поясненіе для лицъ не знакомыхъ съ численностью конной бригады; мнѣ лично приходилось слышать сужденія основанныя на предположеніи, что кавалерійская бригада заключаетъ въ себѣ отъ пяти до шести тысячъ человѣкъ, слѣдовательно, представляетъ вполнѣ самостоятельную силу для обороны города.

***) 9-й корпусъ состоялъ изъ 5-й и 31-й пѣхотныхъ дивизій.

IV.

Кавказская бригада въ распоряженіи 9-го корпуса.

26-го Іюня.

Здѣсь мы узнали, что не болѣе часа назадъ, выступила съ бивуака ночевавшая у насъ полу-сотня Донскаго № 30-го полка, (изъ бригады герцога Николая Лейхтенбергскаго); она была выслана разъѣздомъ изъ Батака отъ сводной бригады для связи съ нами, но, миновавъ Булгарени прошла въ Плевну. Слабая рота низама, (сто двадцать человѣкъ) положила передъ ней оружіе, но сотенный командиръ не могъ забрать съ собою сдавшихся въ плѣнъ, въ виду появленія несоразмѣрной съ его силами партіи черкесовъ и пришелъ въ Булгарени въ ночь съ 25-го на 26-е число; переночевавъ у насъ на бивуакѣ онъ вернулся къ своему отряду, выступившему подъ Тырновъ. Замѣчу, что 25-го числа, Тырновъ былъ занятъ отрядомъ генерала Гурко *)

Итакъ разъѣздъ 30-го донскаго полка, подтвердилъ достовѣрность сообщенныхъ намъ свѣдѣній о Плевнѣ.

27-го Іюня.

Послѣ полудня 27-го числа, мы были увѣдомлены безкорыстнымъ безстрашнымъ развѣдчикомъ Евфиміемъ о приближеніи турецкой регулярной пѣхоты къ Плевнѣ; вмѣстѣ съ болгариномъ, доставившимъ это извѣстіе, пришли изъ Плевны жители, успѣвшіе выбраться оттуда заблаговременно. Всѣ они одинаково свидѣтельствовали о приготовленіяхъ къ поголовному бѣгству болгаръ, въ виду появленія турокъ подъ Плевной; но расходились между собою въ показаніяхъ, о направленіи движенія турокъ; по словамъ однихъ, они прибыли изъ подъ Софіи, по словамъ другихъ, изъ подъ Никополя.

По полученіи этихъ извѣстій, отъ кавказской бригады были двинуты къ Плевнѣ двѣ сотни Владикавказскаго полка (первая и вторая) при двухъ орудіяхъ, конногорной батареи подъ начальствомъ подполковника Бибикова. При этомъ было условлено, что если въ скоромъ времени отъ него не будетъ получено благопріятныхъ извѣстій, то это молчаніе принято будетъ за признакъ дѣйствительнаго присутствія турокъ въ Плевнѣ, и въ подкрѣпленіе ему будутъ высланы двѣ сотни осетинъ. Въ то же время отъ Кавказской бригады послано донесеніе, въ штабъ 9-го корпуса о

*) О появленіи черкесовъ передъ разъѣздомъ 30-го Донскаго полка—пишу по разсказу, и за точность его не ручаюсь.

занятіи Плевны турками и объ отправленіи подполковника Бибикова для опредѣленія турецкихъ силъ.

Бибиковъ выступилъ около пяти часовъ пополудни и, слѣдуя по Плевненскому шоссе встрѣтилъ неподалеку отъ селенія Раденицы, новую толпу болгаръ съ находившимся между ними Евфиміемъ. Присутствіе этого послѣдняго было въ высшей степени полезно, такъ какъ его показанія, до сихъ поръ были толковыя. Онъ передалъ Бибикову, что турки вступили въ Плевну изъ подъ Никополя, сего числа въ четыре часа пополудни; а прибывъ къ намъ на разсвѣтѣ, опредѣлилъ мнѣ число ихъ въ шесть таборовъ, шесть орудій и нѣсколько сотенъ черкесовъ.

По полученіи этихъ свѣдѣній было бы безцѣльно продолжать движеніе ночью, и потому, Бибиковъ ночевалъ въ Раденицѣ, чтобы на разсвѣтѣ выступить на Плевну. О ночлегѣ въ Раденицѣ и о полученныхъ свѣдѣніяхъ онъ увѣдомилъ командира полка полковника Левиса слѣдующею запискою, присланной мнѣ командиромъ полка:

«27-го іюня. Подполковникъ Бибиковъ сообщилъ слѣдующее: два священника, выѣхавшіе изъ нашего лагеря въ Плевну и вернувшіеся назадъ, встрѣтили въ Раденицѣ дивизіонъ, объявили, что Келъ-Ассанъ-паша въ четыре часа пополудни съ пѣхотою, кавалеріею и шестью орудіями занялъ Плевну, отступивъ отъ Никополя. Дивизіонъ остался въ Раденицѣ; и съ разсвѣтомъ сдѣлаетъ рекогносцировку къ Плевнѣ, чтобы удостовѣриться въ точности сообщенныхъ свѣдѣній. Жду приказанія.»

Полковникъ Левисъ.

Записка эта была получена поздно вечеромъ 27-го числа и назначенныя на его подкрѣпленіе двѣ сотни осетинъ тотчасъ были двинуты на Раденицу.

28-го Іюня.

Между тѣмъ на 28-е число была предположена, въ штабѣ 9-го корпуса рекогносцировка на Дебо, Слатину и Лозанцу, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лошкарева, въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Главныя силы: 9-й уланскій Бугскій, со 2-й Донской батареею, 20-й Галицкій пѣхотный, со 2-й и 5-й батареями 5-й артиллерійской бригады слѣдуютъ изъ с: Пятикладенцы по большой дорогѣ на Никополь, имѣя въ головѣ отрядъ генералъ-маіора Ольдекопа изъ 9-го уланскаго Бугскаго полка и 2-хъ сотенъ 9-го Донскаго полка, подъ начальствомъ командира полка. Эти части выступаютъ въ десять часовъ утра съ бивуака у с: Пятикладенцы.

2) Двѣ сотни 9-го Донскаго полка, подъ командою войсковаго старшины Смирнова, въ десять же часовъ утра, выступаютъ изъ с. Пятикладенцы черезъ Новосело въ Эски-Новачи на рѣкѣ Осмѣ, гдѣ обязательно

должны войти въ связь съ Кубанскимъ казачьимъ полкомъ и слѣдовать далѣе на Слатину.

3) Остальныя двѣ сотни 9-го Донскаго полка, подъ начальствомъ подполковника Криденера, выступая въ десять часовъ утра, слѣдуютъ черезъ Татаръ-Село въ Яково на Калиново до Лозоицъ.

4) Пѣхота: 20-й Галицкій, 2-я и 5-я батареи 5-й артиллерійской бригады, выступаютъ изъ Пятикладенцы въ десять три четверти часовъ утра и слѣдуютъ за 9-мъ Уланскимъ полкомъ на Никополь.

5) Кубанскій полкъ, Кавказской бригады, выступаетъ съ своего бивуака, съ расчетомъ прибыть въ село Іени-Новаджи въ двѣнадцать часовъ пополудни 28-го іюня и долженъ войти въ связь съ 2-мя сотнями 9-го Донскаго полка.

Конечными мѣстами движенія были назначены: Лозоица, Слатина и для Кубанскаго полка Дебо; войскамъ, идущимъ по правому берегу Осмы приказано сдѣлать привалъ у деревни Эски-Новачи и въ первомъ часу дня продолжать слѣдованіе далѣе. Командиръ отряда обозначилъ свое мѣстопребываніе въ 9-мъ уланскомъ Бугскомъ полку, куда и приказано доставлять донесенія.

Выступленіе назначено безъ обоза, которому приказано собраться въ Пятикладенцахъ, гдѣ и принять изъ интенданскаго транспорта, буде таковой прибудетъ, сухари на пополненіе израсходованныхъ.

Итакъ, на утро 28-го іюня, Кавказкая бригада должна была участвовать въ двухъ рекогносцировкахъ: 4-мя сотнями Владикавказскаго полка у Плевны, и Кубанскимъ полкомъ въ направленіи на Дебо.

Рано утромъ, Кубанскій полкъ выступилъ по назначенію. Около полудня, 28-го числа, мы получили отъ начальника штаба 9-й кавалерійской дивизіи сообщеніе, отправленное 28-го іюня, въ девять часовъ утра, съ бивуака у деревни Пятикладенцы.

«Начальникъ штаба 9-го корпуса передалъ, что командиръ корпуса приказалъ не начинать предположеннаго движенія на городъ Никополь, впредь до приказанія».

Полковникъ Макшеевъ.

Въ силу сего Кубанскій полкъ возвратился на бивуакъ, а генералу Лошкареву было донесено, что отъ подполковника Бибикова не получено еще донесеній изъ подъ Плевны.

Около трехъ часовъ пополудни было получено вторичное сообщеніе отъ генералъ-маіора Лошкарева.

28-го іюня, деревня Пятикладенцы.

«Движеніе авангарда 9-го армейскаго корпуса къ Никополю, пріостановленное на основаніи вашего донесенія объ отступленіи противника къ

Плевнѣ, командиръ корпуса приказалъ продолжать; поэтому ввѣренный мнѣ авангардъ началъ движеніе отъ Пятикладенцы въ часъ пополудни сего 28-го іюня».

Генералъ-маіоръ Лошкаревъ.

Увѣдомленіе это было привезено разъѣздомъ Бугскаго уланскаго полка и съ нимъ же было отправлено къ генералу Лошкареву только что полученное донесеніе Бибикова, о произведенной имъ рекогносцировкѣ. Одновременно съ этимъ, отъ Кубанскаго полка были высланы сильные разъѣзды по дорогѣ на Плевну и западнѣе ея на Турскій-Тростяникъ до лѣваго берега Осмы.

Подполковникъ Бибиковъ доносилъ, что онъ, выступивъ на разсвѣтѣ, и пройдя деревню Гривицу, завязалъ за нею перестрѣлку съ непріятельскою конною цѣпью, которая отступила на Плевну; но вслѣдъ затѣмъ, по дивизіону Владикавказскаго полка, былъ открытъ огонь изъ четырехъ орудій, прикрытыхъ, приблизительно, таборомъ пѣхоты. За этими передовыми силами, виднѣлся лагерь и можно было предположить о существованіи еще двухъ орудій, поставленныхъ скрытно на позиціи у Гривицы.

Высмотрѣвъ, на сколько было возможно, силы противника, опредѣленныя имъ «не менѣе какъ въ четыре тысячи человѣкъ», при четырехъ или шести орудіяхъ и двухъ конныхъ сотняхъ, Бибиковъ, началъ отводить свои сотни изъ подъ выстрѣловъ турецкихъ орудій; но отступалъ медленно, задерживаясь на всякомъ, сколько-нибудь удобномъ закрытіи, дабы не оставить за собою бѣгущихъ изъ Плевны болгаръ. Пропустивъ всѣхъ спасавшихся изъ Плевны за ряды ввѣренныхъ ему сотенъ, Бибиковъ отошелъ на Булгарени. По полученіи этихъ свѣдѣній, изъ Кавказской бригады было отправлено донесеніе въ штабъ 9-го корпуса.

Итакъ, рекогносцировка Владикавказскаго полка, произведенная 28-го іюня, подтвердила занятіе Плевны четырьмя или шестью тысячими турокъ. Авангардъ же 9-го корпуса, продвинувшись въ это время къ Никополю по правому берегу Осмы, дошелъ до села Мерховицы.

29-го Іюня.

На 29-е іюня Кавказская бригада получила, въ числѣ прочихъ войскъ 9-го корпуса, диспозицію, въ которой было предписано:

1) Главнымъ силамъ 9-го корпуса приблизиться къ своему авангарду, находящемуся на правомъ берегу Осмы.

2) Вологодскому полку занять Булгарени, а

3) Кавказской бригадѣ было приказано:

а) Сохранять связь съ передовымъ отрядомъ;

б) Наблюдать за Плевной;

в) Стараться поддержать дѣйствіе отряда генералъ-маіора Лошкарева для перерыва сообщенія Никополя съ Плевною и Виддиномъ *).

г) Устроить конную почту въ Истижорѣ. Послѣднее приказаніе было выражено въ особой запискѣ, присланной отъ корпуснаго командира отъ 29-го іюня.

Полковнику Тутолмину.

«Сегодня прибудутъ въ Булгарени два полка пѣхоты безъ четырехъ ротъ, съ тремя батареями. Хорошо бы узнать, сколько именно войскъ въ Плевнѣ. Весьма желательно, чтобы вы поддержали поискъ генерала Лошкарева на мосты ниже Дебо и къ сторонѣ Виддина. Устройте конную почту въ Истижорѣ, куда и я посылаю казаковъ, посылаю вамъ патроновъ и сухарей».

«Генералъ-лейтенантъ баронъ Криденеръ.»

«Я ѣду въ Пятикладенцы, куда направляйте донесенія въ продолженіи дня».

Итакъ, по отношенію къ Никополю, Кавказская бригада должна была выслать отъ себя значительную часть, чтобы поддержать поискъ генералъ-маіора Лошкарева на мосты у Дебо и къ сторонѣ Виддина, т. е. въ Гиляны (Бродъ).

Предстоящая намъ работа поселила въ насъ тягостныя предчувствія по сознанію трудности ея удачнаго выполненія. Ясно было, что по растянутости нашего расположенія, намъ трудно будетъ во время помочь другъ другу, не только собраться для какого-либо рѣшительнаго предпріятія.

Но обстоятельства и служба требовали отъ насъ возможнаго исполненія и для сего, въ Кавказской бригадѣ было сдѣлано распоряженіе, одною частью бригады дѣйствовать на юго-востокъ отъ Плевны, другою на сѣверо-западѣ отъ нея. Именно:

а) Одна сотня (3-я Владикавказскаго полка) была назначена на разъѣзды въ Тырново, для связи съ передовымъ отрядомъ и потому одна ея полу-сотня тотчасъ же отправлена туда подъ начальствомъ сотника Верещагина; б) другая полу-сотня ея, должна была выступить туда же, въ случаѣ надобности. (Въ виду этого назначенія, она не расходовалась на разъѣзды, оставаясь въ составѣ бригады, въ готовности выступить по направленію на Тырново). Сотнику Верещагину было указано посылать свои донесенія къ намъ черезъ Булгарени въ Турскій-Тростяникъ; в) въ это послѣднее мѣсто, какъ наиболѣе выгодное для наблюденія за Плевной, по средоточію въ немъ путей, идущихъ отъ обоихъ крыльевъ 9-го корпуса, были назначены двѣ сотни Кубанскаго полка; г) одна сотня сборная отъ обоихъ полковъ была оставлена при обозѣ. Смотря по надобности, она могла служить подкрѣпленіемъ на Тырновъ или Тростяникъ; д) остальныя

*) Диспозиція отданная по 9-му армейскому корпусу и Кавказской бригадѣ 28-го іюня 1877 года, село Ореше.

восемь съ половиной сотенъ *) должны были слѣдовать черезъ Тростяникъ на Мечку, для соединенія съ генералъ-маіоромъ Лошкаревымъ, которому предписано было, по диспозиціи на 29-е число іюня, занять переправу на Осмѣ у Мысылеу, а если окажется возможнымъ, то и переправу черезъ Видъ у Гилянъ.

Начало нашего движенія было назначено въ шесть часовъ утра, выступленіемъ на Турскій-Тростяникъ Кубанскаго полка, при двухъ орудіяхъ. Оттуда онъ долженъ былъ возможно далѣе освѣтить мѣстность и если не встрѣтится препятствій, оставить въ Тростяникѣ двѣ сотни, съ остальными слѣдовать на Мечку. Владикавказскій полкъ долженъ былъ выступить вслѣдъ за Кубанскимъ и смотря по обстоятельствамъ, сегодня или завтра дойти до Мечки. Переходъ отъ Булгарени до Мечки верстъ двадцать-пять.

По прибытіи Кубанскаго полка въ Турскій-Тростяникъ, командиръ полка доносилъ, что «ввѣренный ему полкъ прибылъ въ селеніе Турскій-Тростяникъ въ одиннадцать часовъ пополуночи и посланы разъѣзды: 1) въ Вербицу; 2) въ Коюловцы и 3) въ Порадимъ. Остальныя четыре сотни и два орудія выступаютъ въ Мечку, выславъ разъѣзды для связи съ 9-й кавалерійской дивизіей въ селенія Дебо и Новаджи».

Владикавказскій полкъ нагналъ въ Турскомъ-Тростяникѣ Кубанцевъ и вмѣстѣ съ ними выступилъ на Мечку; двѣ сотни Кубанскаго полка (первая есаула Порхоменки и вторая сотника Шишкова) оставлены въ Тростяникѣ подъ начальствомъ маіора Сипягина. 4-я и 5-я сотни Кубанскаго полка (есаула Юрьева и сотника Вышеславцева) подъ начальствомъ войсковаго старшины князя Кирканова назначены были въ авангардъ для непосредственной поддержки генерала Лошкарева.

Къ вечеру 29-го іюня, дѣйствія Кавказской бригады сводились: 1) къ тому, что въ Турскомъ-Тростяникѣ 1-я сотня есаула Порхоменки отбросила отъ Порадима до двухсотъ человѣкъ черкесовъ **); 2) въ

---

*) Здѣсь я считаю нужнымъ оговорить, что сборная сотня была составлена изъ лучшихъ лошадей, дабы по возможности намъ не имѣть задержки въ своемъ движеніи. Поэтому, выступая изъ Булгарени, мы имѣли полное число сотенныхъ значковъ въ каждомъ полку; но сотни выступили по десяти рядовъ во взводѣ, т. е. въ уменьшенномъ количествѣ рядовъ. Говорю это въ виду того поясненія, что ниже придется упоминать о присутствіи подъ рукой шести съ половиной сотенъ; но это число должно означать только валовой итогъ людей, но не число нумерныхъ сотенъ. Выступившія сотни можно было считать круглымъ числомъ по девяносто строевыхъ казаковъ въ каждой, такъ какъ въ ряды ихъ не входили вьюки и состоящее при нихъ необходимое число людей въ родѣ прикрытія, которое конечно не могло принимать участія въ дѣлахъ бригады.

**) Донесеніе 29-го іюня, семь часовъ пополудни, мѣсто отправленія Турскій-Тростяникъ. Въ пять съ половиною часовъ пополудни, разъѣздъ, посланный въ Порадимъ донесъ о присутствіи въ немъ приблизительно двухъ сотенъ горцевъ, видимо намѣревавшихся отрѣзать разъѣздный взводъ. Есаулъ Порхоменко двинулся съ главнымъ карауломъ на выручку и отогналъ непріятеля, у котораго видимой потери четыре лошади. Что

Мечкѣ, сотникъ Вышеславцевъ, высланный съ полусотнею въ разъѣздъ на Мечку обезоружилъ ея жителей; 3) князь Киркановъ, соединивъ обѣ сотни, продвинулся для поддержки отряда генерала Лошкарева, захватилъ турецкій обозъ, испортивъ телеграфъ изъ Плевны въ Никополь и отдѣльными разъѣздами вошелъ въ связь съ 9-ою кавалерійскою дивизіею за Осмою.

Разъѣздъ переправился черезъ рѣку. и возвратился отъ начальника дивизіи съ запискою, помѣченною:

«Авангардъ 9-го корпуса въ Кавказскую бригаду.

«29-го іюня одиннадцать часовъ сорокъ минутъ, бивуакъ у Мерховицы.

«До настоящаго времени въ содѣйствіи не нуждаюсь, тѣмъ болѣе, что за Осмою стоятъ непріятельскія войска, а я Осмы не переходилъ и расположенъ въ виду Никополя.

Генералъ Лошкаревъ.

Итакъ, 29-го іюня, Кавказская бригада, выступивъ изъ Булгарени, боемъ освѣтила площадь отъ Порадима черезъ Вербицу до Дебо, и на основаніи диспозиціи стала одною изъ своихъ частей въ Мечкѣ, для поддержки генерала Лошкарева, другою въ Тростяникѣ для наблюденія за Плевной.

30-го Іюня.

Въ седьмомъ часу утра, изъ штаба 9-го корпуса, расположеннаго въ Ореше, намъ прислана была диспозиція на 30-е число, по которой *) главнымъ силамъ 9-го корпуса приказано было: 1) стянуться правымъ берегомъ Осмы черезъ Новосело къ деревнѣ Новачи. 2) Костромскому пѣхотному полку занять Турскій-Тростяникъ, для наблюденія за Плевной. 3) 1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи (Архангелогородскій полкъ безъ 4-хъ ротъ и Вологодскій пѣхотный полкъ) съ 4-ю батареею 31-й артиллерійской бригады занять Мечку, для наблюденія за путями, ведущими изъ города Никополя въ Плевну. 4) Одному изъ полковъ Кавказской бригады, приказано оказывать содѣйствіе Костромскому полку, другому же, 1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи. 5) Командующему 9-ю кавалерійскою дивизіею, кромѣ возможныхъ рекогносцировокъ ничего не предпринимать въ теченіе 30-го іюня..

Слѣдовательно, Костромской полкъ и 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи, становились на мѣста Кавказской бригады;—она освѣтила ихъ при-

---

касается до потери непріятеля въ людяхъ, то она не могла быть видима вслѣдствіе мѣстныхъ условій. У насъ потери нѣтъ. (Маіоръ Сипягинъ).

* Диспозиція по войскамъ 9-го корпуса и Кавказской бригадѣ 29-го іюня, село Ореше.

бытіемъ наканунѣ и снова получила приказаніе служить имъ между Никополемъ и Плевною.

Оставленныя въ Тростяникѣ двѣ сотни Кубанскаго полка, по соображеніямъ полковаго командира, были замѣнены 3-ю и 4-ю сотнями, подъ начальствомъ князя Кирканова, которому приказано было поступить въ распоряженіе командира Костромскаго пѣхотнаго полка для наблюденія за Плевною. 2) Въ случаѣ надобности, князю Кирканову было разрѣшено воспользоваться сборною сотнею, оставшеюся при обозѣ. 3) Такъ какъ 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи прибывала сегодня въ Мечку, то мнѣ слѣдовало дождаться ея прихода и условиться съ командиромъ бригады о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, а пока продолжать освѣщеніе площади отъ Мечки по направленіямъ на Плевну и Никополь.

Для сего полу-сотня 6-й сотни Кубанскаго полка, подъ начальствомъ хорунжаго Свидина, была отправлена въ село Гиляны на рекогносцировку находившагося тамъ моста, на обратномъ пути донести объ осмотрѣ начальнику 9-й кавалерійской дивизіи, и получить отъ него пропуски и пароли, взамѣнъ окончившихся, выданныхъ изъ Главной квартиры передъ переправой.

Владикавказскому полку было приказано освѣтить все пространство отъ праваго крыла Кубанскихъ сотенъ, стоящихъ въ Тростяникѣ, и продвинуться возможно далѣе къ дорогѣ Плевно-Никополь.

Назначенная для этого 4-я сотня Владикавказскаго полка, въ семь часовъ утра открыла, въ глубокой лощинѣ селенія Куюловцы, человѣкъ четыреста конныхъ черкесовъ. Есаулъ Скоритовскій тотчасъ же послалъ донесеніе на бивуакъ, а самъ, въ ожиданіи подкрѣпленій, завязалъ перестрѣлку.

Но черкесы, видя превосходство своихъ силъ, перешли въ наступленіе, которое Скоритовскій удерживалъ огнемъ спѣшенныхъ казаковъ, отступая шагъ за шагомъ на главныя силы. На поддержку Скоритовскому была выслана 1-я сотня Владикавказскаго полка, подъ начальствомъ есаула Астахова, и вслѣдъ за нею поднялись по тревогѣ остальныя шесть сотенъ, потому что по нѣкоторымъ особенностямъ, можно было предположить непріятеля сильнѣе, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности.

Полковникъ Левисъ двинулъ осетинъ на поддержку двухъ передовыхъ сотенъ и черкесы, завидя приближеніе нашихъ подкрѣпленій, бѣжали. Тогда 1-я и 4-я сотни Владикавказскаго полка бросились ихъ преслѣдовать по направленію къ Плевнѣ и гнали вплоть до лѣса, находящагося за Вербицей, въ которомъ черкесы и укрылись *).

Въ половинѣ этого дѣла подоспѣла на выручку 2-я сотня Кубан-

*) Донесенія полковыхъ командировъ.

скаго полка отъ Турскаго-Тростяника и способствовала преслѣдованію черкесовъ.

Управившись съ черкесами въ юго-западномъ направленіи, мы снова были подняты по тревогѣ въ четыре часа, противъ черкесскаго отряда, появившагося въ сѣверо-западномъ направленіи отъ Бресляницы. Сторожевая сотня Кубанскаго полка, поддержанная 1-й сотнею Владикавказскаго, была двинута для отраженія этой новой шайки силою въ двѣсти человѣкъ, появившихся, повидимому, съ цѣлью захватить пасшійся болгарскій скотъ, но встрѣченная нашими сотнями, она была опрокинута и преслѣдуема.

Главнымъ же успѣхомъ этого дня былъ удачный поискъ хорунжаго Свидина на Гиляны, для осмотра моста на рѣкѣ Видѣ.

Выступивъ, на легкѣ, рано поутру изъ Мечки, онъ къ двѣнадцати часамъ дня былъ уже передъ мостомъ у селенія Гиляны (Бродъ). Убѣдясь въ существованіи деревяннаго на сваяхъ моста и узнавъ отъ жителей о частомъ появленіи черкесовъ и турецкихъ обозовъ идущихъ изъ Никополя, подъ военнымъ прикрытіемъ къ Гилянамъ, хорунжій Свидинъ двинулся далѣе къ Никополю и подошелъ къ высотамъ Шамли. Ловко пробравшись передъ аванпостами расположенными передъ нимъ по направленію на востокъ на Мысылеу, онъ повернулъ къ югу на Дебо, близъ котораго и расположился на отдыхъ. Съ ранняго утра, лошади его были осѣдланы и потому онѣ нуждались въ продолжительномъ отдыхѣ, во время котораго хорунжій Свидинъ отправилъ донесеніе въ Мерховицы, объ осмотрѣ моста въ Гилянахъ. Между тѣмъ, выставленные имъ сторожевые посты извѣстили о приближеніи конной шайки, человѣкъ въ шестьдесятъ, черкесовъ. Быстро поднятая полу-сотня опрокинула и преслѣдовала непріятеля вплоть до Мысылеу.

Одновременно съ появленіемъ хорунжаго Свидина передъ Мысылеу была выслана противъ него сотня турецкой конницы съ бивуака, что виднѣлся по направленію па Шамли, и казаки были встрѣчены оттуда орудійнымъ огнемъ.

Тогда, Свидинъ отступилъ снова на Дебо, гдѣ и дождался отвѣта отъ генералъ-маіора Лошкарева, присланнаго въ запискѣ, отъ 30-го іюня, 7-ми часовъ пополудни, съ бивуака у деревни Мерховицы.

Хорунжему Свидину, въ селеніе Дебо.

«Пароль корпуснымъ штабомъ сообщенъ только до 30-го іюня, а потому пароль, отзывъ и пропускъ на 1-е іюля остаются тѣже, что были 20-го іюня. Передайте командиру Кавказской бригады, что сегодня 30-го іюня изъ деревни Вубе (Убла) *) выбита непріятельская пѣхота, деревня

*) На правомъ берегу Осмы.

Вубе занята теперь 1-мъ баталіономъ Галицкаго полка. Далѣе не двинулись согласно приказанію командира корпуса. Разъѣзды донесли, что на лѣвомъ берегу Осмы, у деревни Мысылеу, турки строятъ ложементы для пѣхоты и на четыре орудія.

«Генералъ-маіоръ Лошкаревъ.»

Получивъ эту записку хорунжій Свидинъ возвратился въ одиннадцать часовъ ночи на бивуакъ подъ Мечку.

Между тѣмъ около трехъ часовъ пополудни, была получена записка начальника 5-й пѣхотной дивизіи:

Отъ 30-го іюня одиннадцати часовъ двадцать минутъ по полудни:

Изъ штаба 5-й дивизіи у села Пятикладенцы *).

Начальнику Кавказской бригады полковнику Тутолмину.

«Для свѣдѣнія сообщаю копію съ записки ко мнѣ генерала Шнитникова, полученной сегодня въ десять часовъ утра. Я со штабомъ 5-й дивизіи слѣдую сегодня съ 19-мъ Костромскимъ полкомъ въ село Турецкій-Тростяникъ».

«Генералъ-лейтенантъ Шильдеръ.»

Въ этой копіи сообщалось:

Начальнику 5-й пѣхотной дивизіи.

«30-го числа іюня мѣсяца восемь часовъ, изъ Ореше, что командиръ корпуса рѣшилъ произвести сегодня всѣ предположенныя передвиженія съ слѣдующими лишь измѣненіями:

«Стрѣлковымъ ротамъ 123-го пѣхотнаго **) полка, съ 1-ю батареею 5-й артиллерійской бригады (вмѣсто 5-й батареи 31-й артиллерійской бригады) идти не черезъ Ново-село въ Новачи, а прямою дорогою въ Мырховицы, въ отрядъ генералъ-маіора Лошкарева, которому объ этомъ и сообщите. Къ Костромскому же полку идущему въ Турецкій-Тростяникъ, присоединить 5-ю батарею 31-й артиллерійской бригады. Саперная рота пойдетъ въ Новачи для устройства моста, куда сегодня переѣзжаетъ и корпусной командиръ. Пошлите объ этомъ извѣстіе полковнику Тутолмину».

Генералъ-маіоръ Шнитниковъ.

Позднимъ вечеромъ 30-го числа подошла къ намъ 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи (17-й Архангелогородскій полкъ и 18-й Вологодскій полкъ генералъ-маіора Кнорринга) и расположилась на бивуакѣ у Мечки.

Итакъ, 30-е число даетъ слѣдующій сводъ дѣйствій Кавказской бригады:

---

*) На правомъ берегу Осмы.

**) Въ подлинникѣ написано 123 Костромскаго полка; вмѣсто 123 Козловскаго полка.

Сборникъ, т. I, о. IV, л. 6.

1) Двукратное пораженіе черкесовъ.

2) Рекогносцировка моста у Гилянъ.

3) Сообщеніе о семъ авангарду 9-го корпуса и въ добавленіе къ этому дню, слѣдуетъ замѣтить, что на мѣста Кавказской бригады прибыли: 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи въ Мечку, а Костромской полкъ въ Тростяникъ.

1-го Іюля.

На 1-е іюля никакихъ приказаній Кавказской бригадѣ не было прислано; слѣдовательно, для нея осталось въ силѣ приказаніе отъ 30-го іюня, по которому она должна была оказывать содѣйствіе Костромскому полку въ Тростяникѣ и 1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи, подъ Мечкой, т. е. на пути изъ Никополя въ Плевну. Изъ числа всѣхъ путей, ограниченныхъ рѣками Осмой и Видомъ было два главныхъ. Одинъ изъ нихъ, который назову среднимъ, шелъ изъ Мечки въ пяти верстахъ западнѣе Дебо, на Мысылеу; другой, выходя изъ Плевны, раздѣлялся у Бресляницы (верстъ десять западнѣе Мечки) на два рукава: первый изъ нихъ велъ на Осму къ Мысылеу, второй выходилъ къ рѣкѣ Виду на Чіековцы, оттуда спускался горами на Градешти, и здѣсь снова подымался въ гору у селенія Шамли.

На основаніи донесеній нашихъ разъѣздовъ, я былъ убѣжденъ, что турки должны предпочитать эту послѣднюю дорогу всѣмъ прочимъ, для сообщенія по ней между Никополемъ и Плевною. Не будучи длиннѣе средняго пути, она по отдаленію отъ насъ и по направленію своему подъ обрывами высокаго побережья Вида, была удобна для турокъ, прикрытыхъ горами.

Разсуждая такимъ образомъ, я считалъ необходимымъ большую часть своихъ силъ приблизить къ рѣкѣ Виду; на средней же дорогѣ, по которой разсчитывала двинуться наша пѣхота, оставлялъ двѣ сотни для освѣщенія 1-й бригады 5-й дивизіи и связи съ нами.

Предположеніе свое о движеніи пѣхоты по средней дорогѣ, я основывалъ на разговорѣ моемъ наканунѣ съ генераломъ Кнорингомъ, который, предполагая быть двинутымъ по ней, высказалъ о необходимости имѣть въ своемъ распоряженіи хотя бы полсотню казаковъ и прислать ихъ по полученіи имъ приказанія о выступленіи.

Теперь я не могу хорошо припомнить, сообщилъ ли мнѣ генералъ Кнорингъ о конечномъ пунктѣ своего движенія; но у меня сохранилась его записка, въ которой сказано:

«Прошу выслать назначенную моему отряду полу-сотню казаковъ; немедленно выступаю по направленію въ Говорени, что передъ Шамли».

«Генералъ-маіоръ Кнорингъ.»

Смыслъ этой записки требовалъ, чтобы сотни казачьей бригады съ одной стороны выдвинулись къ рѣкѣ Виду на лѣвое крыло нашихъ войскъ, а съ другой освѣтили бы дорогу передъ 1-й бригадой 5-й дивизіи на Говорени. Затѣмъ, мы должны были дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ на рѣкѣ Видѣ, и уничтожить мостъ въ Говореняхъ (Градешти), чтобы прервать тамъ сообщеніе турокъ по лѣвому берегу рѣки *).

Но расходъ казаковъ былъ до того великъ, что при всемъ желаніи назначить ихъ въ распоряженіе генерала Кноринга, я просилъ у него позволенія прислать лично въ его распоряженіе только нѣсколько человѣкъ; для освѣщенія же его движенія по средней дорогѣ, назначилъ двѣ сотни подъ начальствомъ подполковника Энгельгардта (6-ю Кубанскую и 2-ю Владикавказскую). Они должны были быстро двинуться на Градешти, уничтожить мостъ и присоединиться къ 1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи, гдѣ бы она не остановилась.

Остальные шесть съ половиною сотенъ съ конногорными орудіями должны были двинуться черезъ Бресляницу на крайнюю, т. е. самую западную дорогу къ Виду.

Утромъ 1-го іюля, кавказскія сотни выступили изъ Мечки, пѣхота готовилась къ подъему. Едва шесть съ половиною сотенъ миновали деревню, какъ разъѣзды дали знать, что отъ Бресляницы показалась партія черкесовъ, и осетины, бывшіе въ авангардѣ, завязали перестрѣлку. Въ это время я былъ потребованъ къ начальнику 5-й дивизіи, только что прибывшему въ Мечку, по которой тянулась наша пѣхота, и требовавшему меня къ себѣ.

Поручивъ старшему по себѣ полковнику Левису заступить мое мѣсто, я явился къ генералу Шильдеру, въѣзжавшему въ селеніе и доложилъ ему о взятомъ мною направленіи, о сдѣланномъ распоряженіи уничтожить мостъ и о томъ, что начинается дѣло по направленію къ Бресляницѣ. Одобривъ первоначальныя распоряженія, генералъ выѣхалъ на высоту за Мечкой, откуда ясно было видно завязавшееся дѣло.

Человѣкъ пятьсотъ конныхъ черкесовъ засѣли было въ балкѣ, намѣреваясь отрѣзать нашу авангардную сотню; но угрожаемые обходомъ первой Владикавказской сотни, выдвинутой съ нашего праваго крыла, они бросили балку и вытянулись передъ нашимъ фронтомъ.

Съ высоты, на которой стоялъ генералъ было видно, какъ вся черкесская туча принимала юго-западное направленіе, отходя на Плевну...

Видя это движеніе, начальникъ дивизіи указалъ мнѣ на него со словами: «они отступаютъ».

---

*) Говорени означена на картѣ Каница и отвѣчаетъ селу „Градешти" на русской картѣ Артамонова. На австрійской картѣ подъ этими именами показаны два селенія, но въ дѣйствительности существуетъ одно.

— Они насъ заманиваютъ ваше превосходительство, отвѣтилъ я: «Ихъ цѣль—отвлечь насъ отъ нашего движенія. Догнать себя они не дадутъ, у нихъ нѣтъ ни одного мѣшка на лошади; боя они не примутъ; но какъ только мы ихъ бросимъ, они снова станутъ джигитовать передъ нами».

Поэтому, я просилъ позволенія отогнать ихъ какъ можно дальше и затѣмъ на сегодня ограничиться выборомъ удобнаго ночлега, съ котораго можно было бы дѣйствовать какъ въ сторону Плевны такъ и Никополя.

При этомъ, я позволилъ себѣ предложить генералу присоединить къ намъ баталіонъ пѣхоты, въ виду того, что путь по Виду идетъ черезъ селенія, которыя могутъ быть заняты турками, и мы, можетъ быть, будемъ поставлены въ необходимость выбивать ихъ оттуда, что врядъ ли обойдется дешево, по неимѣнію у насъ штыковъ. Предложеніе свое я основывалъ на томъ, что 1-я бригада 5-й дивизіи вмѣсто движенія на Говорени (Градешти), только что получила направленіе на Осму, въ село Дебо, т. е. уходила отъ насъ на востокъ; между тѣмъ, по диспозиціи ей также, какъ и намъ, приказано быть на путяхъ изъ Плевны въ Никополь (диспозиція на 30-е іюня), и наступленіе на Никополь потребуетъ, по всему вѣроятію части войскъ на дорогу, къ рѣкѣ Виду, для овладѣнія батареями у Шамли. Слѣдовательно, отдѣленіе небольшой части пѣхоты не составитъ напраснаго движенія, но дастъ намъ возможность смѣлѣе и шире раскинуться въ своихъ разъѣздахъ. Но эта, быть можетъ неосновательная, просьба не согласовалась съ предположеніями начальника дивизіи и намъ приказано было преслѣдовать горцевъ; 1-я бригада 5-й дивизіи была направлена на Дебо.

По отбытіи генерала къ 1-й бригадѣ 5-й дивизіи, всѣ шесть съ половиною сотенъ Кавказской бригады перешли въ наступленіе противъ черкесовъ и Владикавказцы, бывшіе въ первой линіи насѣдали на нихъ неотступно. Но сегодня, какъ и прежде, черкесы не сходились близко; они издалека открывали огонь, занимали глубокія балки, которыми изрѣзана вся площадь около Бресляницы и при первыхъ шагахъ, обнаруживавшихъ рѣшительное движеніе съ нашей стороны, онъ разсыпались и ускакивали во весь опоръ.

Ясно, что это была превосходная сторожевая конница, не обремененная вьюками, ни въ чемъ не нуждавшаяся, ибо вездѣ хозяйничала какъ дома; опираясь на Плевну, занятую шестью таборами турецкой пѣхоты, черкесы были свободны и легки въ своихъ наѣздахъ, имѣя цѣлью не города занимать, а тревожить своимъ появленіемъ русскія войска. Слѣдовательно, намъ оставалось только бить ихъ тѣмъ же оружіемъ, т. е. не давать имъ установиться и, отогнавъ какъ можно дальше, самимъ поспѣвать на высоту нашихъ колоннъ. Преслѣдованіе черкесовъ, отступавшихъ на Плевну, велось, какъ сказано, настойчиво, но и черкесы дразнили насъ упорно. Ежедневное соприкосновеніе съ ними видимо убѣдило каза-

ковъ въ сравнительной безполезности стрѣльбы съ коня, и потому, при всякой возможности, казаки охотно спѣшивались, засѣвъ по пяти-шести человѣкъ за отдѣльными закрытіями и тѣмъ наносили значительную убыль противнику.

Осязательными тому доказательствами служили тѣла, правда, рѣдко, но все-таки оставляемыя черкесами на мѣстахъ нашего боя.

Эти случайности, нарушавшія коренной черкесскій обычай, свидѣтельствовали о степени поспѣшнаго ихъ отступленія передъ натискомъ казаковъ.

Такъ, въ сегодняшнемъ бою подъ Бресляницею, помню оставленнаго въ полѣ величаваго старика съ длинною сѣдою бородою, про котораго говорили: «старый джигитъ»; и осетины съ какимъ-то благоговѣніемъ осматривали его газыри изъ оленьей кости, сдѣланныя, по ихъ словамъ по старинному кавказскому образцу. Отогнавъ черкесовъ, мы возвратились въ Бресляницу, порядкомъ измучивъ лошадей и вступили въ нее далеко за полдень.

Въ Бресляницѣ мы застали свѣжіе слѣды утренняго черкесскаго набѣга. Оказалось, что они побывали здѣсь передъ встрѣчей съ нами, забрали что могли и зарѣзали нѣсколькихъ болгаръ. Какъ теперь вижу двухъ изъ нихъ окровавленныхъ, безоружныхъ, лежавшихъ въ какомъ-то согбенномъ положеніи, ясно указывавшемъ на мольбу о пощадѣ; надо было зарыть тѣла, но жители разбѣжались и только подъ вечеръ вернулось нѣсколько человѣкъ, которые помогли казакамъ похоронить убитыхъ.

Въ этотъ день, точно также какъ и въ предшествовавшіе дни, нами не была забыта связь съ войсками, стоящими по ту сторону Осмы, и потому, одновременно были посланы донесенія съ разъѣздами Владикавказскаго полка корпусному командиру и начальнику 9-й кавалерійской дивизіи. Отъ послѣдняго была получена записка:

Отъ 1-го іюля, пять часовъ сорокъ пять минутъ, съ бивуака у Мерховицы.

«Полковнику Тутолмину. Записка ваша получена, у насъ новаго ничего нѣтъ; пароли при семъ прилагаются.

Генералъ-майоръ Лошкаревъ.»

Въ заключеніе о дѣйствіяхъ 1-го іюля разскажу объ уничтоженіи Гилянскаго моста, по донесенію, полученному рано утромъ 2-го іюля. Подполковникъ Энгельгардтъ доносилъ:

«Полковнику Тутолмину. Мостъ сожгли, новый телеграфъ уничтожили; при перестрѣлкѣ съ нашей стороны потери не было. У непріятеля отбитъ обозъ, взято двое въ плѣнъ. О числѣ убитыхъ и раненыхъ у нихъ намъ неизвѣстно».

«Подполковникъ Энгельгардтъ. 2-е іюля, бивуакъ у Дебо».

Слѣдовательно, 1-е іюля было закончено уничтоженіемъ моста въ Гилянахъ, и двѣ кавказскія сотни стали на бивуакѣ въ Дебо, съ 1-ю бригадой 5-й пѣхотной дивизіи. Подробности о сожженіи моста мы узнали 2-го числа вечеромъ, когда соединились съ этими двумя сотнями; но для законченности разсказа приведу ихъ здѣсь, насколько помню, прося участниковъ извинить меня, ежели кое что позабылъ, а потому и передамъ не точно.

Подполковникъ Энгельгардтъ, по указанію хорунжаго Свидина, шелъ среднею дорогою изъ Мечки на Градешти. Небольшая партія черкесовъ, въ разсыпную сновала передъ нимъ по всему протяженію пути. Не желая обнаруживать цѣли своего движенія, Энгельгардтъ ровно подавался впередъ вплоть до Градешти. Отсюда онъ хотѣлъ быстро ударить на черкесовъ, отогнать ихъ прямо передъ собою на Шамли, и въ то же время, съ необходимымъ числомъ казаковъ, повернуть на Гиляны и взорвать мостъ. Отъ Градешти до Гилянъ версты двѣ. Съ этою цѣлью, взявъ съ собою хорунжаго Свидина *) и взводъ Владикавказской сотни хорунжаго Тимоѳеева, онъ рысью двинулся къ Гилянамъ, а есаулу Пржеленскому съ остальными семью взводами поручилъ отогнать черкесовъ. Замѣчу, что противоположный конецъ моста упирается въ селеніе Бродъ (Гиляны), расположенное на лѣвомъ берегу рѣки. По прибытіи на мостъ, казаки были встрѣчены ружейнымъ огнемъ изъ селенія, чрезъ которое не болѣе полчаса какъ прошелъ обозъ, выступившій изъ Никополя. Ружейный огонь былъ открытъ отсталыми изъ его прикрытія. Тѣмъ не менѣе, Свидинъ лично поджегъ динамитъ, но взрывомъ патроновъ мостъ не былъ достаточно разрушенъ **)

Тогда, во избѣжаніе новой неудачи, разломали настилку, подрубили нѣсколько свай, натаскали сухаго кустарника, оказавшагося подъ рукой, и зажгли его. Все это вспыхнуло; турки же, открывшіе огонь изъ селенія, бѣжали при взрывѣ динамита и мостъ былъ сожженъ. На уничтоженіе моста было употреблено часа два времени. Между тѣмъ есаулъ Пржеленскій, быстро ударивъ на черкесовъ, погналъ ихъ передъ собою и въ то же время увидѣлъ подъ горою, спустившійся уже съ Шамли небольшой обозъ съ слабымъ прикрытіемъ. Черкесы бѣжали, а налетѣть на обозъ было дѣломъ одной минуты. Часть прикрытія была изрублена, двое взяты въ плѣнъ и черкесы преслѣдуемы на крутости Шамли. Здѣсь преслѣдованіе было остановлено въ виду непріятельскаго лагеря, такъ какъ дальнѣйшее движеніе впередъ становилось безцѣльнымъ и невозможнымъ.

*) Хорунжій Свидинъ завѣдывалъ оружіемъ Кубанскаго полка и на его рукахъ были всѣ патроны, какъ боевые, такъ и динамитные; ему лучше чѣмъ другимъ было знакомо обращеніе съ динамитомъ.

**) Заложено было три кавалерійскихъ патрона, т. е. каждый въ четверть фута.

Есаулъ Пржеленскій возвратился съ двумя взятыми плѣнными и присоединился у Градешти къ подполковнику Энгельгардту.

Затѣмъ обѣ сотни подполковника Энгельгардта вмѣстѣ съ обозомъ и плѣнными направились на Дебо, по прибытіи въ которое присоединились къ бивуаку 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи.

Итакъ, вечеромъ 1-го іюля войска нашего отряда занимали слѣдующее расположеніе:

Названіе частей.	Мѣсто расположенія.
	По лѣвую сторону Осмы.
$6^1/_2$ сотенъ Кавказской бригады.	Въ Бресляницѣ.
1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи и 2 кавказскихъ сотни . . .	Въ Дебо.
Костромской полкъ и 2 кавказскія сотни.	Въ Турскомъ-Тростяникѣ.
	По правую сторону Осмы.
Авангардъ 9-го корпуса.	Въ Мерховицѣ.
Главныя силы 9-го корпуса. . .	Въ Новачи.
Обозъ при одной сотнѣ Кавказской бригады	Въ Болгарени.

V.

Бой подъ с. Градешти.

2-го Іюля.

Въ восемь часовъ утра намъ была прислана диспозиція на 2-е іюля съ приложенной къ ней запиской начальника 5-й дивизіи, отъ «2-го іюля шесть часовъ пополуночи, изъ штаба 5-й дивизіи у селенія Дебо. Командиру Кавказской сводной бригады. Прилагая при семъ диспозицію корпуса на 2-е іюля увѣдомляю, что она можетъ быть отложена до завтра и вы получите отъ меня дополнительную диспозицію тотчасъ по полученіи отвѣта изъ корпуснаго штаба на посланное мною донесеніе. Генералъ-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ».

Въ присланной диспозиціи *) было приказано: 1) отряду генералъ-лейтенанта Шильдера (1-й бригадѣ 5-й дивизіи при трехъ батареяхъ, Кавказской бригадѣ и уланскому Бугскому полку **) овладѣть непріятельскими позиціями и батареями въ низовьяхъ Осмы и Вида, и черезъ мостъ у Мысылесу войти въ связь съ генералъ-маіоромъ Лошкаревымъ; 2) это движеніе должно прикрываться со стороны Плевны Кавказской бригадой; 3) по овладѣніи батареями предписывалось стать фронтомъ къ рѣкѣ Осмѣ, и 4) выставить сильный наблюдательный отрядъ къ дорогѣ, ведущей изъ Рахова; 5) обозу третьяго разряда и части батарейнаго находиться въ Дебо подъ прикрытіемъ сотни Кавказской бригады.

Слѣдовательно, по смыслу этой диспозиціи главное наблюденіе за дорогой изъ Плевны возлагалось на Кавказскую бригаду. Посему, независимо отъ измѣненія диспозиціи ***) на 2-е іюля намъ слѣдовало стать въ такомъ мѣстѣ, откуда удобнѣе было бы наблюдать за Плевной и Никополемъ. Такимъ мѣстомъ было селеніе Градешти, потому что въ немъ сосредоточиваются пути на Плевну, Никополь и Дебо, а главное, черезъ него шла дорога на Гиляны въ Рахово. Слѣдовательно, на основаніи диспозиціи, тутъ долженъ былъ стоять с и л ь н ы й н а б л ю д а т е л ь н ы й о т р я д ъ. Посему, *всѣ шесть съ половиной сотенъ* Кавказской бригады съ горными орудіями выступили на Градешти утромъ 2-го іюля.

Дорога изъ Бресляницы на Градешти идетъ глубокимъ ущельемъ на Чіековцы; выходя изъ его устья, она лѣпится у подножія горъ, которыя въ дѣйствительности подходятъ къ ней ближе, чѣмъ то показано на десяти-верстной картѣ; обрывы этихъ горъ становятся выше и круче по мѣрѣ приближенія къ Градешти.

Само селеніе Градешти прилѣпилось восточной стороною къ подножію почти отвѣсныхъ утесовъ, а съ западной, раскинулось на широкой топкой равнинѣ рѣки Вида, въ разстояніи двухъ верстъ отъ праваго его берега. По образцу всѣхъ турецко-болгарскихъ селеній, каждый дворъ Градешти (а всѣхъ ихъ было до двухсотъ пятидесяти) обнесенъ высокимъ валомъ съ колючимъ кустарникомъ и глубокою узкою канавой. Эта внѣшняя ограда каждаго отдѣльнаго двора, способствовала упорной оборонѣ, укрывая противника засѣвшаго за нею; скрываясь за наружною оградою, онъ находилъ еще себѣ убѣжище въ садахъ и за стогами хлѣба.

Не доходя двухъ верстъ до селенія, разъѣздъ авангардной сотни (1-ая Кубанскаго полка) увѣдомилъ насъ о присутствіи въ немъ турецкой пѣхоты и о движеніи обоза, идущаго отъ Шамли по равнинѣ между

---

*) Диспозиція по войскамъ 9-го корпуса и Кавказской бригадѣ отъ 1-го іюля 1877 г. Бивуакъ при деревнѣ Новачи.

**) 2-го іюля переведенному съ праваго на лѣвый берегъ Осмы.

***) Котораго, скажу между прочимъ, мы не получили, хотя предписанное овладѣніе непріятельскими позиціями было отложено, какъ мы узнали уже вечеромъ.

Видомъ и Градешти. Полусотня 2-й сотни Кубанскаго полка тотчасъ была назначена для овладѣнія обозомъ *), а авангардная сотня, скрытно подведенная къ селенію, была остановлена въ разстояніи отъ него ружейнаго выстрѣла, спѣшена и разсыпана по скатамъ горъ, на пути нашего наступленія. При осмотрѣ селенія оказалось, что вся обращенная къ намъ опушка его была занята стрѣлками.

По дорогѣ, внутри селенія, сновали одиночные люди, какъ бы исполняя приказанія, а съ высотъ Шамли подбѣгали еще человѣкъ двѣсти пѣхоты; изъ окраины его, обращенной въ нашу сторону, отдѣлилось нѣсколько стрѣлковъ, которые залегли въ ямахъ передъ селеніемъ, воспользовавшись этимъ выгоднымъ для нихъ закрытіемъ.

Можно было ручаться за триста человѣкъ низама, засѣвшихъ въ деревнѣ. Слѣдовательно, узелъ дорогъ, къ которому мы стремились, оказался занятымъ непріятелемъ. При видѣ Градешти, занятаго турками трудно было угадать причину ихъ пребыванія въ немъ. Можетъ быть они проходили изъ Никополя въ Плевну, можетъ быть, узнавъ объ уничтоженіи моста на Видѣ, они пришли въ Градешти съ цѣлью исправить его.

Имѣя обязанность препятствовать сообщенію турокъ между Никополемъ и Плевною, мы должны были отбросить ихъ въ томъ случаѣ, если бы они двинулись на Плевну, или отрѣзать имъ путь отступленія на Никополь; но во всякомъ случаѣ препятствовать исправленію уничтоженнаго вчера моста и, при возможности, выбить ихъ изъ селенія.

Посему, полковнику Левису, съ четырьмя сотнями и батареею, поручено было обойти селеніе съ восточной стороны и открыть орудійный огонь по лѣвому крылу и тылу турокъ. 1-я, 2-я и 5-я Кубанскія сотни, подъ начальствомъ подполковника Кухаренко, были оставлены противъ входа въ селеніе на пути нашего наступленія, съ тѣмъ, чтобы встрѣтить турокъ въ случаѣ ихъ движенія на Плевну. 1-я и 2-я сотни, подъ непосредственнымъ начальствомъ маіора Сипягина, расположились: 1-я по дорогѣ передъ выходомъ изъ селенія, 2-я уступомъ передъ нею, но гораздо правѣе, по скатамъ горъ; крайнія пары ея связывались съ сотнями Владикавказскаго полка, обходившими селеніе съ восточной стороны. 5-я сотня Кубанскаго полка расположилась лѣвѣе 1-й и залегла въ канавѣ, противъ югозападнаго угла Градешти. 1-й и 5-й Кубанскимъ сотнямъ было приказано вести ружейную перестрѣлку, пока не представится возможности по успѣху орудійнаго огня спуститься съ горъ 2-й сотнѣ Кубанскаго полка. Тогда всѣ три сотни должны были ворваться въ селеніе.

---

*) Обозъ оказался опорожненными болгарскими повозками, возвращавшимися изъ Никополя по доставленіи туда продовольствія. Тѣмъ не менѣе онъ былъ задержанъ до окончанія боя и часть его взята подъ убитыхъ и раненыхъ по неимѣнію у насъ собственнаго обоза.

Поручивъ подполковнику Кухаренкѣ выполненіе отданныхъ приказаній, я поспѣшилъ на неизвѣстную еще мнѣ восточную сторону селенія, такъ какъ оттуда опредѣлялся главный ходъ боя.

Прибывъ къ полковнику Левису, я нашелъ его только что окончившимъ свои распоряженія. Занявъ гребень высотъ надъ Градешти, онъ выдвинулъ на него четыре орудія, подъ прикрытіемъ двухъ сотенъ казаковъ и треть изъ нихъ разсыпалъ въ цѣпь по гребню горъ. Полторы сотни и два орудія оставлены въ резервѣ. Къ сторонѣ Плевны и къ Шамли были высланы разъѣзды.

Удачная постановка четырехъ орудій, помѣщенныхъ двумя отдѣльными взводами надъ восточной окраиной Градешти, способствовала мѣткости артиллерійскаго огня; но турецкія пули ложились между прислугою; отодвинуть же орудія отъ гребня не было возможности, потому что Градешти лежало у крутыхъ обрывовъ подъ нашими ногами; снять ихъ хотя бы на нѣсколько шаговъ назадъ значило бы скрыть отъ нихъ предметъ поражаемости. Но не взирая на частый огонь противника, прислуга батареи хладнокровно исполняла свое дѣло. Со втораго выстрѣла вѣрно было опредѣлено растояніе въ триста саженъ и ни одинъ снарядъ не пропалъ даромъ.

Здѣсь была первая проба конно-горной батареи, которая, въ полномъ смыслѣ слова, отличилась мѣткостью своихъ выстрѣловъ *). На первыхъ порахъ можно было предполагать, что турки не выдержатъ этого огня; но мы ошиблись. Прекрасно укрытые за валами и строеніями, размѣщенные на просторной линіи огня, они мало терпѣли отъ разрыва гранатъ; нужно было употребить много времени и снарядовъ, чтобы засыпать ихъ гранатами, которыя, за неимѣніемъ вблизи запаснаго парка **), мы должны были сберегать до крайности. Между тѣмъ турецкія подкрѣпленія стояли въ пяти верстахъ отъ насъ, на высотѣ Шамли, и ежеминутно могли подойти на выручку своихъ къ Градешти. Предполагая, на основаніи этихъ соображеній, что дѣло можетъ затянуться и Градешти придется уступить туркамъ, вопреки приказанію препятствовать ихъ сообщеніямъ по рѣкѣ Виду, я въ одиннадцать часовъ утра отправилъ донесеніе начальнику 5-й дивизіи въ Дебо о началѣ нашего боя съ турецкою пѣхотою, засѣвшею въ селеніи; и просилъ его поддержать насъ, такъ какъ мы можемъ ввязаться въ бой съ превосходными силами непріятеля. Овладѣвъ же селеніемъ, мы могли засѣсть въ немъ и держаться въ виду скораго прибытія пѣхоты,

*) Разумѣется, дальность боя не была удѣломъ трехъ-фунтоваго орудія.

**) Сформированное для бывшей Кавказской дивизіи парковое отдѣленіе находилось при передовомъ отрядѣ, а снабжавшій насъ зарядами и патронами паркъ 9-го корпуса былъ за Осмой, близъ села Ореше. Слѣдовательно, посылка за ними требовала двухъ дней, къ тому же мы шли безъ обоза; зарядныхъ ящиковъ въ казачьихъ полкахъ не имѣется и все количество патроновъ было на сѣдлѣ.

на которую я разсчитывалъ на основаніи диспозиціи 2-го іюля предписывавщей «овладѣть непріятельскими позиціями и батареями въ низовьяхъ Осмы и Вида».

Мало по малу, огонь нашихъ орудій становился дѣйствительнѣе въ томъ отношеніи, что селеніе вспыхнуло въ двухъ мѣстахъ; расположенные въ загорѣвшихся дворахъ, турки бросились тушить охватившее ихъ пламя и я, считая время благопріятнымъ для приступа, приказалъ 2-й сотнѣ Кубанскаго полка спуститься по ущелью, присоединиться къ первой Кубанской сотнѣ и вмѣстѣ съ нею занять юговосточную окраину деревни. 5-я сотня должна была ударить на юго-западный уголъ деревни, отъ лѣваго фланга 1-й сотни. 2-я сотня быстро ворвалась въ передніе дворы юго-восточной окраины, но успѣхъ ея совершенно неожиданно растянулъ наши силы. Выбитые ею турки бѣжали въ діагонально противоположный, сѣверо-западный уголъ деревни и тѣмъ потянули за собою увлекшихся казаковъ. Отъ этой случайности дѣло принимало неблагопріятный оборотъ. 2-я сотня могла попасть подъ выстрѣлы 1-й Кубанской сотни, и пробѣгая по направленію орудійнаго огня, она понудила, изъ боязни положить своихъ, пріостановить огонь нашихъ орудій.

Но скоро огонь ихъ снова былъ открытъ, черезъ головы казаковъ, предупрежденныхъ о безопасности для нихъ этого рода стрѣльбы. Тѣмъ не менѣе, турки воспользовались этою пріостановкою; засѣвъ въ сѣверозападномъ углу деревни, они упорно оборонялись въ немъ, открывъ усиленную пальбу по двумъ нашимъ орудіямъ, поражавшихъ ихъ въ этомъ направленіи.

Тогда пришлось подкрѣпить 2-ю сотню Кубанскаго полка и выбить турокъ изъ этого конца деревни. Расположенная на горахъ, 4-я сотня Владикавказскаго полка, была назначена поддержать 2-ю Кубанскую сотню, которая, съ помощью ея, снова выбила турокъ изъ заваловъ; но, выбиваемые казаками изъ дворовъ, они бросались въ разныя стороны и наши невольно разбивались, по нѣскольку человѣкъ, на отдѣльныя схватки, ослаблявшія рѣшительное нападеніе.

Наконецъ, послѣ нѣкотораго промежутка времени, удалось собрать 2-ю и 4-ю сотни и, вновь сплоченныя, онѣ дружно погнали турокъ по западной сторонѣ селенія; но туркамъ снова удалось засѣсть въ одномъ изъ болѣе обширныхъ и укрытыхъ дворовъ Градешти.

Тѣмъ не менѣе, мало по малу всѣ четыре сотни, находившіяся въ селеніи, соединились и усилили свой натискъ.

Въ описываемый часъ, непріятель упорно держался въ юго-западномъ углу селенія, противъ 1-й и 5-й сотенъ Кубанскаго полка. Имъ обѣимъ, но въ особенности 5-й, особенно трудно было ворваться въ деревню, такъ какъ имъ пришлось перебѣгать по совершенно открытой полянѣ. Счастливая случайность, которою воспользовался командиръ 1-й

сотни есаулъ Порхоменко, нѣсколько помогла ему въ первой перебѣжкѣ и я упомяну о ней, какъ объ удачномъ примѣненіи къ совершенно своеобразному и неожиданному прикрытію. Расположенная передъ входомъ въ деревню, 1-я сотня лежала уступомъ за 2-ю, въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ ограды. Въ то время, когда 2-я сотня спускалась по ущелью въ Градешти, маіоръ Сипягинъ, начальствовавшій 1-ю и 2-ю сотнями, оставивъ небольшой резервъ, началъ, подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, подвигать впередъ цѣпь 1-й сотни. Движеніе это, по открытой мѣстности, не должно было обойтись безъ потерь; но въ это время отъ 2-й сотни по направленію къ 1-й, выскочило, вспуганное выстрѣлами и появившимися въ ущельи казаками, стадо буйволовъ.

Есаулъ Порхоменко мгновенно поднялъ казаковъ, завернулъ стадо на деревню и подъ его прикрытіемъ 1-я сотня выиграла болѣе половины пространства, отдѣлявшаго ее отъ деревни. Турецкіе стрѣлки бѣжали изъ занятыхъ ими ямъ передъ деревней и 1-я сотня овладѣла ими. Въ это время, 2-я сотня ворвалась уже въ юго-восточную ограду и вслѣдъ за нею 1-я сотня бросилась на завалы съ своей стороны. Турки, какъ было сказано, въ бѣгствѣ своемъ увлекли 2-ю сотню, другая ихъ часть отбѣжала въ юго-западные дворы и засѣла въ нихъ передъ 1-й сотней. 5-я сотня, расположенная лѣвѣе 1-й, примкнула къ ея лѣвому крылу и вслѣдъ за нею ворвалась въ юго-западную окраину, но въ свою очередь встрѣтила сильное сопротивленіе. Упорная оборона каждаго завала и двора съ одной стороны и настойчивый, но безпрестанно распадающійся на отдѣльныя схватки, приступъ, съ другой стороны, затягивали овладѣніе селеніемъ, бой изъ-за котораго, начавшись въ одиннадцать часовъ, продолжался уже болѣе двухъ часовъ.

Около этого времени дано было знать, что въ 4-й сотнѣ Владикавказкавзскаго полка патроны на исходѣ, а пополнить ихъ не откуда. У полковника Левиса оставалось только двѣ съ половиною сотни; одна изъ нихъ была расположена пополусотенно въ прикрытіе орудій; дополсотни стояло въ дозорахъ на Шамли и Плевну, слѣдовательно, въ резервѣ оставалась только одна сотня; но дѣлать нечего, шлемъ свѣжую осетинскую сотню, съ приказаніемъ отозвать 4-ю сотню по частямъ, если то будетъ возможно, потому что ей нечего было дѣлать въ селеніи безъ патроновъ.

И вотъ какъ лава, съ горъ спустились осетины, рвавшіеся въ бой и смѣшались съ красными верхушками Кубанскихъ казаковъ. Трудно было имъ одолѣвать турокъ; но не пули, роемъ летавшія въ пространствѣ, затрудняли казаковъ; имъ трудно было добраться до хорошо укрытаго противника. За неимѣніемъ штыковъ, казаки лезли на валы съ кинжалами въ рукахъ, но тутъ встрѣчали не людей, а штыкъ противника и пулю въ лобъ. Подчеркиваю слово въ лобъ, потому что почти всѣ наши убитые были поражены въ голову, точно также какъ и турки, о чемъ сви-

дѣтельствовали простреленныя фески, валявшіяся еще на другой день въ Градешти. Засѣвшіе за густыми колючими кустарниками сплошнаго ряда валовъ, турки были недоступны съ фронта. Поэтому казаки, руководимые офицерами и лучшими урядниками, гдѣ дружнымъ напоромъ, гдѣ ловкимъ обходомъ по глубокой канавѣ, врывались въ пролеты дворовъ и тутъ начиналась свалка, за кучами сухаго, горящаго хвороста; передніе ряды турокъ падали подъ напоромъ ворвавшейся горсти храбрецовъ, а задніе бѣжали въ сосѣдніе дворы, откуда встрѣчали нашихъ новой обороной.

Тѣмъ не менѣе, хотя медленно, но они отступали и будучи напослѣдокъ отовсюду выбиты, держались въ двухъ смежныхъ просторныхъ дворахъ. Казаки выбили ихъ и отсюда; селеніе Градешти было взято, но противникъ отступилъ въ чащу обширнаго сада, или, скорѣе, въ густую рощу, совершенно укрывшую его отъ выстрѣловъ нападающихъ. Роща отстояла на нѣсколько десятковъ саженей отъ деревни, и турки сѣяли на нихъ свои пули. Утомленные казаки невольно пріостановились передъ этимъ новымъ препятствіемъ и залегли за высокимъ валомъ передъ послѣднимъ убѣжищемъ турокъ. Орудія усилили огонь, направляя его черезъ головы нашихъ сотенъ и роща затрещала; но турки не сдавались, казаки видимо утомились трехчасовымъ упорно медленнымъ боемъ. Подкрѣпить ихъ не представлялось возможности, имѣя въ резервѣ всего на все одну сотню, которую только въ крайности мы могли употребить въ дѣло. Наступалъ уже третій часъ дня; въ это время, съ одной стороны, именно отъ Кубанскихъ сотенъ прислано донесеніе о недостаткѣ у нихъ патроновъ, а съ другой, получено извѣстіе отъ сторожеваго поста, выставленнаго къ сторонѣ Шамли, что тамъ, на высотахъ, показалась турецкая пѣхота съ двумя орудіями. Вслѣдъ за тѣмъ оттуда прилетѣла къ намъ граната большаго калибра, за нею другая, третья и двѣ изъ нихъ упали на мѣсто перевязки нашихъ раненыхъ, но, благодаря Бога, не разорвались и никого не ранили.

Можетъ быть, эти три гранаты служили сигналомъ ободренія защитникамъ Градешти, потому что послѣ трехъ выстрѣловъ, турецкія орудія смолкли и показавшаяся изъ виноградниковъ пѣхота въ числѣ двухъ батальоновъ, залегла на скатахъ горъ, разсыпавъ свою цѣпь поперегъ дороги спускающейся отъ Шамли къ Градешти.

Положеніе наше было непріятное. Выбивъ противника изъ всей деревни, нѣтъ причины предположить, что наши сотни не управились бы съ ними въ послѣднемъ ихъ убѣжищѣ, хотя тутъ дѣло было бы не легче. Но турки съ высотъ Шамли могли, наконецъ, убѣдиться въ слабости нашихъ силъ—и двинуть подкрѣпленія въ Градешти.

Въ виду этого—вторично было отправлено донесеніе на Осму о положеніи нашего дѣла;—но вскорѣ по отправленіи этого донесенія, отъ началь-

ника 5-й дивизіи въ отвѣтъ на мое первое донесеніе, намъ было прислано приказаніе *) отступить въ Дебо, по невозможности выслать подкрѣпленіе.

Тяжело было сознать безполезность продолжительнаго боя, начатаго для осуществленія перерыва связи непріятеля; но держаться своими собственными слабыми силами противъ сильныхъ турецкихъ подкрѣпленій мы не могли. Всякое дальнѣйшее продолженіе боя послѣ приказанія отступить становилось безцѣльнымъ, а пожалуй и преступнымъ. Потому было сдѣлано распоряженіе объ отступленіи изъ селенія дробными частями и безъ сигнала, дабы общимъ движеніемъ не ободрить противника; орудіямъ въ то же время приказано усилить огонь. Мало по малу, наши сотни собрались къ пяти часамъ пополудни, подобравъ убитыхъ и раненыхъ, за исключеніемъ трехъ, которыхъ не могли отыскать **). Но на слѣдующій день тѣла ихъ были найдены и преданы землѣ ***). Подобравъ убитыхъ мы тутъ же, подъ Градешти, въ виду двухъ турецкихъ батальоновъ, докончили перевязку раненыхъ и отступили на Дебо.

Убитые и раненые были уложены на подводы, захваченныя 2-ю сотнею Кубанскаго полка, передъ началомъ нашего дѣла. Турки не открыли по насъ огня, и мы въ сумерки вступили на бивуакъ 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, у Дебо. Потери наши заключались: убитыми тринадцать (Владикавказскаго полка восемь, Кубанскаго пять человѣкъ); ранеными четырнадцать (Владикавказскаго шесть, Кубанскаго восемь); итого двадцать семь человѣкъ.

По отступленіи нашемъ отъ Градешти, и турки отступили въ Никополь, потерпѣвъ, по словамъ жителей, большой уронъ въ дѣлѣ съ нами ****).

Итакъ мы отошли отъ Градешти, съ грустнымъ сознаніемъ напрасно пролитой крови, утѣшая себя тѣмъ, что доказали трудность препятствовать сообщенію противника, не имѣя на то достаточной силы. Но мы исполнили свое дѣло на столько, на сколько позволяли намъ наши силы.

Мы отступили, отступили и турки; на Плевну они не прошли и мостъ въ Гилянахъ не возстановили. Въ этомъ можетъ быть малозначущемъ бою, было выказано много подвиговъ личнаго мужества, которые, какъ и боль-

*) Между имѣющимися у меня подлинными записками—этого приказанія не сохранилось. Можетъ быть оно утеряно или было словесное.

**) Вскочивъ на валы, они были убиты на узкихъ ихъ гребняхъ и свалились въ кусты, къ сторонѣ турокъ.

***) Они были указаны намъ болгарами, слегка засыпавшими ихъ тѣла землею, послѣ отступленія турокъ изъ Градешти вслѣдъ за нами. Павшіе не были изуродованы. По прибытіи нашемъ на другой день въ Градешти, останки ихъ были преданы землѣ, а оружіе снятое съ нихъ болгарами было выдано ими. Одежда была частью снята, и два бешмета были найдены въ покинутомъ турками лагерѣ на Шамли.

****) Болгары разсказывали, что подъ убитыхъ и раненыхъ турокъ было употреблено до двадцати подводъ.

шинство таковыхъ, остаются неизвѣстными, едва лишь вызывая мимолетное воспоминаніе о нихъ среди товарищей. Скромность совершившаго подвигъ, искреннее уваженіе къ нему, случайнаго быть можетъ свидѣтеля его, упрочиваютъ лишь бодрость духа и не вызываютъ разсказовъ въ короткіе промежутки отдыха, безпрерывной сторожевой службы. Но еще менѣе становятся извѣстными единичныя явленія боя въ тѣхъ случаяхъ, когда горсть людей совершаетъ свое дѣло одиноко, вдали отъ всѣхъ, находясь въ постоянномъ напряженіи передъ превосходными силами противника. Тутъ нѣтъ мѣста увлеченіямъ и порывамъ: тутъ чувства уступаютъ долгу, неумолимо посылающему въ бой; и человѣкъ идетъ въ него затѣмъ, чтобы умереть и потому, что надо умереть.

Въ такомъ настроеніи находились кавказскія сотни подъ Градешти, нѣсколько часовъ не выходившія изъ подъ турецкаго огня.

Я не умѣю передать всей тягости этого боя; но думаю, что можно будетъ составить нѣкоторое понятіе о нравственномъ состояніи бойцовъ изъ словъ урядника Малюги *), присланнаго за патронами изъ 4-й сотни Владикавказскаго полка.

Покойно кончивъ свой докладъ, усталый, закоптѣлый, этотъ юноша, казалось, выражалъ глазами: «дайте же патроновъ».

— «Отдохните, вы устали», сочувственно обратились къ нему слушавшіе его. — «Я ничего, отдохнулъ, отвѣчалъ онъ, но въ окопахъ тяжело; сначала была вода, а теперь ручей потекъ кровью и напиться негдѣ». Конечно, эти слова многимъ покажутся ничего не выражающими; но кто томился жаждою во время боя, тотъ пойметъ, что значитъ: «ручей потекъ кровью». Къ этому можно прибавить, что раненыхъ и убитыхъ приходилось оттаскивать изъ-подъ окоповъ и подъ выстрѣлами относить ихъ на крутую гору, подъ знойными лучами солнца.

Не доходя трехъ верстъ до Дебо, мы встрѣтили высланный къ намъ на подкрѣпленіе, по второму моему донесенію, Бугскій уланскій полкъ, переправившійся въ этотъ день на лѣвый берегъ Осмы. Но такъ какъ помощь уже была не нужна, то мы вмѣстѣ съ уланами въ сумерки вступили на бивуакъ 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, въ лазаретъ которой и сдали нашихъ раненыхъ.

Начальникъ дивизіи, пропустивъ мимо себя казаковъ, отдѣльно благодарилъ каждую сотню. Тяжело было смотрѣть на этихъ закоптѣлыхъ, цѣлый день дравшихся безъ пищи и воды, казаковъ. Но покойно шли они на смерть, покойно и молча засыпали они теперь въ ожиданіи завтрашняго боя.

Съ разсвѣтомъ назначено было выступленіе на Никополь. Не зная всѣхъ соображеній начальника дивизіи, я считаю въ высшей степени

*) Изъ вольноопредѣляющихся Владикавказскаго полка.

опрометчивымъ и неблаговиднымъ разсуждать о необходимости или безполезности присылки къ намъ пѣхотнаго подкрѣпленія; но не могу не припомнить, что мы съ сердечною благодарностью прослушали разсказъ о томъ, что командиръ Вологодскаго полка предлагалъ послать часть своего полка на подкрѣпленіе въ Градешти.

VI.

Ночной бой подъ Самовидомъ.

3-го Іюля.

На разсвѣтѣ 3-го іюля мы получили распоряженіе о движеніи на Никополь, присланное при запискѣ начальника 5-й пѣхотной дивизіи:

Отъ 3-го числа іюля, въ 4 часа 30 минутъ по полуночи, изъ штаба дивизіи на маршѣ, командиру Кавказской бригады полковнику Тутолмину.

«Посылаю только что полученную изъ корпуса диспозицію. Сейчасъ приказалъ 17-му Архангелогородскому полку, по овладѣніи селомъ Градешти *), держаться правѣе и ближе къ 18-му Вологодскому, идущему для овладѣнія мостомъ у села Мысылеу. Бугскіе уланы охраняютъ лѣвый флангъ 17-го полка; вашей же бригадѣ, кромѣ охраненія моего тыла, слѣдуетъ, частью въ связи съ Бугцами, наблюдать дорогу въ село Гиляны, не пропуская непріятеля изъ Никополя и въ Никополь.

Генералъ-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ» **).

Слѣдовательно, Градешти назначено исходнымъ пунктомъ для лѣваго крыла 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи. Поднявшись оттуда на Шамли, Архангелогородскій полкъ долженъ былъ овладѣть тамошними батареями и потомъ стянуться вправо къ Вологодскому, которому приказано овладѣть мостомъ на Осмѣ у Мысылеу.

Съ полученіемъ этого приказанія, въ Кавказской бригадѣ были сдѣланы слѣдующія распоряженія:

1) Двѣ сотни, находившіяся при 1-й бригадѣ 5-й дивизіи (6-я Кубанская и 2-я Владикавказская) подъ начальствомъ подполковника Энгельгардта, должны были вплоть до окончанія боя оставаться на лѣвомъ флангѣ пѣхоты. Обѣ сотни принимали одновременное и непосредственное участіе въ наступленіи Архангелогородскаго полка, разсыпавъ наѣздниковъ на лѣвомъ флангѣ его стрѣлковъ, чтобы обезпечить ихъ, ничѣмъ

*) Архангелогородскому полку не пришлось брать Градешти, очищеннаго турками.

**) Диспозиція по войскамъ 9-го армейскаго корпуса и Кавказской бригады 2-го іюля 1877 года д. Мыршховицы.

не прикрытыхъ отъ виноградниковъ и кустовъ, на крайнезападныхъ крутостяхъ Шамли. Остальныя шесть съ половиною сотенъ Кавказской бригады направились на Градешти *) и, согласно диспозиціи, стали за лѣвымъ флангомъ боевой линіи, наблюдая дорогу на Плевну. Между нами и Архангелогородскимъ полкомъ, уступомъ впередъ, шли Бугскіе уланы. Архангелогородскій полкъ прошелъ черезъ Градешти и съ бою овладѣлъ покатостями Шамли. Мы подавались по мѣрѣ наступленія нашего боеваго порядка, и вслѣдъ за нимъ поднялись на высоты Шамли; миновали два покинутыхъ непріятельскихъ лагеря, изъ которыхъ отступили турки при натискѣ Архангелогородскаго полка и остановились на возвышенной площади между сс. Шамли и Самовидомъ. Сѣверная сторона ея спускалась къ Дунаю, а западная обрывалась надъ широкимъ низменнымъ прибрежьемъ рѣки Вида. Съ высотъ, на которыхъ мы остановились, открывался далекій кругозоръ къ сторонѣ Никополя и на западъ отъ него на всю низменность Дуная при впаденіи въ него Вида, за лѣвымъ берегомъ котораго отъ Гилянъ, разстилалась волнообразная площадь между низовьями Искера и Вида. Наблюденіе за этою стороною было удобное. Но возвышенная площадь праваго берега Вида, въ противоположность западной, изрѣзана глубокими крутыми балками, скрывающими въ нихъ движеніе войскъ. Здѣсь Архангелогородскій полкъ покончилъ бой, и послѣ того, какъ турки очистили передъ нимъ всю площадь до Никополя, онъ, согласно приказанію, стянулся къ Вологодскому полку на Осму, который, послѣ упорнаго боя, овладѣлъ переправою у Мысылеу. За Архангелогородскимъ полкомъ послѣдовали и сотни Энгельгардта, дабы не оставить 1-ю бригаду 5-й пѣхотной дивизіи безъ конницы. Бугскій уланскій полкъ остановился въ полуверстѣ отъ с. Самовида, подъ крутыми утесами праваго берега рѣки Вида, близъ его впаденія въ Дунай.

По всему было видно, что битва смолкла какъ передъ нами, такъ и у Мысылеу. Это сознаніе какъ-то чувствуется и кажется, что усталымъ людямъ сама природа даетъ отдыхъ. Время было очень далеко за полдень; никакихъ дальнѣйшихъ приказаній мы еще не получили и надо было воспользоваться, быть можетъ, случайнымъ затишьемъ и напоить лошадей. Поэтому мы примкнули къ Бугскому полку, выставивъ сторожевые посты для наблюденія за непріятелемъ и за движеніемъ нашей пѣхоты.

Убѣжденный въ томъ, что намъ, въ силу полученнаго поутру приказанія: «препятствовать сообщенію противника изъ Никополя и въ Никополь», придется ночевать гдѣ-нибудь вблизи отъ мѣста нашего привала, я выѣхалъ впередъ за деревню Самовидъ выбрать болѣе выгодное мѣсто для ночлега, такъ какъ то, на которомъ мы остановились, не отвѣчало боевымъ условіямъ. Здѣсь пароходы могли насъ обстрѣливать съ

*) Гдѣ нашли и похоронили тѣла убитыхъ казаковъ, какъ сказано выше.

Дуная, а турки безнаказанно бить съ верху внизъ. Поэтому, какъ изъ худшихъ лучшее, была выбрана холмистая площадь версты на полторы за селеніемъ Самовидъ. Мѣстность эта господствовала надъ береговой дунайской дорогой и долиною рѣки Вида. Тутъ же скрещивались двѣ дороги: одна изъ нихъ, западная, шла по берегу Дуная, другая—восточная, круто сворачивала на востокъ черезъ рѣку Осму. Крутой курганъ, какъ вышка, стоялъ въ узлѣ этихъ дорогъ, и ко времени моего пріѣзда на немъ ужъ помѣстился сторожевой казакъ сосѣдняго поста. Часть кургана была окопана турками подъ батарею.

Такъ какъ вблизи этого мѣста разыгралось наше дѣло, бывшее въ ночь съ 3-го на 4-е іюля, о которомъ, вѣроятно по неимѣнію своевременно подробныхъ донесеній *), было разсказано много небылицъ, съ удареніемъ на то, что казаки «проспали турокъ», то я считаю себя обязаннымъ остановиться на подробностяхъ, очерчивающихъ наше тогдашнее положеніе. Еслибы обвиненія, возводимыя на Кавказскую бригаду, касались исключительно одного меня, то я не остановился бы на нихъ, предоставляя читателю дѣлать выводы изъ отчета военныхъ дѣйствій бригады; но *проспать* противника можно только совокупностью единицъ, составляющихъ цѣлую отдѣльную часть; открыть и выслѣдить противника лежитъ на добросовѣстности и способности разъѣзда. Нравственныя качества каждаго отдѣльнаго всадника составляютъ главную силу конницы въ тѣхъ общихъ задачахъ, которыя выражаются словами «наблюдать» и «содѣйствовать». Слѣдовательно, успѣхъ кавалерійской службы не всегда опредѣляется приказаніемъ начальника, обязаннаго довѣряться добросовѣстности разъѣзда. Начальникъ указываетъ направленіе разъѣзда, а разъѣздъ, ушедшій отъ него за нѣсколько верстъ, руководствуется общимъ правиломъ очутиться ближе къ противнику. Вотъ почему, для полноты своего отчета, я введу въ него мелкія подробности, которыя, при обыкновенныхъ условіяхъ военнаго изложенія, не имѣютъ мѣста.

Выѣхавъ на курганъ, я узналъ отъ стоявшаго на немъ сторожеваго казака, что онъ передъ собою турокъ не видитъ, но что наша пѣхота и ея отсталые стягиваются на востокъ, къ Осмѣ.

Въ это время мы увидѣли, вправо отъ себя, приближающійся къ намъ рысью разъѣздъ донскихъ казаковъ, между которыми можно было различить двухъ всадниковъ въ черкескахъ. Предполагая, что одинъ изъ нашихъ дозоровъ соединился съ донцами 9-го корпуса, бывшими за Осмой, и везетъ намъ приказаніе, я подозвалъ ихъ къ себѣ; но оказалось, что оба всадника въ черкескахъ были переведенные изъ другихъ ча-

---

*) Послѣдовавшіе затѣмъ тяжелые дни Плевны столько дали работы, что никакія подробныя донесенія не могли быть составлены и потому многое осталось неизвѣстнымъ.

стей: въ Кубанскій полкъ войсковой старшина Колокольцевъ и во Владикавказскій полкъ есаулъ Козловъ. Они направлялись къ намъ изъ Главной квартиры черезъ штабъ 9-го корпуса и находились во время боя при корпусномъ командирѣ.

Получивъ отъ генерала Криденера приказаніе отправиться къ мѣсту своего служенія, они по линіи нашихъ войскъ прибыли на лѣвый флангъ боеваго расположенія, т. е. къ нашему кургану. Прибытіе ихъ безъ новаго приказанія какъ бы указывало на то, что мы не будемъ придвинуты куда-либо ближе къ пѣхотѣ, и потому надо было торопиться перейдти съ мѣста привала на новое мѣсто до наступленія сумерекъ. Отъ мѣста привала до кургана дорога тянется въ узкихъ горныхъ поворотахъ и, извиваясь глухими, скалистыми колѣнами, выводитъ въ самыя противоположныя направленія. Посему, для указанія головной сотнѣ кратчайшаго направленія, я взялъ съ поста, у кургана, одного изъ казаковъ и вмѣстѣ съ Колокольцевымъ и Козловымъ возвратился къ сотнямъ. Тутъ мнѣ сообщили, что Бугскіе уланы получили черезъ ординарца, посланнаго отъ ихъ полка, приказаніе отойдти къ нашей пѣхотѣ на рѣку Осму, а на вопросъ, обращенный къ ординарцу: касается ли это приказаніе кавказскихъ сотенъ, онъ отвѣчалъ, что по его мнѣнію, приказаніе касается всей кавалеріи лѣваго фланга. Но оставшійся за моимъ отъѣздомъ на бивуакѣ генеральнаго штаба капитанъ Стромиловъ высказался, что по словесному приказанію мы не можемъ отойдти съ пути сообщенія турокъ и просилъ письменнаго о томъ подтвержденія.

Сколько я могъ понять, то приказаніе, выраженное ординарцемъ относительно передвиженія собственно кавказскихъ сотенъ, не было сообщено безусловно и опредѣленно *); поэтому оно и вызвало со стороны капитана Стромилова просьбу о письменномъ подтвержденіи его, дабы имѣть право сложить съ себя возложенную на насъ обязанность «не пропускать непріятеля изъ Никополя въ Плевну». Но затѣмъ ни письменнаго, ни словеснаго приказанія мы не получали. Конечно, вышло бы покойнѣе, какъ потомъ показали обстоятельства, еслибы капитанъ Стромиловъ не возбудилъ этого вопроса. Можетъ быть мы ушли бы за пять верстъ на Осму къ Мысылеу, избѣгли бы всякихъ нареканій, а турки, подъ покровомъ темной ночи и высокихъ горъ, безпрепятственно могли бы двигаться на Плевну. Но за то поглядѣвъ на этотъ случай съ другой

---

*) При справкѣ по этому поводу въ октябрѣ 1878 г. Н. Н. Стромиловъ снова подтвердилъ мнѣ, въ письмѣ, что при немъ было передано ординарцемъ: „Кавказской бригадѣ дозволяется отойдти къ р. Осмѣ, въ Мысылеу, и присоединиться къ остальной кавалеріи отряда“. На это ординарцу было предложено капитаномъ Стромиловымъ доставить, какъ можно скорѣе, письменное приказаніе о передвиженіи бригады, въ виду важности занимаемаго бригадою пункта и отсутствію какихъ бы то ни было войскъ, охраняющихъ нашъ лѣвый флангъ на всемъ протяженіи между рр. Осмою и Видомъ“.

стороны, надо вспомнить, что Никополь еще не былъ взятъ и никто не могъ быть увѣреннымъ въ его сдачѣ завтра утромъ; поэтому и балки, ведущія на лѣвый флангъ 9-го корпуса, могли быть посѣщены хотя бы черкесами, которымъ немногаго стоило появиться передъ бивуакомъ нашей пѣхоты. Можетъ быть, я поступилъ неправильно, но призналъ отвѣтъ капитана Стромилова совершенно справедливымъ, и мы перешли на вновь выбранное мѣсто за селеніемъ Самовидъ. Поручивъ казаку, взятому, какъ сказано, отъ кургана, показать дорогу головѣ колонны, которую составляли кубанскія сотни, я, по какой-то задержавшей меня причинѣ, остался на мѣстѣ привала; но всматриваясь въ направленіе кубанскихъ сотенъ, бывшихъ уже на половинѣ подъема улицы Самовида, замѣтилъ, что они не попали на указанный путь, а пошли по другому, болѣе крутому подъему. Поспѣшивъ туда, я убѣдился, что сотни три, съ соотвѣтствующими при нихъ орудіями, уже миновали поворотъ, выходившій на должное направленіе. Для оправданія ошибки проводника, скажу, что всѣ закоулки и горные проходы у деревни Самовидъ одинаково узки и одинаково схожи другъ съ другомъ; признакомъ могъ служить какой-нибудь лишній камень и потому ошибиться въ выборѣ поворота было не трудно; но такъ или иначе, надо было поправить ошибку, тѣмъ болѣе, что орудійныя лошади сильно напрягались на подъемѣ и растягивали наше движеніе. Но направить на желаемый поворотъ можно было только недошедшія еще до него владикавказскія сотни; остальныя уже втянулись въ тѣсную разсѣлину горы; которая, направляясь далѣе, выводила на открытую кайму подъ обрывистымъ утесомъ. Слѣва опрокинулась пропасть, справа высилась отвѣсная скала. Повернуть орудія можно было только на рукахъ; но при этомъ мы потеряли бы не мало времени на перепряжку лошадей и потому выгоднѣе было продолжать наше движеніе по двумъ направленіямъ.

Эта первая, случайно выбранная головою колонны дорога, скоро свернула вправо, поднялась въ горы и на одномъ изъ крутыхъ поворотовъ, уперлась въ довольно высокій валъ. Оказалось, что она была перекопана глубокой, узкой траншеей, которая тянулась по песчанной, вновь продѣланной турками, военной дорогѣ, какъ разъ туда, гдѣ было выбрано мѣсто подъ курганомъ.

Турки имѣли здѣсь превосходную фланговую позицію для небольшого отряда, на которой они, повидимому, не задержались, потому что не было слѣдовъ боя. Головныя сотни перепрыгнули траншею и высокій валъ, а я, слѣдуя въ промежуткѣ между ними и орудіями, остановился разглядѣть нѣтъ ли гдѣ-нибудь пролета для выхода батареи; но валъ далеко тянулся влѣво, а направо были тѣ же горы и подъ ними та же глубокая траншея; батарея нѣсколько оттянулась, лопаты были только при лафетахъ. Въ это время проѣзжалъ мимо меня почему-то отстав-

шій и догонявшій полкъ, разумный и всегда находчивый старшій трубачъ Кубанскаго полка Гараѳоновъ; не помню, по какому случаю, онъ остановился подлѣ меня, но у меня засѣли въ памяти его слова и добрый. умный взглядъ его блестящихъ, черныхъ глазъ. Онъ сказалъ мнѣ:

— Ваше высокоблагородіе, зарыть надо!

— Знаю, братъ; но вѣдь у васъ нѣтъ лопатъ, отвѣчалъ я.

— Топоры найдутся и руки есть; начнемъ копать, а тамъ орудія подойдутъ, у нихъ лопатки должны быть.

Это великодушное предложеніе казака было неоцѣнимымъ даромъ въ то время, когда каждая минута была дорога, и я былъ свидѣтелемъ того, какъ работа закипѣла подъ топорами казаковъ. Ко времени прихода батареи, часть вала на ширину лафетнаго хода была срыта въ траншею, а артиллерійскія лопаты и имѣвшіяся на передкахъ фашины докончили остальное.

Я упоминаю объ этомъ, быть можетъ маловажномъ, случаѣ, считая себя обязаннымъ свидѣтельствовать о немъ, какъ о военной находчивости и радушной помощи, которую я неоднократно встрѣчалъ со стороны своихъ подчиненныхъ.

Въ то время, какъ казаки сбрасывали валъ въ траншею, проходившую въ этомъ мѣстѣ между тремя высокими холмами, находившіеся при мнѣ три казака, выѣхали на нихъ дозоромъ. Мало ли что могло случиться въ тѣсномъ ущельи и потому осторожность никогда не была забыта казаками. Вскорѣ одинъ изъ нихъ, урядникъ Кубанскаго полка Иноземцевъ, подъѣхалъ ко мнѣ и сказалъ:

— Подъ Никополемъ что-то темнѣетъ; этого не было замѣтно, когда мы были на курганѣ; кажется, турки.

— Все вамъ турки! отвѣчалъ я ему, не желая отвлечь вниманіе работавшихъ; но, конечно, безпокойство закралось въ душу и я выѣхалъ на тотъ курганъ, съ котораго смотрѣлъ Иноземцевъ.

Мнѣ показалось, что далеко вдали я видѣлъ колонны.

— Видите? спросилъ онъ меня. Мнѣ оставалось только благодарить его. Будучи увѣренъ въ томъ, что какъ постъ, стоящій на курганѣ, такъ и дошедшія до него сотни должны уже были видѣть турокъ, если это они, я не тревожился о разъѣздахъ или о случайной оплошности, и потому остался до конца работы въ траншеѣ.

Когда орудія благополучно начали переѣзжать засыпанную траншею, я поспѣшилъ къ кургану. Подходившія къ нему сотни становились бивуакомъ, но расположеніе, взятое ими, не отвѣчало тому направленію, которое, какъ мнѣ казалось, было болѣе правильнымъ. Я думалъ измѣнить его, но видя чрезвычайное утомленіе людей, посовѣстился тревожить ихъ въ это время и взошелъ на курганъ, гдѣ стояли офицеры, всматриваясь къ Никополю. Мнѣ указали на то, что я уже видѣлъ, и на

вопросъ мой о разъѣздахъ отвѣтили, что они посланы съ приказаніемъ убѣдиться въ чемъ дѣло. Вниманіе офицеровъ было возбуждено тѣмъ, что они различали какъ-будто длинный рядъ телѣгъ и колонны пѣхоты, высылающія стрѣлковыя цѣпи въ нашу сторону. По этому поводу между офицерами возбужденъ былъ споръ. Одни принимали показавшіяся колонны за русскія войска, другіе признавали ихъ за турокъ. Послѣднее слово осталось за подполковникомъ Кухаренкой и есауломъ Барышъ-Тыщенкой, обратившимъ вниманіе на то, что у стоящихъ противъ насъ войскъ не видно бѣлыхъ шароваръ. Это служило положительнымъ признакомъ турокъ. Кромѣ того, за пѣхотною цѣпью разъѣзжали всадники. Это то же было не по-русски.

Съ однимъ изъ разъѣздовъ былъ отправленъ сотникъ Фокъ *), который вскорѣ прискакалъ съ донесеніемъ, что онъ сосчиталъ пять батальоновъ низама, остановившихся въ колоннахъ не далѣе пяти верстъ передъ нами, и добавилъ, какъ объ одной изъ подробностей своего осмотра, что ясно видѣлъ два распущенныхъ знамени. Сотнику Фоку, какъ очевидцу, поручено было немедлленно ѣхать на Осму къ корпусному командиру или начальнику 5-й дивизіи; словомъ, къ тому, кого онъ найдетъ тамъ и доложить о присутствіи передъ нами турокъ, показавшихся отъ Никополя. Справедливость требуетъ сказать, что, какъ нѣкоторымъ офицерамъ, такъ и мнѣ все еще не вѣрилось, что передъ нами стали турки.

Я, по крайней мѣрѣ, готовъ былъ думать, что это были наши войска, такъ какъ два часа тому назадъ на всей сѣверо-западной площади не было противника. Къ тому же человѣкъ десять отсталыхъ Архангелогородскаго полка, увидѣвъ нашихъ казаковъ, не послѣдовали за полкомъ, а пріютились къ намъ. Они возвращались отъ мѣстъ нашихъ постовъ и объявили, что турокъ давно ужъ не видать.

— Убѣждены ли вы въ томъ, что это турки? спросили Фока.

— Убѣжденъ, отвѣчалъ онъ и поскакалъ на Осму, сказавъ при этомъ, что по пути туда онъ снова удостовѣрится.

Въ это время сумерки спустились и храбрый офицеръ подъѣхалъ почти къ самому турецкому посту, выставленному за гребнемъ одной изъ балокъ и окликнулъ его. Вмѣсто отвѣта постъ спустился ниже; Фокъ выстрѣлилъ по немъ изъ револьвера, но турки прилегли и скрылись въ балкѣ; очевидно, они не желали себя обнаружить. Фокъ прискакалъ обратно, и передавъ только-что мною разсказанное, прибавилъ:

— Вѣрите ли теперь? Послѣ этихъ словъ, онъ, безъ малѣйшаго конвоя, поспѣшилъ на Осму, хотя за темнотою ночи, только къ утру до-

---

*) Второй сотни Кубанскаго полка.

ѣхалъ до пѣхоты и потому явился къ ней позднѣе, чѣмъ вторично посланный по другой дорогѣ *).

Итакъ, шесть съ половиною слабыхъ кавказскихъ сотенъ, удаленныя отъ своихъ подкрѣпленій, остались ночевать въ виду пяти таборовъ пѣхоты.

Поэтому, намъ предстояло на столько усвоить свое положеніе, чтобы каждый могъ сознательно отдать себѣ отчетъ на случай предстоящаго, быть можетъ, ночного дѣла.

Теперь уже необходимо было сдѣлать нѣкоторое измѣненіе въ расположеніи нашего бивуака, дабы увеличить фронтальное обстрѣливаніе мѣстности и приблизиться къ болѣе удобному склону утесовъ, въ сторону Вида. Отсюда мы могли взять непріятеля во флангъ, еслибы ему удалось прорваться на подгорную дорогу за Самовидомъ; но во всякомъ случаѣ запирали туркамъ дорогу въ селеніе, т. е. путь на Плевну и миновать насъ имъ не было возможности.

Находя необходимымъ посовѣтоваться съ начальниками частей, я предложилъ имъ обсудить способъ встрѣчи непріятеля, такъ какъ покинуть наше мѣсто безъ приказанія мы не имѣемъ права; отойти отъ него въ сторону значитъ безъ сопротивленія пропустить турокъ. Теперь же мы находимся въ положеніи обороняющихъ ущелье, и обязаны выполнить свой долгъ. Поэтому, принимая во вниманіе, что по малочисленности своей, сами мы не можемъ ударить на противника, а конное дѣло не можетъ имѣть мѣста въ глухую ночь по балкамъ и оврагамъ, предложилъ имъ встрѣтить турокъ пѣшимъ боемъ, оставаясь на мѣстѣ нашего бивуака, котораго, какъ сказано, миновать они не могутъ, въ случаѣ ихъ движенія на Плевну.

Отвѣтомъ на это было единодушное согласіе начальниковъ частей. Главное было рѣшено. О томъ же именно порядкѣ въ какомъ надо стать и что дѣлать по тревогѣ, каждый зналъ и самъ; потому что, до переправы за Дунай, приказомъ по Кавказской дивизіи было предписано генераломъ Скобелевымъ 1-мъ располагаться по ночамъ въ опасныхъ случаяхъ на бивуакъ, не иначе, какъ покоемъ, занимая четвертую сторону его повозками обоза; казаки становились по-сотенно на сторонахъ, а за ними размѣщались стреноженные кони. Въ общихъ чертахъ приготовленія наши заключались въ томъ, что сторону, обращенную къ Никополю заняла батарея между первыми сотнями Владикавказскаго и Кубанскаго полковъ; между орудіями залегли стрѣлки изъ сосѣднихъ сотенъ. Тыльную сторону состав-

*) О второмъ посланномъ на Осму будетъ сказано ниже. Сотникъ же Фокъ направился по дорогѣ, что шла передъ нами на Осму. Но пѣхота стала у Мысылеу, т. е. уступомъ позади насъ, поэтому Фоку пришлось спуститься съ сѣвера на югъ, т. е. ѣхать вдвое больше втораго, направленнаго позади нашего расположенія.

ляли двѣ лазаретныя и бывшія при отрядѣ три офицерскія повозки. Какъ на эту послѣднюю сторону, такъ и на двѣ боковыя разставлены остальныя сотни; дежурное орудіе заряжено, всѣ остальныя наведены на ближній выстрѣлъ; часть прислуги находилась у лафетовъ. Кони должны были быть стреножены за сотнями внутри покоя; пищи готовить не приказано, огней не разводить, коновязей не разбивать и впереди, къ сторонѣ непріятеля, заложены секреты; отдѣльные начальники условились о мѣстахъ своего нахожденія, и на случай какой-либо особой необходимости, мѣстомъ общаго сбора былъ выбранъ раскидистый дубъ, къ которому случайно примыкало наше расположеніе.

Обычно короткіе сумерки Болгаріи скоро смѣнились непроглядной тьмою, а въ началѣ двѣнадцатаго часа ночи, секреты заслышали гулъ отъ движенія непріятеля; вслѣдъ затѣмъ, турки обозначили себя отдѣльными выстрѣлами, перешедшими въ безпорядочную стрѣльбу съ довольно далекаго разстоянія. У насъ было приказано открыть огонь только съ вѣрнаго выстрѣла и цѣлить ниже. Вскорѣ, огненная линія турокъ, развернулась передъ нами широкимъ полукругомъ. Наши орудія открыли огонь и головныя сотни дали залпъ. Турки облегли насъ съ трехъ сторонъ и послѣ двухъ, трехъ минутъ перестрѣлки, внезапно, съ пронзительнымъ крикомъ бросились на нашъ бивуакъ.

Встрѣченные почти въ упоръ огнемъ нашихъ сотенъ они мгновенно отхлынули отъ нашихъ рядовъ, но небольшая кучка чуть было не засѣла на батареѣ. Была минута, когда орудійная прислуга, поддержанная казаками, вступила въ рукопашный бой.

Находившемуся при дежурномъ орудіи Донской конно-горной батареи урядпику Костину особенно посчастливилось при этомъ. Онъ первый свалилъ наскакавшаго верхомъ на орудіе турецкаго всадника. Между ворвавшимися въ наши ряды было трое или четверо конныхъ; всѣ они мгновенно были убиты, но одному изъ нихъ удалось остаться въ живыхъ, благодаря остановившему занесенные на него удары сотнику Шанаеву, который заботился о захватѣ языка *).

Такимъ образомъ, первый приступъ былъ отбитъ; турки отбѣжали на холмы впереди нашего расположенія и оттуда продолжали довольно частый огонь, мало приносившій намъ вреда. Сравнительно съ ними мы стояли въ едва замѣтной логовинѣ, на ружейномъ выстрѣлѣ отъ окружавшихъ насъ волнообразныхъ холмовъ. Турки съ нихъ открыли въ насъ свой огонь, но пули летѣли черезъ наши головы. Положивъ на землю стрѣлковъ, казаки отвѣчали имъ рѣдкими выстрѣлами; скоро перестрѣл-

*) Т. е. плѣннаго, отъ котораго можно было добыть свѣдѣнія. Спасенный Шанаевымъ турокъ былъ ординарцемъ убитаго на батареѣ офицера и захваченъ съ великолѣпными вьюками и бумагами полковой переписки.

ка смолкла и снова стало темно послѣ яркаго освѣщенія, охватившаго насъ съ трехъ сторонъ.

Черезъ нѣсколько времени турки какъ бы опомнились и встрепенулись: они вновь открыли пальбу и вторично бросились на насъ, но и на этотъ разъ были отбиты огнемъ нашихъ. По отбитіи втораго приступа пальба совершенно прекратилась и не возобновлялась. Турки какъ бы притаились; и какое-то странное, не привычное молчанье воцарилось во мракѣ ночи.

Мы ничего не видѣли и не слышали передъ собою, и находились въ какомъ-то неиспытанномъ настроеніи; но сердце робко подсказывало, что наше дѣло вышло не дурно и въ тревожно-радостномъ настроеніи тутъ же подъ дубомъ, сошелся нашъ военный совѣтъ. Онъ продолжался не долго. Въ виду почти совершеннаго истощенія патроновъ, разстрѣлянныхъ въ ежедневныхъ дѣлахъ съ 29-го іюня, безъ возможности пополнить ихъ своевременно, одно мнѣніе было подано за отступленіе; оно имѣло за себя неоспоримую, благоразумную осторожность; но было невыполнимо, потому что трудно было отходить ночью съ артиллеріею, и въ добавокъ послѣ успѣха почти ничего намъ не выяснившаго. Отступить теперь значило бы признать несостоятельность нашего рѣшенія, единодушно принятаго съ вечера.

Командиръ Владикавказскаго полка, полковникъ Левисъ, первый подалъ голосъ противъ этого мнѣнія и рѣшительно выразился за необходимость «стоять до послѣдняго». Его сотенные командиры дружно поддержали слова своего полковника, и снова единогласно было рѣшено стоять и умирать, «а съ разсвѣтомъ, что будетъ, то будетъ».

Послѣ такого настойчиваго, окрыляющаго бодрость духа рѣшенія, оставалось только сдѣлать распоряженія—для дѣйствій въ конномъ строѣ,—на разсвѣтѣ. Пѣшій бой былъ вызванъ необходимостью ночной обороны ущелья, конный бой былъ нашимъ свойствомъ, и мы снова должны были обратиться въ нему.

Наивыгоднѣйшія дневныя его условія заключались въ возможности внезапно ударить съ нѣкотораго разстоянія на турокъ, еслибы они продолжали свое движеніе на Плевну; но въ то же время намъ слѣдовало стать въ такое положеніе, въ которомъ мы могли бы служить заслономъ своей пѣхоты, въ случаѣ наступленія противника на лѣвый флангъ 9-го корпуса. Осмотрѣнная съ вечера мѣстность удостовѣряла, что вправо отъ насъ идутъ на Осму глубокія балки; и намъ было выгодно стать тыломъ къ одной изъ нихъ. Но мы должны были исполнить это передвиженіе скрытно и прежде всего ощупать притаившагося противника. Съ этою цѣлью рѣшено было употребить въ дѣло осетинъ, поручивъ имъ до разсвѣта подальше отдѣлиться отъ насъ вправо и обойдти лѣвое крыло ту-

рокъ; высмотрѣть ихъ расположеніе и при возможности ударить на нихъ въ шашки.

Для прикрытія нашего передвиженія съ фронта была назначена 1-я сотня Кубанскаго полка, къ сторонѣ Вида высланъ сильный разъѣздъ отъ 5-й сотни того же полка.

По окончаніи всѣхъ этихъ распоряженій было отправлено вторичное донесеніе на Осму, къ начальнику 5-й дивизіи, съ разсчетомъ получить если не пѣхоту, то хоть двѣ свѣжія сотни подполковника Энгельгардта.

Здѣсь я считаю нужнымъ оговорить, что отправленіе этого донесенія въ глухую ночь, среди окружавшаго насъ непріятеля, было сопряжено съ полною опасностью; тѣмъ не менѣе маіоръ Сипягинъ *) охотно вызвался на эту смѣлую поѣздку, взявъ съ собою только двухъ казаковъ.

Одновременно съ этимъ, мы перестроились въ болѣе выгодный, какъ показали случайности ночнаго боя, порядокъ, размѣстивъ орудія на три стороны нашего четырехугольника.

Подполковникъ Кухаренко и командиръ батареи Костинъ приложили не мало хлопотъ устроить это перестроеніе въ тишинѣ и порядкѣ. Наконецъ, при первомъ мерцаніи зари, представилась возможнось начать наше фланговое движеніе. Левисъ вытягивалъ колону, Кухаренко руководилъ тыломъ.

Передъ разсвѣтомъ, мы вытянулись по новому направленію и осетины, успѣвшіе продвинуться по лѣвую сторону наступленія турокъ, дали знать, что передъ нами не существуетъ уже сплошнаго ихъ строя, но замѣтны отдѣльные кучки разсѣянныхъ по полю людей. Въ это время на столько уже разсвѣло, что можно было разсмотрѣть окружающіе насъ предметы.

Полученное извѣстіе измѣняло наше положеніе. Изъ обороняющейся скученной горсти людей, казаки должны были развернуться въ погоню за непріятелемъ, такъ какъ стало ясно, что онъ былъ разбросанъ огнемъ нашихъ сотенъ. Но хотя имъ и предстояло легкое уничтоженіе разбросанныхъ по кукурузѣ турокъ, тѣмъ не менѣе нельзя было пускаться въ преслѣдованіе безъ патроновъ; поэтому, въ надеждѣ на скорое прибытіе сотенъ подполковника Энгельгардта, отрядъ былъ раздѣленъ на двѣ части, изъ которыхъ одна снабдила другую остатками своихъ патроновъ. Такимъ способомъ, можно было отдѣлить для преслѣдованія турокъ достаточно снабженныхъ патронами двѣ сотни осетинъ и по десяти человѣкъ казаковъ изъ каждой сотни нашего отряда; сверхъ сего одна полусотня была послана по дорогѣ на Плевну. Остальныя, по чрезвычайному утом-

*) Причисленный на время войны къ Кубанскому полку.

ленію, были отведены на Осму, на которой въ это время двѣ наши сотни уже сѣдлали лошадей и спѣшили къ намъ на подмогу.

Рысью подоспѣвшія сотни Энгельгардта развернулись въ погоню, усилили уничтоженіе разсѣяннаго непріятеля и захватили большой обозъ, брошенный турками по дорогѣ, недалеко отъ мѣста нашего боя. Часть его нѣсколько ранѣе была захвачена осетинами, но значительное большинство повозокъ досталось казакамъ. Повидимому, прикрытіе обоза разбѣжалось ночью, и ко времени прибытія Энгельгардта, около повозокъ собралось человѣкъ шестьдесятъ—семьдесять турецкихъ пѣхотинцевъ; они встрѣтили казаковъ выстрѣлами, но до сорока ихъ тѣлъ осталось на мѣстѣ; человѣкъ пятнадцать положившихъ оружіе взято въ плѣнъ, остальные бросились бѣжать и попали подъ общую расправу на обширной площади Шамли и Самовида, на которой происходили еще долго отдѣльныя схватки казаковъ съ отстрѣливавшимися отъ нихъ, въ кукурузѣ, турками. Рыская, если можно такъ выразиться, по полю, казаки уничтожили у Шамли, въ покинутыхъ вчера турецкихъ лагеряхъ, громадное количество патроновъ и артиллерійскихъ зарядовъ. Вчера мы проходили мимо этихъ запасовъ, но намъ было не до уничтоженія ихъ; сегодня же забрать ихъ не могли, о сдачѣ Никополя еще не было извѣстно, и ихъ подожгли; взрывъ ихъ послѣдовалъ вскорѣ послѣ сдачи крѣпости и чуть было не надѣлалъ тревоги.

Въ это утро, всѣми преслѣдовавшими сотнями было взято и доставлено на бивуакъ: три знамени (изъ нихъ два взяты съ бою въ одиночныхъ схваткахъ осетинами Бекъ-Узаровымъ и Сокаевымъ; третье было найдено въ обозѣ); большой обозъ на воловьихъ подводахъ съ патронами, имуществомъ, галетами, рисомъ и шестидесятью палатками, часть которыхъ была роздана въ полки и батарею; одно стальное крупповское орудіе, замѣченное урядникомъ 2-й сотни Владикавказскаго полка, Филатовымъ. Подъ орудіемъ былъ подбитъ лафетъ, и за нимъ укрылось два или три человѣка турокъ, въ ту минуту, когда на него наскакалъ Филатовъ съ товарищами. Турки были изрублены; орудіе снято съ лафета и доставлено на одной изъ повозокъ. Сдавшіеся въ плѣнъ безъ боя человѣкъ пятнадцать турокъ, были доставлены на бивуакъ.

Вся эта добыча находилась уже у насъ очень не позднимъ утромъ 4-го іюля. Первая же часть обоза, захваченная осетинами, и знамя отбитое Бекъ-Узаровымъ, были доставлены на Осму въ то время, когда пришло извѣстіе о сдачѣ Никополя. Сокаевъ отнялъ знамя позднѣе Бекъ-Узарова у пѣхотинца, сорвавшаго полотно съ его древка, и обвившаго кругомъ себя, въ видѣ пояса. Турокъ упорно отстрѣливался отъ преслѣдовавшихъ его осетинъ, но былъ сраженъ пулею Сокаева, который подскакавъ къ нему, обратилъ вниманіе на его толстый зеленый поясъ: — онъ оказался знаменемъ. Оба знамя были зеленаго цвѣта, но одно съ

богатою золотою, другое съ шелковой каймою. Третье, взятое въ обозѣ, было большого квадратнаго размѣра, прозрачной зеленой ткани. Сколько кажется, оно имѣло низшее значеніе.

Всѣ неразобранныя за излишествомъ палатки, орудіе и два знамени были сданы 6-го числа коменданту Никополя, въ чемъ и получено отъ него письменное удостовѣреніе *).

Знамя же отбитое Сокаевымъ и по ошибкѣ принятое нами за значекъ, не было отослано; но впослѣдствіи, когда по разбору на немъ надписей, оно оказалось знаменемъ, то въ свою очередь было отправлено 11-го іюля въ Главную квартиру.

Наши потери, собственно въ ночномъ бою, были баснословно мало, заключаясь въ трехъ убитыхъ и пяти раненыхъ. Лошадей шесть было выведено изъ строя. Сверхъ сего, перебито пулею знаменное древко Владикавказскаго полка, тотчасъ же принятое и сохраненное во все время боя, полковымъ адъютантомъ, сотникомъ Ляпинымъ.

Я не возьмусь опредѣлять потери турокъ, но онѣ были велики, въ особенности подъ выстрѣлами нашихъ орудій. Думаю, что разницу между нашею и турецкою потерею можно объяснить только тѣмъ, что у насъ были орудія и мы стояли на мѣстѣ; турки же, бросаясь на насъ, стрѣляли въ запальчивости кое-какъ. Конечно, и у насъ не обошлось безъ замѣшательства, которое могло бы имѣть непріятныя послѣдствія, если бы не своевременно принятыя мѣры. Именно, въ одной изъ сотенъ, расположенныхъ къ сторонѣ рѣки Вида, часть лошадей шарахнулась во время перваго приступа, прорвала свои ряды и ринулась по направленію на Плевну. Чтобы поправить эту неудачу была послана полусотня той же сотни при самомъ началѣ нашего передвиженія на Осму.

Ихъ переловили на высотѣ Градешти-Дебо и часу въ девятомъ утра пригнали на бивуакъ у Мысылеу.

Оказалось, что за исключеніемъ двухъ, всѣ казачьи лошади этой сотни были на лицо. У насъ же появилось нѣсколько турецкихъ, изъ числа которыхъ я хорошо помню одну, примчавшуюся къ намъ, въ ночномъ бою, въ совершенно исправной артиллерійской збруѣ.

По неимѣнію положительныхъ данныхъ, я не берусь утверждать количество атаковавшихъ насъ турокъ, а равно и того, прорвались-ли они на Плевну и если прорвались, то въ какомъ именно числѣ.

Единственными, болѣе или менѣе достовѣрными, свѣдѣніями намъ служили прежде всего наши плѣнные. Они показали: 1) что пять табо-

*) „1-я бригада 31-й пѣхотной дивизіи. 6-го іюля 1877 г. № 191. г. Никополь. — Командующему Кавказскою казачьею бригадою. Представленное при рапортѣ отъ 6-го сего іюля за № 30, одно стальное орудіе безъ лафета, два знамя, изъ коихъ одно египетскаго войска, а другое турецкаго войска и турецкихъ палатокъ тридцать восемь, мною получено“. Комендантъ крѣпости города Никополя, генералъ-маіоръ Бѣлокопытовъ.

ровъ съ обозомъ вышли изъ Никополя на плевненскую дорогу, съ цѣлью пройти на Плевну; 2) атаковало насъ шесть ротъ низама, которыя и отхлынули послѣ приступа; о томъ же, что сдѣлалось съ остальными таборами, плѣнные не знали; но сколько можно было заключить изъ ихъ разсказовъ, то шесть ротъ были назначены для прикрытія обоза, направленнаго въ Плевну. На другой же день послѣ сдачи Никополя, т. е. 5-го іюля, капитанъ Стромиловъ, будучи по дѣламъ службы въ крѣпости, распрашивалъ объ этомъ, между прочимъ, нѣсколькихъ турецкихъ офицеровъ, и они подтвердили ему достовѣрность показаній плѣнныхъ, прибавивъ, что остальные таборы, видя неудачу шести ротъ, возвратились въ Никополь *).

Конечно, это показаніе не можетъ быть принято за положительное свѣдѣніе; но для насъ оно было важно въ томъ отношеніи, что подтвердило показанія сотника Фока и нашихъ плѣнныхъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что часть турокъ добралась до Плевны; но несомнѣнно также и то, что они разбились о нашу встрѣчу. Можетъ быть часть изъ нихъ достигла лѣваго берега Вида, ниже Самовида, переправясь на лодкахъ при его сліяніи съ Дунаемъ и оттуда уже двинулись на Плевну. Но допуская этотъ случай, какъ обвиненіе, что мы не задержали турокъ, придется спросить людей, ратующихъ противъ конницы: допускаютъ ли они какой-нибудь предѣлъ растяжимости дозоровъ и силы конницы?

Въ представленномъ мною описаніи, я старался изложить со всею добросовѣстностью бой, происшедшій въ ночь съ 3-го на 4-е іюля. Здѣсь, шесть съ половиною кавказскихъ сотенъ, остались оборонять ущелье передъ пятью турецкими таборами, не смѣя сложить съ себя ввѣренной имъ охраны и тѣмъ вызвали разнообразные и язвительные разсказы. Одни хвалили насъ, другіе осмѣивали.

Одни говорили, что Кавказская бригада построила конное каре и

---

*) Привожу по этому поводу дословную выдержку изъ дневника капитана Стромилова, доставленную мнѣ въ октябрѣ 1878 г. „Результатъ боя извѣстенъ, но важность его не вполнѣ выяснена. Ѣздившій по дѣламъ службы 5-го іюля въ крѣпость Никополь, состоявшій при бригадѣ генеральнаго штаба капитанъ Стромиловъ, слышалъ отъ плѣнныхъ турецкихъ офицеровъ, въ томъ числѣ офицера турецкаго генеральнаго штаба, хорошо говорившаго по-французски, слѣдующее: отрядъ, попытавшійся пробиться сквозь линію нашего обложенія, состоялъ изъ шести ротъ лучшаго низама, при двухъ крупповскихъ орудіяхъ, конвоировавшихъ транспортъ съ имуществомъ въ Виддинъ или Плевну, и нѣсколькихъ батальоновъ, на которыхъ возложена была задача способствовать благополучному переходу этихъ шести ротъ и транспорта за р. Видъ. Роты были окончательно уничтожены и разсѣяны Кавказскою бригадою; батальоны же возвратились на разсвѣтѣ въ Никополь, съ преувеличенными извѣстіями о значительныхъ силахъ русскихъ, неожиданно для турокъ, наступающихъ со стороны рѣки Вида. Темнота ночи, громъ орудій 1-й конно-горной батареи, ввели ихъ въ заблужденіе, несомнѣнно поколебавшее ихъ нравственныя силы и ослабившіе ихъ сопротивленіе въ день паденія Никополя.

допустила атаковать себя пѣхотою; другіе, не зная времени боя и мѣста, на которомъ мы находились, относили его къ оплошному движенію на Плевну 7-го іюля; третьи просто говорили, что мы проспали турокъ, и т. под.

Тяжело было все это слушать; но мало по малу подробности стали выясняться и 25-го іюля, находясь уже подъ Ловчею, какъ всегда безсмѣнно на аванпостахъ, мы были утѣшены сверхъ всякаго ожиданія. Тотъ самый есаулъ Козловъ, который присоединился къ намъ вечеромъ 3-го іюля, будучи посланъ, по личному приказанію Государя, благодарить отряды, расположенные подъ Ловчей, прибылъ и къ намъ 25-го іюля вечеромъ. Бригада радостно встрѣтила царскаго посланнаго и есаулъ Козловъ, тутъ же на бивуакѣ, передалъ Кавказской бригадѣ подлинныя слова Государя, выражавшія Его сердечное спасибо за службу и за молодецкое ночное дѣло *).

На душѣ стало легко и глубоко прочувствовалась пословица, что «за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ».

Разсказавъ нашъ бой съ его служебной стороны, я позволю себѣ передать о немъ нѣсколько частныхъ подробностей, врѣзавшихся мнѣ въ память, потому что онѣ сопричастны свойству боя. Но считаю нужнымъ оговориться, что разсказываю только о томъ, что происходило *вблизи* меня, потому что въ этомъ, внезапно загоравшемся и быстро потухавшемъ мракѣ трудно было отличить что-либо далѣе десяти, пятнадцати шаговъ. Слѣдовательно, многія подробности боя, полнаго самоотверженія казаковъ, мнѣ неизвѣстны.

Начну съ того, что въ сумерки послѣ первоначальнаго перестроенія бивуака, я, помѣстившись на краю рытвины у 1-й сотни Кубанскаго полка, разговаривалъ съ подполковникомъ Кухаренко, подошедшимъ ко мнѣ послѣ провѣрки отданныхъ приказаній; но утомленіе брало свое и я, въ разговорѣ съ нимъ, задремалъ. Конечно, не одного меня свернула усталость и не было причины запрещать утомленнымъ, почти двое сутокъ не ѣвшимъ людямъ, забыться чуткимъ сномъ; сторожевые посты обезпечивали всякую случайность.

Но раздавшійся вскорѣ возгласъ «тревога» заставилъ меня очнуться. Подъ впечатлѣніемъ своего сосѣдства съ подполковникомъ Кухаренко, я окликнулъ его по имени, такъ какъ въ первое мгновеніе ничего не могъ разсмотрѣть въ глубокой тьмѣ.

— Я здѣсь, отвѣчалъ онъ стоя подлѣ меня.

— Что такое? спросилъ я.

— Турки, хладнокровно отвѣчалъ онъ.

---

*) Подробности будутъ описаны въ своемъ мѣстѣ.

Глазъ мой началъ привыкать къ потемкамъ и я отличилъ, влѣво отъ себя, край сосѣдней сотни. Въ это время турки открыли огонь.

— Окружаютъ, сказалъ Кухаренко и, пожавъ другъ другу руку, мы пошли къ своимъ мѣстамъ.

Наши лицевыя сотни залпомъ отвѣтили на огонь турокъ и продолжали бѣглую пальбу. Первое, что я услышалъ, подойдя къ промежутку между крайнимъ орудіемъ и 1-й сотнею, это былъ голосъ есаула Пархоменко.

— Цѣль ниже, говорилъ есаулъ, — съ колѣна; и онъ, ловкій стрѣлокъ, припавъ къ землѣ, съ винтовкою въ рукахъ, упорно всматривался въ тьму. Сосѣди его слѣва, стояли на одномъ колѣнѣ. Я видѣлъ это подъ искрами ружейнаго огня.

Взглянувъ на меня, Пархоменко сказалъ мнѣ:

— Справимся, полковникъ.

Справа отъ меня послышался голосъ Костина, управлявшаго огнемъ на батареѣ; глухимъ раскатомъ взрыва отдался залпъ нашихъ, маленькихъ орудій. Затѣмъ, какъ-будто въ перебой трескучему огню винтовокъ, они забрызгали картечью. Была своеобразная картина необыкновеннаго пожара. Казалось, мы стояли въ огненномъ шатрѣ; надъ головой какой-то вихрь, въ глазахъ было свѣтло, внизу темно, а въ общемъ ничего не видно. Но вотъ внезапно раздался пронзительный, оглушающій крикъ; и вмѣстѣ съ нимъ какъ-будто крякнули огни, потухли и турки бросились на насъ. Какъ и что тутъ было трудно разсказать; но все, что произошло, то случилось очень скоро. Какъ-будто сшиблись, отскочили; надъ ухомъ треснули винтовки. И вотъ затѣмъ, казаки гикнули, хаосъ и гамъ нежданно оборвался, потомъ онъ гдѣ-то вздрогнулъ и затихъ. Но около орудій, правѣе, дальше отъ меня, еще шумѣли голоса и слышалась какъ бы усталая стрѣльба; тамъ мелькнуло что-то бѣлое *) и рухнуло; еще разъ вздрогнули отдѣльные безпорядочные выстрѣлы и утихли. Мы выжидали притаивъ дыханье. Воцарилась тишина и внутренній голосъ сказалъ, что предъ кубанскими сотнями и лѣвымъ флангомъ батареи обошлось благополучно; но не было извѣстно, что происходило на нашемъ правомъ крылѣ. Пользуясь наступившимъ затишьемъ и чуть-чуть порѣдѣвшимъ мракомъ, я съ трудомъ пробрался вдоль хоботовъ орудій и подошелъ къ сотнямъ Владикавказскаго полка. Тутъ передъ лѣвымъ флангомъ своей 1-й сотни стоялъ могучій, хладнокровный есаулъ Астаховъ. Не знаю, что мнѣ помогло, но я ясно различилъ коренастый его очеркъ. Онъ стоялъ спиною къ сотнѣ, отставивъ одну ногу, папаха его была на затылкѣ, въ рукахъ онъ держалъ револьверъ. Подойдя къ нему вплотную, я только тѣмъ обратилъ его вниманіе на себя; тогда, оборотясь ко мнѣ, онъ сказалъ:

*) Это была бѣлая лошадь тутъ же убитаго турецкаго офицера.

— Отбили!

— Не время и не мнѣ благодарить васъ, произнесъ я.

— Богъ поможетъ, отвѣчалъ Астаховъ.

Я старался разглядѣть сотню и мнѣ показалось, что она была даже выровнена; а въ это время до меня долетѣлъ голосъ Левиса:

— Осетины, не стрѣлять!

Въ этомъ возгласѣ слышались приказаніе и просьба. Онъ боялся, какъ я узналъ послѣ, что пылкіе осетины не выдержатъ хладнокровія; но въ первыя же минуты боя командиры сотенъ напомнили имъ о чести и долгѣ осетинъ и «въ эту ночь», разсказывалъ потомъ Левисъ, «осетины просто утѣшили меня своимъ хладнокровіемъ». Я уже возвращался къ своему мѣсту, какъ услышалъ громкій возгласъ:

— Гдѣ бригадный?

Я поспѣшилъ отозваться, думая, что меня разыскиваетъ посланный ко мнѣ съ какимъ-нибудь извѣстіемъ. Но ко мнѣ подошелъ всадникъ осетинской сотни, лица котораго я не помнилъ и на мой вопросъ, что ему надо, онъ отвѣчалъ мнѣ своимъ гортаннымъ языкомъ:

— Гдѣ твой лошадь?

— Зачѣмъ мнѣ лошадь? произнесъ я, удивленный такимъ вопросомъ, и тутъ только вспомнилъ объ отданномъ мною приказаніи, оставить моихъ лошадей стреножными на тыльной сторонѣ при повозкахъ.

— Вотъ тебѣ лошадь, я знаю, что твои далеко, отвѣчалъ онъ мнѣ и я увидѣлъ, какъ онъ держалъ одною рукою трехъ лошадей въ поводу, а въ другой у него была винтовка.

Озадаченный и тронутый этимъ неожиданнымъ для меня вниманіемъ неизвѣстнаго мнѣ дотолѣ осетина, я благодарилъ его, но отказался отъ лошади, находя неблаговиднымъ быть верхомъ въ нашей тяжелой обстановкѣ, обусловленной упорною пѣшею обороною.

— Не хочешь лошади, такъ я буду тебѣ лошадь, сказалъ онъ, заслоняя меня своей грудью. Случайными свидѣтелями этого поступка были подошедшіе ко мнѣ сотники Кубанскаго полка Шишковъ и Владикавказскаго Шанаевъ. Не успѣлъ я отвѣтить на послѣднія слова осетина, какъ турки бросились на второй приступъ. Едва я дѣлалъ шагъ, какъ неотступно предо мною выходилъ Тего Едзаевъ (имя осетина) и его пронзительное гиканье сливалось надъ моимъ ухомъ со словами: «все будетъ хорошо, не бойся, все будетъ хорошо». Я привожу этотъ случай въ свидѣтельство глубокой теплоты чувства и великодушія, выказанныхъ много разъ на моихъ глазахъ осетинами въ прошедшую войну. Конечно, я не позволю себѣ оскорбить ихъ чувствъ предположеніемъ, что вниманіе это было выражено лично мнѣ, человѣку едва связанному съ ними внѣшними отношеніями; или внушено было ему какимъ-либо корыстнымъ разсчетомъ; нѣтъ, мои хотя и недавнія наблюденія надъ ними, подмѣченныя,

между прочимъ, не далѣе какъ во вчерашнемъ дѣлѣ подъ Градешти, даютъ право утверждать, что въ минуты боя, они, а равно и казаки слѣдили за опасностью, угрожавшею ихъ начальнику. То же самое выразилъ и Тего, явясь на случай выручить то лицо, которое было облечено властью начальника.

Могъ ли я не благодарить его какъ друга за то, что онъ сталъ моимъ щитомъ въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ каждому было вдоволь самостоятельной единичной работы. Богъ насъ спасъ; но еслибы вышло худо, то вѣроятно Тего погибъ бы подъ ударами турокъ прежде меня.

Не могу пройдти молчаніемъ и другого случая. Въ то время, когда окончательно уже было рѣшено, что мы до разсвѣта не тронемся съ мѣста, нѣсколько казаковъ и офицеровъ, въ томъ числѣ и я, собрались подлѣ дуба, т. е. на главной точкѣ нашего сбора. Утомленіе и нервное напряженіе было велико, чувствовалась слабость. Я хотѣлъ прислониться къ дереву и сѣсть; но въ это время неподалеку запуталась лошадь въ упряжкѣ орудій; я пошелъ туда и послѣ благополучнаго окончанія чуть было не поднявшейся суматохи, очутился подлѣ наводчика сосѣдняго орудія. Онъ, стоя у лафета, всматривался по тѣлу орудія.

— Слоняются тутъ близко, ваше высокоблагородіе, въ полголоса сказалъ онъ и повелъ рукой въ темное пространство передъ дуломъ орудія. Признаюсь, я мало что видѣлъ.

— Въ одиночку ползаютъ, продолжалъ онъ и мнѣ показалось, что въ одиночку шевелится что-то.

— А больше ничего не слышишь?

— Не слыхать, отвѣчалъ онъ.

Я вернулся на старое мѣсто, но конечно оно было уже занято. Не желая никого тревожить, я сѣлъ на землю подлѣ собравшейся кучки людей. Въ это время подошелъ ко мнѣ подполковникъ Кухаренко, сказавъ, что на его сторонѣ окончено перестроеніе и разсчитанныя на его боковой фасъ два орудія поставлены на мѣсто. Мы перекинулись съ нимъ нѣсколькими словами, и я предложилъ ему отдохнуть, такъ какъ ничего лучшаго, сравнительно съ принятымъ нами рѣшеніемъ, мы не выдумаемъ до разсвѣта. Сказавъ эти слова, я почувствовалъ, что чья-то сильная рука бережно наклоняла къ себѣ мою голову и ласковый голосъ прибавилъ: «самъ отдохни, утромъ будетъ работа». По звуку говорившаго я сознавалъ, что это былъ голосъ осетина; не узнавая его лица, я спросилъ его имя, но онъ не захотѣлъ отвѣтить и несмотря на распросы въ послѣдующіе дни я и до сихъ поръ не знаю его. Заснуть, конечно, я не могъ, а вскорѣ и всѣ мы поднялись.

4-го Iюля.

Изложивъ послѣдовательный ходъ нашего ночного боя, я отнесъ его къ 3-му числу, такъ какъ онъ закончилъ дѣйствія лѣваго крыла 9-го корпуса, въ теченіе 3-го іюля. Къ тому же, сотни подполковника Энгельгардта тронулись съ бивуака у Мысылеу, ранѣе чѣмъ раздались первые орудійные выстрѣлы 4-го іюля *); слѣдовательно, второй день боя подъ Никополемъ еще не наступилъ. Въ минуту первыхъ орудійныхъ выстрѣловъ, 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи не становилась еще въ ружье, а осетины доставили уже часть захваченнаго обоза.

Но къ разсвѣту 4-го іюля можно отнести прибытіе къ 1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи, сотника Фока и маіора Сипягина. Почти одновременно они сошлись у Мысылеу и маіоръ Сипягинъ доложилъ генералу Кнорингу о положеніи дѣлъ подъ Самовидомъ. Не зная, чѣмъ разрѣшится наше столкновеніе съ турками, ген.-маіоръ Кнорингъ выслалъ къ намъ на поддержку батальонъ пѣхоты. Но батальонъ едва успѣлъ выступить, какъ передъ нимъ показалась та половина нашего отряда, которая была отправлена изъ подъ Самовида, послѣ распоряженія о преслѣдованіи турокъ другою половиною снабженною патронами. Батальонъ остался на бивуакѣ, а возвратившіяся сотни заняли мѣста двухъ сотенъ подполковника Энгельгардта.

Итакъ, утромъ 4-го іюля послѣдовала сдача Никополя, вѣсть о которой скоро долетѣла и до насъ, т. е. до войскъ, расположенныхъ у Муселимъ-Село **).

Затѣмъ главнымъ событіемъ этого дня, освѣщающимъ послѣдующую службу Кавказской бригады была смѣна ее Бугскимъ уланскимъ полкомъ, на р. Видѣ. Тотчасъ послѣ сдачи Никополя уланы выдвинулись къ Градешти; Кавказкая же бригада собралась на Осмѣ. Впослѣдствіи мы слышали, что около Градешти, уланы въ тотъ же день имѣли успѣшныя схватки съ отдѣльными кучками разсѣянныхъ нами турокъ и потому привожу здѣсь это сообщеніе, какъ нѣкоторое свидѣтельство о послѣдствіяхъ нашего боя. Собранныя на Осмѣ восемь съ половиной сотенъ Кавказской бригады, получили приказаніе отойти версты полторы выше Мысылеу и тамъ въ излучинѣ рѣки расположиться за 1-й бригадой 5-й пѣхотной дивизіи. Я слышалъ, что въ войскахъ 9-го корпуса патроны и орудійные заряды были истощены, у насъ же, я положительно знаю, что они всѣ были израсходованы, и нужно было озаботиться объ ихъ пополненіи.

---

*) Всѣхъ выстрѣловъ съ русской стороны было 4 или 5.

**) Мысылеу тоже.

Передвигаясь къ только что сказанному мѣсту нашего бивуака, мы встрѣтили разъѣздъ, высланный отъ сотника Верещагина *) изъ г. Сельви.

Для разъясненія нѣкоторыхъ обстоятельствъ, касающихся этого разъѣзда, необходимо сказать нѣсколько словъ о его дѣятельности, за все время его отсутствія изъ нашего отряда.

Отправленный 29-го іюня изъ Булгарени въ Тырново **) сотникъ Верещагинъ могъ бы при поспѣшности возвратиться къ вечеру 1-го іюля въ Турскій-Тростяникъ ***) и 2-го числа догнать насъ на пути въ Градешти.

Слѣдовательно, до 2-го іюля мы не могли и ждать возвращенія Верещагина; но, конечно, разсчитывали на полученіе отъ него донесеній.

Между тѣмъ, донесеній не было. Мы относили это обстоятельство къ неторопливому возвращенію Верещагина, такъ какъ вполнѣ были убѣждены, что оно не происходитъ отъ какого-либо несчастія. Еслибы съ нимъ случилось что-либо въ этомъ родѣ, то, конечно, до насъ долетѣли бы слухи о несчастномъ происшествіи; къ тому же въ Тростяникѣ стояли двѣ сотни и разъѣзды ихъ, высылаемые въ сторону Ловча-Тырново, прослышавъ что-нибудь подобное, увѣдомили бы насъ. Поэтому не ранѣе какъ изъ Градешти, т. е. 2-го числа, предположено было послать вторую полусотню 3-й сотни Владикавказскаго полка, съ непосредственною цѣлью дойти до Тырнова ****).

Но признаюсь, что въ дни упорныхъ столкновеній съ турками 2-го и 3-го іюля было не до разъѣздовъ въ Тырново и только 4-го іюля у ромъ, было отдано мною приказаніе о непремѣнномъ отправленіи этой полусотни. Но, къ немалому удивленію нашему, только что полученное донесеніе Верещагина пояснило, что онъ, по обстоятельствамъ, о которыхъ я упомяну ниже, вошелъ въ составъ посторонняго отряда и доносилъ:

«Командиру Кавказской бригады изъ Сельви. 2-е іюля пять часовъ вечера. — Имѣю честь донести, что герцогъ Лейхтенбергскій ушелъ за Балканы съ Кіевскимъ гусарскимъ полкомъ. Прибывъ 30-го іюля съ полусотнею въ Самоводы, я встрѣтилъ Его Высочество Главнокомандующаго, который меня немедленно подозвалъ къ себѣ и сказалъ, что пошлетъ меня въ городъ Сельви.

«1-е число я пробылъ въ Тырновѣ, но не имѣлъ возможности извѣстить васъ о себѣ. Сегодня 2-го іюля я чуть свѣтъ былъ отправленъ въ Сельви, которое, по свѣдѣніямъ здѣсь имѣющимся, занято баши-бузуками и черкесами. Я вмѣстѣ съ командиромъ 3-й сотни Орлова полка долженъ прогнать ихъ и занять Сельви, для того, чтобы имѣть постоянное сно-

*) Т. е. изъ полсотни, посланной 29-го числа на связь съ передовымъ отрядомъ въ Тырново.

**) Т. е. по кратчайшему разстоянію за шестьдесятъ верстъ.

***) Сдѣлавъ до восьмидесяти верстъ въ сутки.

****) По слухамъ намъ было извѣстно о переходѣ передоваго отряда за Балканы.

шеніе съ вашею бригадою и съ Габровымъ, въ которомъ также имѣются наши войска.

«Прибывши въ двѣнадцать часовъ по полудни въ Сельви, я нашелъ, что два взвода сотни Орлова уже начали дѣло. Я подкрѣпилъ ихъ и мы сообща прогнали противника, у котораго, какъ намъ извѣстно, было человѣкъ до тысячи баши-бузуковъ и сотни четыре всадниковъ. До сихъ поръ мы занимаемъ Сельви.

«Его Высочество Главнокомандующій лично разговаривалъ со мною въ Тырновѣ и приказалъ мнѣ держаться въ Сельви и постоянно имѣть съ вами связь. Прошу васъ черезъ меня имѣть связь съ штабомъ дѣйствующей арміи который находится въ Тырновѣ. Прошу васъ прислать трубача и остальныхъ людей къ полусотнѣ».

Сотникъ Верещагинъ.

Для разъясненія этого обстоятельства, привожу здѣсь разсказъ, слышанный мною впослѣдствіи изъ устъ болгарина, бывшаго причиною отправленія нашего разъѣзда въ Сельви.

По вступленіи Главной квартиры въ Тырново жители города Сельви, угрожаемые баши-бузуками, отправили въ Тырново болгарина Дмитрія Кара-Иванова «умолять», какъ онъ выразился, «о спасеніи Сельви».

Въ виду настоятельной необходимости исполнить эту просьбу, единственно свободная и случившаяся подъ рукою часть, т. е. полусотня Верещагина, была отправлена въ Сельви, на подкрѣпленіе сотни Донцевъ 30-го полка. Болгаринъ Димитрій-Кара-Ивановъ оказался образованнымъ, храбрымъ человѣкомъ и на столько пристрастился къ казакамъ, отстоявшимъ его родной городъ, что поступилъ охотникомъ въ 3-ю сотню Владикавказскаго полка.

На слѣдующій день, какъ увидимъ ниже, на подкрѣпленіе сотнямъ, посланнымъ въ Сельви, были двинуты Лейбъ-казаки изъ конвоя Его Высочества Главнокомандующаго.

Въ силу записки, полученной нами отъ Верещагина, вторая полусотня 3-й сотни Владикавказскаго полка была отправлена не въ Тырново, но въ Сельви, рано по утру 5-го іюля, и съ тою особенностью, что она была послана уже не въ разъѣздъ, а въ составъ передоваго отряда, на подкрѣпленіе оставленнаго въ немъ Верещагина.

Если, на основаніи этой записки, можно упрекнуть сотника Верещагина, что онъ не прислалъ намъ донесенія, тотчасъ по прибытіи его въ деревню Самоводы, то въ сущности никакого вреда отъ этого не произошло. Главное значеніе этой записки заключалось въ томъ, что она указывала на существованіе нашей связи съ передовымъ отрядомъ; но, сверхъ всякаго ожиданія, полусотня, посланная только для поддержки сообщеній между двумя крайними отрядами, по обстоятельствамъ, отъ насъ

независившимъ, была оставлена въ одной изъ частей передоваго отряда и вмѣстѣ съ нею дралась съ непріятелемъ.

Слѣдовательно, еслибы была необходимость посылать къ намъ гонцовъ, то полусотня Верещагина ежедневно находилась подъ рукою, будучи назначена нами для непосредственной поддержки сообщеній.

Сверхъ всего вышеизложеннаго, записка Верещагина даетъ возможность опредѣлить, изо дня въ день, мѣсто нахожденія всѣхъ сотенъ Кавказской бригады, отъ выступленія нашего изъ Булгарени до Никополя включительно, именно:

Мѣсяцъ и число.	Названіе частей.	Мѣсто нахожденія.
30-е іюня.	1/2 сотни Верещагина	Самоводы.
	Сборная сотня	Булгарени.
	2 сотни Сипягина	Турскій-Тростяникъ.
	8 1/2 сотенъ остальныхъ.	Мечка.
1-е іюля.	1/2 сотни Верещагина	Тырново.
	Сборная сотня.	Булгарени.
	2 сотни Кирканова, Костромской полкъ	Турскій-Тростяникъ.
	6 1/2 сотенъ.	Бреславица.
	2 сотни Энгельгардта, 1-я бриг. 5-й див.	Гиляны-Дебо.
2-е іюля.	1/2 сотни Верещагина	Сельви.
	Сборная сотня, обозъ.	Дебо.
	2 сотни Кирканова, Костромской полкъ	Турскій-Тростяникъ.
	6 1/2 сотенъ	Градешти.
	2 сотни Энгельгардта, 1-я брагага 5-й дивизіи, Бугскій уланскій полкъ . .	Дебо.
3-е іюля.	1/2 сотни Верещагина	Сельви.
	Сборная сотня, обозъ	Дебо.
	2 сотни Кирканова, Костромской полкъ	Турскій-Тростяникъ.
	6 1/2 сотенъ.	Самовидъ.
	2 сотни Энгельгардта, 1-я бригада 5-й дивизіи, Бугскій уланскій полкъ. .	Никополь и Мусылеу.
4-е іюля.	1/2 сотни Верещагина	Сельви.
	Сборная сотня, обозъ	Дебо.
	2 сотни Кирканова, Костромской полкъ	Турскій-Тростяникъ.
	8 1/2 сотенъ, 1-я бригада 5-й дивизіи .	Мусылеу.

Итакъ, 4-го числа мы перешли на Осму, а Бугскіе уланы расположились по рѣкѣ Виду, къ которому Кавказская бригада, выполняя соб-

ственно ей порученную работу, не имѣла надобности и возможности приблизиться вплоть до 18-го іюля.

Какъ только войска 9-го корпуса, послѣ сдачи Никополя, размѣстились на бивуакѣ то по распоряженію командира 9-го корпуса были отправлены пріемщики за патронами и сухарями; но, по значительному удаленію нашему отъ мѣста пріемки *), мы получили ихъ только въ концѣ вторыхъ сутокъ.

Начальникъ 5-й дивизіи, выслушавъ подробности нашего дѣла, вполнѣ остался имъ доволенъ и благодарилъ казаковъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Первая Плевна.

I.

Переходъ отъ Никополя. Рекогносцировка. Сраженіе.

5-го Іюля.

Предполагая, что со взятіемъ Никополя Кавказская бригада снова поступитъ въ составъ передоваго отряда **), я воспользовался отправленіемъ полу-сотни въ Сельви и послалъ донесеніе ***) къ непосредственному своему начальнику генералу Гурко о вѣроятномъ окончаніи содѣйствія Кавказской бригады 9-му корпусу, и поэтому жду приказаній отъ генерала Криденера. Но до утра 5-го іюля ничего по этому поводу рѣшено не было и я получилъ позволеніе отъ генералъ-лейтенанта Шильдера отправиться за разрѣшеніемъ этого вопроса къ командиру 9-го корпуса въ Никополь. Здѣсь, въ Никополѣ, командиръ 9-го корпуса мнѣ сообщилъ, что до полученія дальнѣйшихъ приказаній Кавказская бригада, какъ только пополнится патронами, должна будетъ направиться въ Болгарскій Карагачъ для наблюденія путей отъ Ловчи въ Плевну.

Позднѣйшимъ срокомъ выступленія нашего изъ Мусылеу назначено

---

*) Сухари были доставлены къ намъ 5-го числа вечеромъ, а патроны мы получили 6-го числа находясь уже подъ Турскимъ-Тростяникомъ, по выступленіи изъ Мусылеу. Патроны были отпущены, сколько помнится, изъ Ореше.

**) Изъ состава котораго никакимъ приказомъ Кавказская бригада не была исключена.

***) Доставленное черезъ штабъ дѣйствующей арміи.

было утро 6-го числа, въ которое приказано выступить даже въ томъ случаѣ, если боевые припасы не будутъ доставлены.

Замѣчу здѣсь, что зная уже о нашемъ дѣлѣ подъ Градешти 2-го іюля, командиръ 9-го корпуса не имѣлъ еще донесеній о ночномъ боѣ подъ Самовидомъ. Посему, по приказанію генерала Криденера, составленное мною донесеніе было отправлено къ нему черезъ штабъ 5-й пѣхотной дивизіи; но разумѣется, оно было послано вкратцѣ, потому что для подробностей не было ни времени, ни даже бумаги. *)

Вскорѣ послѣ полудня 5-го іюля въ Кавказской бригадѣ была получена диспозиція **) отъ 4-го числа, для передвиженія частей 9-го корпуса отъ Никополя, по направленію на Плевну.

Въ ней было предписано: 1) Козловскому, Пензенскому и Тамбовскому полкамъ съ сотнею Донскаго № 34 полка и четырьмя батареями, расположиться у Никополя; 2) Галицкому съ двумя батареями стать у Мусылеу; 3) Архангелогородскому съ двумя батареями перейдти въ Градешти; 4) Вологодскому съ двумя батареями къ Шамли; 5) Костромской полкъ съ батареею остается въ Турскомъ-Тростяникѣ ***); Бугскій уланскій и 9-й Донской полки съ батареею переходятъ въ Чіековцы съ цѣлью охранять расположеніе войскъ на Видѣ и высылать разъѣзды отъ Чіековцы на Турскій-Тростяникъ, на Рахово и на Плевну, поддерживая связь съ Кавказской бригадой; 7) Кавказская бригада переходитъ въ деревню Карагачъ, а) наблюдая за дорогами изъ Плевны, Ловчи и Сельви; б) поддерживая связь: съ одной стороны съ кавалерійской бригадою 9-го корпуса, съ другой съ войсками 8-го армейскаго корпуса, находящимися близъ Тырнова.

6-го Іюля.

6-го іюля утромъ, восемь сотенъ Кавказской бригады выступили на Карагачъ. Затѣмъ, слѣдуя по лѣвому берегу Осмы, онѣ отдѣлили отъ себя полу-сотню подъ начальствомъ сотника Фока для сопровожденія раненыхъ 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи изъ Дебо въ Никополь ****) и

---

*) Неожиданнымъ подспорьемъ въ этомъ послѣднемъ недостаткѣ послужила хорошая пачка турецкой писчей бумаги, найденная въ отбитомъ нашими сотнями обозѣ.

**) Приказаніе по войскамъ 9-го армейскаго корпуса 4-го іюля 1877 г. Бивуакъ у дер. Вубе.

***) Въ диспозиціи отъ 4-го іюля не были поименованы двѣ сотни Кавказской бригады, оставленныя въ Турскомъ-Тростяникѣ.

****) Сотникъ Фокъ присоединился къ намъ 9-го іюля. Дѣлаю эту замѣтку съ цѣлью показать время отлучки употребляемое кавалерійскими частями, взятыми изъ состава тактической единицы. Мы говоримъ: выступили восемь сотенъ; въ сущности на лицо ихъ семь; такъ какъ Фокъ былъ въ Никополѣ, за патронами послана другая полу-сотня съ хорунжимъ Хорановымъ и вернулась въ восемь часовъ вечера 6-го числа.

отойдя верстъ тридцать отъ Мусылеу остановились подъ вечеръ близъ Тренчевицы, на ночлегъ въ семи верстахъ отъ Турскаго-Тростяника, дабы избѣжать ночнаго вступленія въ Карагачъ. Надо замѣтить, что въ это время, между семью-восемью часами вечера,—становилось совершенно темно.

Едва мы стали на бивуакъ, какъ въ восемь часовъ вечера намъ были доставлены патроны, привезенные пол-сотнею казаковъ на сѣдлахъ, такъ какъ обоза при насъ не было; вслѣдъ затѣмъ изъ штаба 9-го корпуса было прислано новое приказаніе, въ отмѣну нашего движенія въ Карагачъ, вмѣсто котораго, мы должны были занять Турскій-Тростяникъ. Слѣдовательно, мѣсто нашего ночлега случайно совпало съ новымъ приказаніемъ, въ которомъ было сказано:

«Вслѣдствіе полученнаго отъ начальника штаба дѣйствующей арміи предписанія по телеграфу, часть пѣхоты ввѣреннаго мнѣ корпуса съ Кавказскою бригадою должны быть немедленно двинуты на Плевну.

На этомъ основаніи, въ отмѣну вчерашняго *) приказанія, предлагаю вашему высокоблагородію перейдти сегодня же въ Турскій-Тростяникъ, откуда освѣтить всю мѣстность до Плевны, отъ дороги, ведущей въ этотъ городъ изъ Бресляницы къ югу до путей ведущихъ изъ Плевны въ Сельви и Ловчу. Къ сему присовокупляю, что я вмѣстѣ съ симъ направляю: 1) Донской № 9-й полкъ въ деревню Крета, для освѣщенія мѣстности между дорогами, ведущими изъ Никополя въ Плевну на названную деревню и Бресляницу; 2) 1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи въ Бресляницу. Затѣмъ, 7-го іюля означенныя войска, если не встрѣтятъ препятствія, будутъ направлены въ Плевну вмѣстѣ съ Костромскимъ полкомъ, находящемся въ Турскомъ-Тростяникѣ.

При этомъ прошу ваше высокоблагородіе доставлять командующему 9-ю кавалерійскою дивизіею, которому подчиняетесь какъ вы, такъ и командиръ Донскаго казачьяго № 9-го полка, безъ малѣйшаго промедленія свѣдѣнія о расположеніи и движеніи непріятельскихъ войскъ. Командиръ корпуса генералъ-лейтенантъ баронъ Криденеръ. Начальникъ штаба генералъ-маіоръ Шнитниковъ».

По смыслу этого росписанія, Костромской полкъ находился еще въ Тростяникѣ, и всѣ три полка, назначенные на Плевну, должны были двинуться на нее только послѣ осмотра конницею прилегающей къ ней мѣстности. Такъ какъ при Костромскомъ полку находились наши двѣ сотни, то для немедленнаго исполненія приказанія командира 9-го корпуса, къ начальнику ихъ князю Кирканову, были отправлены нарочные съ приказаніемъ, выслать на разсвѣтѣ разъѣзды по назначеннымъ направленіямъ. Бывшіе же подъ рукою восемь сотенъ, должны

*) Т. е. 5-го числа.

были присоединиться къ нему утромъ 7-го числа, такъ какъ передвиженіе ночью безцѣльно лишило бы людей и лошадей отдыха и пищи.

Посланные къ князю Кирканову, въ Турскій-Тростяникъ, вернулись поздно ночью съ отвѣтомъ, что обѣ Кубанскія сотни съ Костромскимъ полкомъ выступили сего числа съ вечера, по направленію на Плевну *).

Слѣдовательно, обстоятельства сложились такъ, что несмотря на поздно полученное приказаніе направиться на Тростяникъ и оттуда осмотрѣть мѣстность около Плевны, мы хотя случайно но выполнили его сотнями князя Кирканова. Еслибы мы не ограничились тридцативерстнымъ переходомъ **), а продолжали бы его до Карагача, то получили бы приказаніе въ одиннадцать часовъ ночи; а потому на завтра принуждены были бы, дѣлать обратный переходъ. Принимая же во вниманіе ночное время, можно предположить, что приказаніе изъ штаба 9-го корпуса вовсе не дошло бы до насъ въ Карагачѣ, какъ-то случилось съ приказаніемъ начальника 5-й дивизіи, отъ 6-го числа, если оно было къ намъ послано. На основаніи этого послѣдняго, какъ мы узнали на другой день изъ диспозиціи присланной Костромскому полку, Кавказской бригадѣ приказано было продвинуться въ Тученицу ***).

Итакъ, благодаря случайности, мы не получили одновременно, изъ двухъ разныхъ мѣстъ, противоположныхъ приказаній ****) и переночевавъ подъ Тростяникомъ, вступили въ него утромъ 7-го числа.

7-го Іюля.

По прибытіи, 7-го числа въ Тростяникъ, отъ насъ были высланы разъѣзды для освѣщенія мѣстности и для связи съ Костромскимъ полкомъ; для этого:

---

*) На слѣдующій день командиръ Костромскаго полка сообщилъ мнѣ, что приказаніе двинуться на рекогносцировку Плевны изъ Турскаго-Тростяника ему было прислано начальникомъ 5-й пѣхотной дивизіи.

**) А намъ не было причины спѣшить усиленнымъ переходомъ. если считать тридцати верстный переходъ обыкновеннымъ.

***) О чемъ будетъ сказано ниже. Случайное противорѣчіе этихъ приказаній, тѣмъ труднѣе было бы согласовать, что Тучиница отъ Тростяника отстоитъ верстъ на двадцать. Это приказаніе вѣроятно было отдано въ предположеніи, что Кавказская бригада будетъ въ Карагачѣ, и потому, если это такъ, то мы не попали бы въ промежутокъ между Сгалевицей и Бресляницей.

****) Считаю нужнымъ оговориться, что дѣлаю это замѣчаніе съ единственною цѣлью указать на трудность управленія и неизбѣжную медленность въ полученіи приказаній. Въ то время, эти затрудненія были неминуемы по отсутствію у насъ телеграфовъ и большему другъ отъ друга разстоянію отрядовъ на занятой нами позиціи. Командиръ 9-го корпуса воспользовался телеграфомъ по взятіи Никополя и передавалъ депеши въ Главную квартиру съ Румынскаго берега Дуная.

1) Полу-сотня 5-й сотни Кубанскаго полка подъ начальствомъ хорунжаго Мѣняева была направлена черезъ Порадимъ по направленію на Ловчу.

2) Полу-сотня той же сотни выступила на Сгалевицу, подъ начальствомъ сотника Вышеславцева.

3) Отдѣльный разъѣздъ подъ начальствомъ урядника былъ посланъ черезъ Бресляницу въ селеніе Крета къ генералъ-маіору Лошкареву, съ письменнымъ донесеніемъ о сдѣланныхъ распоряженіяхъ и о томъ, что Костромской полкъ, съ двумя сотнями Кубанскаго полка съ вечера 6-го числа выступилъ по направленію на Плевну.

При семъ было прибавлено, что не зная настоящей причины ихъ выступленія, послалъ разъѣзды по направленію на Плевну. Но по словамъ болгаръ, отрядъ выступилъ съ вечера, въ силу полученнаго приказанія, и что тѣже болгаре сбивчиво показываютъ о туркахъ въ Плевнѣ; одни говорятъ объ усиленіи ихъ, другіе объ отступленіи; поэтому, какъ только получу достовѣрныя свѣдѣнія, то тотчасъ сообщу *).

Сверхъ этихъ, дальнихъ разъѣздовъ, 1-я сотня Владикавказскаго полка есаула Астахова, была выставлена прямо противъ насъ отъ Тростяника по направленію къ Гривицѣ.

Вскорѣ по отправленіи разъѣздовъ, глухо раздались орудійные выстрѣлы къ сѣверозападу отъ насъ, на Бресляницу и къ юго-западу на Гривицу. Есаулъ Астаховъ лично сообщилъ о нихъ. Опредѣливъ точное ихъ направленіе, мы немедленно двинулись въ промежутокъ между выстрѣлами. Но такъ какъ у Бресляницы, т. е. вправо отъ насъ, находились: бригада пѣхоты съ бригадою кавалеріи, а влѣво былъ только одинъ полкъ съ двумя сотнями, то мы придерживались болѣе къ послѣднимъ, т. е. къ слабѣйшему отряду.

По мѣрѣ нашего движенія, выстрѣлы все рѣзче слышались между Гривицей и Сгалевицей, и потому мы круто свернули на лѣво, въ Сгалевицу.

Въ этомъ новомъ направленіи мы получили первое донесеніе отъ разъѣзда сотника Вышеславцева, посланнаго на Сгалевицу. Въ донесеніи было сказано: «Догналъ Костромской полкъ и 2-й дивизіонъ Кубанскаго полка. Спрашивалъ командира пѣхотнаго полка, который сказалъ, что Кавказская бригада должна занять Тученицу, направившись на Сгалевицу, у которой стоитъ на позиціи Костромской полкъ и 2-й дивизіонъ, съ цѣлью задержать наступающаго непріятеля изъ Гривицъ. Сотникъ Вышеславцевъ».

---

*) Не сохранивъ у себя копіи посланнаго мною донесенія, я ручаюсь только за общее содержаніе сообщенныхъ мною свѣдѣній, сущность которыхъ заключалась въ томъ, что надо убѣдиться въ происшествіяхъ подъ Плевной.

Я объяснилъ уже выше причину, по которой мы не попали въ Тученицу. Но въ минуту полученія донесенія Вышеславцева, я готовъ былъ предположить, что Тученица названа по ошибкѣ, такъ какъ занятіе ея противорѣчило приказаніямъ отъ 4-го и 6-го іюля. Но выстрѣлы все громче доносились отъ Сгалевицы, и мы продолжали на нихъ свое движеніе. Вскорѣ они смолкли и мы издали еще увидѣли бивуакъ пѣхотнаго полка.

Почти передъ вступленіемъ на бивуакъ, отъ князя Кирканова было прислано донесеніе, помѣченное: «7-го іюля, три часа пополудни. По приказанію командира Костромскаго полка, я отправился на рекогносцировку въ село Гривицы, гдѣ открылъ турецкій лагерь, изъ котораго вышли войска. Кавалерія съ двумя орудіями преслѣдовала насъ съ фронта, а два эскадрона съ орудіемъ хотѣли обойти меня съ праваго фланга. Я отступилъ въ село Сгалевицу, гдѣ нашелъ пѣхотный Костромской полкъ. Войсковой старшина Князь Киркановъ».

Придя въ Сгалевицу, мы нашли въ ней, стоящими на бивуакѣ: а) Костромской полкъ съ 5-ю батареей 31-й артиллерійской бригады; б) находившійся при немъ артиллерійскій паркъ, в) и три сотни Кубанскаго полка: двѣ войсковаго старшины Кирканова, т. е. 3-я и 4-я и обѣ полусотни 5-й сотни, т. е. оба наши разъѣзда; оба разъѣзда соединились и приняли участіе въ преслѣдованіи турокъ, вышедшихъ отъ Гривицы.

Въ минуту нашего прибытія. всѣ три сотни проваживали еще взмыленныхъ лошадей. Тутъ я узналъ отъ командира Костромскаго полка, что онъ, по приказанію начальника 5-й дивизіи, съ двумя сотнями Кубанскаго полка произвелъ рекогносцировку Плевны, и князь Киркановъ вернувшись изъ Гривицы сообщилъ, что въ Плевнѣ видѣнъ большой непріятельскій лагерь, который по словамъ болгаръ, раскинутъ, прибывшимъ вчера въ Плевну сильнымъ турецкимъ подкрѣпленіемъ. Угрожаемыя обходомъ непріятельской конницы, встрѣтившей наши сотни между Гривицей и Плевной, князь Киркановъ отошелъ на Костромской полкъ.

По возвращеніи ихъ на бивуакъ, турецкая конница появилась передъ сторожевыми постами, выставленными Киркановымъ; но наведенная ими подъ огонь пѣшей батареи, она была отброшена удачными ея выстрѣлами. Тогда князь Киркановъ, соединивъ всѣ три сотни Кубанскаго полка, преслѣдовалъ непріятеля до батареи расположенной за Гривицею.

Для окончательнаго опредѣленія работы нашихъ разъѣздовъ въ этотъ день, помѣщаю донесеніе хорунжаго Мѣняева, отправленнаго на Порадимъ. Оно было получено по прибытіи нашемъ въ Сгалевицу, такъ какъ посланному съ нимъ, пришлось уже догонять насъ, по направленію отъ Турскаго-Тростяника.

Донесеніе Мѣняева было прислано изъ Порадима и извѣщало, что: «дивизіонъ (т. е. 2-ѣ сотни князя Кирканова) былъ въ Порадимѣ и

пошелъ на Гривицу, я слѣдую за нимъ. Русскія войска видны на горѣ, недоходя Плевны. Хорунжій Мѣняевъ».

Тотчасъ же по отправленіи этого донесенія, хорунжій Мѣняевъ получилъ приказаніе отъ своего сотеннаго командира, сотника Вышеславцева *), бывшаго уже въ Сгалевицѣ, поспѣшить на соединеніе съ нимъ. Мѣняевъ двинулся туда на рысяхъ и соединился съ сотнею въ ту минуту, когда князь Киркановъ бросился преслѣдовать турецкую конницу. Отъ разъѣзда же, посланнаго въ село Креста къ генералу Лошкареву, донесеній получено еще не было.

Затѣмъ, командиръ Костромскаго полка показалъ мнѣ, недошедшую до насъ диспозицію на 6-е число начальника 5-й дивизіи, въ которой Кавказской бригадѣ предписано было занять Тученицу. Убѣдившись въ дѣйствительности этого приказанія, я обмѣнялся съ нимъ приказаніемъ, полученнымъ изъ штаба 9-го корпуса, по которому мы должны были стать не въ Тученицѣ, но въ Турскомъ-Тростяникѣ. Слѣдовательно, начальникъ 5-й дивизіи отдалъ его, не зная еще о распоряженіи сдѣланномъ въ штабѣ 9-го корпуса. Но во всякомъ случаѣ, обстоятельства сложились такъ, что Сгалевица становилась главнымъ мѣстомъ сбора нашего (восточнаго) отряда, находившагося передъ Плевной; поэтому, намъ оставалось только выставить сторожевые посты и выслать разъѣзды по направленію па Плевну, что и было нами исполнено.

На вопросъ мой, обращенный къ командиру Костромскаго полка, а равно и къ князю Кирканову: послано ли отъ нихъ донесеніе въ Бреслянипу о произведенной рекогносцировкѣ, я получилъ утвердительный отвѣтъ, объ отправленіи этого донесенія. Подробности же рекогносцировки князь Киркановъ изложилъ въ своемъ рапортѣ, поданномъ отъ 8-го іюля командиру Кубанскаго полка **).

---

*) Отправленнаго съ полу-сотнею на Сгалевицу.

**) № 63-й 8-го іюля 1877 года. Бивуакъ при селеніи Сгалуицы.—„Командиру 2-го Кубанскаго коннаго казачьяго полка, командира 2-го дивизіона Кубанскаго коннаго казачьяго полка. Рапортъ. „6-го іюля я выступилъ съ Костромскимъ полкомъ изъ Турскаго-Тростяника къ Плевно-Рущукскому шоссе. Въ четыре часа утра 7-го іюля по приказанію командира Костромскаго полка выступилъ съ дивизіономъ по направленію къ Плевнѣ съ цѣлью развѣдать о противникѣ посмотрѣть селенія: Порадимъ, Сгалуицы и Гривицу, а также отобрать у жителей оныхъ оружіе. Подойдя къ деревни Гривицѣ былъ встрѣченъ артиллерійскимъ огнемъ съ двухъ-орудійнаго укрѣпленія. Подаваясь далѣе я шелъ, пока не увидѣлъ предъ собою два лагеря. Пересѣченная мѣстность скрывала возможность опредѣлить настоящую силу ихъ, но можно было опредѣлить, что они величиною на два полка, а затѣмъ съ пересѣченной мѣстности палатки виднѣлись и далѣе. Вскорѣ было выслано намъ на встрѣчу четыре сотни кавалеріи и баталіонъ пѣхоты при двухъ орудіяхъ. Не смѣя подаваться въ среду огня батарей, построенныхъ на высотахъ передъ Плевно и замѣтивъ намѣреніе противника обойти насъ съ праваго фланга я отошелъ къ Костромскому полку, доложивъ командиру онаго о всемъ мною видѣнномъ, а также и о

Итакъ, весь отрядъ, собранный у Сгалевицы, остался у этого селенія въ ожиданіи приказаній и отвѣта на посланное донесеніе въ Бресляницу о произведенной рекогносцировкѣ. Командиръ Костромскаго полка, а равно и многіе съ кѣмъ мнѣ пришлось говорить въ этотъ день, были убѣждены, что «встрѣтивъ препятствія», въ видѣ большого турецкаго лагеря *) мы не получимъ приказанія двинуться на Плевну.

Но мы его получили въ ночь съ 7-го на 8-е іюля въ запискѣ начальника 5-й пѣхотной дивизіи доставленной изъ Бресляницы. Лично я узналъ объ этомъ приказаніи отъ полковника Клейнгауза, переславшаго мнѣ его въ третьемъ часу ночи съ казакомъ Кубанскаго полка, съ просьбою: по прочтеніи, возвратить записку.

Приказаніе было написано карандашемъ, на бумагѣ въ размѣрѣ обыкновенныхъ полевыхъ донесеній и помню, что оно начиналось словами:

«Командиру Костромскаго полка. Я думалъ, что вы вчера меня поддержите. Теперь уже поздно». Эти слова я твердо помню; затѣмъ приблизительно было написано слѣдующее: «Атакуйте Плевну отъ Гривицы 1-я бригада пойдетъ отъ Бресляницы. Выступленіе въ четыре, канонада въ пять... Кавказская бригада на вашемъ лѣвомъ флангѣ»... Далѣе слѣдовало приказаніе о прикрытіи обоза и артиллерійскаго парка, частью Костромскаго полка **).

томъ, что по слухамъ, собраннымъ отъ жителей съ Плевны, наканунѣ прибыли туда два паши съ сильнымъ войскомъ. Командиръ Костромскаго полка выслушалъ мой докладъ при многихъ офицерахъ его полка и сказалъ, что донесетъ обо всемъ начальнику 5-й дивизіи. Лишь только успѣлъ я передать о вышеизложенномъ командиру Костромскаго полка, какъ непріятель, разсыпая конную цѣпь, началъ стрѣлять въ выставленные мною аванпосты, причемъ подъ казакомъ 3-й сотни убита лошадь. Нѣсколько мѣткихъ выстрѣловъ 5-й батареи 31-й артиллерійской бригады съ пѣхотнымъ прикрытіемъ привели въ замѣшательство и разстроили показавшуюся непріятельскую колонну. Тогда ввѣренный мнѣ дивизіонъ по моему приказанію бросился на непріятеля и подкрѣпленный 5-ю сотнею Кубанскаго полка сбилъ противника и заставилъ его поспѣшно отступить. Преслѣдованіе его продолжалось на разстояніи отъ четырехъ до пяти верстъ и пріостановлено лишь вслѣдствіе появленія новыхъ частей непріятельской пѣхоты, занявшихъ сильную позицію. Оставивъ разъѣздъ для наблюденія за непріятелемъ, я вслѣдствіе крайняго утомленія лошадей, возвратился въ деревню Сталуницы". Командиръ 2-го дивизіона войсковой старшина князь Кирканов ъ. „Настоящій рапортъ представляю командиру Кавказской казачьей бригады". Командиръ 2-го Кубанскаго коннаго полка подполковникъ Кухаренко. № 2055 8-го іюля 1877 года деревня Сталуицы. И. д. полковаго адъютанта хорунжій Карагичевъ.

*) Слова предписанія полученнаго изъ штаба 9-го корпуса отъ 6-го іюля.

**) Виню себя въ томъ, что не списалъ этого приказанія и, помѣщая его теперь, руководствуюсь лишь краткою помѣткою изъ своего походнаго дневника; но, съ другой стороны, будетъ понятно, что получивъ приказаніе за часъ до выступленія, некогда было заботиться о томъ, чтобы списывать его въ недосугѣ темной ночи.

Восемнадцать мѣсяцевъ прошло со времени перваго сраженія подъ Плевной, и оно отнесенное къ разряду нечаянныхъ, было истолковано на разные лады. Всѣмъ достались

8-го Іюля.

Итакъ, въ четыре часа утра войска должны были выступить на Плевну. Трудное предстояло намъ дѣло; тяжелыя мысли давили размышленіе; досада смѣнялась сомнѣніемъ, сомнѣніе зарождало вопросы: зачѣмъ и почему мы идемъ на Плевну? Вчерашній день сложился такъ, что каждому думалось, что приступа на Плевну не будетъ. Приготовленія были сдѣланы только на случай, и между прочими помню, что въ Кавказской бригадѣ было приказано съ вечера имѣть по куску мяса, на случай ранняго выступленія. Позднее полученіе приказанія, поспѣшное выступленіе произвели какое-то разладистое ощущеніе и зародилось мрачное настроеніе духа, надъ которымъ какъ-будто подсмѣивался кто-то и язвительно нашептывалъ: «взаимная поддержка», «выборъ удачнаго мгновенія», должны быть основными свойствами конницы. Но не легко было ей, въ случаѣ надобности поспѣть къ Бресляницѣ, не бросивъ на жертву Костромскаго полка.

По присланной намъ диспозиціи, наступленіе на Плевну должно быть произведено по двумъ направленіямъ. Именно; 1-я бригада 5-й пѣхотной

обвиненія за это сраженіе; но болѣе всего досталось конницѣ. Между тѣмъ, никто изъ обвинявшихъ насъ не обратился за разъясненіемъ его къ тѣмъ лицамъ, въ чьихъ рукахъ могли быть сосредоточены приказанія, исполненіе которыхъ должны быть провѣрены. Въ нашемъ Гривицкомъ отрядѣ, такими лицами были два человѣка. Одинъ изъ нихъ убитый въ сраженіи полковникъ Клейнгаузъ, другимъ лицомъ остаюсь я, пишущій эти строки и послѣ полковника Клейнгауза, принявшій начальство надъ Гривицкимъ отрядомъ.

Цѣлый день 7-го числа, мы стояли передъ турками и только восьмого пѣхота атаковала Плевну. Полученная нами записка съ приказаніемъ атаковать Плевну заслуживаетъ полнаго вниманія, такъ какъ она не предлагала вопросовъ о послѣдствіяхъ рекогносцировки, предписанной начальникомъ 5-й пѣхотной дивизіи, и о томъ, гдѣ же находится Кавказская бригада. Очевидно, что въ Бресляницѣ было извѣстно о соединеніи Костромскаго полка съ Кавказскою бригадою, которая по приказанію начальника дивизіи отъ 6-го числа должна была быть въ Тученицѣ, т. е. въ десяти верстахъ влѣво отъ Костромскаго полка. Приказаніе же, атаковать Плевну обоимъ намъ было общее и прислано на имя командира Костромскаго полка. Въ немъ прямо было указано: Кавказской бригадѣ быть на лѣвомъ флангѣ Костромскаго полка; Тученица же, будучи въ десяти верстахъ разстоянія отъ насъ не могла быть названа лѣвымъ флангомъ полка. Если же допустить самыя крайнія предположенія, и подумать, что упомянутая записка начальника 5-й дивизіи существовала только въ моемъ воображеніи, то тогда Костромской полкъ не атаковалъ бы Плевну одновременно съ 1-й бригадой 5-й пѣхотной дивизіи, и не было бы сраженія 8-го іюля. Послѣ сраженія я спросилъ записку генерала Шильдера у одного изъ офицеровъ Костромскаго полка, которому какъ мнѣ казалось могъ передать ее полковникъ Клейнгаузъ; но отвѣтомъ на мою просьбу были слова: „сколько помнится, полковникъ положилъ ее въ карманъ своего мундира“. Теперь приходится сожалѣть если не существуетъ этой записки; содержаніе ее чрезвычайно важно въ томъ отношеніи, что въ ней было сказано: „Я думалъ, что вы вчера меня поддержите“. Слѣдовательно, войска шедшія отъ Бресляницы также какъ и мы, были въ соприкосновеніи съ турками на-

дивизіи, Бугскій уланскій и 9-й Донской полки двигались по направленію отъ Бресляницы и по Виду; Костромской полкъ шелъ отъ Сгалевицы на Гривицу. Кавказской бригадѣ приказано слѣдовать уступомъ за его лѣвымъ флангомъ. Артиллерійскій паркъ и обозъ восточнаго, т. е. нашего отряда, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Костромскаго полка оставленъ въ Сгалевицѣ. Слѣдовательно, передъ началомъ своего наступленія на Плевну наши отряды были расположены почти подъ прямымъ угломъ другъ къ другу. Промежутокъ между ними на мѣстахъ ночлега былъ отъ пятнадцати до восемнадцати верстъ и только по линіи встрѣчной турецкой обороны, т. е. отъ Гривицы къ дорогѣ Бресляница-Плевна, онъ сокращался до семи верстъ. Тутъ русскіе должны были сойтись съ турками. Чтобы сколько-нибудь пополнить промежутокъ, раздѣлявшій отряды нашей пѣхоты и обезпечить правый флангъ Костромскаго полка, въ непосредственное его распоряженіе, были назначены двѣ сотни Кубанскаго полка князя Кирканова. Вмѣстѣ съ симъ князю Кирканову вмѣнено въ обязанность: поддерживать связь съ лѣвымъ флангомъ 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи. Сверхъ сего, къ начальнику 5-й пѣхотной дивизіи назначенъ особый офицерскій разъѣздъ въ Бресляницу, который и отправился къ нему

канунѣ Плевненскаго сраженія: и случайно или преднамѣренно, но имѣли рекогносцировку. А потому и разыгравшееся 8-го іюля сраженіе подъ Плевной не можетъ быть отнесено къ разряду „случайныхъ"; и такъ называемое „дѣло генерала Шильдера" не есть оплошное его походное движеніе на Плевну. Если же и была оплошность, то ее слѣдуетъ искать гдѣ-нибудь въ день наступательнаго движенія русскихъ 7-го числа, а не въ день сраженія подъ Плевною 8-го іюля.

Не зная подробностей столкновенія нашихъ войскъ съ турками подъ Бресляницей я не могу и разсказывать о немъ; но обращаю вниманіе на то обстоятельство, что со стороны Гривицы, потери 7-го числа заключались въ одной убитой лошади. Слѣдовательно, Гривицкій отрядъ не можетъ принять на себя укора въ оплошности.

Неизвѣстными оставались лишь вопросы: откуда, когда и сколько прибыло подкрѣпленій къ шести таборамъ, (рекогносцировка подъ начальствомъ Владикавказскаго полка подполковника Бибикова), занявшимъ Плевну 27-го іюня.

Вопросы эти разрѣшились на другой день; но для цѣлости разсказа отвѣчу на нихъ тутъ же.

По свидѣтельству однихъ, турки въ числѣ двадцати тысячъ подошли къ Плевнѣ 5-го іюля, по показанію другихъ, они вступили почти одновременно съ нашимъ движеніемъ отъ Никополя, но оба показанія сходились въ томъ, что турки пришли не по рѣкѣ Виду, не отъ Ловчи и Софіи, а черезъ Метрополье, т. е. съ запада, со стороны прямо противоположенной Гривицѣ, переправясь, по всему вѣроятію, черезъ рѣку Искеръ у Магалеты.

Спрашивается, могла ли конница 9-го корпуса видѣть вступленіе силъ Османа ранѣе своего соприкосновенія съ турками 7-го іюля?

Отвѣтить на этотъ вопросъ, я могу только за себя и говорю, что для наблюденія за движеніемъ турокъ отъ Искера на Метрополье, Кавказская бригада должна была бы имѣть постъ на Софійскомъ шоссе гдѣ-нибудь подлѣ Дольняго Дубняка, т. е. въ сорока верстахъ отъ Тростяника и въ срединѣ сообщеній противника. Врядъ ли турки допустили бы наши слабыя силы не только держаться, но и приблизиться къ этому мѣсту.

при началѣ артиллерійскаго боя *). Князь Киркановъ, явился къ командиру Костромскаго полка и получилъ приказаніе освѣтить его наступленіе. Составивъ, такимъ образомъ, авангардъ Костромскаго полка, онъ слѣдовалъ въ головѣ его, до перестроенія баталіоновъ въ ротныя колоны. Затѣмъ, князь Киркановъ передвинулся на правый флангъ Костромскаго полка и дозоры его соединились съ донцами 9-го полка, выставленными отъ Бресляницы **) Костромской полкъ недошелъ еще до разстоянія предѣльныхъ выстрѣловъ турецкихъ орудій, какъ орудійные выстрѣлы раздались со стороны Бресляницы. Неужели мы опоздали? подумалось въ это время. Но Костромской полкъ выступилъ ровно въ четыре часа; слѣдовательно, тамъ, подъ Бресляницей турки были ближе къ русскому расположенію, или наши выступили раньше времени. Но вотъ, около шести часовъ утра изъ батареи построенной на горѣ, выше Гривицы (почти на мѣстѣ будущаго большаго Гривицкаго редута) турки открыли орудійный огонь по нашему наступленію.

Турецкая позиція имѣла видъ высокаго, крутого полукружія, обращеннаго къ намъ выпуклою стороною; правое крыло турокъ упиралось въ Радишево и направляясь черезъ Гривицу поворачивало на сѣверо-западъ къ рѣкѣ Виду, въ берегъ котораго ниспадали утесы Опанца. Гривица, расположенная у подошвы обращенныхъ къ намъ Плевненскихъ крутостей, какъ бы встрѣчала русское наступленіе. Отъ нея поднимались холмы и горы за которыми стояла Плевна, пріютившаяся въ ихъ глубокой котловинѣ. Въ день 8-го іюля, на гребнѣ этихъ горъ росъ высокій кустарникъ, отъ котораго ниспадали двѣ противоположныя крутости. Обращенныя къ намъ я назову наружными, а противоположныя внутренними.

Внутреннія скаты круче и короче наружныхъ. Эти послѣднія, длинною покатостью спускаясь въ нашу сторону, почти не имѣютъ мертваго пространства; думаю, что эта особенность имѣла не малое вліяніе на большую убыль Костромскаго полка.

По мѣрѣ того, какъ онъ подходилъ къ Гривицѣ, 5-я ***) батарея, 31-й артиллерійской бригады послѣдовательно мѣняя позиціи удачно отвѣчала огню турецкихъ орудій. До семи часовъ мы имѣли передъ своими глазами постепенно подававшійся впередъ Костромской полкъ. Въ семь часовъ утра, лѣвофланговый его баталіонъ подошелъ къ Гривицкому оврагу; батарея и остальные два баталіона наступали правѣе Гривицы. Гривица и возвышающіяся за нею крутости были заняты турками, которые

---

*) Сколько помнится, то разъѣздъ былъ подъ начальствомъ хорунжаго Кубанскаго полка Бирюкова.

**) По словамъ князя Кирканова, его цѣпь стояла въ связи съ донскими казаками до взятія Костромскимъ полкомъ турецкой батареи. Послѣ чего донцы быстро стянулись къ своему правому крылу.

***) Находившаяся при Костромскомъ полку.

встрѣтили Костромичей сплошнымъ ружейнымъ огнемъ. Лѣвофланговый баталіонъ спустился въ оврагъ, чтобы занять Гривицу. Подлѣ него, если не ошибаюсь, находился и командиръ полка; баталіонъ скоро скрылся въ оврагѣ, а высокая кукуруза укрывала отъ нашихъ глазъ и тѣхъ, которые шли правѣе его.

Склоны горъ густо покрылись ружейнымъ дымомъ и только бѣлыя красивыя кольца орудійныхъ выстрѣловъ, одиноко взвивались надъ пеленой пороховаго тумана.

Въ это время, т. е. около семи часовъ утра Кубанскій казакъ доставилъ мнѣ записку, въ которой было сказано:

«Кавказской бригадѣ приказано заходить имъ въ тылъ». Полковникъ Клейнгаузъ.

Приказаніе заходить въ тылъ туркамъ, въ то время, когда дѣло едва лишь начиналось, казалось преждевременнымъ; но по словамъ: «приказано заходить имъ въ тылъ» было очевидно, что записка получена изъ Бресляницы, слѣдовательно, почему-нибудь надо было спѣшить въ тылъ туркамъ. Итакъ какъ нашъ Гривицкій отрядъ могъ попасть въ турецкій тылъ не иначе какъ обходомъ ихъ праваго крыла на Радишево, то мы и двинулись по этому направленію.

Направляясь балками, минуя возвышенные скаты, мы скрытно подошли къ Радишеву и остановились вблизи его, чтобы сколько-нибудь осмотрѣться на новой мѣстности. Радишево лежитъ въ лощинѣ, у подножія двухъ крутыхъ лѣсистыхъ обрывовъ. Образуя отдѣльно занятый постъ на правомъ крылѣ турокъ, оно было занято двумя ротами пѣхоты; подъ самой Плевной стояли сильныя турецкія подкрѣпленія. Для наблюденія за Радишевымъ, была выдвинута 1-я сотня Кубанскаго полка, балкою подошедшая къ самой деревнѣ. Кругомъ насъ спускались обрывы узкихъ, лѣсистыхъ холмовъ и не было мѣста для дѣйствія въ конномъ строю; пѣхотный бой тутъ могъ бы быть упорный; мы могли бы обстрѣлять ихъ огнемъ орудій. Но Радишево расположенное подъ лѣсистою горою, находилось въ мертвомъ углѣ нашихъ выстрѣловъ; четырехъ-фунтовыя орудія могли бы взять отсюда по открытому флангу турецкихъ подкрѣпленій передъ Плевной; но трехъ-фунтовыя горныя орудія не добросили бы снарядовъ и на половину этого разстоянія. Видя невозможность дѣйствовать на этой мѣстности, мы подались еще лѣвѣе, ставъ между Радишевымъ и Тученицкимъ оврагомъ; тутъ мѣстность была лучше, хотя для преслѣдованія турокъ на Плевну, намъ слѣдовало перейти еще Радишевскій оврагъ.

Отсюда весь тылъ турецкихъ позицій намъ былъ виденъ. Передъ Плевной стояли густыя колонны свѣжихъ турецкихъ подкрѣпленій; мы находились отъ нихъ на разстояніи вѣрнаго выстрѣла турецкихъ орудій. Но турки стояли твердо и не думали объ отступленіи. Съ занятой нами

высоты мы видѣли, какъ ближайшій къ намъ батальонъ Костромскаго полка поднялся изъ Гривицы, ударилъ на ложементы и взялъ окопанную батарею, насыпанную на два орудія. 5-я батарея 31-й артиллерійской бригады производила видимое опустошеніе въ турецкихъ рядахъ и они бѣжали, покинувъ свою батарею, на которой одно орудіе, какъ намъ казалось, было подбито. Костромичи поднялись на высоты и скоро скрылись въ кустахъ, бывшихъ между ними и турками. Что тамъ происходило я не знаю, но мы видѣли какъ отступившіе турки спустились къ своимъ подкрѣпленіямъ, стоявшимъ у самой Плевны.

За нашею тонкою линіею таковыхъ не было видно и отъ Бреслянницы никакого движенія не замѣчалось. Высоты скрывали кругозоръ за правымъ крыломъ Костромскаго полка и еслибы не слабо доносившіеся оттуда орудійные выстрѣлы можно было бы подумать, что бой происходитъ, только передъ Костромскимъ полкомъ.

Въ то время какъ роты Костромскаго полка вошли въ кусты, что росли на гребнѣ Плевненскихъ высотъ, ружейная пальба прекратилась и по всему протяженію боя наступило какое-то мертвящее душу молчаніе.

Но вотъ изъ кустовъ показались бѣлыя точки *), отступавшіе съ того мѣста, гдѣ залегли роты Костромскаго полка; мы приняли ихъ за одиночное движеніе раненыхъ; но вслѣдъ за ними понемногу прибавилось еще нѣсколько и вскорѣ все, что поднималось на гору отъ Гривицы, стало отходить, длинною цѣпью, безъ выстрѣла обратно. У Костромскаго полка какъ послѣ оказалось истощились патроны; поэтому сначала отступили одиночные люди, а за ними отошелъ и весь полкъ потерявшій въ бою не малое число офицеровъ, начиная съ полковаго командира.

Тогда изъ Плевны поднялась густая, тройная турецкая цѣпь пѣхоты, перемѣшанная со всадниками **) и издали, но тоже безъ выстрѣловъ, она медленно подвигалась за нашею пѣхотою. Тутъ уже ясно было, что сраженіе проиграно и наше движеніе въ тылъ непріятеля не могло имѣть примѣненія, такъ какъ турки могли обрушиться превосходными силами на ослабѣвшій Костромской полкъ; поэтому, Кавказская бригада рысью возвратилась на прежнее мѣсто къ Гривицѣ на соединеніе съ Костромскимъ полкомъ. Быть можетъ, подъ Гривицей могло разыграться разстрѣливаніе турками Кавказской бригады, но она должна была дать время Костромскому полку вздохнуть и собраться за нею. При началѣ этого движенія, вторая сотня Кубанскаго полка была выслана впередъ для скорѣйшаго поданія помощи раненымъ. Приблизясь къ Гривицкому

*) Костромской полкъ былъ въ бѣлыхъ шароварахъ и сколько помнится въ рубашкахъ.

**) Намъ впослѣдствіи неоднократно приходилось видѣть, какъ густая пѣхотная цѣпь турокъ была сопровождаема рѣдкою цѣпью кавалеристовъ.

шоссе, мы увидѣли толпу раненыхъ ближайшаго къ намъ батальона, которымъ врачи не успѣвали дѣлать перевязки; турки подходили къ Гривицѣ и въ это же время, почти одновременно, были получены мною три слѣдующія извѣстія:

1) Подъѣхавшій ко мнѣ офицеръ Костромскаго полка сообщилъ, что полковой командиръ убитъ и что множество офицеровъ и нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя, остальные растянулись и неизвѣстно какимъ образомъ соберутся.

2) Съ перевязочнаго пункта была доставлена записка:

«Я, завѣдывающій перевязочнымъ пунктомъ, прошу ваше высокоблагородіе отстоять наше отступленіе, такъ какъ я не могу подобрать нашихъ раненыхъ; сотни недостаточно. Іюля 8-го, поручикъ Брискенъ.

3) Съ праваго фланга Костромскаго полка:

«Костромской полкъ разбитъ; командиръ убитъ и мы отступаемъ на Сгалевицы. Остановились у Гривицы. Турки наступаютъ; дайте помощь, иначе артиллерія въ опасности. Князь Кирскановъ.»

Итакъ, Кавказская бригада прибыла во время, и для удовлетворенія этихъ требованій были сдѣланы слѣдующія распоряженія:

1) Для помощи раненымъ, собиравшимся на Гривицкомъ шоссе, оставлены двѣ сотни Кубанскаго полка, съ цѣлью отвезти ихъ подъ своимъ прикрытіемъ, по окончаніи перевязки, въ Сгалевицы.

Остальныя двѣ сотни Кубанскаго полка были расположены нѣсколько правѣе ихъ, по сю сторону Гривицы, какъ для поддержки прикрытія раненыхъ на Гривицкомъ шоссе, такъ и для наблюденія за Гривицей. По отбытіи раненыхъ въ Сгалевицы, этимъ двумъ сотнямъ приказано было присоединиться къ Владикавказскому полку.

Этотъ послѣдній, на основаніи полученныхъ донесеній, былъ двинутъ на правый флангъ Костромскаго полка. Затѣмъ, по нашу сторону Гривицкаго оврага, начиная отъ шоссе вплоть до кубанскихъ сотенъ князя Кирканова *), были разсыпаны двѣ сотни Владикавказскаго полка. Къ этому времени турки заняли ближайшую къ нимъ ограду Гривицы и открыли рѣдкій орудійный огонь изъ покинутой и теперь вновь занятой ими батареи.

Владикавказскія сотни подошли къ правому флангу Костромскаго полка, собиравшемуся у большой рощи, которая, если судить по русской десятиверстной картѣ, начинается не далеко отъ Гривицы и тянется до того мѣста, гдѣ на ней обозначено «Палацъ» **).

---

*) Находившагося на правомъ флангѣ Костромскаго полка.

**) Селенія Палацъ на этомъ мѣстѣ не находится; по показаніямъ проводниковъ, этимъ названіемъ именуется сказанная роща; на картахъ Каница и на австрійской названіе Палацъ не обозначено.

*

Здѣсь, несмотря на летающія гранаты, офицеры собирали и выстраивали полкъ, выпустившій всѣ патроны; въ батареѣ не было снарядовъ; двѣ сотни князя Кирканова стояли впереди, разсыпавъ цѣпь передъ надвинувшимися турками.

Князь Киркановъ, составляя авангардъ Костромскаго полка при вступленіи его въ дѣло, оставался затѣмъ все время на его правомъ флангѣ. Увидавъ, въ одиннадцать часовъ пополудни, отступленіе нашей пѣхоты, онъ тотчасъ выдвинулся впередъ; занавѣсилъ мѣсто сбора Костромскаго полка и оставался въ такомъ положеніи вплоть до прибытія *) Владикавказскаго полка, который и сталъ въ резервѣ за этими сотнями. Для помощи раненымъ Кавказская бригада дала все то число казаковъ, которое можно было освободить изъ строя, стоявшаго наготовѣ встрѣтить турокъ. День былъ жаркій, жажда мучила раненыхъ, а воды не было.

Наконецъ въ рощѣ былъ найденъ источникъ (ключъ) и изъ него казаки подвозили воду въ котелкахъ. Доктора Кубанскаго и Владикавказскаго полковъ **) послѣ помощи, оказанной раненымъ Костромскаго полка, оставленнымъ у Гривицы и по отправленіи послѣднихъ въ Сгалевицы, подоспѣли сюда и неутомимо работали съ врачами Костромскаго полка; лазаретныя линейки, лафеты и зарядные ящики были переполнены ранеными; казаки по собственному желанію усаживали ихъ на свои сѣдла и вели въ поводу вплоть до мѣста ночлега.

---

*) № 64-й, 9-го іюля 1877 года, бивуакъ при селеніи Турскій-Тростяникъ. — Командиру 2-го Кубанскаго коннаго казачьяго полка командира 2-го дивизіона Кубанскаго коннаго казачьяго полка. Рапортъ. Вчера, 8-го іюля, въ четыре часа утра дивизіонъ выступилъ въ авангардѣ Костромскаго полка, начавшаго наступленіе на Плевну. Дойдя до сел. Гривицы, по дивизіону былъ открытъ артиллерійскій огонь съ непріятельской батареи, скрытно расположенной за окопами на высотахъ между сел. Гривицей и Плевной. Пѣхота наша построилась въ боевой порядокъ, а дивизіонъ получилъ приказаніе отъ полковаго командира прикрывать его правый флангъ и поддерживать связь съ 1-ю бригадою 5-й пѣхотной дивизіи, начавшей еще ранѣе наступать со стороны Бресляницы, для чего я и поднялся на высоты правѣе сел. Гривицы, гдѣ и расположилъ дивизіонъ въ закрытой отъ выстрѣловъ лощинѣ; по мѣрѣ наступленія пѣхоты дивизіонъ подавался впередъ. Къ одиннадцати же часамъ огонь прекратился и дивизіонъ, выѣхавъ изъ лощины, замѣтилъ вправо отступавшую пѣхоту толпою и батарею, немедленно подался къ нимъ, перестроившись на ходу въ боевой порядокъ подъ артиллерійскимъ огнемъ противника и своею стойкостью удерживалъ въ отдаленіи непріятельскую кавалерію. Я тотчасъ же донесъ начальнику Кавказской бригады объ опасномъ положеніи страшно утомленной и разстроенной продолжительнымъ боемъ пѣхоты и артиллеріи, отступавшей безпатроновъ и зарядовъ и просилъ помощи. Въ половинѣ втораго часа дня я присоединился къ прибывшей бригадѣ. Командиръ 2-го дивизіона войсковой старшина князь Киркановъ. Настоящій рапортъ представляю командиру Кавказской казачьей бригады. Командиръ 2-го Кубанскаго коннаго полка подполковникъ Кухаренко. — И. д. полковаго адъютанта хорунжій Карагичевъ. № 2054. 9-го іюля 1877 г.

**) Кубанскаго полка Лабуцъ и Владикавказскаго—Скворцовъ.

Конечно, работа эта потребовала много времени; турки не двигались, но орудійный огонь ихъ не прекращался. Почти въ минуту нашего соединенія съ правымъ флангомъ Костромскаго полка, прибылъ къ намъ отъ начальника 5-й дивизіи хорунжій Бирюковъ, посланный къ нему въ началѣ боя съ разъѣздомъ Кубанскаго полка. Онъ сообщилъ объ отступленіи сѣвернаго отряда на Бресляницу и привезъ намъ приказаніе стягиваться по тому же направленію. Въ первую минуту по полученіи этого приказанія, я хотѣлъ было выполнить предстоящее намъ фланговое движеніе передъ торжествующимъ непріятелемъ. Повидимому, для приведенія его въ исполненіе, стоило только увѣдомить паркъ и обозъ, оставленные въ Сгалевицѣ, и приказать имъ одновременно съ нами направиться на Бресляницу. Но на дѣлѣ движеніе это встрѣтило много затрудненій. Часть раненыхъ уже была направлена на Сгалевицу, въ которой приказано было собрать подводы для ихъ дальнѣйшей перевозки. Къ тому же, мы сами были обременены ранеными, которыхъ не на чемъ было отвезти въ Бресляницу, удаленную отъ Палаца по крайней мѣрѣ на десять верстъ *). Поэтому, я послалъ донесеніе начальнику 5-й дивизіи о потеряхъ Костромскаго полка и о невозможности, въ силу этого, двинуться на Бресляницу, такъ какъ Сгалевица была ближе къ намъ и въ ней можно было найдти подводы для раненыхъ. Кромѣ того намъ невольно приходило въ голову то соображеніе, что при отступленіи на Бресляницу останется безъ наблюденія нашъ лѣвый флангъ, т. е. Гривицкое шоссе, а на немъ стояли уже турки, менѣе чѣмъ въ полуверстѣ разстоянія отъ нашей цѣпи.

Въ то время, когда мы были уже на правомъ флангѣ Костромскаго полка, прибылъ, почти вслѣдъ за хорунжимъ Бирюковымъ, разъѣздъ, посланный нами вчера изъ Тростяника къ генералу Лошкареву и привезъ отъ него записку помѣченную: съ позиціи передъ Плевною, 8-го іюля, 7 час. 25 мин.

«Полковнику Тутолмину. Немедленно шибко двиньтесь въ тылъ туркамъ, наступающимъ по большой дорогѣ отъ Плевны въ Бресляницу; мы сколько можемъ удерживаемъ ихъ.

Генералъ Лошкаревъ.»

Эта записка была получена во второмъ часу пополудни, слѣдовательно тогда, когда весь бой былъ уже оконченъ. На вопросъ, обращенный къ разъѣзду, почему записка доставлена такъ поздно, посланные отвѣчали, что должны были ѣхать кружнымъ путемъ, въ виду усиленнаго турецкаго натиска отъ Плевны на Бресляницу; но какъ бы тамъ ни было, вѣрно только то, что 1) разъѣздъ, посланный вчера, 7-го іюля, въ с. Крета, прибылъ по назначенію и ночевалъ въ расположеніи праваго

*) По русской десятиверстной картѣ.

нашего фланга и утромъ 8-го іюля былъ отправленъ съ поля обратно; 2) то, что Кавказская бригада не выполнила привезеннаго разъѣздомъ приказанія потому, что въ 7 часовъ утра она уже получила приказаніе, переданное черезъ полковника Клейнгауза, выраженное въ словахъ: «Кавказской бригадѣ приказано заходить имъ въ тылъ». Для нашего же расположенія турецкій тылъ былъ дер. Радишево, куда мы и направились. Но слѣдуетъ замѣтить, что время отправленія записки генерала Лошкарева помѣчено 7 ч. 25 м. Приказаніе отъ Клейнгауза получено ранѣе 7 час. утра. Слѣдовательно, приказаніе командиру Костромскаго полка направить Кавказскую бригаду въ тылъ туркамъ, было послано раньше записки генерала Лошкарева. Если въ штабѣ 5-й дивизіи не сохранилось отпуска этого приказанія, то кончина полковника Клейнгауза не даетъ возможности повѣрить, отъ кого было прислано первое приказаніе. Но спрашивается: еслибы Кавказская бригада получила второе приказаніе во время, могла ли она оказать содѣйствіе нашему правому флангу? На этотъ вопросъ можно отвѣтить скорѣе утвердительно, прибавивъ: еслибы мѣстность и строй турокъ способствовали неожиданному для нихъ нападенію; но двинуться на Бресляницкую дорогу она могла только однимъ полкомъ, потому что врядъ ли она могла оставить безъ прикрытія лѣвый флангъ Костромскаго полка, совершенно удаленный отъ нашихъ главныхъ силъ. Если же она пошла на Радишево въ составѣ восьми сотенъ, оставя двѣ при Костромскомъ полку *), то въ этомъ случаѣ Костромской полкъ былъ у нея на виду и она всегда могла взять турокъ во флангъ или тылъ, еслибы они потѣснили его.

Въ числѣ роковыхъ случайностей этого дня было два обстоятельства, которымъ слѣдовало пособить, но у меня не было къ тому возможности. Говорю про оставленные на полѣ сраженія ранцы Костромскаго полка и тѣло полковника Клейнгауза.

Одинъ изъ офицеровъ Костромскаго полка просилъ меня отрядить казаковъ для подбора ранцевъ, сложенныхъ въ Гривицкой балкѣ. Костромской полкъ началъ дѣло въ ранцахъ и спустился подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ въ Гривицкую балку. Для облегченія приступа на крутые гривицкіе скаты, полковникъ Клейнгаузъ приказалъ ихъ снять и сложить тутъ же подъ Гривицей **).

Въ этой просьбѣ я отказалъ, потому что для подбора хотя бы 2000 ранцевъ нужно было назначить не менѣе пяти сотенъ, а готовый къ бою

---

*) Одиннадцатая сотня въ Сельви, двѣнадцатая (сборная изъ худоконныхъ и раненыхъ) при обозѣ.

**) См. записку полковаго адъютанта Костромскаго полка о мѣстѣ нахожденія ранцевъ приведенную ниже.

строй былъ необходимъ для всякой случайности *). Вторая просьба сдавила меня скорбью; мнѣ было стыдно бросить тѣло полковаго командира, честно павшаго въ бою; но послать на убой свѣжую горсть людей было бы грѣшно; нельзя было допустить, чтобы турки удержались отъ открытія огня, находясь не далѣе 200 шаговъ отъ посланныхъ для этой цѣли людей. Если нельзя было вынести полковаго командира въ минуту смерти, то теперь тѣмъ болѣе трудно было розыскивать его между десятками столь же честно павшихъ воиновъ.

Я не помню до котораго часа мы оставались на мѣстѣ нашего случайнаго сбора и перевязки раненыхъ; но Кавказская бригада отступила отъ Гривицы только тогда, когда Костромской полкъ совершенно устроился. Ввѣривъ непосредственное распоряженіе отступленіемъ, командиру 5-й батареи, какъ старшему въ чинѣ, я поручилъ ему отвести полкъ и батарею вслѣдъ за ранеными.

Когда Костромской полкъ и батарея, двинувшись въ полномъ порядкѣ, отошли отъ насъ на версту, тогда, отступила и Кавказская бригада; но передъ турками были оставлены и разсыпаны цѣпью двѣ сотни. Имъ приказано отходить шагъ за шагомъ не ранѣе, какъ весь нашъ отрядъ скроется у нихъ изъ виду **).

Помню что при началѣ нашего отступленія, ко мнѣ присланъ былъ съ приказаніемъ, съ лѣваго фланга нашей цѣпи, Владикавказскаго полка прапорщикъ Херановъ. Мы оба обернулись лицемъ къ Гривицѣ — и передъ нами мелькнуло пламя послѣдняго орудійнаго выстрѣла турокъ. Слѣдовательно, мы оставались вплоть до сумерекъ на мѣстѣ сраженія, окончившагося въ первомъ часу пополудни.

Но на пол-пути въ Сгалевицы на насъ обрушилась новая бѣда. Отъ казаковъ посланныхъ за подводами въ Сгалевицы мы узнали, что паркъ и обозъ, отошли на Турскій-Тростяникъ, получивъ свѣдѣнія отъ перепуганныхъ болгаръ будто бы турки наступаютъ по Гривицкому шоссе; что болгары бѣгутъ изъ селенія, но тѣмъ не менѣе казакамъ удалось собрать нѣсколько подводъ, что раненые прибываютъ въ Сгалевицы и что пришедшіе

*) 11-го іюля мною было получено приказаніе отъ начальника 5-й дивизіи справиться въ Костромскомъ полку, гдѣ сложены ранцы и, подобравъ ихъ, доставить на подводахъ подъ охраною казаковъ. На это я отвѣчалъ донесеніемъ о невозможности собрать ихъ въ день боя и тѣмъ болѣе это трудно сдѣлать теперь, потому что не можемъ набрать подводъ и для раненыхъ, не только для ранцевъ, которые, по всему вѣроятію, въ большинствѣ уничтожены. Поэтому для подбора ихъ остатковъ просилъ особаго приказанія. Для подробнаго же отвѣта начальнику 5-й дивизіи о мѣстѣ склада ранцевъ получилъ записку отъ адъютанта Костромскаго полка, которую привожу дословно: „Роты 1-го батальона: пятая и шестая оставили ранцы въ балкѣ, правѣе дороги въ Гривицу, не доходя ея; остальныя роты оставили ихъ въ той же балкѣ, но ближе къ Гривицѣ, въ загибѣ балки. Полковой адъютантъ поручикъ Подгаевскій."

**) Разумѣется, если турки не начнутъ насѣдать на насъ.

уже туда, подъ прикрытіемъ двухъ нашихъ сотенъ отъ Гривицы, прослѣдовали вслѣдъ за обозомъ на Турскій-Тростяникъ. По полученіи этого извѣстія пришлось послать за обозомъ въ Турскій-Тростяникъ и вернуть его, если онъ не прослѣдовалъ куда-нибудь дальше. Поздними сумерками мы вступили въ Сгалевицы, выславъ разъѣзды къ сторонѣ Плевны и приступили къ укладкѣ раненыхъ на подводы.

Въ восемь часовъ вечера, отъ офицера, находившагося при обозѣ Кавказской бригады, получено было донесеніе въ которомъ сообщалось:

«Обозъ расположенъ на горѣ, около села Турскаго-Тростяника; лошади упряжныя сильно утомлены, раненые просятъ отдыха; 13-й летучій паркъ присоединился къ намъ; получено свѣдѣніе, что на нашъ обозъ непріятель наступаетъ; нужно подкрѣпленіе». Войсковой старшина Голяховскій.

Вслѣдъ за симъ получено увѣдомленіе отъ командира летучаго 13-го парка:

«Командующему Кавказской казачьей бригадой. Сообщаю вашему высокоблагородію, что ввѣренный мнѣ паркъ съ полными боевыми запасами безъ всякаго прикрытія не можетъ выступить въ настоящее время по вашему приказанію. Двѣ сотни *) казаковъ для прикрытія обоза и парка, крайне недостаточно въ ночное время, а потому принимаю отвѣтственность на себя и удерживаю до разсвѣта, а съ разсвѣтомъ могу выступить, причемъ прошу ваше высокоблагородіе сообщить 5-й батареѣ 31-й артиллерійской бригады, что я прибуду завтра къ вашей бригадѣ, чтобы выслали ящики для пополненія боевыхъ припасовъ батареи, которые и во время боя могли бы быть пополнены, такъ какъ командиру батареи было извѣстно, что паркъ прибылъ на позицію». Полковникъ Пѣшковъ.

Казалось бы, что парку, бывшему на позиціи не слѣдовало бы и уходить безъ приказанія, но достовѣрно только то, что въ настоящую минуту, Костромской полкъ былъ безъ патроновъ, а батарея безъ снарядовъ.

Вслѣдъ за запискою полковника Пѣшкова, снова было получено увѣдомленіе изъ обоза, сообщавшее:

«Сейчасъ далъ знать лазутчикъ, что изъ Турскаго-Тростяника турки **) послали сказать, что мы стоимъ безъ всякаго прикрытія и насъ мало. Торопитесь придти». Войсковой старшина Голяховскій.

А на словахъ сообщалось, что болгары перехватили двухъ человѣкъ изъ числа трехъ, посланныхъ въ Плевну, но что третьему удалось уйти.

---

*) Оставленныя утромъ въ Сгалевицахъ двѣ роты Костромскаго полка для прикрытія обоза, быть можетъ должны были бы слѣдовать за обозомъ; но нельзя ихъ винить въ этомъ, такъ какъ онѣ остались для поданія необходимой помощи прибывшимъ раненымъ. Наши двѣ сотни, составляя прикрытіе раненыхъ,—обратились въ прикрытіе обоза, парка и раненыхъ.

**) Т. е. жители

Слѣдовательно, наше положеніе выходило очень непріятное. Обсудивъ его общими силами, было рѣшено воспользоваться тѣмъ, что раненые хоть кое-какъ да уложены на подводы и присоединиться къ парку, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ привлекающему турокъ въ Турскій-Тростяникъ, т. е. въ разрѣзъ нашихъ отрядовъ.

Еслибы турки, дѣйствительно, пришли въ Турскій-Тростяникъ, то разрѣзали бы насъ на двѣ части; во избѣжаніе этого мы передвинулись туда въ слѣдующемъ порядкѣ: въ авангардъ назначено двѣ сотни; за нимъ повозки съ ранеными, размѣщенные между сотнями Кавказской бригады. за ними Костромской полкъ; въ аріергардѣ оставлены двѣ сотни. Здѣсь я снова обращаю вниманіе на то, что утомленный Костромской полкъ бодро и въ совершенномъ порядкѣ поднялся для движенія на Турскій-Тростяникъ, готовый быть можетъ снова имѣть дѣло хотя бы и безъ патроновъ; офицеры обращали особенное вниманіе на сохраненіе строго-сплоченнаго порядка нашего передвиженія. Въ десять часовъ вечера, вѣрнѣе сказать уже темною ночью, мы вступили въ Турскій-Тростяникъ. Прикрывъ своимъ расположеніемъ раненыхъ и паркъ, мы оставались здѣсь всю ночь, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній *).

---

*) Прочитывая появившіеся въ печати очерки минувшей войны, приходится съ уваженіемъ относиться къ трудамъ нѣмецкихъ писателей, разбирающихъ наши дѣйствія. По крайней мѣрѣ, я высказываюсь относительно ихъ взгляда на дѣйствія нашей конницы. Въ этомъ отношеніи, мнѣнія Виддерна, Трота и Зарау (Sarauw) дороги, потому что основаны не на личномъ произвольномъ взглядѣ, но выведены на основаніи военнаго искусства.

Въ каждомъ отзывѣ ихъ слышится голосъ прошедшихъ войнъ, который какъ-будто спрашиваетъ: къ чему же вамъ служили испытанные нами уроки? И дѣйствительно: гдѣ же какъ не въ конницѣ примѣры прошлаго должны служить руководителями военныхъ дѣйствій. И для этого у насъ не мало данныхъ, какъ старинныхъ, такъ и современныхъ.

Сравнительное примѣненіе ихъ къ нашимъ дѣйствіямъ должно составить предметъ особаго самостоятельнаго труда; но для ссылки хотя бы на нѣкоторыя изъ нихъ, я позволю себѣ указать на сочиненіе прусскаго офицера Богуславскаго, написавшаго „Развитіе тактики со времени войны 1870—71 годовъ“ и на русскій очеркъ прошедшаго и будущаго кавалеріи П. Скобельцына. Оба произведенія напечатаны въ военномъ сборникѣ за 1878 г. и точно также какъ и разсужденія Трота, увлекаютъ послѣдовательностью выводовъ, основанныхъ на глубокомъ знаніи назначенія, свойствъ и обстановки легко-конной службы.

Тротъ такъ вѣрно прочувствовалъ наше трудное положеніе, что не въ обиду ему будетъ сказано, онъ какъ бы присутствуя у насъ и пишетъ съ нашихъ словъ. Какъ-будто русская конница не сознаетъ своихъ ошибокъ? Кто же ихъ не дѣлалъ? Но мнѣ кажется, что для правильной оцѣнки ея дѣйствій нужно знать всю подноготню ея обстановки; надо прочувствовать все то, что испытывали ея работники въ то время когда они безпомощно изнемогали въ непосильныхъ напряженіяхъ.

Если я позволю себѣ сказать, что указанные мною писатели не всегда точно опредѣляютъ наши дѣйствія, то думаю, что это происходитъ только отъ того, что имъ многое неизвѣстно изъ нашей войны. Оно и не могло быть извѣстно. Такъ напримѣръ, въ

II.

Послѣ первой Плевны.

9-го Іюля.

Въ отвѣтъ на посланное, начальнику 5-й дивизіи донесеніе изъ подъ Гривицы, о нашемъ отступленіи на Сгалевицы, мы на разсвѣтѣ 9-го

нѣмецкихъ сочиненіяхъ Виддерна и Трота и у датскаго писателя Зарау говорится, что кавказская бригада пришла къ первому сраженію подъ Плевну изъ Булгарени; т. е. какъ бы совершенно свѣжая. Слѣдовательно, имъ неизвѣстно, что она была подъ Никополемъ и возвращалась послѣ шестидневно-непрерывныхъ дѣлъ съ непріятелемъ.

Но не мудрено ошибаться нѣмцамъ, когда и русскія донесенія свидѣтельствуютъ о томъ, что кавказская бригада пришла изъ Булгарени и ночевала съ 7-го на 8-е іюля въ Тученицѣ. („Военный Сборникъ" 1877 г. № 9, описаніе сраж. 8-го іюля).

Но еще непонятнѣе то обстоятельство, что въ описаніи сраженія этого дня подъ Гривицей, я нѣсколько узнаю свое собственное донесеніе; но я не говорилъ въ немъ, что мы пришли изъ Булгарени и ночевали въ Тученицѣ.

Вмѣсто этого у меня находились, непомѣщенныя въ описаніи, дѣйствія кавказской бригады послѣ сраженія.

Нѣтъ сомнѣнія, что это произошло отъ невольной ошибки, хотя къ сожалѣнію, совершенно извращающей дѣйствія кавказской бригады.

Я далекъ отъ желанія выставить въ безупречномъ видѣ дѣйствія кавказской бригады; но военная лѣтопись должна передавать ежечасную точность и невозбуждать подозрѣній въ бездѣйствіи тѣхъ частей, которыя добросовѣстно исполняли отданныя имъ приказанія. Въ этомъ отношеніи кавказская бригада имѣетъ право сѣтовать на то, что своевременно остались незамѣченными: приступъ, шести съ половиной ея сотенъ, на Градешти; не выяснены причины возникновенія ночнаго ихъ боя подъ Самовидомъ и наконецъ, уничтоженіе моста на р. Видѣ у с. Гилянъ,—о которомъ спрашивали русскія газеты. Что же дѣлала конница? неужели она не уничтожила моста въ Гилянахъ? спрашивала русская печать.

Смѣю думать, что дневникъ кавказской бригады, можетъ свидѣтельствовать о томъ, что отъ ея вниманія неускользнула необходимость прервать удобное сообщеніе турокъ по р. Виду; но не намъ было указывать на свою службу и заслуги. Наше дѣло было работать. Мы кратко доносили: приказаніе исполнено, что дѣлать дальше? и за это поплатились. Тогда была пора работы,—теперь наступаетъ время правдиваго разсказа на основаніи положительныхъ, а не измышленныхъ данныхъ. Поэтому, я позволилъ себѣ переполнить дневникъ тѣми полевыми записками военнаго времени, по которымъ можно составить понятіе о боевыхъ распоряженіяхъ. Только по нимъ можно безошибочно опредѣлить когда и какъ, мы узнали о приказаніи находиться въ Тученицѣ въ то время, когда съ другой стороны намъ велѣно было занять Тростяникъ. Касательно же перваго сраженія подъ Плевной, изъ нихъ можно вывести заключеніе, что штабъ 9-го корпуса предписывалъ пѣхотѣ двинуться на Плевну не ранѣе того, какъ конница успѣетъ оглядѣть окружность Плевны.

Между тѣмъ, говоритъ Тротъ, 9-й казачій полкъ остался позади пѣхоты, двигавшейся отъ Бресляницы, и заключаетъ изъ этого, что командиръ Донскаго полка не былъ посвященъ въ цѣль движенія пѣхоты.

Я позволю себѣ прибавить къ этому предположеніе, что пѣхота двинулась на Плевну, по меньшей мѣрѣ не дождавшись движенія конницы. Трудно предположить,

іюля, получили приказаніе отправленное 8-го іюля, въ шесть часовъ вечера, съ позиціи передъ Бресляницей, командиру Кавказской бригады:

что командиръ 9-го полка ослушался отданнаго ему приказанія; вѣдь въ подобныхъ случаяхъ на него неминуемо обрушилась бы короткая расправа.—Почему же вмѣсто голословнаго обвиненія конницы не приходитъ въ голову спросить: что было приказано командиру 9-го полка?—Испытавъ многіе стороны, весьма естественной въ боевое время неурядицы, я позволяю себѣ утверждать, что одно изъ бѣдствій нашего мирно военнаго времени, заключается въ отсутствіи сродства трехъ родовъ оружія.

Отъ этого происходитъ, что пѣхота не знаетъ свойствъ и нуждъ конницы; конница не вѣдаетъ современныхъ потребностей и усовершенствованій пѣхоты, а въ общемъ выходитъ, что оба рода оружія не знаютъ, чѣмъ и какъ служить другъ другу.—Въ силу этого, закрадывается обоюдное пренебреженіе, которое нерѣдко обнаруживается въ преступномъ выраженіи: иди самъ по себѣ.—Надо связать пѣхоту съ конницею, въ какомъ бы строевомъ видѣ эта связь не проявилась; но сохранить отдѣльныя, самостоятельныя конныя силы. На это указываютъ прошедшія, доселѣ мало въ чемъ измѣнившіяся требованія отъ конницы; этого тщетно добивались всѣ великіе предводители конницы, начиная со временъ Ксенофонта, говорившаго: „соединяйте конницу со стрѣлками".

Касательно дѣйствій кавказской бригады передъ первою Плевной, Тротъ справедливо замѣчаетъ, что ей слѣдовало двинуться, въ полномъ составѣ на рекогносцировку Плевны изъ Тученицы.—Думаю, что изъ дневника можно усмотрѣть, что бригада именно такъ и сдѣлала; но ей пришлось уже *изъ Тростяника двинуться на выстрѣлы*, въ то время когда Бресляницкій и Сгалевицкій отряды открыли силы турокъ.

Ко времени прихода кавказской бригады въ Сгалевицы, рекогносцировка 3-хъ ея сотенъ была уже окончена.

Тѣмъ не менѣе, на мнѣ должно лежать обвиненіе, что я на слово повѣрилъ отправленію о ней донесенія и не послалъ отъ себя вторичнаго.

Для меня нѣтъ оправданія въ этомъ промахѣ; но такъ какъ не бываетъ дѣйствія безъ причины, то я и объясню эту причину.

Рекогносцировка была произведена командиромъ Костромскаго полка, а не мною.—Онъ мнѣ о ней сообщилъ, князь Киркановъ доложилъ по порядку подчиненности.

Оба засвидѣтельствовали, что донесеніе послано; слѣдовательно, честь этого дѣла принадлежала имъ.

Турки были высмотрѣны, донесеніе послано; если оно не дошло, то и мое могло не дойти.

Въ с. Крета, черезъ Бресляницу, было послано 7-го іюля донесеніе, о томъ, что кавказская бригада идетъ на соединеніе съ Костромскимъ полкомъ.—У меня приведено доказательство, что донесеніе это было получено въ с. Крета. (записка г-ла Лошкарева отъ 8-го іюля 7 ч. 25 м. препровожденная съ нашимъ разъѣздомъ ночевавшимъ въ расположеніи Бресляницкаго отряда).—Я не знаю, гдѣ именно ночевалъ нашъ разъѣздъ, но помню, что посланные утверждали, что дожидались до утра подлѣ палатки генерала и передавъ записку начальнику дивизіи, отвѣчали на вопросы нѣсколькихъ лицъ штаба будто-бы обѣихъ дивизій. (Я могъ бы привести не мало подробностей изъ разсказовъ этого разъѣзда, но такъ какъ ихъ трудно повѣрить, то и умалчиваю о нихъ).

Вотъ причина, по которой я конечно ошибочно, не отправилъ вторичнаго донесенія отъ своего имени.

Признавая справедливость могущаго остаться на мнѣ обвиненія, я позволяю себѣ предложить вопросъ: развѣ въ этомъ заключалась причина пораженія подъ Плевной?

«Если вы съ 19-мъ полкомъ *) находитесь въ селеніи Сгалевицахъ, или вообще на Рущукско-Плевненскомъ шоссе, то отойдите съ 19-мъ полкомъ въ Булгарени за мостъ, который а) надо защищать. Если сегодня не успѣете, то отойдите завтра утромъ; если вы находитесь съ 19-мъ полкомъ очень близко къ Бресляницѣ и не успѣете сегодня отойти за Булгаренскій мостъ, то только въ б) такомъ крайнемъ случаѣ *) отступайте на соединеніе съ 1-й бригадой въ Бресляницу. 20-й Галицкій полкъ вышелъ мнѣ на встрѣчу и передъ Булгарени прикроетъ отступленіе. Передайте для исполненія содержаніе этой записки командиру 19-го полка».

Генералъ Шильдеръ.

Эта записка была полнымъ одобреніемъ того, что весь нашъ лѣвый. т. е. Гривицкій, отрядъ не пошелъ на Бресляницу, по первоначально полученному вчера приказанію. Съ нашей стороны, по меньшей мѣрѣ, было бы оплошно, оставить безъ наблюденія Плевно-Рущукское шоссе.

Совершенно непредвидѣнное передвиженіе парка и обоза въ Турскій-Тростяникъ, расположенный какъ и Сгалевица почти на Плевненскомъ шоссе, принудило насъ сдѣлать *лишнихъ* десять верстъ; въ противномъ случаѣ мы избѣжали бы и этого движенія.

Итакъ утромъ 9-го числа, мы получили приказаніе выступить въ Булгарени; а между тѣмъ, нѣкоторые опасно раненые требовали новой перевязки и турецкіе дозоры стояли противъ нашихъ передъ Сгалевицей.

Поэтому, мы могли выступить изъ Тростяника не ранѣе того времени, какъ управились съ перевязкою раненыхъ, оттѣснили турецкую конницу отъ Сгалевицъ и пропустивъ мимо себя раненыхъ, вступили въ Булгарени въ три часа пополудни. Для наблюденія за непріятелемъ выставили сотню на Гривицкое шоссе и отдѣльные посты по направленію на Турскій-Тростяникъ и къ Плевнѣ. Обо всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ, своевременно были посланы донесенія начальнику 5-й дивизіи. Въ числѣ отправленныхъ донесеній, было доложено ему и о количествѣ бывшихъ вчера въ бою и вновь прибывающихъ въ Плевну таборовъ; въ чемъ и была получена росписка начальника штаба 5-й дивизіи:

«Конвертъ отъ полковника Тутолмина о числительности прибывшихъ въ Плевну таборовъ, съ припискою капитана Котельникова начальникомъ 5-й дивизіи полученъ.» Начальникъ штаба полковникъ Поповъ.

Если допустить, что изъ Гривицкаго отряда не было послано донесенія объ усиленіи турокъ, то Бресляницкій отрядъ, увидѣвъ ихъ 7-го числа, развѣ не могъ отступить на Бресляницу, хотя бы ночью съ 7-го на 8-е іюля?—Я *слышалъ*, что одинъ изъ артиллерійскихъ генераловъ бывшихъ въ это время въ Бресляницѣ, предлагалъ именно эту мѣру предосторожности.—Это мнѣ разсказывалъ самъ предлагавшій.

*) Т. е. 19-мъ Костромскимъ.

**) а и б подчеркнуто въ подлинникѣ.

«Транспортъ интендантскій сегодня направленъ по приказанію корпуснаго командира въ Булгарени для снабженія сухарями войскъ.»

Эта приписка была большимъ для насъ утѣшеніемъ, потому что, какъ сказано выше, ранцы Костромскаго полка остались подъ Гривицей.

По полученнымъ свѣдѣніямъ вся численность дравшихся противъ насъ турокъ простиралась свыше двадцати тысячъ человѣкъ; сегодня прибывали свѣжія подкрѣпленія въ Плевну.

Сраженіемъ подъ Плевной завершились на нѣсколько дней наступательныя дѣйствія между Осмою и Видомъ и Кавказская бригада получила приказаніе содѣйствовать устройству Костромскаго полка, а относительно турокъ, оставаться въ наблюдательномъ положеніи; первое приказаніе по этому поводу было доставлено изъ штаба 9-го корпуса, отъ 9-го іюля:

«Полковнику Тутолмину. Командиръ корпуса приказалъ, чтобы вы распорядились отправленіемъ раненыхъ Костромскаго полка въ Систово на подводахъ, которыя собрать у жителей окрестныхъ деревень реквизиціею, обращаясь съ требованіемъ къ старшинамъ селеній. Костромской полкъ съ батареей оставте впредь до распоряженія въ Булгарени. Имѣйте зоркое наблюденіе за дорогами въ Плевно, посылая какъ можно далѣе разъѣзды. Генералъ-маіоръ Шнитниковъ.

Изъ вышесказаннаго можно видѣть, что въ Кавказской бригадѣ были уже приняты мѣры къ усиленному сбору подводъ. При громадномъ количествѣ раненыхъ, доходившихъ, по первоначальнымъ свѣдѣніямъ до семьнадцати офицеровъ и четырехсотъ двадцати нижнихъ чиновъ, едва ли бы мы успѣли 9-го числа прибыть въ Булгарени, если бы не распорядились сборомъ подводъ.

Но для насъ записка эта важна въ томъ отношеніи, что она указываетъ на одну изъ побочныхъ работъ, которыя выпадаютъ на долю конницы, помимо ея боевыхъ обязанностей. Для конницы нѣтъ отдыха: она стоитъ въ сторожевой цѣпи, высылаетъ разъѣзды, она держитъ связь съ отдѣльными отрядами; она собираетъ подводы, она же ихъ и сопровождаетъ. Всѣ эти посылки зачастую требуютъ 2—3-хъ дней на возвращеніе людей и отдѣльныхъ отрядовъ; а между, тѣмъ на ослабленную отдѣленіемъ ихъ конницу, валится обвиненіе въ бездѣйствіи. Для постороннихъ глазъ и устъ, невѣдающихъ этихъ расходовъ, всегда существуютъ представленія о полномъ числѣ рядовъ въ бригадахъ и полкахъ, тогда какъ въ дѣйствительности, бригада давно уже уменьшилась въ своемъ составѣ. Разные, ежедневные мелкіе расходы, боевые потери людей и лошадей, болѣзни и все то, о чемъ не возможно вести на передовыхъ постахъ бумажной отчетности, ежедневно вліяетъ на разительную разницу прибыли и убыли рядовъ.

Такъ напримѣръ, для перевозки четыреста двадцати раненыхъ требовалось около ста подводъ; потому что, для далекаго слѣдованія въ Систово иные трудно раненые были назначены по одному человѣку на подводу. Но вотъ часть подводъ набрана, сдана по назначенію и завѣдующій сборомъ ихъ утѣшаетъ себя, что ему останется только добрать телѣгъ шестьдесятъ. А въ это время, при общемъ напряженіи и заботѣ о множествѣ мелкихъ обязанностей, онъ узнаетъ, что въ виду неотступныхъ болгарскихъ просьбъ, отпустить подводчиковъ за хлѣбомъ, собранныя вчера подводы, помимо его вѣденія, отпущены на срокъ за хлѣбомъ. Но срокъ подходитъ, транспортъ долженъ выступать, а болгаре не возвращаются; снова нужно набирать подводы изъ раскинутыхъ деревень, а въ концѣ концовъ раздаются жалобы, что конница не помогаетъ общему дѣлу.

Но хотя, по мнѣнію строгихъ цѣнителей нашей службы, конница и мало помогала общему дѣлу, оно все-таки подвигалось. Не успѣвали лишь выбившіеся изъ силъ врачи несмотря на общее ихъ стараніе и безпрерывную работу съ утра до ночи. Казаки, назначенные въ сопровожденіе раненыхъ, давно уже ожидали приказанія къ выступленію; но на вопросъ: когда же, наконецъ, раненые могутъ выѣхать, изъ Костромскаго полка вечеромъ 9-го числа былъ полученъ отвѣтъ:

«Доктора говорятъ, что всѣ раненые не могутъ отправиться раньше девяти часовъ утра (т. е. 10-го іюля). Поручикъ Подгаевскій».

Но кромѣ отправленія раненыхъ, мы должны были прикрыть и артиллерійскій паркъ, потребованный въ Мусылеу; такъ какъ отъ начальника парка, слѣдовавшаго съ нами изъ Турскаго-Тростяника, получено было требованіе:

«13-й летучій паркъ. 9-го іюля 1877 г., № 1375, село Булгарени. Экстренное. Командиру Кавказской казачьей бригады. По приказанію начальника 9-го армейскаго корпуса, я съ ввѣреннымъ мнѣ паркомъ долженъ завтра въ три часа утра выступить въ село Мусылеу; почему прошу распоряженія о назначеніи отъ ввѣренной вамъ бригады одной сотни казаковъ ко ввѣренному мнѣ парку, которые и должны прибыть къ означенному времени.

Командиръ парка полковникъ Пѣшковъ».

Это отношеніе подтверждаетъ то обстоятельство, что конница, вынужденная высылать по произволу требователей то сотню, то полу-сотню, была поставлена въ невозможность располагать имѣющимся у нея количествомъ боевой силы; сила же эта, постороннему глазу, казалась неизмѣнною по отношенію возлагаемыхъ на конницу обязанностей.

Поэтому мы не имѣли возможности удовлетворить начальника парка высылкою ему сотни, вмѣсто которой назначили полу-сотню съ объясненіемъ причины, не позволившей исполнить его желаніе.

Но эти побочные расходы не ослабили наблюдательной службы Кавказской бригады, исполнявшейся на основаніи приказа по кавалеріи 9-го армейскаго корпуса *):

«Для обезпеченія настоящаго расположенія войскъ 9-го армейскаго корпуса его превосходительство командиръ корпуса приказалъ направить:

1) двѣ сотни 9-го Донскаго полка въ Чіековцы, для наблюденія изъ этого селенія за р. Видъ, одною сотнею до Крете, другою до разрушеннаго моста **) противъ селенія Гилянъ. Присемъ, обѣимъ сотнямъ приказано перейти на лѣвый берегъ рѣки Вида и войти въ связь съ сотнею 34-го Донскаго полка, наблюдающею за низовьями рѣки Вида.

2) Остальнымъ четыремъ сотнямъ 9-го Донскаго полка быть на правомъ флангѣ Галицкаго полка и наблюдать разъѣздами пространство отъ Крета до дороги изъ Плевны въ Бресляницу, т. е. до дороги, по которой было наступленіе 7-го іюля.

3) Бугскому уланскому полку наблюдать лѣвый флангъ расположенія 5-й пѣхотной дивизіи до селенія Турскаго Тростяника, входя разъѣздами въ постоянную связь съ Кавказскою бригадою».

Слѣдовательно, для сохраненія постоянной связи, нужно было расходовать не малое число людей.

Поэтому было сдѣлано распоряженіе, чтобы дороги къ югу отъ Булгарени наблюдались Владикавказскимъ, а на сѣверозападъ до Турскаго-Тростяника Кубанскимъ полками ***).

10-го же іюля отъ корпуснаго командира было получено приказаніе, Кавказской бригадѣ:

1) «Произвести завтра рекогносцировку съ востока и юга Плевны, хотя бы мѣстность эта и была извѣстна по прежнимъ рекогносцировкамъ и о послѣдствіяхъ донести безъ промедленія.

2) Вмѣстѣ съ симъ, доставить въ возможной скорости, донесеніе о потеряхъ Костромскаго полка, Кавказской бригады и 5-й батареи 31-й артиллерійской бригады, а равно и о настоящемъ состояніи ихъ.

3) Передать генералъ-маіору Богацевичу, отправленному устраивать Костромской полкъ, чтобы онъ направилъ его, батарею и часть парка подъ общимъ начальствомъ командира батареи, завтра 11-го іюля въ Пятикладенцы; а 12-го іюля оттуда въ Вубе, если къ этому передвиженію не встрѣтится особаго препятствія.

4) Увѣдомить, отправлены ли раненые въ Систово и въ какомъ числѣ? Генералъ-маіоръ Шнитниковъ».

10-го іюля, бивуакъ при дорогѣ изъ Никополя въ Бресляницу.

---

*) Отъ 9-го іюля 1877 г. съ бивуака у села Бресляницы,

**) Т. е. до уничтоженнаго кавказскими сотнями моста въ Гилянахъ.

***) Приказаніе по Кавказской бригадѣ на 10-е іюля.

Но перевязка раненыхъ шла далеко не такъ скоро, какъ того хотѣлось; назначаемый врачами часъ отправленія ихъ, по непредвидѣннымъ случайностямъ неоднократно отмѣнялся; подводы прибывали, но не въ достаточномъ количествѣ, потому что большая часть изъ прибывшихъ 8-го іюля и переданная Костромскому полку, была отпущена на время и вовсе не вернулась.

Прибытіе генералъ-маіора Богацевича, по приказанію корпуснаго командира, устроить Костромской полкъ, подвинуло нѣсколько подготовленіе раненыхъ; но главную помощь въ этомъ случаѣ оказалъ, только что пришедшій интендантскій транспортъ. Съ его прибытіемъ явилась возможность воспользоваться опорожненными подводами, возвращавшимися въ Систово. Но и это пособіе не вполнѣ насъ обезпечивало, потому что часть повозокъ не разгрузилась, заключая въ себѣ то продовольствіе, въ которомъ отрядъ не нуждался. Кромѣ того, начальникъ транспорта, связанный срочнымъ возвращеніемъ въ Систово, не могъ дожидаться окончанія перевязки. Но, Кавказская бригада оказала посильную помощь разгруженію подводъ, принявъ на свой страхъ лишнее продовольствіе, которое пришлось бы бросить въ случаѣ нашего движенія изъ Булгарени.

Не считая себя вправѣ, безъ согласія генерала Богацевича *), задержать транспортъ, я обратился къ нему съ этою просьбою, и въ отвѣтъ получилъ записку:

«Съ мнѣніемъ вашимъ я вполнѣ согласенъ, что было бы удобно больныхъ отправлять на возвращающихся интендантскихъ телѣгахъ; но дѣло въ томъ, что врачи не успѣютъ сдѣлать перевязки и главное приготовить свѣдѣнія, а поэтому я не рѣшаюсь. Готовые же больные къ отправленію сто двадцать человѣкъ завтра въ четыре часа утра могутъ быть отправлены.

Генералъ-маіоръ Богацевичъ».

Но подводы были необходимы, и я рѣшился задержать транспортъ до утра, выдавъ начальнику его свидѣтельство о причинѣ его промедленія **). Увѣдомивъ объ этомъ генерала Богацевича, я вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ его, чтобы прибывающія болгарскія подводы находились подъ строгимъ присмотромъ Костромскаго полка.

«Все что нужно, отвѣчалъ генералъ Богацевичъ, и что найдете лучшимъ, прошу васъ дѣлать по вашему усмотрѣнію, такъ какъ я нахожусь здѣсь временно и въ распоряженія ваши не считаю даже умѣстнымъ вмѣшиваться. Что же касается до обывательскихъ подводъ, то мною

*) Какъ старшаго лица, находившагося въ расположеніи Костромскаго полка.
**) Для огражденія его отъ отвѣтственности передъ начальствомъ.

будетъ приказано смотрѣть за ними и не распускать безъ вашего распоряженія. 10-е іюля 1877 г.

Генералъ-маіоръ Богацевичъ».

Такимъ образомъ, главное затрудненіе было окончено, и раненые подъ прикрытіемъ полусотни Кавказской бригады отправились въ Систово.

Но 10-е іюля было для насъ днемъ огорченія. Мы узнали, что въ Главной квартирѣ не имѣютъ извѣстій о томъ, гдѣ находится и что дѣлаетъ Кавказская бригада. А такъ какъ къ этому времени подоспѣла первая Плевна, то нашлись охотники приписать нашу неудачу исключительно Кавказской бригадѣ.

Словомъ сказать: здравый смыслъ и достовѣрные разсказы были пущены въ ходъ ранѣе положительныхъ свѣдѣній.

На дѣлѣ же оказалось, что кромѣ короткихъ телеграммъ о взятіи Никополя и сраженіи 8-го іюля, никакихъ другихъ свѣдѣній изъ-за Осмы, въ Главную квартиру не было еще отправлено.

Для разузнанія всѣхъ подробностей за эти дни, Великій Князь Главнокомандующій отправилъ своихъ ординарцевъ въ 9-й корпусъ и въ Кавказскую бригаду.

Между прочимъ ординарцы должны были передать отъ имени Великаго Князя строжайшій выговоръ полковнику Тутолмину, если дѣйствительно окажутся справедливыми предположенія, о бездѣйствіи Кавказской бригады.

Эти извѣстія мы узнали вскользь, отъ ординарцевъ, посланныхъ собственно въ штабъ 9-го корпуса.

Туда были назначены: Кавалергардскаго полка: штабъ-ротмистръ Лярскій, корнетъ Хвощинскій и гвардейской конной артиллеріи штабсъ-капитанъ Андреевскій.

Направляясь въ расположеніе 9-го корпуса, черезъ встрѣтившіе ихъ посты Кавказской бригады, они пріостановились у насъ,—и разумѣется, съ первыхъ же разспросовъ узнали суть дѣла. Я не могу умолчать о сердечномъ, дружескомъ великодушіи выказанномъ какъ бригадѣ, такъ, въ этомъ случаѣ, и лично мнѣ, этими тремя, до сихъ поръ совершенно незнакомыми со мною лицами.

Разспросивъ о томъ, что у насъ дѣлалось, они приготовили насъ къ тому выговору, который я долженъ былъ получить отъ ординарцевъ, посланныхъ собственно въ Кавказскую бригаду. Спасибо имъ, что пощадили въ то время уже надорванныя силы и не брякнули, не разобравъ въ чемъ дѣло: «приказано сказать, что съ вами шутить не будутъ».

Съ нашимъ разъѣздомъ и обратнымъ казакомъ 9-го полка ординарцы были направлены въ штабъ 9-го корпуса.

11-го Іюля.

Такъ наступило 11-е число, т. е. день, въ который по приказанію командира 9-го корпуса слѣдовало осмотрѣть мѣстность съ юга и востока отъ Плевны. Для выполненія этой задачи, въ виду усилившагося непріятеля до шестидесяти тысячъ человѣкъ *) назначенъ былъ Кубанскій полкъ съ двумя конно-горными орудіями, при которомъ поручено было находиться капитану генеральнаго штаба Стромилову. Выступивъ въ девять часовъ утра изъ Булгарени, командиръ Кубанскаго полка подполковникъ Кухаренко прибылъ въ половинѣ перваго часа въ селеніе Волчитронъ **), лежащее верстахъ въ двадцати отъ Булгарени и отсюда выслалъ сильные разъѣзды къ Плевнѣ по направленіямъ:

1) На Порадимъ, Сгалевицы къ Гривицѣ.

2) На Пелишатъ въ Радишево.

3) На Владино и Боготъ къ Плевно-Ловчинскому шоссе.

4) На Слатино къ Ловчѣ.

5) На Катарицу и Смердиштецъ, т. е. въ промежутокъ между Сельви и Ловчей. Остальные сотни стали въ Волчетронѣ, какъ въ средоточіи сказанныхъ направленій.

Отсюда подполковникъ Кухаренко разсчитывалъ поддержать свои разъѣзды, которые получили приказаніе, въ крайности, отступить на Волчетронъ. Но непріятель не тревожилъ ихъ и разъѣзды одинаково показали; а) что повсюду, жители подтверждаютъ о прибытіи въ Плевну большихъ турецкихъ силъ изъ за рѣки Вида; б) что позиціи подъ Плевною сильно укрѣплены завалами и траншеями; в) разъѣздъ же посланный на Гривицу, имѣлъ возможность подойти вплоть до турецкихъ аванпостовъ. Донесенія эти были получены по возвращеніи полка въ Булгарени въ девять съ половиною часовъ вечера того же дня.

Между тѣмъ, въ шесть часовъ пополудни прибыли изъ Главной квартиры поджидаемые нами ординарцы: лейбъ гвардіи коннаго полка ротмистръ Максимовичъ, флигель-адъютантъ поручикъ Непокойчицкій и гвардейской конной артиллеріи поручикъ Жонсонъ; проводникомъ имъ служилъ сотникъ Верещагинъ, находившійся, какъ было сказано, въ составѣ 3-й сотни Владикавказскаго полка, на Сельви-Ловчинскомъ шоссе. Пріѣхавъ къ намъ прямою дорогой въ Булгарени, и получивъ отъ насъ тѣже свѣдѣнія, какъ и вчерашніе ординарцы съ прибавкою новыхъ, за весь день одиннадцатаго числа они рано утромъ двѣнадцатаго числа возвратились въ Главную Квартиру.

---

*) Всѣ свѣдѣнія о численности турокъ въ Плевнѣ, преимущественно были доставлены іеродіакономъ Евфиміемъ, о которомъ сказано выше.

**) Донесеніе подполковника Кухаренко отъ 11-го іюля.

Мы узнали отъ нихъ все то, что передали пріѣзжавшіе къ намъ вчера ординарцы, но съ ними же было прислано мнѣ приказаніе: одновременно съ донесеніями непосредственному начальству—прямо отъ себя посылать донесенія и въ Главную квартиру.

Поэтому, вмѣстѣ съ ними я отправилъ краткій перечень дѣйствій Кавказской бригады по 11-е іюля и третье знамя, взятое въ бою подъ Самовидомъ. Я говорилъ уже, что принятое за значекъ, оно не считалось у насъ трофеемъ и потому не обратили на него вниманія. Но черезъ нѣсколько времени мы узнали, что существующія на немъ надписи свойственны только знаменамъ, и мы воспользовавшись представившимся случаемъ отправили его въ Главную квартиру. Вмѣстѣ съ ними я отправилъ пять человѣкъ изъ наиболѣе отличившихся казаковъ. Они вернулись съ георгіевскими крестами.

Прибывшій съ ординарцами сотникъ Верещагинъ, сообщилъ, что онъ былъ посланъ проводникомъ по приказанію начальства; что ввѣренная ему полусотня, послѣ его донесенія отъ 2-го іюля, участвовала 3, 4 и 5-го іюля въ дѣлахъ подъ Сельви и Ловчей; а 8-го числа онъ имѣлъ приказаніе отобрать оружіе въ селеніяхъ Острецъ и Раутицы (на югъ за Сельви-Ловчинской дорогой) другая же полусотня оставлена въ Сельви. Слѣдовательно, разъѣзды наши, посланные на Тырновъ и Сельви для связи съ передовыми отрядами, были обращены, не смѣю иначе думать, какъ по необходимости, на службу по Сельви-Ловчинской дорогѣ *.)

---

*) Командиру кавказской бригады полковнику Тутолмину, сотника Владикавказскаго полка Верещагина рапортъ.—Будучи посланъ по приказанію Его Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміею въ г. Сельви имѣю честь донести о нижеслѣдующемъ: 2-го чис. въ 12 ч. дня, я прибылъ въ г. Сельви съ 2 взводами (40 чел.) Владикавказскаго полка 3-й сотни и немедленно ударилъ на баши-бузуковъ, насѣдавшихъ въ тотъ моментъ на 2 взвода Донскаго № 30 полка, защищавшихъ этотъ городъ, чѣмъ недопустилъ городъ до разграбленія. Благодаря дружному натиску, баши-бузуки были прогнаны и дѣло окончилось въ 5 час. вечера, причемъ урядникъ Донскаго полка былъ убитъ. На слѣдующій день 3-го числа перестрѣлка началась съ 10 час. утра и продолжалась до 4 час. пополудни, когда непріятель принужденъ былъ удалиться въ горы. 4-го числа перестрѣлка началась съ 1 ч. пополудни и длилась до 7 час. вечера въ этомъ дѣлѣ участвовали кромѣ 2-хъ взводовъ Владикавказской сотни 3 взвода 3-й сотни Донскаго № 30 полка и подоспѣвшая наканунѣ 6-я сотня того же 30 полка. Около 3 часовъ есаулы Антоновъ и Афанасьевъ и я пошли въ атаку на лѣвый флангъ непріятеля, состоявшаго изъ баши-бузуковъ въ числѣ около 1500 человѣкъ Въ это время я, будучи извѣщенъ отъ поручика Красовскаго, что около 100 черкесовъ зашли въ тылъ остававшимся въ цѣпи 2 взводамъ Донскихъ казаковъ, бросился на нихъ въ атаку, обратилъ ихъ въ бѣгство, причемъ непріятеля легло на мѣстѣ 20 человѣкъ, чѣмъ выручилъ донцовъ отъ опасности. 5 числа я съ 5-ю своими казаками участвовалъ въ дѣлахъ съ отрядомъ подъ командой флигель-адъютанта полковника Жеребкова при взятіи города Ловчи; остальные Владикавказскіе казаки были оставлены для защиты города Сельви по приказанію начальника отряда. 8-го іюля я былъ отправленъ въ сел. Острецъ и Раутицы

Но 11-го іюля должно быть отмѣчено въ дневникѣ, праваго крыла русскихъ войскъ дѣйствующей арміи: первымъ днемъ, съ котораго начали подходить подкрѣпленія подъ Плевну. Извѣстіе, о прибытіи ихъ, получено было въ Кавказской бригадѣ изъ штаба 9-го корпуса, отъ «11-го іюля, съ бивуака между Никополемъ и Бреслянинцею у четырехъ колодцевъ.»

«Начальникъ Штаба дѣйствующей арміи, по телеграфу, увѣдомилъ, что въ Булгарени направлены: бригада пѣхоты отъ 4-го корпуса отъ Павла, и бригада пѣхоты съ бригадою кавалеріи отъ 11-го корпуса, отъ Греганова на Янтрѣ *). По мѣрѣ прибытія этихъ войскъ, немедленно доносите командиру корпуса: какая часть, въ какомъ составѣ и подъ чьимъ начальствомъ прибыли. Генералъ-маіору Богацевичу передайте, чтобы Костромской полкъ съ батареею непремѣнно направлены были черезъ Пять Колодцевъ и Вубе на присоединеніе къ своей дивизіи. Генералъ-маіоръ Шнитниковъ.»

12-го іюля.

Въ силу этого приказанія, утромъ 12-го числа былъ высланъ разъѣздъ по направленію на Плевну, для связи съ прибывающими къ намъ войсками; но онъ вскорѣ вернулся, вмѣстѣ съ разъѣздомъ, посланнымъ отъ вступающей къ намъ части съ запискою отъ начальника 11-й кавалерійской дивизіи:

«Начальнику отряда въ Булгарени. По предписанію Главной Квартиры и по приказанію командира 11-го армейскаго корпуса прибыла сегодня въ дер. Овчую-Могилу бригада **) 11-й кавалерійской дивизіи съ двумя конными батареями и 1-я бригада 30-й пѣхотной дивизіи ***) съ тремя батареями. Войско это имѣетъ назначеніе поддержать 9-й армейскій корпусъ. Кромѣ того, 1-я бригада 32-й ****) пѣхотной дивизіи съ двумя батареями и двѣ батареи корпусной артиллеріи должны сегодня прибыть въ с. Горный Студень, куда имѣетъ прибыть и командиръ 11-го

отобрать оружіе отъ турецкаго населенія, что и было исполнено мною. Я привезъ два воза различнаго оружія въ количествѣ 500 штукъ. 10 чис. былъ отправленъ по приказанію Его Высочества сопровождать флигель-адъютанта поручика Непокойчицкаго, ротмистра Максимовича и штабсъ-ротмистра Жонсона розыскать бригаду, ввѣренную вашему высокоблагородію, на пути имѣлъ перестрѣлку съ баши-бузуками въ сел. Юруклеръ, при чемъ одинъ казакъ 3-й сотни Щербаковъ тяжело раненъ ятаганомъ, а нами убито 4 баши-бузука.

Сотникъ Верещагинъ.

*) На русской картѣ „Греганово" не показано; можетъ быть „Драганово", что на Австрійской и у Каница.

**) Рижскій драгунскій и Чугуевскій уланскій.

***) Ярославскій и Шуйскій.

****) Курскій и Рыльскій.

армейскаго корпуса, который и приметъ общее начальство надъ всѣми этими войсками. Прошу сообщить съ симъ же посланнымъ:

1) Какой силы вашъ отрядъ?

2) Есть ли кавалерія и сколько?

3) Какіе отряды и какой силы находятся около васъ?

4) Какія имѣете свѣдѣнія о противникѣ? Начальникъ 11-й кавалерійской дивизіи генералъ-лейтенантъ Татищевъ. 11-го іюля 1877 года, бивуакъ при дер. Овчей-Могилѣ, 7½ часовъ вечера».

Снявъ для себя копію съ этой записки, я, на основаніи приказанія штаба 9-го корпуса, въ подлинникѣ отправилъ ее командиру 9-го корпуса, донося при этомъ:

«Начальнику 9-го корпуса. Прилагаю подлинную записку начальника 11-й кавалерійской дивизіи, только-что мною полученную. Посланный съ нею встрѣтилъ нашъ разъѣздъ, направленный къ намъ. Сряду отправляю отвѣты на вопросы и разъѣздъ въ Горный Студень.

Полковникъ Тутолминъ».

Итакъ, 12-го іюля прибыли подкрѣпленія къ 9-му корпусу, въ головѣ которыхъ шла 1-я бригада 11-й кавалерійской дивизіи, т. е. 11-й Рижскій драгунскій и 11-й Чугуевскій уланскій полки, бывшіе доселѣ на Янтрѣ, т. е. на восточномъ крылѣ дѣйствующей арміи.

Но, для Кавказской бригады 12-е число, сверхъ того, памятно одновременнымъ совпаденіемъ приказаній изъ Бресляницы, Чаушъ-Махалы, Тырнова и Ловчи. Именно:

1) «Изъ штаба 11-го корпуса (не имѣвшаго еще свѣдѣній о приказаніяхъ, отданныхъ по 9-му корпусу). Командиръ корпуса прибываетъ сегодня въ Чаушъ-Махалу. Его сіятельство приказалъ *) перейдти ввѣренной вамъ бригадѣ изъ Булгарени въ Карагачъ Болгарскій сегодня же и стать тамъ на ночлегъ, въ связи съ 1-й бригадой 11-й кавалерійской дивизіи. Костромской пѣхотный полкъ оставить на мѣстѣ. Въ Карагачѣ Болгарскомъ получите дальнѣйшія распоряженія. Всѣ свѣдѣнія, которыя получите съ юга (къ Ловчѣ) и съ сѣвера (къ Бресляницѣ) присылайте немедленно командиру корпуса въ Чаушъ-Махалу. Оставьте въ Чаушъ-Махалѣ для передачи краткое свѣдѣніе о составѣ вашего отряда. 12-го іюля. Начальникъ штаба полковникъ Бискупскій».

Вмѣстѣ съ симъ отъ командира 1-й бригады 11-й кавалерійской дивизіи, слѣдовавшей сего числа изъ Горнаго Студня черезъ Булгарени въ Карагачъ Болгарскій, получено увѣдомленіе:

---

*) Командиръ 11-го корпуса имѣлъ приказаніе принять начальство надъ войсками, стоявшими въ Булгарени. Изъ этого можно судить, что оно было отдано можетъ быть въ предположеніи что части 9-го корпуса были отрѣзаны другъ отъ друга.

«Его сіятельство, командиръ 11-го армейскаго корпуса, проситъ васъ прибыть сего числа къ нему. Онъ идетъ по дорогѣ изъ Горнаго Студня въ Плевну. Генералъ-маіоръ Гильдебрандтъ».

2) Отъ командира 9-го корпуса получено приказаніе прибыть къ нему къ четыремъ колодцамъ у Бресляницы; но съ оговоркою, если не встрѣтится къ тому служебныхъ препятствій. Очевидно, что начальнику Кавказской бригады являлась необходимость согласовать приказанія 11-го корпуса съ прежде отданными по 9-му корпусу. Поэтому, такъ какъ Чаушъ-Махала находилась отъ насъ въ пяти верстахъ, а четыре колодца въ двадцати пяти то я донесъ командиру 9-го корпуса объ одновременно полученныхъ приказаніяхъ, и просилъ его разрѣшенія прибыть къ нему по возвращеніи отъ командира 11-го корпуса. Командиръ же 11-го корпуса прибывалъ въ Чаушъ-Махалу позднимъ вечеромъ 12-го числа, поэтому я явился къ нему раннимъ утромъ 13-го числа.

3) Третье полученное приказаніе было изъ Тырнова изъ штаба дѣйствующей арміи отъ 10-го іюля 1877 года за № 783. Слѣдовательно оно было писано почти одновременно съ отправленіемъ къ намъ ординарцевъ и получено въ день обратнаго выѣзда ихъ отъ насъ. Въ немъ сообщалось:

«Командующему Кавказскою казачьею бригадою. Для установленія связи между расположеніемъ 9-го армейскаго корпуса и главныхъ силъ арміи, потерянной съ выходомъ командуемой вашимъ высокоблагородіемъ бригады изъ Плевны къ Никополю, для развѣдки силъ противника, находящагося у Плевны и для прикрытія путей, ведущихъ оттуда на Тырново, Сельви и Ловчу, Великій Князь Главнокомандующій приказалъ командуемую вами бригаду и отрядъ полковника Бакланова (двѣ сотни Донскаго казачьяго № 23-го полка, двѣ сотни Донскаго казачьяго № 30-го полка (временно) сотня Владикавказско-Осетинскаго полка и два орудія Донской казачьей № 6-й батареи) для единства дѣйствій подчинить свиты Его Величества генералъ-маіору Скобелеву. Сообщаю о семъ вашему высокоблагородію для надлежащаго свѣдѣнія и исполненія ближайшихъ указаній генералъ-маіора Скобелева. Командиру 9-го армейскаго корпуса о семъ сообщено».

4) Изъ Ловчи получено сообщеніе отъ полковника Паренсова, отправленное:

«Въ Кавказскую бригаду, Булгарени, полковнику Тутолмину, 12-го іюля, Ловча. 11-го іюля, въ десять часовъ вечера, отрядъ полковника Бакланова прибылъ въ Ловчу. Генерала Скобелева еще нѣтъ. Посылаю конвертъ № 783-й распечатанный. Необходимо имѣть ежедневную связь съ вами; будемъ посылать ежедневно разъѣзды, что просимъ и васъ дѣлать. Сообщите болѣе удобное для сего время. Если будете посылать утромъ, то мы будемъ посылать ихъ обратно вечеромъ. Были ли у васъ Макси-

мовичъ и Непокойчицкій? По свѣдѣніямъ плѣннаго солдата, шедшаго изъ Виддина, двадцать-шесть таборовъ съ сорока орудіями подъ командой трехъ пашей 1-го іюля вышли изъ Виддина, прибыли въ Плевно 5-го іюля и потомъ имѣли дѣло съ русскими. По слухамъ, войсками въ Плевно командуетъ Ахметъ-Эюбъ-паша. Владикавказская полу-сотня, по приказанію начальства, присоединена къ намъ временно». Полковникъ Паренсовъ.

Въ отвѣтъ на это сообщеніе полковнику Паренсову было послано увѣдомленіе о полученныхъ Кавказской бригадой приказаніяхъ и о постоянно прибывающихъ силахъ турокъ въ Плевно, опредѣляемыхъ къ 12-е іюля въ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ.

Полученное изъ штаба Дѣйствующей арміи, приказаніе, объ образованіи новаго отряда: изъ трехъ кавалерійскихъ полковъ и восьми орудій *) позволяетъ сдѣлать заключеніе, что въ Главной Квартирѣ было сознано затруднительное положеніе Кавказской бригады; къ тому же: безусловно опредѣленная цѣль отряда «развѣдка силъ противника, находящагося у Плевны и прикрытіе путей, ведущихъ оттуда на Тырново, Сельви и Ловчу», въ то время, когда 9-й корпусъ былъ усиленъ уже дивизіею пѣхоты **) и бригадою 11-й кавалерійской дивизіи, значительно сокращала площадь нашихъ дѣйствій. До сего времени два полка Кавказской бригады должны были разрѣшать задачу, возлагаемую теперь: съ юго-восточной стороны Плевны на пять кавалерійскихъ полковъ (два Кавказскихъ казачьихъ, одинъ донской (четыре сборныхъ сотни), Рижскій драгунскій и Чугуевскій уланскій. Но въ это число не входила еще бригада 9-й кавалерійской дивизіи, стоявшая у Бресляницы: (Бугскій уланскій, 9-й Донской) и одна сотня 34-го Донскаго полка, о которой впервые упоминаетъ диспозиція на 3-е іюня, отданная по войскамъ 9-го корпуса. Словомъ сказать, теперь, наблюденію семи кавалерійскихъ полковъ предоставлена была менѣе обширная площадь, сравнительно съ тою, на которой, до взятія Никополя, должны были дѣйствовать только два полка Кавказской бригады ***). Если на сдѣланное мною сравненіе, можно возразить, что вмѣсто шести таборовъ турокъ теперь стояло въ Плевнѣ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, то, протяженіе и площадь наблюденій остались въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ были и до сего времени. Что же касается словъ, помѣщенныхъ въ приказѣ за № 783-мъ, опредѣляющихъ цѣль новаго отряда: «для возстановленія связи, потерянной съ выходомъ командуемой вами бригады изъ Плевны къ Никополю», то конечно онѣ

*) Изъ коихъ два четырехъ-фунтовыя и шесть конно-горныя.

**) 1-я бригада 30-й пѣхотной дивизіи и 1-я бригада 32-й пѣхотной дивизіи.

***) Бугскіе уланы были переведены на лѣвый берегъ Осмы только за два дня до взятія Никополя.

должны имѣть всю силу своего значенія для подчиненнаго; но не лишаютъ его права, съ осторожностью указать на то, что 3-я сотня Владикавказскаго полка, въ двѣ очереди была выслана въ Тырново и Сельви, съ цѣлью, держать связь съ передовымъ отрядомъ; слѣдовательно, гонцы могли быть отправляемы оттуда ежедневно вплоть до Турскаго-Тростяника, въ которомъ все время стояли двѣ сотни Кубанскаго полка. Если необходимость поддержки потребовала удержанія цѣлой сотни, въ сосѣднемъ отрядѣ, то Кавказская бригада была не въ лучшемъ положеніи, едва успѣвая выворачиваться изъ собственной работы.

Но, можетъ быть слова: «съ выходомъ командуемой вами бригады изъ Плевны въ Никополь» означаютъ, что Кавказская бригада какъ бы самовольно ушла подъ Никополь; въ такомъ случаѣ обращаю вниманіе на росписаніе, присланное намъ отъ 22-го іюня, въ которомъ ясно было выражено, что Кавказская бригада получаетъ съ 25-го іюня направленіе отъ командира 9-го корпуса». Если же Кавказская бригада должна была послать подъ Никополь меньшую свою часть, а большую оставить подъПлевной, то и въ такомъ случаѣ предполагаю, что ежедневныя наши дѣла съ черкесами съ 29-го іюня по 4-е іюля не указываютъ на избытокъ конницы, двинутой нами къ сѣверу, въ пространство между рѣками Осмой и Видомъ. Еслибы Кавказская бригада раздѣлилась пополамъ, то она усиливъ свою Плевно-Тырновскую часть на двѣсти человѣкъ, на столько же ослабила бы себя для наблюденія за Плевной съ сѣверо-западной ея стороны. Что же касается до наблюденія за Плевной, съ юго-восточной стороны, то три баталіона пѣхоты съ шестью орудіями, при двухъ сотняхъ казаковъ, расположенныхъ въ Турскомъ-Тростяникѣ, врядъ ли могутъ быть приняты за ничто въ смыслѣ наблюдательнаго отряда. Не предполагаю также и возможности выбрать болѣе удобнаго мѣста для наблюденія за Плевной, какъ Турскій-Тростяникъ, находяшійся въ узлѣ дорогъ, ведущихъ отъ Сельви, Ловчи, Плевны и Никополя. Если же предположить, что посланному къ намъ изъ передоваго отряда, вздумалось бы непремѣнно миновать Тростяникъ, отъ котораго были выставлены сторожевые посты на означенныя дороги, то до 2-го іюля онъ нашелъ бы нашу сотню въ Булгарени;—а съ 2-го іюля, слѣдуя отъ Булгарени по Рущукско-Плевненскому шоссе, онъ не могъ не видѣть, съ высотъ у деревни Вино, всю площадь около Турскаго-Тростяника. Съ высокаго кургана, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ шоссе подлѣ деревни Вино, можно было днемъ различать бивуакъ, а ночью огни нашего отряда у Турскаго-Тростяника.

Изложивъ дѣйствія Кавказской бригады вплоть до 12-го іюля, т. е. до того дня, съ котораго прибытіе подкрѣпленій къ 9-му корпусу являлось рубежемъ прошедшихъ событій, я позволю себѣ закончить этотъ отдѣлъ общимъ, краткимъ сводомъ нашей работы. Думаю, что истекая

изъ непосредственно полученныхъ приказаній, можно будетъ видѣть что она примѣнялась къ дѣлу по кореннымъ началамъ службы передовыхъ отрядовъ: быть какъ можно ближе къ противнику и заслонять свои главныя силы.

Краткій сводъ дѣйствій Кавказской казачьей бригады со времени переправы.

21-го Іюня.

Приказомъ отъ 20-го іюня бригадамъ отдѣльнаго кавалерійскаго отряда было назначено переправиться черезъ Дунай въ слѣдующемъ порядкѣ:

Бригадамъ:	Послѣ переправы двинуться:
а) Драгунской . . . . б) Донской. . . . . в) Сводной.	Черезъ Царевицу въ Турско-Слива, гдѣ и присоединиться къ 4-й стрѣлковой бригадѣ и болгарскому ополченію.
г) Кавказской бригадѣ.	Присоединиться къ 35-й пѣхотной дивизіи и вмѣстѣ съ нею продвинуться къ Дели-Сули.

Слѣдовательно, въ первый переходъ послѣ переправы, два отряда конницы должны были находиться на одной высотѣ въ разстояніи 13-ти верстъ отъ Систова и въ 10—12-ти верстномъ разстояніи другъ отъ друга. Первый изъ нихъ состоялъ изъ трехъ бригадъ конницы. Второй изъ одной бригады конницы (Драгунская и Донская бригады переправились раньше Кавказской).

Кавказская же бригада, задержанная переправою предшествовавшихъ войскъ, только къ вечеру 21-го числа достигла Царевицы.

22-го Іюня.

1) Слѣдуя черезъ Болгарску-Сливу, Кавказская бригада, послѣ дѣла съ черкесами, заняла Дели-Сулу. 2) Связалась разъѣздами съ кавалерійскими бригадами у Турска-Слива. 3) 35-я дивизія ожидала ея прибытія въ Овчу-Могилу; но Кавказская бригада должна была выступить на рѣку Осму.

23-го Іюня.

Кавказская бригада выступила на Осму, а 35-я дивизія, на основаніи росписанія сего-же числа, прибыла въ Овчу-Могилу. Прибытіемъ 23-го числа на Осму, совершенно возстановлялась правильность расположенія передовыхъ отрядовъ, по росписанію, которое предписывало:

23-го іюня.	Кавказской бригадѣ.	35-й дивизіи.	9-му корпусу.
	Оставаться на Осмѣ высылая развѣдочныя партіи.	Прибыть въ Овчу-Могилу.	Расположиться у Систова.

По приходѣ на Осму Кавказская бригада: 1) отбила и преслѣдовала партію черкесовъ; 2) упрочила разъѣздами свою связь съ Овчей-Могилой.

По росписанію на 24-е Іюня.

Кавказская бригада.	35-я дивизія.	9-й корпусъ.
Остается на Осмѣ и поступаетъ въ распоряженіе командира 9-го корпуса.	Остается на мѣстѣ въ Овчей-Могилѣ.	Совершаетъ переходъ по пути на Плевно и Никополь.

Слѣдовательно надлежало: 1) узнать о прибытіи 9-го корпуса; но онъ не начиналъ еще переправы, хотя извѣстій о томъ не было; 2) въ ожиданіи приказаній отъ 9-го корпуса освѣтить мѣстность, какъ передъ нами, такъ и передъ правымъ крыломъ 9-го корпуса. Съ этою цѣлью были посланы отряды; 1) внизъ по рѣкѣ Осмѣ. 2) Къ западу: на Плевненскую дорогу. 3) Къ югу: на Ловчу и до расположенія передовыхъ кавалерійскихъ бригадъ.

По росписанію на 25-е Іюня:

Кавказская бригада.	35-я дивизія.	9-й корпусъ.
Получаетъ направленіе по распоряженію командира 9-го корпуса.	Дѣлаетъ переходъ по направленію къ Бѣлѣ.	Съ Кавказскою бригадою направляется по распоряженію корпуснаго командира.

Въ силу этого росписанія, 9-й корпусъ долженъ былъ насъ направить по извѣстному ему пути, но онъ не переходилъ еще Дуная; а утромъ, 25-го числа, въ Кавказской бригадѣ было получено изъ Главной Квартиры секретное приказаніе передовымъ отрядамъ оставаться на своихъ мѣстахъ, причемъ было обозначено:

1) Кавказской казачьей бригадѣ на Осмѣ.

2) 9-му корпусу переправиться и расположиться у Систова по пути въ Плевно (голова 9-го корпуса прибыла къ вечеру въ Ореше), Кавказская бригада вошла въ связь съ 9-мъ корпусомъ.

И такъ, всякое движеніе впередъ было отсрочено на двое сутокъ, противу первоначальнаго росписанія *) Вслѣдствіе этого 26-го іюня утромъ, голова 9-го корпуса находилась въ 35-ти верстахъ отъ Никополя и въ 55-ти верстахъ отъ Плевны.

Слѣдовательно, если бы она могла тотчасъ-же двинуться къ одному изъ этихъ мѣстъ, то прибыла бы къ нимъ не ранѣе, какъ: къ Никополю—27-го іюня, къ Плевнѣ—29-го іюня утромъ или 28-го вечеромъ.

26-го числа поутру, отъ насъ изъ Булгарени, выступилъ разъѣздъ 30-го Донскаго полка, наканунѣ бывшій въ Плевнѣ; онъ подтвердилъ имѣвшіяся у насъ свѣдѣнія о томъ, что въ Плевнѣ не болѣе 120 человѣкъ вооруженныхъ турокъ.

27-го Іюня.

Приказомъ по 9-му корпусу и Кавказской бригадѣ отъ 27-го числа на 28-е іюня, назначена рекогносцировка Никополя, которая должна быть произведена:

По правому берегу Осмы авангардомъ 9-го корпуса.	По лѣвому берегу Осмы Кубанскимъ полкомъ Кавказской бригады.

Но 27-го числа въ Булгарени было получено извѣстіе о занятіи въ этотъ день Плевны шестью таборами турокъ и сотни Владикавказскаго полка выступили на рекогносцировку Плевны. Вслѣдствіе этого, 28-го числа были произведены двѣ рекогносцировки:

Никополя:	Плевны:
авангардомъ 9-го корпуса,	4-мя сотнями Владикавказскаго полка.

*) Причина отсрочки переправы 9-го корпуса, какъ кажется, заключалась въ томъ, что бурею разорвало мостъ на Дунаѣ.

Приказаніемъ на 29-е Іюня было предписано:

Кавалерійской бригадѣ 9-го корпуса:

Двинуться въ Дебо и занять мостъ черезъ Осму у села Мусылеу, а если окажется возможнымъ, то и переправу черезъ рѣку Видъ у селенія Гиляны.

Кавказской бригадѣ:

Сохраняя связь съ передовыми отрядами, наблюдать за городомъ Плевной и стараться вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживать дѣйствія отряда генералъ-маіора Лошкарева для перерыва сообщеній крѣпости Никополя съ городами Плевно и Виддиномъ.

Въ силу этого, отъ Кавказской бригады были высланы:

а) Полусотня къ Тырнову для связи съ передовыми отрядами.

б) Двѣ сотни въ Турскій Тростяникъ противъ Плевны.

в) Позади ихъ въ Булгарени оставлена одна сотня при обозѣ.

г) $8^1/_2$ сотенъ пришли въ Мечку, испортили телеграфъ изъ Плевны въ Никополь, захватили обозъ, отбили партію черкесовъ и соединились съ генераломъ Лошкаревымъ, который въ этотъ день не переходилъ Осмы.

Приказомъ на 30-е іюня войскамъ, находившимся по лѣвую сторону Осмы было предписано:

Костромскому полку оставаться въ Турскомъ Тростяникѣ, наблюдая Плевну, и оставя въ Булгарени 4 роты при обозѣ.

1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи дойти до селенія Мечки и наблюдать за путями, ведущими отъ Никополя въ Плевну.

Кавказской бригадѣ должно было: содѣйствовать однимъ полкомъ Костромскому полку, другимъ 1-й бригадѣ 5-й пѣх. дивизіи. Въ силу этого:

1) Оставлены двѣ сотни въ Турскомъ Тростяникѣ и одна въ Булгарени; остальныя отбросили отъ Мечки значительныя партіи черкесовъ.

2) Произвели рекогносцировку моста у Гилянъ.

3) Вторично вошли въ связь съ авангардомъ 9-го корпуса на правомъ берегу Осмы.

Приказомъ на 1-е Іюля:

1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи дошла до Дебо. Въ головѣ ея движенія находились двѣ сотни Кавказской бригады, которыя уничтоживъ мостъ въ Гилянахъ ночевали въ Дебо, вмѣстѣ съ 1-ю бригадою 5-й пѣхотной дивизіи.

Остальныя $6^1/_2$ сотенъ Кавказской бригады были выдвинуты лѣвѣе 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи въ Бресляницу для наблюденія за дорогою Плевно-Никополь; снова имѣли дѣло съ сильною партіею черкесовъ; посланы разъѣзды за Осму въ авангардъ 9-го корпуса.

Приказомъ на 2-е Іюля:

1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи слѣдовало овладѣть позиціями между Видомъ и Осмой; Бугскому уланскому полку переправиться въ бродъ чрезъ Осму и присоединиться къ 1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи. Обозы оставить въ Дебо, подъ прикрытіемъ сотни Кавказской бригады. Исполненіе этого отсрочено на день.	Кавказской бригадѣ остальными сотнями прикрывать отъ Плевны наступленіе генерала Шильдера на Никополь. Посему 6½ сотенъ двинулись на Градешти, въ узелъ сообщеній Плевно-Никополь и имѣли дѣло у Градешти.	Костромскому полку съ сотнями Кавказской бригады наблюдать дороги изъ Плевны и Ловчи.	Изъ Сельви послано донесеніе Сотника Верещагина, что онъ, по прибытіи съ полсотнею въ передовой отрядъ, удержанъ въ Сельви.

Приказомъ на 3-е Іюля:

Отряду генералъ-лейтенанта Шильдера предписано приведеніе въ исполненіе приказанія отъ 2-го іюля и атака Никополя.	Кавказской бригадѣ, кромѣ охраненія тыла наблюдать дорогу въ Гиляны, не пропуская непріятеля изъ Никополя и въ Никополь.

Въ итогѣ этого дня:

1-й день боя подъ Никополемъ.	Ночной бой подъ Самовидомъ.

4-го Іюля, по взятіи Никополя.

Бивуакъ у Мусылеу на Осмѣ:

1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи. 8 сотенъ Кавказской бригады.	Получено донесеніе Верещагина изъ Сельви.

Приказомъ на 5-е Іюля:

предписано расположиться:

По рѣкѣ Виду.		По рѣкѣ Осмѣ.	
1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи.	Бугскому уланскому и 9-му Донскому казачьему полкамъ въ Чіековцахъ.	Кавказской казачьей бригадѣ перейти въ Карагачъ, пополнить патроны; полусотня отправлена въ Сельви.	Костромскому полку и двумъ сотнямъ Кавказской бригады въ Турскомъ Тростяникѣ.

Приказомъ 6-го іюля вмѣсто Карагача, Кавказская бригада направлена въ Турскій Тростяникъ для рекогносцировки Плевны.

7-го Іюля.

Рекогносцировка Плевны.

а)

Отъ Бресляницы: 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи, Бугскій уланскій и 9-й Донской полки.

б)

Отъ Сталевицы на Гривицу Костромской полкъ, Кавказская бригада.

8-го Іюля.

1-я атака Плевны.

а)

Отъ Бресляницы: 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи, Бугскій уланскій и 9-й Донской полки.

а)

Отъ Гривицы: Костромской полкъ и Кавказская бригада.

9-го—12-го Іюля.

а)

У Бресляницы тѣ же силы.

б)

У Булгарени тѣ же силы.

Освѣщеніе разъѣздами и рекогносцировки.

Окончивъ отдѣлъ дневника: отъ Зимницы до 1-й Плевны, я беру на себя смѣлость предположить, что при внимательномъ разборѣ его, сами собою окажутся причины занятія Плевны турками. Думаю, что онѣ обнаружатся въ лицѣ обстоятельствъ, принудившихъ отложить переправу 9-го корпуса на двое сутокъ. Если это заключеніе справедливо, то естественно предположить, что въ случаѣ, если бы 9-й корпусъ имѣлъ возможность прочно занять и предупредить турокъ въ Плевнѣ, то Османъ создалъ бы ее около Софіи, занявъ ведущіе туда горные проходы.

Врядъ ли послѣднее было бы лучше.

Изложенныя здѣсь первыя три части дневника были уже напечатаны, когда мнѣ довелось прочесть отчетъ «о дѣйствіяхъ арміи Сулеймана-паши, по документамъ турецкаго военнаго суда» («Военный Сборникъ» 1879, № 1).

Тамъ въ телеграммѣ Махмуда-паши Сулейману-пашѣ отъ 9-го іюля *) 1877 года, сказано между прочимъ, относительно дѣйствій на рѣкѣ Видѣ:

«Начальникъ Виддинской арміи Османъ-паша, съ 25-ю батальонами занялъ въ прошлую середу городъ Плевну. Въ этотъ и въ слѣдующій дни русскіе атаковали его, но принуждены были отступить съ значительными потерями; причемъ въ руки Османа-паши достались три артиллерійскихъ зарядныхъ ящика, значительное число ружей и боевыхъ припасовъ. Изъ нишской, софійской и новобазарской дивизій выдѣлено отъ 25-ти до 30-ти батальоновъ, которые посланы черезъ Орханіе въ Плевну, на подкрѣпленіе Османа-паши».

Эта депеша вполнѣ подтверждаетъ свѣденія добытыя рекогносцировкой, князя Кирканова, отъ 7-го іюля, на основаніи которой онъ сообщилъ, что наканунѣ турки въ большихъ силахъ заняли Плевну.

Слѣдовательно, съ достовѣрностью можно предположить, что въ то время, когда русскіе двигались отъ Никополя, а Кавказская бригада подошла къ Тростянику, то въ то же время силы Османа вступили въ Плевну. Такъ мы объясняли себѣ и въ то время, прибытіе подкрѣпленій въ Плевну.

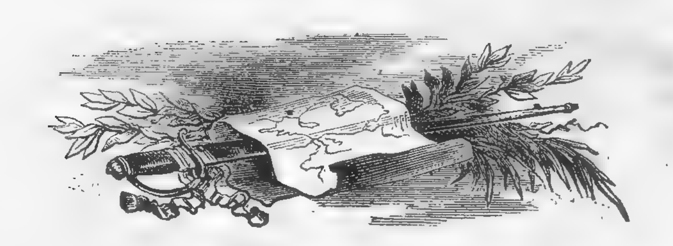
Но въ депешѣ Сулейману-пашѣ есть неточность, въ словахъ: «занялъ въ прошлую среду Плевну. Въ этотъ и въ слѣдующій день русскіе атаковали его...»

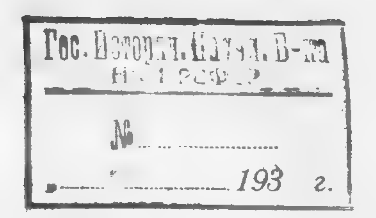
*) 9-е іюля было въ субботу.

Въ середу было 6-е іюля,—и въ этотъ день русскіе его не атаковали, такъ какъ дѣйствія происходили только 7-го и 8-го іюля.

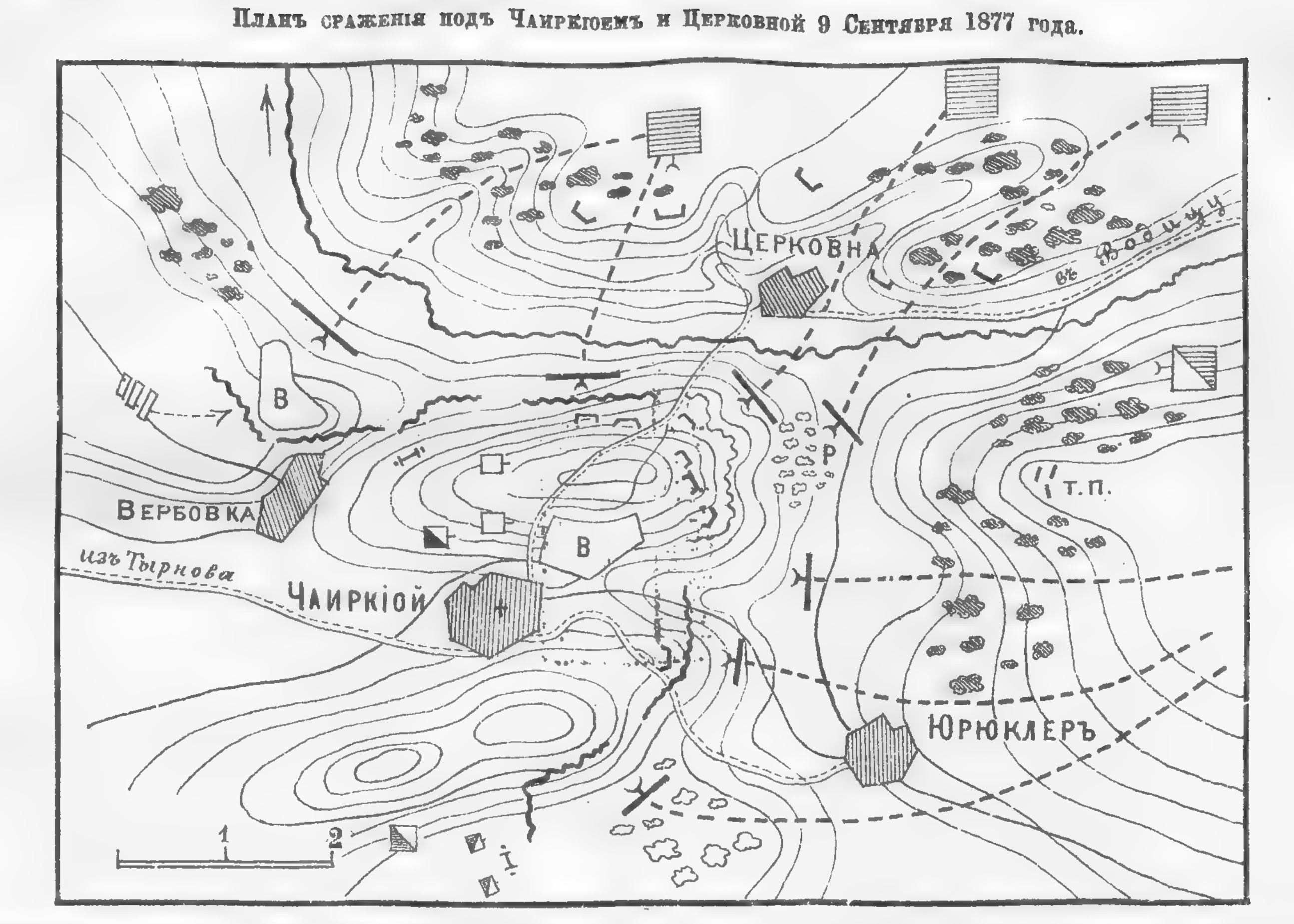
Но эта неточность получаетъ совершенно иное значеніе, если предположить, что войска Османа вступили подъ вечеръ и тогда весьма естественно сказать, что онѣ имѣли дѣло съ русскими въ первый же день своего вступленія въ Плевну. Это сокращеніе въ телеграммѣ, могло придать тотъ смыслъ, что турки имѣли дѣло съ нами 6—7-го іюля.

И. Тутолминъ.





Планъ сраженія подъ Чаиркіоемъ и Церковной 9 Сентября 1877 года.



Поясненіе къ плану. Планъ составленъ въ масштабѣ двѣ версты въ дюймѣ. На планѣ показаны: на сѣверо-востокѣ лагерь турецкихъ войскъ и ихъ укрѣпленная позиція. Дорога изъ Церковны къ сѣверу ведетъ въ Осиково, а на сѣверо-западъ въ с. Копровицу. Турецкая позиція съ юга ограничена ручьемъ Церковенскимъ. На позиціи русскихъ войскъ у с. Чаиркіойя показаны наши укрѣпленія и линіи нашего расположенія въ бою; у самаго селенія означено бивачное расположеніе войскъ отряда. Буквою *р.* обозначена роща; буквами *в.* виноградники. Дороги изъ Вербовки на западъ въ Копровицы; изъ Юрюклера на югъ въ Киличларъ. Направленіе турецкихъ войскъ съ востока отъ Касабина. *Т. п.*—турецкій постъ.

Дозволено цензурою. Спб. 29 Января 1879 г.

Типогр. и Хромолит. А. [illegible] Стремян. д. [illegible]

назначить ли срокъ. Тоже для движенія въ Габрово.
Необходимо имѣть готовый запасъ патроновъ на вьюкахъ, кромѣ 1/6, который могъ бы двинуть въ Иметлію по первому требованію.
Надо подумать и о сформированномъ запасѣ Радецкому не можете ли примѣнить отъ 16 див. нѣсколько крестьянскихъ лошадей Турецкихъ патроновъ, въ которыхъ 14 д. не нуждается, и на всякій случай сложить ихъ въ Шипкѣ.
Сколько снарядовъ найдетъ на 4 др. др. и какимъ способомъ. Карт. Пр. боятся сырости.
Теперь же приступимъ къ проекту диспозиціи
Въ общемъ авангардѣ 4 др. 1 стр. бат. (1 сотня ур.) выступаютъ съ вечера — войдя до Иметлія авангардъ занимаетъ позицію фронтомъ къ [illegible] выдвинувшись [illegible].
Глав. силы 16 д. 2 стр. б.
— обозъ — и артиллерія
Арьергардъ — 2 бат. др.
Доказ. не [illegible] правѣе.

Вычислите [illegible] колонны. Какъ распредѣлите обозъ.

Чтобы [illegible] думаю [illegible] представляютъ [illegible] колонны. [illegible] Собраніе свѣдѣній о состояніи Турецкой батареи потребовать командировъ. [illegible] многое еще забываю. До завтра. Цѣлую

Цѣлую

[illegible signature]

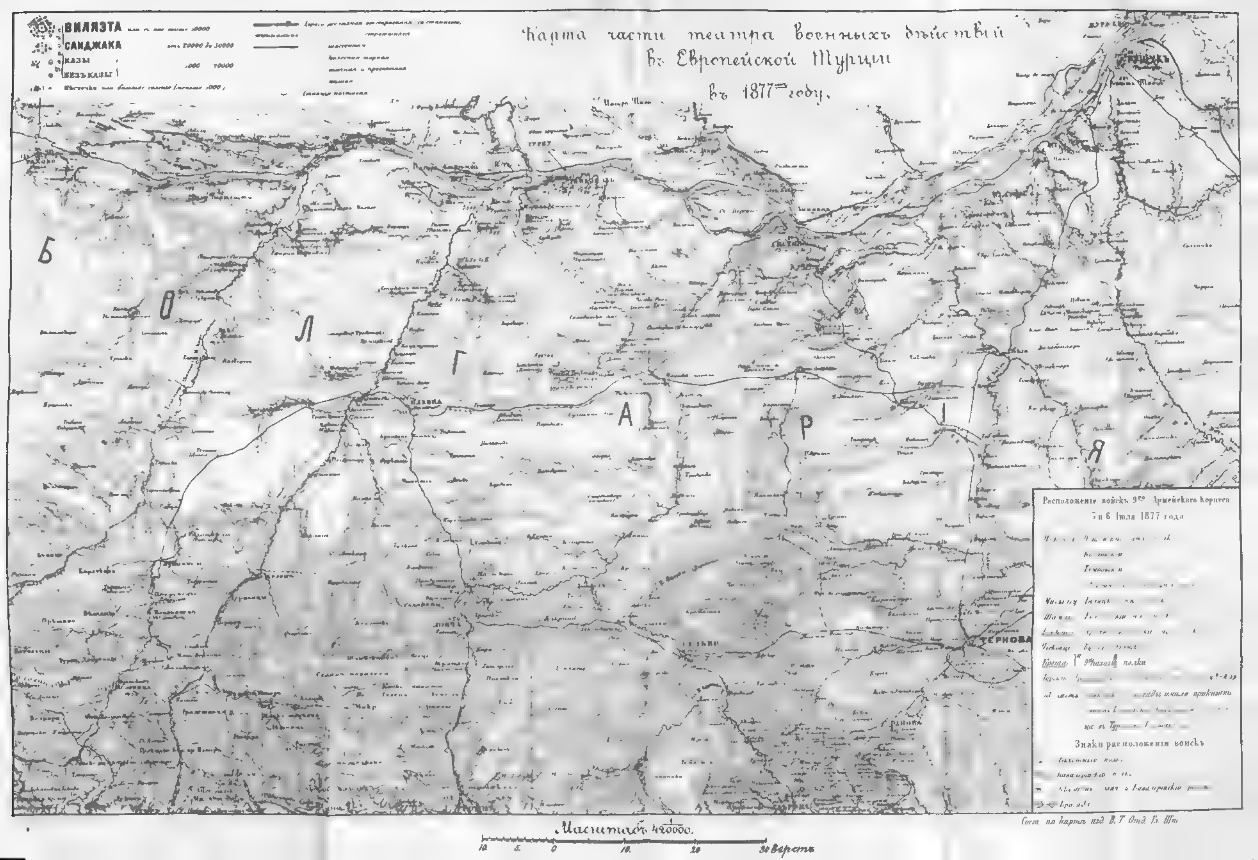
1½ ч. в.

№ 21 / III [illegible]

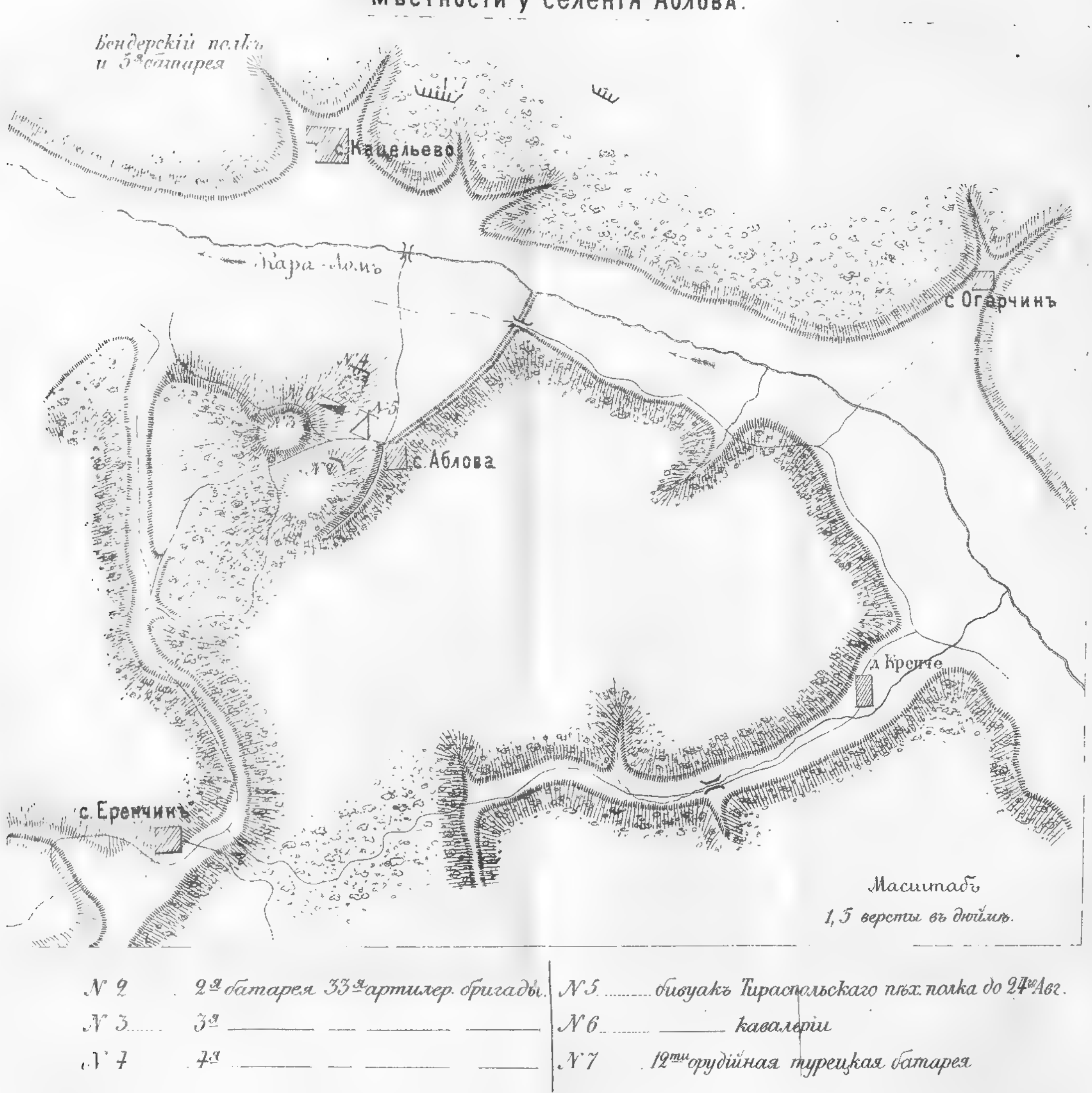
Типогр. Хохлова [illegible]

Алексей Николаевичъ ~~весь будетъ въ Крыму~~ необходимо вы-
работать въ кратко общую инструкцию о порядкѣ движенія
войска непріятеля. Необходимо ознакомить войска хотя въ
общихъ чертахъ съ характеромъ предполагаемаго дѣйствія,
съ трудностями самаго дѣйствія, предупреждая
растерянности подчиненныхъ, распространенной по армии.
Ее приблиз. численность, разстояніе до Москвы и пр.
Исподволь приготовить войска на худшее. Не допускать быть
неподготовленными. Обдумайте и напишите мне.
Завтра я въ премьеръ видѣлъ Гр. Келлера, но возвращаясь
отъ Фадеевыхъ. Ш. Шкирнова дежурить и прибудетъ
завтра – 140 лошадей. Вьючныхъ сѣделъ мало. Они
привезутъ болѣе 120 четв. ячменя. Деньги Томилов-
скаго къ Вамъ отправилъ. Вдумавшись разрѣшаю
рекогносцировку дальняго пути, прошу рекомендую
большую осторожность. Полк. Ласковскаго попросите завтра
показать въ Шипку повидаться съ В. С. Кирилловымъ
и ознакомиться съ способами производства предстоящихъ
раскопокъ. Я въ приказѣ [illegible] присутствіемъ
[illegible] офицеровъ. Чтобы завтра же можно было
представлено на утвержденіе соображеніе объ испол-
нительности работы, количествъ рабочихъ, инструментовъ
и пр.
Еще разъ спрашиваю что дѣлаетъ есть непріятель пре-
будетъ насъ на перевалѣ? Окончательно остановился
Вашъ на цѣлесообразности выслать в ночь съ 24–25
авангарда который бы разсѣялъ, разработалъ
бы за ночь дорогу и обезпечилъ бы движеніе остальнымъ
колоннамъ. Если только свѣдѣнія о путяхъ вѣрны. Но
вся задача въ томъ чтобы первымъ овладѣть
перевалами. Вотъ почему такъ важно кстати
не возбуждать вниманія непріятеля до времени.
Завтра соображенія. Какъ будутъ также пор-
сить мнѣніе вьючныхъ лошадей. Не

ГОР ПЛЕВНО
Приложеніе къ походному дневнику
Тутолмина.
Строенія, садъ и огороды
цифрами 37, 46, 69, 89 и
выше 0 относительной
города, цифры (02, 06, 010,
016) означають, что эти
гдѣ 0 на 2, 4, 6, 10, 16, цѣ-
лыхъ саженей, напр.
редутъ у дороги 016 с,
Опанцемъ 026, Турецкое
редута 87, 8 с - означаетъ,


Карта части театра военныхъ дѣйствій
въ Европейской Турціи
въ 1877мъ году.
ВИЛАЯЭТА
САНДЖАКА
КАЗЫ
БЕЗЪКАЗЫ
Б
О
Л
Г
А
Р
І
Я
ПЛЕВНА
ТЕРНОВА
Расположеніе войскъ 9го Армейскаго корпуса
5 и 6 Іюля 1877 года
Знаки расположенія войскъ
Сост. по картѣ изд. В. Т. Отд. Гл. Шт.
Масштабъ 1/420000.
10
5
0
10
20
30 Верстъ

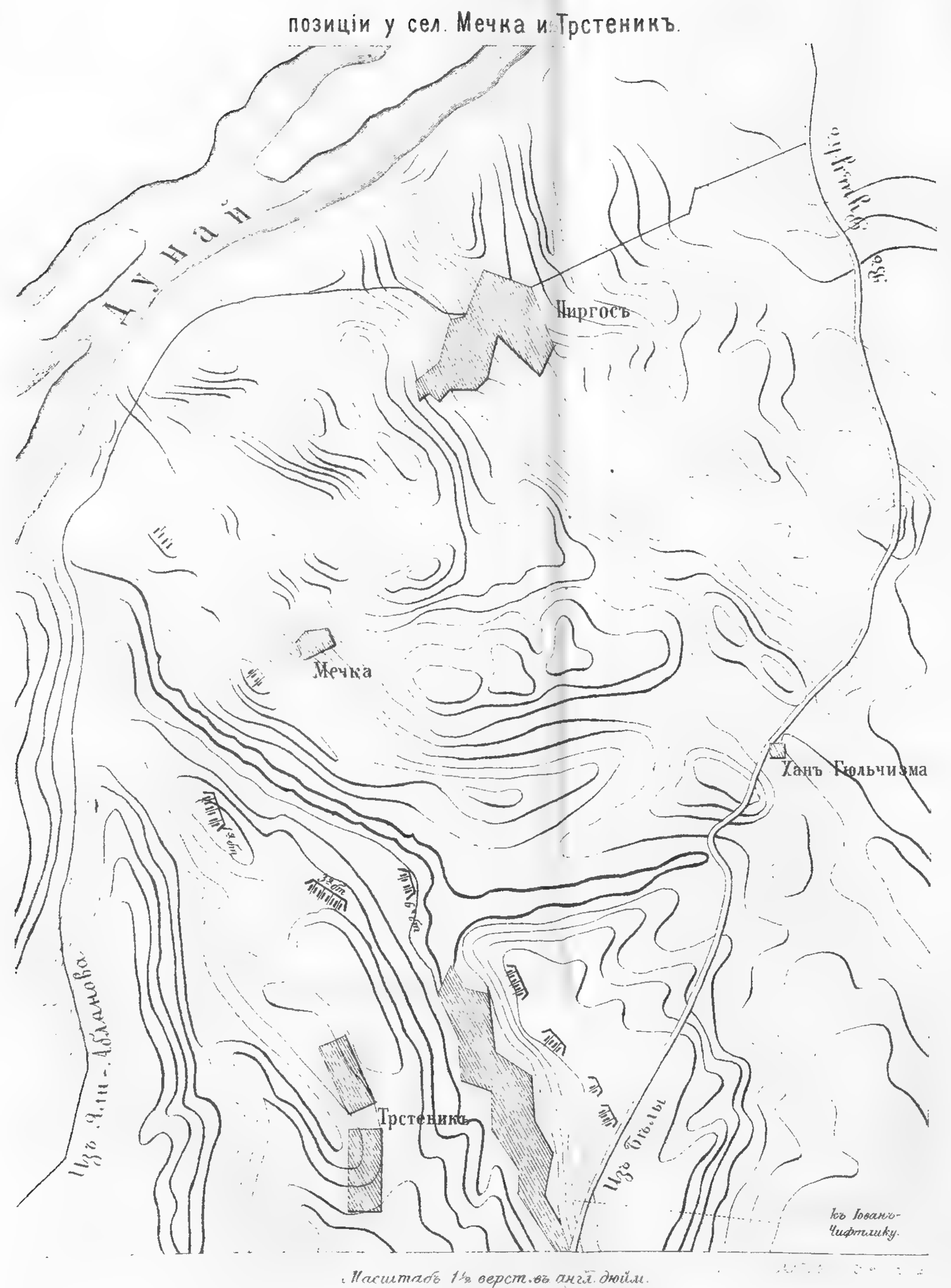
КРОКИ
мѣстности у селенія Аблова.



№ 2 . 2я батарея 33й артилер. бригады.	№ 5 .... бивуакъ Тираспольскаго пѣх. полка до 24го Авг.
№ 3 ...... 3я ——— — ——— ———	№ 6 .... ——— кавалеріи
№ 4 . 4я ——— — ——— ———	№ 7 . 12ти орудійная турецкая батарея.

Хромолитографія и Типографія А. Траншеля, Стремян. ул., д. № 12.

ПЛАНЪ
позиции у сел. Мечка и Трстеникъ.



Масштабъ 1½ верст. въ англ. дюйм.

Многоуважаемый Нико-
лай Николаевичъ!

Вы увидите изъ прила-
гаемаго при семъ [illegible]
[illegible] что Ваш[illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible], [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] санкцію
въ Вашемъ [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]

къ другу одному при

сланъ отъ себя пріѣзжав

шись въ Полтаву Шарль

съ приглашеніемъ самому

пораньше приходить

и тогда часа приблизит

кушать, такъ какъ и

выѣхать

Отличн. отъ Мр. Бура

Я никакой не получаю

не отъ кого

Вашъ всепокорнѣйшiй

[illegible]

[illegible]

3е марта 1828.

22 Ноября.
9 часовъ утра.

Позиція
противъ
Араба конака.

Генералу Дандевилю

Получилъ Вашу и Генерала Нагловскаго записки, о присоединеніи ко мнѣ съ Вашей позиціи одного бат: Финляндскаго и двухъ бат: Преображенцевъ. Сегодня буду занятъ расположеніемъ войскъ на позиціи и усиленіемъ артиллеріи.— Нашу

нинiшнiй отже и давно
до завтра — нехай
зо першу в[illegible]
тилько з тым [illegible]!
если Турки меня ата-
куютъ. Прошу дальнейше
мнi або всiмъ [illegible]
Вашъ будет заочно

[illegible]

ПРИКАЗАНІЕ ИЛИ ДОНЕСЕНІЕ

Отправлено:

«11» числа «Сент.» мѣсяц. «9½» час. «—» мин. по полудни

Откуда:

Начальнику 2й бригады 31й дивизіи

Генералу Брандту.

Въ Плевно не штурмовать. Пришлю подкрепленій; скорѣе ожидать съ ихъ стороны наступленія. Примите всѣ мѣры бдительности и предосторожности и помните приказъ ни на шагъ назадъ.

Начальникъ Штаба 4 Корп.
Полковникъ Мещериновъ

Хромолитографія и Типографія А. Траншеля, Стремян. ул. д. № 12.

Генерал-Маиору Брандту

Г. М. Брандту

Сего дни ночью и днем быть особенно внимательну чтоб от неприятеля [illegible] подкрепления. Подтвердить людям что оружие наше: чтоб из траншей стреляли по команде залпами.

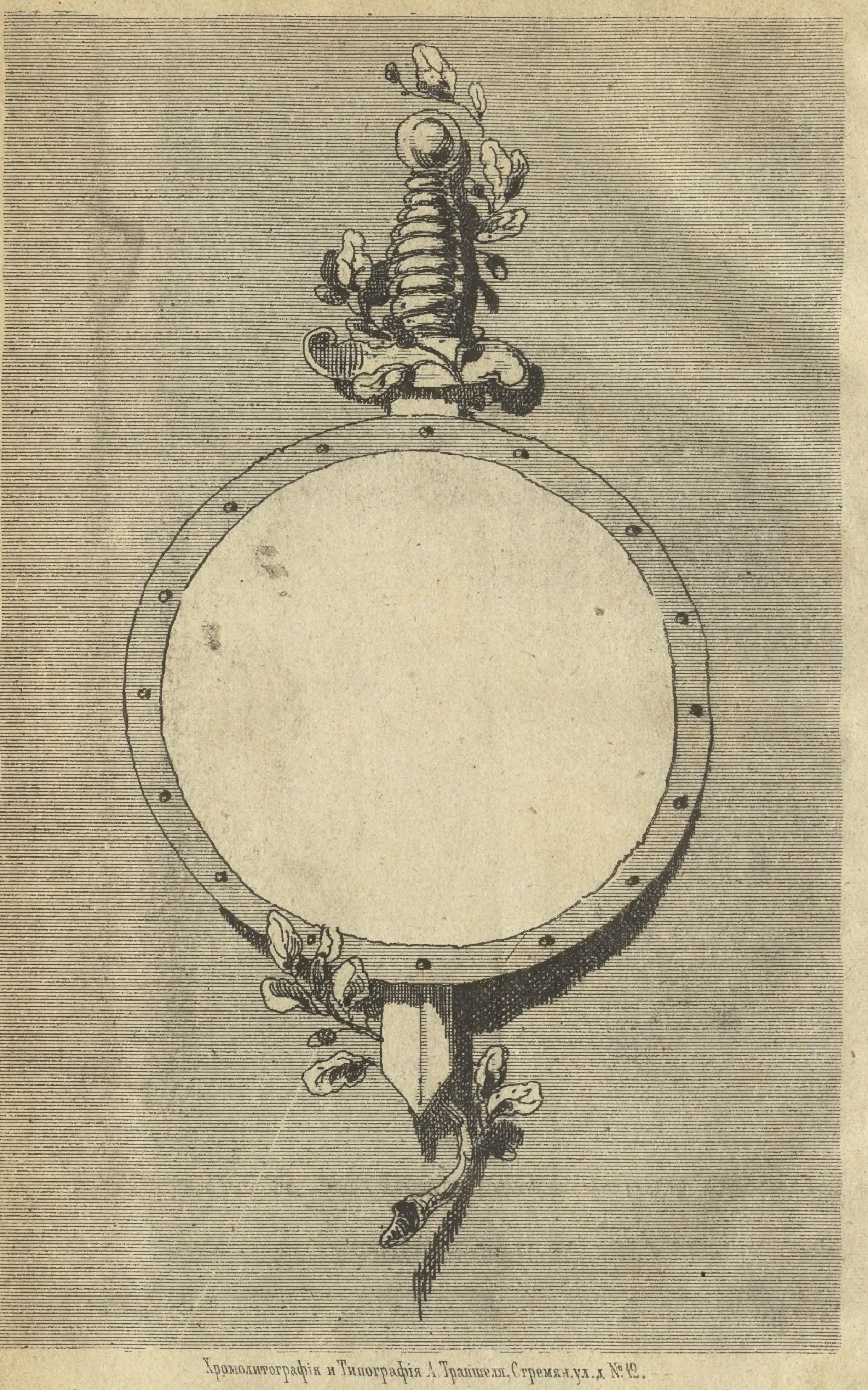
Людям раздать сих по две патроны и сухарные сумки, чтоб было [illegible] в потреб[illegible]. Главное [illegible] будет [illegible] с рассвета.

(Генерал-Лейтенант Вельяминов)

Г. А. [illegible]

[illegible] чтоб офицеры [illegible]

Хромолитографія и Типографія А. Траншеля, Стремян. ул. д. № 12.



Хромолитографія и Типографія А. Траншеля, Стремян. ул. д. № 12.